АРХИВЪ БРАТЬЕВЪ ТУРГЕНЕВЫХЪ.

Выпускъ 2-й.

ПИСЬМА и ДНЕВНИКЪ

Александра Ивановича Тургенева

ГЕТТИНГЕНСКАГО ПЕРІОДА

(1802—1804 гг.)

и письма его къ А. С. Кайсарову и братьямъ въ Геттингенъ

1805—1811 гг.

Съ введеніемъ и примѣчаніями

В. М. Истрина.

ИЗДАНІЕ

Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1911.

АРХИВЪ БРАТЬЕВЪ ТУРГЕНЕВЫХЪ.

Выпускъ 2-й.

ПИСЬМА и ДНЕВНИКЪ

Александра Ивановича Тургенева

ГЕТТИНГЕНСКАГО ПЕРІОДА

(1802—1804 гг.)

и письма его къ А. С. Кайсарову и братьямъ въ Геттингенъ

1805—1811 гг.

Съ введеніемъ и примѣчаніями

В. М. Истрина.

ИЗДАНІЕ

Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1911.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1911 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

Изъ письма Александра Ивановича Тургенева къ Жуковскому изъ Рима отъ 22 дек. 1832 г.

....Брюловъ списалъ портретъ мой, но не отдѣлалъ en aquarell, также какъ списалъ нѣкогда Сережу, но только не въ шлафрокѣ. Увѣряютъ, что сходство удивительное. Я поручилъ ему положить къ портрету книгу *О налогахъ*, и письмо со словами Сережи изъ Ц. града: „До насъ ли! 1821 г.“, и подлѣ «*Элегія*» (бр. Андрея) и подписать избранный какъ девизъ изъ Лѣтописца, въ словахъ объ избіенномъ камнями *Петрѣ Тургеневѣ*, обличавшемъ вмѣстѣ съ другимъ Гришку Отрепьева: «*безъ боязни обличаху*».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . III–IV

Младшій Тургеневскій кружокъ и Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

Введеніе . . . . . 3— 6

I. Александръ Ивановичъ Тургеневъ . . . . . 6— 16

II. Старшій Тургеневскій кружокъ . . . . . 16— 34

III. Младшій Тургеневскій кружокъ . . . . . 35— 58

IV. Воспитаніе и литературные интересы младшаго Тургеневскаго кружка . . . . . 59—104

V. Тургеневы и Соковнины. . . . . 104—122

VI. Алекс. Иван. Тургеневъ въ Петербургѣ 1802 г. . . . . 122—128

VII. Алекс. Иван. Тургеневъ за границей . . . . . 128—134

Письма и дневникъ Александра Ивановича Тургенева.

Письма къ родителямъ . . . . . 1—174

Геттингенскій дневникъ . . . . . 175—260

Приложенія:

I. Письма Ал. И. Тургенева къ Жуковскому и Мерзлякову 263–272

II. Письма А. С. Кайсарова къ Андрею Ивановичу Тургеневу изъ Геттингена . . . . . 273—277

III. Письма М. Я. Мудрова къ И. П. Тургеневу . . . . . 277—282

IV. Рѣчь А. С. Кайсарова въ 1-й день Пасхи . . . . . 282—284

V. Письмо Мерзлякова къ Ал. И. Тургеневу . . . . . 284—285

VI. Письмо Жуковскаго къ И. П. Тургеневу 286

VII. Письмо И. П. Тургенева къ Жуковскому . . . . . 286—288

VIII. Путешествіе русскихъ студентовъ по Гарцу, ст. Ал. И. Тургенева . . . . . 289—302

IX. Письма Шлецера къ Ал. И. Тургеневу . . . . . 302—317

X. Письма Шлецера къ Н. Н. Новосильцеву . . . . . 317—321

стр.

Письма къ А. С. Кайсарову въ Геттингенъ . . . . . 323—355
Письма къ Н. И. Тургеневу въ Геттингенъ . . . . . 357—440
Письма къ С. И. Тургеневу въ Геттингенъ . . . . . 441—452
Примѣчанія . . . . . 453—498
Указатель къ введенію . . . . . 501—507
Указатель къ письмамъ и дневнику . . . . . 508—526

Александръ Ивановичъ Тургеневъ въ юности своей, въ Москвѣ, входилъ въ кружокъ молодыхъ людей, группировавшихся около Тургеневскаго дома. Кого бы мы ни взяли изъ этого кружка, мы неминуемо входимъ тѣмъ самымъ въ исторію послѣдняго. Молодые люди, члены этого кружка, взаимно дѣйствовали другъ на друга; въ ихъ собесѣдованіяхъ, въ взаимныхъ занятіяхъ образовывались ихъ вкусы, прорывались раннія симпатіи и отражались вліянія современныхъ настроеній и направленій. Центральное мѣсто въ кружкѣ занималъ Андрей Ивановичъ Тургеневъ, и отъ него осталось наибольшее количество бумагъ — дневниковъ и писемъ. Тѣ и другія служатъ самымъ обильнымъ матеріаломъ для исторіи молодого Тургеневскаго кружка, начиная съ 1797 г. и кончая 1801 годомъ. Поэтому, въ настоящемъ очеркѣ и встрѣчаются постоянныя ссылки на бумаги Андрея Тургенева и выписки изъ нихъ. Это же приходилось дѣлать академику Веселовскому въ его работѣ о Жуковскомъ. За слѣдующій, „Геттингенскій“ періодъ жизни Александра Ивановича матеріалъ представляется уже самими его письмами и дневникомъ; поэтому, я на немъ и не останавливаюсь.

Изъ бумагъ, принадлежащихъ собственно Александру Ивановичу, самыя раннія суть его письма къ Жуковскому изъ Петербурга 1802 года, въ февралѣ — апрѣлѣ. Вопреки тогдашнему обычаю, Александръ Ивановичъ до того времени не велъ ни дневниковъ ни переписки. Послѣдняя начинается собственно (если не считать только-что указанную) съ отъѣзда его за границу въ іюлѣ 1802 года, а дневникъ вести онъ началъ лишь въ Геттингенѣ съ января 1803 года.

Первоначально Геттингенскимъ періодомъ и предполагалось ограничить настоящій выпускъ. Но съ Александромъ Ивановичемъ

оказался неразлученъ Андрей Сергѣевичъ Кайсаровъ, его товарищъ по Геттингену, впослѣдствіи профессоръ русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ. Въ Москвѣ онъ былъ большой пріятель Андрея Ивановича Тургенева, но совмѣстная трехлѣтняя жизнь заграницей и затѣмъ смерть Андрея Тургенева сблизили его съ Александромъ Ивановичемъ. Послѣдній, возвратившись въ Москву, ведетъ съ Кайсаровымъ переписку, продолжая, съ одной стороны жить еще Геттингенскими интересами, а съ другой — дѣлясь съ нимъ своимъ подавленнымъ состояніемъ духа. Въ виду тѣсной связи съ главной частью изданія, рѣшено было присоединить и немногія письма Александра Ивановича къ Кайсарову въ Геттингенъ.

Присоединеніе писемъ Александра Ивановича къ братьямъ Николаю и Сергѣю въ Геттингенъ вызвано было тѣмъ, что одновременно готовилось г. Тарасовымъ изданіе писемъ Николая Ивановича къ Александру Ивановичу изъ Геттингена въ 1808 — 11 годахъ (составившее I-й вып. Архива бр. Тургеневыхъ), и для лучшаго пониманія ихъ не могло не казаться цѣлесообразнымъ издать и письма Александра Ивановича теперь же, не откладывая изданіе ихъ на неопредѣленное время. Тѣмъ самымъ весь настоящій выпускъ объединяется именемъ Геттингена, ставшаго для Александра Ивановича столь дорогимъ.

Какъ матеріаломъ для настоящаго очерка, съ согласія А. А. Ѳомина, мнѣ можно было воспользоваться письмами Александра Ивановича Тургенева къ Жуковскому, принадлежащими сыну послѣдняго, Павлу Васильевичу Жуковскому, и временно хранившимися въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

При изданіи мнѣ оказали болѣе или менѣе существенную помощь слѣдующія лица — В. В. Сиповскій, В. И. Саитовъ, Б. Л. Модзалевскій, г. Бальи-Контъ, Е. И. Тарасовъ, и особенно — Е. А. Леве.

1911 г., августъ.
Каменка, Виленской губ.

МЛАДШІЙ ТУРГЕНЕВСКІЙ КРУЖОКЪ

и

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Удивительная по своей превратности судьба постигла даровитую семью Тургеневыхъ. Самъ Иванъ Петровичъ Тургеневъ, боготворимый своими сыновьями, не дожилъ до утѣшенія видѣть ихъ въ расцвѣтѣ ихъ силъ и служебнаго положенія. Старшій его сынъ Андрей, „опора его старости“, скончался за $3\frac{1}{2}$ года до смерти Ивана Петровича, повергнувъ его тѣмъ въ глубокую горесть, отъ которой онъ уже не оправился. Теперь, когда стали доступны изслѣдованію оставшіяся послѣ Андрея Ивановича бумаги, стала ощутительна утрата его и для русской литературы. Акад. А. Н. Веселовскій уже намѣтилъ главныя черты его умственнаго облика. Андрей Ивановичъ Тургеневъ былъ, несомнѣнно, богато-одаренной личностью. Съ страстнымъ темпераментомъ, съ поэтическимъ талантомъ, онъ горѣлъ любовью къ литературѣ. Его идеаломъ было — „быть извѣстнымъ въ литературѣ“. Набрасывать стихи онъ началъ съ 13-ти лѣтняго возраста, если не раньше, и они давались ему легко. Получивъ подъ руководствомъ самого Ивана Петровича и швейцарца Тоблера хорошее домашнее образованіе, онъ самостоятельно пошелъ дальше и старшаго поколѣнія и своихъ молодыхъ друзей — сверстниковъ. Поскольку домъ Ивана Петровича Тургенева былъ вообще центромъ, куда сходилось Московское литературное и ученое общество, постольку Андрей Ивановичъ тотчасъ сталъ въ Москвѣ центромъ молодого кружка. Онъ руководилъ всѣми своими друзьями; всѣ къ нему обращались за совѣтами, за помощью; всѣмъ онъ указывалъ, что̀ читать, что̀ переводить. Съ лицами старшаго поколѣнія онъ смѣло вступалъ въ споры. Онъ былъ вообще вполнѣ самостоятеленъ въ своихъ сужденіяхъ, по своему развитію и по своему природному вкусу стоя головой выше своихъ молодыхъ друзей. И друзья его почитали и слѣдовали его совѣтамъ. Онъ умеръ еще неустановившимся человѣкомъ, ищущимъ и мятущимся, но далекимъ отъ всякихъ крайностей. Съ его смертью всѣ его друзья какъ-то сразу осиротѣли; сразу всѣми ими почувствовалась какая-то пустота, и они мало по малу разбрелись. Но память о немъ не исчезала у нихъ до самой ихъ смерти и всегда бывала для нихъ лучшимъ воспоминаніемъ о дняхъ молодости. Его судьба напоминаетъ судьбу другого, также безвременно покинувшаго міръ, юноши — Веневитинова. Оба они были центрами кружковъ, оба, не расцвѣтши,

сошли въ могилу и оба были оплаканы и старшими и сверстниками. Одинъ изъ нихъ былъ поэтъ-философъ, спокойный созерцатель проходившихъ мимо его явленій; другой — былъ настоящій Геттингенецъ 70-хъ годовъ XVIII столѣтія, бурный, стремительный. Но одинъ жилъ въ болѣе счастливое время, и рано перешелъ въ исторію русской литературы; другой— весь остался въ своихъ дневникахъ, въ письмахъ къ друзьямъ и въ ненапечатанныхъ наброскахъ стихотвореній. Друзья порывались было послѣ его смерти издать оставшіяся послѣ него бумаги, по крайней мѣрѣ, хоть избранныя произведенія, но почему-то имъ это не удалось, и исторія русской литературы совершенно не знаетъ Андрея Тургенева.

Второй сынъ Ивана Петровича, Александръ Ивановичъ, умершій въ 1845 году въ званіи Камергера и Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, получилъ отличное образованіе, закончивъ его почти трехлѣтнимъ пребываніемъ въ Геттингенскомъ университетѣ. Для своей семьи онъ заступилъ, послѣ смерти Ивана Петровича въ 1807 году, мѣсто отца; на своихъ младшихъ братьевъ онъ перенесъ всю свою любовь и привязанность и заботы. Для писательства у него не было наклонности, ученымъ онъ не сдѣлался, но онъ былъ просвѣщеннымъ человѣкомъ и быстро пошелъ по служебной карьерѣ. Однако, она его не засасывала. Любитель и цѣнитель литературы, онъ былъ друженъ со всѣми выдающимися литераторами. Но „вездѣсущій и всевѣдущій“, какъ звала его Смирнова, онъ не могъ побѣдить своей „лѣности“, хотя въ то же время не бывало минуты, когда бы онъ былъ безъ дѣла. Масса времени уходила у него на пустяки, на дѣла, невидныя для общества. Служебная его карьера оборвалась на срединѣ, и Александръ Ивановичъ, даровитый и образованный, не вошелъ въ исторію, какъ выдающійся государственный дѣятель. Немалое значеніе имѣли неудачно сложившіяся обстоятельства. Служебныя неудовольствія, заставившія его покинуть службу, совпали съ несчастіемъ, постигшимъ его брата Николая Ивановича. Лишенный своей семьи, онъ принялъ къ сердцу судьбу брата не меньше его самого и, страстно любя Россію, онъ какъ-то растерялся, почувствовалъ себя въ ней лишнимъ,—и служебная его карьера закончилась. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ послѣ этого скитался онъ по Европѣ, пріѣзжая изрѣдка въ Россію, радостно всегда встрѣчаемый всѣми своими друзьями, но—для русской общественной жизни онъ былъ уже потерянъ.

Наиболѣе извѣстенъ третій братъ, Николай Ивановичъ, декабристъ и эмигрантъ, авторъ двухъ книгъ — „Опытъ теоріи налоговъ“ и „La Russie et les Russes“. Историки общественныхъ движеній въ Россіи всѣ останавливаются на этихъ двухъ книгахъ. Похожій лицомъ и характеромъ, по отзывамъ современниковъ, на старшаго брата Андрея, Николай Ивановичъ отличался большею серьезностью и вдумчивостью. Онъ не былъ поэтомъ, какъ Андрей Ивановичъ, и не питалъ большой склонности къ литературѣ, какъ Александръ Ивановичъ: его привлекала общественная жизнь. Твердаго и настойчиваго характера, упорный въ трудѣ, онъ шелъ

прямо къ своей цѣли, ставя себѣ болѣе широкія задачи. Если бы судьба не поразила его своимъ ударомъ, онъ былъ бы, безъ сомнѣнія, выдающимся ученымъ государственнымъ дѣятелемъ. Произошло, однако, иное. Въ тотъ моментъ, когда природныя его способности и пріобрѣтенныя знанія стали было развертываться во всей силѣ, онъ былъ выброшенъ изъ русла русской жизни, и его роль оказалась оконченной. Онъ не былъ такимъ литературнымъ бойцомъ, какъ впослѣдствіи Герценъ, и поэтому, проживя 40 лѣтъ за-границей, вполнѣ обезпеченный матеріально, онъ не могъ приложить къ дѣлу, подобно Герцену, свои богатыя способности. Можетъ быть, въ свое время его занимали и честолюбивыя мечты: но, несомнѣнно, что „благо родины“ было всегда передъ его глазами. Исторія его декабризма пока еще не ясна; не выяснено пока, что̀ собственно поразило его въ приговорѣ суда: но, несомнѣнно, что онъ, какъ сильный характеромъ, сокрушался очень глубоко. Душевная подавленность, удаленіе отъ русской жизни, положеніе опальнаго человѣка, котораго иные, поэтому, избѣгали — все это, въ связи съ невозможностью работать на практическомъ поприщѣ, не могло быть благопріятной почвой для примѣненія къ дѣлу его знаній и талантовъ. Идеалъ его молодости — освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости — исполнился помимо его непосредственнаго участія. Исторія русской общественности не можетъ не сожалѣть о томъ, что такой просвѣщенный и даровитый человѣкъ, какъ Николай Ивановичъ Тургеневъ, занимаетъ въ ней слишкомъ скромныя страницы сравнительно съ тѣмъ, что можно было бы ожидать отъ него при другихъ, болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ.

Наконецъ, четвертый братъ, Сергѣй Ивановичъ, служившій въ дипломатіи, рано скончался, пораженный тяжкимъ недугомъ, оставивъ послѣ себя большое количество различныхъ записокъ и корреспонденцій.

Изъ всей Тургеневской фамиліи, съ которой связывается у насъ представленіе объ отдаленной уже отъ насъ эпохѣ Новикова и Карамзина, остается единственный и послѣдній представитель, сынъ Николая Ивановича, Петръ Николаевичъ Тургеневъ, наслѣдникъ всего умственнаго богатства, оставшагося отъ его дѣда, Ивана Петровича, отъ отца и отъ дядей. Русская наука должна быть благодарна Петру Николаевичу за сохраненіе этого богатства. Это былъ завѣтъ Александра Ивановича. Въ 1835 году, извѣщая Жуковскаго о рожденіи у Николая Ивановича дочери, извѣстной впослѣдствіи, Фанни [1]), Александръ Ивановичъ пишетъ ему изъ Вѣны 15/27 февраля: „Въ минуту рожденія, по желанію Клары [2]), мы выпили за ея здоровье изъ серебряной старинной чарки Бориса Тургенева (нашего пращура)... Я всѣ родовыя вещицы переслалъ къ нему [3]), а

1) Отъ нея осталось до двухъ десятковъ дневниковъ, найденныхъ А. А. Ѳоминымъ въ домѣ Петра Николаевича.

2) Жены Николая Ивановича.

3) т. е. къ Николаю Ивановичу.

вчера здѣсь нашелъ въ ящикѣ Сережиномъ и часы, кои Батюшка всегда носилъ, и множество подобныхъ драгоцѣнностей, о коихъ не зналъ, ибо съ кончины Сережи не могъ отпереть его двухъ ларчиковъ; все къ брату посылаю отсюда. Я нашелъ на шнуркѣ шейномъ, кот[орый] носилъ Сережа, *обшитый* портретъ Ал[ександры Андреевны] Воейковой, съ запиской ко мнѣ, самой дружеской и прощальной: точно голосъ съ того свѣта. И въ какія же священныя, торжественныя для сердца минуты онъ до меня доходитъ! Мы кормимъ малютку изъ бокала позолоченаго, который всегда стоялъ на фарфоровой горкѣ Матушки. Какъ меня все это теперь утѣшаетъ и радуетъ! Кому же приличнѣе сохранить родовыя драгоцѣнности, какъ не тому, у кого потомство?“ — Вмѣстѣ съ „родовыми“ драгоцѣнностями перешли къ Петру Николаевичу и драгоцѣнности, которыя могутъ быть названы драгоцѣнностями „общественными“. Не все сохранилось изъ этихъ драгоцѣнностей—какъ изъ того, что братья Тургеневы берегли, несомнѣнно, какъ святыню, напр. письма ихъ отца Ивана Петровича, такъ и изъ того, во что они сами влагали свою душу; не все еще, можетъ быть, приведено въ извѣстность. Но и то, что теперь, благодаря просвѣщеннымъ взглядамъ ихъ наслѣдника, дѣлается доступнымъ для общаго пользованія, достаточно для того, чтобы возсоздать умственный обликъ однихъ изъ лучшихъ русскихъ людей, даровитыхъ братьевъ Тургеневыхъ, и тѣмъ заплатить памяти какъ ихъ самихъ, такъ и высоконравственной личности Ивана Петровича Тургенева, „Друга человѣчества“, друга Новикова и Карамзина...

I.

Въ бумагахъ Тургеневскаго Архива сохранился листокъ начатой въ 1865 году біографіи Александра Ивановича. Это была попытка, окончившаяся ничѣмъ. Въ такомъ видѣ предполагалъ неизвѣстный авторъ написать біографію, расположивъ ее по слѣдующимъ „этапамъ“ пройденнаго Александромъ Ивановичемъ поприща: „А[лександръ] И[ванови]чъ лишился родителей, когда уже въ состояніи былъ чувствовать эту потерю; потомъ смерть и превратности судьбы постигли его братьевъ, нѣжно имъ любимыхъ; кончина Государя, Миротворца Европы, отозвалась уныло и въ его сердцѣ, какъ въ сердцахъ его согражданъ и современниковъ; онъ самъ похоронилъ Карамзина, Пушкина и другихъ, съ которыми связанъ былъ узами нелицемѣрной дружбы. Съ другой стороны, эта дружба, счастливый даръ судьбы; встрѣчи съ людьми знаменитыми, исполненными благоволенія; часы, проведенные съ ними въ сладкой или назидательной бесѣдѣ; открытія въ области исторіи и любимыхъ наукъ; заслуженныя отличія, Монаршія милости и проч.“ Все это, по словамъ автора, оставило

„отголосокъ свой въ его рукописяхъ и корреспонденціи". Картина набросана, какъ видимъ, широко, но потому-то она и осталась безъ выполненія. „Рукописи" и „корреспонденціи" Александра Ивановича, на которыхъ, въ связи съ изустными преданіями, хотѣлъ основываться авторъ, оказались, повидимому, ему недоступными. Если же онѣ и были ему доступны, то онъ долженъ былъ ужаснуться громадной массѣ тѣхъ и другихъ. Находящійся теперь болѣе или менѣе въ извѣстности указанный матеріалъ вмѣщаетъ въ себѣ тысячи писемъ и разнаго рода другихъ бумагъ. Прежде всего, онѣ должны быть изучены, такъ какъ въ нихъ, какъ справедливо сказалъ авторъ, находятся слѣды или отголоски всѣхъ случайностей въ жизни, дѣйствовавшихъ разнообразно на Александра Ивановича. Для тогдашняго времени авторъ бралъ на себя непосильную задачу.

У Вяземскаго, близкаго друга и пріятеля Александра Ивановича, находится очень интересная и мѣткая характеристика послѣдняго. Изъ этой характеристики также видно, какъ трудно было бы написать его біографію. Она должна выйти ничѣмъ инымъ, какъ лѣтописью литературныхъ, общественныхъ и служебныхъ отношеній первой половины XIX вѣка. Самъ по себѣ Александръ Ивановичъ, по словамъ Вяземскаго, не представлялъ цѣльности ни въ характерѣ ни въ умѣ. Онъ былъ натуры эклектической, сборной или выборной. „Онъ былъ умственный космополитъ; ни въ какомъ участкѣ человѣческихъ познаній не былъ онъ, что называется дома, но ни въ какомъ участкѣ не былъ онъ и совершенно лишнимъ" [1]). Поэтому, даже и теперь, на значительномъ разстояніи трудно дать цѣльный обликъ его умственной и общественной жизни. „Будь онъ болѣе положителенъ, усидчивъ и въ занятіяхъ своихъ и въ дѣйствіяхъ своихъ..., могъ бы онъ оставить по себѣ память и отличнаго дѣятеля на поприщѣ государственномъ и литературномъ" [2]). Послѣдняго не случилось. Но за то друзья не лишились Тургенева, котораго они знали и любили за добродѣтели его и за милыя чудачества. Поэтому, Александръ Ивановичъ безъ друзей не мыслимъ, а друзьями его были всѣ выдающіеся люди того времени, начиная съ Карамзина и Жуковскаго. Онъ былъ незамѣнимымъ и замѣтнымъ человѣкомъ „въ средѣ пріятельской", „въ избранномъ кругу любезныхъ и увлекательныхъ праздношатающихся, которые усвоили себѣ девизомъ: *„скользите, смертные, не напирайте"* [3]). Поэтому, при жизни онъ былъ для друзей очень бездѣятеленъ, но теперь главный интересъ лежитъ уже не въ немъ, не въ его личности, а во всемъ томъ, съ чѣмъ онъ сталкивался и о чемъ слѣдъ оставилъ въ громадныхъ своихъ писаніяхъ. Послѣднія являются „кладеземъ" самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній; въ нихъ все значеніе его умственной жизни. Нельзя не обратить вниманія на одну

1) „Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго", т. VIII, стр. 273 — 4.
2) ibid. стр. 277.
3) ibid.

его черту, которую особенно выдвигаетъ Вяземскій: онъ былъ „виртуозомъ и неутомимымъ труженикомъ въ кругѣ добра“ [1]). Его сердце, какъ онъ самъ говорилъ еще въ юности, было отъ природы доброе, и эта доброта отмѣчалась всѣми. Оставимъ даже въ сторонѣ то, что, сойдя съ служебнаго поприща, онъ сдѣлался въ Москвѣ „ходатаемъ, заступникомъ, попечителемъ пересылаемыхъ въ Сибирь“, что „Острогъ и Воробьевы горы были театромъ его мирныхъ и человѣколюбивыхъ подвиговъ, а иногда и скромныхъ, но благочестивыхъ побѣдъ“; помимо этихъ, такъ сказать, личныхъ добрыхъ дѣлъ, русская литература должна цѣнить въ немъ то, что „русскіе литераторы, нуждавшіеся въ покровительствѣ, въ поддержкѣ, молодые новички, еще не умѣвшіе проложить себѣ дорогу, всегда встрѣчали въ немъ ходатая и умнаго руководителя“. „Одна эта заслуга, — говоритъ Вяземскій, — даетъ ему почетное мѣсто въ литературѣ нашей“ [2]).

Было бы очень любопытно прослѣдить послѣднюю черту дѣятельности Александра Ивановича, но — въ настоящее время это сдѣлать затруднительно, въ виду того, что матеріалъ еще не приведенъ въ извѣстность. Нѣсколько болѣе извѣстны его отношенія къ друзьямъ — литераторамъ, не нуждавшимся въ покровительствѣ. Имя Александра Ивановича всегда связывалось съ именемъ Пушкина. Тургеневы были еще въ Москвѣ знакомы съ Пушкиными, и Пушкинъ былъ опредѣленъ въ Лицей въ 1811 году Александромъ Ивановичемъ [3]). Когда Пушкинъ сталъ подавать свой голосъ еще въ стѣнахъ Лицея, Александръ Ивановичъ обратилъ вниманіе на его поэтическій талантъ и взялъ его подъ свое попеченіе. Изъ „Остафьевскаго Архива“ можно видѣть всѣ заботы Александра Ивановича о Пушкинѣ. „Сверчокъ прыгаетъ съ пасторомъ Ганеманомъ. Иду усадить его на шестокъ“ — пишетъ Тургеневъ Вяземскому 5-го октября 1817 года [4]). Еще больше заботы доставлялъ Пушкинъ Александру Ивановичу по выходѣ своемъ изъ Лицея, когда онъ, поселившись въ Петербургѣ, сталъ вести разсѣянный и бурный образъ жизни. Ихъ взаимныя отношенія лучше всего опредѣляются недавно ставшимъ извѣстнымъ посланіемъ Пушкина Александру Ивановичу — „Тургеневъ, вѣрный

---

1) ibid. стр. 280.

2) ibid. стр. 281.

3) Въ отвѣтъ на просьбу Жуковскаго (отъ сент. 1814 г.) узнать о пріемѣ въ Лицей для нѣкоей Мининой (Письма Жуковскаго, стр. 124) Тургеневъ пишетъ: „Въ Лицей прямо теперь уже пріема нѣтъ, а принимаютъ въ Пансіонъ, при Лицеѣ учрежденный, съ платою въ первый годъ 1300 рублей, а въ слѣдующій по 1000 рублей. Изъ сего Пансіона, по окончаніи курса, поступаютъ лучшіе воспитанники въ Лицей на казенное содержаніе. Въ этомъ мѣсяцѣ болѣе 20 человѣкъ поступятъ въ Лицей и комплектъ изъ 60 человѣкъ собой наполнится. Въ первый пріемъ мнѣ удалось помѣстить нѣкоторыхъ, между прочимъ, Пушкина племянника“... (Письмо отъ 2-го октября 1814 года).

4) Остафьевскій Архивъ, 1, стр. 89.

покровитель поповъ, евреевъ и скопцовъ...“ (1817), а особенно изъ слѣдующаго замѣчанія, которымъ Тургеневъ снабдилъ это стихотвореніе, посылая его Жуковскому (12 ноября 1817 г.): „Посылаю Посланіе ко мнѣ Пушкина — Сверчка, котораго я ежедневно браню за его лѣность и нерадѣніе о собственномъ образованіи. Къ этому присоединились и вкусъ къ площадному волокитству и вольнодумство, также площадное, 18-го столѣтія. Гдѣ же пища для Поэта? Между тѣмъ онъ раззоряется на мелкой монетѣ. Пожури его“ [1]). — До высылки своей на югъ Россіи Пушкинъ посѣщалъ квартиру Александра Ивановича, а во время жизни на югѣ обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими письмами. Отношенія между ними были дружественныя, хотя Пушкинъ и смотрѣлъ на Тургенева какъ на старшаго и наставника. Съ 1825 года въ жизни того и другого произошли перемѣны: Пушкинъ сталъ жить въ Москвѣ и Петербургѣ, а Тургеневъ уѣхалъ за границу и повелъ скитальческій образъ жизни, лишь изрѣдка навѣдываясь въ Россію. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ въ 1836 — 7 гг. ему пришлось присутствовать при кончинѣ Пушкина и отвозить его тѣло на Святыя Горы.

Александръ Ивановичъ не сталъ ни писателемъ, ни литераторомъ, ни ученымъ. Поэтическаго таланта онъ не имѣлъ, стиховъ его совершенно неизвѣстно; изъ ранней молодости извѣстно его нѣсколько ученическихъ рѣчей, произнесенныхъ имъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, да нѣсколько небольшихъ переводовъ. Но въ литературной средѣ вращался онъ съ ранняго возраста и настолько образовалъ свой вкусъ, что вошелъ въ близкія отношенія со всѣми нашими выдающимися литераторами. Воспитанный на Ломоносовѣ и Державинѣ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, онъ, однако, съ дѣтства былъ знакомъ съ нѣмецкой литературой, а благодаря другимъ счастливымъ обстоятельствамъ, его природный вкусъ развился въ сторону пониманія истиннаго искусства, благодаря чему онъ впослѣдствіи отдѣлился отъ товарища своей молодости, Мерзлякова, оставшагося послѣ смерти Андрея Тургенева безъ руководителя. Александръ Ивановичъ воспитывался въ ранней молодости подъ двоякимъ вліяніемъ: подъ вліяніемъ нравственной атмосферы старшаго Тургеневскаго кружка и подъ вліяніемъ новой Карамзинско-сентиментальной школы. Послѣдняя была школой „самообразованія“ въ молодомъ Тургеневскомъ кружкѣ, въ которомъ главенствовалъ Андрей Ивановичъ Тургеневъ, насаждавшій въ немъ знакомство съ нѣмецкой поэзіей Sturm- und-Drang-Periode. Дружескія собранія, сначала въ домѣ Тургенева, а потомъ въ „Поддѣвиченскомъ“ домѣ у Воейкова, способствовали ознакомленію съ литературой и развивали истинный вкусъ и правильный

---

1) Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 21 іюня 1816 г. Тургеневъ говоритъ о Посланіи Пушкина къ Арзамасцамъ: „Пушкинъ написалъ Посланіе къ Арзамасцамъ, которое я отдалъ Блудову, а онъ удерживаетъ его до собранія Арзамаса. Есть стихи очень удачные“. — Это Посланіе неизвѣстно.

взглядъ на современныя теченія. Это была первая группа литераторовъ, только что начинающихъ — Жуковскій, Воейковъ, Мерзляковъ. Къ этому присоединялось личное знакомство со старшими литераторами — Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Измайловымъ. Когда Александръ Ивановичъ поѣхалъ въ 1802 году за границу, онъ уже былъ хорошо знакомъ и съ отечественной и иностранной литературой, особенно съ нѣмецкой. Онъ свободно разговариваетъ о Ломоносовѣ и Державинѣ, о Гете и Шиллерѣ, правильно судитъ о Шаликовѣ. При переселеніи въ 1806 году въ Петербургъ онъ попадаетъ въ новый кругъ литераторовъ. Неледицкій-Мелецкій, Батюшковъ, Уваровъ, Блудовъ, Дашковъ, затѣмъ Пушкинъ и опять Жуковскій — его друзья. Онъ участникъ Арзамаса, усердный корреспондентъ множества писателей. Мимо его не проходитъ ни одно выдающееся литературное произведеніе. Впослѣдствіи же, во время своей скитальческой жизни по Европѣ, Александръ Ивановичъ знакомится почти со всѣми тогдашними Европейскими литературными знаменитостями, давая о своихъ знакомствахъ отчетъ въ письмахъ къ своимъ Россійскимъ друзьямъ. Доживъ до времени раздѣленія русскаго общества на два лагеря — славянофиловъ и западниковъ, Александръ Ивановичъ, по духу бывши болѣе близкимъ къ послѣднимъ, не примкнулъ, однако, ни къ тѣмъ ни къ другимъ и одинаково былъ любимъ и уважаемъ тѣми и другими.

Не сдѣлался Александръ Ивановичъ и ученымъ. Будучи въ Геттингенѣ, гдѣ преобладали науки политико-историческія, онъ пристрастился къ исторіи, каковое пристрастіе не покидало его уже никогда, сдѣлавшись подъ конецъ его жизни главнымъ его интересомъ. Главную роль въ этомъ пристрастіи сыгралъ Шлецеръ, задумавшій даже пристроить Александра Ивановича къ Академіи Наукъ въ качествѣ Адъюнкта по „Историческому классу“. Однако, это не удалось, и Александръ Ивановичъ, пришедшій было въ восторгъ отъ предложенія Шлецера, скоро о немъ забылъ и никогда впослѣдствіи не вспоминалъ. Его интересъ къ русской исторіи выразился въ собираніи матеріаловъ, отыскивать которые онъ былъ большой мастеръ, за что еще въ Арзамасѣ получилъ особое прозвище „Двѣ огромныя руки“, кромѣ обычнаго своего прозвища „Эолова Арфа“. На почвѣ интереса къ исторіи онъ сблизился съ Карамзинымъ. Результатомъ его поисковъ осталось до двухъ десятковъ фоліантовъ различныхъ матеріаловъ, относящихся до отечественной исторіи, матеріаловъ, въ свое время использованныхъ лишь въ очень незначительной долѣ, а въ настоящее время въ значительной части уже утратившихъ свое значеніе. Но заниматься изысканіями ему было некогда. Множество дѣлъ по службѣ и свѣтская разсѣянность, неспособность къ усидчивости — все это было причиной, что при его познаніяхъ изъ-подъ пера его не вышло, однако, ни одного изслѣдованія.

Друзья Александра Ивановича любили его и цѣнили. Они подмѣчали всѣ его недостатки, но относились къ нимъ снисходительно, всегда обезоруживаемые его незлобіемъ и простодушіемъ. На него сочиняли не-

однократно стихи, выставляя въ нихъ ту или иную черту его характера, хотя, конечно, съ Пушкинскими они не могли и идти въ сравненіе. Въ бумагахъ Тургеневскаго Архива ихъ немного сохранилось. Вотъ напр. одно изъ нихъ коротенькое:

„По лѣтамъ — мужъ, по опыту — старикъ,
Невинностью души — младенецъ;
И малодушенъ и великъ,
И рабъ страстей и ихъ владѣлецъ!
Онъ съ волей твердой, — а другихъ
Себя онъ волѣ покоряетъ —
Живетъ въ мечтахъ, земное презираетъ,
Но ѣстъ и пьетъ за осьмерыхъ".

Сохранилось еще одно большое стихотвореніе, не блещущее, правда, поэтическими достоинствами, но дающее очень мѣткую характеристику Александра Ивановича и относящееся къ началу 40-хъ годовъ, слѣдовательно, ко времени незадолго до его смерти. Стихотвореніе это представляетъ полную параллель къ характеристикѣ, сдѣланной Вяземскимъ. Вотъ оно:

Портретъ.

J'ai remarqué, que les hommes distraits — sont toujours excellents.
La Duchesse d'Abrantes. 2. V. 85 стр.

Есть въ мірѣ чудный человѣкъ,
Едва ль не безпримѣрный:
Онъ въ странствіяхъ проводитъ вѣкъ,
Россіи посвященный.
Онъ нѣжный другъ, нѣжнѣйшій братъ,
Мудрецъ, Эпикуреецъ,
Полукатонъ, Алкивіадъ,
И чистый Европеецъ.
Гдѣ былъ, иль гдѣ онъ не бывалъ?
И къ дальнымъ — сердцемъ ближе,
Въ Парижѣ о Москвѣ вздыхалъ,
Въ Москвѣ же — о Парижѣ.
Европу облетая вкругъ,
Вездѣ спѣшитъ явиться,
Изъ Рима рвется въ Петербургъ,
Оттуда въ Римъ умчится.
Пятнадцать лѣтъ — онъ самъ себя
Какъ будто ищетъ въ свѣтѣ,
Всегда разсѣянность любя,

Спѣшитъ, какъ на полетѣ,
И даже слухъ о немъ идетъ:
Скиталецъ вѣчный ожилъ!
За многихъ чувствуетъ, живетъ,
Одинъ — сто жизней прожилъ!
Во всѣхъ столицахъ у него
Свои есть кабинеты,
Гдѣ куча книгъ, того — сего,
Брошюры и газеты,
И выписки. Не даромъ онъ —
Въ Архивахъ пыль глотаетъ;
Тамъ старину со всѣхъ сторонъ —
Слѣдитъ и открываетъ.
Такъ! въ жизни данъ ему въ удѣлъ
Предметъ его желаній,
Собрать минувшихъ память дѣлъ
И хартіи сказаній,
Россіи прежній бытъ раскрыть,
ПЕТРОВЫХЪ лѣтъ картины,
Міръ новымъ блескомъ удивить —
Въ дѣлахъ ЕКАТЕРИНЫ.
И въ Римѣ, въ Ватиканской онъ
Сидитъ библіотекѣ;
Въ Парижѣ, въ Лондонѣ поклонъ,
Чтобъ знать о каждомъ вѣкѣ,
Что любопытнаго въ дѣлахъ
Бывалыхъ дипломатовъ;
Съ Марини шепчетъ о звѣздахъ
За хартіи Легатовъ.
Готовъ всѣмъ Музамъ для услугъ,
Вездѣ ихъ почитатель,
Онъ сорокъ лѣтъ съ Жуковскимъ другъ,
Карамзиныхъ пріятель,
Онъ съ Вяземскимъ одна душа,
Козлова утѣшитель,
И можно молвить не грѣша,
Всѣхъ знаній онъ любитель.
Онъ видитъ зорко, далеко,
Его повсюду око;
Онъ пишетъ сжато, коротко,
А чувствуетъ глубоко.
Влюбленъ въ писателей съ умомъ,
И, странствуя всемѣстно,
Со всей Европою знакомъ,

Все знаетъ, что извѣстно.
У Вальтеръ-Скота онъ живалъ,
Съ Кювье онъ подружился,
У Гете гостемъ пировалъ,
У Гумбольдта учился;
Съ Шатобріаномъ вечеркомъ —
У Рекамье прелестной,
Всѣмъ знаменитостямъ знакомъ,
И гость вездѣ любезный.
И съ Ла-Мартиномъ онъ ѣзжалъ,
Зналъ друзей Байрона,
На балѣ въ Римѣ танцовалъ
Съ сестрой Наполеона.
Прахъ Пушкина отвезъ за Псковъ,
Чрезъ мѣсяцъ онъ въ Парижѣ,
А тамъ, у Шведскихъ береговъ,
Къ родимымъ снова ближе.
Какъ Русской — къ Русскимъ онъ взывалъ —
Двѣнадцатаго года,
Надеждой въ Промыслъ возвышалъ —
Усердіе народа;
Благословеннаго любилъ,
Служилъ добру трудами,
И память АЛЕКСАНДРА чтилъ
Сердечными слезами.
Онъ всѣмъ талантамъ другъ прямой,
Изящнаго цѣнитель,
И славы Русской и родной —
Повсюду возвѣститель.
Причудливъ... это не бѣда!
Онъ Русь — въ лицо не хвалитъ,
Но въ сторонѣ чужой всегда —
Родное чтитъ и славитъ.
Знакомитъ съ Русской стариной,
И съ молодымъ талантомъ,
И съ лирой Пушкина златой,
И съ ветхимъ фоліантомъ.
Вѣсть друга передать спѣшитъ,
Тамъ, гдѣ молвѣ свобода,
Да Русскаго Царя почтитъ —
Гласъ чуждаго Народа.
Иной не высмотритъ и въ годъ,
Что онъ увидитъ въ сутки.
Гдѣ нашъ Жуи? — Себѣ доходъ

Удвоитъ онъ; не шутки!
Пусть каждый день его слѣдитъ;
Лишь слушайте, глядите,
И каждый день себѣ *l'hermite* —
Хоть въ двадцать главъ пишите!
Онъ слушать проповѣдь спѣшитъ,
И къ лекціи поспѣетъ,
Двухъ, трехъ посланницъ посѣтитъ,
Къ больной зайти успѣетъ;
Оттуда онъ еще зайдетъ
Въ Палату Депутатовъ,
Къ Гизо иль Тьеру на обѣдъ,
На балъ аристократовъ.
На двухъ балахъ, на трехъ балахъ,
Онъ въ вечеръ помелькаетъ,
Но не забудетъ о друзьяхъ,
Тамъ полночь провожаетъ,
И полусонный ѣдетъ спать,
Съ разсвѣтомъ — чтобъ проснуться,
И прежде, чѣмъ свой день начать,
На прошлый оглянуться.
Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ къ тремъ,
Друзей не забывая,
Сближаетъ ихъ своимъ письмомъ —
Дѣлиться заставляя,
Привѣты сердца сообщать,
И шутки и намеки,
И радовать, что всѣхъ опять
Ихъ вспомнилъ другъ далекій.
Онъ другъ живыхъ и мертвыхъ другъ,
И арфою Эола —
Среди могилъ имъ шепчетъ въ слухъ:
„У Божія Престола
„Вы, братья, живы предо мной.
„Я помню васъ, какъ прежде;
„Люблю, и свидѣться душой
„Въ безсмертной я надеждѣ.
Такъ занята душа его,
Все въ мысль его тѣснится,
И смѣсь, и пестрота всего,
И чудно міръ кружится!
Все измѣняется предъ нимъ;
И гдѣ ни побываетъ,
Все недочетъ друзьямъ былымъ,

Все новое встрѣчаетъ.
Разсказъ его — калейдоскопъ
Словъ острыхъ и блестящихъ,
И мчится мысль его въ галопъ,
Въ обгонъ всѣхъ говорящихъ, —
И рѣчь его, какъ токъ, бѣжитъ,
Жизнь свѣта отражая,
Забавитъ, трогаетъ, дивитъ,
Одно другимъ смѣняя.
Какъ часто дремлетъ онъ въ гостяхъ!
Не вѣрьте; онъ не дремлетъ:
Закрывъ глаза, въ своихъ мечтахъ —
Воспоминанью внемлетъ;
Но васъ онъ слышитъ; къ слову вдругъ —
Словцо онъ кстати скажетъ,
Развеселитъ замолкшій кругъ,
Смѣшное вмигъ укажетъ.
И вступитъ въ бѣглый разговоръ,
И весь одушевится,
Все жарче, жарче, въ громкій споръ,
Пока не утомится;
Тогда притихнетъ, и опять
Тутъ въ кресло опустяся,
Себѣ позволитъ онъ дремать,
Прищурясь, и смѣяся.
Угодникъ дамъ онъ искони;
Ихъ помнитъ имянины,
Всѣ сердцу памятные дни,
Глафиры, Клары, Нины;
Той шлетъ онъ вазу, той платокъ,
Другой перчатокъ Датскихъ,
А той хрустальный башмачокъ,
Поклонникъ ножекъ дамскихъ.
Очаровательнѣжныхъ дамъ,
За нищету проситель,
Неутомимъ, и по дѣламъ —
Гонителей гонитель;
Всѣ анекдоты ихъ слѣдитъ,
Все помнитъ, что услышитъ;
Какъ Абрантесъ заговоритъ,
Чтобъ не забыть, запишетъ.
Въ немъ пылокъ порицанья духъ,
И скоръ онъ въ заключеньяхъ,
То слишкомъ громко мыслитъ вслухъ,

То легокъ онъ въ сужденьяхъ;
Онъ передъ Истиной святой
Какъ смертный заблуждался;
Но все съ младенческой душой,
Какъ былъ, такъ и остался.
Добру онъ сердцемъ преданъ весь,
Отчета не страшится;
Онъ презираетъ низость, спѣсь,
Клеветъ онъ не боится,
И между тѣмъ готовъ бѣжать
На помощь сирымъ, бѣднымъ,
За нихъ просить и умолять,
И докучать надмѣннымъ.
Хотите ль встрѣтиться вы съ нимъ,
То случая вы ждите;
Онъ иначе неуловимъ.
Не тамъ его ищите —
Гдѣ онъ, а тамъ, гдѣ можетъ быть.
Когда жь писать нужнѣе,
Старайтесь адресъ позабыть —
Письмо дойдетъ вѣрнѣе.
Вотъ Абулъ-Фауарій нашъ,
Герой Шехеразады;
Списать его пришла мнѣ блажь,
И въ спискѣ много правды.
Не довершенъ его портретъ;
Кто хочетъ, пусть дополнитъ,
Исправитъ, если сходства нѣтъ,
Добавитъ, что припомнитъ.

II.

Александръ Ивановичъ Тургеневъ, второй сынъ Ивана Петровича, родился въ Симбирскѣ 27-го марта 1784 года. Тургеневъ принадлежалъ къ Симбирскимъ помѣщикамъ и владѣлъ тамъ нѣсколькими деревнями, изъ которыхъ одно, Тургенево, было родовымъ. Иванъ Петровичъ въ томъ же 1784 г. „ноября 7-го взятъ въ генералъ-адъютанты въ штатъ фельдмаршала Графа Захара Григорьевича Чернышева, по кончинѣ котораго Именнымъ указомъ пожалованъ въ полковники и опредѣленъ въ Ярославскій Пѣхотный полкъ“ [1]). Какъ протекало раннее дѣтство маль-

1) Формулярный списокъ (Тург. Арх.).

чика — намъ ничего неизвѣстно. До 1792 г. Иванъ Петровичъ жилъ въ Москвѣ, выйдя въ 1789 году въ отставку. Вѣроятно, тотъ швейцарецъ Тоблеръ, который жилъ съ Тургеневыми въ деревнѣ съ 1792 года, началъ свою воспитательскую дѣятельность у Тургенева еще въ Москвѣ, такъ какъ къ 1792 году старшему сыну Ивана Петровича, Андрею, было уже 11 лѣтъ. До 8-ми лѣтъ Александръ прожилъ въ Москвѣ и объ этомъ періодѣ жизни не оставилъ намъ позднѣйшихъ своихъ воспоминаній. Самъ Иванъ Петровичъ еще не принималъ дѣятельнаго участія въ его воспитаніи, которое, какъ и надо полагать, всецѣло принадлежало еще матери. Супруга Ивана Петровича, Катерина Семеновна, урожденная Качалова, не принадлежала къ разряду женщинъ, о которыхъ говорятъ біографы выдающихся дѣятелей какъ о такихъ, которыя оказывали на послѣднихъ свое благотворное дѣйствіе. Никогда Александръ Ивановичъ не упоминалъ о материнскихъ ласкахъ, и намъ рѣшительно ничего неизвѣстно, какъ проявлялось участіе Катерины Семеновны въ воспитаніи братьевъ Тургеневыхъ. Одно несомнѣнно: она не могла давать своимъ дѣтямъ первые уроки грамоты; сохранившіяся ея письма до того безграмотны, что не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія[1]). Но она строго слѣдила за ихъ нравственностью и за исполненіемъ всѣхъ обрядовъ православной вѣры. Рисующаяся въ своихъ письмахъ къ взрослымъ уже сыновьямъ сухой и наполненной только заботами о карьерѣ ихъ, Катерина Семеновна чуть не въ каждомъ письмѣ увѣщеваетъ ихъ молиться, и взрослые уже сыновья спѣшатъ успокоить ее на этотъ счетъ. Сергѣй Ивановичъ, уже служившій въ Посольствѣ въ Константинополѣ, увѣряетъ ее, что онъ неукоснительно исполняетъ ея желаніе — каждый день молится, а Александръ Ивановичъ, уѣзжая изъ Геттингена въ концѣ марта 1804 года, надѣется въ Лейпцигѣ „поговѣть и принять тамъ причастіе въ Греческой церкви“, желая доказать Матушкѣ, „что и препятствія не сильны удержать [его] тамъ, гдѣ надобно исполнять волю ея“[2]).

О характерѣ Катерины Семеновны можно получить понятіе изъ тѣхъ о ней отзывовъ, которые проскальзывали у Тургеневыхъ, а частію и у ихъ друзей, причемъ надо еще принять во вниманіе и вообще ту почтительность дѣтей къ своимъ родителямъ, которая характеризуетъ тогдашнія поколѣнія вообще. Насколько благоговѣйно, искренне — сердечно молодые Тургеневы почитали своего отца, настолько же сдержанно относились они къ своей матери. Они почитали ее, но — по обязанности. Сердечной привязанности къ ней у нихъ не было. Въ то время какъ въ бумагахъ ихъ то тамъ то тутъ встрѣчаются восторженные или даже просто исполненные глубокой благодарности отзывы объ Иванѣ Петровичѣ, о Катеринѣ Семеновнѣ мы не найдемъ ничего подобнаго. Она какъ будто бы для нихъ

1) См. напр. письма ея къ Николаю Ивановичу въ Арх. Турген. I, стр. 381, 383.

2) Стр. 171.—Здѣсь и далѣе въ примѣчаніяхъ простая цифра указываетъ на настоящее изданіе.

не существовала. Нѣтъ на нее жалобъ, но нѣтъ и нѣжнаго, любовнаго отношенія. Даже болѣе. Одинъ разъ у Андрея вырвалось даже слово осужденія: „Характеръ Матушки много имѣлъ вліянія на мой характеръ, на мою нравственность и — на мое счастіе. Она стѣсняетъ душу мою. Какъ часто не позволяла она развиться въ ней какому-нибудь радостному, возвышающему чувству! какъ часто потушала то, что уже было! Если бы не она, то душа моя была бы вольнѣе, радостнѣе, смѣлѣе и, слѣдовательно, и добрѣе, благороднѣе". Александръ Ивановичъ по мягкости своего характера такихъ недостаточно почтительныхъ отзывовъ о своей матушкѣ не допускалъ, но и онъ одинъ разъ не выдержалъ тяжелой стороны ея характера и въ горестныхъ выраженіяхъ излилъ свою скорбь и свое подавленное состояніе въ письмѣ къ своему другу — геттингенцу, Андрею Кайсарову, не называя, впрочемъ, имени матушки. Вообще надо замѣтить, что, несмотря на всю свою почтительность, которую оказывали Катеринѣ Семеновнѣ ея сыновья, они все-же признавали отрицательныя черты ея характера. Мы видимъ изъ разныхъ брошенныхъ вскользь замѣчаній, что Катерина Семеновна только и знаетъ, что бранится. Уже современники отмѣтили ея вспыльчивый, сварливый характеръ: она при всѣхъ въ церкви не стѣснялась драть за уши своихъ сыновей, когда Иванъ Петровичъ былъ уже директоромъ университета. Много позднѣе, въ 1817 году Александръ Ивановичъ проситъ Жуковскаго подготовить Матушку къ разговору съ Новосильцевымъ, который хотѣлъ въ то время улучшить его служебное положеніе, и предупреждаетъ дѣйствовать осторожно: „Я весьма опасаюсь Матушкиной вспыльчивости" — добавляетъ онъ. Эта черта, очевидно, была особенно хорошо извѣстна Тургеневымъ. Въ 1801 году въ декабрѣ Анна Ѳедоровна Соковнина[1]) писала Андрею Ивановичу въ Петербургъ, что „матушка и батюшка у ней обѣдали". Андрей встревожился за матушку и пишетъ Жуковскому: „Не стыдно ли брату не увѣдомить, какъ все происходило съ Мат[ушкой]. Вѣдь она въ карты играла. Я безпокоюсь и жду отъ него". Нѣчто подобное случалось и позднѣе. Катерина Семеновна не была довольна медленными служебными успѣхами Андрея Ивановича въ Петербургѣ и часто выражала ему свое недовольство въ своихъ письмахъ. И вотъ 22 мая 1802 г. Андрей Кайсаровъ пересылаетъ ему письмо Катерины Семеновны и пишетъ отъ себя: „Вотъ тебѣ письмо отъ твоей Матушки. Кромѣ того, что оно было писано еще до твоего письма, то есть прежде нежели оно пришло, Матушка наканунѣ того дня, кажется, проиграла у Княг. Натальи Василь[евны]. Братъ! Не огорчайся этимъ. Они сами не знаютъ, что иногда говорятъ и пишутъ. Въ утѣшеніе тебѣ скажу, что батюшка назвалъ это письмо пустяками и вздоромъ, былъ имъ слишкомъ недоволенъ... Сдѣлай милость, мой милый другъ, не огорчайся этимъ. Это былъ только минутной пароксизмъ". — Александръ Ивановичъ, проводивъ въ 1810 году брата Сергѣя въ Гет-

1) О Соковниныхъ см. ниже.

тингенъ, пишетъ къ Николаю Ивановичу: „Какъ скоро обстоятельства позволятъ, поѣду къ Матушкѣ въ Москву. Право, намъ ее любить должно. Теперь она одна и досталась въ добычу Тетушкѣ, которая, вѣрно, не перестаетъ мутить ее съ дворовыми людьми, потомучто уже не съ кѣмъ болѣе“.[1]) Плохо было жить съ матушкой и Сергѣю, несмотря на то что онъ былъ, повидимому, ея любимцемъ. Говоря Николаю Ивановичу о необходимости отправить Сергѣя за границу, Александръ Ивановичъ пишетъ: „Онъ все одинъ, не видитъ почти никого; это самое и досады домашнія, которыя всѣ теперь онъ одинъ переносить долженъ, могутъ имѣть худое дѣйствіе на его душу. Ему заниматься спокойно нельзя“[2]).— Андрей Ивановичъ Кайсаровъ, возвратившись съ Тургеневыми въ концѣ апрѣля 1802 года изъ Петербурга въ Москву, шутливо описываетъ Андрею Тургеневу свой пріѣздъ и, между прочимъ, сообщаетъ ему: „Въ домѣ вашемъ господскомъ все благополучно, и Ма[тушка] со всѣми людьми въ мирныхъ связяхъ, кромѣ Матрены, на которую въ первый день по сильное дѣло покричала“. Не менѣе интересенъ для характеристики Катерины Семеновны слѣдующій отзывъ о ней Андрея Ивановича. Вернувшись изъ Вѣны въ Петербургъ весной 1803 года, Андрей Тургеневъ никакъ не могъ получить опредѣленнаго мѣста, и всѣ его письма этого періода къ родителямъ полны оправданій себя въ глазахъ матушки за свои неудачи. И вотъ 27-го февраля онъ пишетъ въ Геттингенъ Кайсарову и Александру Ивановичу, что военный Губернаторъ предлагаетъ ему быть у него переводчикомъ, и прибавляетъ: „Матушка все безпокоится о нашей судьбѣ; но ее вѣчно ничто успокоить не можетъ. Одно исполнится, другого будетъ недоставать. Правда: но отъ чего же это и происходитъ, какъ не отъ излишней нѣжности и заботливости о насъ и отъ ея также немного безпокойнаго характера, склоннаго къ меланхоліи?“[3]).

---

1) Арх. Тург. I, стр. 424—5. **Тетушка — сестра Катерины Семеновны, Марья Семеновна Аржевитинова.**

2) ibid., стр. 394.

3) Катерина Семеновна пережила своего мужа на 17 лѣтъ. Наши свѣдѣнія о ея жизни скудны. Она жила все время въ Москвѣ, сначала съ Николаемъ, а потомъ съ Сергѣемъ Ивановичами, а послѣ ихъ отъѣзда въ Геттингенъ осталась одна, ведя переписку съ своими сыновьями и изрѣдка посѣщая Петербургъ. Любимымъ ея сыномъ былъ Сергѣй Ивановичъ, и въ Архивѣ сохранилось довольно большое количество ея писемъ къ нему. Ея смерть въ 1824 году описалъ Александръ Ивановичъ Жуковскому въ письмѣ отъ 17-го ноября: „Третьяго дня пріѣхали мы сюда, но нашли матушку уже въ гробу. Девятый день ея не было уже на свѣтѣ. Она занемогла въ пятницу 7-го ноября, пріѣхавъ обѣдать съ сестрѣ Нефедьевой и разсказать ей сонъ, который въ ту ночь видѣла. Отобѣдавъ очень спокойно и необыкновенно весело, занемогла и осталась ночевать у Неф[едьевой] и скончалась ровно черезъ недѣлю, въ пятницу и во 2-омъ часу, предрекая безпрерывно день и часъ смерти. Въ понедѣльникъ сказала, что умретъ въ пятницу въ это время, и повторяла это нѣсколько разъ и многимъ; всѣхъ принимала, благодарила и просила у дѣтей прощенія; ежеминутно молилась за насъ, особливо за Сережу, поручала насъ дружбѣ Жихарева, который во все

Такія отрывочныя свѣдѣнія, хотя и взятыя изъ болѣе поздняго времени, бросаютъ, однако, свѣтъ и на время дѣтства Тургеневыхъ и объясняютъ, почему ихъ истинная привязанность всецѣло обратилась на Ивана Петровича.

Если Катерина Семеновна не выходила за предѣлы исполненія — и очень строгаго — религіозныхъ обрядовъ, то Иванъ Петровичъ, какъ извѣстно, былъ защитникомъ и приверженцемъ ученія о внутренней религіи. Самъ масонъ и переводчикъ масонскихъ сочиненій, въ родѣ книги „Іоанна Масона, Познаніе самого себя“ или „Іоанна Арндта, Объ истинномъ христіанствѣ“, Иванъ Петровичъ, не отвергая пользы внѣшняго обрядоваго культа, всю силу полагалъ во внутренней религіи, въ стремленіи къ нравственному самоусовершенствованію. На этой сторонѣ жизни и настроенія Ивана Петровича нѣтъ нужды останавливаться: она хорошо извѣстна, какъ характерная черта всего старшаго Тургеневскаго кружка, къ которому принадлежали и Новиковъ, и Шварцъ, и Лопухинъ. Въ 1788 году въ январѣ „въ Москвѣ на Покровкѣ“, подписавъ свою „челобитную въ отставку“, Иванъ Петровичъ въ нѣсколькихъ строкахъ изобразилъ свое тогдашнее душевное состояніе и, между прочимъ, записалъ: „Впротчемъ, говоря о себѣ: съ нѣкотораго времени я лѣнивѣе сталъ отправлять обыкновенную молитву; можетъ быть, въ причины сего входитъ и то, что я читалъ книгу, въ коей рекомендуется молитва внутренняя, а не наружная; полюбилась внутренняя, коя мнѣ еще не дана, сирѣчь я еще по грѣхамъ моимъ не достигъ до сего; низка показалась наружная, я отъ нея зачалъ отставать. Сіе апробовала и лѣнь моя“.

Конечно, на мальчиковъ, на Андрея и Александра, мистическое настроеніе ихъ отца пока не могло производить замѣтнаго вліянія, а всю силу нравственнаго облика его они оцѣнили впослѣдствіи, когда стали приходить въ возрастъ.

Иванъ Петровичъ, выйдя въ отставку, предался просвѣтительной дѣятельности, основалъ вмѣстѣ съ другими „Дружеское Ученое Общество“ и сталъ близкимъ помощникомъ Новикова въ издательской дѣятельности послѣдняго. Конечно, мальчики еще не постигали внутренняго смысла дѣятельности своего отца.

Въ 1792 году Иванъ Петровичъ получилъ приказаніе переселиться на жительство въ свою деревню Тургенево, куда и отправился со всѣмъ семействомъ. Онъ прожилъ тамъ до конца 1796 года, когда Павелъ I вызвалъ его въ Москву [1]). Пять лѣтъ прожилъ Александръ Тургеневъ въ

время болѣзни не отходилъ отъ нея; сохранила память и молилась до послѣдней минуты; дѣлала всѣ распоряженія и раздачи; приказала похоронить себя въ монастырѣ Пестушахъ (80 верстъ отсюда), куда мы поѣдемъ за гробомъ. Все думала и молилась о насъ, но болѣе о Сережѣ, и кончина ея была самая ясная и спокойная; благословила каждаго изъ насъ образкомъ и при семъ случаѣ говорила о Николашѣ“.

1) Въ письмѣ къ Ивану Петровичу изъ Вѣны отъ 31 дек. 1802 г. Андрей Ивановичъ вспоминалъ свой первый пріѣздъ въ Москву: „Будучи у обѣдни въ день Рожде-

деревнѣ, съ 8 по 13 лѣтній возрастъ, находясь здѣсь уже подъ непосредственнымъ наблюденіемъ своего отца. Ближайшимъ воспитаніемъ Александра и брата его Андрея завѣдывалъ упомянутый швейцарецъ Тоблѐръ, съ которымъ, по позднѣйшимъ воспоминаніямъ Александра Ивановича, они читали Гесснера. У насъ не сохранилось свѣдѣній объ образѣ жизни Ивана Петровича въ Тургеневѣ. Вѣроятно, это была жизнь тяжелая. Его друзья были далеко; Новиковъ сидѣлъ въ крѣпости; Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, хотя и былъ оставленъ на жительство въ Москвѣ, однако находился подъ присмотромъ полиціи. Понятно, что при такихъ условіяхъ была невозможна и переписка: она не сохранилась не только по случайнымъ причинамъ. Малолѣтнія дѣти „не подозрѣвали, что отецъ [ихъ] жилъ въ ссылкѣ подъ гнѣвомъ Великой Государыни, слѣдовательно, будучи не по собственному желанію въ деревнѣ, не могъ наслаждаться пріятностями сельской жизни“ [1]). Они часто видали Батюшку „въ грусти“, недовольнымъ, особенно Александромъ, что случалось особенно въ скучные зимніе вечера, когда „занятій или забавъ [у нихъ] почти никакихъ не было“, и тогда у нихъ являлось желаніе „вырваться изъ деревни“ [2]). Въ остальное же время они, какъ и всѣ дѣти, рѣзвились и проводили время довольно весело. Андрей Ивановичъ въ своемъ дѣтскомъ дневникѣ такъ описалъ одинъ изъ Тургеневскихъ дней (8 августа, годъ не обозначенъ): „Въ пятницу, проснувшись, первая мысль была обыкновенная. Одѣвшись и помолившись Богу, пошли мы учиться. Отучившись, читалъ Комедіи Голдонія. Послѣ обѣда, побывши въ саду и въ маломъ залѣ, пошли учиться. Отучившись, пошелъ съ братцемъ и Васей гулять. Пришедши, записалъ рабочую записку и, поужинавъ, легъ спать“. Воспоминанія о дѣтскихъ годахъ, проведенныхъ въ Тургеневѣ, никогда не покидали Александра Ивановича. Живя въ Геттингенѣ, онъ вспоминаетъ свое Тургенево: „О, когда я буду опять тамъ... Когда оживлю въ своей памяти дѣтскія свои игры, на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, кои были ихъ свидѣтелями“ [3]). Въ 1808 году, слѣдовательно черезъ 12 лѣтъ, посѣтилъ онъ на нѣсколько дней свое Тургенево и, настроенный вообще нѣсколько сентиментально, испытывалъ „тайную грусть“ и „душевное волненіе“, когда „входилъ въ старой домъ и увидѣлъ все прежнее, все, что было свидѣтелемъ пяти лѣтъ [его] дѣтства“. „Я не могъ ни на что смотрѣть безъ какой-то тайной грусти, безъ душевнаго волненія“, — писалъ онъ Николаю Ивановичу въ Геттингенъ: „даже старыя мебели дѣлали на меня удивительное впечатлѣніе; но всего болѣе возбуждали во мнѣ воспоминанія о прошедшей жизни нашей виды изъ

ства, я вспомнилъ, что въ 1796 году мы точно въ этотъ же день рано поутру въѣхали въ Москву и вошли въ церковь вмѣстѣ съ Петромъ Влад[иміровичемъ] въ самую ту минуту, какъ запѣли „избавленіе посла Господь людямъ своимъ“.

1) Стр. 365.

2) ibid.

3) Стр. 234.

залы, гдѣ мы обыкновенно учились. Садъ, трава и вдали синѣющіяся Заволжскія горы — всѣ сіи предметы... напомнили мнѣ множество случаевъ, ничего не значущихъ для другихъ, но важныхъ для исторіи моей молодости[1]).

Вызванный съ воцареніемъ Императора Павла въ Москву Тургеневъ съ 15-го ноября 1796 года занялъ постъ директора университета, поселившись на казенной квартирѣ, на Моховой, въ зданіи университета. Старшій сынъ Андрей поступилъ въ университетъ, а Александръ былъ отданъ въ Университетскій Благородный Пансіонъ, гдѣ директоромъ былъ А. А. Прокоповичъ-Антонскій. Для молодыхъ Тургеневыхъ наступило очень интересное и важное время. Это было время образованія ихъ нравственнаго склада и умственнаго развитія, время знакомства съ литературными тогдашними интересами, время самообразованія и — время первыхъ сердечныхъ увлеченій. Говоря объ Александрѣ Тургеневѣ, объ его образованіи въ данный періодъ, нельзя отдѣлять его отъ старшаго брата Андрея, вліяніе котораго на Александра ясно сказывалось. Тѣ факторы, которые вліяли на образованіе умственнаго и нравственнаго склада Александра, имѣли мѣсто, прежде всего, по отношенію къ Андрею, какъ къ старшему, хотя и на немного. Поэтому, то, что можно говорить объ условіяхъ умственнаго развитія Александра, умѣстнѣе будетъ сказать при

---

1) Стр. 364.

Тургенево для Александра Ивановича было всегда дорогимъ мѣстомъ. Проживъ всю жизнь внѣ Тургенева, Александръ Ивановичъ всегда относился къ нему съ необычайною любовью. Въ началѣ 30-хъ годовъ, задумавъ ликвидировать свои денежныя дѣла въ Россіи, онъ сталъ продавать постепенно свои имѣнія, но долго не могъ рѣшиться продать Тургенево. Пріѣхавъ въ Москву изъ Симбирска, онъ 9-го сентября 1834 года пишетъ Жуковскому: „Деревню я не продалъ, хотя по необходимости и желалъ продать, и покупщики и хорошія цѣны были; но я не могъ разстаться съ Тургеневкою: крестьяне полюбили меня; тамъ лежитъ прахъ предковъ; тамъ протекло мое дѣтство; тамъ ссылка батюшки и память о братѣ Андреѣ; и кто бы ихъ ни купилъ, ни у кого имъ лучше бы не было. Эгоизмъ замолчалъ, и сердце и привязанность къ родному восторжествовали". Когда друзья стали уговаривать его въ этотъ пріѣздъ остаться въ Россіи, онъ писалъ Жуковскому слѣдующее [Письмо изъ Парижа, отъ 10-го іюля 1835 года]: „Доказательство, что я не *въ лѣсъ* смотрю, а всегда сердцемъ и помышленіемъ обращаюсь къ Россіи: — съ тѣхъ поръ какъ я удостовѣрился, что безъ личнаго присмотра деревни мои управляемы съ пользою для крестьянъ и для меня не могутъ,.. я рѣшился продать, но между тѣмъ тайно радовался, что хорошіе — по моему сердцу — покупщики не являлись, и въ семъ расположеніи оставилъ Тургенево; въ Москвѣ, за недѣлю передъ отъѣздомъ, получилъ увѣдомленіе, что *единственный* хорошій и вѣрный покупщикъ даетъ мнѣ цѣну, которую я запрашивалъ: я не обрадовался исполненію желанія, а ужаснулся, но, скрѣпя сердце, разрѣшилъ брату на продажу имѣнія. Но отъѣхавъ 500 верстъ отъ Москвы, мучимый въ продолженіе двухъ дней мыслью, что я продаю деревню, людей и съ ними прахъ предковъ, хотя этимъ людямъ было бы не хуже, а предкамъ также покойно въ могилѣ, я изъ Кромъ, гдѣ остановился нарочно для сего, написалъ въ Симбирскъ *не продавать деревень*, и, слѣдовательно, опять лишилъ себя вѣрнаго и беззаботнаго дохода, только для того,

характеристикѣ Андрея Тургенева. Однако, и здѣсь можно воспользоваться частію того матеріала, который имѣетъ непосредственное отношеніе къ Андрею. Факторами, имѣвшими вліяніе на умственное и нравственное развитіе молодыхъ Тургеневыхъ, были: во первыхъ, непосредственное вліяніе самого Ивана Петровича; во вторыхъ — тотъ кружокъ старшаго поколѣнія, участниковъ нѣкогда существовавшаго „Дружескаго Ученаго Общества“, который теперь группировался около Ивана Петровича; къ этому кружку теперь примыкали Херасковъ и И. И. Дмитріевъ и частію Карамзинъ; въ третьихъ — школа, въ данномъ случаѣ Университетскій Благородный Пансіонъ, гдѣ учились Александръ Тургеневъ и всѣ почти его друзья; въ четвертыхъ — дружескій кружокъ молодого поколѣнія, основавшій впослѣдствіи „Дружеское Литературное Общество“.

Что касается непосредственнаго вліянія Ивана Петровича, то оно направлялось въ сторону развитія у дѣтей стремленія къ нравственному совершенствованію. „Нравственное совершенствованіе“, какъ извѣстно, составляло главную цѣль всей дѣятельности Ивана Петровича, какъ масона. Сама высоконравственная личность Ивана Петровича оказывала благотворное вліяніе на окружающихъ, а его отеческія заботы объ учащейся молодежи привлекали къ нему сердца послѣдней и заставляли любить и почитать его. Интересы Ивана Петровича, какъ масона, достаточно выяснены.

чтобы во всей силѣ и значеніи слова остаться *Тургеневымъ*, на что, продавъ *Тургенево*, я врядъ ли бы уже имѣлъ право. Письмо мое застало еще имѣніе непроданнымъ“.

Однако, невозможность управлять заочно имѣніемъ оказалась настолько ясной для Александра Ивановича, что онъ Тургенево все-таки продалъ. Въ 1837 г. Жуковскій, въ своемъ путешествіи съ Наслѣдникомъ, заѣхалъ въ Симбирскъ и оттуда писалъ Тургеневу, который 22-го марта 1838 года изъ Парижа отвѣчалъ ему слѣдующее: „Письмо твое, въ день твоего рожденія и смерти Пушкина писанное, получилъ и съ видомъ умерщаго для меня Симбирска и Волги. Спасибо, милый, что тамъ обо мнѣ вспомнилъ! Такъ вѣрно списано, какъ нельзя вѣрнѣе. Я часто, почти ежедневно, и не разъ въ день и въ лунныя ночи, ходилъ на *онеиъ* любоваться Волгою, смотрѣть на сторону Тургенева и грустить. Одного воспоминанія въ жизни моей, не связаннаго съ тобою, недоставало: воспоминанія о Тургеневѣ и Симбирскѣ; ты и къ нему пріобщилъ себя въ душѣ моей... Никогда я такъ не горевалъ по Тургеневѣ, какъ теперь, особливо при наступленіи весны: такъ и влечетъ туда! — а зачѣмъ? Я уже не Тургеневъ! Я объ этомъ ни думать ни писать не могу спокойно. Все прошедшее, вся цѣль жизни для своихъ, жизни — не эгоиста, для меня уже не существуетъ. Не могу простить себѣ какого-то ослѣпленія. Конечно, я долго сражался съ самимъ собой; но какъ я могъ, не разставаясь еще съ жизнью, разстаться съ Тургеневомъ! Advienne ce qui pourra! Я бы долженъ былъ оставаться Тургеневымъ; но не воротишь, не воротишь!“. Д. Н. Свербеевъ въ своихъ „Запискахъ“ (М. 1899, т. I, стр. 484—5) подтверждаетъ, что Александръ Ивановичъ „долго боролся съ мыслью передать въ чужія руки старинное родовое имѣніе [въ Симбирской губ.] и плакалъ горькими слезами, подписывая купчую, нѣсколько успокаивая себя тѣмъ, что горячо любимые имъ русскіе крестьяне вообще, а его собственные крестьяне кольми паче, переходятъ въ тотъ же Тургеневскій родъ“. — Тургенево было продано двоюродному брату, сыну Петра Петровича Тургенева (брата Ивана Петровича), Борису Тургеневу; о немъ см. ниже.

Чуждый всякихъ крайностей и увлеченій, Иванъ Петровичъ являлъ собой примѣръ христіанина, идеалъ котораго — внутренняя жизнь въ духѣ истиннаго ученія Христа. Дѣлать добро людямъ, постоянно нравственно улучшать себя и безропотно переносить всѣ бѣдствія и горести — вотъ что ставилъ передъ собой Тургеневъ. Разумѣется, этотъ нравственный обликъ отца постоянно носился передъ глазами его сыновей, видѣвшихъ воочію привязанность къ нему и уваженіе со стороны современниковъ, старшаго и младшаго поколѣній. Характернымъ показателемъ того, какъ понималъ Иванъ Петровичъ свою обязанность по отношенію къ нравственному воспитанію своихъ дѣтей, служитъ сохранившееся въ рукописи посланіе его къ дѣтямъ, приложенное къ 3-ему изданію его перевода книги Іоанна Масона „Познаніе самого себя[1])“: Посланіе это слѣдующее[2]): „Любезные дѣти! Посылаю къ Вамъ Книгу І[оанна] М[асона] О познаніи самого себя, которую давно я перевелъ, и нынѣ новымъ изданіемъ напечаталъ. Пріимите ея какъ подарокъ, отъ искренняго вамъ доброжелательства приносимый. Прошу васъ именемъ всеобъемлющей любви, коея Источникъ благословенъ во вѣки! Читайте ее со всѣмъ тѣмъ вниманіемъ и прилѣжностію, къ какому только вы удобны; не пужайтесь мнимой сухости, съ каковою, по мнѣнію нѣкоторыхъ слабыхъ, писана сія книга; не убойтесь строгости ея предписаній, памятуя, что лѣкарство, хотя и непріятно вкусу, но полезно здравію всего тѣла; переварите смыслъ ея въ умахъ и сердцахъ вашихъ; я увѣренъ, что она можетъ вамъ принести истинную пользу. Я нравственностью своею много долженъ сей книгѣ. Мнѣ указалъ на нее другъ мой[3]), я вамъ на нее указываю. Когда вы примите мой совѣтъ и будете читать писанное въ ней со вниманіемъ, имѣя въ виду пользу вашу, и послѣдуете даннымъ въ ней наставленіямъ, то увѣряю васъ, что вы учинитесь способными ко чтенію въ сердцахъ не только вашихъ, но и въ сердцахъ другихъ людей, вамъ подобныхъ, получите средство къ прохожденію трудныхъ и непріятныхъ стезей, ведущихъ къ познанію себя самаго. Моя награда та, что я буду орудіемъ, облегчившимъ снисканіе сего важнаго и спасительнаго познанія. Поручаю себя вашей любви, пріобрѣтеніе коей есть цѣль моихъ сердечныхъ желаній, и остаюсь съ искренностью и душевною къ вамъ привязанностью, вашъ усерднѣйшій и послушный слуга И. Т., 12-го дек. 1800“. —

Весь нравственный складъ Ивана Петровича, его заботы о дѣтяхъ, объ учащихся молодыхъ людяхъ въ находившемся подъ его начальствомъ университетѣ, его любовь къ просвѣщенію — все это производило сильное впечатлѣніе на молодое поколѣніе. Всѣ, кому приходилось ближе стать къ

---

1) Первое изданіе вышло въ 1783 году, 2-е — въ 1786 и 3-е — въ 1800 году; рѣчь идетъ о 3-емъ изданіи.

2) Архивъ Тургеп. № 1665, б-3.

3) Или Н. И. Новиковъ, или И. В. Лопухинъ.

нему, всегда вспоминали о немъ съ необычайнымъ почтеніемъ. Собравшись вмѣстѣ, Геттингенскіе студенты „первую рюмку шампанскаго“ пьютъ „за здравіе Друга Человѣчества“ [1]). Сыновья чувство вали на себѣ все вліяніе Ивана Петровича, видѣли его заботу объ ихъ нравственности, видѣли то уваженіе, которымъ онъ пользовался среди знакомаго ихъ общества, и сами проникались къ нему сильною любовью и уваженіемъ. Эта почтительность и уваженіе были не только формальныя: то и другое шло изъ глубины ихъ сердца, словомъ и дѣломъ они спѣшили доказать свою привязанность къ нему, свою любовь и свою почтительность. Обхожденіе Ивана Петровича съ своими сыновьями было дружеское. Онъ бесѣдовалъ съ ними какъ съ равными, и Андрей однажды отказался поѣхать вечеромъ къ своему другу Кайсарову по той причинѣ, что въ этотъ вечеръ его батюшка останется одинъ, и ему будетъ скучно. Въ этомъ отношеніи Иванъ Петровичъ былъ, пожалуй, одинаковъ со всѣми молодыми людьми. Жуковскій въ 1813 году говорилъ, что „любовь его [т. е. Ивана Петровича] къ дѣтямъ была товариществомъ зрѣлаго опытнаго мужа съ юношами, привязанными къ нему свободною довѣренностью, сходствомъ мыслей и чувствъ и самою нѣжною благодарностью... Онъ былъ живой юноша въ кругу молодыхъ людей, изъ которыхъ каждый готовъ былъ сказать ему все, что имѣлъ на сердцѣ, будучи привлеченъ его прямодушіемъ, отеческимъ участіемъ, веселостью, простотою“ [2]). Въ этихъ словахъ дается яркая характеристика отношеній Ивана Петровича къ молодежи, характеристика, къ которой трудно что-нибудь прибавить. „И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями“ — говорилъ тотъ же Жуковскій въ посланіи къ Александру Ивановичу.

Особенно цѣнилъ и любилъ Ивана Петровича Александръ Ивановичъ. Свѣдѣній объ особенной близости между нимъ и Иваномъ Петровичемъ въ Московскій періодъ у насъ, правда, нѣтъ. Но когда Александръ Ивановичъ удалился изъ родительскаго дома и предоставленъ былъ самому себѣ, тогда его привязанность къ родительскому дому, а особенно къ Ивану Петровичу, обнаружилась съ полной силой. Правда, Александръ Ивановичъ, въ противоположность брату Андрею, отличался долей сентиментальности и къ изліянію чувствъ былъ болѣе склоненъ, нежели Андрей Ивановичъ, кипучая натура котораго не давала мѣста для проявленія чувствительности. Мы не можемъ сказать, кого больше любилъ Иванъ Петровичъ — Андрея или Александра: вѣроятно, такого вопроса не существовало и для самого Ивана Петровича; можемъ только утверждать, что Андрей Ивановичъ былъ гордостью и надеждою своего отца, и его преждевременная смерть такъ потрясла послѣдняго, что тотъ уже и не оправился. Все время, когда Андрей Ивановичъ былъ въ

---

1) Стр. 280.

2) См. Рѣзановъ, Изъ розысканій о сочиненіяхъ Жуковскаго, стр. 52.

Петербургѣ и въ Вѣнѣ, шла длительная переписка между ними. „Онъ былъ утѣшеніе мое въ мірѣ горестномъ, былъ отрадою сердца моего“ — писалъ Иванъ Петровичъ Жуковскому послѣ смерти Андрея: „Я веселился, воображая, что имѣю въ немъ предостойнаго сына, воображалъ имѣть въ немъ истиннаго друга сердечнаго. Велика въ немъ потеря моя“[1]). Въ такой же степени почтеніемъ платилъ Ивану Петровичу и Андрей, какъ это выясняется изъ всѣхъ его писемъ, хотя въ своихъ дневникахъ онъ и не предается изліяніямъ своихъ родственныхъ чувствъ. Не то представлялъ собой Александръ Ивановичъ. По его замѣчаніямъ въ дневникахъ и письмахъ, по его дальнѣйшимъ заботамъ о больномъ родителѣ, по его позднѣйшимъ отзывамъ — ясно видно, какою любовью преисполнено было сердце его къ своему родителю. Онъ цѣнилъ въ немъ его заботу о нихъ, заботу, которая выражалась такъ мягко и такъ осторожно и деликатно, что исполнить желаніе его никогда не составляло трудности. „Батюшка, кажется, живетъ только тѣмъ, чтобы радовать насъ; онъ не приказываетъ, не позволяетъ намъ, но показываетъ, какъ будто-бы и самъ того же хотѣлъ, что мы у него просимъ, между тѣмъ какъ это стоитъ ему, можетъ быть, большихъ пожертвованій“, — пишетъ онъ въ Геттингенскомъ дневникѣ, получивъ отъ Ивана Петровича позволеніе остаться еще на полгода въ Геттингенѣ[2]). Получивъ какое то письмо отъ батюшки — вѣроятно отвѣтъ на присланные аттестаты — Александръ Ивановичъ пришелъ въ чрезвычайное умиленіе. „И я былъ причиною ихъ радости!“—пишетъ онъ въ дневникѣ: „И отъ меня текли слезы радости! Я самъ заплакалъ отъ внутренняго сильнаго чувства, читая слова Батюшки: *и во все это время ни одинъ часъ и проч.* И во всю мою жизнь Богъ да наставитъ и удержитъ меня для вашей безпрерывной радости!“[3]). А 9/18 іюня, въ день ангела Ивана Петровича, онъ записываетъ такую молитву: „Да проведетъ онъ остатокъ дней своихъ также спокойно, какъ я провелъ этотъ день! Да достигнетъ онъ мирнаго пристанища безъ всякой бури на пути своемъ! Геній дружбы и любви да сопровождаетъ его! Да отдалитъ отъ него мрачныя облака, потемняющія утомленныя взоры его, и да поможетъ намъ сдѣлать и здѣсь его участникомъ блаженства, пріуготовленнаго душамъ Праведныхъ тамъ, гдѣ никто не можетъ нарушить его!“[4]). Вернувшись изъ за границы въ 1805 году, Александръ Ивановичъ нашелъ Ивана Петровича уже въ параличѣ, почти безъ языка, и предался исключительно заботамъ о немъ; онъ не хотѣлъ даже поступать на службу, если эта служба должна была оторвать его отъ батюшки, что̀ было необходимо, такъ какъ ему предстояла служба въ Петербургѣ у Новосильцева. Предстоявшая ему служба была очень выгодна, и онъ не мало перенесъ непріятностей, повиди-

1) Стр. 286.
2) Стр. 249.
3) Стр. 224.
4) Стр. 237.

мому со стороны матушки, для которой карьера сыновей стояла на первомъ планѣ. Эти непріятности причиняли ему глубокую внутреннюю скорбь, но — оставить отца онъ не хотѣлъ. Перваго января 1806 года онъ пишетъ Андрею Кайсарову въ Геттингенъ: „Меня мучатъ за то, что я, какъ сынъ, исполняю свой долгъ. Естьлибъ я менѣе былъ совѣстенъ, естьлибъ я не жертвовалъ всѣмъ, что есть для меня драгоцѣннаго, я бы меньше страдалъ и, можетъ быть, и окружающія меня, которыя всѣ почти меня любятъ, меньше отъ того страдали. Но какъ смѣю я перемѣнить участь свою, когда съ нею связана участь Батюшки! Я готовъ и имъ жертвовать для него же. Потеря моя невозвратима, страданія мои выше силъ человѣческихъ. Но когда я вспомню, что это все дѣлаю для своего отца, мнѣ легко“ [1]). И послѣ его смерти Александръ Ивановичъ дорожитъ всѣмъ, что такъ или иначе связано съ именемъ его родителя. Въ своей поѣздкѣ на родину черезъ полтора года послѣ смерти Ивана Петровича Александръ Ивановичъ заѣхалъ въ село Ахматово и потомъ писалъ Николаю Ивановичу, что онъ „нашелъ все въ изрядномъ порядкѣ и съ благоговѣйной грустью вспомнилъ, что тутъ отецъ нашъ часто проводилъ дни своего ребячества и своей молодости, что сюда пріѣзжалъ онъ съ Дѣд[ушкой] и Баб[ушкой] гостить къ дядѣ. Еще многіе мужики его помнятъ и были товарищами его въ дѣтскихъ играхъ. Прежде я не зналъ объ этомъ и не думалъ, что Ахматово для насъ должно быть такъ дорого“ [2]). Узнавъ въ 1810 году, что Двигубскому Московскій университетъ поручилъ написать біографію Ивана Петровича, Александръ Ивановичъ проситъ Жуковскаго посмотрѣть ее и сдѣлать, „чтобы она достойна была описуемаго предмета“; „иначе — продолжаетъ онъ — я не хочу, чтобъ она и въ свѣтъ являлась“ [3]).

Высоконравственная личность Ивана Петровича была всегда образцомъ и предметомъ удивленія и почтенія со стороны его дѣтей. Они почитали внутреннюю силу его характера, просвѣтленную истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ. Придя въ достаточный возрастъ, они, конечно, хорошо уже понимали, что пришлось вытерпливать ихъ отцу, и видѣли, съ какимъ терпѣніемъ онъ переносилъ всѣ невзгоды. Стоицизмъ Ивана Петровича вселялъ въ нихъ большое къ нему уваженіе. Весной 1802 года вся семья Тургенева, кромѣ двухъ младшихъ сыновей, была въ Петербургѣ, и Александръ Ивановичъ, сообщая оттуда въ Москву Жуковскому о смерти двухъ друзей Ивана Петровича, Плещеева и Тимана, между прочимъ, пишетъ: „Вдовствующей Императрицѣ нанесло это [смерть Плещеева] большое огорченіе и Батюшкѣ также, но послѣдній удивительно и непонятно для насъ какъ-то все спокойно переноситъ; сегодня же узналъ и другую потерю для себя Бат[юшка]; сказываютъ во дворцѣ, что Тиманъ, котораго онъ такъ любилъ, — ты самъ знаешь — Тиманъ, этотъ рѣдкій умъ, тоже

1) Стр. 349—50.
2) Стр. 364.
3) Письмо отъ 20 сент. 1810 г.

умеръ вчера. Онъ все это знаетъ и ничуть не ропщетъ, а тотчасъ опять принялся писать для университета. Правда: христіанинъ больше философа... Куда мнѣ больно, что Кутузовы живутъ, а Плещеевы умираютъ. Такъ горько, готовъ роптать, но посмотрю на Бат[юшку] и — успокоюсь“ [1]).

Неменьшею любовью и привязанностью пользовался Иванъ Петровичъ и у сдержаннаго Николая Ивановича. Послѣдній былъ еще малъ, когда Андрей и Александръ уже вращались въ кругу знакомцевъ Ивана Петровича, а въ 1805 году Ивана Петровича поразилъ недугъ, и Николаю и младшему брату Сергѣю пришлось уже ухаживать за больнымъ отцомъ. „Можетъ быть, горе ихъ сдружило болѣе. Ходятъ за Батюшкой и не ропщутъ на свое положеніе“, — сообщалъ Александръ Ивановичъ Андрею Сергѣевичу Кайсарову изъ Москвы тотчасъ по своемъ возвращеніи изъза границы [2]). А послѣ смерти Ивана Петровича Николай Ивановичъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „Смерть отца — но довольно ли сказать — *отца?* какого отца! Могу ли я выразить то, что я потерялъ въ немъ? Нѣтъ“ [3]). Впослѣдствіи въ Геттингенѣ, въ 1809 г. онъ такъ вспоминалъ то время, когда ему пришлось обнаружить свое отношеніе къ больному отцу: „Здѣсь, въ Геттингенѣ, хотя я и не имѣю тѣхъ священныхъ обязанностей, хотя не нещастенъ, однимъ словомъ, хотя я здѣсь свободенъ, однакожь не чувствую здѣсь того удовольствія, которое я чувствовалъ въ то время въ Москвѣ. Хотя здѣсь не терзаетъ моего сердца видъ несравненнаго въ добротѣ и несчастіи отца, отца-друга, отца и благодѣтеля, но тамъ утѣшали меня иногда мысли пріятныя, смѣшанныя съ душевною горестію, и слеза, выкатившаяся, такъ сказать, изъ глубины сердца, оживляла меня и давала мнѣ новыя силы для перенесенія новыхъ несчастій [4]).

Съ какимъ почтеніемъ относились къ Ивану Петровичу его сыновья и какъ трогательно они выслушивали его наставленія, можно видѣть изъ слѣдующей записи Андрея Ивановича въ его журналѣ 13-го августа 1800 года: „Сегодня Мат[ушка] на меня гнѣв[алась]; Батюшка былъ примирителемъ, и я никогда не забуду словъ его, его голоса и его слезъ. Они терзали мое сердце. Съ какою нѣжностью онъ увѣщевалъ, съ какою трогательностью бранилъ даже меня. Одинъ только отецъ и такой, какъ онъ, можетъ такъ говорить“. Наконецъ, и друзья молодыхъ Тургеневыхъ не находили для нихъ ничего лучшаго, какъ походить на своего батюшку. Андрей Кайсаровъ въ день именинъ Александра Ивановича (30 августа, годъ неизвѣстенъ, но очевидно 1799 — 1801) пишетъ ему: „Чтобъ соблюсти форму поздравленія, вотъ тебѣ стишонки, вытекшіе съ просонья изъ моей солдатской головы:

---

1) Письмо отъ 28 февр. 1802 г.
2) Стр. 325.
3) Архивъ бр. Тургеневыхъ, I, стр. 66.
4) ibid., стр. 223.

Отцу свому подобенъ
Во всемъ, другъ милой, будь,
Любви его достоенъ
И щастливъ вѣчно будь.

Имя Ивана Петровича Тургенева вводитъ насъ въ тотъ особый Московскій литературный кружокъ, который такъ извѣстенъ въ исторіи русской литературы конца XVIII и начала XIX вв. Въ этомъ кружкѣ вращались и молодые Тургеневы, и съ нѣкоторыми изъ членовъ его впослѣдствіи Александръ Ивановичъ, ставшій уже виднымъ общественнымъ дѣятелемъ, велъ обширную переписку. Это былъ кружокъ, возникшій на развалинахъ стараго „Дружескаго Ученаго Общества“, группировавшійся когда-то около Новикова, а теперь сосредоточившійся въ домѣ Тургенева. Къ этому кружку принадлежали, прежде всего, братья Лопухины, Иванъ и Петръ Владиміровичи, Невзоровъ Максимъ Ивановичъ, когда то путешествовавшій за границею на счетъ Дружескаго Ученаго Общества — лица, связанныя между собою масонско-мистическимъ настроеніемъ. Далѣе, къ тому же кружку примыкали старые литераторы — Херасковъ и особенно И. И. Дмитріевъ, въ это время проживавшій въ Москвѣ. Эти два лица не входили въ составъ тѣснаго масонскаго кружка, но они были личными друзьями Ивана Петровича, съ которымъ ихъ связывала любовь къ литературѣ. И. И. Дмитріевъ очень внимательно слѣдилъ за появленіемъ новыхъ литературныхъ произведеній, благосклонно относился къ начинающимъ литераторамъ и часто посѣщалъ собранія воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, гдѣ предлагались вниманію публики первые опыты юныхъ сочинителей. Общеніе членовъ кружка между собою было постоянное. Въ дневникахъ Андрея Ивановича не разъ встрѣчаются упоминанія о посѣщеніи дома Ивана Петровича тѣмъ или другимъ лицомъ. Это общеніе создавало особаго рода атмосферу, которой пропитывались молодые Тургеневы и ихъ товарищи. Помимо рано проявившихся у молодыхъ Тургеневыхъ литературныхъ интересовъ, поддерживавшихся любовью къ литературѣ въ старшемъ Тургеневскомъ кружкѣ, вліяніе самыхъ личностей было несомнѣнно. Оно тѣсно соединялось съ тѣмъ вліяніемъ, которое оказывалъ на своихъ дѣтей и ихъ молодыхъ друзей самъ Иванъ Петровичъ. На Тургеневыхъ дѣйствовали и примѣръ самой дружбы лицъ старшаго поколѣнія, и стойкость ихъ характеровъ, проявленная и проявляемая въ испытаніяхъ службы, и нравственная высота ихъ міросозерцанія, и, наконецъ, ихъ любовь къ просвѣщенію и благосклонность къ молодежи.

Ближе всѣхъ къ Ивану Петровичу стоялъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, имѣвшій на него, несомнѣнно, самое сильное вліяніе. Лопухинъ былъ самый ярый приверженецъ масонскаго ученія, и масонство самого Ивана Петровича, несомнѣнно, поддерживалось Лопухинымъ. По совѣту Ивана Владиміровича, Иванъ Петровичъ перевелъ нѣсколько ма-

сонскихъ книгъ. Кромѣ того, Лопухинъ прославился на судейскомъ поприщѣ, какъ правдивый судья, а особенно онъ былъ извѣстенъ какъ благотворитель. Послѣдняя черта, приведшая его къ раззоренію и доведшая его до суда съ Тургеневыми, остается не вполнѣ выясненной, но въ данное время она особенно была замѣтна и возвышала его въ глазахъ современниковъ. Постоянное общеніе съ Иваномъ Владиміровичемъ, наблюденіе надъ тѣсной дружбой его съ Иваномъ Петровичемъ, производило то, что въ представленіи молодыхъ Тургеневыхъ Иванъ Владиміровичъ какъ-то не отдѣлялся отъ ихъ родителя. Они привыкли ихъ соединять вмѣстѣ, и мысль объ одномъ вызывала представленіе о другомъ. Прямыхъ указаній на процессъ вліянія Ивана Владиміровича на молодыхъ Тургеневыхъ у насъ нѣтъ, но всѣ отзывы ихъ о немъ на всемъ пространствѣ доступнаго намъ матеріала свидѣтельствуютъ о томъ глубокомъ уваженіи, которое вселялъ въ нихъ близкій другъ ихъ отца. Для характеристики нравственныхъ качествъ умершаго Плещеева Александръ Ивановичъ не находитъ ничего лучшаго, какъ сказать:“ Онъ былъ другой Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ“,[1]) и далѣе онъ продолжаетъ [Жуковскому]: „Какое это огорченіе нанесетъ Лопухинымъ. Сходи и посмотри на Ив[ана] Влад[иміровича]; онъ такъ спокоенъ будетъ, что ты подумаешь, что онъ совсѣмъ и не зналъ ихъ, между тѣмъ какъ съ Плещеевымъ были совершенные друзья, такъ какъ съ Батюшкой“[2]). И всегда, когда надо было представить себѣ образецъ, которому должно подражать, у Александра Ивановича вставалъ образъ Ивана Владиміровича. Размышляя однажды о томъ, хорошо ли онъ сдѣлалъ, оставивъ надолго родителей и братьевъ, и утѣшая себя тѣмъ, что онъ оставилъ отеческій домъ свой для того, чтобы „учиться, обогащаться познаніями, чтобы послѣ ему же быть въ утѣшеніе, его же отрадою и радостью“, — Александръ Ивановичъ тутъ же приводитъ такое возраженіе: „Но развѣ въ кругу его я не могъ сдѣлаться достойнымъ сыномъ? Развѣ Лопухины не созрѣли въ объятіяхъ отца своего? Или могу я надѣяться со всѣми моими будущими познаніями, опытами сравняться съ ними? Нѣтъ, никогда; я почелъ бы себя щастливымъ, естьлибъ весьма слабое подражаніе могло быть моимъ удѣломъ, и оно одно уже возвысило бы въ собственныхъ глазахъ моихъ цѣну мою“[3]).

Прошло много уже времени, Александръ Ивановичъ, схоронивъ Батюшку, служилъ уже въ Петербургѣ, какъ затѣялось крупное судебное дѣло у Ивана Владиміровича съ Тургеневыми. Дѣйствія Ивана Владиміровича были какъ-то странны и трудно объяснимы. Но Александръ Ивановичъ все также преисполненъ глубокаго уваженія къ личности стараго друга ихъ семейства, и, отстаивая свои безспорныя права, проситъ Жуковскаго засвидѣтельствовать предъ Иваномъ Владиміровичемъ его непо-

1) Письмо къ Жуковскому отъ 28 февр. 1802 г.
2) ibid.
3) Стр. 36.

колебимое къ нему уваженіе. Въ 1809 году онъ пишетъ Жуковскому: „Отъ Ивана Вл[адиміровича] я не получалъ ни одного письма. Сдѣлай милость, пришли мнѣ его Записки. Ты можешь себѣ легко представить, какъ это для меня любопытно и важно... Жаль, что онъ не хочетъ кончить своихъ дѣлъ... Я не перестаю любить и душевно почитать его; но, говоря отъ чистаго сердца, желалъ бы, чтобы онъ кончилъ дѣла свои такъ, какъ требуютъ этого справедливость и законъ. А для этого нужно ему представить это дѣйствію закона и приложить попеченіе о скорѣйшемъ окончаніи“ [1]).

Приблизительно такіе же отзывы объ Иванѣ Владиміровичѣ читаемъ мы и у Андрея Ивановича. Еще въ 1800 году, марта 16-го, онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: „Ив[анъ] Вл[адиміровичъ] одѣваетъ все въ шутку, въ похвалу и, кажется, все только шутитъ. Но кто такъ, какъ онъ, производитъ во мнѣ соревнованіе къ добру и укрѣпляетъ меня въ добромъ? Отобѣдавши у него, въ кругу его пріятелей, прошутивъ и проговоривъ съ пріятностью все время, я возвращаюсь домой веселѣе, спокойнѣе, добрѣе и расположеннѣе къ добру“. Три года спустя, лѣтомъ въ 1803 году, Андрей Ивановичъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ былъ также и Иванъ Владиміровичъ, а у Ивана Петровича было какъ разъ дѣло объ его отставкѣ и о назначеніи ему пенсіи [2]). Письма Андрея Ивановича къ родителямъ за этотъ періодъ полны извѣщеній объ Иванѣ Владиміровичѣ. Онъ сообщаетъ Ивану Петровичу всѣ подробности о жизни Ивана Владиміровича, всѣ хлопоты его по дѣлу Ивана Петровича и о немъ самомъ, радуется тому; передавая, какъ Нелединскій въ спорѣ по поводу сочиненія М. И. Невзорова „Любовь“ сдѣлалъ его „судьей между Иваномъ Владиміровичемъ и имъ“, онъ добавляетъ: „Я думаю, Ив[анъ] Владимір[овичъ] никогда такъ не смѣялся, какъ въ это утро“ [3]). А въ одномъ письмѣ онъ такъ пишетъ: „Иванъ Владиміровичъ, слава Богу, здоровъ; я всякой день по утрамъ у него бываю, и, несмотря на то что онъ такъ занятъ, онъ находитъ еще время иногда поговорить со мной, а я — съ нимъ поспорить о обыкновенныхъ предметахъ споровъ моихъ съ нимъ, съ Вами и съ Макс[имомъ] Иван[овичемъ] [4]). Но я, право, чувствую себя лучше и счастливѣе, когда бываю съ нимъ“ [5]).

Съ Иваномъ Владиміровичемъ у Тургеневыхъ всегда связывалось представленіе объ его братѣ—Петрѣ Владиміровичѣ, также масонѣ и „благодѣтелѣ“, какъ его постоянно называлъ въ своихъ письмахъ Александръ Ивановичъ. Оба брата служили живыми примѣрами для Тургеневыхъ и они

---

1) Письмо отъ 31-го августа. О тяжбѣ Ивана Владиміровича съ Тургеневыми см. примѣч. къ стр. 387.

2) См. ниже, примѣч. къ стр. 134.

3) Письмо отъ 8 мая 1803 г.

4) т. е. Невзоровымъ.

5) Письмо отъ 17 апр. 1803 г.

мечтали „быть подобіемъ Лопухиныхъ“. Петръ Владиміровичъ былъ такимъ же другомъ Ивана Петровича, какъ и Иванъ Владиміровичъ. Во время пребыванія Александра Ивановича въ Геттингенѣ и Андрея Ивановича въ Петербургѣ, Петръ Владиміровичъ оставался единственнымъ близкимъ человѣкомъ къ Ивану Петровичу, такъ какъ и Ивана Владиміровича почти все это время не было въ Москвѣ. И письма и дневникъ Александра Ивановича полны восторженныхъ отзывовъ о Петрѣ Владиміровичѣ: „Иногда въ минуты спокойнаго духа, — писалъ онъ — размышляю я о тѣхъ благодѣтельныхъ дѣйствіяхъ, какія имѣли сіи два человѣка на мой характеръ, на мое моральное образованіе, и чувства моей привязанности къ нимъ и любви становятся гораздо живѣе“ [1]). Въ другомъ письмѣ онъ проситъ Батюшку быть истолкователемъ его чувствъ къ Петру Владиміровичу: „Я не умѣю найти словъ для принесенія моей сердечной благодарности за его приписаніе; я бы желалъ выразить все, что я чувствую къ нему, но не умѣю и не могу. Сколько разъ принимался я писать особое письмо, но никогда не былъ имъ доволенъ“ [2]). Далѣе, опять письмѣ и въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ дневника онъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ даетъ характеристику Петра Владиміровича: „Мы видимъ, что есть люди, которыя любятъ другихъ людей и благодѣтельствуютъ имъ или отъ того, что не знаютъ ихъ, или отъ того, что знаютъ ихъ съ хорошей стороны. Но Петръ Владиміровичъ видитъ всѣ ихъ слабости, пороки, и при всемъ томъ остается нѣжнѣйшимъ филантропомъ“ [3]). Съ такими отзывами согласуются слова Андрея Ивановича, вообще менѣе склоннаго на сердечныя изліянія, чѣмъ его братъ. Въ началѣ 1802 года, возвратившись изъ Вѣны въ Петербургъ, онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ 14-го марта: „Въ дорогѣ имѣлъ блаженныя, истинно блаженныя минуты, вспоминая ввечеру, при захожденіи солнца, чувствуя себя въ одиночествѣ, время, проведенное на Сав[инскомъ] Подворьѣ, и всегда при этомъ Петра Влад[иміровича], какъ онъ бывало прихаживалъ къ намъ, любилъ насъ, какъ онъ теперь насъ любитъ. Никогда не могъ я при этомъ противиться слезамъ моимъ, часто рыдалъ и былъ щастливъ, прямо щастливъ и наслаждался“. Когда Иванъ Петровичъ сталъ болѣть и одинъ только Петръ Владиміровичъ изъ близкихъ оставался при немъ, Александръ Ивановичъ, однажды расчувствовавшись, пишетъ въ своемъ дневникѣ: „О, да пролетятъ и для него часы унынія и да продолжатся только тѣ, въ которыя онъ находитъ отраду въ дружествѣ! Да проглянетъ улыбка на лицѣ его, прижимаясь къ теплой груди Петра Володиміровича! А ты, второй благодѣтель мой, дари его твоею бесѣдою! Въ старости твоей, когда и ты будешь имѣть участь отца твоего, и мы, о благодѣтель нашъ, не отойдемъ отъ ложа твоего; и мы будемъ имѣть утѣшеніе посвятить лучшія года

1) Стр. 30.
2) Стр. 53.
3) Стр. 224; ср. стр. 79.

жизни нашей на вашу службу“ [1]). Послѣднее, однако, не исполнилось. Въ 1805 году весной Петръ Владиміровичъ скончался, и Александръ Ивановичъ писалъ къ Андрею Сергѣевичу Кайсарову въ Геттингенъ: „А о твоемъ Александрѣ еще пожалѣй, милой: ему еще горе и всему его семейству. Мы лишились Петра Володиміровича Лопухина. Мой другъ! И Батюшка живъ еще, и я долженъ былъ, ничего не подозрѣвая, пріѣхать сюда и объявлять ему это; и цѣлыя сутки долженъ былъ носиться съ этимъ горемъ и казаться веселымъ отъ окончанія дѣла Петербургскаго, зная, что уже нѣтъ того съ нами, которой цѣлую жизнь свою посвятилъ друзьямъ своимъ, которой составлялъ послѣднее утѣшеніе въ жизни для Батюшки“ [2]).

Въ чемъ же заключалось вліяніе старшаго Тургеневскаго кружка на молодыхъ Тургеневыхъ и ихъ товарищей? Тургеневскій старшій кружокъ извѣстенъ въ исторіи литературы, прежде всего, какъ кружокъ масонскій. Шварцъ, Гамалея, Новиковъ, Кутузовъ, Лопухины, Невзоровъ— все это были убѣжденные масоны. Съ масонскимъ направленіемъ связывалась просвѣтительная и благотворительная дѣятельность. Ко времени образованія молодого Тургеневскаго кружка масонская дѣятельность старшаго кружка нѣсколько ослабѣла, но Лопухины, Невзоровъ и самъ Иванъ Петровичъ все же продолжали оставаться столпами масонства, и ихъ масонскія собесѣдованія происходили на глазахъ младшаго поколѣнія. Однако, эта сторона Тургеневскаго кружка не оказала прямого вліянія на послѣднее. Никто изъ молодыхъ Тургеневыхъ и никто изъ ихъ молодыхъ пріятелей не сдѣлался масономъ, ни теперь ни послѣ. Ни въ запискахъ, ни въ дневникахъ, ни въ письмахъ молодого Тургеневскаго кружка мы не находимъ ничего, что могло бы указывать намъ на интересъ къ масонскому направленію. Въ этомъ отношеніи молодой Тургеневскій кружокъ соединился съ Карамзинымъ, который, хотя и былъ обязанъ своимъ возрожденіемъ Ивану Петровичу, однако къ масонскому направленію не питалъ никакого влеченія, что, повидимому, нѣсколько и отдаляло его отъ своего покровителя. Не оказывало вліянія масонское направленіе и на Тургеневыхъ. Конечно, весь ихъ кружокъ былъ слишкомъ юнъ для того, чтобы воспринимать силу и значеніе того внутренняго самоуглубленія, къ которому призывало масонское ученіе; но интересно то, что и впослѣдствіи никто изъ нихъ и изъ всѣхъ товарищей никогда не сталъ масономъ. Андрей Ивановичъ неоднократно упоминаетъ о своихъ спорахъ въ Москвѣ съ Иваномъ Петровичемъ, Лопухинымъ и Невзоровымъ, и мы можемъ думать, что предметомъ спора было именно исповѣдуемое ими масонское ученіе: во всемъ остальномъ всѣ трое были для Андрея и друзей его непреложнымъ авторитетомъ. Когда въ концѣ перваго десятилѣтія, съ появленіемъ новаго начальника Главнаго Управленія иностранныхъ испо-

1) Стр. 245.
2) Стр. 336.

вѣданій, а потомъ и Министра Народнаго Просвѣщенія, извѣстнаго мистика князя Голицына, опять оказалось „въ большой модѣ Масонство“, и явилось нѣсколько ложъ и притомъ съ „позволенія Правительства“, Александръ Ивановичъ писалъ Николаю Ивановичу: „Я не принадлежу и не буду принадлежать ни къ одной [ложѣ]“ [1]). Но Иванъ Петровичъ былъ масономъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Масонство для него было не только однимъ обрядовымъ факторомъ, не только средствомъ для постиженія таинственнаго и сверхъестественнаго при помощи устройства ложъ и прохожденія черезъ извѣстные градусы служенія и посвященія. Для него масонство было цѣнно постольку, поскольку оно побуждало и давало средства для внутренняго самоусовершенствованія. Долгъ человѣка и долгъ гражданина являлся первымъ стимуломъ, который долженъ постоянно стоять передъ глазами. Вотъ это-то преклоненіе передъ долгомъ человѣка и гражданина и заставляло высоко цѣнить Ивана Петровича. Это отношеніе къ Ивану Петровичу лучше всего выразилъ Александръ Ивановичъ, когда, прочитавъ извѣстныя „Записки“ Ивана Владиміровича Лопухина и почувствовавъ нѣкоторую неудовлетворенность ими, написалъ Николаю Ивановичу: „Чтобы быть добродѣтельнымъ, надо быть и добрымъ гражданиномъ. Я часто думаю, и падаю на колѣна передъ бюстомъ Батюшки: Се человѣкъ! И въ какихъ положеніяхъ! При какихъ обстоятельствахъ“! [2]).

Таковъ былъ старшій кружокъ Тургеневыхъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ котораго воспитывалось молодое поколѣніе, въ частности нашъ Александръ Ивановичъ. Быть добродѣтельнымъ и быть добрымъ гражданиномъ — вотъ что выносили молодые Тургеневы изъ постояннаго общенія со своими старшими руководителями. И это была не прописная мораль, не однѣ голыя наставленія, которыя имъ приходилось слышать напр. на школьныхъ скамьяхъ: это были живые примѣры, дѣйствовавшіе на души молодыхъ людей самымъ непосредственнымъ образомъ. Дружескія связи Ивана Петровича захватывали и молодое поколѣніе, предъявлявшее къ жизни, конечно, свои новыя требованія, а вся нравственная атмосфера Тургеневскаго дома, состоявшаго изъ семьи самихъ Тургеневыхъ и ихъ близкихъ и неразлучныхъ старшихъ друзей, вырабатывала въ молодомъ поколѣніи тотъ взглядъ на отношенія къ семьѣ, къ обществу и къ самимъ себѣ, который впослѣдствіи характеризовалъ Жуковскаго и частію Александра Ивановича. Это не были широкія задачи, но Тургеневъ и его друзья твердо заложили въ душахъ молодого поколѣнія то направленіе, которое руководило впослѣдствіи тѣмъ и другимъ: однимъ — болѣе ярко и памятно для потомства, другимъ — болѣе тѣсно и скрытно, но ближе для обездоленныхъ современниковъ.

---

1) Стр. 430.
2) Стр. 406.

III.

Въ Тургеневскихъ бумагахъ сохранился слѣдующій документъ. На разорванномъ вдоль полулистѣ синей бумаги, въ верхней половинѣ читается слѣдующее: „Мерзляковъ — философъ умомъ и сердцемъ. Александръ Тургеневъ имѣетъ въ себѣ нѣчто *Гвардовское*. Жуковскій гораздо добрѣе, нежели сколько выражаетъ слово *добрый*. Андрей Тургеневъ почти то же, что Жуковскій. Петръ Кайсаровъ отмѣнно чувствителенъ. Мих[аилъ] Кайсаровъ имѣетъ холодно — доброе сердце. Андрей Кайсаровъ добръ, но въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ характеръ его se dément. Воейковъ добръ...[1]), духъ его много къ этому способствуетъ". На нижней половинѣ листа рукою Андрея Тургенева написано: „Выше все мнѣнія Родзянкины. Я въ нихъ не участвую и съ ними не согласенъ. Я бы не оскорбился стоять и пониже. Да и онъ говоритъ, что писалъ не по порядку, а то бы поставилъ Жуковскаго еще выше. Но я бы никому не далъ стоять выше Александра. Объ Андреѣ Кайсаровѣ несправедливо. Лаконизмъ не позволяетъ много говорить. А о Воейковѣ такъ мало! Я его обожаю! Славный характеръ"! На обрывкѣ второго полулиста той же рукой, что и первая половина листа, т. е. рукою Родзянки написано слѣдующее: „Хотя это изорвано, но важности и дѣйствительности не теряетъ. Вы всѣ можете бродить по бѣлому свѣту безъ паспортовъ, съ этой бумажкой въ рукахъ, и показывать ее на всѣхъ заставахъ. Изорвалъ Тургеневъ и говоритъ, что я этому причиною. Въ оправданіе себѣ посылаю къ вамъ этотъ памятникъ нашей откровенности. — Сдѣлай милость, братъ, не показывай его Андр[ею] Кайсар[ову]: онъ можетъ разсердиться".

Этотъ документъ, этотъ паспортъ, какъ называетъ его авторъ, вводитъ насъ въ молодую компанію, въ кружокъ молодого поколѣнія, въ которомъ вращались Тургеневы и который въ 1801 году основалъ „Дружеское Литературное Общество". Компанія эта давно уже извѣстна[2]). Интересенъ самый характеръ „паспорта": всѣ перечисленныя въ немъ лица имѣютъ одно общее всѣмъ имъ свойство — всѣ они „добры", только одинъ нѣсколько болѣе добръ, другой — нѣсколько менѣе.

Дружескій кружокъ, въ которомъ вращался Александръ Тургеневъ, распадался на двѣ части, которыя, однако, съ теченіемъ времени перемѣшались. Съ переѣздомъ Ивана Петровича изъ Симбирска въ Москву, старшій сынъ его Андрей поступилъ въ университетъ, а младшій Александръ — въ Университетскій Благородный Пансіонъ, вслѣдствіе чего тотчасъ же образовалось два круга, во первыхъ, кружокъ университет-

1) Одно слово не разобрано.

2) На ней останавливался и проф. Рѣзановъ въ своемъ изслѣдованіи о Жуковскомъ.

скихъ воспитанниковъ, къ которому принадлежали Андрей Тургеневъ, Журавлевъ и Мерзляковъ, и во вторыхъ — кружокъ воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, состоящій изъ Александра Тургенева, Жуковскаго, Петра и Михаила Кайсаровыхъ и Родзянки. Послѣдніе не всѣ были однокурсники. Но воспитанники Пансіона, и вышедъ изъ него, не покидали съ нимъ связей, особенно, когда тамъ образовалось „Общество воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона“, устраивавшее литературныя собранія, въ которыхъ принимали участіе и настоящіе и бывшіе воспитанники. Изъ перечисленныхъ лицъ постепенно образовался особый кружокъ, спаянный интересомъ къ литературѣ. Всѣ члены кружка въ періодъ 1796—1800 гг. уже видѣли въ печати свои имена—и въ прозѣ и въ стихахъ. Оба кружка, университетскій и Пансіонскій, сблизились между собой и различіе между ними исчезло. Къ нимъ присоединился чрезъ Кайсаровыхъ третій ихъ братъ Андрей, служившій тогда въ военной службѣ, но тяготившійся ею и тяготѣвшій также къ литературѣ, а затѣмъ А. О. Воейковъ, окончившій Университетскій Благородный Пансіонъ въ 1795 году.

Въ 1835 году, 1-го декабря, Жуковскій писалъ Александру Ивановичу въ Парижъ: „Мы похоронили нашего добраго Булгакова. И для меня, такъ же какъ и для тебя, онъ былъ представителемъ первой молодости и первой дружбы. Я его не зналъ лично тогда, когда подружился съ братомъ Андреемъ; но безпрестанно о немъ въ то время слышалъ. У нихъ тогда началась переписка посредствомъ Журавлева, письма котораго я читалъ съ большимъ удовольствіемъ“[2]). Это — тотъ Журавлевъ, о которомъ вспоминалъ Александръ Ивановичъ въ Геттингенѣ послѣ смерти брата Андрея: „Журавлевъ, къ которому я также вѣчно привязанъ буду, былъ первымъ Университетскимъ другомъ брата моего. Сколько они сладостныхъ дружескихъ вечеровъ провели вмѣстѣ! Сколько горестей онъ раздѣлилъ съ братомъ! И по разлукѣ съ нимъ сколько удовольствія доставляла брату переписка съ нимъ, и онъ никогда не могъ простить себѣ, разъ заплакалъ, досадуя на самаго себя, чистосердечно укорялъ себя въ холодности и въ дурномъ сердцѣ — за то, что пересталъ писать къ Журавлеву. Боже мой! И кто больше брата любилъ его!“[3]). — Итакъ, Журавлевъ (Иванъ Ѳедоровичъ), — одинъ изъ университетскихъ товарищей Андрея Ивановича Тургенева. Лѣтомъ 1798 года Журавлевъ уѣхалъ на службу въ Вильну и, слѣдовательно, дружба его съ Андреемъ относится къ 1796 — 1797 годамъ. Изъ ихъ переписки сохранилось лишь нѣсколько

---

1) Журавлевъ въ одномъ письмѣ изъ Вильны къ Андрею Ивановичу Тургеневу жалуется, что послѣдній ему сталъ рѣдко писать, и говоритъ: „Булгаковы скажутъ тебѣ, какъ часто тебя я вспоминаю, и отъ одного воспоминанія моего они полюбили тебя, потомучто дѣлалось оно отъ чистаго сердца“.

2) Письма Жуковскаго (ред. И. А. Бычкова), стр. 290.

3) Стр. 254.

писемъ Журавлева, но изъ нихъ видно, что переписка была большая. Въ одномъ письмѣ Журавлевъ сообщаетъ о полученіи имъ сразу двухъ писемъ отъ Андрея Тургенева — на двухъ и на четырехъ листахъ. Изъ писемъ Журавлева намъ становятся извѣстны нѣкоторыя подробности изъ жизни Тургеневскаго кружка, о которыхъ молчатъ другіе источники. Прежде всего, подтверждается фактъ переводческой дѣятельности кружка. Самъ Журавлевъ еще въ Москвѣ началъ дѣлать переводы съ нѣмецкаго языка и переводилъ, между прочимъ, романъ Коцебу Die Leiden der Ortenbergischen Familie, что̀ продолжалъ дѣлать, пріѣхавъ и въ Вильну. Они переводили изъ любви къ литературѣ. Получивъ однажды въ Вильнѣ извѣщеніе отъ Тургенева, что тотъ у нѣкоего Павицына, черезъ Перелогова, берется переводить книгу, онъ пишетъ ему: „Ты нанимаешься переводить книгу! Развѣ тайно, подъ чужимъ именемъ... чтобы не разнесся довольно невыгодный для васъ съ батюшкой слухъ, что директорскій сынъ нанимается у частныхъ людей переводить книги. Ежели бы я былъ, то могъ бы на свое имя взять всю книгу и работать съ тобой вмѣстѣ и раздѣлять награду за труды, и тогда бы можно было подумать, хотя бы кто и узналъ, что ты помогаешь мнѣ по пріязни, а не изъ интересу“. Но они не только переводили, но и мечтали о Германіи, и на этотъ фактъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, ибо онъ вызываетъ на вопросъ, не роднятся ли такія мечты съ отдаленнымъ временемъ нѣмецкаго Sturm- und -Drang-Periode чрезъ посредство тѣхъ нѣмецкихъ традицій, которыя шли отъ Шварца, а затѣмъ чрезъ Ленца, Карамзина и чрезъ непосредственное воспитаніе Тургеневыхъ Тоблеромъ? Въ одномъ письмѣ Журавлевъ пишетъ: „На этихъ дняхъ читалъ я Spectateur du Nord, іюль мѣсяцъ; есть статья Litterature Allemande; читая этотъ артикулъ, я былъ въ нѣкоторомъ энтузіазмѣ; переселялся духомъ въ Германію, не зная ея совершенно...; тихо самъ себѣ говорилъ: Щастливъ тотъ, кто имѣетъ случай тамъ побывать! Щастливымъ называлъ я тебя, что имѣешь надежду жить въ блаженной ученой республикѣ; я провождалъ тебя мыслями; не смѣлъ шептать тебѣ на ухо, чтобы ты и меня съ собою взялъ, считая невозможнымъ...; наконецъ предлагалъ тебѣ съ робостью и нѣкоторымъ сомнѣніемъ, ожидая отказа. Мой другъ! Щастіе тебѣ болѣе благопріятствуетъ; обстоятельства посылаютъ тебя въ любезную страну; мы вмѣстѣ нѣкогда мечтали быть и въ ней неразлучными; вмѣстѣ энтузіазмомъ горѣли пожить нѣсколько въ Германіи, называя ее щастливою; теперь всѣ восхитительныя мечты твои сбываются, а я остаюсь. Сжалься, возми и меня съ собою; я службу оставлю, и готовъ замѣнить одного изъ твоихъ лакеевъ, лишь бы только быть съ тобою, быть въ блаженной Германіи“...

Изъ этой же переписки мы видимъ, какъ постоянно въ молодомъ Тургеневскомъ кругу возникаютъ мысли объ учрежденіи литературныхъ собраній При университетѣ дѣйствовало „Собраніе воспитанниковъ Московскаго университета“, при Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ только-что учреждено такое же собраніе, гдѣ въ 1799 году уже предсѣда-

тельствуетъ Жуковскій, а въ 1798 году въ Тургеневскомъ кружкѣ затѣвается какое-то свое собраніе. Его затѣваютъ Андрей Тургеневъ и, надо полагать, Мерзляковъ, любитель литературныхъ обществъ. Оба они почему-то не принимали участія въ университетскомъ кружкѣ, а въ Пансіонскомъ принимали участіе (активное) только его воспитанники. И вотъ, затѣвается „новое собраніе“, главная цѣль котораго заниматься переводами. Андрей Тургеневъ сообщаетъ о своемъ намѣреніи Журавлеву, но послѣдній относится къ нему неодобрительно. Журавлевъ представлялъ, судя по его письмамъ, противоположность Андрею Тургеневу: это былъ спокойный, разсудительный человѣкъ; онъ пишетъ какъ старшій къ младшему, хотя и признаетъ все превосходство своего друга въ энергіи и энтузіазмѣ. Извѣстіе о „новомъ собраніи“ совпало съ его пессимистическимъ настроеніемъ, и онъ, высказавшись вообще противъ авторской славы, пишетъ Андрею: „Можешь изъ сего видѣть, какого я мнѣнія и о вашемъ новомъ собраніи. Какъ другъ, я долженъ говорить искренно: искренность есть первая обязанность въ дружбѣ; не огорчайся же и не сердись на меня, естьли искренность моя не совсѣмъ въ твою пользу, или, лучше сказать, не въ пользу вашего собранія; впрочемъ, вѣдь я не оракулъ; мнѣніе мое, какъ и всякаго другаго, подвержено заблужденію. Только по искренности скажу, что новое ваше собраніе есть плодъ дѣтской предпріимчивости, юнаго огня, на нѣсколько минутъ вспыхнувшаго, которой тотчасъ и погаснетъ. Хотя бы оно нѣсколько времени и устояло, и въ такомъ случаѣ не предвижу я ничего основательнаго. Мы, еще люди молодые, безъ опытовъ, можно сказать, и безъ знаній, примемся переводить и выборъ въ піесахъ дѣлать будемъ по собственному вкусу, которой еще ни мало не образованъ; слѣдовательно, плодъ трудовъ нашихъ будетъ въ числѣ тѣхъ обыкновенныхъ книгъ, qui irondent la terre. Зачѣмъ выходить на сцену міра прежде времени? Можно упражняться въ переводахъ и сочиненіяхъ, можно знающимъ показывать и съ ними совѣтываться, но все это единственно для наученія себя и пріобрѣтенія способности скоро, чисто, пріятно и вразумительно излагать мысли свои письменно. На что всякій вздоръ печатать, котораго и безъ того слишкомъ много? На что такъ рано отдавать юное сердце въ пищу губительнаго червя гордости? На что предаваться пустымъ, самолюбію только нашему льстящимъ, мечтамъ: я *сочинитель*, я — *издатель?* [1])“.

---

1) Чрезъ три дня, впрочемъ, Журавлевъ пишетъ уже иначе: „Куражъ! Андрей Ивановичъ! Дня съ три тому назадъ я былъ противникомъ стремительнаго желанія сочинять, переводить, издавать, а теперь сердце мое держутъ совсѣмъ другія чувства. Есть ли бы я былъ въ Москвѣ, давно бы уже „Клеветники“ воспріяли какой-нибудь конецъ; „Негры въ неволи“ также уже были бы готовы, и наконецъ поспѣвалъ бы и Rollastod. Мы бы одинъ другаго подкрѣпляли, одобряли, поощряли, поправляли другъ друга и, поддерживая или умножая взаимно жаръ сердечный, мы бы что-нибудь произвели выше обыкновеннаго; nihil mortalibus arduum est. Ты умѣлъ бы предупреждать и разгонять то хладнокровіе ко всему и равнодушіе, которое иногда сердцемъ моимъ

Журавлевъ былъ ближайшимъ другомъ Андрея Ивановича и съ Александромъ Ивановичемъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ лишь чрезъ Андрея. Изъ Вильны онъ посылалъ ему поклоны. Но Журавлевъ входилъ въ кружокъ Тургеневыхъ, былъ близокъ со всѣми членами Тургеневскаго дома и, какъ можно видѣть изъ сохранившихся писемъ, былъ близокъ къ Ивану Владиміровичу Лопухину и переписывался съ нимъ изъ Вильны. Журавлевъ не питалъ особенной склонности къ нѣмецкой драматической поэзіи, хотя и находился подъ вліяніемъ Андрея Тургенева, съ которымъ мечталъ о „блаженной Германіи". Онъ былъ воспитанъ на французской литературѣ, на Расинѣ, который, по его словамъ, „былъ выше всякой критики,... снискалъ себѣ славу въ цвѣтущій вѣкъ Лудвига XIV и... въ безсмертныхъ своихъ трагедіяхъ и понынѣ не имѣетъ себѣ соперника"[1]).

Съ отъѣздомъ Журавлева въ Вильну, къ кружку Андрея Ивановича примкнулъ Жуковскій, съ которымъ Андрей познакомился чрезъ Александра. Такъ образовался новый кружокъ изъ трехъ лицъ — Андрея Тургенева, Мерзлякова и Жуковскаго, — кружокъ, такъ сказать, присяжныхъ литераторовъ, представлявшихъ какъ бы литературный тріумвиратъ. Мерзляковъ былъ всѣхъ ихъ старше: онъ былъ старше Андрея Тургенева на 3 года [род. въ 1778 г.], а Александра — на шесть лѣтъ. Сынъ Пермскаго купца, онъ прибылъ въ 1793 году въ Москву, поступилъ на

овладѣваетъ, единственно отъ того что нѣтъ у меня здѣсь такой компаніи, какую съ тобой имѣлъ"... Черта,—очень характерная для Андрея Тургенева.—„Клеветники" были представлены въ цензуру уже въ 1798 году [Рѣзановъ, стр. 213], а „Негры въ неволи" Андрей Тургеневъ читалъ въ сентябрѣ 1800 года Каменеву [ibid., Бобровъ, Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX вѣка, Т. III, стр. 122]. Въ одной записочкѣ [неизвѣстно кому адресованной] Андрей Тургеневъ пишетъ: „Да! „Клеветники" пропущены, и такъ, что бы я радъ Антонскому въ ноги поклониться — все почти". Александръ Ивановичъ писалъ Жуковскому изъ Петербурга 11-го февраля 1802 года: „Цензуры нѣтъ; одинъ полицемейстеръ попрежнему будетъ разсматривать книги, и позволено всякія вывозить; объ этомъ уже и указъ есть. Жаль Ан[тона] Ан[тоновича]: онъ лишится 1000 рублей цензорскихъ. Поэтому, ты можешь тотчасъ продать „Клеветниковъ" и „Негровъ" даже безъ цензуры. Объяви это всѣмъ *книготоргующимъ*". То и другое было издано въ 1803 году. — Дружеская компанія, оставшаяся въ Москвѣ послѣ отъѣзда Журавлева, не оставляла попытокъ „сочинять, переводить и издавать", попытокъ, не всегда приводимыхъ въ исполненіе. Въ 1799 году, 9-го ноября Андрей Тургеневъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: „Уже нѣсколько дней, какъ мы положили Планъ и Основаніе своему Изданію. Вотъ что мы назначили: Слава. — О смерти изъ Энгеля. — Das stolze Rewustseyn. — Какія нибудь мѣлкія Стихотворенія. — Die geheilte Schwärmerin. — О Разбойникахъ. — Анекд[оты]: o Menschenhass und Reue и проч. Что то будетъ!". Изъ этого изданія, однако, ничего не вышло.

1) Имя И. Ѳ. Журавлева еще одинъ разъ встрѣчается въ Тургеневскихъ бумагахъ. Въ 1810 г. Николай Ивановичъ Тургеневъ пишетъ (6 янв.) изъ Геттингена Александру Ивановичу: „Сюда пріѣхалъ Виленскій Профессоръ Полит[ической] Экономіи Зноско... Онъ просилъ меня освѣдомиться, въ П—бургѣ ли Иванъ Ѳедоровичъ Журавлевъ, бывшій прежде въ Университетѣ, котораго вы знаете" (Архивъ Тургеневыхъ, вып. I, стр. 386).

казенный счетъ въ гимназію при университетѣ, въ 1797 году онъ былъ уже студентомъ университета, а въ слѣдующемъ — былъ сдѣланъ баккалавромъ. Къ этому времени относится его знакомство съ Андреемъ Тургеневымъ, тогда студентомъ университета. Онъ сталъ очень близкимъ человѣкомъ въ домѣ Тургеневыхъ, и Иванъ Петровичъ давалъ ему порученія чисто хозяйственнаго свойства. Мерзляковъ рано обнаружилъ поэтическій талантъ и усердіе къ научнымъ занятіямъ. Когда къ нимъ присоединился Жуковскій, то у нихъ начались постоянныя дружескія бесѣды и переводческая дѣятельность. Какое принималъ участіе въ томъ и другомъ Александръ Ивановичъ, въ точности неизвѣстно; вѣроятно, въ первое время менѣе значительное, нежели въ послѣдніе годы, передъ отъѣздомъ за границу, когда онъ сблизился и съ Мерзляковымъ. Разгоревавшись однажды въ Геттингенѣ по случаю неполученія отъ Мерзлякова и Жуковскаго писемъ, Александръ Ивановичъ такъ излагалъ свою жалобу въ дневникѣ: „Ахъ, друзья, друзья! Для чего вы не пишите? для чего не оживляете насъ? Я уѣду изъ Геттингена и только съ однимъ письмомъ отъ Ж[уковскаго] и съ двумя отъ Мерз[лякова]. А въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ какъ и надѣяться? Тамъ настанетъ уже кочующая жизнь. Пріѣду въ Москву, они уѣдутъ, и я опять какъ ракъ на мѣли. Они возвратятся — я при должности; чувства живой дружбы притупятся. Что насъ будетъ связывать, что возобновитъ наши прежнія связи? Всякой изъ насъ узнаетъ покороче свѣтъ и людей. Боюсь, — но нѣтъ; это же еще должно и подкрѣпить наше дружество, это и утвердитъ его; мы узнаемъ людей — ihre Pfiffigkeit, и тѣмъ съ большимъ жаромъ, или нѣтъ, — съ большимъ разсудкомъ полюбимъ другъ друга, удостовѣрясь въ нашей взаимной привязанности — слѣдствіе товарищества, благодѣтельное слѣдствіе нашей молодости. По крайней мѣрѣ, я Мерзл[якова] и Жук[овскаго] никогда, никогда не забуду, никогда не истребится во мнѣ къ нимъ то, что я теперь чувствую... На Мерзлякова грудь я надѣюсь, какъ на вѣчную гранитную скалу. Жуковской добръ, очень добръ; лишь бы только мрачная злоба людей не впечатлѣла, не врѣзала въ мягкое его сердце недовѣрчивости, ненависти къ людямъ“ [1]). Его мечтанія оправдались лишь по отношенію къ Жуковскому, съ которымъ тѣсная интимная дружба, выразившаяся, между прочимъ, и въ громадной перепискѣ, продолжалась у него всю жизнь. Никакъ нельзя того же сказать объ отношеніяхъ его къ Мерзлякову. Они разошлись, или, лучше сказать, у нихъ не оказалось точекъ соприкосновенія для продолженія обоюдной привязанности. Несомнѣнно, ихъ разъединили различные литературные интересы. Александръ Ивановичъ, другъ Батюшкова, осмѣявшаго Мерзлякова въ „Видѣніи на берегахъ Леты“, покровитель Пушкина, участникъ Арзамаса, мало уже имѣлъ общаго съ профессоромъ „поэзіи и краснорѣчія“, застывшимъ на Держа-

1) Стр. 235.

винѣ и Ломоносовѣ, не понимавшимъ Пушкина и остановившимся въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ на Эшенбургѣ. По крайней мѣрѣ, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя бы свидѣтельствовали о томъ, что Геттингенскія чувствованія Александра Ивановича перешли въ дѣйствительность. Александръ Ивановичъ, ушедшій въ пониманіи литературныхъ интересовъ далеко впередъ, не могъ сочувствовать Мерзлякову, остановившемуся на стилѣ Державина и Ломоносова. Ему не нравилась и дружба его съ Глинкою, извѣстнымъ патріотомъ и издателемъ Русскаго Вѣстника. Въ 1808 году въ письмѣ къ Жуковскому онъ такъ высказываетъ свой взглядъ на Мерзлякова и частію на Воейкова: „Третьяго дня у Александры Петровны Хвостовой мы читали твою Балладу [1]) и восхищались ею и тобою; читали и Русскаго Вѣстника и удивлялись множеству великихъ людей, которыхъ произвела Россія. Года черезъ два, я думаю, и Глинка не уйдетъ отъ безсмертія. По крайней мѣрѣ, Мерзляковъ и Кашинъ изъ благодарности должны поставить его на ряду съ собою и съ Петромъ Великимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Воейковъ присовѣтывалъ намъ читать Алексѣя Ѳедоровича вмѣсто Эсхила, Гомера и Виргилія, я пересталъ учиться древнимъ языкамъ. Какіе стихи!

На карты, на вина, на пиво,
Всемощный, онъ таксу даетъ;
А сердца завѣтамъ — о диво!
Онъ таксы прямой не найдетъ.

Аполонъ дастъ за эти стихи таску. Гдѣ въ нихъ геній Мерзлякова? давно уже стихи его отзываются похвалами Воейкова и Глинки, а не твоими совѣтами, не совѣтами истинныхъ друзей Мерзлякова“ [2]).

Можно, пожалуй, предполагать, что особенной близкой дружбы и привязанности между Александромъ Ивановичемъ и Мерзляковымъ, несмотря на все уваженіе со стороны перваго, не было, т. е. не было такихъ отношеній, какія существовали между Мерзляковымъ и Андреемъ Ивановичемъ. Мерзляковъ былъ старше Александра Ивановича на 6 лѣтъ и былъ уже сложившимся человѣкомъ, когда Александръ Ивановичъ еще велъ „кровавое сраженіе“ съ Губаревымъ [3]). Мерзляковъ участвовалъ во всѣхъ литературныхъ предпріятіяхъ Андрея Ивановича, и послѣ его смерти по справедливости могъ сказать: „Другъ мой былъ больше, нежели обыкновенный другъ моей молодости“ [4]). Съ Александромъ же Ивановичемъ онъ былъ связанъ больше чрезъ Андрея, чѣмъ самъ непосредственно. Послѣ смерти Андрея Тургенева Мерзляковъ пишетъ Александру Ивано-

1) Разумѣется баллада „Людмила“.
2) Письмо отъ 12-го мая 1808 г.
3) Стр. 268.
4) Стр. 285.

вичу: „Жду отъ тебя увѣрительной грамоты въ томъ, въ чемъ увѣрялъ меня безцѣнный другъ мой: онъ бывало всегда говаривалъ, что ты меня любишь“ [1]). А Андрей Ивановичъ еще изъ Петербурга однажды писалъ Жуковскому: „Поклонись Мерзлякову; обойми его за меня. Скажи, чтобы онъ былъ другомъ брату; они стоятъ другъ друга, и никто не можетъ столько быть счастливъ отъ его дружбы во всѣхъ отношеніяхъ, какъ онъ“. Александръ Ивановичъ Мерзлякова больше уважалъ, нежели любилъ и дружилъ съ нимъ [2]). По возвращеніи изъ-за границы, Александръ Ивановичъ находился въ подавленномъ состояніи духа, и единственнымъ утѣшеніемъ ему служила переписка съ оставшимся въ Геттингенѣ Андреемъ Кайсаровымъ и отчасти съ Жуковскимъ, проживавшимъ въ это время [1805—6 гг.] въ Бѣлевѣ; но съ Мерзляковымъ, который послѣ небольшой отлучки вернулся въ Москву, онъ не сошелся вновь по-дружески. Онъ видался съ нимъ очень рѣдко, только тогда, когда назначалъ ему „вечеръ быть вмѣстѣ у Дмитріева“ [3]). Жуковскій въ письмѣ къ Александру Ивановичу отъ 8-го января 1806 года даетъ любопытную характеристику прежнихъ дружескихъ отношеній: „Что дѣлаетъ Мерзляковъ? Онъ забылъ меня совершенно; я не получилъ отъ него ни строки... Я самъ къ нему почти ничего не писалъ, но все писалъ, и въ твоемъ письмѣ, и одинъ разъ особенно. Напомни ему обо мнѣ. За что намъ другъ отъ друга отдаляться? Признаюсь, мнѣ обидно слышать, что ты съ нимъ рѣдко видишься: кому-жъ бы другъ друга поддерживать и искать, какъ не вамъ двумъ! Чтожъ значитъ это отдаленіе? Не знаю, какъ это назвать; но мнѣ кажется, Мерзляковъ (хотя съ нимъ мнѣ всегда было весело быть вмѣстѣ, потомучто онъ человѣкъ необыкновенный) не былъ со мною таковъ, какимъ бы я желалъ его видѣть; напримѣръ, между нами не было искренности; если мы и говорили другъ съ другомъ, то вообще всегда говорили о посторонникъ матеріяхъ; однимъ словомъ мнѣ всегда казалось, что я мало для него значу, и отъ этого онъ мало на меня имѣлъ вліянія. Можетъ быть, этому причиною и то, что онъ не хотѣлъ имѣть вліянія; по крайней мѣрѣ я по сію пору еще его не знаю; онъ никогда мнѣ не открывался, даже въ самыхъ бездѣлицахъ, въ своихъ сочиненіяхъ, не только въ мысляхъ и чувствахъ. Между нами не было ничего общаго; я не могу отъ него ничего требовать... Но онъ не имѣлъ причины мнѣ показывать обманчивой наружности; слѣдовательно, я имѣю все право вѣрить тому, что онъ мнѣ показывалъ, и теперь вѣрю; только мнѣ кажется, что все было не таково, какимъ бы должно было быть между нами“ [4]). Приблизительно то же самое Жуковскій высказывалъ немного раньше, въ письмѣ отъ 11-го сен-

---

1) ibid.

2) Ср. отношеніе Николая Ивановича Тургенева къ Мерзлякову — стр. 367, и Архивъ Тургеневыхъ, вып. 1-й, стр. 322 — 3.

3) Стр. 347.

4) Письма Жуковскаго (подъ ред. И. А. Бычкова), стр. 21.

тября 1805 года, когда писалъ: „Мы вообще не были такъ тѣсно связаны, какъ бы мнѣ этого хотѣлось... Можетъ быть, этому причиною обстоятельства, которыя насъ такъ надолго разлучили; а разлука, согласишься самъ, не усиливаетъ дружбы, когда она не иное что, какъ простая связь, основанная на привычкѣ быть вмѣстѣ, сдѣланная обстоятельствами, пріятная, но не такая необходимая, безъ которой бы нельзя было обойтись. Такой связи между нами не было, согласишься самъ... Я вамъ всѣмъ, Мерзлякову, Блудову, долженъ сказать откровенно, что не былъ никогда привязанъ къ вамъ съ отмѣнною силою, такъ же какъ и вы всѣ ко мнѣ. Мы всѣ сходились вмѣстѣ *случайно*, съ удовольствіемъ; но я не знаю, во мнѣ не было ничего внутренняго влекущаго чувства, которое бы я желалъ имѣть, будучи вмѣстѣ съ моими друзьями“ [1]).

Анализъ, произведенный Жуковскимъ старой дружбѣ, отчасти справедливъ. Центромъ Тургеневскаго кружка былъ Андрей, который привлекалъ къ себѣ другихъ и служилъ между членами кружка крѣпкой спайкой. Со смертью Андрея уничтожилась эта спайка, и каждый почувствовалъ себя одинокимъ. Жуковскій и Тургеневъ, для которыхъ дружба была потребностью сердца, бросились искать дружбы и нашли ее вновь другъ въ другѣ. Мерзляковъ, пробившійся своею энергіею и талантомъ чрезъ неблагопріятныя жизненныя обстоятельства, не былъ такъ сентименталенъ, какъ Жуковскій съ Тургеневымъ, и, какъ человѣкъ упорной работы, не искалъ дружбы самой по себѣ. Онъ былъ, повидимому, хорошій организаторъ, постоянно устраивалъ то или другое собраніе, побуждалъ другихъ къ „дѣятельности“, но — именно изъ стремленія къ самой дѣятельности. Съ Андреемъ Тургеневымъ онъ былъ, дѣйствительно, друженъ, и ихъ дружба основывалась все на той же „дѣятельности“, на энтузіазмѣ, которымъ они оба отличались. Жуковскій примыкалъ къ нимъ по своимъ литературнымъ склонностямъ, но примыкалъ, прежде всего, къ Тургеневу, а такъ какъ послѣдній былъ очень близокъ къ Мерзлякову, то получался кажущійся тріумвиратъ, который тотчасъ же рушился, какъ только не стало Андрея: у Жуковскаго съ Мерзляковымъ не оказалось внутренней связи.

Если бы анализъ, произведенный Жуковскимъ своей прежней дружбѣ, и былъ отчасти справедливъ, то все таки остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что Мерзляковъ принадлежалъ къ Тургеневскому кружку и вмѣстѣ съ другими членами этого кружка „былъ, въ эпоху возникновенія Дружескаго Литературнаго Общества, однимъ изъ представителей того новаго теченія въ русской литературѣ, которое обнаружило себя въ Московскомъ Журналѣ и, вообще, въ произведеніяхъ Карамзина и его послѣдователей“ [2]). Вліяніе его на Александра Ивановича раздѣлялось, конечно, съ вліяніемъ со стороны брата Андрея, какъ старшихъ; по литературнымъ склонно-

1) ibid., стр. 14.
2) Рѣзановъ, стр. 208.

стямъ къ нимъ примыкалъ Жуковскій; но Мерзляковъ, какъ университетскій товарищъ Андрея Тургенева, былъ къ послѣднему ближе другихъ; по крайней мѣрѣ, они чаще другихъ видались и чаще, чѣмъ съ другими, разгуливали по Москвѣ. Самое раннее замѣчаніе о Мерзляковѣ въ запискахъ Андрея Тургенева читается такое: „Вертера съ письма отъ іюня 6-го началъ переводить мая 24-го 1799 года въ университетѣ, въ своей комнатѣ въ 10-мъ часу въ исходѣ ввечеру“,—и затѣмъ продолженіе: „Переведши одно письмо, пересталъ, и Мер[зляковъ] тоже, потомучто услышали, что уже въ Петербургѣ переведено снова“. И затѣмъ постоянно встрѣчаются краткія замѣчанія, въ родѣ такихъ: „Послѣ обѣда былъ съ Мерзляковымъ въ К.“ (10-го ноября 1799); „Пообѣдавши, былъ у Мерзлякова“ (11-го ноября); „Передъ обѣдомъ былъ я въ комнатѣ у Мерзлякова“ (12-го ноября); „Вечеръ провелъ пріятно. У меня былъ Анд[рей] Сер[гѣевичъ] и Мерзляковъ, я не чувствовалъ, какъ время прошло и наступилъ девятый часъ“ (17-го ноября); „Пришелъ и увидѣлъ у Мерзлякова Göthe 2-ю часть, сталъ перебирать ее“ (1-го декабря); „Сегодня поутру былъ я съ Мерзляковымъ въ комнатѣ, а потомъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ... Еще до обѣда ходили мы въ одинъ погребъ купить грушъ, по дорогѣ говорили о своей тройной авторской связи и мног.“ (4-го декабря); „Вчера за обѣдней размышлялъ я о разбойническомъ чувствѣ; мы ужъ съ Мерзляковымъ опредѣлили, что оно состоитъ изъ чувства раскаянія, смѣшаннаго съ чѣмъ-нибудь усладительнымъ, сильно дѣйствующимъ на наше сердце“ (30-го января 1800 г.)[1]). Въ концѣ 1800 года Андрей увлекся Соковнинами, и его журналъ сталъ болѣе наполняться ими, нежели Гете, Шиллеромъ и именами своихъ пріятелей — Мерзлякова и Жуковскаго. Но они продолжали быть для него неразлучными. Еще въ октябрѣ онъ однажды вздумалъ „нѣкогда издать въ одной книжкѣ всѣхъ насъ трехъ лучшія поэзіи, перемѣшавъ, подписывая ихъ начальными литерами М. Т. Ж.; предложить надобно имъ и переговорить“. Литературные интересы занимали ихъ болѣе, нежели другихъ, и въ бумагахъ Андрея Тургенева мы неоднократно находимъ указанія на ихъ собесѣдованія по вопросамъ текущей литературы. Такъ, однажды въ декабрѣ 1800 года, Андрей Тургеневъ записываетъ: „Сегодня ввечеру имѣли мы трое, М[ерзляковъ], Ж[уковскій] и я, преинтересный разговоръ. Началось тѣмъ, что М[ерзляковъ] или Ж[уковскій] спросилъ, будетъ ли слѣдующій вѣкъ такъ же обиленъ или обильнѣе писателями? Мы сказали свое мнѣніе“; и затѣмъ онъ подробно излагаетъ высказанное имъ тогда свое мнѣніе о Карамзинѣ[2]).

---

1) См. ниже.

2) 27 іюля 1800 г. вмѣстѣ съ Мерзляковымъ Андрей Тургеневъ сочиняетъ для какой-то княгини Анны Петровны „куплеты“ на голосъ: „Естьли бъ ты понять хотѣла“:

Естьли царь тебя возвысилъ
Славой, блесками честей;

Къ товарищескому кружку принадлежалъ Семенъ Емельяновичъ Родзянка, товарищъ Жуковскаго и Александра Тургенева по Университетскому Благородному Пансіону. Родзянка слылъ въ кружкѣ за философа. Александръ Ивановичъ въ январѣ 1803 года изъ Геттингена писалъ Жуковскому: „Напиши, гдѣ Родзянка?... Если будешь къ нему писать, то скажи, чтобы онъ написалъ къ намъ... Мнѣ бы самому хотѣлось пофилософствовать съ нимъ хоть въ письмѣ, если онъ такой же охотникъ до философіи[1])". А чрезъ нѣкоторое время, говоря о трудности философіи Канта, онъ пишетъ: „Что если бы теперь Родзянку на мое мѣсто! Онъ бы, мнѣ кажется, помѣшался снова на философіи; или бы, можетъ быть, и исцѣлился![2])". Такъ же отзывается о немъ и Кайсаровъ въ письмѣ Андрею Тургеневу: „Ежели хочешь, то я буду тебѣ сказывать, какія книги рекомендуютъ Бутервекъ и Буль читать. Я страхъ какъ люблю ихъ обоихъ. Ихъ называютъ Геттингскими философами. Особливо Буль! Что ежели бы Родзянко слышалъ нынѣшнюю его лекцію о пространствѣ? Кажется бы онъ еще больше съ ума сошелъ[3])". Изъ того, что въ свое время было напечатано Родзянкой, не видно особеннаго расположенія къ философствованію: все имъ напечатанное въ періодъ 1798—1801 гг. носитъ на себѣ обычные слѣды литературныхъ направленій, культивировавшихся въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Его философствованіе наблюдалось, очевидно, въ товарищескихъ кружкахъ. Несомнѣнно, его сравнительно съ другими поэтическое дарованіе было причиной, что Прокоповичъ-Антонскій назначилъ его быть секретаремъ пансіонскихъ развлеченій, въ томъ числѣ и Собраній воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, гдѣ предсѣдателемъ былъ Жуковскій[4]). Черезъ послѣдняго, а также и чрезъ Александра Тургенева Родзянка рано вошелъ въ товарищескій Тургеневскій кружокъ, и Андрей Тургеневъ тотчасъ же его оцѣнилъ.

Скоро познакомился Родзянка и съ „философомъ умомъ и сердцемъ" Мерзляковымъ и—оригинально. Лѣтомъ 1799 г., когда семья Тургеневыхъ была въ Симбирскѣ, Андрей Кайсаровъ пишетъ Андрею Тургеневу

Славу, блескъ ты самъ превысилъ
Милой кротостью своей.

—

Обожаемый сердцами —
Посреди твоихъ дѣтей,
Насладись добра плодами —
Красотой вечернихъ дней.

О журналѣ, который одно время велъ Андрей Тургеневъ за границей для Жуковскаго и Мерзлякова, см. примѣч. къ стр. 186.

1) Стр. 268.
2) ibid.
3) Стр. 274.
4) Ср. Рѣзановъ, стр. 252.

(2-го августа): „Родзянко съ Мерзляковымъ познакомились на письмахъ и очень коротко, хотя другъ друга едва ли разъ видѣли. Вотъ новый родъ знакомства! Какъ бы ты думалъ, о чемъ мнѣ случалось говорить съ Родзянкою? О Богѣ. Онъ много в...[1]) и потому онъ не нашего поля ягода".

Въ концѣ лѣта 1800 года упомянутый тріумвиратъ — Андрей Тургеневъ, Мерзляковъ и Жуковскій — задумали вести между собой переписку и желали вовлечь въ нее и Родзянку, но послѣдній не пожелалъ, чтобы Андрей Тургеневъ участвовалъ въ перепискѣ. Въ первомъ своемъ письмѣ къ Жуковскому отъ 19-го августа Тургеневъ пишетъ: „Я разсуждалъ вчера, почему Родз[янка] не хочетъ, чтобы я былъ участникомъ въ перепискѣ, и думаю, что этому причиною мой насмѣшливый характеръ, который увеличенъ въ глазахъ его. Тутъ, между четверыми нами, онъ не былъ бы, конечно, замѣтенъ; вторая причина — его оригинальность или странность... Впрочемъ, скажу тебѣ смѣло и откровенно: передъ Родзянкою я не виноватъ; я всегда очень почиталъ его дарованія, его способности и всегда очень выгодно думалъ и думаю о его сердцѣ". Уже здѣсь мы видимъ зачатки той болѣзни, которая чрезъ нѣсколько лѣтъ свела Родзянку въ могилу: — его мнительность и подозрительность. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о Родзянкѣ у насъ нѣтъ вплоть до основанія Дружескаго Литературнаго Общества въ январѣ 1801 года, куда Родзянка былъ принятъ вмѣстѣ съ Офросимовымъ уже послѣ основанія Общества[2]). Ко времени Дружескаго Литературнаго Общества относится и приведенный выше „паспортъ", данный Родзянкою членамъ его. Что составленіе „паспорта" относится ко времени Дружескаго Литературнаго Общества, доказывается, во первыхъ, тѣмъ, что Родзянка былъ принятъ въ Общество уже послѣ его основанія, а во вторыхъ тѣмъ, что раньше онъ не былъ знакомъ съ Воейковымъ, какъ видно изъ одной записочки Андрея Тургенева къ Кайсарову: „Прошу тебя всѣмъ сердцемъ, чтобы ты завтра предложилъ Воейкову о собраніи; не знаю, для чего не можетъ оно быть у Родзянки; нѣтъ закона, чтобъ быть ему только у Воейкова и у Жуковскаго. Родзянка былъ уже у Воейкова, не будучи съ нимъ знакомъ"[3]). Въ чемъ выразилось участіе Родзянки въ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ — неизвѣстно. Лѣтомъ (во всякомъ случаѣ раньше Андрея Тургенева) 1801 г. Родзянка уѣхалъ въ Петербургъ, и признаки его умственнаго разстройства стали проявляться сильнѣе, хотя друзья въ первое время и не придавали значенія его выходкамъ. Въ половинѣ ноября уѣхалъ въ Петербургъ Андрей Тургеневъ, и въ догонку ему Кайсаровъ въ письмѣ отъ 18 ноября спрашиваетъ его: „Что, братъ, часто ли видаешься съ Родзянкою? Такъ ли онъ капризенъ, какъ въ Москвѣ былъ? Петербургъ вышколитъ его скоро".

---

1) Точки въ подлинникѣ; должно быть — „вралъ".

2) См. мою статью о „Дружескомъ Литературномъ Обществѣ" — Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., №. 8, стр. 284 и 285.

3) ibid., 284.

28-го же ноября тотъ же Кайсаровъ пишетъ Андрею: „Вообрази, какъ я удивился. Вчера приносятъ ко мнѣ письмо. По надписи я узналъ руку почтеннаго Сем[ена] Еме[льяновича]. Не зналъ, чему приписать это. Развертываю — и какое же удивленіе! — начинается ласково и продолжается цѣлую страницу въ одномъ тонѣ, но стоило только перевернуть на другую сторону, и я увидѣлъ слѣдующее: „Я васъ никогда ничѣмъ не огорчалъ; вы нѣсколько разъ хотѣли меня очернить и обидѣть, совокупно съ *нѣкоторою собратіею*; но я все забываю. Имѣю много слабостей въ характерѣ, но не злопамятенъ. Пока прощайте! Сдѣлайте дружбу и одолженіе, пишите ко мнѣ“. Отпущеніе грѣховъ моихъ не во время! Ты читалъ мой Журналъ и, хотя знаешь, что я несовсѣмъ выгодныхъ мыслей о Род[зянкѣ], но совсѣмъ тѣмъ я, право, никогда не намѣренъ былъ огорчать его съ умысла. Да и безъ умысла, кажется, этого почти никогда не случалось, потомучто волосы моей головы мнѣ дороги, и я бы не захотѣлъ оставить ихъ въ его когтяхъ. Братъ, пожалуйста увѣрь его, что я не могу быть такъ подлъ, чтобы огорчить кого-нибудь съ умысла. Это только Малороссіянамъ[1]) сродно. Хотя это и бездѣлица, но я не желаю, чтобы даже онъ былъ дурныхъ мыслей обо мнѣ. Я не зналъ, какъ и думать объ этомъ письмѣ. Иногда приходитъ мнѣ въ голову, что, можетъ быть, сдѣлалъ онъ это для шутки. Какъ, братецъ, разбранивши меня, меня же просить, чтобъ я сдѣлалъ дружбу, писалъ къ нему? Кажется, онъ учился краснорѣчію у Сохацкаго, а не знаетъ, что въ письмѣ слогъ долженъ быть одинаковъ. Правду сказать, хоть и я у него же два года учился, но теперь въ недоумѣніи, къ какому роду отнести это письмо — къ дружескому ли или къ бранчивому. Г. Родзянка умѣлъ задать задачу. Богъ его прости! Онъ и такъ, чай, забылъ, что̀ писалъ ко мнѣ. Это вѣдь часто случается съ вашею братьею — учеными“. Въ товарищескомъ кружкѣ не любили, однако, чтобы участники его сердились другъ на друга. „Дружество“ — вотъ была цѣль, къ которой всѣ должны были стремиться. Нерасположеніе Родзянки, поэтому, огорчило Кайсарова, и онъ черезъ 10 дней опять пишетъ Тургеневу: „За что Род[зянка] меня не любитъ? Право, я ему ничего не сдѣлалъ и сдѣлать не въ состояніи. Можетъ быть, сужденіе его отчасти справедливо, — можетъ быть! Я самъ свои грѣхи лучше другаго знаю. Только мнѣ не хотѣлось бы, чтобы такой человѣкъ, какъ Сем[енъ] Емель[яновичъ], думалъ обо мнѣ такъ дурно. Богъ ему судья! Я, право, не сердитъ на него за это, но еще благодаренъ за то, что онъ, будучи озабоченъ дѣлами, находитъ время иногда заниматься мною. На будущей почтѣ буду писать къ нему. А теперь пока ты покажи ему эту статью“[2]). Несмотря на странности Родзянки, Андрей Тургеневъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, поселился было вмѣстѣ съ нимъ и 27-го ноября сообщалъ своимъ родителямъ: „Сіе пишу я съ моей квартиры, въ которую третьяго дня переѣхалъ отъ те-

1) Здѣсь Кайсаровъ разумѣетъ А. А. Прокоповича-Антонскаго.

2) Письмо отъ 9-го декабря 1801 г.

тушки и гдѣ живу съ Родзянкой очень пріятно. У всякаго изъ насъ по особой комнатѣ". Въ Москвѣ не вѣрили, что онъ уживется съ Родзянкой. „Ты видишься часто съ Родзянкой, — пишетъ ему Кайсаровъ — часто бываешь отъ него *бранимъ*. О щастливый человѣкъ! Я только могу это чувствовать на письмѣ. Однако-жъ, я слышу, что ты будешь съ нимъ вмѣстѣ жить...! Однако-жъ, ты уживешься съ нимъ: ты уступчивъ". Но Андрей Ивановичъ не долго ужился съ Родзянкой и уже 1-го декабря извѣщалъ родителей, что вмѣстѣ съ Петромъ и Михаиломъ Кайсаровыми они нашли общую квартиру. Тѣмъ не менѣе, онъ счелъ нужнымъ заступиться за Родзянку передъ Андреемъ Кайсаровымъ и въ отвѣтъ на свое заступничество получилъ отъ послѣдняго такой отвѣтъ (отъ 12-го декабря): „Ежели ты говоришь, что онъ имѣетъ рѣдкую душу, то этого ужъ и довольно! Этого довольно для того, чтобы заставить меня этому вѣрить. Но пусть онъ и впрямь будетъ таковъ; только для чего ты осмѣлился сравнить его съ Руссо? Знаешь-ли, что ты этимъ сказалъ? Знаешь-ли, что, ежели ты былъ здѣсь, то шпага моя прошла бы черезъ твое легкое. Пусть будетъ онъ таковъ; но за что такъ обижать меня? Право, я передъ нимъ ни вѣдѣніемъ, ни словомъ, ни дѣломъ не виноватъ, а развѣ помышленіемъ однимъ". Болѣзнь Родзянки развивалась быстро, и онъ сталъ ссориться со всѣми и всѣхъ чуждаться. Александръ Ивановичъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ сообщаетъ Жуковскому: „Род[зянку] одинъ разъ только видѣлъ; онъ золъ и сердитъ на брата, и для того при немъ не ходилъ къ намъ";... „сидитъ въ норѣ своей и никуда не выходитъ" [1]). Черезъ годъ послѣ этого (27-го февр. 1803 г.) Андрей Тургеневъ сообщаетъ Жуковскому: „Представь, братъ, что Родзянка съ жаромъ, со слезами жалуется на меня, что я злодѣй его, что я очернилъ передъ всѣми общими нашими пріятелями, Воейковымъ, Жуковскимъ и проч., а вся моя вина въ томъ, что я иногда только шутилъ надъ нимъ и то не иначе, какъ въ глаза. Я и теперь признаю его добрымъ, и мнѣ это больно, что онъ такъ думаетъ". Друзья и не подозрѣвали, что передъ ними былъ уже душевно-больной человѣкъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ Родзянка былъ въ Москвѣ, и Жуковскій сообщалъ Андрею Тургеневу уже о „подробностяхъ Родзянкина сумашествія", прося переслать его письмо и въ Геттингенъ [1]). Такъ кончилась трагически жизнь одного изъ членовъ Тургеневскаго кружка, человѣка, несомнѣнно, даровитаго и не безъ поэтическаго таланта. Черезъ мѣсяцъ послѣ послѣдняго письма скончался и корифей кружка — Андрей Ивановичъ Тургеневъ.

Однимъ изъ второстепенныхъ товарищей Александра Ивановича былъ Губаревъ, впослѣдствіи незначительный служащій въ провинціи. Во время пребыванія въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ и послѣ Губаревъ былъ близкимъ товарищемъ Александра Ивановича, и

---

1) Письма отъ 10 и 11 февр. 1802 года.

2) Письмо отъ 13-го іюня 1803 г.

послѣдній въ 1803 году вспоминалъ, какъ 4 года тому назадъ, въ январѣ мѣсяцѣ, въ день именинъ Антонскаго, у него „происходило съ Губаревымъ кровавое сраженіе“ [1]). Съ этимъ же Губаревымъ Александръ Ивановичъ въ достопамятный для него день 3-го февраля того же 1799 года ѣхалъ на именины къ Аннѣ Михайловнѣ Соковниной [2]). И въ письмахъ изъ Геттингена Александръ Ивановичъ посылаетъ ему поклоны. Затѣмъ Губаревъ какъ бы скрывается, но въ 1814 году онъ сближается съ Жуковскимъ, которому переписываетъ его новыя стихотворенія, и въ письмѣ Жуковскаго къ Александру Ивановичу дѣлаетъ приписку: „Позвольте вамъ, почтенный Александръ Ивановичъ, напомнить о Губаревѣ, который, хотя давно не имѣетъ удовольствія васъ видѣть, но все помнитъ старинную молодость лѣтъ нашихъ“ [3]). Черезъ четыре года Жуковскій ходатайствуетъ за него передъ Александромъ Ивановичемъ: „Его истинная привязанность къ Ивану Владимировичу, дѣлающая честь его сердцу, должна сверхъ другихъ причинъ побудить тебя за него похлопотать“ [4]). И Александръ Ивановичъ, вспоминая свое Пансіонское время, отвѣчаетъ ему: „Кланяйся Губареву и скажи ему, что, въ память Ивана Владиміровича и нашихъ подвиговъ, я всегда готовъ сдѣлать для него все, что въ силахъ. Хочетъ ли онъ основаться въ Петербургѣ или возвратиться въ Провинцію“ [5])?

Особеннымъ расположеніемъ со стороны молодой компаніи Губаревъ, кажется, не пользовался. Лѣтомъ 1794 года, когда Тургеневы уѣхали въ Симбирскъ, Андрей Кайсаровъ, сообщая Андрею Тургеневу о товарищеской поѣздкѣ въ Царицыно, пишетъ ему: „Губаревъ не такъ то уменъ, братъ, какъ я думалъ. Онъ въ этотъ разъ успѣлъ такъ обидѣть Апрѣлева, что тотъ только отъ стыда не заплакалъ; съ Есиповымъ у него всякій день сраженіе“; на что Андрей Тургеневъ отвѣчалъ: „Губаревъ, жаль что съ буфонствомъ своимъ не соединяетъ добраго сердца; хотя оно у него и не очень дурно, однакожь и не довольно хорошо“.

Знакомство съ А. Ѳ. Воейковымъ, имѣвшимъ впослѣдствіи такое большое значеніе для Жуковскаго и отчасти для Александра Ивановича, было довольно позднее. Объ этомъ знакомствѣ вспоминаетъ Андрей Тургеневъ въ письмѣ къ Андрею Кайсарову изъ Вѣны отъ 26-го декабря 1802 года: „Вчера было у насъ Рождество. Сейчасъ вспомнилъ я то счастливое Рождество, когда мы всѣ были у Троицы, куда я поѣхалъ въ то самое утро, какъ помирился съ тобой послѣ долгой ссоры. Помню, какъ я тогда былъ радъ. Помнишь-ли, что мы слушали тогда проповѣдь прекрасную Платона,

---

1) Стр. 268.

2) Стр. 190.

3) Письма Жуковскаго (ред. И. А. Бычкова), стр. 134, прим. 20.

4) ibid. 188.

5) Письмо къ Жуковскому отъ 26 марта 1818 г.—Вѣроятно, въ память „кровавыхъ сраженій“ и Пансіонскихъ „подвиговъ“ Александръ Ивановичъ въ письмѣ къ Ивану Петровичу и называлъ Губарева „Воиномъ Ивановичемъ“ (стр. 88).

которая до слезъ меня тронула, какъ онъ возгласилъ: „Отецъ!“ — Пріѣхавъ въ Москву, пировали мы нѣсколько разъ сряду у Воейкова, съ которымъ я только что познакомился“. Это воспоминаніе относится къ поѣздкѣ 1799 года и, слѣдовательно, Тургеневы познакомились съ Воейковымъ или въ концѣ 1799 или въ началѣ 1800 года[1]). У насъ нѣтъ осно-

1) Въ виду того, что точное указаніе на время знакомства Тургенева съ Воейковымъ имѣетъ отношеніе къ опредѣленію значенія „Дружескаго Литературнаго Общества“, надо остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе. Въ Журналѣ Андрея Тургенева описаны двѣ поѣздки въ Троице-Сергіеву Лавру—въ 1799 и въ 1800 годахъ, и послѣднее описаніе таково, что оно, на первый взглядъ, и будетъ то, о которомъ онъ вспоминаетъ въ своемъ письмѣ къ Кайсарову. Вотъ оно: „Еще и на Рождество съѣздили въ Лавру. Туда ѣдучи, я былъ въ прещастливомъ расположеніи, легокъ, веселъ, беззаботенъ. Мысль о примиреніи съ А... много очень придавала этому силы. Жили у Платона. Проповѣдь его тронула меня до слезъ“. Какъ будто здѣсь рѣчь идетъ о „долгой ссорѣ“ съ Кайсаровымъ, о которой вспоминаетъ Тургеневъ въ письмѣ. Однако, это невѣрно; кто разумѣется здѣсь подъ А., остается пока неизвѣстнымъ. Но въ томъ же письмѣ изъ Вѣны, упомянувъ о знакомствѣ съ Воейковымъ, Тургеневъ продолжаетъ: „а тамъ... былъ я дня два въ отчаяніи и проливалъ уединенныя слезы, потомъ осушилъ ихъ, и довольно спокойно началъ лечиться, и не выходилъ изъ комнаты цѣлый мѣсяцъ“. Дѣйствительно, въ своемъ журналѣ 1800 года, начиная съ февраля мѣсяца, онъ постоянно говоритъ о своей болѣзни, постоянно проливаетъ слезы, и только 6-го мая записываетъ: „въ этотъ достопамятный для меня день кончилось употребленіе всѣхъ лекарствъ“. Очевидно, что подъ поѣздкой въ Лавру онъ разумѣлъ въ письмѣ поѣздку на Рождествѣ 1799 г. Эта поѣздка у него описана такъ: „Декабря 28-го 1799 года. Давно уже не принимался я за свою книгу; между тѣмъ былъ въ Лаврѣ, видѣлъ и слушалъ Платона и очень полюбилъ его.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЛАВРУ.

Наканунѣ Рождества собрались мы, батюшка и я, Тиманъ и Фед[оръ] Петр[овичъ] и Макс[имъ] Ив[ановичъ] въ верхній Ив[ана] Вл[адиміровича] кабинетъ, гдѣ и сидѣли и говорили; былъ тутъ и Дмитр[ій] Никол[аевичъ] и Поздѣевъ и не знаю еще какихъ-то двое. Въ первомъ половинѣ или часъ сѣли мы за завтракъ, поѣли и попили съ хорошимъ аппетитомъ и, напившись кофе, сѣли и поскакали — Ив[анъ] Вл[адиміровичъ] съ Максимомъ Ива[новичемъ], я съ Лубяновскимъ, батюшка съ Тимановъ. Лошадей перемѣняли, кажется, въ Братовщинѣ. Пріѣхали, наконецъ, въ Лавру и тутъ я успѣлъ ознобить руки, которыя сперва меня очень безпокоили, но, наконецъ, я ихъ оттеръ. Осмотрѣвши приготовленныя для насъ комнаты, пошли ко всенощной въ покои Митрополита, которая отошла скоро. Мы сидѣли у него часу, кажется, до двѣнадцатаго, пришли домой, поужинали и легли спать“. — Эту же поѣздку описалъ и упоминаемый здѣсь Федоръ Петровичъ Лубяновскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (изд. Москва, 1872 г., стр. 177 — 8), который, однако, не упоминаетъ ни о Максимѣ Ивановичѣ (Невзоровѣ) ни объ Андреѣ Тургеневѣ. Лубяновскій сообщаетъ, что они прожили въ Лаврѣ „болѣе двухъ недѣль“, каждый день въ 7 часовъ вечера приходили къ Митрополиту пить чай и просиживали у него до 11-ти часовъ, причемъ, прибавляетъ Лубяновскій, „кромѣ него, Лопухина, Тургенева, Тимана и меня — слушателя, никого не бывало“. — Очевидно, Невзоровъ съ Андреемъ Тургеневымъ скоро возвратились въ Москву. — Не упоминаютъ ни Лубяновскій ни Тургеневъ о Кайсаровѣ, который, однако, судя по письму Тургенева, также былъ въ Лаврѣ. Такимъ образомъ, фактъ знакомства съ Воейковымъ въ началѣ 1800 г. (или въ концѣ 1799) не препятствуетъ относить вспоминаемыя впослѣдствіи собранія подъ — Дѣвичьимъ къ лѣту и осени 1800 года.

ваній думать, что Александръ Ивановичъ былъ знакомъ съ нимъ раньше чрезъ Университетскій Благородный Пансіонъ, такъ какъ Воейковъ вышелъ изъ Пансіона раньше поступленія туда Тургенева (онъ учился тамъ въ 1791—5 гг.). Съ именемъ Воейкова связано было у всего кружка воспоминаніе о „Поддѣвичьемъ", гдѣ былъ у него свой домъ, окруженный садомъ; этотъ домъ сдѣлался мѣстомъ собраній Тургеневскаго кружка, затѣмъ Дружескаго Литературнаго Общества и сохранялся въ памяти всѣхъ участниковъ пирушекъ. Александръ Ивановичъ и впослѣдствіи называлъ участниковъ собранія „Поддѣвиченскими". О нихъ вспоминалъ въ стихахъ Мерзляковъ[1]) и Жуковскій — послѣдній въ Посланіи къ Александру Ивановичу 1813 г. Къ этому же дому Андрей Тургеневъ написалъ извѣстные стихи „Сей ветхій домъ, сей дикій садъ глухой..."[3]). Чѣмъ привлекалъ къ себѣ Воейковъ, сказать трудно. Стихотворенія, посвященныя „ветхому дому", не вспоминаютъ обыкновенно самого хозяина; вспоминался дружескій кружокъ; Андрей Кайсаровъ вспоминалъ въ письмахъ своего друга Андрея Тургенева, „сперва торжественно гуляющаго, а потомъ отяжелѣвшаго и чуть-чуть таскающаго ноги на полѣ брани, на грядахъ клубничныхъ"[2]). Дружескій кружокъ цѣнилъ Воейкова, надо полагать, какъ хорошаго собесѣдника, умѣвшаго угостить своихъ товарищей. Знакомство съ Андреемъ Тургеневымъ, по его словамъ, началось съ нѣсколькихъ пирушекъ сряду. Тѣмъ не менѣе, Воейковъ считался человѣкомъ довольно близкимъ къ своимъ товарищамъ. Оригинальностью онъ не отличался. Какъ участникъ Дружескаго Литературнаго Общества, Воейковъ въ одномъ изъ первыхъ засѣданій произнесъ рѣчь въ прославленіе Петра III за его три дѣянія: 1) уничтоженіе „Тайной", 2) дарованіе правъ дворянству и 3) отобраніе монастырскихъ деревень. Рѣчь — сплошной панегирикъ. „Такъ, любезные слушатели", — заканчивалась рѣчь: — „Петръ III послѣ I былъ величайшій изъ Россійскихъ государей; онъ не былъ царемъ рабовъ; онъ былъ нѣжный отецъ нѣжныхъ дѣтей своихъ. И чѣмъ заплатили Ему за отеческія Его попеченія? Неблагодарностью! Но такова участь добродѣтельныхъ!" Знакомство Воейкова съ Тургеневыми ограничивалось гостепріимствомъ его подъ — Дѣвичьимъ; едва ли онъ бывалъ въ домѣ Тургеневыхъ: въ дневникахъ Андрея его имя не упоминается. Лѣтомъ и осенью 1801 года Воейкова въ Москвѣ не было, и Андрей Тургеневъ въ декабрѣ того года пишетъ Андрею Кайсарову изъ Петербурга въ Москву: „Обрадуй, братъ, будетъ ли и Воейковъ съ вами. Это—неоцѣненный человѣкъ, къ которому я долженъ еще написать письмо. Хотя мы и зовемъ другъ друга ослами, однакожъ я не многихъ людей люблю такъ,

---

1) Сухомлиновъ, Кайсаровъ и его литературные друзья — Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Академіи Наукъ, т. II (1897).

2) Ср. Веселовскій, стр. 137 и слѣдующія.

3) См. мою статью „Дружеское Литературное Общество" 1801 г., Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1910 г., № 8.

какъ его; не знаю — какъ онъ меня. Я бы за великое счастіе почелъ, если бы могъ и его признать въ числѣ друзей моихъ". Въ слѣдующемъ году въ Москвѣ осталось изъ всего кружка только двое — Мерзляковъ и Воейковъ, которые затѣвали издавать „Журналъ литературный", и Мерзляковъ приглашалъ изъ Бѣлева Жуковскаго, который долженъ былъ раздѣлить съ ними „отцовское право" [1]). Лѣто 1803 года Мерзляковъ проводилъ у Воейкова въ Рязанской его деревнѣ, гдѣ они получили извѣстіе о смерти Андрея Тургенева. Затѣмъ о Воейковѣ свѣдѣній у насъ нѣтъ. Вернувшійся изъ-за границы въ январѣ 1805 года Александръ Ивановичъ въ письмахъ къ Андрею Кайсарову ни словомъ не упоминаетъ о Воейковѣ, сообщая, однако, ему о самыхъ разнообразныхъ своихъ знакомствахъ, между прочимъ, и о Жуковскомъ и о Мерзляковѣ. Между тѣмъ, Жихаревъ въ своихъ Запискахъ подъ 27-мъ февраля 1805 года говоритъ: „У Палицына встрѣтился я съ Алексѣемъ Дурновымъ, роднымъ племянникомъ... Александра Воейкова, который задаетъ такіе славные литературные вечера и попойки Мерзлякову, Жуковскому, Измайлову, Мартынову, Сумарокову, Качановскому и многимъ другимъ у себя въ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ" [2]). О такой же одной попойкѣ онъ передаетъ подъ 12 октября 1806 года [3]). Когда Александръ Ивановичъ былъ уже на службѣ въ Петербургѣ въ 1808 году, извѣстный въ свое время Станевичъ напечаталъ „Способъ разсматривать книги и судить о нихъ", каковая книга вызвала ѣдкую критику со стороны Воейкова. Станевичъ обнаруживалъ вообще симпатіи къ мыслямъ Шишкова, за что, какъ и раньше, подвергся нападкамъ Воейкова. Александръ Ивановичъ, съ одной стороны, остался очень доволенъ статьей стараго своего знакомаго, но съ другой — выразилъ неудовольствіе за развязность тона. Осенью того года Жуковскій возвратился изъ Бѣлева въ Москву, и 1-го октября Александръ Ивановичъ пишетъ ему: „Принялся ли ты опять за Вѣстника? Воейковъ немилосердно отдѣлалъ нашего законодателя Станевича; онъ и отъ первой критики былъ боленъ, что же теперь? Боюсь, чтобы руки на себя не наложилъ!. Грѣхъ губить христіанскую душу. Только и Воейковъ могъ бы учтивѣе и тоньше ругаться, какъ бы нибудь обиняками, а не прямо въ глазъ. Напр.: Есть стихи и слова, которые сами о себѣ говорятъ *(что они неправильны)*. Это кажется лишнее. A propos. Кто далъ Воейкову право отвѣчать за всю Россію (Ce n' est que ça!), за *всѣхъ* любителей учености, за *всѣхъ* нашихъ *политиковъ* (pas grand chou!), и въ доказательство заслугъ Качановскаго въ Русской литературѣ приводитъ напечатанныя имъ твои и Мерзлякова піесы, переводы и экстракты изъ университетскихъ рѣчей: Вечеръ, Сонъ Могольца, Что сдѣлано въ Россіи, и почти всѣ, о которыхъ онъ упоминаетъ, прекрасныя піесы; но однѣ принадлежатъ тебѣ, другія Баузе и т. д., а политика его

1) Письма Мерзлякова къ Жуковскому, Рус. Арх. 1871 г., стр. 137.
2) Записки С. П. Жихарева (М. 1891 г.), стр. 159.
3) ibid., 207 — 8.

принадлежитъ иностраннымъ Журналамъ, (исключая ругательствъ и насмѣшекъ надъ цѣлыми націями, какъ напр. *глупыя головы Британскія* и проч.), которые составляютъ неотъемлемую и драгоцѣнную собственность твоего предшественника. Гдѣ же Качеповскій? — На переплетѣ своего Вѣстника. — Гдѣ *всѣ любители учености, всѣ наши политики? Гдѣ вся Россія?* Въ Рязанской деревнѣ у Воейкова! — О, энтузіастъ Воейковъ!. Я узналъ бы его, если-бъ онъ и не подписалъ своего имени. Помянувъ дни древніе, наше Поддѣвиченское собраніе, я живо представляю себѣ, какъ онъ доволенъ самъ собою, когда доказалъ безсмертіе Станевича. Въ самомъ дѣлѣ остро сказано. Какъ я радъ, что онъ посвящаетъ себя литературѣ. Бываетъ-ли онъ въ Москвѣ? Если увидишь его, напомни ему обо мнѣ. Я его люблю по прежнему“ [1]). Здѣсь дается довольно хорошая характеристика Воейкова, какъ участника „Поддѣвиченскихъ“ собраній и довольно строгое отношеніе къ нему со стороны Александра Ивановича. Мы видѣли выше, что Александръ Ивановичъ неодобрительно относился и къ Мерзлякову за его расположеніе къ совѣтамъ Воейкова. По своей добротѣ и по старымъ воспоминаніямъ онъ продолжалъ „любить“ его, но не одобрялъ его за незнаніе нѣмецкой литературы и за привязанность къ Шишкову, не вполнѣ понятную въ критикѣ Станевича. Самъ Александръ Ивановичъ, какъ карамзинистъ, сразу опредѣлилъ свое отношеніе къ Шишкову и къ Бесѣдѣ, и въ концѣ марта 1810 года писалъ Жуковскому: „Я былъ слушателемъ первой Бесѣды. Шишковъ доказывалъ бѣдность и плохое состояніе нашей словесности и доказалъ — своею рѣчью; превозносилъ старую словесность, поставлялъ ее выше Греческой, Латинской и всѣхъ иностранныхъ — ему неизвѣстныхъ. Слова его есть одна только безпорядочная выписка изъ хорошихъ и дурныхъ русскихъ авторовъ, наполненная восклицаніями и увѣреніями, что языкъ слав. росс[ійскій] образованнѣе, обширнѣе, богаче и проч. и проч. древнихъ и новѣйшихъ языковъ“ [2]). Неудивительно, если онъ въ то же время пишетъ о Воейковѣ: „Другой и важный недостатокъ въ Воейковѣ есть его привязанность и уваженіе къ

---

1) Воейковъ помѣстилъ въ сентябрьской книжкѣ (№ 17) 1808 года Вѣстника Европы (стр. 115 — 124) разборъ книги Станевича, подъ заглавіемъ „Мнѣніе безпристрастнаго о Способѣ сочинять книги и судить о нихъ“ и тамъ вступился за Качеповскаго, по его словамъ, „почтеннѣйшаго издателя Вѣстника Европы, заслужившаго одобреніе всей Россіи, всѣхъ любителей учености, всѣхъ нашихъ политиковъ“ (стр. 121). „Авторъ *Способа* (продолжаетъ Воейковъ) называетъ изданіе сего Журнала бездѣлкою, а мнѣ кажется, что этой бездѣлки двадцать Евстафіевъ Станевичей сотворить не въ состояніи. Пускай онъ подаритъ насъ хоть одною такою статьею, какъ слѣдующія, помѣщенныя въ *Вѣстникѣ Европы* издателемъ, господиномъ *Качеповскимъ*“ — и затѣмъ перечисляетъ статьи, упоминаемыя и Тургеневымъ. Качеповскій былъ формальнымъ редакторомъ Вѣстника Европы и расположеніемъ Тургенева не пользовался. Послѣднему жаловался на него еще въ 1806 году И. И. Дмитріевъ на его нелитературную критику на собраніе стихотвореній „И мои бездѣлки“. О Станевичѣ см. примѣч. В. И. Саитова въ I т. Сочиненій Батюшкова, стр. 380.

2) Письмо отъ 20-го марта 1810 г.

Шишкову, котораго онъ почитаетъ большимъ знатокомъ р[усскаго] языка и тонкимъ критикомъ. Я по сю пору не могу переувѣрить его, что онъ большой невѣжа въ Славянской Литературѣ, которая не ограничивается нашими церковными книгами, но которой богатства разсѣяны отъ Ледовитаго до Адріатическаго моря“ [1]).

Изъ всего этого ясно, что Воейковъ, „свѣдѣнія [коего] ограничиваются одною французскою литературою“, не могъ оказывать на Тургеневыхъ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія. Онъ нравился имъ, несомнѣнно, присущей ему остротой, а его гостепріимство и живость его, какъ хозяина „Поддѣвиченскихъ“ собраній, привлекала къ нему Андрея Тургенева и всю братію. Но онъ, очевидно, какъ послѣ, такъ и тогда, былъ для многихъ загадкой. Отъ литературнаго кружка — тріумвирата — изъ Андрея Тургенева, Мерзлякова и Жуковскаго—онъ держался въ сторонѣ, и интереса къ нѣмецкой литературѣ, культивируемой въ Тургеневскомъ кружкѣ, въ немъ такъ и не пробудилось. Александръ Ивановичъ тогда и не подозрѣвалъ, что Воейковъ станетъ мужемъ той, которая послѣ, въ 20-хъ годахъ, такъ захватила его сердце, что заставила пережить душевную драму, не меньшую той, которую пережилъ нѣсколькими годами раньше его другъ Жуковскій.

О ранней литературной дѣятельности Воейкова пока ничего неизвѣстно. Самымъ раннимъ его печатнымъ произведеніемъ считается „Посланіе къ Сперанскому объ истинномъ благородствѣ“ [2]). Въ бумагахъ Тургеневскаго архива оказалось одно стихотвореніе, переписанное рукою Ивана Петровича Тургенева и подписанное буквой В. Оно адресовано къ Александру Ивановичу, и написано Воейковымъ послѣднему въ утѣшеніе по поводу смерти брата. Оно писано размѣромъ „Дома Сумашедшихъ“, а содержаніе его воспроизводитъ всѣ тѣ мотивы, которые распѣвались въ кружкѣ Тургенева и Жуковскаго: Счастья на свѣтѣ нѣтъ, но человѣку въ утѣшеніе дано терпѣнье, любовь и дружба; самая сладкая надежда — умереть: тамъ счастье. Стихотвореніе это слѣдующее:

КЪ А. И. ТУРГ[ЕНЕВУ].

„Перестань, мой другъ любезный,
Перестань себя крушить!
Ахъ! слезами доли слезной
Намъ нельзя перемѣнить.
Человѣкъ рожденъ къ нещастью!
Всякой часъ грозитъ напастью;
Наше благо — сѣмя бѣдъ.

1) Письмо къ Жуковскому, отъ 29 авг. 1810 г., ср. Веселовскій, стр. 146.
2) Рѣзановъ, стр. 251.

Кто же слезы здѣсь не льетъ?...
Самой счастливой — страдаетъ,
Самой мудрой здѣсь — груститъ,
Слабой ропщетъ, унываетъ.
Мудрый терпитъ и — молчитъ.
Зло на свѣтѣ постоянно!
Зло вездѣ, добро случайно.
Плачь всечасно, рвись, страдай,
И какъ свѣчка погасай;
Все равно, мой другъ несчастной!
У Фортуны сердца нѣтъ. —
Но неужѣли Богъ вселенной,
Отецъ доброй, милосердой
Насъ для вѣчныхъ бѣдъ создалъ?
Нѣтъ! — Онъ въ жизни этой бренной
Утѣшителей намъ далъ.
Противъ бѣдствій далъ — терпѣнье,
Любовь съ дружбой — въ утѣшенье,
Смерть — отчаяннымъ въ спасенье,
Смерть хранитель — ангелъ нашъ! —
Утѣсненнымъ рокомъ злобнымъ
Сладкая надежда есть
Умереть — и камнемъ гробнымъ
Отдѣлиться отъ суетъ.
Насъ безсмертье ожидаетъ
И друзей соединяетъ.
Тамъ сто лѣтъ и мигъ равны!
Тамъ разлуки нѣтъ ужасной,
Тамъ любовникъ вѣрной, страстной
Свою милую найдетъ.
Тамъ отецъ отъищетъ сына...
Тамъ — блаженная судьбина!
Добрыхъ родъ одна семья.
Тамъ и ты обнимешь брата...
Тамъ найдутъ его друзья!...“.

B.

Стихотвореніе это было переслано Иваномъ Петровичемъ Александру Ивановичу въ Геттингенъ вмѣстѣ съ письмами Мерзлякова и Жуковскаго, и Александръ Ивановичъ въ отвѣтномъ письмѣ отъ $\frac{29\text{ дек.}}{9\text{ янв.}}\ \frac{1803}{4}$ г., пишетъ: „Письма его (т. е. Мерзлякова) и Василья Андреевича и стихи любезнаго Александра Ѳедоровича Воейкова очень ободрили меня, и я бы только

желалъ имъ выразить всю сердечную благодарность мою; но для чего нѣтъ у меня столько дарованій, столько чувствъ!“ [1]).

Особенный интересъ представляетъ Андрей Сергѣевичъ Кайсаровъ, впослѣдствіи товарищъ Александра Ивановича по Геттингенскому университету, а затѣмъ профессоръ Дерптскаго Университ., а теперь офицеръ, познакомившійся съ Андреемъ Тургеневымъ въ 1798 году и тотчасъ ставшій его восторженнымъ поклонникомъ [2]). Андрей Кайсаровъ занималъ положеніе срединное. Не университетскій воспитанникъ, не воспитанникъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, Андрей Кайсаровъ, познакомившись съ Тургеневыми, проникается литературной атмосферой; Андрей Тургеневъ втягиваетъ его въ переводы, и между ними происходитъ обмѣнъ коротенькими записочками по поводу той или другой книги, которую Андрей Тургеневъ совѣтуетъ своему другу перевести, но которая оказывается для послѣдняго „трудненька“. Онъ сталъ своимъ человѣкомъ въ домѣ Ивана Петровича, проникнулся необычайнымъ уваженіемъ къ послѣднему и вмѣстѣ со всѣми Тургеневыми горько плакалъ, провожая и проводивъ въ ноябрѣ 1802 года Андрея Тургенева въ Петербургъ. Дружба его съ Андреемъ Тургеневымъ была личная дружба, и притомъ дружба въ извѣстномъ лишь направленіи. Такъ, напримѣръ, Тургеневъ не повѣрялъ ему всѣхъ перипетій своихъ любовныхъ отношеній къ Катеринѣ Михайловнѣ Соковниной, дѣлая повѣреннымъ въ этомъ дѣлѣ только Жуковскаго, но, будучи въ Вѣнѣ, сообщалъ ему о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, утаивая, повидимому, ихъ отъ Жуковскаго. Кайсаровъ въ кружкѣ Тургеневскомъ былъ ученикомъ, что онъ сознавалъ и самъ. Когда однажды Андрей Тургеневъ назвалъ его „дополнительнымъ количествомъ“ въ Собраніи, т. е. въ учрежденномъ имъ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ, Кайсаровъ не обидѣлся: „Конечно, мнѣ непріятно было это—пишетъ онъ Тургеневу —, но ты самъ знаешь, что я къ вамъ не напрашивался, чувствуя, что я въ *словесности* съ вами не равенъ“ [3]). Онъ былъ ученикомъ Тургенева, только еще начиналъ знакомиться съ литературой, и она еще не производила на него такого дѣйствія, какъ на Тургенева. Въ періодъ своего увлеченія актрисой Сандуновой и Cabale und Liebe Шиллера (1799—1800 гг.) Андрей Тургеневъ записалъ однажды въ дневникѣ: „Луиза — это имя напоминаетъ мнѣ все, чѣмъ Луиза украшена въ Cabale und Liebe; все это носится въ головѣ моей въ образѣ Санд[уновой]. Пришелъ А[ндрей] С[ергѣевичъ] и смѣялся надо мной; какъ профану, нечево ему инова и дѣлать“. Но они были все-таки большими друзьями, переписывались и пере-

---

1) Стр. 135.

2) Подробнѣе о Кайсаровѣ будетъ сказано при изданіи оставшихся послѣ него бумагъ. — Его выводитъ Л. Н. Толстой въ „Войнѣ и мирѣ“ въ день Бородинскаго сраженія.

3) См. мою статью „Дружеское Литер. Общество“ въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1910, № 8-й, стр. 283.

гащивались другъ у друга постоянно. Даже Иванъ Петровичъ однажды выразилъ на это свое неудовольствіе. 1-го окт. 1799 Андрей Тургеневъ пишетъ маленькую записочку Кайсарову: ...„Скажу тебѣ—вчера какъ я только пришелъ, батюшка говоритъ: Гдѣ ты бываешь? Я: У Кайс[арова].—Что же ты все ходишь? Когда жъ ты дѣло дѣлать будешь?“—И съ такимъ видомъ, что я принужденъ рѣшиться ходить со двора вообще одинъ или ужъ много два раза въ недѣлю. Приходи, братъ, часу въ пятомъ“.

Съ Александромъ Ивановичемъ Кайсаровъ, будучи въ Москвѣ дружилъ менѣе, нежели съ Андреемъ. До окончанія курса въ Пансіонѣ Александръ Ивановичъ и не могъ быть такъ же близко къ Кайсарову, какъ Андрей. Не случайно, конечно, въ бумагахъ Тургеневскаго архива сохранилось только четыре коротенькихъ записки къ Александру Ивановичу, которыя для полноты здѣсь воспроизводятся:

1) „Я надѣюсь, милой мой Александръ Ивановичъ, что ты завтра пріѣдешь навѣстить (больнаго, ознобившаго лице) друга своего. Это навѣщаніе должно быть въ X часовъ утра. Пріѣзжай, пожалуй, и привези, что обѣщалъ“.

Твой другъ Андрей Кайсаровъ.

1799 года
Января 15 дня.
Москва.

Это единственное письмо съ датой. Остальныя три письма безъ даты, но, повидимому, относятся къ 1799—1800 гг. Изъ нихъ два письма говорятъ о литературныхъ занятіяхъ Тургеневскаго кружка, а одно, кромѣ того — о значеніи въ немъ Андрея Тургенева:

2) Любезный другъ Александръ Ивановичъ!

„Вотъ тебѣ сочиненія Державина. Не худо бы, если-бы ты мнѣ ихъ возвратилъ денъ черезъ пять. Виноватъ, братъ, что я ихъ вчера не прислалъ; всему причиною твой любезнѣйшій братецъ. Ты меня совсѣмъ забылъ. Богъ тебѣ судья“!

3) Любезный другъ Александръ Ивановичъ!

„Извини, братъ, что я къ тебѣ не заѣхалъ: проспалъ. Я знаю, что ты это причтешь къ чему другому, но нѣтъ, братъ, право, въ мѣсяцъ удастся ли полно мнѣ хоть одинъ день выспаться. Скажи Ан[дрею] Ив[ановичу], что я эту книгу переводить раздумалъ,— никто не совѣтуетъ, во первыхъ потому, что плата не велика, а книга велика и таки немного трудненька; а если бы онъ мнѣ нашелъ какую-нибудь другую, то я бы ему былъ очень обязанъ. Будь ты у него за меня ходатаемъ; для меня онъ ничего не сдѣлаетъ, ибо я уже пробовалъ своего счастія. Пожалуй, братъ,

попроси, я увѣренъ, что ты для меня все сдѣлаешь. Воскресенье послѣ обѣда посвящу тебѣ, да и то ежели не буду въ должности: это одинъ день, которымъ я иногда могу располагать. Твой другъ Ан. Кайсаровъ.

4) „Поздравляю тебя, моего милаго друга, со днемъ твоего Ангела; желаю, чтобы ты былъ всегда веселъ, здоровъ и все, что тебѣ угодно. Чтобъ соблюсти форму поздравленія, вотъ тебѣ стишонки, вытекшіе съ просонья изъ моей солдатской головы:

„Отцу свому подобенъ
Во всемъ, другъ милый, будь,
Любви его достоенъ
И щастливъ вѣчно будь“ [1]).

Теперь заключу прозою. Желаю, братъ, чтобъ глупая мысль — служить въ военной службѣ — съ этого дня совсѣмъ тебя оставила, и чтобъ любилъ истиннаго твоего друга Ан[дрея] Кай[сарова].

Сердечно бы желалъ лично тебя поздравить; но я что-то чувствую, что я очень болѣнъ, грудь чрезмѣрно болитъ. Если мнѣ будетъ получше, то я къ вечеру побываю. Желаю тебѣ быть поэтомъ“.

Разставшись съ Андреемъ, Кайсаровъ сблизился съ Александромъ, котораго онъ и раньше почиталъ за доброту. Двухлѣтнее пребываніе въ чужихъ земляхъ еще болѣе сдѣлало ихъ друзьями; по смерти Андрея Тургенева, Кайсаровъ всю свою привязанность перенесъ на Александра, который платилъ ему тѣмъ же. По возвращеніи изъ-за границы, Александръ Ивановичъ завелъ съ своимъ другомъ, оставшимся въ Геттингенѣ, дѣятельную переписку и, когда Кайсаровъ геройски погибъ въ сраженіи при Ганау, уговаривалъ Жуковскаго почтить его память стихами. Въ письмѣ къ Жуковскому изъ Петербурга отъ 27-го августа 1814 года онъ пишетъ: „Знаешь ли, что я, запершись отъ людей, дня три на этой недѣлѣ дѣлалъ? Перечитывалъ доставшіяся мнѣ, наконецъ, остальныя бумаги брата Андрея, письма и записочки къ Ан[дрею] Кайсарову 99 и слѣдующихъ годовъ. Сладкія и горестныя минуты!“. Въ 1818 году попалъ въ руки Александра Ивановича дневникъ Кайсарова, и онъ 12-го февраля пишетъ Жуковскому: „Минувшее для меня воскресло und mancher liebe Schatten stieg herauf! Тамъ вся наша молодость! Молодость! Давно уже такъ живо не ощущалъ я. Весь журналъ Андрея С[ергѣевича] наполненъ огненною дружбою къ брату, и память Кайсарова сдѣлалась для меня съ тѣхъ поръ священнѣе. Есть удивительныя предчувствія. Я плакалъ отъ грусти самой тихой и радовался слезами своими, которыя давно уже, казалось, изсякли“ [2]).

---

1) Ср. выше, стр. 28—29.

2) Ср. Веселовскій, 107, прим. 1. Гдѣ теперь упоминаемый здѣсь Журналъ Кайсарова?

IV.

Когда въ 1792 году Ивану Петровичу пришлось уѣхать въ ссылку въ Тургенево Симбирской губ., Андрею было 11 лѣтъ, а Александру — 8. Намъ ничего неизвѣстно о ихъ раннемъ возрастѣ, о ихъ ученіи еще въ Москвѣ. Мы знаемъ только, что однимъ изъ любимыхъ чтеній Андрея было „Дѣтское Чтеніе“ Карамзина. Въ Тургеневѣ ихъ обученіемъ были заняты самъ Иванъ Петровичъ, который обучалъ ихъ, вѣроятно, русскому языку, и швейцарецъ Тоблеръ, на обязанности котораго лежало обученіе иностраннымъ языкамъ. Тоблеръ оказался хорошимъ учителемъ, сблизился съ своими учениками, сталъ ихъ другомъ, и впослѣдствіи, уже отошедши отъ Тургеневыхъ, продолжалъ переписываться и съ Иваномъ Петровичемъ и съ Андреемъ Ивановичемъ [1]). Александръ Ивановичъ, по его сло-

---

1) Воспитатель молодыхъ Тургеневыхъ, Тоблеръ, разставшись съ ними, поступилъ въ домъ какого-то Тита Андреевича Языкова въ Владимірѣ. Онъ продолжалъ переписываться съ Тургеневыми, какъ видно изъ сохранившагося его письма къ Ивану Петровичу отъ 1-го іюля 1802 г. Изъ этого письма мы узнаемъ, прежде всего, что Иванъ Петровичъ оказалъ содѣйствіе въ покупкѣ картинъ Лафатера, съ которымъ онъ, какъ извѣстно, находился въ перепискѣ. Далѣе мы находимъ подтвержденіе того великаго значенія сочиненій Гесснера на развитіе у молодыхъ Тургеневыхъ ихъ влеченія къ природѣ, о которомъ много лѣтъ спустя вспоминалъ Александръ Ивановичъ. Вдова Гесснера сообщила сестрѣ Тоблера, что послѣ ея мужа осталось довольно большое количество гравюръ, и теперь Тоблеръ проситъ Ивана Петровича принять участіе въ покупкѣ любителями этого сорта „увражей“. Онъ называетъ Гесснера „нашимъ безсмертнымъ Гесснеромъ“, „Швейцарскимъ Ѳеокритомъ“. Все письмо Тоблера слѣдующее:

Monsieur.

La bonté avec la quelle Votre Excellence a daigné s'interesser pour notre defunt Lavater pour lui procurer des amateurs qui ont fait aquisition d'une partie de son Cabinet de tableaux et la protection qu' Elle accorde aux Sciences et aux beaux arts me fait esperer que Votre Excellence accueillera favorablement ma prière et voudra accorder la même faveur à la Succession du Theocrite Helvetien de notre immortel Gessner. La veuve vient d'écrire à ma soeur et de lui remettre une notte de ses ouvrages en gravures. Je prens la liberté de l'envoyer à Votre Excellence, en la supliant de vouloir bien la comuniquer à des personnes amateurs de ces sortes d'ouvrage; je me ferai le plus grand plaisir d'executer les commissions dont elles voudront m'honorer.

Le fils du defunt Gessner, fameux peintre, revient en Suisse après un sejour assez long en Angleterre, ou il s'est acquis beaucoup de gloire, surtout par son tableau le passage du [одно слово не разобрано]. Monsieur votre fils ainé m'a écrit le 17 May qu'il est sur le point de faire un second voyage à Vienne, il me marque aussi que M-r son frère va entreprendre un voyage dans les pays étrangers. Je souhaite de tout mon coeur que Votre Excellence reçoive souvent des nouvelles agreables de deux fils cheris et dignes de Votre amour, et qu' elles Vous consolent de leur absence autant que cela est possible.

вамъ, „еще не зналъ цѣну ему“, но онъ оцѣнилъ его впослѣдствіи. Ему, по его словамъ, онъ обязанъ знакомствомъ съ Гесснеромъ, и „ни одинъ изъ авторовъ [говорилъ онъ впослѣдствіи] не оставилъ во мнѣ такихъ благодѣтельныхъ, располагающихъ къ добру и къ сельской жизни впечатлѣній, какъ Геснеръ“. Но съ Гесснеромъ Тургеневы знакомились не только при посредствѣ Тоблера: они узнавали его и изъ Московскаго Журнала Карамзина. Въ Тургеневскихъ бумагахъ сохранился небольшой отрывокъ дневника Андрея Тургенева за время отъ 7-го по 23-е августа неизвѣстнаго года (но не позднѣе 1796), изъ котораго можно отчасти видѣть время провожденія и занятій Тургеневыхъ. Андрей Тургеневъ очень рано обнаружилъ свою склонность къ писанію, и отъ его Тургеневскаго періода осталось нѣсколько и стихотвореній и упомянутые остатки дневника. Вотъ какъ онъ описываетъ напр. день 21-го августа: „Въ четвергъ, одѣвшись и помолившись Богу, пошли учиться, а отучившись, немного спустя, сѣли обѣдать. Послѣ обѣда читалъ въ маломъ домѣ Жур[налъ] Карамз[ина] и отучившись ходилъ гулять и читалъ Журналъ“. Нѣсколько подробнѣе описанъ слѣдующій день: „Въ пятницу, проснувшись и одѣвшись, не медля пошли учиться. Отучившись и отобѣдавши, былъ со всѣми брат[ьями] и съ Игнатіемъ въ саду. Отучившись, пошелъ къ матушкѣ и бабушкѣ. Потомъ пошелъ съ братцемъ гулять и Игнатій былъ съ нами же и стрѣлялъ. Пришедши и поужинавъ, легли спать. На постели читалъ Геснера, и онъ мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, показался такимъ, какимъ описываетъ его г. Карамзинъ“. А недѣлей раньше онъ нѣсколько дней подрядъ читаетъ

Je prends la liberté de joindre une lettre pour Monsieur de Karamsine et de suplier Votre Excellence de vouloir bien la lui faire remettre.

J'attends incessamment l'arrivée à Moscou d'une soeur cadette, et nous esperons de la voir bientot placée. Elle aura l'honneur de rendre ses devoirs à Madame Votre Épouse et l'avantage de faire sa connaissance.

Je me trouve à present placé dans une maison, ou je suis content à tous egards, et j'ai en même temps l'avantage d'être dans le voisinage de ma soeur.

Ma soeur ainée, qui nous donne de temps en temps des nouvelles allarmantes de la santé de notre bon vieux père me charge de presenter ses respects à Votre Excellence et à Madame Votre Épouse.

Je me recommende à la continuation de la bienveillance dont Votre Excellence m'à honoré et j'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect

Monsieur

de Votre Excellence
le très humble et très obeissant
serviteur
Tobler.

le 1 Juillet 1802.

въ домѣ Его Благородія Господина
Тита Андрѣевича Языкова
въ Владимирѣ.

комедію Голдонія и одинъ разъ читалъ „Театръ Судоведенія“[1]). Можно судить по этимъ отрывкамъ, что главными воспитателями Тургеневыхъ были, дѣйствительно, „Швейцарскій Ѳеокритъ“ Гесснеръ и Карамзинъ. У перваго они учились любви къ природѣ. Въ этомъ отношеніи имъ помогали журналы Карамзина — Дѣтское Чтеніе и Московскій Журналъ, гдѣ они могли знакомиться и съ Юнгомъ и Томсономъ, также развивавшими у читателей любовь къ природѣ. Жизнь въ деревнѣ, на лонѣ природы, способствовала тому, что любовь къ природѣ, къ сельской жизни, образовавшаяся при помощи чтенія, находила себѣ пищу и въ дѣйствительности. Они уже съ дѣтства, такимъ образомъ, тѣсно проникались той стороной сентиментализма, которая являлась для того времени господствующею. Но „любовь къ природѣ“ была у нихъ трезвая, никогда не доводившая ихъ до приторной чувствительности Шаликова и Измайлова, которые впослѣдствіи вызывали осужденія со стороны и Андрея и Александра. Послѣдній, впрочемъ, мало далъ намъ доказательствъ этого именно элемента эпохи чувствительности; но и изъ его дневниковъ, напр. Геттингенскаго, и изъ описанія величественной природы Альпъ, которую онъ наблюдалъ во время своего путешествія на Гарцъ, и изъ позднѣйшихъ его восторговъ при въѣздѣ въ Швейцарію—изъ всего этого можно вывести заключеніе о воздѣйствіи Гесснера на его душу. Андрей, какъ болѣе впечатлительный и экспансивный и къ тому же съ врожденной склонностью къ писательству, далъ намъ въ своихъ дневникахъ не мало доказательствъ воздѣйствія на его склонности со стороны указанныхъ авторовъ. Онъ выписываетъ изъ книги „Чувство при наступленіи зимы“; разсуждая о „Разбойникахъ“ Шиллера, видитъ особенное значеніе въ томъ, что Шиллеръ „изобразилъ это происшествіе весною,—тогда, когда сердце самаго нечувствительнаго человѣка согрѣвается нѣжными чувствами и питаетъ въ себѣ любовь и радость, когда, такъ сказать, духъ весны разлитъ по всему воздуху, оживляетъ и согрѣваетъ чувствительную душу и производитъ въ ней блаженныя восхитительныя ощущенія“ и т. д.[2]); переѣхавъ въ Москву на жительство въ 1797 году, онъ скорбитъ по деревенской жизни: „Какъ живо изобразились тогда въ душѣ моей всѣ тѣ радости, тѣ простыя сельскія удовольствія, которыми я наслаждался!... Вамъ посвящаю я слезы, которыя текутъ теперь изъ глазъ моихъ. Пусть будетъ сердце мое всегда, каково оно теперь. Да не заглушится гласъ природы корыстію и честолюбіемъ, и воспоминаніе о васъ да извлекаетъ всегда слезы изъ глазъ моихъ и да послужитъ мнѣ всегда утѣшеніемъ въ моихъ горестяхъ“[3]).

Съ литературой, во главѣ которой стояли Гесснеръ и Карамзинъ и которая, вмѣстѣ съ любовью къ идиллическому настроенію, развивала

1) Ср. выше, стр. 21.

2) Записано въ 1799 году.

3) Запись 15-го августа 1797 года.

вообще чувствительность въ читателѣ, соединялись уроки и самого Ивана Петровича, о которыхъ говорилось выше. Здѣсь дѣйствовало личное обаяніе самого Ивана Петровича и то нравственное ученіе, проповѣдникомъ котораго онъ былъ во всю свою жизнь. Когда въ 1796 году Тургеневу дано было разрѣшеніе выѣхать изъ своей ссылки, Андрей и Александръ были уже достаточно проникнуты и сознаніемъ нравственнаго долга, насколько, конечно, это было допустимо въ ихъ возрастѣ, и наклонностью къ добру и оттѣнкомъ чувствительности. Александръ Ивановичъ, находясь въ Геттингенѣ, въ день рожденія своего, записываетъ въ своемъ дневникѣ: „19 лѣтъ и мнѣ минуло. Посвящу этотъ день воспоминанію прошедшаго, воспоминанію семейственной жизни нашей. И теперь еще памятны мнѣ тѣ минуты, въ которыя Батюшка въ деревнѣ съ любовію нѣжнѣйшаго отца наставлялъ меня; всякой разъ долго отзывались во мнѣ слова его, и я въ этотъ день точно отъ этихъ словъ былъ гораздо добрѣе“ [1]).

Когда Иванъ Петровичъ въ 1796 году переѣхалъ въ Москву и занялъ мѣсто директора Московскаго университета, Андрей, имѣя 16 лѣтъ, поступилъ въ 1797 году въ университетъ, а Александръ — въ Университетскій Благородный Пансіонъ, гдѣ пробылъ до весны 1800 года. Его развитіе теперь происходило подъ вліяніемъ новыхъ и разнообразныхъ факторовъ. Тутъ на первомъ планѣ разнообразныя направленія Университетскаго Благороднаго Пансіона, объединяемыя, правда, одной цѣлью — стремленіемъ развить нравственную сторону учащихся. Рядомъ слѣдуетъ поставить домашній кружокъ старшаго поколѣнія, кружокъ, о которомъ пришлось говорить выше. Какъ Университетскій Благородный Пансіонъ, имѣя въ виду, прежде всего, нравственную сторону воспитанія, заботился о литературномъ развитіи своихъ питомцевъ, видя въ этомъ извѣстное педагогическое средство, такъ и старшій Тургеневскій кружокъ, вліяя на нравственный складъ молодого поколѣнія, оказывалъ свое значеніе и въ развитіи у послѣдняго литературныхъ интересовъ. Третьимъ факторомъ въ воспитаніи молодого поколѣнія было то, что мы теперь назвали бы „самообразованіемъ“. Послѣднее, конечно, стояло въ связи съ той литературной атмосферой, которая окружала молодыхъ Тургеневыхъ со времени переѣзда изъ деревни въ Москву. „Самообразованіе“ проявилось въ очень интересномъ для тогдашняго времени фактѣ — въ неустанномъ стремленіи составлять дружескіе кружки для литературныхъ цѣлей. Образуется свой молодой кружокъ, своя компанія, состоявшая сначала, съ одной стороны, изъ воспитанниковъ университета, съ другой — изъ воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, а впослѣдствіи дѣлившаяся на группы сообразно одинаковымъ склонностямъ отдѣльныхъ ея членовъ, и, наконецъ, вновь объединившаяся въ „Дружескомъ литера-

1) Стр. 207.

турномъ Обществѣ". Не всегда возможно тѣсно разграничить указанныя три вліянія, въ виду того что во многихъ случаяхъ—крупныхъ и мелкихъ, всѣ они сходились, такъ какъ и сами они проистекали изъ одного источника. Однако, внѣшніе факты того или другого вліянія указать можно. Что касается собственно Александра Тургенева, то, говоря объ обстановкѣ, вліявшей на его развитіе, приходится, какъ и всюду, говорить больше объ Андреѣ, какъ потому, что отъ него именно остались документы, рисующіе намъ умственную жизнь молодого кружка, такъ и потому, что Андрей Тургеневъ занималъ мѣсто центра, откуда расходились, какъ лучи, разнообразные литературные интересы. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ происходило взаимодѣйствіе: кружокъ Александра Тургенева, т. е. кружокъ воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона въ свою очередь оказывалъ свое вліяніе на Андрея. Если мы разсмотримъ литературные интересы Андрея Тургенева и его ближайшихъ друзей, сначала Журавлева, потомъ Мерзлякова и Жуковскаго, то отсюда уже можемъ заключать, какъ слагались такіе же интересы и у Александра Ивановича. Самъ по себѣ онъ является передъ нами уже готовымъ, въ періодъ своего Геттингенскаго обученія, а предшествующая исторія развитія его интересовъ раскрывается намъ изъ деталей жизни всего вообще Тургеневскаго кружка подъ главенствомъ Андрея.

13-ти лѣтъ поступилъ Александръ Ивановичъ въ Университетскій Благородный Пансіонъ и попалъ въ ту же обстановку, которая въ маломъ размѣрѣ окружала его и дома. Врожденная его наклонность къ добру очень рано питалась тѣми образцами дѣтской литературы, за которой слѣдилъ Иванъ Петровичъ. Сентиментальность воспитывалась Карамзинымъ. Самый стиль популярной тогда литературы невольно воспринимался мальчикомъ. Для представленія о томъ и о другомъ небезъинтересенъ первый опытъ Александра къ сочинительству, опытъ, всецѣло навѣянный тогдашними образцами. 4-го ноября 1797 года, въ годъ поступленія его въ Университетскій Благородный Пансіонъ, онъ сочиняетъ слѣдующую „шіеску".

„10 часовъ вечера. Сижу одинъ въ своей комнатѣ; глаза мои смыкаются, вижу изъ окошка блѣдномерцающій свѣтъ фонарей. Все вокругъ меня спитъ, все тихо, одинъ сверчокъ прерываетъ глубокую тишину. Помышляю о томъ, что происходитъ теперь въ пространномъ мірѣ.

„Трудолюбивый крестьянинъ, работавшій цѣлый день въ потѣ лица своего, чтобы достать себѣ кусокъ черстваго хлѣба, раздѣляетъ его съ своею голодною семьею и помышляетъ, какъ бы ему не умереть съ голоду въ будущій день; между тѣмъ, какъ празднолюбивый богачъ ѣстъ самыя отборныя кушанья, совсѣмъ ни о чемъ не думая.

„Добросердечный бѣдный старецъ, помолясь Богу, ложится на рогожку съ своими внучатами и правнучатами; а изнѣженный юноша протягивается на мягкой постелѣ, не возблагодаря Всевышняго за то, что онъ провелъ благополучно минувшій день.

„Жадный скупецъ, имѣющій множество сокровищь, не можетъ спать покойно, боясь, чтобъ не похитили у него неправдою пріобрѣтеннаго имѣнія. Вотъ стучится въ его двери нищій и проситъ Христа-ради милостыни, но онъ съ гнѣвомъ отгоняетъ его, и несчастный, прослезившись, уходитъ. Тутъ попадается ему бѣдный солдатъ и подаетъ ему послѣднюю свою копейку.

„Ахъ! для чего не имѣетъ трудолюбивый крестьянинъ сихъ отборныхъ кушаньевъ, а имѣетъ ихъ празднолюбивый богачъ? Для чего не имѣетъ добросердечный бѣдный старецъ мягкой постели, а имѣетъ ее изнѣженный юноша? Для чего? — Тутъ я невольнымъ образомъ выведенъ былъ изъ своей задумчивости громкимъ стукомъ подлѣ моей комнаты. Я гашу почти догорѣлую свѣчу, бросаюсь на постель и засыпаю крѣпкимъ сномъ.

Любезные читатели!

Вы безъ сомнѣнія нашли въ семъ маленькомъ сочиненіи множество непростительныхъ погрѣшностей; но чтожь дѣлать? Я еще въ первый разъ осмѣлился сочинять. Простите мнѣ ихъ. Я желалъ услужить вамъ отъ всего моего сердца, но лучше не могъ. Въ другой разъ, когда еще осмѣлюсь что-нибудь написать, то можетъ быть буду счастливѣе“.

Александръ Тургеневъ.

1797 года. Ноября 4 дня.

Уже этотъ маленькій опытъ сочинительства вводитъ насъ въ систему воспитанія. Онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ направленію Университетскаго Благороднаго Пансіона. Внутренній распорядокъ послѣдняго и особенно характеръ воспитанія и обученія, проводимыхъ имъ, вполнѣ обрисованъ г. Рѣзановымъ въ его книгѣ „Изъ разысканій о сочиненіяхъ Жуковскаго“. Все, что относилось къ Жуковскому, относится и къ Тургеневу. Всѣ тѣ вліянія, подъ которыми образовывался юноша Жуковскій, имѣли мѣсто и по отношенію къ Александру Тургеневу. Они были товарищами по Пансіону и скоро сблизились. Жуковскій жилъ въ Пансіонѣ, и, впослѣдствіи, Андрей Тургеневъ напоминалъ ему, какъ онъ по воскресеньямъ приходилъ къ нимъ, къ Тургеневымъ, читать переведенныя украдкою по 4 піесы вдругъ[1]). Александръ Ивановичъ жилъ дома. Впослѣдствіи изъ Геттингена онъ писалъ къ Жуковскому: „Поздравь, братъ, Антона Антоновича[2]) съ будущимъ, а какъ письмо это придетъ, такъ ужъ съ прошедшимъ днемъ его Ангела. Скажи, что я все тотъ же робкой и почтительной передъ нимъ Тургеневъ, какой бывалъ во время оно“[3]). Почтительность и

1) Письмо Андрея Тургенева Жуковскому отъ 31 дек. 1802 г.

1) Т. е. Прокоповича-Антонскаго, директора Пансіона.

2) Стр. 268.

робость были вообще отличительными чертами Александра Ивановича. Какъ учился Александръ Ивановичъ, мы не знаемъ: повидимому — не особенно блестяще; по крайней мѣрѣ, его нѣтъ въ приведенномъ у Сушкова[1]) спискѣ воспитанниковъ, „получившихъ золотыя медали и одобрительные листы". Въ напечатанной же у послѣдняго піесѣ „Торжественный актъ 14-го ноября 1798 года въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ" Главный Смотритель объявляетъ: „Г. Тургеневъ!... Вторая серебряная медаль за успѣхи въ правѣ естественномъ и Римскомъ, также въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ"[2]). Но самъ онъ отзывался о себѣ какъ объ ученикѣ, недостаточно прилежномъ. Въ письмѣ изъ Геттингена отъ 13-го апрѣля 1803 года къ Жуковскому и Мерзлякову, онъ говоритъ: „...Скажите, можно ли удержаться и не слыхать великаго Гайне, единственнаго Шлецера и прочію подобную братію? Поневолѣ родится прилежаніе и въ Александрѣ Тургеневѣ; и знавшіе его *прежде* поневолѣ должны воскликнуть: „c'est incroyable"[3])! А когда онъ записался на лекцію метафизики у Бутервека, то въ своемъ дневникѣ отмѣтилъ: „Метафизика держитъ въ дѣятельности способности мыслить и дѣлаетъ способнымъ къ мысленному напряженію, что для моей природной лѣни очень хорошее лѣкарство"[4]). Онъ вспоминалъ и о томъ, какъ его учитель нѣмецкаго языка Геймъ будилъ его палочкой по головѣ на послѣобѣденныхъ урокахъ[5]). Какъ сынъ Директора университета, онъ, несомнѣнно, пользовался привилегіями и послабленіями. Понятно, поэтому, его восклицаніе послѣ полученія отъ Геттингенскихъ профессоровъ свидѣтельствъ объ успѣхахъ его въ наукахъ: „вѣдь ужъ здѣсь я не *Директорской* сынъ"[6])!

Три элемента были выдвинуты въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ: нравственное усовершенствованіе, патріотизмъ и литературное образованіе. Первое требованіе идетъ еще отъ Новиковскаго періода, отъ Шварца, отъ котораго Прокоповичъ-Антонскій унаслѣдовалъ его основныя положенія. Развитіе въ ученикахъ стремленія къ нравственному усовершенствованію, къ добродѣтели, происходило черезъ чтеніе подобранныхъ съ этой цѣлью книгъ, какъ „Книга премудрости и добродѣтели", „Бесѣды съ Богомъ", „Размышленія въ царствѣ натуры", „Провидѣнія на каждый день года"; послѣдняя книга проникнута отъ начала до конца религіозной мыслью, носитъ замѣтный отпечатокъ мистицизма, согрѣта благочестивымъ чувствомъ и богата поэтическими страницами[7]); такого же

---

1) Сушковъ Н. В., Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ, прилож., стр. 89.

2) ibid., стр. 87.

3) Стр. 269—70.

4) Стр. 217.

5) Стр. 205.

6) Стр. 64 и 207.

7) Рѣзановъ, стр. 31, съ ссылкой на Тихонравова, т. III, ч. I, стр. 404.

характера и переводныя драматическія произведенія, въ родѣ „Добрыя Дѣти“, „Друзья нынѣшняго вѣка“ [1]) и т. п. Соотвѣтственно такому направленію, ученики упражнялись и въ составленіи сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя произносились на Пансіонскомъ актѣ, нѣкоторыя, кромѣ того, печатались въ издаваемомъ при Пансіонѣ журналѣ „Утренняя Заря“ или въ Отчетахъ о Пансіонскомъ актѣ. Такова была и рѣчь Александра Тургенева на Пансіонскомъ актѣ 22-го декабря 1800 года, на тему „Рѣчь о томъ, что просвѣщеніе безъ религіи и добродѣтели болѣе вредно, нежели полезно“ [2]). На темы же о нравственныхъ вопросахъ сдѣлано имъ во время его пребыванія въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ нѣсколько переводовъ: 1) Въ Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени (ч. XX) *Вѣрная собака;* 2) въ Ипокренѣ — *Честность;* 3) *Смерть* К. П. изъ Коцебу — тамъ же; 4) *Анекдотъ* — тамъ-же, 5) *О возрастахъ человѣческихъ* — тамъ-же; 6) Въ Утренней Зарѣ — *Пѣснь на случай открытія синагоги;* 7) *Опрокинутый дубъ;* 8) *Мальчикъ луна и солнце* — двѣ басни изъ Мейснера, тамъ-же [3]). Все это небольшія „пьески“, по большей части литературныя упражненія, приносимыя на судъ новаго учрежденнаго при Пансіонѣ Общества — „Собранія воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона“. По своему направленію онѣ не отличаются отъ приведенной выше „піески“ Александра, написанной еще непосредственно подъ вліяніемъ домашняго воспитанія. Въ Пансіонѣ онъ попалъ въ ту же моральную обстановку, которая воспитывала его и дома въ извѣстномъ направленіи.

---

1) ibid., стр. 42.

2) Слѣдуетъ разъяснить одно недоразумѣніе. Г. Рѣзановъ различаетъ двѣ рѣчи, очень сходныя по темѣ: 1) Рѣчь Александра Тургенева на тему „Рѣчь о томъ, что просвѣщеніе безъ религіи и добродѣтели болѣе вредно, нежели полезно“, и изданную въ брошюрѣ „Рѣчь, разговоръ и стихи, читанные на Публичномъ актѣ въ Благородномъ Университетскомъ Пансіонѣ декабря 22-го дня 1800 года“ (см. Рѣзановъ, стр. 66—67) и 2) „Рѣчь о неразрывной связи просвѣщенія съ религіей и добродѣтелью“, напечатанную въ „Утренней Зарѣ“, кн. II, 1803 года, съ примѣчаніемъ: „Читана на публичномъ актѣ въ Пансіонѣ 1801 года, декабря 22-го дня“ (стр. 19). Онъ отмѣтилъ и сходство въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ; можно отмѣтить сходство еще въ такомъ характерномъ выраженіи: „и самый отдаленный Курилецъ съ благотворнымъ свѣтомъ вѣры, съ мудрыми попечительными законами, съ лучами нужныхъ для жизни своей познаній, вливаетъ въ себя истинную любовь къ отечеству“ (Рѣзановъ, стр. 71) = „и самый отдаленный *Курилецъ*, съ благотворнымъ свѣтомъ Вѣры, съ мудрыми попечительными законами, съ лучами нужныхъ для жизни его познаній, пріемлетъ новое бытіе и образуется въ человѣка“ (Утренняя Заря, стр. 29). Что нибудь одно: или на актѣ была произнесена старая рѣчь Тургенева съ передѣлками, или этотъ воспитанникъ былъ тотъ же Александръ Тургеневъ. Послѣднее невозможно: Александръ окончилъ курсъ весной 1800 года. Надо полагать, что помѣтка 1801 года въ примѣчаніи ошибочна: должно читать 1800 года. Александръ Тургеневъ говорилъ свою рѣчь именно въ 1800 году, а потомъ она была (вѣроятно, имъ же) и напечатана въ 1803 году вновь съ ошибочной помѣткой. Рѣчь на актѣ 1799 г., произнесенная Жуковскимъ, напечатана въ I-ой книжкѣ Утренней Зари, а Рѣчь на актѣ 1800 г. — во II-ой.

3) См. Рѣзановъ, стр. 229 — 230.

Изслѣдователи указываютъ на стремленіе со стороны руководителей Пансіона развить въ своихъ питомцахъ патріотическое направленіе, что̀ и выражалось, между прочимъ, въ писаніи воспитанниками Пансіона патріотическихъ торжественныхъ одъ. Въ этомъ родѣ особенно упражнялись пансіонскіе товарищи Александра Тургенева—Родзянка и Жуковскій. Тургеневъ, не имѣвшій въ себѣ поэтическаго таланта, такихъ стиховъ не писалъ, но его рѣчь на актѣ наполнена изліяніями патріотическихъ чувствъ. Проѣздомъ въ Геттингенъ онъ пишетъ Жуковскому изъ Лейпцига: „Я недавно изорвалъ слабое изображеніе любви моей къ Отечеству, увидя тѣ же самыя чувства, изображенныя сильнымъ перомъ въ Шатобріанѣ“ [1]). Патріотически онъ былъ настроенъ и ранѣе, когда зимой 1802 года переписывался съ Жуковскимъ изъ Петербурга. Патріотически онъ былъ настроенъ все время и въ Геттингенѣ. Имя „Русскаго“ для него было славнѣе всѣхъ именъ; послѣ родителей „Отечество“ было для него предметомъ самаго сильнаго благоговѣнія. И въ данномъ случаѣ это направленіе совпадало съ направленіемъ Тургеневскаго дома и всего вообще Тургеневскаго кружка. Польза Отечеству, безграничная любовь и покорность Государю — эти черты отличали весь старшій Тургеневскій кружокъ со времени еще Дружескаго Ученаго Общества.

Въ 1799 году Прокоповичъ-Антонскій учредилъ при Пансіонѣ „Собраніе воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона“, предсѣдателемъ котораго былъ Жуковскій, а секретаремъ — Родзянка, какъ наиболѣе сравнительно съ другими выдававшіеся литературнымъ, а особенно поэтическимъ талантомъ. Сочиненія, прочитанныя на этихъ собраніяхъ, печатались въ особомъ изданіи „Утренняя Заря“, и мы видимъ, что въ I-ой книжкѣ было напечатано нѣсколько переводовъ Александра Тургенева; очевидно, это были все „піески“, читанныя имъ на Пансіонскихъ собраніяхъ. О самихъ собраніяхъ свѣдѣній у насъ почти нѣтъ, и только по книжкамъ „Утренней Зари“ можно судить о характерѣ и направленіи ихъ [2]). Во всякомъ случаѣ, учрежденіе самаго „Собранія“ и печатаніе произведеній его членовъ — воспитанниковъ Пансіона свидѣтельствуютъ о литературномъ направленіи Пансіона, и можно повторить вслѣдъ за изслѣдователемъ, что „такъ ярко выразившееся литературное направленіе Университетскаго Благороднаго Пансіона было весьма благопріятной атмосферой для развитія литературныхъ талантовъ въ воспитанникахъ“ [3]).

Такимъ образомъ, и домашнее воспитаніе и направленіе Университетскаго Благороднаго Пансіона имѣло одинаковое значеніе для развитія и нравственной стороны и литературнаго направленія юноши Тургенева.

---

1) Стр. 264.
2) См. объ этомъ у г. Рѣзанова, стр. 120 — 127.
3) ibid. стр. 127.

Послѣдняя сторона т. е. литературное развитіе было преобладающимъ. Неудивительно, что Александръ Ивановичъ ко времени окончанія курса въ Пансіонѣ долженъ былъ оказаться знакомымъ съ современной русской литературой. Ломоносовъ и Державинъ изучались въ Пансіонѣ какъ поэты, достойные подражанія; но рядомъ съ ними рекомендовался и Карамзинъ, котораго Александръ Ивановичъ зналъ еще до Пансіона. Рядомъ съ Карамзинымъ стоялъ Дмитріевъ, котораго, по словамъ Андрея Тургенева, читали они съ удовольствіемъ. Знакомство съ русской литературой продолжалось у Тургеневскаго кружка и послѣ окончанія многими изъ нихъ Университетскаго Благороднаго Пансіона. Еще во время обученія однихъ въ университетѣ, другихъ — въ Пансіонѣ, образовалось, какъ видѣли, особое сотоварищество, главный интересъ котораго лежалъ въ литературѣ. На первомъ планѣ стояла литература русская. Когда въ январѣ 1801 года компанія устраивала „Дружеское Литературное Общество“, то одинъ изъ параграфовъ устава, составленнаго Мерзляковымъ, въ его первоначальной редакціи начинался такъ: „Нужно ограничить намъ упражненія и, по моему мнѣнію, предметомъ ихъ должно быть единственно отеческая литература“ [1]). Молодое поколѣніе внимательно слѣдило за текущей литературой и исправно читало новые журналы, особенно такіе, какъ Карамзинскій Вѣстникъ Европы. Едва лишь вышло его „Историческое Похвальное Слово Екатеринѣ“, какъ Александръ Ивановичъ пишетъ изъ Петербурга Жуковскому: „Читая Похвальное Слово Екатеринѣ, сдѣлался я вѣчнымъ врагомъ Карамзина; послѣ объясню причины; и если бы я умѣлъ писать хорошо, то бы самая злобная и справедливая критика была его удѣломъ“ [2]). Поэтому, Александръ Ивановичъ уѣхалъ за границу съ хорошимъ знаніемъ русской литературы. Онъ уже умѣлъ цѣнить достоинства новыхъ писателей Карамзинскаго направленія, понималъ ихъ значеніе и радовался успѣхамъ въ обработкѣ русскаго языка. „Ввечеру просидѣлъ за Вѣстникомъ“ — записываетъ онъ въ Геттингенскомъ дневникѣ: „Какъ пріятно мнѣ читать образованный слогъ у многихъ моихъ соотечественниковъ. Литература дѣлаетъ примѣтныя успѣхи въ Россіи. Всякой желаетъ быть въ числѣ авторовъ, и это честолюбіе похвально и для литтературы благодѣтельно. Пусть большая часть изъ нихъ пишетъ худо; пусть они будутъ самыми рабскими Карамзинистами: все это будетъ имѣть свою пользу“ [3]). Онъ бесѣдуетъ со Шлецеромъ о

---

1) Моя статья „Дружеское Литературное Общество“, въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. — 1910 г., № 8.

2) Письмо отъ 24-го февраля 1802 года. Здѣсь Тургеневъ, очевидно, выражалъ недовольство за сплошное восхваленіе Екатерины, которая оказалась столь несправедливой по отношенію къ его отцу и друзьямъ послѣдняго. Недовольство со стороны Тургенева Карамзинымъ осталось, однако, безъ послѣдствій для ихъ взаимныхъ отношеній.

3) Стр. 227.

Ломоносовѣ и Карамзинѣ, высказываетъ, что ему „любящему столько свою отечественную литературу, пріятно было слушать сужденія о главнѣйшихъ эпохахъ ея отъ просвѣщеннаго иностранца“ [1]). Онъ — поклонникъ Карамзина, воспитался на его произведеніяхъ, хорошо понималъ все различіе между имъ и его подражателями, и, примиряясь съ необходимостью послѣднихъ, указываетъ намъ, что онъ вѣрно понималъ, въ чемъ заключается ихъ основной недостатокъ. Воспитанный съ дѣтства на сентиментальной литературѣ, отдавая временами дань своему чувствительному сердцу, онъ достаточно былъ развитъ, чтобы требовать, прежде всего, естественности и правдивости, и осуждалъ излишества современныхъ ему сентименталистовъ. „Возвращаясь [изъ Тепельсгаузена въ Геттингенъ] съ Сулимою ночью при полномъ свѣтѣ луны — пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ — сѣли мы у быстраго журчащаго ручейка и дали волю чувствамъ своимъ наслаждаться. Луна свѣтила прямо на него и посеребряла его... Когда я увидѣлъ этотъ ручей, то я оправдалъ въ мысляхъ своихъ всѣхъ нашихъ стиходѣевъ, каковы Шаликовы и прочія, которыя даютъ эпитеты ручейкамъ своимъ. Но при всемъ томъ, я все еще думаю, что они не сами любовались Натурою, а только вычисляли и списывали съ другихъ тѣ красоты ея, которыя врожденныя поэты сами находили. Иначе, любовь ихъ была бы пламеннѣе и журчаніе ручейковъ ихъ сильнѣе бы дѣйствовало на чувства читателя. Мы должны списывать съ оригинала, а не съ копіи“ [2]).

Мы видѣли уже и увидимъ ниже, что Тургеневскій молодой кружокъ распадался въ разное время на нѣсколько группъ, которыя временами соединялись. Такова группа, состоявшая изъ Андрея Тургенева, Мерзлякова и Жуковскаго, группа присяжныхъ, такъ сказать, литераторовъ. Всѣ трое они были поэты, всѣ страстно любили литературу, что впослѣдствіи Жуковскій и Мерзляковъ и доказали. Эта тройственная группа усердно занималась самообразованіемъ, читая и изучая литературу — иностранную и русскую. Александръ Тургеневъ не примыкалъ къ ней непосредственно, но при той близости, которая вообще существовала въ молодомъ Тургеневскомъ кружкѣ и особенно между самими братьями Тургеневыми, невозможно не признавать участія Александра Ивановича въ занятіяхъ и собесѣдованіяхъ указанной выше группы. Сильное вліяніе Андрея Тургенева на него Александръ Ивановичъ признавалъ всегда. Поэтому то, что выясняется намъ изъ наблюденія надъ литературными занятіями и интересами указанной группы, можетъ относиться и вообще ко всему Тургеневскому кружку и въ частности — къ Александру Ивановичу. Говорить же о русской литературѣ того періода, значитъ говорить о Карамзинѣ. Къ Тургеневскому же кружку Карамзинъ имѣлъ особое соприкосновеніе. Поэтому, слѣдуетъ на немъ нѣсколько остановиться.

---

1) Стр. 243.
2) Стр. 206.

Имя Карамзина соединяется обыкновенно съ именемъ Ивана Петровича Тургенева, который въ 1784 году вывезъ его изъ Симбирска и направилъ къ литературной дѣятельности. Естественно ожидать, что Карамзинъ оказался однимъ изъ близкихъ къ Тургеневу лицомъ и оставилъ замѣтные слѣды своего вліянія на молодыхъ Тургеневыхъ и на все молодое поколѣніе, группировавшееся около нихъ. Такъ смотрѣлъ напр. Тихонравовъ, говоря такъ о вліяніи Карамзина на Жуковскаго: „Быть въ кружкѣ Тургеневыхъ значило знать Карамзина, а Дмитріевъ былъ „второю ипостасью“ Карамзина. Такъ поэтическая дѣятельность Жуковскаго, при самомъ началѣ, подъ кровлею директора Московскаго университета, скрѣплялась тѣсными узами съ Карамзинскимъ періодомъ литературы“ [1]). Это замѣчаніе г. Рѣзановъ принимаетъ съ оговоркой, ссылаясь на изслѣдованіе г. Сиповскаго, который отсутствіе слѣдовъ серьезнаго воздѣйствія Тургенева на Карамзина объяснялъ „холодностью ихъ взаимныхъ отношеній въ Москвѣ“ [2]). Скорѣе правы послѣдніе, чѣмъ первый. Пожалуй, отношенія Тургенева и Карамзина можно назвать и холодными, но — конечно, лишь относительно, сравнительно напр. съ отношеніями къ Лопухинымъ и Невзорову. Фактическаго матеріала у насъ немного. Мы должны имѣть въ виду два періода — первый 1784 — 1792 гг., время до ссылки Тургенева въ деревню, и второй — съ 1796 года, когда Иванъ Петровичъ снова поселился въ Москвѣ. Небольшой матеріалъ по этому вопросу даютъ намъ дневники и письма Андрея Тургенева, но — исключительно за второй періодъ. О первомъ періодѣ есть только ничтожныя указанія. Андрей Тургеневъ въ письмѣ изъ Петербурга отъ 15-го декабря 1801 года пишетъ Ивану Петровичу: „Скажите, сдѣлайте милость, когда изволите увидѣть Ник[олая] Мих[айловича] Карамз[ина], что немного людей, которые бы столько его любили, какъ я. По авторству я его люблю не меньше другихъ; но еще столько же люблю его потому, что зналъ и любилъ его съ ребячества; и когда думаю о тѣхъ лѣтахъ, то всегда вспомню и его, какъ онъ напр. прихаживалъ къ намъ, и какъ я всегда любилъ его слушать; съ какимъ неописаннымъ нетерпѣніемъ я дожидался бывало новой книжки его журнала, чему вы сами бывали свидѣтелями; однимъ словомъ, сердце мое къ нему лежало; больше всего люблю его по Дѣтскому Чтенію, котораго онъ былъ издатель и которому я обязанъ больше всѣхъ книгъ, и всегда, всегда буду почитать и любить его, какъ автора и человѣка“. Карамзинъ издавалъ Дѣтское Чтеніе въ 1787 — 1789 гг., и слѣдовательно въ письмѣ Андрея идетъ рѣчь о первомъ періодѣ, когда Андрею было 7 — 9 лѣтъ; Александръ былъ еще мальчикомъ 3 — 6 лѣтъ, и конечно не принималъ участія въ восторгѣ брата передъ Карамзинымъ. Съ 1792 по 1796 годъ Тургеневы прожили въ деревнѣ, и у насъ нѣтъ указаній на свиданія ихъ за это время съ

1) Соч. Тихонравова, III, стр. 418.
2) Рѣзановъ, стр. 57.

Карамзинымъ. Но едва ли надо сомнѣваться, что сочиненія Карамзина за это время становились хорошо извѣстными и Тургеневымъ, а въ это время вышли и „Письма Русскаго путешественника“ и „Бѣдная Лиза“ и „Юлія“. Тургеневы, воспитывавшіеся, между прочимъ, на Гесснерѣ, съ перевода котораго Карамзинъ началъ свою литературную дѣятельность, не могли не любить и не цѣнить Карамзина: его чувствительность была имъ по сердцу. Въ 1796 году, когда Ивана Петровича вызвалъ Павелъ I въ Петербургъ, Андрей Тургеневъ сочиняетъ слѣдующіе стихи „дорогой изъ Москвы въ Петербургъ“:

„Вотще невѣжество свой грубый гласъ возноситъ,
Вотще оно тебя, о Карамзинъ, поноситъ.
Сердца чувствительныхъ ты будешь всѣхъ плѣнять
И славы можешь ли ты самъ другой желать?
Кто Агатона чтетъ, всякъ слезы проливаетъ,
Плѣнясь твореніемъ, Творца благословляетъ.
Тебѣ сердца плѣнять даръ милый небомъ данъ:
Пой къ удовольствію, пой къ славѣ Россіянъ!“

Очевидно, Тургеневы знали и о нападкахъ на Карамзина. Что же касается близости Карамзина къ Тургеневу въ періодъ съ 1797 года, то мы можемъ опять опираться на записки того же Андрея. Послѣдній въ своихъ дневникахъ постоянно упоминаетъ о посѣщеніяхъ Ивана Петровича Лопухиными и Невзоровымъ и о посѣщеніяхъ послѣднихъ Иваномъ Петровичемъ, говоритъ объ общихъ поѣздкахъ, о перегащиваніяхъ, но только одинъ разъ, 22-го ноября 1799 года, записалъ: „Батюшка боленъ; у насъ обѣдала тетушка, послѣ былъ Макс[имъ] Ив[ановичъ], Лубяновскій и Кар[амзинъ]“. Другихъ свѣдѣній о перегашиваніяхъ у насъ нѣтъ: повидимому ихъ и не было. Карамзинъ не принадлежалъ, очевидно, къ близкимъ друзьямъ Тургенева, какъ напр. Лопухины, и прежде всего, конечно, потому, что Карамзинъ, какъ извѣстно, отрицательно относился къ масонству. Но Карамзинъ въ это время былъ слишкомъ крупная величина, чтобы не оказывать дѣйствія на молодыхъ людей: это вліяніе было уже чисто литературное. Тургеневы его цѣнили. Настроенные на чувствительный ладъ, они находили въ произведеніяхъ Карамзина откликъ своему настроенію и отрицательно относились къ его хулителямъ. Въ декабрѣ 1799 года Андрей записываетъ: „Выходитъ 5-ый томъ „Писемъ“ Кар[амзина]. Не сочинить ли чего нибудь? Сказавши, что выходитъ Кар[амзина] книга, заключу:

„Кутузовъ! вотъ еще работа для тебя:
Пиши, бѣсись, ругай и осрами — себя“.

Съ именемъ Карамзина у его молодыхъ современниковъ соединялось представленіе, во первыхъ, какъ объ издателѣ „Дѣтскаго Чтенія“, а во

вторыхъ — какъ о преобразователѣ русскаго языка и о главѣ новаго литературнаго направленія. Послѣднее они стали понимать и судить о немъ позднѣе, уже хорошо познакомившись съ литературой, первыя же его двѣ заслуги были для нихъ ясны съ самаго начала. Піэтическое направленіе многихъ стихотвореній Карамзина вполнѣ совпадало съ тѣмъ настроеніемъ, которое выносили молодые Тургеневы изъ общенія съ мистически настроеннымъ старшимъ кружкомъ. Андрей Тургеневъ 14-го августа (воскресенье) 1799 г. записываетъ: „Сегодня, стоя въ церкви подлѣ крылоса, началъ я читать съ великимъ удовольствіемъ „Пѣснь Божеству“ [1]) Карам[зина]. Эта пѣснь всегда надо мною дѣйствуетъ. Но тутъ, когда дошло до словъ:

„Любовь“, и съ кроткимъ удивленьемъ
Въ минуту славы торжества и проч.,

особливо при словѣ *Любовь*, почувствовалъ я въ себѣ тихое содроганіе. Я пришелъ въ восторгъ и въ семъ блаженномъ состояніи благословлялъ Пѣвца и Поэзію. Послѣ читалъ тихонько и „Къ милости“ [2]) и „An die Freude“. Не могъ еще нѣкоторымъ образомъ не пожалѣть, что Карам[зинъ] послѣ такихъ піесъ пишетъ „Исправленіе“ [3]), хотя и прощалъ ему это, хотя и самъ на его мѣстѣ сдѣлалъ бы, вѣрно, то же“. Здѣсь опять идутъ воспоминанія изъ прежнихъ, дѣтскихъ лѣтъ. Особенно характерно для опредѣленія вліянія Карамзина на молодыхъ его современниковъ, а въ частности и на Тургеневыхъ, одно письмо, которое Андрей набросалъ въ своемъ дневникѣ 9-го сентября 1800 года. Утромъ въ этотъ день онъ видѣлся у обѣдни въ Заиконоспасскомъ монастырѣ съ И. И. Дмитріевымъ, который звалъ его въ слѣдующій вторникъ обѣдать у Карамзина. „Его приглашеніе — пишетъ онъ — очень меня обрадовало... я былъ этому очень, очень радъ“. Вечеромъ въ тотъ же день былъ у него Жуковскій, съ которымъ онъ разговаривалъ о будущей Петербургской жизни и „вздумалъ *оттуда* писать къ Карамзину письмо; вотъ каково оно должно быть: à peu près:

Мил[остивый] Госуд[арь] мой

Ник]олай] Мих[айловичъ].

Это письмо назначено къ тому, чтобы заставить васъ (простите мнѣ это выраженіе) обо мнѣ вспомнить и чтобы увѣрить васъ во всей сердечной моей къ вамъ привязанности и любви. Мысль о васъ соединена съ

---

1) Пѣснь Божеству напечатана въ 1793 г.
2) Напечатано въ 1792 г.
3) Напеч. въ 1797 г.

любезнѣйшими для меня мечтами, съ мечтами о лѣтахъ дѣтскихъ, потому что я зналъ и любилъ васъ еще въ ребячествѣ. Позвольте мнѣ дать волю моему сердцу и поговорить съ вами о васъ.

„Слова текутъ рѣкою
Въ бесѣдѣ съ тѣмъ, кого мы любимъ всей душою.

„Сердце мое любитъ васъ въ васъ самихъ и въ вашихъ сочиненіяхъ. Всегда читая „Цв[ѣтокъ] на гр[объ] Аг[атона]“, всегда я, наконецъ, долженъ утереть мои слезы. Стихи „Къ Милости“, „Пѣснь Божеству“ и почти всѣ стихотворенія ваши знаю я наизусть и нахожу всегда живое удовольствіе декламировать, повторять ихъ про себя, особливо въ тѣ минуты, когда сердце мое дышетъ свободно и бьется для добра. Но знаете ли, что дѣлаетъ для меня васъ всего интереснѣе? Можетъ быть, вы разсмѣетесь; но это не менѣе правда — Дѣт[ское] Чтеніе. Это была первая книга, которую я читалъ и которую полюбилъ со всѣмъ жаромъ добродушной ребяческой любви. Признаюсь вамъ, отъ воспоминанія етова времени слезы навертываются у меня на глазахъ; мысль объ етой книгѣ соединена со всѣми любезнѣйшими, пріятнѣйшими воспоминаніями дѣтскихъ лѣтъ, которыхъ память для всякаго такъ интересна, безцѣнна. Естьли бы я слѣдовалъ влеченію растроганнаго моего сердца, то бы не переставалъ никогда говорить вамъ объ етомъ. Но позвольте вамъ отъ всей полноты сердечной поблагодарить васъ здѣсь за Дѣтское Чтеніе, и, естьли бы когда-нибудь могла охладѣть въ душѣ моей любовь моя къ вамъ, то мысль объ етой книгѣ опять бы ее оживила...“ [1]).

Къ письму Андрей сдѣлалъ приписку: „Ето еще будетъ когда-то отправлено, можетъ быть черезъ полгода. Но въ самомъ дѣлѣ, я очень былъ растроганъ, когда ето писалъ“. Письмо, повидимому, послано не было, и Андрей удовлетворился той припиской въ письмѣ къ Батюшкѣ, которая приведена выше. Но по этимъ даннымъ можно видѣть, что отношеніе Тургеневыхъ къ Карамзину было другое, нежели къ ближайшимъ друзьямъ ихъ родителя. Съ послѣдними они были близки непосредственно, присутствовали при бесѣдахъ съ ними, спорили и проникались уваженіемъ къ нимъ, прежде всего, какъ къ людямъ: тутъ имѣло мѣсто вліяніе личное. Карамзинъ въ этотъ періодъ не былъ такимъ близкимъ человѣкомъ къ Тургеневу, но пользовался большимъ уваженіемъ, какъ писатель. Еще въ дѣтствѣ его стихотворенія заставляли проливать слезы; въ данное время, среди переводовъ слезныхъ драмъ Коцебу, Вертера и т. п., произведенія Карамзина продолжали дѣйствовать на молодое поколѣніе въ томъ же духѣ и наталкивали уже на желаніе опредѣлить значеніе Карамзина въ русской литературѣ. Въ этомъ отношеніи любопытна упомянутая бесѣда Андрея Тургенева, Жуковскаго и Мерзлякова, записанная пер-

1) Письмо продолжается и далѣе.

вымъ изъ нихъ въ свой дневникъ 20-го декабря 1800 года, слѣдовательно незадолго до учрежденія Дружескаго Литературнаго Общества. Она имѣетъ значеніе какъ показатель извѣстныхъ литературныхъ вкусовъ разсматриваемаго кружка. Бесѣда слѣдующая.

„Сегодня ввечеру имѣли мы трое: М[ерзляковъ], Ж[уковскій] и я, препнтересный разговоръ: Началось тѣмъ, что М[ерзляковъ] пли Ж[уковскій] спросилъ, будетъ-ли слѣдующій вѣкъ такъ же обиленъ, или обильнѣе писателями. Мы сказали свое мнѣніе: я думалъ, что числомъ ихъ будетъ больше, но замѣтилъ, что, можетъ быть, болѣе будетъ превосходныхъ писателей въ мѣлочахъ и что сему виноватъ Карамзинъ. Мерзляковъ и я: Ему бы надобно было явиться вѣкомъ или двумя позже, тогда, когда бы имѣли уже болѣе сочиненій въ важномъ родѣ; тогда пусть бы онъ въ лавры и дубы вплеталъ свои цвѣты. Онъ сдѣлалъ эпоху въ русской Литературѣ. Вопреки русскому характеру, климату и проч., онъ слишкомъ склонилъ насъ къ мягкости и нѣжности. Для чего не признаться? Можетъ быть, и самъ бы я лучше желалъ бы написать то, что онъ, нежели Эпическія Поэмы Хераскова; но — скажемъ откровенно — онъ болѣе вреденъ, нежели полезенъ литературѣ нашей, и вреденъ потому болѣе, что такъ хорошо пишетъ. Пусть бы русскіе продолжали писать хоть хуже, хоть не такъ интересно, но только въ важнѣйшемъ родѣ; пусть бы они съ великимъ мѣшали и уродливое, гигантское, чрезвычайное,[1]) это бы очистилось. И смотри на общій ходъ просвѣщенія и литературы, въ цѣломъ, надобно признаться, что даже Хер[асковъ] больше для нее сдѣлалъ, нежели Карамзинъ.

„Молодой писатель, видя такой отличный успѣхъ (и заслуженный, впрочемъ, но только не въ свое время, слишкомъ рано, въ чемъ, однакожъ, Карам[зина] винить нельзя) въ мѣлкомъ, всегда скорѣе склонится на ету сторону, нежели къ важному; онъ всегда захочетъ лучше пользоваться *настоящимъ днемъ*, нежели будущимъ вѣкомъ; многіе ли рѣшатся въ жизни отбросить цвѣтокъ прелестной, чтобы по смерти получить лавръ? Но найдется ли такой, который бы отказался отъ того и отъ другаго, чтобы, не будучи примѣченъ, содѣйствовать благу, успѣху всего *Отечественнаго?* Тѣ, которые и дѣлали сіе, сами о томъ не знали; они стремились и къ тому и другому, но не получили почти ничего, и противъ воли только что содѣйствовали успѣху общаго хода. Напр. Херасковъ, которой не очень уважаемъ; слава его, кажется, не сравнится съ славою Карамзина; онъ содѣйствовалъ успѣху нашей литературы въ хорошую сторону; онъ открылъ дорогу Эпопеѣ и проч.

„То же и съ театромъ! Сумароковъ его испортилъ, заставляя говорить Олеговъ, Святополковъ и прочихъ героевъ русскимъ изнѣженнымъ языкомъ Расиновыхъ галлогреческихъ героевъ. Удариться въ подражаніе

---

1) Одно слово не разобрано.

нѣмецкому театру не значитъ ето исправить. Зло все то же, только съ другой стороны. Ето двѣ кривыя дороги: средняя — прямая, настоящая,— не пробита.

„Но я не хочу винить Карамзина. Онъ правъ. Я бы и всякій на его мѣстѣ сдѣлалъ то же. Виноватъ, естьли смѣю сказать, одинъ случай, которой произвелъ его слишкомъ рано. Пусть бы писали хуже, но только бы писали оригиналь[нѣ]е, важнѣе, мужественнѣе, и не столько занимались мѣлочными родами. Чѣмъ медленнѣе ходъ успѣховъ, тѣмъ вѣрнѣе. Правда, что иногда одинъ человѣкъ явится и увлечетъ съ собой своихъ современниковъ. Но етотъ человѣкъ пусть былъ бы подобенъ Лом[оносову], а не Кар[амзину]. Теперь такого надобно ожидать, напитаннаго оригинальнымъ русскимъ духомъ, съ великимъ обширнымъ разумомъ, которой бы далъ другой поворотъ русской литературѣ. Иначе дерево увянетъ, покрывшись нѣсколькими цвѣтами, но не показавъ ни широкихъ листьевъ ни сочныхъ твердыхъ и питательныхъ плодовъ".

Въ этомъ разговорѣ соединены, какъ видимъ, мнѣнія Тургенева и Мерзлякова. Со стороны Мерзлякова такое отношеніе къ дѣятельности Карамзина дѣлается понятнымъ, если обратимъ вниманіе на его послѣдующую дѣятельность, какъ профессора краснорѣчія, комментатора Россіяды. Мерзляковъ и послѣ не чувствовалъ склонности ни къ сентиментализму ни къ романтизму и выступалъ противъ Жуковскаго и Пушкина. Андрей Тургеневъ стоялъ на другой точкѣ зрѣнія. Онъ видѣлъ вредъ Карамзина въ легкости ему подражать, что, дѣйствительно, и происходило передъ его глазами. Нѣжность, по его мнѣнію, несвойственна русскому характеру. Здѣсь, несомнѣнно, сказалось его увлеченіе Гете и, можетъ быть, Шекспиромъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ лицѣ Пушкина Андрей Тургеневъ одинъ изъ первыхъ увидалъ бы новаго поэта, „напитаннаго оригинальнымъ русскимъ духомъ, съ великимъ обширнымъ разумомъ, которой бы далъ другой поворотъ русской литературѣ".

Въ уваженіи къ Карамзину выросъ, конечно, и Александръ Ивановичъ. У насъ нѣтъ свѣдѣній, относящихся непосредственно къ ихъ знакомству въ Московскій періодъ; но мы знаемъ, что молодая компанія составляла одно цѣлое, и литературные интересы захватывали всѣхъ, однихъ больше, другихъ—меньше, но работа шла сообща. Чувствительный Александръ Ивановичъ, навѣрно, не меньше Андрея пролилъ слезъ при чтеніи „сентиментальныхъ" произведеній Карамзина и, какъ такого писателя, онъ его, несомнѣнно, цѣнилъ. Впослѣдствіи Александръ Ивановичъ сблизился съ Карамзинымъ на почвѣ любви къ отечественной исторіи, и напр. письма его къ Андрею Кайсарову 1805—6 гг. и къ брату Николаю 1808—10 гг. полны восторженныхъ отзывовъ объ историческихъ работахъ Карамзина. Теперь же Карамзинъ, какъ историкъ, не пользуется пока еще особеннымъ вниманіемъ со стороны Александра Ивановича. Когда въ началѣ 1802 года вышло „Историческое похвальное слово Екатеринѣ II", Александръ Ивановичъ изъ Петербурга писалъ Жуковскому, что онъ

сдѣлался вѣчнымъ врагомъ Карамзина. Въ началѣ 1803 г. вышла „Марѳа Посадница“ Карамзина, и Александръ Ивановичъ въ письмахъ къ брату Андрею и къ Батюшкѣ такъ высказывается: „Марѳа Посадница, по любви моей къ русской исторіи, мнѣ очень понравилась, и предполагаетъ большія свѣденія въ исторіи тогдашняго времени; слогъ соотвѣтствуетъ матеріи; только мнѣ кажется, что Марѳа Посадница слишкомъ учена для своего полу и для своего времени; можно было ее заставить риторствовать, очаровывать сердца согражданъ, не заставляя ее быть такимъ ученымъ историкомъ. Когда она говоритъ о паденіи Рима, кажется, что будто она отъ доски до доски прочла Гиббонову исторію“ [1]). Но тутъ же онъ прибавляетъ: „Но шутки на сторону; намъ нельзя быть неблагодарну къ Карамзину за его труды; я, право, еще болѣе сталъ уважать его, когда увидѣлъ чистоту русскаго слога — слѣдствіе его дѣятельности“. И неоднократно въ письмахъ къ Батюшкѣ изъ Геттингена онъ проситъ засвидѣтельствовать почтеніе Карамзину [2]).

Итакъ, знакомство съ русской литературой происходило двоякимъ путемъ: и въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ — на уро-

---

1) Стр. 83.

2) Авторитетъ Карамзина въ Тургеневскомъ кружкѣ можно видѣть еще изъ одной записки Андрея Кайсарова, относящейся, повидимому, къ 1799 г. Кайсаровъ, плохо знавшій нѣмецкій языкъ, проситъ Андрея Тургенева прочитать съ нимъ Донъ-Карлоса и прибавляетъ: „Знаешь, почему мнѣ хочется прочитать Донъ-Карлоса? Вчера, въ корпусѣ я читалъ Кара[мзина] Письма, въ которыхъ онъ разхваленъ — а Карамзинъ, теска, пустова не похвалитъ“. Но чувствительность Карамзина вызывала иногда и насмѣшливое отношеніе. Весной 1802 г. Кайсаровъ пишетъ тому же Андрею Тургеневу въ Петербургъ: „Что тебѣ сказать про Москву? Все еще въ ней по старому. Максимъ Ивановичъ [Невзоровъ] по старому бранитъ Шиллера; Карамзинъ по старому любитъ соловьевъ и малиновокъ, что ты можешь видѣть въ его Пантеонѣ, въ статьѣ о Никонѣ. Кажется, ужъ тутъ-то бы всего меньше шло приклѣить его птичныя сентименты“. (См. Сочин. Карамзина, изд. Смирдина, т. I, стр. 567).

Изъ дружеской компаніи вышло извѣстное описаніе свадьбы (первой) Карамзина. Въ Русской Старинѣ 1876 года, стр. 176—181, А. Д. Галаховъ издалъ Описаніе бракосочетанія Н. М. Карамзина, найденное имъ „въ одномъ изъ обширныхъ сборниковъ перваго десятилѣтія XIX вѣка“, подписанное — „Кайсаровъ“. Издатель сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „Описаніе, очевидно, есть ни что иное, какъ забавная шутка — пародія, которою одинъ изъ литературныхъ противниковъ Карамзина хотѣлъ осмѣять слогъ послѣдняго, такъ и сентиментальное его направленіе. Эту задачу составитель шутки выполнилъ посредствомъ того, что подобралъ подходящія къ предмету фразы и стихи изъ сочиненій Карамзина, сгруппировалъ ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, и такимъ образомъ составилъ послѣдовательный разсказъ о свадьбѣ нашего знаменитаго историка. Остроуміе составителя описанія выразилось не только въ удачной выборкѣ прозаическихъ мѣстъ, но и стиховъ, взятыхъ изъ стихотвореній Карамзина“ (стр. 180). Галаховъ, дѣйствительно, указалъ всѣ стихотворенія по Смирдинскому изданію сочиненій Карамзина. Описаніе онъ отнесъ (предположительно) къ первой женитьбѣ Карамзина въ апрѣлѣ 1801 года на Елисаветѣ Ивановнѣ Протасовой. Галаховъ ошибся здѣсь только въ томъ, что приписалъ составленіе Описанія „литературнымъ противникамъ“ Карамзина. На самомъ же дѣлѣ, оно вышло изъ круга его почитателей, хотя и можетъ быть разсматриваемо, какъ „за-

кахъ словесности у Бакаревича и на Собраніяхъ воспитанниковъ, и въ товарищескомъ кругу, въ домѣ Ивана Петровича. Но товарищескій кружокъ и литературная атмосфера Тургеневскаго дома были источникомъ еще одного важнаго факта въ исторіи русскаго литературнаго образованія.

Уже акад. Веселовскій въ своемъ трудѣ о Жуковскомъ, пользуясь письмами Андрея Тургенева къ Жуковскому, указалъ на знакомство Тургенева съ нѣмецкой литературой—Гете, Шиллеромъ, и съ англійской въ лицѣ Шекспира. Дневники Тургенева даютъ намъ въ этомъ отношеніи еще большій матеріалъ. Мы уже знаемъ, что переводческая работа Тургеневскаго кружка началась очень рано, и начало ей положилъ Андрей Тургеневъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Журавлевымъ, начавъ переводить вмѣстѣ съ нимъ драмы Коцебу. Еще въ 1799 г. онъ мечтаетъ „перевести всѣ повѣсти Коцебу, которыя цензура пропустить можетъ, какъ то „Die geheilte Schwärmerin“ и тому подобныя, и выдать напр. подъ названіемъ „Собраніе нѣкоторыхъ повѣстей, взятыхъ изъ сочиненій г. Коцебу. Переводъ съ нѣмецкаго“. Его товарищъ Журавлевъ въ Москвѣ начинаетъ переводить Die Leiden der Ortenbergischen Familie и продол-

---

бавная шутка — пародія“. Если вѣрить подписи, то какой же изъ четырехъ Кайсаровыхъ можетъ быть авторомъ? Или авторомъ могъ быть кто-нибудь другой? Въ одной запискѣ Андрея Кайсарова къ Андрею Тургеневу (безъ даты, но, повидимому, весны 1801 года) первый пишетъ: „Попроси у Александра [т.-е. Александра Ивановича Тургенева] свадьбу К.... и пришли пожалуйста. Она мнѣ крайне нужна. Просить Магницкій“. Такого же характера еще одна записка: „О свадьбѣ.... третій разъ прошу и ты все еще не усовѣстишься. Пришли непремѣнно.“ По этимъ запискамъ авторомъ Свадьбы могъ бы быть и Андрей Кайсаровъ, если бы не препятствовала этому еще одна такая его записка къ Андрею Тургеневу: „Славная штука! Вотъ нашъ юный писатель каковъ! Подражаніе только сначала есть Острову Борнгольму. А слогъ! слогъ, братъ, à la Карамзинъ“. Здѣсь идетъ рѣчь именно о „Свадьбѣ Карамзина“: сравнимъ начало Свадьбы:... „Заря утренняя начала уже красить восточное небо и *розовый свѣтъ сыпался на бѣлые граниты*“ и въ Островѣ Борнгольмѣ:... „Алая заря не угасла еще на свѣтломъ небѣ: *розовый свѣтъ ея сыпался на бѣлые граниты*“ (соч. Карамзина, изд. Смирдина, томъ III, стр. 154). Кайсаровъ не замѣтилъ только дальнѣйшаго „подражанія“. Итакъ, авторомъ могъ быть только „юный писатель“. Очевидно, ни Андрей Тургеневъ ни Паисій съ Петромъ Кайсаровы, старшіе братья Андрея, не могутъ быть авторами. Остаются только Александръ Тургеневъ и Михаилъ Кайсаровъ. Предпочтеніе должно отдать послѣднему, какъ потому, что на экземплярѣ Галахова стояла подпись Кайсарова, такъ и потому, что Михаилъ Кайсаровъ склоненъ былъ къ писательству въ анакреонтическомъ духѣ (Рѣзановъ, стр. 243). Александръ же Ивановичъ не обнаруживалъ вообще склонности къ сочинительству. Такъ какъ это событіе относится къ веснѣ 1801 года, а въ это время дѣйствовало „Дружеское Литературное Общество“ (см. ниже), то возможно, что „Свадьба“ была однимъ изъ упражненій, прочитанныхъ на Собраніи. Во всякомъ случаѣ, о „литературныхъ противникахъ“ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Первая записка Кайсарова Тургеневу писана въ день рожденія послѣдняго; это опредѣляетъ дату: рожденіе Андрея Тургенева было 1-го октября. — „Свадьба Карамзина“ была извѣстна Погодину, который тоже называетъ ее (ошибочно) „пасквилемъ, впрочемъ, довольно приличнымъ“ (Н. М. Карамзинъ, т. I, стр. 301).

жаетъ переводъ въ Вильнѣ. Общему увлеченію драмами и повѣстями Коцебу отдалъ дань и Александръ Ивановичъ, переведя еще въ 1799 году его комедію „Несчастные". Это общее увлеченіе Коцебу однако не является особенно характернымъ для Тургеневскаго кружка. Гораздо важнѣе было знакомство съ нѣмецкими корифеями — Гете, Шиллеромъ, Виландомъ, Гердеромъ. Въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ знакомство со всѣми этими поэтами не было распространено. Преподаватель словесности Бакаревичъ не былъ въ числѣ ихъ поклонниковъ. Однажды Андрей Тургеневъ (6-го января 1800 года) записываетъ: „Вчера перешелъ въ Бакалаврію Мерзляковъ. Сегодня я сидѣлъ тамъ и Бакаревичъ. Мы говорили о поэзіи, о Шиллерѣ и проч., онъ свое, я — свое. Я спорилъ и слишкомъ горячился". И въ переводныхъ „піесахъ" воспитанниковъ Пансіона въ „Утренней Зарѣ" мы не встрѣчаемъ указанныхъ именъ. Нѣсколько позднѣе, какъ видѣли, Александръ Ивановичъ осуждалъ Воейкова, который былъ также воспитанникомъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, за его незнаніе нѣмецкой литературы и пристрастіе исключительно къ французской. Ясно, что знакомство съ ней пріобрѣталось не въ Пансіонѣ, а частнымъ путемъ въ товарищескомъ кружкѣ. Въ университетѣ, гдѣ обучались Андрей Тургеневъ и Мерзляковъ, о ней не было и помину. И однако, когда Александръ Ивановичъ съ Кайсаровымъ выѣхали за-границу, они уже были знакомы и съ Гете, и съ Шиллеромъ, и съ Виландомъ. Кайсаровъ хочетъ „сдѣлать маленькій вояжъ въ Ену — на поклоненіе Шиллеру, который тамъ живетъ" [1]). Мечтаетъ и Тургеневъ съѣздить изъ Геттингена въ Веймаръ, „гдѣ живутъ теперь Шиллеръ, Гете, Виландъ, Гердеръ" [2]); съ женою Шлецера онъ разговариваетъ „о Шиллерѣ, Гете, Коцебу" [3]). По дорогѣ въ Геттингенъ они, остановившись въ Лейпцигѣ, идутъ смотрѣть „Орлеанскую Дѣву" Шиллера, и Александръ Ивановичъ жалѣетъ, что этой пьесы „нельзя никакъ представлять на русскомъ Театрѣ" [4]). У насъ нѣтъ свѣдѣній, когда и черезъ кого произошло начало знакомства Андрея Тургенева съ нѣмецкой литературой. Старшее Тургеневское поколѣніе не обнаруживало симпатій къ ней: оно тяготѣло къ литературѣ масонской, отъ которой молодое поколѣніе, наоборотъ, всѣми силами отталкивалось. Быть можетъ, здѣсь толчекъ давался еще переводами, въ родѣ перевода Вертера, первое изданіе котораго явилось въ 1781 году (и потомъ два раза переиздавалось) и по образцу котораго было написано не мало русскихъ романовъ, въ томъ числѣ и „Бѣдная Лиза" Карамзина [5]). Несомнѣнно, несовершенство русскаго перевода и было причиной, почему Андрей Тургеневъ рѣшилъ его вновь перевести. Онъ

---

1) Стр. 20.
2) Стр. 263.
3) Стр. 185.
4) Стр. 263.
5) Сиповскій, Очерки изъ русскаго романа I, вып. 2, стр. 407.

привлекъ къ этому дѣлу и Мерзлякова и Жуковскаго. Но увлеченіе Вертеромъ еще не характерно: это тоже дань общему направленію, направленію „карамзинскому“. Однако, различіе между Карамзинымъ и нѣмецкими корифеями сейчасъ же почувствовалось, лишь только произошло знакомство съ другими произведеніями Гете и Шиллера. Андрей Тургеневъ сталъ, такъ сказать, выше элемента чувствительности, столь разлитой въ Вертерѣ и у его подражателей, въ томъ числѣ и у Карамзина. Его душѣ, метущейся, бурной, ближе были „бурныя стремленія“, а потому и понятенъ его восторгъ передъ „Разбойниками“, передъ „Эгмонтомъ“, и понятно то осужденіе, которое онъ высказалъ, какъ видѣли, Карамзину. Будучи еще самъ въ періодѣ „бурныхъ стремленій“, онъ еще не уяснилъ себѣ ясно значенія протестующихъ піесъ Шиллера и Гете; онъ переживалъ ихъ мысли чувствомъ, а не разумомъ, но переживаніе это было сильное, и въ силу этихъ переживаній стихотворенія Карамзина, которыми онъ когда-то, по его собственнымъ словамъ, восхищался, теперь, сравнительно съ Шиллеровскими и Гетевскими, кажутся ему ничтожными. 22-го ноября 1799 г. онъ записываетъ: „Сегодня читалъ я Schill[ers] Almanach für das Jahr 1797. Я прочелъ нѣкоторые стихи его и опять нашелъ въ нихъ (въ нѣкоторыхъ) своего Шиллера, хотя не пѣвца „Радости“, но великаго стихотворца, напр. Klage der Cerer — прекрасная піеска; что ни говори истощенный Кар[амзинъ], но какъ не зрѣла душа его, онъ — не Шиллеръ“. Черезъ десять дней онъ читаетъ эту „піесу“ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, который лишь въ 1831 году переводитъ ее и печатаетъ.

Юношескія драмы Шиллера теперь особенно занимаютъ друзей. „Коварство и любовь“ и „Разбойники“—вотъ двѣ драмы, которыя наполняютъ мысли Андрея Тургенева и частію Мерзлякова; Жуковскаго онѣ мало трогали: складъ его души былъ далекъ отъ восхищенія бурными, стремительными движеніями духа. За то Андрей Тургеневъ безъ ума отъ нихъ. Періодъ его увлеченія Kabale und Liebe совпалъ съ увлеченіемъ артисткой Сандуновой, и онъ постоянно говоритъ о Луизѣ, своей Луизѣ; онъ собирается перевести эту драму. Но „Разбойники“ его приводятъ въ неистовый восторгъ, который, надо полагать, сообщался въ извѣстной мѣрѣ и друзьямъ. Его впечатлѣнія интересны тѣмъ, что они свидѣтельствуютъ о томъ, какое впечатлѣніе производили юношескія произведенія нѣмецкихъ корифеевъ, произведенія „Sturm-und-Drang-Periode“ на русскихъ молодыхъ образованныхъ людей, до сихъ поръ воспитывавшихся на идиллической и сентиментальной литературахъ. Какъ литературное направленіе, „періода бурныхъ стремленій“ у насъ не образовалось, но на отдѣльныхъ личностяхъ оно сказывалось. 12-го ноября 1799 года происходитъ разсужденіе между Андреемъ Тургеневымъ, Мерзляковымъ и Нарѣжнымъ по поводу передѣлки „Разбойниковъ“. Извѣстно, что нѣкто Плюммике постарался, въ интересахъ постановки драмы на сценѣ, смягчить ее, и съ этой цѣлью избавилъ Карла Моора отъ палача, сдѣлавъ героемъ послѣдней сцены Швейцера, который убиваетъ своего атамана

и самъ лишаетъ себя жизни. Въ такомъ видѣ драма долгое время ставилась на сценѣ, въ такомъ видѣ она была переведена Сандуновымъ, какъ передѣлка самого Шиллера. Такая передѣлка больше нравилась и у насъ, но чутье Тургенева его не обмануло и, объясняя основанія передѣлки, онъ все же отдаетъ предпочтеніе первой редакціи: „Передъ обѣдомъ былъ я у Мерзлякова — пишетъ онъ — и говорилъ о Разбойникахъ съ Нарѣжнымъ. Онъ спрашивалъ моего мнѣнія, на что Шиллеръ въ другомъ изданіи перемѣнилъ конецъ, и утверждалъ, что въ переводѣ Санд[унова] гораздо лучше, что онъ убитъ, наконецъ, Швейцеромъ. Я думаю, 1-ое, что Шиллеръ, вѣрно, имѣлъ свои хорошія причины на это, и сказывалъ ему свое мнѣніе. Вотъ что я говорилъ ему: „Фантазія Карла Моора была во все продолженіе дѣйствія сильно натянута и имѣла сильное дѣйствіе; наконецъ, въ концѣ піесы она дошла до высочайшей степени; надобно было всему ослабнуть и опуститься; къ этому присоединились поразительныя бѣдствія; энергія души его должна была непремѣнно быть ими подавленной, и этой минутой воспользовался Шиллеръ, чтобы кончить піесу. Въ такомъ нѣмомъ бездѣйственномъ мертвомъ отчаяніи могъ онъ принять намѣреніе умереть отъ рукъ палача“. Полагая, что авторъ передѣлки былъ самъ Шиллеръ, Тургеневъ дѣлаетъ попытку осмыслить и ее, но чувствуетъ, что осмысленіе ему не удается. Онъ хочетъ слѣдовать Шиллеру въ борьбѣ съ угнетеніемъ. Поспоривъ съ Бакаревичемъ (см. выше), онъ замѣчаетъ: „Шиллеръ для меня хорошъ; я буду имъ наслаждаться внутри себя и для себя; а это гораздо лучше; на что спорить. Тамъ только, гдѣ страдаетъ и тѣснится невинность, тамъ буду я говорить всегда громко; въ такомъ случаѣ девизъ мой:

Ни передъ кѣмъ, ни для чего!

Wahrheit gegen Freund und Feind, и проч.“ Карлъ Мооръ все время не выходитъ у него изъ головы и онъ постоянно разсуждаетъ о немъ съ Мерзляковымъ. „Вчера, [то есть 29-го января 1800 года] за обѣдней размышлялъ я о *разбойническомъ чувствѣ*. Мы уже съ Мерзляковымъ опредѣлили, что оно состоитъ изъ чувства раскаянія, смѣшеннымъ съ чѣмъ-то усладительнымъ, сильно дѣйствующимъ на наши сердца. Однако, — почему *раскаянія?* Это онъ сказалъ только относительно къ Карлу Моору; но можно сказать — и *чувство несчастія*, хотя все, кажется, нужно, чтобы несчастіе происходило отъ нашей собственной вины. Взоръ на невинныхъ младенцевъ, добрыхъ, любезныхъ, играющихъ вмѣстѣ, можетъ произвести это чувство; но всегда, кажется, сильнѣе дѣйствуетъ оно, когда мы въ взрослые лѣта, лишившись дѣтской невинности, щастья и проч., входимъ въ тотъ домъ, гдѣ мы воспитывались въ дѣтствѣ своемъ.... Какъ это чувство изображено въ Карлѣ Моорѣ, въ тѣ минуты, напр., когда онъ вспоминаетъ о жилищѣ своего дѣтства, о своемъ младенчествѣ—бросается въ объятія Амаліи со словами: „Noch liebt sie mich!...“. Правда, Тургенева

интересуетъ здѣсь главнымъ образомъ не идейная сторона, не сила протеста, а сторона психологическая, та, которою піеса сближается съ сентиментальной литературой. Его привлекаетъ состояніе Карла Моора не тогда, когда онъ является олицетвореніемъ протеста противъ тиранніи, а тогда, когда ему приходится переживать нахлынувшія на него чувства воспоминаній по прибытіи его на родину. „Нельзя сказать (пишетъ Андрей), чтобы характеръ Карла Моора въ „Разбойникахъ“ былъ натянутъ. Не всякій сдѣлаетъ на его мѣстѣ то, что сдѣлалъ онъ; но и авторъ не обыкновеннаго дюжиннаго человѣка хотѣлъ показать въ немъ... Карамзинъ говоритъ, что этотъ сюжетъ отвратителенъ,.. хотя онъ и самъ прельщался этой піеской, когда еще не *истощилъ до послѣдней капли всѣхъ удовольствій въ жизни.* Это пустое. То, что можетъ насъ тронуть, интересовать, произвести въ насъ ужасъ или сожалѣніе, можетъ ли быть отвергнуто, какъ никуда негодное? И на что намъ ограничивать область изящныхъ наукъ?“. „А какой сюжетъ интереснѣе, обильнѣе этой трагедіи? Молодой человѣкъ, пылкій, волнуемый сильными чувствами, во всемъ жару негодованія на несправедливость людей, прельщенный примѣромъ, увѣщаніями своихъ товарищей, даетъ безумную клятву быть ихъ атаманомъ; но при всемъ томъ, онъ никогда не унижается до подлыхъ, варварскихъ чувствъ обыкновеннаго разбойника. Его можно назвать мстителемъ незаконнымъ законно притѣсняемой невинности... Какое трогательное, раздирающее сердце читателя, не говоря уже зрителя, чувство..., когда онъ смотритъ на заходящее солнце, на улыбающуюся вокругъ него природу, въ тѣ самыя минуты, когда фуріи терзаютъ его сердце, и когда онъ прошедшаго ничѣмъ уже поправить не можетъ!... Какой контрастъ можетъ быть интереснѣе, питательнѣе для сердца, которое любитъ чувствовать глубоко, любитъ быть растрогано, какъ положеніе Карла Моора въ сравненіи съ прекраснымъ весеннимъ вечеромъ, съ прелестнымъ щастливымъ мѣстоположеніемъ и съ тихимъ захожденіемъ солнца, которое ниспускаетъ послѣдніе мирные лучи свои на землю и еще оставляетъ послѣ себя улыбку свою въ зарѣ вечерней?.... Наконецъ, когда онъ узнаетъ весь обманъ, когда позднее, тщетное раскаяніе, какъ пламенный ядъ, разливается по его сердцу; когда онъ похищаетъ благословеніе отца своего и, наконецъ, думая снова быть щастливымъ, бросается въ объятія Амаліи со словами: „Дѣти свѣта рыдаютъ въ объятіяхъ помилованныхъ грѣшниковъ“, и когда напоминаніе о его клятвѣ поражаетъ слухъ его.... можно ли выразить, что̀ эти сцены производятъ надъ сердцемъ зрителя или читателя?“

Увлеченіе Гете началось съ Вертера. Въ этомъ отношеніи Тургеневскій кружокъ не стоялъ особнякомъ. Вліяніе Вертера на русскую публику было значительно. Не мало романовъ было написано подъ вліяніемъ его. Но въ Тургеневѣ вызывалъ восторгъ не одинъ Вертеръ. Весь Гете, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, захватывалъ его. Еще въ 1799 году онъ записываетъ (26-го ноября): „Почитавши стиховъ Göthe въ Schiller's Musenalmanach, принялся я опять за его Вертера. Какое чувство, точно

какъ будто-бы изъ непріятной, пустой, холодной, чужой земли пріѣхалъ я на милую родину. Опять Göthe, Göthe, передъ которымъ надобно пасть на колѣни! Опять тотъ же великой, любезной, важной, однимъ словомъ, Göthe, каковъ онъ долженъ быть. Какой жаръ, сила, чувство натуры! Какъ питательно, интересно! Тоже и послѣ эпиграммъ Шиллера приняться за его Карлоса, Разб[ойниковъ], Cab[ale] und Liebe. Какое пріятное теперь во мнѣ чувство отъ того, что я послѣ всего этого принялся за Вертера и нахожу въ немъ все, что есть Göthe. Я не могу изъяснить этого чувства; оно какъ-то согрѣваетъ и утѣшаетъ меня". — Читая Егмонта, онъ записываетъ: „Чтеніе Гетева Егмонта открыло во мнѣ нѣкоторыя новыя чувства. Онъ изображенъ такъ живо, съ такою истиною и натуральностью, такъ близко къ натурѣ человѣческой, что я какъ будто бы зналъ его, наслаждался его обхожденіемъ и жилъ съ нимъ" (16-го марта 1800 года).

Знакомство съ твореніями Гете и Шиллера имѣло первымъ слѣдствіемъ то, что на французскую литературу сталъ образовываться иной взглядъ, взглядъ критическій. Французская литература стала теперь сравниваться съ нѣмецкой и—къ своему ущербу. Тотчасъ послѣ знакомства съ Егмонтомъ Андрей Тургеневъ говоритъ: „Это [см. выше] побудило меня смотрѣть также и на героевъ другихъ піесъ, напр. на Донъ-Карлоса и проч., и изъ этой точки зрѣнія нѣмецкія трагедіи преимущественны предъ франц[узскими], гдѣ дѣйствуютъ государи и проч., которыя не могутъ такъ сблизиться съ нами. Правду говоритъ мой Шиллеръ, что есть минуты, въ которыя мы расположены прижать къ груди своей и всякую маленькую былинку, и всякую отдаленную звѣзду, и маленькаго червя, и все обширное твореніе". Шиллеръ и Гете служатъ теперь критеріемъ при обсужденіи драматическихъ произведеній. „Я третьяго дня былъ въ театрѣ—записываетъ онъ 16-го декабря 1799 года,— и смотрѣлъ Беверлея. Хотя имя и аглинское, но я тотчасъ узналъ, что переведено съ французскаго оригинала или подражанія. Въ самыхъ ужасныхъ положеніяхъ, напр., когда онъ хочетъ принять ядъ, когда, выпивши ядъ, вдругъ усматриваетъ маленькаго сына своего спящаго, — онъ говоритъ, — это я живо чувствую,—что я бы на его мѣстѣ не сказалъ, и что бы, вѣрно, не заставили говорить его Шиллеръ, Göthe, Lessing и даже Коцебу".

Какое же значеніе имѣло знакомство съ нѣмецкой литературой Sturm-und-Drang-Periode? Привлекала ли она своимъ протестомъ противъ господствующихъ общественныхъ условій, противъ тиранніи, или здѣсь играла болѣе важную роль сторона чисто литературная, только лишь талантливое изображеніе сильныхъ страстей? Можно сказать, что того значенія, какое имѣли у себя на родинѣ юношескія драмы Гете и Шиллера, Андрей Тургеневъ не вкладывалъ въ ихъ содержаніе. Ему, воспитанному въ традиціяхъ безусловной покорности власти, при видѣ живого примѣра своего отца, была далека мысль объективировать содержаніе восхищавшихъ его произведеній, какъ политическихъ трактатовъ. Но ему была понятна душевная борьба героевъ; онъ находилъ въ послѣднихъ

сродство съ своимъ мятущимся духомъ и, въ противоположность многимъ своимъ современникамъ, видѣлъ въ ихъ проявленіи жизненную правду. Для него не такъ важенъ былъ протестъ противъ зла и тиранніи, сколько правдивое и талантливое его литературное изображеніе. Это есть обычная черта развитія русской литературы въ области заимствованія идей и формъ со стороны литературъ западныхъ: сначала форма, а потомъ уже — идея. Андрей Тургеневъ является типичнымъ для русскаго образованнаго общества. Въ этомъ отношеніи очень характерна одна его запись, гдѣ онъ старается представить себѣ, какъ бы можно было примѣнить Шиллеровскій способъ къ изображенію сюжета изъ русской дѣйствительности. Послѣдняя можетъ дать матеріалъ для изображенія сильной страсти, внутренняго трагизма, но Тургенева интересуетъ, какъ бы Шиллеръ изобразилъ этотъ трагизмъ. Однажды онъ, разговорившись о Сандуновѣ съ Андреемъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ, услыхалъ отъ него, что „у нихъ есть унтеръ-офицеръ, которой имѣетъ распутную жену, и, когда его спросишь, гдѣ она, то онъ приходитъ въ бѣшенство и говоритъ, что, естьли бы не была она брюхата, то бы онъ зарѣзалъ ее; что, естьли она, родивши ребенка, не исправится, то онъ ее зарѣжетъ; половину бы жизни своей отдалъ, говоритъ онъ, если бы она исправилась“. Этотъ разсказъ разгорячилъ воображеніе Тургенева, онъ дополнилъ его нѣкоторыми вымышленными подробностями и представилъ, какъ бы Шиллеръ изобразилъ одинъ трагическій моментъ. „Къ этому характеру присоедини романическое, разгоряченное воображеніе, жену перемѣни въ Луизу, и не выйдетъ ли Фердинандъ? Это достойно вниманія. Этотъ унтеръ-офицеръ разжалованъ въ солдаты. За что? за что? Къ нему пріѣдетъ офицеръ, который живетъ съ нимъ вмѣстѣ, велитъ женѣ его, лежащей съ своимъ мужемъ, идти спать съ нимъ, и мужъ! этотъ мужъ, долженъ молчать! Пусть это молчаніе описываетъ одинъ Шиллеръ, одинъ авторъ „Разбойниковъ“ и „Cabale und Liebe“! И если бы онъ въ этомъ терзательномъ, снѣдающемъ *адскомъ* молчаніи закололъ его! Могъ ли бы кто-нибудь, могъ ли бы самъ Богъ обвинить его? Молчать! Запереть весь пламень клокочущей геенны въ своемъ сердцѣ, скрежетать зубами какъ въ аду, смотрѣть, видѣть все и— молчать! Быть мучиму побоями, быть разжалованну по оклеветаніямъ етова же офицера! Духъ Карла Моора! И въ этомъ состояніи *раба, раба*, удрученнаго подъ тяжестью рабства,—какое сердце, какая нѣжность, какія чувства! „Зарѣзалъ бы — и отдалъ-бы половину жизни своей, естьлибы— естьлибы она — исправилась!“ Какое сердце! Если бы Шиллеръ, тотъ, котораго я называю моимъ Шиллеромъ, описалъ это молчаніе во всѣхъ обстоятельствахъ! Это описывать не Вольтеру и не Расину, я чувствую“.

Рядомъ съ Шиллеромъ и Гете стоитъ Виландъ, съ которымъ также знакомился молодой Тургеневскій кружокъ. Но Виландъ производилъ на друзей иное впечатлѣніе; его поэзія производила впечатлѣніе успокаивающее. „Сегодня невзначай попался мнѣ Виландовъ Оберонъ“,— записываетъ Тургеневъ въ декабрѣ 1799 года: „всего Виланда надобно штуди-

ровать и, естьли смѣшать это съ тѣмъ, что можетъ внушать Шиллеръ, Оберонъ и вся поэзія Виланда дѣлаетъ душу какъ-то благороднѣе, изящнѣе, способнѣе къ чувствованію *Поэзіи,* не въ однихъ стихахъ, но и во всемъ поэтическомъ". Тургеневъ сейчасъ же знакомитъ съ Виландомъ и Мерзлякова, главнаго своего собесѣдника въ этотъ періодъ — Жуковскій еще учился въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ — и они уже обсуждаютъ его значеніе и стараются опредѣлить его отношеніе къ другимъ поэтамъ. Они проводятъ параллель между нимъ и Вольтеромъ. Имъ кажется, что Виландъ, въ противоположность Вольтеру, „съ своею кроткою, любезною философіею распространяетъ въ душахъ тихій свѣтъ, наполняетъ ихъ любовью ко всему доброму, изящному..."... Философія Виланда „согрѣваетъ душу, раскрываетъ въ ней способности къ наслажденію, питаетъ и умножаетъ любовь ко всему доброму, изящному, благородному".

Если присоединить сюда знакомство съ Гердеромъ и, наконецъ, съ Коцебу, который доставлялъ главный матеріалъ для переводовъ, то вполнѣ оправдаются извѣстныя воспоминанія Александра Ивановича, что въ пору его юности молодые люди „пересаживали, какъ умѣли, на русскую почву цвѣты поэзіи Виланда, Шиллера, Гете", и что „корифеями" въ этомъ обществѣ молодыхъ людей были Мерзляковъ и Андрей Тургеневъ". Самъ Александръ Ивановичъ мало принималъ непосредственнаго участія въ этомъ „пересаживаніи": онъ перевелъ лишь одну піесу Коцебу; но и онъ долженъ быть причисленъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которые, по его словамъ, „получали почти все, что въ изящной словесности выходило въ Германіи". Онъ принадлежалъ ко второй серіи молодыхъ людей, обучался еще въ Пансіонѣ въ періодъ увлеченія брата Андрея Шиллеромъ и Гете: но знакомство его съ нѣмецкой литературой, какъ видѣли, стоитъ внѣ сомнѣнія. Онъ въ такомъ же восторгѣ отъ того и другого. Въ февралѣ 1802 года онъ сообщаетъ Жуковскому: „Сейчасъ пріѣхалъ изъ нѣмецкаго театра; представляли — что бы ты думалъ? — „Разбойниковъ"! Прекрасно, прекрасно играли; я былъ въ восхищеніи. Ахъ, какая эта піеса!" А черезъ недѣлю онъ смотритъ „Kabale und Liebe" и пишетъ: „Безподобно, безподобно! право, прекрасно! Я былъ въ восхищеніи".

„Разбойники" и „Kabale und Liebe" стали извѣстны всему Тургеневскому кружку одновременно. Старшій Кайсаровъ, Петръ Сергѣевичъ, присяжный переводчикъ Коцебу, и тотъ черезъ брата Андрея проситъ Тургенева прислать „Kabale und Liebe". А Андрей Кайсаровъ въ неменьшемъ восторгѣ отъ „Разбойниковъ", чѣмъ Тургеневъ. Онъ читалъ ихъ лѣтомъ 1799 года и пришелъ въ неописуемый восторгъ. „Ну братъ — сообщаетъ онъ Тургеневу въ Симбирскъ 11-го іюля — прочелъ я „Разбойниковъ". Что это за піеса! Случилось мнѣ послѣдній актъ читать за обѣдомъ; совсѣмъ пропалъ на ту пору у меня аппетитъ въ ѣдѣ, кусокъ въ горло не шелъ, и волосы становились. Хватъ былъ покойникъ Карлъ Максимиліановичъ! А Амалія! А Швейцары!" Чрезъ два мѣсяца (3-го сент.) онъ проситъ прислать ему „Разбойниковъ": „Я ихъ до твоего пріѣзда

повторю раза два“ — добавляетъ онъ. Встрѣтивъ въ „Письмахъ“ Карамзина хвалебный отзывъ о Донъ-Карлосѣ, Кайсаровъ желаетъ ознакомиться съ этой „піэсой“ (см. выше) и обращается къ своему другу съ такой просьбой: „Пріѣзжай, братъ, къ намъ, или мнѣ вели къ себѣ пріѣхать. Я хотѣлъ было просить тебя прочитать со мною Донъ-Карлоса... Я хочу непремѣнно выучиться по-нѣмецки, и черезъ три мѣсяца положилъ читать самъ безъ помощи нѣмецкія книги“.

Въ такихъ чертахъ выясняется намъ знакомство молодого Тургеневскаго кружка съ нѣмецкой литературой. Оно началось съ идиллической литературы, съ Гесснера, захватывало величественнаго Галлера, памятникъ котораго съ благоговѣніемъ посѣщаютъ и Карамзинъ и Александръ Тургеневъ, и черезъ голову нѣмецкихъ моралистовъ — масоновъ приходило къ Шиллеру и Гете, къ ихъ юношескимъ произведеніямъ періода „бурныхъ стремленій“ — къ Вертеру, Разбойникамъ, Фіеско, Коварству и Любви, Эгмонту, Донъ-Карлосу. Старшій Тургеневскій кружокъ былъ средоточіемъ также литературы нѣмецкой, но литературы моралистической, масонской. По своему направленію, образовавшемуся на мистической литературѣ, Иванъ Петровичъ Тургеневъ и его друзья не могли питать сочувствія къ такимъ бурнымъ душевнымъ движеніямъ, которыми преисполнены упомянутыя произведенія. Одинъ лишь Вертеръ, надо полагать, не былъ чуждъ имъ, какъ онъ не былъ чуждъ вообще русской публикѣ, будучи нѣсколько разъ переведенъ и вызвавъ немало подражаній. Шиллеръ же противорѣчилъ ихъ душѣ, ищущей равновѣсія. „Максимъ Ивановичъ [Невзоровъ] все по старому бранитъ Шиллера“ — сообщаетъ Кайсаровъ Андрею Тургеневу весной 1802 года. Иванъ Петровичъ и Лопухинъ побуждаютъ Андрея Ивановича перевести (съ французскаго) жизнь Франклинову [1]). Но нѣмецкій языкъ былъ распространенъ въ старшемъ Тургеневскомъ кружкѣ, и это знаніе перешло и къ молодымъ Тургеневымъ. Письма Карамзина знакомили молодое поколѣніе съ новымъ стилемъ нѣмецкой литературы. Самъ Карамзинъ больше чувствовалъ значеніе послѣдней, нежели сознавалъ его; но своими „Письмами“ онъ все же указывалъ на новый источникъ литературныхъ наслажденій. Изъ молодого поколѣнія Андрей Тургеневъ и Мерзляковъ, какъ не проходившіе школу Университетскаго Благороднаго Пансіона и потому не подвергавшіеся его направленію, далеко стоявшему отъ направленія и духа нѣмецкаго Sturm-und-Drang-Periode, скорѣе другихъ могли подпасть подъ вліяніе новой литературы, и мы видѣли, какъ Андрей Тургеневъ приходилъ въ необузданный восторгъ отъ „Разбойниковъ“, отъ Cabale und Liebe и проч.. Мерзляковъ, болѣе умѣренный, „философъ умомъ и сердцемъ“, относился спокойнѣе къ новой литературѣ, но въ знакомствѣ съ ней принималъ дѣятельное участіе, по крайней мѣрѣ, — въ разсматриваемый пе-

1) Веселовскій, 60 примѣч.

ріодъ, т. е. до отъѣзда Андрея Тургенева въ Петербургъ. Заинтересовался Шиллеромъ и Андрей Кайсаровъ. Когда къ Андрею Тургеневу и Мерзлякову примкнулъ Жуковскій, то и онъ долженъ былъ подвергнуться той же участи, знакомству съ нѣмецкой литературой: и онъ принимаетъ участіе въ переводѣ Вертера. Но по своему характеру и природной склонности, по своей кротости и боязни сильныхъ движеній, онъ, очевидно, не приходилъ въ восторгъ ни отъ „Разбойниковъ“ ни отъ Cabale und Liebe, а послѣ, уже въ зрѣлыхъ годахъ, переводитъ Орлеанскую Дѣву, вполнѣ отвѣчающую его душевному складу. Въ этой средѣ воспитывался и Александръ Ивановичъ и вмѣстѣ съ другими пропитывался восторгомъ и уваженіемъ къ нѣмецкой литературѣ. Нѣмецкой науки и философіи онъ еще пока не зналъ; не знали той и другой и его друзья, а самъ ихъ руководитель, Андрей Тургеневъ, долго не могъ понять необходимости заниматься логикой. Но фактъ остается тотъ, что поэзія Гете — Шиллера стала рано извѣстна въ Московскомъ Тургеневскомъ кружкѣ.

Что касается французской литературы, то ею, повидимому, занимались Тургеневы меньше, чѣмъ нѣмецкой. Самый языкъ французскій не былъ такъ хорошо имъ знакомъ, какъ нѣмецкій. Александръ Ивановичъ изъ Лейпцига послѣ лекціи Платнера писалъ: „Я очень радъ, что могу скоро и легко понимать и вникать въ самыя тонкости нѣмецкаго языка“[1]), а въ Геттингенѣ, при одной попыткѣ читать французскую книгу, замѣтилъ: „въ нѣмецкомъ языкѣ я несравненно сильнѣе“[2]). Но, конечно, они всѣ французскій языкъ знали и съ литературой французской были знакомы. Нѣкоторые, какъ напримѣръ Воейковъ, только съ ней и были знакомы. Но она ихъ уже не захватывала. Они знакомились съ драматическою литературою, почитывали Расина или Корнеля, но въ періодъ увлеченія Коцебу, а затѣмъ Шиллеромъ и Гете, французскіе трагики казались уже авторами второго сорта. Андрей Тургеневъ однажды записываетъ: „Зачѣмъ я такъ мало читаю французскихъ книгъ? Для того, что онѣ мало попадаются мнѣ; а не попадаются оттого, что я ихъ не вижу. Надобно прочесть Расиновъ и Корнелевъ театръ. Надобно прочесть“. Болѣе другихъ могъ заинтересовать ихъ Руссо. Но и пора Руссо для Тургеневскаго кружка какъ бы уже миновала. Руссо, правда, для сверстниковъ Тургеневскаго кружка продолжалъ быть однимъ изъ любимыхъ авторовъ: Варвара Михайловна Соковнина, уйдя изъ родительскаго дома съ намѣреніемъ поселиться въ деревнѣ простой крестьянкой, беретъ съ собой Библію и Руссо (см. ниже). Но мы не видимъ со стороны молодого Тургеневскаго кружка, какъ ни былъ онъ и самъ склоненъ къ сентиментальности, особаго увлеченія Руссо, хотя чтеніе Новой Элоизы и производило на нихъ сильное впечатлѣніе. Они примѣняли ея содержаніе къ самимъ себѣ и находили каждый въ своихъ обстоятельствахъ сходство съ тѣмъ

1) Стр. 17.
2) Стр. 179.

или другимъ положеніемъ, описаннымъ у Руссо. Андрей Тургеневъ читаетъ Новую Элоизу уже въ Петербургѣ, въ концѣ 1801 года, въ самый разгаръ своего заочнаго романа съ Катериной Михайловной Соковниной, романа, разыгрывавшагося въ письмахъ (см. ниже), и находитъ въ Новой Элоизѣ близость своему душевному состоянію. „Новая Элоиза (записываетъ онъ 21-го декабря) будетъ моимъ code de morale во всемъ — въ любви, въ добродѣтели, въ должностяхъ общественной и частной жизни. Сегодня читалъ ее сначала въ своемъ вчерашнемъ мрачномъ расположеніи; чувствую еще сильнѣе свое недостоинство, сравнивая. Но мало помалу началъ я чувствовать отраду, когда пришло мнѣ учиться изъ нее мыслить и чувствовать. Руссо! Память твоя всегда останется пламенною въ сердцахъ, которыя ты разгорячилъ тихимъ огнемъ чувства и добродѣтели! Буду ее перечитывать. Теперь читаю письмо Юліи II-ое во 2-ой части... Буду стараться затвердить въ сердцѣ ея правила“. Руссо, слѣдовательно, входилъ въ то теченіе къ нравственному самосовершенствованію, которое составлялось изъ разныхъ источниковъ, въ томъ числѣ и изъ всей вообще сентиментальной литературы и масонско-мистическаго настроенія старшаго Тургеневскаго кружка. Читалъ Новую Элоизу и Александръ Ивановичъ. Повидимому, она также и его увлекала. По крайней мѣрѣ, о первомъ впечатлѣніи ея на него онъ вспоминалъ въ Геттингенѣ, снова тамъ начавъ читать ее. 6-го іюня 1803 года онъ записываетъ въ дневникѣ: „Сегодня началъ снова я читать Новую Элоизу. Ужъ нѣтъ того живова чувства; я не раздѣляю прежнихъ ощущеній. Но вмѣсто того, я больше вхожу въ автора, понимаю мысли его и нахожу новыя, которыхъ сперва я не могъ примѣтить“ [1]). Однако, и теперь Руссо производитъ на него сильное дѣйствіе. Въ сентябрѣ онъ записываетъ: „Никогда не проводилъ я еще въ Гетинженѣ такого вечера!“ вскричалъ я, покидая Элоизу. Пусть слова эти напомнятъ мнѣ теперешнее состояніе души моей. О Руссо, Руссо! Ты еще *никогда* не былъ для меня то, что ты теперь“ [2]).

Изъ англійской литературы, какъ хорошо извѣстно, наша тогдашняя молодежь воспитывалась на произведеніяхъ сентиментальныхъ. Юнгъ, Томсонъ, Грей, Ричардсонъ, Стернъ — все это были писатели, хорошо знакомые нашему кружку еще со времени Карамзина. Матеріалы даютъ намъ въ этомъ отношеніи мало новаго. Веселовскій въ своемъ изслѣдованіи о Жуковскомъ указывалъ на знакомство Андрея Тургенева съ Шекспиромъ и правильное его пониманіе сравнительно съ пониманіемъ со стороны Карамзина и Жуковскаго. Но болѣе близкое знакомство съ Шекспиромъ Андрея Тургенева относится уже ко времени его Петербургской и Вѣнской жизни, когда онъ уже не могъ вліять непосредственно на своихъ друзей. Поэтому, вліяніе Шекспира на нашу молодежь разсма-

1) Стр. 236.
2) Стр. 250.

триваемаго періода прошло почти безслѣдно. Онъ снова былъ открытъ много послѣ, когда съ нимъ познакомился Пушкинъ. Теперь же, въ молодомъ Тургеневскомъ кружкѣ только еще начинается знакомство съ Шекспиромъ и притомъ — въ нѣмецкомъ переводѣ. У Андрея Тургенева разбросаны лишь отрывочныя замѣчанія о немъ: „Сегодня ставили на нѣмецкомъ Шекспирова Короля Лира; я былъ пораженъ, остановленъ этою великою мыслью; мысль эта выражена словами Глостера въ его разговорѣ съ сумашедшимъ Лиромъ: „O zerstümertes Meisterstück der Natur! *So wird sich einst diese grosse Welt bis zum Nichts abnützen*“. Макбета переводить онъ началъ только весной 1802 года въ Петербургѣ, и уже изъ Вѣны писалъ Жуковскому о своихъ взглядахъ на Шекспира. Взгляды эти до Александра Ивановича не дошли. Академикъ А. Н. Веселовскій указалъ, на основаніи писемъ Андрея Тургенева къ Жуковскому, на различіе въ пониманіи Шекспира со стороны того и другого[1]). Къ Жуковскому вполнѣ примыкалъ Андрей Кайсаровъ. Дѣло шло о вѣдьмахъ въ Макбетѣ, которыхъ Жуковскій предлагалъ „истребить“. И Кайсаровъ въ то же время (5-го мая 1802 года) пишетъ Тургеневу: „Жуковскій правду тебѣ пишетъ, что надобно передѣлать вовсе планъ піесы. Эти вѣдьмы годились и въ Англіи тогда только, когда Шекспиръ выпускалъ время, которое по ночамъ просило извиненія у зрителей въ томъ, что господинъ Авторъ немного заврался. Русскіе не привыкли къ такимъ піесамъ, и Макбетъ съ вѣдьмами покажется имъ Иваномъ Царевичемъ, который написала премудрая Екатерина“. — Насколько выше всѣхъ своихъ друзей оказался Андрей Тургеневъ въ пониманіи Шекспира!

Выше было сказано, что масонское направленіе старшаго Тургеневскаго кружка почти не затронуло молодого поколѣнія. Никто изъ послѣдняго не сдѣлался масономъ. Въ этомъ отношеніи любопытно сопоставленіе „отцовъ и дѣтей“: ближайшее поколѣніе не исповѣдуетъ вѣры своихъ отцовъ. Масонско-мистическое настроеніе возрождается во второй половинѣ царствованія Александра, но его адептами становятся уже иные люди, чѣмъ воспитавшіеся въ школѣ Тургенева, и мы видѣли, какъ однажды отозвался по этому поводу Александръ Ивановичъ. Но одна существенная сторона масонскаго направленія — внутреннее, нравственное самосовершенствованіе — не могла не дѣйствовать на молодыхъ людей, особенно когда имъ приходилось видѣть живые примѣры того, какъ дѣло соотвѣтствуетъ слову. По всему видно, что молодому Тургеневскому кружку масонское направленіе и не навязывалось; имъ предоставлялась свобода развитія и самообразованія. Однако, нравственная сторона масонства ими цѣнилась. Нѣтъ сомнѣнія, что бесѣды на масонскія темы происходили и въ присутствіи молодого поколѣнія, и Андрей Тургеневъ, какъ мы видѣли, вспоминалъ свои споры съ Батюшкой и Иваномъ Владиміро-

1) Жуковскій, 59 — 60.

вичемъ и Максимомъ Ивановичемъ. Вопросы нравственности затрогивались и сентиментальной литературой и обсуждались и самими друзьями. Они вынуждены были обращаться за разъясненіями къ своимъ наставникамъ по вопросамъ вѣры и нравственности, и тутъ знакомились съ частностями масонскаго ученія. Однажды Андрей Тургеневъ, прочитавъ въ одной масонской книгѣ такое изрѣченіе: „Der Mann (Адамъ въ паденіи) behielt das Feuer zum Hauptagenten seines Wesens, und das Weib bekam das Wasserprincipium. — Wenn wir Feuer und Wasser zusammenbringen, so überwältigt die eine Kraft die andere“ — такъ разсуждаетъ: „Но теперь извѣстно, такъ какъ я слышалъ у Пет[ра] Ив[ановича][1]), что вода также удерживаетъ стремленіе огня, какъ и всякое другое тѣло, только пресѣкая его сообщеніе съ воздухомъ, отъ чего единственно онъ истребляется; а если воды не много, то она, обратясь въ паръ, только что придаетъ огню больше силы. Спр[осить] у Бат[юшки]“. Тутъ же ему встрѣтилась другая непонятная ему мысль, о томъ, что сотвореніе жены есть уже начало паденія: „Этого въ Библіи нѣтъ. Кажется тамъ сказано: Не добро есть человѣку быти одному; сотворимъ ему помощницу. Если принимать и библейскую космологію, то я не знаю, откуда вывелось такое заключеніе“. Съ своими недоумѣніями онъ обратился къ Батюшкѣ, и послѣ бесѣды записалъ: „На первое Бат[юшка] ничего не сказалъ, а на второе отвѣчалъ онъ, что, понеже сонъ есть возстановленіе ослабѣвшихъ силъ, то значитъ, что Адамъ уже слабѣлъ и, слѣдовательно, не былъ въ совершенствѣ. Обо всемъ этомъ говорилъ онъ ясно и правдоподобно“ (8-го декабря 1799 года).— Близко былъ знакомъ съ масонскимъ ученіемъ и Александръ Ивановичъ и, извѣщая однажды Батюшку изъ Геттингена о рѣчи Буле о происхожденіи Масонскаго Общества, который главною цѣлью Общества полагалъ „благотвореніе“, онъ прибавляетъ: „Я думаю, что никого не было въ собраніи, кому бы интереснѣе было слушать эту матерію. Я вспоминалъ своихъ Филантроповъ и мысленно благодарилъ Оратора за его безпристрастіе и истину“[2]). А Андрей Ивановичъ извѣщалъ Ивана Петровича объ услугахъ, оказанныхъ Александру Ивановичу Лейпцигскимъ консуломъ Шварцемъ, такъ: „Онъ [братъ] не нахвалится Шварцемъ и говоритъ, что одинъ только членъ Масонства можетъ быть въ добрѣ такъ дѣятеленъ“[3]). Все это доказываетъ, что масонство, какъ оно проявлялось въ старшемъ Тургеневскомъ кружкѣ, вызывало въ молодомъ поколѣніи невольное уваженіе, хотя сердце ихъ далеко лежало отъ него. Еще Карамзинъ не сочувствовалъ масонскому направленію пріютившаго его „Дружескаго Ученаго Общества“; теперь къ нему примыкало въ этомъ отношеніи и болѣе молодое поколѣніе. Всему было свое время. Близко родственный къ Геттингенцамъ 70-хъ годовъ Андрей Тургеневъ, по всему своему душевному

1) Страхова, профессора физики въ Московскомъ университетѣ.
2) Стр. 40 — 41.
3) Письмо отъ 3-го февраля 1803 года.

складу, не могъ углубляться въ мистическую, таинственную область духовной жизни. Жуковскій, пожалуй, и могъ бы быть къ послѣднему элементу ближе, но и его вѣра была чиста и прозрачна, таинственное ему чуялось въ природѣ, а не въ мистикѣ. Рабочій человѣкъ Мерзляковъ, своимъ трудомъ пробивавшій себѣ дорогу, рвавшійся къ дѣятельности, былъ далекъ отъ всего неяснаго, туманнаго; его мало коснулось даже сентиментальное направленіе нѣкоторыхъ его друзей. Александръ Ивановичъ былъ слишкомъ жизнерадостенъ, чтобы находить наслажденіе въ дебряхъ масонскаго ученія. Однимъ словомъ, воспринимая отъ старшихъ масоновъ нѣкоторыя черты нравственнаго ученія, молодое поколѣніе чувствовало свою близость еще съ живыми лицами, носителями масонскаго ученія, но никакъ не съ этимъ послѣднимъ. Всетаки рознь между отцами и дѣтьми чувствовалась ясно, и, если она не принимала рѣзкаго очертанія, то, конечно, потому, что окружавшая тѣхъ и другихъ нравственная атмосфера настолько была пропитана взаимной любовью и уваженіемъ, что не могло быть и рѣчи о какомъ-нибудь рѣзкомъ проявленіи несогласія.

Разногласія въ литературныхъ вкусахъ существовали и среди самихъ молодыхъ пріятелей. И здѣсь Андрей Тургеневъ стоялъ впереди другихъ. Жуковскій, Кайсаровъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ примыкали еще къ старшему поколѣнію. Всего яснѣе это разномысліе выразилось въ отношеніяхъ къ Карамзину и Измайлову. Всѣ они, и старшее и молодое поколѣніе, были поклонниками и почитателями Карамзина; въ этомъ отношеніи они не отдѣлялись отъ всѣхъ другихъ современниковъ[1]). Но Жуковскій всегда былъ, и раньше и послѣ, безусловнымъ поклонникомъ Карамзина: „чувствительность“ послѣдняго какъ нельзя болѣе гармонировала „съ мечтательностью“ перваго. Со стороны же Андрея Тургенева и Мерзлякова мы встрѣчаемъ уже попытки критики. Правда и Андрей чтитъ Карамзина: но онъ чтитъ его, какъ редактора „Дѣтскаго Чтенія“. „Письма русскаго путешественника“ для него, конечно, образецъ: прочитавъ только что вышедшую 5-ую часть „Писемъ“ (1799), онъ сочиняетъ эпиграмму (см. выше). Осуждая Измайлова, какъ сейчасъ увидимъ, онъ ставитъ въ образецъ Карамзина. Но восторженнаго преклоненія предъ Карамзинымъ, какое высказывали современники и частію и Жуковскій, у него нѣтъ. Посылая изъ Петербурга (1802) черезъ Ивана Петровича поклоны и благодарности Карамзину, какъ автору дѣтскихъ книгъ и раннихъ стихотвореній, онъ пишетъ въ то же время Жуковскому послѣ прочтенія 6-ой части „Писемъ“: „Много хорошаго, прекраснаго; но не тотъ Карамзинъ, который писалъ нѣкогда: „Съ кротостью упалъ бы я въ всеобъемлющее лоно природы“.... Стихи Карамзина къ Эмиліи вѣдь прекрасны! Но смотри же, какъ въ немъ угасло пламя поэзіи. Онъ уже не написалъ бы теперь „Къ Невѣрной“ и даже, думаю, „Милости“ и „Пѣсни

1) См. объ этомъ въ книгѣ В. Сиповскаго — Н. М. Карамзинъ, стр. 540 и слѣд.

къ Божеству". Что сталъ прозаическій слогъ его "[1])? Къ нему примыкалъ и Александръ Ивановичъ, который въ своихъ Геттингенскихъ письмахъ, признавая все значеніе Карамзина въ дѣлѣ развитія и обработки русскаго слога, нигдѣ не обнаруживаетъ восторга передъ его „чувствительностью". Онъ сблизился съ нимъ впослѣдствіи на почвѣ уже историческихъ интересовъ. Совершенно иначе относился къ Карамзину Жуковскій[2]).

Можно отмѣтить, что А. С. Кайсаровъ въ письмѣ съ дороги къ Ивану Петровичу, выражая свою привязанность къ нему, прибавляетъ: „Позвольте мнѣ также быть увѣрену, что вы не назовете этого пустымъ карамзинизмомъ; нѣтъ, это право не то, и я бы почелъ себя очень несчастнымъ, если бы могъ писать только вытверженное"[3]). „Карамзинизмъ", слѣдовательно, было очень опредѣленное понятіе для извѣстнаго рода искусственности.

Особенное разногласіе сказалось во взглядахъ на послѣдователей Карамзина. Въ приведенной выше бесѣдѣ троихъ друзей о Карамзинѣ, Андрей Тургеневъ, съ которымъ въ данномъ случаѣ сходился и Мерзляковъ, видѣлъ вредъ Карамзина въ появленіи ему подражателей. Совершенно сходны съ этимъ взглядомъ и отзывы Тургеневыхъ о подражателяхъ. Акад. Веселовскій сопоставилъ, съ одной стороны, восторженный отзывъ Жуковскаго о Шаликовѣ, а съ другой—противоположные отзывы о немъ обоихъ Тургеневыхъ[4]). Въ этихъ отзывахъ Александръ Тургеневъ занимаетъ какъ-бы срединное положеніе. Точно такое же различное отношеніе среди дружескаго кружка сказалось и къ Измайлову, къ его „Полуденному Путешествію". Въ бытность еще въ Москвѣ, Андрей Тургеневъ посѣщалъ Измайлова и слушалъ отъ него отрывки его „Путешествія"[5]). Когда оно вышло, отзывы о немъ друзей оказались различны. Къ хвалителямъ примкнулъ и Иванъ Петровичъ, и между нимъ и Андреемъ произошелъ любопытный обмѣнъ мнѣній. Письмо Ивана Петровича не сохранилось, но о немъ мы узнаемъ изъ отвѣта Андрея Ивановича. По-

---

1) См. Веселовскій, стр. 56.

2) См. у Веселовскаго, стр. 48.

3) Стр. 14; ср. Веселовскій, 84, прим. 4.

4) ibid., стр. 49—50 и 56 (примѣч.).

5) Въ письмѣ къ Андрею Кайсарову изъ Москвы отъ 5-го января 1800 года (Кайсаровъ въ это время былъ въ своей деревнѣ) Андрей Тургеневъ, между прочимъ, сообщаетъ ему слѣдующее: „Третьяго дня былъ я въ первый разъ у Измайлова поутру, и въ другой разъ въ тотъ же день ввечеру. Посидѣвши съ нимъ поутру часа два и поговоривши многое о многомъ, я пошелъ, и онъ пригласилъ меня на вечеръ, сказалъ, что у него будетъ маленькое интересное общество. Я пришелъ и увидѣлъ тутъ Карамзина, Вышеславцова, двухъ Пушкиныхъ, и мы просидѣли цѣлый вечеръ очень весело. Измайловъ читалъ свое „Путешествіе въ Кіевъ". И далѣе: „Вчера я былъ тронутъ въ одномъ мѣстѣ Измайлова Писемъ. Онъ описываетъ—и очень живо—потерю своего друга, пишетъ, какъ онъ ходилъ одинъ по весеннимъ лугамъ, которые прежде радовали ихъ вмѣстѣ съ его другомъ, и проч. Я посмотрѣлъ на Карамзина, вспомнилъ Агатона, и вообразилъ тебя и — почти заплакалъ".

слѣдній изъ Петербурга (16-го мая 1802 г.) пишетъ къ Батюшкѣ: „Вы изволите читать Измайлова; я еще не читалъ его; но осмѣливаюсь не согласиться съ вами въ похвалахъ ему: слогу русскаго совсѣмъ нѣтъ; и естьли онъ пишетъ сильно, то уже это гораздо славнѣе самаго Стерна, потому что Стернъ пишетъ совсѣмъ не такъ. Въ немъ одно принужденіе, одна натяжка; онъ не оттого пишетъ, что смотритъ на прекрасной предметъ, но смотритъ, для того чтобы написать о немъ; а ничего нѣтъ хуже. Конечно, съ этою ложною силою описалъ онъ и свиданіе съ кормилицей [1]) и торжество природы въ ту минуту, какъ онъ подалъ копейку нищему у заставы [2]). Но посмотрите же, извольте прочесть въ Карамзинѣ многія мѣста, которыя, хотя не имѣютъ этой мнимой силы, но трогаютъ гораздо, гораздо болѣе. Жаль, что нѣтъ теперь у меня его Писемъ: я бы вамъ привелъ то мѣсто, гдѣ онъ въ тихій лѣтній вечеръ, тронутый красотами Природы, въ щастливѣйшемъ расположеніи души говоритъ о страхѣ смерти; но это не лучшее мѣсто; мнѣ только оно пришло въ голову. И я не говорю объ одномъ Путешествіи; но возьмите „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“, особливо конецъ, многія мѣста изъ „Борнгольма“ и изъ „Писемъ Филал[ета] къ Мелод[ору] и Мел[одора] къ Филалету“ и проч. Впрочемъ, и въ Измайловѣ многія мѣста мнѣ очень нравятся, хотя бы я никогда не желалъ писать такъ, какъ онъ.... Ахъ! Если бы изволили прочесть Стерна!“ Хвалебный отзывъ пишетъ Андрею и Андрей Кайсаровъ: „Знаешь-ли что? И я не уѣду изъ Россіи, не поставивъ пятна на Вѣстникѣ. Я пишу панегирикъ Измайлову за его Письма. Странно тебѣ покажется, что, будучи сперва имъ недоволенъ, теперь пишу ему похвалу; но вотъ дѣло въ чемъ — у него въ самомъ дѣлѣ много хорошаго (несмотря на то, что все это *дышетъ* Бонетомъ); и сверхъ того, онъ хвалилъ Ивана Владиміровича: какъ же его не похвалить? Я ужъ законтрактовался съ батюшкой на эту піесу“. На это Андрей Тургеневъ ему и отвѣчаетъ: „Я не прочелъ еще Измайлова, но вѣдь у меня особый вкусъ: многое мнѣ нравится, однакожъ многое и бѣситъ; никому только не совѣтую читать его послѣ Стерна; лучше прежде“ [3]). Съ этимъ отзывомъ можно сопоставить и вышеприведенный отзывъ Александра Ивановича о современныхъ ему стиходѣяхъ: „Они не сами любовались Натурою, а только вычисляли и списывали съ другихъ тѣ красоты ея, которыя врожденныя поэты сами находили“ [4]).

---

1) Путешествіе въ полуденную Россію (1802), ч. I, стр. 72—4 (Письмо XVII).

2) ibid., 71—72 (Письмо XVI).

3) См. Веселовскій, стр. 56. Увѣщаніе друга въ данномъ случаѣ на Кайсарова не подѣйствовало, и 22-го мая (1802) онъ пишетъ ему: „Объ Измайловѣ что сказать тебѣ, кромѣ того, что въ 12-мъ номерѣ Вѣстника ты увидишь мою рецензію, или лучше, ~~мой панегирикъ ему, съ включеніемъ, однакожъ, того, что авторъ~~ *слишкомъ* любитъ Боннета. Я далъ слово батюшкѣ непремѣнно это выполнить, а онъ далъ мнѣ слово, что піеса будетъ помѣщена въ Вѣстникѣ“. — Однако, „піеса“ въ Вѣстникѣ не была помѣщена.

4) Стр. 206.

Здѣсь надо видѣть вліяніе на него брата Андрея. Что же касается Мерзлякова, то изъ всей его послѣдующей дѣятельности мы можемъ видѣть, что онъ еще менѣе другихъ могъ находить удовольствіе въ Шаликовѣ или Измайловѣ, хотя основаніе у него въ данномъ случаѣ было иное, чѣмъ у Тургеневыхъ: Ломоносовъ и Державинъ и тогда уже владѣли имъ.

Иванъ Петровичъ Тургеневъ принадлежалъ къ Симбирскимъ помѣщикамъ, и его родное имѣніе „Тургенево“ лежало недалеко отъ Симбирска, по ту сторону Волги. Къ Симбирскимъ же дворянамъ принадлежали и Лопухины, и Дмитріевъ, и Карамзинъ. Связи съ Симбирскомъ у Тургеневыхъ были, слѣдовательно, старыя. Живя въ Москвѣ до своей ссылки 1792 года, Иванъ Петровичъ посѣщалъ Симбирскъ и въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ познакомился съ Карамзинымъ, котораго тогда же уговорилъ переѣхать въ Москву. Сосланный на житье въ деревню въ 1792 году, онъ проводилъ почти все время въ „Тургеневѣ“, и Александръ Ивановичъ впослѣдствіи вспоминалъ, что „зимой случались скучныя вечера“, и они „часто желали вырваться изъ деревни“ [1]). Однако, они живали и въ Симбирскѣ. Будучи въ Геттингенѣ, Александръ Ивановичъ вспоминалъ о своей жизни въ немъ: „Думаютъ ли теперь въ Симбирскѣ, что Тургеневы, которыя нѣкогда извѣстны были подъ первыми шелунами въ городѣ, теперь странствуютъ въ чужихъ земляхъ и вспоминаютъ Симбирскъ, въ которомъ столько горькихъ и рѣдко, рѣдко пріятныхъ минутъ провели они“ [2]). Андрей Тургеневъ въ дневникѣ 1797 года, подъ 28-мъ іюня, описалъ прошлогоднюю (28-го іюня 1796 года) поѣздку изъ Симбирска въ „Тургенево“, откуда, по его словамъ, онъ „выѣхалъ зимой“ [3]).

Въ ноябрѣ 1796 года вступилъ на престолъ Павелъ I, и Тургеневъ былъ вызванъ въ Петербургъ, куда онъ взялъ съ собой и старшаго сына

---

1) Стр. 365.

2) Стр. 181.

3) Еще въ Симбирскѣ зародилась у Тургеневыхъ любовь къ театру, такъ отличавшая Андрея и Александра въ Москвѣ. Сохранилось слѣдующее стихотвореніе Андрея, безъ даты, но, очевидно, относящееся къ лѣту 1796 года:

„Разлука съ Симбир[скимъ] Театромъ.
„На цѣлой мѣсяцъ я теперь съ тобой разстался.
Такъ въ разставаніи съ тобой мой духъ терзался,
Что наканунѣ я отъѣзда моего
Грустилъ, не спалъ, не ѣлъ, и не пилъ ничего.
Познай, какъ я къ тебѣ, познай, какъ былъ привязанъ“.

Для характеристики тогдашняго Симбирскаго Общества любопытно слѣдующее сообщеніе Андрея Тургенева своему другу: „Сегодня былъ я въ гостяхъ, на именинахъ у одной доброй старушки. Много было нашей братіи—Симбирскихъ баръ. Было очень весело; они давали другъ другу киселей, а одинъ напоенный до пьяна Совѣтникъ въ другой комнатѣ карячился, зѣвалъ, бранился по м..... и проч.; однакожъ было, право, весело“ (Письмо недатир.). — Въ другомъ письмѣ онъ сообщаетъ: „Еще скажу тебѣ, что я почитаюсь здѣсь за великаго ученаго и стихотворца, и что всѣ завидуютъ и любуются и удивляются моей шляпѣ „à la Nelson“.

Андрея, сочинившаго дорогой на пути изъ Москвы въ Петербургъ въ защиту Карамзина стихи (см. выше). Вернувшись въ Москву, Иванъ Петровичъ получилъ мѣсто Директора Университета. Какъ Тургеневы проводили зиму 1796—7 года — неизвѣстно.

Лѣто 1797 года Тургеневы провели въ своей деревнѣ, какъ видно изъ упомянутой записи Андрея. Съ осени 1797 года Александръ является воспитанникомъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, а Андрей — студентомъ университета. Здѣсь послѣдній знакомится съ университетскими товарищами — Мерзляковымъ и Журавлевымъ, а у Александра товарищами по Пансіону являются—Жуковскій, Михаилъ Кайсаровъ, Родзянка, Губаревъ, Блудовъ. Оба кружка начинаютъ взаимное знакомство. Знакомство скоро сдѣлалось общимъ, хотя друзья сходились не сразу: бывали между ними и размолвки; такъ неоднократно ссорились, и теперь и послѣ, два Андрея, но скоро мирились и сдѣлались вообще большими друзьями. Лѣтомъ 1799 г., только что пріѣхавъ въ Симбирскъ, Андрей Тургеневъ пишетъ Кайсарову: „Какое письмо получилъ я отъ тебя, мой милый другъ Андрей Сергѣевичъ! Что я чувствовалъ, когда читалъ его, и перечитывалъ нѣсколько разъ и буду еще всегда перечитывать! Я совсѣмъ не смѣлъ этого и надѣяться, и тѣмъ сильнѣе оно надо мною подѣйствовало. Забудемъ, братъ, все! Я чувствую, что я самъ былъ неправъ очень часто. Для меня самаго сладостно вспоминать то время, когда я увижу тебя опять. Между тѣмъ, во всю почти дорогу я думалъ о тебѣ, хотя, признаюсь, съ нѣкоторымъ огорченіемъ вспоминалъ о нѣкоторыхъ минутахъ, въ которыхъ сердце мое очень сильно пострадало. Теперь все вознаграждено и забыто! Будь опять моимъ другомъ, а мнѣ позволь быть твоимъ, ибо эта дружба сдѣлаетъ мое счастіе“ [1]). А Андрей Кайсаровъ въ то же время пишетъ своему другу: „Съ Жуковскимъ разговариваемъ мы все почти о тебѣ. Онъ тебя очень любитъ. Мнѣ бы хотѣлось съ нимъ гораздо покороче познакомиться потому только, что ты любишь его, а посему непосредственно слѣдуетъ, что онъ добрый человѣкъ, ибо ты злыхъ не любишь“ [2]); на это Тургеневъ ему отвѣчаетъ: „знакомься съ нимъ: онъ этого стоитъ, а ты стоишь знакомства его“.

Свѣдѣній объ учебныхъ занятіяхъ за зиму 1797—8 г. у насъ нѣтъ. Но составившійся кружокъ молодыхъ людей, помимо своихъ обязательныхъ занятій, немедленно приступилъ къ переводамъ. Прежде всего, явился на сцену Коцебу. За переводы принялись Андрей Тургеневъ и Журавлевъ: первый переводитъ „Клеветниковъ“, а второй — „Ортенберга“ (см. выше). Рядомъ съ Коцебу стоитъ Руссо. Андрей Тургеневъ, какъ знавшій лучше другихъ новые языки и выбиралъ своимъ друзьямъ матеріалъ для переводовъ и поправлялъ ихъ. Выше мы видѣли, какъ Жуковскій, по словамъ Андрея, прибѣгалъ по воскресеньямъ прочитывать ему свои переводы.

---

1) Письмо отъ 15 іюля 1799 г.

2) Письмо отъ 11 іюля.

Въ бумагахъ Тургенева сохранился переводъ одного Письма изъ Новой Элоизы, сдѣланный Журавлевымъ и поправленный Андреемъ Тургеневымъ — переводъ, приготовленный къ печати.

Въ это же время начинается знакомство молодого кружка съ Воробьевыми горами, которыя становятся любимымъ мѣстомъ ихъ прогулокъ. Туда постоянно ѣздятъ верхомъ, ходятъ пѣшкомъ; тамъ они компаніей отпѣвали живого Матвѣя Мудрова, тамъ было разставанье Александра Ивановича съ родными, когда онъ уѣзжалъ въ Геттингенъ. Лѣтомъ туда совершали прогулки воспитанники Университетскаго Благороднаго Пансіона вмѣстѣ съ Бакаревичемъ, который „туда отправляется, какъ главный смотритель, съ кроватью, столомъ и прочимъ припасомъ“ [1]).

Зима 1798—9 года ничѣмъ особеннымъ не проявилась, лишь только литературная дѣятельность молодого кружка стала болѣе развиваться. Журавлевъ уѣхалъ на службу въ Вильну, и Андрей Тургеневъ остался только съ Мерзляковымъ, съ которымъ теперь сближается тѣснѣе. Они уже затѣваютъ какое-то „собраніе“ для переводовъ, но изъ этого ничего не выходитъ. Жуковскій съ Александромъ Тургеневымъ продолжаютъ учиться въ Пансіонѣ, и Жуковскій уже второй годъ выступаетъ, какъ поэтъ. Андрей Тургеневъ и Мерзляковъ печатаются въ „Полезномъ и пріятномъ препровожденіи времени“. Жуковскій ближе сходится съ Андреемъ Тургеневымъ и Мерзляковымъ, такъ что лѣтомъ 1799 года Тургеневъ пишетъ изъ Симбирска уже общія письма друзьямъ. Весной 1799 года Александръ Тургеневъ знакомится съ Соковниными.

Лѣтомъ 1799 года Тургеневы уѣхали въ Симбирскъ. Кайсаровъ остается въ Москвѣ съ обязательствомъ продолжать начатый переводъ, но, видно, дѣло шло плохо, если онъ получаетъ побужденіе торопиться съ переводомъ. Жуковскій и Мерзляковъ остались также въ Москвѣ, и первый долженъ былъ также торопиться съ переводомъ, „чтобы поспѣть къ сроку“. Но Жуковскій, по сообщенію Кайсарова, куда-то уѣхалъ въ деревню. Самъ Кайсаровъ переселился на Воробьевы горы, туда же переѣхалъ и Родзянка, съ которымъ они „большую часть ночи, т.-е. даже иногда до 3-хъ часовъ“ говорятъ „о философскихъ матеріяхъ“. Тѣмъ же лѣтомъ произошло знакомство Родзянки съ Мерзляковымъ, сначала при посредствѣ писемъ. Оба они оказались склонны къ философствованію.

Начиная съ осени 1799 года до осени 1801 года для молодого Тургеневскаго кружка было самое интересное время. Всѣ они мечутся изъ стороны въ сторону, заводятъ знакомства, напр. съ Дмитріевымъ [2]), сбли-

---

1) Совершались прогулки воспитанниками Пансіона и въ другія окрестности; 11-го іюля (1799) Кайсаровъ пишетъ: „Ѣздили мы съ Апрѣлевымъ, Сокольскимъ, Есиповымъ и Губаревымъ въ Царицыно; просилъ было я Бокаревича, чтобъ онъ отпустилъ съ нами Жуковскаго, но онъ, видно, боясь, чтобы мы его не развратили, учтивымъ образомъ отказалъ“.

2) Съ именемъ Карамзина обыкновенно неразлучно стоитъ имя его стараго пріятеля И. И. Дмитріева. Въ тотъ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь, Дмитріевъ былъ

жаются съ Карамзинымъ; затѣваютъ еще осенью 1799 года „какое-то изданіе“ и подъ руководствомъ Андрея Тургенева увлекаются нѣмецкой литературой — Гете, Шиллеромъ. Зима 1799—800 года была временемъ особой напряженности въ литературной работѣ. Въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ учреждается „Собраніе воспитанниковъ“, гдѣ Жуковскій является предсѣдателемъ, а Родзянка — секретаремъ; происходитъ болѣе тѣсное сближеніе тріумвирата — Жуковскаго, Мерзлякова, Андрея Тургенева. Въ началѣ 1800 года въ ихъ кругъ входитъ А. Ѳ. Воейковъ, и съ этого времени начинается въ ихъ жизни особый періодъ,

---

уже прославленный писатель. Во время деревенской жизни Тургенева и ссылки и затѣмъ первыхъ 3-хъ лѣтъ жизни въ Москвѣ, Дмитріевъ служилъ въ Петербургѣ, и молодые Тургеневы знали его только по наслышкѣ. Получивъ 30-го декабря 1799 года отставку, онъ переселился въ Москву и здѣсь возобновилъ свое знакомство съ Иваномъ Петровичемъ Тургеневымъ. Но молодые Тургеневы познакомились съ нимъ не скоро. Андрей Тургеневъ въ первый разъ увидалъ Дмитріева, не будучи съ нимъ знакомъ, въ извѣстномъ тогда книжномъ магазинѣ Горна 23-го января 1800 года. Онъ описалъ свою встрѣчу съ Дмитріевымъ, и его описаніе является очень цѣннымъ, какъ потому, что обрисовываетъ отношеніе Тургеневыхъ къ литературнымъ дѣятелямъ, такъ и потому, что даетъ намъ отличный матеріалъ для заключеній о высокомъ литературномъ развитіи Тургеневыхъ вообще и въ частности — о знакомствѣ ихъ съ нѣмецкой литературой. Тургеневъ такъ описываетъ свою встрѣчу:

„Ходя гулять, пришелъ я къ Горну и нашелъ у него двухъ человѣкъ, которые что-то покупали. Одинъ въ шубѣ, большого роста, физіономія очень отличная; пріятное, благородное лицо, большой плѣшивый лобъ и что-то холодное (по крайней мѣрѣ, для меня). Онъ говорилъ тихо и медленно. Лицо его обратило мое вниманіе. Я не много видѣлъ такихъ благородныхъ, значущихъ физіономій. Она походила на французское лицо. Вотъ нашъ разговоръ:

Горнъ предложилъ ему, не хочетъ ли онъ купить Вил[анда] Оберона на французскомъ.

Дм[итріевъ] отвѣчалъ, что онъ у него есть, и сказалъ, что и Виландъ и Кантъ на франц. въ Парижѣ переводятся.

Горнъ (съ усмѣшкой): „О! Ce sera une belle traduction! И на нѣмецкомъ Канта не понимаютъ“.

Дм[итріевъ]: — „Въ Германіи онъ ужъ упадаетъ“.

Я: — „Напротивъ, я думаю, что всѣ профессоры взяли его Систему, и проч.“.

Дм[итріевъ]: — „Да Николаи въ Берлинѣ такъ осмѣялъ его“.

Я: — „Зато надъ Николаемъ за это и смѣются и говорятъ, что онъ не понималъ его“. — Онъ казалось, принялъ это какъ будто-бы съ удовольств[іемъ], что узналъ это отъ меня.

Онъ, [оборотясь ко мнѣ] a peu près:—„Да чтожъ хорошаго, что его всякій будетъ толковать на свой манеръ“?

Я: — „Я думаю, что его можно понимать съ нѣкоторымъ напряженіемъ ума“.

Горнъ (въ это время): „Онъ и говоритъ всегда такъ, что понимать его трудно; онъ думаетъ глубоко, но не находитъ словъ; однакожъ, радъ по пяти разъ изъяснять, что онъ сказалъ, и послѣ, когда поймешь, увидишь, что все это истина“.

Я: — Я сказалъ, что „думаю тоже, что онъ непонятенъ отъ своей глубокомысленности“.

Они ушли—и я остался и спросилъ: „Кто это?“ Горнъ: — „Der eine ist (забылъ), aber der andere war Geheimrath Dmitrieff“.

періодъ „Поддѣвиченскій“. Начинаются собранія у Воейкова, подъ—Дѣвичьимъ, главнымъ образомъ лѣтомъ и осенью 1800 года и весной и лѣтомъ 1801 года. Собранія у Воейкова въ 1800 г. имѣли случайный характеръ, но съ января 1801 года друзья, въ количествѣ восьми человѣкъ, образовали „Дружеское Литературное Общество“.

Андрей Тургеневъ кончилъ курсъ въ университетѣ весной 1799 года и, получивъ „университетскій градусъ“, поступилъ на службу въ Иностранную Коллегію, т. е. въ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, куда онъ ходилъ очень рѣдко, какъ видно изъ записей въ дневникѣ; случалось, не бывалъ тамъ недѣли по двѣ. Въ то же время онъ продолжалъ усердно посѣщать лекціи профессора П. И. Страхова по физикѣ. Але-

---

Я остолбенѣлъ. Книга выпала у меня изъ рукъ. Такъ это онъ, Дмитріевъ! И я началъ приводить себѣ на память всѣ его піески и бранилъ себя, думая, что, вѣрно, показался ему смѣшнымъ. И теперь еще не могу опомниться хорошенько.

Сколько ни вспоминаю образъ его — нахожу въ немъ Автора только напр. его епигр. „Модной жены“, „Чужаго толка“ и проч.; но гдѣ жъ Авторъ „Ермака“, „Волги“, „Къ младенцу“? — Я долженъ узнать его короче, разсмотрѣть его“.

Познакомиться съ Дмитріевымъ, однако, удалось не скоро. Знакомство произошло на обѣдѣ у Карамзина 10-го августа. 13-го августа Андрей въ журналѣ записалъ: „Сегодня понедѣльникъ; въ пятницу познакомился съ Дмитр[іевымъ], обѣдая у Карамзина и нашелъ въ немъ все“. Свое удовольствіе онъ выразилъ и въ запискѣ къ Жуковскому: „Вчера познакомился я съ Дмитріевымъ, съ которымъ вмѣстѣ обѣдалъ у Карамзина. Самый веселый и пріятный обѣдъ!“ Къ 10-ому августа 1800 года относится составленіе Андреемъ Тургеневымъ извѣстной надписи къ портрету Гете: „Свободнымъ геніемъ натуры вдохновенный....“. Этимъ числомъ она помѣчена въ его дневникѣ, а 11-го онъ ее послалъ въ упомянутомъ письмѣ къ Жуковскому. Не шла ли о ней рѣчь на обѣдѣ у Карамзина? А черезъ мѣсяцъ, въ воскресенье 9-го сентября онъ записываетъ: „Сегодня былъ у обѣдни въ Заиконосп[асскомъ] Мон[астырѣ], видѣлъ Дмитріева, который звалъ меня обѣдать въ слѣдующій вторникъ къ Кар[амзину], но я принужденъ былъ отказаться. Его приглашеніе очень меня обрадовало. Слабость ли это, или нѣтъ, но довольно, я былъ этому очень, очень радъ“. Дмитріевъ въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ, что онъ нерѣдко посѣщалъ Ивана Петровича Тургенева. Но свѣдѣній о свиданіяхъ съ нимъ молодыхъ Тургеневыхъ у насъ нѣтъ. Только одинъ разъ Андрей Кайсаровъ увѣдомлялъ Андрея Тургенева, что Дмитріевъ посѣтилъ Ивана Петровича, въ день отъѣзда Тургенева въ Петербургъ. Періодъ былъ очень короткій: Андрей Тургеневъ уѣхалъ изъ Москвы черезъ годъ съ небольшимъ послѣ своего знакомства съ нимъ, а черезъ восемь мѣсяцевъ уѣхалъ и Александръ. Въ своихъ письмахъ изъ-заграницы Александръ Ивановичъ ни разу о немъ не вспомнилъ и ни разу не послалъ ему поклона; не посылалъ поклоновъ и Андрей. Все это доказываетъ, что личной близости между молодыми Тургеневыми и Дмитріевымъ за тотъ короткій промежутокъ не образовалось.

Ближе сошелся съ Дмитріевымъ Жуковскій. Дмитріевъ въ своихъ „Запискахъ“ самъ говоритъ, что его одиночество въ Москвѣ (съ 1799 г.) „оживлялось довольно часто бесѣдою молодыхъ писателей: Василья Львовича Пушкина, Владиміра Васильевича Измайлова и Василія Андреевича Жуковскаго“. Близкія сношенія съ послѣднимъ относятся, однако, къ зимѣ 1801—2 г. Въ одномъ изъ писемъ изъ Петербурга Андрей Тургеневъ пишетъ Жуковскому: „Ты славно проводишь время твое и я тебя поздравляю съ дружбою съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ“. Жуковскаго сближала съ послѣднимъ, конечно, ихъ любовь къ поэзіи.

ксандръ Ивановичъ, оканчивая курсъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, думалъ было и о военной службѣ, но Кайсаровъ совѣтовалъ ему выкинуть эту „глупую“ мысль изъ головы (см. выше). Повидимому, въ этомъ желаніи ничего серьезнаго не было: во всѣхъ Тургеневыхъ, начиная съ самого Ивана Петровича, хотя и служившаго когда-то въ военной службѣ, не было ничего воинственнаго. По окончаніи курса въ Пансіонѣ весной 1800 г., Александръ Ивановичъ, „имѣвъ отъ роду шестнадцать лѣтъ, вступилъ въ службу въ Архивъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ — Коллегіи Юнкеромъ“ 16-го іюня, а съ 8-го января 1801 года — „Переводчикомъ“ [1]); Жуковскій поступилъ на службу въ Соляную Контору: въ августѣ онъ уже тамъ служитъ. Въ это время три друга—Андрей Тургеневъ, Мерзляковъ и Жуковскій затѣваютъ вести между собой дружескую переписку. Они привлекаютъ къ ней и Родзянку, но тотъ отказывается, не перенося насмѣшливости Тургенева, какъ думалъ, по крайней мѣрѣ, послѣдній. Переписка продолжалась не долго: друзья слишкомъ часто видались, чтобы имѣть еще нужду въ перепискѣ; самая мысль о перепискѣ была навѣяна, конечно, чужими образцами. Она имѣетъ значеніе какъ показатель особаго настроенія, развившагося у друзей подъ вліяніемъ литературы Sturm-und-Drang-Periode; по крайней мѣрѣ, это можно сказать относительно Тургенева и Мерзлякова. Матеріала ли не хватило для переписки или энтузіазма, но только она скоро кончилась [2]), и у друзей стала возникать мысль объ основаніи Общества. Общество, собственно говоря, уже было: оно собиралось у Воейкова, и теперь дѣло оставалось только за уставомъ. Основанное въ январѣ мѣсяцѣ „Дружеское Литературное Общество“ есть прямое продолженіе собраній у Воейкова подъ — Дѣвичьимъ, начавшихся еще весной 1800 года. Эти собранія надолго остались въ памяти участниковъ; сами они называли другъ друга „Поддѣвиченскими“, а воспоминанія о домѣ Воейкова, окруженномъ тѣнистымъ садомъ съ огородами, выливалось у нихъ въ стихотворную форму. Андрей Ивановичъ Тургеневъ еще тогда написалъ стихи:

„Къ дому Воейкова:

Сей ветхій домъ, сей дикій садъ,
Убѣжище друзей, соединенныхъ Фебомъ,
Гдѣ въ радости сердецъ клялися передъ небомъ,
Клялись своей душой,
Запечатлѣвъ обѣтъ слезами,
Любить Отечество и вѣчно быть друзьями“ [3]).

---

1) Формулярный списокъ о службѣ А. И. Тургенева 1839 г.

2) См. статью мою о Дружеской перепискѣ въ авг. — сент. 1801 года—въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1911 г. № 4-й.

3) Переписаны Иваномъ Петровичемъ Тургеневымъ въ тетради съ письмами Андрея изъ Вѣны.

Жуковскій въ 1813 году вспоминалъ въ Посланіи къ Александру Ивановичу:

„Гдѣ время то, когда по вечерамъ
Въ веселый кругъ насъ музы собирали?
Нѣтъ и слѣдовъ. Исчезло все — и садъ,
И ветхій домъ, гдѣ мы въ осенній хладъ
Святой союзъ любви торжествовали“ [1]).

Самъ хозяинъ дома, Воейковъ, послѣ 1812 года посѣтивъ Москву, въ такихъ стихахъ вспоминалъ свое минувшее время:

„Вотъ златоглавая обитель женъ, дѣвицъ,
Съ оградой, кельями, рѣшетками, крестами,
Съ рядами тѣсными гробницъ,
Между которыми на благовѣстъ съ свѣчами
Отшельницы, спѣша въ вечерній тихій часъ,
Какъ тѣни черныя мелькаютъ....
Разсѣяны друзья лѣтъ юныхъ: здѣсь для насъ
Златые сны опять летаютъ;
Зерцало нашихъ клятвъ сей древній монастырь,
Гдѣ въ ветхомъ домѣ мы столь сладко пировали,
Который мы мечтами населяли;
Гдѣ цвѣлъ тотъ садъ, который мы
Въ повѣренные тайнъ сердечныхъ выбирали,
Гдѣ, распаливъ виномъ и спорами умы
И къ человѣчеству любовью,
Хотѣли выкупить блаженство ближнихъ кровью.
При звукѣ радостномъ покаловъ, хоровъ, лиръ,
Преобразить спѣшили міръ“ [2]).

Съ этими поздними воспоминаніями вполнѣ согласуется ближайшее по времени къ Обществу воспоминаніе Андрея Тургенева въ письмѣ къ Мерзлякову и Жуковскому отъ 21-го декабря 1801 года (изъ Петербурга): „Сегодня, любезные друзья, провели мы трое — двое Кайсаровыхъ и я, прекрасный, прещастливый вечеръ, которымъ единственно обязаны нашему бывшему собранію.... Мы были у Галинк[овскаго], еще былъ одинъ, Юзефовичъ, прелюбезный. Мы критиковали тему Галинковскаго. Это напомнило намъ о нашихъ критикахъ; все такъ живо вспомнилось. Мы разгорячились, какъ тогда, когда праздновали торжество наше въ честь отечеству. Вспомните этотъ холодной еще, сумрачный апрѣльскій день и

1) Полн. Собр. соч. Жуковскаго, ред. проф. Архангельскаго, томъ II, стр., 28.
2) Сынъ Отечества 1821 г. 67, № IV.

часъ въ развалившемся домѣ, окруженномъ садомъ и прудами. Вспомните гимнъ Кайсарова, стихи Мерзлякова, вспомните себя и, если хотите, и рѣчь мою; шампанское, которое вдвое насъ оживило; торжественный, веселый ужинъ, соединеніе радостныхъ сердецъ“ [1]).

Жизнь Дружескаго Литературнаго Общества и собранія у Воейкова прекратились осенью 1801 года, когда Андрей Тургеневъ, Родзянка и Михаилъ Кайсаровъ уѣхали въ Петербургъ, Жуковскій—въ Бѣлевъ; въ концѣ января 1802 года уѣхали въ Петербургъ и жили тамъ до конца апрѣля Александръ Ивановичъ и Андрей Кайсаровъ, которые въ іюлѣ того же года уѣхали за границу. Дружескій кружокъ разсѣялся. Когда Александръ Ивановичъ въ январѣ 1805 года вернулся въ Москву, тамъ онъ не нашелъ старыхъ друзей. Весь 1805 годъ провелъ онъ въ заботахъ о больномъ Иванѣ Петровичѣ, а въ началѣ 1806 года онъ былъ уже въ Петербургѣ на службѣ у Новосильцева. Никакихъ упоминаній о Воейковѣ за этотъ періодъ нѣтъ. Между тѣмъ, къ 1806 году Воейковъ, очевидно, вернулся въ Москву и возобновилъ свои собранія подъ—Дѣвичьимъ, но теперь собранія эти были другого сорта.

Въ такихъ же приблизительно выраженіяхъ воспѣвалъ поддѣвиченскія собранія почти въ одно время съ письмомъ Тургенева и Мерзляковъ:

„.....мы въ кочкахъ, подъ шатромъ
Въ сентябрьски вечера ненастны
Съ любезной трубкой и виномъ,
Родныя пѣсенки пѣвали
И съ бурей голосъ соглашали [2]).

Иниціатива учрежденія „Дружескаго Литературнаго Общества“ принадлежала Мерзлякову съ Андреемъ Тургеневымъ. Мерзлякову было поручено написать уставъ, который 12-го января 1801 года и былъ имъ представленъ на первое собраніе. „Законы“ Общества представляли собой сколокъ съ Устава Собранія воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона. Первоначально предполагалось, по мысли Мерзлякова, заниматься „единственно отеческой литературой“, но эта мысль была оставлена. Засѣданія должны были происходить еженедѣльно по субботамъ, а разъ въ три мѣсяца должно было устраивать торжественное засѣданіе. Первыми членами Общества были—двое Тургеневыхъ [3]), трое Кайсаровыхъ, Жуковскій, Мерзляковъ и Воейковъ, а потомъ къ нимъ присоединились Родзянка и Офросимовъ. Когда Андрей Тургеневъ переѣхалъ

---

1) См. мою статью о Дружескомъ Литературномъ Обществѣ, стр. 277.

2) Ср. Веселовскій, стр. 137.

3) Въ моей статьѣ о Дружескомъ Литературномъ Обществѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., № 8, стр. 284) по ошибкѣ пропущенъ Ал. Тургеневъ.

въ Петербургъ и Общество прекратилось, то онъ возымѣлъ намѣреніе издать всѣ „піесы“, читанныя въ Собраніи, писалъ неоднократно своимъ пріятелямъ въ Москву, сердился на Мерзлякова, который не хотѣлъ давать своихъ „піесъ“ и затѣвалъ какое-то новое Общество, и всячески хотѣлъ сохранить въ сердцахъ членовъ Общества память о немъ. „Піесы“, повидимому, приготовлялись къ печати; по сообщенію Кайсарова, ихъ было 23, но до насъ дошло лишь нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ въ первыхъ шести собраніяхъ Мерзляковымъ, Андреемъ Тургеневымъ, Жуковскимъ и Воейковымъ. Жуковскій говорилъ на свою излюбленную тему „О дружбѣ“, Мерзляковъ — „О дѣятельности“, а Андрей Тургеневъ старался главнымъ образомъ водворить внутренній міръ и согласіе внутри Общества, недостатокъ чего замѣтно ощущался. Въ чемъ состояло изученіе „отеческой литературы“ — неизвѣстно; надо полагать, однако, — въ чтеніи и обсужденіи новыхъ литературныхъ произведеній. Въ приводимомъ выше стихотвореніи Воейкова есть упоминаніе о литературныхъ бесѣдахъ, если только оно относится къ настоящему именно періоду:

„Намъ, юношамъ неосторожнымъ,
И невозможное казалося возможнымъ:
Съ Кутузовымъ мирили Музъ
Знакомили съ Шишковымъ вкусъ“.

На значеніи „Дружескаго Литературнаго Общества“ я останавливался въ упомянутой выше своей статьѣ. Въ общемъ можно сказать, что „Дружеское Литературное Общество“ являлось завершеніемъ кружка молодыхъ людей, возникшаго на развалинахъ Новиковскаго „Дружескаго Ученаго Общества“, и не должно быть отдѣляемо отъ всей литературной дѣятельности молодого кружка, начавшейся еще въ 1797 году. Послѣ разрозненной дѣятельности въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ метанія изъ стороны въ сторону, у наиболѣе сильныхъ энтузіастовъ, у Андрея Тургенева и Мерзлякова, явилась мысль тѣснѣе соединить разрозненный кружокъ пріятелей—и такимъ образомъ явилось „Дружеское Литературное Общество“. Оно не внесло въ сущности ничего новаго; оно только подчеркнуло характеръ дѣятельности молодого кружка. Оно стало также „Дружеское“ по образцу старшаго „Дружескаго“, но оно сдѣлалось уже „Литературнымъ“, какъ требовалось теперь общимъ интересомъ лучшаго общества. Оно не могло еще отдѣлаться отъ старыхъ привычекъ — произносить рѣчи на моральныя и политическія (патріотическія) темы: но участники Общества чувствовали, что идти лишь по старой дорогѣ невозможно; имъ становилось скучно; отсюда возникало недовольство, погасить которое такъ стремились Андрей Тургеневъ и Мерзляковъ. Когда „Дружеское Литературное Общество“ прекратилось, то прекратилось въ сущности не оно, а пересталъ существовать, чисто по внѣшнимъ причинамъ, самый кружокъ, его составлявшій. Отъ Новиковскаго „Дружескаго Ученаго

Общества“ „Дружеское Литературное Общество“, завершившее развитіе молодого Тургеневскаго кружка, отличалось преобладаніемъ „литературныхъ“ интересовъ, а отъ послѣдующихъ, въ томъ числѣ и отъ Арзамаса— остаткомъ стремленія къ нравственному самосовершенствованію.

Въ своей статьѣ о „Дружескомъ Литературномъ Обществѣ“ я сказалъ, что оно чрезъ посредство кружка Вяземскаго, имѣвшаго мѣсто въ Москвѣ въ концѣ перваго десятилѣтія, связывается съ „Арзамасомъ“. Вспоминая свой кружокъ, Вяземскій говорилъ, что члены его были уже Арзамасцами, когда еще Арзамаса не было. Онъ же назвалъ Петербургскій Арзамасъ „Новымъ Арзамасомъ“, разумѣя подъ старымъ свой Московскій кружокъ. Но въ представленіи старшихъ Арзамасцевъ, бывшихъ когда-то членами „Дружескаго Литературнаго Общества“, какъ Тургеневъ, Жуковскій, да, пожалуй, и Блудовъ, который, не будучи членомъ Дружескаго Литературнаго Общества, все же примыкалъ къ молодому „Тургеневскому“ кружку,—въ ихъ представленіи и Дружеское Литературное Общество было тоже „Арзамасомъ“. Доказательство этому можно видѣть изъ одного документа, сохранившагося въ бумагахъ Александра Ивановича Тургенева—изъ одного списка бумагъ и пакетовъ, сдѣланнаго рукою самого Александра Ивановича (№ 1102-м.). Тамъ въ № 5, между прочимъ, значатся „Рѣчи и правила или Уставы Поддѣвиченскаго Арзамаса“. *Поддѣвиченскій Арзамасъ* это—„Дружеское Литературное Общество“ 1801 года.

Какое участіе въ собраніяхъ у Воейкова принималъ Александръ Ивановичъ, изъ матеріаловъ не видно. Но Воейковъ впослѣдствіи называлъ его „нашимъ“, и „Поддѣвиченскимъ“. Приведенный выше „паспортъ“, данный Родзянкою всѣмъ членамъ кружка, относится ко времени Дружескаго Литературнаго Общества.

Въ половинѣ ноября 1801 года Тургеневскій кружокъ опустѣлъ. Остались только Андрей Кайсаровъ, Александръ Тургеневъ, Мерзляковъ и Жуковскій, да и первые двое стали собираться за границу. У Жуковскаго служба въ Соляной Конторѣ не удалась: онъ вышелъ въ отставку и задумывалъ переселиться на службу въ Петербургъ, о чемъ хотѣлъ хлопотать (и, дѣйствительно, хлопоталъ) Иванъ Петровичъ, намѣревавшійся ѣхать въ Петербургъ. У Андрея Тургенева продолжается романъ въ письмахъ съ Катериной Михайловной Соковниной, и Жуковскій служитъ между ними посредникомъ. Въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ устраиваютъ спектакли, въ которыхъ принимаетъ участіе Андрей Кайсаровъ и имѣетъ большой успѣхъ, о чемъ подробно доноситъ своему другу въ Петербургъ. Въ это же время происходитъ болѣе тѣсное сближеніе Андрея Кайсарова съ Александромъ Ивановичемъ: имъ обоимъ суждено было прожить вмѣстѣ $2^1/_2$ года за-границей. Въ первое время, послѣ отъѣзда Андрея Тургенева, всѣ горевали и плакали. 12-го ноября уѣхалъ Андрей Ивановичъ, а уже 13-го Кайсаровъ пишетъ ему: „Вчера мы немного растрогали твоего батюшку. Проводивъ тебя, зашли мы съ

Жуко[вскимъ] къ Александру[1]). Онъ лишь только взошелъ и заплакалъ; я хотѣлъ утѣшить Александра и самъ плакалъ; я обнялъ его, какъ брата моего любезнаго Андрея, уговаривалъ его и самъ плакалъ. Въ эту минуту входитъ твой батюшка. Подошелъ къ намъ: „Что вы дѣлаете, братцы?“ и самъ заплакалъ. Я обнималъ его, цѣловалъ его руки. Онъ плакалъ и цѣловалъ меня. „Полно плакать, Андрей!“ — сказалъ онъ мнѣ, и я больше зарыдалъ, вспомнивъ, что такъ называлъ онъ тебя“.—Мало по-малу горесть о разлукѣ улеглась, между друзьями началась переписка, и стало все входить въ обычную норму. Кайсаровъ все болѣе и болѣе привязывался къ Ивану Петровичу, о чемъ сообщалъ Андрею въ Петербургъ. „Не думай, братъ, чтобъ твой отъѣздъ для меня вовсе невыгоденъ, — пишетъ онъ уже 18-го ноября: — Нѣтъ, братъ! Александръ говоритъ, да и я самъ вижу, что батюшка твой полюбилъ меня, — конечно, за мою къ тебѣ привязанность.... Какъ я люблю старика! Какъ отца родного!.... Я еще ни къ кому не чувствовалъ такого почтенія“. И нѣсколько позднѣе (5-го декабря) опять пишетъ: „Теперь матерія переходитъ къ твоему старику. Почтенный человѣкъ! Какъ я люблю его! Какъ скоро увижу его, мнѣ кажется, будто нахожу въ немъ что-то родное!“ Въ подобномъ же родѣ пишетъ онъ еще нѣсколько разъ. Когда было рѣшено, что Александръ Ивановичъ ѣдетъ за границу вмѣстѣ съ Кайсаровымъ, послѣдній сталъ особенно близкимъ человѣкомъ къ дому Тургенева. По дорогѣ изъ Петербурга въ Москву онъ въ Новгородѣ заболѣлъ, и всѣ принялись его всѣми способами лѣчить. „Вообрази себѣ — писалъ онъ Андрею Тургеневу по возвращеніи въ Москву — что батюшка самъ на печи нѣсколько разъ теръ мнѣ поясницу спиртомъ! Я право, не знаю, чѣмъ могъ заслужить его любовь, и, кажется, никогда не буду въ состояніи ничѣмъ за нее заплатить“. Вернувшись въ Москву, Кайсаровъ почти мѣсяцъ болѣлъ лихорадкой и въ это время жилъ у Ивана Петровича. Въ концѣ мая онъ уѣхалъ въ деревню и къ именинамъ Ивана Петровича (24-го іюля) прислалъ ему поздравительные стихи. „Они очень дурны“ — отзывался о нихъ самъ авторъ — „но подкрашиваются моею любовію и усердіемъ“. Стихи кончались такъ:

„И если гласъ любови
Отецъ любви услышитъ:
И въ старости маститой
Какъ фениксъ процвѣтетъ
Тургеневъ для несчастныхъ,
Фортуною забытыхъ“[2]).

Жуковскій въ отсутствіе Андрея Ивановича сближается съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ, съ чѣмъ его тотъ и поздравляетъ. Въ концѣ января

1) Т. е. къ Ал. И. Тургеневу.
2) Письмо отъ 3 іюля 1802 г.

трое Тургеневыхъ, Иванъ Петровичъ, Екатерина Семеновна и Александръ Ивановичъ и съ ними Андрей Сергѣевичъ Кайсаровъ отправляются въ Петербургъ.

V.

Мы подходимъ къ одному юношескому увлеченію Александра Ивановича, къ одной его сердечной исторіи, которая, однако, кончилась ничѣмъ. Съ этой исторіей частью связывается такая же сердечная исторія и брата его Андрея Ивановича. Послѣдней касался акад. Веселовскій въ своемъ изслѣдованіи о Жуковскомъ. Она и представляетъ наибольшій интересъ. Она интересна въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, для выясненія личности Андрея Тургенева, а во-вторыхъ — для характеристики любви сентименталистовъ начала XIX вѣка. Обозрѣніе ея исторіи есть страница въ исторіи психическихъ настроеній русскаго образованнаго класса даннаго періода. Она послужитъ предметомъ изложенія при изданіи матеріаловъ, касающихся непосредственно самого Андрея Тургенева; теперь же она можетъ быть привлечена лишь постольку, поскольку она переплетается съ увлеченіемъ Александра Ивановича. Рѣчь идетъ о Соковниныхъ, имя которыхъ постоянно встрѣчается въ Тургеневскихъ бумагахъ. Семья состояла изъ матери, Анны Ѳедоровны, четырехъ сыновей: Михаила, Николая, Павла и Сергѣя Михайловичей и трехъ дочерей — Варвары, Екатерины и Анны. Изъ сыновей Павелъ служилъ въ Лондонѣ, а Сергѣй—впослѣдствіи былъ товарищемъ Николая Ивановича Тургенева по Университетскому Благородному Пансіону. Въ 1799 году 3-го февраля Александръ Ивановичъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ по Пансіону Губаревымъ, пріѣхалъ въ первый разъ въ домъ Соковниныхъ, гдѣ мать и одна изъ дочерей праздновали свои именины. Повидимому, этотъ день былъ очень знаменателенъ для Александра Ивановича, такъ какъ онъ черезъ четыре года, въ Геттингенѣ, вспоминаетъ о немъ, многозначительно восклицая подъ 3-мъ февраля: „3-е Февраля!“ Анна Михайловна, очевидно, тогда же произвела на него впечатлѣніе. Намъ ничего неизвѣстно, какъ продолжалось дальнѣйшее знакомство. Андрей Тургеневъ въ своемъ журналѣ въ январѣ слѣдующаго 1800 года подъ 30 числомъ записываетъ: „Вчера (воскресенье) былъ я въ Пансіонскомъ концертѣ, гдѣ очень завидовалъ, такъ сказать, Александру, который танцовалъ съ прекрасными дѣвушками“. Надо полагать, что въ числѣ этихъ „прекрасныхъ дѣвушекъ“ были и дѣвицы Соковнины, если разумѣются тутъ не онѣ исключительно. Но Андрей съ ними не познакомился. Осенью того же года Андрей „слышалъ и читалъ Паисія Сер[гѣевича Кайсарова] описаніе случившагося съ Варварою Мих[айловною] Соковниной“ и тотчасъ самъ описалъ это событіе Жуковскому,

описалъ ему очень подробно, кратко изложенное имъ въ дневникѣ. „Она ушла изъ дому своей матери и, наконецъ, мать получила письмо изъ деревни за 12 верстъ отъ Москвы, что она навсегда остается крестьянкою и никогда не хочетъ въ Москву возвращаться. Съ тѣхъ поръ какъ умеръ отецъ ея, ни мать, ни она не могли утѣшиться. Говорятъ даже, что это причинило ей нѣкоторое помѣшательство“ [1]). Это событіе настолько заинтересовало Андрея, что онъ пожелалъ съ ней познакомиться, а между тѣмъ тутъ же набросалъ для нея „Посвященіе“ Вертера, которое переслалъ Жуковскому, и написалъ стихи. Знакомство скоро и состоялось при посредствѣ Александра. О началѣ этого знакомства вспоминалъ Александръ Ивановичъ позднѣе въ Геттингенѣ, говоря, что онъ и самъ желалъ этого знакомства. 9-го января слѣдующаго 1801 года Тургеневы были вмѣстѣ съ Соковниными въ концертѣ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, и Андрей на другой день записалъ: „Какъ мила была Ан[на] Мих[айловна]! Въ ней много сходства съ Санд[уно]вой, особливо въ голосѣ. Тутъ-то видя, что я долженъ уступить брату и другимъ въ наружности, я чувствовалъ въ груди своей пламенное желаніе сдѣлаться почему-нибудь примѣчательнымъ: переведу Вертера, буду кое-какъ марать стихи; можетъ быть, удастся что нибудь и изрядное. Послѣ завтра у нихъ обѣдаю“. И вотъ мы видимъ, что Андрей начинаетъ какъ бы ухаживать за Анной Михайловной. Анна Михайловна отличалась, какъ по всему видно, живостью характера и не прочь была пококетничать. Черезъ мѣсяцъ, 3-го февраля, Тургеневы были на именинахъ у Соковниныхъ, обѣдали, и Андрей, сѣвши на другой день за свой дневникъ, начинаетъ разсуждать о своихъ отношеніяхъ къ Аннѣ Михайловнѣ: „Однѣ только дочери отмѣнно любезны. И видно, А[нна] М[ихайловна] со всею рѣзвостью и наивностью имѣетъ какую нибудь твердость“. „Я не могу имѣть съ вами секретовъ“ — сказала она мнѣ довольно важно. Ахъ, еслибъ когда-нибудь могъ я сжать ее въ своихъ объятіяхъ! Характеръ у ней, если не ошибаюсь, рѣдкой. Право, думаю, нѣсколько лѣтъ прожилъ бы съ ней одной въ деревнѣ. Катер[ина] Михайл[овна] очень любезна. Она просила у брата стиховъ моихъ на Варв[ару] Мих[айловну]. Богъ знаетъ, почему о нихъ она узнала. Но я съ А[нной] М[ихайловной] въ странномъ положеніи. Надобно прохладить, успокоить, отдѣлить себя отъ нея, совершенно перестать думать и ничего изъ этого не составлять. И теперь, право, не понимаю что: любви нѣтъ; можетъ быть,—одно самолюбіе. Теперь не знаю красавицы, на которую бы промѣнялъ ее. Какъ она мила!“ 10-го апрѣля онъ пишетъ Аннѣ Михайловнѣ „Стихи на невѣрность друга“ и тутъ же записываетъ: „Въ пятницу на св. нед. Александръ показывалъ имъ недоконченную элегію. Нѣсколько времени спустя, я встрѣтился съ ними у ме-

---

1) См. мою статью „Къ біографіи Жуковскаго“ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1911 г. № 4-й и примѣч. къ стр. 195.

2) Дневн. № 2, стр. 1.

бельныхъ лавокъ, и что говорилъ тамъ, для того сюда не вписываю, что никогда этого не забуду. О разсудокъ! о сердце! о — человѣкъ!! о философія! о хладнокровіе! о я!!“ Знакомство становилось все ближе и ближе, и Александръ Ивановичъ пишетъ объ этомъ времени: „Мы и Жуковскій, а потомъ и Костогоровъ были тамъ такъ часто; братъ и я такъ любили ѣздить туда, что мы, наконецъ, считали за пожертвованіе, когда одинъ другому уступитъ сегодня туда ѣхать одному, въ случаѣ если обоимъ невозможно“ [1]). И вотъ Андрей іюня 6-го пишетъ: „Сегодня цѣлое утро сидѣлъ у меня Костогоровъ. Много говорили о нихъ. Я люблю сердечно Катерину Михайловну! Можно ли смотрѣть на нихъ безъ нѣкоторой сердечной горести? За пять лѣтъ Кат[ерина] Мих[айловна] тоже была весела, рѣзва и безпечна, какъ А[нна] М[ихайловна]. Теперь она задумчивѣе, важнѣе; черезъ нѣсколько лѣтъ все, все увянетъ, померкнетъ въ удаленіи отъ міра. А[нна] М[ихайловна] теперь какъ милой, доброй младенецъ, но въ нѣжности сердца ея таится сѣмя будущихъ ее горестей. Я предчувствую, что она не вѣчно сохранитъ эту веселость, эту безпечность и рѣзвость. Теперь роза ее эмблема; скоро, можетъ быть, будетъ унылой кипарисъ. Какъ больно смотрѣть на нихъ съ симъ воображеніемъ!“ Проходитъ еще четыре мѣсяца, приближается время отъѣзда Андрея въ Петербургъ, и вотъ онъ 2-го ноября записываетъ: „До какой фамильярности я дошелъ съ ними! Какъ я люблю Анну Мих[айловну] самой братской любовью! Какъ она мила, какой умъ, какое сердце!“

Передъ нами развертывается любопытная картина сентиментальной любви начала XIX вѣка. Въ любовной атмосферѣ вращаются всѣ и всѣ знаютъ другъ про друга. Жуковскій бываетъ у Соковниныхъ и дѣлается повѣреннымъ Андрея Ивановича; Кайсаровъ скоро съ ними познакомится и также приметъ участіе въ этомъ любовномъ переплетеніи. Братьямъ Тургеневымъ пришлось размежеваться. Анна Михайловна была давно уже предметомъ любви Александра Ивановича, но къ ней сдѣлался неравнодушенъ и Андрей. Вспоминая объ этомъ впослѣдствіи, въ Геттингенѣ, подъ непосредственнымъ извѣстіемъ о смерти Андрея, Александръ Ивановичъ пишетъ: „Слѣдующее время [2]) обстоятельства слишкомъ свѣжи въ моей памяти, чтобъ я могъ еще писать объ этомъ. Знаю только, что С[оковнины] связали насъ съ братомъ еще больше, что мы еще болѣе узнали любовь нашу, цѣну нашего братства; узнали, что мы можемъ и умѣемъ сдѣлать другъ для друга величайшее пожертвованіе. Что другихъ могло разлучить, расторгнуть на вѣки другъ отъ друга, то самое насъ тѣснѣе связало, приближало“ [3]). Когда и какъ это случилось, въ точности неизвѣстно, но Андрей Ивановичъ уѣхалъ въ половинѣ ноября 1801 года въ Петербургъ, взявъ съ собой сердце Катерины Михайловны. Но его сер-

1) Стр. 254.

2) Т. е. тотчасъ послѣ знакомства Андрея съ Соковниными.

3) Стр. 254.

дечная исторія теперь является недостаточно понятной. У него идетъ переписка съ Катериной Михайловной, въ ней принимаетъ участіе и Жуковскій, и Андрей пишетъ ей и о любви своей и о своей готовности для нея всѣмъ пожертвовать. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключать по отвѣтнымъ письмамъ Катерины Михайловны, которыя онъ переписывалъ въ свой дневникъ. Еще за день до отъѣзда она пишетъ ему: „Вы хотите жертвовать своимъ счастіемъ для моего! Я этого недостойна. Ваше воображеніе представляетъ меня вамъ въ гораздо лучшемъ видѣ, нежели я есть“. Она уговариваетъ его не отказываться отъ предстоящей ему поѣздки за границу, можетъ быть, — продолжительной, такъ какъ онъ долженъ считаться съ мнѣніемъ своихъ близкихъ о карьерѣ. Посылая ему передъ его отъѣздомъ изъ Петербурга за границу „записочку“ съ надписью „*распечатать за границей Россіи*“, она пишетъ ему: „Не можетъ быть, а вѣрно мы будемъ щастливы. Вы спрашиваете, что я думаю о вашемъ сомнѣніи. Отбросьте его. Никакая сила меня не принудитъ измѣнить вамъ. Конечно, я завишу отъ другихъ; но я всякой день чувствую въ себѣ болѣе силы противустоять имъ, если они захотятъ меня опредѣлить на что-нибудь другое“. Наконецъ, въ „записочкѣ“, распечатанной Андреемъ за границей, Екатерина Михайловна пишетъ ему уже „ты“, проситъ его не удлинять своего отсутствія: „Мое сердце такъ ново въ теперешнихъ своихъ ощущеніяхъ, а они такъ сильны, что я боюсь, чтобы долгое время ожиданія не изнурило его. Я тобой любима, мысль эта служитъ мнѣ большимъ подкрѣпленіемъ. Но, другъ мой, воображеніе мнѣ такъ пріятнымъ представляетъ видѣть тебя, слышать, ласкать, а я ему предаваться не смѣю, не имѣя на то полнаго позволенія, т. е. закона, то представь непрестанную борьбу мою. Поѣзжай, мой другъ, поѣзжай теперь далѣе, но съ тою мыслію, чтобы, возвратясь, летѣть прямо сюда ко мнѣ и не отдаляться отъ меня. Покамѣстъ, ничей голосъ въ слухѣ моемъ не будетъ раздаваться, кромѣ твоего; глаза мои будутъ видѣть одинъ твой образъ, сердце мое будетъ желать тебя одного“. „Знай, другъ мой, что твои права надо мной уже для меня священны. Мыслить о тебѣ, любить тебя я уже не почитаю преступленіемъ. Сердце, признавая тебя, признаетъ Бога. Я отъ него уже имѣю на то позволеніе. Не достаетъ для нашего союза только обряднаго утвержденія. Пріѣзжай, другъ мой, соединиться, соединиться на вѣки, любить другъ друга, любить добродѣтель, любить Бога. Я пишу къ тебѣ, вижу твой образъ предо мною, вижу радость, что производятъ въ тебѣ слова эти, бросаюсь... Ахъ, другъ мой, поцѣлуй эти точки. Это знакъ моего прощанья съ тобой. Ахъ, возвратись меня цѣловать!“

Романъ разыгрывался собственно въ письмахъ. Когда они были еще вмѣстѣ, въ періодъ съ января по ноябрь 1801 года, они только еще играли въ любовь, говорили полунамеками, но Катерина Михайловна была уже влюблена. Она разсказываетъ ему въ письмѣ за границу, что она не рѣшалась ему открыться въ любви, она не позволяла себѣ мысли, чтобы „заставить [его] пожертвовать [ей] лучшими временами [его] жизни“.

„Бывали такія минуты — пишетъ она, — что я совсѣмъ убивалась. Но къ щастію ты ихъ не примѣчалъ. Я тебѣ теперь по цѣлому вечеру приведу на память. Помнишь ли ты, когда мы были вмѣстѣ въ театрѣ, представляли Abufar? Театръ такъ опасенъ для такихъ чувствъ. Ложи всѣ такъ темны; зрители всѣ тогда были заняты пьесой. И я была свободна. Ахъ, другъ мой! ты тогда того не чувствовалъ, что я ощущала, особливо, когда мы вышли изъ ложи и я тебя взяла за руку. Ты не чувствовалъ, какъ я ее прижимала къ сердцу. Какъ эта тѣснота мнѣ была...[1]). Но, другъ мой, я забываюсь". — Однажды у нихъ былъ разговоръ о своихъ мечтахъ, о томъ, что ему предстоитъ года на два—на три уѣхать, и она сказала ему: „Mais quand vous reviendrez, je serai dejâ trop âgée pour vous". Его отвѣтъ на это рѣшилъ ея участь: „Я послѣ того начала видѣть возможность сбытія моихъ мечтаній. Но все я боялась тебѣ открыть мою надежду, пока ты былъ здѣсь, такъ близокъ отъ меня. Nous sommes jeunes, mon ami. Il ne faut pas hazarder trop. Jusqu'à ce que nous serons innocens, nous ne pourrons pas être tout à fait malheureux. C'est une verité, dont je suis persuadé. Помнишь ли, какъ ты на меня серживался, когда я увѣряла, что ты холоднаго расположенія? C'était toujours des précautions. Когда ты прощался со мною, что̀ бы я дала pour vous embrasser! Когда ты ушелъ уже на крыльцо, я было чуть-чуть не закричала: „воротись и узнай все!" Но я опомнилась, что тутъ была сестра и матушка".

Андрей Тургеневъ поддался было любви Катерины Михайловны, посвятилъ въ нее Жуковскаго и сталъ писать къ нему письма, которыя Жуковскій перечитывалъ и передавалъ ей. Но онъ мечется и не знаетъ, что и дѣлать. Очевидно, онъ поступилъ неосторожно, открывъ, хотя и неясными намеками, свое чувство къ Катеринѣ Михайловнѣ. Но это чувство было очень странное. Съ самаго перваго письма ея начинаютъ мучить его сомнѣнія, онъ начинаетъ анализировать свои къ ней отношенія, находитъ ихъ очень холодными, чувствуетъ, что у него нѣтъ къ ней настоящей любви, и свои всѣ сомнѣнія и муки изливаетъ Жуковскому и своему дневнику. Жуковскому онъ пишетъ, что онъ любитъ Катерину Михайловну, а она ему однажды пишетъ (уже за границу): „Ахъ, другъ мой! Но послѣднее письмо твое меня бы совсѣмъ привело въ отчаяніе, если бы я не нашла въ немъ словъ: *я люблю ее*". Письма эти не дошли, но о нихъ мы можемъ судить по слѣдующему письму Катерины Михайловны: „Я прочла, мой другъ, всѣ тѣ твои письма, которыя писаны съ тѣмъ, чтобы мнѣ не показывать. Я получила полную довѣренность отъ Жук[овскаго]. Что жъ изъ нихъ я узнала? Ахъ, другъ мой! Твоя связь со мною тебя гораздо болѣе смущаетъ и безпокоитъ, нежели услаждаетъ. Вотъ, bon ami, для чего я такъ долго молчала и не хотѣла тебѣ и самой себѣ признаться въ моихъ чувствахъ. Я буду говорить о твоемъ самомъ

1) Точки въ подлинникѣ.

первомъ письмѣ, столь искреннемъ и столь важномъ для меня. Ты говоришь ему: „вспомни прошедшее: я не могу истребить мысли, что въ Ан[нѣ] Мих[айловнѣ] гораздо болѣе простоты души“.

Но Андрей мучится сомнѣніями не только въ письмахъ къ Жуковскому, который, очевидно, не сумѣлъ разгадать душевное состояніе своего друга и поддерживалъ въ Соковниной иллюзію любви. Андрей мучается: онъ, противъ ожиданія, попалъ въ бѣду; онъ подалъ Катеринѣ Михайловнѣ надежду на взаимную привязанность, взявъ лишь отсрочку на 2—3 года, и далъ ей пищу для развитія съ ея стороны сильной любви. Но самъ онъ не пошелъ дальше игры въ любовь, игры невинной, во вкусѣ своего сентиментальнаго поколѣнія. Еще когда онъ былъ въ Москвѣ, то онъ находилъ удовольствіе быть въ „обществѣ сестеръ Соковниныхъ“, „сестеръ-прелестницъ“, какъ ихъ называлъ Андрей Кайсаровъ. Онѣ ему обѣ нравились, онъ зналъ, что къ одной питаетъ amitié amoureuse Александръ, но это нисколько не мѣшало ему ухаживать и за Анной Михайловной. Раздѣленіе, однако, произошло еще въ Москвѣ: Александръ оставался при своихъ платоническихъ чувствахъ къ Аннѣ Михайловнѣ, чувствахъ, исходъ которыхъ не предрѣшался ни той ни другой стороной, Андрей — уѣхалъ, заронивъ въ сердцѣ Катерины Михайловны надежду на возможность между ними брачнаго союза[3]). Его сомнѣнія, о которыхъ Катерина Михайловна узнавала изъ писемъ къ Жуковскому, не были настолько сильны, чтобы поколебать ея рѣшимость, и его слова, въ родѣ такихъ „какъ я люблю ее“, убѣждали ее даже въ обязанности разсѣять всѣ сомнѣнія и поддержать любимаго человѣка въ минуты его колебанія. Но эта поддержка, вполнѣ понятная въ положеніи Катерины Михайловны, производила обратное дѣйствіе. По мѣрѣ того какъ она все болѣе и болѣе увѣряла Андрея въ своей вѣчной привязанности, его все болѣе и болѣе разъѣдалъ анализъ своего чувства, онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ своей къ ней холодности, не имѣя въ то же время силъ сказать это ей прямо. Онъ ищетъ причины въ своей природной холодности, плачется, что не можетъ вообще предаться чувству любви, упрекаетъ себя въ эгоизмѣ, но въ результатѣ — однѣ только душевныя муки, да самобичеваніе, изливаемое на бумагу. Въ Петербургѣ онъ начинаетъ понемногу

---

1) Ibid.

2) Ibid., стр. 34.

3) Наканунѣ пріѣзда Тургеневыхъ въ Петербургъ (въ началѣ февраля 1802 г.) Андрей пишетъ Жуковскому въ Москву: „Къ ней не пишу я для того, что хочется прежде увидѣться съ братомъ... Я не знаю теперь, что дѣлается съ Ан[ной] Мих[айловной] и братомъ: какъ у нихъ кончилось или не кончилось? Отъ него узнаю. А вѣдь ужъ главное она знаетъ. Сколько для нее радости читать письмо мое“. На обратной сторонѣ письмо Андрея продолжается: „Братецъ пріѣхалъ. Онъ меньше уважаетъ, но когда прочелъ послѣднее письмо, то, кажется, больше повѣрилъ *истинѣ* ея страсти. Но осуждаетъ, что я такъ скоро рѣшился. Ничего не сказалъ рѣшительнаго. Кажется, иначе нельзя мнѣ было поступить“.

переписывать въ свой дневникъ старыя и новыя письма Катерины Михайловны и снабжаетъ своими замѣчаніями. Къ словамъ въ письмѣ отъ 21-го ноября 1801 года—„Воспоминаніе о прошедшемъ утѣшаетъ меня въ настоящемъ и оно подаетъ нѣкоторую надежду для будущаго; можетъ быть, я когда-нибудь достигну спокойной пристани“ — къ этимъ словамъ онъ дѣлаетъ выноску: „Я еще не читалъ этихъ словъ съ такимъ чувствомъ, какъ теперь“. Но уже послѣ письма отъ 26-го декабря онъ пишетъ въ дневникѣ 22-го января: „Опять убивающая мысль. Я читалъ письмо К[атерины] М[ихайловны], которое передъ этимъ. При мѣстѣ, гдѣ она говоритъ о моемъ возвращеніи, я вообразилъ въ самомъ дѣлѣ, что я возвратился послѣ моего курьерства въ отпускъ, чтобъ ѣхать въ Дрезденъ. Я уѣзжаю; она провожаетъ меня съ горестью, со слезами. Я холоденъ, не плачу. По крайней мѣрѣ, теперь не могу себѣ иначе представить. Лучше не ѣздить въ Москву! Если въ самомъ дѣлѣ такъ будетъ! О!“ Послѣ письма съ надписью *распечатать за границей Россіи* онъ записываетъ: „О, какъ мало я всего достоинъ! О какъ жестоко она обманута! Она несчастна, но и я не счастливъ. Она несчастна оттого, что любитъ, я ———— “. 25-го января онъ пишетъ: „Перечитываю ея письма, и мучусь своею холодностью... Не могу себѣ представить пріятностей состоянія отца. Одно принужденіе, gêne, и больше ничего. Источникъ такихъ мыслей—эгоизмъ и неопытность... Кажется, для истребленія этого эгоистическаго одиночества долженъ бы я жениться, имѣть семейство. Но не имѣю духу пожертвовать своей свободой; и горесть моя, стало быть, неискренна, потому что средство въ моихъ рукахъ, и я имъ не пользуюсь“. Наконецъ, черезъ нѣсколько дней, 29-го января, онъ даетъ намъ полную картину своего мученія и своего ложнаго положенія. Здѣсь — самобичеваніе, едва ли, впрочемъ, безусловно справедливое. Вотъ что онъ пишетъ: „Это величайшее пятно въ моей жизни. Я не любилъ ее, не былъ влюбленъ, а говорилъ ей о нѣжности и — съ такимъ притворствомъ. Она предавалась мнѣ, забывая себя, со всѣмъ жаромъ святой, невинной, пламенной страсти. Какъ я отвѣчалъ ей на то письмо, гдѣ она пишетъ о своихъ мечтахъ и надеждахъ? Я писалъ, что наверху блаженства сомнѣнія меня мучатъ или тому подобное. Наверху блаженства! Чувствовалъ ли я это, когда всѣ сомнѣнія отъ меня и во мнѣ больше гораздо, нежели отъ постороннихъ причинъ? Что она ко мнѣ почувствуетъ, когда страсть уступитъ мѣсто холодному разсудку, когда она спокойно будетъ перечитывать мои письма? Какъ смыть это пятно? Пожертвовать ей собой? Несчастный! Для этого я не довольно чувствую низость моего поступка, не довольно чувствую цѣну сердца, ко мнѣ привязаннаго, и цѣну жить съ нею. Или другое средство: открыться ей во всей своей indignité. Этого сдѣлать не въ силахъ. Пятно это будетъ не смыто. Мнѣ почти всегда стоило труда писать къ ней. О! что я!“.

Свои душевныя муки Андрей повѣрялъ и друзьямъ своимъ, Жуковскому, Кайсарову и брату Александру. 5-го января 1802 года онъ

пишетъ имъ всѣмъ коллективное письмо и, между прочимъ, изливаетъ имъ свои муки: „...Лихорадка проходитъ, но душа моя не выздоравливаетъ. Не перестаю думать о К[атеринѣ] М[ихайловнѣ]. Что съ нею будетъ? Когда воображу, что другой владѣетъ ею, то и это меня волнуетъ. Когда воображу, что она такъ пламенно меня любитъ (вы бы это видѣли, когда бы читали записки), и вздумаю, какъ мало судьба клонитъ къ нашему соединенію, и что, можетъ быть, я сдѣлаю ее навѣкъ несчастной, когда все это воображу, то вообразите, каково мнѣ бываетъ въ такія минуты, а другихъ минутъ, кромѣ этихъ, мало. Не повѣрите, какъ душа моя мертва и уныла и какъ я при всемъ томъ страдаю. Вы должны, друзья мои, прохлаждать ее сердце; старайтесь удалить ее отъ ее мыслей; всѣ мои письма къ этому клонятся; нельзя всего писать... Послушай, Алек[сандръ], не заводи, ради Бога, ничего серьезнаго съ А[нной] М[ихайловной], не учреждай переписки; это говоритъ тебѣ горестная опытность брата и друга; ты видишь во что я увлеченъ“.

На этомъ кончаются наши свѣдѣнія объ отношеніяхъ Андрея Ивановича къ Катеринѣ Михайловнѣ. Онъ вспомнилъ о ней еще нѣсколько разъ, но отрывочно: одинъ разъ, возвращаясь изъ Вѣны, куда онъ ѣздилъ въ февралѣ—мартѣ, другой—въ концѣ мая, и затѣмъ имя Катерины Михайловны не встрѣчается ни въ дневникахъ его ни въ письмахъ. Въ февралѣ 1802 г. пріѣхала въ Петербургъ семья Тургеневыхъ и прожила здѣсь до 22-го апрѣля, и 23-го Андрей записываетъ: „Вчера проводилъ я своихъ. Имѣлъ новыя доказательства нѣжности брата“. Навѣрно, въ бытность Александра въ Петербургѣ рѣчь о Катеринѣ Михайловнѣ шла неоднократно. 5-го мая онъ записываетъ: „Теперь вдругъ пришелъ я въ какой то восторгъ, вздумавъ о Катер[инѣ] Мих[айловнѣ]. Вдругъ бы желалъ написать страстные, нѣжные стихи! Для чего не пѣть мнѣ любви моей въ эти счастливыя минуты. Можетъ быть, я, самъ не зная, люблю ее“. Въ концѣ мая онъ уѣхалъ въ Вѣну, откуда воротился въ началѣ февраля 1803 года. Живя въ Вѣнѣ, онъ завелъ романъ съ одной „Бароншей“, за что получалъ выговоры отъ Андрея Кайсарова, находившагося въ то время вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ въ Геттингенѣ, велъ съ послѣдними переписку, но о Катеринѣ Михайловнѣ нигдѣ не встрѣчается и помину. Вернувшись въ Петербургъ въ началѣ февраля, онъ 9-го февраля записываетъ въ дневникѣ: „Я возвратился изъ Вѣны, гдѣ прожилъ около девяти мѣсяцевъ. Теперь перечитывалъ ее письма, и какимъ сильнымъ утѣшеніемъ было мнѣ то, что у меня есть Анд[рей] Сергѣевичъ: въ немъ больше всѣхъ найду я подпору и бодрости себѣ. И въ братѣ“. Не слышимъ ли мы въ этихъ словахъ отзвука происшедшаго разрыва? По крайней мѣрѣ, мы болѣе уже не встрѣчаемъ имени Катерины Михайловны въ бумагахъ Андрея. Повидимому, романъ кончился. Скоро кончилась и жизнь Андрея. Но Катерина Михайловна оставалась вѣрна своему избраннику. Она нашла въ себѣ, послѣ смерти Андрея, силы еще утѣшать Ивана Петровича, открывшись ему въ своей любви къ Андрею; она

посадила дерево на Невскомъ кладбищѣ надъ могилой Андрея [1]), и умерла въ 1809 году, вызвавъ слѣдующія строки Александра Ивановича къ Жуковскому: „Вотъ уже почти недѣля, мой единственный другъ, какъ я знаю о нашей потерѣ и едва могу живо ее представить. Перечитываю письмо твое, не плачу, но душа моя тоскуетъ, я не могу отдать самому себѣ отчета въ своихъ чувствахъ, но они самыя непріятныя. Надобно знать всѣ мои планы, надобно видѣть меня и сердце мое въ тѣ минуты, въ которыя существованіе мое для меня въ тягость, или, по крайней мѣрѣ, въ которыя Петербургъ больше нежели чуждъ для меня, и когда я всегда обращался къ Москвѣ, и тогда судить о моей потерѣ. Еще послѣднее, прекрасное, утѣшительное письмо ея. Ахъ, мой другъ, кого мы лишились! Неужели я съ ней навсегда прощался? Отчего же предчувствія мои меня тогда оставили? Такъ, мой милый единственный другъ, насъ не много осталось. Кругъ нашъ уменьшился, и едва ли насъ только не двое. Гдѣ друзья наши? Гдѣ Катерина Михайловна? Легче бы мнѣ было, еслибы и воспоминанія вмѣстѣ съ нею исчезли. Нынче лѣтомъ ты видѣлъ, какъ я любилъ ее, какъ я радовался, когда могъ быть съ нею. Этимъ лѣтомъ я опять хотѣлъ и обѣщалъ ей увидѣть ее. Теперь я въ Москву долго долго не буду. — Я хотѣлъ условиться съ нею о ея поѣздкѣ въ Петербургъ и потомъ — устроивъ домашнія обстоятельства, но гдѣ всѣ эти планы, намѣренія и надежды? Катерины Михайловны нѣтъ на свѣтѣ.—Что дѣлается съ Сережей? Какъ перенесла это Анна М[ихайловна]? Посвяти нѣсколько минутъ дружбѣ и воспоминанію и опиши мнѣ послѣднія ея минуты. Я приму это какъ благодѣяніе. Теперь для меня не осталось уже другаго удовольствія, какъ думать о ней и перечитывать ея письма; послѣднее для меня важно. Поминала ли она обо мнѣ? Предчувствовала ли она конецъ свой? И кто окружалъ ее въ послѣднія минуты жизни? Состояніе Анны М[ихайловны], должно быть, ужасно. Она въ ней всего лишилась. Ни мужъ, ни братъ, никто изъ родственниковъ не замѣнятъ ей Катерины Михайловны. Будемъ помнить ее, будемъ любить ее по прежнему, посвятимъ ей нѣсколько минутъ ежедневно. Напиши мнѣ, въ которомъ часу ея не стало и страдала ли она, или спокойно разставалась съ міромъ, гдѣ для нея почти ничего уже не оставалось. Въ томъ мірѣ должно начаться ея блаженство. Здѣсь она не вкусила его. Тамъ кругъ ея, тамъ мать, отецъ ея, тамъ братъ мой, тамъ,—мой милый другъ, всѣ наши, тамъ и Батюшка, который какъ дочь любилъ ее... Помнишь ли ты, какъ она утѣшала его послѣ смерти Андрея? помнишь ли, какъ любилъ видѣть ее, какъ онъ утѣшался небесною страстью ея къ сыну его? Теперь они вмѣстѣ, всѣ въ одномъ кругу, всѣ достойные Ангельскаго счастія. Какъ знакома для меня эта неизвѣстная страна!“.

Я нѣсколько подробно остановился на выясненіи отношеній Андрея

---

1) Стр. 335.

Тургенева къ Катеринѣ Михайловнѣ, чтобы можно было видѣть, въ какой любовной атмосферѣ пришлось вращаться и Александру Ивановичу. Нравственный обликъ Катерины Михайловны, какъ онъ выясняется изъ исторіи ея отношеній къ Андрею, вводитъ насъ въ кругъ тѣхъ молодыхъ дѣвушекъ конца XVIII и начала XIX столѣтій изъ помѣщичьихъ семей, о которыхъ мы знали напр. по Марьѣ Андреевнѣ Протасовой съ одной стороны, и по Татьянѣ Ларіной — съ другой.

Въ 1832 году, 9-го декабря, А. Ѳ. Воейковъ пишетъ изъ Петербурга въ Калугу Аннѣ Михайловнѣ Павловой, урожденной Соковниной: „А. И. Тургеневъ провелъ здѣсь и въ Москвѣ почти годъ. Онъ сталъ дикъ и страненъ въ образѣ мыслей и сужденій. Онъ потерянъ для Россіи. Жаль этого!“ [1]). Читая эти строки, Анна Михайловна, вѣроятно, вспоминала того жизнерадостнаго юношу, о которомъ 30 лѣтъ тому назадъ она однажды плакала, полагая, что онъ уже въ Москву не вернется, а уѣдетъ за границу [2]). Анна Михайловна Соковнина, живая, остроумная, съ склонностью къ стихотворству, которая не оставляла ее и въ почтенныхъ лѣтахъ, была первой любовью Александра Ивановича. Свою любовь къ ней онъ изливалъ въ Геттингенѣ, когда дальность разстоянія еще болѣе настраивала его на сентиментальный ладъ. Въ 1799 г. онъ познакомился съ Соковниными, за нимъ познакомились, какъ видѣли, Андрей, а затѣмъ Жуковскій, и тогда начался двойной романъ между домами Тургеневыхъ и Соковниныхъ. Но романъ Александра Ивановича протекалъ спокойно. Нѣтъ сомнѣнія, что его увлеченіе скоро стало извѣстно интимному кружку, т. е. Андрею и Жуковскому. Когда Андрей Ивановичъ въ ноябрѣ 1801 года уѣхалъ въ Петербургъ, Александръ продолжалъ бывать у Соковниныхъ, какъ Андрей Кайсаровъ сообщалъ Андрею Тургеневу, вмѣстѣ съ Анной Михайловной узнавалъ всѣ подробности переписки Катерины Михайловны съ Андреемъ, но самъ, кажется, не шелъ дальше платоническаго чувства. Время послѣ отъѣзда Андрея въ Петербургъ до конца января всѣ они проводили очень весело: „сестры-прелестницы“ принимали самое близкое участіе въ затѣявшихся домашнихъ спектакляхъ, бесѣдовали съ Александромъ Ивановичемъ о пьесахъ, танцовали на Пансіонскихъ вечерахъ и проч. Въ концѣ января Александръ Ивановичъ тоже уѣхалъ съ родителями въ Петербургъ, гдѣ и загрустилъ. Быть можетъ, не послѣдняя причина его тоски по Москвѣ была Анна Михайловна. Между ними началась переписка, изъ которой онъ и узналъ, что она въ свои именины, 3-го февраля, весь день проплакала, вспоминая о немъ. Андрей зналъ объ увлеченіи брата и мы видѣли, какой совѣтъ онъ давалъ ему— не заводить ничего серьезнаго и не учреждать переписки. Переписка то, можетъ быть, и была учреждена, но „серьезнаго“, дѣйствительно, ничего не было заведено.

---

1) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г., стр. 124.

2) Стр. 187.

„Сестры-прелестницы“ не отдѣляются другъ отъ друга: онѣ обѣ пишутъ ему, и отъ обѣихъ онъ приходитъ въ восхищеніе. „Въ нихъ есть что-то Соковнинское“ — пишетъ онъ Жуковскому, познакомившись съ Свѣчиными[1]). 28-го февраля онъ получаетъ письмо отъ Жуковскаго и съ нимъ письма отъ сестеръ Соковниныхъ, читаетъ ихъ, гуляя по Фонтанкѣ, и приходитъ въ умиленіе. „Ахъ братъ! — пишетъ онъ Жуковскому въ тотъ же вечеръ: — Какъ меня тронули ихъ записки! Я сталъ тутъ долго и думалъ о себѣ самомъ, достоинъ ли я этой дружбы; разсматривалъ самого себя и, право, не нашелъ въ себѣ ничего такого, чтобы заслуживало ихъ привязанности; право, это говорю я искренно. Ну да такъ и быть; по крайней мѣрѣ, я и тѣмъ доволенъ, что умѣю чувствовать всю цѣну ихъ дружбы... Что ты мнѣ не написалъ, чѣмъ онѣ занимаются, веселѣе ли стала К[атерина] М[ихайловна]? Elle m'écrit, que je me réjouisse; право, мнѣ только тогда и весело, когда я о нихъ думаю. Что дѣлаетъ А[нна] М[ихайловна]? Были ли онѣ въ маскерадахъ, въ концертѣ? Напиши, братъ, сдѣлай милость, обо всемъ. Повѣрь, что я отъ нихъ письма цѣлой день былъ сегодня веселѣе обыкновеннаго; опиши мнѣ хоть одинъ разъ ваши разговоры. А[нна] М[ихайловна], кажется, не очень весела. Ахъ, братъ, какъ мнѣ жаль ее! Но что же дѣлать! Она должна находить въ самой себѣ утѣшеніе, въ своемъ добромъ и невинномъ сердцѣ. Я бы отдалъ всѣ радости, всѣ удовольствія моей жизни, и настоящія (если они есть) и будущія, только чтобы она была спокойнѣе и довольнѣе своей судьбой“. Однажды вся молодая компанія, 2-го марта, назвала гостей съ музыкой, „стали играть русскія пѣсни“ и всѣ „пошли плясать въ присядку и дурачиться“. Александръ Ивановичъ „упалъ на руку и вывихнулъ себѣ руку въ кистѣ, такъ что свернулъ ее“, и однако въ 10 час. вечера не удержался, чтобы не написать Жуковскому: „Боль у меня теперь страшная; но однако же я не перестаю дурачиться, утѣшаясь тѣмъ, что и Ан[на] Мих[айловна] при такомъ же случаѣ вывихнула руку; я радъ и страдать тѣмъ же, чѣмъ А[нна] М[ихайловна]. Скажи ей это... Ой больно! Но что же дѣлать? Я, право, радъ, что тѣмъ же и при такомъ же случаѣ страдаю, какъ и А[нна] М[ихайловна]... Скажи объ этомъ Аннѣ Михайловнѣ и о моемъ утѣшеніи также“[2]).

Проскучавъ два съ половиною мѣсяца въ Петербургѣ, Александръ Ивановичъ въ концѣ апрѣля вернулся въ Москву и тотчасъ же полетѣлъ къ Соковнинымъ, какъ сообщалъ Андрей Кайсаровъ своему Петербургскому другу. Въ іюлѣ онъ уже уѣхалъ за границу. У насъ нѣтъ извѣстій, каково было разставаніе его съ Анной Михайловной, но догадываемся, что оно было самымъ сентиментально-романтическимъ; было пролито, очевидно, не мало слезъ, были даны другъ другу „священные обѣты“, наговорено не мало совѣтовъ, даны другъ другу на память раз-

1) Письмо отъ 11 февр. 1802 г.

2) Письмо, дѣйствительно, написано очень безпорядочно.

личныя вещи. Александръ Ивановичъ соблюдалъ то и другое свято, по крайней мѣрѣ, въ первое время. „Былъ очень веселъ у Лангштета — пишетъ онъ 8-го февраля 1803 года, — рѣзвился, пѣлъ пѣсни... но при всемъ томъ не забылъ священнаго обѣта, даннаго мною моему другу. Представивъ себѣ живо образъ... и вспомнивъ... совѣты, я удержался отъ многова и пришелъ домой съ самодовольствомъ и съ спокойною душою!“ [1]) Поклоны его Аннѣ Ѳедоровнѣ Соковниной начинаются чуть не съ перваго письма къ Батюшкѣ, а о предметѣ его любви мы узнаемъ по замѣткамъ въ дневникѣ. Онъ увезъ съ собой за границу высокое, чистое, юношеское чувство; Анна Михайловна для него — ангелъ; его сердце замираетъ при мысли о ней; онъ становится тогда лучше. Правда, это стиль начала XIX вѣка, стиль сентиментальный, когда люди вообще быстро дѣлались лучше, поговоривъ съ уважаемымъ или любимымъ человѣкомъ. Александръ Ивановичъ, находясь на чужбинѣ, чаще, чѣмъ прежде, имѣлъ нужду въ успокоеніи своего иногда тяжелаго настроенія. „Прости, мой милой другъ! — заноситъ онъ въ свой дневникъ: — Пишу о тебѣ рѣдко, но не проходило еще ни одного вечера, въ которой бы я не думалъ о тебѣ; это одно можетъ размягчить меня, и досадуя на себя иногда цѣлой день, я послѣ мирюсь съ собою и засыпаю съ добрыми чувствами, съ новымъ расположеніемъ ко всему доброму. Что, естьли бъ не увѣренность, что я любимъ тобою? Я бы, право, часто не находилъ въ себѣ внутренняго спокойствія и ропталъ на Провидѣніе, зачѣмъ не сотворенъ я съ лучшимъ характеромъ [2])“. Еще разъ онъ вспомнилъ о ней въ дневникѣ въ февралѣ 1803 года: онъ признается, что одно о ней воспоминаніе настраиваетъ его душу ко всему благородному и отгоняетъ всѣ худыя склонности [3]). Онъ привезъ съ собой въ Геттингенъ какіе-то предметы, которые напоминаютъ ему, что и онъ былъ счастливъ [4]).

Однако, чувство Александра Ивановича было не глубоко, и онъ имѣлъ въ себѣ силы спрашивать себя, не прекратится ли его любовь къ своей избранницѣ. Несомнѣнно, о ней идетъ рѣчь, когда онъ черезъ годъ послѣ разлуки съ ней записываетъ въ дневникъ (24 іюля 1803): „*О, сонъ!* Неужели и существенность будетъ тебѣ подобна? неужли съ такою же холодностію приму я ласки? Неужли пламя можетъ такъ потухнуть? Нѣтъ, конечно, нѣтъ; искра все еще таится въ груди моей, и одно твое воспоминаніе.... воспламенитъ ее“ [5]).

Смерть брата Андрея (іюль 1803 г.) совершенно видоизмѣнила настроеніе Александра Ивановича. Вся жизнерадостность его исчезла. Онъ почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ. Его дневникъ за время сентябрь—

---

1) Стр. 191.
2) Стр. 187.
3) Стр. 190.
4) Стр. 195.
5) Стр. 246.

декабрь свидѣтельствуетъ о подавленномъ состояніи его духа. Въ это-то время испарилось, повидимому, и его юношеское увлеченіе. Онъ пересталъ думать о своемъ личномъ счастіи; его юношеское увлеченіе, которое поддерживалось мыслью о далеко живущемъ, гдѣ то тамъ на родинѣ, любимомъ существѣ, было вытѣснено болѣе глубокимъ чувствомъ — скорбію о потерѣ другого близкаго человѣка, „друга и благодѣтеля“. Онъ пробылъ еще годъ за границей и подъѣзжалъ къ Москвѣ и съ радостнымъ и въ то же время горестнымъ чувствомъ. Такова же была и встрѣча его съ своими: „Сцена была для всѣхъ горькая и радостная“ — сообщалъ онъ Андрею Кайсарову [1]). А изъ письма его къ Кайсарову отъ 9-го февраля мы видимъ, что отъ его юношескаго идеальнаго порыва не осталось и слѣда: „Я былъ у Соковниныхъ еще только два раза и то на минуту. Жалкое ихъ положеніе... Вѣроятно, я и по пріѣздѣ Жуковскаго рѣдко, очень рѣдко къ нимъ ѣздить буду. Все для меня умерло. По крайней мѣрѣ, я чувствую какую-то пустоту въ самомъ себѣ и уже никогда не буду и тѣмъ, что я былъ для себя и для другихъ. Горько мнѣ, что мои бѣдствія отдѣлили меня отъ всѣхъ почти. Ни съ кѣмъ уже мнѣ не радоваться, а горевать не всякій захочетъ со мною“ [2]). Возможно, что и въ предметѣ своей первой любви онъ не встрѣтилъ душевнаго отклика: два съ половиною года было достаточно, чтобы у молоденькой, веселой и живой дѣвушки исчезло чувство, очевидно, нисколько не походившее на то глубокое чувство, которое питала Катерина Михайловна къ Андрею Тургеневу. Александру Ивановичу стала дороже теперь Катерина Михайловна по ея отношеніямъ къ покойному брату. Онъ имѣлъ уже въ рукахъ всѣ бумаги послѣдняго, видѣлъ ея любовь къ покойному, и его собственныя отношенія къ Аннѣ Михайловнѣ показались, безъ сомнѣнія, дѣтскими. Знакомство съ Соковниными, однако, онъ поддерживаетъ. Въ сентябрѣ 1805 года онъ пишетъ Жуковскому: „Катерина Мих[айловна] подарила мнѣ прекрасную уздечку своей работы. И я недавно послалъ ей записочку, въ которой укорялъ я ее за одно слово въ ея записочкѣ, гдѣ сказано, что она даритъ мнѣ сей подарокъ въ знакъ *прежней* дружбы нашей. Больно мнѣ это слышать; но авось опыты ея переувѣрятъ въ ея обо мнѣ мнѣніи“ [3]). Соковнины приняли участіе въ его горѣ, несмотря на свое собственное „жалкое положеніе“. Въ январѣ 1806 года онъ пишетъ тому же Жуковскому: „Сок[овнины], которыя видали меня въ такое время, когда бы я желалъ и отъ самого себя скрыть свою душу, были моими Геніями-утѣшителями. Сколько я имъ обязанъ за нихъ самихъ. Естьлибъ онѣ же не были такъ добры, естьлибъ не такъ много увѣренъ былъ, что онѣ такое безпристрастное участіе берутъ въ моемъ положеніи, которое онѣ доказывали даже многими бездѣлицами, я бы

---

1) Стр. 325.
2) Стр. 332.
3) Письмо отъ 9 сент. 1805 г.

впалъ, можетъ быть, еще въ большее уныніе“ [1]). Онъ узналъ теперь Соковниныхъ съ той стороны, съ какой онъ прежде ихъ не зналъ, со стороны ихъ добраго сердца и сердечной привязанности къ его семейству, и проникся къ нимъ глубокимъ уваженіемъ, которое стало на мѣсто первоначальнаго юношескаго замиранія сердца. Но это старое замираніе сердца сдѣлалось ему дорого по воспоминаніямъ. Переселившись въ 1806 году въ Петербургъ, онъ продолжаетъ съ обѣими сестрами переписку, и Жуковскій проситъ Анну Михайловну подѣйствовать на Александра Ивановича въ исполненіи одной просьбы: „Напишите Тургеневу:.. вы знаете его адресъ и попросите его отъ меня... Пожалоста поспѣшите объ этомъ написать къ нему и, такъ какъ ваши слова для него важнѣе моихъ, то заставьте, попросите, убѣдите, и прочее...[2])“ Въ концѣ того же 1807 г. Жуковскій пишетъ ему изъ Москвы: „Мнѣ сказывала Анна Михайловна, что она слышала отъ вѣрныхъ людей, будто ея письма и все, что у тебя есть отъ нея, въ такомъ у тебя неприборѣ, что всякій profane можетъ ихъ видѣть. Если это правда, то ты, любезный другъ, виноватъ и долженъ исправить бѣду: прошедшее заслуживаетъ большее отъ насъ уваженіе, потому особенно, что настоящаго никакъ нельзя ему предпочесть. Она говорила мнѣ объ этомъ съ чувствомъ упрека, и она права. Какъ можешь ты не дорожить ея именемъ, или, лучше сказать, какъ можешь быть такъ разсѣяннымъ? Ожидаю отъ тебя на это обстоятельство объясненія“ [3]). И Александръ Ивановичъ пишетъ Жуковскому въ отвѣтъ длинное посланіе, изъ котораго мы узнаемъ, какъ высоко цѣнилъ онъ когда-то бывшее вліяніе Анны Михайловны на его „нравственность“. Письмо это таково (отъ 10 дек. 1807 г.):

„Послѣднее письмо твое, любезный другъ Василій Андреевичъ, тронуло меня до глубины сердца и такимъ образомъ смутило меня, что я не знаю, долженъ ли я и въ силахъ ли я оправдываться. Многіе, которые меня поверхностно только знаютъ, почитаютъ меня самымъ вѣтренымъ человѣкомъ; къ тому же я и въ самомъ дѣлѣ во многомъ такъ безпорядоченъ, что легко можно и друзьямъ моимъ обо мнѣ подумать, что, по свойственной мнѣ безпечности, я могъ поступить, сообразно тому, и со всемъ, что только есть для меня священнѣйшаго въ мірѣ. Отъ того я боюсь оправдываться, боюсь для того, что это почтутъ за обыкновенное оправданіе, за извиненіе своей неосторожности. Но могу ли я безъ душевнаго страданія вспомнить, что человѣкъ, которому я обязанъ лучшими минутами въ жизни, человѣкъ, который имѣлъ самое благодѣтельное вліяніе на мою нравственность, на мое сердце, что этотъ Ангелъ упрекаетъ мнѣ въ томъ, что я не дорожу ея благодѣяніями, что не уважаю знаковъ ея милой ангельской дружбы ко мнѣ, что я столько занятъ настоящимъ, что ни мало не уважаю про-

---

1) Письмо отъ 5 янв. 1806 года.

2) Бычковъ, Неизданныя письма Жуковскаго—Русскій Архивъ 1890 г. №III стр. I.

3) Письма Жуковскаго (ред. Бычкова), стр. 41—42.

шедшаго? Нѣтъ, мой милый другъ, я не такъ счастливъ, чтобы забыть прошедшее счастіе; нѣтъ, совсѣмъ напротивъ. Не знаю, кто могъ оклеветать меня въ глазахъ ея такимъ гнуснымъ образомъ; не могу вздумать, когда я могъ подать только случай къ такой клеветѣ; ибо все, что есть у меня драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ, все это такъ скрыто отъ людей, что даже я самъ отъ того рѣдко вижу свои сокровища, самъ едва ли два или три раза въ годъ наслаждаюсь тѣмъ, что составляло и составляетъ мое душевное богатство. Всѣ бумаги мои, всѣ письма, которыя я получаю ежеминутно, расбросаны по столамъ и валяются въ извѣстномъ тебѣ безпорядкѣ, ибо онѣ не стоятъ прибора; но могу ли я поступать также и съ тѣмъ, что для меня такъ дорого? Пусть скажутъ друзья мои, которые ежедневно со мною, видѣли ли они даже тотъ ящикъ, въ которомъ все это хранится? Естьли я кладу на нѣкоторое время, прежде нежели успѣю отвѣтить, письма К[атерины] М[ихайловны] и А[нны] М[ихайловны], вмѣстѣ съ письмами матушки и братьевъ, въ свой особый незапертый ящикъ и если кто нибудь полюбопытствуетъ и увидитъ ихъ руку, то онъ весьма ошибется, если приметъ ихъ за то, чего ни одинъ профанъ никогда не увидитъ. Я допрашивалъ Костогорова, и онъ клянется, что никогда не видалъ у меня ничего и ни о чемъ подобномъ не писалъ. Я бы желалъ знать того, кто думалъ видѣть то, что и я рѣдко вижу, не для того, чтобы мстить ему, но чтобы переувѣрить его и вывесть изъ заблужденія. Сдѣлай милость, успокой меня и напиши мнѣ, отъ кого А[нна] М[ихайловна] могла это слышать и кто видѣлъ у меня эти вещи въ неприборѣ? Я сперва подумалъ на Костогорова; но онъ можетъ быть свидѣтелемъ совсѣмъ противнаго, и потому я вѣрю его клятвамъ, что онъ ничего подобнаго не писалъ къ А[ннѣ] М[ихайловнѣ]. Кто же еще и знаетъ объ этомъ? Кажется никто. Андрей Ѳ[едоровичъ] Сухотинъ могъ догадываться; но я не могу подозрѣвать его; ибо онъ также никогда ничего видѣть не могъ. Ты, можетъ быть, не повѣришь, что, при всей моей мнимой разсѣянности, на меня *этотъ упрекъ* такъ подѣйствовалъ, что во весь день я не могъ ни на минуту успокоиться, и никто, даже Блудовъ, не узналъ причины, отчего я на вечеринкѣ вмѣстѣ съ нимъ, съ Рахмановымъ и проч. у Старынкевича, гдѣ всѣ думали видѣть меня веселымъ, — былъ такъ скученъ, что не принималъ никакого участія въ общемъ удовольствіи. За ужиномъ, разгоряченный виномъ, шумѣлъ много; но все притворно. — Оправдай меня, мой милый другъ, если можешь, передъ А[нной] М[ихайловной] и скажи, чтобы она была спокойна. Одно слово ея, и я готовъ со всемъ растаться, чтобы это мнѣ ни стало. Впрочемъ, у меня ничего нѣтъ, что бы могло навлечь ей непріятности, хоть бы это и не въ моихъ рукахъ было. Я надѣюсь на твою дружбу, на твое участіе и ожидаю твоего отвѣта на это письмо, которое прошу тебя, какъ друга, никому, кромѣ А[нны] М[ихайловны] не показывать“.

Онъ нѣсколько разъ вспоминалъ послѣ объ Аннѣ Михайловнѣ, но — мимоходомъ. 1-го октября 1808 года пишетъ онъ Жуковскому: „Сережа

пишетъ ко мнѣ, что Катерина М[ихайловна] пріѣхала. Поклонись ей отъ меня и попроси, чтобы она ко мнѣ написала и увѣдомила бы меня о себѣ, о своемъ образѣ жизни, о расположеніи ея къ А[ннѣ] М[ихайловнѣ], словомъ обо всемъ, въ чемъ я принимаю, какъ вамъ извѣстно, сердечное и искреннее участіе". Въ началѣ 1809 года Катерина Михайловна умерла, и Александръ Ивановичъ въ одномъ изъ октябрьскихъ писемъ этого года спрашиваетъ Жуковскаго: „Что дѣлаетъ Анна М[ихайловна]? видаешь ли ты ее иногда? и счастлива ли она, сколько можно добрымъ быть здѣсь счастливымъ?" Мало по-малу юношеское увлеченіе Александра Ивановича прошло окончательно, и онъ сталъ даже ссылаться на него, какъ на примѣръ измѣнчивости чувства. Въ одномъ изъ писемъ къ братьямъ въ Геттингенъ (1811 г.), говоря о Кайсаровѣ, профессорствовавшемъ тогда въ Дерптѣ и влюбившемся незадолго передъ этимъ въ какую-то Саратовскую жительницу, онъ добавляетъ: „Страсть его, вѣроятно, проходитъ, ибо время все излѣчаетъ; я это знаю по опыту" [1]). Одинъ лишь разъ воспоминанія о старомъ счастливомъ времени нахлынули на него, въ 1818 году, по случайному поводу, затронувшему, однако, его глубоко, и тогда въ письмѣ къ Жуковскому (отъ 12-го февраля) вылились у него слѣдующія строки: „Посылаю копію съ опредѣленія. Я выставилъ 3-го февраля на память объ Аннѣ Михайловнѣ, которой образъ оживотворился въ душѣ моей при чтеніи записокъ Андрея Серг[ѣевича], на сихъ дняхъ мною найденныхъ въ чужихъ рукахъ. Минувшее для меня воскресло, und mancher liebe Schatten stieg herauf! Тамъ вся наша молодость! Молодость! [2])

---

1) Стр. 435.

2) Ср. Веселовскій, стр. 107.

Въ 1814 году въ Петербургѣ у Александра Ивановича завелась какая-то „тайна". Но о ней знаютъ и Жуковскій и Вяземскій. Жуковскій пишетъ ему посланіе „Въ день счастья", которое не дошло до насъ, а Тургеневъ пишетъ Вяземскому въ іюнѣ: „Превосходно! Боюсь напечатать его, ибо изъ его стиховъ узнаютъ тайну души моей, которая отъ Жуковскаго не была скрыта". (Ср. Веселовскій, стр. 163). Жуковскому же въ отвѣтъ на его письмо отъ 1-го декабря онъ, между прочимъ, пишетъ: „Я съ нетерпѣніемъ желаю знать причину возрождающейся въ душѣ твоей надежды. Теперь болѣе, нежели когда-нибудь, я тебѣ сочувствую и это также не безъ причины. Пріѣзжай, милый другъ, сюда и прямо ко мнѣ и открой мнѣ душу свою, дабы и моя отдохнула съ тобою. Но, между тѣмъ, опиши ко мнѣ свои отношенія. Право, я — и твой другъ и другъ твоей славы, другъ мыслей и чувствъ твоихъ, и еще болѣе другъ тайны сердца твоего; и то, что ты чувствовалъ, когда желалъ при словѣ: *еще кого нибудь* пожать руку мою, ощущаю я очень часто, когда по невольному движенію *Ею* исполненнаго сердца, душа моя обращается къ другому другу души моей, къ тебѣ, мой милый, и тебѣ желаетъ открыть себя. Право, святое, святое чувство. Одна только будущность помрачаетъ настоящее блаженство. Молчи, если любишь твоего друга Тургенева. Молчи о его тайнѣ, но открой ему все, что до тебя относится".... Жуковскій въ письмѣ писалъ о возродившейся у него надеждѣ склонить Екатерину Аѳанасьевну согласиться на бракъ его съ Марьей Андреевной. Надежда эта окрылила его и онъ написалъ „пропасть стиховъ". И въ письмѣ онъ пишетъ: „Сверхъ того имѣть друзей—друзей твоей славы, друзей твоихъ чувствъ и мыслей, и съ ними *еще кого-нибудь* (Бычковъ, стр. 131).—Этой „тайной" Александра Ивановича было увлеченіе съ его стороны особой изъ большого

Прошло тридцать лѣтъ послѣ перваго знакомства Александра Ивановича съ Соковниными, и Анна Михайловна, уже въ замужествѣ Павлова, напомнила ему о себѣ, но напомнила въ обстоятельствахъ, очень

свѣта. 27-го августа того же года онъ уже пишетъ Жуковскому о невозможности для себя счастья: „Напиши ко мнѣ всѣ подробности твоей теперешней грусти и не страшись ввѣрить тайную грусть твоей души тому, кто не по одной неограниченной глубокой и горячей къ тебѣ приверженности заслуживаетъ твою довѣренность, но и потому, что часто самъ имѣетъ нужду въ другѣ, тебѣ подобномъ; ибо и для меня лучь надежды ежедневно блѣднѣетъ, и увѣренность въ невозможности истиннаго, единственнаго прочнаго щастья ежедневно становится очевиднѣе, хотя, впрочемъ, невозможность моя зависитъ почти отъ условій большого свѣта".

Жуковскій еще недостаточно былъ посвященъ въ „тайну" Тургенева, и потому 1—2 августа 1815 года писалъ ему: *для тебя счастіе на сторонѣ должности,* а противъ того, что можетъ нарушить это счастіе, — твердость и дѣятельность" (Письма Жуковскаго, стр. 148), на что Тургеневъ опять отвѣчалъ указаніемъ на возможность — хотя и небольшую — и для него счастія: „Такъ, милый другъ, щастіе мое на сторонѣ должности, но и должность моя на сторонѣ щастія. Когда оно будетъ — не знаю. Горизонтъ дѣлается со дня на день мрачнѣе, и одна только вѣра въ Провидѣніе—съ которою для меня теперь неразлучна и вѣра въ возможность щастія — меня успокаиваетъ". Это писалъ Александръ Ивановичъ въ началѣ августа, а черезъ четыре мѣсяца возможность счастія для него исчезла. Изъ письма къ находившемуся въ то время за границей брату Николаю Ивановичу, отъ 4-го декабря 1815 года, мы узнаемъ о постигшей Александра Ивановича драмѣ и о подавленномъ состояніи его духа. Повидимому, „условія большого свѣта" возобладали. Онъ винитъ самъ себя, но остается неизвѣстнымъ, въ чемъ была истинная причина. Предстоящій его бракъ не былъ къ тому времени уже „тайной", по крайней мѣрѣ—для семьи; о немъ знала и Катерина Семеновна, которая, повидимому, относилась къ нему не особенно благосклонно. Отказъ со стороны любимой особы его сильно поразилъ. Письмо его слѣдующее: „Обстоятельства мои, милый другъ и братъ, перемѣнились. Я уже не долженъ надѣяться быть щастливымъ и принадлежать С. А. Нерѣшимостію ли моего характера или трудностями, которыя намъ предстояли на пути жизни, устрашенная С. А., послѣ увѣреній самыхъ страстныхъ, рѣшилась прервать связь нашу. Еще въ воскресенье, недѣля ровно тому, какъ она готова была на все и только страшилась за меня и опасалась моей нерѣшимости; а черезъ день послѣ того, во вторникъ, объявила чрезъ Свѣчину, что почитаетъ все конченнымъ, и что принуждена была къ сему, увѣрившись, что я не имѣю къ ней никакой привязанности и что только ласкаю ее пустыми и ложными увѣреніями. Я не вѣрилъ словамъ ея; хотѣлъ непремѣнно ее видѣть, но она написала то же, и я не долженъ уже болѣе сомнѣваться въ ея рѣшимости. Я не умѣю описать тебѣ, въ какомъ состояніи находилась душа моя во все это время. Едва собрался съ силами, чтобы написать тебѣ. Совѣсть моя не можетъ быть спокойна, ибо нерѣшимость, опасенія, которыя я прежде показывалъ, принудили ее къ сему шагу, и вся тяжесть моего несчастія и ея страданій лежитъ на душѣ моей. Я даже не стараюсь разсѣяваться; ибо куда бѣжать отъ угрызеній совѣсти? Но пожертвованія, которыя я собою и другими для достиженія цѣли моей (sic), увеличиваютъ мои мученія; ибо къ чему все это? Я стараюсь успокоить, сколько можно, Матушку; вѣроятно, она приметъ это извѣстіе съ спокойнымъ духомъ; ибо она всегда страшилась за мою будущность. — Я не знаю, чѣмъ могу наполнить ту пустоту души, которую въ сіи минуты чувствую. Вся моя жизнь имѣла одну цѣль — ея счастіе, которое должно было утвердить и мое собственное. Я не имѣю довольно силы, чтобы воспрянуть духомъ; ибо въ самихъ друзьяхъ моихъ нахожу обвинителей, если не сердца моего, такъ по крайней [мѣрѣ] нерѣшительнаго моего характера. Я при-

для нея тяжелыхъ. 1831 года 21-го января Анна Михайловна послала ему слѣдующее письмо: „Милостивый Государь, Александръ Ивановичъ! Было время, когда, знавши ваше добродѣтельное расположеніе, смѣло

выкъ все относить къ одной цѣли въ жизни и всѣ обстоятельства подчинять одному желанію; теперь все изчезло. Многое содѣйствовало моему нещастію; но я еще не въ силахъ различить истинныя причины отъ мнимыхъ и ложныхъ, и въ душѣ моей хаосъ. Одно только чувство моего нещастія сильнѣе всѣхъ прочихъ; ибо, разрушивъ собственное щастіе, надолго, а можетъ быть и навсегда, разрушилъ и благополучіе той, для которой жить надѣялся и которая всего щастія достойна. Все во мнѣ потухаетъ. Не смѣю и въ васъ искать утѣшенія: ибо недостоинъ васъ по моему характеру. Все то, что слышу о тебѣ, восхищаетъ меня и, сравнивъ васъ съ собою, стыжусь такъ близко принадлежать вамъ, и не имѣю духу возвысить самаго себя. Буду тянуть унылую жизнь, пока силы душевныя совершенно не истощатся. И тѣни надежды не имѣю и не долженъ имѣть, а между тѣмъ надѣюсь — чего, самъ не знаю. Я постигнулъ, въ чемъ состоитъ и для нравственнаго человѣка должно состоять истинное щастіе — и въ эту самую минуту лишился этого щастія; а другаго не постигаю и, слѣдовательно, искать не могу и не хочу. Вотъ въ какомъ я положеніи. Болѣе писать о себѣ не буду. Я изнемогъ, думая безпрестанно о себѣ и о своемъ положеніи". — Повидимому, объ этой же исторіи разсказываетъ и Вяземскій: „Однажды долженъ онъ былъ жениться. Свадьба разстроилась и, кажется, по его почину. Невѣста, во всѣхъ отношеніяхъ и по высокому положенію въ обществѣ, отвѣчала условіямъ счастливаго и выгоднаго брака. Карамзинъ, питавшій къ Тургеневу чувства, такъ сказать, отцовскія и братскія, былъ огорченъ этимъ разрывомъ и просилъ его объяснить ему причины того. Тургеневъ пустился въ длинныя и подробныя объясненія, путался, болѣе часа держалъ Карамзина въ ожиданіи окончательнаго объясненія и ничего не объяснилъ, такъ что Карамзинъ былъ самъ не радъ, что вызвалъ его на исповѣдь". (Полн. Собр. сочин. Вяземскаго, т. VIII (1883), стр. 276). Но характеръ Александра Ивановича былъ не таковъ, чтобы онъ могъ изнемочь. Онъ утѣшился и, очевидно, излѣчился отъ своей страсти, если она, дѣйствительно, была.

Онъ пережилъ еще такое же чувство, но болѣе сильное и глубокое, нѣсколько позднѣе, въ самомъ началѣ 20-хъ годовъ, влюбившись безнадежно въ Александру Андреевну Воейкову. Его письма къ Жуковскому по этому поводу рисуютъ намъ всю картину его душевныхъ мученій и лучшимъ образомъ доказываютъ, что не оправдались его слова, записанныя имъ въ дневникѣ въ минуту горести о братѣ Андреѣ, 18-го декабря 1803 года: „Пройдетъ молодость, а сердце мое, сжатое теперь уже, не размягчится никогда уже и въ тридцать лѣтъ заскорбѣетъ". Ему было теперь 35 лѣтъ, когда оно „размягчилось". Оно размягчилось и еще одинъ разъ, много позже увлеченія Воейковой, хотя и не такъ глубоко. Онъ увлекся неизвѣстной намъ молоденькой дѣвушкой въ 1834 году. Возражая на увѣщанія Жуковскаго остаться въ Россіи, въ Москвѣ, тѣмъ, что онъ сталъ уже ей чуждъ, онъ въ письмѣ отъ 14-го іюня сообщаетъ: „Скажу вамъ, наконецъ, на ухо: И мнѣ наскучила жизнь одинокая. Въ послѣднее пребываніе въ Германіи я едва не остался въ ней по серьезному дѣлу, но *она* (т. е. не Германія, а 20 лѣтняя дѣвушка-красавица) должна была уѣхать къ отцу, въ Парижъ, гдѣ онъ занимаетъ важное мѣсто. Я не поѣхалъ за ней, ибо остался опять вѣренъ данному Государю слову: не ѣздить туда. Уѣхалъ въ тотъ же день, какъ и она, сюда. Мое намѣреніе не перемѣнилось. Я *долженъ* возвратиться для нея въ Германію, если она возвратится, или ѣхать въ Парижъ, если она долго тамъ пробудетъ. И сердце и честь мнѣ одно предписываютъ. Надѣюсь на вашу дружбу: она не откроетъ моей сердечной тайны, развѣ тамъ, гдѣ сіе будетъ необходимо для моей пользы, для моей чести. Кому *должно*, скажите; другимъ — ни слова".

относилась къ вамъ, прося у васъ помощи для терпящихъ недостатокъ, и никогда не получила отказа. Теперь же сама нахожусь въ крайнихъ обстоятельствахъ, опредѣлила сына въ полкъ, и онъ теперь въ походѣ, отдала ему все, что могла, но ето вышло такъ мало, и боюсь чрезвычайно, что онъ будетъ находиться въ крайности. Естьли вы имѣете что-нибудь лишнее для помощи неимущимъ и находите до сихъ поръ удовольствіе помогать страждущимъ, то много успокоите относящуюся къ вамъ въ своей крайности. Просить очень тяжело, но еще просить у добродѣтельныхъ людей настоящая тягость. Адресъ мой — все тотъ же, прямо въ Орелъ. Не смѣю безпокоить васъ излишними вопросами, но очень бы желала знать, съ какимъ духомъ переносите вы всѣ бѣдствія жизни? въ чемъ ищите отрады? и въ чемъ ее находите? Вѣрьте неизмѣнной дружбѣ вамъ преданной на всю жизнь Анны Павловой". — Въ Императорской Публичной Библіотекѣ сохраняются 23 письма Анны Петровны Зонтагъ, рожденной Юшковой, къ Аннѣ Михайловнѣ отъ періода 1848—1853 гг., изъ которыхъ видно, что Аннѣ Михайловнѣ и тогда жилось плохо. Въ 1849 году она завела мастерскую блондъ и кружевъ и просила Зонтагъ распространить ихъ, на что послѣдняя отвѣчала, что это сдѣлать очень трудно, и совѣтовала ткать ковры. Вмѣстѣ съ этимъ она писала ей: „Между тѣмъ, для умноженія своего дохода, почему не хочешь ты прибѣгнуть къ нашему старому другу — госпожѣ Литературѣ? У тебя такъ много знакомыхъ между литераторами, что они, конечно, доставятъ тебѣ работу и пріятную и полезную"[1]). Анна Михайловна обладала способностью писать стихи, и теперь Анна Петровна благодаритъ ее за присланные и добавляетъ: „Милый другъ, ты *грозишься* иногда присылать мнѣ твои стихи. Я прошу тебя о нихъ, потому что я очень люблю твои стихи, въ которыхъ видно (несмотря на годы) и молодое твое воображеніе и горячее, любящее твое сердце. Пришли мнѣ и тѣ, которые ты сочинила ночью, во время безсонницы и которые сказала мнѣ на порогѣ, уѣзжая отъ меня"[2]).

VI.

12-го ноября 1801 года уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ Андрей Тургеневъ, а уже 21-го ноября Андрей Кайсаровъ сообщаетъ ему: „Императорскій Московскій Университетъ собирается отправлять Двигубскаго и еще троихъ учиться. Алекс[андръ] сходитъ на этомъ пунктѣ съ ума и хочетъ просить батюшку. Пустая надежда!" Однако, ровно черезъ недѣлю, 28-го ноября, онъ сообщаетъ Андрею, что „Александра батюшка

---

1) Письмо начала 1849 г., безъ числа.

2) Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1893 г., стр. 125; Веселовскій, стр. 73—74.

отпускаетъ въ Парижъ съ Двигубскимъ". Это взманило и Кайсарова, и онъ сталъ просить позволенія своей матушки выйти въ отставку и ѣхать въ Парижъ. Матушка сначала было заупрямилась, но Кайсаровъ не унывалъ: „Я надѣюсь уломать ее — пишетъ онъ тогда же — стоитъ прибѣгнуть къ твоему батюшкѣ черезъ Александра и—дѣло сдѣлано". Черезъ двѣ недѣли онъ сообщаетъ о своемъ путешествіи, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, но жалѣетъ, что не можетъ ѣхать вмѣстѣ съ Александромъ: послѣдній не хочетъ ждать, а ему нельзя раньше, какъ черезъ годъ. А въ это время Андрей Тургеневъ сообщалъ изъ Петербурга отъ 24-го ноября: „Сегодня поутру былъ у Муравьева [1]). Онъ принялъ меня отмѣнно учтиво и ласково, сказалъ, что братцу назначенъ въ подарокъ перстень, но что онъ о сю пору не получилъ еще его изъ Кабинета". За что былъ пожалованъ перстень, въ точности неизвѣстно. Самъ Александръ Ивановичъ по пріѣздѣ въ Петербургъ сообщалъ Жуковскому: „Да, я получилъ перстень бриліантовый, прекрасный — какъ кусокъ льду; цѣнятъ его въ 700 или, по крайней мѣрѣ, 800 р.; да ужъ чуть-чуть не искрошилъ его; хочу поберечь до Москвы, чтобъ показать вамъ; а тамъ.... понимаешь....; а фигура его прекрасная". Вскорѣ же, сообщая Жуковскому о покупкѣ Государемъ для Московскаго университета Натуральнаго Кабинета за 50 тысячъ червонцевъ, онъ пишетъ: „Слава кроткому и просвѣщенному Государю нашему, который убавляетъ и уменьшаетъ дворъ свой, а покупаетъ и даритъ въ 50 тысячъ червонцевъ кабинеты! Слава Государю, который даритъ распространяющимъ въ землѣ его просвѣщеніе (т. е. мнѣ) въ 700 рублей перстни" [2]). Надо думать, что перстень былъ данъ за его труды по переводамъ, которыхъ въ то время было уже достаточно.

Для поѣздки за границу надо было получить дозволеніе отъ своего начальства по вѣдомству Иностранной Коллегіи: Александръ Ивановичъ служилъ въ это время въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и считался чиновникомъ. „Знаешь ли какъ нашъ чинъ на французскомъ языкѣ? — спрашиваетъ онъ изъ Петербурга Жуковскаго: — Secrétaire interprète de Sa Majestè Impériale. Я и на карточкахъ визитныхъ такъ пишу. Не правда ли, это довольно важно? Въ чужихъ краяхъ по этому одному меня уважать будутъ" [3]). Андрей Ивановичъ совѣтовалъ ему, „подавъ просьбу, взять отпускъ на 28 дней и, пріѣхавъ сюда, стараться далѣе" [4]). Въ это же время понадобилось ѣхать въ Петербургъ и Ивану Петровичу: подготовлялось преобразованіе университетовъ, и Ивана Петровича вызывали въ качествѣ директора Московскаго университета [5]).

---

1) Михаила Никитича, друга молодости Ивана Петровича Тургенева.

2) Письмо отъ 17 февр. 1802 г.: ср. Шевыревъ, Исторія Моск. универс., стр. 315.

3) Письмо отъ 27 марта; Ал. Иван. былъ утвержденъ въ званіи „Переводчика" 8 окт. 1801 г.

4) Письмо Андрея Тургенева къ Ив. Петр. отъ 2 янв.

5) 11-го января Андрей Ивановичъ пишетъ Ивану Петровичу: „На сихъ дняхъ былъ я у Ивана Андреевича [Остермана] и сказалъ ему, что вы будете недѣли

Кромѣ того, были у него причины и чисто личныя. Въ это время куратором Московскаго университета былъ Кутузовъ, личный врагъ Тургенева, писавшій на него неоднократно доносы. Повидимому, и теперь было что-то похожее на это. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 2-го февраля 1803 года къ Н. Н. Новосильцеву Иванъ Петровичъ такъ напоминалъ ему о какой-то исторіи: „Вашему Превосходительству должна быть извѣстна прошлогодняя о мнѣ исторія, изобрѣтеніе коей совсѣмъ не приноситъ чести авторамъ и приводитъ можетъ въ ужасъ слухъ прямодушнаго человѣка“ [1]). Все это, вмѣстѣ взятое, побудило Тургеневыхъ ѣхать въ Петербургъ, куда они втроемъ — Иванъ Петровичъ, Катерина Семеновна и Александръ Ивановичъ и прибыли въ началѣ февраля, поселившись на Фонтанкѣ у Поцѣлуева моста, въ Малой Коломнѣ, въ домѣ „Коллежскаго Совѣтника Николая Петровича Баландина“, найденномъ Андреемъ Ивановичемъ [2]).

черезъ двѣ. Онъ очень бы желалъ, чтобы вы пріѣхали ранѣе, для Университетскихъ дѣлъ. Ихъ теперь разсматриваетъ Политковскій, и ваше присутствіе было бы очень полезно.“

1) Черновикъ письма къ Новосильцеву; см. ниже примѣч. къ стр. 134.

2) Изъ письма Александра Ивановича отъ 6-го февраля устанавливается время написанія стиховъ Жуковскаго, издаваемыхъ обыкновенно подъ 1803 г. съ заглавіемъ „Стихи, сочиненные въ день моего рожденія. Къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ“, гдѣ онъ, между прочимъ, пишетъ:

„О лира, другъ мой! утѣшай
Меня въ моемъ уединеньи;
А вы, друзья мои, скорѣй,
Оставя свѣтъ сей треволненный,
Сберитесь къ хижинѣ моей“.

Въ упомянутомъ письмѣ Александръ Ивановичъ пишетъ: „Но, братъ, признаться, стихи твои меня до слезъ тронули; они прекрасны; видно, что ты писалъ ихъ въ горестномъ, но и пріятномъ расположеніи духа; еще же пріятнѣе мнѣ ихъ читать было оттого, что и я ласкаю себя, что и я въ числѣ тѣхъ, къ коимъ ты адресовался. По крайней мѣрѣ, я тебя очень люблю и дорого бы цѣнилъ искреннюю твою дружбу... Сегодня, братъ, мы долго съ Бат[юшкой] о тебѣ толковали, какъ бы тебя сюда. Кайсаровы очень этого желаютъ; ты бы жилъ вмѣстѣ. Авось, авось что-нибудь, наконецъ, будетъ. Дай Богъ, дай Богъ, чтобы кинулъ „укромный уголокъ“ [Слова Жуковскаго въ стихахъ] и переселился къ друзьямъ своимъ, ожидающимъ тебя съ нетерпѣливостью“. Въ то же время и Андрей Ивановичъ пишетъ ему отъ 3-го февраля: „Между прочимъ говорила Марья Николаевна, что ей жаль, что ты все грустишь и стихи такіе написалъ, изъ которыхъ видно унылое и горестное твое расположеніе духа; мнѣ и самому хотѣлось тебѣ посовѣтовать дружески, чтобъ ты былъ повеселѣе и находилъ бы больше пищи и удовольствія въ своей литературѣ и поэзіи. Ты долженъ быть доволенъ состояніемъ своимъ; я сужу по твоему образу мыслей: свить укромный уголокъ да Руссо въ рукахъ; а у тебя все это есть. Чего тебѣ хочется? Наслажденій истинныхъ — ихъ нѣтъ здѣсь; а какія только могутъ быть на этой темной планетѣ, то дружба и поэзія тебѣ ихъ доставляютъ, а доброе твое сердце пользуется ими. Перестань, братъ, грустить“.

Въ Петербургѣ прожили Тургеневы до 22-го апрѣля, и это время все прошло въ хлопотахъ. Александръ Ивановичъ тотчасъ сталъ хлопотать по своимъ дѣламъ. 10-го февр. онъ сообщалъ Жуковскому: „Вчера былъ съ Бат[юшкой] у Кочубея; онъ... сказалъ, что можно меня отпустить на два года, и велѣлъ Бат[юшкѣ] подать о мнѣ записку, а онъ доложитъ Государю, и я буду уволенъ; но не потеряю на службѣ ничего; и я думаю, въ чужихъ краяхъ буду пожалованъ Кол[лежскимъ] Ассесоромъ". 20-го февраля онъ уже сообщаетъ Жуковскому, что его „отпустятъ въ чужіе края черезъ нѣсколько дней безъ сроку". Проживъ февраль мѣсяцъ въ Петербургѣ, онъ заскучалъ: ему очень хочется возвратиться въ Москву, но дѣла Ивана Петровича его задерживали. Онъ груститъ и сентиментальничаетъ. 27-го марта, въ день своего рожденія, онъ пишетъ Жуковскому: „Сегодня мнѣ минуло 18 лѣтъ, и вотъ уже 18 весна меня встрѣчаетъ. Сегодня долго ходилъ по набережной, думая о прошедшемъ времени жизни моей; жалѣлъ о немъ. Мысль, что молодость моя проходитъ, что скоро, можетъ быть, не буду я такъ чувствителенъ ко всѣмъ радостямъ и горестямъ даже этой жизни, меня трогала" [1]). Но нельзя сказать, чтобы онъ проводилъ время скучно. Правда, брата его не было въ Петербургѣ съ 6-го февраля по 14-ое марта: онъ уѣзжалъ въ Вѣну; но онъ познакомился здѣсь со Свѣчиной Марьей Николаевной и ея сестрой — Авдотьей Николаевной, изъ которыхъ къ первой Жуковскій питалъ платоническія чувства, о чемъ вспоминалъ впослѣдствіи Александръ Ивановичъ въ Геттингенѣ [2]). Первое впечатлѣніе сестеръ на Александра Ивановича было наилучшее. „Сейчасъ отъ Марьи Николаевны пріѣхалъ" — пишетъ онъ Жуковскому уже 11-го февраля (въ 6 час. вечера): — „признаюсь, милой другъ Жуковскій, я ихъ обѣихъ, т. е. и Авдотью Николаевну полюбилъ отъ всего сердца; какія милыя и добрыя люди; elles ont beaucoup d'ésprit. Приняли меня такъ ласково, что я съ радостью поѣду къ нимъ и въ другой разъ, и думаю, что буду ѣздить часто, несмотря на то, что я далъ слово самому себѣ ни съ кѣмъ въ Петербургѣ не заводить знакомства отъ этого несноснаго этикета, котораго и онѣ также, какъ и я, терпѣть не могутъ. Теперь я не удивляюсь, что ты ихъ такъ любишь и помнишь; узнавши ихъ одинъ разъ, позабыть трудно, и въ нихъ, мнѣ кажется, есть что-то Соковнинское: та же, кажется, доброта сердца, искренность, невинность. За это онѣ мнѣ еще стали милѣе; съ ними хоть на нѣсколько минутъ позабуду я, что я въ Петербургѣ, въ этомъ скучномъ нѣмецкомъ городѣ. Какъ я тебѣ благодаренъ за нихъ! Я думаю, послѣ нѣкотораго времени знакомства еще благодарнѣе буду" [3]). И нѣсколько разъ послѣ этого онъ сообщаетъ Жуковскому о своихъ визитахъ къ Свѣчиной. По своему Московскому

---

1) Письмо отъ 27 марта.

2) Стр. 184.

3) Письмо къ Жуковскому 11 февр.; см. Веселовскій, стр. 69 и слѣд.

обычаю онъ ходитъ часто въ театръ и сообщаетъ о своихъ впечатлѣніяхъ тому же Жуковскому: „Сейчасъ изъ театра; представляли — что бы думалъ? „Kabale und Liebe!“ Безподобно, безподобно! Пробовали новаго актера въ отцѣ Валтера. Ахъ, какъ прекрасно! Я былъ въ восхищеніи“ [1]). Черезъ двѣ недѣли онъ опять былъ въ нѣмецкомъ театрѣ, гдѣ „представляли оперу Der Zaubertrommel, и право прекрасно пѣли; декораціи славныя и много разъ удачно очень перемѣнялись; я вытвердилъ нѣсколько арій. Идучи изъ театра, взошли мы на Исаковскую церковь, т. е. на крыльцо и плясали и пѣли слышанную нами арію: Wir sind zwei lustige Bauer da, а мы, т. е. трое Кайс[аровыхъ] и я пѣли: Wir sind vier lustige Leuten da [2]). Въ концѣ марта Сандунова давала концертъ „вокальной и инструментальной“; она пѣла Итальянскія и Русскія пѣсни, между прочимъ, „Рѣченьку“, „Чернобровой“ и „Рукавичку“; принята была съ рукоплесканіемъ и всякій разъ кричали *Форо*. Прекрасныя слова въ „Чернобровомъ“ и музыка также. Слава Кашину и Мерзлякову, слава! Особенно эти слова всѣмъ понравились, и она пѣла ихъ съ большимъ чувствомъ и выразительностью: „Не ходить было красной дѣвкѣ вдоль по лугу-лугу, не искать было красной дѣвкѣ пригожихъ удалыхъ, *поберечь* было красной дѣвкѣ свое нѣжное сердце, *Ахъ поберечь было, поберечь было*“. Это прекрасно — „поберечь было свое нѣжное сердце“. Я во все время былъ въ восхищеніи [3]).

Веселился онъ и дома. 2-го марта они пригласили къ себѣ „тѣни съ музыкой, стали играть русскія пѣсни“; всѣ „съ нѣкоторыми гостями пошли плясать въ присядку и дурачиться“; „между прочимъ — сообщаетъ Александръ Ивановичъ — и я многогрѣшный прыгалъ такъ, что упалъ на руку и вывихнулъ себѣ руку въ кистѣ, такъ что свернулъ ее“. „Однакожъ — добавляетъ онъ — не я одинъ, и Михайло Кайсаровъ отъ удивительнаго бѣшенства разшибъ голову. Grace à Dieu, что она уцѣлѣла у него на плечахъ, и grace à Dieu, что я не переломилъ руки [4])“.

Однако, жизнь въ Петербургѣ не нравилась Александру Ивановичу. Уже черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ онъ взываетъ къ Жуковскому: „Не повѣришь, какъ мнѣ хочется поскорѣе уѣхать въ Москву. О, колыбель моихъ первоначальныхъ дней!... На второй недѣлѣ великаго поста, въ концѣ, думаемъ выѣхать отсюда; жду и не дождусь этого времени“ [5]). Но пребываніе Тургеневыхъ затянулось. Они прожили весь мартъ, и 27-го марта Тургеневъ груститъ: „И святую недѣлю меня въ Москвѣ не будетъ; такъ мнѣ это горько, что я съ досады сегодня чуть-чуть не за-

---

1) Письмо отъ 10 февр.

2) Письмо отъ 27 февр.

3) Письмо отъ 27 марта; „Чернобровой“ — стихотвореніе Мерзлякова; Кашинъ (Данила Никитичъ) — композиторъ (1773—1844).

4) Письмо отъ 2 марта.

5) Письмо отъ 17 февр.

плакалъ", а черезъ два дня опять пишетъ: „Въ Петербургѣ мнѣ скучно а въ Москву очень хочется" [3]).

Изъ Петербургской жизни Александра Ивановича остается невыясненнымъ одно обстоятельство. Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 20-го февраля онъ сообщаетъ о какихъ-то своихъ трудахъ на пользу Отечества, трудахъ достойныхъ, за которые Отечество должно быть благодарно. Сообщая о своемъ восхищеніи представленіемъ „Kabal und Liebe", онъ говоритъ: „Вообрази, что послѣ цѣлой недѣли или еще больше трудовъ для пользы Отечества получить такое удовольствіе. Награда по трудамъ. Послѣ извѣстной мнѣ развязки узнаешь о трудахъ этихъ. — Отечество, право, должно быть намъ благодарно. Ахъ, жаль, что все это безъ тебя, мой милый другъ; право, искренно говорю, мнѣ бы вдвое пріятнѣе было. — А если бы! О прелестныя мечты моего воображенія! Мечты, мечты! Но всѣ мои добрыя дѣла, какія есть, всѣми ими обязанъ я мечтамъ моимъ. Ахъ, всякое доброе дѣло посвящено имъ; наказаніе за худое — они же. Да, я заговорился — хотѣлъ было вымарать, но не хочу скрывать отъ тебя чувствъ моихъ. Послѣ узнаешь, что это за труды, право, — достойные!" Что это, однако, за труды — остается неизвѣстнымъ [2]).

Наконецъ, отъ Петербургской жизни Александра Ивановича осталось еще извѣстіе о какой-то „піескѣ", которую онъ написалъ и переслалъ Жуковскому. Тотчасъ по пріѣздѣ (6 февраля) онъ пишетъ Жуковскому: „Естьли я успѣю, то пришлю теперь тебѣ піесу для помѣщенія въ альбомъ; а если нѣтъ, то на слѣдующей почтѣ; пожалуйста, отдай ее Сох[ацкому] и попроси, чтобы поскорѣе напечаталп" [3]). А 11-го февраля онъ уже ее посылаетъ: „Напечатай, братъ, посылаемую піеску въ листочкахъ точно такъ, какъ она теперь есть, и фамилію также. Естьли хочешь, прочти ее сперва С[оковнинымъ]. Естьли найдешь что противъ правилъ русскаго языка, то поправь, но, кажется, все хорошо". — Что эта за „піеска" и напечатана ли она была — неизвѣстно. Въ журналѣ Сохацкаго

---

1) Письмо отъ 31-го марта. Отчасти ему скучно было потому, что тотчасъ же по его пріѣздѣ въ Петербургъ Андрей Ивановичъ уѣхалъ въ Вѣну. „Провожая его — пишетъ онъ Жуковскому 7-го февраля, — я совсѣмъ не плакалъ; напротивъ—мурлыкалъ нѣжно; но потомъ легъ спать — и раздумался; тутъ стало мнѣ очень грустно; однакожъ, я не плакалъ. Я не знаю и совсѣмъ не могу опредѣлить въ мысляхъ времени, когда мы съ нимъ увидимся; это меня очень трогаетъ. Но чтожъ дѣлать? Я знаю, что есть люди, которымъ еще и моего грустнѣе должно быть. Какъ я радъ, что ворочусь къ вамъ, увижу опять Москву, свою родину, васъ, друзья мои; поговорю съ такими людьми, которые его и меня любятъ".

2) Не находились-ли эти труды съ слѣдующимъ хожденіемъ Александра Ивановича, о которомъ онъ говоритъ въ томъ же письмѣ: „Сегодня долженъ былъ быть во дворцѣ въ 8-мъ часу утра; все спало — я ходилъ по всѣмъ темнымъ корридорамъ и искалъ Канцелярію вдовствующей Императрицы: для нужды — самая скучная должность была мнѣ поручена; но это не для себя я дѣлалъ, и былъ награжденъ этою мыслію".

3) Сохацкій съ 1802 г. сталъ издавать „Новости Русской Литературы".

„Новости Русской литературы“, кн. 2-я, за 1802-й г. есть небольшая „піеска“, подписанная буквой Т. подъ заглавіемъ „Зимняя прогулка“ (№ 22), но приписать ее Александру Ивановичу нѣтъ данныхъ.

VII.

Вернувшись въ концѣ апрѣля 1802 года изъ Петербурга, Александръ Ивановичъ и Кайсаровъ стали готовиться къ отъѣзду, и въ іюлѣ мѣсяцѣ выѣхали большой компаніей[1]): съ ними ѣхали Иванъ Алексѣевичъ Двигубскій, впослѣдствіи профессоръ физики въ Московскомъ университетѣ, Иванъ Павловичъ Воиновъ, также впослѣдствіи профессоръ Московскаго университета, и Успенскій, не вполнѣ удачно совершившій свое путешествіе. Прибывъ въ Геттингенъ, они нашли уже нѣсколько русскихъ студентовъ, а скоро пріѣхало еще нѣсколько, такъ что образовалась довольно большая русская колонія. Найдя себѣ квартиры, наши студенты поспѣшили записаться на лекціи и чрезъ нѣсколько дней стали ихъ посѣщать. Русская компанія, собравшаяся въ Геттингенѣ, была различныхъ спеціальностей. Тургеневъ и Фрейгангъ значились изучающими дипломатику, Кайсаровъ — юриспруденцію, Воиновъ, Двигубскій и Калкау—медицину, Гусятниковъ — филологію, Яншинъ и Пилецкій — humaniora. Получивъ званіе „академическаго гражданина“, Тургеневъ ходилъ „рекомендоваться“ профессорамъ, тогдашнимъ знаменитостямъ: Гейне, Пюттеру, Блуменбаху, Герену, Шлецеру, Мартенсу. Интересъ, проявленный во время обученія въ Геттингенѣ Тургеневымъ и отчасти Кайсаровымъ, былъ исключительно историческій, что̀ зависѣло, конечно, отъ того направленія, которое господствовало тогда въ Геттингенѣ: тамъ процвѣтали науки историко-политическія. Новое направленіе литературы и философіи Геттингена не коснулось: профессора философіи были кантіанцы. Философію преподавали тамъ Буле и Бутервекъ, изъ которыхъ первый скоро былъ приглашенъ въ Московскій университетъ. Въ первое полугодіе Тургеневъ слушалъ у него логику, метафизику и теоретическую философію, во второе — право натуральное (Naturrecht). Бутервекъ же въ первое полугодіе читалъ эстетику, а во второмъ — Naturphilosophie, хотя и неизвѣстно, въ чемъ состояла эта Naturphilosophie, но надо думать, что это было во всякомъ случаѣ не то, что разумѣлось подъ этимъ именемъ у Шеллинга. Особенно Тургеневъ пристрастился къ исторіи. Главнымъ наставникомъ—руководителемъ русскихъ студентовъ былъ Шлецеръ, съ которымъ Александръ Ивановичъ очень сблизился и впослѣдствіи поддерживалъ

---

1) См. мою статью „Русскіе студенты въ Геттингенѣ въ 1802—4 г.г.“ въ Журналѣ М-ства Нар. Просв. 1910 г., № 7.

сношенія до самой его смерти. Шлецеръ принялъ большое участіе въ судьбѣ Александра Ивановича, когда пришло извѣстіе о смерти Андрея Тургенева, а Александръ Ивановичъ оказалъ ему содѣйствіе, когда пропала книга „Нестора", посланная Шлецеромъ Императору Александру. Въ началѣ 1804 г., когда Александру Ивановичу предстояло въ скоромъ времени покинуть Геттингенъ, Шлецеръ сдѣлалъ ему предложеніе занять мѣсто адъюнкта въ Академіи Наукъ по Историческому классу и написалъ письмо по этому поводу Новосильцеву, тогдашнему Президенту Академіи Наукъ. Александръ Ивановичъ пришелъ въ восторгъ, но изъ предложенія Шлецера ничего не вышло[1]).

Наши студенты занимались очень усердно. Александръ Ивановичъ получалъ отъ профессоровъ отличныя свидѣтельства; Андрей Сергѣевичъ Кайсаровъ къ концу второго семестра успѣлъ напечатать изслѣдованіе о мифологіи; Двигубскій по окончаніи перваго семестра получилъ „письмо латинское очень ласковое отъ здѣшняго медицинскаго матадора Балдингера", а въ началѣ 1804 года былъ сдѣланъ членомъ въ двухъ обществахъ — въ ботаническомъ и повивальнаго искусства; Воиновъ къ тому времени получилъ степень доктора.[2]) Проникаясь восторгомъ и уваже-

---

1) Повидимому, Новосильцевъ не желалъ отпускать отъ себя Александра Ивановича, имѣя въ виду привлечь его на свою службу, что, дѣйствительно, и случилось. Да и Иванъ Петровичъ, должно быть, не очень благосклонно отнесся къ предложенію Шлецера: онъ все-таки предпочиталъ службу, которая сулила больше выгодъ, чѣмъ адъюнктство въ Академіи. По крайней мѣрѣ, въ іюнѣ 1804 года Александръ Ивановичъ писалъ своему батюшкѣ: „Я не знаю, изъ чего заключили вы, что мнѣ очень хочется въ Академики; я никогда не былъ мечтателемъ и никогда не хотѣлъ занимать Профессорской каѳедры; это же однимъ только Мерзляковымъ можно въ такія лѣта имѣть у себя полную аудиторію. Я тогда уже сказалъ Шлецеру, что теперь, да, я думаю, и черезъ столѣтіе этого въ Россіи быть еще не можетъ; но я для того не хотѣлъ его удерживать писать къ Новосильцеву, что думалъ — вамъ это пріятно будетъ; да и будущій начальникъ мой получитъ обо мнѣ нѣсколько выгодное мнѣніе. Я думалъ только, что Новосильцевъ могъ бы употребить меня по дѣламъ, касающимся до учености: вѣдь онъ Президентъ Академіи, и признаюсь — надѣялся также освободиться и отъ приказныхъ дѣлъ, чтобы имѣть болѣе времени заниматься своей Наукой, но не совсѣмъ освободиться" (письмо отъ 8-го іюня). Въ такомъ же духѣ писалъ одновременно и Кайсаровъ Ивану Петровичу: „Учились мы не для каѳедры и не для Академіи... Шлецеръ давно извѣстенъ, какъ мечтатель, и потому поступокъ его покажется ничуть не страненъ тѣмъ, кто его знаетъ, а кто изъ нашихъ Министровъ не знаетъ его? Письмо его, безъ сомнѣнія, зарекомендовало Александра Ивановича у Новосильцева очень выгодно; но русскій министръ, вѣрно, посмѣялся отъ добраго сердца тому, что нѣмецкій мечтатель рекомендуетъ русскаго дворянина въ профессора. Онъ рекомендовалъ его по ученой части; такая работа для учившагося пріятнѣе, нежели писать скучное: *приказали*, или: *въ силу статьи двадесять второй, понеже, поелику* и проч. Лучше захочетъ учившійся русской исторіи написать диссертацію о пришествіи Варягъ въ Россію (какъ, впрочемъ, матерія ни трудна), нежели корпѣть надъ трактатомъ о городовомъ положеніи. Это же можно сдѣлать, не бывъ ни Адъюнктомъ ни Профессоромъ, даже не принадлежа къ почтенному сословію ученыхъ".

2) Доказательствомъ прилежанія Александра Ивановича служатъ переписанныя

ніемъ къ Геттингену, наши студенты чувствовали все благотворное вліяніе Геттингенской ученой атмосферы, видѣли удобство заниматься при тѣхъ богатыхъ научныхъ средствахъ, которыми владѣлъ университетъ, цѣнили лекціи и руководство знаменитѣйшихъ тогда нѣмецкихъ профессоровъ; ученая атмосфера Геттингена втягивала въ работу даже лѣнивыхъ. Но пріобрѣтая познанія, русскіе студенты все болѣе и болѣе убѣждались въ необъятности науки, проникались уваженіемъ къ послѣдней и пріучались къ скромности. Они тутъ только поняли, что выучиться чему-нибудь „надобно продолжительное время“. Пребываніе въ Геттингенѣ было полезно и для расширенія взглядовъ политическихъ. Изученіе политическихъ и историческихъ наукъ должно было повліять на русскихъ студентовъ въ смыслѣ отвлеченія ихъ отъ заоблачной литературной сферы и направленія ихъ на осмысленіе окружающей дѣйствительности.

Въ Геттингенѣ бывшіе члены молодого Тургеневскаго кружка и „Дружескаго Литературнаго Общества“ оказались совершенно въ другой обстановкѣ, нежели къ какой они привыкли дома. Въ Москвѣ ихъ окружала атмосфера литературная съ одной стороны, моральная — съ другой. Еще со скамьи Университетскаго Благороднаго Пансіона шло это направленіе, продолжаемое его воспитанниками и тогда, когда они заканчивали свое образованіе въ Пансіонѣ. Къ этому присоединилось знакомство съ ранними произведеніями Гете и Шиллера. Въ Геттингенѣ оказалась совершенно иная обстановка. Тамъ нѣтъ и помину о литературѣ, литературѣ современной. Въ Іенѣ и Вюрцбургѣ въ это время читаетъ лекціи и захватываетъ вниманіе общества Шеллингъ, въ Берлинѣ дѣйствуютъ братья Шлегели: въ Геттингенѣ же какъ-будто все стоитъ по старому. Бутервекъ читаетъ исторію итальянской литературы, о Петраркѣ, но ни Гете, ни Шиллеръ, ни Виландъ, передъ которыми благоговѣли наши студенты въ Москвѣ, не являются здѣсь предметомъ изученія. Наши студенты забыли даже прежнее свое намѣреніе посѣтить Гете и Шиллера. Литературные интересы стояли не на первомъ планѣ. Главное вниманіе было обращено на науки историческія и политическія. Въ этомъ отношеніи наши студенты должны были въ сильной степени испытывать на себѣ вліяніе Геттингенскаго университета. Это выразилось, прежде всего, въ томъ, что и Тургеневъ и Кайсаровъ стали заниматься исторіей, и оба еще въ Геттингенѣ написали по статьѣ историческаго характера. Въ томъ же Геттингенѣ Кайсаровъ написалъ свою диссертацію объ освобожденіи крестьянъ. Въ этомъ, несомнѣнно, сказалось вліяніе ученій, проповѣдуемыхъ въ Геттингенѣ. Тургеневъ и во время своей службы до 1825 года и послѣ, во время двадцатилѣтнихъ скитаній по Европѣ, всегда проявлялъ интересъ къ памятникамъ русской исторіи и собралъ до двухъ десятковъ

имъ лекціи, въ настоящее время находящіяся въ Московскомъ университетѣ. Ихъ —13 книгъ, въ листъ большого формата; всѣхъ страницъ, переписанныхъ имъ, болѣе двухъ тысячъ; свѣдѣнія о нихъ даны ниже, въ примѣчаніяхъ.

большихъ фоліантовъ различныхъ историческихъ матеріаловъ. Въ этомъ, конечно, также надо видѣть вліяніе Геттингенскихъ историковъ, особенно — Шлецера.

Во время пребыванія Александра Ивановича въ Геттингенѣ два важныхъ событія случились въ его семьѣ: во первыхъ, съ преобразованіемъ университетовъ, Иванъ Петровичъ въ 1803 году долженъ былъ оставить мѣсто директора университета: онъ вышелъ въ отставку и поселился въ пріобрѣтенномъ домѣ на Маросейкѣ; во вторыхъ, въ іюлѣ 1803 года послѣдовала смерть Андрея Ивановича, столь поразившая его друзей и родныхъ [1]). Послѣднее событіе чрезвычайно потрясло Александра Ивановича. Сначала онъ былъ въ отчаяніи. Однако, мысли о родителяхъ и младшихъ братьяхъ, для которыхъ онъ становился теперь вторымъ отцомъ, съ одной стороны, молодость — съ другой, поуменьшили нѣсколько его горесть, и онъ съ прежнимъ жаромъ принялся за ученіе. Прослушавъ весенній семестръ 1804 года, оба, Тургеневъ и Кайсаровъ, выѣхали изъ Геттингена, Александръ Ивановичъ уже навсегда, Андрей Сергѣевичъ — съ намѣреніемъ возвратиться опять. Они поѣхали теперь въ славянскія земли [2]).

Изъ Геттингена черезъ Лейпцигъ и Дрезденъ наши путешественники прибыли въ Прагу, заѣхавъ на два дня предварительно въ Бауценъ. „Здѣсь все дышетъ славянизмомъ". „Какъ Венды любятъ Русскихъ и всѣхъ сродственныхъ народовъ и какъ ненавидятъ Саксонцевъ, своихъ побѣдителей, которые стараются отнять у нихъ послѣднее — языкъ ихъ! но человѣкъ скорѣе согласится оставить свои обычаи, свою родину, даже

---

1) См. мою статью „Смерть Андрея Ивановича Тургенева" въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., № 3.

2) Черезъ 30 лѣтъ, въ 1832 году, Александръ Ивановичъ снова былъ проѣздомъ въ Геттингенѣ. Онъ имѣлъ особое порученіе отъ Жуковскаго къ профессору Герену, бывшему своему учителю. Жуковскій, ставши въ 1826 году руководителемъ—наставникомъ Наслѣдника, занялся составленіемъ учебныхъ плановъ и поручилъ Тургеневу поговорить о планѣ преподаванія исторіи съ Гереномъ. Александръ Ивановичъ подробно описалъ Жуковскому свою бесѣду съ Гереномъ, которой, впрочемъ, самъ остался неудовлетвореннымъ. Кромѣ Герена, Александръ Ивановичъ нашелъ въ живыхъ еще своего учителя Блуменбаха. Онъ и теперь прослушалъ нѣсколько различныхъ лекцій и, между прочимъ — у своихъ старыхъ учителей. „Знаешь-ли,—пишетъ онъ Жуковскому — что старикъ Блуменбахъ такъ смѣшилъ меня, что я не помню уже, когда я такъ смѣялся". У Герена, у котораго теперь оказалось только восемь слушателей, онъ былъ раза три. Онъ познакомился съ Яковомъ Гриммомъ, „славнымъ Грамматикомъ нѣмецкимъ и Антикваромъ". По словамъ Александра Ивановича, „Университетъ въ упадкѣ: нѣтъ прежней жизни; профессора робки, студентовъ мало — врядъ ли 800; для разныхъ частей наукъ нѣтъ уже нѣсколькихъ профессоровъ, нѣтъ прежней ученой роскоши". Онъ предался старымъ воспоминаніямъ, и воспоминанія эти были грустны; обходилъ кладбище, поклонялся праху Гейне, Бутервека, „нашелъ моего Шлецера"... „Дома, гдѣ живалъ, самъ не узналъ; думалъ о братьяхъ, объ Андреѣ Кайсаровѣ и о нашей потерѣ Андрея, о которой узналъ въ Геттингенѣ in der Buchstrasse".

религію, нежели языкъ“ — писалъ Александръ Ивановичъ батюшкѣ. Въ Прагѣ онъ вспомнилъ о братѣ Андреѣ, который былъ здѣсь за полтора года и дневникъ котораго о пребываніи въ Прагѣ онъ читалъ въ Геттингенѣ. Здѣсь произошло ихъ первое знакомство съ славянами. Ихъ пріятно поразила любовь Чеховъ къ своей исторіи и вообще къ просвѣщенію. „Они непримиримые враги Нѣмцевъ“ — сообщалъ Александръ Ивановичъ о Чехахъ.

Изъ Праги они прибыли въ Вѣну, гдѣ пробыли довольно долго. Здѣсь Александръ Ивановичъ познакомился, между прочимъ, съ священникомъ русской церкви Самборскимъ. Относительно университета Александръ Ивановичъ замѣтилъ: „Съ тѣхъ поръ какъ почувствовали нужду въ знаніи славянскихъ діалектовъ, сдѣлали какъ здѣсь, такъ и въ Пражскомъ университетѣ Профессоровъ Богемской литературы; но разница между здѣшнимъ и тамошнимъ очень примѣтна. Въ Прагѣ человѣкъ пятьдесятъ ходятъ на сію лекцію, здѣсь же въ этотъ годъ только двое; но и тѣ обязаны учиться по — Богемски для того, чтобы послѣ занимать такія мѣста, гдѣ этотъ языкъ надобенъ“. Они хотѣли было осмотрѣть рѣдкости въ монастырскихъ библіотекахъ, но монахи оказались для нихъ не такъ услужливы, какъ въ Прагѣ: они хотѣли видѣть „одинъ Славянскій древній манускриптъ“, а имъ показали Острожскую Библію. Задержавшись до конца іюля въ Вѣнѣ, Кайсаровъ такъ объяснялъ Ивану Петровичу причину задержки: „Мы все еще продолжаемъ славянствовать, но право не для кафедры, а для самихъ себя. Пропустить такой случай, какой мы имѣемъ, узнать своихъ сродниковъ во всѣхъ оттѣнкахъ, право, было бы русскому стыдно“.

Изъ Вѣны они поѣхали въ Венгрію и остановились въ „Офенѣ по славянски — Будинъ“. Здѣсь Александръ Ивановичъ представлялся Эрцгерцогу Карлу, супругу незадолго умершей Великой Княгини Александры Павловны. Нѣсколько разъ они посѣщали могилу послѣдней. Изъ Будапешта они ѣздили въ „городъ, по большей части населенной Сербами, — St. Andrä, для того, чтобы видѣть тамъ службу Греческаго архіерея, но онъ не пріѣхалъ, несмотря на зовъ Сербовъ“. „Греки и Сербы, — замѣчаетъ по сему случаю Александръ Ивановичъ, — коихъ бы, кажется, одна религія соединять должна, не любятъ другъ друга, а Правительство этимъ и пользуется и всегда даетъ въ такую эпархію, гдѣ много Сербовъ, Греческаго Архіерея. А Славяне такъ презираютъ Грековъ, что, естьли у Сербскаго извощика спросить: „Кого ты возилъ?“ — то онъ отвѣчаетъ: „Двухъ человѣкъ, да двухъ грековъ“.

Съ 23-го сентября по 15-е октября они пробыли въ Карловцѣ среди Сербовъ, гдѣ они были ласково приняты извѣстнымъ митрополитомъ Стратиміровичемъ, съ которымъ Александръ Ивановичъ впослѣдствіи переписывался изъ Москвы. „Онъ тотъ самый, которому Шлецеръ посвятилъ вторую часть своего Нестора, чего никто лучше его не заслуживаетъ, потому что онъ можетъ назваться просвѣтителемъ и покровителемъ своего

народа и самъ занимается Славянскою исторіею". Серѣами путешественники были приняты очень хорошо. „Жаль — писалъ Александръ Ивановичъ — что у насъ мало знаютъ о положеніи здѣшняго сроднаго съ нами народа и о единовѣріи нашемъ. Напротивъ того, мало и въ Россіи найдется такихъ людей, коимъ бы Россія была такъ извѣстна, какъ здѣшнему Митрополиту, и кто бы больше принималъ въ ней участіе. И вообще весь народъ Сербскій Греческаго исповѣданія любитъ Русскихъ, и для того мы вездѣ приняты наигостепріимнѣйшимъ образомъ". Каждый день съ утра до вечера они проводили время „у ученаго Митрополита и въ его библіотекѣ". О ихъ занятіяхъ можно судить по одной сохранившейся записной книгѣ Кайсарова, наполненной разнообразными выписками изъ славянскихъ книгъ и рукописей. Тургеневъ бесѣдовалъ съ Митрополитомъ о духовенствѣ, жалѣлъ объ угнетенномъ положеніи послѣдняго, но отмѣтилъ и нѣкоторыя нехорошія стороны, заимствованныя, по его словамъ, у Грековъ: „Здѣшніе Архіереи... берутъ положенную отъ Правительства цѣну за посвященіе и повышеніе духовенства". Изъ Карловца они ѣздили „на такъ называемую Фружскую гору, гдѣ посѣтили находящіеся тамъ Монастыри Греческаго исповѣданія и приняты вездѣ такъ, какъ бы только самому владыкѣ надѣяться можно было". Ихъ встрѣчали и провожали съ колокольнымъ звономъ. Тургеневъ отмѣтилъ особое значеніе, какое имѣютъ Фружско-горскіе монастыри для Сербскаго народа: „Ими держится еще нѣсколько политическое существованіе Сербовъ въ Австріи, и безъ нихъ давно бы народъ сей былъ весь подчиненъ, а со временемъ и всѣ бы перелились въ Католиковъ". Во время путешествія по монастырямъ Тургеневъ съ Кайсаровымъ „нашли въ монастырскихъ библіотекахъ много древнихъ славянскихъ рукописей и грамотъ, жалованныхъ имъ Русскими Царями и Императрицами"; съ такихъ они брали иногда копіи. Свое путешествіе по монастырямъ записывалъ Кайсаровъ въ дневникѣ. Они были и „въ Землинѣ, городѣ, стоящій на Турецкой границѣ, и оттуда могли видѣть Бѣлградъ съ его мечетями, гдѣ теперь царствуетъ такой безпорядокъ, какой только въ Турціи быть можетъ".

Заѣхавъ по дорогѣ въ Кульпинъ, „мѣстечко, принадлежащее Митрополиту", а оттуда въ Дале, „также его деревня", они съ нимъ разстались, „осыпанные ласками и привѣтствіями сего благодѣтеля цѣлаго народа Сербскаго". Въ Дале они видѣли народныя Сербскія увеселенія, пляску, музыку и были даже на одной свадьбѣ. Здѣсь же Тургеневъ ѣздилъ на заячью охоту „вмѣстѣ съ однимъ Протоіереемъ, который весь вѣкъ свой провелъ въ походахъ и самъ иногда предводительствовалъ солдатами противъ Турокъ". Онъ бывалъ часто съ Русскими и, чтобы повеселить нашихъ путешественниковъ, запѣлъ имъ русскую пѣсню о графѣ Захарѣ Григорьевичѣ Чернышевѣ, которой имъ и въ Россіи не удавалось слышать. Изъ Дале они пріѣхали въ Аграмъ, гдѣ пробыли, впрочемъ, одинъ только день, и поѣхали далѣе въ Фіуме. Эта была уже вторая половина ноября 1804 года. Побывъ пять дней въ Тріестѣ, они были въ Венеціи,

гдѣ встрѣтились съ своимъ „camarade d'étude“, Наслѣднымъ Принцемъ Баварскимъ. Изъ Венеціи чрезъ Тріестъ они вернулись въ Вѣну. Здѣсь Тургеневъ разстался съ Кайсаровымъ, который поѣхалъ обратно въ Геттингенъ. Александръ же Ивановичъ направился въ Россію, и черезъ 16 сутокъ черезъ Ольмюцъ, Тешенъ, Кременецъ, Кіевъ, Орелъ и Тулу въ концѣ января вернулся, наконецъ, въ Москву, начавъ первое письмо оттуда къ Кайсарову въ Геттингенъ радостными восклицаніями: „Москва, Москва, Москва“....!

ПИСЬМА.

1.

Деревня Мадинова отъ Мос. 86 верстъ. Середа, 23-го полдни.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Я никакъ не въ состоянiи изъяснить всѣхъ чувствъ, которыя наполняли меня во всю дорогу; особливо тогда, когда воображалъ я всю прошедшую жизнь свою. Я живо чувствовалъ всю вашу нѣжную родительскую любовь къ намъ и твердо рѣшился болѣе и болѣе стараться исполнять волю вашу, зная, что этимъ однимъ могу сдѣлаться достойнымъ вашихъ безпрестанныхъ о насъ попеченiй. Я думаю, что теперь пересказалъ уже вамъ Паисiй Серг[ѣевичъ], отъ чего мы такъ долго не выѣжжали изъ Кунцова; вы сами изволите увидѣть, что во всемъ этомъ виноваты наши извощики, а не мы; однакожь, я думаю, въ другой разъ они ужъ не сдѣлаютъ намъ никакой задержки. Вчера почевали мы съ двумя французами, ѣдущими изъ Лiона; мы имъ оказали нѣкоторыя услуги, и они въ благодарность дали намъ рекомендательную записку къ своей роднѣ въ Парижѣ. Можетъ быть, мы этимъ и воспользуемся. Товарищи мои свидѣтельствуютъ вамъ свое истинное душевное почтенiе и просятъ о продолженiи вашихъ къ нимъ милостей. Письмо это пойдетъ изъ Можайска, гдѣ мы часа черезъ три будемъ; отъ него до Москвы 99 вер. Слава Богу, дорога идетъ прекрасная, и мы въ сутки уѣжжаемъ по 60-ти верстъ; жаль только, что въ кибиткѣ никакъ нельзя читать книги, потомучто трясетъ и отъ того рябитъ въ глазахъ. Но мнѣ не скучно, потомучто я свободно могу думать, вспоминать прошедшее, сравнивать его съ пастоящимъ и воображать будущее. Простите; испрашиваю родительскаго вашего благословенiя и со слезами молю Бога о сохраненiи вашего здоровья и душевнаго спокойствiя. Я совсѣмъ не воображалъ, чтобы такъ грустно было разставаться.

Приношу чувствительнѣйшую мою благодарность Матушкѣ за присылку мнѣ одѣяла, которое на заряхъ мнѣ очень нужно, и еще разъ смѣю напомнить о Волковѣ и о Малевинскомъ. Съ вѣчными чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка и
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

PS. Почтеннѣйшимъ благодѣтелямъ Петру Владиміровичу и Ивану Владиміровичу покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое истинное душевное почтеніе. Любезнѣйшему Максиму Ивановичу и Николаю Лукьяновичу усердно кланяюсь. Николая и Сережу и Митеньку цѣлую и братски прошу ихъ, чтобъ они жили между собою дружнѣе; остальное все приложится. Я уже просилъ Алекс[ѣя] Ѳед[оровича] Мерзлякова, чтобъ онъ иногда приходилъ къ нимъ показывать и повторить съ ними Ариѳметику. — Маму также цѣлую.

Естьли Батюшка будетъ писать къ Захару Яковлевичу въ Минскъ, то можно бы и ко мнѣ туда же адрессовать. Мнѣ очень хочется хоть разъ получить въ Россіи еще письмо.

По сю пору не проѣжжали мы еще ничего достойнаго описанія; деревня, въ которой мы теперь, самая бѣдная, и мужики, кажется, совсѣмъ разорены. Они принадлежали какой то кн. Трубецкой и проданы Смирнову, которой даетъ имъ чувствовать въ полной мѣрѣ свое надъ ними господство.

Приписка А. С. Кайсарова[1]) (1).

Только третій день какъ мы выѣхали изъ Москвы, Милостивый Гдрь Иванъ Петровичъ, но ужъ очень чувствуемъ, что мы не подлѣ васъ. Признаюсь чистосердечно, что я такъ привыкъ къ вамъ, что вы еще ни на минуту невыходили изъ мыслей моихъ. Вы простите меня, что я слишкомъ просто изъясняюсь съ вами! Другой, можетъ быть, почелъ бы за нужное говорить вамъ одни учтивости; но тотъ, кто старался узнать васъ, кто любитъ васъ какъ отца, увѣренъ, что вы почитаете всѣ учтивости лишними. Сверхъ того, я такъ увѣренъ въ вашемъ ко мнѣ милостивомъ расположеніи, что точно увѣренъ, что вамъ бы не могли быть пріятны отъ меня церемонныя письма. Я такъ въ этомъ увѣренъ, что меня никто и переувѣрить не можетъ. На первой разъ скажу вамъ, что до сихъ поръ дорога наша идетъ довольно весело. Всѣ мы собираемся въ одну кибитку, думаемъ о будущемъ нашемъ житьѣ и вспоминаемъ прошедшее. Погода

1 Писана на отдѣльномъ листкѣ.

немного пасмурна и не много кстатѣ къ выѣзду нашему на долгое время изъ Москвы. Сегодни мы обѣдаемъ въ такой деревнѣ, гдѣ баринъ запрещаетъ своимъ мужикамъ мыть платье въ его канавѣ. Надобно думать, что онъ хорошей хозяинъ, потому что и воды терять напрасно не хочетъ. Вчера мы проѣзжали черезъ прекрасное село Вяземы князя Голицына, гдѣ всѣ крестьяне живутъ въ каменныхъ домикахъ. Вы, можетъ быть, спросите: соотвѣтствуетъ ли внутреннее состояніе избъ наружному ихъ украшенію? По словамъ нашихъ извощиковъ, всѣ мужики зажиточны и деревня ихъ нѣкоторымъ образомъ походитъ на иностранное селеніе. Максиму Ивановичу вѣрно не полюбится, что князь хочетъ русскихъ мужиковъ передѣлывать на нѣмецкой манеръ; но къ утѣшенію его можно увѣрить, что это не такъ скоро и легко можетъ исполниться.

Мы принуждены были, выѣхавъ изъ Москвы, пробыть полторы сутки въ семи верстахъ отъ нее. Причиною етому извощики, а право не мы; они забыли взять пашпорты и получили ихъ въ понедѣльникъ къ вечеру.

Милостивой Государынѣ Катеринѣ Семеновнѣ честь имѣю свидѣтельствовать мое почтеніе; заочно цѣлую ея ручки и усерднѣйше благодарю за всѣ ея милости и ласки.

Максиму Ивановичу усердно кланяюсь; прошу его не забывать странствующихъ рыцарей плачевнаго образа.

Препоручая себя въ продолженіе вашихъ милостей, съ истиннымъ высокопочитаніемъ честь имѣю быть

Милостивый Государь
вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Андрей Кайсаровъ.

1802 года
Іюля 23 дня.
дер. Моденова

2-

Середа же 5-часъ по полудни городъ Можайскъ.

Милостивая Государыня Матушка!

Сей часъ пріѣхали мы сюда и по нечаянному случаю должны остановиться ночевать, но за то завтра гораздо ранѣе обыкновеннаго выѣдемъ. Желая всегда всѣмъ сердцемъ дѣлать вамъ угодное, ходилъ я вмѣстѣ съ моими товарищами въ здѣшній соборъ, гдѣ застали еще вечерню, отслушали ее и прикладывались къ чудотворному образу Св. Николая, которой довольно богато убранъ. Какая удивительная разница въ цѣнахъ по здѣшней дорогѣ и по Петербургской! за что тамъ платили мы рубль или еще и болѣе, то здѣсь копеекъ 30-ть. Вообще мужики гораздо добрѣе и не такъ жадны къ деньгамъ, какъ тамъ; но и не такъ богаты; здѣсь совсѣмъ не

берутъ *за теплое*, а за одни только припасы. Вамъ, конечно, не будетъ непріятно такое обстоятельное увѣдомленіе; вы сами изволили мнѣ приказывать писать къ вамъ больше и чаще, а для меня нѣтъ и не должно быть ничего священнѣе какъ исполнять волю вашу. Жаль очень, что письмо это пойдетъ не прежде какъ въ пятницу ввечеру, и, слѣдовательно, вы его получите въ воскресенье, тогда, когда мы будемъ уже близь Смоленска; откуда я также буду писать къ вамъ, а можетъ быть удастся послать письмо и изъ Вязьмы еще. Препоручая себя родительскому вашему о мнѣ попеченію, съ сыновнимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Прежде нежели буду въ Гетингенѣ, надѣюсь отслушать обѣдню въ Дрезденѣ, гдѣ, какъ я узналъ, есть церковь греческая.

PS.

Сдѣлайте одолженіе, Батюшка, прикажите переслать 5-ть или 6-ть экз. Двѣгубскаго диссертаціи въ Минскъ къ Захару Яковлевичу, гдѣ онъ ихъ возметъ съ собой; это нужно очень для него, для поднесенія Г-мъ профессорамъ въ Геттингенѣ. Успѣнской взялъ съ собою, а онъ нѣтъ.

Простите, что такъ дурно писано, перо и чернила не годятся.

3.

Городъ Гжатская пристань, 160 вер. отъ Москвы. 26-го 8 час. утра.

Милостивый Государь Батюшка и
Милостивая Государыня Матушка!

Сегодня пріѣхали мы благополучно сюда и остановились осмотрѣть городъ, получившій свое названіе отъ рѣчки Гжать, которая теперь почти вся высохла, но весною по ней проходятъ отъ сюда барки съ хлѣбомъ, пенькою, саломъ и пр. въ Волгу рѣку въ Твери, откуда чрезъ Тверцу рѣку въ Вышній Волочокъ и т. д. Городъ сей довольно обширной и по своей торговли многолюденъ. Отсюда поѣдемъ мы чрезъ Вязьму, гдѣ я надѣюсь найти славныхъ коврижекъ и переслать къ Матушкѣ. Я думаю, что письма, посланныя мною изъ Можайска, вы изволите получить вмѣстѣ съ этимъ. Товарищи мои свидѣтельствуютъ вамъ истинное свое высокопочитаніе. Испрашивая родитель-

скаго вашего благословенія, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка и
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Сейчасъ ходили мы еще осматривать городъ, были въ Соборѣ, въ школѣ, гдѣ по большей части учатся купеческія дѣти; насъ встрѣтилъ толстой съ опухлыми глазами учитель, о которомъ, кажется, справедливо можно сказать вмѣстѣ съ Делилемъ, que

son fort, son air de suffisance
Marquent dans son savoir sa noble confiance.
Il sait, le fait est sur, lire, ecrire et compter,
Sait instruire à l'ecole au lutrin sait chanter
Connoit le lunaisons, prophetise l'orage,
Et meme du latin eut jadis quelque usage,
Dans les doctes debats ferme et rempli de coeur
Meme après sa defaite; il tient tête au vainqueur.

Городъ сей построенъ при Петрѣ 1-мъ съ привилегіею, чтобы въ немъ никогда не было постовъ или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно отстроится; однакожъ, онъ и понынѣ пользуется ею. Здѣшніе купцы почти всѣ старообрядцы. По обширности и по многолюдству города церквей очень мало—только двѣ, считая и соборъ; причина этому, кажется—старообрядцы, которые имѣютъ свою часовню.

Больше не могъ ничего замѣтить достойнаго примѣчанія. Надѣюсь, что описанія другихъ городовъ будутъ интереснѣе.

Почтеннѣйшимъ благодѣтелямъ Петру Володиміровичу и Ивану Володиміровичу покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать отъ меня чувства душевнаго почтенія и вѣчной признательности.

Николашу и Сережу и Митеньку цѣлую.

4.

Смоленскъ 29, 1:е вторникъ, утро.

Милостивый Государь Батюшка и
Милостивая Государыня Матушка!

Сего дня рано по утру пріѣхали мы сюда, гдѣ думаемъ пробыть цѣлые сутки, чтобы осмотрѣть порядочно городъ, который весь расположенъ по

высокимъ горамъ. Здѣшній соборъ стоитъ на самомъ прекрасномъ мѣстѣ горы, внизу течетъ Днѣпръ; Архитектура его самая величественная и простая, и по моему мнѣнію ни одинъ Московской соборъ съ нимъ сравниться не можетъ въ красотѣ строенія. По городской крѣпости и по расположенію города видно, что онъ былъ нѣкогда пограничнымъ. И по сю пору нѣтъ еще ни одного порядочнаго строенія внѣ кремля. Съ одной стороны городская крѣпость похожа нѣсколько на Симбирскъ; при этомъ родилось во мнѣ мое любимое чувство—воспоминаніе прошедшаго. Я вспомнилъ Симбирскъ, прежнее наше деревенское житье-бытье; тѣ мѣста, которыя были свидѣтелями прежнихъ нашихъ радостей, удовольствій; мнѣ живо представился тогдашній нашъ образъ жизни, наши занятія—и эти чувства никогда во мнѣ съ братомъ не истребятся. Благодаря Бога съ нами еще не случалось ни одной непріятности во всю дорогу и намъ не скучно; главное мое занятіе ботанизировать и вмѣстѣ съ Иваномъ Алексѣевичемъ находить такія растѣнія, которыхъ около Москвы не видно; а на станціяхъ читаю Делиля и прекрасное сочиненіе Гуфеланда: Die Kunst das Menschliche Leben zu verlängern. Вчера, думаю, вы проводили Ивана Володиміровича; я воображалъ въ эти минуты васъ и почтеннѣйшаго Петра Володиміровича, которому покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать чувства моего душевнаго почтенія и сердечной привязанности.

30-го 5 час. по полудни.

Гостепріимство и угощеніе здѣшнихъ жителей заставили насъ пробыть и нынѣшній день весь; Г-нъ Успенской имѣетъ здѣсь много родни и знакомыхъ, а отъ того и насъ всюду зовутъ въ гости. Сегодня осматривали мы еще городъ, были въ семинаріи и въ народномъ училищѣ. Мнѣ сказывали, что Смоленскъ получилъ свое названіе отъ того, что по великому количеству окружающихъ его сосновыхъ лѣсовъ жгли здѣсь *смолу*. Жаль, что быстрый Днѣпръ здѣсь весьма мѣлокъ, и, говорятъ, съ того времени, какъ по плану к. Потемкина велѣно срыть Днѣпровскія пороги для удобнѣйшаго судоходства. Здѣсь помнятъ еще князя Николая Васильевича; онъ много способствовалъ къ украшенію города. Мы узнали здѣсь одного предостойнаго человѣка изъ священнослужителей, большаго охотника до учености и, кажется, больше до исторіи; но чрезвычайно ограниченное его состояніе лишаетъ его способовъ заниматься; онъ мало имѣетъ книгъ; и такъ сдѣлайте милость, Батюшка, доставьте ему изъ нашей библіотеки, какія есть лишнія русскія или латинскія книги. Онъ знакомъ очень съ студентомъ Кириловымъ и ведетъ съ нимъ переписку; и такъ, естьли вамъ угодно будетъ, то прикажите

ему къ себѣ явиться и спросите у него, какихъ бы лучше прислать ему книгъ. Кліентъ мой называется Никифоромъ; онъ находится здѣсь діакономъ при Архіерейскомъ штатѣ. Вчера читалъ онъ намъ свое топографическое и историческое описаніе Смоленска и заставилъ насъ пожалѣть, что такая охота и такія дарованія не поощряются. Здѣшній архіерей Димитрій совсѣмъ ни во что не вмѣшивается и духовенство имъ весьма недовольно. Любезнѣйшему Максиму Ивановичу свидѣтельствую мое усердное почтеніе. Братьевъ цѣлую и еще разъ братски прошу ихъ, чтобъ они жили между собою дружнѣе и не забывали насъ. Испрашивая родительскаго вашего благословенія, съ вѣчными чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка и
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Честь имѣю увѣдомить Матушку, что сегодня прикладывался я къ чудотворному образу Смоленской Божіей Матери; желалъ бы, чтобъ вы изволили побывать здѣсь и видѣть этотъ богато убранный образъ.

Милостивому Государю Антону Антоновичу и почтеннымъ братцамъ его свидѣтельствую мое усерднѣйшее почтеніе.

Не знаю, будете ли вы довольны моими описаніями; по крайней мѣрѣ, я, сколько можно, стараюсь собрать интереснаго о всякомъ городѣ, будучи увѣренъ, что это приноситъ вамъ удовольствіе. Въ продолженіи времени, можетъ быть, письма мои будутъ занимательнѣе.

Приписка А. С. Кайсарова (2).

Любезнѣйшему Максиму Ивановичу усердно кланяюсь. Ахъ! для чего нѣтъ его теперь съ нами! пускай увидѣлъ бы онъ въ Бѣлоруссіи Русскихъ во всемъ блѣскѣ лѣности и невѣжества и еще бы остался твердъ въ своемъ мнѣніи, что Русскіе лучше всѣхъ другихъ народовъ.

Другая приписка А. С. Кайсарова[1]) (3).

Смоленскъ 30 Іюля, 1802.

Милостивый Государь Иванъ Петровичь!

Два дни пробыли мы въ Смоленскѣ, и они показались намъ слишкомъ коротки. Нельзя нахвалиться довольно ласкою здѣшняго духовенства, и я смѣло могу сказать, что, ежели въ Россіи гдѣ нибудь духовенство подходитъ ближе

1) Писана на отдѣльномъ листкѣ.

къ своей цѣли, то это въ Смоленскѣ. Въ здѣшнихъ священникахъ нѣтъ ничего похожаго на Московскихъ, которые истинно несытымъ окомъ взираютъ на всякаго къ ихъ нещастію еще живущаго въ подлунномъ мірѣ. У всякаго изъ здѣшнихъ духовныхъ найдете вы библіотеку, хотя небольшую, но доказывающую ихъ любовь къ чтенію и отличный вкусъ; нѣкоторые изъ нихъ занимаются науками и не одинъ вступалъ съ нашими докторами въ разговоры о физикѣ, что мнѣ, признаюсь, показалось очень странно, привыкнувъ слышать отъ московскихъ пастырей одинъ пустой наборъ словъ. Между прочимъ, возбудилъ наше вниманіе одинъ дьяконъ, которой со всею его бѣдностію находитъ удовольствіе въ однихъ книгахъ. Года четыре тому назадъ былъ онъ въ Москвѣ; на площади полюбились ему нѣкоторые книги, денегъ лишнихъ у него не было и другой вѣрно бы отказался претендовать на покупку книгъ; но отецъ Никифоръ продалъ рясу — и пріѣхалъ въ Смоленскъ хотя въ полукафтаньѣ, но съ книгами. Довольно кажется этого, чтобъ заставить васъ думать объ немъ выгодно. — Мы видѣли его житье, видѣли пятерыхъ маленькихъ его дѣтей, видѣли его библіотеку, которая собрана трудами и потомъ, но совсѣмъ тѣмъ состоитъ изъ неполныхъ увражей; слышали его описаніе Смоленска и всѣ вкупѣ пожалѣли, что достоинства такого человѣка по одному капризу рока должны остаться въ неизвѣстности. Съ большимъ удовольствіемъ принимаю я на себя должность его стряпчаго и усерднѣйше прошу васъ сдѣлать милость помочь ему книгами. Я бы не осмѣлился утруждать васъ объ этомъ, ежелибъ не былъ увѣренъ, что вы удовольствіемъ почитаете ободрять и помогать такимъ людямъ, ежели бы не видалъ, что вы безо всякой прозьбы снабдили простаго крестьянина по петербургской дорогѣ книгами. — Можетъ быть, наскучилъ я вамъ описаніемъ одного только духовенства; но ихъ гостепріимство такъ плѣнило меня, что я нечувствительно заговорился. Дорожныя свои записки по приказанію вашему буду я имѣть честь прислать изъ Лейбцига съ извощикомъ. Усердно прошу васъ доставить прилагаемые мною два письма по надписи. Сами вы позволили мнѣ утруждать себя иногда моими прозьбами. Препоручая себя въ продолженіе вашихъ милостей, честь имѣю быть

вашъ
Милостивый Государь!
всепокорнѣйшій слуга
Андрей Кайсаровъ.

Милостивой Государынѣ Катеринѣ Семеновнѣ честь имѣю свидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе и донести, что Александръ Ивановичь по приказанію ея воздерживается отъ яблокъ. Иной, слыша разрѣшенія священниковъ, можетъ быть, поколебался бы; но онъ все твердъ.

5.

Минскъ—середа, 1:е 6-го Августа.

Милостивый Государь Батюшка и
Милостивая Государыня Матушка!

Вчера ввечеру пріѣхали мы благополучно сюда, и я сегодня пошелъ къ Захару Яковлевичу, гдѣ нашелъ почтеннѣйшее письмо ваше. Я не знаю,

что я чувствовалъ, читавши его; мнѣ бы хотѣлось въ ту же минуту показать вамъ на дѣлѣ слѣдствія вашихъ совѣтовъ. Исполненный къ вамъ любви и благодарности, со слезами увѣряю васъ, что нѣтъ для меня ничего священнѣе, какъ исполнять волю вашу. Я въ полной мѣрѣ чувствую ваши для насъ пожертвованія, и одно это чувство заставляетъ меня стараться, сколько можно, наградить ихъ. Отъ Захара Яковлевича пошелъ я съ товарищами къ обѣдни въ Архіерейскую церковь; послѣ обѣдни позвалъ насъ всѣхъ къ себѣ Захаръ Яковлевичъ обѣдать и принялъ отмѣнно ласково, самъ ѣздилъ съ нами показывать намъ городъ, который выстраивается по его плану. Кажется, что всѣ здѣсь его любятъ и имѣютъ къ нему большее уваженіе, даже и жиды съ чувствомъ произносятъ имя его и не могутъ довольно имъ нахвалиться. Въ здѣшнемъ одномъ городѣ находится семь различныхъ вѣръ. Уніатское богослуженіе совершенно похоже на наше. Происхожденіе его, я думаю, вамъ извѣстно. Товарищи мои свидѣтельствуютъ вамъ истинное свое высокопочитаніе. Мы сегодня въ ночь выѣжжаемъ и думаемъ къ середѣ быть въ Гроднѣ и проститься съ любезнымъ отечествомъ. Испрашивая вашего родительскаго благословенія, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка и
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Честь имѣю увѣдомить Матушку, что я вручилъ кошелекъ почтеннѣйшему Захару Яковлевичу, и что онъ самъ хотѣлъ васъ письменно благодарить за него. Что же касается до покупки платковъ, то онъ далъ уже комисію здѣшнимъ жидамъ, которыя отправились на ярмарку, и о цвѣтахъ также имъ приказывалъ.

Николашу и Сережу мысленно цѣлую и прошу ихъ, чтобъ они помнили того, которой братски любитъ ихъ и желаетъ имъ всей возможной пользы и успѣховъ.

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу честь имѣю свидѣтельствовать чувства моего душевнаго почтенія и неизгладимой признательности.

Приписка А. С. Кайсарова (4).

Позвольте мнѣ, Милостивый Государь Иванъ Петровичь, принести вашему Превосходительству чувствительнѣйшую мою благодарность за напомина-

піе обо мнѣ. Питать къ вамъ чувства признательности и почтенія есть пріятнѣйшая обязанность для души моей. Милости и ласку вашего Превосходительства и Милостивой Государыни Катерины Семеновны мы никогда не можемъ забыть, и я бы за величайшее щастіе почелъ, естьлибъ могъ быть увѣренъ, что не совсѣмъ ихъ недостоенъ.—За ласковой пріемъ Захара Яковлевича васъ такъ же благодарить должно. Для чего не много такихъ людей на свѣтѣ! Для чего не много такихъ губернаторовъ! Его можно[1]) творящимъ геніемъ; тамъ, гдѣ было непроходимое болото, теперь аглицкой садъ, бесѣдки, гроты, каналы, мостики; тамъ, гдѣ все было застроено безо всякаго порядка низкими избушками, теперь видишь довольно хорошія улицы и площади. Совсѣмъ тѣмъ, что онъ всякой день гуляетъ въ саду своемъ, дѣла въ его губерніи идутъ такъ хорошо, что самые жиды, которые рѣдкимъ могутъ быть довольны, называютъ его отцомъ.— Съ истиннымъ высокопочитаніемъ честь имѣю быть

Милостивый Государь
вашего Превосходительства преданнѣйшій слуга
Андрей Кайсаровъ.

Товарищи наши вамъ свидѣтельствуютъ свое почтеніе.

6.

Граница, Гродно. 13-го Авг.—1050 вер. отъ Москвы.

Милостивый Государь Батюшка и
Милостивая Государыня Матушка!

Сего дня послѣ обѣда пріѣхали мы сюда, гдѣ должны непремѣнно будемъ пробыть и завтрешнее утро для полученія своихъ пасспортовъ, а тамъ совсѣмъ простимся съ Отечествомъ. Мы осматривали городъ и я съ удовольствіемъ долго смотрѣлъ на Губернаторской домъ, гдѣ нѣкогда жилъ кн. Николай Васильевичъ Репнинъ. Городъ довольно обширной, выстроенъ несравненно лучше Минска. Недавно Государь сдѣлалъ его Губернскимъ. Сегодня ввечеру видѣли мы жидовскую свадьбу и были у нихъ въ гостяхъ. Обрядъ бракосочетанія совершался передъ входомъ въ ихъ школу. Сперва подъ балдахиномъ привели туда жениха, а потомъ и богато убранную невѣсту съ завязанными глазами. Передъ ней шла музыка, а за ней множество жидовокъ всѣ въ бѣломъ; потомъ поставили и невѣсту подъ балдахинъ; отцы ихъ и матери подавали имъ совѣты любить другъ друга и прочли тутъ же при свидѣтеляхъ роспись приданаго.—Тѣмъ и кончилось—музыка заиграла и всѣ пошли плясать посреди улицы до самаго дому, гдѣ начался балъ, на которомъ и мы присутствовали.

1) Очевидно, пропущено «назвать».

14-го Авг.

Сегодня возвратили намъ пасспорты безъ всякихъ пошлинъ; не знаю, что то будетъ на Прусской Границѣ; мы ходили смотрѣть бывшій дворецъ Польскаго Короля, въ которомъ нашъ князь Куракинъ ни за что не согласился бы жить. Онъ стоитъ на высокой горѣ, подъ которой течетъ Нѣманъ[1]). Недавно переведенъ въ него изъ Шклова кадетской корпусъ. Я писалъ отсюда къ Захару Яковлевичу и благодарилъ его за оказанныя намъ всѣмъ ласки. Переѣздъ изъ Минской губерніи въ здѣшнюю очень примѣтенъ, совсѣмъ уже не та исправность въ дорогахъ.

Мы думали выѣхать сегодня ввечеру, но завтрешній праздникъ удержалъ насъ; намъ хочется сходить къ обѣднѣ въ послѣдній разъ въ Россіи— думаю сдѣлать угодное этимъ и Матушкѣ.

Вы, кажется, Батюшка, когда то хотѣли имѣть сочиненія Сковороды; я нашелъ случай вамъ ихъ доставить посредствомъ знакомыхъ Ив[ана] Алекс[ѣевича] Двѣгубскаго — онъ уже и писалъ въ Малороссію и надѣется, что они будутъ всѣ вамъ доставлены въ Москву черезъ своекоштнаго студента Прокоповича.

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу честь имѣю свидѣтельствовать глубочайшее почтеніе и неизгладимую признательность. Я думаю, что Иванъ Володиміровичъ доѣхалъ уже теперь до мѣста. Когда вы изволите писать къ мнѣ въ Гетингъ, то увѣдомьте меня, какъ считаетъ Иванъ Володиміровичъ, долго ли онъ пробудетъ въ Криму и какое вліяніе имѣетъ Кримской климатъ на его здоровье.

Естьли Анна Ѳедоровна изъ деревни возвратилась, то покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать отъ меня чувства истиннаго моего высокопочитанія и признательности за всѣ ея ласки и милости.

15-го Авг.

Сей часъ пришли мы отъ обѣдни, послѣ которой заходили мы въ монастыри различныхъ орденовъ, между прочимъ, и въ езуитской, гдѣ видѣли погребеніе Богородицы; образъ несли однѣ только женщины. Были и у Бернардинцовъ; се то труждающіяся и обремененни!! Намъ сказывали, что они глупостію и невѣжествомъ своимъ отличаются отъ прочихъ орденовъ.

Товарищи мои, свидѣтельствуя вамъ душевное свое высокопочитаніе, просятъ о продолженіи къ нимъ хорошаго вашего расположенія.

Усерднѣйше кланяюсь Григорью Прохоровичу; я думаю, что онъ уже возвратился изъ деревни. Также и любезнѣйшему Максиму Ивановичу. Ни-

1) Въ рукописи «Нѣмонъ».

колашу и Сережу цѣлую; напишите, братцы, ко мнѣ въ слѣдующемъ Батюшкиномъ письмѣ; кланяйтесь отъ меня Ивану Ивановичу. Бориса и Митеньку также цѣлую.

Простите, Дражайшіе родители,—чѣмъ болѣе удалялся я отъ Москвы, тѣмъ чувство разлуки съ вами во мнѣ дѣйствовало сильнѣе; теперь оставляю и отечество—и удивительно, что мнѣ почти также грустно выѣжжать изъ Гродны какъ и изъ Москвы;—одно даже имя отечества имѣетъ на насъ сильное дѣйствіе—и съ тѣхъ поръ, какъ я знаю, что я долженъ оставить его, оно стало для меня дороже и я чувствую къ нему больше привязанности. Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ глубочайшимъ сыновнимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Приписка А. С. Кайсарова (5).

Милостивый Государь, Иванъ Перовичь!

Вотъ ужъ мы въ Гроднѣ, на границѣ Россіи. Слишкомъ далеко заѣхали мы; будемъ еще далѣе, но никакое отдаленіе не можетъ истребить въ душѣ моей чувствъ почтенія къ вашему Превосходительству. Этого, кажется, бы мнѣ и говорить не надобно, потому что я смѣю быть увѣренъ, что вы изволите знать мою къ вамъ привязанность; но вы также изволите знать, что благодарность насильно вырывается изъ сердца. Позвольте мнѣ также быть увѣрену, что вы не назовете этого пустымъ Карамзинизмомъ; нѣтъ, это право не то, и я бы почелъ себя очень нещастнымъ, естьли бъ могъ писать только вытверженное.— Простите меня, что въ вашемъ пакетѣ вкладываю я и свои письма; ваше доброе расположеніе сдѣлало меня дерзкимъ. — Съ нетерпѣніемъ желаемъ мы узнать о участи безщастныхъ бумагъ Университетскихъ. Странствіе ихъ очень велико, они проходятъ сквозь огнь и воду и едвали вытерпливали такое испытаніе посвящавшіе себя таинствамъ жрецовъ Египетскихъ. Впрочемъ, это можетъ послужить къ ихъ пользѣ, они возвратятся въ Москву истинно *purifié*; но горе Университету, ежели они и въ денежномъ смыслѣ потерпятъ очищеніе. — О путешествіи нашемъ, кажется, мнѣ нечего вамъ сказать, потому что Александръ Ивановичь всякую почту посылаетъ вамъ обстоятельную реляцію. Остается мнѣ только просить, чтобъ ваше Превосходительство продолжили ко мнѣ ваши милости и ласку, которые вы разточать изволили не совсѣмъ на неблагодарную землю. — Съ истиннымъ и глубочайшимъ высокопочитаніемъ честь имѣю быть

ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!
вашъ
покорнѣйшій слуга Андрей Кайсаровъ.

Милостивой Государынѣ Катеринѣ Семеновнѣ честь имѣю свидѣтельствовать чувства вѣчной признательности и глубочайшаго почтенія. — Любезному и почтенному Максиму Ивановичу усердно кланяюсь. — Николая Ива[новича] и Сергѣя Ивано[вича] заочно цѣлую. Они, вѣрно, будутъ меня всегда любить; покрайней мѣрѣ такъ они обѣщали мнѣ.

7.

Варшава, 22-го Августа.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Сего дня по утру пріѣхали мы сюда и пробудемъ до воскресенья. Здѣсь видны еще слѣды войскъ россійскихъ, особливо въ Прагѣ.—Мы осматривали городъ, были въ дворцѣ, въ богатыхъ костелахъ, въ дворцовомъ саду, куда съѣжжается вся здѣшняя публика. Я не знаю города, въ которомъ бы было больше разврата и праздности—вообразите, что здѣсь позволяетъ даже правительство воровать, стоитъ только вору записаться въ воровскомъ своемъ цѣху и онъ безпрепятственно можетъ отправлять ремесло свое. За каждый день воровства платитъ воръ въ казну одинъ талеръ. Жители совершенно предались праздности; торговля вся перешла больше къ жидамъ; за то бѣдные мужики, особливо панскіе, крайне разорены; однакожь, и они даже и по деревнямъ всякое воскресенье собираются въ трактирахъ плясать, а ѣдятъ одинъ сухой хлѣбъ.

Мы надѣемся пріѣхать въ Лейбцигъ къ 5-му Сентября и увидѣть ярманку.

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу честь имѣю свидѣтельствовать чувства моего глубочайшаго почтенія и неизгладимой признательности. Вы можете себѣ представить, какое бы для меня было удовольствіе получить отъ него грамотку. Испрашивая родительскаго вашего благословенія, съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Приписка А. С. Кайсарова (6).

Милостивый Государь Иванъ Петровичь!

Я не смѣю пропустить ни одного раза, чтобъ въ письмѣ Александръ Ивановича не. засвидѣтельствовать вамъ моего высокопочитанія. Александръ Ива-

новичь также, какъ и весь конвентъ странствующихъ Рыцарей до Варшавы доѣхалъ, слава Богу, цѣлъ и невредимъ. Варшава такъ пространна, любопытство мое такъ велико и время такъ коротко, что я не могу успѣть написать даже и къ братьямъ; почему усерднѣйше прошу ваше Превосходительство сродникамъ и знаемымъ моимъ, которые, можетъ быть, почтутъ за нужное безпокоиться обо мнѣ, принять на себя трудъ сказать, что *я*, слава Богу, здоровъ. Что сказать мнѣ еще? Естьлибъ я хотѣлъ говорить о томъ, что поражаетъ насъ въ Польшѣ, то наговорилъ бы много о грушахъ, сливахъ и яблокахъ; но такъ какъ это пораженіе минутное, то я возвращусь къ вѣчному, то есть къ чувству не премѣннаго почтенія и привязанности, съ которымъ за щастіе почитаю быть

вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Андрей Кайсаровъ.

На оборотѣ: à Moscou. Его Превосходительству Милостивому Государю Ивану Петровичу Тургеневу, въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

8.

Лейбцигъ 11-го Сентября, пріѣхали 7-го по утру.

Милостивый Государь Батюшка и
Милостивая Государыня Матушка!

Наконецъ, благодаря Бога, мы въ Лейбцигѣ; дорога продолжалась ровно семь недѣль; но естьли вычесть дни, проведенныя нами въ разныхъ городахъ, то мы ѣхали всего только пять недѣль. Послѣднее письмо мое было послано изъ Варшавы. Въ Познани провели мы день моего Ангела[1]) и за столомъ пили за ваше здоровье. День весь провелъ я въ сладкомъ воспоминаніи прошедшаго; повторилъ въ мысляхъ своихъ данныя мнѣ вами совѣты и снова обѣщалъ самому себѣ всегда помнить ихъ и всегда имъ слѣдовать.— Въ Кроссенѣ въ первой разъ ѣли съ вѣтки виноградъ; за доброй грошъ дали намъ фунтовъ пять; но здѣсь онъ не такъ вкусенъ, какъ въ другихъ мѣстахъ Германіи. Мы не вдругъ въѣхали въ Лейбцигъ, но остановились за милю, въ мѣстечкѣ Таугѣ, и ночевали тамъ; а я съ однимъ товарищемъ поѣхалъ въ Лейбцигъ нанять квартиру, за которую по случаю ярманки платимъ мы одинъ талеръ съ половиною за каждыя сутки. Окрестности Лейбцига прекрасны и городъ съ своимъ форштатомъ представляетъ вездѣ неутомимую дѣятельность нѣмцовъ, особливо въ малостяхъ. На другой день нашего пріѣ-

1) Передъ этимъ было написано, но зачеркнуто «рожденья».

ѣзда явились мы къ здѣшнему Консулу, весьма знакомому Батюшкѣ человѣку, Г-ну Шварцу; онъ принялъ насъ очень ласково и весьма обрадовался, увидя меня; обѣщалъ насъ самъ вездѣ выводить и показать все примѣчательное здѣшняго города. Мы дождемся здѣсь ярманки для того, чтобы мнѣ съ большею исправностію можно было исполнить приказанія Матушкины; ярманка начнется 15-го сего мѣсяца. Намъ хотѣлось бы сходить отсюда пѣшкомъ въ Дрезденъ, но не знаю, удастся ли; тамъ недавно былъ смотръ всѣхъ Саксонскихъ войскъ, простирающихся до 32 тысячъ человѣкъ; и прусской Король пріѣжжалъ туда. — Сегодня слушали мы лекцію славнаго профессора Платнера объ изящныхъ исскуствахъ; онъ преподаетъ съ большимъ жаромъ, и я очень радъ, что могу скоро и легко понимать и вникать въ самыя тонкости нѣмецкаго языка. Этимъ обязанъ я почтенному Ивану Андреевичу, и я никогда не перестану чувствовать къ нему должной признательности. Вчера были мы въ здѣшнемъ театрѣ, играли новую піесу Г-на Коцебу: «Гусситы передъ городомъ Наумбургомъ»; для ярманки пріѣжжаютъ сюда Курфирштскія придворныя актеры.

12 Сен.

Сегодня слушали еще лекцію Г-на Платнера, метафизическую; онъ, кажется, большой врагъ Канту и сильно опровергалъ его мнѣнія и его послѣдователей; потомъ осматривали анатомической театръ, а завтра думаемъ быть въ здѣшнемъ Музеумѣ, гдѣ иностранцамъ можно безъ всякой платы читать всѣ возможныя газеты и журналы и гдѣ по вечерамъ сбираются Лейбцигскія ученые.

Естьли письмо мое пайдетъ уже Тетушку въ Москвѣ, то покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое истинное высокопочитаніе, также и любезнѣйшей сестрицѣ.

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу честь имѣю свидѣтельствовать чувства моего душевнаго почтенія. Николашу и Сережу обнимаю братски; надѣюсь прислать имъ отсюда гостинецъ на память любви. Бориса и Митеньку также. Съ вѣчными чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка и
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

PS. Г-нъ Шварцъ показывалъ мнѣ нѣкоторыя силуеты — между прочимъ, силуетъ дядюшки Петра Петровича, Ѳедора Петровича Ключарева и еще многихъ вашихъ пріятелей; весьма жалѣетъ, что у него нѣтъ Батюшкинова силуета. Онъ спрашивалъ меня о тѣхъ деньгахъ, которыя остался долженъ Алексѣй Михайловичь Кутузовъ въ Берлинѣ одному бѣдному человѣку — всего 80 талеровъ; — помнится мнѣ, что вы изволили говорить когда-то о посылкѣ этихъ денегъ въ Берлинъ; я ничего вѣрнаго не могъ отвѣчать ему и сказалъ: «что напишу къ Батюшкѣ, и что онъ, конечно, увѣдомитъ васъ обо всемъ обстоятельно». — Объ этихъ деньгахъ писалъ онъ когда-то и къ Харитону Андреевичу. Вамъ нужно будетъ поблагодарить Г-на Шварца за насъ; каждый день получаемъ мы отъ него новыя одолженія; онъ самъ взялся переводить намъ отсюда деньги въ Гетингенъ; я думаю, что и вамъ удобнѣе будетъ пересылать ихъ всюду черезъ него; онъ по привязанности своей къ вамъ охотно возметъ на себя трудъ сей. Le Genie du Christianisme я купилъ и съ извощиками доставлю; два экземпляра стоятъ 4 червонца; каждый экз. въ 5-ти волюмахъ. Естьли вамъ угодно будетъ выписывать отсюда книги, то также всего легче черезъ Г-на Шварца.

Товарищи мои свидѣтельствуютъ вамъ истинное свое душевное высокопочитаніе. Всѣ, благодаря Бога, здоровы; только Г-нъ Успенской часто задумывается и тоскуетъ; кажется, что въ немъ дѣйствуетъ болѣзнь по отечествѣ (Das Heimweh).

9.

Лейбцигъ 15-го Сентября.

Милостивый Государь Батюшка!

Слабость здоровья и меланхолическое расположеніе духа нашего товарища Г-на Успенскаго принуждаютъ его возвратиться въ Москву. — Во всю почти дорогу грустилъ онъ о томъ, что не могъ заѣхать къ родителямъ своимъ въ Торопецъ, часто задумывался, но при видѣ веселыхъ своихъ товарищей и самъ съ ними веселился; однакожь, за нѣсколько дней до пріѣзда въ Лейбцигъ здоровье его сильно разстроилось; пріѣхавъ въ Лейбцигъ, призвали мы доктора, который и предписалъ ему лѣкарство, послѣ чего стало ему лутче; но меланхолія его все еще продолжается, и мы рѣшились, по совѣту Г-на Шварца и Доктора, отпустить его въ Москву, надѣясь, что это одно можетъ возвратить ему прежнее здоровье и веселость духа. Причина его болѣзни, кажется, — отмѣнная его чувствительность и то, что онъ, не будучи никогда въ большихъ дорогахъ и ведя передъ симъ чрезвычайно

сидячую жизнь, вдругъ предпринялъ такое продолжительное и не совсѣмъ беззаботное путешествіе. Можетъ быть, къ сродной ему чувствительности присоединилась также и болѣзнь по отечествѣ (le mal du pays, qui ne peut se guerir que par le retour). — Мы надѣемся, что вы изволите одобрить наше рѣшеніе. Какъ ему пускаться вдаль съ разстроеннымъ здоровьемъ! какъ заниматься дѣломъ, когда духъ неспокоенъ! а изъ Гетингена воротиться было бы уже поздно. Онъ отправляется съ весьма знакомымъ ему Московскимъ купцомъ Находкинымъ, которому и отдали мы размѣненный на червонцы 700-й вексель его — всего 160 червонцевъ. Человѣкъ Андрея Сергѣевича съ нимъ же ѣдетъ. Г-нъ Успенской боится, чтобы возвращеніе его не возбудило негодованія въ начальникахъ, но я старался увѣрить его, что они скорѣе будутъ жалѣть о разстройкѣ его здоровья. При теперешномъ его расположеніи духа, думаю, надобно съ нимъ обходиться ласковѣе.

Сегодня началась здѣсь ярманка, дѣятельность и многолюдство въ городѣ часъ отъ часу умножаются; улицы всѣ застроены лавками; а въ домахъ и трактирахъ не осталось ни одной пустой комнаты, при всемъ томъ, что большая часть изъ нихъ въ семь и даже восемь этажей. — Бѣдные студенты должны на это время выѣжжать изъ города и оставлять свои квартиры пріѣжжающимъ, иначе должны бы они платить за нихъ хозяину талеровъ 50-тъ лишнихъ въ годъ.

Г-нъ Шварцъ — прямо добрый человѣкъ, и мы не можемъ быть ему довольно благодарны за его одолженія; естьлибъ не онъ, можетъ быть, потерпѣли бы мы большой убытокъ въ промѣнѣ векселей; но онъ самъ ходилъ съ нами къ Банкиру, самъ принималъ за насъ деньги; при всемъ томъ, что у него множество дѣлъ по случаю ярманки.

Любезнѣйшему Максиму Ивановичу и Николаю Лукьяновичу покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе.

Жаль сердечно, что добрый нашъ товарищъ Г-нъ Успенской не можетъ съ нами продолжать пути своего; но меня больше всего огорчаетъ это тѣмъ, что вамъ должно это нанести неудовольствіе.

Сегодня удалось мнѣ купить для Матушки персидской кисейной платокъ, кажется, очень недорого.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ

Ал. Тургеневъ.

Приписка А. С. Кайсарова (7).

Милостивый Государь, Иванъ Петровичь!

Кой-какъ ѣхали мы благополучно до Лейпцига; но подъ конецъ случилась маленькая разстройка. Я думаю, что Александръ Ивановичь писалъ уже къ вамъ, что товарищь нашъ Г. Успенскій занемогъ такъ, что не можетъ продолжать съ нами далѣе пути своего. Мы всѣ объ немъ чрезвычайно сожалѣемъ; онъ очень доброй и тихой человѣкъ. Можетъ быть, Богъ дастъ, что родимой воздухъ возвратитъ прежнее здоровье душѣ его и тѣлу.—Объ Лейпцигѣ ничего не могу сказать вашему Превосходительству послѣ пространнаго письма Александръ Ивановича, увѣренъ будучи, что онъ не упустилъ описать вамъ всего того, чему мы здѣсь дивились, чѣмъ любовались. Вѣрно увѣдомилъ онъ васъ и о томъ, что мы были на лекціяхъ у Платнера. Вотъ настоящій профессоръ! Въ головѣ его цѣлая энциклопедія, хотя (между прочимъ) онъ не профессоръ энциклопедіи. Я думаю сдѣлать маленькій вояжъ отсюда въ Ену на поклоненіе Шиллеру, которой тамъ живетъ. Сколько великихъ людей въ Германіи, въ этомъ дымно-табашномъ царствѣ!

Съ непремѣнными чувствами высокопочитанія честь имѣю быть

ваше Превосходительство
Милостивый Государь
покорнѣйшій слуга

Андрей Кайсаровъ.

10.

Лейбцигъ 18-го Сен.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Сегодня обѣдали мы у почтеннаго нашего Консула вмѣстѣ съ Алексѣемъ Адамовичемъ Алсуфьевымъ, который также звалъ насъ къ себѣ; но я думаю, намъ не удастся уже воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Не знаю, понравятся ли Матушкѣ мои покупки; сколько можно, я старался выполнить ваши приказанія. Кисейныя бѣлыя платки показались мнѣ очень дешевы, каждой стоитъ на наши деньги 95 коп., а большой кисейной съ красками 250 к. Всему посланному съ Петромъ приложенъ при семъ реэстръ. Мнѣ очень хотѣлось купить здѣсь для Матушки французскую фарфоровую чашку; но съ извощиками послать никакъ не осмѣлился; вѣрно была бы разбита. Посылаю собранныя мною Польскія, Прусскія и Саксонскія деньги и покорнѣйше прошу Матушку взять ихъ подъ свое сбереженіе.

19-го.

Осматривая сего дня книжныя лавки, видѣлъ я двѣ новыя Россійскія Исторіи; одну писалъ Агличанинъ Тукъ; а другая — подъ названіемъ Tableau general de la Russie moderne, съ слѣдующимъ эпиграфомъ: St. Petersbourg est la fenètre par la quelle la Russie regarde l'Europe. Также попалось мнѣ новое сочиненіе Экартсгаузена: Cristus unter den Menschen, которое къ Батюшкѣ и посылаю. Мы выѣжжаемъ отсюда 22-го числа на экстраординарной почтѣ, и я думаю, что вы изволите прежде этого получить письмо изъ Гетингена; а я надѣюсь тамъ найти изъ Москвы письма, и для того съ нетерпѣніемъ желаю поскорѣе пріѣхать на мѣсто. Иванъ Ивановичь Шварцъ даетъ намъ въ Гетингъ рекомендательныя письма къ своимъ знакомымъ.

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать истинное мое высокопочитаніе, также и почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу.

Товарищи мои свидѣтельствуютъ вамъ чувства душевнаго высокопочитанія и просятъ о продолженіи къ нимъ хорошаго вашего расположенія.

Милостивому Государю Антону Антоновичу, также и Григорью Прохоровичу, Максиму Ивановичу покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать [1]) мое почтеніе.

Николашу и Сережу братски цѣлую и прошу ихъ помнить и любить меня по прежнему; Бориса и Митеньку также.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивой Государь Батюшка и
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

На оборотѣ: Его Превосходительству Милостивому Государю Ивану Петровичу Тургеневу, въ Москвѣ въ Университетѣ.

Реэстръ [2]).

Одинъ кисейной платокъ съ красками для Матушки. Шесть кисейныхъ шейныхъ платковъ для Батюшки, четыре Ник. и Сер., одинъ для Митен..

1) Въ рук. «засвидѣтельствое».
2) Приложенъ къ настоящему письму.

Книги Батюшкѣ: Le genie du Christianisme въ пяти книг.. 2 экз. Abriss der Geschichte der Leipziger Universität. Cristus unter den Menschen.

Отдать Батюшкѣ же для меня:—Genealogie und Geroldick—въ ней лежатъ портреты для Жуковскаго и для меня.—L'homme de desir для меня сохранить.

Мерзлякову отдать для раздачи: Kotzebu in Siberien; Jungfrau von Orlean, die Quälgeister.

Для мамѣ платокъ полушелковой.

11.

Гетингъ 25-го Сент.

Милостивой Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Вчера послѣ обѣда пріѣхали мы сюда благополучно и остановились въ трактирѣ, пока найдемъ хорошую квартиру, гдѣ бы можно было спокойно заниматься ученьемъ; вчера же отнесъ я письмо къ Профессору Шлецеру, которой принялъ насъ отмѣнно ласково и обѣщалъ употребить свое стараніе къ тому, чтобы можно мнѣ было учиться здѣсь съ большею пользою. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ найти здѣсь уже ваши письма, но къ крайнему моему сожалѣнію не нашелъ. А на почтѣ отдали мнѣ только письмо отъ брата изъ Вѣны отъ 28-го Авг. Онъ пишетъ, что ему жить тамъ не очень весело—и естьлибъ не Булгаковъ и К. Гагаринъ, то онъ желалъ бы скорѣе возвратиться въ Россію; также пишетъ, что онъ слишкомъ здоровъ и толстѣетъ. Дорога, кажется, и мнѣ принесла много здоровья; всѣ мои кафтаны стали мнѣ узки, и видъ моего лица еще здоровѣе. Почтенной Консулъ Иванъ Ивановичь Шварцъ далъ мнѣ письмо къ Г-ну Фрейгангу; я сего дня у него былъ, и мы, кажется, другъ друга полюбили. Я нашелъ въ немъ добраго и умнаго молодаго человѣка, желающаго также какъ и я учиться—а не просто воя-жировать съ пустотою въ умѣ и сердцѣ. Онъ служитъ въ иностранной же коллегіи и также отпущенъ безъ сроку. Онъ рекомендовалъ мнѣ своего Англинскаго учителя Г-на Лангштета, который долженъ быть извѣстенъ Ивану Андреевичу Гейму. Какъ скоро переѣдемъ на квартиру, то начну брать Англинскіе уроки, и я увѣренъ, что желаніе Матушки будетъ исполнено наилучшимъ образомъ. Я думаю, что мнѣ непремѣнно нужно будетъ здѣсь пробыть цѣлой годъ, для того чтобы успѣть выслушать всѣ тѣ лекціи, которыя мнѣ хочется. Я не имѣлъ еще довольно времени распорядить, къ ка-

кимъ именно Профессорамъ я долженъ ходить на лекціи, но, посовѣтовавшись съ Фрейгангомъ, я всему сдѣлаю распоряженіе и не замедлю васъ о томъ увѣдомить. Теперь я [торо]плюсь [1]) нести письмо на почту.—Простите мнѣ скорость письма моего.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами вѣчнаго сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка и
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Николашу и Сережу цѣлую.

Шлецеръ послалъ къ Батюшкѣ въ подарокъ новое вышедшее свое сочиненіе.

На оборотѣ: à Moscou. Его Высокородію Милостивому Государю Ѳедору Петровичу Ключареву, а его покорнѣйше прошу отдать Его Прев-ву Ивану Петровичу Тургеневу въ Москвѣ. à *Moscou* p. Berlin [2]).

12.

Гетингенъ. Сентября 29-го.

Милостивой Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Теперь можно уже поздравить меня съ званіемъ академическаго гражданина; третьяго дня получилъ я дипломъ и законы, и обѣщался Проректору наблюдать въ точности все въ нихъ предписанное. Я заплатилъ 5 талеровъ, половину только того, что обыкновенно берется съ дворянина, для того, что я уже учился въ Московскомъ Университетѣ. Лекціи еще не начались, но я сдѣлалъ уже себѣ планъ, смотря по каталогу. Болѣе пяти лекцій не совѣтуютъ мнѣ брать, потому что на каждую должно часъ повторенія—это составитъ 10 часовъ въ день; да еще дома учиться я началъ по Англински—для этого съ повтореніемъ нужно также два часа. Всего составитъ 12 часовъ въ сутки.—Я еще точно не рѣшился, къ кому именно ходить мнѣ на лекціи, но думаю слушать у проф. Буля Логику и Метафизику,

1) Начало слова вырвано.

2) Это слово здѣсь и на адресахъ всѣхъ послѣдующихъ писемъ приписано другой рукой (очевидно, — на почтѣ).

т. е. начальныя основанія теоретической Философіи; у Проф. Шлецера: Исторію сѣверныхъ государствъ, наиболѣе Россійской Имперіи; у Проф. Мартенса: Исторію важнѣйшихъ переворотовъ въ Европѣ въ 16-мъ столѣтіи; у Проф. Геерена: Европейскую Исторію разныхъ областей; и одну лекцію или у Блуменбаха Натуральной Исторіи, или Физіологіи растѣній у Гофмана; мнѣ очень не хотѣлось бы оставлять въ эти полгода и Физики, но не знаю, успѣю ли. Естьли можно, то я на каждую лекцію буду полагать повторенія только полчаса. Послѣ обѣда по субботамъ буду ходить въ Библіотеку, а потомъ уговорились мы съ нѣкоторыми русскими сбираться и говорить между собою о томъ, что мы въ эту недѣлю слушали на лекціяхъ. Между прочими, познакомился я съ Гусятниковымъ; онъ, кажется, совершенно посвятилъ себя ученію и наиболѣе древностямъ. Теперь не могу я еще прислать вамъ своего плана, потомучто не знаю точно, къ кому и въ какіе часы буду ходить на лекціи.

Я еще получилъ отъ брата письмо изъ Вѣны, также и отъ Булгакова и отъ Князя Гагарина. Въ нѣмецкихъ газетахъ пишутъ, что Кн. Александръ Борис[овичъ] отставленъ—не знаемъ, правда ли?

По сю пору ожидаю я еще съ нетерпѣніемъ вашихъ писемъ; кажется, что здѣсь на почтѣ пропасть имъ нельзя; можетъ быть, на этой недѣлѣ не получу ли?—Милостивой Государынѣ Тетушкѣ свидѣтельствую мое истинное высокопочитаніе; также и почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу.

Адресъ мой: A Mr de Tourg. Etudiant en droit, à Goettinguen.

Николашу и Сережу братски цѣлую. Бориса и Митеньку также.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами глубочайшаго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

На оборотѣ: *A Moscou.* Его Высокородію Милостивому Государю Ѳедору Петровичу Ключареву, а васъ покорнѣйше прошу отдать Его Прев-ву Ивану Петровичу Тургеневу въ Университетѣ въ Москвѣ.

Приписка А. С. Кайсарова (8).

Милостивый Государь, Иванъ Петровичь!

Вояжъ нашъ пока кончился; мы намѣрены зажить уже домомъ въ Геттингенѣ. Здѣсь нашли мы довольно много своихъ соотечественниковъ, товари-

щей по службѣ Александра Ивановича. Сегодня Господинъ Проректоръ съ обыкновенными своими обрядами принялъ насъ въ Граждане Академіи, вручивъ каждому изъ насъ по диплому на новое наше достоинство. Лекціи начнутся здѣсь не прежде, какъ недѣли еще черезъ полторы; въ это время Алекс[андръ] Ива[новичъ] учится по Англински; я также думаю кой-чему учиться. Я осмѣливаюсь трудить васъ прозьбою, чтобъ вы изволили записочку мою отдать брату.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и преданности честь имѣю быть

ваше Превосходительство
Милостивый Государь!
вашъ покорнѣйшій слуга Анд[рей]

Кайс[аровъ].

13.

Гетингенъ $\frac{17}{6}$ *Октября.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Къ сердечной моей радости получилъ я вчера отъ Ивана Андреевича Гейма записочку, гдѣ онъ пишетъ, что вы здоровы и что онъ недавно игралъ у васъ въ бостонъ; не получивъ по сю пору никакого извѣстія отъ васъ, меня это очень обрадовало и успокоило. Сего дня получилъ и отъ брата письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что онъ опредѣленъ къ Вѣнской Миссіи; я этому очень радъ, потому что это подало мнѣ надежду съ нимъ скорѣе увидѣться, и, естьли я узнаю ваше согласіе, то, можетъ быть, черезъ полгода, во время ваканціи побываю въ Вѣнѣ.—На прошедшей недѣлѣ увѣдомлялъ я васъ о тѣхъ лекціяхъ, которыя я намѣренъ слушать; но теперь я еще буду слушать Эстетику и Литтературу у Профессора Бутервека,—и Французской лекторъ Ponsherat будетъ ходить ко мнѣ на домъ разбирать со мной эстетически французскихъ лучшихъ авторовъ и будетъ задавать мнѣ небольшія сочиненія па франц. языкѣ.—И теперь еще не рѣшился я, древнюю ли или новую исторію слушать мнѣ у Проф. Геерена; а затрудненіе все въ томъ, что дипломатической курсъ въ одинъ годъ кончиться не можетъ. Но въ слѣдующій понедѣльникъ я непремѣнно напишу къ вамъ планъ моего ученія.

Здѣсь слышно много Петербургскихъ новостей—говорятъ, что Заводовской здѣланъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія; мое русское сердце заранѣе радуется.—Нашъ Государь здѣсь, кажется, очень любимъ какъ за дѣла свои, такъ и за богатыя подарки, которыя онъ дѣлаетъ здѣш-

нимъ ученымъ за подносимыя ему книги. Они не привыкли къ такой щедрости.

Вчера т. е. въ воскресенье ходилъ я рекомендоваться къ здѣшнимъ знатнѣйшимъ профессорамъ: — Гайне, Пюттеру, Блуменбаху, Геерену, Шлецеру, Мартенсу. Они всѣ отмѣнно ласково принимаютъ чужестранцевъ, особливо русскихъ; а послѣ обѣда ѣздилъ я съ нѣкоторыми русскими товарищами, съ которыми я здѣсь познакомился, гулять за городъ, чтобы осмотрѣть получше здѣшнія окрестности; за милю отсюда на превысокой горѣ есть развалившійся рыцарской замокъ Плессы; я еще никогда не видалъ подобнаго мѣстоположенія; гора вся состоитъ изъ каменныхъ бѣлыхъ утесовъ, и съ самаго высокаго мѣста горы падаетъ внизъ по камнямъ ручей и разбивается въ мѣлкія брызги—какое зрѣлище противъ солнца! По горѣ разсѣяны малепькія деревеньки, которыя сверху казались намъ карточными домиками:—однимъ словомъ, этотъ видъ въ первой разъ въ жизни заставилъ меня пожалѣть, что я не живописецъ!

Мы записались на полученіе всѣхъ журналовъ, какіе только есть, и намъ всякой день приносятъ два новыхъ—вообразите, какъ это дешево—за шесть талеровъ въ годъ; притомъ за эту же цѣну получаемъ мы и книги изъ Lesebibliotequе. Въ одномъ журналѣ мы читали, что Петру Ивановичу пожаловалъ Государь шесть тысячь рублей за переводъ Анахарсиса.—Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ увѣдомленія о судьбѣ Моск. Университета.

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу свидѣтельствую мое душевное почтеніе и совершенную преданность.

Николашу и Сережу мысленно обнимаю. Бориса и Митеньку также.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ вѣчными чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка и
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Товарищи мои свидѣтельствуютъ вамъ душевное свое высокопочитаніе.

На оборотѣ: A Moscou. Его Высокородію Милостивому Государю Ѳедору Петровичу Ключареву — а его покорнѣйше прошу отдать Его Пр-ву Ивану Петровичу Тургеневу въ Университетѣ. p. Berlin.

14.

Гетингенъ $\frac{25}{13}$ *Октября.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Наконецъ начались лекціи;—вотъ планъ мой, и естьли вы изволите одобрить его, то я совершенно буду доволенъ; онъ уже былъ апробованъ нѣкоторыми Профессорами, и я не прежде, какъ посовѣтовавшись съ ними, рѣшился къ кому именно ходить на лекціи. Это расположеніе времени можетъ только служить на шесть мѣсяцовъ;—потомъ, съ перемѣною лекцій, должно и оно перемѣниться:

Пон.	Втор.	Середа.	Четв.	Пятн.	Суб.	Воск.
утро	утро	утро	утро	утро	утро	утро
отъ 7 до 8 повторить Буле.	тоже.	—	—	—	отъ 8—9 Лангш.	написать
—8—9 — Мартенса.	—	—	—	—	Переводить и вписать въ книгу то, что на проф. лекціяхъ замѣтилъ.	письма.
—9—10 лекція Мартенса.	—	—	—	—		Послѣ
—10—11 — Буле.	—	—	—	—		обѣда
—11—12 фр. лек. Ponsherat.	—	—	—	—	отъ 11 до 12 Ponsherat.	гулять!
						гулять!
Послѣ обѣда:		Послѣ обѣда			Посл. об.	гулять!
отъ 1—2 повтор. Шлецера.	—	—	—	—	ходить въ библіотеку, концерты слушать, (*)	съ *сотечественниками.*
—2—3 лекція Шлецера.	—	—	—	—		
—3—4 повторить Герена.	—	—	—	—		
—4—5 лекція Герена.	—	—	—	—	Исторія или	
—5—6 лекція Бутервека.	—	—	—	—	Литтература.	Ввечеру
—6—7 Анг. лекторъ Ланштетъ.	—	—	—	—		приготовиться
—7—8 повторить Бутервека	—	—	—	—		къ понедѣльнику.
—8—9 приготовиться отъ Лангш. и Ponsherat.	—	—	—	—		
—9—10 древней Исторіей и Литтературой заниматься.	—	—	—	—		
—10—11 Тоже.	—	—	—	—		

(*) Я записался въ здѣшній Liebhaber-Concert, которой бываетъ каждую субботу.

Можетъ быть, въ послѣдствіи времени надобно будетъ сдѣлать нѣкоторую перемѣну, но я тогда увѣдомлю. Теперь съ Божіимъ и родительскимъ благословеніемъ и съ собственными возможными стараніями надѣюсь я начать и кончить учебное свое поприще къ вашей радости и утѣшенію. Меня ободряетъ мысль, что доброе намѣреніе безъ успѣха не остается.

Профессоръ Шлецеръ позволилъ мнѣ ходить къ себѣ по вечерамъ и спрашивать истолкованія въ нѣкоторыхъ трудныхъ мѣстахъ его Исторіи. Я постараюсь познакомиться съ нимъ покороче и воспользоваться обширными его знаніями въ Исторіи, особливо Россійской.

Недавно получилъ я отъ Ивана Ивановича Шварца письмо изъ Лейбцига; онъ пишетъ, что товарищъ нашъ Г-нъ Успенской выздоровѣлъ и не поѣхалъ съ извощиками въ Москву. Я думаю, что Г-нъ Успенской пріѣдетъ скоро сюда; здѣсь и по его части есть хорошіе профессора. Человѣкъ Андрея Сергѣевича доставитъ вамъ книги и другія посылки, которыя посланы мною изъ Лейбцига. Всему приложенъ реэстръ.

Я все еще не получалъ отъ васъ ничего; конечно, вы изволили дожидаться моего письма изъ Лейбцига. А отъ брата я имѣю уже три письма; я очень радъ, что намъ теперь можно скорѣе получать другъ отъ друга письма. Товарищи мои свидѣтельствуютъ вамъ истинное свое высокопочитаніе и просятъ о продолженіи къ нимъ вашихъ милостей. Усерднѣйше кланяюсь любезнѣйшему Максиму Ивановичу и покорнѣйше прошу его хоть въ вашемъ письмѣ приписать ко мнѣ когда-нибудь; это послужитъ мнѣ увѣреніемъ, что онъ меня помнитъ.

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ честь имѣю свидѣтельствовать глубочайшее свое почтеніе, также и любезнѣйшей сестрицѣ.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка и
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Здравствуйте, любезные братья! Когда увидите Антона Антоновича, то засвидѣтельствуйте ему мое истинное почтеніе, также и Барону.—Простите; не забывайте прежнихъ нашихъ братскихъ совѣтовъ; любите другъ друга; утѣшайте, сколько можете, Батюшку и Матушку и помните вашего брата и друга.

Александръ Тур.

Андрей Сергѣевичъ вамъ кланяется.

Бориса и Митеньку цѣлую.—Простите.

На оборотѣ: à Moscou. Его Высокородію Милостивому Государю Ѳедору Петровичу Ключареву, а васъ покорнѣйше прошу доставить Его Превосходительству Ивану Петровичу Тургеневу, въ Москвѣ въ Университетѣ. p. Berlin à Moscou.

15.

Гетингъ. Октября $\frac{31}{19}$.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Я думаю, что теперь вы изволили уже получить письмо мое, гдѣ я писалъ о моемъ планѣ; но еще прибавилъ я себѣ одну историческую лекцію; отъ 3-го до 4-го часа послѣ обѣда слушаю я у того же Профессора Герена и древнюю Исторію; отмѣнной даръ его преподавать новую исторію побудилъ меня слушать у него и древнюю, и я теперь очень радъ, что не пропустилъ этой лекціи.—Профессоръ Шлецеръ мнѣ отмѣнно полюбился за свой образъ преподаванія и за то, что онъ любитъ Россію и говоритъ о ней съ такою похвалой и съ такимъ жаромъ, какъ бы самой ревностной сынъ моего отечества. Въ первой разъ, говоря о вліяніи, какое дѣлаетъ Россія на всю Европу, и вычисляя ее побѣды, въ присудствіи многихъ Нѣмецкихъ Графовъ и дворянъ, заключилъ онъ лекцію сими словами: Und endlich Theilung von Deutschland durch Russland *commandirt!* Какой больше чести для Россіи и какого больше униженія для Германіи! Онъ мнѣ нравится и тѣмъ, что онъ смотритъ на Исторію и трактуетъ ее философически; не занимается простымъ описаніемъ происшествій, но, какъ философъ, показываетъ причины ихъ, дѣйствія, какія они имѣли; и у него какой то особенной даръ краснорѣчія и остроты.—При всемъ томъ есть Нѣмцы, которыя спятъ у него на лекціи!! c'est ici du bon ton!

Недавно отнесъ я къ Блуменбаху переводъ свой его книжки; онъ очень меня благодарилъ и велѣлъ мнѣ написать французскими буквами русское названіе книжки; это вѣрно будетъ напечатано въ какомъ нибудь журналѣ. Я обѣщалъ ему перевесть и вторую вышедшую часть, но не знаю, достанетъ ли мнѣ времени сдержать свое слово.

Братъ пишетъ ко мнѣ, что они безпрестанно ожидаютъ въ Вѣну великаго Князя. Конечно, Его Выс. получилъ позволеніе путешествовать; можетъ быть, удастся гдѣ-нибудь съ нимъ встрѣтиться.

Покорнѣйше прошу вычесть изъ тѣхъ денегъ, которыя вы изволите мнѣ сюда переслать, столько, сколько нужно на покупку остальныхъ частей моего Бюфона; мнѣ не хочется разрознивать такое прекрасное изданіе; я ужъ просилъ Алек[сѣя] Ѳед[оровича] Мерзлякова, чтобъ онъ сходилъ къ Готье и взялъ бы у него послѣднія части, естьли они вышли.

Я думаю, что вамъ всего удобнѣе будетъ пересылать векселя къ Ивану Ивановичу Шварцу на имя Лейбцигскаго банкира, а Иванъ Ивановичъ доставитъ сюда намъ ихъ золотомъ; здѣсь въ Гетингенѣ банкира нѣтъ.

Надѣюсь черезъ нѣсколько времени прислать Матушкѣ переводъ свой *на Англинской*; пусть и это будетъ хоть малымъ доказательствомъ, сколько для меня свято исполнять волю вашу.

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе. Очень желаю узнать, возвратился ли Иванъ Володиміровичь и, естьли нѣтъ, то долго ли, думаете вы, продолжится его коммисія.—Иногда, въ минуты спокойнаго духа, размышляю я о тѣхъ благодѣтельныхъ дѣйствіяхъ, какія имѣли сіи два человѣка на мой характеръ, на мое моральное образованіе, и чувства моей привязанности къ нимъ и любви становятся гораздо живѣе.

Любезному стихотворцу Максиму Ивановичу усерднѣйше кланяюсь; мнѣ братъ писалъ, что онъ получилъ оду на Коронацію его соч..

Николаю Лукьяновичу мое почтеніе.

Съ чувствами сыновняго глубочайшаго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Николашу и Сережу обнимаю.

PS. Теперь я, можетъ быть, не всегда буду имѣть время писать каждую недѣлю; часто случается, что почта отходитъ во время лекціи.

На оборотѣ: A Moscou. Его Высокородію Милостивому Государю Ѳедору Петровичу Ключареву, а васъ всепокорнѣйше прошу доставить Его Превосходительству Милостивому Государю Ивану Петровичу Тургеневу въ Москвѣ въ Университетѣ. p. Berlin *à Moscou.*

16.

Ноябрь.

Милостивой Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Все еще не имѣю отъ васъ никакого извѣстія; я начинаю сомнѣваться, не пропали ли письма, такъ какъ это очень легко можетъ случиться при та-

комъ дальномъ разстояніи — особливо на границѣ. Но, можетъ быть, не получу ли на этой недѣлѣ. И Андрей Сергѣевичь ничего не получалъ еще и изъ Петербурга отъ братьевъ, хотя мы съ дороги просили ихъ, чтобъ они тотчасъ по полученіи нашихъ писемъ писали къ намъ прямо въ Гетингъ. Отъ брата получаемъ письма каждую недѣлю; онъ пишетъ, что всѣ ихъ канцелярскіе были представлены Римскому Императору.

Теперь, кажется, начинаю я привыкать къ сидячей жизни—признаюсь, что сперва трудно очень показалось сидѣть по крайней мѣрѣ 12 часовъ въ день, но чѣмъ больше занимаешься, тѣмъ больше находишь удовольствія въ этомъ. По середамъ и по суботамъ послѣ обѣда отъ 1 до 2-хъ слушаю я еще одну публичную лекцію у Профессора Гофмана о *Физіологіи растѣній*.

Естьли изволите увидѣть Николая Михайловича Карамзина, то скажите ему, что извѣстной сочинитель Вейсе, котораго посѣщалъ онъ въ Лейбцигѣ, его помнитъ и велѣлъ ему кланяться чрезъ одного изъ моихъ здѣшнихъ соотечественниковъ.

Сдѣлайте одолженіе, увѣдомьте насъ, котораго числа будетъ у насъ святая недѣля, чтобъ мы, по крайней мѣрѣ, могли здѣсь какъ нибудь отличить эти дни отъ прочихъ. Намъ недавно удалось купить здѣсь на аукціонѣ нѣсколько русскихъ и славянскихъ книгъ, между прочимъ *Прологъ*.

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ честь имѣю свидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе; также и любезнѣйшей сестрицѣ.

Милостивому Государю Антону Антоновичу, Григорью Прохоровичу, Максиму Ивановичу и Николаю Лукьяновичу свидѣтельствую мое усерднѣйшее почтеніе.

Николашу и Сережу цѣлую.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ глубочайшимъ сыновнимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

На оборотѣ: A Moscou. Его высокородію Милостивому Государю Ѳедору Петровичу Ключареву, *въ Москвѣ*, а васъ всепокорнѣйше прошу вручить Его Превос-ву Ивану Петровичу Тургеневу, въ Московскомъ Университетѣ, *въ Москвѣ*. p. Berlin.

17.

Ноября $\frac{29}{17}$ 1802. Гетингенъ.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Сегодня обрадовалъ насъ одинъ изъ нашихъ Русскихъ, сказавъ, что онъ получилъ изъ Москвы извѣстіе, что въ Россіи учреждено 6 Университетовъ и что каждой будетъ имѣть подъ своимъ вѣденіемъ извѣстное число народныхъ училищъ, которыя будутъ къ нему относиться. Какая щастливая мысль! Теперь точно, кажется, зависитъ все отъ тѣхъ, коимъ поручено будетъ приводить въ исполненіе эту огромную машину просвѣщенія. Онъ также сказывалъ, что Россія будетъ какъ бы раздѣлена на 6 дистриктовъ и что въ каждомъ будетъ Университетъ. Нетерпѣливо желаемъ знать судьбу нашего стараго Московскаго Университета; этотъ дистриктъ долженъ быть самой обширной.—Я не могу найти причины, по какой по сю пору не получилъ еще отъ васъ никакого извѣстія. Каждую почту льщу себя надеждой получить письмо—и до сего времени все еще обманывался; а письмамъ вашимъ, кажется, пропадать нельзя. Я свои для вѣрности всегда надписывалъ Ѳедору Петровичу, но теперь рѣшился надписать прямо на имя Батюшки. Можетъ быть, Ѳедоръ Петровичь отставленъ и уѣхалъ въ деревню, а письма мои посылаются къ нему, и это замедляетъ ихъ доставленіе.

Вчера профессоръ Шлецеръ пригласилъ меня къ себѣ на ужинъ, и я съ большимъ удовольствіемъ провелъ съ нимъ почти весь вечеръ. Онъ съ большимъ усердіемъ удовлетворяетъ моему любопытству, особливо въ Россійской Исторіи. Очень желаю знать, какой успѣхъ имѣлъ изданной имъ Несторъ, и получили ли вы уже его. Желательно бы, чтобы достойно награжденъ былъ этотъ десятилѣтній трудъ. Онъ мнѣ говорилъ, что, ежели его хорошо у насъ примутъ, то въ скорости послѣдуетъ Русская его Исторія. Мнѣ кажется, что нельзя намъ для нашей Исторіи имѣть лучшаго Историка, какъ его; онъ знаетъ хорошо Россію, сравнивалъ всѣ наши историческія источники въ оригиналахъ, и можетъ показать все то, что она имѣетъ интереснаго въ себѣ для ума и сердца; главное же то, что онъ безпристрастно судитъ и по сю пору, кажется, привязанъ къ Россіи и, какъ русской, любитъ ее.

Съ братомъ мы переписываемся довольно часто, и онъ обѣщалъ уже мнѣ прислать на время ваши письма, которыя вы изволили къ нему писать.

Какое для меня будетъ удовольствіе получить, наконецъ, по столь долгомъ ожиданіи, самому письмо отъ васъ; а нетерпѣніе мое день ото дня прибавляется.

Товарищи мои свидѣтельствуютъ вамъ душевное свое высокопочитаніе и просятъ о продолженіи къ нимъ вашего добраго расположенія.

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое истинное почтеніе; также почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу. Николашу и Сережу братски цѣлую, ожидаю и отъ нихъ также приписанія. Бориса и Митеньку обнимаю.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ вѣчными чувствами глубочайшаго сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка,
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе всѣмъ тѣмъ, кои удостоятъ меня своего воспоминанія [1]).

Мамѣ желаю, чтобъ она была здоровѣе и не старилась, и увѣряю ее, что я ее помню.

На оборотѣ: A Moscou. Его Превосходительству Милостивому Государю Ивану Петровичу Тургеневу. *Въ Москвѣ*, въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, на Моховой. *A Moscou. Доставить вѣрнѣе.* p. Berlin.

18.

Гетингъ $\frac{23}{4}$ *Ноября. Декабря.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Принося усерднѣйшее поздравленіе Милостивой Государынѣ Матушкѣ съ драгоцѣннымъ для меня днемъ вашего Ангела, прошу всещедраго Бога, да продолжитъ дни ваши къ нашему общему щастію. Мнѣ остается ознаменовать этотъ день новыми усиліями быть ревностнѣйшимъ исполнителемъ родительской воли вашей. Естьли лишенъ сердечнаго удовольствія провести этотъ день съ вами, то по крайней мѣрѣ проведу его съ тѣми моими соотечественниками, которыя принимаютъ во мнѣ искреннѣйшее участіе.

Наконецъ, къ общей нашей радости получилъ я дражайшее письмо ваше отъ 27-го Октября. Я самъ себѣ не умѣлъ дать отчета въ томъ, что

1) Въ письмѣ исправлено изъ «воспоминовенія».

я чувствовалъ въ первыя минуты. Кажется, что я еще никогда не имѣлъ такой живой радости.—Я не знаю, отчего мнѣ хочется, Батюшка, чтобъ вы изволили остаться въ Университетѣ, по крайней мѣрѣ хоть Куратором. Неужели по сю пору нѣтъ никакого рѣшенія касательно васъ и нашего Университета?

Мнѣ весьма пріятно, что вы изволили апробовать мое расположеніе лекцій. Я употребляю все, чтобъ воспользоваться, сколько можно, временемъ и случаемъ; главная цѣль моя исполнить волю вашу и быть по возвращеніи по возможности полезнымъ моимъ братьямъ.—Вотъ точка, которой я никогда не терялъ изъ виду, и не почелъ бы себя достойнымъ любви вашей и братской привязанности, естьлибъ я учился только для себя, имѣя въ виду только собственное удовольствіе и собственную пользу.—Нѣтъ, я только тогда буду видѣть пользу изъ своего ученія, когда раздѣлю ее съ братьями.

Мнѣ очень удивительно, что братъ не опредѣленъ еще формально къ Миссіи; онъ самъ мнѣ писалъ, что онъ оставленъ въ канцеляріи Гр. Разумовскаго.

О землетрясеніи здѣсь уже нѣкоторыя знали по Гамбургскимъ газетамъ, въ которыхъ оно довольно страшно описано, но намъ это было совершенная новость. Въ Царственномъ лѣтописцѣ я еще другое землетрясеніе нашелъ, бывшее въ 1230 году въ Кіевѣ и Владимірѣ.

Почтенному Ивану Андреевичу Гейму я чувствительно благодаренъ за его увѣдомленіе. Описаніе найденнаго чуднаго животнаго понесу на этой недѣлѣ къ Блуменбаху.

Милостиваго Государя Петра Ивановича и Григорья Прохоровича честь имѣю поздравить съ полученіемъ Монаршей милости; насъ всѣхъ очень порадовало, что заслуги нашихъ Университетскихъ награждаются.

Жаль, что достойный уваженія Николай Михайловичь и по душѣ и по своимъ талантамъ имѣетъ столько злобныхъ завистниковъ; но тѣмъ славнѣе для него, что онъ умѣлъ пренебречь ихъ.

О просвѣщеніи, Батюшка, я самъ подумаю и поговорю съ тѣми, отъ коихъ оно должно бы изливаться, сравню ихъ мысли съ вашими, но не надѣюсь, чтобъ они были сходны.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности, честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка,
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Николашу и Сережу цѣлую.

Въ газетахъ пишутъ, что въ Константинополѣ провалился весь сераль; здѣшніе ученые думаютъ, что землетрясеніе, бывшее въ Москвѣ, есть продолженіе Константинопольскаго.

Приписка А. С. Кайсарова (9).

Сей часъ лишь выпили мы по рюмкѣ вина за здоровье Милостивой Государыни Катерины Семеновны; всѣ желали здоровья и веселья; я пожелалъ всего того, чего желаетъ Андрей Ивановичь и Александръ Ивановичь. — Говорятъ, что тотъ щастливъ, кто можетъ тотчасъ разкаяваться въ грѣхахъ своихъ, слѣдовательно, и я щастливъ: я чувствую, что очень виноватъ передъ вами, Милостивый Государь Иванъ Петровичь, но я не хочу одинъ остаться неправъ! Всамомъ дѣлѣ, Александръ Ивановичь всему причиною: онъ такъ краснорѣчивъ, такъ многословенъ въ своихъ повѣствованіяхъ, что мнѣ ничего не остается донести вамъ. — Къ Матушкѣ и къ братьямъ пишу я всякія двѣ недѣли; но ни отъ кого изъ нихъ не получалъ до сихъ поръ ни строки. Ко всѣмъ моимъ товарищамъ родные и пріятели пишутъ, а мои ближніе далеко отъ меня сташа! Спасибо Андрею Ивановичу, тотъ не забываетъ меня. Онъ, видно, знаетъ, что значитъ получить хоть строчку отъ своего человѣка на чужой сторонѣ. — У насъ здѣсь носятся самые пріятные слухи: говорятъ, что заводятъ еще нѣсколько университетовъ на Руси; будто есть ужъ какой-то министръ просвѣщенія. Видно, не на шутку Музы подружились съ нашимъ добрымъ Государемъ! Бѣда чужестранцамъ! Парнаскія дѣвы перебѣгутъ въ давно уже любимой ими сѣверъ. Видно, пришла уже та минута, въ которую должно сдѣлаться потрясеніе не въ землѣ только, но и въ умахъ, въ Геніяхъ Рускихъ. Даже нѣмцы не могутъ говорить безъ восхищенія о *виновникѣ Роскаго блаженства.* Напримѣръ, Шлецеръ въ послѣдній разъ, показывая указы Александра I-го, воскликнулъ: «Естьли сдѣлать только экстрактъ изъ нихъ, то ужъ и это будетъ панегирикъ молодому, доброму Императору». Нельзя не радоваться Рускому сердцу, слышавъ не разъ въ день такіе похвалы своему Государю. — Вы насъ изволили привести въ сомнѣніе своимъ письмомъ. Мы не знаемъ, что подумать о перемѣнѣ вашего мѣста. Избави Богъ отъ того, что мы думаемъ! Неужели Университетъ долженъ будетъ лишиться васъ! Мы не хотимъ и огорчать себя заранѣе этою мыслею. — Съ чувствами совершеннаго высокопочитанія честь имѣю быть

ваше Превосходительство

Милостивый Государь!

вашъ

Покорнѣйшій слуга Андрей Кайсаровъ.

Почтеннѣйшаго Максима Ивановича душевно обнимаю. Николая и Сергѣя Ивановичевъ цѣлую мысленно.

19.

Гетингенъ $\frac{23}{4}$ *Ноября. Декабря.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Вы изволили писать, что вамъ угодно видѣть журналъ мой, которой я велъ во время дороги. — Я порядочнаго, ежедневнаго журнала не писалъ, а иногда, желая выразить тѣ чувства, кои сперва погребалъ я въ себѣ, я ихъ записывалъ; но это очень рѣдко. Причина тому, что я не послалъ этихъ отрывковъ та, что я боялся обнаружить предъ вами чувствъ своихъ, въ которыхъ ничего нѣтъ порочнаго, но которыя всѣ сливались въ одно — въ чувство упрековъ совѣсти. Зная всю силу вашей родительской нѣжной любви ко мнѣ, я боялся, чтобъ они не похитили у васъ нѣсколько спокойныхъ минутъ, которыми мнѣ дорожить должно. — Теперь, когда я сталъ гораздо спокойнѣе, мнѣ весьма пріятно раздѣлить сіи чувства съ вами. Во всю дорогу не покидала меня мысль, что я оставилъ васъ, оставилъ и братьевъ своихъ, которымъ бы я могъ быть полезенъ. Часто не воображалъ я себѣ никакой отмѣнной пользы въ моемъ путешествіи; а удовольствіе, казалось мнѣ, не могу я имѣть потому, что нигдѣ не дадутъ мнѣ покою мои мысли, и чѣмъ больше размышлялъ я о своей поѣздкѣ, тѣмъ менѣе находилъ я достойной выгоды, для которой можно бы сдѣлать такое пожертвованіе. — Для чего, думалъ я, оставилъ я отеческой домъ свой, свое семейство? Для чего? — Учиться, обогащаться познаніями, чтобы послѣ ему же быть въ утѣшеніе, его же отрадою и радостію; — но развѣ въ кругу его я не могъ сдѣлаться достойнымъ сыномъ? развѣ Лопухины не созрѣли въ объятіяхъ отца своего? Или могу я надѣяться со всѣми моими будущими познаніями, опытами сравняться съ ними? — нѣтъ, никогда; я почелъ бы себя щастливымъ, естьлибъ весьма слабое подражаніе могло быть моимъ удѣломъ, и оно одно уже возвысило бы въ собственныхъ глазахъ моихъ цѣну мою.

Конечно, теперь я чувствую, что здѣсь имѣю случай пріобрести столько, что по возвращеніи могу быть для братьевъ гораздо полезнѣе, нежели бы былъ, оставшись въ Москвѣ. Но я страшусь, чтобы въ мое отсутствіе не поселились въ нихъ худыя привычки. Что естьли сіе случится? Я никогда не перестану винить въ томъ себя; вамъ не возможно видѣть въ нихъ того, что бы я могъ видѣть и предостерегать въ нихъ, потому что я самъ недавно вышелъ изъ ихъ возраста, слѣдовательно, все у меня еще въ свѣжей памяти. Ни одного разу не вспоминалъ я безъ слезъ о братьяхъ. Они плакали, про-

вожая меня и говорили: «Вить вы скоро будете!» Что я тогда чувствовалъ! И тогда уже раскаяніе меня мучило. Мнѣ казалось, что они съ видомъ упрека говорили мнѣ: «Развѣ вы не чувствуете, что мы васъ любимъ, что мы имѣемъ въ васъ нужду; зачѣмъ вы насъ оставляете?» — Братья, братья, коихъ любви и привязанности я не достоинъ — простите меня — я виноватъ передъ вами!

Въ такомъ-то случаѣ, когда чувствуешь въ полной силѣ проступокъ свой и не въ состояніи исправить его, тогда-то принужденъ человѣкъ прибѣгнуть къ Единому Всемудрому Существу, положиться на него и отдаться въ волю Его, увѣрившись всѣмъ сердцемъ, что все устрояетъ Оно къ лучшему. Resignation in this instance is the softest pillow, on which we can lay our heads. Bolingbroke. La resignation en ce cas là est le plus tendre oreiller, sur le quel nous pouvons reposer nos têtes.

По крайней мѣрѣ, со мной мало еще бывало такихъ случаевъ, какъ этотъ, для которыхъ бы почувствовалъ я необходимость въ твердой надеждѣ на Провидѣніе. Впрочемъ, и самыя сіи минуты, въ которыя со слезами думаю я о васъ, о вашемъ для насъ пожертвованіи, о братьяхъ, и самыя сіи минуты имѣютъ въ себѣ иногда для меня много сладостнаго, особливо тогда, когда я почувствую, что я имѣю и душевныя и тѣлесныя силы исполнить волю вашу и быть Николашѣ и Сережѣ полезнымъ.

Переписка съ братомъ, съ которымъ мы къ нашему общему щастію въ чувствахъ сходны, меня успокоиваетъ. Я горжусь и утѣшаюсь, что и я то же чувствую, что и братъ, хотя очень, очень слабѣе.

Вотъ слабое изображеніе тѣхъ чувствъ, кои владѣли мною во время дороги; я его посылаю точно такъ, какъ оно вылилось тогда изъ пера моего. Я бы желалъ, чтобъ вы не изволили никому показывать сего письма, кромѣ Петра Володиміровича, которой также, какъ и вы, повѣритъ искренности чувствъ моихъ.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ глубочайшимъ сыновнимъ почтеніемъ и совершенною преданностію, честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Что касается до того, что казалось мнѣ замѣчательнымъ, я не пропускалъ вписывать всего въ свою книжку, только очень коротко, для того чтобы послѣ вспомнить.

20.

Гетингенъ $\frac{12}{30}$ *Декабря. Ноября.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Сегодня братнины именины, но я по утру совсѣмъ не вспомнилъ объ этомъ, привыкнувъ праздновать ихъ зимою, а у насъ по сю пору еще все осень. — Вы изволили, Батюшка, писать, чтобъ я за собою чаще замѣчалъ, но я уже и такъ съ нѣкотораго времени самъ на себя очень сердитъ, и вотъ какая причина: я вижу, что непремѣнно нужно мнѣ взять для себя какую-нибудь особую часть и заниматься ею больше, нежели другими частями; но я по сю пору не могу ни на что рѣшиться и посвятить большую часть своего свободнаго отъ лекцій времени чему-нибудь одному. Когда я выхожу изъ коллегіи Проф. Буля, то я рѣшаюсь заниматься больше чтеніемъ философскихъ книгъ и прельщаюсь философіей, которая можетъ научить человѣка такъ остро судить и такъ глубоко и ясно видѣть отношенія вещей. Проф. Геренъ заставляетъ меня любить древность. Иногда вдругъ придетъ мнѣ сильное желаніе видѣть развалины, и въ иныя минуты я право бы рѣшился ѣхать въ Египетъ видѣть древнія величественныя пирамиды. А Проф. Шлецеръ, о! ему обязанъ я многими пріятными часами, и онъ на меня имѣетъ больше всѣхъ дѣйствія; у него что-то свое оригинальное и въ мысляхъ и въ выраженіи; я совсѣмъ не думалъ, чтобъ нашу древнюю Русскую Исторію можно было трактовать такъ занимательно. Не проходитъ ни одной лекціи, чтобъ онъ не сказалъ какова-нибудь острова слова; и все это такъ легко (aisé), пріятно, какъ будто бы разсказываетъ анекдоты. Какъ бы я желалъ, чтобъ онъ написалъ поскорѣе полную Рускую Исторію, чтобъ имѣть удовольствіе перевести ее.

Wegen dieser schwankenden Unentschlossenheit bin ich sehr mit mir selbst unzufrieden und oft setzt sie mir (s.) in eine sehr üble Laune. Ich wünschte und ich fühle es, dass ich mich einem Theile der Wissenschaften widmen muss, aber ein nach dem andern gewinnt über mich die Oberhand — und ich bleibe eben so unentschlossen, als vorher. — Freilich liegt die grösste Schuld in meinen Professoren, deren jeder eine so ausnehmende Kunst besitzen (s.) Ihre Zuhörer auf Ihre Seite zu ziehen. Schlözer hat uns vorgeschlagen, dass, wenn einige von den Russen noch mehr von der *Entstehung* des Russischen Reichs wissen wollen, so sei er mit Vergnügen gesonnen uns noch einige Stunden der

Woche nur allein für diesem (s.) wichtigen Theil der Russischen Geschichte zu widmen und würde seine Meinungen und Hipothesen aus Gründen weitläuftiger beweisen. Es haben sich sechse Liebhaber von uns gefunden und wir wollen diese Gelegenheit nützen. Es wundert mich, dass der junge Schlözer bis jetzt noch nicht die Exemplaren von seines Vaters Nestor bekommen hat. Schon mehr als drei Monate hat der Autor sie nach Moskwa geschickt. Ich wünsche sehr die Meinung unserer Professoren von diesem Werke zu wissen.

Что то скажетъ Харитонъ Андреевичь? Я бы желалъ также, чтобъ вы, Батюшка, изволили прочесть въ Несторѣ посвятительное письмо Государю, въ которомъ видна уже оригинальность Автора.

На этой недѣлѣ былъ здѣсь сынъ Англинскаго Короля, покровитель здѣшняго Университета; но мнѣ не удалось видѣть его, потому что онъ скоро уѣхалъ.

Почтенному Максиму Ивановичу я чувствительно благодаренъ и за приписаніе и за комплименты. Конечно, не нужно ему напоминать мнѣ о томъ, чтобъ я его помнилъ. Я слишкомъ много люблю его и почитаю, чтобъ могъ забыть когда-нибудь его дружбу. Какъ бы желали мы всѣ читать его вышедшее путешествіе; но, видно, долго еще дожидаться намъ этого удовольствія. Мы заранѣе радуемся, что увидимъ, возвратившись въ свое Отечество, столько новыхъ неизвѣстныхъ намъ сочиненій. Съ какою жадностію будемъ мы читать всѣ выходившія журналы!

Николашу и Сережу цѣлую и братски прошу ихъ, чтобъ они не забывали того, что обѣщали намъ.

Препоручая себя родительскóму вашему благословенію, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Почтеннѣйшей Аннѣ Ѳедоровнѣ приношу чувствительнѣйшую мою благодарность за то, что она удостоиваетъ меня своимъ воспоминаніемъ.

Сей часъ получилъ отъ брата письмо; онъ пишетъ, что Яковъ Ивановичь Булгаковъ въ письмѣ къ сыну своему говоритъ, что братъ не опредѣленъ къ Миссіи и что Гр. Кочубей ложно увѣдомилъ васъ о его опредѣленіи. Не знаю, жалѣть ли объ этомъ или радоваться. Можетъ быть, это къ лучшему, и брата пошлютъ сперва въ Парижъ или въ Лондонъ Курьеромъ и

потомъ опредѣлятъ уже къ какой-нибудь Миссіи. Мнѣ непріятно только, что переписка наша съ нимъ опять должна разорваться, которая уже очень порядочно установилась и приносила намъ много удовольствія.

Любезнѣйшему другу Василью Степановичу усердно кланяюся.

21.

Гетингенъ 7 Декабря.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Вчера получилъ я письмо ваше къ брату отъ 10-го Ноября, которое вы изволили ошибкою запечатать въ мой пакетъ; но я этому очень радъ; желалъ бы, чтобъ и впередъ вы изволили дѣлать такія ошибки: мнѣ бы тѣмъ чаще доставалось имѣть отъ васъ извѣстія. Я сегодня же посылаю письмо ваше къ брату, а отъ него надѣюсь получить свое, которое вы, можетъ быть, запечатали въ его пакетъ. Теперь ужъ я не знаю, удастся ли мнѣ съѣздить на ваканцію къ брату въ Вѣну; можетъ быть, его тамъ не будетъ; естьли же онъ останется при Графѣ, то онъ, вѣроятно, опять его возметъ съ собою лѣтомъ въ Карлсбадъ, и тогда брату удобнѣе будетъ выпросить у Графа позволенія заѣхать къ намъ въ Гетингенъ; отсюда Карлсбадъ не очень далеко; а братъ бы могъ воспользоваться симъ случаемъ и увидѣть Гетингенъ и нашихъ ученыхъ, dont des quelques uns il est l'admirateur, par. ex. Bouterveck, l'auteur de Donamar.—Я думаю, я писалъ уже вамъ, что здѣсь весьма удобной случай покупать за отмѣнно дешевую цѣну на аукціонахъ книги. Недавно удалось мнѣ, между прочимъ, купить полной переводъ всей библіи славнаго Михаэлиса; 16 томовъ in quarto заплатилъ я три талера съ половиною; а въ лавкахъ стоитъ оно здѣсь 19 тал. Переводъ этотъ вамъ долженъ быть извѣстенъ.

Вчера былъ я въ здѣшнемъ ученомъ обществѣ. Доцентъ мой Проф. Буле читалъ рѣчь о происхожденіи Масонскаго общества; доказывалъ, что оно родилось отъ одного романа, которой приняли за истинную быль; утверждалъ основательно (aus Gründen, какъ говорятъ Нѣмцы), что ненадобно вѣрить древнему его происхожденію, но что оно не прежде какъ въ 1610-мъ году получило свое начало. Главною цѣлію общества полагаетъ онъ благотвореніе, какъ своимъ согражданамъ, такъ и чужестранцамъ—словомъ филантропію. Я думаю, что никого не было въ собраніи, кому бы интереснѣе

было слушать эту матерію. Я вспоминалъ своихъ Филантроповъ и мысленно благодарилъ Оратора за его безпристрастіе и истину. Рѣчь сія будетъ напечатана на латинскомъ языкѣ in Göttingishen gelehrten Anzeigen; а можетъ быть, — также и на нѣмецкомъ. Но я постараюсь выпросить ее у Автора и доставить вамъ. Мнѣ понравилась въ здѣшнихъ ученыхъ свобода и непринужденность въ обхожденіи, которая отличаетъ ихъ отъ прочихъ Нѣмцовъ. Собраніе ученое бываетъ въ мѣсяцъ разъ; я не стану пропускать ни одного случая; не всякому и не всегда удастся сидѣть вмѣстѣ съ Гайномъ и проч..

Я началъ брать математическія уроки три раза въ недѣлю у одного молодова Доктора Иде. Онъ будетъ проходить со мной съ самыхъ началъ и въ Философскомъ духѣ, такъ чтобы сіе облегчало мнѣ логическую лекцію.

Теперь я совершенно спокоенъ, приказанія Матушкины всѣ выполнены. Въ Англинскомъ языкѣ, кажется, есть изрядныя успѣхи; не знаю, каковы будутъ въ математикѣ. Только учиться говорить по Англински нѣтъ здѣсь случая; всего одинъ или два студента въ Гетингенѣ изъ Англичанъ; съ ними я не знакомъ, и они не возьмутъ на себя труда говорить со мной по Англински, когда могутъ говорить по Нѣмецки.

Сюда пріѣхалъ на сихъ дняхъ еще одинъ русской, бывшій гвардіи офицеръ Горихвостовъ; но онъ не хочетъ здѣсь оставаться, а ѣдетъ далѣе и скоро будетъ въ Парижѣ, потомъ въ Лондонѣ и черезъ Голландію проѣдетъ въ Вѣну. Планъ его—чтобъ послѣ можно было сказать: я объѣхалъ почти всю Европу—chacun a son gout!

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу свидѣтельствую мое высокопочитаніе. Душевная моя привязанность къ нему безпрестанно умножается; особливо прочитавъ слова Батюшкины въ письмѣ къ брату: *съ нимъ какъ въ земномъ раю.* Что за это одно должно намъ съ братомъ чувствовать къ сему благодѣтелю!—Братъ мнѣ прислалъ всѣ письма, кои вы изволили писать къ нему.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго почтенія и преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Николашу и Сережу цѣлую; faites mes compliments à M-r Tomashevitsch.

У насъ становится порядочная зима; только снѣгу еще совсѣмъ нѣтъ.

22.

$\frac{30}{18}$ *Декабря.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Пользуясь введеннымъ обычаемъ, спѣшу принести вамъ усерднѣйшее поздравленіе съ Новымъ годомъ и сопутствовать васъ всѣмъ, что только можетъ пожелать сынъ, исполненный неограниченною къ вамъ любовію, коего всѣ наслажденія и радости жизни зависятъ отъ вашихъ и коего самыя пламенныя желанія сливаются почти въ одно — чтобы вы съ каждымъ новымъ чувствомъ бытія своего находили въ себѣ и въ насъ новыя источники тихаго ненарушимаго наслажденія и новыя причины благодарить общаго ихъ виновника.

Вчера пригласилъ меня Проректоръ на великолѣпный, по здѣшнему, ужинъ. Сіе должно почитать за особенный знакъ его вниманія къ Русскимъ. Онъ говоритъ, что здѣсь нѣтъ никого, кто бы такъ хорошо велъ себя, какъ Русскіе, и самъ просилъ, чтобъ мы не имѣли никакого сообщества съ Нѣмецкими студентами. Я нашелъ тамъ много профессоровъ и изъ всѣхъ націй, какія здѣсь есть, человѣка по два студентовъ, между прочимъ и француза, сына славнаго живописца Давида. — Въ первый разъ еще былъ я въ такомъ многочисленномъ нѣмецкомъ обществѣ. Дамы сдѣлали мнѣ честь, или, можетъ быть, находили и удовольствіе говорить со мной во все продолженіе стола о моемъ отечествѣ, о моемъ путешествіи; но я еще все не привыкъ величать ихъ: Frau Hofrathinn, Frau Professorinn, а учтивость этого требуетъ.

Въ Гамбургскихъ газетахъ пишутъ, что Михайло Матвѣевичь отставленъ съ пенсіею и что на мѣсто его сдѣланъ Куратором Кутузовъ; это долженъ быть Павелъ Ивановичь, тотъ же, которой и былъ; слѣдовательно, Университетъ *не потерялъ* и не выигралъ. Поэтому вѣроятно, что и Коваленской будетъ отставленъ. Мы всѣ нетерпѣливо ожидаемъ отъ васъ извѣстія.

Естьли будетъ случай, сдѣлайте милость, доставьте намъ календарь на слѣдующій годъ; весьма неловко безъ него; можетъ быть, нельзя ли будетъ переслать черезъ извощиковъ въ Лейбцигъ къ Ивану Ивановичу Шварцу, а онъ уже доставитъ намъ вѣрно. — Успенской остался на эти полгода въ Лейбцигѣ, а на слѣдующіе, можетъ быть, пріѣдетъ къ намъ. По его части и

тамъ можно найти много упражненія. Онъ живетъ у Консула и очень имъ доволенъ.

Здѣсь на этой недѣлѣ по случаю праздниковъ и новаго году лекцій нѣтъ.

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ усерднѣйшее приношу поздравленіе съ наступающимъ Новымъ Годомъ и душевно желаю провести его въ ненарушимомъ спокойствіи.

Николашу поздравляю съ прошедшими его именинами; мы съ братомъ вмѣстѣ этотъ день вспомнили. Цѣлую ихъ всѣхъ и съ новымъ годомъ желаю имъ новыхъ успѣховъ въ ученьи, и чтобъ они обо мнѣ также часто вспоминали, какъ я объ нихъ.

Милостивому Государю Григорью Прохоровичу и Максиму Ивановичу свидѣтельствую мое почтеніе.

Впрочемъ, препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго почтенія и преданности честь имѣю быть,

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Ал. Тургеневъ.

Любезнѣйшему другу Василью Степановичу усердно кланяюсь.

23.

1803. Генв. 9.—1802. Дек. 28.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Вчера къ общему нашему удовольствію получилъ Г. Воиновъ отъ братьевъ письмо; они увѣдомили о вашемъ здоровьѣ и подтвердили извѣстіе, что Михайла Матвѣевичь отставленъ; но ничего не пишутъ—по собственной ли его прозьбѣ, или начался уже съ Университетомъ тотъ давно ожидаемый переворотъ, которой долженъ рѣшить судьбу его, и можно ли надѣяться, что вы останетесь при Университетѣ. Въ Гамбургскихъ газетахъ читали мы, что новой планъ Академіи художествъ подтвержденъ; кажется, что вѣдь онъ былъ послѣ Университетскаго поданъ въ Коммисію. На прошедшей недѣлѣ не было у насъ лекцій по случаю Новаго году; веселостей здѣсь никакихъ нѣтъ, только

что въ 12 часовъ наканунѣ Новаго году студенты по обыкновенію своему дѣлали большой шумъ, перебили въ городѣ всѣ фонари, и кончилось тѣмъ, что нѣсколько человѣкъ отвели въ карцеръ.

Я ходилъ поздравлять съ Новымъ Годомъ нѣкоторыхъ Профессоровъ и также Проректора, отъ котораго имѣлъ удовольствіе слышать похвалу Русскимъ и благодарность за наше поведеніе. Послѣ обѣда Шлецеръ былъ такъ учтивъ, что отплатилъ мнѣ визитъ и прислалъ карточку; признаюсь, что мнѣ было очень пріятно видѣть этотъ знакъ вниманія ко мнѣ отъ Шлецера! Сего дня ввечеру былъ я у него; онъ очень безпокоится, дошелъ ли его ящикъ съ книгами въ Москву; вотъ ужъ четыре мѣсяца, какъ онъ послалъ его и по сю пору не имѣетъ никакого извѣстія ни отъ сына ни отъ корреспондентовъ. Доброй старикъ принимаетъ меня всегда отмѣнно ласково; я узналъ отъ него, что братнинъ Министръ, Графъ Разумовской — его воспитанникъ, и что я пользуюсь теперь тѣми же самыми тетрадями, которыя употреблялъ и Графъ, когда учился у него Русской Исторіи. Отъ брата получаю всякую недѣлю раза два письма. Онъ писалъ, что имъ троимъ поручено разбирать Архивъ Вѣнскаго Посольства. Вѣроятно, что онъ долго еще пробудетъ въ Вѣнѣ, потому что надобно сперва уѣхать Шафонскому; а можетъ быть, Графъ и долѣе захочетъ оставить его, естьли работа ихъ продолжится, и онъ увидитъ, что братъ не по пустому живетъ въ Вѣнѣ. Мнѣ очень будетъ досадно, естьли частая переписка наша должна будетъ разорваться. Братъ недавно писалъ ко мнѣ, что лице его похоже на полную луну, но что онъ не знаетъ, толстѣетъ ли онъ или худѣетъ; онъ все еще не вѣритъ и собственнымъ глазамъ своимъ.—Я и самъ послѣ дороги началъ становиться en bon point; но теперь не много похудѣлъ и сталъ по прежнему; однакожь, при всемъ томъ я не менѣе здоровъ, какъ и былъ, естьли еще не больше.

Сюда еще недавно пріѣхало двое Русскихъ; одинъ изъ нихъ сынъ, думаю, Батюшкинова сослуживца, Сулимы, которой былъ у Графа Захара Григорьевича правителемъ канцеляріи. Сынъ получилъ на сихъ дняхъ извѣстіе, что Батюшкѣ его данъ орденъ С. Владимира первой степени.—Мы очень радуемся, что Русскихъ здѣсь прибавляется. Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ увидѣться двумъ землякамъ въ чужой землѣ; хоть прежде и не были знакомы, но здѣсь вдругъ дѣлаемся пріятелями, и первое удовольствіе говорить о Россіи, или получить какое-нибудь извѣстіе. Каждой сообщаетъ другъ другу, будучи увѣренъ, что тотъ приметъ участіе. Наше знакомство ограничивается почти одними Русскими; къ Нѣмцамъ что то сердце не лежитъ.

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе; также и почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу.

Братьевъ братски цѣлую.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами глубочайшаго почтенія и сыновней преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Милостивому Государю Антону Антоновичу, также Григорію Прохоровичу и Максиму Ивановичу свидѣтельствую мое усерднѣйшее почтеніе.— Любезнѣйшаго друга Василья Степановича поздравляю съ прошедшими именинами.

24.

1803. Генваря $\frac{16}{4}$.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Третьяго дня обрадовало меня письмо ваше отъ 11-го декабря; я весьма доволенъ, что вы изволили получить изъ Лейбцига все исправно. Успенскаго, Батюшка, вызывать теперь изъ Лейбцига невозможно, потому что на сихъ дняхъ писалъ ко мнѣ Иванъ Ивановичь Шварцъ, что онъ все еще боленъ. Мы, думая, что онъ совершенно выздоровѣлъ, приглашали его въ Гетингенъ; онъ поѣхалъ, но, какъ вамъ извѣстно, на половинѣ дороги опять занемогъ и возвратился въ горячкѣ.—Онъ не писалъ къ намъ, что просилъ у васъ позволенія воротиться. Я увѣренъ, что рѣшиться на сіе ему очень много стоило, потому что его очень безпокоитъ мысль, что онъ пріѣдетъ назадъ и не исполнитъ намѣреній своихъ начальниковъ; сіе же было причиною, что онъ не отправился съ извощиками въ Москву и остался въ Лейбцигѣ, надѣясь совершенно поправиться въ своемъ здоровьѣ; а теперь ѣхать ему одному кажется опасно, особливо по безпокойной нѣмецкой почтѣ. Я очень радъ, что вы изволили писать къ нему ласковое письмо; это его должно нѣсколько ободрить. Благодѣтельный Консулъ принимаетъ о немъ отеческія попеченія; но онъ все еще слабъ, очень слабъ.

Я послалъ къ брату для доставленія къ вамъ съ какимъ-нибудь курьеромъ рѣчь о происхожденіи Масонскаго общества, о которой я вамъ уже, кажется, писалъ. Пространнѣе и со всѣми цитатами будетъ она напечатана

на латинскомъ языкѣ. Но и тутъ уже помѣщено главное все, что можетъ быть вамъ интересно.—Кажется, что въ Англинскомъ языкѣ я подвигаюсь, это чувствую я и потому, что теперь англинскія книги становятся для меня интереснѣе, отъ того что я могу понимать ихъ, слѣдовательно,—ими пользоваться. Признаюсь, что я теперь весьма радъ и благодаренъ Матушкѣ за то, что вы изволили мнѣ такъ настоятельно приказывать (мнѣ) учиться по Англински. Братъ писалъ ко мнѣ, что къ нимъ въ Вѣну пріѣхалъ курьеромъ Александръ Яковл[евичъ] Булгаковъ. Я представляю себѣ, какъ пріятно было увидѣться двумъ братьямъ неожиданно. Можетъ быть, и мнѣ удастся имѣть такой сюрпризъ. Усерднѣйше благодарю Г. Шлецера за его рекомендацію къ его батюшкѣ; я и по первому письму ему многими полезными и пріятными вечерами обязанъ.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами глубочайшаго сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Здравствуйте, любезнѣйшія друзья и братья. Въ прошломъ мѣсяцѣ были, думаю, у васъ въ Пенсіонѣ Экзамены. Я надѣюсь, что вы приготовились къ нимъ,—и что вы порадуете меня и напишите сами ко мнѣ, что каждой изъ васъ получилъ въ награжденіе.

Приписка А. С. Кайсарова (10).

Милостивый Государь, Иванъ Петровичь!

Всякой разъ, когда Александръ Ивановичь получаетъ отъ васъ письма, мнѣ остается только завидовать ему. Шесть мѣсяцовъ не вижу Матушки и братцовъ и въ шесть мѣсяцовъ не получилъ ни откого изъ нихъ ни строки. Всякой мѣсяцъ пишу къ нимъ два раза акуратно, всякую суботу льщу себя надеждою получить письмо и все напрасно. Не знаю право, что мнѣ и подумать.—Я было испугался, увидѣвъ въ Гамбургскихъ газетахъ, что вмѣсто Михайла Матвѣевича сдѣланъ Кутузовъ; но теперь еще въ большемъ ужасѣ, узнавъ, что это мѣсто занимаетъ Коваленской. Николай Николаевичь говоритъ правду, что и то дурно, когда они спятъ, а еще хуже, — когда во снѣ брыкаютъ. Для университета эти толчки не новость! — Мы заѣхали въ такое мѣсто, откуда бы, кажется, лѣтъ пять не выѣхалъ; сокровищь много; но можно ли все это заполонить въ годъ или полтора года? Не только, кажется, учиться нельзя нигдѣ покойнѣе и выгод-

нѣе, но и читать нельзя вездѣ того, что здѣсь. Московская Университетская библіотека можетъ назваться только внукою здѣшней. И всѣмъ этимъ мы должны такъ недолго пользоваться!

Съ чувствами высокопочитанія и душевной преданности имѣю честь быть

ваше Превосходительство
Милостивый Государь
вашъ
всепокорнѣйшій слуга
Андрей Кайсаровъ.

Милостивой Государыни Катерины Семеновны цѣлую ручки.

Николая и Сергѣя Ивановичей обнимаю душевно. Почтенному Максиму Ивановичу свидѣтельствую мое почтеніе.

Письмо И. А. Двигубскаго.

Милостивой Государь
Иванъ Петровичь.

Позвольте, ваше Превосходительство, поздравить васъ съ благополучнымъ вступленіемъ въ Новой годъ, и пожелать новаго щастія и новыхъ радостей.

Изъ писемъ Александра Ивановича вы изволите знать о нашемъ пріѣздѣ въ Геттингенъ, и о его упражненіяхъ. Что касается до здѣшняго Университета, то онъ по справедливости считается первымъ въ Германіи. Теперь въ немъ 83 Профессора, изъ которыхъ 52 пользуются Королевскимъ жалованьемъ. Нѣкоторые изъ нихъ получаютъ болѣе 2000 рублей, считая нашими деньгами, а другіе менѣе, но менѣе 500^{ру} никто не получаетъ. Сверхъ того, всякой изъ нихъ получаетъ за свои лекціи отъ каждаго студента такъ называемое *Honorarium* отъ 8 р. до 16 р. и болѣе за полгода: и кто лучше преподаетъ свои уроки, у того и студентовъ больше; ибо сдѣсь нѣсколько Профессоровъ читаютъ одну и ту же часть. Въ здѣшней Библіотекѣ считается болѣе 200000 книгъ; въ томъ числѣ очень много рускихъ, которыя присылаетъ Баронъ Ашъ. Всѣ книги расположены по наукамъ: ими можно пользоваться всѣмъ, ибо Библіотека четыре дни въ недѣлю отворяется на одинъ часъ, а въ среду и суботу, зимою на два часа, а лѣтомъ на три: для чего при ней кромѣ Библіотекаря и Суббиблiотекаря, опредѣлены 6 кустусовъ, которые въ назначенные часы должны быть въ Библіотекѣ для выдачи книгъ, которыя можно и домой брать, выключая большія періодическія сочиненія и дорогія картины. Кабинетъ Нат. Исторіи находится въ связи съ библіотекою и наполненъ множествомъ любопытныхъ вещей. Я теперь очень жалѣю, что не догадался взять съ собою списковъ нашего Нат. Исторіи Кабинета, о которомъ сдѣсь дурное понятіе имѣютъ. Въ иностранныхъ вѣдомостяхъ пишутъ также, что Кабинетъ, подаренный Университету Государемъ, заплаченъ 20000 р. Кабинетъ находится подъ смотрѣніемъ Профессора Нат. Исторіи, съ особымъ при немъ смотрителемъ. Химическая лабораторія выстроена отмѣнно хорошо вмѣстѣ съ домомъ для Проф. Химіи и имѣетъ достаточное число инструментовъ. Физической Кабинетъ снабдѣнъ всѣми нужными

для класса инструментами и препорученъ особому, кромѣ Профессора, смотрителю. Ботанической садъ можно почесть изъ числа первыхъ въ Германіи по множеству иностранныхъ растѣній. Кромѣ извѣстныхъ часовъ каждаго дни послѣ обѣда, въ другое время входить въ него безъ особаго позволенія отъ Профессора не можно. Оранжереи, домъ для Проф. Ботаники, для садовниковъ и работниковъ выстроены щедрою рукою: сдѣсь же находится и Анатомической Театръ. Старая Астрономическая обсерваторія не очень интересна, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города на прекрасномъ возвышенномъ мѣстѣ строится новая.

Сдѣшній повивальный домъ одинъ изъ лучшихъ въ Германіи.

Что касается до моихъ упражненій, то по силѣ инструкціи буду имѣть честь въ Мартѣ мѣсяцѣ представить въ Конференцію рапортъ. А теперь осмѣливаюсь трудить ваше превосходительство моею нижайшею прозбою приказать выдать на наступающую половину года слѣдующее мнѣ жалованье. Вексель прошу покорнѣйше приказать переслать въ Лейпцигъ къ Ивану Ивановичу, а онъ по своей благосклонности доставитъ денги въ Геттингенъ.

Препоручая себя въ высокое вашего Превосходительства покровительство, съ моимъ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть

Милостивой Государь!
Вашего Превосходительства
нижайшій слуга
Иванъ Двигубской.

1803 Года
Генваря 8 дня
Геттингенъ.

25.

Генваря $\frac{24}{12}$ *1803.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Дражайшее письмо ваше отъ 15-го декабря получилъ $\frac{21}{9}$ Генваря; но я увидѣлъ изъ него, что, конечно, нѣкоторыя письма ваши ко мнѣ должны быть затеряны. Вы изволите писать, что вы уже увѣдомляли меня о посылкѣ съ Калкау и о томъ, какъ титулировать Ѳедора Петровича Ключарева; но я ничего объ этомъ не получалъ отъ васъ. Калкау ожидаютъ уже третій мѣсяцъ многія изъ моихъ русскихъ товарищей, къ коимъ также съ нимъ посланы письма и посылки, но дождаться не могутъ; вѣроятно, что онъ или зажился въ Петербургѣ, или остался гдѣ-нибудь въ Пруссіи. Сдѣлайте милость, Батюшка, когда изволите писать ко мнѣ, означить, которое это письмо посылается ко мнѣ въ Гетингенъ. Я всего теперь получилъ здѣсь три; но и того письма также не имѣю, въ которомъ вы позволили мнѣ видѣться во время ваканціи съ братомъ, такъ какъ я видѣлъ сіе изъ письма вашего къ брату.

Мнѣ самому, Батюшка, очень больно было послѣ, что я отослалъ книжку, подаренную мнѣ Иваномъ Володиміровичемъ; раскаивался и досадовалъ на себя, но было уже поздно; но я это сдѣлалъ не изъ вѣтрености, а рѣшился для того, что боялся, чтобъ въ путешествіи какимъ-нибудь случаемъ не лишиться ея; будучи въ Лейбцигѣ, я совсѣмъ не могъ думать, что такъ долго и спокойно проживу въ Гетингенѣ; а воображалъ себѣ какое-то курьерское безпокойное путешествіе и вспомнилъ все то, сколько растерялъ братъ, ѣдучи изъ Вѣны. Я знаю, что вы чувствуете и что мнѣ не нужно увѣрять васъ, сколько мнѣ дорого все, что только идетъ изъ рукъ того, о которомъ я вспомнить не могу безъ какого-то внутренняго глубокаго и для меня благодѣтельнаго чувства; потому что я, подумавъ нѣкоторое время о Иванѣ Володиміровичѣ, становлюсь какъ-то и самъ добрѣе, или, по крайней мѣрѣ, въ эти минуты я бываю болѣе расположенъ къ добру. Теперь я очень доволенъ, что вы изволили прислать ко мнѣ записочку. Недавно обрадовалъ меня и братъ, приславъ мнѣ письмо ваше, въ которомъ писалъ къ нему и Петръ Володиміровичь.

Щетъ ежемѣсячнымъ моимъ издержкамъ по приказанію вашему на слѣдующей почтѣ пришлю; только онѣ не могутъ быть равны, и мы обыкновенно платимъ за квартиру, прачкѣ и проч. всякія три мѣсяца; также я и на книги употребляю не всегда одинаковую сумму; теперь уже есть у меня нѣкоторыя порядочныя увражи, которыя я и здѣсь употребляю, да и послѣ и мнѣ и братьямъ могутъ быть полезны.

Весьма радъ, что Матушкѣ понравился мой платокъ, и что вы его изволили получить въ самыя ваши именины.

Я успокоилъ Шлецера вразсужденіи полученія его ящика съ книгами, и онъ благодаритъ Батюшку за столь лестной для него отзывъ вашъ; я прочелъ ему все мѣсто о немъ въ письмѣ вашемъ: — Ich mache mir ein grosses Compliment daraus, sagte der alte ehrwürdige Gelehrte.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю и я теперь Калкау, вѣроятно съ нимъ получу и письма.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами глубочайшаго сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

PS. Je vous remercie mes chers freres pour vos lettres; je suis bien aise, que mes presents vous ont causés de la joie, gardez les et souvenez vous de

votre frere, qui vous cherit bien sincerement.—Faites mes compliments à Mr Tomashevitz;

Бориса и Митеньку цѣлую.

На оборотѣ: A Moscou. Его Превосходительству Милостивому Государю Ѳедору Петровичу Ключареву, а васъ всепокорнѣйше прошу отдать Его Превосходительству Ивану Петровичу Тургеневу. *На Моховой* въ Императорской Университетъ *въ Москвѣ. A Moscou* p. *Berlin.*

26.

22 Генв.
3 Февр.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Спѣшу увѣдомить васъ, что я получилъ наконецъ съ Г. Калкау всѣ письма, чай, книги и приложенныя бумаги исправно. Исполненный сладкою живѣйшею благодарностію, въ простотѣ сердца прошу я Бога, чтобъ онъ наградилъ васъ за вашу родительскую любовь къ намъ и открылъ бы намъ ближайшія средства сдѣлаться ея достойными. Я не умѣю выразить той радости, когда я получилъ письма; не зналъ, за что приняться, что прежде читать, и принужденъ былъ оставить на нѣкоторое время, чтобы успокоиться и начать перечитывать съ нѣсколько спокойнымъ духомъ. Да ниспошлетъ Источникъ всѣхъ чистыхъ наслажденій и въ ваши сердца подобныя живыя чувства!—Простите, дражайшія родители, симъ вырвавшимся, можетъ быть, нескладнымъ выраженіямъ.

18 книгъ Вѣстника, рѣчь Шлецерову и стихи Буринскаго мною теперь же получены, но Путешествіе въ полуд. Россію, Эрмитажный театръ и Словарь Рос. Гос. вмѣстѣ съ медалью (которая, однакожь, въ вашемъ реэстрѣ не поставлена), оставилъ Г. Калкау у своего брата въ Берлинѣ, и какъ скоро сей узнаетъ, что братъ его сюда доѣхалъ, то онъ тотчасъ все доставитъ къ нему. Въ пакетѣ нашелъ я и письмо къ Гр. Маркову, которое будетъ сохранено до Парижа; а тамъ будетъ по немъ исполнено, что слѣдуетъ.

Утѣшительно мнѣ думать, что я былъ хотя невинною причиною благодѣянія, оказаннаго Графомъ Остерманомъ бѣдному, но достойному Дьякону. Я всегда завидовалъ краснорѣчивымъ писателямъ въ томъ, что они могутъ владѣть сердцами людей и наставлять ихъ на все доброе; но всегда отчаявался произвести самому подобное дѣйствіе. Выборъ вашъ книгъ очень удачной, и я увѣренъ, что они удовлетворятъ его жадности къ ученью...

Увѣдомленіе мое о позволеніи въ Варшавѣ воровать основательно, и я не такъ, какъ вѣтреной вояжёръ, повѣрилъ этому, а справившись сколько можно обстоятельно; это же самое сказывали мнѣ и наши русскія купцы, которыя бываютъ на Ярманкѣ въ одномъ Польскомъ Прусскомъ городѣ, гдѣ за такую же дешевую цѣну имѣетъ воръ право на кошелекъ пріѣжжаго. Я самъ не хотѣлъ сперва этому вѣрить; но, пріѣхавъ въ Варшаву, подтвердилъ мнѣ это же и одинъ русской офицеръ, которой давно живетъ тутъ и самъ имѣлъ неудовольствіе испытать это.

Выборъ матеріи въ Шлецеровой рѣчи прекрасной и, кажется, совсѣмъ нѣтъ ничего смѣлаго или дерзкаго; самъ Государь объявилъ свое мнѣніе въ этомъ, предоставя все суду законовъ, и, слѣдовательно, наблюдателямъ ихъ, присудственнымъ мѣстамъ. Намъ пріятно сравнивать строгую теперешнюю ценсуру въ Вѣнѣ съ Московскою. Между тѣмъ какъ тамъ безпрестанно выходятъ новыя запрещенія на книги, у насъ печатаютъ въ Вѣстникѣ Европы, что *выгодно быть преемникомъ жестокаго Царя*; въ 17-й части, 31 стран.— Почта отходитъ.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами глубочайшаго почтенія и сыновней преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

PS. Благодарю васъ, любезныя друзья и братья, за ваши письма и за вашу любовь ко мнѣ. Живите только и между собою дружнѣе; любите другъ друга, утѣшайте Батюшку и Матушку; этимъ докажете вы, что вы точно насъ любите и помните то, о чемъ мы васъ братски просили, и что вы намъ обѣщали стараться всегда исполнять. Самимъ послѣ пріятно будетъ.

Письмо Воинова.

Милостивый Государь
Иванъ Петровичь!

Наступленіе новаго года доставляетъ мнѣ желанной случай поздравить ваше Превосходительство съ онымъ; а окончаніе протекшаго даетъ мнѣ смѣлость просить васъ, Милостивый Государь, о продолженіи вашихъ ко мнѣ милостей и подкрѣпленіи меня въ поприщѣ моего ученія второю половиною годоваго жалованья.

Свидѣтельства отъ Господъ Профессоровъ къ вашему Превосходительству и отчетъ мой Конференціи вразсужденіи слушаемыхъ мною лекцій въ теченіе сего полугодичнаго курса я не премину въ самоскорѣйшемъ времени сообщить по окончаніи онаго курса.

Препоручая себя въ ваше милостивое расположеніе, съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь
вашего Превосходительства
всепокорнѣйшимъ слугою
Иванъ Воиновъ.

22 Ген.
3 Фев.
1803 года.

Приписка А. С. Кайсарова (11).

Милостивый Государь, Иванъ Петровичь!

Третьяго дни пріѣхалъ землякъ нашъ Г. Калкау, привезъ кучу новостей, которыя все бы были въ своей силѣ, естьлибъ отъ долговремяннаго путешествія немного непровѣтрились. Вы изволили писать въ Сентябрѣ, а мы читаемъ въ Февралѣ. На первой разъ привезъ онъ Александру Ивановичу только половину духовной пищи, а тѣлесная доставлена во всей полнотѣ. Ваше превосходительство, конечно, изволите вспомнить, что съ нимъ посланы книги и чай. Другая половина книгъ осталась въ Берлинѣ, и скоро сюда будутъ. Александръ Ивановичь пошелъ въ классъ, а мнѣ препоручилъ запечатать письма; передъ его уходомъ мы немного повздорили съ нимъ за то, что онъ никогда мнѣ несказываетъ, когда пишетъ къ вамъ. Товарищь нашъ Г. Двигубскій вчера получилъ письмо латинское очень ласковое отъ здѣшняго медицинскаго Матадора Балдингера, которое я непремину на будущей почтѣ къ вашему превосходительству доставить. Здѣсь о Руской учености и объ установленіяхъ, до этого касающихся, на перерывъ стараются узнать; мы ужъ говоримъ, что при отъѣздѣ плохо сдѣлали[1]), что невыпросили у васъ каталога новаго кабинета; здѣсь бы могъ онъ быть напечатанъ, и Московской Университетъ удивилъ бы своимъ богатствомъ ученую Германію.

Милостивыя отеческія наставленія ваши постараемся мы во всей точности исполнять; естьли иныя и не ко мнѣ относятся, то это не мѣшаетъ: имѣяй уши слышати да слышитъ!

Съ чувствами высокопочитанія и совершенной преданности честь имѣю быть

ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!
вашъ
Покорнѣйшій слуга
Андрей Кайсаровъ.

Милостивой Государыни Катерины Семеновны цѣлую ручки и по возложенной на меня должности честь имѣю донести, что Александръ Ивановичь находится въ цвѣтущемъ состояніи.

Любезнаго Николая Ивановича благодарю, что онъ меня вспомнилъ, его и Сергѣя Ивановича цѣлую, разумѣется, заочно. Я васъ, братцы, всегда помню, чуръ и меня не забывать.

Почтеннѣйшему Максиму Ивановичу единъ отъ Мекскихъ поклонниковъ посылаетъ миръ и благословеніе.

1) Въ рук. повторено «что плохо сдѣлали».

27.

7 Февраля.
26 Генваря.

Милостивой Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Третьяго дня получилъ письмецо ваше отъ 29 дек..—Въ выборѣ для Батюшки вояжей я на себя положиться не могу; но посовѣтуюсь объ этомъ съ здѣшними нѣкоторыми Профессорами и попрошу, чтобъ они мнѣ назначили, а послѣ предоставлю себѣ выбрать, примѣняясь къ вашему вкусу, и постараюсь сообщить къ брату для пересылки съ какимъ-нибудь курьеромъ. Портретъ, я думаю, не буду съ себя здѣсь списывать, потому что и самый лучшій здѣшній Живописецъ, Профессоръ Фіарилло, очень несходно пишетъ; а въ Парижѣ постараюсь найти лучшаго и оправлю точно такъ, какъ Матушкѣ угодно.— Милостивому Государю и почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе; я не умѣю найти словъ для принесенія моей сердечной благодарности за его приписаніе; я бы желалъ выразить все, что я чувствую къ нему, но не умѣю и не могу. Сколько разъ принимался я писать особое письмо, но никогда не былъ имъ доволенъ; будьте вы, Батюшка, истолкователемъ чувствъ моихъ къ Петру Володиміровичу; естьлибъ онъ меня видѣлъ, то онъ бы прочелъ ихъ въ глазахъ моихъ. Милостивому Государю Василью Васильевичу приношу мою чувствительнѣйшую благодарность за приписаніе; чѣмъ оно было неожиданнѣе, тѣмъ пріятнѣе было для меня читать его.

Третьяго дня пригласилъ Шлецеръ къ себѣ русскихъ на ужинъ и угощалъ насъ прямо по русски, между прочемъ, и свѣжею икрою, которая здѣсь почитается за великую рѣдкость. Никого, кромѣ русскихъ, не было, и мы пили за здоровье Александра Перваго.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго глубочайшаго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ свидѣтельствую мое душевное высокопочитаніе; также и любезнѣйшей сестрицѣ. Кажется, что предреканіе Тетушкино о томъ, что я буду рѣдко писать, не исполнилось.

Братьевъ цѣлую; Бориса и Митеньку также.

Сдѣлайте милость, Батюшка, естьли современемъ будетъ еще случай, пришлите мнѣ рѣчь Харитона Андреевича: *Слава, Могущество и пр. Россіи.*

Приписка А. С. Кайсарова (12).

Милостивый Государь, Иванъ Петровичь!

Пользуясь позволеніемъ вашего Превосходительства, осмѣлился я приложить при семъ письмо къ Матушкѣ. Усерднѣйше прошу ваше Превосходительство сдѣлать милость переслать его. Я, наконецъ, начинаю сомнѣваться, чтобъ мои письма доходили, потому что живу здѣсь почти полгода и не имѣю ни о комъ извѣстія. Естьли вы изволите что-нибудь знать о Матушкѣ, неоткажитесь когда-нибудь сказать хоть слово въ письмѣ Александра Ивановича. Я слишкомъ дерзокъ съ моими прозьбами; но неужели я не увѣренъ въ милостивомъ расположеніи вашего Превосходительства ко мнѣ?

Мы ждемъ съ нетерпѣніемъ рѣшенія судьбы Университета, вздыхаемъ о прошедшемъ его блаженствѣ, которое, хотя никогда не было настоящимъ блаженствомъ, но все было лучше теперешняго. Съ тѣхъ поръ, какъ Каллигула поставилъ коня своего въ Римскомъ Сенатѣ, съ тѣхъ поръ, вѣрно, никогда неотводили такого огромнаго строенія, какъ университетъ, для двухъ лошадей, которыя по своей натурѣ, вѣрно, и храмъ музъ почтутъ ничѣмъ другимъ, какъ своимъ храмомъ—т. е. стойломъ. Но зачѣмъ отчаяваться? я все еще надѣюсь, что, когда природа сниметъ свой бѣлый покровъ и облечется въ зеленую ризу, или, лучше сказать, когда въ поляхъ будетъ уже трава, когда пастухи погонятъ стада свои, тогда, можетъ быть, и нашихъ сивыхъ и бурыхъ выгонятъ на подножной кормъ. Вчера одинъ нашъ острякъ сообщилъ мнѣ слѣдующій экспромтъ:

«Полсотни эпиграммъ, полдюжины сатиръ,
Пятнадцать мерзлыхъ одъ, да наизусть псалтирь,
К—въ! вотъ и все, чтобъ быть въ Руси актеромъ,
Чтобъ быть хоть чѣмъ-нибудь, хоть только — куратёромъ».

При семъ честь имѣю препроводить письмо латинское, которое получилъ Г. Двигубскій отъ тайнаго совѣтника Балдингера; вашему Превосходительству оно не можетъ быть непріятно.

Съ чувствами глубочайшаго почтенія честь имѣю быть

ваше Превосходительство!
вашъ
Покорнѣйшій слуга
Андрей Кайсаровъ.

Милостивой Государыни Катерины Семеновны цѣлую ручки.

28.

$\frac{9}{21}$ *Февраля.*

Милостивой Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Я думаю, вы уже изволите знать, что братъ уѣхалъ въ Петербургъ; онъ писалъ ко мнѣ изъ Кракова черезъ князя Гагарина, и теперь ему должно быть тамъ уже. Какъ должна быть ему чувствительна и, я думаю, пріятна сія перемѣна мѣстъ! на прошедшей недѣлѣ былъ въ серединѣ Германіи, теперь въ Россіи, съ другими людьми и совершенно въ другихъ отношеніяхъ. Я надѣюсь, что онъ еще застанетъ тамъ почтеннѣйшаго благодѣтеля Ивана Владиміровича. Теперь ужъ я не такъ часто буду получать и отъ него письма.—По приказанію вашему я сдѣлалъ щетъ своимъ обыкновеннымъ издержкамъ:

всякія три мѣсяца за обѣдъ	18	талеровъ
» » » за ужинъ	10	»
» » » » завтракъ	5	»
» » » » квартиру и хозяйкѣ	10	»
за дрова на зиму	20	»
всякія же три мѣсяца прачкѣ	2	»
» » » » на бумагу, перья и проч.	8	»
» » » » слугѣ, которой чиститъ платье и пр.	2	»
» » » » на свѣчи	4	»
	79	

За записаніе въ академическія граждане и въ коллегіи на сіи полгода 67 талеровъ; въ этомъ же щетѣ и нѣсколько уроковъ, которыя я сначала бралъ у фехтмейстера, но видя, что недостаетъ времени, оставилъ.

Всякія три мѣсяца за Французскія, Англинскія и Математическія уроки 50 талеровъ; хотя у французскаго лектора беру теперь только два урока въ недѣлю, потому что не имѣю времени; на слѣдующія полгода постараюсь такъ распредѣлить, чтобы болѣе оставалось время заниматься имъ.

Сколько буду издерживать на платье, бѣлье и обувь, никакъ теперь опредѣлить не въ состояніи. Пріѣхавъ сюда, надобно было запастись платьемъ, посудой и проч.. На сахаръ и кофе, которой иногда очень нуженъ послѣ

долгаго, утомительнаго сидѣнья, для того чтобы оживить силы, кажется, что не много исходитъ. Главныя издержки на книги, при всемъ томъ, что здѣшняя библіотека открыта всякому академическому гражданину. Малыя издержки, въ томъ числѣ и увеселенія, которыя состоятъ большею частію въ верховой ѣздѣ, также опредѣлить не могу; вообще послѣ Лейбцигскаго житья, и отъ того, что, пріѣхавъ сюда, надобно было завестись сначала нѣкоторыми необходимыми вещами, я не думаю, чтобъ у меня осталось столько денегъ отъ этого полугода, сколько непремѣнно должно остаться отъ слѣдующаго.

Ассигнаціонный нашъ рубль стоитъ по здѣшнему 17 добрыхъ грошей, коихъ въ талерѣ 24. Въ Лейбцигѣ принимаютъ нашъ серебреной рубль за 27 д. грошей, слѣдовательно, тремя грошами дороже обыкновеннаго талера.

Кажется, что уже зима прошла, и теперь наступила прекрасная весенняя погода; только я здѣсь совсѣмъ не имѣлъ такого удовольствія встрѣчать весну, какъ у насъ въ Россіи, послѣ шестимѣсячныхъ морозовъ. Лѣтомъ думаю болѣе дѣлать движенія и съѣздить во время ваканціи въ Кассель, которой отсюда только 5 миль. Иванъ Ивановичь Шварцъ зоветъ меня къ себѣ въ Лейбцигъ съ однимъ изъ моихъ товарищей и предлагаетъ свою квартиру и услугу; но я писалъ уже къ нему, что не могу исполнить его предложенія, поблагодаривъ за его прямо дружеское ко мнѣ расположеніе. Какъ разставаться на такое долгое время съ здѣшней библіотекой!

Календарь на нынѣшній годъ, о которомъ я когда-то васъ просилъ, намъ уже не нуженъ, потому что Г. Калкау привезъ съ собою изъ Петербурга. Я еще остальныхъ книгъ, посланныхъ вами съ нимъ, не имѣю; но надѣюсь, что на слѣдующей недѣлѣ получитъ онъ ихъ отъ своего брата изъ Берлина.

Милостивому Государю Антону Антоновичу, Григорью Прохоровичу, также и любезнѣйшему Максиму Ивановичу, коего журналъ нетерпѣливо желаю видѣть и читать, свидѣтельствую мое усерднѣйшее почтеніе.

Николашу и Сережу обнимаю, Бориса и Митеньку также. Сегодня у васъ наступила масленица. Веселитесь, друзья мои, только помните и любите вашего брата и друга.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ вѣчными чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

На оборотѣ: *A Moscou.* Его Превосходительству Милостивому Государю Ѳедору Петровичу *Ключареву* въ Москвѣ, а васъ всепокорнѣйше прошу отдать Его Превосходительству Ивану Петровичу Тургеневу въ Императорскомъ Университетѣ, что на Моховой. *Въ Москвѣ A Moscou* p. Berlin.

29.[1])

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Къ вашему и собственному удовольствію долженъ вамъ сказать, что нѣкоторыя изъ здѣшнихъ Профессоровъ писали о русскихъ въ Петербургъ съ большою похвалою и отдали намъ преимущество въ поведеніи передъ всѣми.—Скоро будетъ у насъ выборъ новаго Проректора; но теперь уже нѣтъ той церемоніи, съ которою обыкновенно выбираемъ онъ былъ прежде.—Веселая наша погода перемѣнилась опять въ мрачную и напомнила мнѣ, что у насъ начался сегодня великой постъ. Заранѣе приношу усерднѣйшія мои поздравленія Матушкѣ съ пріобщеніемъ Святыхъ таинствъ. Милостивой Государынѣ Тетушкѣ свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе, также и любезнѣйшей сестрицѣ. Николашу и Сережу цѣлую; желалъ бы знать, какихъ награжденій удостоились они на актѣ.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Приписка Воинова.

Милостивый Государь
Иванъ Петровичь!

Почтеннѣйшее письмо вашего Превосходительства отъ 19-го Генваря имѣли мы щастіе получить $\frac{13}{25}$ Февраля съ приложенными при семъ двумя векселями на сумму полугодичнаго жалованья, каждой по триста по семидесяти пяти рублей. Исполняя чрезъ сіе извѣщеніе волю вашего Превосходительства и мой долгъ, пріемлю смѣлость принести сердечную жертву живѣйшей моей благодар-

---

[1]) А. И. Тургеневъ не поставилъ даты, но она опредѣляется изъ приписки Воинова—Февраля $\frac{16}{28}$.

ности вамъ, милостивый Государь! яко виновнику моего лестнаго жребія и чадолюбивому отцу, неусыпно пекущемуся о благѣ чадъ своихъ, и даже предупреждающему ихъ нужды. Мнѣ, чувствующему живо всю цѣну вашихъ благодѣяній, остается только стараться, сколько возможно, соотвѣтствовать благодѣтельнымъ намѣреніямъ таковаго попечителя, каковаго я имѣю въ особѣ вашего Превосходительства.

Препоручая себя въ милостивое ваше расположеніе, съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшимъ слугою
Иванъ Воиновъ.

Геттингенъ
1803-го года
Февраля $\frac{16}{28}$

30.

Гетингенъ 1803 Года $\frac{26\ Февр.}{10\ Марта.}$

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Третьяго дня получилъ я письмо ваше отъ 29-го Генв. Письмо мое отъ 7-го дек., полученное вами 31 дек., точно писано мною отъ сего числа; по настоящему надобно, чтобъ вы и всегда изволили получать письма мои въ 23 дни; но мнѣ удивительно, какъ такъ рѣдко доходятъ къ вамъ мои письма; я пишу акуратно въ 3 недѣли 2 раза, а часто и каждую недѣлю.

Въ газетахъ видѣли уже мы, что штатъ Унив. подписанъ съ нѣкоторыми перемѣнами и что Муравьевъ сдѣланъ Куратором. Очень больно, естьли это не вашъ штатъ, и естьли онъ будетъ образованъ на нѣмецкой манеръ. У насъ, кажется, совсѣмъ нельзя безъ Директора. Здѣсь Проректоръ совсѣмъ не то, что у насъ долженъ быть директоръ; онъ не имѣетъ никакой власти надъ учащими и не входитъ ни въ экономическую часть Университета ни въ ученую, а только смотритъ за поведеніемъ студентовъ. Должность же нашей канцеляріи и Директора исправляетъ здѣсь Ганноверское правленіе; оно выписываетъ Профессоровъ и распредѣляетъ имъ жалованье.—Впрочемъ à quelque chose le malheur est bon; Университетъ избавится, по крайней мѣрѣ, Коваленскаго и Кутузова.

Въ дипломатической коллегіи у Мартенса часто слушаю я съ патріотическимъ чувствомъ о дѣлахъ Репнина, Булгакова и удивляюсь, что иностранцы такъ хорошо и подробно знаютъ нашихъ министровъ. Я очень радъ, что имѣлъ случай видѣть и узнать людей, коихъ имя и дѣла извѣстны всѣмъ, принимающимъ участіе въ судьбѣ Государствъ.

Скоро у насъ кончатся лекціи, и на слѣдующія полгода вышелъ уже каталогъ. Я еще теперь не могу рѣшиться, какія именно лекціи буду слушать. Въ нѣкоторыхъ есть у меня коллизіи, такъ что, напримѣръ, естьли я хочу слушать Шлецера, то мнѣ нельзя будетъ ходить къ Блуменбаху.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю посланныхъ вами русскихъ книгъ, особливо сочиненія Ивана Володиміровича, на которыхъ написавъ по нѣмецки имя книги и автора, внесу въ Библіотеку. Я все еще не всѣ получилъ книги съ Калкау, онъ обнадеживаетъ, что изъ Берлина ихъ очень скоро доставятъ вмѣстѣ съ тѣми, кои посланы сюда отъ молодаго Шлецера.—Здоровье Г. Успенскаго, кажется, нѣсколько поправилось, и Консулъ писалъ ко мнѣ, что къ слѣдующему курсу, то есть къ началу Мая мѣсяца, онъ отправится сюда, что бы, конечно, для него лучше было, потому что съ нами можетъ онъ быть веселѣе; здѣсь же, и кромѣ насъ, много русскихъ, такъ что мы иногда всѣ вмѣстѣ составляемъ la Russie en mignature.

Товарищи мои свидѣтельствуютъ вамъ глубочайшее свое почтеніе; Андрей Сергѣевичь все еще ничего не получалъ ни отъ Матушки ни отъ братьевъ. Къ дядюшкѣ Семену Володиміровичу буду писать на слѣдующей почтѣ.

Николашу и Сережу обнимаю, Митеньку и Бориса также.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Иванушку Переплетчикова благодарю за подарокъ.

31.

$\frac{9}{21}$ *Марта. Гетингенъ.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

На этой недѣлѣ имѣлъ Андрей Сергѣевичь удовольствіе получить первое еще письмо отъ Михайлы Сер[гѣевича] изъ Петербурга; онъ пишетъ, что и братъ уже пріѣхалъ туда. Я теперь опять надѣюсь, что вы останетесь при Университетѣ, потому что штатъ уже подписанъ, а Мих[аилъ] Сер[гѣевичъ] не пишетъ, чтобъ вы были отставлены. Здѣшнія Профессора Буле и Грельманъ получили отъ Гр. Заводовскаго письмо, въ которомъ приглашаетъ онъ

ихъ на весьма выгодныхъ условіяхъ въ Московской Университетъ Профессорами, одного—спекулативной Философіи, а другова—Статистики; послѣдній точно ѣдетъ, и я думаю, что также и Буле согласится; но я желалъ бы знать, кто увѣдомилъ Заводовскаго о Буле. Можетъ быть, Муравьевъ по совѣту вашему сказалъ ему о немъ. При всемъ томъ, что я многова лишусь въ такомъ доцентѣ, я очень радъ буду, естьли это случится, потому что Университетъ нашъ много выиграетъ. Здѣсь также ходятъ слухи, что Московской Университетъ сдѣланъ какимъ-то Reichsuniversität въ отмѣну отъ прочихъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ по старости своей заслуживаетъ быть отличенъ отъ прочихъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ подтвержденія всѣхъ сихъ пріятныхъ новостей.

Нѣкоторыя Профессора заключаютъ уже у насъ свои лекціи, такъ какъ Гофманъ и Эйхгорнъ. У послѣдняго слушалъ я публичную лекцію о французской республикѣ.—О сей интересной матеріи говорилъ онъ такъ прекрасно и остро, что болѣе ста человѣкъ привлекъ къ себѣ слушателей, которыя въ благодарность по заключеніи имъ лекціи передъ окошками его прокричали: Es leben Herr Hofrath Eichorn! О французской революціи, кажется, я имѣю довольно подробныя свѣденія, потому что трехъ Профессоровъ слушалъ о ней, изъ коихъ каждой по своей части смотрѣлъ на нее изъ особливой точки зрѣнія: Геренъ проходилъ ее, какъ историкъ, и какъ часть новѣйшей исторіи; Мартенсъ — какъ политикъ, показывалъ всѣ трактаты, заключенныя республикой, всѣ новыя большія пріобрѣтенія, которыя она чрезъ нихъ сдѣлала, и, наконецъ, Эйхгорнъ — читалъ о ней en detail, изъясняя всѣ тайныя причины, пріуготовившія революцію, описывая людей, кои за кулисами и на сценѣ дѣйствовали, характеры ихъ, ужасы революціи; разсматривалъ разныя бывшія конституціи — и заключилъ сими словами: a furore francico libera nos, Domine! Сколько я могъ замѣтить, то мнѣ кажется, что всѣ они нѣсколько пристрастны, а у иныхъ и очень чувствительно, что они говорятъ въ англинскомъ Университетѣ. —

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу свидѣтельствую мое глубочайшее душевное почтеніе.

Николашу и Сережу цѣлую; также Бориса и Митеньку.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Сдѣлайте милость, Батюшка, прикажите доставить письмо сіе по его адресу Г. Бутацу. Сынъ его Докторомъ и, вѣрно, долженъ быть извѣстенъ кому-нибудь изъ медицинскаго факультета.

32.

Гетингенъ $\frac{23}{5}$ *Марта* [1]).
Апрѣля.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

На прошедшей недѣлѣ имѣлъ я сердечное удовольствіе получить письмо ваше отъ 19 февраля и къ удивленію моему увидѣлъ, что вы еще остались при Университетѣ, между тѣмъ какъ мы здѣсь точно полагаемъ, что уже исполненіе новыхъ штатовъ послѣдовало. Въ Москву ѣдетъ отсюда Грельманъ, о которомъ я писалъ уже къ вамъ; а Буле отказался изъ весьма благородныхъ причинъ, говоря, что онъ столько обязанъ здѣшнему Университету, гдѣ онъ самъ воспитывался, что его почли бы неблагодарнымъ, естьлибъ онъ оставилъ его тогда, когда можетъ и здѣсь быть полезнымъ; впрочемъ, и выгоды ему никакой нѣтъ; потому что Ганноверское правленіе, узнавъ, что его зовутъ въ другой Университетъ, прибавитъ ему жалованья и удержитъ его.

На этой недѣлѣ заключили уже всѣ мои Профессора свои лекціи. Въ слѣдующій разъ доставлю я вамъ свидѣтельства отъ Профессоровъ, также и расположенія тѣхъ лекцій, кои на слѣдующія полгода намѣренъ я слушать. Теперь для меня настала полная ваканція, кромѣ языковъ, для которыхъ я прибавилъ еще нѣсколько часовъ въ недѣлю.

Я просилъ Шлецера, чтобъ онъ сказалъ мнѣ для Батюшки о новыхъ французскихъ путешествіяхъ, но онъ взялся сдѣлать маленькой реэстръ и прислалъ его сегодня; я разсмотрю нѣкоторыя и буду стараться доставить, естьли только возможно, съ Лейбцигскими извощиками, которыя должны пріѣхать туда на Ярмонку къ святой недѣлѣ.

Здѣсь на сихъ дняхъ былъ Дюрокъ и осматривалъ разныя заведенія; между прочимъ, здѣшній Астрономъ Зейферъ, не зная еще, что онъ говоритъ съ Дюрокомъ, показываетъ ему одинъ изъ телескоповъ, гдѣ небо является въ обращенномъ видѣ. Дюрокъ спрашиваетъ, зачѣмъ это такъ? — Онъ отвѣчалъ ему: Les revolutions que vous faites avec la terre, nous les faisons avec le ciel. — Мы не видали Дюрока.

---

1) Въ оригиналѣ ошибочно написано: «Мая».

Въ газетахъ пишутъ, что война опять начнется; и нѣкоторыя думаютъ, что Прусской Король нападетъ на Ганноверскія владѣнія и займетъ ихъ; потому что ужъ Бонапарте объявилъ своимъ могущественнымъ изреченіемъ, что онъ не принимаетъ и не признаетъ неутралитету, и, слѣдовательно, Прусакамъ надобно перейти на чью-нибудь сторону. Посмотримъ, что послѣдуетъ съ Гетингеномъ. Сосѣдъ нашъ, Ландграфъ Касельской, будетъ получать на Святой недѣлѣ Курфирстрское достоинство; говорятъ, что и сватъ его, Прусской Король, пріѣдетъ въ Кассель. И мы надѣемся съѣздить туда и видѣть всѣ празднества.

Впрочемъ препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами глубочайшаго сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка и
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Сережу и Николашу обнимаю[1]).

Приписка А. С. Кайсарова (13).

Милостивый Государь, Иванъ Петровичь!

Курсъ нашего ученья кончился, мы будемъ отдыхать недѣли три, а потомъ опять за ученье. Кажется, единообразность такая не слишкомъ пріятна; но мы бы съ Александромъ Ивановичемъ не отказались продолжать ее, естьлибъ это было только въ нашей волѣ. — На Феріяхъ думаемъ мы съѣздить или сходить въ Кассель посмотрѣть, какъ будутъ Кассельскаго Ландграфа короновать въ Курфирсты. — Судьба вашего Превосходительства для насъ задача, которой рѣшенія мы нетерпѣливо ожидаемъ. Въ газетахъ видѣли мы, что въ университетѣ будетъ Ректоръ; но что же будетъ съ Директоромъ? Мы стараемся отгадывать будущее, льстимъ себя всѣмъ добрымъ; дай Богъ, чтобъ добрыя предвѣщанія наши збылись! Усерднѣйше прошу ваше Превосходительство доставить письмо мое Матушкѣ; я осмѣливаюсь — хотя немного дерзко — пользоваться вашимъ позволеніемъ. О деньгахъ переговорю съ здѣшними купцами и на первой почтѣ донесу вашему превосходительству. — Съ истиннымъ высокопочитаніемъ честь имѣю быть

ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!
вашъ
Покорнѣйшій слуга
Андрей Кайсаровъ.

1) Эта строка написана послѣ приписки Кайсарова.

Милостивой Государыни Катерины Семеновны цѣлую ручки. Николаю Ивановичу и Сергѣю Ивановичу усердно кланяюсь; почтеннаго Максима Ивановича прошу иногда привести себѣ на память странника (не сантиментальнаго), которой душевно почитаетъ его. — A propos о сентиментахъ честь имѣю сообщить маленькую реценсію изъ Литературныхъ газетъ на письма рускаго путешественника, пятую часть.

Auch dieser Band, welcher bloss von Paris handelt, giebt den vorhergehenden an Interesse nichts nach. Der Vr. lässt sich wenig mit der Revolution ein, sondern beschreibt wie in den übrigen Theilen seiner Reise, was er gesehen, gehört und eingefunden hat. Auch hier findet man wenig, was man nicht schon längst gelesen und wiedergelesen hat. Aber H. K. besitzt die glückliche Gabe uns das alles so darzustellen, dass wir es mit einem Interesse lesen, das den Werth der Neuheit ersetzt. Und hie und wieder findet sich denn doch auch manche Anekdote über Menschen, die einen Namen haben, und mit denen wir hier näher bekannt werden. Immer wechseln trockene Gegenstände mit Anmerkungen, *Sentiments* und urtheilen ab, die wir, auch denn noch, wenn wir darüber lächeln müssen, nicht ungern lesen. Manches verräth offenbar den *Jungling*; aber es ist ein Jungling, der verspricht, und den der Mann lieb gewinnt. Viele Urtheile sind wieder sehr reif, *männlich* und richtig.

Послѣ этого, кажется, всѣмъ критикамъ остается молчать.

33.

30 Марта.
11 Апрѣля.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Прежде всего позвольте мнѣ сопроводить къ вамъ общія желанія всѣхъ моихъ товарищей, даже и тѣхъ, кои васъ знаютъ только по мнѣ, слѣдовательно, по весьма, весьма слабой копіи, о продолженіи вашего здравія, обнаруженныя въ день моего рожденья. Я присоединю и свои сыновнія чувства благодарности послѣ частаго размышленія о всемъ томъ, чѣмъ я, какъ воспитанный сынъ вашъ, вамъ обязанъ. Бытіе, дарованное мнѣ, не столько побудило бы меня благодарить за васъ Бога, сколько данное мнѣ вами воспитаніе; потому что я теперь ясно вижу и чувствую, что человѣкъ дѣлается человѣкомъ не тогда, когда онъ родится, но когда онъ воспитается. Я не могу еще гордиться симъ высокимъ званіемъ; но могу, однакожь, радоваться тѣмъ, что мнѣ показаны всѣ средства къ достиженію его.

Наконецъ, получилъ я $\frac{5\ \text{А}}{24\ \text{М}}$ письмо ваше отъ 5-го февраля, отправленное черезъ Петербургъ; слѣдовательно, оно шло 47 дней, и посланное вами письмо отъ 17-го февраля я получилъ прежде. Комисія Батюшкина о книгахъ будетъ, думаю, по желанію вашему не медля исполнена.

Препровождая при семъ данныя мнѣ отъ ГГ. Профессоровъ свидѣтельства, заранѣе радуюсь, что и вамъ принесетъ это удовольствіе, удостовѣря васъ, что я не даромъ проводилъ здѣсь свое время; также радуюсь мыслію, что вѣдь ужъ здѣсь я не *Директорской сынъ*.

Я думаю, вы не ожидали получить отъ Гетингскаго Профессора свидѣтельство на русскомъ; но Шлецеръ всегда останется оригинальнымъ. Вы изволите увидѣть, какъ онъ знаетъ порусски, и почеркъ его.

Вчера здѣсь было свѣтлое Христово воскресенье; но сколько я ни старался замѣтить, я не видалъ здѣсь такого веселья и той особенной радости, какая видна у насъ въ Россіи на всѣхъ лицахъ въ этотъ прямо торжественной день. Я былъ во многихъ церквахъ и, не знаю отъ чего, служба Католиковъ мнѣ больше всѣхъ понравилась, не взирая на то, что Проповѣдникъ былъ очень смѣшенъ; можетъ быть, отъ того, что она въ своихъ церемоніяхъ ближе прочихъ подходитъ къ нашей. Вчера въ послѣдній разъ отправляли службу въ такъ называемой Университетской церкви, для того, что ее взяли подъ библіотеку, съ которой она составляетъ почти одно строеніе. Проповѣдникъ съ прискорбіемъ говорилъ, что ни время, ни война, опустошавшая здѣшнія владѣнія, не могли уничтожить храма, воздвигнутаго предками нашими въ честь и Славу Бога, но что одна *ученость* подрыла ея основаніе и принесла ее себѣ въ жертву. Вчера ввечеру зажжены были въ разныхъ мѣстахъ по всѣмъ окружающимъ Гетингенъ горамъ огни, и это дѣлало при ночной темнотѣ прекрасной видъ, особливо на высокихъ горахъ; тамъ, гдѣ вершины ихъ скрываются въ облакахъ, казались огни новыми разсѣянными звѣздами. Въ другомъ, не столь гористомъ мѣстѣ это не можетъ составить тако[го] прекраснаго зрѣлища, но здѣсь оно единственно.

Сіи увеселенія называются Osterfeuer.

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу свидѣтельствую мое глубочайшее высокопочитаніе.

Николашу и Сережу цѣлую; Митеньку и Бориса также; поздравляю ихъ всѣхъ съ веселымъ праздникомъ. Веселитесь и помните вашего друга и брата.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ глубочайшимъ сыновнимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Lecturis

reverentiam profitetur et salutem plurimam dicit

Ioannes Theophilus Buhle,

Philosophiae Doctor et Prof. Publ. Ordin. Logices et Metaphysices in Akademia Georgia Augusta, Sociatatis Regiae scient. Gottingensis Sodalis.

Rogatus a Domino Alexandro de Turgienew, Mosquensi, Imperii Russiarum libero Barone, Politices et rei diplomaticae studioso, ut diligentiae in philosophicis disciplinis a se collocotae testis essem, eo lubentius voto ejus hisce literis satisfacio, quo majori cum fide possum. Interfuit Dominus de Turgienew non solum recitationibus meis de Philosophia theoretica, Logica et Metaphisica, per novissimum semestre hibernum habitis summa cum assiduitate et animi inventione, ita ut egregium ardoris discendi praeberet exemplum aliis; sed approbavit mihi quoque privata consuetudine, frequentibusque confabulationibus, ingenium ad altiora natum; variam doctrinam jam partam hasque dotes junctas cum amabili candore et honestate, modestia insigni, omninoque morum elegantia et cultu. Habeo itaque, quod gratuler patriae ejus de viro juvene ornatissimo et spero certissime, si Deus vitam et opportunitatem praestiterit, fore eum aliquando talem, qui inter praestantissimos et cultissimos homines tam populares quam exteros emineat.

Scripsi Gottingae d. XXX Martii CDDCCCIII.

Herr Alexander von Turgeneff aus Russland ist in meinen Vorlesungen, sowohl über die alte Geschichte, als die Geschichte der Europäischen Staaten in diesem Winter mein Zuhörer gewesen, der ausgezeichnete Fleiss, den er in beiden bewiesen, setzt mich in den Stand, diess Zeugniss drüber ihm mit Vergnügen auszufertigen.

Götting. den 1 April 1803.

I. H. L. Herren
Prof. d. Geschichte.

Herr Alexander von Turgeneff aus Moskau hat meinen im verflossenen Halbenjahr gehaltenen Vorlesungen über die Geschichte der Friedensschlusse mit dem rühmlichsten Fleisse und vorzüglicher Aufmerksamkeit beigewohnt, welches ich auf Verlangen hindurch der Warheit gemäss mit Vergnügen bezeuge. Göttingen den 31-ten März 1803.

Geo. Fried. v. Martens.

Herr Alexander von Turgeneff aus Russland hat meine Vorlesungen über Esthetik und schöne Litteratur mit ununterbrochenem Fleisse und einer so ausgezeichneter Aufmerksamkeit besucht, dass ich ihm das beste Zeugniss deshalb mit nicht wenigen Vergnügen, als der Wahrheit gemäss, ertheile. Georg Ausgusts Universität

Bouterwek
öffentl. und ordentl. Professor der Philosophie

am 30 März 1803.

Александръ Тургенсвъ, изъ Москвы, слушалъ у меня приватную лекцію о Сѣверной, въ особенности же Руской Исторіи, отъ древнѣйшихъ временъ до 1796 года, съ безпрерывнымъ прилѣжаніемъ, и съ отличнымъ, особенно мнѣ извѣстнымъ рвеніемъ; въ чемъ и свидѣтельствую.

Геттингенъ, $\frac{29 \text{ Марта}}{10 \text{ Апрѣля}}$

Его величества Короля Велико-Британскаго
Надворный Совѣтникъ и Профессоръ
Августъ Лудвигъ Шлецеръ.

Копіи съ Аттестатовъ.

1.

Александръ Тургеневъ, изъ Москвы, слушалъ у меня приватную лекцію о сѣверной, въ особенности же Руской исторіи, отъ древнѣйшихъ временъ до 1796 года, съ безпрерывнымъ прилѣжаніемъ, и отличнымъ, особенно мнѣ извѣстнымъ рвеніемъ; въ чемъ и свидѣтельствую

Его Величества Короля Великобританскаго
Надворной Совѣтникъ и Профессоръ
Августъ Шлецеръ.

Геттингенъ $\frac{29 \text{ Марта}}{10 \text{ Апрѣля}}$
данъ на Рускомъ (М. П.)

2.

Александръ Тургеневъ, Россіянинъ, слушалъ мои лекціи объ Эстетикѣ и словесной Литтературѣ, съ неутомимымъ прилѣжаніемъ и отличною ревностію, такъ что я не менѣе съ удовольствіемъ, какъ и по своей справедливости могу дать ему въ томъ самое лучшее свидѣтельство. Георгъ Августовъ Университетъ 30 Марта 1803.

Бутервегъ,
Публичной Ординарной Профессоръ Философіи.
(М. П.) Данъ на Нѣмецкомъ.

3.

Александръ Тургеневъ, изъ Москвы, слушалъ лекціи мои въ прошедшее полугодичное время, объ Исторіи мирныхъ трактатовъ, съ похвальнѣйшимъ тщаніемъ и особеннымъ вниманіемъ, въ чемъ я по всей справедливости съ удовольствіемъ и свидѣтельствую. Геттингенъ 31 Марта 1803.

Геор. Фрид. Мартенсъ.
(М. П.) Данъ на Нѣмецкомъ.

4.

Александръ Тургеневъ, Россіянинъ, былъ прошедшею зимою слушателемъ лекцій моихъ, какъ о древней Исторіи, такъ и объ Исторіи Европейскихъ Государствъ. Онъ оказалъ прилѣжаніе отмѣнное на тѣхъ и другихъ лекціяхъ; почему съ удовольствіемъ и даю ему сіе одобрительное свидѣтельство.

Геттингенъ 21-го Апрѣля 1803.
Данъ на нѣмецкомъ.

Г. Г. Л. Герренъ.
(М. П.) Исторіи Проф. Публ. Ордин.

5.

Читателямъ

Изъявляетъ свое почтеніе и привѣтствіе

Іоаннъ Θеоθилъ Буле,

Докторъ Философіи и Пуб. Орд. Профессоръ Логики и Метафизики въ Университетѣ Георгіанскомъ Августовомъ, членъ общества наукъ въ Гиттингенѣ.

Въ удовлетвореніе прозьбы Александра Тургенева, Россійской Имперіи дворянина изъ Москвы, Студента Политики и Дипломатики, дать ему свидѣтельство въ прилѣжаніи его, оказанномъ къ Философскимъ наукамъ, исполняю сіе тѣмъ съ большею охотою, чѣмъ сдѣлать могу съ большею справедливостію. Онъ не только лекціи мои о Теоретической Философіи, Логикѣ и Метафизикѣ въ послѣдніе зимніе полгода слушалъ съ отмѣннымъ тщаніемъ и рвеніемъ, подавая собою прекрасной примѣръ своимъ товарищамъ; но и въ частномъ со мною обращеніи, и въ бесѣдахъ доказалъ таланты свои къ вышшимъ наукамъ, и разныя пріобрѣтенныя имъ уже свѣдѣнія, кои соединяетъ съ добрыми и любви достойными качествами, отмѣнною скромностію и благонравіемъ. И такъ поздравляя Отечество его съ достойнѣйшимъ юношею, несомнѣнно надѣюсь, что, естьли Богъ продолжитъ его жизнь и счастіе, онъ нѣкогда будетъ считаться между просвѣщеннѣйшими и превосходнѣйшими мужами, какъ соотечественными, такъ и чужестранными.

Геттингенъ 3 Марта 1803.

Данъ на Латинскомъ.

34.

$\frac{6}{18}$ *Апрѣля. Гетингенъ.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Христосъ воскресе!

И мы встрѣтили торжественный праздникъ свой хоть нѣсколько по-русски. Въ субботу, въ 12 часовъ собрались всѣ русскія къ намъ; комната

была усыпана цвѣтами, освѣщена и украшена всѣми образами, какія только мы достать могли. Сначала читали мы дѣянія; а потомъ начали по формѣ пѣть заутриню по церковнымъ книгамъ, которыми снабдилъ насъ любитель Русскихъ, Шлецеръ. Мы пѣли весь канонъ порядочно и по заключеніи сказалъ Андрей Сергѣевичь прекрасную проповѣдь. Утромъ великаго дня разговѣлись мы опять всѣ вмѣстѣ цасхою и куличемъ, и все это было сдѣлано, сколько можно, на Русской манеръ. По утру же ходили мы съ разкрашенными яйцами къ бывшему нѣкогда Русскому Гражданину Шлецеру христосоваться; на одномъ изображено было: Исторія, держащая одною рукою вѣнецъ надъ Шлецеровымъ вензелемъ; а другою — его Нестора. — Почтенный старикъ принялъ насъ съ очевиднымъ удовольствіемъ и увѣрялъ, что ему всегда было интересно и мило все Русское, и благодарилъ, что мы напомнили ему этотъ обычай.

На другой день послѣ отправленія моего письма и свидѣтельствъ, т. е. $\frac{6}{1}$ Апрѣля получилъ я письмо ваше отъ 5-го Марта, при коемъ приложенъ и вексель Андр[ея] Сергѣевича. (*№ 4*). — Кажется, что письма ваши *нынѣшняго* году я всѣ получилъ.

Книгу, которую вы совѣтуете читать мнѣ, l'esprit de l'Histoire, я еще не могъ достать себѣ, потому что въ здѣшней библіотекѣ ее нѣтъ. Вообще, мнѣ хочется больше познакомиться теперь и съ Французскими Авторами; по сю пору ich lebte und webte, какъ говорятъ Нѣмцы, въ нѣмецкихъ книгахъ, отъ того что Профессора больше ссылаются и указываютъ на своихъ авторовъ, для того, что учащимся легче и удобнѣе имѣть ихъ.

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ и Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу честь имѣю принести усерднѣйшія мои поздравленія съ свѣтлымъ праздникомъ воскресенія Христова.

Также и всѣмъ тѣмъ, кои удостоятъ меня своимъ воспоминаніемъ; особенно же почтенному Максиму Ивановичу. Любезныхъ братьевъ, Николашу, Сережу и Бориса, обнимаю.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка

вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ

Ал. Тургеневъ.

35.

Гетингенъ $\frac{13}{25}$ *Апрѣля.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

На сей недѣлѣ записался я къ Профессорамъ на полугодичный курсъ въ слѣдующія коллегіи:

По утру:

отъ 6 до 7: у П. Герена: Allgemeine Länder und Völkerkunde, oder ein critischer und systematischer Inbegriff unserer gegenwärtigen Kenntnisse der Erde und der sie bewohnenden Völker; der Professor erläutert alles durch einen reichen Vorrath der besten und neuesten Karten, die er seinen Zuhörer vorlegen wird, und was die Kleidungen, Waffen, Geräthe der entfernten Völker betrifft, durch die ethnographishe Sammlung in dem Königlichen Museum.

отъ 7 до 8: у П. Мартенса: Das positive Europäische Völkerrecht (на французскомъ языкѣ преподавать будетъ).

отъ 8 до 9: у Гейне: Uber die Archäologie.

отъ 9 до 10 у Буле: das Naturrecht.

Послѣ обѣда:

отъ 2 до 3 у Шлецера: die practische Politik oder die Lehre von der Staatsverwaltung, Gesetzgebung überhaupt, Cameralwissencshaft.

отъ 3 до 4 — — — — 0.

отъ 4 до 5 у Майера: die Experimentalphysik.

отъ 5 до 6, у Шлецера же: die allgemeine Statistik, nebst einer besonderen Erörterung der Statistik von Grossbritannien, Frankreich und Russland.

отъ 6 до 7 у Бутервека: Naturphilosophie oder die philosophische Grundlehren der Physik und Physiologie (три дни въ недѣлю только).

Вотъ сколько опять занялъ я въ сутки часовъ, не считая математики и языковъ, для которыхъ также надобно будетъ найти время. Это очень много; но я никакъ не могъ рѣшиться пропустить ни одной изъ сихъ лекцій, потому что они для меня всѣ необходимо нужны и интересны; впрочемъ, судя по общимъ понятіямъ, кажется мнѣ, что большая часть изъ сихъ наукъ имѣютъ между собою особенную связь, не одну общую, тайную связь, которую имѣютъ всѣ науки вообще между собою. На примѣръ: право Народное должно осно-

ваться на правѣ Натуральномъ, статистика и политика имѣютъ также между собою сношенія, а части политики: Gesetzgebung und Staatsverwaltung непремѣнно должны имѣть свое основаніе на правѣ Народномъ и, слѣдовательно, также и Натуральномъ. — И такъ, надѣясь вопервыхъ на свое прилѣжаніе, а во вторыхъ на вспоможеніе, которое одна часть дѣлаетъ другой, рѣшился я пуститься въ сіе трудное поприще. — Языками занимался я и во время ваканціи, но для французскаго и въ слѣдующія полгода не могу я посвятить больше какъ два часа въ недѣлю, потому что еще и для математики нужно время.

Honorarium для всѣхъ Профессоровъ стоитъ мнѣ 60 талеровъ; но теперь надобно еще купить книги, по которымъ они читаютъ, что составитъ около 30 талер.. А приватныя лекціи для математики и языковъ будутъ стоитъ мнѣ въ шесть мѣсяцовъ 160 талеровъ. Вотъ необходимыя новыя издержки, которыя я долженъ сдѣлать въ слѣдующія полгода; тѣ же, о коихъ я писалъ прежде, останутся попрежнему, кромѣ нѣкоторыхъ, о коихъ въ первомъ исчисленіи позабылъ я упомянуть.

На сихъ дняхъ получилъ я отъ брата письмо, гдѣ онъ по прозьбѣ моей увѣдомляетъ меня, что Шлецеровъ Несторъ, посланный имъ къ Энгелю чрезъ покойнаго Берлинскаго Министра Криденера для поднесенія Государю, затерянъ. Не трудно бы было прислать другой, но невозвратная потеря состоитъ въ томъ, что въ этомъ же самомъ ящикѣ была послана вышитая картина жены его, извѣстной по своему великому искусству въ шитьѣ и своимъ изобрѣтеніемъ наводить шелками даже колоритъ. — Работа сія, кромѣ большихъ издержекъ, стоила Г-жѣ Шлецеръ шестимѣсячнаго труда. Такая потеря и небрежность канцелярскихъ служителей у Энгеля, куда ящикъ былъ уже доставленъ, натурально должна очень огорчить Шлецера. Сверхъ того, онъ не набивался съ своею книгою, а Государь самъ узналъ о ней черезъ Криденера и сказалъ, что онъ *съ удовольствіемъ* приметъ ее отъ Шлецера. (Это все я самъ видѣлъ въ письмѣ покойнаго Криденера къ Шлецеру). Всякой русской, умѣющій цѣнить труды такого рода, каковъ Шлецеровъ Несторъ, непремѣнно долженъ принимать участіе въ этомъ. — Я просилъ брата, чтобъ онъ старался объ отисканіи затеряннаго ящика, и о всемъ писалъ къ нему подробно. Картина была послана Криденеромъ для поднесенія Императрицѣ. На сихъ дняхъ былъ званъ къ новому Проректору Мартенсу на ужинъ, по здѣшнему великолѣпный, и имѣлъ случай опять видѣть здѣшнее дамское общество, что весьма рѣдко со мной случается.

Милостивому Государю Антону Антоновичу приношу мою чувствительную благодарность за приписаніе ко мнѣ въ письмѣ къ Андрею Серг[ѣевичу]. На

слѣдующей почтѣ буду также письменно свидѣтельствовать свое почтеніе. Николашу, Сережу и Бориса братски обнимаю.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго почтенія и преданности честь имѣю быть,

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

36.

20 Апрѣля.
2-го Мая.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Сегодня начались наши лекціи, хотя не всѣ, однакожь мы опять попали въ элементъ свой — студентскую дѣятельность... Я получилъ отъ брата еще другое пріятное уже для меня извѣстіе, что вышитая картина Шлецерши отискана и поднесена давно Императрицѣ, только главное затеряно — Несторъ. Но сему въ короткое время пособить можно, и Шлецеръ посылаетъ другой экземпляръ съ приложеніемъ письма къ Государю *на русскомъ;* это должно фрапировать Монарха, естьли только Онъ удостоитъ хотя бѣглаго взора сіе поднесеніе. На этой недѣлѣ сказывалъ мнѣ одинъ пріѣжжій изъ Лейбцига Лифлянецъ, что Г. Успенской уѣхалъ оттуда въ Берлинъ, между тѣмъ какъ мы ожидали его на слѣдующій курсъ сюда; но это еще лучше, потому что сіе есть знакъ, что онъ надѣется на свое здоровье; и тамъ же по его практической части можетъ быть онъ гораздо дѣятельнѣе, нежели здѣсь; а съ Мудровымъ ему вѣрно не будетъ скучно. Мы читали здѣсь указы, данныя о Университетахъ и Гимназіяхъ; только кажется, что Греческой языкъ совсѣмъ пропущенъ; неужели это съ намѣреніемъ сдѣлано? нельзя предполагать, чтобы при теперешнемъ положеніи дѣлъ въ Россіи, касающихся до учености, опустили такую важную часть, особливо для насъ русскихъ, которыя получили все первоначальное свое просвѣщеніе отъ Грековъ; у насъ же нѣтъ Римскихъ правъ, а все основано на Греческихъ; и слѣдовательно, этотъ языкъ не менѣе важенъ для насъ Латинскаго. И гдѣ же будутъ образоваться наши Филологи для Университетовъ, когда въ Гимназіяхъ эта часть преподавана не будетъ? — Но всего вѣроятнѣе, что противъ всего этого взяты уже нашимъ Министромъ Просвѣщенія надлежащія мѣры; —

покуда остаемся мы, Гетингскія русскія, въ семъ пріятномъ увѣреніи — и будемъ увѣрять и Нѣмцовъ въ томъ же.

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе; также и любезной сестрицѣ.

Почтеннѣйшій благодѣтель Иванъ Володиміровичь долженъ быть теперь уже въ Петербургѣ — завидую брату.

Братьевъ обнимаю всѣмъ сердцемъ.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка,
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

37.

27 Апрѣля.
9 Мая.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

На прошедшей недѣлѣ имѣлъ я удовольствіе получить отъ васъ письмо, (подъ № 5) отъ 26 Марта. У меня очень лежитъ на сердцѣ безпокойства Матушки отъ неполученія моихъ писемъ; тѣмъ больше, что я этому не причиною, потому что пишу каждую недѣлю, и во время ваканціи отсылаю самъ свои письма всегда въ одинъ день т. е. въ понедѣльникъ. Можетъ быть, сперва и служанка моя пользовалась тѣми немногими грошами, которыя даю я ей для отсылки писемъ; но кажется, что она не заслужила такого подозрѣнія. Естьлибъ вы изволили видѣть теперь мое дородство, которому всѣ мои товарищи завидуютъ, то вы бы, конечно, отложили всѣ заботы о моемъ здоровьѣ, столь свойственныя материнскому вашему сердцу. Нѣкоторымъ образомъ я долженъ еще жаловаться на безпрерывное свое здоровье, потому что я давно уже потерялъ и понятія о болѣзни и, не зная цѣны здоровью, не могу принимать должнаго участія въ тѣхъ, кои не имѣютъ права хвастаться такъ, какъ я, симъ драгоцѣннымъ даромъ неба.

Я уже предпочелъ давно Шлецера Блуменбаху и взялъ двѣ лекціи у перваго, которой потому-то и достоинъ всего возможнаго уваженія, что онъ показываетъ вещи такъ, какъ онѣ есть, а не на изворотъ; (позвольте мнѣ, Батюшка, въ немъ одномъ только съ вами несогласиться; въ другихъ про-

тиворѣчить вамъ не смѣю). — Я не иначе зову его, какъ другомъ правды и наставникомъ человѣчества; потому что сорокъ лѣтъ ужъ, какъ, нисмотря ни на что, учитъ онъ людей и *школитъ* нѣмецкихъ владѣтельныхъ Князей, — сихъ маленькихъ тирановъ, которыя въ глазахъ моихъ тѣмъ самымъ презрительнѣе, что они не *большіе* тираны, и которыя во многомъ сходны съ нашими Озерскими дворянами. Школитъ, сказалъ я, потому что онъ въ своемъ журналѣ, которой въ свое время гремѣлъ въ Европѣ, говорилъ правду; принималъ жалобы отъ угнѣтенныхъ подданныхъ какого-нибудь Владѣтельнаго, печаталъ ихъ; доходило даже до того, что многія князья жаловались на него Королю; но кто уйметъ гласъ Истинны? — и онъ послѣ этого сталъ еще громче уличать ихъ. Даже и во время революціи проповѣдывалъ онъ публично съ каѳедры то, чего другія и на ухо другъ другу говорить здѣсь не смѣли. Но, наконецъ, политика Сильныхъ взяла верхъ, и теперь онъ не можетъ ничего печатать безъ дозволенія ценсуры. Съ какимъ пріятнымъ чувствомъ слушалъ я у него первую его статистическую лекцію, въ которой онъ экселируетъ. Сверхъ всего, и патріотизмъ мой заставляетъ меня почитать того, кто извлекъ изъ праха сперва нашу Русскую Правду, а потомъ и нашего Нестора, и первый далъ *справедливыя* о немъ понятія ученому свѣту и показалъ ему преимущества русской Исторіи въ богатствѣ источниковъ предъ всѣми другими Европейскими Исторіями.

Я уже писалъ къ вамъ о приглашеніи нѣкоторыхъ здѣшнихъ Профессоровъ нашимъ Министромъ Просвѣщенія, а именно Буле и Грельмана; первой отказалъ, второй соглашается; но онъ долженъ еще сперва кончить здѣшній полугодичной курсъ, а прежде взять свое увольненіе не можетъ. — Что касается до Гофмана, онъ также получилъ приглашеніе; и такъ какъ онъ Ганноверскимъ правленіемъ обиженъ, то и намѣренъ оставить здѣшній Университетъ; но еще не рѣшился ѣхать въ Россію, потому что получилъ инвитацію и въ другія мѣста. Проф. повивальнаго Искусства Озіандеръ также званъ къ намъ; но и сей еще не рѣшается. Слышно также, что зовутъ и Арнемана, бывшаго не задолго здѣшнимъ Проф. Хирургіи, но отъ долговъ и отъ обидъ также со стороны Правительства (и здѣсь есть Кураторы) удалившагося въ Гамбургъ, гдѣ онъ своимъ искусствомъ добываетъ себѣ большой доходъ, и, вѣроятно, не захочетъ оставить этого мѣста. Онъ извѣстенъ какъ по своимъ твореніямъ, такъ и по ссорѣ, которую онъ имѣлъ здѣсь съ Брауніанистомъ Каннелемъ и которая представлена въ весьма ложномъ свѣтѣ въ Вѣстникѣ Европы, такъ какъ и во многихъ журналахъ. — Всѣхъ ихъ приглашаютъ на 2000 жалованья, и съ тѣмъ, что, естьли они послѣ захотятъ взять отставку, то получаютъ по-смерть половинное жалованье; а когда вы-

служатъ 20 лѣтъ, то имѣютъ право требовать и полную пенсію. Они всѣ, кажется, весьма довольны сими предложеніями, но то за тѣмъ то за другимъ отговариваются; однимъ словомъ: много есть званныхъ, но мало избранныхъ.

Сегодня начались всѣ мои лекціи, о которыхъ я уже доносилъ вамъ; боюсь, естьли пропали и эти письма!

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе.

Медицинскія мои товарищи приносятъ вамъ усерднѣйшее свое благодареніе за рекомендацію ихъ новому Куратору.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами глубочайшаго сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть,

Милостивый Государь Батюшка,
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Приписка А. С. Кайсарова (14).

Милостивый Государь, Иванъ Петровичь!

Позвольте мнѣ принести вамъ и Милостивой Государынѣ Катеринѣ Семеновнѣ усерднѣйшее поздравленіе съ прошедшимъ свѣтлымъ праздникомъ. Мы провели его довольно поруски, даже и заутреня была съ слѣдующею за ней пасхою; даже и родъ поучительнаго слова было мною нашему братству сказано. Но я думаю, что уже вы все это изволите знать изъ описанія Александра Ивановича; я сообщу вамъ нѣчто новѣе. Въ послѣднемъ моемъ письмѣ имѣлъ я честь препроводить къ вашему Превосходительству нѣмецкую рецензію на рускаго путешественника; на этихъ дняхъ вышла окончательная рецензія; зная вашу любовь къ отечественной литературѣ и ко всему, что до нее касается, спѣшу русскими словами сообщить ее вамъ. И прошлая была немного жестка, а теперешняя едвали не тверже первой; но не хощу васъ не вѣдѣти тайны сея. Въ рецензіи стоитъ слѣдующее: руской путешественникъ лучше бы сдѣлалъ, естьлибъ заключилъ пятою частію; руской путешественникъ берется описывать Лондонской и Парижской театръ, будучи совсѣмъ къ тому не приготовленъ; руской путешественникъ судитъ объ Аглинскомъ характерѣ, не знавъ не только его, но даже и языка, и видѣвъ только одну аглинскую кухню, и множество тому подобныхъ несправѣдливостей. Суди имъ, Господи! Суди обидящимъ! Ко всему этому извольте прибавить, что московской Рихтеръ издаетъ руской журналъ на нѣмецкомъ языкѣ, увѣряетъ вразсужденіи выбора піесъ, и между тѣмъ переводитъ въ него Олешу Поповича, Добрыню Никитича и тому подобное. Нѣмецкая публика желаетъ познакомиться съ нашею Литературою, выбираются люди, которые берутся быть посредниками, печатаютъ Олешу, не зная того, что у насъ существуетъ Илья Муромецъ. Суди имъ Господи!

Чувствительнѣйше благодарю ваше Превосходительство за принятіе на себя труда въ пересылкѣ денегъ; простите, естьли это причинило вамъ какое безпокойство; но вы такъ къ намъ милостивы, что я и за прозьбу эту долженъ просить вашего прощенія. Съ чувствами совершеннаго высокопочитанія честь имѣю быть

ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!
покорнѣйшій слуга
Андрей Кайсаровъ.

38.

$\frac{11}{23}$ Мая Гетингенъ.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

На прошедшей почтѣ не писалъ я отъ того, что $\frac{2}{14}$ Мая поѣхалъ въ Кассель и $\frac{5}{17}$ возвратился назадъ. Я сдѣлалъ это маленькое путешествіе верхомъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми русскими. По случаю возведенія Кассельскаго Ландграфа въ Курфирстское достоинство, множество здѣшнихъ студентовъ оставили Гетингенъ, и Профессора должны были прервать свои лекціи на два дни.—На другой день нашего пріѣзда въ Кассель видѣлъ я церемонію. Вся богато одѣтая гвардія и полки были въ парадѣ. Въ 9 часовъ утра началась пушечная пальба и выѣхалъ Герольдъ возвѣщать народу о новомъ званіи его Государя. По прочтеніи манифеста приказано было кричать виватъ; но кажется, что это приказаніе неохотно исполнялось, и я не примѣтилъ тѣхъ радостныхъ лицъ, какія видны были у насъ 15-го сентября третьяго году. Въ 10 часовъ началось шествіе изъ дворца въ церковь. Курфирстръ ѣхалъ съ своимъ Наслѣдникомъ, а супруги ихъ въ другомъ экипажѣ вмѣстѣ съ Принцомъ Гессенъ-Дармштатскимъ. Впереди и назади слѣдовали всѣ чины Государственныя, а Каммергеры несли корону. Всего страннѣе были одѣты Швейцары, которыя шли съ галебардами у Курфирстской кареты. Ввечеру весь городъ былъ иллюминованъ; великолѣпнѣе всѣхъ горѣлъ фейрверкъ у Музеума и у Французскаго Посланника. Мы ходили по всему городу читать надписи, но не нашли ни одной, которая бы стоила быть замѣченой; даже и у Франц. Посланника, отъ котораго бы, судя по характеристической чертѣ его націи, должно было ожидать чего нибудь неслишкомъ обыкновеннаго или, по крайней мѣрѣ, остраго, нашли мы только одно желаніе о продолженіи мира между Франціею и Гессенъ-Касселемъ.—Но такъ какъ всѣмъ гражданамъ велѣно было радоваться и даны

матеріалы для иллюминаціи, то и ремесленники хотѣли изъявить свое усердіе. Между прочимъ, замѣтилъ я, что одинъ колбасникъ представилъ en transparent огромную колбасу, которую окружали маленькія, и подписалъ:

Wie diese Wurst unter diesen Würsten,
So ist unser Churfürst unter den Fürsten.

Удачное сравненіе! А мясникъ также вырѣзалъ надпись:

Wer unsern Churfürst wird nicht achten,
Den will ich wie einen Ochsen schlachten.

Что у кого на сердцѣ, то и на языкѣ.

Смотря на иллюминацію, вспомнилъ я то единственное зрѣлище, когда Москва ликовала въ огняхъ своихъ, и мнѣ казалось, что я на все смотрю въ умаляющее стекло и вижу все en mignature.

На другой день ѣздили мы на такъ называемую *Вилгельмову высоту* (Wilhelmshöhe), что прежде называлось Weissenstein. Это одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ по своему положенію и по украшенію, прядянному Натурѣ искусствомъ. На самой вершинѣ горы, съ которой стремятся натуральныя и искусственныя водопады, стоитъ Геркулесъ, опершись на свою палицу. Естьли стоишь у подошвы горы, то онъ кажется съ обыкновеннаго рослаго человѣка; но когда къ нему приближаешься, то онъ безпрестанно въ глазахъ вашихъ увеличивается и, наконецъ, является страшнымъ, но притомъ пропорціональнымъ Гигантомъ; такъ что даже палица его помѣщаетъ 12 человѣкъ; въ ней сдѣлана лѣсница и окошко, изъ котораго можно окинуть однимъ взоромъ все внизу лежащее. И съ этой то высоты падаетъ внизъ по искусственнымъ сѣдымъ развалинамъ широкой шумной водопадъ. Вся гора обдѣлана въ Англинской садъ; посереди ея построенъ великолѣпной замокъ съ золотою надпись[ю]: Wilhelmshöhe. — Примѣчательна показалась мнѣ также Плутонова пещера (Grotte des Pluto). Отверстія въ ней сдѣланы изъ краснаго стекла, такъ что вся внутренность кажется огненною; входъ стережетъ церберъ, на котораго грозится Геркулесъ своей дубинкой! Въ самыхъ адскихъ аппартаментахъ сидятъ на тронѣ Плутонъ и Прозерпина; по бокамъ стоятъ ихъ прислужники; около пещеры прядутъ парки, и одна перерѣзываетъ нить жизни; и множество другихъ аллегорическихъ изображеній, приличныхъ къ этому мѣсту. — На другой сторонѣ сада виситъ на горной скалѣ древній по виду замокъ, построенный въ Готтическомъ вкусѣ; его называютъ Löwenburg. По бокамъ его стоятъ развалины рыцарскихъ замковъ. Зрителю

трудно повѣрить, чтобъ все это было построено въ прошедшемъ столѣтіи. Такъ хорошо умѣло искусство подражать дѣйствіямъ времени!

На третій день разсматривали мы Картинную Галлерею. Ничего нѣтъ безполезнѣе, какъ видѣть множество картинъ вдругъ; не знаешь, на что обратить свое вниманіе, и затеряешься. Мы видѣли также и Музеумъ, подъ которымъ разумѣется Натуральный, Физическій и Математическій Кабинетъ, и собраніе древностей, найденныхъ въ Италіи. Но все это такъ бѣгло; нельзя останавливаться долго на тѣхъ вещахъ, которыя желалъ бы разсмотрѣть прилѣжнѣе, чтобы послѣ дать самому себѣ отчетъ въ томъ, что видѣлъ, и чтобы не быть записану въ тотъ многочисленной реестръ путешественниковъ, которыя *были и видѣли* — и больше ничего. Они суть бабочки, которыя любуются цвѣтками, но не сосутъ медъ изъ нихъ.—Потомъ ходилъ въ театръ, нестолько для піесы, сколько для того, чтобы видѣть удобнѣе Курфирстра и его Фамилію. Піеса была сочинена на этотъ случай и названа: Hesus (вѣроятно родоначальникъ Гессенскаго дому) oder Lohn für Vaterland.. Она такъ дурна, что нельзя сказать даже, въ чемъ состоитъ ее содержаніе; нѣтъ ни начала ни связи; видно только, что автору хотѣлось какъ бы то ни было заключить похвалою Новому Курфирстру, и въ самомъ дѣлѣ послѣ многихъ нескладныхъ сценъ кончилось тѣмъ, что горѣлъ щитъ, на которомъ вырѣзано было: Wilhelm der erste Churfürst!—и дѣйствующія лица пали предъ нимъ на землю, а зрители закричали: вивать.—

Пріѣхавши изъ Касселя, нашелъ я здѣсь товарища нашего Г. Успенскаго. Онъ съѣздилъ въ Берлинъ для осмотру больницы Charité; ободрился духомъ и, пріѣхавъ въ Лейбцигъ, отправился сюда, кажется, въ добромъ здоровьѣ. Дѣятельность здѣшняя и Профессора ему понравились, и можно надѣяться, что Геттингская жизнь прогонитъ скуку его. Благодѣтель его, консулъ пишетъ ко мнѣ, что дурная погода только имѣетъ на него вліяніе. Увидимъ, что будетъ, и я увѣдомлю Батюшку. Книги для васъ также посланы изъ Лейбцига съ купцомъ Нахоткинымъ. Только Les vies de saints peres du desert не могъ достать Иванъ Ивановичь въ Лейбцигѣ, а выпишетъ изъ Франкфурта и въ слѣдующую ярмонку доставитъ къ вамъ.

На прошедшей почтѣ писалъ я уже вамъ о тѣхъ Профессорахъ, которыхъ приглашали въ Москву. Еще звали здѣшняго Профессора древнихъ языковъ Митшерлиха, извѣстнаго изданіемъ Горація; но онъ также отказался, потомучто онъ и здѣсь надѣется заступить современемъ мѣсто Гайне.

Не взирая на то, что я въ прошедшій курсъ слушалъ уже Логику и Метафизику у Проф. Буле, я взялъ еще объ сіи части у Пр. Бутервека. Хотя сіи науки съ перваго взгляду ничего не имѣютъ въ себѣ привлекатель-

наго, однакожь онѣ оставляютъ по себѣ слѣдствія очень благодѣтельныя для разума, образуя его и пріучая его къ дѣятельности; а вамъ извѣстно, что не только я, но и большая часть людей не всегда любятъ ломать голову; но тутъ мнѣ поневолѣ должно будетъ напрягать свои мысленныя способности.—И такъ у меня, сверхъ тѣхъ, о коихъ я писалъ уже къ вамъ, прибавился еще одинъ лекціонный часъ въ день, отъ 10 до 11 поутру.

Отъ товарищей своихъ очень давно ни строчки не получалъ, а отъ Василья Андреевича всего одно посланіе имѣлъ удовольствіе читать во все время.

Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое глубочайшее высокопочитаніе Милостивой Государынѣ Тетушкѣ и почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу.

Николашу, Сережу и Бориса цѣлую братски.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

39.

Гетингенъ $\frac{6\ Іюня}{25\ Мая.}$

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Сперва позвольте мнѣ принести вамъ сердечную сыновнюю благодарность за доставленіе мнѣ полугодичнаго моего содержанія. Конечно, сіе будетъ употреблено соотвѣтственно вашимъ благодѣтельнымъ намѣреніямъ. Письмо ваше отъ 27-го Апрѣля (№ 7) принесло мнѣ еще большее истинное удовольствіе, потому что я увидѣлъ въ немъ ясное изображеніе родительской любви. И я былъ причиною вашей радости: — эта мысль безпрестанно веселитъ меня, и я съ новою охотою, съ новымъ рвеніемъ принимаюсь за всякое дѣло. Слезы, которыя навернулись у меня, читая письмо ваше, разсѣялись, когда я сталъ читать мнѣніе почтеннѣйшаго благодѣтеля Петра Володиміровича о Русскихъ и о Нѣмцахъ. Мнѣ такъ живо представилось положеніе, даже мина, съ которою произносилъ онъ слова сіи, что, естьлибъ я былъ живописецъ, я бы вѣрно угадалъ написать его. Мнѣ больно

согласиться, чтобы голодъ и безразсудность были только причиною тѣхъ живыхъ непритворныхъ радостей мужиковъ нашихъ при встрѣчѣ Святой недѣли. Нѣмцы по своему характеру флегматики, къ чему много содѣйствуютъ и обстоятельства; на примѣръ, я сперва удивлялся ихъ молчаливости и не находилъ этому причины; но обращаясь съ ними часто, причина мнѣ показалась ощутительною: они безпрестанно съ трубкою въ рукахъ, и, слѣдовательно, натурально должны молчать или говорить изъ минуты въ минуту; иначе погаснетъ ихъ трубка. А сперва скромность ихъ приписывалъ я ихъ глубокомыслію. Естьли сравнить нашего русскаго мужика съ здѣшнимъ, то, мнѣ кажется, можно будетъ сказать о нихъ то же, что Карамзинъ сказалъ о Грекахъ и о Новѣйшихъ. Нѣмцы ученѣе насъ; но мы умнѣе ихъ; мы умѣемъ радоваться и пользуемся симъ драгоцѣннымъ даромъ, когда только находимъ къ тому хоть малѣйшую причину; но Нѣмецъ сперва подумаетъ— и прозѣваетъ эти невозвратимыя минуты радости, которыми бы онъ для истинной своей душевной и тѣлесной пользы долженъ пользоваться. Подумавъ такимъ образомъ, задалъ я самъ себѣ вопросъ: Умъ ли это? И можно ли Патріоту пожелать такого ума своимъ согражданамъ? —Еще другой вопросъ: Отъ чего Петръ Володиміровичь, зная, повидимому, съ худой стороны русской характеръ, болѣе, нежели кто другой, любитъ самъ Русскихъ, ихъ обычаи и отечество, и болѣе нежели кто другой достоинъ именп Патріота, имени Русскаго?— Далѣе: Отъ чего Петръ Володиміровичь, при всемъ томъ, что онъ такъ тонко и глубоко знаетъ человѣческую натуру и причину дѣйствій человѣческихъ, все еще благодѣтельствуетъ людямъ, слѣдовательно, любитъ ихъ? Мы видимъ, что есть люди, которыя любятъ другихъ людей и благодѣтельствуютъ имъ или отъ того, что незнаютъ ихъ, или отъ того, что знаютъ ихъ съ хорошей стороны. Но Петръ Володиміровичь видитъ всѣ ихъ недостатки, слабости (которыя часто бываютъ несноснѣе самыхъ пороковъ) — и при всемъ томъ остается нѣжнѣйшимъ другомъ человѣчества! — На этотъ вопросъ прочелъ бы онъ отвѣтъ въ глазахъ моихъ въ то время, когда я о немъ думаю.

На прошедшей недѣлѣ по случаю праздниковъ были мы опять въ Касселѣ, гдѣ на другой день Троицы на Wilhelmshöhe были пущены всѣ воды, что случается только въ годъ разъ. Какое великолѣпное зрѣлище! Все это пространное мѣсто казалось волшебнымъ замкомъ, и въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ слышенъ былъ шумъ водопадовъ. Главный изъ нихъ, падающій съ того возвышенія, гдѣ Геркулесъ главою своею облака разсѣкаетъ, проходитъ поверхъ многихъ пещеръ. Въ такъ называемой Нептуновой пещерѣ въ это же самое время ревутъ водяныя органы. Въ нѣкоторомъ отдаленіи

падаетъ гораздо натуральнѣе съ высокихъ рунъ другой водопадъ; потомъ проходитъ съ горы разными извилинами черезъ Чортовъ мостъ, названный въ подражаніе Швейцарскому, и теряется въ пруду, изъ котораго бьетъ фонтанъ вышиною, соразмѣрной высотѣ всей горы. Брызги его летятъ саженей на 50. Какое дѣйствіе дѣлаютъ на глазъ всѣ сіи воды, освѣщаемыя солнцемъ! — Пользуясь отсутствіемъ Курфирстра, разсматривали мы дворецъ его, великолѣпіе коего развѣ только съ Кусковымъ сравнить можно. Оттуда прошли въ Rittersaal, гдѣ находятся фамильныя гербы всѣхъ Кассельскихъ кавалеровъ, подъ которыми каждому назначено особенное мѣсто. Жалованіе въ сіи кавалеры (der Ritterschlag) случается очень рѣдко. По стѣнамъ сей залы выведено родословное дерево; корень его въ Карлѣ Великомъ, коего обширнаго государства и Германія только часть составляла. Отъ него простирается дерево по всѣмъ четыремъ стѣнамъ, проходя по историческому порядку сквозь портреты всѣхъ потомковъ Карла Великаго до самаго нынѣшняго Курфирстра.—Передъ отъѣздомъ видѣли мы модели всѣхъ дворцовъ, увеселительныхъ замковъ и модель Wilhelmshöhe, такъ какъ бы ей быть должно по первому плану. Наконецъ былъ я и въ самомъ Геркулесѣ, то есть въ его палицѣ, на которую онъ опирается; о такой вышинѣ я только что читалъ въ описаніяхъ. Подходя къ верху горы, стали мы уже чувствовать холодъ, и черезъ нѣсколько минутъ принуждены были надѣть капоты. Но одинъ взглядъ изъ окошка, продѣланнаго въ палицѣ, наградилъ меня за весь трудъ и прогналъ усталость. Сперва я только издали, у подошвы горы удивлялся этому колоссу; но теперь я не только видѣлъ, но и осязалъ его. Снизу казался опъ намъ съ человѣка обыкновеннаго росту; но здѣсь я только что могъ обнять нижнюю часть ноги его. Высота самаго Геркулеса въ 32 фута.

Пробывъ въ Касселѣ три дни, во вторникъ т. е. $\frac{31}{19}$ возвратились мы въ Гетингенъ.

На прошедшей недѣлѣ Шлецеръ въ своей лекціи поздравилъ публично Русскихъ со днемъ основанія С. Петербурга: $\frac{28}{16}$ Маі минуло этому сто лѣтъ. Мы еще не знаемъ, торжествовали ли его въ Петербургѣ. Нѣтъ ни одного изъ важныхъ Европейскихъ городовъ, котораго бы начало такъ извѣстно было. Большой части не знаютъ даже, въ которомъ столѣтіи они основаны. Теперь намъ надобно праздновать заложеніе Петербурга, между прочимъ, и для того, чтобы съ вѣрностію передать этотъ день и позднѣйшему нашему потомству. — И теперь это уже рѣдкость въ своемъ родѣ.

Шлецеръ началъ еще читать разъ въ недѣлю одну публичную лекцію: *Cursus politicus*, или показаніе всѣхъ наукъ, относящихся къ Политикѣ. Опъ

старается доказать, что сія обширная Наука имѣетъ также свои большія отрасли, и что не всякой можетъ похищать имя политика, кто только читаетъ газеты и журналы; и чтобы имѣть право разсуждать о политическихъ дѣлахъ, надобно сперва къ этому приготовиться; иначе будешь только повторять слова газетеровъ и часто ими обманутъ.

Что касается до Англійскаго языка, то приказанія Матушки и по сю пору также свято исполняются, и я чувствую, что я примѣтно успѣлъ въ немъ. Медицинскія мои товарищи на сей же недѣлѣ исполнятъ повелѣнія Батюшки и будутъ писать къ Муравьеву.

За вексель получилъ я 760 рейхсталеровъ, считая, какъ обыкновенно, по 24 добрыхъ грошей талеръ. Мнѣ не нужно никуда посылать его для размѣны; а мы здѣсь тотчасъ получаемъ деньги, по большой части отъ жидовъ, которыя находятъ въ томъ свою выгоду.

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе.

Николашу, Сережу и Бориса обнимаю.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами истиннаго сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Милостивому Государю Григорью Прохоровичу, Максиму Ивановичу и Николаю Лукьяновичу свидѣтельствую мое усерднѣйшее почтеніе.

40.

Письмо Александра Ивановича Андрею Ивановичу Тургеневу.

Гетингенъ $\frac{12}{1}$ *Іюня.*

Вы, я думаю, братья, по газетамъ знаете, что дѣлается съ Ганноверскими владѣніями. Французы завладѣли ими безъ пролитія капли крови; армія здалась на капитуляцію и постыдно ожидаетъ повелѣній отъ новаго своего Государя, то е[сть] Французской республики или Бонапарте. Французы берутъ изо всѣхъ мѣстъ (caisses) суммы и въ декларацiи называютъ Англинскаго Короля нарушителемъ трактата. Гдѣ прежде величался Го-

сударственной Англинской Гербъ, тамъ теперь написано: liberté, égalité и проч.. Наши нѣмцы смотрятъ и политизируютъ. Проректоръ Мартенсъ и Блуменбахъ поѣхали въ Ганноверъ засвидѣтельствовать свое почтеніе Главнокамандующему Французскому Генералу Мартье и Бертье, брату славнаго Генерала того же имени. Въ деклараціи сказано, что Геттингенъ будетъ освобожденъ отъ франц. войска; но говорятъ, что эта декларація поддѣланная, и что въ настоящей этого нѣтъ; да и какъ освободить, когда и съ здѣшнихъ гражданъ (разумѣется, не академическихъ) будетъ взята контрибуція; кто же будетъ собирать ее? Это поддѣлываютъ для того, чтобъ успокоить студентовъ для того, чтобъ они не разъѣхались. Впрочемъ, здѣсь все спокойно, и кажется, и при французахъ также будетъ, исключая того, что, я думаю, съѣстныя припасы и все будетъ нѣсколько дороже, потому что вѣдь армія франц. на щетъ Ганновера содержаться будетъ. Для здѣшнихъ реномистовъ также нелюбо будетъ, потому что имъ нельзя будетъ такъ бушевать, или, по крайней мѣрѣ, они по сродной имъ нѣмецкой трусости этого дѣлать не будутъ; но для насъ, спокойныхъ академиковъ, это лучше.—Сперва были здѣсь большія приготовленія для встрѣчи непріятеля; силою, ночью и днемъ, изъ супружескихъ объятій, набирали въ рекруты; старой и малой долженъ былъ итти подъ ружье; многія разбѣжались по сосѣдственнымъ Княжествамъ; но когда вступили въ Ганноверскія владѣнія французы, то они, не говоря ни слова, сдались на постыдную капитуляцію. Сперва они ожидали все, и простой народъ думалъ, что русской Императоръ пришлетъ войско для ихъ защиты; но они обманулись. Жалко видѣть эту негодную нѣмецкую конституцію. И съ Германіей можетъ современемъ послѣдовать то же, что и съ Польшей, *въ бозѣ опочивающей*, какъ говоритъ остроумной Шлецеръ. Мы ожидаемъ со дня на день и въ Геттингенъ постояннаго отряда франц. войска; но Генералъ послалъ просить у Кассельскаго Курфирстра позволенія перейти черезъ его владѣнія; а весь переходъ состоитъ черезъ одну деревню, разстояніемъ саженей на сто!!! Знаешь ли, что французы успѣли уже заставить полюбить себя здѣшнихъ нѣкоторыхъ жителей, несмотря на то, что они опорожнили всѣ кассы; но изъ нихъ же награждаютъ тѣхъ, кои добровольно положили ружье, и снабжаютъ старыя гарнизоны всѣмъ нужнымъ такъ, что они и при Ганноверскомъ Правительствѣ этого не видывали; даже всякому солдату дали по фунту курительнаго тобаку, зная, что это пища нѣмецкая; а они-то превозносятъ ихъ! Теперь надобно ожидать съ смиреніемъ, какой конецъ всему этому будетъ — вѣроятно, Бонапарте продастъ Ганноверъ съ аукціону какому-нибудь Князьку Нѣмецкому! О срамъ, срамъ Германской націи; срамъ побѣдителямъ Римлянъ и смирителямъ

древней римской гордости! Что бы подумала душа твоя, о Германрикъ, когда бы она теперь воскреснула и увидѣла свое отечество въ такомъ уничиженіи! Но онъ бы не призналъ теперешнихъ сухихъ, тонконогихъ нѣмцовъ съ древними храбрыми Германцами, мужественности коихъ и самъ Римъ удивлялся. Но здѣшній народъ, выключая нѣкоторыхъ individiis и ученыхъ, которыхъ надобно считать не Ганноверскими, но всемірными гражданами, право не стоитъ, чтобъ о нихъ такъ много распространяться; и такъ, лучше поговорить о русскихъ, которыя достойнѣе теперешняго своего благоденствія. A propos: я получилъ отъ Шлецера Вѣстника Европы первыя 6 частей 803 года и читаю ихъ съ большимъ удовольствіемъ; твою любовь къ отечеству въ стихахъ твоихъ также видѣлъ и, право, хвастался тобою передъ здѣшними русскими. Да и вообще, піесы интереснѣе прежнихъ; слогъ у Карамзина и въ переводахъ гораздо сталъ чище, и Измайлова Молодой Филосовъ мнѣ очень понравился; право, мало, очень мало Нѣмецкихъ журналовъ, которыя бы могли съ Вѣстникомъ сравниться, выключая Коцебуева: Der Freimüthige, который интересенъ своими ругательствами. Марѳа Посадница, по любви моей къ русской Исторіи, мнѣ очень понравилась, и предполагаетъ большія свѣденія[1]) въ исторіи тогдашняго времени; слогъ соотвѣтствуетъ матеріи; только мнѣ кажется, что Марѳа Посадница слишкомъ учена для своего полу и для своего времени; можно было заставить ее риторствовать, очаровывать сердца согражданъ, не заставляя ее быть такимъ ученымъ историкомъ. Когда она говоритъ о паденіи Рима, кажется, что будто она отъ доски до доски прочла Гиббонову исторію. Это невѣроятно и потому, что Нѣмцы не упустили бы тогда такой искусной дамы и взяли бы въ Виртембергъ въ Профессоры Исторіи. Но шутки на сторону; намъ нельзя быть неблагодарну къ Карамзину за его труды; я, право, еще болѣе сталъ уважать его, когда увидѣлъ чистоту русскаго слога, слѣдствіе его дѣятельности. Шлецеръ хочетъ рецензировать въ здѣшнихъ gelehrten Anzeigen Вѣстника Европы и, вѣрно, съ большею похвалою; дожидается только получить полный годъ. Мы съ нимъ часто разговариваемъ съ энтузіазмомъ о русскихъ и о нашей теперешней свободѣ мыслить и писать. Какъ онъ полезенъ для человѣчества, а еще больше для Германіи своею Статистикою и Политикою. Я теперь собираю его журналъ, которымъ онъ больше нежели чѣмъ другимъ сталъ извѣстенъ Европѣ и непріятенъ Нѣмецкимъ Владѣтельнымъ. У меня уже есть частей 50, но всѣхъ ихъ немного болѣе ста. Сколько интереснаго!

Я, братъ, отъ тебя давно уже не получалъ совсѣмъ никакого извѣстія—

1) Въ рук. «большеи свѣденіе».

и сижу у моря, жду ясной погоды. Пора бы ей провѣтриться, а тебѣ написать ко мнѣ о себѣ и о Шлецеровомъ дѣлѣ. Скажи Родзянкѣ, братъ, что я здѣсь читаю Галлерову *опчность*, сидя подлѣ его памятника въ Ботаническомъ прекрасномъ саду, имъ же основанномъ, и подъ деревомъ, Галлеромъ же посаженнымъ, и вспоминаю о его переводчикѣ. Здѣсь Галлеръ и во всей Германіи въ большой славѣ и его почти одного только называютъ великимъ; и ничѣмъ больше нельзя разсердить Нѣмца-Патріота, естьли скажешь, что Галлеръ не Нѣмецъ, а Швейцаръ. Однако, братъ, завтра вставать въ 6-мъ часу, а теперь уже 12-й ночи — и такъ прости! Куда трудно, братъ, было привыкать къ этому — но нечево дѣлать; не хочется лишиться интересной Гереновой лекціи этнографической. Къ Петру Серг[ѣевичу] и Мих[аилу] Серг[ѣевичу] не пишу особо, потому что нечево, кромѣ повторенія того же; а люблю все также и также нетерпѣливо ожидаю отъ нихъ вѣсточку.

Батюшка пишетъ, что Губаревъ хочетъ съ славнымъ Гернеромъ взлетѣть на Монгольфьеровомъ шарѣ. Это, кажется, хвастовство; а иначе—жаль, что онъ не при мнѣ сломитъ себѣ голову.

На оборотѣ: Berlin. A St. Petersbourg. A Monsieur de Tourgueneff Secretaire interprête de S. M. I. de toutes les Russies.

Его Благородію Андрею Ивановичу Тургеневу Государственной Иностранной коллегіи переводчику. Между Алахрина и Калинкина моста, въ домѣ Г-жи Карауловой.

41.

Гетингенъ $\frac{13}{2}$ *Іюня.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Сейчасъ имѣлъ сердечное удовольствіе получить письмо ваше (№ 8) отъ 7-го мая. Намъ странно, что въ дѣлахъ Университетскихъ такая смѣсь царствуетъ; кажется бы, теперь стоитъ только сказать слово для увольненія Батюшки отъ должности. Но теперь и здѣсь между Правительствующими не менѣе замѣшательствъ. Вамъ, я думаю, уже по газетамъ извѣстно, что мы получили новаго Государя, то есть Французскую республику или Бонапарте. Французы весьма спокойно вошли въ Ганноверскія владѣнія и завладѣли ими; армія здѣшняя сдалась на постыдную капитуляцію, не взирая на то, что приготовленія къ защищенію себя были весьма отяготительны для жителей; силою набирали рекрутовъ; старой и малой долженъ былъ становиться

подъ ружье; и послѣ всего этого, какъ скоро появились Французы, то Ганноверцы безъ пролитія капли крови положили ружья. Да и не могло ничего выйти изъ всѣхъ сихъ пустыхъ снарядовъ; потому что, какъ можно, чтобы молодыя, совсѣмъ необразованныя рекруты могли устоять противъ Французскихъ ветерановъ? Отечества здѣсь не знаютъ; а Суворовскими ухватками также подѣйствовать нельзя. Я бы желалъ знать мнѣнія почтеннѣйшаго благодѣтеля Петра Володиміровича, щастливы ли они или нѣтъ тѣмъ, что не имѣютъ нашихъ предразсудковъ.—Неизвѣстно, что послѣдуетъ съ Ганноверомъ; теперь снимаютъ всѣ Гербы Англинскаго Короля и здѣшняго Курфирстра; всѣ уставы публикуются отъ имени Французскаго Генерала; разумѣется, что въ заглавіи стоитъ: liberté, egalité. Сими двумя словами начинаются всѣ его повелѣнія. Въ деклараціи Геттингенъ освобожденъ отъ постоя Французской арміи; и академія наша, вѣроятно, будетъ спокойнѣе, нежели когда-нибудь. Французы умѣютъ цѣнить ученость и знаютъ, что Музы требуютъ покоя. Впрочемъ, они для своей индемнизаціи опорожнили всѣ кассы Ганноверскаго Правительства и говорятъ, что, сверхъ того, возьмутъ еще контрибуцію для содержанія своей арміи; а Ганноверская стоитъ теперь, сложа руки, въ Лауенбургскомъ и дожидается приказаній отъ новыхъ своихъ повелителей. Сперва простой народъ ожидалъ, что Россія защититъ Ганноверъ, и для того, зная, что мы русскія, имѣли къ намъ большее уваженіе; они даже ожидали безпрестанно пришествія 60000 русскихъ; но мы увѣряли ихъ, что Суворовскихъ маршей теперь дѣлать уже нѣкому; что Герой, спаситель ихъ, которому Нѣмцы не умѣли быть благодарными, почіетъ уже на лаврахъ своихъ. Вѣроятно, что Ганноверъ навсегда лишился стараго своего Государя; но и новой удержать его навсегда у себя не можетъ, а продастъ, можетъ быть, съ аукціону какому-нибудь Владѣтельному Нѣмецкому Князю и предпишетъ Регенсбургскому сейму сдѣлать его Курфирстромъ. О бѣдная нѣмецкая конституція! Почти ежегодно подтверждаетъ она справедливость извѣстной Езоповой басни и сихъ трехъ словъ: vires unitae agunt, а не иначе.

Я обо всемъ своемъ житьѣ-бытьѣ доносилъ уже вамъ въ нѣкоторыхъ своихъ письмахъ; въ будни, какъ вамъ извѣстно, дни и часы всѣ заняты съ 6-ти час. утра до самаго вечера. Суббота назначена для повторенія тѣхъ лекцій, которыми я особенно хотѣлъ бы заняться, и для библіотеки. Въ воскресенье мнѣ всего пріятнѣе, не выходя изъ комнаты и не одѣвавшись, просидѣть или за переводомъ или за любимымъ Авторомъ; это по сю пору часто случалось, потому что у насъ почти безпрестанно продолжается худая погода и совсѣмъ нѣтъ охоты ходить въ поле. На этой недѣлѣ читалъ первыя шесть частей

Вѣстника Европы 803 года, присланныя къ Шлецеру изъ Москвы совсѣмъ неизвѣстнымъ ему его почитателемъ Челищевымъ съ обѣщаніемъ и слѣдующія части доставлять безъ всякой для Шлецера издержки. Такъ какъ я получаю почти всѣ нѣмецкія журналы и всегда имѣю четверть часа времени ихъ профельетировать, то мнѣ очень пріятно видѣть, что весьма, весьма немногія могутъ по выбору піесъ и по интересу сравниться съ Вѣстникомъ. Слогъ нѣкоторыхъ нашихъ молодыхъ авторовъ примѣтно очистился, и предметы, которыя они удостоиваютъ своимъ выборомъ, заслуживаютъ пера ихъ; особливо, по любви моей къ отечественной Исторіи, понравилась мнѣ Марѳа Посадница. Авторъ долженъ имѣть большія историческія свѣденія, и слогъ соотвѣтствуетъ матеріи. Мнѣ кажется только, что Марѳа наша слишкомъ учена для Новгорожанки, особливо въ Римской Исторіи. Такія свѣденія и Геттингскому Профессору честь дѣлаютъ. Я повторю то же, что я писалъ и къ брату; можно было заставить ее риторствовать, преклонять на свою сторону своихъ согражданъ (всегда республиканское правленіе производило риторовъ), не заставляя ее быть такимъ ученымъ историкомъ. При всемъ томъ, сдѣлайте милость, Батюшка, засвидѣтельствовать мое душевное почтеніе Милостивому Государю Николаю Михайловичу Карамзину; намъ нельзя быть неблагодарну къ нему за успѣхи въ образованіи Русскаго слога, слѣдствіе его дѣятельности и талантовъ.

Милостивому Государю Харитону Андреевичу приношу мое усерднѣйшее поздравленіе съ полученіемъ новаго сана, столь приличнаго его достоинствамъ. Также и Милостивой Государынѣ Софьѣ Ивановнѣ свидѣтельствую мое истинное высокопочитаніе.

Товарищи мои на той недѣлѣ уже исполнили Батюшкины приказанія и отправили письма къ Муравьеву.

Братьевъ обнимаю; я еще все не знаю, чего удостоились вы на пансіонскомъ актѣ; а вы знаете, сколько меня это интересуетъ. Коротенько увѣдомьте меня объ этомъ. Маму поцѣлуйте.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ

Ал. Тургеневъ.

42.

Письмо Александра Ивановича Андрею Ивановичу Тургеневу.

Спѣшу писать къ тебѣ только, чтобы сказать великое спасибо за письмо твое, увѣдомляющее о подаркахъ, сдѣланныхъ, Шлец[еру] и Шлец[ерш]ѣ. Сію минуту отнесъ я къ нему письмо твое, и онъ очень насъ благодарилъ и велѣлъ къ тебѣ отписать, что онъ удивляется великодушію, которое ты, не зная совсѣмъ его, ему доказываешь; но я отвѣчалъ, что ты очень хорошо знаешь его по тѣмъ великимъ благодѣяніямъ, которыя онъ сдѣлалъ для меня своими единственными лекціями. Хотя Г. Даниловъ меня почти совсѣмъ не знаетъ, однакожъ поблагодари, братъ, его за меня хорошенько за его стараніе; онъ, можетъ быть, этимъ меня больше одолжилъ, нежели самаго Шлецера, по крайней мѣрѣ — не меньше. Я увѣренъ, что и онъ почитаетъ за удовольствіе быть нѣкоторымъ образомъ причиною удовольствія такого человѣка, каковъ Шлецеръ! — Мы теперь хотя стоимъ и подъ другимъ Государемъ т. е. подъ Бонапарте, однакожъ не менѣе спокойны; Генералъ Мортье отвѣчалъ посланнымъ отъ университета депутатамъ: l'université de Goettingue sera respectée dans tous les rapports possibles. Однакожъ, мы ожидаемъ сюда отрядъ франц. войска; но это для сохраненія нашего же спокойствія. Я теперь не могу порядочно отвѣчать на письмо твое, потому что оно еще у Шлецера; но въ понедѣльникъ, то есть черезъ 3 дни, буду еще писать.

Прощай, братъ. Родзянкѣ кланяйся. Къ вамъ ѣдетъ изъ Берлина воздушный волтижеръ. Что ты не пишешь, у васъ ли еще Иванъ Володиміровичь, или уже уѣхалъ? Adieu.

Ал. Т.

43.

$\frac{20}{9}$ Іюня. Гетингенъ.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Наконецъ имѣлъ я удовольствіе получить отъ брата письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что Шлецеру и женѣ его сдѣланы подарки; я весьма собою доволенъ, что мнѣ пришла тогда мысль писать къ брату объ этомъ дѣлѣ; естьлибъ не его старанія у Энгеля, можетъ быть бы и по сю пору оставалось дѣло безъ конца, и Шлецеръ — безъ ободренія. Я тотчасъ показалъ ему

братнино письмо, и онъ насъ обѣихъ искренно благодарилъ за наше участіе и хотѣлъ самъ писать черезъ меня къ брату. Для меня всего пріятнѣе, что я нѣсколько споспѣшествовалъ къ скорѣйшей развязкѣ дѣла и, хотя слабо, могъ изъявить признательность мою великому моему Учителю, которому я столь много и во многомъ обязанъ.

Третьяго дня получилъ я еще черезъ Вѣну братнины письма, посланныя съ К. Козловскимъ. Съ какимъ удовольствіемъ читалъ я все это; и Николашины письма и Сережинъ журналъ. Николаевы основательныя сужденія, образовывающійся слогъ его и Сережины замѣчанія въ его путешествіи, описаніе видѣнныхъ имъ предметовъ,—какъ все это меня радовало, и надежда моя на нихъ къ моему спокойствію усилилась. Я читалъ ихъ своему доброму товарищу Г. Сулимѣ, сыну стариннаго сослуживца Батюшки у Гр. Чернышева, и онъ безпристрастно хвалилъ ихъ. Успѣвайте, друзья мои, и радуйте вашего брата, который къ вамъ привязанъ; для васъ, изъ любви къ вамъ, готовъ и посвятить себя.

Депутація здѣшняго Университета, о которой я на прошедшей почтѣ писалъ къ вамъ, кончилась съ добрымъ успѣхомъ. Французы умѣли поддержать о себѣ мнѣніе, какъ о просвѣщеннѣйшей націи, и хотятъ оставить Геттингскихъ Музъ въ покоѣ. Главнокомандующій Французскій Генералъ Мартье отвѣчалъ Профессорамъ нашимъ: «*l'université de Goettingue sera respectée dans tous les rapports possibles*». — Разумѣется, что поставятъ сюда немногочисленной отрядъ; иначе какъ же будутъ они собирать контрибуцію съ здѣшнихъ гражданъ (NB не съ академическихъ)? слѣдственно, мы увидимъ побѣдителей Германіи, но побѣжденныхъ Русскими.

И такъ, любезный мой товарищь Воинъ Ивановичь, не довольствуясь ходить по землѣ съ обыкновенными смертными, хочетъ пуститься въ поля небесныя. И я бы совѣтовалъ ему, естьлибъ не опасался, что, прилетѣвъ къ намъ назадъ, потеряетъ онъ совсѣмъ способность ходить и по сушѣ. Впрочемъ, для чего не осмѣлиться, когда читаешь въ газетахъ, что Французы и 300 тысячь хотятъ отправить такимъ же образомъ въ Англію. Разница только въ томъ, что о послѣднихъ, естьли имъ удастся, будетъ говорить вся Европа и Исторія, а о первомъ — Московская публика. Французы симъ новымъ, смѣлымъ предпріятіемъ исполнятъ предсказаніе одного ихъ Автора:

Montgolfier nous apprit à créer un nuage;
Son genie etonnant aussi hardi que sage
Sous un immense voile enfermant la vapeur
Par la capacité detruit la pesanteur.

Notre audace bientôt en saura faire usage
Nous soumetrons de l'air le mobile element
Et des champs azurés le dangereux voyage
Ne nous paroitra plus qu'un simple amusement.

Сей часъ получилъ я прилагаемыя при семъ письма; изъ сего изволите увидѣть, въ какой чести Университетъ нашъ у Французовъ. Ни одинъ еще нѣмецкой Университетъ не пользовался такимъ уваженіемъ. Слава Французскому просвѣщенному народу, слава Бонапарте, умѣющему цѣнить Гайне и ему подобныхъ. (Онъ писалъ письмо къ нему, и, естьли можно будетъ достать копію, я ее къ вамъ доставлю). Мнѣ кажется, что сей знакъ уваженія, дѣлающій честь какъ Французскому Правительству, такъ и Геттингскому Университету, стоитъ быть помѣщеннымъ въ Вѣстникѣ Европы. Странно, что Французской Генералъ вмѣсто Проректора относится къ *Ректору* здѣшняго Университета. Ректоромъ былъ здѣсь Король Англинскій, но теперь уже и въ академическихъ производствахъ о немъ не упоминается; недавно производили одного въ Доктора Медицины, и деканъ этого факультета не возвѣщалъ уже ему, какъ прежде, новаго его достоинства отъ имени ректора Георга III. Ainsi va le monde!

Новая публичная коллегія Шлецерова, о которой я также доносилъ уже вамъ, весьма охотно посѣщается; такъ что, хотя онъ и принужденъ уже былъ разломать свою аудиторію, то все еще она недостаточна для помѣщенія всѣхъ слушателей; такъ что комната бываетъ полна набита нами, и онъ взялъ для этой лекціи уже два дни въ недѣлю. Нельзя не желать слышать его, кто хоть разъ уже имѣлъ это удовольствіе. Здѣсь-то истинная практическая философія, — слѣдствіе пятидесятилѣтней дѣятельности тонкаго ума.

Два письма, пущенныя мною на прошедшихъ почтахъ, надписалъ я смѣшнымъ образомъ на Батюшкино имя, и вмѣстѣ на имя и Ѳедора Петровича (отъ $\frac{6 \text{ іюня}}{25 \text{ мая}}$ и отъ $\frac{13}{2}$ іюня). Не знаю, изволили ли вы получить ихъ. А братъ все еще увѣряетъ, что вѣтреность не моя слабость!

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ неизмѣняемыми чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Гайне не отъ самаго Бонапарте получилъ письмо, но отъ военнаго Министра, — которое и препечатано. При семъ прилагаю еще экземпляръ для почтеннаго Ивана Андреевича Гейма, которому прошу засвидѣтельствовать мое усерднѣйшее почтеніе.

44.

Письмо Александра Ивановича Андрею Ивановичу Тургеневу.

$\frac{20}{9}$ Іюня.

На этой недѣлѣ получилъ я еще отъ тебя письма, посланныя черезъ К. Козловскаго; спасибо, братъ, что прислалъ братнины письма; я по сю пору ими радуюсь. Порученіе твое объ Оссіанѣ немедленно исполню. Естьлибъ надобны были Денисова переводы, то я бы сегодня уже послалъ; но такъ какъ другой еще надобно достать, то пошлю, думаю, черезъ три дни. Я радъ, что могу исполнить твою комиссію для Данилова, за то что и онъ такъ для меня старался. Argopos: Шлецеръ хочетъ къ тебѣ самъ писать и благодарить тебя; я увѣренъ, что тебѣ это пріятно будетъ. Сообщаю тебѣ письма, здѣсь публикованныя. Гайне, какъ увидишь, получилъ письмо въ отвѣтъ на свое отъ Бонапарте; такой чести никакому Университету не бывало. Минерва ходатайствуетъ за насъ у Марса, и мы безопасны.

Поздравляю любезнѣйшаго Михайла Сергѣевича съ чиномъ; пора, давно пора. Что вы, братцы, не пишете, гдѣ вы теперь работаете, куда ходите. Мих[аилъ] Серг[ѣевичъ] такъ коротокъ въ своихъ письмахъ, что не успѣешь оглянуться, а ужъ и конецъ. Есть ли пища теперь для его дѣятельности у насъ въ коллегіи? Что подѣлываетъ Петръ Сергѣевичъ?

Знаешь, братъ, какъ бы это славно было, естьлибъ ты поѣхалъ вокругъ свѣта; мнѣ ничего больше не хочется, какъ, приготовившись, начитавшись побольше вояжей, поѣхать по неизвѣстнымъ еще землямъ.

К. Гагаринъ пишетъ ко мнѣ, что они очень удивились, когда увидѣли К. Козловскаго, входящаго за Посольствомъ; но скажите, на какомъ жалованьѣ онъ поѣхалъ? и кто для него это сдѣлалъ? Для чего любезный другъ Мих[аилъ] Серг[ѣевичъ] не старается войти въ число кочующихъ народовъ? можно ли надѣяться и съ нимъ увидѣться? онъ бы мнѣ придалъ шпоры заниматься, при всемъ томъ, что я и теперь доволенъ собою въ прилѣжаніи. Мы, братъ, закупили и закупаемъ пропасть книгъ, особливо Анд[рей] Серг[ѣевичъ]; а все аукціоны насъ соблазняютъ. Будетъ надъ чѣмъ

посидѣть, пріѣхавъ къ вамъ, друзья мои; а здѣсь едва, едва съ сильнѣйшею assiduité достаетъ время на Compendii, книги, для повторенія весьма удобныя, потому что они писаны тѣми же, отъ коихъ слышешь изустно матерію; представляешь, какъ бы и самъ авторъ вымолвилъ эту мысль, это выраженіе. Но при всемъ томъ интереснѣе иногда читать незнакомаго автора; отдаленность и неизвѣстность придаютъ какую то важность книгѣ, особливо въ хорошемъ любимомъ авторѣ. Зато, я думаю, намъ пріятно будетъ послѣ, живучи въ отечествѣ, далеко отъ знакомаго автора, читать его творенія — тогда, кажется, будутъ они намъ еще интереснѣе. Когда то придетъ это время, когда спокойно посвятить себя можно будетъ одной части, однимъ авторамъ; но мнѣ кажется, что я къ тому неспособенъ, и что мнѣ вѣкъ опредѣлено летать съ цвѣтка на цвѣтокъ и совсѣмъ разной породы. И по сю пору еще не пропала у меня любовь къ натуральнымъ наукамъ, и, когда попадется подобная книга, писаная съ философскимъ духомъ и хорошимъ слогомъ, я готовъ проглотить ее, и, между тѣмъ, отвлекаюсь отъ своего предмета, котораго бы мнѣ на это время оставлять не должно было. Но и въ этомъ есть свое доброе; я узнаю, что многія науки имѣютъ свою пріятную занимательную сторону, и, естьлибъ, паче чаянія, случится мнѣ быть въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы я могъ имѣть книги одного только Фаху, я бы прилѣпился къ нимъ и сдѣлалъ бы успѣхъ по неволѣ, — особенно въ натуральной Исторіи, имѣя передъ собою всегда и отверстую Книгу Натуры—и соединяя теорію съ практикой вмѣстѣ, находя Природу въ Авторѣ и Природой повторяя Автора.

Братъ, естьли тебѣ будутъ случаться оказіи доставать, хотя бы то было сопряжено и съ небольшими издержками, книги, касающіяся до русской Исторіи, вообще до Россіи, то не пропускай случая; а я тебѣ здѣсь служить буду — скажи только — и я вѣрно все достану. Только, братъ, намъ надобно снестись; иныя здѣсь у меня ужъ есть, или я легче достать могу; а напр. русскія книги, Синопсисы, Несторы разнаго изданія, Новикова Виѳліоѳика, Озерецковскаго журналы, гдѣ много вообще о русскомъ *и проч.*, Muller Sammlung Russischer Geschichte. Только ты не покупай нарочно; это не нужно; а такъ иногда, толкаясь по площадямъ, попадаться могутъ. Скажите, за что получилъ перстень Политковской? Англичанина ли Смита онъ перевелъ the wealth of nations или нѣмца Смида Русскую Исторію, весьма, весьма посредственную? послѣдняя не стоитъ труда, и слѣдовательно, перстня; — однако прости, братъ; пиши, братъ, чаще. Анд[рей] Серг[ѣевичъ] посылаетъ къ вамъ письма напечатанныя.

45.

Гетингенъ. $\frac{4\ Іюля.}{22\ Іюня.}$

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

При семъ препровождаю каталогъ, которой я забылъ послать на прошедшей почтѣ.

Сегодня слышали мы, что молодой Докторъ Иде, мой бывшій учитель Математики, званъ также въ Москву на весьма выгодныхъ предложеніяхъ. Кажется, что онъ самъ искалъ этого; слѣдовательно, надобно думать, что онъ поѣдетъ. А Проф. Грельманъ, о которомъ я писалъ уже къ Батюшкѣ, точно рѣшился ѣхать въ Москву по окончаніи теперешняго курса и для того началъ здѣсь у одного русскаго учиться по русски. Въ Парижѣ играютъ комедію: le depart des acteurs pour la Russie, теперь надобно сочинить: le depart des professeurs pour la Russie и сыграть ее въ Германіи. Недавно Шлецеръ, говоря о ходѣ просвѣщенія въ Европѣ, упомянулъ и о Россіи; радовался, что Александръ такъ дѣятельно старается о его разпространеніи, и что дворяне такъ ревностно соотвѣтствуютъ его благодѣтельнымъ намѣреніямъ. «Смотрите», сказалъ онъ, указавъ на усаженную русскими лавку: — «вотъ доказательство послѣднему».

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу честь имѣю свидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе. Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Сей часъ получилъ черезъ Петербургъ письмо ваше отъ 25-го Мая, № 10. Я никакъ не нападалъ на Вѣстника; а еще напротивъ, видя часто всѣ выходящія въ Германіи журналы и сравнивая ихъ съ нашимъ, всегда находилъ, что нашъ — не для того только, что онъ *нашъ* — несравненно интереснѣе и общеполезнѣе здѣшнихъ. На этой недѣлѣ Шлецеръ доставилъ мнѣ еще три части его. Одинъ изъ лучшихъ Нѣмецкихъ журналовъ есть тотъ, что издаетъ Коцебу; а издатель Вѣстника и имъ пользуется, какъ я увидѣлъ изъ послѣднихъ книжекъ.

Иде приглашенъ учить вышней Математики за 1500 р. въ годъ и ѣдетъ.

Приношу усерднѣйшее поздравленіе Батюшкѣ со днемъ вашего Ангела. Зная, что и мы можемъ содѣйствовать къ спокойствію и щастію дней вашихъ, намъ остается только готовиться ійти нѣкогда въ слѣдъ за вами по трудному пути добродѣтели и позабывать трудности, оживляясь тою же святою любовію и дружбою, которая и васъ не оставляли въ жизни вашей.

46.

$\frac{27}{6}$ Іюня. Гетингенъ.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

На прошедшей недѣлѣ получилъ я письмо ваше отъ 18 мая (№ 9), и спѣшу исполнить приказанія ваши. Естьли вамъ угодно будетъ прислать мнѣ деньги для отъѣзда, то вы можете это сдѣлать по прежнему, переславъ вексель сюда; а мнѣ не нужно будетъ посылать его для размѣну въ Гамбургъ; я могу тотчасъ здѣсь взять за него деныги такъ, какъ я и съ первымъ сдѣлалъ, и васъ о томъ увѣдомилъ. Въ первой разъ еще осмѣливаюсь я предложить вамъ свое мнѣніе, повинуясь, впрочемъ, совершенно волѣ вашей. Будучи увѣренъ въ душѣ своей, что вы моей же истинной пользы ищете и что вы въ прозьбѣ моей ничего другова не найдете, какъ чистой любви къ наукамъ и желанія возвратиться сколько можно достойнѣе васъ и моего Отечества, думаю я, по безпристрастномъ размышленіи, что, естьли я еще здѣсь пробуду полгода, то они мнѣ несравненно больше принесутъ пользы, нежели годъ житья Парижскаго. Чѣмъ больше я здѣсь занимаюсь, тѣмъ больше я получаю охоты заниматься, и увѣренъ, что, чѣмъ больше я приготовлюсь здѣсь для моего дальнѣйшаго путешествія, тѣмъ въ кратчайшее время могу я получить отъ него ожидаемую пользу. Теперь принужденъ я вамъ сказать то, чѣмъ я желалъ вамъ сдѣлать, думаю, пріятной сюрпризъ по моемъ пріѣздѣ. Пріѣхавъ сюда и заохоченный съ самаго еще начала Шлецеромъ и ему подобными къ ученью, увидѣлъ я, что Латинской языкъ необходимъ для того, кто и впередъ не думаетъ бросать того, въ чемъ онъ провелъ лучшія года своей молодости, то есть въ наукахъ; и для того рѣшился я приняться за него, посвящая, однакожь, на это сперва не больше, какъ 4 часа въ недѣлю; признаюсь, очень скучно было, а трудно и теперь еще; но мнѣ не хотѣлось оставить своего предпріятія, будучи подстрекаемъ мыслію — современемъ васъ обрадовать. Во время ваканціи я занимался имъ каждой день,

точно также какъ и Англинскимъ; а на теперешнія полугода, оставя прежняго моего учителя, взяли мы вмѣстѣ съ Андреемъ Сергѣевичемъ privatissime у Проф. Митшерлиха. Онъ, какъ мастеръ въ своемъ дѣлѣ, умѣлъ насъ еще больше заохотить; мы имъ очень довольны и беремъ уроки 5 разъ въ недѣлю. Успѣховъ своихъ я не смѣю еще описывать — они не значущи; но въ комъ есть охота и прилѣжаніе, тому можно надѣяться успѣть въ своемъ дѣлѣ. Мнѣ только хочется положить здѣсь основаніе, а продолжать буду въ послѣдствіи. Это, можетъ быть, одно только, что я во время моего отсутствія безъ позволенія вашего сдѣлалъ, и не раскаиваюсь, надѣясь, что и вы не будете имѣть причины быть мною за это недовольнымъ. Вотъ сильныя побудительныя причины, которыя заставляютъ меня сказать вамъ мое желаніе откровенно. Я еще ничево безпристрастнѣе не говаривалъ; развѣ только одна страсть къ ученью дѣйствуетъ во мнѣ: но она простительна и необходима для учащагося. И дипломатической курсъ мой продолжается полтора года, потому что главныхъ частей его три; въ прошедшія полгода слушалъ я у Мартенса Исторію важнѣйшихъ Европейскихъ переговоровъ и трактатовъ; нынѣшній слушаю право народное; а въ слѣдующій долженъ бы былъ слушать настоящій курсъ политико-дипломатическій, или изображеніе внѣшнихъ отношеній Государствъ между собою. Впрочемъ, къ моему же прискорбію, теперешній курсъ самой короткой, и, вѣроятно, въ Сентябрѣ непремѣнно уже кончится. Преда[ва]ясь совершенно на вашу волю и на ваше разсмотрѣніе, повторю только, что это не лѣнь двинуться съ мѣста или не другое что привязываетъ меня къ Гетингену, а самъ Гетингенъ, то есть средства, какія здѣсь есть для удовлетворенія моему желанію учиться, и хоть нѣсколько вознаградить тѣ родительскія попеченія, которыя вы принимаете въ сынѣ, умѣющемъ цѣнить ихъ.

Что касается до моихъ товарищей, то Анд[рей] Серг[ѣевичъ] получилъ уже позволеніе отъ Натальи Васильевны пробыть здѣсь еще сверхъ этого полгода. Г. Воиновъ также думаетъ здѣсь остаться на столько же времени, естьли не послѣдуетъ особеннаго приказанія. Иванъ Алекс[ѣевичъ] Двигубскій, конечно, не имѣетъ нужды здѣсь еще оставаться, и для своей части, вѣроятно, поѣдетъ въ Парижъ или съ Мудровымъ или одинъ; онъ еще самъ не рѣшился. При семъ прилагаю вамъ нынѣшній каталогъ, изъ коего вы изволите увидѣть число Профессоровъ ординарныхъ и экстраорд. всякаго факультета, коимъ всѣмъ на концѣ припечатанъ реэстръ; также и Приват-доцентамъ. Здѣсь получили еще два Профессора зовъ въ Москву, а именно опять Гофманъ и Каппель, экст. Профессоръ Медицины, молодой человѣкъ, Брауніанистъ, извѣстный и по ссорѣ съ Арнеланомъ, напечатанный въ Вѣстникѣ

Европы. Каждому 2000 р. нал., чинъ надв. совѣт., и Гофману 1500 р. на проѣздъ. Кажется, что они соглашаются, особливо Гофманъ, которому, однакожь, трудно будетъ перевозиться съ своимъ собраніемъ растѣній.

Почтеннаго Максима Ивановича благодарю за приписаніе, которое ему диктовала его любовь ко мнѣ, и отъ того только меня и радуетъ. Впрочемъ, естьли возвращусь достойнымъ имени сына своего отечества, то, вѣрно, и достойнымъ и любви его; и такъ, стараясь пріобретать одно, буду вмѣстѣ пріобретать другое. Я бы больше не желалъ, какъ возвратиться съ такими же правами на первое, какія онъ на него имѣетъ.

Ожидая съ нетерпѣніемъ рѣшительнаго приказанія, съ глубочайшимъ сыновнимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Братьевъ обнимаю. Любезному другу Василею Степановичу также усердно кланяюсь.

47.

Гетингенъ. $\frac{18}{7}$ *іюля.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Наконецъ я получилъ изъ Берлина остальныя книги, посланныя Батюшкой съ Д. Калкау, и медаль свою, и все это въ тотъ же день, когда и Шлецеръ получилъ рескриптъ отъ Государя въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ и — что еще всего пріятнѣе для Шлецера — въ немъ даетъ Государь знать, что Ему уже извѣстны и первыя труды Шлецеровы для Россіи и что это только слабой знакъ благоволенія за его *новыя* труды для русской Исторіи.

Въ Московской Университетъ званъ еще здѣшній Профессоръ Астрономіи Зейферъ; человѣкъ исскусный, но здѣсь не весьма довольны его прилѣжаніемъ. Онъ еще не рѣшился ѣхать и согласится развѣ на тѣхъ условіяхъ, чтобы въ Москвѣ была Обсерваторія, гдѣ бы ему дѣлать свои наблюденія. Я по приказанію Батюшки увѣдомляю объ этомъ весьма акуратно.

Всю сію недѣлю продолжались здѣсь гражданскія празднества. Для этого назначено особое мѣсто, куда граждане всѣ сбираются и показываютъ

свое искусство въ стрѣльбѣ и тому подобномъ. Вчера видѣлъ я ихъ веселящихся, а между ними и *обезоруженныхъ* Ганноверскихъ солдатъ. Естьли они умѣютъ чувствовать свое положеніе, то имъ мало причинъ радоваться; но они все, кажется, также собою довольны, какъ будто бы недавно заслужили новыя лавры.

Такъ какъ отъ насъ недалеко Пирмонтъ и теперь туда всѣ съѣжаются, то и нѣкоторыя Профессора наши отправились къ водамъ. Недавно проѣхалъ туда черезъ Геттингенъ и русской, Ревельской Коммендантъ Гр. Тизенгаузенъ. Мы нарочно ходили смотрѣть русской экипажъ его и людей, которыя удивились, услышавъ, что мы сюда пріѣхали учиться и не для чего другова живемъ здѣсь. О Русскія! Долголи вамъ этому удивляться!

Я перемѣнилъ своего англинскаго учителя и вмѣсто прежняго Нѣмца взялъ настоящаго Англичанина Ловса, чтобы пріучаться къ разговору и чтобы лучше понимать ихъ поэтовъ. Хоть у него только и два раза въ недѣлю беру теперь уроки, потому что онъ не имѣетъ больше времени, но мнѣ непремѣнно надобно самому приготовляться дома больше для его урока; и слѣдовательно, я не меньше прежняго буду заниматься языкомъ; думаю только, что съ большимъ успѣхомъ. Онъ былъ въ Россіи и знаетъ нашъ языкъ, однакожъ со мной не иначе говоритъ, какъ по Англински. Чтобъ упражнять меня болѣе въ разговорномъ слогѣ, онъ задаетъ мнѣ переводы изъ комедій и потомъ поправляетъ ихъ.

Милостивому Государю и почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу свидѣтельствую мое глубочайшее высокопочитаніе.

Братьевъ обнимаю.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ.
Ал. Тургеневъ.

48.

1 Авг.
20 Іюля.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Сегодня минулъ годъ, какъ мы выѣхали изъ Москвы. Время прошло такъ непримѣтно, что едва могу я постигнуть быстроту, съ которою оно для

меня промчалось; при всемъ томъ этотъ годъ будетъ для меня примѣчательнѣйшимъ въ жизни моей, и я чувствую, что я нѣсколькими шагами приближился въ теченіе его къ цѣли своей. Жалѣть ли о томъ, что время быстро идетъ для насъ? Нѣтъ, этимъ не пособишь; а надобно имъ только пользоваться:

Plus inconstant que l'onde et le nuage
Le tems s'enfuit; pourquoi le regretter?
Malgrè la pente volage
Qui le force à nous quitter
En faire usage
C'est l'arreter.

Мнѣ кажется, что, естьлибъ оно и опять для меня возвратилось, я бы не умѣлъ сдѣлать изъ него лучшаго употребленія. Можетъ быть, самое время подтвердитъ, что я въ Геттингенѣ дорожилъ имъ, вспоминая всегда Франклиново правило, that the sleeping fox catches no poultry (что спящая лисица курицы не поймаетъ).

На прошедшей недѣлѣ имѣлъ щастіе получить приписаніе ваше отъ 10-го Іюня въ письмѣ Дядюшки Семена Володиміровича; я не умедлю отвѣчать на него. Прошлое воскресенье посвятилъ я любимой своей Наукѣ, и ѣздилъ за двѣ мили отъ города ботанизировать въ Зебургъ съ Проф. Гофманомъ. Прогулка для меня была тѣмъ пріятнѣе, что я давно не видалъ уже большой воды; а мы собирали растѣнія на озерѣ. Я увидѣлъ, что во мнѣ не простыла еще охота къ интереснѣйшей части Натуральной Исторіи, особливо, когда я вспомню то удовольствіе, которое я находилъ заниматься ею. Но я давно знаю, что не надобно гоняться за многимъ, иначе ничево не поймаешь, и для того остаюсь при своемъ Шлецерѣ. Недавно показывалъ онъ намъ новую монету Франц. Республики. На одной сторонѣ изображенъ Кесарь съ надписью Bonaparte, premier Consul. Странно, что вмѣсто точки вырѣзанъ пѣтушокъ; можетъ быть, это есть символъ бдительности или—народа французскаго, потому что по Латыни называется пѣтухъ: Gallus. По краямъ монеты вырѣзано: Dieu protege la France. Съ нѣкотораго времени во Франціи что-то часто начали говорить о Богѣ; видно, хотятъ опять ввести: origo majestatis a Deo.

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе. Братьевъ сердечно обнимаю.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами

глубочайшаго сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Отправляю письма въ самой тотъ часъ, какъ мы прошлаго году выѣжжали изъ заставы. Всѣмъ, которыя тогда провожали насъ, усерднѣйше кланяюсь.

49.

$\frac{8\ Авг.}{27\ Іюля}$ *Гетингенъ.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

На прошедшей недѣлѣ имѣлъ я щастіе получить письмо ваше отъ 29 Іюня (№ 11). Любовь ваша ко мнѣ вамъ его диктовала, и оно не испортитъ, но только ободритъ меня. Щастливы мы, естьли утѣшаемъ васъ; тогда мы достигли главнѣйшей цѣли своей въ нашемъ возрастѣ. Щастливы мы, естьли земля, вами засѣянная, возрастила ожидаемый плодъ, и хоть нѣсколько вознаградила труды, употребленныя вами на ея воздѣлываніе.

Я уже доносилъ вамъ мое мнѣніе о моей поѣздкѣ; теперь ожидаю вашего рѣшенія и готовъ исполнить волю вашу. Повторю еще, что теперешній курсъ весьма коротокъ и черезъ 6 или 7 недѣль, вѣрно, кончится, и что увеличивающаяся привязанность моя къ ученью заставляетъ меня просить васъ, естьли можно, позволить мнѣ остаться здѣсь еще на полгода. Книги и письма, посланныя вами съ Калкау, я всѣ получилъ. Вѣстника всего прилѣжно перечитывалъ для одного русскаго слога; но для этого же самаго боялся читать Измайлова, или, по крайней мѣрѣ, выбиралъ изъ него только тѣ немногія мѣста, которыя писаны русскимъ, а не французскимъ слогомъ. Онъ не могъ дать лучшаго эпиграфа своему путешествію: rien que des sentiments, которыя подъ конецъ становятся очень приторны; и мнѣ кажется, что, естьлибъ онъ больше чувствовалъ, а не *говорилъ*, что онъ чувствуетъ, это бы не такъ примѣтно было. Впрочемъ, есть мысли и щастливыя изображенія предметовъ, занимавшихъ путешественника; но и то и другое носитъ на себѣ печать тѣхъ писателей, которыхъ Авторъ начитался, такъ что иногда

попадается и знакомое. Les beaux esprits se rencontrent!! — Географическимъ словаремъ пріумножилъ я отъ имени вашего русскую Библіотеку Шлецера, и онъ обѣщался напечатать на нее въ здѣшнихъ листочкахъ рецензію. Медаль подарилъ я въ его же рѣдкой Нумизматической кабинетъ; мнѣ кажется, что я не могъ сдѣлать изъ нее лучшаго употребленія.

У насъ все тихо и давно уже не слышно ничего о Французахъ. Жаръ и здѣсь точно такой же, какъ и у васъ; и также въ тѣни 25°, было и 27.— Вчера въ первый еще разъ видѣлъ я здѣшній Музеумъ. Проф. Геренъ, у котораго я слушаю Этнографію, показывалъ намъ все, что касается до обитателей пятой части свѣта и до народовъ сѣверной Азіи, принадлежащихъ большею частію къ Россіи. Здѣшній Музеумъ въ этомъ очень богатъ отъ подарковъ, которыя присылаетъ ему изъ Петербурга баронъ Ашъ. Что касается же до Аустраліи, то сюда дарили сами путешественники: Кукъ и прочія. Англинской Король и по сю пору обогащалъ Музеумъ чрезъ славнаго Бенкса, достойнаго покровителя Геттингскаго Университета. Натуральной Кабинетъ наполненъ Сибирскими произведеніями. Представьте себѣ, что намъ показывали за рѣдкость коженой кошелекъ, которой носилъ Суворовъ при осадѣ Измаила, и которой ничѣмъ больше не интересенъ, какъ тѣмъ, что онъ нѣкогда принадлежалъ Суворову. Я прыгалъ отъ радости, что и у насъ были такія люди, которыхъ вещи хранятся въ Музеумахъ, точно такъ какъ у насъ сапогъ Китайскаго Императора.

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ Марьѣ Семеновнѣ и любезнѣйшей сестрицѣ свидѣтельствую мое глубочайшее высокопочитаніе.

Николашу, Сережу и Бориса обнимаю. Поторопите, братцы, Алексѣя Ѳедоровича и Василья Андреевича написать ко мнѣ. Поцѣлуйте маму и скажите ей, что я ее помню всегда.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго глубочайшаго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка.
вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ.

Ал. Тургеневъ.

Слѣдующія книги будутъ доставлены къ Батюшкѣ Г. Шварцомъ съ будущею Лейпцигскою ярмонкою.

Приписка А. С. Кайсарова (15).

Милостивой Государь, Иванъ Петровичь!

На прошлой почтѣ писалъ я къ брату и препоручилъ ему изходатайствовать за меня у вашего Превосходительства прощенія. И тогда и теперь привожу въ оправданіе то, что грѣхъ этотъ намъ надобно раздѣлить съ Александръ Ивановичемъ пополамъ; онъ всегда пишетъ къ вамъ incognito, такъ что я, имѣя его своимъ антиподомъ, рѣдко узнаю, когда письма отправляются къ вамъ. Чувствую, что отговорка самая слабая, и больше надѣюсь на ваше милостивое прощеніе, нежели на ее силу. Александръ Ивановичь сказывалъ, что вы останетесь еще до Генваря въ университетѣ; для чего не долѣе? для чего не навсегда? Этого бы желали не только тѣ, которые пользовались вашими милостями подъ вашимъ начальствомъ, но и всѣ тѣ, которые привязаны къ наукамъ. Должность новаго Ректора для насъ загадка, мы не знаемъ, будетъ ли онъ читать лекцію или только чинить перышки, чтобъ почище подписать новой чинъ свой. Здѣшнія проректоры учатъ обыкновенно гораздо прилѣжнѣе рядовыхъ профессоровъ; это обнадеживаетъ меня, что и у насъ въ Университетѣ по этому случаю Руская Исторія современемъ передвинется за Владиміра Великаго, которой едва ли не 15 лѣтъ былъ для нее камнемъ преткновенія. Потомки наши могутъ ласкать себя надеждою нѣкогда услышать что-нибудь и о Святополкѣ I, которой былъ его наслѣдникомъ. Надѣясь всего добраго и препоручая себя въ вашу милость, честь имѣю быть

ваше Превосходительство
Милостивый Государь!
вашъ преданнѣйшій слуга
Андрей Кайсаровъ.

Милостивой Государыни Катерины Семеновны цѣлую ручки.

50.

$\frac{21}{9}$ *Августа. Гетингенъ.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

На прошедшей недѣлѣ имѣлъ я щастіе получить письмо ваше отъ 12-го Іюля (№ 12). Принося чувствительнѣйшую благодарность за позволеніе пробыть мнѣ здѣсь еще одинъ курсъ, смѣю увѣрить, что я имъ воспользуюсь; особенно же буду стараться приготовиться къ дальнѣйшему моему путешествію. Что же касается до векселя, то я въ немъ еще теперь не имѣю нужды.

Несмотря на то, что мы здѣсь ежедневно почти слышимъ много добраго о Монархѣ нашемъ, новая милость, или, лучше сказать, справедливость, оказанная имъ заслугамъ почтеннѣйшаго благодѣтеля Ивана Владиміровича, увеличила нашу любовь къ юному Государю; и намъ остается только просить Провидѣніе, чтобы оно наградило его, доставивъ ему совѣтниковъ, подобныхъ, естьли возможно, Ивану Володиміровичу.

Поздравьте отъ меня, Батюшка, почтеннаго Николая Михайловича и скажите ему, что я обрадовался не тому только, что Университетъ получилъ въ немъ столь достойнаго себѣ сочлена; но что мы живемъ въ такое время, когда смотрятъ на одни только достоинства и на права, которыя человѣкъ ими пріобрелъ себѣ; въ такое время, когда Карамзинъ-Порутчикъ, вѣрно, будетъ предпочтенъ Кутузову—Тайному Совѣтнику. Старикъ Вейсе, извѣстный Лейбцигской Ученый, котораго посѣщалъ Николай Михайловичь въ своемъ путешествіи, помнитъ его и велѣлъ ему, чрезъ одного изъ русскихъ моихъ товарищей, кланяться и благодарить за удовольствіе, доставленное ему письмами русскаго путешественника.

Итакъ, и мое имя стоитъ въ Вѣстникѣ; признаюсь, что это обрадовало меня; но я жалѣю только, что не зналъ этого; иначе бы постарался сдѣлать описаніе поинтереснѣе для Московскихъ моихъ читателей. Естьлибъ я зналъ, что говорю съ публикой, я бы долженъ былъ перемѣнить тонъ свой.

Одинъ изъ моихъ товарищей, Г. Воиновъ, остается также здѣсь; не знаю еще, какъ рѣшится Ив[анъ] Ал[ексѣевичъ] Двигубскій. Впрочемъ, я не имѣлъ и не буду, я думаю, имѣть нужды въ здѣшнихъ медикахъ.

Братъ ничево не пишетъ ко мнѣ о предложеніи, которое дѣлалъ ему Новосильцовъ. На прошедшей почтѣ я имѣлъ честь писать къ Ивану Володиміровичу; надѣюсь, что письмо мое застанетъ его еще въ Петербургѣ.

Милостивому Государю моему Максиму Ивановичу свидѣтельствую мое усердное почтеніе; естьлибъ желанія мои исполнялись, то давно уже былъ бы онъ директоромъ народныхъ училищъ, и, вѣрно, никого нѣтъ достойнѣе получить это мѣсто.

Письмо къ Платону надѣюсь изготовить въ надлежащее время. Хотя я и не получилъ съ Калкау мѣсяцослова, однакожь, не менѣе благодаренъ Ивану Ивановичу за подарокъ. Прочія же книги ваши мнѣ всѣ доставлены.

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе, также и любезнѣйшей сестрицѣ.

Николашу, Сережу и Бориса обнимаю. Напишите, братцы, ко мнѣ, на какой улицѣ Батюшка отстраиваетъ домъ. Изъ Николашина письма я вижу, что при немъ есть и садъ. Увѣдомьте меня обо всемъ обстоятельнѣе.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Приписка А. С. Кайсарова (16).

Милостивой Государь, Иванъ Петровичь!

Позвольте мнѣ принести мое усерднѣйшее поздравленіе вразсужденіи милости, оказанной Ивану Владиміровичу Государемъ. Я не смѣю сомнѣваться, чтоб поздравленіе мое не было вамъ непріятно. Пусть какой-нибудь Скептикъ будетъ и теперь еще сомнѣваться, что никакое правило не будетъ имѣть исключенія, что добродѣтель не награждена въ этомъ свѣтѣ! Я бы сказалъ ему, что Кутузово Генеральство не есть правило, но только одно исключеніе изъ правила; и естьлибъ Судьба услышала тѣ прозьбы, которыя мы всѣ привыкли адресовать къ ней объ васъ, тогда едвали бы не совсѣмъ рушился Скептицизмъ въ этомъ свѣтѣ, которой, впрочемъ, до сихъ поръ имѣетъ право укореняться.— Насъ очень порадовало то, что Николай Михайловичь приглашенъ быть членомъ Университета, тѣмъ больше, что это первой еще Феноменъ на сѣверномъ нашемъ горизонтѣ. Россія ступаетъ быстрыми шагами къ своей славѣ и всякой годъ дѣлаетъ въ ней такія перемѣны, которыхъ прежде вѣка не производили. Должно ли будетъ удивляться, естьли и наши мясники скоро будутъ говорить о колбасахъ въ ироническомъ тонѣ! Дай Богъ лучшаго. Препоручая себя въ вашу милость, честь имѣю быть

ваше Превосходительство,
Милостивый Государь
вашъ
Покорнѣйшій слуга
Андрей Кайсаровъ.

Милостивой Государыни Катерины Семеновны цѣлую ручки. Николая Ивановича и Сергѣя Ивановича обнимаю, прошу ихъ сказать мой усердной поклонъ Максиму Ивановичу.

51.

$\frac{17}{29}$ *Августа. Гетингенъ.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Будьте, сколько можно, спокойны, дражайшія родители. Сынъ вашъ, подкрѣпляемый религіею и вами, чувствуя свои обязанности, не можетъ пре-

даваться отчаянію и не смѣетъ роптать на Провидѣніе. Да и какое я имѣю на это право? Развѣ для того, чтобъ оставить мнѣ нѣсколько радостей въ жизни, Богъ долженъ былъ медлить и не награждать Ангельской души брата моего? Теперь она въ его объятіяхъ.—Батюшка, Матушка! Совершивъ наше путешествіе, мы опять съ нимъ соединимся.

Я положился во всемъ на волю Бога моего. Онъ видитъ сердце мое и подастъ мнѣ силы быть подпорою вашей старости. И вы, милыя братья, не ропщите на Бога; Онъ все еще до насъ милостивъ; Онъ оставилъ намъ Батюшку и Матушку и нашихъ благодѣтелей. Любите, друзья мои, другъ друга столько, сколько мы любили другъ друга. Можетъ быть, вы будете щастливѣе насъ. Любите меня столько же, сколько я люблю васъ, и возвратите мнѣ собою вашего и моего брата и друга. Я пойду по стопамъ его и, сколько Богу угодно будетъ, буду стараться замѣнить вамъ его. Помните только его наставленія, и онъ и по смерти своей будетъ жить для васъ. Каждый день чувствую я благодѣтельное участіе во мнѣ Г. Шлецера; онъ всегда справляется обо мнѣ и готовъ жертвовать даже временемъ для моего облегченія. Вѣчно останусь я благодарнымъ моимъ товарищамъ, особливо же Андрею Сергѣевичу, общему нашему другу, которой самъ имѣетъ нужду въ утѣшителѣ, и Г. Сулимѣ, сыну вашего сослуживца. Они не оставляютъ меня и каждую минуту доказываютъ мнѣ нелицемѣрную дружбу свою. Богъ да наградитъ ихъ! Простите, дражайшія родители, не безпокойтесь обо мнѣ; Евангеліе подкрѣпляетъ меня; я здоровъ и только что прошу Бога о вашемъ спокойствіи; я бы полетѣлъ въ ваши объятія; но боюсь еще болѣе разстроить родительское сердце ваше.

Препоручая себя вашему благословенію, съ чувствами вѣчной привязанности и почтенія честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Приписка А. С. Кайсарова (17).

Милостивой Государь, Иванъ Петровичь!

Здоровье Александра Ивановича, слава Богу, хорошо. Онъ не можетъ роптать на Провидѣніе и отчаяваться, будучи вашимъ сыномъ. Будьте увѣрены, что я не пощажу собственнаго своего здоровья для брата Андрея Ивановича, въ которомъ я почти всего лишился. Какъ бы щастливъ былъ я, ежели бы могъ замѣнить своею смертію его. Богъ съ нимъ! чистая, добрая душа возвратилась

къ своему источнику, гдѣ, безсомнѣнія, она блаженнѣе нашего. Прошу Бога, чтобъ онъ подкрѣпилъ васъ и Милостивую Государыню Катерину Семеновну. Препоручая себя въ вашу Милость, честь имѣю быть

ваше Превосходительство
Милостивый Государь
вашъ
покорнѣйшій слуга
Андрей Кайсаровъ.

Николай Ивановичь и Сергѣй Ивановичь! не плачьте, любите память покойника и другъ друга любите. Я увѣренъ, что одна память объ немъ можетъ произвести въ васъ всѣ возможныя добрыя слѣдствія.

Другъ вашъ Ан. Кайс.

Письмо Шлецера.

Göttingen, $\frac{17}{29}$ Aug. 1803.

Hochgeborner Herr,

Hochzuverehrender Herr Geheimer Rath und Director der Kaiserl. Universität Moskau,

Ewr. Excellence Hochverehrliches, aber Höchsttrauriges vom $\frac{20\text{ Jul.}}{1\text{ Aug.}}$ erhielt ich von der Post vorigen Donnerstag den 25-sten Aug. früh um 10 Uhr. Um mich des schmerzenvollen Auftrags, der mich äusserst rührte, weil er ein redender Beweis von dem ausgezeichneten Zutrauen ist, mit dem Ewr. Excellence mich beehren, auf das gewissenhafteste zu entledigen, schickte ich sogleich nach Hrn. Kaisarov. Dieser kam um 11 Uhr; leider kam mein lieber Freund, Hr. Turgenev auch mit: natürlich musste ich diesen mit Manier wegcomplimentiren. Nun allein, eröffnete ich Hrn. Kaisarov den Inhalt des Briefs, den ich ihm zustellte: bald wurden wir stumm, und schwammen beide in Thränen. Hr. D. Dwihubsky war krank, und konnte nicht dabei gebraucht werden. Ich riet den Brief den Tag (Donnerstags) noch nicht zu übergeben: dies geschah erst den andern Tag nachmittags, in Beisein mehrerer Landsleute. Stark, heftig, waren die Ausbrüche des Schmerzens des liebenden Bruders! Man rief einen unsrer renommirtesten Ärzte: dieser verschrieb Tropfen mit etwas Opium, die herrlich wirkten. Der Leidende hatte eine gute Nacht, und ruhigen Schlaf. Den Tag darauf (Sonnabends) machte er vormittags mit Hrn. Kaisarov eine Promenade in die freie Luft; den nachmittag wollte ich ihn selbst besuchen, hörte aber, dass beide um sich zu distrahiren, ausgeritten wären. Gestern (Sonntags) rapportirte mir Hr. Kais., dass unser Freund *völlig ruhig* wäre. O, das hatte ich ihm von Anfang zugetraut! Der junge Mann hat eine starke *Vernunft*; und was noch weit mehr ist, er hat *Religion*, wovon er mir bei dieser Gelegenheit neue Proben, zu meiner innigen Freude, gab. Auch wirkte gewiss die Idee, dass, wenn er seinen freilich gerechten Schmerz nicht bändigte, und ihm unterläge, er selbst die Gesundheit und das Leben seiner teuren Eltern in Gefahr setzte, mächtig auf ihn.

So habe ich also die unaussprechliche Freude, Ewr. Excellence von *dieser* Seite vollkommen zu beruhigen. Ihr würdiger Александръ befindet sich wohl, wird

gesund bleiben, wird die Zierde seiner Familie und die Ehre seiner grossen Nation werden!

Doch noch eines trüben Rückblicks kann ich mich nicht erwehren. Verstatten Sie mir, Höchstverehrter Herr, dass ich meine Klagen als dankbarer Freund, in die Elterlichen und Brüderlichen Klagen menge. Ach, der Seelige war mein intimer Freund, und wir kannten uns doch nicht persönlich! Er war es, der mir durch seinen Bruder die allererste Nachricht von dem seltsamen Schicksal meines Buches mittheilte, der mir die erste Beruhigung gab, der mich anwies, wie ich weiter verfahren konnte, ohne welche Notizen die ganze Sache wahrscheinlich unterdrückt worden wäre, und ich nie das holdseelige Schreiben von dem grossen Kaiser erhalten hätte. Sanft ruhe dieser Edle in seinem frühen Grabe!

Ein Schreiben von meinem Sohn, das ich an einem Tage mit dem von Ewr. Excellence erhalten habe, veranlasset mich noch, in meinem und meiner Frau Namen, der Frau Gemahlin Gnaden, der wir uns beide ehrerbietigst empfelen, unser schriftliches Wort zu geben, und bei allem was heilig ist zu versichern, dass falls ja dem Hrn. Sohn, so lang er hier ist, etwas zustossen sollte, wozu doch für jetzt, Gottlob! gar kein Anschein ist, wir für ihn völlig so, wie für einen eignen Sohn sorgen werden.

Nun sehe ich mit Sehnsucht der Nachricht entgegen, dass dieser mein umständlicher Brief etwas zu Ewr. Excellence Beruhigung bei dem harten Schlage, den die unerforschliche Vorsehung über Sie verhänget hat, beigetragen habe.

Jede Ordre, mit der mich Ewr. Excellence auch in der Zukunft, in irgend einer Angelegenheit zu beehren belieben sollten, werde ich jederzeit aufs pünktlichste auszurichten beflissen sein, und dadurch im Werke selbst erweisen, dass ich mit wahrer Verehrung beharre

Ewr. Hochgebornen Excellence
ganz gehorsamster Diener
August Ludwig Schlözer.

52.

Гетингенъ. $\frac{4\ Сентября}{25\ Августа}$.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Письмо ваше отъ 27-го Іюля я получилъ. Не знаю, чему приписать мое великодушіе, но я переношу все терпѣливо, и воспоминаніе о незабвенномъ братѣ и другѣ моемъ для меня уже не страшно. Естьли я плачу, то это смягчаетъ мое сердце, и думать о немъ для меня такъ пріятно, что я не разлучаюсь съ нимъ; и даже то, что я потерялъ въ немъ, какъ въ Ангелѣ Хранителѣ моего добраго по натурѣ только сердца, возвратитъ мнѣ желаніе нѣкогда съ нимъ соединиться и, естьли можно, столько ему уподобиться, чтобъ тамъ жить съ нимъ вмѣстѣ. Прошу только Бога, чтобъ Онъ подкрѣпилъ меня и сохранилъ во мнѣ эти простыя чувства.

Я пользуюсь утѣшеніемъ, какое только могутъ доставить искреннее участіе и дружба. Товарищи мои всегда со мною, и я не боюсь раздѣлять съ ними своего горя. Въ Шлецерѣ узнаю я безпрестанно добраго и сострадательнаго человѣка; вчера самъ ѣздилъ со мною верхомъ за городъ и провелъ со мною почти цѣлой день.

Я бы, можетъ быть, болѣе безпокоился о состояніи души вашей, естьлибъ не чувствовалъ, сколько человѣкъ, свыше подкрѣпляемый, перенести можетъ. Да и кто, зная и безкорыстно любя брата, возропщетъ на благое Провидѣніе? Намъ позволена одна слеза нѣжности; слезамъ печали не велитъ предаваться изъ уваженія къ закону добродѣтели тотъ, кто сдѣлалъ кончину братнину самою завидною, — онъ умиралъ въ рукахъ добродѣтельнаго.

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу желалъ бы только выразить то утѣшеніе, которое вливаетъ въ меня мысль, что онъ съ вами, и что благодѣтельная дружба его бдитъ надъ горестнымъ нашимъ семействомъ. Богу не угодно было, чтобъ мы по желанію его въ братствѣ и дружбѣ подобны были Петру Володиміровичу и Ивану Володиміровичу. Рано разорвался союзъ нашъ, и я одинъ остался. Можетъ быть, никого уже не одушевитъ столько тотъ священный огонь дружбы и братской любви, который мы чувствовали съ братомъ въ сердцахъ нашихъ, стремясь слѣдовать ихъ единственному примѣру.

Всѣмъ сердцемъ обнимаю васъ, милыя друзья и братья. Утѣшайте, друзья мои, Батюшку и Матушку вашею взаимною дружбой. Поцѣлуйте за меня маму и скажите ей, чтобъ она поберегла себя для васъ. Я ее всегда помню.

Милостивому Государю Ивану Андреевичу Гейму приношу чувствительнѣйшую благодарность за дружеское участіе въ судьбѣ моей и усерднѣйшее поздравленіе съ Монаршею милостію.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ.
Ал. Тургеневъ.

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ свидѣтельствую мое глубочайшее высокопочитаніе; также и любезнѣйшей сестрицѣ.

Я уже просилъ сердечныхъ друзей моихъ, Алексѣя Ѳедоровича и Василья Андреевича, писать ко мнѣ почаще. Дружба ихъ никогда не можетъ для меня быть утѣшительнѣе, какъ въ сіи минуты.

Приписка А. С. Кайсарова (18).

Милостивый Государь, Иванъ Петровичь!

Александръ Ивановичь, слава Богу, здоровъ; онъ, вѣрно, сбережетъ себя для васъ и для многихъ. Видно, Богу было угодно сдѣлать то, что случилось, испытать твердость вашу и всѣхъ, для кого онъ былъ дорогъ. Для меня это первой еще ударъ, которой тѣмъ сильнѣе, что я никогда не думалъ испытать его, всегда готовъ былъ отдать свою жизнь за него. Время можетъ облегчить рану, но никогда не залѣчитъ ее, никогда не наполнитъ сердечной пустоты. Богъ съ нимъ! Когда-нибудь увидимся всѣ тамъ, гдѣ промыслъ Божій, вѣрно, лишитъ насъ навсегда горестнаго чувства разлуки. — Г. Шлецеръ принимаетъ великое участіе въ Александрѣ Ивановичѣ. Третьяго дни онъ ѣздилъ съ нами верхомъ, о чемъ Александръ Ивановичь, вѣрно, писалъ уже къ вамъ. Молю Бога, чтобъ онъ подкрѣпилъ и утѣшилъ васъ. Препоручая себя въ вашу милость, честь имѣю быть

ваше Превосходительство
Милостивый Государь
вашъ
Покорнѣйшій слуга
Андрей Кайсаровъ.

Милостивой Государыни Катерины Семеновны цѣлую ручки. Николая и Сергѣя Ивановича сердечно обнимаю.

Письмо Шлецера.

Göttingen, $\frac{24\ Aug.}{5\ Sbr.}$ 1803.

Freudiger Nachtrag zu meinem vorigen ganz gehorsamsten vom $\frac{17}{29}$ Aug.

Die ganze vorige Woche konnte der Herr Sohn wieder meinen Vorlesungen, täglich 2 mal, mit Attention beiwonen. In einer Ueberredung mit ihm merkte ich deutlich, dass ihn hauptsächlich der Gedanke, was er dem Leben seiner teuren Eltern, und seinen jüngeren Brüdern schuldig sei, aufrecht erhalten habe. Wie äusserst sorgfältig und zärtlich sich seine Landsleute gegen Ihn in dieser traurigen Periode verhalten haben, geht über alle Beschreibung, und macht dem ganzen Russischen Nationalcharakter Ehre.

Ewr. Excellence belieben also von nun an sich völlig versichert zu halten, dass er jetzt gänzlich ausser aller Gefahr sei. Und um uns für die Zukunft zu sichern, wo Rückerinnerung an das Vergangen, verbunden mit seiner äussersten Anstrengung im Studierfleis, ihm dann und wann einen Rückfall drohen möchte, habe ich vorgestern, auf einer Promenade zu Pferd, die Abrede mit Ihm genom-

men, wenigstens einmal in jedem Monat diese Promenade, nur nicht allein (damit er nicht seinen Gefühlen nachhänge), sondern in Gesellschaft mit mir und noch einem Landsmann oder andere Bekannten vorzunehmen. Reiten ist doch die allergesundeste Bewegung für uns Leute bei unsrer sitzenden Lebensart: darf ich bitten, dass Ewr. Excellence meinen Wunsch, durch einen väterlichen Rath, bei meinem lieben Freunde unterstützen.

So sehr ich immer Gelegenheit gesucht habe, Ewr. Excellence meine gänzliche Ergebenheit werktätig zu bezeugen: so schmerzhaft bleibt es für mich, dass der allererste Anlass hierzu so traurig gewesen.

Wegen der Anlage an meinen Sohn bitte ich um Verzeihung.

Der Frau Gemahlin Gnaden küsse ich die Hand, und habe die Ehre, mit wahrem Respect zu beharren

Ewr. Hochgebornen Excellence
ganz gehorsamer Diener
A. L. Schlözer.

53.

$\frac{19}{7}$ Сентября. Гетингенъ.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

На прошедшей почтѣ не писалъ я къ вамъ отъ того, что въ пятницу ввечеру (9) отправился я съ русскими товарищами въ Пирмонтъ верхомъ и въ понедѣльникъ послѣ обѣда возвратился назадъ. До Пирмонта сюда считается 10 миль; но такъ какъ мы заѣжжали еще въ крѣпость Гаммель, то вся поѣздка взадъ и впередъ составляетъ 23 мили или 165 верстъ. Вотъ вамъ, дражайшія родители, доказательство, что я здоровъ. Въ трое сутокъ сдѣлали мы слишкомъ полтараста верстъ. Въ Пирмонтѣ нашли уже мы мало посѣтителей, и для того пробыли мы тамъ очень недолго; успѣли, однакожь, осмотрѣть его, напиться цѣлительной воды и выкупаться въ мраморныхъ ваннахъ. Не знаю, воображеніе ли дѣйствовало во мнѣ, только мнѣ показалось, что я вышелъ изъ кипящей воды крѣпче и свѣжѣе. Намъ понравились чистота и порядокъ. Мы заказали ванны, и не прошло четверти часа, какъ уже они были готовы. За каждой часъ надобно заплатить въ простой ваннѣ 8 доб. грошей или 40 коп., а въ мраморной 16 д. гр. Но тамъ, гдѣ только сидятъ надъ источникомъ и пользуются одними испареніями, не берутъ ничево. Пирмонтскія гости въ концѣ прошедшаго мѣсяца обыкновенно разъѣзжаются. Нынѣшнее лѣто было 1197 пользующихся цѣлительными водами, кромѣ тѣхъ, кои пріѣжжаютъ туда на короткое время повеселиться и сдѣлать свое счастіе картами. Пирмонтъ доставляетъ весьма большой доходъ своему владѣтельному Графу Вальдеку; но, можетъ быть, онъ долженъ будетъ

уступить его за долги Кассельскому Курфирстру. Не доѣжжая Пирмонта, разсматривали мы соляныя источники и огромныя машины, которыя сдѣланы для процѣживанія и отстойки солей. Мнѣ еще никогда не случалось видѣть соляныхъ заводовъ; у насъ же въ Россіи добываютъ соль большею частью или непосредственно изъ земли или изъ озеръ, а не такъ, какъ въ Пирмонтскихъ окрестностяхъ, гдѣ и пріуготовленія къ тому различны отъ нашихъ.

Въ Пирмонтѣ вспомнилъ я, что Петръ Великій, посѣщая его, бесѣдовалъ тамъ съ великимъ Лейбницомъ и на память о себѣ опредѣлилъ Философу ежегодную пенсію. Рѣдко случается, чтобы два человѣка, въ самомъ дѣлѣ величайшія въ своемъ столѣтіи, сошлись въ столь незначущемъ мѣстечкѣ. Я думаю, я бы напрасно искалъ того дому, гдѣ останавливался Петръ! Такихъ древнихъ строеній здѣсь нѣтъ. Напротивъ, въ Виттембергѣ и по сю пору показываютъ тотъ домъ, гдѣ родился и жилъ Лютеръ и гдѣ Петръ Великой написалъ на стѣнѣ свое имя.

Дорогою проѣжжали мы нѣкоторыя города и мѣстечки, принадлежащія Герцогу Брауншвейгскому. Почти на всякихъ двухъ верстахъ разставили Французы столбы съ надписью: pays neutre appartenant au Duc de Brunswic.

Гаммель, одна изъ лучшихъ и твердѣйшихъ нѣмецкихъ крѣпостей, принадлежащая къ Ганноверу, занята Французами. И въ самомъ дѣлѣ, намъ показалась она неприступною. Крѣпость, отдѣленная отъ самаго города рѣкою Везеромъ, стоитъ на превысокой горѣ, и осаждающимъ трудно подступить подъ нее отъ невозможности укрыться отъ крѣпостныхъ выстрѣловъ. Мы спѣшили въ Гаммель, думая видѣть тамъ на вахтпарадѣ Генерала Мортье; но дурная погода задержала его, и онъ не пріѣхалъ въ крѣпость.

Мы имѣли гораздо выгоднѣйшее мнѣніе о французской здѣшней арміи, нежели какъ нашли ее въ Гаммелѣ. Народъ мѣлкой, оборванной и ничево менѣе, какъ похожъ на завоевателей. Всего страннѣе показались намъ такъ называемыя sapeurs; они одѣты также, какъ и другія: напудрены и съ длинными бородами. Это совсѣмъ не пристало къ Французамъ.

Лекціи наши почти всѣ уже кончились, и мы сбираемся сдѣлать еще небольшой вояжъ во время ваканціи. На слѣдующей почтѣ надѣюсь доставить вамъ свидѣтельства отъ Профессоровъ своихъ.

Вотъ уже болѣе двухъ недѣль какъ я не имѣлъ отъ васъ писемъ; но я увѣренъ, что скоро получу и для того остаюсь спокоенъ. Мало по малу я знакомлюсь съ мыслію, что его уже нѣтъ болѣе. Я не боюсь предаваться мыслямъ и воспоминанію; во мнѣ дѣйствуетъ одно чувство вѣчной привя-

занности къ единственному другу моему, которой все еще, кажется, живетъ для меня и вѣчно жить будетъ; воображеніе не потемняетъ моихъ душевныхъ силъ. Надежда укрѣпляетъ ихъ; не должно быть нетерпѣливу; рано или поздно увидимся.

А вы, милыя друзья и братья, соедините еще сильнѣе дѣтскія сердца ваши. Любите, любите другъ друга. Несмотря на нашу участь, клянитесь вѣчно и братски любить другъ друга. Любите меня и помните.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ вѣчною преданностію и сыновнимъ почтеніемъ честь имѣю быть

Милостивой Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

54.

Гетингенъ. $\frac{14}{26}$ Сентября.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Письмо ваше отъ 20-го Авг. я получилъ на прошедшей недѣлѣ. Изъ писемъ моихъ вы изволите видѣть, терпѣливо ли я сношу ударъ, которой лишилъ меня и подпоры моей; на него была моя надежда во всѣхъ противныхъ случаяхъ бѣдной жизни нашей. Лишь будьте вы спокойнѣе; не отказывайтесь отъ тѣхъ немногихъ утѣшеній, которыя Богу угодно было вамъ оставить; тогда и я найду въ самомъ себѣ довольно мужества, чтобъ поддержать старость вашу. Со слезами прошу васъ увѣриться, что я здоровъ и что по сю пору Богъ хранилъ меня отъ всего, что можетъ нанести вредъ моему здоровью. Естьли уже теперешнее состояніе души моей не могло разстроить его, то я надѣюсь, что перенесу все и возвращусь въ родительскія ваши объятія съ тою же чистотою души и тѣла, съ которою вы меня проводили.

При семъ посылаю свидѣтельства, взятыя мною отъ Профессоровъ моихъ; я не успѣлъ еще всѣхъ собрать, потому что многія уже разъѣхались. Лекціи наши совсѣмъ кончились. Кругъ моихъ познаній увеличился; я это чувствую; но все сіе была большею частію необходимая теорія, польза которой окажется въ продолженіе жизни моей, смотря по роду службы, которой

Судьба назначитъ мнѣ. Тогда отъ собственной моей дѣятельности будетъ зависить сдѣлаться на что-нибудь полезнымъ.

Почтенному Максиму Ивановичу, которой долженъ быть увѣренъ въ моей любви къ нему, усерднѣйше кланяюсь. Прочитавъ самъ съ большимъ удовольствіемъ его путешествіе, сообщилъ я его Шлецеру и съ радостію услышалъ безпристрастное его о немъ мнѣніе; онъ даже нѣсколько разъ въ статистической своей лекціи упоминалъ о немъ; и со временемъ самъ Максимъ Ивановичъ увидитъ не одинъ разъ имя свое въ моихъ тетрадяхъ. Напримѣръ, когда Шлецеръ говорилъ о множествѣ лѣсовъ въ Россіи, сказалъ онъ, что часто служили они убѣжищемъ разбойникамъ, но что съ тѣхъ поръ какъ учреждены Губерніи, зло сіе прекратилось: Eine treffiche Anmerkung eines einsichtsvollen Russischen Reisenden — вотъ слова его.

На сей недѣлѣ думаемъ отправиться на Гарцъ для осмотрѣнія рудокопныхъ заводовъ. Большую часть сего путешествія сдѣлаемъ мы пѣшкомъ; оно продолжится около трехъ недѣль; слѣдовательно, вы не извольте безпокоиться, естьли не регулярно будете получать мои письма. Я буду, сколько можно, стараться чаще писать и гдѣ только можно. Итакъ, и Алексѣй Ѳедоровичь отправился въ Петербургъ. Отъ всего сердца желаю, чтобъ сей новой родъ жизни былъ въ его пользу и чтобъ онъ въ новомъ своемъ начальникѣ нашелъ человѣка, достойнаго имѣть такого подчиненнаго.

Максимъ Иван[овичъ] Успенской отправился въ Лейбцигъ; не знаю еще,тамъ ли онъ останется, или поѣдетъ въ Вѣну. Впрочемъ, онъ, кажется, теперь здоровъ.

Любезныхъ братьевъ сердечно обнимаю.

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ глубочайшимъ почтеніемъ и сыновнею преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ покорнѣйшимъ слугою.
Ал. Тургеневъ.

55.

Гетингенъ. $\frac{27}{15}$ Сентября.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Завтра рано поутру отправляемся мы въ путь. Хорошая погода, необходимая для сего рода путешествія, намъ благопріятствуетъ. Мы поѣдемъ

до Остероде (отсюда за 4 мили) въ наемной колясκѣ, а тамъ будемъ продолжать путь нашъ пѣшкомъ, взявъ съ собою каждой по мантельзаку съ нужнымъ бѣльемъ и съ книгами, описывающими Гарцъ и тѣ мѣста, которыя мы проходить будемъ. Съ дороги надѣюсь нѣсколько разъ писать къ вамъ, естьли только будетъ возможно.

Испрося родительскаго вашего благословенія, съ сердцемъ, вами исполненнымъ, пускаюсь въ пріятный путь, которое[1]), можетъ быть, разсѣетъ нѣсколько мысли мои.

Здравствуйте, милыя друзья и братья; дорогою я буду имѣть много время думать о васъ; любите другъ друга и меня. Поцѣлуйте за меня маму.

Съ глубочайшимъ сыновнимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка и
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Вчера имѣлъ я случай быть на здѣшней обсерваторіи и смотрѣть на луну въ Гершелевъ прекрасной телескопъ. Я видѣлъ ясно пятна, которые должны быть, по увѣренію Астрономовъ, огнедышущими горами. Говорятъ, что самъ Гершель, которой изъ простаго дезертера сдѣлался величайшимъ Астрономомъ, гораздо лучше знаетъ луну, нежели иной, даже и просвѣщенной Европеецъ, планету, на которой онъ вегетируетъ.

Любезнаго друга Василья Степановича сердечно обнимаю и дружески прошу его писать ко мнѣ почаще.

Приписка А. С. Кайсарова (19).

Милостивый Государь, Иванъ Петровичь!

Мы опять пускаемся въ новой вояжъ. У насъ много предметовъ, которые могутъ на нѣсколько времени разсѣять; но что дѣлается съ вами? Точно ли вы здоровы? Эта мысль безпокоитъ насъ. Да подкрѣпитъ васъ Богъ! какъ бы охотно отдалъ я вамъ жизнь мою! вамъ она нужнѣе, нежели мнѣ. Александръ Ивановичь, слава Богу, здоровъ, довольно спокоенъ; иногда груститъ; но кто изъ насъ можетъ скоро или когда-нибудь забыть того, которой составлялъ наше щастіе? — Пришедъ съ Гарца, мы поспѣшимъ писать къ вамъ. Между тѣмъ съ истиннымъ высокопочитаніемъ честь имѣю быть

ваше Превосходительство
вашъ
всепокорнѣйшій слуга
Андрей Кайсаровъ.

1) Такъ въ рукописи.

56.

$\frac{1}{13}$ *Октября. Гетингенъ.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Возвратясь изъ Гарцовскаго моего путешествія, къ сердечной своей радости, нашелъ я письмо ваше (№ 15) отъ 27 Авг. съ приложеніемъ письма отъ почтеннаго друга моего Алексѣя Ѳедоровича. Дружба и почтеніе, которыя привязывали меня къ тому, кто, любя брата моего, любилъ и меня, и кто такъ часто своими добрыми чувствами вселялъ и въ меня охоту ко всему доброму, еще болѣе увеличились, когда я прочелъ утѣшительное письмо его. Въ немъ и въ Васильѣ Андреевичѣ имѣетъ нужду осиротѣвшее мое сердце. Они должны мнѣ замѣнить того, кого я имъ возвратить не въ силахъ. Любовь ихъ къ моему брату и моя вѣчная къ нимъ привязанность подкрѣпляютъ мою надежду, и они, конечно, не оставятъ меня одного въ моей горести.

Я путешествовалъ по Гарцу, видѣлъ много наставительнаго, чему изъ однихъ книгъ научиться невозможно. Горестныя чувства провожали меня, но новость предметовъ часто ихъ разсѣявала и не давала имъ усиливаться. Погода почти во все время намъ благопріятствовала, и мы во всю дорогу шли пѣшкомъ, кромѣ того что на возвратномъ пути нашемъ изъ Галберштата, 14 миль отъ Гетингена, пріѣхали мы уже сюда въ открытой коляскѣ. Я не успѣлъ еще переписать своего журнала. На слѣдующей почтѣ надѣюсь вамъ доставить его. Вояжъ мой обогатилъ небольшія мои свѣденія въ минералогіи; я получилъ нѣкоторыя понятія о горномъ искусствѣ и о той великой трудности, съ какою добываются металлы.

Теперь иду записываться на лекцію для слѣдующаго полугода; а послѣ донесу вамъ о тѣхъ, которыя я буду слушать. Мнѣ очень было чувствительно читать въ письмѣ вашемъ объ уничтоженіи пенсіона. Для чего бы, кажется, не существовать ему вмѣстѣ съ другимъ заведеніемъ? Нельзя отъ него отнять первенства между всѣми не только частными, но и казенными училищами; и вѣрно, каждый добрый членъ общества, особливо же отецъ семейства, будетъ жалѣть о его уничтоженіи. Желалъ бы знать, чѣмъ думаютъ замѣнить его; но незабвенной другъ и братъ мой когда-то сказалъ: «Страшись хорошее на лучшее мѣнять».

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу честь имѣю свидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе. Максиму Ивановичу также усерд-

нѣйше кланяюсь. Я просилъ уже Алексѣя Ѳедоровича и Василья Андреевича, чтобъ они почаще пересылали ко мнѣ черезъ Батюшку письма.

Милыхъ братьевъ цѣлую отъ всего сердца. Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами глубочайшаго сыновняго почтенія и преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ.
Ал. Тургеневъ.

При семъ прилагаю еще три свидѣтельства.

Андрей Сергѣевичь, которой пошелъ теперь записываться къ Профессорамъ, желалъ бы знать о здоровьѣ Натальи Васильевны. Очень давно уже не получалъ онъ никакого извѣстія.

Herr Alexander von Tourguenow aus Moskau hat meinen Vorlesungen
1) über die Geschichte der Friedensschlüsse im vorigen Winterhalbenjahr
2) über das europaeische Völkerrecht im verflossenen Sommerhalbenjahr mit ununterbrochenem Fleisse und einer ausgezeichneten Aufmerksamkeit beigewohnt, welches ich auf Verlangen hiedurch mit Vergnügen bezeuge.

Göttingen den 25-sten September 1803.

Geo. Fried. v. Martens.

Cum Vir Praenobilissimus *Alexander a Turgenew*, Moscoviensis per Semestre aestivum a. 1803 lectionibus meis Physicae experimentalis interfuerit, easque cum magna assiduitate laudabilique diligentia frequentaverit, non possum quin desiderio ejus satisfaciam, ac illam industriam lubenter et cum fide jam tester.

D. Goettingae d. 11 Oct. 1803.

Joannes Tobias Mayer
Phys. P. P. O.

Vir illustris *Alexander a Turgenew* Moscovia-Russus lectionibus meis academicis, ut nuper *aestheticis*, ita, per hoc ipsum semestre aestivum, philosophicis, tum iis, quibus *Logicen et Metaphysicen* proposui, tum iis, quas ad explicandam *Philosophiam naturalem* sive elementa philosophica Physices et Physiologiae institui, assidue interfuit atque diligentia summis laudibus dignissima studium ac insignem ingenuarum artium et litterarum amorem comprobavit, quod quidem hisce litteris meis lubenter testor. Scrib. in Academia Georg. Augusta, d. XV. Septembr. CIↃIↃCCCIII.

Fridericus Bouterwek
Professor philosophiae publ. ord.

Herr Alexander von Turgenev aus Moskau ist in dem verflossenen Sommer mein Zuhörer in der allgemeinen Länder und Völkerkunde gewesen. Den darin bewiesenen Fleiss bezeuge ich ihm mit Vergnügen.

A. H. L. Heeren
Prof. d. Geschichte.

Göttingen 24 Sept.
1803.

Vir nobilissimus Alexander a Turgenew Moscoviensis, Praelectionibus meis de Archaeologia, sive de antiquis sculpturae, picturae et architecturae operibus, assiduus auditor interfuit. Quod lubenter testatum his litteris feci.

Gottingae d. 26 Septembr. 1803.

Chr. G. Heyne
Eloqu. Prof. et Biblioth.

Dass Hr. Alexander Ivanovicz von Turgenev, aus Moskau, in diesem Sommerhalbjahr, bei mir die beiden Privat-Collegia über Statistik und praktische Politik, samt dem publico über allgemeine Vorstellung des ganzen Cours de Politique, nicht nur mit ununterbrochnem Fleisse, sondern auch mit eben der ernsten Application, und mit dem brennenden Eifer für alles, was solides Studiren heisst — welcher Eifer mir diesen Zuhörer, schon im vorigen ersten Semester seines Hierseyns, in öfterer specieller Conversation mit demselben, vorzüglich schätzbar machte — gehöret habe, wird hiedurch von mir attestiret.

Göttingen, $\frac{1}{13}$ Octbr. 1803.

August Ludwig Schlözer
Hofrath und Professor.

Переводъ аттестатовъ[1]).

Съ Нѣмецкаго.

Александръ Ивановичь Тургеневъ, Россіянинъ, слушалъ въ сіи лѣтніе полгода у меня обѣ приватныя лекціи о Статистикѣ и Практической Политикѣ, съ публичными лекціями объ общемъ начертаніи всего курса Политическаго, не только съ непрерывнымъ прилѣжаніемъ, но и съ ревностною тщательностію и съ пламеннымъ усердіемъ ко всему тому, что называется ученіемъ основательнымъ, — каковая ревность сего слушателя еще въ прошлой половинѣ года пребыванія его здѣсь, въ частомъ, приватномъ съ нимъ обращеніи, дѣлала его въ глазахъ моихъ особливаго уваженія достойнымъ; въ чемъ и свидѣтельствую.

Августъ Людвигъ Шлецеръ
Надворн. Совѣтникъ и Профессоръ.

(М. П.)
Геттингенъ $\frac{1}{13}$ Октября.
1803.

1) Переводы приложены къ оригиналамъ.

Съ Латинскаго.

Московской Дворянинъ Александръ Ивановичь Тургеневъ слушалъ лекціи мои объ Археологіи, или предметахъ ваятельного искуства, живописи и зодчества со всегдашнимъ раченіемъ; въ чемъ къ удовольствію моему и даю ему сіе свидѣтельство.

Хр. Г. Гейне.
Краснор. Профессоръ и Библіотекаръ.

Геттингенъ 26 Сентября 1803.

Съ Нѣмецкаго.

Александръ Ивановичь Тургеневъ прошедшимъ лѣтомъ, слушалъ лекціи мои о Всеобщей Исторіи земель и народовъ, и оказалъ похвальное прилѣжаніе, въ которомъ съ удовольствіемъ свидѣтельствую.

А. Г. Л. Герренъ.
всеобщей Исторіи Профессоръ.

Геттингенъ 24 Сентября
1803.

Съ Латинскаго.

Россійской Дворянинъ изъ Москвы Александръ Ивановичь Тургеневъ посѣщалъ безпрерывно Академическія Лекціи мои, прежде сего Эстетическія, потомъ въ сіи жъ лѣтнія полгода Философскія, на коихъ я преподавалъ Логику и Метафизику, и тѣ, кои назначилъ для изъясненія Философіи Натуральной, или Философскихъ основаній Физики и Физіологіи. Онъ оказалъ весьма достохвальное прилѣжаніе, неутомимую ревность и отличную къ изящнымъ искуствамъ и наукамъ склонность, въ чемъ съ совершеннымъ удовольствіемъ и свидѣтельствую.

Академія Георгъ-Августова
15 Сентября 1803.

(М. П.)

Фридригъ Бутервекъ
Профессоръ Философіи.
П. О.

Съ Латинскаго.

Россійской дворянинъ изъ Москвы Александръ Ивановичь Тургеневъ прошлымъ лѣтомъ посѣщалъ лекціи мои Физики Опытной съ великою ревностію и хвалы достойнымъ прилѣжаніемъ, а потому, удовлетворяя его желанію, не могу преминуть, чтобъ охотно и искренно не засвидѣтельствовать въ помянутомъ его всегдашнемъ раченіи.

Геттингенъ 11 Октября. 1803.

Іоганнъ Тобіасъ Маіеръ
Философ. Профессоръ П. О.

Съ Нѣмецкаго.

Александръ Ивановичь Тургеневъ, Россіянинъ, слушалъ лекціи мои 1) Объ исторіи мирныхъ Трактатовъ въ минувшіе зимніе полгода 2) о Европейскомъ

правѣ народномъ въ прошедшіе лѣтніе полгода съ неутомимою тщательностію и отличнымъ вниманіемъ, въ чемъ, по желанію его, и даю ему сіе свидѣтельство,

Геттингенъ 25 Сентября 1803.

(М. П.) Г. Фрид. Мартенсъ.

57.

Гетингенъ $\frac{17}{5}$ октября.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ получилъ письмо ваше отъ 14 Сент. и съ чувствами сердечнаго умиленія благодарю Всевышняго, что Онъ сохраняетъ васъ для меня тогда, когда я больше нежели когда-нибудь имѣю нужду любить васъ и слѣдовать вамъ въ крѣпкомъ надѣяніи на милость Его. Ничто больше меня не успокоиваетъ, какъ изъ внутреннихъ чувствъ почерпнутое увѣреніе ваше въ безсмертіи души нашей; я не знаю, могу ли я постигнуть умомъ высокую истинну, что духъ нашъ не умираетъ съ нами; но чувствую, что грусть и отчаяніе преодолѣли бы тѣлесныя и душевныя силы мои, естьлибъ я хотя на минуту лишился животворящей надежды со временемъ увидѣться съ незабвеннымъ братомъ моимъ. Я и представить себѣ не могу страшной мысли, что я на вѣкъ разстался съ нимъ. Это одно кажется мнѣ невозможнымъ, и никакое возраженіе ума не сильно уменьшить внутренняго моего увѣренія или поколебать меня въ моей надеждѣ.

Я отнесъ письмо къ почтенному Шлецеру и вмѣстѣ благодарилъ его за рекомендацію,—признаюсь въ слабости—весьма для меня лестную. Онъ радуется только, что слова его подѣйствовали и послужили въ ваше и мое удовольствіе. Человѣкъ просвѣщенной и доброй, приносящій честь своей націи! Но при всемъ томъ я не могу согласиться съ Батюшкой въ вашемъ мнѣніи и всегда готовъ отдать преимущество Русскимъ въ натуральной добротѣ ихъ. Не одинъ я съ моею неопытностію давно твержу, что Шлецеръ одинъ въ своемъ родѣ, и что другова Шлецера въ Германіи врядъ ли найти можно; но и другія безпристрастныя же, но опытныя судьи согласны въ томъ со мною. Слѣдовательно, по немъ нельзя судить о Нѣмцахъ, и въ Россіи скорѣе нежели здѣсь найдется другой Шлецеръ. Я почитаю себя щастливымъ, что получилъ вкусъ въ его твореніяхъ. Я полюбилъ въ нихъ Шлецера, какъ друга и строгаго судью человѣчества. Нещастіе наше по-

дало мнѣ случай узнать, что съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ принималъ онъ участіе во всемъ страждущемъ человѣчествѣ, старался онъ облегчить Судьбу и частнаго едва извѣстнаго ему человѣка.

Что касается до моего путешествія, то мнѣ кажется, что годъ ему еще непремѣнно продолжиться должно; потому что сіи полгода пробуду я въ Гетингенѣ и, окончивъ курсъ, поѣду въ Парижъ, посовѣтовавшись здѣсь, какой путь я долженъ выбрать. Мнѣ хотѣлось бы проѣхать чрезъ Италію, жертвуя для нее не болѣе какъ два мѣсяца. Въ Парижѣ я не знаю еще, нужно ли мнѣ будетъ пробыть болѣе пяти или шести мѣсяцовъ; онъ мнѣ необходимъ для франц. языка; теперь же еще надобно тамъ осмотрѣть древности ограбленной Италіи. А естьли можно будетъ заняться тамъ и Науками, то, конечно, это было бы для меня всего пріятнѣе. Впрочемъ, какъ бы то ни было, я буду, сколько возможно, экономнѣе съ временемъ. Мнѣ самому давно хочется быть въ родительскихъ вашихъ объятіяхъ и посвятить себя милымъ братьямъ.

При семъ доношу вамъ о тѣхъ лекціяхъ, которыя я буду слушать:

По утру:

отъ 8 до 9, три дни въ недѣлю *Минералогію* у Блуменбаха.

отъ 10—11, *Науку о Коммерціи* (Handlungswissenschaft) у Бекмана.

отъ 11—12 *Статистику Европы* у Грельмана.

Прошлой курсъ слушалъ я у Шлецера также статистическую лекцію; но ее можно назвать лучше: Необходимое приготовленіе къ тому, какъ самому учиться Статистикѣ. Онъ успѣлъ пройти съ нами только одну статистику Россіи.

Послѣ обѣда:

отъ 2 до 3 *Политико-дипломатическій курсъ* или показаніе тѣхъ отношеній, въ коихъ находятся между собою Европейскія Государства, у Мартенса (на франц. языкѣ).

отъ 3—4 *Натуральную Исторію* (вообще) у Блуменбаха.

—4—5 *Государственное право* (Staatsrecht) пріобщая къ тому ученіе о формѣ правленій или Государственныхъ конституцій, особенно примѣняясь къ нынѣшнему времени, у Шлецера.

отъ 6 до 7 три дни въ недѣлю Г. Шлецеръ же будетъ преподавать единственно для русскихъ такъ называемыя его Reisecollegium и Münzkollegium; въ первой разскажетъ онъ намъ большею частію практическія правила, какимъ образомъ молодой человѣкъ съ пользою и съ экономіею долженъ пу-

тешествовать въ чужихъ краяхъ и какъ онъ долженъ вести себя во время своего путешествія; во второй покажетъ онъ намъ свой драгоцѣнный Нумизматическій кабинетъ, гдѣ находятся монеты всѣхъ Европейскихъ Государствъ, и пройдетъ Исторію монетовѣденія въ Россіи.

Сверхъ того, одинъ часъ въ недѣлю буду я имѣть практическую лекцію у Мартенса, касающуюся до дипломатики. Онъ будетъ задавать намъ писать небольшія письма и другова роду бумаги, случающіяся при дѣлахъ Иностранной Коллегіи, разумѣется, — на Французскомъ. Что касается до языковъ, то я опять возьму у тѣхъ же лекторовъ; въ англійскомъ буду я имѣть двухъ, съ однимъ буду читать авторовъ, съ другимъ — пріучаться говорить. Въ приложенномъ мною нѣмецкомъ каталогѣ отмѣтилъ я карандашемъ свои лекціи.

За всѣ сіи лекціи Профессорамъ, за особыя часы лекторамъ и за новыя для сего нужныя книги издержалъ я около 180-ти талеровъ.
Иванъ Алекс[ѣевичъ] теперь выздоровѣлъ и уже вмѣстѣ съ нами путешествовалъ по Гарцу.

Любезнѣйшему Степану Андреевичу усерднѣйше кланяюсь; приписаніе его меня очень порадовало; онъ напомнилъ мнѣ щастливыя лѣта моего дѣтства. Благодарю и васъ, очень благодарю, любезныя друзья и братья, за ваше приписаніе. Будьте только здоровы, учитесь и утѣшайте Батюшку и Матушку. Поклонитесь отъ меня новому вашему Учителю.

Препоручая себя родительскому вашему благословленію, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ.
Ал. Тургеневъ.

58.

Гетингенъ $\frac{12}{24}$ *Октября.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Вотъ уже другой годъ, какъ я долженъ проводить безъ васъ, Милостивая Государыня Матушка, вѣчно для меня незабвенный день вашего Ангела. Изъ глубины вами исполненнаго сердца прошу только Бога, чтобъ милосердіе Его сохранило васъ для щастія нашего семейства и сколько бы воз-

можно отдалило отъ родительскаго сердца вашего все, что можетъ нарушить ваше спокойствіе. Вѣрно тотъ, котораго нѣжныя сыновнія чувства, котораго Ангельская душа были мнѣ столько извѣстны, тамъ, у престола Всещедраго Создателя, тѣ же теплыя молитвы къ Нему возсылаетъ. Пусть будетъ онъ у небеснаго Царя нашимъ общимъ ходатаемъ.

Въ концѣ прошедшей недѣли имѣлъ я удовольствіе еще получить письмо ваше (№ 17) отъ 20 Сент. съ приложеніемъ писемъ къ Г. Шлецеру, которыя я тотчасъ же и отнесъ къ нему; онъ благодаритъ васъ за своего сына, а я благодарилъ его за васъ и за себя.

И такъ, та же самая болѣзнь, которая прошлаго году мѣшала почивать почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу, теперь опять безпокоитъ его. Тогда продолжалась она, кажется, болѣе двухъ недѣль. Дай Богъ, чтобъ заботы мои въ сію минуту были уже напрасны.

Въ слѣдующій понедѣльникъ начинаются уже почти всѣ мои коллегіи. Я взялъ еще два раза въ недѣлю одну лекцію *о нѣмецкомъ стилѣ* у П. Бутервека. Она можетъ быть мнѣ полезна общими практическими правилами, которыя въ ней преподаются, и послужитъ къ знанію тонкостей нѣмецкаго языка.

Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое усерднѣйшее почтеніе Милостивымъ Государямъ Антону Антоновичу и Ивану Андреевичу и увѣрить ихъ, что одолженія ихъ будутъ для меня незабвенны. При семъ посылаю листочикъ, публикованный Проректоромъ для здѣшнихъ студентовъ. По сю пору Геттингенъ не видалъ еще у себя Французовъ, кромѣ какъ проѣздомъ и то на минуту; прочія же Ганноверскія владѣнія чувствуютъ въ полной мѣрѣ бѣдственное свое положеніе. Французы, пользуясь правомъ Сильнаго, берутъ безпрестанныя контрибуціи, и Ганноверъ вездѣ ищетъ занять денегъ для насыщенія ихъ алчности. Не смотря на то что Ганноверцы сдались безъ всякаго сопротивленія, съ ними поступаютъ такъ, что врядъ ли когда-нибудь придутъ они въ прежнее свое состояніе.

Любезныхъ братьевъ обнимаю всѣмъ сердцемъ.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ.
Ал. Тургеневъ.

59.

Гетингенъ.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Письмо ваше отъ 1 Октября (№ 18) имѣлъ я удовольствіе получить; я уже увѣдомлялъ васъ о планѣ моего вояжа, и думаю, что вы письмо сіе теперь получили. На сей недѣлѣ обрадованы мы были пріѣздомъ любезнѣйшаго Матвѣя Яковлевича Мудрова, которой, проѣжжая изъ Берлина въ Вирцбургъ, заѣхалъ къ намъ, единственно для того, чтобы повидаться съ нами. Я очень благодаренъ ему за его дружбу, которую онъ мнѣ доказывалъ и доказываетъ, и за чувства его, которыя онъ къ вамъ питаетъ. На сей недѣлѣ будетъ онъ самъ писать къ вамъ. При семъ препровождаю *Эпистолу* мою къ милостивѣйшему Архипастырю; пусть она будетъ служить доказательствомъ той благодарности за тѣ пріятныя минуты, которыя провелъ я, слушая Слово Его.

Шлецеръ получилъ извѣстіе отъ Алопеуса, нашего Министра въ Берлинѣ, о пожалованіи ему ордена Св. Владиміра 4-й степени. Онъ давно имѣетъ на это полное право; ибо въ статутѣ сказано, что тотъ, кто напишетъ полезную для Россіи книгу, получаетъ его. — А кто болѣе сдѣлалъ для Россіи въ его фахѣ?

Препоручая себя родительскому вашему благословенію, съ чувствами сыновняго почтенія и преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

7 Ноября.
26 Октября.

Письмо Александра Ивановича къ митрополиту Платону.

Illustrissime Praesul!

Patere quaeso, vir summe, accipiasque fronte serena hanc qualemcumque gratulationem, quam juvenis longe a patriis, oris remotus, in terrisque alienis degens, ubi tamen illustre tuum nomen notissimum est, Tibi celebranti tuum diem Onomasticon, mittere ausus est.

Te enim, quem doctrina ac pietate ornatissimum colunt omnes, quibus vera virtute nihil est antiquius et prius; Te columen ecclesiae nostrae, orbis litterarii decus, atque verae pietatis ornamentum; Te Virum Illustrem, quo quivis Russus ingenue gloriatur, si ego non gratulater hac expectactissima occasione, omnino iniquus patriae filius putarer.

Desierunt jam arrogantes Austri incolae pertinentes defendere injustam opinionem, solas terras australes idoneas esse ad producendos sapientes Graeciae, cum viderunt etiam plagam Borealem produxisse Te nostrum Platonem.

Quam gratum jucundumque officium incumbit Rerum Russicarum perito scriptori, quem tempore Augustissimi Alexandri spèrare licet, ut vitam factaque Viri, qui per tam longam felicemque Russis periodum, plurimum contulit ad religionem sinceram morumque probitatem mentibus nostris instillandam, Viri, cujus unicum saepe verbum sufficiens erat, ut errantes in tenebris reverterentur ad lucem veritatis, digno percelebret calamo.

Illustrissime Praesul! O si esset intra posse mortalium, ardentissime praecarer, Te vivere posse tot saecula, quot memoria Tui resonabit in posteritate.

Nominis Tui Illustrissimi
cultor observantissimus
Alexander a Turgenew.

Gottingae
1803 an.
Octobr. 25 die.

Переводъ съ Латинскаго[1]).

Высокопреосвященнѣйшій Владыко.

Удостойте благосклоннаго воззрѣнія, когда юноша, удаленъ будучи отъ своего отечества, и находясь въ странахъ чуждыхъ, гдѣ однакожъ знаменитое имя Твое, великій Архипастырь, весьма извѣстно, принимаетъ смѣлость Вашему Высокопреосвященству принести усерднѣйшее свое поздравленіе со днемъ Вашего Ангела.

Ибо естьлибъ я Того, кто, будучи украшенъ ученостію и благочестіемъ, уважается всѣми, для коихъ истинной добродѣтели нѣтъ ничего драгоцѣннѣе и преимущественнѣе; естьлибъ Того, кто опора нашей Церкви, похвала ученаго свѣта и краса истиннаго благочестія; естьлибъ, наконецъ, Того знаменитаго Мужа, которымъ торжественно хвалится каждой Россіанинъ, не привѣтствовалъ при семъ вожделѣнномъ случаѣ, то могъ бы всеконечно почесться неусерднымъ сыномъ моего Отечества.

Престали уже гордые жители Юга упорно защищать несправедливое мнѣніе, что одни только земли Южныя способны къ произведенію мудрецовъ Греціи, когда увидѣли, что и страна Сѣверная произвела нашего Платона.

1) Переводъ приложенъ къ оригиналу.

Сколь пріятная и восхитительная предлежитъ должность свѣдущему въ достопамятныхъ происшествіяхъ Россіи писателю, какого во времена Августѣйшаго Самодержца Александра безъ сомнѣнія надѣяться можно, — должность, чтобъ достойною кистью изобразить жизнь и дѣла такого Мужа, которой въ теченіи столь долгаго и щастливаго для Россіи періода много способствовалъ ко впечатлѣнію въ сердцахъ нашихъ чистоты Религіи и непорочности нравовъ; такого Мужа, котораго единое слово довольно было, чтобъ блуждающихъ во мракѣ невѣденія обратить ко свѣту истинны.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко! о естьлибъ возможно было смертности, то я теплѣйшія бы возслалъ молитвы ко Всевышнему, чтобъ жизнь Твоя продлилась чрезъ столько вѣковъ, чрезъ сколько память о Тебѣ гремѣть будетъ въ потомствѣ.

Милостивый Архипастырь
Вашего Высокопреосвященства
Покорнѣйшій слуга
Александръ Тургеневъ.

Геттингенъ
25 Октября
1803.

60.

Гетингенъ. $\frac{14}{2}$ *Нояб.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

На прошедшей недѣлѣ получилъ Андрей Сергѣевичъ записочку вашу, приложенную въ письмѣ Натальи Васильевны. Это успокоило его въ разсужденіи здоровья его Матушки. — Естьли вамъ угодно переслать мнѣ деньги, то, я думаю, лучше за весь годъ прислать мнѣ сюда въ Геттингенъ, гдѣ я могу размѣнять его и, расплатившись здѣсь, взять всѣ съ собою для того, чтобъ не имѣть нужды въ Парижѣ или гдѣ безпокоиться о размѣнѣ векселя. Черезъ четыре мѣсяца, т. е. по окончаніи курса, поѣду я отсюда и, естьли ваше позволеніе на это послѣдуетъ, черезъ Италію, потому что лишняго отъ того немного будетъ, когда мнѣ надобно быть въ Вѣнѣ. Я началъ для этого брать уроки Итальянскія два раза въ недѣлю, чтобы хоть сколько-нибудь запастись симъ языкомъ.

Можетъ быть, вы уже видѣли изъ газетъ, что сюда пріѣхалъ Баварской наслѣдный Принцъ учиться; я слушаю съ нимъ три коллегіи вмѣстѣ, и между прочими у Шлецера *Государственное право*, которой съ тою же непринужденностію и свободою и съ тою же силою въ выраженіяхъ опредѣляетъ отношенія Государя къ подданному и, наоборотъ, предписываетъ должности тому и другому и также какъ и прежде приводитъ худыя и добрыя примѣры изъ Исторіи даже самаго Баварскаго Курфирства. Но что всего

болѣе дѣлаетъ честь самому Принцу, есть то, что онъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ слушаетъ сіи часто непріятныя истинны и сверхъ того взялъ еще у Шлецера privatissime другую лекцію. Это же самое рекомендуетъ и отца его, который послалъ сына учиться въ Гетингенъ и — у кого же? У Шлецера, у того, кто весь вѣкъ свой былъ, такъ сказать, бичемъ Князей Нѣмецкихъ (NB. худыхъ).

Мы, русскія, благодарны Шлецеру за то, что онъ присовѣтовалъ намъ сдѣлать куръ Принцу, какъ нареченному Жениху Великой Княжны нашей. Вчера мы были у него; онъ принялъ насъ отмѣнно ласково; такъ что примѣтно, какъ ему пріятно было видѣть у себя тѣхъ русскихъ, которыя по сю пору вели себя въ отношеніи къ другимъ Принцамъ такъ гордо und so der Würde des grossen Reichs, dem sie angehören, angeniessen, какъ говорятъ Нѣмцы. Гофмейстеръ его, тайный совѣтникъ, встрѣчалъ и провожалъ насъ до самаго крыльца; онъ же самой даетъ рекомендательное письмо нашему Матвѣю Яковлевичу въ Университетъ Вирцбургъ, которой принадлежитъ Баварскому Курфирстру.

Курпринцъ намъ очень полюбился; доброта написана на лицѣ его; жаль только, что онъ немного глухъ и говоритъ неразборчиво. Обходится со всѣми очень фамильярно; правда, что здѣсь и нельзя иначе.

Матвѣй Яковлевичь завтра отъ насъ ѣдетъ въ свой Университетъ; несмотря на короткое время, которое онъ здѣсь пробылъ, успѣлъ онъ воспользоваться и Геттингеномъ, взявъ на недѣлю часа по четыре въ день privatissime у Акушера Озіандера. Ему можно похвастаться, что онъ не теряетъ своего времени.

Одинъ изъ моихъ русскихъ товарищей, Г-нъ Фрейгангъ, служащій также какъ и я при Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, написалъ небольшое описаніе Гетингена, какъ его внутренняго состоянія, такъ и его окрестностей, и подарилъ мнѣ рукописной экземпляръ для препровожденія къ вамъ; но я его оставилъ у себя, потому что вы, можетъ быть, увидите его въ Вѣстникѣ. Онъ послалъ черезъ одного изъ здѣшнихъ Профессоровъ къ издателю Вѣстника также одинъ экземпляръ, прося его, чтобъ онъ, естьли сіе покажется ему довольно интереснымъ, помѣстилъ его въ журналъ свой. Я также присоединяю къ тому и мою прозьбу къ вамъ. Нельзя ли Батюшкѣ замолвить словечко о помѣщеніи сего, можно сказать, небольшаго панегирика нашему Геттингену. Перевести его не трудно, а московская публика будетъ читать, можетъ быть, съ удовольствіемъ извѣстіе о томъ мѣстѣ, гдѣ многія, бывшія прежде сего младшими ея членами, готовятся принести ей современемъ услуги, соразмѣрныя силамъ своимъ.

Милыхъ братьевъ всѣмъ сердцемъ обнимаю.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Я и за письмо благодаренъ любезному другу Матвѣю; по крайней мѣрѣ, хоть на минутку разгладитъ оно морщины на лицѣ вашемъ; а мнѣ одна веселая минута, проведенная вами, право дороже всего на свѣтѣ.

61.

$\frac{28}{16}$ *Ноября. Гетингенъ.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

На прошедшей недѣлѣ простился я съ Матвѣемъ Яковлевичемъ и жалѣлъ, что такъ коротко было наше свиданіе; но, можетъ быть, въ Парижѣ мы опять увидимся. Надежда и въ бездѣлицахъ теперь никогда меня не оставляетъ. Да и натурально; когда существенность потеряешь, то остается еще все надежда. Рано или поздо мы со всѣми опять увидимся; а путь нашъ такъ коротокъ, что въ однихъ измѣреніяхъ можетъ пройти все время. На что же досадовать и горевать, что одинъ скорѣе насъ совершилъ его! Рано или поздо и мы придемъ къ цѣли своей, или, лучше сказать, начнемъ новое безпредѣльное поприще; и начнемъ его вмѣстѣ и никогда не окончимъ.

Такъ, почтеннѣйшія родители, Надежда и Вѣра, Вѣра и Надежда суть символъ всякаго человѣка, не одного Христіянина. Часто умствующій забываетъ его и не думаетъ о томъ, что онъ носитъ его въ себѣ, хотя скрытой въ глубинѣ души его; но придетъ время, придетъ время, и онъ почувствуетъ, какое сокровище онъ имѣлъ въ себѣ; пожалѣетъ только о томъ, что онъ имъ доселѣ не пользовался, и тѣмъ болѣе будетъ благодаренъ Тому, кто, несмотря на его небреженіе, сохранилъ для него сіе сокровище.

Я самъ не знаю, зачѣмъ написалъ къ вамъ сіи строки; они вылились сами собою изъ души моей. Я самъ не знаю, какъ попалъ на такую матерію;

но чувства сіи не могутъ быть вамъ противны; ибо они искренны и суть ничто иное, какъ слѣдствіе вашего воспитанія.

На этой недѣлѣ былъ я званъ къ Шлецеру вмѣстѣ съ Курпринцемъ на чай, съ которымъ и провелъ я цѣлой пріятной вечеръ. Кажется, что я не обманулся въ добротѣ его; по крайней мѣрѣ, онъ такъ со всѣми ласковъ и такъ желаетъ сказать или сдѣлать всякому что-нибудь пріятное, что нельзя не полюбить его. Мы всѣ были очень веселы, и онъ не боялся выпить съ нами рюмку вина, которую другой на его мѣстѣ почелъ бы лишнею. Съ русскими онъ отмѣнно ласковъ и часто предупреждаетъ меня своими поклонами.

Я уже, кажется, увѣдомилъ васъ о планѣ своемъ ѣхать черезъ Италію и просилъ, если можно, сюда переслать обѣ тысячи, гдѣ я могу, разплатившись за эти полгода, ѣхать съ прочими, не безпокоясь о полученіи векселя. Я здѣсь здѣлалъ нѣкоторыя издержки на такія книги, которыя необходимы для продолженія моихъ занятій и въ моемъ отечествѣ; здѣсь могъ я покупать ихъ на аукціонахъ за весьма дешевую цѣну, чего послѣ нельзя будетъ. Передъ отъѣздомъ моимъ отсюда отправлю я ихъ черезъ Любекъ въ Ригу, а оттуда въ Москву. Это самой дешевой и кратчайшій транспортъ.

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе. Желалъ бы знать только о здоровьѣ.

Любезнѣйшему Максиму Ивановичу также свидѣтельствую мое почтеніе. Дожидаюсь съ нетерпѣніемъ 2-й части вашего путешествія; а первая — и по сю пору еще у Шлецера.

Препоручая себя вашему родительскому благословенію, съ чувствами глубочайшаго почтенія и преданности честь имѣю быть

вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Приписка А. С. Кайсарова (20).

Милостивый Государь, Иванъ Петровичь!

Естьлибъ я имѣлъ кого-нибудь другаго передъ собою, то изтощился бы въ изъясненіи благодарности, но васъ благодарить на бумагѣ за то, что вы утѣшаете Матушку, почитаю я лишнимъ. Вы изволите знать разницу между письменными чувствами и тѣми, которыя [1]) сердце въ тишинѣ питаетъ. Я довольствуюсь послѣдними и больше не смѣю говорить ни слова.

Александръ Ивановичь, слава Богу, здоровъ и съ прежнимъ жаромъ посѣщаетъ здѣшнихъ Профессоровъ. У насъ гостилъ недѣли три Матвѣй Яковлевичь, имѣлъ приватную лекцію у здѣшняго Акушера Озіандера, и отправился

1) Въ рукописи: «которое».

отсюда членомъ повивальнаго общества. Мы здѣсь живемъ въ мирѣ, французы не мѣшаютъ намъ ни вчемъ. На этой недѣлѣ былъ здѣсь Французской Генералъ, командующій арміею въ Ганноверѣ, такъ называемый *гражданинъ* Мортіе.

При семъ приложенное письмецо къ Матушкѣ усерднѣйше прошу ваше Превосходительство доставить. А о вашей судьбѣ мы все еще ничего не знаемъ. Неужели это еще долго будетъ продолжаться? Кажется, благословенной Руси и не узнаешь, возвратившись на нее: иное такъ скоро перевернули, что за нѣсколько лѣтъ казалось совсѣмъ невозможно — въ пустыняхъ воздвигаются храмы Музамъ, Грекамъ даютъ вольность, Американцевъ учатъ Руской азбукѣ— а ваша судьба все еще не рѣшена. Но мы будемъ ждать; можетъ быть, все рѣшится къ вашему удовольствію; по крайней мѣрѣ, этого не я одинъ желаю.

Препоручая себя въ вашу милость честь имѣю быть

ваше Превосходительство,
Милостивый Государь,
вашъ
покорнѣйшій слуга
Андрей Кайсаровъ.

1803 года.
Ноября $\frac{16}{28}$.
Геттингенъ.

Милостивой Государыни Катерины Семеновны цѣлую ручки. Николая Ивановича и Сергѣя Ивановича обнимаю душевно.

62.

4 Дек.
23 Нояб.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Вчера, то есть въ воскресенье, удостоились русскія визитнаго посѣщенія Его Высочества. Онъ ко всякому изъ насъ подъѣжжалъ въ каретѣ и высылалъ карточки; кажется, что намъ неловко было принять его въ студентскія свои квартиры. Впрочемъ, я, сколько могъ, приготовился принять его, то есть я привелъ разбросанныя свои книги въ порядокъ и думалъ сказать ему тотъ комплиментъ, съ которымъ нѣкогда Вольтеръ встрѣтилъ Ландграфа Кассельскаго, когда сей посѣтилъ его въ Фернеѣ: Domine, non sum dignus, ut intres sub tectum meum. Курпринцъ живетъ здѣсь incognito подъ именемъ Графа Верденфельса и вездѣ бываетъ съ тайнымъ совѣтникомъ Киршбаумомъ. На прошедшей недѣлѣ нѣкоторыя студенты, между коими Русскихъ было только двое, дали ему ужинъ и балъ, который стоилъ имъ болѣе тысячи талеровъ! Представьте себѣ: Гетингенъ, городокъ полчаса въ окружности, въ состояніи давать такія пиршества! Всѣ Профессора были приглашены туда и посѣтителей было около трехъ сотъ. Я не записался на балъ не изъ экономіи, а изъ какого то чувства націо-

нальной гордости такъ какъ и большая часть или, лучше сказать, всѣ изъ моихъ соотечественниковъ. Естьли давать балъ Принцу, такъ давать намъ особо; но мы этого не хотимъ, потому что мы и безъ того пользуемся общимъ уваженіемъ и—Принца особенно. Онъ никому не платилъ визитовъ, кромѣ Графовъ и Русскихъ, хотя между послѣднимп ни одного Графа нѣтъ. Я горжусь этимъ не такъ, какъ Individuum, но какъ частица моего отечества и членъ здѣшняго русскаго общества.

Сегодня узналъ я отъ Пр. Буле, что онъ ѣдетъ въ Москву и, кажется, непремѣнно на то рѣшился. Я этому очень радъ, потому что найду въ Москвѣ множество Геттингенскихъ знакомыхъ; почти у всѣхъ, кои теперь отправляются туда, слушалъ я здѣсь лекціи. Университетъ нашъ много выиграетъ и въ Грельманѣ. Онъ, видно, надолго собирается въ Россію, потому что занимается русскимъ языкомъ не на шутку. Русской языкъ приходитъ въ моду не у однихъ Нѣмцовъ; и въ Парижѣ сочиняютъ русскія Грамматики.

Николашу и Сережу и Бориса братски обнимаю. Скоро будетъ въ Пансіонѣ *послѣдній* актъ; прошу васъ меня обо всемъ увѣдомить. Поцѣлуйте за меня Сергѣя Михайловича Соковнина.

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе; также и любезнѣйшей сестрицѣ.

Милостивымъ Государямъ Антону Антоновичу, Григорью Прохоровичу и Ивану Андреевичу свидѣтельствую мое высокопочитаніе; также и Никифору Евстропьевичу Черепанову.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

63.

Гетингенъ. $\frac{30\ Нояб.}{12\ Декабря}$.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Письмо ваше отъ 2-го Нояб. (№ 19) я получилъ. Не знаю, кому долженъ быть я благодаренъ за мѣсто, которое мнѣ готовитъ Ник[олай] Ни-

к[олаевичъ] Новосильцовъ. Я весьма радъ, что оно будетъ такого роду, что не помѣшаетъ мнѣ, вѣрно, или, можетъ быть, подастъ еще новыя средства заниматься Науками, особливо во всемъ томъ, что касается до Россіи. Кажется вѣдь, Ник[олай] Ник[олаевичъ] Кураторъ Петерб. Университета; слѣдовательно, ему можно будетъ употреблять меня по этой части. Я бы желалъ знать, кто его обо мнѣ просилъ? Почтеннѣйшій ли благодѣтель Иванъ Володиміровичъ? Или не слѣдствіе ли это Шлецеровой рекомендаціи обо мнѣ въ Петербургъ? Онъ, между прочимъ, говоритъ обо мнѣ, какъ о такомъ, которой желаетъ заниматься Русской Исторіей. Мнѣ бы ничего не было пріятнѣе, естьлибъ я по этой части употребленъ былъ. Только мнѣ все кажется, что это еще немного рано; мнѣ хотѣлось бы и по возвращеніи въ свое Отечество побыть съ вами и съ братьями и еще поучиться; по крайней мѣрѣ, обозрѣть то поле, которое предстоитъ для меня, и приготовиться проходить его. Мнѣ еще, кажется, торопиться не нужно. Вы сами часто говаривали: ищите прежде всего... и прочая вся приложатся вамъ. Я еще слабъ, очень слабъ въ Латинскомъ языкѣ, и мнѣ хочется побольше успѣть въ немъ. Не смотря на то, что я въ эти полгода упражняюсь болѣе въ дипломатической части и долженъ кое-что работать въ практической Коллегіи у Мартенса, о которой я уже писалъ къ вамъ, я бы все съ радостію занялся тѣми дѣлами, какія я воображаю себѣ найти у Новосильцова.

Сдѣлайте милость, Батюшка, освѣдомиться, назначенъ ли въ Штатѣ Петербургской Академіи Историческій Классъ и есть ли особой Профессоръ для Русской Исторіи. Меня просилъ объ этомъ Шлецеръ.

Къ будущей осени я надѣюсь возвратиться. Теперь еще не знаю, долго ли пробуду въ Парижѣ. Естьли я тамъ не найду случая учиться и заниматься по тому плану, которой я предположилъ себѣ, то я пробуду тамъ столько, сколько нужно будетъ для франц. языка. Я хочу непремѣнно исполнить приказанія Матушкины и усовершенствоваться въ немъ сколько можно. Въ Англинскомъ я собой доволенъ и теперь начинаю говорить довольно скоро. А любимой авторъ мой теперь Юнгъ.

Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое усерднѣйшее высокопочитаніе Милостивой Государынѣ Тетушкѣ Дарьѣ Никифоровнѣ. Не знаю, застанетъ ли ее письмо мое? Какъ бы я желалъ видѣть Тетушку и любезнаго братца; но авось, черезъ годъ буду имѣть это удовольствіе. Но я не знаю, въ которомъ Пенсіонѣ будетъ братецъ; вѣдь нашъ скоро будетъ уничтоженъ; или это еще не вѣрно? Дай Богъ! — Поздравляю васъ, милыя братья, съ пожалованіемъ васъ въ Актуаріусы; вѣрно, и Сережа будетъ скоро произведенъ. Вотъ вамъ новыя причины благодарить Бога за вашихъ

благодѣтелей. Любите Батюшку и Матушку; любите нашихъ благодѣтелей и другъ друга, и вы можете еще быть щастливы. Будемъ стараться утѣшать ихъ, сколько будетъ въ нашихъ силахъ, и Богъ намъ поможетъ. Засвидѣтельствуйте мое усерднѣйшее почтеніе Милостивому Государю Николаю Николаевичу Каменскому и напишите мнѣ что-нибудь объ Архивѣ.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

64.

$\frac{19}{7}$ Декабря 1803.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Какія поздравленія могу я принести вамъ съ новымъ годомъ! Мнѣ остается только съ сердечнымъ умиленіемъ просить Бога, чтобы новой годъ принесъ съ собою, естьли возможно, вамъ столько радостей, сколько вы имѣли горестей въ прошедшій. Желалъ бы найти хоть что-нибудь сказать вамъ въ утѣшеніе; но чѣмъ больше думаю, тѣмъ сильнѣе чувствую, что ничто не замѣнитъ вамъ вашей потери. И мнѣ моей также. Намъ остается одна надежда — когда-нибудь соединиться, и нѣтъ для меня теперь пріятнѣе мысли, какъ, пробѣжавъ путь свой, выполнивъ всѣ должности, какія Провидѣнію угодно будетъ возложить на меня, въ спокойствіи душевномъ, съ безмятежною совѣстію ожидать минуты соединенія. Не смотря на то, что я еще молодъ, эта мысль одна только можетъ утѣшать меня. Естьли когда сердце и закипитъ во мнѣ, естьли невольное душевное движеніе, естьли грусть овладѣютъ мною, это одно меня успокоиваетъ. Я сравню мигъ съ вѣчностью и терпѣливо сношу бремя жизни. Душевныя силы мои могутъ еще противиться отчаянію; я еще въ состояніи владѣть собою и, вспомнивъ, что я еще не одинъ въ мірѣ, что вы, любезныя, дражайшія родители, вы, милыя братья, что вы живы и меня любите, что и мое юношеское сердце находитъ пищу любить васъ, что ничто не мѣшаетъ намъ бесѣдовать съ безсмертнымъ духомъ его, — получаю я новую бодрость и новыя силы.

Горесть наша не мѣшаетъ и ему наслаждаться небеснымъ блаженствомъ и пить его изъ неисчерпаемой чаши радостей. Для него нѣтъ будущаго, и онъ встрѣчаетъ уже насъ съ Ангельскою улыбкою у вратъ вѣчности. Утѣшьтесь всѣ, его любящія: и вы — смертны.

Примите сіе изліяніе души моей, и да не возмутитъ, но успокоитъ оно духъ вашъ. Какой бы трудный и тернистый путь ни проходили мы, онъ долженъ довести насъ къ неизсякаемому источнику радостей. Провидѣніе подаетъ намъ здѣсь руку помощи; а безсмертіе должно быть общимъ удѣломъ нашимъ.

Милыя братья! Съ новымъ годомъ желаю, чтобъ дѣтскія сердца ваши исполнились сильнѣйшею любовію къ Батюшкѣ и Матушкѣ и къ другъ другу. Дай Богъ, чтобъ вы увѣрились, что одна взаимная любовь и дружба могутъ васъ сдѣлать здѣсь счастливыми. Вы и мнѣ возвратите мое спокойствіе, естьли будете только любить другъ друга. Поцѣлуйте за меня милаго братца.

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ Марьѣ Семеновнѣ честь имѣю принести мои усерднѣйшія поздравленія съ новымъ годомъ; также и Милостивой Государынѣ Тетушкѣ Дарьѣ Никифоровнѣ.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами сыновняго почтенія и душевной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Маму цѣлую; съ нѣкотораго времени она мнѣ еще стала дороже, и я еще больше люблю ее.

65.

Гетингенъ. Декабря [*14*][1]).

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

На прошедшей недѣлѣ получилъ я посланный мнѣ вами чай черезъ Г. Шлецера изъ Любека. Приношу вамъ за сіе мою чувствительную благодарность. Вамъ пріятно радовать насъ всѣмъ, что только въ вашихъ силахъ;

1) Число не поставлено, но 14-е возстановляется изъ содержанія письма.

а намъ нельзя не чувствовать къ вамъ душевной благодарности. И Шлецеръ получилъ уже вашъ подарокъ и также поручилъ мнѣ благодарить васъ. Здѣсь Caravannenthé въ рѣдкость.

Въ самый тотъ день ѣздилъ я съ нимъ верхомъ за городъ и провелъ цѣлыя послѣ обѣда пріятнѣйшимъ образомъ, разсуждая о русской Литературѣ, о бывшемъ вашемъ Обществѣ и о членахъ, составлявшихъ его. Онъ получилъ сочиненіе Ивана Владиміровича о внут. церкви. Я все сказалъ ему о почтенномъ Авторѣ, что сердце и внутреннее увѣреніе мнѣ внушали. Желалъ бы имѣть здѣсь предложенія, даванныя почтеннѣйшимъ благодѣтелемъ Сенату и Государю по случаю Казанской, Вятской и прочихъ Коммисій. Шлецеръ, которой очень интересуется судьбою нашихъ раскольниковъ, съ примѣтнымъ удовольствіемъ услышалъ отъ меня благодѣянія, оказанныя имъ Иваномъ Владиміровичемъ по случаю Харьковской Коммиссіи. Я узналъ, къ сожалѣнію, отъ него, что A. Martin въ Парижѣ недавно скончался. Ожидаю позволенія отъ Ивана Володиміровича подарить книжку его о внутр. церк. другому, достойному читать ее. Мнѣ очень больно, что не увижу Автора de l'homme de desir; по крайней мѣрѣ, посѣщу кабинетъ его. Парижская Академія теперь поручила славному своему члену Коху подать ей рапортъ о тѣхъ успѣхахъ, кои Нѣмцы сдѣлали въ Историческомъ фахѣ, особенно же въ русской Исторіи; и онъ, зная хорошо Шлецеровы труды въ семъ родѣ, началъ докладъ свой съ его Нестора. Такъ какъ для Французовъ все это такъ ново, и они совсѣмъ не думали, чтобы въ нашей Исторіи можно было работать съ такою критикою, какова Шлецеровская, то Академія просила члена своего, чтобъ онъ и въ слѣдующее засѣданіе читалъ ей о томъ же предметѣ, и le vieux Analyste Nestor умѣлъ заинтересовать первую Академію въ Европѣ.

Третьяго дня, на день рожденія нашего Императора, ужинали у насъ Профессора, отъѣжжающія въ Россію и довольныя судьбой своей.

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу честь имѣю свидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ

Ал. Тургеневъ.

Простите мнѣ, что я въ письмѣ немного торопился; не хотѣлось пропустить почты.

66.

1804. Генв. 2.
1803. Дек. 20. *Гетингенъ.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Вчера провожали здѣсь старый годъ и праздновали наступленіе новаго. Прошлаго году уходили мы на ночь въ сосѣдственный трактиръ, для того что въ 12 час. ночи въ городѣ бываетъ обыкновенно шумно, и студенты ходятъ по улицамъ, поютъ пѣсни и бьютъ фонари и окна, пока не придетъ университетская команда подъ предводительствомъ Педеля и не разсѣетъ ихъ. На этотъ разъ остались мы нарочно въ городѣ, чтобы видѣть всѣ шалости. Въ новый годъ ходили мы поздравлять Принца и благодарить его за приглашеніе, которое онъ сдѣлалъ почти всѣмъ намъ на завтрешній балъ, которой будетъ еще великолѣпнѣе прежняго, т. е. того, что ему давали студенты. Болѣе трехъ сотъ человѣкъ приглашены туда и почти всѣ Русскія. Естьли уже о прежнемъ писано было въ газетахъ, то объ этомъ и подавно.

Изъ здѣшнихъ Профессоровъ ѣдетъ въ Москву еще Капель, и онъ получилъ также 1000 руб. на путешествіе въ Парижъ. Ему хочется быть и Директоромъ Университетской Клинической палаты. Но я никому такъ не радъ, какъ Грельману, потому что онъ вмѣстѣ съ большею ученостію и съ дарованіями соединяетъ и благородный характеръ. Онъ хочетъ совершенно посвятить себя Россіи, выучиться по русски и написать Жизнь Петра Великаго. Но что всего болѣе служитъ къ похвалѣ его, есть то, что онъ ѣдетъ въ Россію не въ намѣреніи обогатиться тамъ, но точно изъ любви къ своей Наукѣ и желая принести ей и Россіи пользу. Онъ дѣлаетъ здѣсь нѣкоторыя пожертвованія и не требовалъ себѣ за это еще отъ нашего Правительства никакого вознагражденія.

Естьли будетъ случай, Батюшка, то сдѣлайте одолженіе, прикажите сбирать для меня нѣкоторыя книги, касающіяся до Русской Исторіи. Они по большей части печатались въ Петербургѣ.

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ Дарьѣ Никифоровнѣ свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе.

Милыхъ братьевъ цѣлую.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

67.

1803. 28 Дек.
1804. 9 Ген.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Радостное письмо ваше получилъ я въ первой день Рождества Христова и провелъ его вмѣстѣ съ своими Русскими товарищами. Давно уже не бывалъ я такъ веселъ, какъ въ этотъ день. Товарищи мои пробыли у меня до самаго утра другова дня, и мы пили за ваше здоровье, почтеннѣйшія родители, вѣрно, отъ всего сердца. Искренно говорю, Батюшка, что слезы радости лились у меня не отъ того только, что Государь къ вамъ милостивъ, но отъ благородныхъ чувствъ нашихъ Университетскихъ, о чемъ пишетъ ко мнѣ почтенный другъ мой Алексѣй Ѳедоровичь, которой, хотя и Поэтъ, однакожь льстить не умѣетъ. Теперь вы, Батюшка, не Директоръ, но ясно видѣлъ я привязанность къ вамъ и любовь моихъ товарищей. Я съ бо́льшимъ удовольствіемъ, нежели когда-нибудь, принялъ отъ нихъ поздравленія, которыя, вѣрно, шли отъ сердца, и постороннія, кои не знаютъ васъ, заключили, что тотъ долженъ быть доброй человѣкъ, котораго подчиненныя и по отставкѣ его любятъ. Этого, какъ говоритъ Мерзляковъ, и самъ Государь никому дать не въ состояніи.

Что же касается до моего опредѣленія къ Ник[олаю] Ник[олаевичу] Новосильцову, то я уже писалъ къ вамъ, что я этому очень радъ, естьли буду употребленъ по дѣламъ учености. Вы располагайте мною; а я буду стараться приготовиться къ тому, къ чему вамъ угодно будетъ назначить меня.

Какъ я обрадовался, что Николаша учится по Латынѣ и сдѣланъ Студентомъ-Пенсіонеромъ. И актуарство хорошо, но это еще лучше. Черезъ годъ начнетъ, вѣрно, и Сережа.

Для чего не могу я обнять благодѣтельнаго друга моего Алексѣя Ѳедоровича! Онъ не только что доставилъ мнѣ много радости, но еще и успо-

коилъ меня. Онъ не ѣдетъ въ Петербургъ, а остается въ Университетѣ и съ моими братьями. Пусть будетъ онъ имъ старшимъ братомъ ихъ. Дружбу его къ незабвенному брату моему доказываетъ онъ и тогда, когда нѣтъ того, кто былъ ея источникомъ. Я никогда не перестану быть ему благодарнымъ; а онъ, вѣрно, не перестанетъ никогда любить меня изъ любви къ брату. Пусть оставшіяся друзья наши подадутъ мнѣ руки и помогутъ мнѣ въ трудныхъ моихъ обязанностяхъ. Чувство добра и собственное увѣреніе наградитъ ихъ. Письма его и Василья Андреевича и стихи любезнаго Александра Ѳедоровича Воейкова очень ободрили меня, и я бы только желалъ имъ выразить всю сердечную благодарность мою; но для чего нѣтъ у меня столько дарованій, сколько чувствъ!

Я поѣду отсюда черезъ два мѣсяца съ половиною, и думаю ѣхать черезъ Лейбцигъ, Дрезденъ, Прагу — въ Вѣну, и, тамъ побывъ съ мѣсяцъ, отправиться черезъ Италію въ Парижъ. Естьли вамъ угодно будетъ мнѣ сдѣлать прибавку для дороги, то, я думаю, надобно будетъ переслать мнѣ вексель въ Вѣну, хотя на имя Константина Яковл[евича] Булгакова, естьли онъ еще тамъ, или Кн. Григорья Иван[овича] Гагарина.

На сей недѣлѣ далъ Курпринцъ Гетингену прямо Княжеской балъ. Шампанское и Токайское лилось изъ полной чаши. Такъ какъ Русскія вездѣ играютъ одну изъ первыхъ ролей, то и на этомъ балѣ первой бакалъ Шампанскаго былъ выпитъ за здравіе Русскаго Императора Александра I-го. Мы прогремѣли ему: Hoch lebe, и голоса наши смѣшались съ голосами всего общества. Курпринцъ самъ вмѣсто бакала изъ всей бутылки пилъ за его здравіе и пожималъ намъ руки, благодарилъ за усердіе, которое мы показываемъ къ нашему Государю. Потомъ раздалось и за здравіе великой княжны Екатерины Павловны. Можно было читать въ глазахъ у Курпринца удовольствіе и искреннее усердіе, съ какимъ онъ произносилъ великое, а *ему любезное* имя Екатерины. Къ каждому изъ насъ подходилъ онъ разъ по пяти и повторялъ свою благодарность. О успѣхахъ его въ русскомъ языкѣ можете судить по тому, что онъ могъ слово за слово складывать по русски мою фамилію.

Шлецеръ приноситъ вамъ усерднѣйшее поздравленіе и искренно радуется. Я ему сказывалъ, что Русской Исторіографъ и Тайный Совѣтникъ ѣдутъ къ нему совѣтываться о Рус. Ист.. Пора, пора узнать цѣну его. Желалъ бы я для пользы нашей Исторіи, чтобы прекрасное сіе предпріятіе въ самомъ дѣлѣ исполнилось.

Я казалъ здѣшнимъ Профессорамъ Элоквенціи письмо нашего Архипастыря; они удивляются Цицероновскому слогу и поздравляютъ меня.

На слѣдующей почтѣ надѣюсь исполнить приказанія Матушки, касающіяся до Англійскаго языка.

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу приношу мои усерднѣйшія поздравленія съ монаршею милостію, оказанною Батюшкѣ.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Письмо А. С. Кайсарова (21).

Милостивой Государь
Иванъ Петровичь,

Долго сомнѣвался я, поздравлять ли мнѣ васъ съ полученіемъ Государевой милости; наконецъ, почтеніе и любовь къ вашему превосходительству превозмогли,—и я усерднѣйше васъ поздравляю. При этомъ случаѣ имѣю, кажется, право утвердиться въ двухъ истиннахъ, совсѣмъ другъ другу противныхъ; первая: добродѣтель и въ этой жизни награждается; въ этомъ увѣряетъ меня царская къ вамъ милость. Другая, печальная истинна, которая не въ одной Руси, но и во всемъ свѣтѣ извѣстна, а въ нашемъ почтенномъ отечествѣ даже и въ пословицу вошла: не родись ни уменъ, ни пригожъ — родись щастливъ. Я эту истинну давно зналъ, а теперь, кажется, еще больше имѣю случая въ ней увѣриться, видя, что и Павелъ Ивановичь удостоенъ благоволѣнія. Во сто разъ болѣе, кажется, обрадовался бы я вашему ордену, ежели бы судьба не сыграла такой шутки. Но оставимъ итти свѣтъ такъ, какъ онъ до сихъ поръ шелъ; жалобами здѣсь ничего не перемѣнишь, — и я еще разъ повторяю мое поздравленіе вашему превосходительству; чего далѣе желаю, о томъ, кажется, не имѣю нужды говорить вамъ.

Отеческое письмо ваше имѣлъ я щастіе нѣсколько разъ перечитать. Ахъ, для чего не могу я быть подлѣ васъ, не могу пользоваться всякую минуту вашими благодѣтельными наставленіями? Я увѣренъ, что, смотря только на васъ и почтеннѣйшаго Ивана Владиміровича, я бы могъ сдѣлаться добрымъ; вашъ примѣръ былъ бы для меня полезнѣе, нежели всѣ эти груды философскихъ трактатовъ. Говорить о добродѣтели немудрено, это видимъ мы, это слышимъ мы всякой день то съ профессорской катедры, то съ амвона церковнаго. Это такая матерія, надъ которою краснорѣчіе больше всего имѣетъ случай разпространиться; такая матерія, которая не одному автору доставила вѣнокъ. Но говорить и дѣлать есть два разныя глагола, не по одному окончанію, но по дѣйствію ихъ. Говорятъ о добродѣтели и въ *одахъ къ друзьямъ своимъ*, утверждаютъ сказанное цитатами изъ Св. писанія, — какъ скоро дойдетъ до дѣла, тогда не я одинъ, а многіе берутъ отставку. Однимъ словомъ, говоритъ и Павелъ Ива-

новичь, а дѣлаютъ Иванъ Петровичь и Иванъ Владиміровичь. Что это не подлая лесть, о томъ я вамъ и говорить не буду.

Что вы изволили говорить въ письмѣ своемъ о душѣ, то я чувствую. Такъ, она выдыхается подобно спирту, и это страшно. О, я не боюсь физической смерти, и тогда почту ея даже благодѣяніемъ, когда почувствую, что моральная моя смерть близко. Въ наши лѣта не надобно разсуждать о добродѣтели, но учиться ей, а этого-то мы и лишены, будучи далеко отъ васъ. Когда-то я еще буду такъ щастливъ, что обниму вашу отеческую руку, а между тѣмъ я осмѣлюсь дѣтски просить, чтобъ она и впередъ снабжала насъ своими наставленіями.

Съ чувствами вѣчнаго высокопочитанія честь имѣю быть

ваше Превосходительство
Милостивый Государь
вашъ
всепокорнѣйшій слуга
Андрей Кайсаровъ.

68.

Dear Mother!

You desire to be made aquainted with my small progress in a language, which the attention of parental care has been superiourly directed on, and which long ago claims your esteem. In compliance to your wish I have addicted myself to the study of it, and have employed a share of that inestimable time, alloted to me here. I therefore resolved not to leave Göttingen, without giving you a proof, that I look upon your orders as sacred; and that my efforts have not proved successless. — O if your happiness here below depended of us; if you only found in us a source of joy; did it depend but of us to chuse your lot out of the urn of human destinies who would have reason to prefer his own to your fate? But Providence, that husbands all events, Providence ever gracious to us would not confine all your hopes to this world; but in recompense prepares for us eternal joys, eternal felicity there, where we shall all meet again. There is our home, here we are merely strangers. Earth is not formed for an inmortal spirit; we are not fettered to it and our spirit after having been freed from this mortal coil, will, as Providence has decreed, repair to younder source. Our hour will also approach; this world will vanish, and we shall meet again in Heaven!

I am with the most filial respect Dear Mother Your dutyfull son

Al. Turgenev.

the $\frac{16}{4}$-th of Jan.
1804.

Дражайшая Родительница![1])

Вы желаете знать о моихъ успѣхахъ въ языкѣ, на которой было отлично устремлено ваше вниманіе. Я исполнилъ вашу волю и посвятилъ ученію по Англійски нѣкоторую часть своего времени, которое здѣсь такъ драгоцѣнно. Не хочу оставить Геттингена, не доказавъ вамъ, что приказанія ваши для меня святы и что мои усилія ихъ исполнить не безуспѣшны.

О, естьли бы Ваше щастіе въ здѣшнемъ мірѣ зависѣло отъ насъ; естьли бы хотя въ насъ вы находили всегда источникъ радостей; естьли бы мы могли выбрать вашъ жребій въ чашѣ судьбы, то кто бы вздумалъ предпочесть вашей свою участь? Но Провиденіе, всѣмъ управляющее, Провиденіе, всегда милосердое, не ограничило нашихъ надеждъ симъ міромъ: въ награду страдальцамъ оно приготовило для нихъ вѣчныя радости, вѣчное щастіе тамъ, гдѣ мы всѣ, всѣ опять встрѣтимся. Тамъ домъ нашъ, здѣсь мы гости, странники. Земля создана не для безсмертнаго духа; мы созданы не для земли. Сбросивъ съ себя тяжкое бремя праха, мы устремимся къ своему началу: такъ повелѣло Провиденіе. Рѣшительный часъ нѣкогда настанетъ; міръ сей изчезнетъ передъ нами, и мы опять встрѣтимся въ общемъ жилищѣ, намъ приготовленномъ.

Честь имѣю быть съ совершенною преданностію,

Дражайшая Родительница,
вашимъ покорнымъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

$\frac{16\text{-го}}{4}$ Генваря 1804.

Письмо А. С. Кайсарова (22).

Геттингенъ 1804 года $\frac{8}{20}$ *Генваря.*

Вы, думаю, уже знаете изъ Гамбургскихъ газетъ, что здѣшніе студенты давали балъ Кур-Принцу Баварскому, которой здѣсь учится. На этихъ дняхъ Принцъ отплатилъ также баломъ. Это было торжество его любезности. Здѣсь видѣли мы наслѣдника одного изъ знатнѣйшихъ княжествъ Германіи, княжества, которое многолюднѣе иныхъ королевствъ, напр. Норвегіи и Этруріи; здѣсь видѣли мы его съ непритворною, милою его простотою, окруженнаго толпою старыхъ и молодыхъ, исполненныхъ къ нему не однимъ притворнымъ почтеніемъ, которое Государи древнихъ и новыхъ временъ привыкли видѣть въ большой части ихъ окружающихъ,— но горящихъ къ нему сердечною любовію.

1) Переводъ написанъ на томъ же листѣ Александромъ Ивановичемъ.

Мы видѣли, какъ онъ старался, чтобъ всѣ были веселы; видѣли, какъ онъ находилъ довольно словъ, чтобъ со всякимъ говорить о чемъ-нибудь. Со всѣмъ тѣмъ нѣсколько времени продолжался нѣмецкой этикетъ. Наконецъ, начали танцовать, и въ залѣ сдѣлалось гораздо живѣе. Вы знаете, что я не охотникъ до танцовъ, и такъ поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

Вы помните, что я еще въ Москвѣ былъ великой физіогномистъ; одно изъ главнѣйшихъ моихъ удовольствій и тогда еще было то, когда я могъ видѣть много разныхъ лицъ вмѣстѣ, могъ разсматривать, сравнивать ихъ. Во время моего путешествія, переѣзжая изъ одного города въ другой, изъ одного владѣнія въ другое, имѣлъ я это удовольствіе на всякомъ шагу. Какъ жалѣлъ и теперь еще жалѣю, что въ ребячествѣ моемъ былъ лѣнивъ и не выучился рисовать! Тогда бы, возвратившись на свою родину, представилъ я вамъ галлерею рисунковъ, которые бы, право, ничѣмъ не уступили Гогартовымъ. Тогда бы, подобно какъ Линней, которой раздѣлилъ животныхъ по зубамъ, отважился бы и я привести родъ человѣческой въ порядки и раздѣленія, напримѣръ — по глазамъ. О! тогда бы, маленькіе, вдавшіеся въ лобъ глазки, объявилъ я вамъ войну, тогда бы бросилъ я перчатку предъ цѣлымъ свѣтомъ и вызвалъ бы на поединокъ всякаго, кто осмѣлился защищать васъ. Сколько разъ слыхалъ я: *но онъ часто говоритъ о добродѣтели, часто даже пишетъ о ней.* — Не вѣрьте, пожалуйте, не вѣрьте, былъ всегдашній мой отвѣтъ, — у него маленькіе глазки.— *Онъ объявилъ себя защитникомъ правды; вчера только напечатаны его стихи противъ старинnаго его знакомца, которой началъ въ сочиненіяхъ своихъ сѣять вредныя правила.* — Не вѣрьте, не вѣрьте! у него маленькіе глазки; развѣ вы не видите, что старинной его знакомецъ пишетъ лучше его? Это завистливая сатира и. т. д.

Физіономическія мои знанія такъ усовершенствовались, что, естьли вы снимете войлочную шляпу съ кожаною кокардою и деревянной булавкой съ гвардейскаго солдата его Сіятельства Графа Пирмонтскаго и надѣнете на него блестящую рускую каску, — я тотчасъ скажу вамъ, что это не Руской, а Пирмонтецъ. Этого недовольно: я могу съ перваго взгляда сказать вамъ о дѣвушкѣ..... но это послѣ, тогда какъ, возвратившись въ мирное Иваньково, будемъ сидѣть у камина, котораго теперь хотя еще тамъ нѣтъ, но вѣдь это не мѣшаетъ ему когда-нибудь тамъ очутиться. Вы знаете, какъ люблю я дѣлать планы, или, говоря языкомъ моднаго свѣта, строить воздушныя замки; знаете также, какъ большая часть изъ нихъ кончились, — будьте увѣрены, что и прочіе всѣ не лучшій будутъ имѣть успѣхъ. Но это такая матерія, для которой одного листа мало, — и такъ до будущаго камина. Теперь дайте мнѣ познакомить васъ съ нѣкоторыми слѣдствіями моихъ физіономическихъ наблюденій. Иногда попадается такое лицо, на которое посмотрѣвъ одинъ только разъ, не соглашусь я провести и одной ночи въ темной комнатѣ. Иныя бываютъ немного мягче, тутъ и алыя щечки и пріятная улыбка, но сверхъ того есть еще что-то такое, что мнѣ всегда говоритъ при встрѣчѣ такихъ лицъ: берегись его! Вы не думайте, чтобъ я дѣлалъ мои наблюденія только надъ дурными лицами; правда, что ихъ много во всякомъ углу этого подлуннаго міра; но встрѣчаются иногда и добрыя. Эти лица совсѣмъ отличны отъ прежнихъ обѣихъ родовъ: тутъ — ни лишней красоты, ни выученной игры мускуловъ, глаза смотрятъ всегда прямо; улыбка — о это зеркало доброй души! На такое лицо нельзя взглянуть безъ того, чтобъ не почувствовать въ себѣ какого-то внутренняго

голоса, которой говоритъ за него, нельзя взглянуть безъ того, чтобъ не полюбить его. И такое-то лицо имѣетъ нашъ Принцъ. Я увѣренъ, что вы бы его узнали между сотнями. Щастливъ другъ, котораго другомъ онъ будетъ; щастлива будущая супруга, которая раздѣлитъ съ нимъ любовь его подданныхъ; щастливъ Максимиліанъ, его великій отецъ, имѣя достойнаго наслѣдника; блаженны будуще его подданные, — и блаженна *была бы* Германская Имперія, ежели бы въ теперешнемъ ея положеніи, осмѣлюсь сказать, горестномъ положеніи, имѣла она болѣе такихъ государей. Что до меня касается, Принцъ доставилъ мнѣ собою случай утвердиться еще больше въ моихъ физіономическихъ опытахъ.

Но Боже мой! вотъ ужъ цѣлой трактатъ о физіономіи! Я такъ долго говорилъ съ вами, что между тѣмъ на балѣ нашемъ сѣли за столъ,—и вотъ ужъ пьютъ за здоровье Карла, наслѣднаго Принца Баварскаго! Погодите, вотъ еще новое явленіе: Принцъ всталъ со стула и съ покаломъ въ рукѣ провозгласилъ: Да здравствуетъ АЛЕКСАНДРЪ первой, Императоръ Рускій! Залъ наполнился великимъ, обожаемымъ именемъ Александра; всеобщій громкій отвѣтъ былъ — долго! — и что же чувствовало тогда руское сердце? О! оно готово было выпрыгнуть отъ радости, слыша, что имя Государя Рускаго гремитъ не на однихъ поляхъ Марсовыхъ, но и въ жилищѣ Музъ; что имя Государя Рускаго не только страшно, но и любезно свѣту.

Принцъ вышелъ въ другія комнаты, гдѣ также ужинали, и опять пилъ за здоровье Александра.

Послѣ того пили за здоровье его отца и опять за Александра. Во все это время руское наше общество стояло подлѣ Принца. Послѣ стола подошелъ онъ къ намъ и опять сказалъ: да здравствуетъ Александръ! Какого еще торжества оставалось желать Рускому?

Такъ, да здравствуетъ Александръ долго! Да здравствуетъ Карлъ, которой умѣетъ дивиться великимъ примѣрамъ! Да здравствуютъ Александръ и Карлъ долго для щастія своихъ подданныхъ!

P. S. Я забылъ вамъ сказать, что Принцъ нашъ учится по Руски и довольно уже успѣлъ.

69.

Гетингенъ. 1804. Генв. $\frac{10}{22}$.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

На прошедшей недѣлѣ къ сердечному моему удовольствію получилъ письмо ваше отъ 14 Дек. (№ 21) и спѣшу сказать вамъ, что меня очень радуетъ надежда служить когда-нибудь у одного изъ просвѣщеннѣйшихъ нашихъ Министровъ. Я исполненъ къ нему чувствами бладарности за то хорошее мнѣніе, которое онъ о мнѣ имѣетъ, такъ какъ и къ тѣмъ, кои старались его вселить ему. Я, конечно, почитаю себя обязаннымъ готовиться заслужить его. Естьли ему угодно дать мнѣ отъ себя пасспортъ для

чужихъ краевъ, то я бы осмѣлился представить вамъ только, что въ шесть мѣсяцовъ едва ли успѣю я объѣздить съ ожидаемою пользою тѣ города Европы, кои вы мнѣ назначили. Черезъ 7 недѣль отправлюсь я отсюда черезъ Лейбцигъ, Дрезденъ, Прагу въ Вѣну, гдѣ мнѣ хотѣлось бы пробыть недѣли съ три или четыре для обозрѣнія, по крайней мѣрѣ, тѣхъ славныхъ заведеній, коими Вѣна гордится. Также и въ Лейбцигѣ и Дрезденѣ менѣе двухъ недѣль провести нельзя. Самая дорога до Вѣны, гдѣ столько примѣчательныхъ мѣстъ будетъ попадаться, займетъ съ мѣсяцъ времени. Тамъ остается еще Италія, и на нее невозможно употребить менѣе полтора или двухъ мѣсяцовъ, и, наконецъ, Парижъ, гдѣ я еще самъ не знаю, сколько мнѣ нужно будетъ пробыть, и буду соображаться по тому, могу ли я имѣть случай заняться тѣми Науками, какими бы мнѣ хотѣлось.

Мнѣ хочется путешествовать не столько для того, чтобы послѣ имѣть право сказать: et moi aussi j'ai fait le tour de l'Europe, сколько для того, чтобы соотвѣтствовать тому намѣренію, которое вы и въ послѣднемъ вашемъ письмѣ ко мнѣ изобразили. Вѣрно, и мое собственное желаніе есть то, чтобы быть скорѣе какъ можно въ вашихъ объятіяхъ, и трудно представить себѣ, какъ грустно иногда быть въ разлукѣ. Я говорю чистосердечно, что одно только усердіе послѣ тѣмъ болѣе васъ утѣшить подкрѣпляетъ меня и удерживаетъ. Я думаю, что вѣрнѣе было бы, естьлибъ Николай Николаевичъ далъ мнѣ такой же пасспортъ, какой я получилъ изъ Иностранной Коллегіи, то есть, не опредѣляя сроку. Вамъ извѣстно, что вамъ надобно только намекнуть мнѣ ваше желаніе, и я всегда готовъ ему повиноваться.

На слѣдующей почтѣ исполню приказанія Матушки и напишу, какъ умѣю, на Англинскомъ письмо къ Натальѣ Володиміровнѣ Апраксиной. Только я пришлю его къ вамъ для пересылки не запечатанное, для того что я не знаю адрессу.

И такъ, и Сережа въ Государевой Службѣ. Лейбгвардія Николая Николаевича, видно, опять начинаетъ умножаться, и у него опять въ командѣ двое Тургеневыхъ. Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать ему мое истинное высокопочитаніе, такъ какъ и Алексѣю Ѳедоровичу Малиновскому.

Я горжусь мыслію, что Судьба сдѣлала меня небезъизвѣстнымъ Графу Ѳедору Андреевичу. Имя сіе будетъ жить въ нашей Исторіи до тѣхъ поръ, пока не изгладятся въ ней имена тѣхъ великихъ Монарховъ, на служеніе коимъ посвящала себя Фамилія Остермановъ. По возвращеніи моемъ надѣюсь я самъ засвидѣтельствовать то глубочайшее высокопочитаніе, коимъ я исполненъ къ Его Сіятельству.

Естьли будетъ у васъ, Батюшка, кто-нибудь изъ членовъ Университетскаго Правленія, то скажите имъ, чтобъ они приняли книги, которыя пошлетъ отсюда Пр. Грельманъ на имя Правленія. Онъ у меня спрашивалъ, можетъ ли онъ это сдѣлать, и я то же присовѣтовалъ ему, потому что у него въ Москвѣ нѣтъ никого изъ короткихъ знакомыхъ; да и всего вѣрнѣе можетъ дойти ящикъ, когда онъ адрессованъ на казенное мѣсто. Съ вами ли, наконецъ, почтеннѣйшій благодѣтель Иванъ Володиміровичь, и какъ кончилась коммиссія? Вѣдь теперь уже не поѣдетъ, вѣрно, Иванъ Володиміровичь опять въ Кримъ и останется въ Москвѣ попрежнему. Милостивому Государю и почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе.

Здравствуйте, милыя братья! Поздравляю васъ обоихъ съ чинами. Кланяйтесь вашимъ Архивскимъ и напомните имъ обо мнѣ. Да не забудьте увѣдомить меня о Пансіонѣ: остался ли онъ по прежнему, и что было на Актѣ?

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами сыновняго почтенія и преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

PS. Милостиваго Государя Николая Михайловича имѣю честь поздравить съ 15-ю щастливыми днями.

70.

Гетингенъ. $\frac{30}{18}$ Генваря.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

При семъ прилагаю письмо къ Натальѣ Володиміровнѣ. Я не могъ учтивѣе написать его. На Англинскомъ нѣтъ для дамы ни Excellence, ни Hochwohlgebohre — и никакихъ подобныхъ выраженій. Madame, Jour Lordspip — вотъ все, что можно сказать дамѣ. Катерина Володиміровна воспитывалась въ Лондонѣ; ей не покажется это страннымъ.

На этой недѣлѣ ходили мы поздравлять Шлецера съ полученіемъ ордена вмѣстѣ съ рескриптомъ отъ Государя, гдѣ сказано, что онъ

пріобрелъ себѣ этотъ знакъ Монаршаго благоволенія, и именно за труды въ древней Русской Исторіи, и что Государь увѣренъ, что сіе послужитъ и къ вящшему ободренію въ трудахъ его для Россіи. Шлецеръ въ тотъ же день написалъ къ намъ слѣдующее письмо:

An die sämtlichen Herren Russen, die mich so eben mit einer Gratulation zu der mir von Ihrem Grossen Kaiser erteilten Würde beehrten und erfreuten.

Ich eile Ihnen, meine hochgeehrte Herren und theure Freunde, für diesen neuen Beweis Ihrer gütigen Gesinnungen gegen mich — von denen Ich schon so viele Beweise habe, meinen herzlichen und hochachtungsvollen Dank abzustatten.

Dass Sie selbst einen grossen Anteil an dieser mir erwiesenen Ehre haben, weiss ich sehr gut: Ich selbst rühmte mich gegen einige von Ihren Grossen des Zutrauens, mit dem Sie mich beehrten, der innigen Freundschaft, in der wir zusammen standen, und Einige von Ihnen haben eben das in Ihr Vaterland rapportirt. Gewiss hat das Alexander I erfahren! Der Himmel gebe — und er wird es geben, dass nicht Ich, so wie Ich der Erste bin, auch auf lange Zeit hinaus der Einzige bleibe, der namentlich wegen des *kritischen* Studii der Russischen *alten* Geschichte diese Auszeichnung bekommen hat. Diese Stelle in des Kaisers Urkunde hat mich unaussprechlich gerührt; sie ist der Triumph des Studii, das wir bisher gemeinschaftlich getrieben haben; sie macht der ganzen ernsten Litteratur Ehre!

Erhalten Sie mir allesamt Ihre bisherige Freundschaft und Gewogenheit, auf die ich stolz bin; und geben Sie mir Gelegenheit Ihnen etwa durch meine Correspondence nach Petersbourg und Moskwa, oder auf jede andre Art, angeneme Dienste zu leisten.

Sie aber, mein edler Freund Hr. Turgenew, haben die Güte diese meine Dankschrift an Sie und die sämtlichen obbenannten Herren auch gelegentlich bey jedem der letzteren in Umlauf zu bringen.

August Ludwig von Schlözer
Hofrath u. Professor
des Kaiserl. Russichen Wladimir
Ordens Ritter.

Намъ было бы пріятно, естьлибъ и мы были причиною сей Монаршей къ нему милости. Здѣсь давно уже не было ни одного Кавалера изъ Профессоровъ, и прежде были всего только двое: Михаэлисъ и Муррай, кои получили отъ Короля Шведскаго, но ни одного Русскаго Кавалера. Теперь сталъ уже онъ von Schlözer; это мы знаемъ; но нѣкоторыя думаютъ, что и сыновья его также имѣютъ право писать von, слѣдовательно, также облагородствованы; но я, какъ ученикъ Г-на Горюшкина, хотя не весьма прилѣжной, утверждаю противное и думаю, что, въ слѣдствіе дворянской грамоты, дѣти, кои были у него *прежде сего*, не пользуются симъ правомъ; кто изъ насъ правъ? и удержитъ ли потомство его частичку *von?*

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ честь имѣю свидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе. Любезнѣйшей сестрицѣ приношу мою усерднѣйшую благодарность за приписаніе.

Здравствуйте, любезныя друзья и братья. Кланяйтесь Алексѣю Ѳедоровичу Мерзлякову.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ вѣчными чувствами сыновняго почтенія и преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ покорнѣйшимъ слугою и сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Письмо Александра Ивановича К. В. Апраксиной.

Madam.

Animated by the sentiments of the most lively gratitude for the concern, which Your Ladyship has been pleased to take in the fortune of a young man almost unknown to you, I venture to testify withe the greatest veneration though not proportionale to my feelings, my sincerest aknowledgement.

Suffer me, Madam, to add the same expression of thanks for the many benefits. You have condecended to honour my late brother with.

Persuaded of the benevolent tendency of your mind, I am not afrayd to confess with the same candour, that I am the more sensible of Your kindness the more it contributes to the satisfaction of my parents.

It is incumbent on me to exent my utmost endeavours in deserving some now the good opinion your Ladyship is pleased to harbour of me, and in time to deserve the protection bestowd on me for no other title than that of having the honour to be personally known to you.

In recomanding myself to your Ladyship further protection suffer me to flatter myself withe agreable hopes, that I may not be deprived of that benevolence, which I have till now had the honour to enjoy.

I have the honour to be with the most distingushed respect Your Ladyship's most obedient and most humble servant

Alexander Turgeneff.

Goettingen
Jan. the $\frac{30}{18}$-th 1804.
A M-me Apraxine.

Милостивая Государыня.[1])

Съ совершенною признательностію за то участіе, которое ваше Превосходительство приняли въ судьбѣ молодаго человѣка, совершенно вамъ неизвѣстнаго, спѣшу излить передъ вами свои чувства, сильныя, но худо выраженныя.

Позвольте еще присоединить къ нимъ сердечную благодарность за милости, которыхъ вы удостоили моего покойнаго брата. Будучи увѣренъ въ снисходительности вашей, не боюсь сказать прямо, что лестная ваша ко мнѣ благосклонность тѣмъ сильнѣе будетъ меня радовать, чѣмъ больше удовольствія принесетъ она моимъ родителямъ.

Почитаю своею обязанностію теперь заслуживать лестное мнѣніе обо мнѣ Вашего Превосходительства; а современемъ употреблю всѣ силы, чтобы удостоиться покровительства, которое получилъ безъ всякаго другаго права, кромѣ чести личнаго съ вами знакомства.

Смѣю льститься надеждою, что время не лишитъ меня вашего милостиваго расположенія, и съ сердечною преданностію и высокопочитаніемъ честь имѣю быть

Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Тургеневъ.

Геттингенъ.
Генв. $\frac{30}{18}$ *1804.*

К. В. Апраксиной.

Письмо А. С. Кайсарова (23).

Милостивый Государь, Иванъ Петровичь,

Что Карамзинъ женился — это не диво. Онъ, кажется, и въ первой разъ женился и далъ жизнь одному созданьицу, чтобъ только имѣть случай написать своего Леона. Но мы простимъ слабости и позавидуемъ людямъ, которые могутъ такъ скоро збрасывать съ себя всѣ горести въ рѣку забвенія. Дай имъ Богъ щастья! И то, что Кутузовъ издаетъ журналъ — и то не диковина. Говорятъ, что нѣтъ никакой болѣзни несноснѣе, какъ желчь, и потому лѣкаря стараются какъ можно скорѣе выгонять ее. Удивительно ли, естьли Кутузовъ, упражнявшись съ Андреемъ Харитоновичемъ такъ долго въ Химіи, не нашелъ другаго способа для излеченія своей болѣзни, какъ начать издавать журналъ. О, дай Богъ, чтобъ онъ, наконецъ, хоть этимъ средствомъ освободился отъ своей мучительной болѣзни.

1) Переводъ, приложенный къ оригиналу.

Я при семъ осмѣлился приложить къ вашему превосходительству маленькое письмо, которое одинъ изъ моихъ полуземляковъ заставилъ меня написать. Естьли оно заслужитъ вашего вниманія, сдѣлайте одолженіе, прикажите его напечатать въ какомъ-нибудь изъ десяти журналовъ, но только, чтобъ это не былъ журналъ Кутузова и чтобъ при томъ не стояло моѐ имя.

Я началъ поздно писать къ вашему Превосходительству, и потому долженъ ранѣе кончить письмо мое.

Препоручая себя въ вашу милость, честь имѣю быть

ваше Превосходительство
Милостивой Государь
вашъ
всепокорнѣйшій слуга
Андрей Кайсаровъ.

Милостивой Государыни Катерины Семеновны цѣлую ручки.

71.

Генв. $\frac{25}{6}$ *Февр. 1804. Гетингенъ.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

На прошедшей недѣлѣ имѣлъ я удовольствіе получить письмо ваше отъ 28 дек. (№ 22) вмѣстѣ съ векселями Анд[рея] Серг[ѣевича] въ письмѣ Антона Антоновича.

По приказанію вашему и зная à peu près ходъ дѣлъ въ Россіи, я, конечно, долженъ готовиться ко всякому роду службы; но вѣдь вамъ извѣстно, что здѣсь нельзя получить навыку или способности работать современемъ по дѣламъ Канцеляріи. Мнѣ хотѣлось приготовиться къ одной какой-нибудь части болѣе, нежели къ другой, иначе я бы ни въ чемъ не успѣлъ порядочно, а за поверхностными знаніями не за чѣмъ было ѣздить въ Гетингенъ; этого добра и у насъ довольно. Можно ли Русскому, наконецъ, надѣяться, что онъ можетъ служить своему отечеству въ томъ, къ чему онъ чувствуетъ себя болѣе склоннымъ и къ чему онъ по возможности старался приготовиться? Мнѣ кажется, что теперь въ Россіи всякой имѣетъ право выбирать такой родъ службы, къ какому онъ себя находитъ способнымъ, и въ царствованіе Александра I-го нельзя бояться, чтобы изъ Генераловъ-Инфантеріи пожаловали кого-нибудь въ Генералъ-Прокуроры. Впрочемъ, я смотрю на предметы издали, и могу легко ошибаться. Можетъ быть, все это одинъ оптической обманъ, и въ Россіи живутъ все въ той же атмо-

сферѣ. Только мнѣ кажется это теперь невозможнымъ, иначе зачѣмъ же, когда хотѣли наградить Карамзина, не произвели его по прежнему въ чинъ, а поручили талантамъ его сообразную должность русскаго Исторіографа?

Я по сю пору не дѣлалъ никакихъ плановъ, но старался, сколько могъ, въ точности слѣдовать вашимъ совѣтамъ и приказаніямъ, не изъ одной только сыновней приверженности, но и опираясь на вашу опытность и видя, что все, что вы мнѣ ни приказывали, все, что вы и почтеннѣйшія благодѣтели ни располагали со мною, все послужило къ моей истинной пользѣ.

Я говорю съ вами, дражайшія родители, съ обыкновеннымъ чистосердечіемъ, и вы примите мои мысли съ тою же родительскою нѣжностію, которая ободряетъ меня быть съ вами во всемъ такъ откровенну. О путешествіи моемъ я уже въ предидущемъ письмѣ увѣдомлялъ васъ.

Поздравляю васъ, милыя мои братья, съ наградами Пансіонскими, и вмѣстѣ благодарю васъ за то, что вы Батюшку и Матушку утѣшаете. Поклонитесь отъ меня любезному Ивану Александровичу Петину и скажите ему, что мнѣ очень пріятно быть его сосѣдомъ. Не вздумаетъ ли онъ когда-нибудь черезъ васъ написать ко мнѣ грамотку и вмѣстѣ приложить какой-нибудь новый опытъ пера его.

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу честь имѣю донести, что и я здѣсь припѣваю:

Что хотите, то плетите про меня;
Передъ вами защищать стыдно себя.

Право, Петруша написалъ правду, и врядъ ли въ одѣ можно написать лучшій панегирикъ Александру.

Милостивому Государю Григорью Прохоровичу также и Максиму Ивановичу свидѣтельствую мое усердное почтеніе.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

72.

Гетингенъ. $\frac{1}{13}$ Февраля 1804.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Еще имѣлъ радость получить письмо ваше отъ 4-го Генв. И такъ, я уже воображаю васъ теперь въ новомъ нашемъ домѣ. Жаль только, что не могу себѣ представить его расположеніе. Мнѣ, право, и издали какъ-то грустно, что домъ Университетской вами оставленъ уже; я такъ привыкъ къ нему, такъ привыкъ воображать себѣ, гдѣ вы обыкновенно и въ какой комнатѣ сидите; все это мнѣ такъ знакомо и мнѣ легко было переселяться мысленно къ вамъ. Но теперь все не то уже; все перемѣнилось, и я пріѣду уже не въ то гнѣздушко, изъ котораго вылетѣлъ; не встрѣчу уже васъ на томъ крыльцѣ, съ котораго вы провожали меня; все, все перемѣнилось; пріѣхавъ назадъ, я и прошедшаго не буду уже въ состояніи такъ представить себѣ, какъ бы мнѣ хотѣлось и какъ оно въ самомъ дѣлѣ было. Будетъ ли въ новомъ нашемъ домѣ укромной уголокъ для меня, въ которой я, пріѣхавши, могъ бы поставить страннической посохъ свой и послѣ двухлѣтней разлуки — скакать опять тотчасъ въ Петербургъ, не успѣвъ и отогрѣться, очувствоваться въ вашихъ объятіяхъ? Нѣтъ, дражайшія родители, вы меня такъ легко отъ себя не оторвете; сердцу моему еще надобно подлѣ васъ оттаить; я поживу еще съ братьями. Нѣтъ, слишкомъ много я потерялъ въ эти два года, чтобы не чувствовать цѣну свиданія; мнѣ нужно еще пожить съ вами и съ почтеннѣйшими благодѣтелями, чтобы напитаться вашимъ духомъ и вооружиться снова противъ всего мірскаго; вы знаете, что часъ, проведенный съ вами, дѣлаетъ меня добрѣе, или, по крайней мѣрѣ, располагаетъ меня ко всему доброму. Мнѣ надобно запастись новыми силами; вѣдь вамъ извѣстно, что самое крѣпкое вино можетъ выдохнуться, какъ бы оно, впрочемъ, закупорено ни было. На мнѣ же лежатъ еще священнѣйшія обязанности, нежели долгъ службы; вѣдь мы прежде дѣлаемся членами семейства, нежели общества; вѣдь я прежде былъ сыномъ и братомъ, нежели переводчикомъ Иностранной Коллегіи. Дражайшія родители! Для меня всегда одна пріятная минута, вами проведенная, малѣйшая радость ваша была дороже, нежели все остальное щастіе жизни моей. Я думаю, вы примѣтили, что я никогда не любилъ умствовать, еще менѣе быть сентиментальну, а, право, всегда пишу отъ полноты сердца. Впрочемъ, я во всемъ покоряюсь волѣ вашей.

Какое бы ни было назначеніе, ожидающее меня въ моемъ отечествѣ, въ томъ кругу людей, въ которомъ я жить и съ которыми я дѣйствовать буду, вездѣ и во всякомъ состояніи готовъ я служить ему, не гоняясь ни за почестями ни за славой и увѣренъ будучи, что всякой заслугѣ, всякому доброму дѣлу опредѣлена награда и даже открыто поле къ безсмертію; я разумѣю здѣсь прямое безсмертіе, въ истинномъ его смыслѣ, въ которомъ живутъ дѣла, хотя бы имена ихъ виновниковъ и забыты были. Перестанемъ быть эгоистами, будемъ добры, будемъ благодѣтелями семействъ нашихъ, нашихъ согражданъ — человѣчества, не заботясь о томъ, узнаетъ ли о насъ потомство! лишь бы только дѣла наши — одни добрыя — были живы и не умирали вмѣстѣ съ нами, съ нашею славою. Петръ Володиміровичь, коего имя едва и сосѣдямъ его извѣстно, будетъ вѣчно жить въ дѣлахъ брата и друга своего; ибо кто послѣ ихъ болѣе въ нихъ учавствовалъ? Этого не знаютъ и не будутъ знать здѣсь; но тамъ, гдѣ тайное будетъ явнымъ, тамъ имя его вмѣстѣ съ вашими именами врѣжится въ сердца вами облагодѣтельствованныхъ.

Милыхъ братьевъ отъ всего сердца цѣлую и еще разъ поздравляю и Сережу Актуаріусомъ. Что ко мнѣ ни строчки Борисъ не напишетъ?

Милостивому Государю моему Максиму Ивановичу свидѣтельствую мое усерднѣйшее почтеніе, такъ какъ и Николаю Лукьяновичу. Я бы желалъ знать, чѣмъ остался Максимъ Ивановичь при Университетѣ. Между оставленными Канцелярскими его имени нѣтъ.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами глубочайшаго почтенія и сердечной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Здѣсь было уже такъ тепло, что уже на поляхъ трава показалась и деревья начинали распускаться; а теперь опять пошли морозы.

73.

Геттингенъ. $\frac{8}{20}$ Февраля.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Утѣшительное письмо ваше отъ 10-го Генв. (№ 2) на прошедшей недѣлѣ я получилъ. Естьли когда я былъ расположенъ благодарить Бога за

свое существованіе и за васъ, такъ это читая его, видя въ немъ вашу нѣжность и вмѣстѣ твердую надежду на Провидѣніе, которая и меня всегда ободряла. Ничто больше не содѣйствуетъ къ моему душевному спокойствію и даже къ какому-то внутреннему веселію, какъ мысль о томъ, что я въ васъ имѣю больше нежели нѣжныхъ родителей. Повѣрьте искренности словъ моихъ, что сердце мое иногда съ такимъ умиленіемъ благодаритъ за васъ Бога, котораго я не промѣняю ни на самыя живыя радости. Я чувствую внутри души своей какой-то тихой восторгъ, котораго я изъяснить совсѣмъ не могу, и, можетъ быть, это-то самое причиною, что, несмотря ни на что, я всегда такъ спокоенъ и часто даже веселъ, что, кажется мнѣ, и самому трудно представить себѣ. Я не только что не расположенъ къ меланхоліи, но, право, не имѣю времени и призадуматься. Вы бы сами были въ разсужденіи меня совершенно спокойны, естьлибъ меня видѣли. Естьли же я кажуся вамъ иногда изъ писемъ моихъ нѣсколько унылымъ, такъ это отъ того, что мнѣ пріятно изливаться передъ вами въ чувствахъ своихъ и бесѣдовать съ вами о томъ, чѣмъ занята душа моя, увѣренъ будучи, что вы поймете меня.

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу приношу мою сердечную благодарность за приписаніе. Какъ я радъ, что вы такъ близко теперь живете и можете каждое утро проводить съ Петромъ Володиміровичемъ. Вѣрно, это и здоровью Батюшкиному больше поможетъ, нежели всѣ лѣкарства цѣлаго медицинскаго факультета.

Примите, дражайшія родители, сыновнюю благодарность за доставленіе мнѣ годичнаго моего содержанія. Курсъ вексельной прекрасной, и вмѣсто того что при прежнемъ правленіи въ Россіи получали за 1000 руб. только 600 талеровъ, теперь я надѣюсь за каждую тысячу получить около 900-тъ. Вотъ какая разница! Къ щастію же здѣсь я не могу быть обманутъ, потому что имѣю добрыхъ совѣтниковъ; я же и отъ того выигрываю, что здѣсь ривализируютъ два жида, и одинъ хочетъ перебить у другова. Что касается до поѣздки моей въ Парижъ, то я не знаю еще, помѣшаютъ ли мнѣ политическія обстоятельства; я могу это узнать естьли не здѣсь, такъ на дорогѣ или даже въ Вѣнѣ, гдѣ я надѣюсь быть черезъ 10 или 11 недѣль, пробывъ еще 6 недѣль въ Гетингенѣ и 4 или 5 на дорогѣ до Вѣны. Слѣдовательно, по этому можете вы располагать и посылку туда векселя, которой, я думаю, лучше будетъ переслать на имя Конст[антина] Яковл[евича] Булгакова или Кн. Григ[орія] Иван[овича] Гагарина. Я полагаю столько времени на проѣздъ до Вѣны отъ того, что на дорогѣ будутъ попадаться примѣчательныя города и что, какъ сказываютъ, надобно на границѣ Австрійской,

то есть въ Прагѣ, нѣсколько дней пробыть для полученія Императорскаго пасспорта.

Изъ Ганноверской арміи отозванъ Главнокомандующій Французской Генералъ Мортье и, говорятъ, потому, что онъ былъ слишкомъ добръ до Ганноверскихъ владѣній и мало собиралъ податей, хотя и такъ уже здѣшнія жители отъ несносныхъ налоговъ никогда не оправятся. Стыдъ для Французскаго Правительства! Слышно, что вмѣсто Мортье назначенъ сюда Массена и это, вѣроятно, не даромъ.

Г. Фрейгангъ просилъ меня засвидѣтельствовать вамъ глубочайшее высокопочитаніе и душевную благодарность за участіе, которое вы приняли въ его піескѣ.

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ честь имѣю свидѣтельствовать мое душевное почтеніе, такъ какъ и любезнѣйшей сестрицѣ.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

74.

Гетингенъ. 1804. Февр. $\frac{27}{15}$.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

На прошедшей недѣлѣ продалъ я свой вексель и взялъ за него 1780 талеровъ. Можетъ быть, въ другое время за такой хорошій курсъ я бы и больше немного получилъ, но теперь всѣ ожидаютъ перемѣны въ политическихъ обстоятельствахъ или, по крайней мѣрѣ, стращаютъ этимъ. Половину взялъ я серебромъ для разплаты здѣсь, а другую луидорами на дорогу и, пріѣхавъ въ Лейбцигъ, посовѣтуюсь съ добрымъ нашимъ Консуломъ, какихъ лучше денегъ съ собою взять для Австрійскихъ владѣній. Недолго уже остается мнѣ жить въ Гетингенѣ: черезъ пять недѣль, вѣрно, отправлюсь; а вы извольте написать ко мнѣ въ Лейбцигъ на имя Консула, которой вручитъ мнѣ письмо по моемъ пріѣздѣ; да также и въ Вѣну или на имя Булгакова или poste restante. А я уже обо всемъ освѣдомлюсь. Отсюда

даетъ мнѣ Шлецеръ рекомендательныя письма къ нѣкоторымъ славнымъ Авторамъ, и я, вѣрно, не пропущу ихъ знакомства. На сей же недѣлѣ онъ получилъ отъ Государя грамоту на дворянство и съ прекраснымъ девизомъ для Герба его, которой выбралъ Козодавлевъ: *помянухъ времена вѣчныя;* только мнѣ кажется — хотѣли сказать: *помянухъ дни древнія*, а не времена вѣчныя; этого что-то я не понимаю. Почтенный старикъ радуется, что труды его для Россіи, на которыя почти во всю его жизнь не обращали вниманія, наконецъ, не остались безъ должной награды.

На Ганноверъ наложили новыя подати, и здѣсь все вздорожало. По этому одному видно, что Французы не хотятъ удержать сихъ владѣній у себя; иначе бы они не стали такъ безчеловѣчно высасывать ихъ. Здѣшнія жители надѣются на Сильную Десницу Монарха Русскаго. Между тѣмъ, говорятъ, что еще скоро будетъ сюда осьмнадцать тысячь Французской саранчи, несмотря что здѣсь со всѣхъ каѳедръ проповѣдуютъ, что Французы не имѣютъ право нападать на Ганноверъ, какъ на непріятельскую землю; ибо онъ не принадлежитъ къ Англіи, а только Королю Англинскому, какъ Курфирстру Ганноверскому. Всѣ ссылаются на droit des gens; но Французы говорятъ, что Ганноверцы въ семилѣтнюю войну сражались противъ нихъ за Англичанъ — слѣдовательно, теперь имъ и пѣнять не на кого.

Милыхъ братьевъ обнимаю.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами глубочайшаго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

75.

Гетингенъ. $\frac{9\ Марта.}{22\ Февр.}$

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Мнѣ остается жить въ Гетингенѣ не болѣе, какъ три или четыре недѣли, а тамъ поѣду странствовать, снаряжу себя всѣмъ, что нужно на дорогу, въ Лейбцигѣ у Консула и распрошу у него обо всѣхъ мѣлочахъ, которыя нужно взять съ собою. Въ Дрезденѣ я также надѣюсь найти зна-

комаго Русскаго, и, что еще пріятнѣе, Университетскаго студента, котораго я зналъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ, до самой Вѣны, гдѣ снова обниму своихъ товарищей и даже одного camarade d'etude, буду я встрѣчать старинныя знакомства, и мнѣ, конечно, не будетъ съ ними скучно. Дорога и экипажъ, какъ говорятъ, въ Императорскихъ владѣніяхъ гораздо спокойнѣе здѣшнихъ. Я выспрашиваю у здѣшнихъ Венгерцовъ, которыя этотъ же самой путь дѣлали, обо всѣхъ обстоятельствахъ, и они хвалятъ мнѣ почту отъ Дрездена до Праги и оттуда до Вѣны.

На сихъ дняхъ Г. Воиновъ получилъ письмо отъ Петра Ивановича Страхова, увѣдомляющее, между прочимъ, что бывшій товарищъ нашъ Г. Успенскій, которой изъ Лейбцига отправился одинъ, былъ въ Москвѣ и теперь находится у родныхъ своихъ въ Торопцѣ, о которыхъ онъ тосковалъ во всю дорогу и куда ему такъ сильно хотѣлось заѣхать. Я всегда былъ увѣренъ, что это была главная и почти единственная причина его грусти и тосканія, которая во все время отгоняла отъ него спокойствіе и бодрость духа, нужныя въ чужихъ краяхъ для того, чтобы заниматься съ успѣхомъ Науками. Теперь онъ, вѣроятно, совершенно излѣчился отъ своей меланхоліи и здоровый возвратится въ Москву къ больнымъ своимъ. Только желательно, чтобы Университетъ ласковѣе принялъ его и не взыскивалъ на немъ его скораго возвращенія. Онъ человѣкъ робкой, но при томъ и чувствительной, и съ нимъ надобно обходиться съ деликатностію. Въ одной изъ диссертацій о коровьей оспѣ цитовано и его сочиненіе о сей матеріи. Это его порадуетъ, естьли онъ узнаетъ. Также Ив[анъ] Алек[сѣевичъ] Двигубской сдѣланъ членомъ въ двухъ здѣшнихъ обществахъ — въ одномъ ботаническомъ, а въ другомъ повивальнаго искусства.

Милостивой Государынѣ Тетушкѣ честь имѣю свидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе; также и любезнѣйшей сестрицѣ.

Милыхъ братьевъ обнимаю.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами сыновняго почтенія и преданности честь имѣю быть,

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ

Ал. Тургеневъ.

76.

Гетингенъ. $\frac{29\ Февраля}{12\ Марта}$ *1804.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Утѣшительное письмо ваше отъ перваго Февраля (№ 3) я получилъ. Дражайшія родители! Тогда я только буду спокоенъ, когда увѣрюсь, что вы въ разсужденіи меня спокойны. Я не понимаю, какъ могу я вамъ казаться погруженнымъ въ меланхолію. Повѣрьте, что одно изъ благодѣяній Геттингской жизни есть то, что мнѣ нѣтъ времени предаваться горести. Спросите со временемъ у тѣхъ, кто меня знавалъ здѣсь, и вамъ скажутъ, что я съ утра до вечера бывалъ занятъ; а къ ночи силы мои требуютъ отдохновенія, и я сплю спокойно. Когда же мнѣ быть грустнымъ? Я, право, говорю это, не хвастаясь, но единственно для вашего спокойствія, и вамъ всякой подтвердитъ то же. Нѣтъ, дражайшія родители! я и не могу быть такъ грустенъ, какъ заботливое родительское сердце ваше себѣ представляетъ. Я не одинъ еще въ мірѣ; вы и почтеннѣйшія благодѣтели еще со мною. Мерзляковъ и Жуковскій меня любятъ, и они-то съ немногими еще сохранятъ вамъ вашего сына съ тѣмъ же сердцемъ, съ какимъ принималъ я ваше благословеніе. Такъ-то братъ и Ангелъ-Хранитель мой можетъ благодѣтельствовать мнѣ и тогда, когда его уже нѣтъ со мною въ этомъ мірѣ. Онъ оставилъ мнѣ друзей своихъ, и сердце мое, которое успѣло гармонировать съ его сердцемъ, увѣряетъ меня въ томъ, что послѣднія слова, которыя замерли на устахъ его — друзья мои! къ вамъ обращены были. Ахъ! помните, что онъ любилъ меня; вспомните всю жизнь нашу, вспомните, что онъ вамъ обо мнѣ говаривалъ! Простите, дражайшія родители, невольнымъ слезамъ моимъ! они сладки, и мнѣ легче, когда они льются и смѣшаются съ вашими. Мнѣ сладко говорить съ вами, и не приписывайте это моей горести, но единственно той сердечной любви къ вамъ, которая для меня такъ утѣшительна. Увѣрьтесь, что душа моя наслаждается чистѣйшимъ спокойствіемъ, котораго источникъ — добродѣтель ваша. Не безпокойтесь обо мнѣ, я опять веселъ.

При семъ прилагаю письмо, которое Шлецеръ на прошедшей почтѣ отправилъ къ Новосильцову. Естьли вы увидите въ немъ много для васъ неожиданнаго, то не приписывайте сіе моему молчанію; я самъ узналъ объ этомъ не прежде, какъ передъ тѣмъ, когда онъ хотѣлъ отсылать письмо.

Онъ спрашивалъ на это моего согласія; а я отвѣчалъ ему, что какое бы дѣйствіе ни имѣло письмо это, подобно[е] предложеніе обо мнѣ отъ Иностраннаго Профессора вамъ не можетъ быть непріятнымъ. Онъ попалъ на эту мысль, видя мою охоту къ древней Русской Исторіи, примѣтивъ, можетъ быть, нѣкоторыя успѣхи и прочитавъ мои замѣчанія, которыя я при семъ же и къ вамъ препровождаю. Онъ ободряетъ меня посвятить себя, естьли ваше согласіе на это воспослѣдуетъ, Русской Исторіи, слѣдовательно, перемѣнить родъ службы и изъ переводчиковъ сдѣлаться Академикомъ. А Новосильцовъ, какъ Президентъ Академіи, могъ бы мнѣ все быть полезенъ. Я съ чувствомъ благодарилъ его за лестное для меня предложеніе, но сослался во всемъ на васъ. Онъ хотѣлъ даже предложить, чтобы мнѣ съ сего же времени начали производить и Адъюнктское жалованье. Правда, что мнѣ еще много надобно времени, чтобы порядочно къ этому приготовиться; но развѣ я потеряю что-нибудь, естьли перейду изъ Иностранной Коллегіи въ Академію? Мнѣ кажется, что еще при этомъ и по службѣ я выиграю. Что же касается до того, чтобы мнѣ еще возвратиться сюда изъ Парижа на два года, то я сказалъ уже, что этотъ терминъ слишкомъ дологъ, и я бы самъ не желалъ пробыть здѣсь еще болѣе пяти или шести мѣсяцовъ, не побывавъ въ Россіи, которыя бы я употребилъ на приготовленіе себя къ Докторскому экзамену и на обработываніе чего-нибудь въ доказательство, что я не попустому жилъ въ Геттингенѣ. Мнѣ бы еще хотѣлось болѣе укрѣпиться и въ Латинскомъ языкѣ. Впрочемъ, я во всемъ полагаюсь на ваше разсмотрѣніе и буду всѣмъ доволенъ, что вамъ только угодно будетъ. Болѣе всего не желалъ бы я пропустить прекраснаго случая учиться еще или, лучше сказать, знакомиться съ безчисленными источниками, касающимися до Русской Исторіи, подъ руководствомъ Шлецера. Знанія его по этой части единственны. Что же касается до посылаемой мною піески, то, естьли вамъ угодно будетъ ее напечатать, то я бы желалъ, чтобъ она помѣщена была или въ «Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія» — журналъ, издаваемый Департаментомъ, учрежденнымъ для сей цѣли, — или въ Патріотѣ Измайлова. Въ ней, кажется, нѣтъ ничего противнаго цензурѣ. Пусть она послужитъ небольшимъ доказательствомъ, по крайней мѣрѣ, охоты моей ко всему, что относится до Исторіи моего Отечества. Естьли обстоятельства помѣшали мнѣ на сей разъ выдать что-нибудь полное, то я постараюсь со временемъ замѣнить это. Отвѣта на письмо сіе я не прежде Вѣны могу ожидать отъ васъ. Я не скажу болѣе ни слова, полагаясь во всемъ на ваше разсмотрѣніе; вы лучше знаете мою пользу.

Желалъ бы знать, отъ кого слышалъ почтенный Николай Михайловичь о томъ, что мы отличаемся въ Геттингенѣ. Какъ мнѣ ни пріятно было удостоиться похвалы въ Вѣстникѣ, однакожъ, мнѣ больно, что мы одни выставлены. Лучше бы сказать о всѣхъ Русскихъ вообще, потому что трудно еще теперь рѣшить, кто изъ насъ болѣе или менѣе отличается здѣсь. Я не могу говорить о себѣ—но замѣчу только, что многія есть здѣсь, которымъ не хотѣлось бы и наряду стоять съ Авторомъ описанія Геттингена. Онъ можетъ имѣть свои достоинства; но естьли говорить откровенно, то у него, кажется, нѣтъ въ виду серіозно заниматься Науками, такъ какъ напр. у Гусятникова, Сулимы и у другихъ, которыхъ я не наименую для того, чтобъ не почли меня пристрастнымъ. Въ Германіи можно быть членомъ многихъ ученыхъ обществъ и при томъ не имѣть понятія о тѣхъ Наукахъ, для усовершенствованія коихъ они установлены. Здѣсь все это очень возможно; особливо, когда привезешь съ собою побольше рекомендательныхъ писемъ. Вѣдь здѣсь ученыя-то не всѣ Катоны.

Здравствуйте, милыя братья. Сонъ твой, Серіожа, и меня обезпокоилъ. Будь спокойнѣе, милой, и не грусти передъ тѣмъ, какъ ложишься спать; такъ этого никогда въ другой разъ не случится. Напишите отъ меня къ мамѣ, что я ее помню и, пріѣхавъ въ Москву, пошлю ей гостинецъ, что я еще самъ непремѣнно хочу видѣть ее, чтобъ она не грустила много. Простите, братцы.

Любезнѣйшему Максиму Ивановичу свидѣтельствую мое усерднѣйшее почтеніе и покорнѣйше прошу сказать мнѣ свое мнѣніе, по крайней мѣрѣ, о томъ, изъ настоящей ли точки зрѣнія смотрю я на Исторію отечественную. Чѣмъ вы будете говорить откровеннѣе, тѣмъ для меня пріятнѣе.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами глубочайшаго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Hochgebohrener Freiherr,
Hochgebietender Herr Präsident,
mein gnädiger Herr und Chéf,

Ewr. Hochfreiherrl. Excellence kennen vielleicht, dem Nahmen nach, einen Schwärmer, der vor 43 Jahren, gerufen, nach Russland kam, sich in die Russischen лѣтописи verliebte, und dieser Liebschaft nicht nur andre Aussichten, die ihm

eine brillantere fortune dort zu machen versprachen, aufopferte, sondern das Studium auch nachher, wie er wider Willen die Russischen Dienste verlassen hatte, 34 Jahre lang mit Eifer fortsetzte.

Dieser Schwärmer bin Ich, der gehorsamst — Unterzeichnete. Da ich aber alters halber nicht lange mehr schwärmen kann — ohne Schwärmerey aber, wie ein Französischer Philosoph meint, nie was Grosses geschehen ist — nächstdem es für Russland etwas nothwendiges, sogleich etwas Grosses ist, dass es endlich einmahl eine vernünftige Geschichte seiner Vorzeit erhalte, dergleichen alle übrigen cultivirte Staaten, klein und gross, ohne Ausnahme bereits haben; woran aber nicht zu denken ist, so lange die Лѣтописи nicht berichtigt und erklärt sind, ein Geschäft, wozu Genie und Fleiss nicht hinreicht, sondern gelehrte Kenntnisse und gelehrte Kunst erforderlich sind, die allen bisherigen Bearbeitern der Russischen Annalen, von Татищевъ an bis auf Елагинъ, durchaus fehlte — endlich aber ich zweifle, ob unter den 40,000000 Bürgern der grossen Nation viele seyn werden, die dieses trockne, mühsame, aber nothwendige Studium, con amore, mit unermüdetem Fleisse, und mit den unentbehrlichen Vorkentnissen versehen, treiben mögen oder können: so halte ich es für Pflicht, Ewr. Excellence einen jungen Mann zu denunciiren, der, vielleicht einzig in seiner Art, gerade den Enthusiasm, der mich beseelt, für seine alte Reichsgeschichte hat, und die dazu nöthigen Eigenschaften theils schon besitzt, theils sich solche in wenig Jahren, falls er in die gehörige Lage kömmt, erwerben kann.

Dies ist Hr. Alexander Turgenew, Sohn des Herrn Directors der Moskauer Universität. Er kam vor $1^1/_2$ Jahren zu uns mit einer zahlreichen Landsmannschaft, die Ihrer Nation bey unserer Georgia-Augusta durch Ihr Betragen Ehre gemacht hat. Zufälliger Weise wurde ich mit Hrn. Turgenew näher bekannt: er mochte aus meinen Vorlesungen einige für ihn ganz neue Ansichten über seine Vaterländische Geschichte aufgefasst haben; wir kamen darüber sehr oft vertrauliche Unterredungen, und bald entdeckte er mir seinen Wunsch, sich ganz und gar dem Studio der alten Geschichte zu ergeben, das ist, da fortzufahren, wo ich aufhören musste. Latein konnte er noch nicht und überzeugte sich doch, dass ein Russischer Alt-Historiker ohne Latein ein Unding sey: also legte er sich mit Eifer und Fortgang auf diese Sprache.

Mein junger Freund ist in so glücklichen Umständen, wie ich höre, dass er unabhängig leben könnte; gleichwohl wünschte er sich eine Lage, wo er ex officio seine Zeit mit seinem Lieblingsstudio zubringen müsste. Vorausgesetzt nun, dass, wie die Zeitungen melden, die historische Classe bey der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften wiederhergestellt würde, es Ewr. Excellence eine kunstgerechte Ausgabe der Annalen, die schon unter Iwan Vassilievicz hätte besorgt werden sollen, den ersten Jahren du siècle d'Alexandre weihen wollten: so würde Hr. Turgenew ein ausgezeichnet brauchbarer Mitarbeiter bey dem grossen Geschäfte werden, falls Ewr. Excellence ihn schon jetzt bei der Academie zu engagiren, und ihn namentlich zu seinem Lieblingsstudio zu verpflichten; nächstdem aber ihn zur weiteren Vorbereitung die nöthige Frist zu verstatten geruheten.

Er gehet diese Ostern, auf Befehl seines Hrn. Vaters, über Wien nach Paris ab: eine Reise, die den schon reichen Fonds seiner Litterarischen- und Weltkenntnisse gewiss ansehenlich vermehren wird. Aber für sein Lieblingsstudium wünscht er sich nach Göttingen zurück, um sich etwa zwey Jahre noch, zu obbenannter grossen unsterblichen Arbeit vorzubereiten. Nirgends in der Welt kann diese Vor-

bereitung so zweckmässig geschehen, wie hier. Ohne ausgebreitete ausländische Litteratur lässt sich in den ersten Jahrhunderten der Russischen Geschichte nichts thun: hiezu mögen wohl die Hauptwerke in Russischen Bibliotheken vorhanden seyn; aber die Tausende von Brochuren oder kleinen Schriften, die sich allgemein verlohren haben, finden sich blos in der Göttingschen unermesslichen Bibliothek oder bey hiesigen Privatgelehrten, beisammen. Andrer Vortheile, die ihm sein hiesiger verlängerter Aufenthalt zur gründlichen Vorbereitung gewähren würde, nicht zu gedenken.

Sehen es Ewr. Excellence nicht als eine irrespectueuse Zudringlichkeit an, dass ich mir die Freyheit genommen, Ihnen mit diesen Nachrichten aufzuwarten: unverkennbar ist doch hiebey der Russische und litterarische Patriotism, der mich dazu dreiste macht. Was von meinem Privatinteresse dabey ins Spiel kommt, bestünde höchstens darin, dass ich gerne noch, je eher, je lieber, eine kunstgerechte Ausgabe der Russischen Annalen, erleben möchte: und das wäre doch wieder reiner Russischer Patriotism!

Aber könnten Ewr. Excellence nicht auch mich selbst bey diesem Geschäfte brauchen? ich habe 43 jährige Erfahrungen darüber, diese möchte ich den Beneidenswürdigen Ausführern des Werks zu Gute kommen lassen: so konnte in 5 Jahren geschehen, was sonst 10 und mehr Jahre erforderte; und ich hätte das sehnlichst gewünschte Glück, im Angesichte der Welt zu beweisen, dass ich mich der höchsten Gnadenbezeugungen, mit denen mich der grosse Kaiser überhäufet, würdig zu machen mit möglicher Anstrengung bestrebe.

Ich erbitte mir Ihre Befehle, gnädiger Herr, und versichere in tiefem Respect

Ewr. hochfreiherrl. Excellence
ganz gehorsamster Diener
Aug. Ludw. Schlözer.
Der Kaiserl. Acad. der Wissenschaften
Mitglied seit 1765.

Göttingen 1804.

(Ich schreibe den ganzen Brief wieder um, und verbessere den Styl; die Hauptsache selbst bleibt.

S.)

Критическія примѣчанія,

касающіяся до

Древней Славяно-русской Исторіи.

La critique est aisée ....

Недавно читалъ я піесу, помѣщенную однимъ почтеннымъ Анонимомъ въ Вѣстникѣ Европы (1802 года, декабрь, № 24): *о случаяхъ и характерахъ въ Россійской Исторіи, которыя могутъ быть предметами художествъ.*

Любя Исторію моего Отечества не только для того, что въ ней много можно найти читательнаго для ума и сердца, но и потому, что я давно уже

удостовѣрился въ высокой истиннѣ, что нельзя любить того, чего не знаешь, что Дон-кишоты могутъ быть въ однихъ только романахъ, а не въ существенности,—и слѣдовательно, чтобы любить свое Отечество, *надобно,* какъ говоритъ мой Авторъ, *знать его;* — надобно знать тѣ критическія моменты въ его Исторіи, въ которыя было оно на краю бездны, и замѣчать, какимъ образомъ достигло оно той степени могущества славы, на которую возведено оно Тайнымъ, Невидимымъ Промысломъ. Щастливъ тотъ, думалъ я, кто можетъ посвятить свободныя часы свои на изученіе отечественной Исторіи, или той Науки, которая человѣка дѣлаетъ гражданиномъ.

Признаюсь, что и меня обрадовала щастливая мысль нашихъ Патріотовъ — задавать академическимъ художникамъ предметы изъ отечественной Исторіи. Давно бы пора нашимъ Артистамъ вмѣсто разоренія Трои представить разореніе Новагорода; вмѣсто той Героической Спартанки, радующейся, что сынъ ея убитъ за отечество,— Марѳу посадницу, которая не хочетъ пережить вольности Новогородской. И поэты наши въ этомъ случаѣ были догадливѣе. Между тѣмъ какъ давно уже зѣваетъ публика наша въ *Титовомъ милосердіи,—Дмитрій Самозванецъ* ей никогда не наскучитъ. Да и натурально! Кому не интересно видѣть своихъ Праотцевъ, оживленныхъ (хотя бы то было и) на сценѣ? Кто изъ Московскихъ жителей можетъ безъ внутренняго движенія смотрѣть на *Москву, освобожденную* отъ Польскихъ ея опустошителей?

Чтобы не терять больше словъ на то, что всякому мыслящему человѣку давно уже извѣстно, и въ чемъ большая часть изъ моихъ соотечественниковъ, можетъ быть, сильнѣе меня удостовѣрены, заключу я мое мнѣніе словами почтеннаго анонима: «*Таланту русскому всего ближе и любезнѣе прославлять Русское*» [1]).

Предметы, выбранныя имъ для художниковъ, большею частію прекрасны не только по одному интересу, которой они будутъ имѣть для всякаго Русскаго, но и потому, что они показываютъ намъ, нѣкоторымъ образомъ, нить (хотя не вездѣ безпрерывную) и важнѣйшія эпохи нашей Исторіи. Жаль только, что нѣкоторыя между ними не могутъ устоять противъ правила, Авторомъ же принятаго: «*не изображать ничего баснословнаго*». И въ самомъ дѣлѣ, развѣ Исторія наша суха и недовольно богата *историческими* характерами и происшествіями, чтобы мы имѣли нужду прибѣгать къ баснямъ, которыя наши лѣтописцы, не исключая и Нестора, или заимствовали изъ другихъ или выдумывали изъ ложнаго Патріотизма?

Авторъ хочетъ, чтобы художникъ изобразилъ трехъ славныхъ братьевъ, основателей нашего Государства, *занимающихся звѣриною ловлею.* Смѣшно доказывать съ Эминымъ [2]) происхожденіе Рюрика въ прямой линіи отъ Императора

---

1) Въ семъ случаѣ сошлюсь я на читателей Вѣстника. Кто изъ нихъ не будетъ благодаренъ его издателю за то патріотическое усердіе, съ которымъ онъ старается знакомить насъ съ нашею Исторіею. И мнѣ кажется, я предвижу уже ту щастливую перемѣну въ нашей Литературѣ, которая родитъ въ Русской публикѣ охоту къ отечественной Исторіи.

Чего не должно намъ ожидать, естьли дарованія Русскаго Грея будутъ выбирать для себя предметы, подобныя Вадиму Новгородскому? Пусть ведутъ они нашу публику по пути, усыпанному цвѣтами воображенія, въ храмъ Исторіи. О вы, Геніи моего Отечества, пробудите намъ древнихъ Героевъ нашихъ и снимите предъ нами завѣсу, закрывающую отъ насъ великихъ мужей Русской древности!

2) На XXI стр. въ предисловіи его къ Ист. Рос. Гос.

Августа или дѣлать изъ него вмѣстѣ съ Шведскимъ Исторіографомъ Далиномъ[1]) Прусскаго Курфирстра; но для чего же опять представлять его Егеремъ, естьли Норманцы, хотя и упражнялись въ звѣриной ловлѣ, такъ какъ намъ извѣстно[2]) изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ Исландскихъ, такъ называемыхъ, *Загахъ*[3]), однакожь, между знатнѣйшими изъ нихъ, она никогда не была любимымъ упражненіемъ. Нѣтъ, скажемъ лучше безъ стыда, что основатель Русскаго Государства—былъ корсаръ, (или, естьли хотите, chevalier d'industrie); скажемъ безъ стыда,—потому что въ то время почиталось у Скандинавскихъ народовъ ремесло сіе не только не постыднымъ, но еще какъ métier d'honneur, и славу морскаго рыцаря измѣряли по тому, сколько морей были свидѣтелями его храбрости и сколько добычи удалось ему привесть въ свое отечество[4]), точно также, какъ въ Германіи даже до конца 15-го столѣтія разбойничать на сухомъ пути и грабить путешественниковъ было исключительнымъ правомъ нѣмецкихъ рыцарей, которыя, какъ хищныя птицы, сидя въ своихъ неприступныхъ гнѣздахъ, нападали на нихъ и хватали легкую свою добычу.

Славныя подвиги Норманцовъ, сихъ храбрыхъ сѣверныхъ народовъ, рано стали быть извѣстными въ Исторіи. Уже въ началѣ 9-го столѣтія Датской Король Готфридъ (слѣдовательно Норманецъ), вѣрный союзникъ Саксонцевъ противъ побѣдителей ихъ, Франковъ, не уступавшій въ предпріимчивости и всемощному своему современнику Карлу Великому, смѣлъ дѣлать въ головѣ своей дерзкіе планы побѣдить сего сильнѣйшаго Монарха въ Европѣ и на развалинахъ Франкской Имперіи основать Норманскую. Не смотря на то, что покоренныя Саксонцы не могли уже быть его союзниками, естьлибъ смерть не разрушила его плановъ,—быть можетъ, что Карлъ Великій при всемъ своемъ чрезвычайномъ могуществѣ долженъ бы былъ терпѣть отъ Норманцовъ участь своихъ Наслѣдниковъ. Историки сохранили намъ примѣчательныя слова сего великаго Монарха, которому въ Европейской Исторіи подобнаго только въ Петрѣ найти можно, сказанныя имъ однажды о Норманцахъ: «Естьли уже они при мнѣ осмѣливаются нападать на мои владѣнія, то чего не должно отъ нихъ ожидать при моихъ наслѣдникахъ?»—И въ самомъ дѣлѣ, послѣдствіе подтвердило,

---

1) Томъ I, стр. 410, его Шведской Исторіи.

2) Напримѣръ изъ послѣдняго куплета въ той пѣсни, которую сочинилъ Гаральдъ *храбрый*, Норвежской Принцъ, оскорбленный равнодушіемъ прекрасной Россіянки, дочери Ярославовой; тамъ сказано: Je suis né dans le haut de pays de Norvege, *ou les habitans* manient si bien les arcs. Но сей же знатный рыцарь показываетъ нѣкоторой родъ пренебреженія къ сему ремеслу и говоритъ далѣе: *mais j'ai preferé de conduire mes vaisseaux*, l'effroi des paysans, parmi les ecueils de la mer et loin du sejour des hommes; j'ai parcouru les mers avec ces vaisseaux; cependant une fille de Russie me méprise.

3) Issländische Sagen, сказанія; отъ глагола: sagen, *сказывать*, *повѣствовать*. Ихъ надобно различать отъ Исландскихъ *Лѣтописей*, принадлежащихъ къ драгоцѣннѣйшимъ памятникамъ среднихъ вѣковъ. Заги же суть не иное что, какъ неудачное подражаніе Трубадурамъ, которое ввели въ хладное свое отечество путешествующія въ южной Европѣ Исляндцы; они состоятъ большею частію изъ басней, заимствованныхъ или изъ Французской, Итальянской и Испанской романической поэзіи. Торфей, Норвежской Анналистъ, тщательно отдѣляетъ заги отъ лѣтописей и ни мало не приписываетъ первымъ достоинства послѣднихъ. См. Шлецерову сѣверную Исторію.

4) Съ тѣхъ же поръ, какъ они сдѣлались усердными и вмѣстѣ суевѣрными Христіянами, разорять замки и отнимать корабли у языческихъ народовъ почитали они богоугоднымъ дѣломъ.

что онъ не попустому заботился. Извѣстно также, что Карлъ Великой заплакалъ однажды съ досады, что Норманцы не устрашились его имени — и презрили угрозы его.

Тѣ же самыя Норманцы, кои основали на Сѣверѣ величайшее въ свѣтѣ Государство — Русское, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій были страшилищемъ народовъ на югѣ! Они были основателями славнѣйшихъ городовъ Ирландіи, опустошителями Франціи, Голландіи и Гишпаніи; они же заставили дрожать Римъ и самую Лютецію, пока, наконецъ, Карлъ *простой* (Charles le simple), Король Французской, уступилъ одному изъ нихъ лучшія свои Провинціи[1]), Бретанію и Нормандію (изъ коихъ послѣдняя, называвшаяся прежде Нейстріею, получила отъ нихъ свое имя), съ тѣмъ уговоромъ, чтобы онъ стерегъ прочія отъ своихъ товарищей. Потомокъ же сего мощнаго Вассала Французской Короны въ 10-мъ столѣтіи завоевалъ Англію, и гордымъ Бриттамъ памятно имя *Вильгельма Завоевателя* (William the Conqueror).

Цѣлыя три столѣтія трепетала вся Европа при имени Норманцовъ, такъ что слова: a furore Northmannorum libera nos, Domine, были всеобщею молитвою; и нѣтъ блистательнѣе Исторіи сего храбраго народа, имѣвшаго ощутительное вліяніе и на самое Европейское просвѣщеніе[2]): еще прежде Колумба открыли они сѣверную Америку и прежде капитана Ченслера — Архангельскъ. Словомъ, по паденіи Рима, кромѣ Франковъ и Арановъ никакой народъ въ Европѣ не игралъ столь блистательной роли, какъ Норманны.

Actio aevum implerunt, non segnibus Annis!
Ovid.

Таковъ былъ народъ, который даровалъ намъ *политическое* наше существованіе; и мнѣ кажется, что Рюрика и братьевъ его не на охотѣ и не съ лукомъ и стрѣлою изобразить должно; но стоящихъ на берегу моря: вдали видны развивающіяся корабельныя флаги, а въ гавани выгружаютъ богатую добычу — привезенную ими изъ странъ дальнихъ, но исполненныхъ славою Норманскихъ рыцарей! Три корабля должны своими украшеніями и великолѣпіемъ болѣе прочихъ обращать на себя вниманіе зрителя, которой догадается, что они принадлежатъ тремъ славнымъ братьямъ. Множество другихъ должны окружать ихъ, но въ красотѣ и величинѣ уступать первымъ; и мы поймемъ, что они приведенны ими въ добычу.

Пусть отищетъ художникъ на спеціальной Шведской ландкартѣ въ Упландіи, одной изъ величайшихъ Шведскихъ Провинцій при восточномъ морѣ,

---

1) Рольфу или Роллу, о которомъ Хроники говорятъ, что не было въ его время коня, который бы могъ сдержать его. О немъ же сохранили они намъ слѣдующій анекдотъ: Карлъ простой, сдѣлавъ его своимъ Вассаломъ, требовалъ отъ него, слѣдуя введенному обычаю, чтобъ онъ поцѣловалъ у него ногу. Ролло, почитая сіе для себя уничижительнымъ, воспротивился исполнить Королевское повелѣніе. Но такъ какъ Король въ этомъ настоялъ, то Ролло велѣлъ отправить сію церемонію одному изъ солдатъ своихъ. Однакожь и солдатъ Норманской былъ слишкомъ гордъ, чтобы преклонить колени предъ Королемъ Франковъ; и для того схватилъ онъ Королевскую ногу *стоя* и поднялъ ее такъ высоко, что Король потерялъ равновѣсіе и упалъ на землю!!

2) И прекрасной полъ долженъ быть имъ благодаренъ за то удовольствіе, которое онъ получаетъ отъ чтенія *романовъ*; потому что сей родъ Поэзіи обязанъ также имъ своимъ происхожденіемъ.

берегъ *РОСлагенъ,* лежащій насупротивъ береговъ Эстляндіи, куда, вѣроятно, отправлены были Послы Чудью и Новгородцами къ Норманскимъ рыцарямъ, кои обыкновенно, возвращаясь съ своихъ разъѣздовъ, приставали къ сему славному берегу Упландскому, отъ коего мы, *РУСскія,* получили, можетъ быть, наше имя. Ибо весьма часто случается, что сосѣди называютъ цѣлыя народы и пространныя земли именами тѣхъ часто незначущихъ странъ, съ коими они граничатъ. Такъ Французы назвали всю Германію по имени Провинціи Алеманіи; такъ Гишпанцы долгое время называли всю сѣверную Америку Флоридою [1]), наконецъ, также точно Финны называли иногда всю Швецію Рослагеномъ, потому что сей берегъ къ нимъ ближе всѣхъ прочихъ [2]). Но всего примѣчательнѣе то, что на самомъ семъ берегѣ, то есть въ Рослагенѣ, являются въ одной Исляндской загѣ трое изъ главнѣйшихъ Корсаровъ, называемыхъ Рёрекръ, Сиггейръ и Туарегъ, кои имѣли здѣсь вертепъ свой [3]); имена, кои, очевидно, суть одни и тѣ же съ Рурикомъ, Синеусомъ и Труворомъ. Какъ легко могутъ всѣ сіи обстоятельства подать поводъ къ весьма вѣроятнымъ заключеніямъ, и естьлибъ не противорѣчило лѣтосчисленіе, то можно бы думать, что сей сѣверной Трубадуръ разумѣетъ подъ сими именами нашихъ трехъ знаменитыхъ братьевъ.

Пусть изобразитъ, говорю я, художникъ сей берегъ со всѣми его подробностями и натуральными ситуаціями,— и знатокъ этому порадуется.

Три брата съ величественною осанкою и задумавшись должны стоять вмѣстѣ и внимать рѣчи Новгородскаго Посланника, которому надобно быть въ древнемъ Русскомъ платьѣ, отличномъ, какъ отъ Норманскаго, такъ и отъ Чудскаго. Посланническої корабль долженъ находиться въ нѣкоторомъ отдаленіи. Норманцы же не должны быть представлены устрашенными отъ сего предложенія. Это совсѣмъ невѣроятно, и лѣтописцы, кажется, выдумали сіе изъ одного излишняго Патріотизма. Можно ли вообразить, чтобы храбрыя или, лучше сказать, дерзкія Норманцы, будучи сами страшилищемъ всей Европы и особенно Новагорода, побоялись принять власть надъ народомъ, ими же ограбленомъ?

Украшенія на корабляхъ должны также соотвѣтствовать духу того времени. Обыкновенно украшали Норманцы корабли свои живописью и рѣзьбою. На кормѣ корабельной выдѣлывали они изъ металлу дельфиновъ или кентавровъ; переднюю часть корабля оковывали серебромъ или даже золотомъ, такъ что, когда солнце ударяло на нихъ, — зрители не могли выносить яркаго свѣта [4]). И роскошь сія не удивительна, судя по тѣмъ сокровищамъ, которыя доставались имъ въ добычу.

Чѣмъ болѣе соблюдаетъ живописецъ Историческую вѣрность въ подобныхъ мѣлочахъ, тѣмъ удачнѣе дѣйствіе, которое будетъ имѣть картина его на зрителя, — и онъ поможетъ ему переселиться духомъ въ тѣ времена глубокой древности, изъ которой почерпнутъ сюжетъ для картины. — Надпись:

Основаніе Русскаго Государства въ серединѣ 9-го столѣтія.

1) См. Шлецерова Нестора. II час. стр. 179.

2) См. Далинову Шведскую Исторію. Часть I, стр. 306.

3) См. Шлец. Нест. II ч. стр. 191.

4) Я взялъ это изъ одного поэтическаго описанія тѣхъ Норманскихъ кораблей, на коихъ Канутъ великой, король Датской и Англійской, современникъ Владиміра великаго, приставалъ къ удивленнымъ берегамъ завоеванной имъ Англіи.

Далѣе: на что намъ представлять баснословную кончину Олега (который къ тому же долженъ на картинѣ балансировать на одной ногѣ, *отталкивая другою черепъ*), когда мы можемъ изобразить гораздо разительнѣйшую кончину Святополка, сего нещастнаго братоубійцу, блуждающаго въ густыхъ лѣсахъ Богемскихъ, почти всѣми оставленнаго, мучимаго собственною совѣстію, которому безпрестанно кажется, что его преслѣдуютъ. Онъ не можетъ остаться на одномъ мѣстѣ — и бѣжитъ далѣе. Какой богатой сюжетъ для искусснаго живописца! Растрепанныя волосы, блѣдность лица, тѣлесное изнеможеніе! Наконецъ, онъ умираетъ; и слова, которыя заставляетъ его говорить Несторъ: *«побѣгните со мною; женутъ по насъ»*, могутъ служить надписью къ картинѣ. Правда, что сія картина не напомнитъ Русскому ничего славнаго; но вѣдь Авторъ желаетъ имѣть также картину и другаго рода — *Философическую*. А что можетъ быть нравоучительнѣе смерти злодѣя?

Мнѣ кажется также, что естьлибъ трогательную сцену Владиміра съ Гориславою изобразить съ большею историческою вѣрностію, то есть такъ, какъ намъ описываетъ ее Ломоносовъ, — она бы не только не потеряла въ своемъ интересѣ, но еще бы выиграла. Не слезы прекрасной Гориславы тронули Владимірово сердце, не онѣ обезоружили мстительную руку его; но юный Изяславъ (сынъ ихъ), который, видя раздраженнаго Владиміра, готоваго заколоть мать его, говоритъ ему: *Естьли ты одинъ, Государь, жить хочешь, то умертви прежде меня, дабы я не видалъ горькаго мученія и крови своея матери,*—и кинжалъ выпадаетъ изъ рукъ Владиміра. Вмѣсто отвѣта, въ досадѣ и слезахъ вскричалъ онъ только: *кто тебя здѣсь поставилъ?* Живописецъ можетъ показать свое искусство въ щастливомъ расположеніи фигуръ, въ ихъ тѣлодвиженіяхъ, въ изображеніи сыновней любви, сильнаго гнѣва Деспота и оскорбленнаго самолюбія въ прекрасной и *гордой* [1]) плѣнницѣ.

Также нѣтъ ничего вѣроятнѣе, что повѣсть Несторова о возвращеніи зрѣнія Владиміру по его крещеніи есть басня, заимствованная имъ отъ Византійскихъ Историковъ, которыя также точно баснословствуютъ о крещеніи Великаго Константина, коего святая вода исцѣлила отъ проказы. На что намъ это? Можно другимъ образомъ представить сію щастливую эпоху въ Русской Исторіи.

Оставляю на судъ знатоковъ, слѣдовательно, и почтеннаго Анонима: надобно ли присоединить къ симъ сюжетамъ для удержанія Исторической нити одно изъ происшествій въ тотъ бѣдственный періодъ для Русской націи, когда, растерзанная внутренними раздорами, стонала она подъ Монгольскимъ игомъ? Можетъ быть, скажутъ: за чѣмъ приводить на память сіе плачевное время нашего безсилія? Но тѣмъ разительнѣе долженъ быть контрастъ для того, кто живетъ въ 19-мъ вѣкѣ!

Пусть изобразитъ искуссный художникъ храбраго, но нещастнаго Михаила Ярославича, оклеветаннаго роднымъ братомъ своимъ Георгомъ у Хана золотой орды, въ ту минуту, когда онъ, приведенный къ эшафоту, посылаетъ сына своего испросить помилованіе у Варвара — и не получаетъ его. Мѣсто казни

1) Владиміръ, будучи еще Княземъ Новгородскимъ, сватался за Рогнѣду (Гориславу), при жизни отца ея Рогвольда, Князя Полоцкаго; но она отвѣчала ему: *не хочу разути отъ рабы* (Ольгиной Клюшницы Малуши) *рожденнаго*. Этой обиды довольно было тогда для Владиміра, чтобъ завоевать и разорить Полоцкъ, убить отца и братьевъ ея; а ее увести въ плѣнъ.

окружаютъ Монголы и самъ оклеветавшій братъ его съ адскою на лицѣ улыбкой. Не позабудьте выразить лице того Монгола, который съ негодованіемъ вскричалъ Георгу: «*Тигръ! и ты можешь съ равнодушіемъ смотрѣть на растерзанное тѣло брата твоего!*»

Excidat ille dies aevo!

Зритель! Можетъ быть при семъ изображеніи сердце твое обольется кровію, но взгляни на *Взятіе Казани* Иваномъ Васильевичемъ,—и оно успокоится.

Чрезъ все сіе хотѣлось мнѣ показать, что отъ *критическаго* обработыванія нашей Исторіи и самыя художники не остаются въ накладѣ и врядъ ли еще не выиграютъ.

Въ наше же время, когда тѣ, кои лучшую часть дѣятельной жизни своей посвятили критической Русской Исторіи, ободряются въ полезныхъ для Россіи трудахъ своихъ, когда АЛЕКСАНДРЪ съ величественнаго Трона своего бросаетъ милостивый взоръ на труды безсмертнаго Шлецера, сего *перваго* критическаго издателя отца Русской Исторіи — Нестора; въ наше время, говорю я, можно ли опасаться, что *Историческая Критика*, сія, повидимому, сухая предшественница всякой прагматической Исторіи, останется въ Россіи въ такомъ же забвеніи, въ какомъ она была до селѣ; и неужели Болтинъ былъ первымъ и послѣднимъ изъ Русскихъ, который чувствовалъ въ полной силѣ истинну сего правила: prima lex historiae ne quid falsi dicat?

Я присоединю къ сему замѣчаніе мое на картину, которой сюжетъ, взятый изъ первой пѣсни Поэмы ВЛАДИМІРЪ, заданъ былъ нашему Академическому художнику (см. № 73 Москов. Вѣдомостей. 1803. Сент. 12-го): «Изобразить двухъ Варягъ изъ Христіянъ, отца съ сыномъ, осужденныхъ коварствомъ перваго жреца Пламида на закланіе одного изъ нихъ по жребію Перуну, при чемъ каждой охотно предавалъ себя на смерть за другаго, и яростныя жрецы и воины, не могши исторгнуть изъ ихъ объятій другъ друга, кинжалами поражаютъ ихъ обоихъ».

Можно ли задавать подобный сюжетъ для картины, которая должна изображать *Историческое* происшествіе, когда намъ извѣстно, что ни одинъ народъ Славянскаго поколѣнія не приносилъ богамъ своимъ жертвъ человѣческихъ? Въ такомъ случаѣ не надобно основываться на одномъ Несторѣ, ибо онъ, какъ ревностный монахъ, желая сколько можно болѣе прославить благодѣтельное дѣйствіе Христіянской религіи, дѣлаетъ изъ Владиміра прежде крещенія какого-то кровожаждущаго суевѣра и заставляетъ его приносить людей въ жертву Перуну; точно также какъ Византійскія лѣтописцы, которыя большею частію также чудолюбивы, какъ и нашъ Несторъ, повѣствуютъ о подобномъ превращеніи, послѣдовавшемъ съ Императоромъ Константиномъ Великимъ по принятіи имъ Христіянской Религіи. Сколько намъ изъ Исторіи извѣстно, какъ о Дунайскихъ, такъ и о Днепровскихъ Славянахъ, они никогда, даже и въ самой древности, когда еще война была единственнымъ ихъ занятіемъ, не проливали человѣческой крови въ честь своимъ идоламъ.[1]) И тотъ, кто или изъ

1) Хотя Георгій Папанекъ, Авторъ Исторіи Славянскаго Народа, говоря о нравахъ и обычаяхъ Славянскихъ во времена ихъ идолопоклонства, и приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Полибія: «въ честь богамъ своимъ приносили Славяне въ жертву не однихъ только скотовъ, но также и людей, особенно при опасныхъ сраженіяхъ и болѣзняхъ. Лучшимъ покло-

невѣжества утверждаетъ противное, или съ равнодушіемъ на сіе смотритъ, недостоинъ имени Славянина. Одна черта сія, естьлибъ она была справедлива могла бы посрамить предковъ нашихъ.[1]) Кто изъ насъ захочетъ быть потом-

---

неніемъ почитали они, наполнивъ безвинныя кумиры, сплетенныя изъ вѣтвей живыми людьми, сожигать сихъ вмѣстѣ медлиннымъ жертвеннымъ огнемъ». (!)

Но Полибій, которой жилъ 150 лѣтъ *до Р. Х.*, могъ развѣ только пророчествовать о Славянахъ, коихъ *имя* стало быть извѣстно не прежде, какъ въ половинѣ 6-го столѣтія *по Р. Х.*, и Прокопій, по Готѳѣ Іорданѣ первый Греческій Анналистъ, который упоминаетъ о Славянахъ по случаю ихъ опустошеній Греческихъ Провинцій, описываетъ также ихъ нравы и обряды богослуженія; но нигдѣ не говоритъ, чтобы они людей приносили въ жертву; напротивъ того, онъ повѣствуетъ, что Славяне и самому Повелителю молніи, коего они признаютъ за единаго Владыку земли и неба, жертвуютъ однимъ только скотомъ. Полибій же самъ признается, что въ его время сѣверъ мало былъ извѣстенъ Грекамъ и что все, что ни разсказываютъ о странахъ къ сѣверу лежащихъ, баснословно и недостойно никакого вѣроятія. И позволено ли ссылаться на Полибія въ Исторіи о Славянахъ? Греки, говоря о сѣверѣ (terra *incognita* arctica), наполняли его Скиѳами и Сарматами, а далѣе за ними Гиперборейцами (обыкновенное asylam ignorantiae даже и новыхъ Историковъ до временъ С.-Петербургскихъ Академиковъ: Байера, Шлецера и Фишера); и часто подъ однимъ изъ сихъ неопредѣленныхъ именъ разумѣли нѣсколько совершенно различныхъ народовъ; слѣдовательно, то, что они говорятъ объ одномъ изъ нихъ, нельзя относить за-вѣрное на Славянской народъ, или другой какой. Развѣ только въ Германіи случалось иногда, что тамошнія языческія Славяне, притѣсняемыя безчеловѣчными Христіянами, кои хотѣли ихъ силою обратить къ своей религіи, въ отмщеніе за ихъ злодѣйства и озлобленныя на тѣхъ, кои были главными орудіями сего пагубнаго фанатизма, убивали ихъ и приносили въ жертву тому богу, коего они были въ опасности лишиться. Такъ напримѣръ: Епископъ Іоаннъ, одинъ изъ усердныхъ распространителей Папской власти, былъ убитъ Мекленбургскими Славянами, и голова его принесена въ жертву Радегату, богу радости, стоявшему въ славномъ Ретрскомъ храмѣ. Но въ такомъ случаѣ подобное ожесточеніе простительно. Многія изъ новыхъ Историковъ славенскаго Народа, говоря о древнемъ его богослуженіи упоминаютъ и о человѣческихъ жертвахъ; но кажется, что они большею частію слѣпо повторяютъ это за другими, и стоило только одному съ умысломъ ли или безъ намѣренія выдать въ свѣтъ ложное мнѣніе за дознанную истинну, такъ уже компиляторамъ не трудно было впасть въ сіе заблужденіе. Такъ напримѣръ: одинъ Итальянской писатель 16-го столѣтія повѣствуетъ, что Славяне богу боговъ посвящали великолѣпныя храмы и приносили въ жертву и людей. Гельмолдъ же, изъ котораго онъ большею частью почерпалъ свои извѣстія о древнихъ Славянахъ, на кого онъ во многомъ, даже касающемся до обрядовъ богослуженія, ссылается, не говоритъ объ этомъ, какъ о всеобщемъ обычаѣ Славянскомъ, а также приписываетъ сіе ихъ озлобленію противъ Христіянъ! Нѣтъ примѣра, чтобы Славяне кого-нибудь изъ среды своей назначили въ жертву своимъ идоламъ такъ, какъ говоритъ Несторъ о жертвоприношеніи, случившимся при Владимірѣ, и такъ, какъ дѣлаютъ народы, у коихъ находятъ сей варварскій обычай; но они единственно думали только угодить богамъ своимъ тѣмъ, что они прольютъ предъ ними кровь Христіянъ, посягнувшихъ на ихъ разрушеніе. И мщеніе ихъ простиралось еще далѣе: quanta enim mortium genera Christicolis intulerint, relatu difficile est, *cum his quidem viscera extorserint, palo cercumducentes, has cruci affixerint, irridentes signum redemptionis nostrae* (Гелмолдъ).

Tantum religio potuit suadere malorum!

Но найдите мнѣ хоть одинъ народъ въ древней или новой Исторіи, которой бы не былъ привязанъ къ богамъ своимъ, къ своей религіи?

1) Естьли Византіецъ Менандръ въ концѣ 1-й книги о правленіи Тиверія и называетъ Славянъ лукавымъ и нечестивымъ народомъ, то онъ въ семъ случаѣ, какъ добрый Патріотъ, сердитъ на нихъ за то, что они въ сіе время опустошали Ѳракію и другія Греческія Провинціи. Напротивъ же того, Славяне издавна, даже тогда еще, какъ они вмѣстѣ съ

комъ народа, обрызганнаго кровію своихъ согражданъ! (Ибо и Варяги, граждане Кіевскія, конечно, имѣли право называться ими). Естьли Русскія въ плачевный періодъ Монгольскаго ига обагрялись кровію Русскихъ же, то въ семъ не народъ, а главы его, Князья наши, были виновны. Но тотъ, который съ спокойнымъ духомъ закалываетъ своего собрата въ честь болвану, тотъ не только что стоитъ на самой нижней степени человѣчества [1]), но и долго еще не можетъ быть способнымъ къ принятію благодѣтельныхъ, но притомъ и яркихъ лучей просвѣщенія. А мы во времена Владиміровы не таковы были. Мы были уже способны принять Науки и художества, которыя Владиміръ старался пересадить для насъ съ Ефрата и Нила. Мы готовы были встрѣтить тѣхъ путешественниковъ, кои по повелѣнію сего Великаго Князя собирали для насъ у Иностранцевъ плоды ихъ постепеннаго образованія. Хотя все сіе послѣдовало послѣ уже Владимірова крещенія, но вѣроятно, что сіи праотцы наши были уже къ этому приготовлены; иначе можно ли вообразить столь быстрый переходъ изъ глубочайшаго варварства къ національному образованію! Исторія показываетъ, что всѣ народы всѣхъ вѣковъ мало помалу приближались къ той степени просвѣщенія, которая назначена была имъ Провидѣніемъ; и нѣтъ нигдѣ примѣру, чтобы какія-нибудь Ирокесцы въ теченіе полвѣка преобратились всею своею массою въ утонченныхъ Европейцовъ 18-го столѣтія. [2])

Поэту представлять баснословныя сцены позволено, такъ какъ и художнику, коего главное намѣреніе состоитъ только въ томъ, чтобъ тронуть зрителя или возбудить въ немъ чувство изящнаго; но не тому, который кистію своею хочетъ увѣковѣчить для насъ дѣла предковъ нашихъ, въ галереѣ картинъ открыть предъ нами рядъ вѣковъ протекшихъ—и съ красотою соединить истинну. Въ семъ случаѣ дѣлается и художникъ, нѣкоторымъ образомъ, Историкомъ и принимаетъ на себя великія его обязанности; а Историкъ, какъ частнаго человѣка, такъ и цѣлый народъ долженъ изображать безпристрастно,

---

Гуннами и Антами заставляли дрожать Византійское Царство, славились своимъ человѣколюбіемъ въ войнѣ. Тотъ же Греческій Анналистъ Прокопій при другомъ случаѣ упоминаетъ, что и тогда, когда имъ позволяли грабить побѣжденнаго непріятеля, они отъ сего воздерживались и не хотѣли пользоваться даннымъ имъ позволеніемъ: Veneti (Венды или Славяне) omnium mortalium moderatissimi habiti sunt, *quod data peccandi* potestate parcius abuterentur. Какой лучшей похвалы народу военному? И притомъ отъ непріятеля, отъ Грека. Этимъ и сами Русскія, отрасль сего прямо Великаго Народа, даже въ 18-мъ просвѣщенномъ столѣтіи похвалиться не могутъ (особенно же подъ предводительствомъ desaevientis Suvorovii, такъ какъ называетъ его одинъ Иностранный писатель).

1) На которой, напримѣръ, находились Германцы во времена Тацитовы, приносившія человѣческія жертвы Меркурію, или по крайней мѣрѣ тому богу, котораго Римляне по сходству его съ ихъ Меркуріемъ назвали тѣмъ же именемъ; но вѣдь Германцы въ то время были ничто иное, какъ homines, qui nihil praeter vocem membraque haberent hominum, такъ какъ описываетъ ихъ разбитый ими Римскій Генералъ Варро.

2) Даже и Россія подъ Творческою рукою Петра Великаго не можетъ служить опроверженіемъ сему правилу; ибо естьлибъ Великій Князь Иванъ Васильевичъ не старался удержать связей Россіи съ Италіей и Германіей, естьлибъ онъ не выписалъ иностранныхъ художниковъ, и естьлибъ внукъ его Царь Иванъ Васильевичъ Грозный не заманилъ въ свое Государство Англинскихъ Докторовъ, Хирурговъ и *пр.*, — словомъ, естьлибъ они не были предшественниками Петру, то Россія не была бы таковою, какъ мы ее видимъ въ Царствованіе Александра I-го.

Natura non facit saltum. То же можно сказать и о ходѣ народнаго просвѣщенія.

и характеръ и того и другаго представлять въ истинномъ видѣ, собирая для сего матеріаллы не *какъ-нибудь*, но съ критическимъ разборомъ, пропуская сквозь чистилище критики каждое сказанное слово, каждое историческое извѣстіе, застарѣлое ли или новое; не полагаясь на ауторитетъ славнаго писателя, долженъ самъ доходить до источниковъ, и не прежде выдавать что-нибудь за *быль*, какъ по точномъ изслѣдованіи. Наконецъ, онъ долженъ стараться вникнуть въ духъ того народа, коего онъ хочетъ быть Историкомъ, или—что все равно—строгимъ Судіею предковъ его предъ современниками и потомствомъ.

Александръ Тургеневъ.

77.

Гетингенъ. $\frac{22}{10}$ Марта 1804.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Лекціи наши на сей недѣлѣ почти всѣ кончились, и я теперь хочу госпитировать къ тѣмъ Профессорамъ, которыхъ не удалось мнѣ здѣсь еще слышать. Недавно былъ у Пр. Сарторіуса, который читалъ Русскую Статистику. Говоря о степени просвѣщенія въ Россіи, упомянулъ онъ, между прочемъ, о рѣчи Платоновой, говоренной имъ во время коронаціи Александра. Онъ удивлялся не одному только краснорѣчію, но и тому прямо пастырскому духу, съ которымъ она писана. Я не знаю, говорилъ онъ, другаго Государства, гдѣ бы съ такою благоразумною смѣлостію можно было напоминать Государю его обязанности, и притомъ въ Правленіи, которое мы, прочія Европейцы, привыкли называть деспотическимъ. Онъ приводилъ цѣлыя тирады изъ этой рѣчи. Вы можете себѣ представить, какъ патріотическія сердца наши радовались.

Въ прошедшее воскресенье ѣздилъ я съ своими товарищами верхомъ въ Кассель, гдѣ мы нашли одного русскаго коммиссіонера отъ Московскихъ купцовъ, который, не зная порядочно ни по Нѣмецки ни по Французски, ѣздитъ по бѣлу свѣту, отправляетъ купеческія дѣла свои, и недавно пріѣхалъ изъ Франціи. Не смотря ни на какія неудобства, онъ еще и посты наши соблюдаетъ и нигдѣ не ѣстъ скоромнаго. Мы не могли довольно наговориться съ нимъ о Московскихъ; онъ всѣхъ знаетъ. Я спросилъ у него, знаетъ ли онъ Ивана Владиміровича; онъ отвѣчалъ мнѣ: «Какъ, Батюшка, не знать благодѣтеля-то, отца всѣхъ бѣдныхъ!». И началъ мнѣ разсказывать о немъ. Съ какимъ чувствомъ слушалъ я это отъ незнакомаго мнѣ человѣка и за 2000 верстъ, и какъ мнѣ пріятно было съ нимъ во всемъ этомъ соглашаться! Мы ожидаемъ

теперь сюда проѣздомъ русскихъ извощиковъ, которыя отсюда поѣдутъ въ Любекъ, а потомъ въ Лейбцигъ на ярмонку. Здѣсь настоящаго русскаго давно уже не слыхано.

Теперь вы, я думаю, изволили уже получить послѣднее письмо мое. Недѣль черезъ шесть ожидаю въ Вѣнѣ вашего о немъ мнѣнія. Недѣли въ двѣ надѣюсь я приготовиться къ отъѣзду, привести въ порядокъ свои книги и уложить ихъ для отсылки въ Россію; я приложу къ нимъ реэстръ; одинъ возьму съ собою, а другой по почтѣ пошлю къ вамъ. Теперь еще я не рѣшился посылать ли мнѣ на Ригу или на Петербургъ прямо, а оттуда уже въ Москву. Думаю, что выберу послѣднее. — Одинъ только Проф. Грельманъ получилъ рѣшительный зовъ; другія остаются еще въ ожиданіи. Онъ черезъ три недѣли ѣдетъ, и я просилъ уже его побывать у васъ. Университетъ въ немъ выигрываетъ больше всѣхъ; мы не многими были такъ довольны въ лекціяхъ, какъ имъ. Мастерски читаетъ Статистику и, сверхъ всего этого, онъ же еще и доброй, безкорыстной человѣкъ.

Почтеннѣйшему благодѣтелю Петру Володиміровичу свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе.

Съ чувствами сыновняго высокопочитанія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ.

Ал. Тургеневъ.

Сейчасъ видѣлъ присланный Шлецеру Гербъ на дворянство. Щитъ раздѣленъ на четыре части. Въ одной изображена дворянская корона, въ другой—черное крыло, въ третьей—Монахъ, сложа руки, съ четками и передъ нимъ разверстая книга съ надписью: *Несторъ*, въ четвертой—три звѣзды, а внизу подписано: *времена вѣчныя помянухъ*.

Нельзя удачнѣе было выдумать герба и девиза. Поздравляю молодаго Шлецера какъ съ милостями Монаршими, такъ и съ одобреніемъ Московской публики въ его лекціяхъ. Пусть идетъ онъ по стопамъ безсмертнаго отца своего, котораго аудиторія не вмѣщала нѣкогда множества слушателей.

78.

Гетингенъ. 1804. $\frac{2\ Апрѣля.}{21\ Марта.}$

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

На прошедшей недѣлѣ обрадовалъ насъ своимъ пріѣздомъ старинный мой пріятель Петръ Александровичъ Рахмановъ, и теперь мы имѣемъ удовольствіе съ утра до вечера говорить съ нимъ о Москвѣ. Онъ васъ передъ отъѣздомъ видѣлъ; но я сердитъ на него за то, что онъ не побывалъ у васъ и не привезъ мнѣ отъ васъ писемъ. Мы его упросили жить у насъ. Жаль, что намъ нельзя ѣхать съ нимъ вмѣстѣ; ибо онъ отсюда прямо черезъ нѣсколько дней отправляется въ Парижъ, а мы ѣдемъ на Вѣну; но за то мнѣ теперь уже не нужно будетъ безпокоиться о квартирѣ при пріѣздѣ въ Парижъ, ибо я обѣщалъ уже ему взъѣхать (sic) покуда къ нему прямо.

Здѣсь лекціи всѣ уже кончились; я свободенъ; только теперь тороплюсь укладывать свои книги. Не знаю, теперь ли мнѣ отсылать ихъ или оставить до возвращенія Андрея Сергѣевича въ Гетингенъ и до полученія вашего отвѣта на передпослѣднее письмо мое; но ненужныя отошлю, вѣрно, теперь. Естьли мнѣ можно будетъ еще возвратиться на полгода въ Гетингенъ, то я бы здѣсь нѣкоторыя оставилъ до себя, а другія бы послалъ къ вамъ. До Вѣны ѣду я вмѣстѣ съ Анд[реемъ] Серг[ѣевичемъ]; тамъ надѣюсь получить отвѣтъ вашъ и, смотря по тому, расположить отсылку книгъ. Я повторю мое желаніе поучиться еще въ Гетингенѣ, заняться еще Русской Исторіей и взять здѣсь Докторскую Степень. По службѣ я, кажется, ничего не теряю, ибо тогда я имѣлъ бы право на чинъ Коллежскаго Ассессора, естьли только подобная бездѣлица можетъ входить въ разсужденіе тамъ, гдѣ дѣло идетъ о достиженіи гораздо высшей цѣли. Чѣмъ болѣе я о себѣ думаю, тѣмъ болѣе мнѣ кажется, что я еще молодъ для настоящей дѣйствительной службы, и годъ, употребленный мною теперь на приготовленіе себя къ будущему моему званію, много замѣнитъ мнѣ въ послѣдствіи. Я боюсь, чтобъ подъ кучею бумагъ канцелярскихъ не простылъ мой теперешній жаръ, который къ тому же кажется мнѣ быть постояннымъ; ибо вотъ уже полтора года, какъ ничто не въ состояніи отвлечь меня отъ моего любимаго упражненія въ отечественной Исторіи. Меня же здѣсь всегда ободряло то, что классъ людей, посвятившихъ себя учености, стоитъ теперь въ Россіи совсѣмъ на другой ногѣ, нежели прежде. Да и вы же сами, дражайшія ро-

дители, радовались, когда незабвенный братъ мой получилъ академическій градусъ въ Моск. Университетѣ; а главнѣйшая цѣль моей жизни всегда будетъ состоять въ томъ, чтобы, сколько можно, стараться ійти по стопамъ его. Вотъ вамъ мои мысли; вамъ остается располагать ими и мною.

Я слышу, что Василій Андреевичъ надѣется посредствомъ общаго нашего благодѣтеля быть посланъ въ чужія краи; уже одна надежда меня радуетъ, хотя бы для меня и больно было не застать его въ Москвѣ. Ничего не могло бы быть полезнѣе и для нихъ и для другихъ, естьлибъ и Алексѣя Ѳедоровича послали обогатить еще болѣе себя въ Иностранномъ Университетѣ и возвратиться потомъ въ Россію къ стыду Московскаго, который не умѣетъ и не способенъ цѣнить людей ему подобныхъ. Жаль Мерзлякова, что онъ потерялъ въ Батюшкѣ Директора, жаль Университетъ, что онъ потеряетъ Мерзлякова. Право, эти люди и въ Германіи и вездѣ рѣдки, и можно сказать, что еще рѣже, нежели у насъ. Здѣсь много ученыхъ; но этого недовольно; много званныхъ къ ученому званію, но мало избранныхъ.

Милостивому Государю Антону Антоновичу и Максиму Ивановичу свидѣтельствую мое усерднѣйшее почтеніе.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами глубочайшаго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ.
Ал. Тургеневъ.

79.

Гетингенъ. 1804 года. $\frac{28}{9}$ *Марта. Апрѣля.*

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

Письмо ваше отъ 29-го Февр., адрессованное на имя Г. Шлецера, я получилъ еще здѣсь; меня съ недѣлю задержутъ здѣсь сборы; а ѣду я до Вѣны вмѣстѣ съ Андреемъ Сергѣевичемъ; а тамъ уже расположу вояжъ свой, смотря по тому, получу ли я ваше позволеніе на возвращеніе въ Гетингенъ. Вчера минуло мнѣ двадцать лѣтъ; горько было мнѣ провожать этотъ годъ, которой унесъ съ собою всѣ радости будущей жизни моей. Естьли я посмотрю на себя, такъ какъ я былъ за годъ или еще менѣе, то

самъ не узнаю себя: все во мнѣ и около меня перемѣнилось; не знаю еще— къ лучшему или къ худшему. Но какъ бы то ни было, я не хочу поддаваться ударамъ случая и буду имъ противиться, естьли возможно, съ тѣмъ мужествомъ, которому въ васъ удивляются и тѣ, кои вамъ едва извѣстны. На сихъ дняхъ былъ здѣсь одинъ проѣжжій изъ Петербурга, которому почтеннѣйшій благодѣтель Иванъ Володиміровичъ поручилъ сказать мнѣ о себѣ. Онъ уѣхалъ въ скорости, такъ что я не успѣлъ съ нимъ видѣться и распросить его подробнѣе, гдѣ онъ его видѣлъ.

Приношу вамъ, почтеннѣйшія родители, усерднѣйшія поздравленія съ причащеніемъ Святыхъ Таинствъ. Пусть божественнымъ своимъ дѣйствіемъ подкрѣпятъ и оживятъ они жизненныя и душевныя силы ваши; а я прошу только Всевышняго, чтобъ онъ удостоилъ и меня причаститься. Мы съ Анд[реемъ] Серг[ѣевичемъ] пробудемъ нарочно для этого нѣсколько дней въ Лейбцигѣ, чтобы успѣть поговѣть и принять тамъ причастіе въ Греческой церкви. Естьли намъ тамъ не удастся дождаться свѣтлаго воскресенья, то мы срѣтимъ великій день сей въ Дрезденѣ въ тамошней Русской церкви при Посольствѣ. Я заранѣе этому радуюсь. Меня побуждаетъ къ тому не одно только собственное усердіе, но и желаніе доставить Матушкѣ новое доказательство, что и препятствія не сильны удержать меня тамъ, гдѣ надобно исполнять волю ея.

Я еще разъ надѣюсь писать къ вамъ изъ Гетингена. Естьли въ послѣдствіи я не могу быть всегда такъ акуратенъ, то приписывайте сіе одной только невозможности и не безпокойтесь обо мнѣ; ибо я такъ здоровъ и спокоенъ, какъ только желать можно. Товарищи мои также всѣ здоровы; одни ѣдутъ въ Парижъ; Мудровъ же писалъ ко мнѣ изъ Вирцбурга, что онъ ѣдетъ въ Вѣну черезъ полтора мѣсяца; можетъ быть, тамъ съ нимъ увижусь.

Почтеннѣйшему благодѣтелю Ивану Володиміровичу свидѣтельствую мое глубочайшее высокопочитаніе.

Милыхъ братьевъ обнимаю всѣмъ сердцемъ и желаю имъ веселиться въ свѣтлый праздникъ. Поздравьте отъ меня и всѣхъ тѣхъ, кои васъ любятъ.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами сыновняго почтенія и преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ.
Ал. Тургеневъ.

Письмо сіе посылается 1/13 Апрѣля. Сегодня получили мы письма изъ Москвы, въ которыхъ посылается и дипломъ Г. Воинову на Докторское званіе.

80.

Гетингенъ 1804. $\frac{23}{11}$ Апрѣля.

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

При семъ честь имѣю препроводить аттестаты, взятыя мною отъ ГГ. Профессоровъ, коихъ лекціи я слышалъ въ прошедшія зимнія полугода. Нѣкоторыя ѣдутъ сами въ Москву и будутъ лично свидѣтельствовать вамъ обо мнѣ. На сей недѣлѣ отправился Г. Грельманъ съ почтеннымъ семействомъ своимъ. Примите его, дражайшія родители, съ обыкновеннымъ вамъ душевнымъ расположеніемъ. Онъ одинъ изъ тѣхъ, кои наиболѣе заслуживаютъ вашей милости, хотя бы и потому только, что онъ болѣе многихъ умѣлъ привязать меня къ себѣ и самъ полюбилъ меня. Онъ не одинъ ученой, но вмѣстѣ и добрый человѣкъ, въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Я далъ письмо къ вамъ и Г. Пр. Буле, которой также скоро ѣдетъ въ Москву. Также и Гофманъ и Калель. Однимъ словомъ, въ Москву отправляется цѣлая Геттингская колонія.

Завтра ѣдемъ и мы въ Лейбцигъ. Оставляю Геттингенъ съ чрезвычайно различными чувствами. Сколько горестей успѣлъ перенести я въ этомъ мѣстѣ! Радостей для меня почти не было, или я ихъ теперь не помню уже болѣе. Ни слова не скажу о пріобрѣтеніяхъ ума моего; что они тамъ, гдѣ говорится о томъ, что чувствовало сердце! Не имѣю времени писать болѣе; долженъ укладывать и укладываться. Я отправилъ въ Петербургъ черезъ Любекъ два ящика книгъ; въ одномъ приложенъ реэстръ имъ. Я здѣсь ничего за перевозъ не платилъ. Все должно будетъ заплатить въ Петербургѣ; впрочемъ, очень дешево взяли за это. Но не думайте, чтобъ это были всѣ мои книги. Это только весьма незначущая половина моей теперешней библіотеки. Лучшія и дорогія увражи, особенно касающіяся до Русской Исторіи, оставилъ я здѣсь, въ комнатѣ Анд[рея] Серг[ѣевича]. Посмотрю, вѣрно ли дойдетъ первая сія посылка. А въ Вѣнѣ расположу, какъ отослать остальныя. Простите, почтеннѣйшія родители, скорости письма моего. Не хотѣлось пропустить почты.

Братьевъ обнимаю.

Книги въ ящикахъ всѣ лежатъ въ безпорядкѣ, такъ что первыя томы въ одномъ, а послѣднія — въ другомъ. Объ этомъ, чтобы привести ихъ въ порядокъ, буду уже просить любезнаго и стариннаго друга Василія Степановича, которой поминутно становится для меня дороже. Онъ пойметъ отъ чего это. Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Vir generosissimus Alexander de Turgenew, Russus, stirpis splendere, morum integritate et virtutibus insignis, praelectionibus meis, quibus doctrinam mercatoriam exposui, summa cum diligentia auditor adfuit, id quod profiteor et testimonii religione dico. Göttingae d. 5. April 1804.

Johannes Beckmann
Britan. regis a consiliis aul.
Professor oeconomiae.

Lecturis

S. P. D.

Ioannes Theophilus Buhle Dr. Professor Philosophiae Publ. Ordin. in Academia Gottingensi.

Quod Domino Libero Baroni de Turgienew, Mosquensi, jam alias dedi testimonium diligentiae, qua Vir juvenis praestantissimus studiis philosophicis Gottingae indulsit, eodem novis documentis aucto liceat mihi denuo Illum mox in patriam rediturum tamquam propemptico prosequi. Post absolutam philosophiam theoreticam interfuit quoque D-nus de Turgienew praelectionibus meis de jure naturali hominis, civitatis, et gentium, insigni cum assiduitate et animi intentione; neque substitit intra praelectionum illarum cancellos, sed privata insuper meditatione et lectione ponderavit, ditavit, ornavit, et in usum suum convertit ex praelectionibus meis accepta. Cum talis igitur adnuc fuerit studiorum Ejus et vitae ratio, omnino persuasum mihi habeo, fore Eum aliquando in Eorum numero, de quorum virtutibus et meritis patria habitura sit, quod laetetur et glorietur.

Scrib. Gottingae d. XIX. April. CIↃIↃCCCIV.

Herr Alexander von Tourguenew aus Moskau hat in dem verflossenen Winterhalbenjahr meinen politisch-diplomatischen Vorlesungen imgleichen meinen practischen Lehrvorträgen über das Völkerrecht mit dem ausgezeichnetesten Fleisse ununterbrochen beygewohnt auch durch seine in den practischen Lehrstunden mir mitgetheilten Aufsätze von seinen vorzüglichen Fähigkeiten und seinem Eifer für die Wissenschaft mir die rühmlichsten Beweise gegeben, welches ich auf Verlangen hiedurch mit wahrem Vergnügen bezeuge.

Göttingen den 5-ten April 1804. Geo. Fried. v. Martens.

Dass Hr. Alexander von Turgenew in diesem Winter-Semester, auch das Privat-Collegium über Allgemeines Staatsrecht und Regierungsformen, bei mir mit eben dem ausdauernden Fleisse, mit eben der herzlichen Application, wie mehrere vorige bereits attestirte Collegia, gehöret habe, bezeuge ich hiemit auf Ehre.

Göttingen, $\frac{8}{20}$ Apr. 1804.

August Ludwig von Schlözer D.
Hofrath und Prof. der Staatswissenschaften:
des Kaiserl. Russischen Ordens des
heil. Wladimirs Ritter.

Mit wahrem Vergnügen bezeuge ich, dass Herr Alexander von Turgenew aus Mosskwa meine Vorlesungen über Naturgeschichte und Mineralogie im nun verflossenen Winterhalbenjahre mit dem ausgezeichnetsten Fleisse unausgesetzt und aufmerksamst frequentirt hat.

Göttingen den 3-ten April 1804.

Joh. Fr. Blumenbach.

81.

Милостивый Государь Батюшка.

Письмо сіе пишу я наканунѣ моего отъѣзда въ Лейбцигъ. Г. Пр. Гофманъ просилъ меня доставить ему случай быть у васъ. Мнѣ пріятно выполнять его желаніе, потому что чрезъ сіе имѣю я самъ случай еще разъ писать къ вамъ. Сегодня же отправляю я другое письмо по почтѣ, въ коемъ приложены аттестаты.

Простите, Милостивый Государь Батюшка, безпорядокъ письма моего; я тороплюсь укладываться.

Препоручая себя родительскимъ вашимъ благословеніямъ, съ чувствами глубочайшаго сыновняго почтенія и совершенной преданности честь имѣю быть

Милостивый Государь Батюшка
вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ
Ал. Тургеневъ.

Гетингенъ Апр. $\frac{23}{11}$ *1804.*

ДНЕВНИКЪ.

Гетингенъ.

1803. 1 Генв. / *1802. 20 Дек.* *Суботa.* Вчера, т. е. наканунѣ Новаго году, провелъ я вечеръ за городомъ въ Тепельгаузенѣ съ моими соотечественниками; былъ довольно веселъ, но не могъ безъ отвращенія смотрѣть, какъ Я[ншинъ], Ф[рейгангъ], Г[усятниковъ] цѣловали руку у жен.. Идучи туда, думалъ о братѣ и о томъ, какъ бы намъ послѣ вмѣстѣ ѣхать путешествовать. Оттуда во 2-мъ часу ночи пошелъ съ нѣкоторыми Русскими назадъ въ Гетингенъ и велъ за руку пьян. Я[ншина]. Подходя къ Гетингену, слышали пальбу; но когда пришли въ городъ, то все уже было тихо (въ 3 часа ночи). Жаль, что не удалось видѣть шалостей пьяныхъ студентовъ. Въ 4 часа заснулъ и проспалъ до 10-ти утра. Товарищи мои разбудили меня, и я одѣвшись пошелъ съ Сулимою и съ его Гофм. сперва къ Шлецеру, которой насъ весьма ласково принялъ въ прекрасно убранныхъ покояхъ. Потомъ къ Проректору; этотъ сказывалъ намъ, что нынѣшнюю ночь не было столь большаго шуму, какъ обыкновенно бывало въ прошлыя года. Отъ Проректора пошли къ Профессору Булю, которой по обыкновенію три раза поцѣловалъ насъ. Здѣсь нашли и Гусятникова въ смѣшномъ Московскомъ мундирѣ. Буль разсказывалъ о Бекманѣ, какъ онъ былъ взятъ подъ караулъ въ дворцовомъ саду солдатами во время восшествія на престолъ Екатерины, будучи подозрѣваемъ потому, что онъ съ большимъ любопытствомъ списывалъ надпись съ одной статуи. Послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ Wunderlich; разсуждали о Нѣмецкомъ духовенствѣ. Потомъ отправилъ я въ Веймаръ полученное мною письмо на имя гвар. офиц. Гарихвостова.

Въ этотъ годъ не увижу еще я родныхъ своихъ; не увижу и...[1]) Но дай Богъ соотвѣтствовать ихъ ожиданію и исполнить столь убѣдительную прозьбу[2]) запечатлѣнною Кр.....

Наконецъ, началъ и я писать журналъ свой; для другихъ онъ не можетъ быть интересенъ, mais aussi je ne pretends pas à cela; довольно, что онъ напомнитъ мнѣ современемъ все, что со мной было; довольно, естьли онъ для меня будетъ зеркаломъ души моей!

---

1) Многоточіе на мѣстѣ пропуска здѣсь и далѣе принадлежитъ оригиналу.

2) Въ рукоп. исправлено изъ «убѣдительною прозьбою».

Отъ Шлецера удостоился получить визитъ, и билетъ сохраню. Признаюсь, что меня это очень порадовало. Почтенный старикъ гордъ съ знатными и учтивъ и снисходителенъ съ равными и нисшими себя.

Ввечеру переписывалъ коллегіи Мартенса и читалъ до 11 часовъ Probe Russischer Annalen.

2-е Генв. 1803. 1802. Дек. 21. Вставши въ 9-мъ часу, пошелъ къ Яншину; поговоря съ Пилецкимъ, воротился домой и началъ опять переписывать Мартенсову лекцію. Послѣ обѣда взялъ Англинскій урокъ и былъ въ дурномъ расположеніи духа; но потомъ пошелъ со двора, былъ у Кассіуса и разгулялся. Пришедши домой, опять принялся за Мар[тенсову] лекцію, но Пилецкій перервалъ мою работу, и я съ нимъ провелъ съ часъ довольно весело; нерѣшимость за что приняться навела опять на меня нѣкоторую скуку. Вечеръ провелъ съ Яншинымъ, Пилецкимъ и Лангштетомъ довольно весело, и въ 12 час. легъ спать.

3-е Ген. 1803. 1802. Дек. 22. Сегодня начались опять лекціи. Поутру получилъ отъ брата письмо отъ 24 Дек. и отвѣчалъ ему. Послѣ обѣда ходилъ въ Библіотеку и просмотрѣлъ Коха; думаю начать читать его, что можетъ послужить мнѣ и повтореніемъ Новѣйшей Исторіи Европейской и познакомить съ Французскими министерскими терминами, которыя (неизвѣстно будущее), можетъ быть, случится и употреблять когда-нибудь. Надобно же рѣшиться выбрать родъ службы и въ чемъ-нибудь превзойти нашихъ обыкновенныхъ Кол. Ин. дѣлъ переводчиковъ, или сдѣлаться способнымъ быть употреблену при Миссіи въ дѣло. Потомъ былъ на лекціяхъ, взялъ Аглинской урокъ и разговаривалъ съ И[ваномъ] П[авловичемъ] о томъ, что больше всего интересно было для меня на лекціяхъ у Шлецера, Герена и Бутервека; это служитъ для меня лучшимъ повтореніемъ. Повторивъ все, принялся опять писать Март[енсову] лекцію.

1803. Генв. 4. 1802. Дек. 23. Сегодня послѣ обыкновенныхъ утреннихъ лекцій получилъ передъ обѣдомъ отъ брата письмо, отвѣтъ на то, въ которомъ я спрашивалъ у него, чѣмъ бы мнѣ больше всего заниматься. Конечно, Исторія и Дипломатика для меня всего нужнѣе могутъ быть. Но мнѣ нужно обработывать свой языкъ и умѣть въ порядкѣ и связи и чисто выражать мысли свои. А пріобресть это искусство можно одной только практикой. Вчера, лежа уже въ постелѣ, вздумалъ я написать письмо къ Бошняку и увѣдомить его, что здѣсь и съ 1000 руб. жить можно и учиться. Конечно, нельзя имѣть такого

прекраснаго стола, какой я у него обыкновенно находилъ; но для прилѣжнаго, дѣятельнаго студента это и лишнее. Дѣло въ томъ, въ состояніи ли онъ при своемъ нѣжномъ расположеніи оставить Отечество и родныхъ своихъ; въ состояніи ли онъ доѣхать сюда одинъ; и, послѣ небольшаго моего опыта, боюсь, чтобъ и въ немъ не подѣйствовало болѣзненное чувство разлуки съ своимъ Отечествомъ—болѣзнь, дѣлающая честь человѣчеству. Примѣръ Успен[скаго] всегда свѣжъ въ моей памяти.

Естьли буду современемъ во Франціи, то чтобы не позабыть посѣтить гробницу Русской Княжны, находящуюся въ (sic).

Сегодня послѣ обѣда началъ читать Коха и почувствовалъ, что много еще надобно мнѣ упражняться во Франц. языкѣ, для того чтобъ умѣть послѣ самому легко и чисто на немъ изъясняться; въ Нѣмецкомъ языкѣ, кажется, я несравненно сильнѣе.

Ген. 5. 1803.
1802. Дек. 24. Еще прошелъ день, — и я едва успѣлъ подумать о самомъ себѣ. Завтра у насъ Рожество; вѣрно, вспомнятъ и обо мнѣ, но я далекъ отъ нихъ и не могу подать отголоска друзьямъ моимъ; воображаю, какъ я провелъ прошлаго года этотъ день, и жалѣю, что не писалъ тогда журнала; а то бы онъ припомнилъ мнѣ. Завтра думаю написать письмо къ Бат. и также къ Жук[овскому] и къ брату.

Ген. 6. 1803.
1802. Дек. 25. *Утро.* Нынче у насъ на Руси Рожество; теперь всѣ приготовляются ійти къ обѣднѣ; а я приготовляюсь ійти на лекціи.

День прошелъ, какъ обыкновенно. Какъ бы желалъ поговорить и помечтать съ кѣмъ-нибудь о прошедшемъ! Что естьли бы хоть подъ конецъ моего путешествія поѣхать мнѣ съ братомъ; но врядъ можетъ ли это исполниться. Мы бы другъ другу напомнили о времени, которое провели мы вмѣстѣ, о небольшихъ, но для насъ интересныхъ происшествіяхъ, которыя случались съ нами. Настоящее никогда не имѣетъ для насъ прелести прошедшаго; всегда человѣкъ жалѣетъ о прошедшемъ. Однакожъ, въ послѣднія два года я чувствовалъ, что я жилъ и наслаждался; я и въ настоящемъ чувствовалъ цѣну настоящаго, и мнѣ нельзя безъ горести и безъ глубокаго чувства вспоминать объ немъ,— все это не возвратится; и мнѣ остается утѣшать себя только однимъ воспоминаніемъ и питать тѣ же пламенныя чувства признательности и любви къ виновни.....

Ген. 7. 1803.
1802. Дек. 26. Сегодня получилъ отъ брата письмо изъ Вѣны. Тутъ же приложено къ нему Блудова письмо. Завтра и послѣзавтра надобно отвѣчать на три послѣднія письма отъ него и писать въ Москву къ Бат.,

Мерзл[якову], Жук[овскому], Костогор[ову] и, естьли успѣю, къ Бошняку.

Сегодня имѣлъ удовольствіе слышать отъ Шлецера похвалу Русскимъ. Говорилъ о Исландскихъ путешественникахъ, кои оставили хладныя, но не менѣе для нихъ драгоцѣнныя берега Исландіи, потому что свобода и чувство независимости согрѣвали ихъ; они оставляли семейственный шалашъ свой и пускались въ необозримое море и приставали къ берегамъ Франціи и Англіи, съ жадностью собирали лучи просвѣщенія, плѣнялись поэзіей и спѣшили къ своимъ соотечественникамъ раздѣлить съ ними свои сокровища. Шлецеръ послѣ повторенныхъ опытовъ замѣтилъ, что тѣ, кои пріѣзжаютъ въ Университетъ издалека, гораздо больше пользуются ими, нежели тѣ, кои живутъ въ сосѣдствѣ; такъ напр. въ Гетингенѣ Русскія студенты и Венгерцы вообще несравненно дѣятельнѣе и прилежнѣе Гановранцовъ.

Нынѣшній вечеръ отъ 8 до 10 провелъ съ Яншинымъ и пѣли русскія пѣсни; доброй малой и съ хорошимъ душевнымъ расположеніемъ, но сообщество съ нѣмецкими Графами испортитъ и здоровье его и отвлекутъ (sic) отъ ученья.

Генв. 8. 1803.
1802. Дек. 27. Сегодня слушалъ лекцію Блуменбаха о птичьемъ желудкѣ, для варенія котораго непремѣнно нужно что-нибудь твердое, какъ напр. песокъ, мелкія камни, и что, естьли кормить птицъ одною обыкновенною пищею и держать ихъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы не понадалось имъ ничего песочнаго или землянаго, то они при одной только хорошей пищѣ, наконецъ, исхудаютъ. Странно, но справедливо и подтверждено опытами. Также примѣнялъ онъ сіе и къ человѣческому желудку и говорилъ, что и человѣкъ глотаетъ иногда даже камни, и желудокъ его выноситъ. Три случая, которыя побуждаютъ къ сему. 1-й. Неволя; какъ напримѣръ, въ Швейцаріи водили мальчика, заставляя его глотать камни, и показывали его за деньги народу. Неожиданная жестокость отъ Швейцара! 2-й случай. Чрезвычайныя обжоры для недостатка пищи глотаютъ камни. Примѣръ одного солдата, которой ѣлъ за 8-хъ и отъ чего изъ нѣмецкой экономіи получилъ отставку. Случилось ему ѣхать въ Голландію, гдѣ, какъ извѣстно, камни рѣдки, то онъ запасся ими на все время пребыванія его въ Голландіи. 3-й случ. Въ Англіи думаютъ, что глотаніе камней нужно для поправленія желудка.

Ввечеру писалъ письмо къ брату, гдѣ говорилъ ему о Булѣ, Бутервекѣ, Мартенсѣ и о планѣ своего ученія.

Генв. 9. 1803. / *Дек. 28. 1802.* Писалъ письмо къ Батюшкѣ и къ брату. Ввечеру ходилъ къ Шлецеру, гдѣ нашелъ Бекмана. Дочь Шлецера принесла пуншъ; я хотѣлъ было отказаться; но увидѣлъ, что и прекрасной полъ не стыдится пить пуншъ — закраснѣлъ и выпилъ свою рюмку. Потомъ пришелъ домой и читалъ до 12-го часу Коха.

Генв. 10. 1803. / *Дек. 29. 1802.* Сегодня отправилъ письма. Думалъ получить письмо отъ брата, но обманулся. Надѣялся, что успѣю вчера написать ко всѣмъ письма и въ Москву и въ Симбирскъ; однакожъ, не успѣлъ. Что-то подѣлываютъ у насъ въ Симбирскѣ! спокойнѣе ли дядюшка и здоровы ли всѣ наши? Думаютъ ли теперь въ Симбирскѣ, что Тургеневы, которыя нѣкогда извѣстны были подъ первыми шелунами въ городѣ, теперь странствуютъ въ чужихъ земляхъ и вспоминаютъ Симбирскъ, въ которомъ столько горькихъ и рѣдко, рѣдко пріятныхъ минутъ провели они? Симбирскъ, Симбирскъ! Горы твои и величественная Волга не изгладятся изъ моей памяти. Братъ, братъ!

Скороль
Мы на Волгу кинемъ
Радостный веселый взглядъ?
Скороль мы друзей обнимемъ?

Ген. 11. 1803. / *Дек. 30. 1802.* Сегодня вночь, въ 2 часа, вдругъ просыпаюсь и слышу на улицѣ крикъ, звонъ, барабанный бой; я всталъ, разбудилъ И[вана] П[авловича], посмотрѣлъ изъ окошка, увидѣлъ множество студентовъ на улицѣ; всѣ кричатъ: Feuer! Bursche, heraus! и, въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ страшное зарево; одѣлся и побѣжалъ на пожаръ; стеченіе народу большое; но всѣ стоятъ, и немногія работаютъ на пожарѣ. Я подошелъ ближе; не желая быть праздникомъ зрителемъ, взлѣзъ въ домъ и сталъ передавать изъ окошка вещи, которыя могъ найти. Потомъ, сдѣлавши, что только отъ меня зависѣло, пошелъ домой и въ 4 часа легъ спать.

Холодныя Нѣмцы стоятъ и разсуждаютъ, какимъ бы образомъ удобнѣе тушить огонь, между тѣмъ какъ ни одинъ не хочетъ подать настоящей помощи. И огонь не въ состояніи былъ согрѣть ихъ! Какое сравненіе съ нашими Русскими! Какая дѣятельность и неустрашимость видна при подобныхъ случаяхъ у насъ въ Москвѣ — и какая медленность и равнодушіе здѣсь!

Дек. 31. 1802. / *Ген. 12. 1803.* Завтра у насъ на Руси Новой годъ. Желалъ бы видѣть хоть одни стихи нашихъ Поэтовъ. Авось Мерзляковъ или Жуковской напи-

шутъ и не забудутъ прислать. Удивительно, что по сю пору ни одинъ изъ нихъ ни строчки ко мнѣ: Loin des yeux, loin du cœur! Скоро начнутся и экзамены у насъ въ Пенсіонѣ. Какое достопамятное время для меня! Вотъ скоро четыре года тому, какъ въ первой разъ встрѣтились взоры наши на актѣ; 4 года, какъ мы узнали другъ друга и.... Ахъ! ничто и никогда не истребитъ изъ моей памяти сіи первыя минуты, сіе начало моего блаженства; ничто не потушитъ во мнѣ сей первой искры.... и добродѣтели.

$\frac{\text{13 Генв. 1803.}}{\text{1 Генв.}}$ Сегодня получилъ отъ брата предлинное письмо съ приложеніемъ записки отъ..... Въ суботу буду отвѣчать ему. И у насъ Новой годъ!

1803 Генв. $\frac{14}{2}$. Наконецъ, къ сердечной радости получилъ отъ Батюшки и Матушки письмо, и отъ Жуковскаго, и отъ Бошняка, и еще отъ Ивана Ивановича Шварца. Удивляюсь, что Бошняку показалось холоднымъ въ пріемѣ Батюшкиномъ; конечно, Бат. не можетъ и не умѣетъ говорить такія учтивости и комплименты, какія я обыкновенно слыхалъ отъ Бошн[яковой] Бабушки; но какъ отъ него этого и требовать? — въ немъ надобно искать дѣлъ, а не словъ.

Генв. $\frac{15}{3}$. Сегодня госпитировалъ у Рихтера. Послѣ обѣда получилъ отъ И[вана] И[вановича] Шварца письмо съ деньгами А[ндрея] С[ергѣевича] и И[вана] А[лексѣевича]. А въ вечеру слушалъ концертъ Гайдена [1]) «die Schöpfung»; только оно здѣсь en mignature и совсѣмъ не имѣло на меня того дѣйствія, какое въ Москвѣ, когда въ полуосвѣщенной огромной ротондѣ гремѣло творческое слово: «Бысть». День и вечеръ думалъ писать письма и ничего не успѣлъ: тѣмъ больше будетъ работы завтра.

Генв. $\frac{16}{4}$. Сегодня назначилъ я себѣ писать письма—и ни одного не кончилъ во весь день. Чувствую, что начинаю отвыкать отъ письменнаго слогу и что письма мои пахнутъ нѣсколько философскими лекціями.

Генв. $\frac{17}{5}$. Сегодня получилъ отъ брата два письма отъ одного числа. Какъ радъ, что мы можемъ быть другъ съ другомъ такъ откровенны. Ничего бы для меня больнѣе не было, естьлибъ онъ хоть минуту подумалъ писать ко мнѣ о деньгахъ, и ничего нѣтъ для меня утѣшительнѣе, какъ видѣть, что мы увѣрены другъ въ другѣ.

1) Въ рукописи Гайнеда.

$\frac{18}{6}$. Сегодня вспомнилъ, что день, столь для меня памятный и незабвенный, о которомъ я хотѣлъ справляться, прошелъ уже въ декабрѣ прошедшаго года; слѣд. дек. 31-го, когда я думалъ, что онъ еще только наступитъ, я ошибался; тогда уже пробило давно четыре года тому, какъ.....

$\frac{19}{7}$. Сегодня писалъ письмо къ Шварцу и завтра поутру постараюсь отправить его. Не знаю, а кажется, что эгоизму нѣтъ въ письмѣ моемъ, и одна искренность говорила въ немъ. Впрочемъ, простительно, даже должно было мнѣ оправдать себя въ глазахъ Консула, для того чтобъ послѣ не нанести Батюшкѣ безпокойства, естьли бы, паче чаянія, Консулъ его обо всемъ увѣдомилъ. Я говорилъ прямо и говорилъ правду.

$\frac{20}{8}$. Какъ радъ, что нашелъ ключь, или, по крайней мѣрѣ, истолкователя Канта въ Септиміусѣ Бутервека. Кажется, что, естьли я прочту съ возможнымъ вниманіемъ эту книгу, то вникну или хотя получу ясныя идеи о Кантовой Системѣ и объ отличіи, какое имѣетъ она отъ другихъ — древнихъ и новыхъ.

$\frac{21}{9}$. Сегодня получилъ письмо отъ Батюшки и Матушки и братьевъ. Вася пишетъ, что Бат. разнемогается. Что естьли это опять та же болѣзнь, которая такъ долго мучила Бат., вѣроятно, отъ огорченій? И насъ ни одного нѣтъ при немъ! Боже мой, Боже мой, соблюди его!

$\frac{22}{10}$. Госпитировалъ у Гмелина, былъ въ Библіотекѣ и ввечеру слушалъ Гайденово «Твореніе».

$\frac{23}{11}$. Сегодня писалъ письма къ Батюшкѣ и Мат. и къ Васѣ и имѣлъ облегченіе плакать, прося Васю, чтобъ онъ употребилъ всѣ свои силы и старанія замѣнить, сколько можно, насъ, естьли къ общему нашему нещастію, паче чаянія, усилится Батюшкина болѣзнь. Также просилъ Николая Лукьяновича, чтобъ онъ почаще навѣщалъ Батюшку и увѣдомлялъ бы меня обстоятельной записочкой о Батюшкиной болѣзни.

Вечеръ провелъ нѣсколько съ Ив[аномъ] Алек[сѣевичемъ] и слышалъ отъ него о ....

$\frac{24}{12}$. Отправилъ письма въ Москву и къ брату. Ввечеру читалъ древнюю Исторію и сравнивалъ характеръ Александра Великаго съ характеромъ Петра Великаго; но безъ всякаго пристрастія, и не такъ какъ Русской, но какъ

гражданинъ міра, скажу, что Петръ Великой превзошелъ далеко Македонскаго завоевателя, хотя многое нашелъ я сходное и въ характерахъ и въ дѣлахъ ихъ.

Александръ отмстилъ съ непростительною жестокостью убійство Дарія,— но Петръ плакалъ по смерти Карла XII-го.

$\frac{25}{13}$. Получилъ отъ брата письмо отъ 1-го и 13-го Генв., гдѣ приложено и Батюшкино и Жуковскаго. И такъ, естьли брата опредѣлятъ въ Петербургѣ въ канцеляріи Воронцова, то мнѣ надобно будетъ перестать надѣяться ѣхать когда-нибудь съ нимъ путешествовать. Такъ и быть. Перестану надѣяться и радовать себя будущимъ, а буду спокойно ожидать того, чему непремѣнно надобно случиться.

Сегодня Бутервекъ на лекціи описывалъ характеръ Петрарка и платоническую любовь его къ Лаурѣ. Какое разительное сходство съ характеромъ Жуковскаго! Кажется, что, естьлибъ мнѣ надобно было изобразить характеръ Жук[овскаго], то бы я то же повторилъ, что Бутервекъ говорилъ о Петраркѣ. И Жук[овскій] точно въ такомъ же отношеніи къ Св..., въ какомъ Петр[арка] былъ къ его Лаурѣ или къ M-me de Sade.

$\frac{26}{14}$. Ввечеру поправлялъ переводъ свой Шлецеровой маленькой русской Исторіи. Съ какимъ русскимъ патріотическимъ духомъ описывалъ Шлецеръ сраженіе при Калкѣ и слѣдствія его. О, какъ трогательно,—вскричалъ онъ, — читать описанія, когда выходили нещастныя деревенскія жители съ своимъ духовенствомъ на встрѣчу опустошающимъ варварамъ и умоляли ихъ о пощадѣ невинности! Но ничто не могло смягчить ожесточеннаго Монгола!

Огнь во взорахъ, въ сердцѣ камень — человѣчество, прости!

$\frac{27}{15}$. Сегодня вспомнилъ Русь по икрѣ, которую прислалъ мнѣ Шлецеръ, и по картинамъ, изображающимъ увеселенія и обычаи Русскихъ.

$\frac{28}{16}$. Получено отъ брата письмо; также и къ Калкау письмо, которое я взялъ для отдачи ему; вѣроятно, что скоро будетъ. Опять прошла недѣля.

$\frac{29}{17}$. Послѣ обѣда ходилъ гулять по валу, для того чтобы устать и вспотѣть; чувствую, что грудь и спина начинаютъ болѣть отъ сидѣнья, но въ другое время совсѣмъ нѣкогда прохаживаться; второй часъ послѣ обѣда не буду ничего дѣлать, а только всякой день ходить до усталости; для чего

не пожертвовать нѣкоторое время и прогулкѣ? Что пользы, естьли и будетъ здоровая душа да — въ больномъ тѣлѣ? Ввечеру былъ у Яншина, ужиналъ тамъ и провелъ все время очень весело; пришедши домой въ 10-мъ уже часу, нашелъ тамъ человѣка отъ Шлецера, которой зоветъ меня завтра къ себѣ обѣдать и прочесть письма, полученныя имъ изъ Москвы. Что-то новаго? Увижу завтра. Сонъ клонитъ сильно, а не подѣлавши чего-нибудь, не хочется лечь спать!

$\frac{30}{18}$. Обѣдалъ у Шлецера и время провелъ пріятно, и не былъ такъ жеширанъ, какъ въ первый разъ. Съ женой его говорилъ о Шиллерѣ, Гете, Коцебу. Шлецеръ обѣщалъ дать рекомендательное письмо къ своему повѣренному для доставленія отсюда книгъ въ Москву. За столомъ пили за здоровье Бат. и Мат.. Послѣ ходилъ гулять. Пришелъ домой и кончилъ письмо къ брату.

$\frac{31\ Ген.}{19\ Ген.}$ Поутру получилъ отъ брата письмо отъ $\frac{7}{19}$ Генв. и нѣсколько отвѣчалъ. Пришедши домой, засталъ Калкау, которой ввечеру обрадовалъ меня письмами и книгами. Такъ полонъ новыми мыслями и новыми чувствами, что не знаю, что записать. И такъ, погребу ихъ, какъ и обыкновенно, въ самомъ себѣ и буду самъ про себя знать, что я чувствовалъ и какъ я чувствовалъ. Наконецъ, помирился и съ Ан[дреемъ] Сер[гѣевичемъ]; какое тяжелое бремя сбросилъ съ плечь своихъ!

$\frac{1\ Февр.}{20\ Ген.}$ Думалъ ввечеру писать письма къ Бат. и ко всѣмъ въ Москву, но, вмѣсто того, провелъ его, хоть очень весело, съ Калкау. Авось завтра не успѣю ли, по крайней мѣрѣ, къ одному Батюшкѣ написать.

$\frac{2\ Февр.}{21\ Ген.}$ У Шлецера слышалъ кое-что, изъ чего можно выбрать для драматическихъ сюжетовъ и послать къ брату. Естьли на этой недѣлѣ будетъ время, то напишу къ брату о нихъ.

Ввечеру писалъ письма къ Батюшкѣ и къ брату. Послалъ къ нему Шиллерову піесу: «На отъѣздъ Веймарскаго Принца въ Парижъ».

Dass dich der Vaterländ'sche Geist begleite,
Wenn dich das schwache Brett
Hinüber trägt auf jene — linke Seite,
Wo Deutsche Treu vergeht!

Прекрасно! Auf jene — *linke Seite;* тамъ, гдѣ проходитъ Германская вѣрность!

$\frac{3}{22}$. Отправилъ, хоть некончанное, письмо къ Батюшкѣ и къ брату, и получилъ отъ брата журналъ его. Какъ пріятно проводилъ онъ свое время и какъ умѣлъ живо и интересно выразить все, что чувствовалъ, что видѣлъ. Какая откровенность, какая непринужденность, Unbefangenheit, въ мысляхъ, чувствахъ и выраженіяхъ! Журналъ его есть зеркало, въ которомъ видишь прекрасную, благородную душу, образованную красотами природы и поэзіи.

$\frac{4}{23}$. Вечеръ провелъ наипріятнѣйшимъ образомъ у Шлецера вмѣстѣ съ своими соотечественниками; какой обходительной, острой старикъ! Говоря о Бонапарте, Гус[ятниковъ] сказалъ ему, что онъ питаетъ къ нему все должное почтеніе необыкновенному великому человѣку, но что не можетъ позабыть, что онъ узурпаторъ, и что въ глазахъ его тогда бы онъ сдѣлался прямо великимъ, естьлибъ вручилъ скипетръ Лудовику 18-му, а самъ для благоденствія Франціи остался бы первымъ его министромъ. «Я бы не одобрилъ сего поступка», отвѣчалъ Шлецеръ: «развѣ ваша Великая Екатерина не пох....? и развѣ она не составляла полныя 36 лѣтъ благоденствія своихъ народовъ? Ainsi va le monde! Оставимъ наши предразсудки и будемъ думать о щастіи человѣчества, aber nicht von dem Falle eines Individuum».

$\frac{5}{24}$. Что можетъ быть холоднѣе и безчувственнѣе Нѣмцовъ! Отецъ, лишившійся взрослаго сына, тужитъ о томъ, что воспитаніе его дорого ему стало и что онъ не успѣлъ еще вознаградить столько, сколько на него было истрачено; братъ, потерявши брата, радуется, что ему достанутся теперь кафтанъ и сапоги. Невѣроятно, но не менѣе того справедливо! Потому — что я самъ очевидный свидѣтель. Одна нѣжная сестра его плачетъ на гробѣ; одна она неутѣшна; она сплела вѣнокъ, омочила его горестными слезами и положила ему на голову, какъ послѣдній знакъ вѣчной любви и дружбы, какъ послѣднее воздаяніе брату и другу. Л... не отходитъ отъ хладнаго тѣла, согрѣваетъ его слезами своими и не принимаетъ утѣшенія!

Ah! Un frère est un ami, donné par la Nature!

О! да согрѣется и смягчится сердце твое, холодный отецъ, видя нѣжную безутѣшную дочь свою!

$\frac{6}{25}$. Поутру былъ у Буле, говорилъ съ нимъ о Кантѣ и его философіи во Франціи; съ негодованіемъ разсказывалъ онъ мнѣ, что нынѣшній Прусской Король, бывая часто въ Кенигсбергѣ, не только не посѣтитъ, но и не спроситъ о Кантѣ.

Alexandre vénéroit Aristote en Macedoine, Calanus dans l'Inde; il visitoit le cynique dans son tonneau. Je ne sache, dit Villers, que le jeune Roi de Prusse, lors de son voyage à Kœnigsberg, ait témoigné aucun désir de voir l'homme le plus celèbre de son Royaume.

Ввечеру писалъ письма къ Батюшкѣ, къ Ап[нѣ] Ѳед[оровнѣ] и къ Марьѣ Сем[еновнѣ] Арже[витино]вой и къ Бошняку. Вотъ уже скоро день Ангела моего Ангела; живо воображаю еще себѣ тотъ день, какъ я въ первый разъ еще былъ съ нею у Лихачева 3-го Февраля, вскорѣ послѣ Пансіонскаго акту; вотъ ужъ этому 4 года; могъ ли я тогда надѣяться или только вообразить, что современемъ буду ѣздить къ нимъ въ домъ, буду л..... ею[1]). Прошлаго году этотъ день провелъ я очень грус[т]но въ Петербургѣ; ходя съ стѣсненнымъ сердцемъ по Невской Набережной, досадовалъ, для чего меня нѣтъ въ Москвѣ. Она не ожидала, что мы опять скоро увидимся, и очень была печальна; весь день проплакала. Прости, мой милой другъ! Пишу о тебѣ рѣдко, но не проходило еще ни одного вечера, въ которой бы я не думалъ о тебѣ; это одно можетъ размягчить[2]) меня, и, досадуя на себя иногда цѣлой день, я послѣ мирюсь съ собою и засыпаю съ добрыми чувствами, съ новымъ расположеніемъ ко всему доброму. Что естьлибъ не увѣренность, что я любимъ тобою? я бы, право, часто не находилъ въ себѣ внутренняго спокойствія и ропталъ на Провидѣніе, зачѣмъ не сотворенъ я съ лучшимъ характеромъ. Прости, единственный другъ мой! Прости!

$\frac{7}{26}$. Думалъ отправить письмо, но не отправилъ для А[ндрея] С[ергѣевича]. Думалъ получить письма отъ брата, но не получилъ. Думалъ ввечеру заняться больше поправленіемъ перевода, но не успѣлъ. Думалъ въ 11 часовъ лечь спать и — легъ! Вообще послѣднее намѣреніе исполняю я, кажется, съ большею акуратностію.

$\frac{8}{27}$. Ввечеру, повторивъ лекціи, дѣлалъ компиляціи для княженія Ольгова и былъ во все время въ веселомъ расположеніи духа; но сидя у А[ндрея] С[ергѣевича], совралъ непростительно неосторожно и, естьли не огорчилъ, то, по крайней мѣрѣ, привелъ въ замѣшательство А[ндрея] С[ергѣевича]. Сколько разъ обѣщалъ самому себѣ не говорить пустаго: но кто въ состоя-

1) Въ рукописи неясно: можетъ быть и — *ее*; Веселовскій (Жуковскій, 71) читалъ «л[юбим]ъ».

2) Такъ читалъ Весловскій (Жуковскій, 72); рукописное чтеніе скорѣе будетъ «растягать».

ніи непрестанно держать въ уздѣ языкъ свой! Но это не извиненіе. Одна сія неосторожность могла разтроить снова нашу взаимную дружбу, связанную, кажется, волоскомъ.

$\frac{9}{28}$. Не худо бы сказать въ предисловіи къ Русской Исторіи: Не дождавшись возвращенія изъ храма Исторіи Г. Карамзина, рѣшился я заглянуть туда и, что̀ увидѣлъ и замѣтилъ, то постарался выразить вѣрно и, сколько можно, живыми красками.

NB. Я въ храмъ Исторіи пойду
И тамъ дѣла Твои найду
Кар[амзинъ] въ одѣ Алекс[андру] I-му.

$\frac{10}{29}$. И такъ, я лишусь удовольствія писать и получать такъ часто письма отъ брата; онъ уѣхалъ въ Петербургъ опять; теперь, можетъ быть, ужъ у границы или и въ самой Россіи — часъ отъ часу удаляется отъ меня. Гдѣ наши планы видѣться лѣтомъ въ Вѣнѣ, путешествовать вмѣстѣ! — и послѣдняя надежда исчезла. Всякой день чувствую я сильнѣе, какъ бы мнѣ нужно было видѣться съ нимъ и пожить нѣкоторое время вмѣстѣ, прежде нежели выѣду изъ Гетингена; но теперь и надѣяться нельзя. Я предчувствовалъ, что его нѣтъ ужъ больше въ Вѣнѣ; сколько разъ хотѣлъ на этой недѣлѣ написать къ нему письмо; вчера даже и началъ въ надеждѣ сегодня отправить; но не кончилъ, и поутру получилъ отъ него извѣстіе, что 2-го Февраля долженъ онъ выѣхать. Отъ чего мнѣ такъ грустно, какъ будто я разстался съ нимъ, живучи долгое время вмѣстѣ? Такъ и быть! Буду продолжать къ нему писать письма, хоть его и не будетъ. Буду описывать ему сюжеты изъ Русской Исторіи; авось когда-нибудь прочту ему. Два человѣка, о которыхъ я не могу думать безъ пріятныхъ чувствъ, и всегда оставляетъ это на меня самое благодѣтельное дѣйствіе — братъ и...

$\frac{11\ Февр.}{30\ Генв.}$ При осадѣ Ишпанцами Лейдена храбро защищались граждане его и хотѣли лучше умереть свободными, нежели сдѣлаться подданными Гишпанскому Государству. Ни всеобщій голодъ ни угрожающая опасность, ничто не могло ихъ принудить сдаться; наконецъ, постоянное мужество взяло верьхъ, и новый Штатгалтеръ предложилъ Лейденскимъ гражданамъ выбрать себѣ въ награду одно изъ двухъ: или освобожденіе навсегда отъ всѣхъ податей или основаніе въ Лейденѣ Университета,—и они выбрали послѣднее! Какой духъ! Какой характеръ! И какое прекрасное начало Университета! Мудрено ли, что отъ такого корня возросло такое дерево и при-

несло такія плоды! Сравнимъ теперь происхожденіе нашего Московскаго Университета. Любовныя интриги Елисаветы съ Шуваловымъ дали ему бытіе. Неудивительно, что и по сю пору цвѣтетъ на этомъ деревѣ шиповникъ. Но кто сниметъ завѣсу съ будущности? Лейденской Университетъ теперь совсѣмъ уже не то, что онъ былъ во время Боергавовъ и Мушенброковъ. Почемъ знать, что будетъ и съ нашимъ Университетомъ? можетъ быть, и его ожидаетъ такой же щастливой періодъ. Скажемъ лучше о немъ, что Шлецеръ сказалъ о Москвѣ и о ея происхожденіи, весьма сходнымъ съ Университетскимъ:

Dieu! qui croirait
Qu'en cet endroit
On trouverait Cythère!

И.. и вспомнивъ, что царствуетъ Александръ I, — будемъ надѣяться.

Поутру получилъ отъ Мудрова письмо и писалъ къ Князю Гагарину въ Вѣну, прося его о пересылкѣ къ брату писемъ.

12 Февр. / 31 Генв. Получилъ отъ Ивана Иван[овича] Шварца письмо и отъ Успенскаго. Говоря съ Калкау о Шлецерѣ, далъ онъ мнѣ слѣдующую эпиграму, сдѣланную на него Кестнеромъ:

An einen Freund, der Schlözer als einen guten Paedagogen rühmte:

Du nennest ihn Goettingen's Paedagogen,
Hat er doch niemand sonst, als seine Frau erzogen;
Und hätte die Verstand aus seiner Zucht bekommen:
Sie hätt' ihn wahrlich nicht genommen.

Kästner.

Надобно знать, что Шлецерова жена была сперва его воспитанницею.

Вечеръ провелъ очень пріятно съ Русскими у А[ндрея] С[ергѣевича]. Говорили о Польской Конфедераціи, о Репнинѣ, о Булгаковѣ, и я опять воспламенился энтузіасмомъ и досадовалъ, что Судьба не произвела меня въ то время, когда отличался Репнинъ, какъ Министръ и Полководецъ. Желалъ бы собрать всѣ записки о Турецкой и Польской войнѣ и вообще познакомиться покороче съ дѣлами Репнина; собравъ всѣ возможныя извѣстія о немъ, касающіяся какъ до политическихъ дѣлъ его, такъ и до домашней жизни, особливо въ вечеръ дней его, когда онъ посвятилъ себя единственно размышленію о Богѣ, друзьямъ своимъ и мирнымъ, неизвѣстнымъ свѣту добродѣтелямъ, началъ бы читать и штудировать Томаса: намѣреніе самое

дерзкое и не по моимъ силамъ; но чего не можетъ произвести постоянное усердіе, особливо, когда человѣкъ полонъ своимъ предметомъ и чувствуетъ всю великость его!

$\frac{13}{1}$ *Февр.* Ввечеру передѣлывалъ главу свою о Рюрикѣ; сначала хотѣлъ съ досадой оставить, но преодолѣлъ себя и кончилъ съ удовольствіемъ.

$\frac{14}{2}$. И этому четыре года! Какая стрѣла, какой лучь солнечной можетъ пролетѣть такъ скоро, какъ промчалось это время! Давно ли, кажется, на негодномъ извощикѣ тащился я на балъ съ Губаревымъ къ Лихачеву, которой праздновалъ 3-го Февраля именины А[нны] Ѳ[едоровны] и А[нны] М[ихайловны]! Врядъ пройдутъ ли такъ быстро сіи два года, какъ прошли эти примѣчательныя четыре года жизни моей. Такихъ происшествій, такихъ удовольствій и горестей, такихъ обстоятельствъ и такихъ живыхъ ощущеній никогда со мной не будетъ!

$\frac{3}{15}$ *Февраля.* 3-е Февраля!

$\frac{4}{16}$ *Февр.* Братъ долженъ быть теперь уже въ Петербургѣ. Естьли Князь Гагаринъ отошлетъ къ нему мои письма, то я долженъ черезъ нѣсколько времени ожидать отъ него отвѣта на то, о чемъ я просилъ его, чтобъ онъ написалъ къ Петру Сергѣевичу, т. е. о Шлецеровомъ Несторѣ.

$\frac{5}{17}$. Въ воскресенье напишу непремѣнно письмо къ Петру Володиміровичу.

Кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ я опять сталъ носить . . . ., я сталъ спокойнѣе. Можетъ быть, это мнѣ только такъ *кажется*; но чего не въ состояніи произвести увѣренность и одна только уже мысль, что я долженъ быть спокойнѣе, и воспоминаніе одно о то... котор... можетъ настроить душу мою ко всему благородному! когда душа моя наполнится и занята бываетъ..., то могутъ ли какія-нибудь худыя склонности или намѣренія поселиться въ нее! Ангелъ съ злымъ духомъ жить въ одномъ мѣстѣ не могутъ.

$\frac{6}{18}$. Сегодня получилъ отъ Князя Гагарина письмо, гдѣ вмѣстѣ приложена записка и отъ брата изъ Кракова. Теперь ужъ братъ давно въ Петербургѣ. Какъ должна быть ему чувствительна перемѣна мѣстъ! На прошедшей недѣлѣ былъ въ серединѣ Германіи, — теперь въ главномъ Русскомъ городѣ, въ серединѣ зимы и морозовъ, въ другихъ обстоятельствахъ, съ

другими людьми, — словомъ въ своемъ отечествѣ и въ прежнихъ отношеніяхъ и въ прежнемъ образѣ жизни. Видно, что мнѣ надобно проститься съ надеждой видѣться съ нимъ прежде возвращенія въ Россію, а о нашемъ путешествіи....!

Ввечеру госпитировалъ у Бутервека и еще больше полюбилъ его за его остроту и больше за то, что онъ пользуется ею для того, чтобы исправлять работы своихъ слушателей, а не выказывать ее. 13-ти лѣтъ началъ онъ уже читать глубокаго Малебранша и находилъ въ этомъ удовольствіе, слѣдовательно, понималъ его.

$\frac{7}{19}$. Совсѣмъ не было времени писать писемъ; вечеръ провелъ у Калкау — очень весело, но не менѣе того — съ потерею времени. Завтра опять надобно къ Доктору, и такъ — опять безъ досугу.

Въ приватной лекціи у Шлецера переводилъ съ Сербскаго и Польскаго языковъ и слышалъ много новаго.

$\frac{8}{20}$. Былъ очень веселъ у Лангштета, рѣзвился, пѣлъ пѣсни; однимъ словомъ, плѣнилъ Пилецкаго своею веселостью; но при всемъ томъ не забылъ священнаго обѣта, даннаго мною моему другу. Представивъ себѣ живо образъ... и вспомнивъ... совѣты, я удержался отъ многова и пришелъ домой съ самодовольствомъ и съ спокойною душею. Писалъ письмо къ Бат. и Мат., сдѣлавъ щетъ издержкамъ.

$\frac{9}{21}$. Геренъ, говоря о побѣдахъ Ганибаловыхъ въ Италіи, сказалъ: «Онъ разбилъ Тиверія Семпронія почти на самомъ томъ же мѣстѣ, гдѣ въ наши времена Русской Ганибалъ одержалъ столь блистательную побѣду надъ Французами и разбилъ Магдональда». Товарищи мои оглянулись на меня; русское мое сердце трепетало отъ радости, и я гордился именемъ Русскаго.

$\frac{10}{22}$. Сейчасъ получилъ отъ Князя Гагарина небольшое письмецо и вмѣстѣ и братнино, которое писалъ къ нему онъ изъ Кракова. Не понимаю, о какомъ письмѣ онъ пишетъ къ Князю. На этой недѣлѣ опять буду писать въ Вѣну и къ брату въ Петербургъ. Какъ онъ любимъ всѣми, кто только узнаетъ короче его характеръ!

$\frac{11}{23}$. Слушалъ отмѣнно интересную лекцію у Ейхгорна о Французской революціи. Острая голова, прекрасное предложеніе, только очень monotone, и кто слышалъ, какъ въ Петербургѣ ходятъ и кричатъ Катеринушки, тотъ

не можетъ воздержаться отъ смѣху. При всемъ томъ, я не буду пропускать ни одной лекціи. Не вездѣ можно слышать такую интересную матерію, предложенную въ систематическомъ порядкѣ. Я думаю, и въ Парижѣ не узнаю я такъ подробно и безинтересно то, что было при началѣ революціи; тамъ можно удобнѣе сбирать и судить les nouvelles du jour.

Идучи оттуда, попался мнѣ Лифлянецъ Шредеръ, прелюбезной молодой человѣкъ; онъ идетъ пѣшкомъ въ Голландію и зоветъ меня — и я, я, которой вчера писалъ къ Батюшкѣ, что далѣе Касселя не выѣду изъ Гетингена, я рѣшаюсь итти съ нимъ вмѣстѣ. Но для чего не сдѣлать себѣ этого удовольствія, которое, можетъ быть, и съ пользою соединено будетъ?

$\frac{12}{24}$. Буле сказывалъ сегодня анекдотъ. Недавно случилось, что въ Прусской службѣ въ одномъ полку находились отецъ и сынъ солдатами: первой провинился и осужденъ быть прогнанъ 6 разъ сквозь строй. Полковникъ велѣлъ собраться полку всему; ему докладываютъ, что сынъ преступника также тутъ и проситъ избавить его отъ сей несносной должности; но сей настоялъ на своемъ повелѣніи. Экзекуція началась. Сынъ наряду съ прочими взялъ нещастное орудіе; но могла ли рука его подняться на виновника бытія его? Онъ, вмѣсто того чтобы давать отцу удары, при приближеніи его бросилъ къ ногамъ его прутья и получилъ отъ надзирающаго офицера за сіе нѣсколько сильныхъ ударовъ; въ другой разъ поступилъ онъ также и получилъ вдвое больше ударовъ; въ третій разъ узпаетъ объ этомъ полковникъ, подходитъ къ нему и бьетъ жестокимъ образомъ. Вдругъ воздѣйствовало въ солдатѣ природное чувство: онъ схватилъ ружье и убилъ безчеловѣчнаго. Всѣ солдаты закричали: браво! Офицеры хотѣли усмирить ихъ, но послѣдовалъ всеобщій бунтъ, и они должны были уступить силѣ многолюдства. О семъ поступкѣ донесли Королю, которой далъ слѣдующее рѣшеніе: убійца, какъ солдатъ и какъ нарушитель субординаціи, виноватъ, но какъ человѣкъ — нѣтъ; и такъ какъ человѣкъ беретъ верхъ надъ солдатомъ, то онъ прощается. — Прекрасной отвѣтъ, дѣлающій честь 19-му вѣку! Бойтесь нарушать права человѣчества!

$\frac{13}{25}$. Сегодня получено на имя И[вана] А[лексѣевича] и И[вана] П[авловича] письмо отъ Батюшки вмѣстѣ съ векселями. Вечеръ провелъ у И[вана] А[лексѣевича] и хоть не очень весело, но и не скучно. Жаль только, что не успѣлъ сдѣлать то, что намѣревался поутру.

$\frac{14}{26}$. Писалъ письма къ Мерзлякову, брату и къ Шварцу въ Лейбцигъ. Смотря въ окошко на высокую гору, гдѣ одно деревцо уединенно стояло,

вспоминая прошедшее, — какъ сонъ, представилась мнѣ деревенская жизнь наша. Все пройдетъ, думалъ я, и о теперешней жизни останется у меня такое же слабое воспоминаніе. Утро дней моихъ сольется съ полднемъ моимъ; все пройдетъ, твердилъ я, и —

Mit Blumen, die ich heute pflücke,
Wird morgen man vielleicht mein Grab bestreu'n.

$\frac{15}{27}$. Сейчасъ отъ Шлецера; просилъ его, чтобъ онъ выбралъ мнѣ вояжей для Батюшки, новыхъ Французскихъ; онъ съ охотой взялся дать мнѣ имъ реестръ и судъ о нихъ. Просилъ его также сказать мнѣ, въ какомъ именно мѣстѣ въ Франціи погребено тѣло Русской Княжны Анны, вышедшей за Французскаго Короля. Будучи во Франціи, нельзя проѣхать Русскому мимо сего мѣста, не отдавъ почтенія праху дщери Ярослава Владиміровича. Естьли же Русской пройдетъ мимо безъ замѣчанія, то какой Галлъ обязанъ знать, чей прахъ покоится въ его Отечествѣ!

Изъ матерій, которыя предложилъ намъ Шлецеръ спросить его мнѣнія и подать вопросъ письменно, думаетъ онъ выбрать, напримѣръ, характеръ какого-нибудь Русскаго Князя, представить его въ настоящемъ, истинномъ видѣ, не взирая на общее мнѣніе, которое имѣютъ о немъ въ Россіи. Напримѣръ, изобразить дѣла Александра Невскаго, которыя только судить можно по слѣдствіямъ, а не по тому, какъ писали о немъ пристрастныя монашескія хроники; или — твердость характера и даже великость духа Александра Тверскаго, когда онъ, при всей приверженности къ нему его подданныхъ, рѣшился для блага ихъ, боясь озлобить противъ нихъ варварскихъ Монголовъ, удалиться изъ своего Отечества, скитаться внѣ его и потомъ унизить себя, все изъ любви же къ нимъ, до того, чтобъ ійти въ Орду къ Хану, предстать предъ разъяреннаго тигра сего и получить уничижительное прощеніе. Но Иванъ *Калита*, сей подлый клеветникъ и лицемѣръ, котораго почитаютъ у насъ по его прозванію за щедраго и покровителя бѣдныхъ, снова оклеветалъ Александра Т. у Хана; его призываютъ въ Орду; нѣкоторыя совѣтуютъ ему бѣжать оттуда, зная, что смертный приговоръ будетъ его удѣломъ; но сей, во увѣреніи своей невинности, остается и отъ руки палача умираетъ геройскою смертію вмѣстѣ съ своимъ сыномъ.

Сегодня же былъ и у Буле, отдалъ ему Платнеровы афоризмы, и очень, очень ласково былъ принятъ. Вотъ 6 стиховъ, которыя сообщилъ мнѣ Калкау, и которые ценсура не пропустила въ Шиллеровомъ Валленстейнѣ:

Die Welt auf der Degen Spitze ruht.
Wohl dem, der den Degen jezt führet:
Drum tapfere Krieger fasset Muth.
Ihr zwinget das Glück und regieret.
Es stehet keine Krone so sicher und hoch
Der muthige Kämpfer erreicht sie doch.

Ввечеру писалъ письмо къ К. Гагарину въ Вѣну.

$\frac{16}{28}$. Отправилъ письма въ Москву, Петербургъ, Вѣну и Лейбцигъ. Госпитировалъ у Ейхгорна; описаніе его характеровъ Марата, Роберспьера и проч. прекрасны. И такъ, я рѣшился уже итти въ Голландію; но сперва надо прочесть какой-нибудь вояжъ, въ которомъ бы могъ найти описаніе Голандіи, и что въ какомъ городѣ можно видѣть примѣчательнаго. Или естьли этого не успѣю, то, по крайней мѣрѣ, поговорю съ Шлецеромъ и спрошу его совѣта.

$\frac{17\ Февраля}{1\ Марта}$. Ввечеру опять госпитировалъ у Эйхгорна, и буду ходить къ нему всякой разъ; изъ библіотеки взялъ Миллерово Sammlung Russischer Geschichte. Не стану больше тужить о времени; стану пользоваться имъ; въ пустыхъ и частыхъ жалобахъ оно только больше проходитъ.

Plus inconstant que l'onde et le nuage
Le tems s'enfuit; pourquoi le regretter?
Malgré la pente volage
Qui le force à nous quitter,
En faire usage
C'est l'arreter,
Goutons mille douceurs
Et si la vie est un passage
Sur ce passage au moins semons des fleurs.

$\frac{18}{2}$. Какъ трогательно закончилъ Ейхгорнъ свою лекцію о смерти Лудовика! Ave sancta anima! Черная злоба убійцовъ постаралась и о будущемъ: они омочили трупъ Невиннаго въ известку, дабы ускорить его разрушеніе и чтобы въ послѣдствіи, когда буря уложится, не почли его за нетлѣннаго мученика!

Я озлобленъ и растроганъ вышелъ изъ Коллегіи; и естьли когда-нибудь я буду во Франціи, то, какъ скоро вступлю во Французскія границы, первое мое слово будетъ: «Кровь его на васъ и на чадѣхъ вашихъ»!

Ввечеру надѣлъ новой сн. . . .; пересматривалъ всѣ бумаги, Жуковскаго пѣсню къ Нинѣ. Какое время напомнили мнѣ всѣ эти предметы? — самое блаженное. Какими чувствами наполненъ я? — самыми горькими... ахъ нѣтъ, — самыми утѣшительными. Нѣтъ, я до тѣхъ поръ не буду совершенно несчастливъ, пока буду имѣть всѣ эти вещи и пока буду чувствовать цѣну ихъ. Естьли всего лишусь и сам. . . ., но лишь бы только они у меня остались, — и когда грусть овладѣетъ мною, я взгляну на нихъ, и они напомнятъ мнѣ, напомнятъ, — что и я былъ щастливъ.

$\frac{19}{3}$. Читалъ прекрасную Франклинову пьеску: The way to wealth. Вотъ нѣкоторыя мысли и выраженія, которыя я замѣтилъ:

Sloth, like rust, consumes paster than labour wears, while the und keyis always bright.

How much more, than is necessary do we spend in sleep! forgetting that the sleeping fox catches no poultry, and that there willbe sleeping enough in the grave.

Сколько лишняго времени, нежели нужно, проводимъ мы во снѣ, забывая, что спящая лисица курицы не украдетъ, и что будемъ еще имѣть время выспаться въ гробѣ.

At the working man's house hunger looks in; but dares not enter.

Къ работящему человѣку въ домъ голодъ смотритъ, но войти не смѣетъ.

The cat in gloves catches no mice; кошка въ перчаткахъ мыши не поймаетъ.

Constant dropping wears away stones, and by diligence and patience the mouse ate into the cable; and little strokes fell great vaks.

Естьли буду въ Лондонѣ, то надобно будетъ видѣть такъ называемую Magna Carta, данную еще въ началѣ 13-го столѣтія Іоанномъ, Королемъ Англинскимъ, духовенству и дворянству Англинскому на Винздорскомъ лугу. Король былъ вынужденъ дать въ ней городамъ, а особливо Лондону большія привилегіи. Весь этотъ актъ хранится въ Door.

$\frac{20}{4}$. На сихъ дняхъ долженъ ожидать отъ Батюшки письма; штатъ Университетской подписанъ, и Муравьевъ сдѣланъ Куратором; Батюшка, вѣрно, увѣдомитъ насъ объ этомъ скорѣе.

$\frac{21}{5}$. Госпитировалъ у Гофмана, и мнѣ очень понравилось острое его опроверженіе Боннетова мнѣнія, что будто бы древесныя вши[1]) расплo-

1) Naturalia non est turpia. Для чего и мнѣ не употребить этого слова? — Примѣчаніе Александра Ивановича.

жаются до седьмой генераціи безъ всякаго взаимнаго оплодотворенія. Бонетъ говоритъ, что онъ дѣлалъ тщательныя и частыя изслѣдованія, и всѣ они только что подтверждали его мнѣніе. Но древесныя вши, сказалъ Гофманъ, хитрѣе естествоиспытателей! Какъ скоро только родится сіе животное, то Бонетъ въ ту же минуту бралъ его и отдалялъ совершенно отъ прочихъ. Черезъ нѣсколько времени и сія уединенная вошь производила себѣ подобныхъ безъ всякаго оплодотворенія, (но прибавимъ) — видимаго для глазъ естествоиспытателя. Можетъ быть, при самомъ выходѣ изъ материнскаго чрева древесная вошь оплодотворяется уже съ близь толпящимися на листочкѣ подобными ей животными. Сія гипотеза больше гармонируетъ съ Творческою благостію. Иначе, неужели бы *общій нашъ благой* Творецъ лишилъ ихъ сихъ чувственныхъ удовольствій? Перестанемъ умствовать и позавидуемъ ихъ участи: самое первое начало ефемерной ихъ жизни есть уже наслажденіе, между тѣмъ какъ намъ велятъ до 20-ти лѣтъ и больше воздерживаться. Ихъ удовольствія всѣ стѣснены на одномъ листочкѣ, продолжаются не больше, можетъ быть, какъ одинъ день; но за то безпрепятственно и безпрерывно (вѣчность въ мигъ одинъ вмѣщаютъ); наши — разсѣяны по четыремъ частямъ свѣта.

Ввечеру слушалъ концертъ: Alexanders Fest, v. Dryden музыкославнаго Генделя, коему Англичане сооружили прекрасный памятникъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Онъ одинъ только изъ Нѣмцовъ, которой удостоился сей почести отъ Англичанъ.

Отъ Шлецера получилъ книжку: Miscellen der Russischen und Mogolischen Litteratur. Праведный Боже! Когда перестанутъ ставить насъ наряду съ Монголами! Въ предисловіи нашелъ печальную истинну: Руская Литтература, говоритъ издатель, богатѣе въ переводахъ, нежели въ оригинальныхъ твореніяхъ. Тѣ изъ Русскихъ, кои получили образованіе, подобны симъ роскошествующимъ (Schlemmer), кои отбрасываютъ собственную домашнюю пищу и выписываютъ для своихъ столовъ лакомства изъ Запада и Юга.

Правда, правда. Но, говоря, что Муза наша гордится Херасковыми, Державинами и Сумароковыми и что ихъ творенія въ иностранныхъ земляхъ неизвѣстны, зачѣмъ не упоминаетъ онъ ничего о Ломоносовѣ, котораго *Величіе Божіе* давно уже обокралъ одинъ Французской поэтъ и выдалъ за свое собственное? Но Пансіонское Литтературное Собраніе въ *Утренней Зарѣ* имѣло удовольствіе обличить Француза и открыть глаза Русской публикѣ.

$\frac{22}{6}$. Читая поутру Грееву элегію, вспомнилъ я деревенскую свою ограду, на которой стоитъ простой деревянной домикъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ покоится прахъ предковъ нашихъ. Когда пріѣду въ деревню, то первое мое движеніе будетъ посѣтить это мѣсто; можетъ быть, и невольная слеза выпадетъ и меланхолія освятитъ ее. Тамъ надпишу я:

Beneath those rugged elms that yew-tree's shade,
Where heaves the turf in many a mouldering heap
Each in his narrow cell for everlaid
The rude forefathers of the hamlet sleep.
The breezy call of incense breathing Morn,
The swallow twittering from the straw built shed
The colk's shrill clarionor the echoing horn.
No more shall rouse them from their lowly bed.

Послѣ обѣда получилъ отъ Шлецера новой Каталогъ. На слѣдующія полгода, я думаю, опять возьму слишкомъ много лекцій. Непріятно мнѣ только то, что Шлецеръ и Блуменбахъ читаютъ въ одно время.

Ввечеру пробылъ у Сулимѣ и игралъ ролю пьянаго. А потомъ стащилъ Япш[ина] съ театру, которой былъ въ самомъ дѣлѣ пьянъ; привелъ его домой; онъ очкнулся — и закричалъ опять: «Пуньшу!»

$\frac{23}{7}$. Госпитировалъ у Лангебека, которой изъясняетъ Галлеву систему о черепахъ. Много очень показалось мнѣ вѣроятнаго, только эта система въ основаніи имѣетъ самой рѣшительной матеріализмъ. Галь говоритъ, что мозгъ дѣйствуетъ на черепъ и образуетъ на немъ извѣстныя впадины снутри и выпуклости снаружи; и по симъ-то различнымъ выпуклостямъ распредѣляетъ онъ, какой у кого сильнѣе органъ и приведенъ больше въ совершенство. При мнѣ описывалъ Лангебекъ den Sinn des Sachgedächtniss[e]s, des Ortsgedächtniss[e]s, den Tonsinn, den Rechnungssinn и показывалъ на черепѣ каждому органу надлежащее ему мѣсто. Для меня непонятно только то, какимъ образомъ мозгъ дѣйствуетъ на черепъ, когда уже онъ окрѣпнетъ и затвердѣетъ. У малыхъ дѣтей, у которыхъ еще череповая кость такъ мягка, какъ воскъ, это весьма не мудрено, и даже вѣроятно, что близь лежащія части имѣютъ на него дѣйствія и образуютъ нѣсколько фигуру черепа; но вѣдь главное наше моральное образованіе, главныя наши страсти получаемъ мы не въ ранней нашей молодости, а уже приходя въ лѣта совершеннаго юноши, тогда, когда уже черепъ нашъ совсѣмъ окрѣпнетъ; слѣдовательно, скорѣе черепъ можетъ дѣйствовать на мозгъ, нежели мозгъ на черепъ. Но

можетъ, Галь и ученики его на всѣ подобныя этому сомнѣнія могутъ дать удовлетворительныя отвѣты. На слѣдующія полгода, естьли только Лангебекъ опять будетъ давать лекцію, запишусь къ нему; въ Вѣнѣ будетъ уже мнѣ легче понимать самаго Галя.

$\frac{24}{8}$. Эйхгорнъ разсказывалъ о правленіи Роберспьера. Потомство врядъ повѣритъ ли, что и въ самомъ дѣлѣ были нѣкогда такія злодѣйства.

Поутру получилъ отъ Батюшки письмо отъ 29 Ген.. Послѣ обѣда ходилъ къ Герену посовѣтываться съ нимъ о томъ, какія книги читать надобно для Нидерландской Исторіи. Онъ назначилъ слѣдующія:

V. D. Vynkt, Geschichte der Niederlanden

Piktel, Commentarii de rebus Bataviae

Lüder's Über den Holländischen Handel

и — неоконченную исторію Нидерландовъ Шиллера.

Въ кабинетѣ у Герена стоятъ только два портрета — Петра Великаго и Фридерика Единственнаго.

$\frac{25}{9}$. Весь вечеръ писалъ письма въ Москву и Симбирскъ. Завтра будутъ отправлены.

Опять слушалъ лекцію у Эйхгорна о Французской революціи. Бѣдный Лудовикъ! ты не заслужилъ своей участи; ты пострадалъ за своихъ предшественниковъ.

Ci git Louis, qui malgré ses bienfaits,
Fut immolé par ses propres sujets,
Et qui par un courage inconnu dans l'Histoire
Fit de son échafaud le trône de sa gloire.

$\frac{26}{10}$. Сегодня отправилъ письмо къ Батюшкѣ и вмѣстѣ и къ Дядюшкѣ въ Симбирскъ. Ввечеру сочинилъ вопросъ для Шлецера.

$\frac{27}{11}$. Что можетъ быть пріятнѣе, какъ слышать, что безпристрастный иностранецъ упоминаетъ о предкѣ твоемъ, разсказывая Исторію Государства, твоего Отечества, и съ такой выгодной стороны, — пострадавшемъ самовольно изъ любви къ своему Отечеству! «Петръ Тургеневъ, вскричалъ Шлецеръ, былъ жертвою пламенной, истинной любви своей къ Отечеству!». Думалъ ли сей Патріотъ, что нѣкогда Исторія будетъ говорить о немъ? думалъ ли онъ, что потомокъ его въ иностранной землѣ будетъ имѣть ни

съ чѣмъ несравненное удовольствіе слышать публично съ каѳедры о дѣлахъ своего предка?

Такъ древле Кодры умирали,
Такъ Леониды погибали
Въ примѣръ героямъ и друзьямъ.
Гдѣ лира? —— Смѣло начинаю:
Я подвигъ предка пѣть хочу.

$\frac{28}{12}$. Ввечеру работалъ надъ Русской Исторіей; но вечеринка Вас[илія] Ив[ановича] перервала меня, и остальныя часы проведены не такъ, какъ я располагалъ сегодня поутру.

$\frac{1}{13}$. 12-й часъ ночи. Сейчасъ пріѣхалъ верхомъ; цѣлой день былъ въ движеніи и былъ въ трехъ Государствахъ: въ Ганноверскомъ владѣніи, въ Прусскомъ и Кассельскомъ! А у насъ въ Россіи и дачь трехъ помѣщиковъ нельзя въ одинъ день объѣздить! . . . Какія прекрасныя виды, какія развалины древнихъ замковъ! мшистыя развалившіяся стѣны ихъ и древній готической вкусъ свидѣтельствуютъ о ихъ древности. Представьте себѣ: съ одной стороны на высокомъ каменномъ утесѣ стоитъ башня, а съ другой—рукой времени расщепленныя стѣны, угращающія (sic) любопытныхъ пилигримовъ близкимъ своимъ паденіемъ, — и все это держится на подземныхъ каменныхъ сводахъ. Какая разительная картина разрушенія! И здѣсь жили нѣкогда люди, думалъ я, но гдѣ теперь слѣды ихъ? Однѣ взгроможденныя массы камней говорятъ намъ, что и здѣсь были люди, что и здѣсь дѣйствовали они соединенными силами. Горестна для щастливаго и утѣшительна для нещастнаго мысль, что такъ, какъ протекли минувшія столѣтія, такъ промчатся и слѣдующія, и о цвѣтущемъ многолюдномъ Гетингенѣ скажутъ нѣкогда — «и здѣсь жили люди и оставили въ твореніяхъ своихъ памятники позднѣйшему своему потомству».

Die Vorwelt starb; nach wenig Jahren
Sind wir auch nicht mehr hier.
Die Nachwelt sagt: sie waren.
Und sie auch stirbt wie wir.

$\frac{2}{14}$. Лангштетъ поднесъ мнѣ сегодня книгу съ самой льстивой надписью.

$\frac{3}{15}$. Естьли издамъ когда-нибудь короткой свои абрисъ Рус. Ист., то въ предисловіи скажу: *multa fiunt eadem sed aliter.*

Quintilian.

Будучи въ Англіи, надо посѣтить Вестминстерское Аббатство, видѣть различныя памятники; между прочимъ, и Шекспира.

$\frac{4}{16}$. Замѣчательно, что во времена ложныхъ Димитріевъ, тогда, когда Поляки вошли въ Москву и завладѣли Кремлемъ — день, которой назначенъ былъ для взятія штурмомъ Кремля и для прогнанія Поляковъ, и когда 7-ю тысячами Поляковъ, по крайней мѣрѣ, сто тысячь Русскихъ низложено было — день сей былъ *великой четверг*, такъ, какъ въ послѣдствіи въ *великой же четверг* Суворовъ взялъ Прагу и .... извѣстны послѣдствія.

Сегодня заключилъ Ейхгорнъ прекрасную свою лекцію о Французской республикѣ сими словами: a furore francico libera nos, Domine! Вышедши изъ Коллегіи, остановились всѣ студенты передъ его окошками и «Es lebe der Herr Hofrath Eichhorn» раздалось въ Гетингенѣ!

$\frac{5}{17}$ *Марта.* Вчера, слушая у Бутервека лекцію, вздумалъ я, stans pede una, написать небольшую, но не менѣе того интересную піеску, подъ названіемъ: *Нѣчто о романахъ*; и естьли только не пойду въ Голандію и не буду заваленъ дѣлами, то во время ваканціи исполню свое намѣреніе.

Сегодня читалъ братнину элегію, и она мнѣ снова и еще больше понравилась, такъ что я надписалъ надъ ней: Die Löwinn bringt nur einen Jungen, — aber das ist ein Löwe.

$\frac{6}{18}$. Андрей Серг[ѣевичъ] получилъ изъ Петербурга отъ Мих[аила] Сер[гѣевича] письма; братъ также пріѣхалъ туда; но ко мнѣ не пишетъ.

Въ Библіотекѣ разсматривалъ Köhlers Münzbelustigungen, и между многими интересными и рѣдкими изображеніями видѣлъ также медаль, выбитую на память посѣщенія Петра Перваго Парижскаго монетнаго двора (1717), которую тотчасъ по выдѣлкѣ еще горячую поднесли ему тамъ. На одной сторонѣ изображенъ Петръ I, а на другой — парящая слава съ трубою и восходящее надъ моремъ солнце съ надписью: viris acquirit eundo. Другая медаль также очень рѣдкая, выбитая ложнымъ Димитріемъ на случай похищенія его Русскаго Престола.

$\frac{7}{19}$. Гусятниковъ сказывалъ мнѣ, что Буле получилъ отъ Г. Заводовскаго письмо, гдѣ онъ зоветъ его въ Московской Университетъ Профессоромъ спекулятивной Философіи съ весьма выгодными предложеніями. Не понимаю, какъ Заводовскій узналъ о Буле. Можетъ быть, Муравьевъ, по совѣту Батюшки, сказалъ о немъ Завод[овскому]. Что естьли я буду причиною, что Университетъ нашъ получитъ такого славнаго Профессора?

Ввечеру слушалъ Гайденову Симфонію и работалъ надъ Русской Исторіей.

Гофманъ заключилъ сегодня свою лекцію.

Шлецеръ отвѣчалъ на заданныя ему мною вопросы о Владимірѣ; также казалъ намъ старинныя русскія рубли, между которыми по своей рѣдкости достойны примѣчанія: рубль или, лучше сказать, серебреная медаль царя Алексѣя Михайловича и рубль нещастнаго Ивана, которой сдѣлался рѣдкимъ отъ того, что Елисавета подъ смертною казнію запретила имѣть его.

$\frac{8}{20}$. Послѣ обѣда ходилъ гулять съ Вас[иліемъ] Ив[ановичемъ] и съ Калкау за милю отъ Гетингена въ Ейлерсгаузенъ, гдѣ еще ни разу не была нога моя, а глаза мои не любовались прекрасными видами. Ввечеру былъ у Шлецера, съ жаромъ говорилъ съ нимъ о Русской Исторіи, о новыхъ Университетахъ, заводимыхъ въ Россіи, и я узналъ отъ него, что и Грельманъ выписывается въ Московской Университетъ для преподаванія Статистики.

$\frac{9}{21}$. Послалъ письмо въ Москву.

Въ Лондонѣ видѣть надобно монументъ, сооруженный въ воспоминаніе великаго пожара, бывшаго въ Лондонѣ и продолжавшагося три дни и три ночи. Это было при Карлѣ II; протестанты воспользовались этимъ и причиною полагали католиковъ.

$\frac{10}{22}$. Первое начало Русскому флоту положено Петромъ Великимъ на Яузѣ, гдѣ онъ случайно увидѣлъ Англинской ботъ, построенный Брандомъ, велѣлъ его исправить, а въ послѣдствіи перевести въ Петербургъ, гдѣ еще онъ и теперь въ крѣпости хранится подъ названіемъ дѣдушки Русскаго флота, которое ему дано Петромъ же Первымъ.

Сегодня былъ у Буле, и онъ сказывалъ мнѣ, что онъ не ѣдетъ въ Москву. Сегодня же далъ онъ намъ прекрасную послѣднюю лекцію и заключилъ свою Коллегію, принесши благодарность слушателямъ за вниманіе, которымъ они его удостоивали въ теченіе цѣлаго курса.

$\frac{11}{23}$. Шлецеръ въ своей приватной лекціи удовлетворилъ меня на слѣдующія мои вопросы и догадки:

1) Was für eine wahrscheinliche Ursache ist's, die Wladimir den Grossen bewog den Krieg mit den Griechen anzufangen bald nachdem, als die

nach Constantinople wegen der Religion abgeordnete Russische Gesandten zurückkamen? — Konnte man nicht glauben, dass Wladimir, als er die Christliche Religion annehmen wollte, hielt für erniedrigend für sich ein frommer Schüler seiner Lehrer zu seyn, sondern wollte lieber als ein Conquerant die Religion von einem besiegten Volke mit den Waffen in der Hand erzwingen; und dass vielleicht aus diesem Grunde forderte er auch die Griechische Princessin sich zur Gattin (die er gewiss mit seinem zahlreichen Serail entbehren konnte)?

Und was für eine Noth zwang die Grichischen Kayser auf eine so traurige für sie Bedingung zu willigen und selbst Ihre eigene geliebte Schwester dem trotzigen Wladimir aufzuopfern?—War damals das Grichische Kaiserthum so schwach, dass es den Russischen Grossfürsten nicht bändigen, oder wenigstens ihm nicht widerstehen konnte? Erwähnen von diesen Begebenheiten die Bysantiner? Und wie?» —

Allgemeine Bemerkungen über meine Fragen von Schlötzer:

Man muss nicht jedes Wörtchen von Nestor an pied de la lettre nehmen, so wie bis jetzt alle so genannte Russische Geschichtsschreiber gethan haben; nicht allein Nestor, sondern auch alle andere Chronickenschreiber oft erdichten (c'est tout comme chez nous, wird der sagen, welcher in mehreren Chroniken gewandert hat) und sie erdichten oft aus einem falschen Patriotismus, oft auch aus dem verwünschten Principe (das auch zum (sic) Schande des 18-ten Jahrhund. Voltaire hatte), in dem sie glauben, dass alles, was gute Rührung macht, verdient in der Geschichte geschrieben zu werden, obgleich es auch nicht wahr ist. Z. B. die Anekdote im Nestor, wo er erzählt, dass als man ein Menschenopfer bringen wollte, fiel das Los auf einen Sohn eines Waregen, der ein geheimer Christ war; diese Anekdote ist gewiss falsch und um nur Rührung zu erwecken erdichtet, denn von den Slavischen Nationen weisst man gar nicht, dass sie Menschenopfer gebracht hätten. — Man erzählt oft auch fremde Geschichten oder Anekdoten, die bey andern Völkern passirt sind, z. B. Nestor in Wladimir's des Grossen Geschichte; in den Bysantinern stehet es, dass, als Konstantin die Christliche Religion annahm, wurde er blind, und als er sich taufen lies, so bekam er auf einmahl sein Gesicht wieder; das nehmliche Wunder sagt unser Nestor von Wladimir — und so mehrere Anekdoten erzählt er, die man in andern Chroniken zeigen kann. Es ist noch nicht gewiss, dass die Griechischen Kaiser Ihre Schwester dem Wladimir gegeben hatten; vielleicht war es eine Gemeine, die sie für Ihre Schwester ausgaben; denn es geschiehet oft, dass die halbcultivirte Fürsten von andern so betrogen wer-

den. Es ist auch zweifelbar darum, dass die Bysantiner von dieser Vermählung nicht sagen; und dass sie es vor Schande nicht thun, ist nicht wahrscheinlich, denn der Russische Staat war schon damals genug wichtig.

So schwach war nicht das Grichische Kaiserthum um nicht den trotzigen Wladimir zu bändigen; denn es hatte schon seine regulaire Truppen, die es den ungebildeten Russen entgegen stellen konnte. Wahrscheinlich aber wollte es sich nicht in Kriege einlassen; gerade so wie jetzt die Algirer und Tunitaner rauben in Europa, so machten im 10 sec. die Russen und die Petschenegen mit den Bysantinern. Der patriotische Mönch aber, der das beschrieb, nannte es Tribut.

Das Einzige ist gewiss, dass von allen diesen Begebenheiten, die im Nestor stehen, erwähnen die Bysantiner nicht; wenigstens die bishergefundene; obgleich von allen andern Nationen, die aus Constantinople die Religion nahmen, erwähnen sie — von Wladimir aber nichts!

Симъ заключилъ Шлецеръ свою приватную лекцію.

$\frac{12}{24}$. Былъ въ Библіотекѣ и смотрѣлъ книгу Korb's Diarium (дневная записка). Для Русскаго она очень интересна, потому что это есть журналъ, которой велъ авторъ во время своего пребыванія въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго. Онъ описываетъ въ ней тѣ страшныя времена, когда Петръ, принужденъ будучи воротиться изъ чужихъ краевъ, усмирилъ стрѣльцовъ. Всѣ жестокія наказанія, послѣдовавшія съ бунтовщиками (напр. сожиганіе на кострѣ, зарываніе въ землю, рубка головъ, висѣлицы), изображены на картинахъ. И потому Петръ I просилъ Нѣмецкаго Императора о запрещеніи сей книги, что для него и исполнено. Вотъ причина и ея рѣдкости.

$\frac{13}{25}$. Бутервекъ заключилъ сегодня свою лекцію.

$\frac{14}{26}$. Опять былъ въ Эйлерсгаузенѣ и опять наслаждался прекрасными видами. Вспомнилъ свои Воробьевы горы; вспомнилъ, когда съ кѣмъ гулялъ на нихъ, вспомнилъ брата, вспомнилъ всѣхъ — все, все . . .

$\frac{15}{27}$. День проведенъ весело, въ кругу товарищей и соотечественниковъ. Поутру работалъ для себя, то есть надъ Русской Исторіей, а ввечеру—для братьевъ, то есть переводилъ маленькую Шлецерову Исторію для дѣтей.

$\frac{16}{28}$. Сегодня кончилъ Мартенсъ лекцію.

$\frac{17}{29}$. Поутру, вышедъ на улицу, встрѣтился съ Брифтрегеромъ и къ сердечной радости получилъ письмо отъ Батюшки отъ 19 Февр.. Прекрасное утро, свѣжія силы и чувства настроили душу мою къ принятію чистой морали, просто изображенной въ Батюшкиномъ письмѣ. Тутъ же принесъ я не на словахъ, но въ глубинѣ сердца благодарность Общему Благодѣтелю за то, что Онъ даровалъ мнѣ добрѣйшаго изъ отцевъ.

Ходилъ къ Булю и отдалъ ему листъ для написанія мнѣ свидѣтельства.

$\frac{18}{30}$. Поутру ходилъ къ Бутервеку, которой еще больше понравился мнѣ; написалъ ему свое имя и ввечеру получилъ отъ него очень лестное свидѣтельство. Теперь есть причина благодарить его и предлогъ съ нимъ познакомиться. Геренъ заключилъ и старую и новую Исторію. Онъ связалъ, такъ сказать, двѣ нити: въ старой кончилъ тѣмъ, чѣмъ въ новой началъ. Прекрасно показалъ онъ намъ, какъ мало-помалу распался, наконецъ, подъ собственною тяжестью тотъ колоссъ, которой прежде давилъ весь знаемый тогда міръ, и сдѣлался легкой добычей Номадовъ. Когда Римъ гордился еще своею дѣвственностію, когда Азіатская роскошь ослѣпляла, но не соблазняла его, онъ стоялъ подобно сильному здоровому юношѣ, коего силы только что съ годами прибавляются; но потомъ, когда свобода и народная гордость стали одними пустыми именами; когда отъ тѣхъ самихъ, на коихъ налагалъ, принялъ Римъ самъ оковы — и что всего больше — принялъ ихъ добровольно,—тогда тѣми же исполинскими шагами, коими возходилъ онъ наверхъ славы и могущества, тѣми же шагами стремился онъ къ своему паденію — палъ, и новой Римъ (Константинополь) разцвелъ на развалинахъ стараго!—Но о Римѣ можно сказать то же, что Шлецеръ сказалъ о Петрѣ Великомъ: «Это есть большой колоколъ, которой звенитъ въ ушахъ и тогда, когда перестали звонить въ него».

Естьли когда-нибудь случится мнѣ издать въ переводѣ Шлецерова Нестора, то сдѣлаю виньетъ, на которомъ будетъ представлено, что Шлецеръ вводитъ Нестора въ храмъ Исторіи или безсмертія, гдѣ его Тукидидъ, Титъ Ливій и прочая братія съ разверстыми объятіями встрѣчаютъ. А внизу картинки подпишу:

«Безсмертному обязанъ безсмертіемъ».

Сегодня же ходилъ гулять и былъ на кладбищѣ, читалъ надписи, и къ удивленію, кромѣ Кестнеровой, которую онъ самъ себѣ сочинилъ, не нашелъ ни одной порядочной, или, по крайней мѣрѣ, посредственной, даже и такой, которая бы отвѣчала той, которую я прошлаго года, въ это самое время,

можетъ быть, въ этотъ самый день читалъ въ Петербургѣ въ Невскомъ монастырѣ; мать соорудила тамъ памятникъ своему сыну:

Печальный монументъ, слезами окропленной,
Храни предметъ любви и горести моей;
А ты, сынъ милой, незабвенной,
Жди матери своей!

Просто, но краснорѣчиво!

Здѣсь видѣлъ я только монументъ одному молодому человѣку, на которомъ вырѣзаны *песочныя часы*, *разбитыя молніей*, а внизу подписано: zu früh!

31 Марта. / *19 Марта.* Госпитировалъ у Эйхгорна въ Litterair-Geschichte и слышалъ описаніе его характеровъ и твореній Лафатера и Гёте.

1 А. / *20 М.* Былъ въ Библіотекѣ и разсматривалъ славной увражъ Денона — Путешествіе его въ Египетъ, то же, что братъ видѣлъ въ Вѣнской Библіотекѣ.

Отъ Герена получилъ также свидѣтельство.

Поутру былъ на докторскомъ экзаменѣ и промоціи.

2 А. / *21 М.* Еще былъ на другой промоціи, гдѣ жаловали одного въ доктора, которой нарочно пріѣзжалъ сюда изъ Турціи получить докторской градусъ и теперь ѣдетъ назадъ къ своимъ Туркамъ забывать насъ Европейцовъ.

Наконецъ, заключилъ и Шлецеръ. И такъ, теперь весь мой полугодичной курсъ кончился; кажется, что воспользовался имъ — сколько могъ. Такъ ли дѣятеленъ буду въ слѣдующій? Лѣтомъ трудно дѣйствовать головою, особливо — послѣ обѣда; у меня еще въ свѣжей памяти, какъ Геймъ палочкой по головѣ будилъ меня. Но авось Шлецеръ или Майеръ будутъ умѣть заинтересовать меня.

3 Апр. / *22 М.* Поутру получилъ отъ Шлецера реэстръ новымъ Французскимъ путешествіямъ для Батюшки. А послѣ обѣда ѣздилъ въ Тепельсгаузенъ, оттуда ходилъ любоваться прекрасными видами Плесъ, — и вырѣзалъ на развалинахъ древняго замка свое имя. Можетъ быть, какой-нибудь соотечественникъ посѣтитъ когда нибудь мѣста сіи — и онъ, вѣрно, не безъ удовольствія прочтетъ имя Русскаго, а можетъ быть, и съ такимъ же

чувствомъ поблагодаритъ меня, съ какимъ я благодарилъ С[улиму], когда онъ заигралъ на національномъ нашемъ инструментѣ — на балалайкѣ.

$\frac{4\ A.}{23\ Мар.}$ Отправилъ письмо къ Батюшкѣ, гдѣ приложилъ и къ Дядюшкѣ Семену Володиміровичу. Послѣ обѣда проводилъ А[ндрея] С[ергѣевича] и Яншина съ братіею въ Тепельсгаузенъ на нѣсколько недѣль. Маленькая эта отлучка тѣхъ, съ коими привыкъ я проводить цѣлый день и ежеминутно почти видѣться и веселиться, напомнила мнѣ ту дальнюю разлуку съ тѣми, къ коимъ, сверхъ того, и узы родства, дружбы... и любви меня привязывали. Пошелъ одинъ съ стѣсненнымъ духомъ шататься вокругъ Гетингена, и, естьлибъ не абардировалъ Бутервека и не провелъ съ нимъ нѣсколько пріятныхъ минутъ, можетъ быть, воротился бы очень, очень грустенъ. Послѣ такой дѣятельности, въ которой провелъ я предъидущія 6 мѣсяцовъ, я думаю, что мнѣ очень покажутся эти 3 или 4 недѣли продолжительными. Ни друга, ни собаки—однѣ книги и воспоминаніе.

$\frac{5}{24}$. Сегодня получилъ изъ Петербурга черезъ Вѣну отъ Батюшки, брата и Кайсарова письмо отъ 5-го еще Февраля, слѣдовательно письмо шло 47 дней! Послѣ обѣда отнесъ къ Анд[рею] Серг[ѣевичу] въ Тепельсгаузенъ письмо отъ его матушки. Возвращаясь оттуда съ Сулимою ночью при полномъ свѣтѣ луны, сѣли мы у быстраго журчащаго ручейка и дали волю чувствамъ своимъ наслаждаться. Луна свѣтила прямо на него и посеребряла его; въ первой разъ еще я почувствовалъ, что такое обворожительное положеніе и въ самомъ дѣлѣ можетъ настроить душу пріятнымъ образомъ, но только — человѣка съ живыми чувствами и съ *безстрастнымъ* сердцемъ. Когда я увидѣлъ этотъ ручей, то я оправдалъ въ мысляхъ своихъ всѣхъ нашихъ стиходѣевъ, каковы Шаликовы и прочія, которыя даютъ разныя эпитеты ручейкамъ своимъ. Но при всемъ томъ, я все еще думаю, что они не сами любовались Натурою, а только вычисляли и списывали съ другихъ тѣ красоты ея, которыя врожденныя поэты сами находили. Иначе, любовь ихъ была бы пламеннѣе и журчаніе ручейковъ ихъ сильнѣе бы дѣйствовало на чувства читателя. Мы должны списывать съ оригинала, а не съ копіи.

$\frac{6}{25}$. Ходилъ къ Шлецеру, и говорилъ съ нимъ о всемірной Исторіи изданной Агличанами и потомъ Нѣмцами, гдѣ и онъ одну часть написалъ.

$\frac{7}{26}$. Вчера ночевалъ въ Тепельсгаузенѣ и сегодня рано поутру пришелъ домой; написалъ въ Лейбцигъ къ Консулу и М[аксиму] И[вановичу] письма и отправилъ ихъ.

$\frac{8}{27}$ *Марта.* Какова лучше желать мнѣ подарка въ день моего рожденія, какъ не письма отъ брата! 19 лѣтъ и мнѣ минуло! Посвящу этотъ день воспоминанію прошедшаго, воспоминанію семейственной жизни нашей. И теперь еще памятны мнѣ тѣ минуты, въ которыя Батюшка въ деревнѣ съ любовію нѣжнѣйшаго отца наставлялъ меня; всякой разъ долго отзывались во мнѣ слова его — и я въ этотъ день точно отъ этихъ словъ былъ гораздо добрѣе. Вѣрно, и теперь думаютъ обо мнѣ всѣ наши домашнія.

Былъ у Буле въ новомъ его прекрасномъ домѣ, гулялъ съ нимъ по саду, и получилъ отъ него свидѣтельство такое, какова я получить совсѣмъ не надѣялся и врядъ заслуживаю ли. Но я радъ, очень радъ, потому что это будетъ очень пріятно Бат. и Мат.: вѣдь, ужъ здѣсь я не директорской сынъ!

Вечеръ пропировали пріятнымъ образомъ день моего рожденья, и Русскія пѣсни раздавались во всемъ Гетингенѣ.

$\frac{9}{28}$. Поутру былъ сперва у Мартенса и получилъ и отъ него свидѣтельство; а потомъ и у Шлецера, которой къ моему удовольствію, а вѣрно, еще къ большему удовольствію Бат. и Мат., сказывалъ мнѣ, что онъ писалъ обо мнѣ къ Гейму весьма выгодно. Послѣ обѣда ходили за городъ въ садъ къ толстому Валю и играли въ кегли.

$\frac{10}{29}$ *Марта.* Дождались, наконецъ, и Свѣтлаго Христова воскресенья; только не Русскаго, а здѣшняго. Поутру ходилъ съ поздравленіями къ Профессорамъ своимъ, а послѣ обѣда ѣздилъ верхомъ въ Тепельсгаузенъ, а оттуда въ Плеесы, гдѣ сбирались съ окрестныхъ деревень Нѣмецкія мужики и, по ихъ словамъ, веселились. Возвращаясь, видѣли по горамъ, окружающимъ Гетингенъ, въ разныхъ сторонахъ разсѣянныя огни. Чѣмъ мѣсто отдаленнѣе и чѣмъ гора выше, тѣмъ лучше видъ. Въ темнотѣ и издали кажется, что это большія звѣзды, разсѣянныя по небу. Здѣсь называютъ сіе увеселеніе Osterfeuer!

При всемъ томъ этотъ праздникъ здѣсь совсѣмъ не такъ веселъ, какъ у насъ.

Отъ Шлецера получилъ свидѣтельство, и — на русскомъ. Оригинально!

$\frac{11}{30}$. Отослалъ письмо и свидѣтельства къ Батюшкѣ.

$\frac{12}{31}$. Отъ Батюшки получилъ письмо отъ 5-го Марта съ приложеніемъ векселя для А[ндрея] С[ергѣевича]. И такъ, Митеньки уже нѣтъ съ

братьями. Можетъ быть, имъ грустно было разставаться послѣ такой долгой свычки. Они теперь только двое остались; испытаютъ иногда и скуку. Ахъ братья, милые братья! для чего насъ нѣтъ съ вами!

$\frac{13\ Апр.}{1\ Апр.}$ До семи часовъ вечера просидѣлъ сегодня въ своей комнатѣ, не выходя изъ нее. Потомъ сходилъ гулять и черезъ полчаса опять сѣлъ за работу.

$\frac{2\ Ап.}{14\ Ап.}$ Отправилъ письмо въ Петербургъ къ брату и къ Кайсаровымъ. Сегодня вздумалъ я написать со временемъ родъ путешествія, не называя его, однако, этимъ именемъ, а сказавъ только a peu près такъ: «Два года или три, — смотря по тому, сколько я пропутешествую — примѣчательнѣйшія моей жизни». Описать тутъ свой выѣздъ изъ Москвы, дорогу въ Лейбцигъ и Гетингенъ; здѣшнія мои занятія, гулянье, здѣшнихъ Профессоровъ моихъ— и все, что со мною было здѣсь интереснаго для меня, и то, что можетъ быть интересно и для другихъ; а для тѣхъ, кои намѣреваются со временемъ вести академическую жизнь, и полезно. Не худо бы дать понятіе о здѣшнихъ заведеніяхъ, объ окружностяхъ и моихъ прогулкахъ. Все это можетъ быть занимательно. Но полно; въ другой разъ подумаю объ этомъ побольше; теперь послѣ труда пора успокоиться.

$\frac{3}{15}$. Вѣрно, наши Московскія не такъ провели эту Страстную пятницу, какъ мы здѣсь. До пяти часовъ вечера работалъ я, не выходя изъ комнаты, а потомъ пошелъ за городъ играть въ кегли; а вечеръ провелъ у Яншина за бакаломъ Шампанскаго.

Что естьлибъ сравнить, какъ я прежде проводилъ Страстную недѣлю, съ тѣмъ, въ чемъ проходитъ теперь мое время? Братья, друзья, товарищи! вспомните вашего Тургенева и пожалѣйте объ немъ! онъ не будетъ имѣть удовольствія встрѣтить съ вами этотъ веселый единственный праздникъ для неиспорченнаго еще Русскаго сердца! Что естьлибъ отнять у меня надежду, что когда-нибудь я опять запою вмѣстѣ съ Православными: Христосъ воскресе! (Тотъ, кто ненарочно заглянетъ въ журналъ мой, не смѣйся надъ этими чувствами! Ты, можетъ быть, не удалялся изъ своего Отечества?!). О! безъ этой надежды былъ бы я, можетъ быть, мертвъ ко всякимъ радостямъ. Отечество, родственники, друзья, товарищи! Оторванному отъ васъ имена ваши милѣе, драгоцѣннѣе! Но простите; бьетъ 12! Можетъ быть, сонъ соединитъ меня съ вами.

$\frac{4}{16}$. Ночь наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья. Теперь наши убираются и готовятся воскликнуть пріятный стихъ: Христосъ воскресе! Вѣрно, всѣ вспоминаютъ насъ.

Былъ у Шлецера, взялъ у него Библію и другія церковныя русскія книги.

$\frac{5}{17}$. Свѣтлое воскресенье! Въ 12 часовъ пѣли русскую заутриню. Поутру ходилъ къ Шлецеру христосоваться; а день весь провели Русскія всѣ вмѣстѣ.

$\frac{6}{18}$. Отправилъ письмо къ Батюшкѣ.

$\frac{7}{19}$. Записался къ Майеру на Физику.

$\frac{8}{20}$. Ночевалъ у Яншина.

$\frac{9}{21}$. Поутру ходилъ почти ко всѣмъ Профессорамъ записываться на лекціи; сперва къ Гайне на Археологію; отъ него къ Герену на Этнографію; оттуда къ Шлецеру на Статистику и Политику; потомъ къ Буле на Натуральное право; и, наконецъ, къ Мартенсу на Право народное. Всѣ принимали насъ очень ласково. У Буле пробыли мы около часу, говорили о Ка[с]сельскомъ Ландграфѣ и о безлюдныхъ его владѣніяхъ, гдѣ въ недостаткѣ мужчинъ женщины отправляютъ ихъ трудныя работы, напр. пашню и проч.. Корыстолюбивый Ландграфъ во время Американской войны отдавалъ въ наймы Агличанамъ свои войска, которыя онъ набиралъ съ отягченіемъ своихъ подданныхъ; нищета и безлюдство, которыя теперь бросаются въ глаза путешественнику, суть слѣдствія сего опустошенія. Но какое дѣло до этого Ландграфу? Сундуки его полны золотомъ; онъ въ состояніи держать многочисленную гвардію, обогащать своихъ наложницъ — и, наконецъ, онъ же еще получаетъ и Курфирстское достоинство. Чего ему больше? Il se plait dans sa grandeur!

Между прочими рѣзкими чертами, характеризующими корыстолюбиваго Ландграфа, достойна замѣчанія слѣдующая. Чтобы сократить расходы на дворъ свой, выдумалъ онъ средство имѣть истопниковъ и не платить имъ никакого жалованья: онъ заставилъ отапливать свой дворецъ невольниковъ, содержащихся подъ стражею и, слѣдовательно, отягченныхъ цѣпями! Но непріятной звукъ цѣпей, которой раздавался съ тѣхъ поръ всякое утро въ покояхъ и тревожилъ сладкой сонъ покоющейся его любовницы, заставилъ послѣднюю упросить его оставить эту экономію.

Буле разсказывалъ также ту исторію, которая была у Ландграфа съ Шлецеромъ. Первый узналъ, что Шлецеръ въ своей Статистической лекціи говорилъ о томъ, какъ продавалъ Ландграфъ въ Американскую войну свое войско и что потерпѣла отъ этого земля его. Ландграфъ пишетъ къ Шлецеру письмо и изъявляетъ свое негодованіе за сообщаемыя имъ извѣстія, которыя, какъ онъ говоритъ, совсѣмъ несправедливы, примолвя притомъ, что, естьли онъ не знаетъ чего о его владѣніяхъ, то спрашивалъ бы у него. Шлецеръ отвѣчалъ на сіе обидное для Профессора Статистики предложеніе à peu près въ сихъ словахъ: Пользуясь вашимъ позволеніемъ, желалъ бы я узнать отъ васъ, сколько получили вы за отдачу въ наемъ войскъ вашихъ? — Прекрасной Другъ Правды, единственный Шлецеръ! Онъ-то прямой наставникъ человѣчества и достоинъ высокаго сего титла!

$\frac{10}{22}$. Послѣ обѣда получилъ отъ брата письмо, гдѣ къ моей радости увѣдомляетъ онъ меня, наконецъ, о Шлецеровомъ Несторѣ; тотъ часъ пошелъ къ Шлецеру и прочелъ ему непріятную для него новость, что экземпляръ его, посланный къ Государю, затерянъ; но я узналъ отъ него по секрету, что тутъ было приложено и вышитая картина женою его, гораздо лучше той, за которую получила она отъ Прусской Королевы въ подарокъ прекрасную фарфоровую вазу; картина была назначена для поднесенія Императрицѣ. Какъ досадно должно ему быть все это! Но не менѣе того, онъ мнѣ очень благодаренъ и съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку; повелъ меня показывать другія работы жены своей — рѣдкости въ своемъ родѣ или, лучше сказать, единственныя, потому что шить шелками такимъ образомъ есть совершенно новое изобрѣтеніе. Я обѣщалъ ему стараться, сколько можно, о его дѣлѣ, которое должно быть интересно для всякаго Русскаго.

Получилъ зовъ отъ Проректора Мартенса на ужинъ; пошелъ вмѣстѣ съ Я[ншинымъ] и Ф[рейгангомъ]. Но наскучивъ представленіями Я[ншина], сдѣлалъ непростительную грубость и ушелъ съ нимъ, не дождавшись ужина, послѣ чего узналъ, что хозяинъ и хозяйка были этимъ очень недовольны.

$\frac{11}{23}$. Поутру получилъ отъ Шлецера въ подарокъ нѣсколько русскихъ книгъ и изданную имъ таблицу всемірной Исторіи. Былъ у Шрёдера; потомъ, узнавъ, что въ Гетингенѣ находится Коцебу, побѣжалъ въ Крону и хотѣлъ рекомендоваться ему, какъ переводчикъ его «Нещастныхъ»; приготовилъ много острыхъ комплиментовъ; но, къ досадѣ моей, трудъ мой былъ напрасенъ — его уже не было въ Гетингенѣ!

Послѣ обѣда былъ въ Библіотекѣ и нашелъ, паче чаянія, новую для меня книгу, относящуюся до русской Исторіи — о Тмутараканскомъ княжествѣ Гр. Алексѣя Мус[ина]-Пушкина, сочиненную по велѣнію Екатерины Великой. Кажется, что всѣ изслѣдованія (recherches) взяты изъ Щерб[атова], Татищ[ева] и прочихъ русскихъ Историковъ, а не изъ древнихъ какихъ-нибудь неизвѣстныхъ хроникovъ. Привыкнувъ на все смотрѣть Шлецеровскими глазами и слышавъ отъ него такъ часто о наблюденіи экономіи въ печатаніи книги, кажется, можно очень справедливо критиковать безполезную величину (Weitläufigkeit) книги, буквъ и проч.. То же можно бы было напечатать съ большею бережливостію, и цѣна книги могла бы быть въ шесть разъ дешевлѣе; тогда бы и занимающійся, но бѣдный любитель Отечественной Исторіи (напр. какой-нибудь Смоленской дьяконъ Никифоръ) могъ, не нуждаясь, достать ее. И естьлибъ поступали такимъ образомъ со всѣми издаваемыми прямо полезными (для ученыхъ) книгами, то бы трудящіяся, занимающіяся ученостію, не имѣли причинъ жаловаться на свой недостатокъ и на бѣдность своей библіотеки. Романы и другія туалетныя книги не имѣютъ нужды въ такой экономіи.

$\frac{12}{24}$. Писалъ письма къ брату, къ Мерзл[якову] и Жуковскому.

$\frac{13}{25}$. Поутру былъ у Мартенса съ Я[ншинымъ] и извинился, что такъ рано ушелъ отъ него въ пятницу; теперь совсѣмъ успокоился; кажется, что онъ не очень этимъ огорчился. Потомъ пошелъ къ Бутервеку съ А[ндреемъ] С[ергѣевичемъ) и записался къ нему на Naturphilosophie; послѣ обѣда отправилъ письма въ Москву къ Бат., и Мерз[лякову], и Жук[овскому], и въ Петербургъ къ брату.

$\frac{14}{26}$. Ввечеру зашелъ къ Вас[илію] И[вановичу] Ф[рейгангу], и онъ, напѣвая Французскую Арію, съ сожалительною миною говоритъ мнѣ, что онъ сегодня получилъ и горесть и радость вмѣстѣ: радость его состоитъ въ полученіи отъ К. Куракина письма; а горесть — у него братъ умеръ!! О, холодная, малая душа! Есть ли тутъ человѣческое чувство (не говорю о чувствѣ брата) дѣлать подобныя параллели! И онъ въ такихъ же холодныхъ выраженіяхъ пишетъ письмо къ отцу своему и, сверхъ того, въ реторическихъ фигурахъ. Для чего не околѣлъ ты, хладнокровная лягушка, въ лѣта твоего брата, тогда, когда еще, вѣрно, человѣческія чувства не совсѣмъ окаменѣли въ твоемъ сердцѣ! Что естьлибъ я могъ при подобной новости быть также безчувственъ — о! тогда бы первой кинжалъ сдѣлался моимъ и общимъ

благодѣтелемъ и освободилъ бы свѣтъ отъ—изверга; даже и тогда почелъ бы я себя недостойнымъ человѣческаго общества, когда бы я, увидѣвъ сегодня Фрейганга, не почувствовалъ къ нему должнаго отвращенія! Какъ назову я теперь въ полнотѣ души своей всѣхъ людей братьями, когда я вижу, что и братья не братья! Но надобно быть спокойнѣе; одинъ примѣръ дѣлаетъ исключеніе, а не правило. Вотъ человѣкъ, котораго должно поставить на край земнаго шара, дать киселя и столкнуть!!!

$\frac{15}{27}$. Прежде времени горевать не должно!..

Конечно, все это со мной случилось для того, чтобъ мнѣ было что-нибудь записать сегодня въ журналъ свой и заинтересовать его, а я тужилъ о противномъ! Бросилъ книгу и пошелъ гулять; вижу Бутервека, иду за нимъ; но онъ меня не видитъ; разсматриваю со стороны милую краснорѣчивую его физіономію; онъ входитъ въ домъ свой, взоры мои слѣдуютъ за нимъ, и я сквозь дверь увидѣлъ, что онъ, проходя мимо миленькаго мальчика, приласкалъ его; и я полюбилъ любезнаго философа, къ которому прежде питалъ я только одно почтеніе. Вотъ какъ можетъ одно движеніе руки подѣйствовать на человѣка; но оно слѣдовало за движеніемъ сердца. Такъ думалъ я и verloren in Gedanken спѣшилъ домой записать свои мысли и чувства. Но—«За щастіе должно намъ нещастіемъ платить», сказалъ кто-то изъ нашихъ стихотворцовъ; а я скажу хоть въ прозѣ: «За удовольствіе должно неудовольствіемъ платить». Я въ разсѣяніи упалъ въ канаву и сдѣлался посмѣшищемъ мимошедшихъ!

Послѣ обѣда былъ у Митшерлиха и записался къ нему для Латинскихъ уроковъ отъ 3 до 4 послѣ обѣда, пять разъ въ недѣлю.

Пріятной сюрпризъ для Батюшки, когда я вдругъ въ глазахъ его переведу мѣсто изъ Цицерона. Съ чувствомъ гордости и самодовольства скажу я тогда ему: «Это одно только, что я сдѣлалъ безъ вашего позволенія! И вѣрно, вы не имѣете причинъ пѣнять мнѣ, а я — раскаиваться».

$\frac{16}{28}$ *Апрѣля.* День прошелъ нечувствительно; ввечеру только ходилъ я гулять за городъ въ Шицгаузенъ; но дурная погода вогнала меня опять въ комнату.

$\frac{17}{29}$. Проснулся — и получаю письмо отъ брата; увѣдомляетъ о Несторѣ; тотчасъ побѣжалъ къ Шлецеру, и онъ выписалъ самъ мѣсто, до него касающееся. Послѣ обѣда ходилъ слушать музыку въ Ulrichsgarten; играли обыкновенныя свои пѣсни работники на рудокопныхъ заводахъ въ Гарцѣ,

припѣвая свой refrain, съ которымъ обыкновенно они провожаютъ въ опасное подземелье своихъ товарищей: Glück auf! Меланхолическія и сухія ихъ лица показываютъ ихъ родъ жизни; жить и безпрестанно подвергаться опасности потерять жизнь мучительнѣйшимъ образомъ, т. е. быть завалену горами и камнями или задохнуть въ ядовитомъ воздухѣ минераловъ — значитъ ли это *жить*? О, конечно, нѣтъ! — скажетъ всякой, кто только хоть на минуту былъ въ опасности разстаться съ жизнію. Солдаты наши, приготовляющіяся завтра ійти на поле сраженія или брать штурмомъ какой-нибудь Измаилъ или Очаковъ, ихъ положеніе несравненно лучше, даже завидно для того, кто горитъ желаніемъ отличиться; они увѣрены что, хоть не вѣнцы лавровыя [1]), но, по крайней мѣрѣ, серебряныя медали (mit der erhabenen Aufschrift) съ высокою надписью *былъ* (при Чесмѣ) [2]) ожидаютъ ихъ; ихъ поджидаетъ боготворимой ими Суворовъ; они идутъ за Церковь и за Отечество; всѣ эти мысли приводятъ въ нѣкоторой восторгъ, извѣстный тѣмъ только, кои бывали въ подобномъ положеніи. Но сіи нещастныя?! Гора поглотитъ ихъ, и стоны ихъ раздадутся въ пещерахъ, отразятся о безчувственныя камни, — а кто прольетъ о нихъ слезу сожалѣнія?

Ввечеру получилъ отъ Шлецера письмо его, которое посылалъ онъ Государю при посвященіи своего Нестора; онъ проситъ перевести его; не знаю, удастся ли мнѣ выразить на русскомъ die kraftvollen Schlötzerischen Ausdrücke?!

$\frac{18}{30}$. Поутру былъ у Шлецера для поясненія нѣкоторыхъ словъ въ письмѣ его, а послѣ обѣда разсматривалъ въ Библіотекѣ богатое и прекрасное изданіе d'Aubenton обезьянъ.

$\frac{19\ Апр.\ с.\ с.}{1\ Мая\ н.\ с.}$ Получилъ отъ П. Митшерлиха письмо о томъ, когда онъ начнетъ съ нами лекцію.

И такъ, ваканція наша кончилась. Естьли я и половины не исполнилъ изъ тѣхъ плановъ, которыя я начерталъ себѣ для этого шестинедѣльнаго времени, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ что-нибудь и всякой день хоть на золотникъ умножалъ свои знанія или *опыты*. Когда корабль лежитъ въ гавани и на якорѣ, то онъ видитъ штормы и находящихся въ опасности

---

1) Въ рук. «лавравовыя».

2) Для меня сія Чесменская надпись превосходитъ даже ту, которая надписана на Берл. Инв. домѣ: «Раненому, но не побѣжденному воину». — Примѣчаніе, сдѣланное Ал. Ив. на той же страницѣ.

братьевъ своихъ на открытомъ морѣ, но самъ не подвергается опасностямъ и надѣется на якорь и гавань, которыя стерегутъ его; зато онъ не имѣетъ и искусства избѣгать подводныхъ камней и не чувствуетъ удовольствія, которое слѣдуетъ послѣ минованія бури. Такъ то и я, когда былъ посреди своего семейства, въ домѣ родительскомъ, подъ покровомъ и остереженіемъ отца и матери! Теперь, будучи предоставленъ самому себѣ, пущенный въ опасное море жизни съ хорошею, можетъ быть, теоріей, но съ слабой практикой, теперь долженъ собирать свои опыты и основываться на нихъ, а съ опытностью другихъ только что совѣтоваться. Какая должна быть неизъяснимая радость, когда корабль въ цѣлости, безъ малѣйшаго поврежденія, но нагруженный золотомъ (опытностью), пристанетъ въ прежнюю свою гавань и облобызаетъ берега, которыя видѣли отъѣздъ его!

$\frac{20\ Апр.}{2\ Мая}$. Отправилъ письма въ Петербургъ и Москву.

Былъ у Митшерлиха и совѣтывался о томъ, какія при Латинскихъ урокахъ употреблять книги.

Гайне началъ свою лекцію. И такъ, современемъ, на западѣ жизни моей, когда и самъ Гайне будетъ считаться между антиками, могу сказать я: «Я ученикъ великаго Гайне».

Былъ и у Буле. Читая вторую часть Пюттерова описанія жизни и твореній всѣхъ Геттингенскихъ Профессоровъ, нашелъ я подъ Шлецеромъ чью-то надпись: Grosser Mann, wie viel ist dir Deutschland, die ganze Menschheit schuldig! Меня, какъ истиннаго энтузіаста его, это очень порадовало. Я увидѣлъ, что не одинъ я умѣю цѣнить его!..

$\frac{21}{3}$. Мартенсъ началъ свою лекцію.

$\frac{22}{4}$. Думалъ о своемъ будущемъ путешествіи. Гдѣ-то мнѣ удастся видѣть море? Такъ ли же оно на меня подѣйствуетъ, какъ на одного холоднаго Англичанина, которой, начитавшись прекрасныхъ описаній о величественности моря, увидѣвши его, вскричалъ только: but it is merely a great quantity of water!

Мнѣ кажется, что тихое море должно быть величественнѣе, нежели волнующееся. Первое наполняетъ душу высокими чувствами; второе—потрясаетъ ее, приводитъ въ нѣкоторое содраганіе (erschüttert es). А потрясающее (erschütterndes) и высокое (erhabenes) совсѣмъ двѣ вещи разныя. Высокое есть то, что производитъ въ насъ нѣкоторое темное предчувствіе

Безконечнаго. Потрясающее есть то, что нечаянностію своею устрашаетъ[1]) насъ. Каждое ощущеніе можетъ потрясти, поколебать духъ нашъ (uns überraschen). Не всегда потрясающее имѣетъ въ себѣ и что-то великое. Ощущеніе истинно высокаго есть ощущеніе разсудка (Reflexionsgefühl). Но потрясающее поражаетъ всѣ чувства. Всякой обыкновенной человѣкъ можетъ пораженъ быть; но одинъ только человѣкъ образованный способенъ ощущать высокое.

Египетская пирамида, стоящая на равнинѣ; чистое, не помраченное облаками небо; Швейцарскія горы, покрытыя *вѣчнымъ* снѣгомъ, (какъ напримѣръ гора *Jungfer*, получившая свое названіе отъ того, что еще ни одна нога человѣческая не ступала на ней) — всѣ сіи предметы не потрясаютъ душу нашу, но настроиваютъ ее къ *моральному* чувству высокаго. Но есть и другое — *физическое*, которое происходитъ отъ свободнаго размышленія о безконечномъ могуществѣ Природныхъ силъ. Подобное чувство часто рождается въ насъ при грозѣ, при большихъ водопадахъ. Такъ водопадъ Рейнской, о которомъ Лафатеръ сказалъ: «Чѣмъ мы чаще созерцаемъ что-нибудь великое, тѣмъ оно становится для насъ меньше (приглядывается, естьли сказать попросту). Но здѣсь напротивъ: чѣмъ чаще смотримъ мы на водопадъ нашъ, тѣмъ онъ для насъ становится величественнѣе». Такъ славной водопадъ Ніагарской, къ которому дикія приходятъ, падаютъ предъ нимъ на землю — и говорятъ, что они поклоняются великому духу. Здѣсь и дикія имѣютъ истинное эстетическое чувство великаго!

$\frac{23}{5}$. Отъ Бат. получилъ письмо отъ 26 Марта. И такъ, мои письма точно пропадаютъ и, можетъ, самыя нужныя.

Ходилъ къ Шлецеру. Началъ Латинскія уроки у Митшерлиха. Теперь я одинъ остался въ комнатѣ. Товарищъ мой В[оиновъ] отсталъ отъ меня; вѣроятно, что не я былъ причиною переселенія, а... Правда, что и я иногда говорилъ въ глаза правду; ну а вѣдь никто не хочетъ потерять зрѣнія. Впрочемъ, не только химикамъ, но и мужикамъ нашимъ извѣстно, что масло съ водой не смѣшаются, и хоть въ одномъ стаканѣ, но все одно поверхъ другова плаваетъ.

$\frac{24}{6}$. Госпитировалъ у Бекмана въ *Технологіи;* и матерія и образъ его предложенія мнѣ такъ понравились, что врядъ не рѣшусь ли я, естьли получу отвѣтъ отъ Иде, записаться къ нему на лекціи. Я могу съ пользою

1) Надъ этимъ словомъ написано «поражаетъ».

послѣ посѣщать фабрики и мануфактуры Англинскія и Французскія; и даже съ полученной у него теоріей будутъ для меня интересны всѣ сіи произведенія искусства, доведеннаго у Англичанъ до такой высокой степени. Я не буду смотрѣть глазами простаго вояжера, der nur siehet und staunt, какъ говоритъ Бекманъ, но глазами знатока, которому теоретическія основанія сего искусства уже извѣстны. Натурально, должна выиграть для меня и самая вещь больше интереса, и я легкимъ и пріятнымъ образомъ замѣчу что-нибудь полезное, или, по крайней мѣрѣ, возобновлю въ памяти своей тѣ понятія, которыя я за годъ прежде получилъ о томъ. Сія Коллегія весьма можетъ меня приближить къ цѣли моего путешествія, такъ чтобы я по возвращеніи своемъ *имѣлъ право* сказать: ne frustra vixisse videar.

Шлецеръ началъ свою Статистику. On voit que c'est son fort.

$\frac{25}{7}$. Какой трогательной сцены былъ я сейчасъ свидѣтелемъ! У того самаго отца, которой зимой потерялъ взрослаго сына, маленькая прекрасная дочь укушена собакой по лицу, такъ что вся правая щека разорвана. Еще сегодня же любовался я маленькой красавицей. Бѣдная семья! При мнѣ взошелъ отецъ и видитъ операцію. Что онъ почувствовалъ? Не знаю. Но что было на лицѣ его — это одинъ только живописецъ изобразить можетъ. Не говоря ни слова, черезъ полчаса вскричалъ онъ: Des Winters ein Kind verlohren, des Sommers ein zerrissen! Слова эти и на меня глубоко подѣйствовали.

$\frac{26}{8}$. Утро потѣлъ надъ переводомъ Шл[ецерова] письма къ Гос[ударю], а послѣ обѣда, посѣтивъ изувѣченную красавицу, писалъ письма въ Москву. Рѣдко когда я ложился спать довольнѣе теперешняго, хоть въ Diarium свой записать мнѣ и нечево.

$\frac{27}{9}$. Геренъ началъ свою лекцію о познаніи земли и народовъ, на ней живущихъ (Erd-und-Völkerkunde). Кажется, что эта лекція будетъ одна изъ интереснѣйшихъ, по крайней мѣрѣ, по его блистательному введенію и по общимъ понятіямъ, которыя онъ намъ въ немъ преподалъ о сихъ Наукахъ.

Буле также началъ свое право Натуры (Naturrecht). Я справедливо думалъ, что Мартенсова коллегія о правѣ Народовъ (droit des gens) и Булева будутъ помогать другъ другу, и, въ самомъ дѣлѣ, ожиданія мои исполнились при первой же лекціи; особливо, что касается до литтературной Исторіи (Litterairgeschichte) сихъ близкихъ Наукъ, потому что одни и тѣ же обработывали обѣ части; напр. Гроцій, котораго зовутъ отцемъ права На-

родовъ, Гоббесъ, Пуффендорфъ и, наконецъ, всеобъемлющій универсальный Геній — Кантъ.

Опять госпитировалъ у Бекмана.

И Майеръ открылъ свою опытную Физику.

Отправилъ письмо въ Москву.

$\frac{28}{10}$. Записался еще на новую лекцію —Логики и Метафизики у Бутервека. Непремѣнно должна была прежняя лекція Буле о томъ же оставить на мнѣ благодѣтельныя слѣдствія. Метафизика держитъ въ дѣятельности способности мыслить и дѣлаетъ способнымъ къ мысленному напряженію, что для моей природной лѣни очень хорошее лѣкарство.

Шлецеръ началъ свою Политику, а Бутервекъ — Философію Натуральныхъ Наукъ (Philosophie der Naturwissenschaften).

$\frac{29}{11}$. Бутервекъ началъ читать Логику и Метафизику, и, что всего для меня пріятнѣе, кажется, по своей собственной системѣ, не придерживаясь рабски мнѣнія другихъ, но пользуясь правами свободы мысли. Критиковалъ справедливо систему Эклектиковъ, между коими Платнеръ и Федеръ играютъ главную роль; но и Буле также преподавалъ намъ прошлой курсъ по этой же системѣ.

$\frac{30}{12}$. Былъ у Бутервека и просилъ его, чтобъ онъ не читалъ для нашей поѣздки въ Кассель въ это время лекцій своихъ.

$\frac{1}{13}$. Ходилъ къ Герену; потомъ былъ у Шлецера, а завтра въ 4 часа утра въ Кассель!

Кассель $\frac{2}{14}$ *Мая*. Въ 5 часовъ утра выѣхалъ я сегодня изъ Гетингена, сперва въ коляскѣ подъ дождемъ; не отъѣхавши мили, недалеко отъ Эйлерсгаузена, сѣлъ на лошадь моего товарища, которой съ ней не могъ сладить, и такъ доскакалъ до Миндена, которой стоитъ на половинѣ дороги. Здѣсь-то начались тѣ прекрасныя виды, о которыхъ я наслыхался отъ своихъ товарищей. И въ самомъ дѣлѣ, на одной сторонѣ продолжался почти во всю дорогу высокой хребетъ горъ; а съ другой — быстрая судоходная рѣка Фульда, которая при самомъ Минденѣ съединяется съ другой рѣкой и раздѣляется на три рукава. Въ Минденѣ съѣхалось множество пассажировъ, большая часть Геттингенскихъ студентовъ. Отсюда поѣхалъ опять въ коляскѣ; но высокая гора принудила насъ ійти пѣшкомъ почти съ часъ. Во

второмъ часу пріѣхали въ Кассель, отыскали квартиру и пошли осматривать городъ, гдѣ безпрестанно попадались намъ невольники въ цѣпяхъ, работающія на мостовой. И для такого радостнаго дня не хочетъ Ландграфъ освободить ихъ отъ оковъ!

На Фридрихсплацѣ стоитъ Монументъ бывшему Кассельскому Ландграфу Фридриху съ надписью: Friderico II patriæ, 1787. Мили за полторы отъ Касселя видѣнъ на Wilhelmshöhe Hercul[e]s, которой въ понедѣльникъ надѣюсь увидѣть вблизи. Стеченіе народу довольно большое: но все что [то] не весело, не живо; можетъ быть, это мнѣ кажется и отъ того, что я ожидалъ слишкомъ много, имѣвъ щастливый случай видѣть уже двѣ Русскія Коронаціи. Сонъ клонитъ, пора на солому. Дорогой на всякомъ шагу попадались намъ нищія.

$\frac{3}{15}$ *Мая.* Сегодня поутру была Коронація; видѣлъ новаго Курфирста со всей фамиліей. Что вся эта церемонія въ сравненіи съ нашей? Для того, кто видѣлъ Павлову и Александрову Коронаціи въ Москвѣ, это кажется кукольной комедіею, на которую смотришь въ умаляющее стекло, такъ что предметы кажутся en mignature. Ввечеру городъ весь былъ иллюминованъ; лучше всѣ[хъ] щитовъ горѣлъ на Музеумѣ. Хотѣлъ списывать надписи, ходилъ по всему городу, читалъ ихъ, но ни одной остроумной не нашелъ, а много смѣшныхъ, даже и у Французскаго Посла, отъ котораго бы, судя по характеристической чертѣ его націи, должно было ожидать что-нибудь необыкновенное, по крайней мѣрѣ, что бы было не commun, mesquin. Но мы нашли напротивъ. И это привело мнѣ на память то, какъ я третьяго году провелъ ночь на Коронацію и вечеръ въ первый день (помирившись съ....). О, Иванъ Великой! въ какомъ блескѣ сіялъ ты и затмѣвалъ завистливыхъ своихъ товарищей!

Послѣ обѣда ѣздилъ на Вильгельмсъ-Геге, но не до самаго Геркулеса; слѣдовательно, и не могъ войти въ его палицу. Какое мѣстоположеніе! Bereisste путешественники увѣряютъ, что это одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ по своему положенію и по украшенію, приданному Натурѣ искусствомъ. Каскады. Палаты. Изображеніе ада. Руины, съ которыхъ падаетъ вода, разбиваясь въ мѣлкія брызги.

$\frac{4}{16}$ *Мая.* Поутру былъ въ Bildergallerie; видѣлъ множество картинъ первыхъ мастеровъ; но — только что видѣлъ, и больше ничего, потому что я не знатокъ въ нихъ; да и знатокъ затерялся бы въ такомъ множествѣ. —

Потомъ смотрѣлъ Marmorbad, и unterwegs попался нашъ Курфирстръ съ своей свитой. Обѣдалъ im König v. Preussen; прекрасной столъ; но очень долго продолжался. Ввечеру былъ въ Театрѣ, гдѣ представляли на этотъ случай сочиненную піесу «Hesus», чрезвычайно дурно; піеса безъ всякой связи, безъ конца; настоящій Gelegenheitsstück. Насмотрѣлся на Курфирстра и на всю его фамилію, кричалъ ему вмѣстѣ съ другими: виватъ!

$\frac{5}{17}$ *Мая.* Думалъ ійти въ Музеумъ поутру, но, вмѣсто того, былъ только въ Католической церкви, украшенной мраморомъ и построенной бывшимъ Ландграфомъ Фридерикомъ, которой для французской маітрессы (sic) принялъ католическую религію. Послѣ обѣда былъ въ Музеумѣ. Для него одного можно сдѣлать вояжъ въ Кассель! Сколько рѣдкостей всякаго роду! Записывать ихъ невозможно, да и не будетъ пользы.

Въ 6-мъ часу выѣхали изъ Касселя; я поѣхалъ верхомъ и черезъ два часа очутился въ Минденѣ; потомъ пустились ночью далѣе и въ Трансфельденъ пріѣхали уже въ 10 часовъ вечера; а выѣхали опять въ самую глубокую полночь и въ самую темную ночь въ Гетингенъ, куда и пріѣхали въ 2 часа ночи, слѣдовательно, на другой уже день.

$\frac{6}{18}$ *Мая. Гетингенъ.* Къ удивленію, нашелъ здѣсь прежняго своего товарища Успенскаго, и къ удовольствію нашелъ его здороваго. Заснулъ не прежде какъ въ три часа, а въ шесть былъ уже у Герена на лекціи.

$\frac{7}{19}$. Опять принялся за свои упражненія. Читалъ реценсію Вольфа на Гейне. Вотъ такъ-то здѣсь въ Германіи никому спуску нѣтъ. И кто же реценсируетъ Гайне? Ученикъ его. Und so beissend, какъ говорятъ Нѣмцы. Гайне думалъ своимъ Гомеромъ пріобресть себѣ новыя вѣнцы и самъ сказалъ уже въ предисловіи, что онъ не для современниковъ, но для потомства пишетъ; а вмѣсто того, не только еще современники, но даже и ученикъ его нашелъ въ немъ такія большія недостатки.

$\frac{8}{20}$. И такъ, Французы уже близки къ Ганноверскимъ владѣніямъ. Что-то послѣдуетъ съ здѣшнимъ Университетомъ? Вѣрно, просвѣщенныя Французы не потревожатъ Музъ, любящихъ и требующихъ болѣе всего спокойствія. Имена Гайне и другихъ не значущи для Канибаловъ, но не для Французовъ. Отечество Гайне не Германія, но вся просвѣщенная Европа. Онъ гражданинъ міра, а не одного Гетингена. Подъ эгидомъ Минервы намъ нечево опасаться.

$\frac{9}{21}$. А.. Х.. с. бъ 30 ю 4 ф[1]) 8. м. 80 я.

$\frac{10}{22}$. Цѣлой день писалъ письма, и цѣлой [день] не только не выходилъ изъ комнаты, но и не одѣвался.

$\frac{11}{23}$. Отправилъ письма въ Москву и Лейбцигъ.

И такъ, мы можемъ теперь назваться осажденными. Безпрестанно ожидаютъ Ганновранцы нашествія Французской арміи. Всѣхъ гражданъ призываютъ къ присягѣ; силою берутъ въ солдаты, и безпрестанно видѣнъ на улицахъ новой привозъ рекрутовъ. Сегодня ввечеру вели набранныхъ рекрутовъ; жители съ сожалительною миною смотрятъ на нихъ; я шелъ съ своими товарищами и смѣялся надъ пустыми пріуготовленіями Ганноверскаго правленія и надъ этою недисциплированною кучею шалуновъ, которыхъ берутъ подъ ружье. Женщины, увидѣвши, что мы смѣемся, вскричали: Und die Russen lachen! А что жъ намъ иначе дѣлать, чувствуя силу и мочь нашего Отечества? Мы не имѣемъ нужды трепетать, благодаря Провидѣнію, ни передъ всей Европой! Впрочемъ:

Смѣяться не грѣшно
Надъ тѣмъ, что кажется смѣшно!

Видно, что страхъ ихъ не бездѣльной. Даже и за городъ никого изъ мущинъ не выпускаютъ. И академическій гражданинъ долженъ сперва получить билетъ отъ Проректора.

А ненавистникъ Нѣмцовъ Pongerard безпрестанно твердитъ: O Nation pusillanime!

$\frac{12}{24}$. Военныя строгости въ Геттингенѣ, кажется, всѣ утихли.

$\frac{13}{25}$. Можетъ быть, на слѣдующей недѣлѣ опять дня на два съѣзжу въ Кассель видѣть его въ томъ положеніи, въ которомъ его называютъ Волшебнымъ Замкомъ, то есть тогда, когда всѣ воды будутъ пущены и когда тотъ водопадъ, котораго одному строенію я удивлялся, будетъ шумѣть, низпадая съ скалъ своихъ. Только теперь возьму съ собой хоть Форстерово Путешествіе; иначе, духъ требуетъ безпрестанно пищи, а ея нѣтъ. И въ прошедшую поѣздку невозможность удовлетворить ему наводила на меня нѣкоторую скуку.

---

1) Въ рукописи неясно; скорѣе — «о», перечеркнутое сверху внизъ.

$\frac{14}{26}$. Говорятъ, здѣсь въ Гетингенѣ былъ ночью небольшой алармъ, отъ того что рекрутскія наборщики похитили многихъ мужей изъ объятій супругъ ихъ. И это та свобода, о которой здѣсь столько проповѣдуютъ и которой граждане *думаютъ* наслаждаться!

$\frac{15}{27}$. Шлецеръ въ Статистической своей лекціи поздравилъ Русскихъ съ завтрешнимъ днемъ, въ которой минетъ сто лѣтъ, какъ основанъ Санктпетербургъ. Нѣтъ ни одного изъ важныхъ Европейскихъ городовъ, котораго бы начало такъ извѣстно было. Большая (sic) части не знаютъ даже, въ которомъ столѣтіи они основаны. Даже и о Москвѣ нашей историки не согласны; одни говорятъ, что она основана еще Олегомъ, а другія и вѣроятнѣйшія, между коими и самъ Шлецеръ, утверждаютъ, что — Великимъ Княземъ Юрьемъ Долгорукимъ. Разница болѣе, нежели въ 250 годахъ!

Теперь намъ надобно праздновать заложеніе Петербурга, чтобъ и самое позднее потомство съ такою же достовѣрностію, какъ и мы, могло торжествовать происхожденіе того Колосса, которой въ одно столѣтіе достигъ того величія, котораго другія его Европейскія товарищи достигали въ цѣлыя тысящелѣтія. Парижъ, Мадритъ, Лондонъ,— что вы въ сравненіи съ младшимъ братомъ вашимъ! Несмотря на то, что непроходимыя болота воспитали его, возросъ онъ подъ Творческою Рукою Петра и устыдилъ завистливыхъ своихъ товарищей. Чего не въ силахъ произвести усердіе Русскихъ, оживляемое духомъ Петровымъ! Бѣдное прибѣжище рыболововъ превращаетъ оно во всеобщее пристанище для всѣхъ мореходствующихъ націй. Тамъ, гдѣ стояла рыбачья хижина, возвышается теперь нерукотворная каменная гора подъ великимъ своимъ образователемъ! Тамъ, гдѣ, можетъ быть, сперва рыболовъ раскидывалъ свои мрежи, предстоитъ предъ Александромъ, кроткимъ обладателемъ Пол-свѣта, въ величественной тишинѣ могущественное его воинство. Тамъ воздвигнуты мраморныя чертоги и великолѣпныя храмы, въ славу Вышняго посвященныя. Тамъ же толпятся и трудолюбивыя граждане, усердствующія къ службѣ своему Государю и Отечеству. Наконецъ, тамъ печется въ часы общаго отдохновенія дѣятельный но миролюбивый духъ Александра не только о благѣ своихъ подданныхъ, но и о соблюденіи мира между двумя ревнующими народами.

$\frac{28}{16}$. Сегодня, отслушавъ Гайневу лекцію, отправились мы верхомъ въ Кассель. Лишь только выѣхали изъ Гетингена, начался сильный дождь и провожалъ насъ до самаго Касселя, не переставая ни на минуту. Пріѣхавъ въ Минденъ, спросили мы тотчасъ бутылку вина, сколько для того, чтобъ

ознаменовать день основанія Петербурга, столько и для того, чтобъ сколько-нибудь отогрѣться. Въ Минденѣ нашли мы eine lustige Gesellschaft von Göttingischen Burschen и отобѣдали съ ними. Я[ншинъ] сначала поѣхалъ только насъ проводить до Трансфельдена; но ему вздумалось ѣхать дальше и, пользуясь академическою свободою, проводилъ насъ и до самаго Касселя. Сюда пріѣхали мы въ 4 часа; на насъ не было ни одной сухой нитки во всей силѣ этого выраженія. Однакожъ, мы въ 6 часовъ пошли въ Театръ, гдѣ давали прекрасную оперу «Лодойска», музыка Херубини. Въ прошлой разъ, когда представляли нещастнаго «Гезуса», ни одного актера не нашелъ, который бы стоилъ нашего Зайцова; но въ «Лодойскѣ» тѣ же самыя актеры играли прекрасно. Вотъ что дѣлаетъ Піеса! Сюжетъ ее взятъ изъ Польской Исторіи во время Станислава Лещинскаго.

При въѣздѣ въ городъ первый предметъ—висѣлица, на который повѣшенъ портретъ одного солдата за побѣгъ. Натурально, производитъ это непріятное чувство, и съ перваго разу уже получается какое-то презрѣніе къ Курфирстру, которой не хотѣлъ пощадить Путешественника этимъ зрѣлищемъ.

$\frac{29}{17}$. Поутру отслушалъ цѣлую Католическую обѣдню. Послѣ обѣда разсматривали Курфирстской дворецъ; богатство и великолѣпіе его и съ Кусковымъ сравнить нельзя. Въ самомъ Кабинетѣ нашли мы маленькую библіотеку, состоящую изъ bibliothèque des romans и Adresscalender von Cassel. Вотъ-то въ чемъ находитъ свое удовольствіе Курфирстръ въ часы отдохновенія отъ дѣлъ правленія! Въ одной комнатѣ между прочими княжескими портретами стоялъ и портретъ Павла I. Камерлакей, который былъ нашимъ путеводителемъ, показывая на него, сказалъ: das ist der ermordete Kayser von Russland. Прочія наши товарищи, зная, что мы Русскія, оглянулись на насъ; но мы не смѣли противорѣчить. Оттуда пошли въ риттерзалъ, гдѣ находятся фамильныя гербы всѣхъ Кассельскихъ кавалеровъ, а на стѣнѣ сдѣлано родословное дерево, котораго корень въ Карлѣ Великомъ и которое простирается отъ него по всѣмъ четыремъ стѣнамъ, проходя по порядку сквозь портреты всѣхъ потомковъ Карла Великаго до нынѣшняго Курфирстра.

$\frac{30}{18}$. И я былъ въ дубинкѣ у Геркулеса! Страшно! Самъ отъ себя не ожидалъ такой отважности. Но я за все былъ награжденъ однимъ взоромъ, которой я оттуда бросилъ на окружности. Пожалѣлъ только, что не было подлѣ меня никого, съ кѣмъ бы я могъ раздѣлить это неизъяснимое чувство.

Я сперва по одному только описанію удивлялся Геркулесу, а теперь самъ видѣлъ и даже осязалъ его.

Мы обѣдали въ большой залѣ съ болѣе нежели 200 человѣкъ; вставши изъ за стола, вскричали: Göttingische Burschen sollen leben! hoch und noch einmahl hoch! Послѣ обѣда были пущены всѣ водопады и фонтаны. Этого я ни описывать ни сравнивать ни съ чѣмъ не буду, потому что всякое сравненіе ослабитъ настоящее. Скажу только, что водопадъ бьетъ по камнямъ съ той высоты, на которой намъ было уже холодно. Въ это же самое время ревутъ въ Нептуновой пещерѣ органы. Другой водопадъ, падающій съ развалинъ, еще сильнѣе шумитъ, и брызги его летятъ саженей на 50. Новой водопадъ всѣхъ натуральнѣе; онъ проходитъ съ горы разными извилинами черезъ такъ называемой Чортовъ мостъ и теряется въ пруду, изъ котораго бьетъ фонтанъ такой вышины, которая соразмѣрна высотѣ горы. Какое дѣйствіе дѣлали на глазъ всѣ эти воды, освѣщаемыя солнцемъ!

Левенбургъ построенъ въ старинномъ Готтическомъ вкусѣ. Намъ показывали тамъ портретъ Heinrich des Kinds, безъ котораго не существовалъ бы и домъ Гессенской. Онъ представленъ лежащимъ на крестѣ съ дѣтскою пріятною улыбкою.

Ввечеру возвратились въ Кассель.

$\frac{31}{19}$. Поутру думали еще разъ осмотрѣть Музеумъ, но не могли достать билета отъ многочисленности зрителей. Вмѣсто того, пошли смотрѣть Modellhaus, гдѣ стоятъ модели всѣхъ дворцовъ, увеселительныхъ замковъ, садовъ съ ихъ водопадами и модель Вильгельмсгеге, такъ какъ бы ей быть должно по первому плану. Можетъ быть бы, она имѣла еще больше украшеній; но къ настоящей ея красотѣ это бы не много придало.

Жаль, что Ландграфъ, какъ сказываютъ, велѣлъ перебить всѣхъ животныхъ въ своемъ звѣринцѣ (между которыми были многія очень рѣдкія), заведенныхъ отцомъ его, um die Kosten zu ersparen. Можно бы не заводить новыхъ, но далъ, по крайней мѣрѣ, этимъ бѣднымъ чужестранцамъ умереть спокойно. Они всѣ стоятъ теперь въ Музеумѣ. Въ часъ отправились мы верхами въ Гетингенъ и въ 7-мъ въ исходѣ прискакали! Совсѣмъ забылъ осмотрѣть въ Минденѣ стеклянную фабрику, гдѣ я надѣялся достать себѣ тѣхъ стеклянныхъ волосъ (Glasfäden), о которыхъ говорилъ нашъ Майеръ въ своей лекціи.

$\frac{1}{20}$. Получилъ письмо отъ Бат. и Мат. съ приложеніемъ векселя.

$\frac{2}{21}$. Еще письмо отъ Бат. и Мат.. И я былъ причиною ихъ радости! И отъ меня текли слезы радости! Я самъ заплакалъ отъ внутренняго сильнаго чувства, читая слова Бат.: *и во все это время ни одинъ часъ и проч.*. И во всю жизнь мою Богъ да наставитъ и удержитъ меня для вашей безпрерывной радости! Но слезы, которыя навернулись на глазахъ моихъ, спали, когда я сталъ читать мнѣніе Петра Волод[иміровича] о Русскихъ и о Нѣмцахъ. При всемъ томъ, что онъ такъ тонко и глубоко знаетъ человѣческую натуру и причину дѣйствій человѣческихъ, онъ все еще благодѣтельствуетъ людямъ, слѣдовательно — любитъ ихъ; при всемъ томъ, что онъ, повидимому, съ худой стороны знаетъ русской характеръ, онъ болѣе, нежели другой, любитъ самъ Русскихъ, ихъ обычаи и отечество и болѣе, нежели кто другой, достоинъ имени Патріота, имени Русскаго! Мы видимъ, что есть люди, которыя любятъ другихъ людей и благодѣтельствуютъ имъ или отъ того, что не знаютъ ихъ, или отъ того, что знаютъ ихъ съ хорошей стороны. Но П[етръ] В[олодиміровичъ] видитъ всѣ ихъ слабости, пороки, и при всемъ томъ остается нѣжнѣйшимъ Филантропомъ.

Послѣ обѣда былъ у Шлецера.

Отъ Майера получилъ 760 тал. за свой вексель.

$\frac{3}{22}$. Кантъ говоритъ: das Lachen entstehet aus einer plötzlichen Verwandlung einer grossen Erwartung in Nichts. У меня отъ этой же самой причины произошло совсѣмъ противное движеніе духа, то есть — досада. Выходя изъ Коллегіи, встрѣчаю я мальчика, которой говоритъ мнѣ, что пріѣхалъ Русской и спрашиваетъ меня. Я, забывшись отъ радости, бѣгу къ нему на квартиру; дорогой представляю себѣ Московитянина, пріятныя неистощимыя разговоры, которыя у меня будутъ съ нимъ о Матушкѣ-Москвѣ, о знакомыхъ, и проч. и проч.. Но кого жъ нашелъ я? Того самаго Студента, котораго мы нашли въ Лейбцигѣ и которой говоритъ порусски, потому что онъ изъ Кроатовъ, и слѣд. одного съ нами исповѣданія. Но все не — Русской, еще менѣе — Московитянинъ. Какъ досадно обмануться въ пріятномъ ожиданіи!

Шлецеръ началъ сегодня свою публичную лекцію: cursus politicus; но она не обременитъ меня, потому что только одинъ разъ въ недѣлю и то большею частію повтореніе его Политики.

Отправилъ письмо къ брату.

$\frac{4}{23}$. Сегодня былъ на здѣшнемъ актѣ. Видѣлъ почтенное собраніе большой части здѣшнихъ Профессоровъ. Гайне говорилъ рѣчь и объявилъ, чьи

диссертаціи заслужили награду. Это напомнило мнѣ наши Пансіонскія акты, гдѣ и мы играли нѣкоторую роль. Но здѣсь я стоялъ, не принимая почти никакого участія, потому что мнѣ не извѣстны совсѣмъ и тѣ, кои тутъ образованы были. Одна изъ матерій, заданныхъ для слѣдующихъ диссертаціи изъ Медицинскаго Факультета: описать качество воздуха и воды въ Геттингенѣ.

$\frac{5}{24}$. Цѣлой день писалъ письма къ Бат. и Мерзлякову.

$\frac{6}{25}$. Отправилъ въ Москву письма.

$\frac{7}{26}$. Chladni давалъ сегодня концертъ на имъ же изобрѣтенныхъ физическихъ инструментахъ и показывалъ акустическія свои опыты.

$\frac{8}{27}$. Когда у меня будетъ весь Журналъ Шлецеровъ, то современемъ въ Москвѣ, гдѣ я себя, сколько можно, посвящу однимъ Наукамъ, надѣюсь я выбрать изъ него лучшія, интереснѣйшія піесы, которыя и въ Россіи и въ 19-мъ уже столѣтіи, вѣроятно, что примутъ съ удовольствіемъ, а можетъ быть, и съ благодарностію,—и напечатать нѣсколько книжекъ. Это можетъ послужить разпространенію въ Россіи политическихъ новыхъ идей, которыя не могли родиться при прежнихъ Правленіяхъ. Между прочимъ, это можетъ имѣть свою пользу и въ томъ, что Русской познакомится покороче съ другими Государствами; узнаетъ ихъ недостатки и выгоды, положеніе гражданъ; сравнитъ его съ своимъ; и, наконецъ, рѣшитъ важной вопросъ: имѣетъ ли онъ причину завидовать состоянію подданныхъ другаго Государства, или тѣ имѣютъ причину завидовать его состоянію? Такія статистическія и политическія познанія, какъ говоритъ Шлецеръ, образуютъ добрыхъ гражданъ и *успокоиваютъ* ихъ.

$\frac{9}{28}$. Пріѣхавъ въ Москву, первое мое стараніе будетъ собирать, сколько можно, совершенную библіотеку для Русской Исторіи, между прочимъ, и источниковъ ея (Urkunden), особливо въ Московскомъ архивѣ, гдѣ еще и по сю пору множество лежитъ неизвѣстныхъ сокровищъ для Русской Исторіи, особливо для новой. Напримѣръ: условіе, которое поднесли Бояре Михайлу Ѳеодоровичу при возложеніи на него бремя правленія. Оно можетъ рѣшить вопросъ: къ какому образу правленія отнести Русское — къ неограниченной ли Монархіи или къ ограниченной? Назначено ли тамъ родъ совѣта или сената, съ которымъ Государь раздѣлять долженъ законодатель-

ную власть, или нѣтъ? И надобно ли почитать неограниченное правленіе Русскихъ Государей, какъ похищеніе непринадлежащей имъ власти, или, и въ самомъ дѣлѣ, и условіе сіе даетъ право Государю на неограниченное правленіе? Послѣднее сомнительно: иначе, для чего бы по сю пору не публиковать сей интересной и важной древности?

$\frac{10}{29}$. Какую высокую истинну сказалъ намъ сегодня Шлецеръ о воспитательныхъ домахъ. Они не суть благодѣянія для бѣднаго, слабаго человѣчества, но moralische und physische Mördergruben. Да и развѣ не доказываетъ это же самое и нашъ воспитательной домъ? Какой отчетъ могутъ дать его директоры въ тѣхъ нещастныхъ жертвахъ, которыя перебывали въ немъ? Гдѣ онѣ? Изо ста 5 достигаютъ только 20 лѣтняго возраста, и тѣ блѣдны, какъ привидѣніе. Да и чего ожидать отъ тѣхъ, кои и при самомъ рожденіи брошены матерями своими и отданы въ руки наемницамъ? (Наемникъ бѣжитъ и не радитъ о овцахъ). Сколько терпитъ отъ сихъ заведеній и самый народной моралитетъ! Удобность скрыть въ нихъ плачевный плодъ беззаконной любви своей поощряетъ къ преступленію. Естьли уже Jean-Jaques могъ погребсти въ нихъ шестерыхъ дѣтей своихъ, то чего ожидать отъ развращеннаго Парижскаго жителя! Намѣренія благодѣтельны, но послѣдствія пагубны!.

Бецкой слѣдовалъ движеніямъ своего сострадательнаго сердца; но не имѣлъ опытности. Но неужли мудрой Екатеринѣ не извѣстенъ былъ тотъ сильно перевѣшивающій морталитетъ воспитательныхъ домовъ во Франціи, гдѣ, прежде всего, Монахъ положилъ имъ основаніе? Любовь, любовь дѣйствовала въ Ней, но къ чему? къ славѣ.

$\frac{11}{30}$. Поутру госпитировалъ у Гиммеля; образъ предложенія его тихой и пріятной; онъ не позволяетъ себѣ блистательныхъ выраженій; между тѣмъ, говоря и о лихорадкахъ, умѣлъ заинтересовать меня. Одно мѣсто мнѣ въ немъ понравилось, гдѣ онъ сказалъ, что нынѣшнія медики мало обращаютъ свое вниманіе на дѣйствія, которыя имѣютъ на больнаго температура воздуха, климатъ земли, растѣніе, даже и небесныя тѣла, напримѣръ — луна, производя приливы и отливы. «Какъ? сказалъ онъ: «естьли уже цвѣтокъ въ комнатѣ можетъ имѣть на насъ пагубнѣйшія дѣйствія, то какое могущественное вліяніе должно имѣть на насъ цѣлое растущее царство, цѣлая атмосфера, цѣлыя міры, имѣющія на нее рѣшительное вліяніе»!

Послѣ обѣда былъ на публичной лекціи у Гофмана. Онъ преподаетъ исторію Ботаники, и удивляется, что древнія, даже die hochgelehrten Grie-

chen und Römer такъ мало обращали на нее вниманія, такъ что новѣйшимъ не только что нечево почти было у нихъ заимствовать, но что даже имъ предоставлена честь быть творцами Ботаники *Науки*, а 18-му вѣку предоставлено славиться Линнѣемъ!

Оттуда пошелъ на публичную же лекцію къ Врисбергу; но благопристойность не позволяетъ мнѣ и въ своемъ журналѣ, слѣдовательно, только единственно для одного себя замѣтить то, что я у него слышалъ.

Побывавъ у Шлецера, который далъ мнѣ новыя для меня части Вѣстника Европы, я опять пошелъ къ Гофману ботанизировать въ Университетской прекрасный садъ. Страсть моя къ сей Наукѣ еще не потухла; мнѣ стоитъ только услышать какое-нибудь замѣчаніе, получить новое въ ней свѣденіе, и я опять готовъ посвятить ей лучшія дни жизни моей. Въ саду узрѣлъ я бюстъ великаго Галлера, поставленный Гофманомъ подъ той самой акаціей, которая посажена рукою автора Вѣчности, основателя всего ботаническаго сада, рукою Галлера. Разительная его физіономія (physionomie marquante) носитъ на себѣ черты глубокомысленности и Швейцарской доброты. Съ какимъ бы удовольствіемъ взглянулъ на него Родзянка! Такой же самой бюстъ стоитъ и въ Библіотекѣ. Кажется, что есть какое-то сходство въ минѣ съ Шлецеромъ. Желалъ бы когда-нибудь увидѣть и этого въ мраморномъ изображеніи!

Ввечеру просидѣлъ за Вѣстникомъ. Какъ пріятно мнѣ читать образованный слогъ у многихъ моихъ соотечественниковъ. Литература дѣлаетъ примѣтныя успѣхи въ Россіи. Всякой желаетъ быть въ числѣ Авторовъ, и это честолюбіе похвально и для литтературы благодѣтельно. Пусть большая часть изъ нихъ пишетъ худо; пусть они будутъ самыми рабскими Карамзинистами: все это будетъ имѣть свою пользу. Еще радостнѣе для меня свобода духа, не сжимаемая цензурою. Всѣмъ позволено разсуждать, хотя бы то было и о Тайной Канцеляріи. Никто не боится не хвалить, когда надобно, Государя, но всякой охотно ищетъ къ тому удобнаго случая — и кажется, что писателямъ нашимъ пріятно повторять имя Александра.

$\frac{12}{1}$ *Іюня.* Писалъ письмо къ брату. И такъ, я уже не въ Королевскихъ, не въ Ганноверскихъ владѣніяхъ, но — въ республиканскихъ Французскихъ. Государственныя гербы здѣшняго Курфирстра поневолѣ уступили мѣсто Французскому равенству и вольности. Ни на одномъ уже казенномъ домѣ не скачетъ гордой *конь* Ганноверскаго дому; но вездѣ видѣнъ девизъ республики: liberté, egalité. Войско сдалось на постыдную капитуляцію, Французы господствуютъ и называютъ Англинскаго Короля из-

мѣнникомъ, или, по крайней мѣрѣ, не сдержавшимъ даннаго имъ слова въ Аміенскомъ трактатѣ. Двѣ постороннія державы ссорятся, а Германія, или часть ее, должна терпѣть отъ того. О, никуды годная нѣмецкая конституція!

$\frac{13}{2}$. Отправилъ письмо въ Москву и къ брату; отъ Батюшки получилъ также письмо отъ 7 Мая съ приложеніемъ письма отъ Анны Ѳедоровны, но еще отъ Февраля мѣсяца.

Гайне говорилъ сегодня о Кассельскомъ Геркулесѣ, что онъ 31 фута величины (а не 36, какъ сказано въ описаніи Касселя); что онъ не вылитъ изъ бронзы, такъ какъ обыкновенно бываютъ статуи такого рода, а скованъ или слитъ изъ разныхъ смѣшенныхъ матеріаловъ; что онъ представленъ тамъ послѣ низложенія Гиганта, который бунтовалъ противъ боговъ; на этомъ самомъ Гигантѣ основана вся башня, и гора лежитъ на немъ.

$\frac{14}{3}$. Депутація здѣшняго Университета кончилась съ изряднымъ успѣхомъ Французы умѣли поддержать о себѣ мнѣніе, какъ о просвѣщеннѣйшей Европейской націи, и хотятъ оставить Геттингскихъ Музъ въ покоѣ. Генералъ Мортье отвѣчалъ Профессорамъ нашимъ Мартенсу и Блуменбаху: L'université de Gœttingue sera respectée dans tous les rapports possibles.— Разумѣется, что поставятъ сюда немногочисленной отрядъ; иначе, какъ же будутъ они собирать контрибуцію съ здѣшнихъ гражданъ (NB. не академическихъ)? и мы увидимъ побѣдителей Германіи, но побѣжденныхъ Русскими:

$\frac{15}{4}$. Вѣроятно, Ганноверъ навсегда отторгнутъ отъ Англин. Короля и достанется какому-нибудь владѣтельному Нѣм. Князю, которой и не захочетъ и не будетъ въ состояніи поддержать Гетингской Университетъ въ томъ же цвѣтущемъ состояніи, въ какомъ онъ теперь; онъ, вѣрно, лишенъ будетъ своихъ доходовъ. И Библіотека не будетъ уже такъ умножаться, какъ при теперешнемъ Правленіи.

$\frac{16}{5}$. Наконецъ, могъ обрадовать Шлецера братнимъ письмомъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлать ему небольшую услугу. Какъ доволенъ собой, что тогда мнѣ пришла мысль написать объ этомъ къ брату. По сю пору бы дѣло продолжалось, и почтенной старикъ оставался бы все и безъ этой малой награды за столь полезной для Россіи трудъ свой. Сегодня же и отвѣчалъ къ брату. Былъ ввечеру и въ другой разъ у Шлецера, и онъ обѣщалъ писать самъ къ брату. Я этому радъ, очень радъ, потому что и братъ этимъ доволенъ будетъ.

Сколь ни разнообразны предметы, которыми голова моя теперь наполнена, но я все обращаюсь по прежнему на Шлецера. Разговаривая съ нимъ сегодня о томъ, что въ Вѣстникѣ ему противорѣчатъ, увидѣлъ я въ немъ истинно безпристрастнаго человѣка, такого, какимъ бы всѣмъ ученымъ по настоящему и для пользы Наукъ быть должно. Онъ видитъ основательное опроверженіе своего мнѣнія и признаетъ его, любя одну только истинну и зная, что она есть лучшее украшеніе Историка и Исторіи. Онъ оправдываетъ себя только тѣмъ, что онъ не изъ иностраннаго писателя, не изъ какого-нибудь гравера Леклерка[1]) заимствовалъ и утверждалъ свое мнѣніе о началѣ Тайной Канцеляріи въ Россіи, но — изъ перваго русскаго же Историка, изъ Татищева. Прибавя при томъ, что Русскія справедливо дѣлаютъ, что не хотятъ вѣрить и полагаться на иностранныхъ въ ихъ отечественной Исторіи. — «Такъ и должно», говоритъ другъ Истины Шлецеръ: «Русской долженъ знать самъ свои источники, и его дѣло только опровергать иностранныхъ, а не слѣпо вѣрить имъ». Эти одни слова и мысли, имъ обнаруженныя, составляютъ ему величайшій панегирикъ. Онъ, любя одну истинну, забываетъ, что онъ и самъ иностранный Историкъ (хотя по справедливости равнаго ему въ знаніи русской Исторіи и между Русскими найти не можно). Какъ я радъ буду, естьли онъ сдержитъ свое слово и напишетъ небольшой эложъ молодому писателю, открывшему сей важный для Историка fait, и оправдаетъ себя въ глазахъ его тѣмъ, что онъ заблуждался, основываясь на русскомъ же Историкѣ. Естьлибъ я не былъ увѣренъ, что я точно для одного себя пишу журналъ мой, то я бы боялся наскучить читателю, говоря о томъ и о томъ же; toujours perdrix, toujours perdrix! Никогда еще не давалъ намъ Шлецеръ такой прекрасной, достойной его лекціи, какъ сегодня въ своемъ publicum, говоря о метаполитикѣ, т. е. о человѣкѣ внѣ общества. Вотъ истинная практическая философія, слѣдствіе почти семидесятилѣтней мудрости, пятидесятилѣтней дѣятельности тонкаго ума его! Я выпишу одно[2]) изъ сильныхъ мѣстъ на память этой незабвенной лекціи:

Разсуждая о бѣдномъ и безпомощномъ состояніи новорожденнаго человѣка, утверждалъ онъ, что онъ тогда ничѣмъ не отличенъ отъ скота.

Какое различіе между новорожденнымъ младенцомъ и нововылупившемся цыпленкомъ? И тотъ и другой равно безпомощны и равно требуютъ нѣжнаго попеченія матери Только въ послѣдствіи, и то естьли человѣкъ попадетъ къ себѣ подобнымъ, примѣтна въ немъ будетъ божественная искра— разумъ. Но когда начинается развиваться эта искра, спящая въ младенцѣ,

1) Должно чит. «Левека».

2) Въ рукописи «одного».

подобно искрѣ кремня? Тогда, когда произойдетъ треніе, равно необходимое какъ для высѣченія искры изъ кремня, такъ и для развитія сокровенныхъ способн[ост]ей въ человѣкѣ.

Однимъ словомъ, Шлецеръ сегодня hat sich selbst übertroffen;—нѣтъ, это все мало въ сравненіи съ нимъ и съ образованными великими его талантами!

$\frac{17}{6}$. К. Гагаринъ прислалъ письма братнины, посланныя черезъ К. Козловскаго. Тутъ приложены и Сережины и Николаевы письма къ брату; давно ужъ не получалъ я такихъ пріятныхъ писемъ, видя въ нихъ нѣкоторыя свѣденія и остроту. Мнѣ они очень живо представились. И старинный нещастный нашъ Степанъ Андреевичъ прислалъ къ намъ грамотку. Вотъ ужъ 12 лѣтъ, какъ мы съ нимъ не видались. O, souvenirs de ma jeunesse! Время, время, куды занесло ты меня!

$\frac{18}{7}$. Сегодня былъ промовированъ одинъ въ доктора Медицины, и уже Блуменбахъ не возвѣщалъ ему новаго его достоинства именемъ Ректора Короля Англинскаго. Ainsi va le monde!

$\frac{19}{8}$. Былъ у Шлецера; справлялся о Епископѣ Мерзебургскомъ Дитмарѣ, жившемъ въ 10-мъ столѣтіи, и въ которомъ много касающагося до древней Русской Исторіи. Онъ показывалъ мнѣ Гамбергерову книгу — реестръ всѣмъ Авторамъ съ сотворенія міра до 1800 году. Между прочимъ, и Адамъ у него Авторъ! И, конечно: онъ первый началъ записывать въ книгѣ Природы; только первой томъ у него не годился, а зато второй, хотя нещастливъ, но хорошо принятъ позднею публикою — потомствомъ. Шлецеръ объявилъ мнѣ свое намѣреніе издать Нестора въ одномъ маленькомъ томикѣ и помѣстить тамъ все интересное безъ всякихъ нотъ и примѣчаній, такъ чтобы и Государю и Литтератору читать можно было съ удовольствіемъ. А мой долгъ будетъ — тотчасъ перевести ее, и какъ можно лучше, достойнѣе великаго Автора.

Цѣлой почти день писалъ письма.

Сегодня получили мы и напечатанныя письма Французскихъ Генераловъ къ здѣшнему Начальству.

$\frac{20}{9}$. Отправилъ письма[1]) въ Москву, Петербургъ и Вѣну.

---

1) Въ рук. «писалъ».

$\frac{21}{10}$. Былъ въ Библіотекѣ, хотѣлъ видѣть руины Балбека и Пальмира, но не удалось. Геренъ прекрасно описывалъ намъ дѣйствіе, которое производятъ на зрителя руины Пальмира; въ Европѣ нѣтъ ни одного города подобнаго Пальмирѣ. Онъ стоитъ за пригорками, за которыми сперва его не видно; но когда перейдешь ихъ, вдругъ поражаетъ тебя цѣлой міръ, изъ однихъ великолѣпныхъ развалинъ составленный. Когда вообразишь себѣ, что еще Соломонъ основалъ этотъ городъ, то наполняешься какимъ-то неизъяснимымъ благоговѣйнымъ чувствомъ къ почтенной древности. Пальмира процвѣтала уже гораздо позже; однакожъ, все еще есть остатки нѣкоторыхъ развалинъ совсѣмъ не Греческой Архитектуры и не сходныхъ съ прочими строеніями. Въ самомъ лучшемъ цвѣтѣ была Пальмира въ 3-мъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія. Въ такомъ же вкусѣ былъ строенъ и городъ Балбекъ; но онъ не можетъ сравниться съ великолѣпіемъ Пальмиры. Прекраснѣйшимъ, удивительнѣйшимъ строеніемъ въ Пальмирѣ почитается храмъ Солнца. Мнѣ кажется, что развалины нѣкогда процвѣтавшихъ пышныхъ городовъ могутъ только произвести одно печальное и вмѣстѣ утѣшительное чувство: *все проходитъ*. Смотря на нихъ, удивляешься человѣческому разуму, его вкусу къ изящному; видишь, что и тутъ нѣкогда *процвѣтали* народы. Но какое чувство должно родиться при видѣ Египетскихъ пирамидъ, свидѣтельницъ народнаго *угнѣтенія* и *рабства!* Что было побудительною причиною къ произведенію сихъ чудныхъ твореній, которыхъ и время почтило? — Гробъ для Тиранна! Погубить милліоны для того только, чтобы въ громаду камней скрыть отвратительный, сухой скелетъ деспота-тирана! И какъ могъ просвѣщенный Народъ Египетской на это согласиться? Къ щастію его, онъ съ малолѣтства пріученъ къ рабству и къ слѣпому боготворенію Царей своихъ. Любитель древности съ жаднымъ удовольствіемъ смотритъ на все это; но изумленный при первомъ взглядѣ духъ Философа съ презрѣніемъ вспомнитъ о слабости человѣческой, которая миліонами соорудила громады и должна оставить ихъ въ добычу времени.

Отъ чего не любуемся мы и безъ всякаго благоговѣнія смотримъ на солнце, которое древнѣе и самыхъ пирамидъ Египетскихъ? Неужли одинъ сѣрой мохъ и запустѣлость причиною этихъ ощущеній при видѣ развалинъ? Неужли развалины производятъ на насъ это дѣйствіе для того только, что они *развалины*? Для чего не ощущаемъ мы ничего при видѣ того же самаго солнца, которое и Египтянъ освѣщало? Оно должно бы для насъ быть еще интереснѣе, потому что мы не видимъ на немъ слѣдовъ разрушительнаго времени, увѣрены будучи не менѣе въ его древности, — видимъ его точно такимъ, какимъ видѣли его и Египтяне. Мнѣ кажется, что это происходитъ

отъ участія, которое мы берємъ въ себѣ подобныхъ. И тутъ жили люди, думаетъ меланхолическій, углубившійся путешественникъ[1]); можетъ быть, это труды моихъ праотцевъ — и какой конецъ имъ?.. Это невольное чувство причиною того священнаго благоговѣнія при видѣ древности, дѣла рукъ человѣческихъ.

$\frac{22}{11}$. Для чего не написать мнѣ своего путешествія въ письмахъ? Пусть составятъ они небольшой, но отборный томикъ. Пусть не всѣ мѣста, не каждой день будетъ мною описанъ. О Гетингенѣ можно будетъ сказать только вообще, изсчислить тѣ благодѣтельныя для меня дѣйствія на всю жизнь мою отъ здѣшняго ученія; показать, какъ мало помалу распространялся кругъ моихъ идей, познаній; что занимало меня болѣе въ первой курсъ, что въ другой и т. д.; описать пріятнѣйшія вечера, нѣкоторыя конверзаціи съ Профессорами: Шлецеромъ, Булемъ, Бутервекомъ (въ послѣдствіи).

Но что, естьлибъ когда-нибудь исполнилось теперешнее мое желаніе— путешествовать? но— гдѣ? не въ Европѣ, а въ другихъ не столь извѣстныхъ частяхъ свѣта. Но врядъ удастся ли это, потому что я самъ не захочу въ другой разъ и такъ надолго оставить родительской домъ свой. Тогда была бы матерія для будущаго путешествія! Но это мечта, которая будетъ занимать меня до тѣхъ поръ, пока исполнится, или пока другая мечта не займетъ ее мѣсто. Въ послѣднемъ случаѣ и я скажу себѣ:

Träumend[2])

$\frac{23}{1[2]13}$. Съ радостію и съ прискорбіемъ получилъ сегодня письмо отъ Бат. и Мат. отъ 18 мая. Они, не зная моего намѣренія пробыть здѣсь еще полгода, пишутъ мнѣ, чтобъ я увѣдомилъ ихъ, какъ переслать мнѣ деньги для отъѣзда изъ Геттингена. О, Геттингенъ! Ты мнѣ сталъ теперь слишкомъ много дорогъ, чтобы съ равнодушіемъ могъ исполнить такое повелѣніе! Я готовъ повиноваться, но не прежде, какъ испрося еще отсрочку. Естьли тогда уже Бат. и Мат. покажутъ сколько-нибудь, что имъ бы этого не хотѣлось, то я ни минуты мѣшкать не буду и не покажу ни малѣйшаго неудовольствія и того, сколько мнѣ это стоитъ, оставить Гетингенъ тогда, когда я такъ сильно день отъ дня сталъ привязываться къ Наукамъ и когда я надѣюсь отъ себя современемъ чего-нибудь больше, нежели сколько должно

1) Въ рук. «путешественниковъ».

2) Въ рук. послѣ этого слова оставлено пустое мѣсто.

3) Отсюда и далѣе въ рукоп. нижнія цифры переправлены другими чернилами на единицу менѣе; въ скобкахъ стоитъ цифра первоначальная.

надѣяться отъ обыкновеннаго Путешественника въ Парижъ! Но на что заранѣе сокрушаться? Авось! Вѣдь они моей же пользы ищутъ; вѣдь я не открывалъ еще имъ своихъ мыслей; не описывалъ, сколь пересиливаетъ польза Геттингскаго житья пользы, могущей произойти отъ всякаго другаго путешествія. Можетъ быть, они, видя во мнѣ одно[1]) чистое желаніе учиться, и съ удовольствіемъ еще оставятъ меня въ покровительство Музамъ. Авось, авось! Я не отчаяваюсь.

$\frac{24}{1[3]2}$. Цѣлой день занимала меня мысль о моемъ путешествіи. Правда, что Батюшкино приказаніе сближаетъ меня съ моимъ отечествомъ, съ ними и съ друзьями, и сближаетъ цѣлымъ полугодомъ; но сколько бы я могъ еще сдѣлать въ это время въ Геттингенѣ! Теперь сталъ онъ для меня гораздо дороже, для того что я боюсь потерять его. Я никакъ не ожидаю найти того въ Парижѣ или гдѣ-нибудь, сколько я нашелъ для себя здѣсь. Невозможно мнѣ будетъ тамъ столько заниматься, сколько здѣсь, и съ такимъ успѣхомъ. Гдѣ тамъ такія средства для моей части (уже не натуральной исторіи), гдѣ Шлецеръ, Буле, Бутервекъ, Геренъ, Митшерлихъ, Мартенсъ и гдѣ, наконецъ, Геттингская Библіотека? Только въ одномъ Геттингенѣ.....

$\frac{25}{1[4]3}$. Записался къ Лангебеку въ Кранеологію и слушалъ первую лекцію. Галева Система основывается на самомъ отчаянномъ матеріализмѣ. Отъ мозга зависятъ всѣ душевныя способности. Первое правило его: *Wo eine Kraft sich äussern soll, muss etwas materielles seyn.* Странно! Лафатеръ и Галь попали на одну систему; разница только въ томъ, что одинъ судилъ по слѣдствіямъ, т. е. по чертамъ лица, образующимся, какъ говоритъ Галь, отъ дѣйствія мозга на черепъ и на лице, слѣдовательно, и на физіономію; а другой восходилъ къ самому началу, къ причинѣ дѣйствія, т. е. къ мозгу и къ той части черепа, на которую онъ дѣйствуетъ. Но можно ли обвинить благочестиваго Лафатера матеріализмомъ? и не ужаснулся ли бы самъ онъ при одной мысли объ этомъ? При всемъ томъ врядъ Галь сдѣлался бы Галемъ безъ Лафатеровой Физіогномики. Оба они судятъ a posteriori, а не a priori; оба основали свои теоріи на опытахъ и наблюденіяхъ, а не въ воображеніи, не на однихъ спекуляціяхъ.

Послѣ обѣда ходилъ къ Шлецеру; говорилъ съ нимъ о могущей легко случиться отъѣздкѣ моей; онъ жалѣлъ; уговаривалъ меня писать къ Бат. и хотѣлъ самъ, естьли нужно будетъ, написать письмо къ Бат..

---

1) Въ рукописи «одну».

Обѣщалъ подарить мнѣ экземпляръ печатающейся его Статистики. Какъ нетерпѣливо ожидаю этой книги!

$\frac{26}{1[5]4}$. Какой сцены былъ я сегодня свидѣтелемъ! Современемъ эти одни слова напомнятъ мнѣ о ней. Я радъ, что имѣлъ случай сказать бездѣльнику въ глаза, что онъ бездѣльникъ; заметать его уличеніями и поразить голосомъ безпристрастныя истинны; первый показать примѣръ моимъ товарищамъ сдѣлать то же, что и я, возбудить ненависть къ себѣ въ злодѣѣ и очистить себя передъ самимъ собою.

$\frac{27}{1[6]5}$. Отправилъ письма въ Москву и Петербургъ. Теперь остается мнѣ только ждать рѣшенія судьбы моей; кажется, что это важнѣйшій случай для меня въ жизни моей.

Слава Богу, что вчерашняя исторія такъ удачно (sic)! даже сверхъ нашего ожиданія.

О вѣтреность! И забылъ послать къ Батюшкѣ каталогъ.

$\frac{28}{1[7]6}$. Еще новый планъ выдать свое путешествіе — въ письмахъ изъ Парижа, изъ Лондона, изъ Вѣны; но прежде всего,—изъ Гетингена; и (не по одному *обыкновенію*) надписать ихъ къ одному другу и посвятить ихъ ему же; естьлибъ можно было, чтобъ девизомъ моимъ была *бѣлая* роза, то это было бы всего приличнѣе, и никто бы, кромѣ меня и моего друга, не зналъ о ее значеніи.

$\frac{2[8]9}{1[8]7}$. Бутервекъ въ необыкновенной часъ далъ намъ сегодня лекцію объ одной логической матеріи: *Систематическое обозрѣніе первоначальныхъ соотношеній всѣхъ идей между собою.*

Ввечеру послѣ всѣхъ лекцій гуляли мы въ полѣ и вспоминали Русь, а я — свое Тургенево-Караводы: О, когда буду опять тамъ! когда въ кругу милыхъ добродушныхъ крестьянокъ забуду спекулативную Философію! Когда оживлю въ своей памяти дѣтскія свои игры, на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, кои были ихъ свидѣтелями!

$\frac{[29]30}{1[9]8}$. Получилъ письмо отъ брата.

$\frac{[30]\ 1\ Іюля}{[20]\ 19\ Іюня}$. Шлецеръ, говоря о ходѣ просвѣщенія въ Европѣ, упомянулъ и о Россіи. Давно ли, говорилъ онъ, она начала озаряться лучами его? Давно ли Петръ I-й сорвалъ завѣсу, закрывавшую Сѣверъ отъ южной Ев-

ропы? и давно ли Елизавета, недостойная дщерь Его, предразсудками своими, бездѣйственностію угрожала снова изгнаніемъ скромныхъ Музъ изъ областей своихъ? И теперь, напротивъ — какая дѣятельность въ Государѣ разсаждать Науки, какое рвеніе въ дворянахъ соотвѣтствовать его благодѣтельнымъ намѣреніямъ!—«Смотрите»! вскричалъ Шлецеръ, указавъ на усаженную Русскими лавку: «вотъ тому доказательство»!

$\frac{[1]2}{2[1]0}$. Кончилъ своего Владиміра. Давно не гулялъ такъ пріятно, какъ сегодня ввечеру, и не купался въ такой холодной водѣ. Дорогою думалъ о томъ, какъ проводилъ я прошлаго году завтрашній день, т. е. воскресенье. Вѣрно — въ полѣ же. Гуляютъ ли и теперь они и вспоминаютъ ли насъ? Завтра напишу и къ Жук[овском]у и поздравлю его съ титломъ любезнаго Переводчика Греевой элегіи. Ахъ, друзья, друзья! Для чего вы не пишите? для чего не оживляете насъ? Я уѣду изъ Геттингена и только съ однимъ письмомъ отъ Ж[уковскаго] и съ двумя отъ Мерз[лякова]. А въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ какъ и надѣяться? Тамъ настанетъ уже кочующая жизнь. Пріѣду въ Москву, они уѣдутъ, и я опять какъ ракъ на мели. Они возвратятся — я при должности; чувства живой дружбы притупятся. Что насъ будетъ связывать, что возобновитъ наши прежнія связи? Всякой изъ насъ узнаетъ покороче свѣтъ и людей. Боюсь, — но нѣтъ; это же еще должно и подкрѣпить наше дружество, это и утвердитъ его; мы узнаемъ людей — ihre Phifigkeit, и тѣмъ съ большимъ жаромъ, или нѣтъ— тѣмъ съ большимъ разсудкомъ полюбимъ другъ друга, удостовѣрясь въ нашей взаимной привязанности — слѣдствіе товарищества, благодѣтельное слѣдствіе нашей молодости. По крайней мѣрѣ, я Мерзл[якова] и Жук[овскаго] никогда, никогда не забуду, никогда не истребится во мнѣ къ нимъ то, что я теперь чувствую. Пусть разборчивая холодность займетъ мѣста разгоряченнаго воображенія и юной пылкости; но она тѣмъ больше удостовѣритъ меня, и холодной разсудокъ сожметъ, можетъ быть, мое сердце для другихъ, но — не для нихъ; и согрѣвающее дружество оттаитъ и въ старости оледѣнѣлое опытное, бѣдное сердце, — и издалеку, можетъ быть, (Богъ знаетъ, куды вихрь времени и обстоятельствъ можетъ занести насъ) и издалеку теплота дружбы будетъ дѣйствительна на грудь мою; дай Богъ, только дай Богъ, чтобъ эти простыя сердечныя ощущенія не затмились, дай Богъ, чтобъ не перемѣнились они. На Мерзлякова грудь я надѣюсь, какъ на вѣчную гранитную скалу. Жуковской добръ, очень добръ; лишь бы только мрачная злоба людей не впечатлѣла, не врѣзала въ мягкое его сердце недовѣрчивости, ненависти къ людямъ.

Онъ отъ доброты же своей можетъ или возненавидѣть или полюбить человѣчество; первое обыкновенно чаще случается; но онъ, кажется, не вынесетъ продолжительнаго, безпрестаннаго отвращенія къ людямъ; это чувство можетъ задавить его, и для того, хоть онъ вѣчно будетъ обманываться въ людяхъ, — онъ вѣчно будетъ любить ихъ.

Въ Женевской Библіотекѣ должно видѣть матеріаллы, присланныя Екатериной II Вольтеру для сочиненія Панегирика Петру I, и которыя онъ, безъ всякаго изъ нихъ употребленія, сложилъ туда.—Да requiescunt in pace!

$\frac{3}{1[3]2}$. Цѣлой вечеръ писалъ письма къ Мерзл[якову] и Жук[овскому] и Бат., а поутру началъ переводъ Шлецерова Нестора.

$\frac{4}{1[4]3}$. Получилъ отъ Бат. и брата письмо черезъ Петербургъ и отослалъ въ Москву и Петерб. письма.

$\frac{5}{1[5]4}$. День за днемъ проходитъ — и непримѣтно. Ужъ вечеръ, я ложусь въ постелю, и первое мое движеніе будетъ снова завтра итти въ Коллегію. Что естьлибъ и вся жизнь прошла въ такой дѣятельности, и естьлибъ я и вѣчнымъ сномъ заснулъ также спокойно!

$\frac{6}{1[6]5}$. Сегодня началъ снова я читать Новую Элоизу. Ужъ нѣтъ того живова чувства; я не раздѣляю прежнихъ ощущеній. Но вмѣсто того, я больше вхожу въ Автора, понимаю мысли его и нахожу новыя, которыхъ сперва я не могъ примѣтить. Но все не меньше нахожу прекраснымъ восклицаніе, которое дѣлаетъ S[aint] P[reux], когда онъ узнаетъ, что и она любитъ его, что и она по сю пору только что скрывала свои чувства къ нему: Permets, permets que je savoure le bonheur inattendu d'être aimé.... aimé de celle.... trône du monde, combien je te vois audessous de moi!

$\frac{7}{16}$. Началъ англинской урокъ у Ловса.

$\frac{8}{17}$. Поутру получилъ посланныя съ К[алкау] еще книги ко мнѣ и медаль мою. А послѣ обѣда еще болѣе обрадованъ былъ Шлецеровымъ полученіемъ Рескрипта отъ добраго, просвѣщеннаго нашего Александра. Онъ написанъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и, что еще пріятнѣе для Шлецера, есть то, что тамъ сказано, что это только слабая признательность за его *новыя* труды для Русской Исторіи.

$\frac{9}{18}$. День Ангела Батюшки. Да проведетъ онъ остатокъ дней своихъ также спокойно, какъ я провелъ этотъ день! Да достигнетъ онъ мирнаго пристанища безъ всякой бури на пути своемъ! Геній дружбы и любви да сопровождаетъ его! Да отдалитъ отъ него мрачныя облака, потемняющія утомленныя взоры его, и да поможетъ намъ сдѣлать и здѣсь его участникомъ блаженства, пріуго[то]вленнаго душамъ Праведныхъ тамъ, гдѣ никто не можетъ нарушить его!

$\frac{10}{19}$. День провелъ весело; сперва за работой, а потомъ за бакаломъ шампанскаго.

$\frac{11}{20}$. Получилъ отъ брата и отъ Костогорова и отъ К[нязя] Гагарина письма.

$\frac{12}{21}$. Бутервекъ, Поэтъ-Философъ, прекрасно изображалъ намъ сегодня невозможность предѣловъ вселенныя. Сколь далеко ни простирается вооруженное наше око, но, теряясь въ неизмѣримыхъ, населенныхъ неисчислимыми группами міровъ, пространствахъ, съ стыдомъ возвращается око къ землѣ своей. Надобно непремѣнно предположить безпрестанное рожденіе міровъ, а предѣловъ или ограниченій всей вселенныя въ извѣстномъ пространствѣ представить себѣ не можно; иначе, чтожъ должно быть за сими предѣлами? пустое пространство; но оно не вообразимо, потому что всякое пространство должно, наконецъ, имѣть границы свои. Опять и неограниченной, безпредѣльной вселенной также быть не можетъ, потому что все, что состоитъ изъ тѣлъ или изъ частицъ тѣла, должно быть въ извѣстномъ пространствѣ, слѣдовательно — и въ предѣлахъ.

Между тѣмъ какъ мы здѣсь въ дерзости стараемся исчислить точки, разсѣянныя въ небесныхъ пространствахъ,—тамъ, въ неизмѣримости, міры родятся и исчезаютъ; а намъ и то неизвѣстно, чтобы они когда-либо существовали; и тотъ, кто хочетъ исчислить звѣзды, поступаетъ также безразсудно, какъ и тотъ, кто намѣревается исчислить почки вѣчноцвѣтущаго дерева.

Mens, plena majestatis tantarum rerum, lucratur in angustiis linguae, et conclusio, nusquam sibi ipsi satisfaciens, propositionum simplicitatem excedit.

Keppler.

$\frac{13}{22}$. Шлецеръ говорилъ о выгодѣ мощнаго Государства. Между тѣмъ какъ необузданная Франція предписываетъ законы почти всей Европѣ,

пусть осмѣлится она хоть малѣйшую нанести обиду всемогущей, но не употребляющей во зло своего всемогущества Россіи, и нарушительница всеобщаго покоя претерпитъ должное наказаніе. Естьлибъ гражданинъ полсвѣта, Русской, былъ обиженъ и на самомъ отдаленнѣйшемъ краю земли, то Отечество его и тамъ бы нашло его и за него отмстило.

Ничего бы не было теперь славнѣе для Россіи, какъ сравнить ее съ Франціей: онѣ однѣ только держатъ равновѣсіе въ Европѣ. Та и другая сильны; но могущество одной благословляютъ, а другой — проклинаютъ. Одна — благодѣтельствуетъ имъ, а другая — угнѣтаетъ слабыхъ и привлекаетъ на себя тайныя проклятія цѣлыхъ народовъ.

$\frac{14}{3}$ *Іюля.* Русскаго духу давно здѣсь не слыхано было; сегодня только проѣзжалъ Гр. Тизенгаузенъ въ Пирмонтъ. Хоть онъ самъ и Курлянецъ, но человѣкъ его, съ которымъ я говорилъ, настоящій Русской! Естьлибъ почаще проѣзжали хоть мимоѣздомъ Русскія Геттингенъ; авось которому-нибудь понравилось бы здѣсь, и онъ бы остался.

Ввечеру былъ въ Шицгаузенѣ, гдѣ *die Schützen*, граждане Геттингскія сегодня празднуютъ. Естьлибъ они умѣли чувствовать свое положеніе, то, кажется, не много бы имѣли причины радоваться. На гражданскомъ знамѣ вышитъ Гербъ и два перекрещивающіяся ружья; но за то, что они тогда, когда пришли Французы, положили свои ружья и, слѣдовательно, не сдѣлали изъ нихъ никакого употребленія для защиты своего Отечества, — достойны они, чтобъ снять ружья съ знаменъ ихъ и вышить, вмѣсто того, то животное, которое отличается своею терпѣливостію.

$\frac{15}{4}$. Былъ у Шлецера и видѣлъ подарки его и жены.

$\frac{16}{5}$. Ввечеру ходилъ прогуливаться въ неизвѣстную еще доселѣ для меня окрестность города и одинъ, покуда свѣтло было, сидѣлъ съ своимъ *портфелемъ*.... долго мечталъ я о прошедшихъ *примѣчательныхъ* годахъ жизни моей. Никто не мѣшалъ мнѣ предаваться самымъ сладостнымъ воспоминаніямъ, никто не разбивалъ моихъ мыслей. Я записалъ ихъ не въ книгу, не въ журналъ свой. Нѣтъ! .... Этотъ вечеръ останется для меня незабвеннымъ и причислится къ тѣмъ, которыя для меня столь важны, столь памятны, безъ которыхъ бы и этотъ вечеръ не былъ для меня столько интересенъ. И ввечеру жизни моей будутъ воспоминанія ихъ для меня столько же усладительны[1]), и такъ же живы будутъ они въ моей памяти.

1) Въ рукописи «усладительно».

$\frac{17}{6}$. Опять былъ въ Шицгаузенѣ и видѣлъ веселящихся Нѣмцовъ, и между ними солдатъ Ганноверскихъ, только обезоруженныхъ; и они, кажется, все также собою довольны, какъ будто бы недавно заслужили новыя лавры.

$\frac{18}{7}$. Отправилъ письмо въ Москву.

$\frac{19}{8}$. Читаю теперь Histoire de Pierre III, imprimée sur un manuscrit de Montmorin; mi vie de l'Histoire secrète des amours et des principaux amans de Cath. II par l'auteur de la vie de Frederic II, Roi de Prusse. Судя по одной чертѣ, которую Авторъ выставилъ, говоря о русскомъ рабствѣ, кажется, заслуживаетъ онъ быть повѣшенъ на одной висѣлицѣ съ Массономъ.

Въ примѣч. 23 стр. I том[а]. Depuis Rourik des generations d'esclaves n'ont produit que des filiations de serfs qui ont renoncé à leur existence politique en renonçant à leur liberté. Ils sont aujourd'hui, ce qu'ils furent sous leurs premiers despotes, ce qu'ils seront demain, ce qu'ils seront toujours sous la même forme de gouvernement. Le génie de l'homme, ainsi que le feu électrique, ne se manifeste que par le rapprochement des êtres ou des substances qui lui ressemblent. L'esclave, qui regarde la servitude comme son état naturel, perd son âme, quand il perd son maitre: comme le chien egaré dans les rues, il crie jusqu'à ce qu'il ait retrouvé la maison où il est nourri d'eau de pain grossier et assommé de coups de bâton. Ce n'est donc pas par *la lassitude qu'il cause*, mais par l'apathie du cœur et de l'âme, que l'esclavage se perpétue. M. de Montesquieu s'est trompé à cet égard.

$\frac{20}{9}$. Шлец[ер]ъ казалъ намъ сегодня новую монету французскую цѣною 5 francs. На одной сторонѣ изображенъ портретъ (Brustbild) Бонапарте съ надписью Bonaparte, premier Consul, и вмѣсто точки вырѣзанъ пѣтушокъ. Можетъ быть, это символъ бдительности и вмѣстѣ и народа Франц., потому что по латыни называется пѣтухъ: *gallus*. По краямъ монеты вырѣзано: Dieu protège la France. Шлец[еръ] съ ироническимъ видомъ замѣтилъ, что съ нѣкотораго времени во Франціи что-то часто начали говорить о Богѣ.

$\frac{21}{10}$. Читая сегодня реценсію Шлецерову на Histoire primitive des peuples de la Russie par Потопкій, пошелъ просмотрѣть ее въ Библіотекѣ. Надпись книги, какъ и Шлецеръ говоритъ, не соотвѣтствуетъ ея содержанію. Авторъ упирается больше на долговременное и дальнее свое путешествіе, употребленное единственно для историческихъ изысканій. Но Шлецеръ говоритъ на это, что сіе не вознаграждаетъ недостатковъ въ знаніи

тѣхъ источниковъ, которыя необходимы были для изслѣдованій такого роду, въ знаніи того, что писали о семъ предметѣ Байеръ, Геснеръ, Михаэлисъ, и, наконецъ, въ знаніи того, что̀ они давно уже сослали въ царство мечтаній. Веселое путешествіе по свѣту, которое для прагматическаго историка чрезвычайно благодѣтельно, для ихъ изысканій совершенно безполезно, или служитъ весьма немного. Съ Атласа и Кавказа нельзя получить необходимыхъ для первыхъ свѣденій; они могутъ пріобрѣтены быть только въ *пустынѣ* кабинета и посредствомъ постояннаго усилія. Что касается до грубыхъ историческихъ ошибокъ, какъ напр., что Батый не внукъ Чингисхановъ, а сынъ, и проч., и до Авторскихъ утвержденій и гипотезъ, которыхъ онъ ничѣмъ не доказываетъ, — рецензетъ совѣтуетъ Графу: Respect für das kundige Publicum! Kein Schriftsteller, er sey wer er wolle, sage ihm blosse Visionen vor.

$\frac{22}{11}$. Въ публичной своей лекціи окончилъ сегодня Шлецеръ одну изъ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ матерій: das allgemeine Staatsrecht. Мнѣ кажется, что, несмотря что онъ такія страшныя истинны для тирановъ проповѣдуетъ съ своей каѳедры, и самимъ имъ должно бояться его, но вмѣстѣ и протежировать. Послѣ того какъ онъ предписывалъ права и обязанности какъ Государю, такъ и подданнымъ; послѣ того какъ онъ допускалъ самыя бунты, въ случаѣ естьли тиранство обнаружится, позволялъ даже народу наказывать за вину—казнить своего Государя; послѣ всего этого, основываясь на практической мудрости, слѣдуя вездѣ за свѣтильникомъ Исторіи, успокоилъ онъ кроткихъ изъ своихъ слушателей, сказавъ, что, хотя страждущія отъ тиранства подданныя имѣютъ право на революцію и право ссадить своего Тирана, но что дѣйствіе сіе сопряжено всегда съ такою опасностію, что лучше оставить и терпѣть до тѣхъ поръ, пока Провидѣніе само захочетъ осво[бо]дить народъ отъ желѣзнаго скипетра. Сколь далеко ни простирается Исторія, вездѣ почти показываетъ она, что, хотя мятежи кой-когда и удавались, всегда почти приносили они съ собою больше пагубы и бѣдствій для народа, нежели сколько бы претерпѣлъ онъ, снося тиранскія дѣйствія. При всемъ томъ неизвѣстно ни одного народа въ Исторіи — ни въ Европѣ, ни въ Азіи, который бы не ссажалъ когда-нибудь своихъ Государей, несмотря ни на ослѣпленіе, ни на предразсудки, ни на мнѣнія, которыя старались разсѣять и вкоренить вѣнценосцы въ сердца своихъ подданныхъ, — и самое, наконецъ, Origo majestatis a Deo превратилось въ Origo majestatis a populo.

$\frac{23}{12}$. Естьли случится когда-либо описывать Геттингское житье свое, которое, конечно, не для всякаго читателя въ публикѣ будетъ такъ интересно, какъ для тѣхъ, кои знали меня и знаютъ, а еще больше кои и участіе нѣкоторое принимаютъ, въ извиненіе поставлю эпиграфъ въ началѣ этой главы:

navita de ventis, de tauris narrat arator.

Былъ у Шлецера, и онъ подарилъ мнѣ первой листъ новаго письма, которое онъ посылаетъ съ Несторомъ къ Государю. Въ немъ прибавилъ онъ противъ прежняго еще два празднества, которыя предстоятъ юному Александру—основаніе Петербурга и торжество великаго дня Полтавскаго.

Госпитировалъ у Гофмана и замѣтилъ только, что Каммереръ — первый открывшій любовь растѣній и потомъ доказавшій сіе странное, но интересное таинство природы.

$\frac{24}{13}$. *Die fahrende Botanik.*

Вставши въ 5 часовъ утра, отправился съ Гофманомъ и совсѣмъ незнакомыми мнѣ товарищами на Нѣмецкой дилижансѣ въ Зебургъ, двѣ мили отъ Геттингена. Насъ сидѣло 13 человѣкъ въ одномъ экипажѣ, и все еще оставалось мѣста. Судите объ огромности экипажа! Я совсѣмъ не нашелъ мѣстоположеніе Зебурга столь прекраснымъ, какъ мнѣ его описывали, и судя по словамъ тѣхъ, кои говорятъ, что кто, живучи въ Гетингенѣ, не бывалъ въ Зебургѣ, тотъ не видалъ и лучшей его окружности. Правда, что большое озеро, по которому мы ботанизировали и собирали водяныя растѣнія, придаетъ много пріятности мѣсту; но это отъ того, что въ здѣшнихъ мѣстахъ нѣтъ большой воды и что она въ рѣдкость. Но пріятнѣе всего была для меня самая прогулка, и я увидѣлъ, что охота моя къ познанію Природы въ интереснѣйшей ея части не погасла, и я готовъ посвятить ей опять лучшее время жизни моей. И въ самомъ дѣлѣ, какія занятія могутъ имѣть для насъ больше прелестей, какъ не познаніе таинствъ Природы? Притомъ же, книга Природы для всѣхъ открыта. Надобно только умѣть читать ее; и кто искренно захочетъ учиться по ней, тому она сама откроетъ ключъ къ себѣ. Прогулки эти и ихъ удовольствія не имѣютъ за собою никакихъ непріятныхъ слѣдствій. Человѣкъ возвратится съ новыми знаніями, съ пріобрѣтенными сокровищами, и никакой обитатель береговъ не проливаетъ поту и крови для добыванія ихъ, никакой негръ не страдаетъ отъ безчеловѣчнаго бѣлаго Европейца; даже и послѣднее чувствующее животное въ лѣствицѣ творенія остается въ покоѣ.

Ce ne sont point ici de ces guerres barbares
Où les accens du cor et le bruit des fanfares
Épouvantent de loin les hôtes des forêts...
. . . . . Cerfhasses (sic) innocents
Ont pour objet les fleurs, les arbres et les plants
Et des prés et des bois et des champs et des monts,
Le portefeuille avide attend dejà leurs dons.

Человѣкъ размягчается, видя дары Природы, разсыпанныя не для него одного только, но и для послѣдней микроскопной твари, которую одно только вооруженное око Бонета могло постигнуть. Онъ становится добрѣе и чувствительнѣе къ участи каждаго насѣкомаго, видя, что и ему назначена общимъ Создателемъ жизнь, и — конечно, не безъ наслажденій. (Вспомнить Гофман[ову] лекцію о древ[есныхъ] вшахъ, замѣч[енную] отъ $\frac{\text{21 февраля}}{\text{5 марта}}$).

$\frac{25}{14}$. Получилъ отъ Шлецера письмо, въ которомъ онъ благодаритъ брата и меня за старанія, которыя мы употребляли въ его дѣлѣ. Оно останется въ Архивѣ моей фамиліи вмѣстѣ съ драгоцѣннѣйшими для меня бумагами, вмѣстѣ съ моими аттеста[та]ми и похвальными листами, и современемъ, когда уже пройдутъ весна и лѣто дней моихъ, прочту я его какому-нибудь доброму другу и скажу ему: «радуйся, что другъ твой удостоился имени *друга* и — отъ друга правды, великаго Шлецера».

$\frac{26}{15}$. Былъ въ Библіотекѣ и, наконецъ, нашелъ пѣсню, сочиненную храбрымъ Принцомъ Гаральдомъ прекрасной Княжнѣ нашей, дочери Ярославовой, гдѣ онъ жалуется на ея холодность, не взирая на всѣ богатырскія его подвиги, которыя, можетъ, предпринималъ онъ для того только, чтобъ обратить на себя ее вниманіе и заслужить любовь ее. Пѣсня эта стоитъ въ Monuments de la Poesie et de la Mythologie des Celttes, par Mellet.

$\frac{27}{16}$. Теперь надобно только справиться, гдѣ именно погребена во Франціи дочь Ярославова, вышедшая за Франц. Короля, и привести и это въ Рус. Ист. о Ярославѣ.

$\frac{28}{17}$. Госпитировалъ у Бекмана; видѣлъ различныя сорты бумагъ, даже и Китайскія, изъ Отагайти, вмѣстѣ съ тѣми, на которыхъ мы пишемъ наши billets doux.

Обрадованъ и письмами отъ Бат., Дяд., брата и Костогорова.

$\frac{29}{18}$. Какая лекція! Такъ что G... признался мнѣ, что на него находятъ такія минуты, въ которыя ему жизнь скучна и въ тягость (и въ самомъ дѣлѣ, потому что онъ не имѣетъ вѣрнаго куска хлѣба), что онъ бываетъ часто готовъ прекратить ее, но, когда послушаетъ Шлецера, то захочетъ жить для того только, чтобъ завтра опять слушать его на лекціи. И въ самомъ дѣлѣ, онъ достоинъ такихъ энтузіастовъ. Сегодня въ одинъ часъ далъ онъ мнѣ такое ясное и справедливое понятіе о Нѣмецкой Конституціи, что, мнѣ кажется, естьлибъ я у другова выслушалъ цѣлой курсъ объ этомъ, я бы не больше получилъ свѣденія въ матеріи.

$\frac{30}{18}$. По приглашенію Митшерлиха былъ сегодня у него, игралъ съ многими студентами въ кегли, по большой [части], съ Лифляндцами и Курляндцами, слѣдовательно, — полусоотечественниками.

$\frac{31\ Іюля}{[20]\ 19\ Іюня}$. Ввечеру цѣлой часъ проговорилъ съ Шлецеромъ и — о чемъ же? О Ломоносовѣ и Карамзинѣ. Онъ перваго читалъ почти всего; теперь и послѣдняго читаетъ; и отдавая всю справедливость величественному, сильному слогу Ломоносова, не можетъ онъ не признаться, что и Карамзина слогъ въ своемъ родѣ долженъ былъ сдѣлать эпоху въ Россіи. Правда, говоритъ онъ, что для Русскаго, кажется, Ломоносовъ долженъ быть сроднѣе, но зато и легкость и очищенность Карамзина отъ Словенизма (которой, однакожъ, все долженъ служить основаніемъ истинно-русскому слогу) имѣютъ свою цѣну [1]). «Разница видна, примолвилъ съ усмѣшкой Шлецеръ, и въ числѣ точекъ и тире, попадающихся на страницѣ сихъ двухъ Авторовъ. У одного врядъ на цѣлой страницѣ увидишь болѣе трехъ періодовъ и, слѣдовательно, трехъ точекъ, у втораго — десять и болѣе, не считая тире и восклицательныхъ знаковъ». Вы можете себѣ представить, какъ мнѣ, любящему столько свою отечественную литтературу, пріятно было слушать сужденія о главнѣйшихъ эпохахъ ея отъ просвѣщеннаго иностранца, которой судитъ не поверхностно, но основываясь на собственномъ большомъ чтеніи Русскихъ книгъ, особливо Ломоносова, коего онъ при богатой помощи Геттингской библіотеки прочелъ почти всего. Какъ бы этому Петръ I порадовался, говоритъ Батюшка.

1) Естьли взять въ разсужденіе мнѣніе Лихтенберга о языкѣ, то врядъ ли оно будетъ выгоднымъ для почтеннаго преобразователя русскаго слога: *Die Sprache gehört der Nation* und mit dieser darf man nicht umspringen wie man will. Слѣдовательно, языкъ долженъ быть приноровленъ къ національному характеру. Пусть легкость останется у Французскаго, нѣжность у Италіянскаго, а сила и важность должны принадлежать Русскому. — Примѣчаніе Алекс. Ивановича.

Я подарилъ Шлецеру медаль свою на Коронацію Александра I, сказалъ ему свое мнѣніе о Коронованномъ столбѣ, и о томъ, что *законъ* подписанъ на немъ *подъ* короною, а не надъ нею, между тѣмъ какъ самъ просвѣщенный Монархъ нашъ въ одномъ изъ благодѣтельныхъ Манифестовъ своихъ объявилъ, что онъ не хочетъ быть *выше* законовъ; а корона—не есть ли эмблема Монарха? Шлецеръ не только что согласился со мною, но и одобрилъ меня за мое острое, по его мнѣнію, примѣчаніе. Я отвѣчалъ ему, что и этимъ обязанъ я Геттингену; что сдѣсь голова моя наполнялась мыслями, новыми не только для меня, но и для большой части моихъ соотечественниковъ; что, естьлибъ я не слушалъ отъ утра до вечера о правахъ и должностяхъ Государя и подданнаго, врядъ когда-нибудь пришло ли бы мнѣ на мысль сдѣлать это наблюденіе на щетъ изображенія медали. Шлецеръ казалъ мнѣ разныя Французскія монеты, выходившія во время революціи. На всѣхъ почти виденъ революціонерной колпакъ!

Потомъ взялъ я у него уговоръ, сдѣланный Васильемъ Ивановичемъ Шуйскимъ съ русскими Боярами. Онъ нигдѣ не напечатанъ и врядъ найдется ли уже и въ Россіи. Совѣт[ыв]алъ издать его, и сдѣлалъ мнѣ комплиментъ, котораго я никогда, никогда не забуду; и въ воспоминаніе этого вечера и всего разговора я и въ самомъ дѣлѣ постараюсь издать, пріѣхавъ въ Россію, это, и, естьли можно, вмѣстѣ съ уговоромъ, предложеннымъ русскими Боярами Мих[аилу] Θед[оровичу] Романову при восшествіи его на престолъ; но не знаю, удастся ли мнѣ выманить его изъ заклеповъ Московскаго Архива, изъ рукъ бдительныхъ его Аргусовъ. По крайней мѣрѣ, здѣсь перепишу первое, исправлю его, сдѣлаю свои поясненія — и издамъ въ свѣтъ, посвятя его тому, кто влилъ въ меня охоту ко всему, что касается до Исторіи великаго моего Отечества.

$\frac{1\ Августа}{20\ Іюля}$. Вотъ годъ уже стукнулъ, какъ мы изъ Москвы. По настоящему половина всего времени моего путешествія протекла уже. Ничто меня не удерживаетъ, какъ только собственная моя польза, которая неразлучно соединена съ всѣми тѣми, кто меня любитъ. Полетѣлъ бы я къ нимъ, и ничто бы меня не остановило; но — или дѣлать цѣлое и совершенное, или оставить такъ и не начинать. Вѣрно, всѣ теперь о насъ думаютъ. Батюшка, Матушка, братья! Я такъ щастливъ, что мнѣ не нужно говорить: вспомните обо мнѣ! Вамъ, конечно, также какъ и мнѣ, тяжело было проводить день этотъ, особливо шестой часъ, когда меня оттащили отъ васъ, когда я сѣлъ въ кибитку, въ послѣдній разъ взглянулъ на васъ глазами, опухлыми отъ слезъ — и, наконецъ, совсѣмъ потерялъ васъ изъ виду. О вы, которыхъ

щастіе и покой мнѣ такъ дороги! да не смутится духъ вашъ! Не чувствуйте моей горести, не смотрите на эти слезы: ихъ свѣетъ легкой вѣтерокъ, и внутренность скроетъ чувства мои. Это унынiе, эти чувства разлуки съ вами мнѣ дороги. Сколь они ни сильны, но я бы ни за что не захотѣлъ разстаться съ ними; что у меня тогда останется?

Быстрота, съ какою прошелъ годъ сей, меня успокоиваетъ: и другой пролетитъ, и я не успѣю опомниться при своей дѣятельности; для меня — такъ; но для Бат., который осужденъ сидѣть часто одинъ въ своемъ кабинетѣ съ безпрестанными огорченiями и часто болѣзнями. Боже мой! Зачѣмъ представилась мнѣ мысль эта? О, да пролетятъ и для него часы унынiя и да продолжатся только тѣ, въ которыя онъ находитъ отраду въ дружествѣ! Да проглянетъ улыбка на лицѣ его, прижимаясь къ теплой груди Петра Володiмiровича! А ты, второй благодѣтель мой, дари его твоею бесѣдою! Въ старости твоей, когда и ты будешь имѣть участь отца твоего, и мы, о благодѣтель нашъ, не отойдемъ отъ ложа твоего; и мы будемъ имѣть утѣшенiе посвятить лучшiя года жизни нашей на вашу службу!

Письмо отправилъ въ Москву въ самой часъ отъѣзда нашего изъ Москвы.

$\frac{2\ Авг.}{21\ Іюля.}$ Прошлаго году этотъ день провели мы подъ Москвою и потомъ на Воробьевыхъ горахъ. Какъ грустно было мнѣ, когда всѣ простились съ нами, и мы одни остались въ кибиткахъ; дождь лилъ всю ночь; я провелъ ее въ безпрестанномъ размышленiи и слезахъ; быть такъ близко отъ Москвы и знать, что уже я на два года или и больше съ ней разстался! Я совсѣмъ было рѣшился тогда еще разъ воротиться въ Москву, еще разъ обнять Бат. и Мат. и братьевъ; но послѣ очень былъ радъ, что отъ этого удержался, потому что я еще больше бы разтрогалъ ихъ и себя. Простите. Завтра въ ночь уѣзжаю совсѣмъ!!

$\frac{3}{22}$. Наконецъ, въ этотъ день пустились мы совсѣмъ въ путь-дорожку, и въ это время были уже на первомъ ночлегѣ. Никто на себя столько не досадовалъ, сколько я, что не писалъ тогда регулярнаго журнала; не много бы было въ немъ интереснаго; но онъ бы напомнилъ мнѣ одному всѣ случаи, и я бы теперь могъ мысленно переноситься въ тѣ мѣста; зналъ бы чувства, кои тогда владѣли мною, и это теперь, а еще болѣе послѣ было бы для меня неисчерпаемымъ источникомъ сладкихъ воспоминанiй.

$\frac{4\ Авг.}{23\ Іюля.}$ Получилъ письмо отъ Бат. (№ 11) отъ 29 Іюня, въ отвѣтъ на мое увѣдомленiе о Французахъ.

$\frac{5}{24}$. *О, сонъ!* Неужели и существенность будетъ тебѣ подобна? неужли съ такою же холодностію приму я ласки? Неужли пламя можетъ такъ потухнуть? Нѣтъ, конечно, нѣтъ; искра все еще таится въ груди моей и одно твое воспоминаніе, подобное утреннему (когда я шелъ отъ Герена къ Март[енсу]), воспламенитъ ее.

$\frac{6}{25}$. Сегодня въ первый еще разъ видѣлъ здѣшній Музеумъ, или, лучше сказать, часть его, касающуюся до Этнографіи народовъ, по большой части — сѣверной Азіи и южной Индіи и принадлежащихъ къ ней острововъ. По этому собранію, можетъ быть, Геттингской Музеумъ первый въ своемъ родѣ. Нашъ русской Баронъ Ашъ обогащаетъ его ежегодно своими подарками; и теперь врядъ найдется ли и въ Россіи такое полное собраніе вещей, показывающихъ образъ жизни, одежду, оружія, убранства, посуду народовъ, по большой части русской скипетръ лобызающихъ. Вмѣстѣ съ прочими инструментами лежитъ и наша балалайка. Натуральной Кабинетъ наполненъ произведеніями русской сокровищницы — Сибири. И врядъ Блуменбахъ былъ ли бы во всѣхъ частяхъ Натуральной Исторіи Блуменбахомъ, естьлибъ онъ не имѣлъ случаю пользоваться минеральнымъ царствомъ Сибири, которой Природа назначила, кажется, быть общею лабораторіей земли нашей.

Достопамятности же южной Индіи и Америки щедрою рукою доставляли сюда не только Георгъ III, но и сами путешественники, которыя были тамъ: Кукъ, Форстеръ. Славный Бенксъ, благодѣтель здѣшняго Университета и представитель его у Брятанскаго Трона, дарилъ сюда много рѣдкостей; особливо же украсилъ онъ Физическій Кабинетъ Англинскими машинами.

Искуственныя произведенія островитяниновъ южнаго моря болѣе всего обращаютъ вниманіе любопытнаго зрителя. Матеріи, которыя приготовляютъ они себѣ изъ древесной коры, не зная еще совсѣмъ употребленія желѣза и не имѣя никакихъ больше инструментовъ, кромѣ ловкихъ и тщательныхъ рукъ своихъ и деревяннаго валька, которыми они размягчаютъ и убиваютъ размоченную кору свою, такъ что она становится, наконецъ, такъ тонка, какъ почтовая бумага. Нитки и самыя тонкія дѣлаютъ они изъ Gedärmen животныхъ.

Между прочими рѣдкостями показывалъ намъ Проф. Геренъ и коженой кошелекъ Суворова, которой употреблялъ онъ при осадѣ Измаила. Онъ ничѣмъ больше не примѣчателенъ, какъ только тѣмъ, что онъ принадлежалъ Суворову. Но чего больше? Что можетъ быть священнѣе для Русскаго Патріота и для благодарнаго Нѣмца? Какъ могло не радоваться Русское мое сердце? Какъ могъ я не гордиться, видя, что бездѣлица, но принадле-

жавшая Суворову, хранится въ ученыхъ Музеумахъ съ не меньшимъ благоговѣніемъ, съ какимъ мощи Св. Януарія у католиковъ?

$\frac{7}{26}$. Сегодня былъ въ Тепельсгаузенѣ и любовался прекраснымъ мѣстоположеніемъ Плесъ; можетъ быть, — и въ послѣдній разъ.

$\frac{8}{27}$. Отослалъ письма въ Москву и Петербургъ.

Фрейгангъ читалъ мнѣ свои мысли, родъ проэктовъ, касающихся до Россіи. Мнѣ все кажется, что въ наши лѣта рано еще и думать подавать совѣты, особливо о Россіи, и тогда, когда познанія наши о ней ограничены только Петербургскими окрестностями. Врядъ ли неправду говоритъ Шлецеръ, что projecteurs самой безполезной родъ людей, а часто и вредной.

$\frac{9}{28}$. Бутервекъ сталъ читать гораздо интереснѣе свою трансцеденгальную Философію, можетъ быть, ободренъ слушателями.

$\frac{10}{29}$. Шлецеръ вставилъ сегодня эпизодъ въ своей Статистической лекціи и говорилъ о спорѣ, происшедшемъ между Россіею и Швеціею, которой причина—одна половина мосту. Газетеры хотѣли написать сатиру на Швецію, сказалъ онъ, и публиковали, что будто бы она хочетъ объявить войну всемощной Россіи!

$\frac{11}{30}$. Вмѣсто того чтобъ итти къ Буле, я слушалъ новую лекцію о принципіяхъ Математики, которую въ первый разъ давалъ новой доцентъ Warneburg. Почти можно сказать, что образъ предложенія его также уродистъ, какъ и онъ самъ: а у него одна рука короче другой и нога также! Я во все лѣто не пролилъ столько поту, сколько онъ въ одинъ часъ на каѳедрѣ. Изъ этого заключить можно, какъ трудно давать въ первый разъ лекцію, особливо когда на себя не совсѣмъ надѣешься. О! это мучительное положеніе, особенно въ Геттингенѣ, гдѣ студенты смотрятъ Профессору въ глаза и за всякой промахъ наказываютъ насмѣшкой, а иногда даже сномъ. Я почувствовалъ примѣтную разницу, когда отсюда пошелъ къ Бутервеку, и когда сравнилъ прекрасный слогъ его и ловкость (élégance) въ предложеніи съ шероховатостію перваго.

Шлецеръ заключилъ сегодня публичную лекцію: cursus politicus. Въ нѣсколько вечеровъ развернулъ онъ передъ нами пространное поле и обозрѣлъ его такъ, что мы знаемъ теперь, гдѣ растетъ на немъ каждая травка, цвѣточикъ и къ какому классу ихъ отнести должно. Мастеръ, великой мастеръ своего дѣла, особливо—въ соединеніи пріятнаго съ полезнымъ! Я очень радъ,

что подалъ мысль своимъ прокричать ему въ благодарность: hoch lebe unser grosse Lehrer H-r Hofrath Schlötzer!

Ему должно быть это пріятно, потому что онъ этого достоинъ.

$\frac{12}{31}$. Гармоника.

Я слышалъ Кирхгеснеръ. Какія тоны! Какъ этотъ инструментъ располагаетъ къ унылости! духъ невольнымъ образомъ погружается въ меланхолію; чѣмъ тонъ Гармоники нѣжнѣе, тѣмъ онъ болѣе раздражаетъ нервы; особливо, когда слушаешь издали, такъ что рѣзкость тоновъ исчезаетъ въ воздухѣ, и одна томность доходитъ до насъ. Однимъ словомъ, кто расположенъ къ меланхоліи, тому опасно слышать Гармонику. Кирхгеснеръ (жаль, что нельзя употребить прилагательнаго — прекрасная) давно уже славится своимъ искусствомъ, и объѣхала большую часть Европы; была и въ Петербургѣ.

Сегодня получилъ изъ Франкфурта съ аукціона свои книги.

$\frac{13}{1}$. Отъ Шлецера получилъ сегодня письма, полученныя имъ отъ Гр. Румянцова.

$\frac{14}{2}$. Былъ у Буле и цѣлыя два часа провелъ съ нимъ очень пріятно, разговаривая о Шлецерѣ, Кестнерѣ, Бекманѣ и о другихъ Профессорахъ, о внутреннихъ Гетингскихъ интригахъ и ссорахъ, о Кестнеровыхъ эпиграмахъ, котораго, наконецъ, одинъ только Шлецеръ унять былъ въ состояніи. Нашла коса на камень. Когда Шлецеръ перебилъ лекцію у Гаттерера, и къ первому стало ходить по 100 и 200 слушателей, а послѣдній оставленъ былъ, то Гатереръ съ досадою смѣялся надъ Шлецеромъ, говоря: Professor quasi modo genitur. А Шлецеръ отвѣчалъ ему, что онъ quasi modo mortuus.

$\frac{15}{3}$. Отослалъ письма въ Петербургъ къ Ивану Володиміровичу, брату и Костогорову.

$\frac{16}{4}$. Гайне говорилъ сегодня о статуѣ Петра Великаго и о камнѣ. Два раза выливалъ Фалконетъ ее и два раза не удавалось, такъ что, наконецъ, принужденъ былъ пополнять. Жаль только, что камень, или, лучше сказать, гора каменная, сіе чудовище въ минеральномъ царствѣ, не оставлено такъ, какъ оно найдено; его до тѣхъ поръ усѣкали, что, наконецъ, сравняли его съ обыкновенными великими камнями; но все еще служитъ онъ предметомъ удивленія путешественникамъ. Что естьлибъ его оставили въ натуральномъ, дикомъ его состояніи! Это было бы гораздо сообразнѣе и съ мыслями Екате-

рины и съ безсмертнымъ дѣломъ Петра Великаго, образователя пространной, но дикой еще Россіи.

Сколько ни писали pro и contra этого обелиска, я думаю ничего нѣтъ лучше Рубановой надписи:

Нерукотворная великая гора,
Впявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,
Прешла Балтійскія глубокія пучины
И пала ко стопамъ Великаго Петра.

$\frac{17}{5}$. Сегодня получилъ Каталогъ на будущій курсъ; а не знаю еще, буду ли я здѣсь. Хотѣлось бы еще разъ послушать Шлецера въ Русской Исторіи, чтобы больше получить къ ней охоты и кончить свою. Но не знаю, удастся ли! Слѣдующая недѣля, кажется, должна рѣшить отъѣздъ мой.

$\frac{18}{6}$. Вчерашнее мое предчувствіе исполнилось. Я получилъ отъ Бат. (№ 12) письмо и — еще остаюсь въ Геттингенѣ. Думалъ ли я за годъ передъ симъ, что Геттингенъ заманитъ меня къ себѣ такъ надолго, и что я самовольно, позабывъ мои обѣщанія возвратиться скорѣе, пробуду въ одномъ Геттингенѣ цѣлыя полтора года! Нѣтъ, я не позабылъ и своихъ обѣщаній; я ихъ помню; но вѣрно тотъ, кому я давалъ ихъ, видя перевѣшивающую мою пользу и любя меня столько же, сколько прежде, самъ бы теперь согласился на мою отсрочку.

Батюшка, кажется, живетъ только тѣмъ, чтобъ радовать насъ; онъ не приказываетъ, не позволяетъ намъ, но показываетъ, какъ будто бы и самъ того же хотѣлъ, что мы у него просимъ, между тѣмъ какъ это стоитъ ему, можетъ быть, большихъ пожертвованій. И такъ, и мое имя стоитъ въ Вѣстникѣ; признаюсь, это веселитъ меня, и жалѣю, что не предузналъ; а то бы постарался сдѣлать интереснѣе письмо свое для Московскихъ моихъ читателей.

Италія! Новое поле работы; новой сюжетъ для приготовленія обозрѣть его. Думалъ ли? воображалъ ли я? Возьму меньше Коллегій и займусь Путешествіями!

$\frac{19}{7}$. А сегодня получилъ отъ Шлецера и 12-й № Вѣстника, гдѣ нашелъ и себя. Жаль только, что не второе письмо мое помѣщено. Правда, что это больше идетъ къ матеріи Вѣстника Европы, содержа въ себѣ извѣстіе о Коронаціи Курфирстровой. Но то кажется мнѣ лучше и интереснѣе писано. Да и какъ не тронуться бы величественными видами и шумомъ водопадовъ, которыя оглушали тогда зрителя!

$\frac{20}{8}$. Госпитировалъ у Мартенса въ его лекціи, называемой: Практическія упражненія въ Народномъ правѣ, которую мнѣ хочется слушать на будущія полгода, естьли только слажу съ нужною французскою терминологіею, для того чтобы мнѣ подавать свои сочиненія и рѣшить задачи, относящіяся до Юриспрюденціи.

$\frac{21}{9}$. Былъ у Шлецера, сказывалъ ему, что я остаюсь еще здѣсь, и онъ принялъ въ этомъ участіе.

$\frac{22}{10}$. Отправилъ письма въ Москву и Петербургъ. Отъ Шлецера получилъ въ подарокъ новой Каталогъ.

«Никогда не проводилъ я еще въ Гетингенѣ такого вечера»! вскричалъ я, покидая Элоизу. Пусть слова эти напомнятъ мнѣ теперешнее состояніе души моей. О, Руссо, Руссо! Ты еще *никогда* не былъ для меня то, что ты теперь; даже и...

$\frac{23}{11}$. Думалъ ли я за полгода, что буду имѣть время по два часа въ день употреблять на Элоизу? Но что дѣлать? Надобно непремѣнно подслащивать горькія истинны Метафизики и нарушенныя права Народовъ, о которыхъ съ утра до вечера твердятъ мнѣ.

$\frac{24}{12}$. И опять объ Элоизѣ, опять о Руссо! Понжера еще зналъ его, бывалъ съ нимъ очень часто у Desfontaines, своего и его пріятеля; разсказывалъ анекдотъ о нихъ по случаю гербаризаціи. Vous attendez mon pourquoi; mais vous ne l'aurai (sic) pas, сказалъ Руссо и ушелъ. Въ Парижѣ непремѣнно познакомлюсь съ Дефонтеномъ; попрошу его, чтобъ онъ повелъ меня въ тотъ домъ, гдѣ онъ бывалъ съ Руссо.

Въ Англіи видѣть надобно le Chevalier M-lle d'Eok, которая драгунскимъ офицеромъ служила въ Французскомъ войскѣ и стояла въ Геттингенѣ, потомъ была Министромъ и Секретаремъ Посольства въ Лондонѣ и теперь, рассорившись съ бывшимъ Французскимъ дворомъ, живетъ еще въ Лондонѣ.

Quid tantum insano juvat indulgere dolori.

$\frac{19}{7}$ *Сент.* Кто мнѣ мѣшаетъ съ нимъ бесѣдовать, думать объ немъ? О, плотской человѣкъ! А я бы желалъ обнять его, прижать его. Братъ, братъ, милой братъ! В[ъ]первой разъ почувствовалъ въ себѣ столько духу, чтобъ написать имя твое! Боже мой! Подкрѣпи меня!

Получилъ письмо отъ Батюшки и Жуковскаго; услышалъ еще страшную вѣсть отъ Ан[дрея] Сер[гѣевича]. Что мнѣ дѣлать? Страшное, мучительное сомнѣніе овладѣло мною. Боже мой! И все это заслужилъ я въ двадцать лѣтъ жизни моей!

О, естьли предчувствіе, естьли подозрѣніе исполнится! естьли то, чего я не могу выговорить, было въ самомъ дѣлѣ.... Страшись! — Мщеніе, вѣчное мщеніе. — Страшно....

Въ концѣ Октября. Сколь ни ужасно было для меня знакомиться съ мыслію, что я потерялъ брата своего, Милостивый Боже! Что будетъ со мной, естьли хотя нѣсколько изгладится изъ моей памяти образъ его? Что естьли хоть одна черта лица его, хотя одна его улыбка въ послѣдствіи времени изгладится изъ ангельскаго его образа, которой врѣзался въ мою душу? — тогда, тогда простите и вы, послѣднія радостныя минуты жизни моей, которыя доставляетъ мнѣ воспоминаніе! Простите, сладкія мечты, меня съ нимъ съединяющія! Прости, минутное забвеніе!

Dir allein
Will ich dir, Erinnerung, am Grabe
Meiner Freuden, Dank und Thränen weihen.
Denn so sehe ich nie die Erde wieder
Wie ich sie mit meinem Bruder sah!!

$\frac{29}{17}$ *Октября.* Опять принимаюсь за журналъ свой, которой былъ кинутъ съ $\frac{24}{12}$ Августа. Но врядъ будетъ ли онъ уже для меня тѣмъ, что прежде. Можетъ быть, встрѣчаться будутъ замѣчанія изъ лекцій, кой-какія мысли, разсужденія; но чувства, душевныя изліянія, вѣрно, рѣдки будутъ, или, по крайней мѣрѣ, сконцентрированы всѣ на одинъ предметъ, которой всегда передъ глазами моими; развѣ посвящу я сіи строки на одни только воспоминанія прошедшаго моего щастія, блаженныхъ дней жизни моей; буду стараться вспомнить всякой день какое-нибудь обстоятельство въ прошедшей жизни моей, которое бы мнѣ напомнило о моемъ братѣ; вспомню наши дѣтскія игры, наши занятія, каждое малѣйшее, для другихъ ничего незначущее обстоятельство, наши радости и горести, изъ которыхъ и того и другова было довольно. Самою дорогою цѣною, самымъ живымъ удовольствіемъ выкупилъ бы картину, которая бы хотя малѣйшій сюжетъ изображала, касающійся до насъ съ братомъ.

И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать
Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ.

Однакожъ, надобно изъ благодарности выписать это мѣсто изъ Philosoph für die Welt, которое напомнило мнѣ о моемъ забытомъ журналѣ. (Weyhnachtsgeschenk). Вотъ оно: Ein wenig Athem oder ein paar Federstriche, die wir für unsere Gedanken aufwenden, so schwer uns auch manchmahl beides vorkommen mag, werden reichlich wieder durch die Deutlichkeit, die Ordnung, und das Leben eingebracht, das eben diese Gedanken dadurch erhalten.

Вотъ что доброй и умной отецъ вписалъ въ бѣлую книгу, которую онъ подарилъ на новой годъ своей дочери, желая, чтобъ она отъ времени до времени вела журналъ свой и записывала бы въ немъ свои мысли, чувства, или старалась бы выразить на письмѣ то, что она читала въ авторѣ; такимъ образомъ, говоритъ онъ, они для тебя поясняются и превращаются въ твою собственность; часто даже рождаютъ въ тебѣ самой другія и развиваютъ способность мыслить. — Не то ли же самое совѣтывалъ мнѣ Батюшка? не просилъ ли онъ меня вести журналъ во время своего вояжа, что̀ я началъ приводить въ исполненіе не прежде, какъ уже поживя мѣсяца три въ Гетингенѣ, и о чемъ я теперь столько жалѣю и всегда сожалѣть буду. Сколько рождалось во мнѣ новыхъ собственныхъ идей въ вояжъ мой до Лейпцига и сюда, которыя вмѣстѣ съ рожденіемъ и исчезали! Какое невозвратимое сокровище! Какая потеря въ суммѣ познаній самаго себя! Не то ли же самое совѣтывалъ мнѣ и братъ мой, мой Ангелъ-хранитель, мой образецъ, которому я твердо рѣшился во всемъ слѣдовать? Онъ даже и писалъ мнѣ нѣсколько разъ объ этомъ. О! этихъ писемъ нѣтъ у меня теперь ничего священнѣе! но теперь я боюсь еще до нихъ дотрогиваться: не надѣюсь на самаго себя; Богъ знаетъ, что въ минуты живой горести, въ минуты, въ которыя я бросаю взоръ на свое положеніе, въ минуты, въ которыя я чувствую одинокость свою, — что тогда со мной быть можетъ?... Ахъ, бѣдное сердце еще не привыкло; рана еще такъ свѣжа; малѣйшее прикосновеніе такъ чувствительно. Боже мой! Подкрѣпи меня!

$\frac{30}{18}$. Былъ въ Ганштейнскихъ руинахъ (5 час. отъ Гет.) на самой той башнѣ, на которой Зейферъ дѣлалъ свои наблюденія. Утро было такъ туманно, что въ десяти шагахъ человѣка едва уже различить можно было. Когда мы взошли на башню и взглянули на низъ, то намъ представилось одно только колеблющееся туманное море, изъ котораго вершины горъ подобно островамъ поднимались.

$\frac{31}{19}$. Сегодня началъ Блуменбахъ Н[атуральную] И[сторію]. Съ какимъ жаромъ и съ какой оригинальностію трактуетъ онъ свою Науку! Видно, что онъ любитъ ее. Но и какъ не быть привязану къ той Наукѣ, которая сдѣлала славу его имени? У Шлецера также слушаетъ сынъ Курфирстра Баварскаго. Но онъ, несмотря на то, не перестаетъ говорить правду, и часто очень колкую. Напр. назвалъ Нѣмец. Князей: Fürsten in duodetz. Сперва училъ онъ Князей черезъ одни только книги; теперь — и словесно.

Бекманъ также началъ; слѣдовательно я съ Бав[арскимъ] Курпринцомъ въ трехъ Коллегіяхъ вмѣстѣ, потому что онъ и у Блуменбаха.

Я не надѣялся и этого отъ Грельмана; но теперь вижу, что Шлецеровъ ученикъ, кто бы онъ ни былъ, естьли только захочетъ, можетъ воспользоваться его обширными знаніями.

$\frac{5\ Ноября}{24\ Октября}$. Что значатъ слова сіи: *она очень слаба и огорчаться не можетъ?* Боже мой! Какую еще судьбу готовишь намъ? Какая туча виситъ надъ головою моей? И самое теперешнее положеніе убивственно. Что же еще вдали ожидаетъ меня? что для меня готовится?

О Матвѣй, Матвѣй! Какъ ты меня обрадовалъ, но и какими воспоминаніями отравилъ ты тѣ вечернія минуты, которыя для спокойствія души назначены были! Въ послѣдній разъ слышалъ я голосъ твой вмѣстѣ съ братнинымъ; я привыкъ тебя видѣть съ братомъ; ты былъ свидѣтелемъ нашей Московской жизни; ты былъ при нашей вѣчной разлукѣ. Ты слышалъ послѣднее прости, которое произнесли мы другъ другу. Я не могу болѣе. Боже мой, подкрѣпи меня!

$\frac{9}{21}$ *Воскресенье.* Думалъ приняться за русскую Исторію; но развернулъ книгу и — увидѣлъ братнину руку. Болѣе мѣсяца уже какъ я нарочно не смотрѣлъ его писемъ; старался удалить всякое чувственное воспоминаніе; жилъ съ однимъ духовнымъ только братомъ; и для меня было это сносно. Теперь одну черту руки его увидѣлъ — и что я чувствую!

Теперь утро воскресенья. Ничто не мѣшаетъ мнѣ предаваться воспоминаніямъ. Я одинъ. Въ Москвѣ, когда я еще съ нимъ жилъ и учился въ Пансіонѣ, этотъ день проводили мы обыкновенно вмѣстѣ; но тогда я не думалъ ни о чемъ; наслаждался и пользовался имъ, не думая объ этомъ. Дни и года летѣли, мы жили вмѣстѣ, любили другъ друга, не говоря объ этомъ никогда другъ другу; были горькія и сладкія минуты; мы переносили ихъ. Связь моя съ Пансіономъ доставила ему знакомство и дружбу съ Жук[овскимъ]. Я этимъ радовался; былъ любимъ обоими; только никогда этого не

стоилъ, и насъ связывало съ братомъ одно какое-то непзъяснимое чувство братства. Потомъ случай познакомилъ и подружилъ меня съ Ан[дреемъ] Сер[гѣевичемъ], а я его съ братомъ, и съ нимъ провели мы много пріятныхъ минутъ. Съ Мерзляковымъ познакомилъ меня братъ; открылъ мнѣ въ немъ друга и благодѣтеля; я любилъ его для него самаго и для того, что братъ его любитъ. Онъ меня любилъ для того, что братъ былъ моимъ братомъ, и для того, что онъ постигнулъ, можетъ быть, между нами то братское чувство; наконецъ, можетъ быть, онъ любилъ меня и для меня самаго. Журавлевъ, къ которому я также вѣчно привязанъ буду, былъ первымъ Университетскимъ другомъ брата моего. Сколько они сладостныхъ дружескихъ вечеровъ провели вмѣстѣ! сколько горестей онъ раздѣлилъ съ братомъ! и по разлукѣ съ нимъ сколько удовольствія доставляла брату переписка съ нимъ, и онъ никогда не могъ простить себѣ, разъ заплакалъ, досадуя на самаго себя, чистосердечно укорялъ себя въ холодности и въ дурномъ сердцѣ, — за то что пересталъ писать къ Журавлеву! Боже мой! И кто больше брата любилъ его? какое сердце чувствовало больше цѣну любви и добродѣтели!

Послѣ всего, наконецъ, вошелъ я въ домъ С[оковниныхъ]. Былъ принятъ отмѣнно ласково; всегда ѣздилъ туда съ нѣкоторымъ удовольствіемъ; и для того-то самаго хотѣлъ, чтобъ и братъ раздѣлялъ его. Въ первый разъ пріѣхали мы туда вмѣстѣ, когда еще никто не зналъ его; но скоро, скоро все перемѣнилось, и брата также узнали и полюбили. Мы и Жуковской, а потомъ и Костогоровъ были тамъ такъ часто; братъ и я такъ любили ѣздить туда, что мы, наконецъ, считали за пожертвованіе, когда одинъ другому уступитъ сегодня туда ѣхать одному, въ случаѣ естьли обѣимъ невозможно. Слѣдующее время, обстоятельства слишкомъ свѣжи въ моей памяти, чтобъ я могъ еще писать объ этомъ. Знаю только, что С[оковнины] связали насъ съ братомъ еще больше, что мы еще болѣе узнали любовь нашу, цѣну нашего братства; узнали, что мы можемъ и умѣемъ сдѣлать другъ для друга величайшее пожертвованіе. Что другихъ могло разлучить, разторгнуть на вѣки другъ отъ друга, то самое насъ тѣснѣе связало, приближило, и мы мечтали быть подобіемъ Лопухиныхъ!

Желалъ бы только, чтобъ письма мои къ нему изъ Москвы и изъ Гетингена сохранены были. Они могутъ служить ему и мнѣ вѣчными панегириками (я вить пишу для самаго себя); въ нихъ могутъ видѣть и понимать любовь братскую. И все-то это теперь исчезло. Богъ видѣлъ нашу готовность, но не попустилъ исполненія. Братъ, братъ! Богъ и ты знаешь меня! Прости мнѣ эти слезы. Они не есть слезы ропота, но слезы слабаго

человѣчества. Зачѣмъ раздѣлены мы? мы сотворены были другъ для друга. Но я предаюсь Святой волѣ Его. Ты теперь предъ лицемъ Его; ты постигаешь неисчерпаемый источникъ Его милости; испроси мнѣ крѣпость духа; содѣлай меня тебя достойнѣе. Дай мнѣ, доставь мнѣ больше такихъ минутъ, въ которыя я бы больше былъ достоинъ думать о тебѣ.

Послѣ обѣда. Прежде, въ щастливыя дни жизни моей, когда я еще былъ съ братомъ, оставшись въ воскресенье послѣ обѣда одинъ въ своей комнатѣ и слыша унылой звонъ колоколовъ, предавался я также какой-то грусти и душевному унынію; но вспомнивъ, что я еще имѣю брата, которой и за 2000 верстъ все также меня любитъ, что черезъ годъ или два, но мы все съ нимъ увидимся и никогда уже не разстанемся, я ободрялся, уныніе проходило, и во мнѣ оставалось пріятное, можно сказать, меланхолическое чувство; я вспоминалъ прошедшее, представлялъ себѣ прекрасную будущность, наше свиданіе, всю нашу неразлучную жизнь — жизнь опять Московскую и, право, часто опять радовался и получалъ новыя силы къ работѣ. Но теперь какъ все перемѣнилось! Я боюсь и думать; страшусь предаться размышленію; душевная, угнѣтающая тоска владѣетъ мною, и я радъ, когда что-нибудь разсѣетъ меня.

Что естьли я возвращусь домой, въ свое семейство, оно увидитъ меня, а не моего брата? оно обрадуется мнѣ; но въ то же самое время радость ихъ отравится горкимъ воспоминаніемъ: они не найдутъ во мнѣ брата моего; и естьли они и найдутъ во мнѣ какую-нибудь отраду, то это еще больше заставитъ ихъ плакать о томъ, кто въ тысячу разъ могъ имъ доставить ее, en leur laissant apercevoir ce qu'ils ont perdu.

Вчера былъ у Шлецера на thé, только не dansant, вмѣстѣ съ Курпринцомъ. Сперва былъ въ большомъ замѣшательствѣ, не имѣя между 80-ю ни десяти знакомыхъ; но сѣвъ играть въ лото между Блум[енбахомъ], Март[енсомъ] и Венгерцами, поневолѣ долженъ былъ играть ролю d'un gallant-homme. Выпивъ три бакала вина, я сталъ бодрѣе и смѣлѣе разговаривать съ прекрасной Б. М.[1]), и самъ не понимаю, гдѣ у меня взялась подъ конецъ игры такая плодовитость въ матеріяхъ. Съ каждымъ бакаломъ вина она умножалась; то же самое дѣйствіе примѣчалъ я и въ Принцѣ, которой, несмотря на свое пришепетываніе, наконецъ такъ разгорячился въ разговорахъ, что дѣйствіе вина и очень уже примѣтно стало. Но все это больше показываетъ его доброту сердца; онъ не боится быть пьянымъ (хотя онъ еще имъ и не былъ); не боится проговориться въ чемъ-нибудь, будучи навеселѣ. Кокетная

1) Въ рукописи или вензель или поправка Б на М.

Француженка позволяла себѣ непозволительныя вольности съ Венгерскимъ Графомъ (Tekely), и слѣпой отецъ ее ничего не подозрѣваетъ. Бѣдное состояніе! лучше потерять всѣ прочія четыре чувства, только не зрѣніе!

Естьлибъ я былъ въ духѣ, о! какъ бы описалъ я этотъ вечеръ! Но когда душа занята другимъ, когда мысли, несмотря ни на какое разсѣяніе, устремлены на одинъ и тотъ же печальный предметъ, предметъ вѣчной горести; тогда, тогда и самой гармоническій концертъ кажется намъ надгробнымъ пѣніемъ.

$\frac{28}{16}$. Отослалъ письмо въ Москву и Петербургъ; только уже не [къ] нему; нѣтъ, нѣтъ. — Грустно.

Alors en me rappellant les tems eloignés, un tressaillement me prend, un poids insupportable me tombe tout-a-coup sur le coeur, et me laisse une impression funeste qui ne s'efface qu'avec peine.

$\frac{30}{18}$ *Нояб.* Никогда, во всю жизнь мою не позабуду я сихъ вечеровъ, въ безпрерывной грусти проведенныхъ. Не проходило почти пяти минутъ, чтобъ я, читая книгу, не бросалъ ее при одной мысли о другѣ и братѣ моемъ. Можетъ быть, дни сіи суть предназначеніемъ того, что вдали готовитъ мнѣ судьба моя. Да врядъ ли могу я уже быть нещастнѣе: я все потерялъ. Я не могу и не хочу писать плачевныхъ мыслей моихъ, боясь, чтобъ они не попались такому, кто принимаетъ еще во мнѣ участіе; хоть у меня такихъ и не много, но все, къ щастію или нещастію моему, еще есть. Гдѣ то честолюбіе, которое оживляло меня, внушало мнѣ любовь къ дѣятельности? За что ни примусь, какой планъ ни родится въ разтроенной головѣ моей,—все съ первымъ движеніемъ сердца, все оставляю. Ничто не прельщаетъ, ничто не одушевляетъ меня. Чувства и духъ мой умерли вмѣстѣ съ братомъ моимъ. Мало по-малу снѣдающая тоска и горесть владѣютъ мною.

Что ни писалъ я къ Бат. на прошедшей почтѣ, все это родилось въ одно минутное забвеніе и съ тою же минутою исчезло. Я не способенъ равнодушно и мужественно переносить свое горе — оно угнѣтаетъ меня, и я въ душѣ своей часъ отъ часу слабѣю и изнемогаю, не имѣя ни вѣры ни надежды въ сердцѣ моемъ. Горестная необходимость жить, и жить безъ брата, жить и не чувствовать цѣну жизни; жить и невольно роптать на Всемогущаго. Боже мой! прости мнѣ мое заблужденіе, прости мнѣ слабость мою! Нѣтъ со мной Ангела — Утѣшителя, меня подкрѣплявшаго. Ты взялъ его къ себѣ—и я одинъ остался.

Fate! drop the curtain; j can lose no more.

$\frac{30\ Ноя.}{12\ Дек.}$ Думалъ ли я, отправляя письмо моекъ брату, что черезъ три мѣсяца опять получу его обратно? Могла ли бы написать рука моя имя его? Ахъ! тогда уже не было его на свѣтѣ! Можетъ быть, въ ту самую минуту разставался онъ съ жизнію, вспоминалъ обо мнѣ и вѣчное «Прости»! въ послѣдній разъ говорили уста его! Ахъ, мой братъ! за чѣмъ оставилъ меня? Грусть, вѣчная грусть будетъ моимъ удѣломъ. Какъ! Боже мой! брата моего нѣтъ уже болѣе? Боже мой, Боже мой! что я буду?

Боже Милостивый! Прежде нежели сдѣлаюсь я недостойнымъ любви братниной, прежде нежели я забуду его добродѣтель,—погуби меня и дай увидѣться съ нимъ въ томъ мірѣ! Боже мой, не отвергни моленія моего! Погуби меня здѣсь и со[е]дини тамъ съ братомъ моимъ! Боже мой, дай мнѣ силы, или душа моя изнеможетъ. Не допусти, чтобъ она развратилась, прежде нежели соединюсь я съ братомъ моимъ!

$\frac{14}{2}$ *Декабря.* Опять какое-то новое предчувствіе. Боже мой, что мнѣ еще готовится? Неужели подозрѣніе мое справедливо? Я не въ силахъ написать ни одного слова. Боже мой, Боже мой!

Woes cluster, rare are solitary woes;
They love a train, they tread each others' heel.

$\frac{30}{18}$ *Дек. 1803.*

Вчера дурачился, а сегодня оплакиваю свои дурачества. Чѣмъ болѣе вчера веселился, тѣмъ больше плакалъ сегодня; все мнѣ кажется преступленіемъ, мнѣ все грустно, и будущность для меня ужасна. Такъ-то проведу я и всю жизнь свою. Не будетъ для меня ни одного часа удовольствія! Пройдетъ молодость, а сердце мое, сжатое теперь уже, не расмягчится никогда уже и въ тридцать лѣтъ заскорбѣетъ. У меня было одно только средство чувствовать радости жизни, и черезъ него получалъ я всѣ прочія удовольствія и наслажденія; его нѣтъ болѣе, и источникъ пресѣкся. Ничто не расмягчитъ моего сердца; ничто не заставитъ его чувствовать охоту ко всему доброму. О! для чего я одинъ остался?

(1 Генв. Рус. шт.).

Новый Годъ. Сейчасъ ударило 12. Одумайся, Александръ! Что ты былъ въ прошед[ш]емъ? Что съ тобою было? Со мной произошелъ совершенной переворотъ. Я не узнаю себя. Я и долженъ перемѣниться. Гдѣ братъ мой? 1803 годъ унесъ лучшую половину самаго меня съ собою. Братъ гніетъ

въ могилѣ. Съ кѣмъ я остался? Посреди кого? Какія перемѣны! Я выброшенъ въ бурное море; якорь оторванъ; никто не хочетъ подать мнѣ руку помощи и бѣжитъ прочь. Сердце, самое сердце мое не то уже стало; оно заскорбѣло и свернулось. Я безчувственъ, и нѣтъ уже груди, на которую можно было бы мнѣ пролить слезы горести. Гдѣ братъ мой и другъ единственной? Свѣте тихій святыя славы, безсмертнаго Отца Небеснаго, святаго блаженнаго, Іисусе Христе, пришедше на западъ солнца видѣти свѣтъ вечерній; поимъ Отца —

О, когда сокроюсь я и смѣшаюсь съ прахомъ брата моего! Нѣтъ, никогда и ничто не соединитъ меня уже болѣе съ нимъ; я самъ не соединюсь съ собою. Я не буду, вѣчно не буду тѣмъ, чѣмъ былъ за годъ! Ахъ! думалъ ли я, думалъ ли, читая прошлаго году въ этотъ день полученное мною письмо отъ брата моего, что на другой годъ въ этотъ день я безъ содроганія уже буду[1]) говорить о смерти его! думалъ ли, съ радостію говоря: и у насъ Новый Годъ!? Судьбы человѣческія неисповѣдимы! Что наша будущность? Что со мною будетъ? Завѣса, непроницаемая завѣса!

Братъ! о! для чего дрожитъ сердце мое? Для чего я не въ силахъ владѣть собою? Для чего разстроиваются мысли мои? Отъ чего безпорядокъ въ головѣ моей? Гдѣ я, съ кѣмъ и что со мною будетъ? Простите, въ глазахъ моихъ темнѣетъ. Братъ! ожидай меня! Скоро, скоро! Милой, милой, милой, милой братъ мой! Я одинъ, тебя нѣтъ со мной! Ахъ, для чего? Гдѣ ты? Подай мнѣу рук свою. Прости.

Другова году часъ прошелъ. Такъ пройдетъ и жизнь моя! Такъ ударитъ и мой часъ, и я соединюсь съ тобою.

$\frac{17}{29}$ *Генваря.*

И такъ, я не солдатъ; я не натуральной Историкъ; я не Курьеръ при Иностранной Коллегіи; я не Секретарь Посольства. Что жъ я? Адъюнктъ Русской древней Исторіи при С.-Петербургской Академіи Наукъ! Воображалъ ли я, что черезъ полтора года по моемъ пріѣздѣ въ Гетингенъ Шлецеръ сдѣлаетъ мнѣ подобное предложеніе! Ахъ, милой братъ! День отъ дня чувствую болѣе и болѣе нужду въ тебѣ. Съ кѣмъ посовѣтуюсь я? Кто этому порадуется? Съ кѣмъ я раздѣлю радость свою? Ахъ! и радость не въ радость, когда я одинъ, и никто не принимаетъ во мнѣ участіе! О, милой братъ! для чего я такъ рано тебя лишился? Никогда не чувствовалъ я такъ живо твоего лишенія, какъ въ сіи минуты. И радости раздѣлить не съ кѣмъ; ра-

1) Въ рук. «могу уже буду».

дости, которая такъ рѣдко бываетъ моимъ удѣломъ. Лучше бы мнѣ никогда ее не чувствовать! Легче переносить одному горе свое, нежели одному радоваться, не имѣть друга, съ кѣмъ раздѣлить ее, перелить ее изъ сердца въ сердце. Окруженный —

Ахъ! какъ все перемѣнилось.

Какъ бы то ни было, буду жить и радовать, сколько возможно, Батюшку и Матушку. Буду жить для братьевъ.

Приму съ удовольствіемъ предложеніе; естьли не удастся видѣть съ собою исполненія, то, по крайней мѣрѣ, буду современемъ радоваться, что я былъ достоинъ его.

$\frac{18}{30}$ *Генв.*

Теперь-то чувствую благодѣтельное Провидѣніе, которое удалило меня изъ моего Отечества. Напрасно ропталъ я, что лишенъ имъ проститься съ братомъ моимъ, обнять, прижать холодную руку его. Нѣтъ! духъ мой отдѣлился бы отъ тѣла вмѣстѣ съ нимъ. Нѣтъ, я чувствую, что я этого бы не вынесъ. О сонъ! для чего такъ рано я сегодня проснулся? Мнѣ снилось, что я сижу на постелѣ у умирающаго брата моего, цѣлую хладѣющую руку его; онъ говоритъ мнѣ: *Тебѣ жалъ будетъ меня, братецъ!* Эти слова пронзили меня; я встрепенулся и проснулся. Боже мой! Я едва помню худое, изсохшее тѣло его, его улыбку и мое положеніе, какъ я ему цѣловалъ руку его, обнималъ его, увѣрялъ его, что болѣзнь его не опасна, а самъ дрожалъ, плакалъ; наконецъ, говоря это, я проснулся съ слезами на глазахъ. Ахъ! я подобнаго никогда еще не чувствовалъ: *братецъ! тебѣ жалъ меня будетъ.* О милой братъ! для чего я не умеръ вмѣстѣ съ тобою? Послѣдствіе сна страшно. Я не напишу его. Но замѣчу: неужели я переживу двухъ братьевъ, Матушку? Боже мой! Подкрѣпи меня! Пожалѣйте, отдаленные друзья мои, пожалѣйте обо мнѣ! Мнѣ нѣкому открыть сердце мое. Мнѣ не съ кѣмъ раздѣлить обременяющей меня грусти. Одно остается облегченіе — писать.

$\frac{22\ Генв.}{2\ Февр.}$ Выписка изъ письма Натальи Васильевны къ А[ндрею] С[ергѣевичу].

«У меня былъ Алексѣй и сказывалъ о болѣзни и смерти Андрея Ивановича; онъ въ самой жаръ, распотѣвши, ѣлъ мороженое, простудился и тотъ же часъ почувствовалъ. *Горячка кончила ево жизнь*».

Не стану упрекать тебѣ, милой братъ мой! Нѣтъ, мой другъ, ты не виноватъ въ слезахъ этихъ. О, мой милой другъ! нѣтъ, ты мнѣ становишься всякой часъ дороже. Неосторожность твоя случайна. Ты бы не захотѣлъ

сдѣлать меня навѣкъ нещастнымъ. Милой, милой братъ мой! Ты любилъ и зналъ меня. О, милой другъ мой! Что я безъ тебя? Естьли ты еще можешь чувствовать, естьли еще не совсѣмъ отдѣлилась Ангельская душа твоя отъ всего, что тебѣ было дорого, то не смотри на внутренность души моей. Да не смущается духъ твой!

$\frac{3\text{го}}{15}$ *февр. — 3-е Февраля!*

$\frac{28\ Марта}{9\ Апрѣля}$. Передъ этимъ былъ я въ Касселѣ и купецъ Петровъ. Пріѣхалъ Рахмановъ и живетъ теперь со мною; много напоминалъ пріятнаго въ прошедшемъ; оживилъ мнѣ его нѣсколько. Сказывалъ, что какая то болтушка распустила въ Москвѣ слухъ, что будто бы меня убили здѣсь Французы, что всѣ знакомые говорили обо мнѣ со слезами, старались не допускать этихъ слуховъ до Бат. и Мат.. Благодареніе вамъ, друзья мои, друзья человѣчества!

Вчера минуло мнѣ 20 лѣтъ! О, да испадетъ двадцатый годъ изъ годовъ жизни моей!

Escidat aevo.

На прошедшей недѣлѣ осматривалъ Озіадеровскія препараты и проч. и проч.. Вотъ практическій другъ человѣчества. Надъ дверями той комнаты, въ которой родильница ожидаетъ минуты разрѣшенія, сдѣлалъ бы я надпись: *и жена не*

егда родися человѣкъ въ мірѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письма Александра Ивановича Тургенева къ Жуковскому и Мерзлякову.

1.

Leipzig. Le 18-de Septembre [*1802*].

Въ первый разъ еще пишу къ тебѣ, любезнѣйшій другъ Василій Андреевичъ. Авось это письмо найдетъ тебя въ Москвѣ бѣлокаменной. Что тебѣ сказать о нашемъ путешествіи? Оно иногда весело, иногда скучно. До самаго Лейбцига мало встрѣчалось намъ примѣчательнаго, и во всю дорогу наполняло меня одно чувство разлуки съ Отечествомъ, съ семействомъ и съ вами, друзья мои. Пріѣхавъ сюда, мы на другой же день пошли на лекцію къ Профессору Платнеру, который и тебѣ долженъ быть извѣстенъ по своимъ Афоризмамъ. О лекціяхъ его я писалъ кое-что къ Мерзлякову. Нѣсколько разъ были въ Театрѣ; въ первый разъ представляли Die Hussiten vor Naumburg — Коцебу, а въ другой — Die Jungfrau von Orlean — Schiller. Жаль, что послѣдней піесы нельзя никакъ представлять на русскомъ Театрѣ, первое потому, что не позволятъ, второе и для того, что у насъ нѣтъ актрисъ для Johanna. Здѣсь играетъ ее прекрасно Актриса Гартвигъ, и когда Шиллеръ былъ здѣсь при первомъ представленіи, то онъ сказалъ, что она одна можетъ только играть ее. Я посылаю тебѣ ее и съ изображеніемъ дѣвы Орлеанской такъ, какъ представляютъ ее себѣ Нѣмцы. Въ Москвѣ нѣтъ еще, кажется, этой піесы. Можетъ быть, изъ Гетингена съѣздимъ мы въ Веймаръ, гдѣ живутъ теперь Шиллеръ, Гете, Виландъ, Гердеръ: тамошній Герцогъ имъ покровительствуетъ.

10 часовъ вечера.

Сейчасъ изъ Театра, представляли: Die Quälgeister oder: Viel Lärmen um nichts, nach dem Englischen des Schakespear von Herrn Beck. Совершеннѣе представить невозможно — и піеса наполнена острыми словами. Завтра постараюсь найти ее и къ тебѣ пришлю. Совершенно, совершенно! Пожалѣй объ насъ — въ Гетингенѣ запрещенъ Театръ — для того, что студенты больше ходили въ Театръ, нежели на лекцію. Вчера ходили мы поклониться памятнику Геллерта, воздвигнутому книгопродавцемъ Вензлеромъ, которой обогатился, печатая его сочиненія. Какъ бы я желалъ, чтобъ ты видѣлъ нынѣшнюю піесу здѣсь въ Лейбцигѣ! Право, можно однимъ Театромъ образоваться; я это вчера и сегодня чувствовалъ. Шиллеровы монологи сильно на меня дѣйствовали. Но я бы желалъ раздѣлять это удовольствіе съ вами, друзья мои, Мерзляковъ и Жуковской! Желалъ бы восхищаться вмѣстѣ съ вами. Я бы совѣтовалъ тебѣ прочесть

нѣкоторыя главы изъ книги Le génie du Christianisme, которую я прислалъ къ Батюшкѣ; напр. Desir du bonheur dans l'homme; Instinct de la patrie. Я недавно изорвалъ слабое изображеніе любви своей къ Отечеству, увидя тѣ же самыя чувства, но изображенныя сильнымъ перомъ въ Шатобріанѣ. Прочти его предисловіе къ этой книгѣ, особливо въ концѣ четвертой страницы: — *j'ai pleuré, et j'ai cru!*

Утро.

Цѣлую ночь не даютъ намъ спать здѣшнія ночныя кликуны и трубачи; какъ скоро десять часовъ ударитъ, то и идетъ по улицѣ кликунъ и поетъ съ нестерпимыми варіяціями слѣдующія стишки:

Gnädige Herr'n, lasst euch sagen:
Der Zeiger hat zehn geschlagen.
Bewahret das Feuer und auch das Licht,
Dass kein Schade geschieht,
Und lobet ja den Herrn....

Потомъ черезъ полчаса идетъ трубачъ и трубитъ передъ окошкомъ. Естьли мнѣ удастся, то я попрошу, чтобъ мнѣ эти стишки положили на ноты,— а вы, друзья мои, пойте ихъ въ напе воспоминаніе.

18-го вечеръ. Сегодня накупилъ портретовъ, которыя и посылаю тебѣ; вить ты, помнится, сбираешь ихъ. Платнеръ очень похожъ, и ты долженъ одинъ сберечь для меня; мнѣ по возвращеніи пріятно будетъ смотрѣть на него, вспоминая время, когда у него слушалъ лекціи. Мнѣ хотѣлось бы собрать портреты всѣхъ славныхъ мужей, жившихъ во время моего путешествія, особливо тѣхъ, коихъ видѣлъ и слышалъ.

19-го вечеръ. Сейчасъ изъ Театра. Ахъ, Опицъ! совершенный актеръ! Вообрази себѣ: онъ былъ на нашемъ Петербургскомъ Театрѣ, и его упустили. Желалъ бы имѣть портретъ его. Прощайте, друзья мои! Послѣ завтра мы ѣдемъ въ Гетингъ, а завтра не знаю успѣю ли написать вамъ. Прощайте, долго не получите вы письма этого, но мнѣ кажется, что я ужъ теперь съ вами, обнимаю васъ и говорю вамъ: Прости, простите. Да не разсѣчется никогда узелъ нашей дружбы et puisse-t-il faire pour toujours le charme et la consolation de notre vie. Adieu. Поклонись отъ меня всѣмъ, кому пріятно вспоминать обо мнѣ. Естьли будешь у почтеннѣйшей Аннѣ Ѳедоровнѣ, то скажи, что отдаленіе не истребитъ во мнѣ чувствъ живѣйшей признательности и почтенія за всѣ ея милости, такъ какъ и ко всему почтенному ея семейству. Можетъ быть, Сухотины будутъ въ Москвѣ, и имъ засвидѣтельствуй также мое усерднѣйшее высокопочитаніе. Блудову, Губареву, всѣмъ, всѣмъ кланяйся— любящимъ и ненавидящимъ мя! Прости.

Можетъ быть, я съ братомъ скоро увижусь; а можетъ быть — и долѣе твоего. Авось не найду ли въ Гетингѣ отъ него хоть писемъ. Давно не имѣлъ объ немъ ни слуху, ни духу. Простите, простите; помните меня; еще долго не обниму васъ. Простите.

Ал. Тург.

2.

$\frac{7\ Ноября}{[28]\ Октября}$ [*1802 г.*].

Всегда, идучи съ Профессорской лекціи, пожалѣю, что нѣтъ со мной любезнѣйшаго Василья Андреевича. Какое бы удовольствіе было для тебя слушать у Бутервека Эстетику или Исторію у Шлецера! Нельзя ли тебѣ пріѣхать сюда? право бы, славно зажили! Здѣсь жить очень дешево и, право, поучившись здѣсь года полтора или два, незачѣмъ ѣхать въ другія мѣста, развѣ для удовольствія. Порадуйся, братъ, я начинаю понимать очень хорошо по Аглински — теперь перевожу Болингброка. Вообрази, какъ здѣсь дешевы эти уроки: луидоръ или 5-ть серебр. рублей за 24 часа. И кто же учитъ? Докторъ Философіи и Авторъ 15-ти разныхъ книгъ! Онъ путешествовалъ въ Азіи, Америкѣ и Африкѣ. Право, братъ, пріѣзжай сюда поскорѣе, я пробуду здѣсь, естьли можно, года полтора; на житье въ Парижѣ и въ Лондонѣ довольно будетъ и полугода. Я думаю, вы теперь ужъ знаете, что братъ оставленъ при Вѣнской Миссіи, я надѣюсь мѣсяцовъ черезъ пять, на ваканціи съѣздить къ нему. Что, братцы, ни одинъ изъ васъ по сю пору не напишетъ къ намъ ни слова? Мы не знаемъ, что объ этомъ думать. Ни отъ Батюшки, ни отъ Мерзлякова, ни отъ кого ни строчки; только получилъ я отъ Гейма записочку, и то ужъ мѣсяцъ тому назадъ. Какъ нетерпѣливо хочется знать о судьбѣ Университета. Чѣмъ то все это кончится? Шлецеръ посвятилъ Государю Нашему переводъ свой Нестора, онъ послалъ его къ Батюшкѣ — возьми, братъ, и прочти предисловіе его или посвятительное письмо Государю; по этому можно нѣсколько видѣть его образъ слога и мыслей. Какъ онъ прекрасно читаетъ свою лекцію! Совсѣмъ не съ той точки смотритъ на Исторію, какъ другіе, bon mot за bon mot, разсказываетъ анекдотцы о Вольтерѣ, какъ Вольтеръ писалъ Рос. Исторію, какъ онъ лгалъ въ ней. Намъ, Русскимъ, очень пріятно слушать у него; онъ очень любитъ Россію и говоритъ объ ней съ большимъ энтузіасмомъ. Я писалъ къ Бат., какъ онъ заключилъ одинъ разъ свою лекцію при Нѣмцахъ, говоря о славныхъ побѣдахъ и дѣлахъ Россіи: und endlich Theilung v. Deutschland durch Russland *commandirt!* Каково было Нѣмцамъ это слушать? Что естьлибъ такихъ Профессоровъ, каковъ онъ, Гайне, Бутервекъ, Буле и проч., къ намъ въ Москву, однимъ словомъ — естьлибъ въ Москву переселился Гетинской Университетъ съ его Профессорами, привилегіями и съ его библіотекой! въ короткое бы время увидѣли прекрасныя слѣдствія; и естьлибъ студенты были: Мерзляковы, Жуковскія, Родзянки: а то здѣшнія Нѣмцы, право, недостойны такого единственнаго заведенія. Вообрази себѣ, что здѣсь на этихъ интересныхъ лекціяхъ они спятъ и хвастаются этимъ; c'est ici du bon ton! Я не могу на это равнодушно смотрѣть. И безъ всякаго стыда иной нарочно сядетъ противъ Профессора и спитъ. — Что, братъ, подѣлывается у васъ въ Москвѣ? Часто ли бываешь у С...ъ? Когда увидишь, то засвидѣтельствуй мои чувства, которыя я питаю ко всему ихъ семейству; они тебѣ извѣстны; я часто вспоминаю прошедшее и мало нахожу минутъ пріятнѣе тѣхъ, которыя я провелъ съ ними. Скажи, братъ, Костогорову, что я отъ него надѣюсь непремѣнно получить письмо; онъ не раздѣлается со мною безъ этого; по крайней мѣрѣ, пусть онъ пишетъ ко мнѣ хоть всякіе 6 мѣсяцовъ; а вамъ, братцы,

можно и почаще; надобно быть въ чужихъ краяхъ, чтобъ имѣть понятіе о томъ удовольствіи, которое чувствуешь, получа письмо изъ Отечества. Братцы! я въ васъ увѣренъ, что вы столько меня любите, что не откажете мнѣ этой радости. Теперь я очень радъ, что намъ можно съ братомъ способнѣе переписываться: денъ въ двадцать можемъ мы и письмо и отвѣтъ получить. Здѣсь часто бываютъ аукціоны книжныя; недавно мы много прекрасныхъ и для нашихъ лекцій нужныхъ книгъ купили очень недорого. Мы думаемъ по нашемъ отъѣздѣ отсюда переслать изъ Любека моремъ книги въ Петербургъ; въ этой надеждѣ купилъ я себѣ здѣсь маленькой минеральной кабинетецъ, онъ состоитъ изъ камней и рудъ, которыя находятся на горѣ Гарцъ; я заплатилъ 12 талеровъ. Въ Москвѣ этого не достанешь за эту цѣну. Прости, братъ! Мерзлякову мой поклонъ; ожидаю отъ васъ писемъ, авось хоть на этой недѣлѣ получу и отъ Бат.. Блудову, Губареву — всѣмъ, всѣмъ поклонъ отъ меня самой низкой. — Прощайте, братцы, пора опять приниматься за Исторію, которой я на эти полгода совершенно посвятилъ себя. Вчера слушалъ въ первой разъ концертъ здѣшній, въ которомъ я членомъ; играли и пѣли переложенныя на музыку Гайденомъ «Четыре времени года» Томсона. И музыка и стихи прекрасныя — et ceux, qui l'ont exécuté de même. Прости.

Твой вѣчной другъ Ал. Тур.

Естьли Воейковъ будетъ или теперь въ Москвѣ, то ему напомни обо мнѣ и обѣщаніе его писать ко мнѣ. Адресъ мой: A M-r Tourgueneff. Etudiant en droit, à Goettinguen. Auf der *Buchstrasse* beym Schuster Bieler — и живемъ то въ ученой улицѣ!

Приписка А. С. Кайсарова.

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья, Алексѣй Ѳедоровичь и Василій Андреевичь! Прошлую почту я къ вамъ не писалъ, право, не потому, чтобы мнѣ лѣнь была, но потому, что, право, мнѣ совѣстно заставлять васъ платить деньги почти, почти по пустякамъ. Что бы сталъ я вамъ говорить? что я люблю васъ? этого, братцы, и не ждите. Описывать Геттингенъ? Александръ Ивановичь, думаю, описалъ вамъ его пространно. Однакожъ, вѣдь и мнѣ надобно же вамъ что-нибудь сказать. Итакъ, слушайте! Здѣсь жить весело и скучно, какъ хотите; весело потому, что видишь то, чего въ Москвѣ не видимъ, слышишь, чего въ Москвѣ не скоро услышишь; а скучно жить сами вы знаете, когда далеко отъ тѣхъ, кого любишь, когда при этомъ еще не имѣешь объ нихъ никакого извѣстія, такъ напримѣръ, какъ я не знаю, что дѣлается съ Мату[шкой] и братцами. — Кто хочетъ учиться, тотъ можетъ очень легко здѣсь удовлетворить своей страсти. Я лѣнивъ очень. Съ какою бы пользою могъ ты, Мерзляковъ, здѣсь быть вмѣсто меня! Какъ бы охотно я уступилъ тебѣ половину *способности своей быть здѣсь!* Отъ меня, братцы, не ждите ничего, никакого прибавку къ тому, съ чѣмъ я простился съ вами. Но я не за тѣмъ и ѣхалъ, чтобы возвратиться филозофомъ. — Что дѣлается у васъ, братцы? Напримѣръ, ты, Мерзляковъ, читаешь ли Грековъ? читай, братъ, непремѣнно. Здѣсь славной для Греческаго и Латинскаго языковъ профессоръ Гейне, славной, говорю я, потому что онъ славенъ во всей Европѣ. Хорошо бы тебѣ его послушать. Ты, братъ Жуковской, въ дружбѣ ли съ Музами? Какой глупой вопросъ! Не-

ужели могъ ты когда-нибудь съ ними разсориться! Пишите, братцы, пишите. Знаете ли, что вы можете удостоиться видѣть свои творенія въ Гетт. библіотекѣ, потому что тутъ есть даже наша минея-четія. Кромѣ шутокъ, въ здѣшней библіотекѣ около 1000 нашихъ книгъ, естьли не больше; между (замѣтьте, что печатано изображеніемъ Фридриха Великаго, и очень похожо) тѣмъ какъ у насъ на Руси многихъ здѣшнихъ славныхъ книгъ и именъ не знаютъ. Знаете ли вы, что Бутервекъ, которой здѣсь читаетъ Эстетическую лекцію, есть тотъ самой, которой написалъ Донъ-Амара, которымъ вы такъ нѣкогда восхищались? Въ Лейбцигѣ лекцію Эстетическую читаетъ Платнеръ. Я былъ у него два раза. Какая физіогномія, какой даръ изъясненія! Онъ очень часто шутитъ на лекціи, и разумѣется, что его шутки не того совсѣмъ рода, которой Родзянка называетъ *нѣмецкими*. Здѣсь Кантова Филозофія en vogue. Многіе хвалятъ ее на своихъ катедрахъ, многіе бранятъ, многіе пишутъ *pro*, многіе *contra*. Естьлибъ вы видѣли самаго Канта! Я здѣсь видѣлъ его восковую статую: горбатой, плѣшивой, изуродованной старичонка. Но вѣдь вы знаете, что природа выбираетъ для хранилища своихъ таинъ не обыкновенные магазины. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ надѣюсь увидѣть его и Шиллера; оба они живутъ отсюда не далѣе, какъ верстахъ въ 150. Грѣшно, кажется, не съѣздить къ нимъ на поклоненіе. Здѣшніе профессоры на лекціяхъ рѣдко заглядываютъ въ свои тетради: не такъ, какъ у насъ! У насъ иные сами говорятъ: «семь лѣтъ читаю, но не понимаю»!—Между прочимъ, простите, любезнѣйшіе друзья! Будьте здоровы! Право, не отказался бы писать къ вамъ, свободнаго времени у меня много; но, право, совѣстно. Покажите Антону Антоновичу мое приписаніе.

Вашъ А. К.

Милостивый Государь, Антонъ Антоновичь! Для вышеписанныхъ же причинъ не пишу и къ вамъ. Видитъ Богъ, что у меня бы на сердцѣ лежало, естьлибъ я ввелъ всякаго честнаго человѣка въ убытокъ по пустому. Послѣ этого, натурально, должно слѣдовать условіе, и вотъ оно: естьлибъ я могъ быть увѣренъ, что вамъ непротивно иногда знать объ участи человѣка, который вамъ вѣчно останется благодарнымъ, то я бы пріятнѣйшимъ долгомъ почелъ выполнить волю вашу. Потрудитесь сказать мое глубочайшее почтеніе Милостивому Государю Виктору Антоновичу, Михаилу Антоновичу и Варварѣ Алексѣевнѣ и пожелать имъ здоровья. Простите! Желаю вамъ всего, всего добраго! Вы по многимъ причинамъ имѣете право на это чистосердечное желаніе. То-то бы я обрадовался, естьлибъ получилъ отъ васъ хоть строчку! Простите еще разъ.

Преданнѣйшій А. К.

Въ началѣ письма приписка того же А. Кайсарова: Почтенному, любезному Василью Дмитріевичу и милому Аѳанасью Михайловичу усерднѣйше кланяюсь.

3.

[*4 января 1803 г.*] [1]).

Сейчасъ, любезнѣйшій другъ, получилъ и прочелъ письмо твое, которое въ первой разъ еще какой-то доброй геній внушилъ тебѣ написать ко мнѣ и

1) См. выше, Дневникъ, стр. 182.

которое начинается и кончится словомъ *Естьлибъ*. Ахъ, *естьлибъ* ты былъ не такъ вѣтренъ, и *естьлибъ* ты болѣе писалъ ко мнѣ о себѣ, а не о Ильинѣ, еще менѣе о его піесѣ, и *естьлибъ* ты писалъ ко мнѣ больше о томъ, что ты дѣлаешь, что ты чувствуешь, нежели что чувствуетъ и дѣлаетъ московская публика, когда представляютъ Ильина піесу! Но я благодаренъ и за это. Я бы очень радъ былъ, *естьлибъ* ты хоть по нѣскольку строкъ, только почаще относилъ въ почтовой день къ Батюшкѣ въ кабинетъ. Но скажи, для чего Мерзлякова ни слова не приписалъ и ты объ немъ также? Братъ во всякомъ письмѣ ко мнѣ и *удивляется и сердится и не понимаетъ*, что не имѣетъ отъ васъ ничего. Не повѣрите, братцы, какъ пріятно получать письма, особливо отъ васъ. Даже красной цвѣтъ сталъ для меня интересенъ, потому что der Briefträger ходитъ ко мнѣ въ красномъ кафтанѣ.

Почему ты говоришь, что это первое письмо получилъ ты отъ насъ? Развѣ не получалъ ты тѣхъ, которыя я писалъ къ тебѣ съ границы и изъ Лейбцига? Прежде я не писалъ ничего къ тебѣ особенно потому, что думалъ, что ты еще въ деревнѣ. А какъ скоро пріѣхалъ въ Гетингенъ, то съ тѣхъ поръ уже вотъ это пятое или шестое письмо. Справься, братъ, у Батюшки или у Мерзлякова. Скажи, съ кѣмъ ты, братъ, проводишь теперь свое время? Блудовъ въ Петербургѣ. Часто ли бываете съ Мерзляковымъ, и нѣтъ ли у васъ какого-нибудь новаго произведенія пера вашего? Нельзя, чтобы и въ Новой годъ Муза ваша молчала. Мы свой Новой годъ провели на лекціяхъ. Напиши, гдѣ Родзянка и что онъ теперь въ Петербургѣ, при должности ли. Естьли будешь къ нему писать, то скажи, чтобъ онъ написалъ къ намъ черезъ Петра Сергѣевича. Мнѣ бы самому хотѣлось пофилософствовать съ нимъ хоть въ письмѣ, естьли онъ такой же охотникъ до философіи. — A propos: вчера давали здѣсь концертъ: Гайденово *Твореніе*; только оно здѣсь en mignature, и совсѣмъ нельзя сравнить съ тѣмъ, что мы слышали въ Москвѣ, а братъ на прошедшей недѣлѣ слышалъ его въ Вѣнѣ, гдѣ дирижировалъ самъ Гайденъ.— Поздравь, братъ, Антона Антоновича съ будущимъ, а какъ письмо это придетъ, такъ ужъ прошедшимъ днемъ его Ангела. Скажи, что я все тотъ же робкой и почтительной передъ нимъ Тургеневъ, какой бывалъ во время оно. Этотъ день для меня, между прочимъ, памятенъ и потому, что обыкновенно мы послѣ обѣда не учились и пили за его здоровье КОФЕ и что 4-го году, какъ теперь помню, происходило у меня съ Губаревымъ кровавое сраженіе, послѣ чего неумолимой Баронъ Губарева не пустилъ, а меня прогналъ домой!

$\frac{22}{10}$ *Генваря.*

Это письмо должно было быть давно послано; но вѣтреность или, лучше сказать, право, недосуги задержали его. Признаюсь, братъ, тебѣ, любезнѣйшій другъ Василій Андреевичъ, что никогда голова моя въ такой ломкѣ не была, какъ теперь, слушая Кантову систему; даже математическая лекція кажется мнѣ теперь легче и понятнѣе! Но при всемъ томъ одна мысль, которую я пойму, вознаграждаетъ мнѣ цѣлой томъ *непонятнаго*. Какая чрезвычайная голова Кантъ! Недавно досталъ книгу, которая, кажется, поможетъ мнѣ вникнуть въ его философію: Paulus Septimius v. Bouterweck, автора Донамара. Онъ предложилъ въ ней всю систему Кантову, только обнажилъ ее отъ всѣхъ терминовъ. Что естьлибы теперь Родзянку на мое мѣсто! Онъ бы, мнѣ кажется, помѣшался снова на философіи; или бы, можетъ быть, и исцѣлился!

Постараюсь собрать для тебя портретовъ всѣхъ славныхъ мужей Германіи. Жалѣю, что изъ Лейбцига не послалъ къ тебѣ Шиллера; онъ у меня тамъ былъ! A propos: знаешь ли ты, что Шиллеръ странной въ своемъ образѣ жизни человѣкъ: днемъ спитъ, а ночью работаетъ или обѣдаетъ и ужинаетъ, и что онъ держится *того же правила, какъ и Діогенъ le cynique.* Понимаешь? И это точная правда; меня увѣряли люди, которыя его видѣли и персонально знаютъ. Онъ живетъ въ Веймарѣ. Я надѣюсь увидѣть его когда-нибудь и что замѣчу *подъ глазами*, о томъ напишу тебѣ обстоятельно. Непонятно, какъ по сю пору не подавило это въ немъ его піитическаго восторга.

Поблагодари, братъ, хорошенько за меня Марью Семеновну за ее приписаніе; также и любезнаго Александра Карловича. На слѣдующей почтѣ непремѣнно найду время самъ благодарить письменно за ихъ дорогое для меня воспоминаніе. Письмо къ Афанасьеву отдай, братъ, вѣрнѣе и скорѣе и попроси его, чтобъ онъ поспѣшилъ отвѣчать мнѣ на него. Кланяйся любезному другу Рахманову и скажи ему, что я *своей охотой* учусь математикѣ и что слушаю Гайденово «Твореніе» также своей охотой. Опиши, сдѣлай милость, и обстоятельнѣе все, что происходило на Пансіонскомъ АКТѢ; много обяжешь. Мерзлякова обнимаю. Прости.

Твой Ал. Тургеневъ.

4.

Гетингенъ. $\frac{13}{25}$ Апрѣля. 1803.

Христосъ воскресе!

Здравствуйте, любезнѣйшія друзья, Алексѣй Ѳедоровичь и Василій Андреевичь! Я не стану наполнять эту бумагу пустыми извиненіями (и упреками!), а лучше поговорю съ вами о себѣ и о васъ. Въ сію минуту вы разстаетесь, можетъ быть, съ одной веселой пасхой; а мы такъ и съ нашей ваканціей скоро разстанемся и снова начнемъ шмыгать по Профессорскимъ порогамъ. Какъ-то вы провели праздники? а мы въ день, егоже сотвори Господь, возрадовались и возвеселились. Наканунѣ свѣтлаго дня, собравшись вкупѣ, отслужили мы въ 12 часовъ по формѣ заутриню, похристосовались красными яичками; однимъ словомъ, сдѣлали все, какъ должно православнымъ христіянамъ Славено-Греческаго исповѣданія. Великолѣпное освѣщеніе нашей комнаты привлекло пропасть зрителей на нашу улицу; и по собственному ихъ признанію, иныя изъ нихъ восхищались, другія любовались нашей службой и благоговѣніемъ, которое царствовало при отправленіи оной. И на другой день по всему городу слышно: Ach, mein Gott, wie die Herren Russen andächtig sind! Что вамъ сказать о своихъ студентскихъ занятіяхъ? Во время ваканціи перебиралъ я, и перечитывалъ, и переписывалъ накопившіяся тетради во время полугодичнаго курса; но и сотой доли (ничуть не увеличивая) не успѣлъ передѣлать того, что надѣлано въ 6 мѣсяцовъ. Въ слѣдующій курсъ набралъ я, какъ увидите изъ письма къ Бат., еще больше Коллегій, которыя врядъ ли въ силахъ буду всѣ исправить; но прилѣжаніе будетъ самое желѣзное, какому вы едва ли повѣрите, зная меня за 8 мѣсяцовъ прежде. Но скажите, можно ли удержаться и не слыхать великаго Гайне, единственнаго Шлецера и прочую подобную братію? Поневолѣ родится прилѣжаніе и въ Ал. Тургеневѣ; и знавшія его *прежде* поне-

волѣ должны воскликнуть: c'est incroyable! Цѣлой мѣсяцъ собирались мы съѣздить въ Кассель и не собрались, а рѣшились ѣхать тогда, когда будутъ жаловать Ландграфа въ Курфирстры. Правду сказать, кто видалъ Павлову да Александрову коронацію, того Кассельской Ландграфъ при всей его Нѣмецкой внѣшности не удивитъ. Но дѣло въ томъ, что въ это время Кассель явится во всемъ своемъ великолѣпіи и мы можемъ видѣть прекрасныя сады, фонтаны, Музеумъ, картинную галлерею; словомъ все то, что одно описаніе плѣняетъ читателя; по мѣстоположенію Касселя сравниваютъ его съ волшебнымъ замкомъ. Естьлибъ только не было въ немъ видно блѣдныхъ лицъ и бросающейся въ глаза бѣдности жителей, кои удручены корыстолюбивымъ Ландграфомъ! — Какъ досадую я на самаго себя, что не взялъ вашихъ сочиненій съ собою; какъ хочется иногда прочесть что-нибудь изъ своихъ стихотворцовъ; а у насъ здѣсь ни Державина ни васъ нѣтъ. Съ какою бы жадностію схватилъ теперь вашу Славу и вашу Элегію! Поневолѣ повторишь опять то же да и то же: друзья мои! пишите хоть въ *полгода* разъ; пришлите что-нибудь изъ новыхъ вашихъ произведеній; вспомните объ оторванныхъ отъ васъ друзьяхъ вашихъ. Но полн[о]. Третьяго дня былъ здѣсь Коцебу и въ Прусской своей кавалеріи прохаживался по городу; но я не видалъ его; хотѣлъ іити къ нему, но не засталъ уже его; а я было уже и комплиментовъ наготовилъ. Вы, я думаю, читали въ газетахъ, что онъ самъ игралъ въ одной изъ своихъ піесъ, и, говорятъ, удачно очень; вѣроятно, онъ былъ настроенъ Ифландомъ и Опицомъ; послѣдняго я видѣлъ въ Лейбцигѣ; славной Актеръ!

Пора проститься съ вами, друзья любезныя. Низко кланяюсь всѣмъ моимъ пріятелямъ, знакомымъ и товарищамъ, Костогорову же, не взирая на его дѣвичью память, еще больше. Васѣ послѣ писать буду. Особенное почтеніе свидѣтельствую почтенному Никифору Евтропьевичу Черепанову. Вотъ сколько мѣста заняли однѣ поклоны. Но что и писать больше, не слыхавъ отъ васъ ни строчки больше мѣсяцовъ (sic)? Интереснаго обо мнѣ и для меня увидите, конечно, въ письмѣ къ Бат. и Мат.. Простите. Я вашъ тоже точно, какъ былъ и прежде. Простите.

Ал. Тургеневъ.

5.

[*Послѣ смерти Андрея Ивановича Тургенева*].

И я еще могу радоваться, о милый другъ Василій Андреевичь! Письмы ваши разтрогали охладѣвшее мое сердце. Лишенный всего, лишился я и всей душевной энергіи; сдѣлался равнодушенъ ко всѣмъ моимъ прежнимъ удовольствіямъ; но дружба ваша оживила меня; она вызвала меня изъ безчувственнаго усыпленія, и я на минуту проснулся; слезы полились, слезы, которыхъ сладости давно уже я не чувствовалъ. Я вспомнилъ объ васъ, вспомнилъ, что вы еще живете; но для меня ли? и съ тою ли же горячею дружбою? О друзья мои! Лучше бы и мнѣ заснуть, заснуть сномъ безпробуднымъ. Что мнѣ жить и жить одному, безъ брата и съ вами! Чѣмъ я больше люблю васъ, чѣмъ вы для меня теперь дороже и чѣмъ больше объ этомъ думаю, тѣмъ мысль эта для меня убивственнѣе. Я боюсь окружить себя вами; вы мнѣ напоминаете щастливое время жизни моей, и я не перенесу присутствія вашего безъ брата моего.

Лучше ожидать всеобщаго соединенія и отдать себя въ добычу грусти и несносныхъ слѣдствій разлуки. Лучше ожидать съ дѣтскою покорностію, пока насъ позовутъ всѣхъ на лоно къ Отцу Небесному. Рано или поздо мы всѣ туда соберемся; пока будемъ жить и по окончаніи каждаго дня надѣяться — авось слѣдующаго уже больше не увидимъ. Теперь ничто больше для меня не страшно, и я встрѣчу всякую боль тѣлесную больше нежели съ равнодушіемъ. Вотъ одно изъ тѣхъ слѣдствій, которому другія радуются и стараются пріобрести его; я безъ всякаго труда достигнулъ того мужества, которое другимъ такъ дорого достается.

А вы, друзья мои, вы меня вызываете изъ моего усыпленія; вы приводите меня опять въ тотъ міръ, которой лишился для меня всего, что меня къ нему привязывало. Ахъ, нѣтъ. Я виноватъ передъ вами и чувствую вину свою; но поймите печальное положеніе души моей; подумайте о томъ, что я теперь и чѣмъ навѣки остался — и вы мнѣ простите, друзья мои. Я самъ еще не могу въ полной мѣрѣ чувствовать своего положенія; не могу постигнуть величины своей потери. Но малу помалу время и печальный опытъ откроютъ мнѣ завѣсу, скрывающую отъ меня покуда мрачную судьбу мою въ будущей жизни моей. Не настоящее, но будущее для меня страшно.

Что я буду, естьли рука ваша меня не поддержитъ? Озлобленный на Судьбу и на себя самаго, кто помиритъ меня съ нею? Ахъ, нѣтъ, милый другъ мой! Иногда и сердечное умиленіе занимаетъ мѣсто ропота. Я становлюсь спокойнѣе, полагаюсь на невидимую Руку, тихое уныніе и скорбь овладѣютъ духомъ моимъ; я плачу, и стѣсненной груди становится легче. Ночью, когда ничто меня не разсѣеваетъ, бесѣдую я съ тѣнью брата моего. Боже мой! Что тогда происходитъ со мною! Самъ не могу разсѣять мыслей своихъ; вспоминаю прошедшее; но боюсь заглядывать въ будущность; день отъ дня становится она для меня ужаснѣе. Я думаю о великихъ обязанностяхъ, которыя лежатъ на мнѣ, какъ на сынѣ и на братѣ. Прости, братъ Жуковской! Люби меня изъ любви къ брату моему. Вѣрно, послѣднее слово его это же бы повторило. Естьли будешь въ Москвѣ, будь чаще съ братьями. Никогда не забуду благодѣтельной дружбы вашей. Мерзляковъ не оставляетъ и братьевъ моихъ. Прости.

Вѣчно твой Тургеневъ.

6.

$\frac{1}{13}$ Февр. 1804.

Здравствуй, милый и безцѣнный другъ Василій Андреевичъ! Ты въ Москвѣ и одинъ; и Мерзляковъ, можетъ быть, теперь уже въ Петербургѣ. Чувствую, въ полной мѣрѣ чувствую, каково тебѣ было пріѣхать туда, гдѣ ты живалъ съ другомъ твоимъ, гдѣ ты въ первый разъ познакомился съ нимъ и на вѣки разстался. (Помнишь ли — первое было въ нашей дѣтской?). Но что дѣлать? Что дѣлать? вотъ мой безпрестанной refrain. Будь, мой милой другъ, чаще съ Батюшкой и братьями. Напиши ко мнѣ объ нихъ. Какъ они переносятъ горе свое? Ты имъ долженъ быть еще теперь дороже; они видятъ въ тебѣ друга своего; они еще больше будутъ любить тебя. Напиши ко мнѣ обо всемъ, что ты увидишь. Мнѣ, право, братъ, иногда вдвое грустнѣе отъ того,

что я такъ рѣдко объ васъ слышу. Какъ будто бы никого ужъ изъ васъ, друзья наши, со мной не осталось! Ахъ, зачѣмъ же это все такъ перемѣнилось? Оживи во мнѣ прошедшую щастливую жизнь нашу, не позабудь меня. Нѣтъ, ты меня всегда любить будешь; по крайней мѣрѣ, за то, что я былъ первой, которой подарилъ тебя другомъ, такимъ другомъ, котораго ты, вѣрно, вѣчно не забудешь. Помнишь ли, братъ, что я первой познакомилъ васъ? Можетъ быть, вы бы и никогда другъ о другѣ не узнали, естьлибъ не я, естьлибъ наше пансіонское товарищество не свело меня съ тобою. Помнишь ли еще, братъ, что уже съ другаго свиданія вашего съ нимъ вы ужъ узнали и полюбили другъ друга? Братъ! люби меня хоть за это, хоть за то, что я былъ причиною столькихъ сладкихъ минутъ, которыя провели вы вмѣстѣ. Что дѣлать, что надобно было разстаться! Будемъ тверды и будемъ помогать другъ другу переносить горе свое, право, для меня одного несносное. Ему и нельзя было жить съ нами. Мы бы всѣ вмѣстѣ составили такую гармонію, которой здѣсь на землѣ быть не должно. Подождемъ немного: скоро, очень скоро и непримѣтно придетъ время, когда уже ничто, никакая горячка не разорветъ насъ другъ отъ друга.

Напиши мнѣ, какъ ты располагаешь вести жизнь свою; не сбираешься ли куда-нибудь? Не уѣзжай, братъ, естьли можно, не видавшись со мною, или пріѣзжай ко мнѣ. Думаешь ли ты вступить опять въ службу? Я такъ, братъ, во всемъ положился на Батюшку и Матушку; пусть со мною дѣлаютъ, что угодно имъ однимъ; я вездѣ и всегда буду доволенъ, лишь бы только съ ними быть чаще можно было и съ братьями. Конечно бы мнѣ хотѣлось въ тишинѣ заниматься больше Науками; но такъ какъ надобно жить такъ, какъ Богъ велитъ, а не такъ, какъ хочется, такъ я и рѣшился не плыть насупротивъ того вѣтру, которой понесетъ меня. Пусть располагаютъ мною тѣ, коимъ щастье мое дорого; мой долгъ повиноваться. Такъ думалъ и братъ мой; а для меня не осталось ничего священнѣе и вмѣстѣ ничего пріятнѣе, какъ ійти по слѣдамъ его. Что дѣлаютъ и помнятъ ли насъ наши прежнія знакомыя? Гдѣ ты бываешь чаще и кого видишь съ большимъ удовольствіемъ? Засвидѣтельствуй, братъ, душевное мое почтеніе Милостивой Государынѣ Аннѣ Федоровнѣ и всему почтенному ея семейству. Скажи, что мнѣ, хотя иногда горько, но все еще вмѣстѣ и пріятно вспоминать ея милости и время, которое я проводилъ въ ихъ обществѣ. Также и Милостивой Государынѣ Марьѣ Семеновнѣ не забудь напомнить обо мнѣ и засвидѣтельствовать мое истинное почтеніе; такъ какъ и любезнѣйшему другу и прежнему сотоварищу Александру Карловичу.

Сдѣлай милость, братъ, освѣдомься и увѣдомь меня, гдѣ бумаги братнины, мои письма, книги его, платье и все, все; у Батюшки ли все это, или еще въ Петербургѣ? Сохраните всѣ его остатки. Сдѣлай милость, напиши пообстоятельнѣе.

Прости, милой и любезной другъ Василій Андреевичь! Васю попроси еще, чтобъ написалъ ко мнѣ, и пожми у него за меня руку. Онъ мнѣ сталъ еще дороже; мы не позабудемъ другъ друга. Прости, братъ.

Тв[ой] Тург.

На оборотѣ: Василію Андреевичу Жуковскому.

II.

Письма[1]) А. С. Кайсарова къ Андрею Ивановичу Тургеневу изъ Геттингена.

1.

1802 г. $\frac{31}{19}$ октября.

...Пора поговорить о себѣ. Ты знаешь, что я ѣхалъ изъ Россіи съ тѣмъ, чтобъ путешествовать только. Зачѣмъ путешествовать? Чтобъ узнать людей въ разныхъ ихъ видахъ, а больше чтобъ узнать самаго себя во многихъ случаяхъ. Ужъ и въ Лейбцигѣ будучи, думалъ я только пробыть около полугода, только для того, чтобъ не отстать отъ своихъ товарищей, а между тѣмъ ходить лекціи на двѣ. Пріѣхавши въ Геттингенъ, планъ мой совсѣмъ перемѣнился. Я подумалъ, что не худо будетъ, естьли я буду ходить больше, нежели на двѣ лекціи, — и хожу на шесть; подумалъ, что въ полгода мало дѣла сдѣлаю, — и положилъ остаться здѣсь на полтора года. Я слушаю здѣсь Химію, Древнюю и Новую Исторію, Логику, Русскую Исторію у Шлецера — эта лекція больше, нежели историческая, — Эстетику у того самаго Бутервека, которой написалъ Дон-Амара. Между тѣмъ учусь по-англински, нѣмецки, италіански и иногда по-латынѣ, и такъ вотъ ужъ 10 часовъ у однихъ только учителей сидѣть; сверьхъ того, надобно иногда почитать, пробѣжать то, что слышалъ. Суди же, можетъ ли быть у меня беззаботная жизнь, отъ которой обѣщаешь ты мнѣ излеченіе. — Какой мой будущій планъ? Богъ знаетъ! Я впередъ не думаю. Кажется, до сихъ поръ я твердо положилъ не вступать никогда въ службу, быть тѣмъ, что я теперь. Этимъ я ничего не теряю, естьли и не выигрываю. Я *собинъ*—кому будетъ нужда въ чинахъ моихъ? Впрочемъ, что есть постояннаго въ этомъ свѣтѣ! Можетъ быть, завтра же планъ мой перемѣнится и десять новыхъ заступятъ мѣсто его. И объ этомъ бы я не сталъ думать, естьлибъ иногда отъ скуки не вспадало это на мысль. И здѣсь скучно очень часто бываетъ. Отъ мату[шки] и братцовъ ни строчки не имѣю и не знаю, что съ ними дѣлается, что объ нихъ подумать. Пишу, пишу къ нимъ, а они все молчатъ.

...Здѣсь я нашолъ для себя то же, что въ Москвѣ были Воробьевы горы. За милю отсюда есть развалины стариннаго замка на высокой горѣ въ лѣсу; туда хожу я часто съ Воиновымъ, часто, т. е. только по воскресеньямъ. Хотя и сегодня воскресенье, но я остался дома для того, чтобъ написать къ тебѣ что-нибудь.

2.

[*Ноябрь 1802.*]

Здравствуй, любезный Андрей Ивановичь! Тысячу разъ и тебѣ спасибо за твое довольно большое письмо. Перестань думать о моемъ здоровьѣ! Дастъ

1) Письма приводятся въ выдержкахъ.

Богъ, все поправится, все пойдетъ лучше! Ты говоришь мнѣ объ моихъ занятіяхъ: зачѣмъ учусь я по-италіански? Правда, что можно читать въ переводахъ почти все, что писано на Италіанскомъ; но какъ ты могъ выдумать такую причину для того, чтобъ увѣрить, что Итальянской языкъ можно отбросить! Я люблю Нѣмцовъ за ихъ вѣрные переводы; но сравни ихъ lieben съ Италіанскимъ amare, ихъ Lust съ piacere! О логикѣ, братъ, ты напрасно такъ думаешь. Не довольно, очень даже мало читать одного Кондильяка! Здѣсь объ немъ и не поминаютъ совсѣмъ. При томъ же здѣсь вмѣстѣ съ логикою читается и метафизика. Знаешь ли, что я бы желалъ и очень, очень бы радъ былъ, естьлибъ ты отложилъ свое сужденіе и въ праздные часы, которыхъ для это[го] найти можно, хотя бы иногда ходилъ прослушивать логику. Я твердо увѣренъ, что Французъ и въ половину не можетъ достигнуть нѣмецкаго глубокомыслія. Ты, вѣрно, не покосишся на меня за такое желаніе. Я себѣ желаю успѣха, могу ли же тебѣ не желать? Объ Англинскомъ что тебѣ сказать? я въ этомъ терпѣливѣе, нежели сколько ожидалъ отъ себя. Я надѣюсь черезъ полгода начать понимать хоть немного Англинскія книги; другія полгода буду усовершенствоваться въ чтеніи, третьи—тоже, а наконецъ, проживъ въ Англіи полгода, думаю, что не совсѣмъ худо буду говорить по-англински. Латынь! кто хочетъ заняться чѣмъ нибудь книжнымъ, тому безъ латыни не совѣтую приступать. Спасибо тебѣ, что ты хотѣлъ посмѣяться на мой щетъ. Родня Стерна!! Доброй ты, впрочемъ малой; но такъ браниться не надобно. Книгу я нашелъ здѣсь за луидоръ, слѣдовательно, она мнѣ не надобна. Новая коммисія тебѣ: пожалуста, сходи въ Illirische Druckerey, выпроси тамъ каталогъ книгъ и скорѣе, пожалуста, какъ можно, пришли его ко мнѣ.

3.

Потерпи, братъ Андрей Ивановичь, еще недѣльки двѣ; я буду въ состояніи въ это время прислать тебѣ талеровъ 200. Но чуръ—не отговариваться! Естьли ты мнѣ ихъ назадъ пришлешь, то я могу также ихъ опять послать. Естьли ужъ и *кромѣ другаго прочаго* ты думаешь, что я не долженъ этого дѣлать, то и тутъ ты ошибаешься, потому что тебя ввелъ въ нужду Петръ, а у меня есть теперь деньги, то я долженъ его оправдать. Но полно объ этомъ! Сейчасъ проѣзжалъ здѣсь сынъ короля Англинскаго, я видѣлъ его очень хорошо, а Алекс[андру] Ивановичу не удалось его видѣть. Ребятишки въ слѣдъ за нимъ пустили громкое *уу*, ни одинъ студентъ не снялъ передъ нимъ шляпы. Спасибо хоть тебѣ, что ты прислалъ Петрово письмо; я не зналъ, что думать; однако, не меньше того меня все безпокоитъ, что я еще не знаю навѣрно, что съ ними дѣлается, что ихъ участь. Имъ надобно служить и дослуживаться. Плохо, что у нихъ тамъ не уставится ничто; но это вѣдь и вездѣ такъ. Я радъ, что Магницкой пріѣхалъ; теперь Петръ въ восхищеніи, они могутъ возобновить свое старинное житье. Что-то Михайло! Мнѣ страхъ какъ досадно, что онъ не въ Геттингенѣ! Петербургская дорога не для него. Кажется, что съ нимъ бы и я гораздо больше успѣлъ, нежели сколько успѣть надѣюсь. — Да, я забылъ тебѣ сказать, что ежели хочешь, то я буду тебѣ сказывать, какіе книги рекомендуютъ Бутервекъ и Буль читать. Я страхъ какъ люблю ихъ обѣихъ. Ихъ называютъ Геттингскими Филозофами. Особливо Буль! Что ежели бы Родзянко слышалъ нынѣшнюю его лекцію о пространствѣ, Raum? Кажется бы онъ еще больше съ ума сошолъ.

Шлецеръ приглашается въ Петербургъ съ чиномъ Стат. Совѣтника и съ званіемъ Исторіографа Россійскоі Исторіи. Но здѣсь еще не знаютъ, приметъ ли онъ это предложеніе.

Я, братъ, немного начинаю понимать по-англински, хотя очень лѣниво учусь. По-італіански читаю комедіи Albergata Capacelli одинъ. По-нѣмецки суюсь говорить со всякимъ; но все бы это отдалъ за одну Латынь! Безъ нее ни къ чему приступить нельзя,—такая причина! Въ Геттингенѣ на первой случай кладу я пробыть два года; естьли буду самъ собою доволенъ, то, можетъ быть, рѣшусь и долѣе гораздо пробыть.

Прости пока! Я въ короткое свободное время успѣлъ къ тебѣ столько написать, а ты все потчуешь строчками.

Прости.

Не забудь о каталогѣ.

Декабря 7
Ноября 25 1802.
Goettinga.

4.

Кажется, пора мнѣ прііiти въ раскаяніе и хоть строчку написать къ любезному Андрею Ивановичу! такъ думаю я всякой день, раскаяваюсь,—и только что раскаяваюсь. Два письма получилъ отъ тебя и не отвѣчалъ на нихъ—это не честно! Ну, да вѣдь ты не кто другой, ты скорѣе всѣхъ простишь меня. Естьлибъ ты зналъ всему этому причину! О братъ! давно ли давалъ я тебѣ совѣты! давно ли, подобно Златоусту, грѣмелъ (s.) я мораль! Теперь все иное. Братъ! я влюбленъ. «Ну, это не новое», скажешь ты. Тебѣ надобно все разсказать обстоятельно, ты долженъ все знать. Слушай же! Наканунѣ нѣмецкаго новаго года, когда у насъ не было лекцій, собрались мы всѣ Русскіе встрѣчать новой годъ версты за четыре отъ Геттингена въ Töpilz-Hausen. Въ городѣ въ эту ночь бываетъ обыкновенно студенческій бунтъ. Насъ было человѣкъ двенадцать, и всѣ, сколько кто могъ, подфрамбуазились. Здѣсь увидѣлъ я въ первой разъ Hanchen. Вся наша сволочь подбивалась къ ней, но всѣмъ былъ преужасной отпоръ. Я не подбивался, а какимъ то непредвидѣннымъ случаемъ сѣлъ подлѣ нее, и такъ какъ ты ужъ давно знаешь, что я не только пьяной, но и тверезой часто бываю веселой парень, такимъ образомъ, подсѣвши къ ней, началъ буфонить. Ничѣмъ такъ скоро нельзя заставить себя примѣтить, какъ этимъ. Не долго посидѣлъ я такъ и, наконецъ, какъ будто въ шуткахъ схватилъ ее за руку; рука не вырывалась у меня. О! ето доброй знакъ, думалъ я. Скоро потомъ начались у насъ переговоры глазами — и только. На другой день мы пошли въ Геттингенъ, всякой изъ насъ шелъ съ чѣмъ-нибудь новымъ,—иной съ больною головой отъ похмѣлья, другой съ ушибеною ногою; я во всю дорогу шолъ съ мыслею объ Hanchen.

Въ другое воскресенье пошолъ я туда опять съ двумя товарищами, понесъ конфетъ и игрушекъ ея дѣтямъ; оттуда воротился съ пѣсенкою, которую она мнѣ подарила. Въ третье, т. е. прошлое воскресенье пошолъ опять туда съ тѣми же гостинцами. Тамъ товарищи мои подкуликали, я самъ былъ навеселѣ, иначе бы я не могъ говорить ей того, что я говорилъ. Она меня все проситъ, чтобъ я пѣлъ ей нѣмецкія и рускія пѣсни. Домой воротился я съ платкомъ, ко-

торой она для меня сняла съ шеи своей. Завтра, т. е. въ воскресенье пойду опять туда же.

Что морить тебя длиннымъ описаніемъ? Довольно, что я влюбленъ по уши и, естьлибъ не стыдно было говорить піитическимъ языкомъ, то я бы сказалъ, что весь горю пламенемъ. Ахъ, братъ, естьлибъ ты видѣлъ ее, какъ она мила! Но кто она? спросишь ты. Hanchen—22 лѣтняя, что—не умѣю сказать тебѣ. Въ Гет. былъ докторъ, которой обманулъ ее и сдѣлалъ двухъ дѣтей. Она хороша, но, что всего лучше, у нее предоброе сердце. Я, кромѣ любви, не могу смотрѣть на нее равнодушно. Къ ней-то бы, братъ, можно сдѣлать надпись: Melancholy murked it forits ow'n! только съ лучшимъ правописаніемъ. Естьли ты хочешь со мною поговорить объ этомъ, то я бы желалъ, чтобъ это было сдѣлано такъ, чтобъ никто кромѣ меня этого не зналъ, потому что я только одинъ это знаю до сихъ поръ и не хотѣлъ бы дѣлать гласнымъ. Отъ тебя я не могъ скрыть этого. Ахъ, братъ, не вѣрь веселому письму моему! Естьлибъ ты заглянулъ въ бѣдное мое сердчишко! оно очень, очень часто и тяжко вздыхаетъ.

Что за непонятное чувство любви! Живешь безъ любви — скучно, влюбишься—еще скучнѣе. Со всѣмъ тѣмъ ты не морщься на меня, я коллегій своихъ не оставляю и все съ прежнею ревностію учусь. Это можешь ты видѣть изъ того, что я посѣщаю Töpelz-Hausen только по воскресеньямъ.

Но полно о пустякахъ, non ad hanc!

Мнѣ должно отвѣчать тебѣ на всѣ твои вопросы. Объ Философіи спрашиваешь ты меня. Здѣсь большая часть Кантіанцовъ, и вообще Буль и Бутервекъ большіе его почитатели. Кромѣ того, тебѣ надобно знать, что Буль и Бутервекъ друзья большіе и соученики. Буль—голова глубокомысленная, Бутервекъ премилаго характера, примѣчательной физіогноміи и не больше какъ лѣтъ 30. У Мартенса я ничего не слушаю; однако, хотя дипломатика и не моя часть, я думаю у него выслушать курсъ. Лѣтомъ думаю я взять поменьше коллегій, надобно гулять мнѣ лѣтомъ больше. Буль большой защитникъ Спинозы, также какъ и Гердеръ, котораго книжку Gott совѣтовалъ бы я тебѣ прочесть. Я совсѣмъ другія мысли получилъ о Спинозовой системѣ, прочитавъ Гердерово Gott. Спиноза былъ не изъ обыкновенныхъ головъ, мысль о Богѣ могутъ только такія головы вмѣщать, какъ его. Спинозу не поняли и назвали атеистомъ, политеистомъ, хотя онъ не былъ ни то ни другое, хотя былъ жидъ; но былъ лучше насъ правовѣрныхъ. Это обыкновенная участь людей, которые примѣтны въ числѣ дураковъ своимъ умомъ. Въ то время, какъ вся Европа и большая часть Азіи спорили о существѣ Бога, не понимая, что такое Богъ, въ то время и Аріа прокляли, потому что тупыя поповскія головы не могли такъ думать, какъ онъ думалъ.

Мнѣ слишкомъ мало время, или и почти нѣтъ для того, чтобъ пользоваться здѣшнею библіотекою, однако я иногда беру книги, но только для повторенія того, что слышалъ въ коллегіяхъ. Естьлибъ я пріѣхалъ сюда съ нѣмецкимъ латинскимъ и англинскимъ языкомъ, то могъ бы въ тысячу разъ больше успѣть, нежели теперь. Я писалъ ужъ къ матушкѣ, что, ежели бы можно было, то я бы лѣтъ пять не выѣхалъ изъ Гетт.. Со всѣмъ тѣмъ, я все еще не теряю надежды (ежели не останусь здѣсь на такое долгое время) когда-нибудь еще разъ быть здѣсь. Почему бы намъ вмѣстѣ съ тобою не сдѣлать этого вояжа? Братъ! учиться никогда не поздно; но горе, естьли пропустишь молодыя лѣта! Мнѣ жаль очень Воейкова. Онъ получилъ такія дарованія, которыя не всякой полу-

чаетъ—и теряетъ это по-пустому; какой то вѣтеръ, какая-то самая непростительная суета и увѣренность большая въ себѣ мѣшали ему до сихъ поръ заняться чѣмъ-нибудь. Какъ бы я дорого заплатилъ, естьлибъ мой Михайло могъ быть въ Геттингенѣ. Жаль, ежели его дарованія такъ останутся. У насъ на Руси еще слишкомъ холодно, и естьли не выѣдешь отогрѣть своего ума въ чужія краи, то можно современемъ его совсѣмъ заморозить. Родзянка, кажется, здѣсь не много бы выигралъ: онъ сталъ бы пренебрегать мнѣніями другихъ, а это ужъ большая бѣда.

Все, что я до сихъ поръ знаю, что писалъ Бутервекъ, есть его Философическія афоризмы, Исторія поэзіи и краснорѣчія, Дон-амаръ. Онъ много писалъ; но я до сихъ поръ еще не имѣлъ время объ этомъ поговорить ни съ кѣмъ. Буль написалъ семь прекрасныхъ томовъ Исторіи Философіи, Метафизику, Логику; онъ также издалъ Аристотеля на греческомъ съ своими примѣчаніями, а это мудреная штука, братъ.

Не знаю, что мнѣ думать о матушкѣ, о братьяхъ! до сихъ поръ ни строчки! удивительно! Больнымъ имъ нельзя быть; батюшка бы въ послѣднемъ письмѣ, гдѣ онъ и ко мнѣ приписываетъ, сказалъ бы что-нибудь. Письмамъ также всѣмъ пропасть не можно.

Ив[анъ] Вла[диміровичъ] скоро будетъ въ Петербургѣ и тебя вызовутъ на Русь. Жаль, братъ! Я было думалъ черезъ нѣсколько мѣсяцовъ тебя увидѣть.

Отпиши, надобно ли тебѣ денегъ; сегодня, вѣрно, получу я изъ Лейбцига мои. Пожалуста, правду скажи.

Прости, любезной другъ, будь здоровъ! душевно обнимаю тебя.

1803 Генваря $\frac{3}{14}$.

III.

Письма М. Я. Мудрова къ Ивану Петровичу Тургеневу.

1.

Милостивой Благодѣтель
Иванъ Петровичь!

Прощайте мнѣ великодушно, что я пишу вамъ короче, нежели Вы ко мнѣ. Не экономія бумаги, но искупованіе времени дѣлаютъ меня краткимъ въ объясненіи на щотъ примѣрнаго добродушія Вашего. Благодарю Васъ покорно за присылку денегъ, трехъ сотъ тридцати семи талеровъ. Дожиданіе ихъ научило меня вытерпѣть довольно нужды. Не примите сихъ словъ за жалобу; нужда научила меня быть благоразумнѣе. Щоту полугодовыхъ моихъ издержекъ не могу по сихъ поръ привесть въ порядокъ, дабы дать вамъ подробной отчетъ. Коротко: я оставался должнымъ за лекціи профессорамъ болѣе 75 талеровъ, кои теперь заплатилъ изъ полученнаго жалованья, кромѣ 59 талеровъ, заплаченныхъ при началѣ курса: итакъ, одни лекціи стоятъ 135 талеровъ въ полгода.

Для удовлетворенія прожорливости на голодноїі сторонѣ задолжалъ до 15 талеровъ, ибо 40 талеровъ, оставленные мною для непредвидимыхъ случаевъ, издержаны во время безденежія. Книги, инструменты и переписка лекцій такъ же мнѣ стоятъ. О, когдабъ эти вещи можно было обратить на щотъ и пользу Университета! При семъ прилагаю я просительное письмо въ Конференцію съ молчащимъ голосомъ о прибавкѣ жалованья и съ открытымъ выраженіемъ: не намъ, не намъ, а имени Твоему! — Просить прибавки жалованья трудно при столько большомъ жалованьѣ. Мнѣ кажется (мы такъ разсуждаемъ между собою), что и мы бы не повѣрили будущимъ просителямъ. Духъ истинны, доброты и общаго блага къ Единству руководящаго да предстательствуютъ объ насъ предъ Особою Вашего Превосходительства! Мое усердное высокопочитаніе Ея Превосходительству и благословеніе чадомъ Вашимъ. Отъ Алек[сандра] Ивановича получилъ письмо. Увѣряетъ меня въ своей прилѣжности.

Вамъ преданный М. Мудровъ.

2.

Göttingen.

Милостивый Государь
Иванъ Петровичь!

Изъ Лейбцига прогулявшись въ Дрезденъ, наконецъ, сильно захотѣлось въ гости къ Александру Ивановичу, — и я очутился въ Геттингѣ. Вотъ уже болѣе недѣли, послѣ Берлинскаго глада — какъ быть къ стати — запаиваетъ и закармливаетъ онъ меня съ осени, дабы зимою въ Вирцбургѣ проѣзженные денги на Butterbrod'ѣ выворачивать.

Мы еще никогда не заснули съ нимъ ранѣе часа, прогуливаемся иногда по Кур-принцамъ, по Профессорамъ на лекціи и въ гости, такъ что, ежели Вашему Превосходительству угодно будетъ Николая И[вановича] либо Сергѣя Ив[ановича] послать въ Геттингъ, то можете отъ обоихъ насъ надѣят[ь]ся весьма сильныхъ адресовъ. Во всю недѣлю былъ я такъ сытъ и пьянъ, что теперь ничто въ горлушко нейдетъ, и каждой день збирались вмѣстѣ писать письма къ Вашему Превосходительству, но пера нѣкогда было взять въ руки до послѣдняго часа. Ибо завтра черезъ Кассель, Марбургъ и Франкфуртъ ѣду я въ Вирцбургъ, и по мѣсячномъ путешествіи начинаю учиться снова.

Только мы и въ Геттингѣ не все гуляли, я участвовалъ почти всѣмъ наукамъ Александра Ивановича, наслушался восторговъ и похвалъ Г. Шлецеру, довольно и ссоръ объ немъ же, удивился глубокому знанію ученика въ Руской Исторіи, и щунялъ за страшную охоту до книгъ сего рода, которую Вашему Превосходительству ограничить предоставляю, ежели не угодно будетъ прибавить еще тысячку.

Я же, глядя на примѣръ прилѣжнаго Друга, не опустилъ воспользоваться нѣкоторыми хваленными лекціями, а на щотъ будущей благостыни не усумнился взять самую лучшую лекцію во вселенной и въ Геттингенѣ, т. е. спасительное для всего рода человѣческаго повивальное Искуство у Г. Проф. Osiander и NB. *privatissime*. Хоть денегъ (30) тритцать Friedrichs d'ors, но надобно было доучиться ребятъ таскать за уши изъ темницы на свѣтъ солнца. Можетъ быть,

случиться за то заслужить поклонъ отъ чьей-нибудь Дѣдушкиной или Бабушкиной головы; такъ я и напередъ восхищаюсь. Да не позабудте, Ваше Превосходительство, о словѣ *Privatissime* — ибо ни въ одномъ Лексиконѣ нѣтъ настоящаго ему значенія — такъ какъ и о словѣ *Honorarium* навѣдаться у Г. Казначея Григорья Ивановича, либо отъ Старосты села Тургенева—Дениса.

Что до другихъ касается, то всѣ мои товарищи отъ ученія состарились въ полтретья года. А мы съ Александромъ Ивановичемъ отъ излишней прилѣжности какъ маковъ цвѣтъ цвѣтемъ. Сказываютъ, что я послѣ Берлинскаго поста помолодѣлъ и нисколько не перемѣнился, а Александръ Ивановичь отъ повседневныхъ лекцій и чтенія выросъ и потолстѣлъ. Андрей Сергѣевичь, сверхъ сочиненія, вечеромъ издаваемаго въ Геттингѣ подъ именемъ Рускіе щи, вѣситъ съ Александромъ Ивановичемъ силы царей и царствъ. Иванъ Алексѣевичь, въ тайнахъ Натуры углубившійся, всякую плесень на камешкахъ разсортировываетъ по пальчикамъ и Боже избави стереть! Иванъ Павловичь, или другой Skiadan, узнаетъ по взгляду, гдѣ мѣсто болѣзни, а я ежедневно потѣю, разыскивая тамъ, гдѣ ручки, гдѣ ножки лѣжатъ, и къ удовольствію моего учителя довольно проворно дѣлаю всѣ маневры съ дѣтками, какъ Суворовъ въ полѣ Марсовомъ—съ солдатами.

Но чтобъ не отступить далеко отъ матеріи, то я, возвращаясь къ періоду о казначеѣ и старостѣ, прошу препокорнѣйше и мое Honorarium прислать въ Вирцбургъ немедленно, и съ позволѣнія доложить, не дожидать сроку. А сверхъ онаго ежели Вашему Превосходительству опять *Privatissime сколько-нибудь* прислать заблагоразсудится, то Вы знаете, что я отъ сего никогда не отказывался.

Per transennam имѣю честь Вашему Превосходительству предложить для рѣшенія ариѳметическую задачу, извѣстную in Collegio Itinerario[1]) (Reise-Collegium по нѣм., читаемое Шлецеромъ) подъ именемъ *Путевыхъ издержекъ*, кои я изъ Берлина до Дрездена, отъ Дрездена до Геттингена употреблялъ и употреблю до Вирцбурга, гдѣ NB. я надъ живыми буду Cataractam и Lythotomiam оперировать.

Вотъ Вамъ чувства благодарности отъ благодарнаго человѣка. Прочтите писмецо сіе въ доброй часъ.

Мое всенижайшее высокопочитаніе Ея Превосходительству Милостивой Государонѣ Катеринѣ Семеновнѣ.

1803 года
Ноябр. 14 дня по нѣм.
Геттингенъ.

Totus Vester
Vobis Devotissimus
Matthias v. Mudrow.

3.

Милостивый Государь и Благодѣтель
Иванъ Петровичь!

Возвратясь отъ Католицкой Заутрины, празднующей Рожденіе Іисуса Сына Божія — прохожу мыслями домы моихъ благодѣтелей, друзей и сродниковъ. И мое сердце ихъ поздравляетъ. Я есмь сегодни и въ Москвѣ, въ Питерѣ, на Вологдѣ, въ Берлинѣ, и Геттингѣ. Вездѣ оставилъ Людей добрыхъ, любезныхъ, благодѣтелей и друзей, которые никогда не будутъ ко мнѣ равнодушны. Они

1) Въ оригиналѣ Vitinerario.

радуются при моемъ щастіи и заплачутъ, ежели я буду нещастливъ. Но до сего часа я не былъ еще нещастливымъ; ибо величайшее нещастіе, т. е. безпокойство духа уже облагороживаетъ существо человѣка и ведетъ его къ наслажденію самимъ собою и къ возбужденію внутренняго гласа. Даже тотъ, кто испыталъ жесточайшую школу нещастія, даже тотъ, кто въ другомъ потерялъ самаго себя, можетъ и долженъ преклонить колено предъ Правителемъ судебъ человѣческихъ и возблагодарить Его, что онъ далъ видѣть и насладиться плодами Его благословенія, и взялъ назадъ, дабы дать возчувствовать, сколь благъ, сколь милостивъ Господь, сколь сладки плоды Его. Тотъ, кто покланяется Богу живому, не ограничиваетъ себя ни временемъ ни пространствомъ. Онъ наслаждается прошедшимъ и будущимъ какъ настоящимъ, и наоборотъ. Онъ наслаждается отсутствующимъ, какъ вприсутствіи, и наоборотъ.

Но съ чемъ сравнять можно удовольствіе быть встрѣченнымъ послѣ разлуки? Такъ встрѣтилъ меня въ Геттингѣ Вашъ Александръ и повисъ на шеѣ. Его сердце не обманулось въ томъ, что Матвей пріѣхалъ видѣть его. Такъ оба мы встрѣчены будемъ въ Москвѣ и объимемъ отчую выю Твою.

Чтобъ не опустить случая предъ лицемъ Вашего Превосходительства возблагодарить и выхвалить университантовъ, я, оставя Intellectуальной міръ, перейду въ Геттинскіе предѣлы. Я сказалъ уже Вамъ въ прежнихъ письмахъ, что три недѣли гостилъ я у Александра Ивановича, тамъ ѣлъ, пилъ и спалъ. Андрей Сергѣевичь Кайсаровъ (коего всѣмъ любезнымъ братцамъ прошу отъ меня поклониться и поблагодарить ихъ за дружбу, каковою я въ Питерѣ имѣлъ честь и удовольствіе пользоваться) нисколько не хотѣлъ уступить въ гостепріимствѣ Александру Ивановичу, все возможное дѣлалъ и предпринималъ къ настоящему удовольствію и будущему благу дорогаго гостя.

Въ вечеръ моего отъѣзда Александръ Ивановичь былъ на балѣ съ Его Свѣтлостію у Шлецера, а Андрей Сергѣевичь давалъ щи для отъѣзжающаго. И первую рюмку Шампанскаго пилъ онъ за здравіе Друга Человѣчества, Ивана Петровича Тургенева. Онъ часто цитуетъ ваши слова и проч.. Кратко: молодъ— а прихватываетъ знатно: будетъ человѣкъ. Его провожанье для меня незабвенно. Не забудге за оное, прошу Васъ, поблагодарить Любезнаго Вашего Андрюхана.

Всѣ Геттинскіе учатся съ ревностію и славою. Но не потемнитъ Матвѣя, коего слава въ собственной груди его и у коего чувство любви непреоборимо. Онъ поставилъ себя выше обидъ, и несогласія соединяетъ въ Indifferenzpuncto. «Хорошъ дитя, скажете Вы, самъ себя хвалитъ!» Нѣтъ, отвѣчаю я, не самъ себя хвалю, но того, кто развернулъ сіи чувства. Однакожъ, не могу я похвалиться тѣмъ, что я въ Геттингѣ оставилъ миръ между братіею, хотя уѣхалъ сопровождаемъ всеобщимъ миромъ. Но это сказано не въ Конференціи, а въ кабинетѣ Вашего Превосходительства, дабы при случаѣ могли про себя объ томъ reflectіровать.

Теперь слѣдуетъ отчотъ ученія въ Вирцбургѣ. Главное мое упражненіе составляютъ Анатомія и Хирургія. Часъ по утру въ Госпиталѣ. Часъ слушаю Хирургію у Зибольда. Часъ у Шелинга die Naturphilosophie. А прочее время *работаю руками въ Анатоміи, препарируя и дѣлая Операціи.* Послѣобѣденной сонной часъ провожу надъ женскими костями, фантомами, трупами и одушевленными. Какова работка?! Die Naturphilosophie, — сколь трудная, столь и непонятная работа. Но теперь въ модѣ во всей Германіи. При всемъ томъ приближается къ духу истинны въ разумномъ мірѣ и есть основаніе совсѣмъ новой

медицины. Въ Вирцбургѣ не нашолъ я ни одного Трактира (Wirtshaus), гдѣ бы подъ вечеръ за хлѣбомъ, за солью объ оной и объ Шеллингѣ не толковали. Зимволъ С. Троицы изъясняетъ онъ изъ началъ своей Философіи и переходъ въ вѣчность называетъ absolute Freiheit.

Чрезъ три мѣсяца т. е. къ 1 апреля (по нѣм.) кончится курсъ лекцій. И я долженъ буду предпринять новое путешествіе. Но куда? По инструкціи въ Парижъ, *а по надобности въ Вѣну.* Въ Вѣнѣ намѣренъ я пробыть не болѣе двухъ мѣсяцовъ, а оттуда предполагаю чрезъ Италію и Швейцарію въ Парижъ. Александръ Ивановичь восхищался прожектами и хотѣлъ къ Вамъ объ этомъ писать. Но я въ этомъ его предъупреждаю. При семъ случаѣ не худо такъ же возвѣстить, что у Александра Ивановича денегъ при мнѣ не было, а книги и рѣдкости ученые закупаетъ. Я не понимаю, чего онъ стыдится писать о денгахъ, какъ будто прибавкою тысячи васъ раззоритъ; какъ напротивъ того, я ganz unbefangen не пропускаю случая, чтобъ не напомнить о деньгахъ. Теперь exempli gratia: у меня только 80 талеровъ (NB. въ Геттингѣ у Воинова занялъ 30, да у Кассіуса, коего имя припомните, яко достойное замѣчанія, 30 талеровъ, итого = 60) осталось. А потому, и ожидаю я и надѣюсь, что жалованье пришлете мнѣ до сроку. Въ сихъ спокойныхъ мысляхъ препоручаю себя благословенію Вашего Превосходительства. Свидѣтельствую всенижайшее высокопочитаніе Милостивой Государонѣ Катеринѣ Семеновнѣ и любезнымъ дѣтямъ Вашимъ.

Препокорнѣйшій Слуга
М. Мудровъ.

1803 года.
Декабря 26 дня.
Würzburg in Franken.

За два дни предъ симъ послалъ я Организацію Вирцбургскаго Университета въ Правленіе Имп. Моск. Университета. Не худо бы, естьли бы заблагорассудили оную къ Е. П. Михаилу Никитичу Муравьеву.

4.

Прибавленіе [1]).

Милостивый Государь и Благодѣтель
Иванъ Петровичь!

За тяжкою работою при постеляхъ больныхъ не было времени отправить письма цѣлые 19 дней. Вѣрить и не вѣрить сему есть воля Вашего Превосходительства. Причина толикой медленности была смертельная операція, уч[ин]енная моимъ учителемъ и другомъ, молодымъ Сибольдомъ, при которой meum judicium practicum водило рукою Оператора. Я здѣлалъ ею шумъ во всемъ Вирцбургѣ. Писалъ по латынѣ на славу. Сочиненіе перенѣмчено и выйдетъ на бѣлой свѣтъ въ Журналѣ Зибольдовомъ. А больной изволилъ скончаться — антоновымъ огнемъ. Ибо—де перевязывали не по моему. Та же участь будетъ можетъ (sic) послѣдовать и за моими операціями. Да пособить нѣчемъ.

1) Начало письма не сохранилось; это слово стоитъ въ оригиналѣ.

Любезный старикъ — любитель Рускихъ, Балдингеръ скончался. Передъ смертію удостоилъ меня любезнымъ письмомъ. Послѣ него осталась избраннѣйшая библіотека. *Неугодно ли купить?* Бѣдная жена по добротѣ и гостепріимству своего Авраама осталась въ бѣдномъ состояніи. Для Ивана Алексѣевича Двигубскаго, обѣщавшаго пріѣхать въ Марбургъ, и комната, и постеля, и столъ были готовы, и ключи отъ библіотеки лѣжали на (торѣлкѣ) на подносѣ. Иванъ Алексѣевичь занемогъ — за то я выгостился у любезнаго Старика — только у него не жилъ. Онъ NB другъ Тедена и Стейна!!

На праздникъ Господень получилъ поздравительныя письма отъ Александра Ивановича. Исписалъ цѣлые три страницы, возвѣщая о книжныхъ авкціонахъ, которыя я ему запретилъ, и описывая délicatesse Караваннаго чаю — такъ, какъ будто бы словами меня угостилъ. Изволитъ такъ же преподавать отеческія наставленія въ избраніи моихъ лекцій и вопрошаетъ, для чего я слушаю лекціи Шелинга, увѣряя, что его Философія обратить in das absolute Nichts, и увѣщевая, что Зибольдъ одинъ можетъ удовлетворить моей дѣятельности. Сказано, правда, не дурно — да пахнетъ Шлецеровщиною, которая въ головѣ Александра Ивановича даже до облаковъ. Мнѣ очень хочется послать сочиненія Шелинговы въ Университетъ — да дражайшихъ денегъ только 50 талеровъ. Впрочемъ, я въ такой надеждѣ на семъ пунктѣ, что мнѣ кажется, что денги я получу тотчасъ. Прекращаю сію обильнѣйшую матерію о деньгахъ — есмь

Милостивой Государь
Вашего Превосходительства
препокорнѣйшій Слуга
Матѳ. Мудровъ.

1804.
Генв. 19/7.
Вирцбургъ.

Прошу не позабыть подумать о моемъ Путешествіи. Всенижайшее высокопочитаніе Милостивой Государонѣ Матушкѣ съ любезными дѣтушками.

IV.

Рѣчь А. С. Кайсарова въ 1-й день Пасхи 1803 г.

Любезные друзья!

Вотъ уже годъ, какъ мы сбираемся въ сіе мѣсто, посвященное Музамъ и удобренію сердецъ нашихъ; вотъ уже годъ, какъ мы вдвое больше нашихъ товарищей чувствуемъ доброе расположеніе къ намъ знаменитыхъ нашихъ начальниковъ; потщимся же и мы вознаградить сіе въ новый годъ съ новымъ рвеніемъ.

Теперь намѣренъ я предложить вамъ нѣкоторыя мои мысли о кротости, о этой любезнѣйшей добродѣтели, которая возвышаетъ и украшаетъ насъ во всякомъ возрастѣ и состояніи. Признаюсь, я не стихотворецъ и боюсь въ изо-

браженіи унизить небесную красоту моими грубыми красками; надобно испытать самаго себя, имѣю ли я какое-нибудь понятіе о добродѣтеляхъ, прежде нежели привыкну показать ихъ въ себѣ на самомъ дѣлѣ.

Всѣ добродѣтели тѣсно соединены между собою; нельзя быть исполнителемъ одной изъ нихъ, не будучи въ то же самое время исполнителемъ всѣхъ прочихъ. Говоря о кротости, чувствую я что-то еще болѣе: она даетъ тонъ нѣжный, пріятный всѣмъ добродѣтелямъ вмѣстѣ; всѣ они должны украшаться ею. Можетъ низкой, непросвѣщенный человѣкъ быть добродѣтеленъ; можетъ разбойникъ иногда отъ добраго сердца сдѣлать доброе дѣло: но это будетъ грубая добродѣтель! Катонъ, Драконъ были превосходны, великодушны, любили людей и отечество; но были грубы: потому что изъ лишней ревности или изъ честолюбія съ натяжкою казалися тверды, строги въ своихъ правилахъ! По моему мнѣнію, кротость есть плодъ просвѣщеннѣйшаго ума, опыта, самой чистѣйшей любви къ людямъ и добру!..

Отъ чего мы видимъ, что тѣ, которые испытали больше горестей, имѣли больше опытовъ, бываютъ кроткими и тихими? Человѣкъ узнаетъ самаго себя, увидитъ, сколь нужны ему другіе и сколько нуженъ онъ другимъ; узнаетъ свои слабости, свою бѣдность и превращается въ тихаго агнца! Каковъ былъ Сократъ!..

Начнемъ, любезные друзья, съ нашего возраста! Въ молодыхъ людяхъ также сіяетъ эта добродѣтель, только подъ другимъ именемъ, подъ именемъ *скромности;* приписывать каждому то, чего онъ стоитъ, не превозноситься своими достоинствами и не вынуждать нагло себѣ похвалъ; обнаруживать сіи чувства въ лицѣ, въ глазахъ, во всѣхъ своихъ поступкахъ; слушать тѣхъ, которые насъ умнѣе, и снисходить къ тѣмъ, которые отъ насъ могутъ научиться— вотъ честь и слава юношества! Кротость во всемъ своемъ блескѣ обнаруживается въ совершенномъ нашемъ возрастѣ; всякая должность, въ которую мы вступимъ, такъ сказать, освящается ею.

Мудрецъ съ кротостію наставляетъ заблудившихся, правосудный Судія со слезами сказываетъ приговоръ преступнику; Репнинъ [1]) плачетъ надъ трупами нещастныхъ, убитыхъ на сраженіи; оскорбленный съ радостью прощаетъ обиду своему ближнему! Скажите, напротивъ, что̀ мудрость, которая истекаетъ изъ устъ гордаго? что правосудіе въ устахъ жестокосердаго Радаманта? Оно свято, но *не между братьями!* Что прощающій обиды, естьли онъ прощаетъ или изъ презрѣнія къ оскорбившему или изъ сожалѣнія? что Герой кровожаждущій?... Вы дивитесь правосудію Аристида, но вы дивитесь еще болѣе, когда сей справедливѣйшій мужъ спокойно написалъ свое имя на изгнаніе по прозьбѣ незнающаго его человѣка и потомъ удалился изъ неблагодарнаго отечества, прося Боговъ, чтобы они содѣлали его еще полезнымъ своимъ согражданамъ! Теперь, я думаю, вы угадываете, какъ бы я опредѣлилъ *кротость.* Она есть склонность нашего сердца дѣлать всякое добро людямъ, брать участіе въ ихъ состояніи изъ одной *любви къ нимъ!* Богъ говоритъ о себѣ: *азъ есмь кротокъ и смиренъ сердцемъ.* Какой убѣдительный примѣръ подаетъ намъ Спаситель нашъ! Цѣлая жизнь его есть картина кротости! Цари земные! вы—образъ Бога, живущаго на

1) Это не въ воображеніи, но было въ самомъ дѣлѣ при Мачинской Баталіи. Когда Репнинъ одержалъ побѣду надъ Турками, пришли къ нему поздравлять; но увидя, что онъ плачетъ, спросили, что этому причиной? Отвѣчалъ онъ: я сражался за отечество какъ сынъ его, побѣдилъ какъ герой, а плачу какъ человѣкъ.

небесахъ! Тронъ вашъ долженъ быть основанъ на кротости и человѣколюбіи. Сіи *царственныя* добродѣтели должны начертать законы вашимъ подданнымъ! Любовь народа ничемъ инымъ вы не пріобретете, какъ вашимъ снисходительнымъ участіемъ и въ малѣйшихъ ихъ нуждахъ.

Справедливо сказалъ Петровъ: *Любови мзда любовь*; сеи любви душа и улыбка — *кротость!* —

V.

Письмо А. Ѳ. Мерзлякова къ Александру Ивановичу Тургеневу.

1803. VII. 23. Москва.

Что намъ дѣлать, милой мой другъ Александръ Ивановичь, что намъ дѣлать? Кто намъ скажетъ, для чего мы всѣ осиротѣли? Кто скажетъ причину, для чего страждетъ отецъ, которой шестдѣсятъ лѣтъ дѣлалъ добро, для чего страждутъ братья и друзья, которыхъ соединяло единственное желаніе — сдѣлаться подобными отцу своему?

Durum, sed levius fit patientiâ
Quidquid corigere est nefas!

Это говоритъ язычникъ. Но ты, носящій въ сердцѣ своемъ утѣшеніе, гораздо дѣйствительнѣйшее, ты, которой нѣкогда въ маленькой моей комнатѣ, часто говаривалъ со мною о таинственной судьбѣ человѣка столь сладко, столь отрадно, ты, молодой другъ стараго Фенелона, — для чего ты теперь не со мною? Для чего не могу я теперь тебя слушать и вмѣстѣ съ тобою плакать *отъ чего-нибудь сладчайшаго, нежели просто отъ горести*?..

Добрые твои родители и друзья твои ждутъ отъ тебя утѣшенія; для тѣхъ и для другихъ ты замѣняешь незабвеннаго своего брата и друга! тѣ и другіе смотрятъ на тебя слезящими глазами и говорятъ къ тебѣ безмолвнымъ своимъ унынiемъ: Богъ взялъ его отъ насъ! — повинуемся! Богъ милостивъ и справедливъ!.. Онъ хотѣлъ, чтобы ты замѣнилъ намъ того, котораго взялъ Онъ отъ насъ! Воскреси для насъ нашего сына, нашего брата — нашего друга! воскреси намъ его въ самомъ себѣ!.. Самъ онъ, отходя отъ насъ, поручилъ тебѣ эту священную должность! Самъ онъ запретилъ тебѣ предаваться излишней печали. Мы требуемъ отъ тебя его, а не твоихъ слезъ! Его замѣни намъ собою, и тѣмъ принеси ему лучшую жертву, какую только нѣжныя друзья другъ-другу приносить могутъ!..

Знаю, чувствую, совершенно чувствую всю великость твоей потери. И кто осмѣлится утѣшать тебя? Мы (я говорю отъ себя и добраго Жуковскаго), мы можемъ еще найти свою отраду: для насъ остался ты, живой образъ нашего друга; но для тебя?... для тебя никто не замѣнитъ его!

Мы не можемъ утѣшать тебя, милой другъ нашъ! Но ты имѣешь лучшій примѣръ для себя — въ почтенномъ своемъ Родителѣ. Мы можемъ представить

тебѣ его, и горесть твоя должна уменьшиться... Что наши опыты въ сравненіи съ его опытами? Онъ давно уже несетъ тяжкой свой крестъ. Добродѣтель его терпѣла и страдала: онъ перенесъ злобу и коварства людей; онъ утѣшался единственнымъ сокровищемъ добрыхъ — своею любовію къ Богу и добрыми дѣтьми своими. Посреди многихъ огорченій онъ воспиталъ милаго своего сына, нашелъ въ немъ, наконецъ, достойнаго себѣ друга и благословлялъ небеса, излившія на него многія нещастія... Вдругъ небо отрываетъ отъ него лучшую подпору его старости: онъ остался въ томъ же бурномъ и жестокомъ мірѣ. Онъ плакалъ; но слеза его была не слеза роптанія; она говорила на небо: *ты вѣси, что творишн, да будетъ воля твоя! Вѣра* отерла эту благочестивую слезу, и родитель твой, наконецъ, утѣшился!..

Вотъ образецъ, предъ коимъ благоговѣю я въ моей собственной горести! Вотъ образецъ для тебя, милой другъ мой, образецъ и правило, къ которому нѣчего намъ прибавить!.. Вспомни, чѣмъ ты обязанъ этому образцу, измѣрь его и свои чувства, его и свою потерю, вспомни, наконецъ, о насъ, — и сердце твое оживится.

Утѣшь меня, милой другъ мой, напиши ко мнѣ, каковъ ты и что ты дѣлаешь. Я очень обѣднялъ въ моемъ сердцѣ, и жду отъ тебя увѣрительной грамоты въ томъ, въ чемъ меня увѣрялъ безцѣнной другъ мой: онъ бывало всегда говорилъ мнѣ, что ты меня любишь. Докажи теперь мнѣ это; будь для меня моимъ Андрѣемъ Ивановичемъ, утѣшся и своимъ спокойствіемъ успокой меня.

Кажется, я еще не вмѣщаю въ себѣ всей моей горести: Кажется, я еще не вѣрю моему нещастію. Я не могу чувствовать всей моей потери. Другъ мой былъ больше, нежели обыкновенный другъ моей молодости. Онъ былъ бы впредь для меня нужнѣе, нежели теперь; я надѣялся жить и умереть съ нимъ... Горесть моя будетъ возрастать съ моими лѣтами и съ моими опытами. Люди своею злобою умножатъ еще болѣе цѣну его дружбы. Люди заставятъ меня нѣкогда жалѣть и плакать объ немъ больше, нежели сколько теперь могу плакать!..

Послѣднее милое письмо свое ко мнѣ (писанное за мѣсяцъ до кончины) заключилъ онъ сими словами: *Что наша жизнь? Море горестныхъ и лужа радостныхъ слезъ! И вы и я это знаете. Простите.* — Могъ ли я подумать, что это *простите* такъ много значило? могъ ли я подумать, чтобъ эта забавная и острая шутка была послѣднею отъ моего друга? Боже мой! будучи за 700 верстъ, онъ помогалъ мнѣ въ смертной моей болѣзни: а друзья его и не знали, что онъ страждетъ! Онъ писалъ къ Ивану Петровичу пѣпцись обо мнѣ, какъ о своемъ сынѣ: а я, выздоровѣвъ, не могъ быть при смертной его постелѣ! Умирая, видѣлъ я его подле себя—въ видѣ почтеннаго, добраго его родителя, которой навѣщалъ меня часто: а онъ въ послѣднюю минуту не имѣлъ и того утѣшительнаго чувства, что объ немъ плачутъ. Для того ли онъ меня сдѣлалъ здоровымъ, чтобъ я видѣлъ свое нещастіе?... Другъ мой! заклинаю тебя любовью твоихъ родителей, дружбою малинькихъ твоихъ братьевъ и друзей твоихъ,—не терзай себя горестью и живи для нихъ и для твоего Мерзлякова.

VI.

Письмо Жуковскаго къ Ивану Петровичу Тургеневу.

[*іюль 1803*]

Милостивый Государь
Иванъ Петровичь!

Не думаю и не хочу утѣшать васъ. Я слишкомъ чувствую свою и вашу потерю. Только нынче узналъ я о своемъ нещастіи. Что дѣлать? Мое сердце разрывается, но горесть и слезы его не возвратятъ. Ахъ, ударъ такъ неожиданенъ! Онъ такъ былъ достоинъ жизни! За что мы наказаны его потерею? Теперь, признаюсь, жизнь для меня потеряла большую часть своей прелести: большая часть надеждъ моихъ исчезла. Мысль объ немъ была соединена въ душѣ моей со всѣми понятіями о щастіи. Но я все не могу увѣрить себя, что его нѣтъ, и что я никогда не найду его въ этомъ свѣтѣ. Это ужасно! Думая о смерти, [н]е могу понять, что такое смерть, [чт]о значитъ потерять человѣка. [Кт]о бы это могъ подумать! Кому жъ [ж]ить, когда онъ умеръ такъ рано, имѣвши право жить и наслаждаться жизнію! Простите, естьли разтраиваю вашу горесть. Вы меня знаете. Вамъ должно быть пріятно, что есть люди, которые умѣю[тъ] знать всю великость его потери и чувствовать нѣкоторую часть вашей горести. Простите.

Вамъ
истинно преданный
Жуковскій.

На оборотѣ: Его Превосходительству Милостивому Государю Ивану Петровичу Тургеневу въ Москвѣ въ Университетѣ. 15. Белевъ.

VII.

Письмо Ивана Петровича Тургенева къ Жуковскому.

[*іюль—августъ 1803*]

Любезный другъ! Пріятнѣйшее и любезное писмо твое и второе и первое получилъ я въ свое время. Знаю душу твою, знаю любовь твою къ покойному, знаю, сколько конецъ ево тебя поражаетъ. Ахъ, любезный другъ! я съ тобою дѣлю горесть твою, дѣли же и ты съ нами печаль нашу. Многаго мы лишились въ немъ. Онъ былъ утѣшеніе мое въ мірѣ горестномъ, былъ отрадою серца моего. Я веселился, воображая, что имѣю въ немъ предостойнаго сына, воображалъ имѣть въ немъ истиннаго друга сердечнаго. Велика въ немъ потеря моя. Но что же? Ахъ, ужасная мысль! я разстался съ нимъ; не увижу ево, не услышу пріятностей разговора ево, не почувствую болѣе изліяніе серца ево въ душу мою. Но что же? Кто лишилъ меня его? Кто отнялъ у меня сокровище мое безцѣнное? Кто отнялъ у меня единственное мое утѣшеніе? Кто повергъ ево въ

гробъ, а меня въ горе, печаль и скорбь незабвенную? Опредѣленіе и воля того, кто всемъ располагаетъ, яко Богъ, яко вѣдущій настоящая и будущая, общій нашъ Отецъ, любящій насъ такъ много и такимъ образомъ, какъ мы любить не умѣемъ и еще не можемъ. Мы любимъ другихъ только въ отношеніи къ себѣ. Поелику себя любимъ, потолику любимъ и другихъ. Много любимъ для того, что они насъ любятъ, и мы ими утѣшаемся. Слѣд. любимъ себя въ другихъ, а не ихъ однихъ только. Nous aimons d'un amour melangé. Mais le vrai amour est d'aimer sans interet, aimer par ce que l'objet est aimable. Прямо любить есть любить единственно другова и въ себѣ любить ево, а не въ немъ себя. Любить прямо и истинно есть желать ему щастія, ево щастія искать, ево веселіемъ веселиться, себя и собою ему жертвовать; любить, что ево польза, ево спокойствіе, ево веселіе, а не мое составляетъ. Мой другъ! Богъ опредѣлилъ мнѣ терпѣть во времени, а ему жить и покоиться въ нѣдрахъ вѣчныя любви Божіей. Онъ живъ, живъ, любезный Андрей! Какъ ему быть мертву, когда ничто не умираетъ, а только вся измѣняется. Природа то доказываетъ, разумъ утверждаетъ, религія ясно учитъ.

Андрей былъ добръ, le fond de son âme était bon. Не успѣлъ онъ еще осквернiться, такъ чтобъ скоро не очистился. Пятны пороковъ еще не внѣдрились, не ... тировали [1]), не проникли существа души ево. Они удобно сняты и очищены могутъ быть. Вскорѣ свойствы безсмертнаго духа ево расширятся, онъ вскорѣ научится въ вѣчности тому, чему здѣсь съ трудомъ мы научаемся долго. Понятія его расширяться, связи невѣдомаго и мудренаго явятся ему въ простотѣ своей. Онъ, или прямо существо ево проникнуто будетъ свѣтомъ божественнымъ, все въ ясность приводящимъ. Онъ по гармоническимъ или симпатическимъ сношеніямъ скоро сопряжется, а наконецъ соединится и сольется со всеобщимъ Отцемъ нашимъ. Капля сольется съ океаномъ, такъ что и не найдутъ его. Тварь достигнетъ достойной цѣли своей, соединится съ Творцемъ, который весь, яко солнце въ маленькой капелкѣ, въ немъ вообразится.

Что есть смерть? Переходъ отъ времени въ вѣчность. Мой другъ! Или нѣтъ Бога, или мы Ево не знаемъ, или все то праведно и истинно, что святая религія и философія истинная, духомъ Божіимъ просвѣщаемая, насъ учитъ. Самый строгій разумъ, ежели не можетъ открыть тайны, религіею научаемыя, то не можетъ же и опровергнуть ихъ и не признавать ихъ, ежели онъ только не упрямъ и не совсемъ слѣпъ. Какъ мнѣ не предполагать безсмертія, когда и смерти нѣтъ? Трудно доказать и имѣть понятіе о ничтожествѣ и вѣчной смерти, но ничего нѣтъ легче и вразумительнѣе какъ жизнь, движеніе, сообразное и приличное всякой твари, умной и матеріальной.

Такъ, мой другъ, все живетъ, ничто не умираетъ, а только измѣняется и другой видъ и образъ пріемлетъ. Стоитъ только знать, что форма ничего не дѣлаетъ. Можно существовать и въ другомъ видѣ. Такъ, такъ, конечно! Какъ умереть Андрею? какъ погаснуть его искрѣ? Она только раздулась болѣе и превратится современемъ въ пламень, преграды возгаранія и расширенія уничтожатся. Чѣмъ долѣе, тѣмъ пламя его будетъ чище. Богъ премудръ, всесиленъ, всемогущъ. Ето говоритъ разумъ, чево же ему болѣе, противу етова разумъ ничего не скажетъ, да и нечево возразить. Разумъ не знаетъ только — какъ? въ етомъ ему покориться должно, утихнуть вопросами и въ молчаніи ожидать внушеній

1) Начало слова не разобрано.

сердечныхъ, того серца внушеній, кое просвѣтится духомъ святымъ по мѣрѣ чистоты, а чистота отъ дѣлъ и исполненія заповѣдей Божьихъ, или паче и единственно отъ благодати Божіей, дарующей вѣру, открывающей познанія, сообщающей смертныхъ съ безсмертнымъ. Благодать—даръ, милость Божія, даруемая Словомъ, воплощеннымъ Сыномъ Божіимъ, истиннымъ Богомъ.

Къ Мерзлякову я писалъ, но нѣтъ отвѣта. Ево просилъ и тебя прошу, сдѣлайте милость, утѣшайте Александра. Онъ еще не знаетъ, а скоро, скоро, на сихъ дняхъ узнаетъ. Я къ нему писалъ о кончинѣ 19 іюля. Утѣшайте ево, чтобъ онъ не сразилъ насъ, а себя берегъ для насъ и для братьевъ. Бога ради, пишите къ нему, просите, чтобъ онъ переслалъ къ вамъ письмы черезъ меня.

О подробностяхъ кончины немного слышалъ я отъ любезнаго и почтеннаго Петра Сергѣича. Занемогъ покойный отъ простуды. Ѣздилъ или ходилъ по дождю и въ мокромъ кафтанѣ, которой на немъ и высохъ. Занемогъ очень 5-го іюля, болѣзнь, страшная и крутая горячка съ пятнами, похитила ево у насъ 8-го числа въ 3 часа пополудни. Всѣ помощи медицыны, дружбы самой не могли помочь ему. Лѣчилъ лучшій медикъ Государевъ. Ив[анъ] Влад[іміровичъ] не не отходилъ отъ постели, а Петръ Сергѣичъ, по прозбѣ покойнаго и безпримерной любви, вся о себѣ нерадящей, даже лежалъ съ нимъ и не заразился. А мой цвѣтъ увялъ въ лучшую пору. Скосила ево жестокая смерть. Тѣло предано общему хранилищу—землѣ въ Невскомъ монастырѣ. Положенъ будетъ камень и будетъ тамъ покоится до дня явленія и развязки всеобщей, а духъ, между тѣмъ, переходить раіонъ бездны. Ахъ, мой другъ! Какъ не востать ему отъ тлѣнія? Какъ не ити къ цѣли, достойной человѣка, назначенной Богомъ! Творцемъ благимъ и мудрымъ? Здѣсь мы не достигаемъ цѣли, а бродимъ съ мѣста на мѣсто, не имѣя пункту твердаго. Тамъ фиксируемся. Иначе разсудокъ бунтуетъ. Кто здѣсь щастливъ? Кто блаженъ быть можетъ? Никто. Все — перемѣна, все—смѣшеніе. Тамъ постоянство. Недостойно было бы Творца инако думать. Самъ разумъ велитъ ждать лучшаго. О! ежелибъ можно было быть намъ въ реляціи съ отшедшими, они бы насъ увѣрили въ этомъ. Но покоримся судьбамъ Отца милосердаго и премудраго.

Стихи твои возвращаю я, не пошлю ихъ Карамзину. Дѣлай ты, что хочешь. А сжели захочешь ихъ напечатать ему стихи въ мое утѣшеніе, то подпиши имя свое и ево. Пусть знаютъ о вашей рѣдкой дружбѣ. А иначе я бы не желалъ. Онъ достоинъ былъ тебя, и тебѣ не стыдно публично сказать, кто онъ былъ и что для меня, для тебя и для многихъ. Впрочемъ, — будь воля твоя, Пиши, Бога ради, къ Александрѣ. Ему ето услажденіе великое будетъ. Онъ и такъ груститъ, что нѣтъ отъ васъ писемъ. Утѣшайте ево, чтобъ онъ хранилъ себя для насъ нещастныхъ.

Прости, сердечный другъ! Вѣрь, что я желаю тебѣ и не лщу, и вѣрь моимъ словамъ. Будь счастливъ, мнѣ это дорого, я желаю тебѣ всякаго блага.

Проси Мерзлякова, чтобъ онъ писалъ къ Александру. Успокоивайте меня и сами утѣшайтесь. Вы, дорогіе люди, любите меня, а я васъ вѣчно любить буду.

Петръ Сергѣичъ былъ здѣсь мало, ѣздилъ къ матушкѣ, а теперь въ Петербургѣ, и по возвращеніи отъ матушки былъ только $1^1/_2$ дни.

VIII.

Путешествіе[1]) русскихъ студентовъ по Гарцу.

Отрывки изъ путешествія по Гарцу въ 1803 году.

Не одно только желаніе разсѣяться послѣ утомительной сидячей жизни побудило меня оставить на нѣсколько дней тихое жилище Музъ: но мнѣ хотѣлось также испытать себя, могу ли я съ пользою путешествовать? Мнѣ хотѣлось пріучиться смотрѣть внимательнѣе на все, меня окружающее, и не пропускать ни одного предмета, достойнаго замѣчанія.

---

1) Съ $\frac{15}{27}$ сентября по $\frac{1}{13}$ октября 1803 г. компанія русскихъ студентовъ совершила путешествіе на Гарцъ. Въ письмѣ къ Батюшкѣ отъ 15 сентября Александръ Ивановичъ извѣщалъ, что на другой день т. е. 16 сентября они отправляются въ путь, запасшись «книгами, описывающими Гарцъ». По возвращеніи въ Геттингенъ, онъ сообщалъ ему же, что своего журнала перѣписать онъ не успѣлъ, но на слѣдующей почтѣ онъ его доставитъ (см. выше, стр. 113). Этотъ журналъ не сохранился, но сохранилась его настоящая позднѣйшая обработка, сдѣланная Александромъ Ивановичемъ и, повидимому, изготовляемая для печати. Описаніе путешествія въ сохранившемся видѣ постоянно прерывается историческими свѣдѣніями, которыя, какъ онъ самъ говоритъ въ заключеніи, вставлялись Александромъ Ивановичемъ уже при обработкѣ. Въ настоящемъ изданіи они выпущены, хотя надо имѣть въ виду, что не всегда можно выдѣлить позднѣйшія добавленія, такъ какъ, несомнѣнно, многое было уже взято изъ тѣхъ книгъ, которыя взялъ съ собой Тургеневъ въ путешествіе.

Въ записной книгѣ А. С. Кайсарова находится сдѣланный карандашомъ рисунокъ, изображающій «Спускъ въ Доротею на Гарцѣ», какъ гласитъ сдѣланная Кайсаровымъ подпись. Этотъ спускъ подробно описанъ Тургеневымъ. На рисункѣ путешественники изображены въ рабочихъ блузахъ, какъ говоритъ и Тургеневъ. Надъ нѣкоторыми поставлено по буквѣ, означающей, повидимому, фамилію лица. Такъ В(оиновъ) представленъ сидящимъ, С(улима) — уже спускающимся вторымъ въ шахту, за нимъ стоитъ К(айсаровъ), а за нимъ Т(ургеневъ); тутъ же нищіе-мальчики, о которыхъ говорится въ Путешествіи. Рисунокъ ниже воспроизводится. Въ Описаніи А. И. Тургеневъ говоритъ, что Сулима зарисовалъ нѣсколько ландшафтовъ Гарца, но настоящій рисунокъ принадлежитъ, несомнѣнно, Кайсарову.

Готовя къ печати свое Путешествіе, Александръ Ивановичъ предпослалъ ему слѣдующее предисловіе:

«Кто путешествовалъ не съ однимъ только намѣреніемъ пролетѣть землю — faire le tour de l'Europe въ два года и потомъ поставить въ уголокъ страннической посохъ свой — и имѣть право восхищаться красотами Натуры, кои какъ сонъ должны представляться ему, но съ желаніемъ увидѣть что-нибудь новое, избѣгнувши отъ наблюденій другихъ путешественниковъ, или хотя и повѣрить ихъ, — тотъ, вѣрно, чувствовалъ всю трудность такого путешествія; съ какими непріятностями и въ просвѣщенныхъ земляхъ нашей части свѣта должно сражаться тому, кто, несмотря ни на какія препятствія, хочетъ достигнуть цѣли своей!

Утомленный отъ продолжительнаго пути, пріѣзжаешь въ городъ, заботишься о спокойномъ ночлегѣ, сердишься на слишкомъ услужливыхъ трактирщиковъ и, наконецъ, надѣешься переселиться въ Морфеево царство: — въ самыя сіи минуты сказываютъ вамъ, что только въ этотъ день можно видѣть здѣсь какое-нибудь славное заведеніе, кабинетъ рѣдкостей, библіотеку, или — во всю недѣлю не будетъ другаго случаю. Что дѣлать? Надобно исполнять должность совѣстнаго путешественника. Въ сіи минуты, особливо естьли не имѣешь довольнаго хладнокровія, чтобы выносить несносную докучливость окружающихъ

Давно собирался я въ свободное отъ учебныхъ занятій время вмѣстѣ съ своими соотечественниками осмотрѣть прекрасныя окружности Гетингена; ближайшія мѣста были намъ уже извѣстны. Сколько разъ приходилъ я любоваться развалинами Плесскаго замка, внимать оглушающему шуму тамошняго водопада и предаваться размышленію въ полуразрушенныхъ сѣнахъ сего святилища древности, откуда нѣмецкія рыцари набѣгами своими прерывали мирныя занятія земледѣльцевъ, или, грабя торговыхъ людей, полагали препоны внутренному сообщенію, — до самаго того времени, пока, наконецъ, Императоръ Максимиліянъ Первой своими учрежденіями и Ганзейскія города, сильныя союзомъ своимъ, усмирили сихъ привилегированныхъ нарушителей общаго покою и враговъ народной промышленности.

Сколько разъ взбирался я на развалившіяся башни Ганштейна, чтобы до восхода солнечнаго видѣть оттуда пары, какъ море, разстилающіяся въ глубокой долинѣ.

Незабвенны для меня часы, проведенныя мною на горѣ Гайнбергъ, богатой окаменѣлостями, гдѣ я изъ одного созерцанія Натуры и произведеній ея могъ учиться Исторіи земныхъ переворотовъ, или, руководимый привыкшими читать въ отверстой Книгѣ творенія, — въ малой травкѣ находить Великаго.

Все сіе останется однимъ изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній академической жизни моей.....

Изъ отдаленныхъ окружностей Гетингена нѣтъ ничего примѣчательнѣе Гарцовскихъ горъ. Здѣсь, въ кущѣ дремучихъ лѣсовъ, освященныхъ древностію и богослуженіемъ Германскихъ народовъ, гдѣ древле вѣчно царствовала торжественная тишина, гдѣ сѣкира не смѣла прикасаться священному древу—ибо оно

васъ обманщиковъ съ видомъ услужливыхъ Цицероновъ, въ сіи то минуты досада, а потомъ уныніе овладѣютъ вами, — и какъ часто, особливо въ Венгріи, подозрѣваемый за шпіона, окруженный толпою тайныхъ надсмотрщиковъ, подосланныхъ Правительствомъ, не имѣя никого, кому бы могъ сообщить горе свое, кто бы повѣрилъ моей невинности; какъ часто, и не страдая Швейцарской болѣзнію, раскаивался я, досадовалъ на самаго себя, что вылетѣлъ изъ-подъ отечественной кровли.

Но вы, домосѣдцы, вы все еще не имѣете права жалѣть о насъ; вы не чувствовали того, что̀ мы, усталыя странники, оставлявшія свою родину; у васъ не билось сердце при первомъ шагѣ, который вы ступили на отечественную землю; вы не вѣрите, что и дымъ отечества пріятенъ быть можетъ. Ахъ! Чужая сторона научитъ любить свое отечество. Поѣзжай удивляться иностранцамъ и возвратись съ русскимъ сердцемъ!

Преодолѣвъ всѣ трудности, какъ весело выѣзжать изъ города съ сладкимъ увѣреніемъ, что все примѣчательное въ немъ видѣлъ, совершенно удовлетворилъ своему любопытству и воспользовался тѣмъ первымъ впечатлѣніемъ предметовъ, которое всегда бываетъ живѣе и долѣе носится въ воображеніи. Какъ сладостно бываетъ и самое уединеніе послѣ продолжительнаго путешествія, какъ пріятно обновлять въ душѣ своей тѣ сильныя ощущенія, которыя потрясали ее, мысленно переселяться въ тѣ страны, гдѣ все дѣйствовало на насъ живѣе, потому что все было для насъ ново, развертывать передъ собою хотя въ воображеніи картины Натуры, которыя очаровывали васъ или величественными или пріятными своими сценами или даже своею дикостію.

И для того совѣтую я путешествующимъ собирать виды, изображенія, а естьли можно и описанія тѣхъ городовъ, которыя они проѣзжаютъ, что весьма легко въ Германіи, гдѣ почти каждое мѣстечко имѣетъ своего Исторіографа и живописца. Трудно себѣ представить то наслажденіе, которое ощущаешь по возвращеніи своемъ при обозрѣніи сихъ памятниковъ, напоминающихъ вамъ собою лучшія часы жизни вашей. Я не говорю уже о статистической пользѣ такихъ собраній, для которой часто придворный Календарь весьма важенъ».

было свидѣтелемъ присудствія Невидимаго, — здѣсь хранимы были въ мирное время ратные доспѣхи и знамена, здѣсь собирался народъ и судилъ о важнѣйшихъ предпріятіяхъ войны и мира. Но не одною древностію примѣчательны Гарцовскія горы. И образъ жизни и занятія жителей, столь сходныхъ характеромъ своимъ съ климатомъ и землею, которую они населяютъ; горныя произведенія, рудокопныя заводы, монетный дворъ, механическія орудія, наконецъ, и самая земля кажется здѣсь нѣсколькими тысящелѣтіями старѣе той, которую мы видимъ въ мѣстахъ ровныхъ, и всѣ горныя окружности кажутся развалинами древняго міра; дикіе прелести суровой Натуры, — все привлекаетъ любопытнаго, которой не боится трудовъ, сопряженныхъ съ симъ путешествіемъ, ибо Гарцъ доступенъ только для пешеходцевъ. Можно ѣхать и верхомъ, но первое гораздо удобнѣе и безопаснѣе; потому что въ иныхъ мѣстахъ должно спускаться съ крутыхъ утесовъ, иногда вспалзывать на обвислыя отломки горъ, ежеминутно, кажется, паденіемъ угрожающія.

И такъ, мы избрали послѣднее и, запасшись каждый нужнымъ въ дорогу, взяли почтовую коляску, чтобы доѣхать только до подошвы горъ, начинающихся за четыре мили отъ Гетингена. Не останавливаясь въ Бовденѣ, Нерденѣ и Нордгеймѣ, пріѣхали мы къ обѣду въ Остероде, городъ, лежащій у самой подошвы верхняго Гарца, откуда должно было начаться нашему путешествію [1]).

....Мы остановились въ трактирѣ, называемомъ: das Deutsche Haus (Нѣмецкой домъ). Хозяинъ его, узнавъ отъ насъ, что мы принадлежимъ къ роду тѣхъ путешественниковъ, коихъ Стернъ называетъ inquisitive travellers, самъ повелъ насъ на винный заводъ свой. И здѣсь очень дорого платятъ откупщики Правительству за позволеніе гнать водку. Хотя они и не міліонщики, не Р(юмины), не З(лобины), однакожь имъ долженъ быть великой барышъ отъ ремесла сего, естьли за каждый день гонки соглашаются они платить Правительству со всякаго котла по червонцу. Видно, что и здѣсь не менѣе охотниковъ до спиритовыхъ напитковъ, какъ и въ нашемъ хладномъ Отечествѣ, гдѣ такъ называемое простое вино почти въ одной цѣнѣ съ здѣшнею водкою. Мнѣ кажется, что не всѣ имѣютъ право обвинять Русской простой народъ въ чрезвычайной склонности къ пьянству; съ тѣхъ поръ какъ Римляне побѣдили Германцовъ крѣпкими напитками, она и здѣсь не меньше, съ тою только разницею, что они не имѣютъ столько средствъ и побужденій употреблять ее во зло. Намъ выхваляютъ умѣренность Нѣмцовъ; но умѣютъ ли они воздержаться отъ кофе, болѣе для нихъ вреднаго, нежели для Русскаго мужика водка? Естьли Нѣмецкой мужикъ не пьяница, то болѣе экономія сего, нежели воздержаніе тому причиною. *По большей части* Нѣмецкой крестьянинъ имѣетъ нужду тогда только въ винѣ, когда онъ хочетъ быть веселѣе обыкновеннаго; Русской (по большей же части) *пьетъ съ горя*. Кабакъ есть для него единственный волшебный замокъ, который переселяетъ его изъ горькой существенности въ ту страну радости, гдѣ онъ не видитъ надъ собою ни барина, ни Капитана-Исправника. Онъ пьетъ изъ рѣки забвенія. Впрочемъ, естьли будешь примѣчать безпристрастно, то увидишь, что Нѣм[ецкій] крестьянинъ въ цѣлой день выпьетъ гораздо больше Русскаго, потому что онъ, имѣя всегда съ собою небольшую склянку съ водкой, мало по-малу, или для поправленія желудка, или для подкрѣпленія силъ, словомъ, подъ различными предлогами выпиваетъ ее. Напротивъ того, Русской мужикъ пьетъ

1) Слѣдуетъ исторія города Остероде.

вдругъ и — упивается. Къ тому же зимою ему надобно зайти къ Бахусу въ гости, чтобы согрѣться, а къ лѣту это уже обратится ему въ привычку.

При всемъ томъ я думаю, что не одинъ сѣверный климатъ, не одна физическая причина склонности Русскаго къ пьянству; но есть и другой источникъ сей пагубной для насъ страсти, есть причины моральныя (которыхъ основаніе находится въ Государственной нашей конституціи). Россія большею частію состоитъ не изъ подданныхъ, но рабовъ, хотя не въ Римскомъ и Венгерскомъ смыслѣ этого слова, — и большая часть крестьянъ принадлежатъ помѣщикамъ. Русской мужикъ съ молокомъ матернимъ всасываетъ въ себя чувство своего рабства, мысль, что все, что онъ ни выработаетъ, все, что онъ ни пріобрететъ кровію и потомъ своимъ, — все не только можетъ, но и *имѣетъ право* отнять у него его баринъ. Онъ часто боится казаться богатымъ, чтобъ не навлечь на себя новыхъ податей; и такъ ему остается — или скрывать пріобрѣтенное (отъ того со временъ татарскаго нашествія обычай Русскихъ мужиковъ зарывать свои сокровища въ землю) или жить въ безпрестанномъ страхѣ; а чтобъ избѣжать того и другаго, онъ избираетъ кратчайшее средство и несетъ нажитое въ Царевъ домъ, какъ говорятъ наши простолюдины. Словомъ, гораздо большая часть Русскихъ крестьянъ лишены собственности. И вотъ одна изъ главнѣйшихъ подпоръ, на которыхъ вознесенъ въ Россіи престолъ Бахусу. Ко всему этому способствовало, можетъ быть, и множество праздниковъ, въ которые крестьянинъ за долгъ почитаетъ быть веселѣе обыкновеннаго [1]).

....Поблагодаривъ услужливаго нашего хозяина, взяли мы съ собою на дорогу проводника, осмотрѣли гипсовыя каменоломни и мѣльницы, откуда пробираясь вдоль по горѣ, увидѣли мы на другомъ берегу изсохшей рѣки Зейзе хлѣбный магазинъ, гдѣ Правительство заготовляетъ для жителей Гарца хлѣбъ и продаетъ имъ его всегда за одинаковую и весьма дешевую цѣну, какъ бы впрочемъ дороговизна хлѣба ни увеличилась. Разумѣется, что одни только такъ называемыя *горныя люди* имѣютъ право пользоваться симъ заведеніемъ, а не горожане. Чтобы не увеличить дороговизну хлѣба въ землѣ своей, Правительство закупаетъ его изъ другихъ владѣній и даже весьма отдаленныхъ, и часто доставляетъ его сюда Россія — кормилица Европы. Даже и въ прошедшій годъ закупило Правительство на нѣсколько тысячъ рублей въ Архангел[ьск]ѣ хлѣба для Гарца. Онъ идетъ до самаго Миндена водою, гдѣ его выгружаютъ и на оси уже перевозятъ въ Остероде. На простомъ, но прочно выстроенномъ магазинѣ подписано: Utilitati Hercyniae extructum hoc aedificium. A. 1722.

Жители Гарца занимаются болѣе скотоводствомъ, нежели хлѣбопашествомъ, не только потому что горныя люди получаютъ за дешевую цѣну казенный хлѣбъ, но и для того, что имъ гораздо выгоднѣе пользоваться своими угодьями для разводу скота, нежели засѣвать ихъ хлѣбомъ. Къ тому же отъ холоднаго горнаго климата хлѣбъ поспѣваетъ поздо, и часто зима застаетъ его на полѣ. Напротивъ того, въ сочныхъ и питательныхъ Гарцовскихъ травахъ находитъ для себя рогатой скотъ прекрасный кормъ и отъ того по добротѣ и величинѣ своей почитается онъ лучшимъ скотомъ во всей сѣверной Германіи. Замѣчаютъ, что и падежъ на Гарцѣ бываетъ гораздо рѣже, нежели въ другихъ мѣстахъ, что также приписать должно чистому горнему воздуху и вкуснымъ лѣкарственнымъ травамъ.

---

1) Слѣдуетъ разсужденіе о вредѣ откупщиковъ.

Сказываютъ, что при Остероде находятся уже рудники; но слѣдуя пословицѣ: «береги денежку на черный день», до нихъ не касаются и сберегаютъ къ тому времени, когда истощатся рудники, коими теперь пользуются. Правительство никогда не хочетъ имѣть нужды доставать необходимыя металлы изъ другихъ земель, или, по крайней мѣрѣ, старается удалить, сколько можно, совершенное истощеніе рудниковъ. Хотя здѣшнія жители и не довольны теперь сею предосторожностію, потому что они лишаются чрезъ сіе богатыхъ доходовъ, но за то потомство ихъ будетъ благодарить нынѣшнее Правительство.

Въ Остероде былъ прежде цѣлительный колодезь, но — или вода его потеряла силу свою, или сосѣдство съ Пирмонтомъ и Лаухштетомъ лишаетъ его посѣтителей. Первое вѣроятнѣе, потому что неизвѣстно, чтобы и самыя жители города имъ пользовались. Впрочемъ, всему есть время: хотя Природа и не старѣетъ, такъ какъ многія, даже Натуралисты, думаютъ, но, несмотря на то, все еще можно принять сіе частное (мѣстное) оскудѣніе въ силахъ ея; ибо чего она лишаетъ насъ въ одномъ мѣстѣ, то вознаграждаетъ она въ другомъ; здѣсь слабѣютъ или и совсѣмъ теряются силы ея, — тамъ они снова развертываются; естьли мы вѣримъ Провидѣнію, то не будемъ безпокоиться, но лучше увѣримся, что, конечно, не только нѣкоторыя мѣстныя дѣйствія Натуры не прежде ослабѣли, но и цѣлыя роды существъ не прежде потерялись въ Природѣ, какъ исполнивъ уже намѣреніе, съ которымъ они сотворены были.

Взявъ съ собою проводника, отправились мы далѣе. Кто въ состояніи живо описать прекрасныя мѣста, которыя мы проходили! Но для чего большая часть путешественниковъ при описаніи Гарца, изображая въ ландшафтахъ виды его, выбираютъ такія обыкновенныя мѣста, не представляющія никакихъ чрезвычайныхъ красотъ Натуры, въ изобиліи здѣсь разбросанныхъ! Сколько я ни видалъ ландшафтовъ, снятыхъ съ различныхъ мѣстъ Гарца, я ни одного не замѣтилъ [1]), который бы хотя слабо изображалъ намъ то, что поразило насъ при всходѣ на первую гору, лежащую при Остероде. Для чего бы не представить Гарстигу [2]) вмѣсто ручейка, по берегамъ котораго онъ прогуливается съ своею Фиделькою, тоіі величественной картины, которая разостлалась передъ нами, когда мы взошли на три одна на другой возвышающіяся горы и увидѣли подъ ногами нашими города и деревни, разсѣянныя въ узкихъ долинахъ и сжатыя крутыми утесами! Вотъ недостатокъ большей части путешественниковъ: они всегда любятъ въ своихъ сочиненіяхъ болѣе заниматься собою, нежели своимъ предметомъ; какъ будто читателю нужно знать, гдѣ Авторъ нашелъ хорошій обѣденный столъ, покойный ночлегъ, гдѣ на него взглянула умильно пастушка, или даже.... Но я не хочу быть рецензентомъ, скажу только, что для меня непонятно, какъ они могутъ быть такъ откровенны передъ публикою и заниматься или собою, или другими бездѣлицами тамъ, гдѣ, кажется, и сама Натура и происшествія, коихъ она была свидѣтельницею, требуютъ полнаго вниманія путешественника.

Полмили отъ Остероде спустились мы туда, гдѣ плавятъ желѣзо (Eisenhütten). Здѣсь увидѣли мы огненную рѣку, пущенную служителями сего мрач-

1) Изключая товарища моего Г. Сулимы, коего мастерская кисть, заимствующая краски свои изъ самой Натуры, изобразила намъ прекраснѣйшія виды Гарца. (*Примѣч. Тургенева*).

2) Одному изъ путешествовавшихъ по Гарцу, которой при описаніи своего вояжа приложилъ нѣсколько неинтересныхъ ландшафтовъ. (*Примѣч. Тургенева*).

наго оркуса единственно въ удовлетвореніе нашего любопытства. Какъ проворно и ловко умѣютъ они обходиться съ растопленнымъ металломъ, направлять теченіе огненныхъ источниковъ, прерывать, его и наконецъ, раздѣливъ желѣзо-огненный ручей толченымъ угольемъ на плиты, предавать ихъ сильному молоту[1]). Несмотря на то, что Гарцовскій климатъ и дѣятельный родъ жизни здѣшнихъ рудокоповъ придаютъ имъ необыкновенную тѣлесную крѣпость, такъ что даже нѣкоторыя болѣзни имъ совсѣмъ неизвѣстны, — несмотря на то, тѣ, кои употребляются при плавкѣ металловъ и, слѣдовательно, проводятъ большую часть дня въ атмосферѣ, наполненной сѣрными et de bitume частицами, дышатъ ядовитымъ воздухомъ, — не только теряютъ зрѣніе, дѣлаются уродами — кривоногими, сухорукими и т. д., но и примѣтно коротятъ жизнь свою: подобно весталкамъ, должны они стоять почти безпрестанно у огня.

Работники получаютъ по талеру въ мѣсяцъ; пища и квартира казенныя. Какая незначительная плата въ сравненіи съ ихъ Геркулесовою работой и съ тою потерею здоровья и жизненныхъ силъ, которой они неминуемо подвержены! День и ночь должны они попеременно жариться на сильномъ огнѣ, слышать безпрестанный стукъ толчеи и послѣ сихъ утомительныхъ трудовъ спать въ бѣдной избѣ, наполненной нѣсколькими семьями. И самый плачъ малолѣтнихъ дѣтей покажется имъ гармоническою музыкою и, вѣрно, уже не помѣшаетъ переселиться изъ Вулканова въ Морфеево царство! Къ чему человѣкъ не привыкнетъ? При стукѣ молотовъ какъ и при журчаніи ручейка, на пуховомъ диванѣ и на гранитномъ отломкѣ — онъ спитъ покойно. Гармоническіе тоны, поднимавшіяся изъ низкихъ долинъ отъ разсѣяннаго стада, услаждали намъ трудный путь нашъ по крутымъ утесамъ. На Гарцѣ слѣдуютъ тому же обыкновенію, что и въ Швейцаріи, привѣшивая къ скоту колокола; въ нѣкоторомъ отдаленіи разнообразныя сіи тоны составляютъ какую-то унылую гармонію.

Мы проходили недалеко отъ мѣстечка Лербахъ, лежащаго въ пріятной долинѣ; но не зашли туда, наслышавшись объ отмѣнной грубости жителей. Можетъ быть, слухи сіи также несправедливы, какъ и то мнѣніе, которое обыкновенно имѣютъ о характерѣ Гарцовскихъ жителей. Въ послѣдствіи времени часто жалѣлъ я, что не спустился въ Лербахъ, гдѣ и теперь еще живутъ два Европейскія Какерлака, извѣстныя мнѣ по описанію Блуменбахову[2]). Сказы-

---

1) Я не видалъ нашихъ Русскихъ рудокопныхъ заводовъ, и потому не могу ихъ сравнивать съ здѣшними. Русскія мои читатели не сдѣлаютъ мнѣ за сіе упреку въ незнаніи собственнаго своего отечества и извинятъ обитателя щастливыхъ береговъ Москвы и Волги въ томъ, что онъ не имѣлъ еще по сю пору случаю быть въ отдаленной Сибири и удивляться гораздо богатѣйшимъ ея подземнымъ сокровищамъ. Со временемъ, когда обстоятельства мнѣ позволятъ, я, конечно, удовлетворю своему желанію—и увижу сію интереснѣйшую и пространную часть неизмѣримаго моего Отечества. Тогда, естьли только можно, сравню я Сибирь съ Гарцомъ — въ ихъ минеральныхъ произведеніяхъ. (*Примѣч. Тургенева*).

2) Вольтеръ и съ нимъ многія естествоиспытатели, желая опровергнуть истинну св. пис., утверждали, что Какерлаки или такъ называемыя бѣлыя Негры суть совсѣмъ особый родъ людей, имѣвшій не одного съ нами праотца. «Сіе жалкое твореніе, говоритъ Блуменбахъ, служило Волтеру фрунтовою лошадью (cheval de bataille), на которой онъ сражался противъ св. писанія». Какерлаки сіи отличаются отъ прочихъ людей необыкновенною бѣлизною и желтобѣлыми волосами и тѣмъ, что у нихъ недостаетъ въ глазахъ черной краски (pigmentum nigrum), отъ чего глаза ихъ нѣсколько красноваты, точно такъ какъ у кроликовъ, кои суть Какерлаки между четвероногими. Блуменбахъ утверждаетъ, что это есть ничто иное, какъ родъ болѣзни, свойственной не однимъ только обитателямъ острововъ

ваютъ, что здѣсь и въ Лаутенталѣ были прежде пороховыя мѣльницы, которыя снабжали Клаусталь порохомъ для употребленія въ рудокопныхъ заводахъ.

Мы пришли въ городъ Клаусталь, котораго деревянное строеніе напомнило мнѣ мое Отечество. Надобно замѣтить, что многія города и деревни, лежащія на Гарцѣ, выстроены изъ одного дерева и покрыты шиферомъ, чего почти нигдѣ нѣтъ въ Германіи, и по сю пору во весь мой проѣздъ видѣлъ я одни только каменныя или кирпичныя и глиняныя домы (мазанки), кои имѣютъ одинъ скелетъ деревянной, прочее же все каменное. Въ другихъ мѣстахъ Германіи деревянное строеніе гораздо дороже каменнаго; но Провидѣніе надѣлило Гарцъ пространными лѣсами, а жители его умѣли сохранить ихъ [1]).

....Города Клаусталь и Целлерфельдъ такъ близки другъ къ другу, что они, повидимому, составляютъ одинъ городъ, не взирая, что сперва принадлежали разнымъ владѣльцамъ. Но въ Германіи часто можно изъ одного Государства перешагнуть въ другое. Клаусталь принадлежалъ Ганноверскому Курфирсту, а Целлерфельдъ Герцогу Брауншвейгскому; послѣдній уступилъ его Курфирсту и вознагражденъ за то въ другомъ мѣстѣ.

Въ Клаусталѣ остановились мы въ трактирѣ Золотой Короны. Въ семъ городѣ находятся Горный приказъ, Монетный дворъ и другія заведенія. Здѣсь можно получить свѣденіе о доходѣ, которой получаетъ Курфирстъ Ганноверскій съ своихъ заводовъ; но какъ мы послѣ увидимъ, врядъ ли превосходятъ они употребляемыя на нихъ издержки; довольно того, естьли Гарцовскія горы доставляютъ работу и, слѣдовательно, пропитаніе своимъ жителямъ; другія полагаютъ ежегодныя доходы правительства во 140000 талеровъ.

Послѣ обѣда съ подкрѣпленными силами пошли мы осматривать толчеи, гдѣ толкутъ и промываютъ серебряную руду (Pochwerke). Толченая руда стекаетъ по желобу; металлическія части по удѣльной тяжести своей осядаютъ и остаются на подстилкѣ желоба (Pochgerinne); работники, большею частію мальчики отъ 8-ми до 15-ти лѣтъ, подъ надзираніемъ присяжнаго смотрителя сметаютъ толченую руду или рудной илъ въ особыя для сего назначенныя ящики; но и самыя тѣ зерна, кои, будучи легче осядающихъ на дно желоба, уносятся водою, сбираютъ въ одну кучу. Они почитаются такъ какъ и самая руда — регалями, т. е. принадлежащими казнѣ, и остающіяся въ нихъ металлическія части (крупинки) также не пропадаютъ, но добываются уже чрезъ плавленіе.

Намъ показали весь порядокъ дѣла, и я воспользовался, сколько мнѣ позволили ограниченныя мои свѣденія въ минералогіи и горномъ искусствѣ. Много обязанъ я наставительнымъ разговорамъ съ надзирателями, приставленными къ заводамъ, и даже съ самыми работниками.

Не менѣе любопытнымъ показалось намъ плавленіе серебра. Искусный въ своемъ дѣлѣ приставникъ истолковалъ намъ всѣ метаморфозы, которыя при добываніи серебра происходятъ съ его рудою. Гарцовскія руды несравненно богатѣе въ свинцѣ, нежели въ серебрѣ, и первый приноситъ гораздо большую выгоду. Все, что часть Гарца, принадлежащая Ганноверу, ни производитъ на свѣтъ металловъ, все сіе получаетъ Курфирстъ; но за то долженъ онъ доставлять лѣсъ и угодья, нужныя для заводовъ. При всемъ томъ сказываютъ, что

южнаго моря, гдѣ они были прежде всего найдены, но и Европейцамъ, что доказывается и двумя Лербахцами. Ихъ примѣтили сперва между Неграми, и по сему самому назвали ихъ Бѣлыми Неграми. (*Примѣч. Тургенева*).

1) Слѣдуетъ описаніе одной породы жука, пожирающаго лѣсъ на Гарцѣ.

всѣ доходы, получаемыя Правительствомъ съ Гарцовскихъ заводовъ, едва замѣняютъ употребляемыя на содержаніе ихъ издержки, и Мейнерсъ, путешествовавшій и по Гарцу и по Швейцаріи, думаетъ, что одна изъ Альпійскихъ горъ, естьлибъ она принадлежала частному человѣку, принесла бы ему своими угодьями болѣе доходу, нежели весь Гарцъ.

Едва успѣли мы подойти къ толчеямъ, какъ насъ окружили мальчики и нахальнымъ образомъ требовали милостыни. Мы роздали все, что было съ нами мелкихъ денегъ; но отъ нихъ ничѣмъ не могли отдѣлаться. Сіи мальчики съ 9-ти лѣтъ употребляются при толченіи и промываніи руды, и никто изъ горныхъ людей не можетъ отговориться отъ отдачи девятилѣтняго сына своего въ сію работу. Они получаютъ за сіе очень немного.

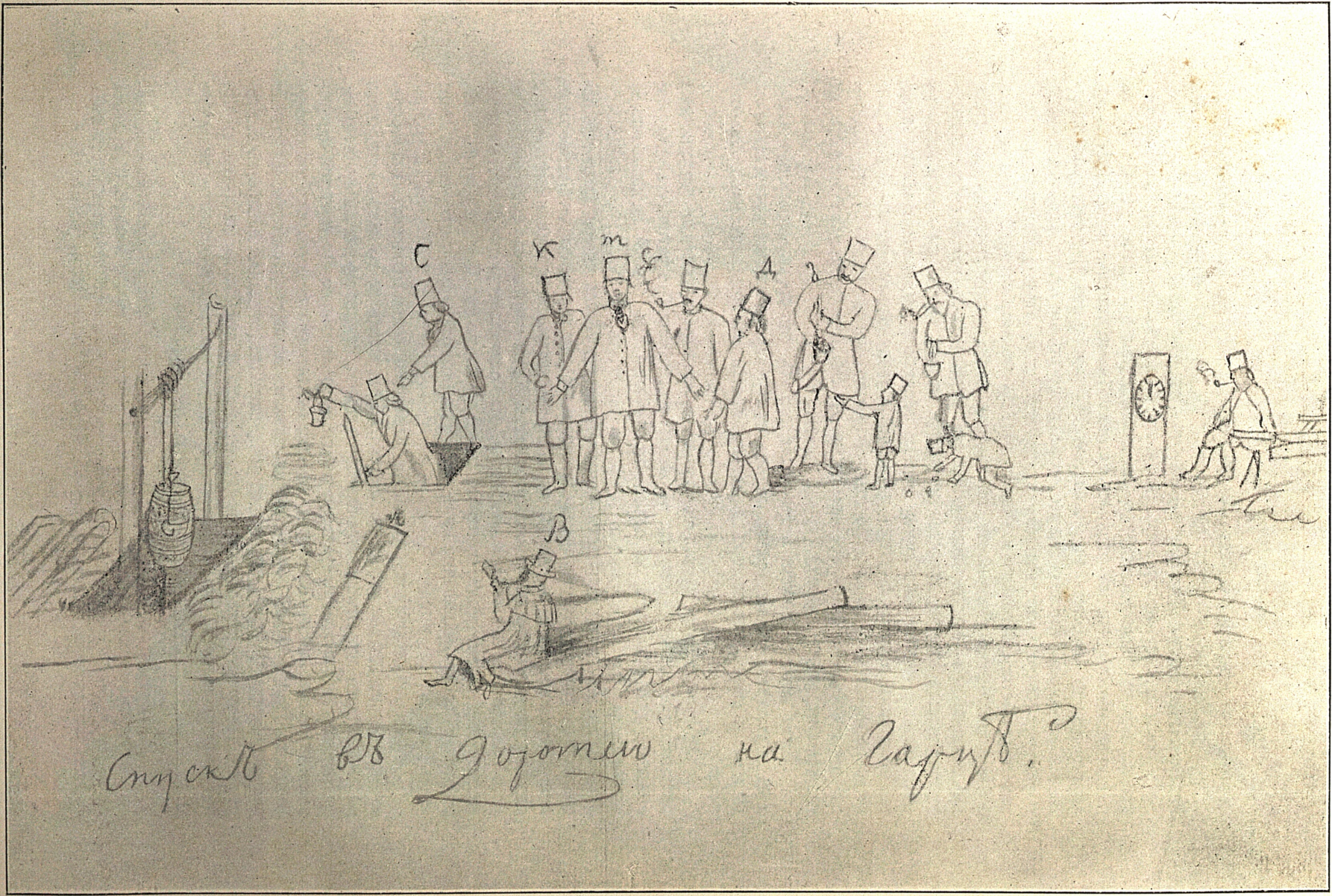
Монетный дворъ. Дивиться ли равнодушію работающихъ здѣсь монетчиковъ? Груды серебреныхъ плитъ лежатъ передъ ними, и сколько тысячъ талеровъ перейдутъ чрезъ ихъ руки! Вотъ порядокъ, въ какомъ изъ готоваго уже серебра чеканятъ монету. Сперва вытягиваютъ серебро, вырѣзываютъ въ сихъ плиткахъ кружки извѣстной величины, смотря по тому, для какой монеты они назначаются; потомъ взвѣшиваютъ ихъ, и въ случаѣ, естьли выдутъ тяжелѣе опредѣленнаго для нихъ вѣса, ихъ подпиливаютъ, и сіи опилки также не пропадаютъ, но идутъ въ дѣло; потомъ клеймятъ (и все это съ невѣроятною скоростію), а мѣлкую монету или такъ называемыя дробныя деньги, въ которыхъ весьма мало чистаго серебра, сверхъ того кладутъ еще въ винный спиртъ съ солью, отъ чего они бѣлѣютъ подобно чистому не смѣшанному серебру. Послѣ всего этого особою машиною и съ тѣмъ же непонятнымъ проворствомъ выдѣлываютъ на краяхъ опредѣленную фигуру для того, чтобъ затруднить мошенникамъ, особенно же жидамъ, обрѣзываніе монеты. Нѣтъ ли средства затруднить Прусскому Королю передѣлываніе Русской и Голландской монеты въ Прусскую?[1]).

При насъ оклеймили нѣсколько мѣлкихъ денегъ, но не позволили промѣнять ихъ на старыя.

Сегодня же опускался я въ самую глубину Доротеи, слѣдовательно, былъ на 200 горныхъ саженей подъ землею. Одѣтыя въ черное платье рудокоповъ съ лампадами спускались мы по узкимъ перпендикулярно стоящимъ лѣстницамъ, хватаясь обоими руками за перекладины и слѣдуя шагъ за шагомъ проводникамъ. Они безпрестанно напоминали съ веселымъ и безстрашнымъ видомъ правила, кои наблюдать должно при сходѣ. Признаюсь, что сперва съ нѣкоторымъ ужасомъ опускался я въ мрачную глубину. Темнота, слабо освѣщаемая масленными лампадами, скрипъ и трескъ огромныхъ машинъ, мокрота и скользкость лѣстницъ отъ грязной воды, стекавшей съ безпрерывно дѣйствующихъ насосовъ и съ влажныхъ минеральныхъ стѣнъ, все сіе заставляло насъ дѣлать каждой шагъ съ осторожностью. Мысль о томъ отдаленіи, въ которомъ находились мы отъ дневного свѣта, вливала въ душу мою какой-то священный трепетъ, и все наше трехчасовое подземное путешествіе было для насъ commentatio mortis. Отверстіе же такъ узко, что только одному человѣку, но не Бернардинскому монаху, пройти можно. Почти на каждыхъ двадцати саженяхъ

---

1) Фридрихъ Великій самъ признавалъ, что во время семилѣтней войны онъ перелилъ нѣсколько тысячъ Русскихъ рублей въ Прусскія талеры. Разумѣется, что изъ одного дѣлалъ онъ пять. (*Примѣч. Тургенева*).



Спуск в Долину на Гарцу.

отдыхали мы на влажной землѣ. Въ неравныхъ отступахъ показывали намъ тѣ пещеры, гдѣ только передъ нами наканунѣ порохомъ взорваны были руды. Минеральныя стѣны блистали со всѣхъ сторонъ, особливо когда хотя слабой лучъ лампады попадалъ на нихъ. Наконецъ, дошли мы до глубочайшаго мѣста, гдѣ уже вода мѣшала намъ продолжать скольской путь нашъ. Здѣсь одинъ изъ проводниковъ нашихъ удалился отъ насъ на нѣкоторое время совсѣмъ въ другую пещеру, лежащую въ недальномъ разстояніи отъ Доротеи. Она называется Каролиною; спускаться въ нее гораздо труднѣе отъ спирающагося воздуха и отъ пороховаго дыму, которыя не имѣютъ тамъ такого удобнаго выходу, какъ въ Доротеѣ. Каролина глубиною въ 200 горныхъ саженей. Выходя изъ сей мрачной области Радаманта, проводники наши повторяли начальныя слова изъ любимой пѣсни рудокоповъ: Glück auf! Они имѣютъ между собою нѣкоторыя принятыя обычаи, которыя нарушать никому не совѣтую. Они питаютъ чрезвычайное уваженіе къ своему званію, никогда не начинаютъ работы своей, не совершивъ прежде молитвы, и, кажется, вынудили бы почтеніе у самаго отчаяннаго атеиста своею скромною, смиренною набожностію. И кто, подвергающій жизнь свою очевидной опасности, въ сей страшной неизвѣстности не смирится въ сердцѣ своемъ!

Хотя наше подземное путешествіе не болѣе четырехъ часовъ продолжалось, я увидѣлъ, однако, свѣтъ солнца съ необыкновеннымъ удовольствіемъ. Что же долженъ чувствовать рудокопъ послѣ двѣнадцатичасоваго лишенія свѣта?

Сіи горныя люди такъ привыкли къ ремеслу своему, что они могутъ даже безъ фонарей спускаться внизъ, не обступаясь на узкихъ лѣстницахъ. Мы сами сходили туда, куда еще ни одинъ иностранецъ изъ одного любопытства не спускался [1]).

Здѣсь, въ сихъ сокрытыхъ произведеніяхъ людской промышленности, невольнымъ образомъ чувствуете вы почтеніе къ уму человѣческому, дѣйствующему сими машинами, и вмѣстѣ сожалѣете о немъ, когда вспоминаете, какая страсть употребляетъ его своимъ орудіемъ. Кѣмъ расчеплены сіи горы? Для чего прорыты сіи подземныя лабиринты? Что заставляетъ сего бѣднаго горяка ежеминутно подвергаться опасности? — Корыстолюбіе! Вотъ пружина, дѣйствующая всѣми машинами; вотъ сила, отъ которой распадаются горы! Auri sacra fames!

Какое по соразмѣрности малое количество воды содержитъ въ безпрестанномъ движеніи сіи огромныя машины! Гарцъ имѣетъ великой недостатокъ въ водѣ, такъ что для рудокопныхъ заводовъ и для промыванія металловъ соединяютъ всѣ маленькія ручьи и рѣчки, разсѣянныя по его гористой поверхности, и, естьли вѣрить Мейнерсу, ни одна капля воды не остается безъ употребленія на Гарцѣ. Озеръ здѣсь совсѣмъ нѣтъ, и самый прудъ, которой мы видѣли неподалеку отъ Доротеи, есть ничто иное, какъ искусственное соединеніе и хранилище (reservoir) нѣсколькихъ водяныхъ жилъ и ручейковъ, скопляемыхъ для поддержанія машинъ, коими вытаскиваютъ руду изъ подземныхъ пропастей;

---

1) Говорятъ, что послѣ насъ пріѣжжалъ туда Генералъ Мортье, бывшій главнокомандующій Французской Ганноверской Арміи, и спускался также въ преисподнюю. Въ газетахъ писали, что будто бы для него было все освѣщено; но я не понимаю, какимъ образомъ могли освѣтить полуаршинное кубическое отверстіе? (*Примѣч. Тургенева*).

но часто и сіи малыя источники изсыхаютъ и въ такомъ случаѣ колеса бываютъ движимы лошадьми.

Къ вечеру все покрылось непроницаемымъ туманомъ, такъ что не только отдаленнаго Брокена, но и самыхъ близкихъ горъ не видно было. Густой туманъ — весьма обыкновенное явленіе на Гарцѣ. Погода была самая осенняя и во всю ночь лилъ сильный дождь.

Воскресенье. Несмотря на дурную погоду, мы рѣшились сегодня непремѣнно проститься съ Клаусталемъ и iйти далѣе. Мнѣ хотѣлось еще разъ осмотрѣть городъ; но дождь и градъ принудили меня искать убѣжища въ церкви; и здѣсь то пробылъ я нечувствительно цѣлый часъ, незабвенный въ жизни моей. Простое, но трогательное увѣщаніе проповѣдника дѣтямъ, только лишь *конфирмованнымъ*, задержало меня. Вся его проповѣдь имѣла такое отношеніе къ теперешнему состоянію души моей, что одинъ только ложный стыдъ удержалъ слезы мои. Обращаясь къ дѣтямъ горныхъ ремесленниковъ, которыхъ черныя платья и вся наружность показывала, что они назначены къ трудному и опасному роду жизни отцевъ своихъ, увѣщевалъ онъ ихъ жить такъ, чтобы всегда быть готовымъ принести себя въ жертву своей должности (и быть засыпаннымъ каменьями). Дѣти плакали. — На кого не дѣйствуетъ простое краснорѣчіе сердца!

Почтенный незнакомецъ! Прими сердечную благодарность!

Я желалъ бы списать его прекрасную и для меня незабвенную проповѣдь; но какъ iйти просить ее у незнакомца и совсѣмъ другой религіи? Поступокъ мой можетъ показаться страннымъ, думалъ я. Теперь раскаиваюсь въ своей нерѣшимости. Это обида, сдѣланная мною доброму старцу. Развѣ мы всѣ не одной религіи? Развѣ онъ не столько же трогалъ меня, сколько и своихъ единовѣрцовъ? Для чего не стараться намъ, *сколько можно*, получить *всеобщее чувство* и право называться гражданами одного міра, одной церкви? и за чѣмъ всѣ сіи расколы въ христіанствѣ? Мы живемъ въ просвѣщенномъ вѣкѣ и должны пользоваться своимъ просвѣщеніемъ. Развѣ проповѣдникъ не называлъ и меня своимъ братомъ, когда обращался къ предстоящимъ? развѣ я менѣе Протестанта чувствовалъ истинну словъ его?

Напрасно Руссо смѣется надъ тѣмъ, кто хочетъ быть всемірнымъ гражданиномъ. Неужели человѣкъ, любящій свое отечество, свою родину, совершенно потерялъ всеобщее чувство братства? неужели физическія границы такъ сильно отдѣляютъ его отъ собрата его, какъ за горами Аппенинскими, такъ и за Ледовитымъ моремъ? Таковъ ли духъ истинной философіи, истиннаго христіянства? Тотъ Магометанинъ не могъ такъ думать, который отъ всего сердца вѣрилъ, что со временемъ и Турокъ и Грекъ сойдутся въ той пространной мечети, гдѣ всѣ будутъ Музульманами (т. е. правовѣрными или католиками)[1]).

....Послѣ обѣда, взявъ съ собою новаго проводника, отправились мы черезъ Целлерфельдъ въ Госларъ. Мы проходили мрачныя сосновыя лѣса, безпрестанный дождь провожалъ насъ, но не мѣшалъ намъ взбираться на высокія горы, окруженныя пропастьми и долинами. Проводникъ нашъ былъ нѣкогда самъ рудокопомъ, но теперь находится на инвалидномъ содержаніи и имѣетъ пенсію за то, что въ Доротеѣ получилъ онъ, по словамъ его, болѣе двадцати ранъ вдругъ: и въ самомъ дѣлѣ, онъ весь изувѣченъ. Извѣстно, что въ Доротеѣ

1) Слѣдуютъ историческія свѣденія о населеніи Гарца.

взрываютъ руду порохомъ. Просверливая буравомъ стѣну, кладутъ туда пороховой фитиль и зажигая его, уходятъ въ безопасное мѣсто; но нашъ проводникъ, которому также поручена была сія должность, не успѣлъ удалиться и сдѣлался нещастною жертвою силы пороха. Стѣна взорвалась, груды камней взлетѣли на воздухъ и раздробили ему руки и ноги. Вотъ судьба рудокоповъ!

За полчаса передъ Госларомъ появилась изъ-за лѣса гора Раммелсбергъ. Мы прошли при подошвѣ ея въ Госларъ, городъ, славный въ Исторіи Германіи, нѣкогда резиденція Саксонскихъ Императоровъ, и богатый примѣчательными древностями, особливо лѣтописями. Самое расположеніе его и чрезвычайно узкія улицы, такъ что едва одна коляска проѣхать можетъ, свидѣтельствуютъ о его глубокой древности. Сперва былъ онъ вольнымъ Имперскимъ городомъ, слѣдовательно, не признавалъ надъ собою никого, кромѣ самого Императора, не платилъ никакихъ податей, кромѣ того, что нужно для содержанія Имперскаго Камеральнаго суда, и въ случаѣ Имперской войны долженъ былъ поставлять нѣсколько рекрутовъ; но теперь принадлежитъ Королю Прусскому, и мы нашли въ немъ двадцать пять человѣкъ Прусскаго Гарнизону. Податей на него еще не наложено было, но жители ожидали, что на слѣдующій годъ ихъ поравняютъ въ участи съ другими Прусскими подданными. Городское правленіе было по сю пору демократическое или избирательное; изъ разныхъ гражданскихъ гильдій выбирались члены совѣта; изъ нихъ брали такъ называемыхъ Секемановъ (или шестерыхъ), изъ коихъ уже назначаемъ былъ Бюргермейстеръ. Вѣроятно, скоро и сей образъ правленія въ Госларѣ, такъ какъ и многія другія его учрежденія, напр. строгія законы его, будутъ принадлежать къ почтенной древности. Но мѣсто, которое сей городъ занималъ между своими братьями въ Нѣмецкой Имперіи, дѣлаетъ его однимъ изъ достопамятнѣйшихъ городовъ, какъ по своимъ бѣдствіямъ, такъ и по убѣжищу, которое онъ доставлялъ Императорамъ въ смутныя времена среднихъ столѣтій.

Поутру отправились мы къ горѣ Раммельсбергъ и спустились въ ея подземелье. Она богата не однимъ серебромъ и оловомъ, но въ ней находится также немного и золота. Хотя крупинки его въ рудѣ почти не видны, и потребно 192 центнера или 480 пудъ Раммельсбергской руды для того, чтобы достать на червонецъ чистаго золота, при всемъ томъ добываніе его все еще выгодно. Посудите о томъ совершенствѣ, до какого доведена теперь плавка маталловъ и вообще Металургія, когда изъ такой большой массы съ выгодою можно добывать не болѣе какъ одинъ червонецъ!

Произведенія горы Раммельсбергъ дѣлятъ между собою Король Англинскій и Герцогъ Брауншвейгъ-Люнебургскій; но Король Прусской началъ уже выводить права свои и на нѣкоторую часть сихъ горныхъ доходовъ. Въ Госларѣ дѣлаются расчеты обѣихъ дворовъ.

Во внутренностяхъ горы стѣны и перекладины покрыты самороднымъ купоросомъ, и мы долго любовались при лампадномъ освѣщеніи зеленою его блестящею краскою. Здѣсь большею частію по причинѣ крѣпости руды взрываютъ ее не порохомъ, но огнемъ, и подкладываютъ поленницы подъ то мѣсто, гдѣ надобно ломать ее, изключая однакожь тѣхъ ямъ, кои близки къ деревянному строенію. Огонь продолжается около сутокъ и отъ чрезмѣрнаго жару руда съ своею оболочкою трескается и распадается съ сильнымъ ударомъ, подобнымъ пушечному выстрѣлу. Въ сіе время удаляются изъ пещеръ работники и не входятъ туда, прежде нежели дымъ и чадъ не разойдутся въ пространныхъ

подземныхъ галлереяхъ. Дѣйствіе огня приноситъ и ту пользу, что оно обращаетъ въ пары безпрестанно стекающую купоросную влажность, мѣшаетъ ей проходить сквозь разсѣлины рудъ и разъѣдать ихъ, что въ противномъ случаѣ могло бы ускорить упадокъ минеральныхъ стѣнъ внутренняго строенія. Встарину до изобрѣтенія пороховаго составу и вездѣ должно было употреблять сіе средство. Дѣйствовать же порохомъ переняли здѣшнія жители еще въ 17-мъ столѣтіи у Венгерцовъ.

Мы проходили черезъ длинныя Штолены (проходы, le conduit, Stollen), кои по сторонамъ обдѣланы деревянными стѣнами. Безъ Аріадниной нитки или безъ опытнаго проводника можно скоро потеряться въ сихъ подземныхъ лабиринтахъ. Въ иныхъ мѣстахъ они такъ низки, что едва и наклонившись пройти можно; стѣнами обвели ихъ для того, чтобы поддержать руду и не допускать ей о[б]валиваться; ихъ не доводятъ до самой верхней части Штоллена, ибо часто руда осядаетъ, и въ такомъ случаѣ она могла бы легко раздавить ихъ. Рудокопы въ случаѣ опасности имѣютъ принятой между ними знакъ, послѣ котораго они тотчасъ спасаются. Признаюсь, что не всегда съ спокойнымъ духомъ проходили мы сіи пропасти.

....Я взошелъ туда, гдѣ подкладывали уже поленницы для зажженія. Здѣсь такъ жарко, какъ въ Русской доброй банѣ. Какое непріятное чувство рождается при видѣ сихъ худыхъ, изсохшихъ скелетовъ, работающихъ здѣсь при слабомъ свѣтѣ! Мильтонъ для своего Ада не могъ бы найти лучшаго оригинала. Сіи блѣдныя иссохшія работники, лишенныя животворнаго солнечнаго свѣта, подобно тѣнямъ, блуждаютъ въ мрачныхъ пространныхъ подземельяхъ и съ каждымъ томнымъ взглядомъ укоряютъ они, кажется, Судьбѣ своей, которая назначила имъ сей родъ жизни, и Натурѣ, которая за столь дорогую цѣну истощаетъ свои сокровища. Но при всемъ томъ участь ихъ завиднѣе участи тѣхъ, кои плавятъ металлы. Безпрестанный потъ, который течетъ съ рудокоповъ во время работы, вознаграждаютъ нѣсколько они частымъ питьемъ холодной воды, проведенной къ нимъ сверху. *Можетъ ли при семъ почти безпрерывномъ истощеніи жизнь ихъ быть долговременною?* — Они всѣ находятся здѣсь въ состояніи невинности и каждой имѣетъ при себѣ деревянной тупой ножъ....[1]) Передъ тѣмъ, какъ имъ надобно покидать Сизифову свою работу, они нѣсколько прохлаждаются и потомъ уже выходятъ на свѣжій воздухъ для того, чтобы получить новыя силы и черезъ шесть часовъ опять туда же возвратиться. Хотя опускаться и всходить здѣсь несравненно легче, нежели въ Доротеѣ, но естьлибъ Судьба осудила меня къ сему роду жизни, я бы избралъ скорѣе Клаустальскія заводы, нежели здѣшнія, потому что жаръ и тѣлесное разслабленіе несноснѣе всякой другой усталости.

....Колесо, вертящееся подъ землею имѣетъ въ поперешникѣ болѣе десяти (?) саженъ. Представьте, какая сила должна имъ дѣйствовать и какое пространство должно было очистить для доставленія ему свободнаго хода. Намъ должно было проходить по тонкой, дрожащей лѣстницѣ надъ верхнею частію колеса, которое, несмотря на свою огромную величину, вертѣлось довольно скоро и едва насъ не досягало. Госларскія жители говорятъ, что въ горѣ Раммельсбергъ болѣе деревяннаго строенія, нежели въ самомъ Госларѣ.

Надобно путешествовать по Гарцу, чтобы дивиться произведенію Натуры и искусства, дивиться не однимъ натуральнымъ горнымъ сокровищамъ, но и

1) Точки въ подлинникѣ.

огромнымъ машинамъ, сооруженнымъ человѣческою рукою въ глубочайшихъ пропастяхъ, гдѣ вооруженный глазъ механика наблюдалъ точную пропорцію. Какая сила потребна для того только, чтобы вытаскивать изъ двухсотъ саженной глубины кадку съ рудою! Какая сила должна дѣйствовать тѣми насосами, которыя черпаютъ и поднимаютъ изъ такой глубины воду на поверхность горы! Но чего не въ состояніи произвести человѣкъ, само по себѣ слабое, но въ соединеніи съ другими всемощное животное? Какую противодѣйствующую силу Натуры не преодолѣетъ десница его, которою водятъ благоразуміе и изобрѣтательный геній[1])!

IX.

Письма Шлецера къ Александру Ивановичу Тургеневу.

1.

Mit[2]) dem verbindlichsten Danke folgt hier zurück Путешествіе въ Казань und 6 Teile vom Вѣстникъ, von welchem letzteren ich mir wieder einmal, wenn ich Zeit habe, einen Teil ausbitten werde.

Meine russische Grammatik finde ich nicht. Trostlos würde ich seyn, wenn sie verloren wäre, denn sie ist das *allereinzigste* Exemplar, das ich habe: aber *verloren* ist sie gewiss nicht, sondern nur *verlegt*; und so bald ich sie wieder finde, schicke ich sie Ihnen zu.

3 Febr. 1803. Шл.

2.

Ich habe, wärend der Ferien, meine viele russische Sachen in Ordnung gebracht, u. darunter einige Doubletten (gar Tripletten) gefunden. Können Sie sie brauchen, so soll es mich freuen.

---

1) На отдѣльномъ листѣ написано Тургеневымъ послѣсловіе: «... Описывая мое путешествіе, приводя въ порядокъ собранныя мною матеріаллы для статистическаго и историческаго описанія тѣхъ земель, которыя я проѣхалъ, — мнѣ казалось — я снова путешествую, снова вижу тѣ города, зданія, памятники, коихъ изображенія лежали передъ глазами моими, бесѣдую съ тѣми великими Литераторами, кои на память о себѣ оставляли мнѣ лучшія произведенія пера своего, или скромно вписывали славныя имена свои въ мой дорожникъ. Трудъ соединенъ былъ съ удовольствіемъ воспоминанія и Авторской надежды. Мнѣ нужно было повѣрить мои замѣчанія, сравнить ихъ съ замѣчаніями моихъ предшественниковъ; входя въ подробныя историческія описанія нѣкоторыхъ происшествій, которыхъ свидѣтелями были мѣста мною видѣнныя, я долженъ былъ часто справляться съ частною ихъ Исторіею, и такимъ образомъ одно незначущее извѣстіе вводило меня въ цѣлой лабиринтъ Историческихъ изысканій. Но все это имѣло свою пользу, и часто находилъ я случайно то, чего прежде напрасно искалъ съ большою потерею времени.

Но одинъ только тотъ, кто самъ бывалъ въ подобномъ положеніи, можетъ судить, чего стоитъ Автору *достовѣрность извѣстій*».

2) Въ письмахъ удерживается орфографія и пунктуація подлинниковъ.

Im Vertrauen bitte ich Sie, lieber Mann, noch einmal in Ihrem Briefe nachzusehen, 1. ob Ihr Hr. Bruder blos schreibt, dass Sie mir sagen sollen, dass ich ein andres Exemplar vom Nestor schicken solle; 2. oder ob Hr. Engel selbst mir durch Ihren Hrn. Bruder dieses sagen lasse. Beide Dinge sind gar sehr verschieden.

Am höchsten würden Sie mich obligiren, wenn Sie die Güte hätten, mir die *ganze Stelle* mit den *russischen Worten selbst* zu communiciren.

23 Apr. 1803. III.

На оборотѣ: Hrn. Тургеневъ.

3.

Mein an den Kaiser geschicktes Exemplar vom Nestor ist verloren, wenigstens noch zur Zeit nicht wiedergefunden: natürlich ist auch mein beigelegter *Brief* verloren (der an die Kaiserin ist richtig eingereicht).

Also habe ich Ordre, ein andres Exemplar zu schicken; folglich muss ich auch einen neuen *Brief* schreiben. Mein voriger Brief war *deutsch*: was hielten Sie davon, wenn wir einen Spass machten, u. ich nun *russisch* schriebe?

In diesem Briefe ist nicht öde kriechende Canzlei-Sprache, sondern, wo ich nicht irre, hin u. wieder edle, historische *Kraft*-Sprache. Diese Stellen würden in dem slavonisch-russischen Pracht-Ausdruck noch schöner klingen, und Sie, bester Herr u. Freund, könnten allein oder mit Zuziehung Hrn. Gusiatnikows, eine superbe *Übersetzung* machen? aber ob Sie sich dieser *Mühe* unterziehen möchten? Auf allen Fall setz ich meinen *deutschen* Brief her.

29 Apr. 1803.

Grossmächtigster Monarch,
Allergnädigster Kaiser und Herr,

Ewr. Kaiserl. Maj. trösten die geplagte Welt, u. helfen mit Kraft und Milde die Wunden heilen, die der armen Menschheit, die letzten 12 Jare hindurch, zur ewigen Schande des Zeitalters, geschlagen worden sind. Besonders überschütten Sie Ihr dankbares u. dadurch Ihrer würdiges Volk mit Woltaten: u. sogar mich, ehemaliges Teilchen dieses würdigen Volks, erreicht Ihr weiter Gnadenblick. Geruhen Sie, allergnädigster Kaiser, meinen allerdevotesten Dank anzunemen für die mir durch Höchstdero Minister in Berlin zugekommene hohe Erlaubnis gegenwärtiges Buch seines ganz-russischen Inhalts wegen, vor Ewr. erhabnen Thron bringen zu dürfen.

Gewiss wird diese ausgezeichnete Gnade für mich, zugleich Woltat für das gesamte gelerte Publicum werden u. zur ernsten Cultur der unendlich wichtigen, aber bisher lange nicht würdig genug bearbeiteten Russischen Geschichte, mächtig mitwirken: vollends wenn Ewr. huldreichst geruhen wollten bei Höchstdero Akad. der Wissensch. die historische Classe, nach dem Plan Ihres Stifters Peters des Grossen wieder herzustellen, u. meine vormalige Stelle bei derselben eines Professors der alten russischen Geschichte, so wie auch die eines Kaiserl. Russischen Reichs-Historiographen, wieder zu besetzen, von denen jene seit dem J. 1770 u. diese seit dem Tode des Staats-Rats Müllers 1783, meines Wissens, unbesetzt geblieben ist.

In der submissesten Dedication durft ich, vor dem Angesichte Ewr. u. des ganzen Publici, keine andre als die Chroniken-Sprache reden, die kalt, trocken u. ungeschmückt ist: doch auch diese, da sie zugleich Sprache der Warheit, der Ehrlichkeit, der innigen Überzeugung ist, kann Ewr. nicht misfallen. Aber warum hat mich mein Schicksal nicht erst mit dem neuen Jarhunderte geboren werden lassen! so hätte ich eine wenigstens mögliche Aussicht, dereinst als Ewr. Geschichts-Schreiber im Schmucke der Kunst u. im feurigen Ausdrucke der tiefsten Empfindung zu glänzen.

Ich ersterbe in Bewunderung u. Verehrung

Ewr.
alleruntertänigster
Августъ Людв. III.

Göttingen, $\frac{1}{13}$ Maj, 1802.

На оборотѣ: Hrn. Turgenev Wohlgebr.

4.

Ich bin so frei, mir das Stück vom Вѣстникъ zurück zu erbitten; denn ich habe es selbst noch nicht einmal gelesen. Nach 2 Tagen steht es wieder zu Diensten, so wie auch 2 andre Hefte, die ich zugleich mit erhalten habe.

21 Aug. 1803.

Schl.

5.

Der *Flügel*, den Sie mir gestern, bester Herr u. Freund, nicht zu erklären wussten, wird mir von jemand, der Heraldic verstehen will, so erklärt: «Flügel, schwarz, in goldnem Felde — ein Stück aus dem Kaiserlichen Wappen, *Adlers*-flügel». Ist Einer von Ihren Landsleuten ein Heraldiker? so fragen Sie ihn darum.

Den Brief von Румянцовъ bitte ich mir aus, weil ich *heute* schreibe. Alles übrige brauch ich *heute nicht.*

23 März. [*1804*] Tuus Schlözer.

6.

Ich bitte Sie inständigst, Bester Herr! lesen Sie mit möglichster Attention das Anliegende durch, u. sagen Sie mir ganz *offenherzig*, sans retenue, 1. ob ich mich nicht in einigen angegebnen factis *irre*? 2. ob etwas darin stehe, was für irgend jemand *unangenehm* wäre, wenigstens so ausgelegt werden könnte?

Könnten Sie alles das noch vor *Abend* expediren? Die Drucker warten darauf.

11 Apr. 1804.

Tuus III.

7.

Ich habe verschiedne Bitten an Sie, bester Hr. v. Turgenev:

I. Ich möchte einen russischen Mönch *ganz* haben, auf dem Wagen ist er nur *halb* zu sehen: meine Frau wollte den untern Teil, la chaussure — *ex ingenio* suppliren: aber das leidet kein Historiker! Möchten Sie nicht mein Fürsprecher bei Ihrem excellenten Zeichner, Hrn. v. Sulima, seyn, dass dieser die Güte hätte, das felende mit historischer Warheit hinzuzutuschen?

II. Hr. D. Vojnov[1]) würde mich ser obligiren, wenn es ihm beliebte, aus dem Briefe, den er mir gestern zu zeigen die Güte gehabt, die ganze mich betreffende Stelle *verbotenus* zu communiciren.

III. An Hrn. v. Rachmanow, dem ich mich nochmals empfele, ist anliegende Adresse an meine Tochter in Paris.

Tuus IIIl.

15 Apr. 1804.

8.

Göttingen $\frac{18}{30}$ *Juli 1804.*

Edle Herren, meine teure Herren und Freunde!

I.

Den $\frac{5}{17}$ dieses Monats erhielt ich Ihre liebe Briefe aus Leipzig vom $\frac{}{14}$ Maj, nebst einem nicht kleinen Tönnchen икра: wer mir beides ins Haus schickte, weiss ich nicht, die Überbringerin schien den Namen Janschin zu stammeln. 8 Wochen икра, von Leipzig her in der warmen oder nassen Jars-Zeit unterwegs! dass der noch geniesbar wäre, dachte ich nicht: aber siehe da, zu meinem Erstaunen fanden wir ihn noch so gut, als wenn er eben erst von der Wolga käme. Sie können nicht glauben, welch herzliche Freude Sie mir durch Ihre Briefe sowol als durch dieses einzig-vaterländische Geschenk gemacht haben! Innigen Dank dafür.

Stojkowicz Anstellung in Charkov wusste ich schon aus den Zeitungen; von Соколовичъ aber habe ich noch nichts vernommen. O die herrliche historische Wanderung, in der Sie beide nun begriffen sind! Und welch ein stolzer süsser Gedanke für mich, dass ich etwas dazu beigetragen haben soll, dass Ihnen diese Wanderung so ausnemend lehrreich u. folglich so angenehm wird!

Meine Frau empfielt sich Ihnen bestens.

Nun weiter, Antworten Punct für Punct.

II.

Ihr 2-tes aus Wien vom $\frac{6}{18}$ Juli erhielt ich schon den $\frac{11}{23}$-sten. Sie sind ein herrlicher Correspondent; Sie schreiben mir so viele Nachrichten, aber lauter solche, die mich interessiren. Auch bewundre ich Ihre *Kraft* im *deutschen* Ausdruck: was werden Sie erst im *russischen* prästiren? Sie werden Карамзинъ II werden.

Von Ihrer künftigen Bestimmung hat mich schon Ihr Hr. Vater mit einer Eröffnung beehrt, die ich unter dem $\frac{20\text{ Jun.}}{2\text{ Jul.}}$ beantwortet habe. Ich bin gar nicht

1) Въ рук. Vojkov.

trostlos darüber: auch in der politischen oder Hof-Carriere, als Ober-Hof-Marschall oder Reichs-Rat, werden Sie immer für die russische Geschichte unschätzbar bleiben, Sie werden Arbeiter darinn in den niederen Classen aufsuchen, aufmuntern, anweisen.

Die Böhmische Litteratur kenne ich schon längst u. ser genau, u. habe daher eine ausnemende Hochachtung für sie. Eben jetzt u. seit 4 Wochen habe ich nichts wie Czechica im Kopf, da ich in Olegs Geschichte den Cyrill u. Methodius studire, über welche Dobner u. Dobrovsky vortrefflich geschrieben haben. Schimpfen Sie mit den Böhmen selbst, so viel Sie wollen, auf die Barbarischen *Deutsche*, die der Böhmischen seit 1520 herrlich blühenden Litteratur auf lange hinaus den Garaus machten: nur setzen Sie ja hinzu, *katholische* Deutsche. Protestantische Deutsche waren es, denen Böhmen seine Cultur zu verdanken hatte; jenen also blutete das Herz so gut wie den Böhmen selbst, als katholisch-östreichische Intoleranz das schöne Werk mit Mongolischer Wut zerstörte.

Von der Slavenka weiss ich noch nichts, bin aber äusserst neugirig darauf. Wie? was? Nestor soll nicht der *erste*, nicht blos Annalist, sondern Schriftsteller überhaupt, unter allen Slaven sein? Hat keine Not! Ich bemitleide Hrn. Hanka die slavonischen Buchstaben von den Phöniciern immediate... Ei, ei, das ist zu arg; u. über solche Dinge zu sprechen, wagt ein Mann, der den Namen Montfaucon zu allererst von einem reisenden Russen lernt!

Darf ich denn den Namen des mir so gutgesinnten Herrn nicht wissen, der mir die Ehre der französ. Übersetzung erweisen will? Von der scheuslichen Hist. de Russie habe ich in dem hiesigen *Gel. Anz.* eine Recension comme il faut gemacht, u. ein Exemplar davon an Hrn. Rachmanov nach Paris geschickt.

Nun etwas auch von mir. Mein Adels-Brief, unterschrieben vom Kaiser 30 Maj, der mich dem *Russischen Reichs-Adel* incorporirt (wogegen der Orden nur en général, u. nur persönlich adelt) enthält ausdrücklich die Worte «Его и *потомство*». Ich fragte bei dem Hrn. Senateur Козодавлевъ sub rosa an, ob es nicht bei der Herolds-Canzlei in Russland, wie in Wien, Sitte sei, dass die Subalternen ein Douceur bekämen? Er antwortete mir $\frac{14}{26}$ Jun.:

«...Quant aux fraix de Chancelleries pour les copies, l'apposition du sceau et la reliûre en drap d'or, ils montent à 360 Rbl., mais vous n'avez rien à payer, car cet argent a déjà été délivré du *Cabinet* par l'ordre exprès de Sa Maj. l'Empereur».

Der liebe Kaiser! Wie flink mir nun meine Arbeit mit Oleg von statten geht! (Sie werden mer Neues darinn finden, als Sie erwarten). Ich füle mich wie neubelebt u. bin so insolent zu hoffen, dass ich noch ein paar Jare fortarbeiten könne, u. bis A. 1054 kommen werde.

Leben Sie wol, meine beste Herren, u. behalten Sie mich immer lieb. Wenn es Ihre Reise-Unruhen zulassen, so erfreuen Sie mich auch ferner, Sie mögen seyn wo Sie wollen, mit Nachrichten von Ihnen: warlich, Ihre Briefe machen mir angeneme Stündlein! Ich aber verharre unausgesetzt mit warmer Freundschaft und aufrichtigster Hochachtung,

Edle Herren, Ihr
gehorsamster Diener
A. L. v. Schlözer.

Sind Sie noch in Wien, so presentiren Sie Ihrem Ambassadeur mes hommages; gewiss er erinnert sich meiner noch.

Hr. Buhle reiset diese Woche über Petersburg nach Moskwa ab. Er nimmt eine Stickerei von meiner Frau nach Moskwa mit: diejenige, die sie nach Paris zur Ausstellung im Louvre geschickt hatte, hat ein Spanier aus Süd-America, Don Ranudo, der sich exprès in Paris aufhielt, um Kunstwerke zu kaufen, mit 60 Louis d'or bezahlt.

Wenn Sie Ihre Wechsel auf Rbl. gestellt bekommen, so melden Sie mir doch den Cours, oder wie viel Sie in L.d'or für Rbl. bekommen. Ich begreife nicht, wie der russ. Cours auf einmal so gefallen ist.

На оборотѣ: à Monsieur Alexandre Ivanovicz de Tourgueneff. Vienne?

9.

Göttingen $\frac{26\ Mart.}{7\ Apr.}$ *1805.*

Ihr gütiger Brief, Edler Herr, vom 8 März N. St. (eingelaufen den 4. Apr.) lert mich, was ich schon wusste, und nie bezweifelt habe, dass Sie mein Freund in Moskva bleiben, wie Sie es in Göttingen waren. Nun in höchster Eile, Antwort auf einige Ihrer Hauptpunkte.

1. Ja, ja, Sie haben leider Recht: die schöne, die stolze, die einzige, Georgia-Augusta stirbt; selbst Alexandrs I Allmacht, bei allem guten Willen, hat sie nicht retten können. Aber sie stirbt mit Ehren, in einer Epoche hohen Ruhms, nicht durch eigne Erschlaffung, sondern im Sturm u. Concours unerhörter malheurs von innen und aussen...

2. Novosiltzov ist nun zurück. Ich bin erstaunlich neugierig, was zwischen Ihnen u. ihm passiren wird.

3. Hr. v. Hankenstein, grosser Gott, welch ein Phaenomen! nicht nur ignorant im lächerlichen Grade, sondern was noch schlimmer ist, warlich one Menschen-Verstand! Seine 8 Bogen Unsinn haben mich $^2/_5$ Dukaten Porto gekostet: schickt er mir wieder was auf den Hals, so geht es unerbrochen retour.

4. Könnten Sie dann so viel Zeit erübrigen, u. mir dann und wann Ihre nova litteraria im *historischen* Fache zukommen lassen? Ein grosser Woltäter würden Sie dadurch für mich.

5. Für mich und meine Frau belieben Sie Ihren teuren Eltern unsern tiefen Respect zu bezeugen. Möchten Sie uns doch bald erfreulichere Nachrichten von Ihres Hrn. Vaters Exc. Zustand melden können!

6. Wenn Ihnen jemand sagt, ich hätte an merere Ihrer Grossen gegen Karamzin . . . . . geschrieben, den schelten Sie, auf meine Verantwortung, *mit Vorzeigung dieser Zeilen*, einen Lügner u. Schurken! Einen *einzigen* Brief hab ich je an Novosiltzov geschrieben, *den haben Sie ja selbst gelesen*: ist darin Karamzin nur genannt? Noch mer, sind Sie u. mere Ihrer Hrn. Landsleute nicht Zeugen, welch *ware Hochachtung* ich für den Mann habe, u. sie bei jeder Gelegenheit, selbst im *Drucke* (vid. mein Oleg) äussere? Selbst in meiner (schon gedruckten) Danksagung an unsern Kaiser, erkläre ich mich für seinen (nur one ihn zu nennen) *Handlanger*, der ihm vor- u. in die Hände arbeitet. O Fluch den garstigen Klatschern, die Leute entzweien wollen, deren reciproques hohes Interesse es ist, Hand in Hand mit einander zu gehen.

7. Denken Sie, welch angenemes Abenteuer! Seit 2 Monaten habe ich von den Grafen Sievers den Сѣверный Вѣстникъ vor mir liegen, one Zeit zu haben, ihn zu lesen. *Gestern*, ganz von ungefär, ertappe ich num. 6 Jun. — quelle agréable surprise bei Ihrem Aufsatze! Macte virtute tua! Sie helfen mir auf Vorurteile losstürmen, die ich allein nie würde haben bekämpfen können: aber meine Helfer Turgenev, Kaisarov etc. etc.!

Totus tuus A. L. Schlözer.

На оборотѣ: à Monsieur Alexandre Ivanovicz de Tourgueneff. Moscou.

10.

Göttingen $\frac{11}{23}$ *Jun. 1806.*

P. P.

Hr. D. Cassius war noch hier, also wurde ihm der Brief schon in der ersten Stunde in die Hände gebracht. Mir ist diese Ehrenvolle vocation desselben auch deswegen erfreulich, weil sie Ihnen, Edler Herr und verehrter Freund, Anlass war, mich nach langer Zeit wieder mit einem Briefe zu erfreuen.

Sie sind nun also ein *Geschäfts-Mann?* ich gratuliere von Herzen Ihnen und Ihrem Vaterlande dazu. Und zwar gewiss ein ser *beschäftigter* Geschäfts-Mann? Aber gewiss verlieren Sie darüber nicht *Litteraria* russika aus den Augen, nach denen ich hungere u. dürste; und Sie melden mir gar nichts von *der* Art? Freund Kajsarov hatte mir namentlich Hoffnung gemacht, dass Sie mich mit einem neuen Buche erfreuen würden, das beweist, dass doch Tatisczev in p-to der Geheimen Canzlei Recht habe, u. s. w.

Über Ihre Apologetik u. Apotheose der vorigen Ehrwürdigen Moskauer Universität wollen wir nicht rechten. Gewiss aber begehen Sie hiebei den Trugschluss, den die alte Logik nennt: *post* hoc, ergo *propter* hoc. Schon vor dieser Universität hatten Sie ausgezeichnete Minister und Secretäre; aber deren Ausbildung entstand von ihrem *Genie* und der *Routine.* Kennen Sie den Zustand jener Universität von ihrer Stiftung bis zu 1800, so genau wie ich? Aber wenn ich bei derselben eine neue Welt träumte; so thun Sie mir ser unrecht, wenn Sie glauben, dass ich diese neue Welt blos auf die neu-ankommende *Ausbürger* gründete! Gewiss glaubte ich, dass *diese* etwas, wol gar viel, zu erhöhetem Lustre beitragen würden: desto schmerzlicher für jeden deutschen Patrioten sind die unangenemen Nachrichten von diesen Ausbürgern, die sich allgemein zu verbreiten anfangen....

Nun ein *hohes Anliegen* von mir! Sie erinnern sich, teurer Freund, wie es mir mit meiner allerersten Rimessa an den Kaiser erging; sie ging verloren (oder wurde unterschlagen?). Dankbar werde ich ewig nie vergessen, dass Sie, Sie, es waren, der durch Ihren sel. Hrn. Bruder der Sache eine Wendung verschafte, one die wol nichts von allem dem geschehen wäre, was mir in den folgenden Jaren Angenemes von Russland her widerfuhr. Nun, denken Sie, bin ich abermals in einem wenigstens halb-ähnlichen Falle: damit Sie diesen Fall recht deutlich u. leicht übersehen können, setze ich ihn in chronologischer Ordnung à part auf das nächste Blatt hin. Nun da der Hr. Commerz-Minister Rumiantzov mein allergrösster Patron unter allen Grossen Ihres Reichs ist, dem ich erstaunlich viel zu danken habe; so

lassen Sie meine dringende Bitte stattfinden u. geben sich die Mühe, u. erkundigen sich entweder blos in der Canzlei des Hrn. Commerz-Ministers, oder immediate bei Sr. Erlaucht selbst, ob meine eingesandte Exemplare, oder wenigstens meine Briefe, angekommen sind?

Lieber Gott, was wird aus der Gesellschaft Russischer Geschichte werden? Urteilen Sie selbst über ihren *Plan*, die Chroniken zu ediren? Darf ich Sie dann bitten, Ihrem Chef, Hrn. Novosiltzovs Exc., meine Verehrung zu bezeugen? ich höre ja, dass derselbe von mir günstige Notiz nimmt.

Erfreuen Sie mich baldmöglichst, zu meiner Beruhigung, mit einer Antwort, sonderlich in Erfüllung meiner obigen dringenden Bitte. Ich bin ganz allein, meine Frau musste ihrer Kränklichkeit wegen ins Seebad nach Lübeck reisen.

Mit ungeheuchelter Hocbachtung und steter treuer Freundschaft verharre ich

Ihr gehorsamster Diener
A. L. v. Schlözer.

An Hrn. Krugs Recension arbeit ich fleissig.

Facta.

1805, $\frac{11}{23}$ Aug. schickte ich, wie gewönlich vorher, durch den russ. Gesandten, Hrn. v. Alopéus, in Berlin, ein Paquet ab, adressirt an des Hrn. Commerz-Ministers Erlaucht, enthaltend Igor, den 4-ten Teil meines Nestors, für Se. Majestät, u. Oleg u. Igor zusammen in einem Englishen Bande für Se. Erlaucht. Weder durch Hrn. v. Alopéus, noch durch den Hrn. Commerz-Minister, habe ich Nachricht, ob dieses Paquet angekommen?

1805, $\frac{1}{13}$ 8br. gab ich meinem Son Christian, Prof. in Moskwa, ein devotes Empfelungs-Schreiben an den Hrn. Commerz-Minister mit, worinn ich zugleich um Nachricht über das Schicksal jenes Paquets bat. Keine Antwort von Sr. Erlaucht. Nicht einmal bis diese Stunde Antwort von meinem unwürdigen undankbaren Sohn, ob er den Brief abgegeben?

1806 $\frac{5}{17}$ März. Abermaliges untertäniges Schreiben an Se Erlaucht, u. Bitte um Nachricht. Noch keine Antwort.

1806 zu Anfang Aprils, gab ich meinem 3-ten Sohn Carl, Kaufmann in Lübeck, ein neues Exemplar gebunden für Se. Erlaucht mit, als er auf eine Reise nach Riga und St. Petersburg ging, im Fall das erstere wirklich verloren wäre.

Noch zur Zeit keine Antwort.

11.

[*августъ—сентябрь 1806*]

A

[Im *höchsten Vertrauen:* wir beide, bester Herr, dürfen doch mit einander ein Wörtchen im Vertrauen sprechen?]

Seit Jar u. Tagen ist an meinem Nestor, von dem ich noch 4 Teile schuldig bin, keine Zeile fortgedruckt worden! Und, denken Sie, warum? — Mein (halbbankeruter) Verleger hat mir aufgesagt, will nicht weiter verlegen, weil er, wie er

versichert, «Schaden dabei habe», ungeachtet er mir nur eine bagatelle zum Honorar bezalt (ja, wenns ein Roman... wäre!).

Ich sprach einen andern, ser berümten Buchhändler an: auch der wies mich ab, und sagte, solche kritische, blos gelerte Werke *gingen* in Deutschland nicht: ich müsste *Selbst-Verleger* seyn, d. i. Papir u. Druck auf eigne Kosten besorgen, u. ihm dann das Buch, gegen 50 procent, in Commission geben.

Selbst-Verlag? — nein, den übernimmt kein vernünftiger Auctor. Nichts als unendliche Schererei u. Verdruss ist dabei, u. noch obendrein barer Geld-Verlust. Aber ich werde *müssen*: denn die Frage ist, ob ich einen Verleger finden kan, wenn ich mir für meine viele Mühe auch keinen Pf. bezalen liesse.

Fülen Sie meine Verlegenheit? vinculirt bin ich aufs höchste (vid. meine Dankschrift an den Kaiser vor dem Oleg): fortdrucken lassen muss ich, coûte qu'il coûte; u. sollt ich auch bei jedem neuen Teile ein hundert Taler [1]) bar aus meiner Tasche opfern. Sie kennen meine Umstände, dass, wenn ich gleich nichts weniger als reicb bin, doch nicht Solitaires u. Medaillen zu versilbern brauche, um so einen Schaden zu ertragen.

Aber es kömmt mir — nicht Ihnen auch? — kleinlich, schimpflich möcht ich fast sagen, vor, für das reiche, grosmütige Russland, mit Beifall u. Glück, zwar mit Ehre überhäuft, aber mit meinem eigenen erweislichen *Geld-Schaden*, zu arbeiten. Wie wenn so was dereinst in mein Necrologium käme?

Einer meiner Collegen, dem ich meine Verlegenheit beichtete, meinte: «das natürlichste wäre, ich liesse solches an einen meiner grossen Patronen in Russland gelangen; der gebe dann dem holden Kaiser nur einen Wink, dass Er auf ein par hundert Exemplare abonnirte, die Er nachher verschenkte: eines solchen Absatzes gewiss, würde sich schon ein Verleger finden». — Allein das tut Schlözer nicht; es hätte ja doch die Mine einer Bettelei: nich zu gedenken, dass ich nicht gerne die Schande meines deutschen Publici zur Schau tragen möchte, dessen ärmlicher Geschmack kein solides Buch one Beisteuer einer (sogar ausländischen) Regirung aufkommen liesse. Ich visire ja auf keine *Geld-Belohnung*, sondern einzig u. allein auf einen *Geld-Schaden-Ersatz*: u. den könnte mir eine Kleinigkeit leisten, und dazu wären mer honorige Titel denkbar. Z. B.:

1. Schon A. 1764 schlug mich Müller zum Membre étranger pensionaire der Acad. vor, Euler pen. desgleichen A. 1769: beidemale wurde es durch grobe Cabalen hintertrieben. Wie wenn man das nach 42 Jaren, vor Tores Schluss, noch nachholte? Ich bin nach Lalande das älteste Mitglied: der Adjunct Krug hat niemanden, dem er *adjungirt* wäre: u. ist nicht Novoziltsov mein Patron? u. arbeite ich nicht im eigentlichsten Verstande, Jar aus, Jar ein, u. fast einzig und allein, für Russland, als wenn ich in dessen *Diensten* stünde? Oder

II. Die Gesetzcommission hat viele auswärtige pensionirte Mitglieder. Arbeite ich nicht auch in *dem* Fache? vid. Olegs u. Igors Tractaten, u. noch mer wenn ich auf die Правда komme. Ich schickte jene Teile an die Commission, die mich mit ihrem Werke beehrt hatte: Freyg. schrieb mir quasi in Roskampfs Namen, nächstens würde was anders folgen, aber es folgte nichts. Oder

III. Ihre Universitäten machen auswärtige pensionirte Ehren-Professoren. Ich hatte viel Schreiberei, selbst kleine Kosten, mit Charkov, — one Vergütung.

Da haben Sie, teurer Freund, meine vertrauliche Eröffnungen. Bringen Sie sie anbehörigen u. schicklichen Orten an, oder unterdrücken Sie sie; machen Sie

1) Въ рук. сокращенно.

damit, was sie wollen: mein Glaube an 1. Ihre Freundschaft für mich, 2) Ihr savoir-faire, 3. Ihre Verschwiegenheit u. 4. Ihre Delicatesse, ist — baumstark.

B.

Nur für Sie, teurer Freund! denn der Himmel beware mich, dass ich des *russischen Reichs Commerz-Minister*, mit dem detail über eine Kleinigkeit behelligen sollte. Sie aber können doch vielleicht, was ich hier melde, *discursive* nützen. Voraus: Oleg nenne ich den 3-ten, — Igor den 4-ten Teil meines Nestors.

I.

Den 10 Maj 1805 sandte ich, unter Sr. Erlaucht Adresse, ein für den Kaiser gebundnes Exemplar, *blos von Oleg*, an Hrn. von Alopéus nach Berlin ab. *Dieses* Exemplar kam richtig an: Hr. v. Alopéus meldete es mir nicht nur selbst, sondern — nun kamen die entzückenden Schreiben von Sr. Erlaucht Selbst, vom 28 Jun. 1805 an, von denen Sie die Güte haben, mir Copieen zu schicken, wovon ich aber längst schon die kostbaren Originale besitze.

Indess war mein *Igor* fertig worden: also spedirte ich bald nachher.

II.

Den $\frac{11}{23}$ Aug. 1805, wieder ein Paquet, unter Sr. Erlaucht Adresse, an Hrn. v. Alopéus, welches Paquet enthielt

a) blos Igor, *à part* gebunden, in grünen Saffian für S. M.

b) Oleg u. Igor *zusammen* gebunden, English, für Sn. Erl.

c) Ein devotes *Dank-Schreiben* an Sn. Erl. fur obenerwänte entzückende Briefe, war 8 Tage vorausgegangen.

Dass *dieses* zweite Paquet Sr. Erl. zu Händen gekommen, davon hat mich nicht nur Hr. v. Alopéus *nicht avisirt*, sondern ich habe auch aus St. Petersbourg *keine Zeile* Nachricht darüber erhalten.

Folglich halte ich dieses *zweite* Paquet noch bis diese Stunde für *verloren*.

III.

Da ich schon deswegen in gegründeten Sorgen war, beauftragte ich meinen ältsten Sohn, unter dem $\frac{1}{13}$ 8br 1805, sich deshalb *mündlich* bei Sr. Erl. zu erkundigen: er war so unverzeihlich nachlässig, dass er mir keine Antwort erteilte.

Noch wagte ich den $\frac{5}{17}$ März 1806, deshalb bei Sr. Erl. anzufragen. Waren die Exemplare des 2-ten Paquets wirklich verloren, so war das malheur nicht nennenswerth; aber wichtig für mich war, dass Se Erlaucht das Buch hätten. Auf allen Fall also gab ich den 17 März 1806 meinem nach St. Petersburg reisenden 3-ten Sohn Carl, Kaufmann, ein *zweites* Exemplar für den Hrn. Commerz-Minister mit.

Nun wurde ich durch Sr. Erl. Schreiben vom 2-ten Jun., das mit der unvergleichlichen Medaille folgte, und das mir schon den $\frac{19}{31}$ Jul. zu Händen kam, höchlich erfreut, ob ich gleich dadurch vergewissert wurde, dass das (zweite) Paquet verloren gegangen: denn Se Erlaucht wünschte für Sich ein 2-tes Exemplar

von Oleg u. Igor. — Und siehe da, um eben die Zeit war mein Carl in St. Petersburg, u. schrieb mir den 16 Jul. (erhalten den 19 Aug.), dass der grosse Mann, das ihm mitgegebne 2-te Exemplar, mit unaussprechlicher grace von ihm selbst angenommen habe.

IV.

Also Final: in des Hrn. Commerz-Ministers Bibliothek, hat nun mein Nestor, alle 4 Teile, so viel davon heraus sind, die Ehre, complet zu existiren. Aber in der kaiserlichen Bibliothek fehlt noch Igor: soll ich nicht auch dafür ein anders Exemplar besorgen?

God save the Emperour!

12.

Göttingen, $\frac{20\ Aug.}{1\ 7br.}$, *1806.*

Edler Herr, mein hochgeschäzter Freund und Gönner!

O Sie sind ein unvergleichlicher Correspondent, Sie sind promt, und lassen Sich keine Mühe dauern. Aber Sie können Sich auch gar nicht vorstellen, welche Freude Sie mir durch Ihre promte Antworten gemacht. Ich war trostlos über das lange Stillschweigen des Ministers, meines unsterblichen Woltäters: nun bin ich beruhigt.

Und um Ihnen zu beweisen, dass auch ich ein rechtlicher Correspondent bin, — siehe da Antworten auf Ihre liebe Briefe, Zeile für Zeile, Numernweise.

I. Auf Ihr Schreiben vom 10 Maj (erhalten den 12 Jun.) beantwortet von mir den $\frac{11}{23}$ Jun.

II. Ihren 2-ten Brief vor 14 Tagen, vom $\frac{6}{18}$ Jul. (erhalten den 7 Aug.) kan ich in der Eile nicht auffinden, vermutlich weil ich ihn zu sorgfältig verwart habe: ich gehe also fürs erste gleich zum [Eben find ich ihn wieder]

III-ten fort vom 1 Aug. (erhalten den $\frac{17}{29}$ Aug.)

1. Tausend Dank für Ihre Abschriften der Minister-Briefe, ob sie mir gleich unnötig waren: hier beziehe ich mich auf die Anlage B. Ein Paquet ist also doch wirklich verloren? doch dessen bin ich gewont: voriges Jahr ging mir auch ein Paquet an Razumovskij in Wien verloren.

2. Sie machen eine unerhört rapide fortune in Russland. Gesegnet sei die Regirung, die ausserordentliche Talente und Anstrengungen auch ausserordentlich schnell und stark belohnt! Wer nun stolzer darauf ist, Sie oder ich? ist noch die Frage. Verstehen Sie mich nicht unrecht, ich meine es so: Ihre Grosse werden sagen: «Schlözer hat gegen uns von dem jungen Mann mit Enthusiasm gesprochen, u. wir finden ihn so; der Alte muss also ein ehrlicher Mann, u. zugleich ein Menschen-Kenner seyn, auf den wir uns verlassen können».

3. Wol freuen wir uns über Kajsarovs Ring: aber der böse Mann schreibt nicht, niemand weiss, wo er ist.

4. Die ganze Geschichte von Catharina II Preis-Aufgabe über Leibeigenschaft habe ich manchmal in meinen Collegien umständlich erzält.

5. Auch ich habe die Ehre, Mitglied Ihrer statistischen Gesellschaft zu seyn. Ich bin neugierig nach Ihren Arbeiten. Gott segne Ihre Pressfreiheit!

6. «Писать исторію Русскаго права»: Gott, welch angenemer Zufall! Da kommen Sie ja recht wieder in Ihr Element? Aber was wollten Sie für dieses Sujet in Stockholm, Abo und Göttingen suchen? Das einzige ist wol bisher die Правда nach Musin-Puschkins Ausgabe u. Commentar. In den Special-Chroniken einzeler Fürstentümer muss manches stecken. Ich habe eine Copie von russischen Kirchen- u. andern Gesetzen, die eine Übersetzung aus dem Griechischen zu seyn scheinen. Wenn ich bis zur Правда gelange, so sind Sie dann gewiss, bis dahin mit Ihrer Geschichte vorgerückt, dann verleibe ich sie ganz, fürs deutsche Publicum, meinem Nestor ein.

7. Ja, wären Sie doch Redacteur bei der Annalen-Ausgabe geworden! Ich habe die Ehre, Mitglied der neuen Societät zu seyn; aber die Herren verheimlichen alles sorgfältig vor mir: nicht einmal ihren Stiftungs-Brief kan ich bekommen.

8. Dem Minister danke ich nächstens.

Erhalten Sie mir Ihre mir kostbare Gewogenheit, so wie ich mit grösster Hochachtung verharre

Ihr gehorsamster Diener, totus tuus
A. L. v. Schlözer.

Hrn. Krugs. Recension wird mir erstaunlich sauer, weil man das Wichtigste seines Buchs (über den Золотникъ), das an Einem Orte beisammen stehen sollte, in 3, 4 Orte verzettelt zusammen klauben muss. Doch in 4 Wochen werd ich damit fertig.

Wie befindet sich Ihr Hr. Vater?

In dem trägen Greifswald sizt ein äussert tätiger Adjunkt *Rühs*, der lebt und webt in der Nordischen Geschichte u. hat schon 2 Quartanten schwedische Geschichte drucken lassen. Auch der möchte so gerne nach Russland! Nennen Sie gelegenheitlich seinen Namen bei Ihren Grossen.

13.

Göttingen $\frac{8}{20}$ *9br. 1806.*

«*Jezt wendet sich das Blatt*!» Es war eine Zeit, wo ich das süsse Vergnügen hatte, Ihnen, Edler Herr und teurer Freund, wärend Ihres hiesigen Aufenthaltes, einige Dienste zu erweisen. Ich war sie Ihnen als Mensch, als Göttinger Professor, als halber Landsmann, wirklich *schuldig*; Sie erwänen aber derselben noch ser oft, und setzen einen weit höheren Preis darauf, als sie verdienen: welche Ehre macht diss Ihrem Geist und Herzen! «*Jezt wendet sich das Blatt*!» Ich habe keine Gelegenheit mer, etwas zu Ihrem Vergnügen zu tun: Sie aber hat die — nur selten, aber doch manchmal gerechte — Fortuna, früh in eine Lage gesezt, wo Sie mein Woltäter werden *können*, und Ihr *Wollen* bleibt hiebei unabänderlich. Urkunde hierüber, Ihr Schreiben vom $\frac{14}{20}$ 7br. (erhalten den $\frac{4}{16}$ 8br.): empfangen Sie meinen innigsten Dank dafür. Ich würde bereits den nächsten Posttag geantwortet haben: aber weil Sie schrieben, das Diplom würde in den *nächsten* Tagen kommen, so wollte ich warten, um meine Danksagung an Sie mit der an unsern gemeinschaftlichen Chef zu verbinden. Noch ist es nicht da, das Diplom: ich begreife aber ser gut, dass in einer so unerhört beschäftigten Canzlei, wie die

von Novosiltsov ist, sich eine Expedition leicht um Wochen und Monate verspäten kan. Indessen — da ich einmal continuiren *muss* — auch Sie eine eigne Neugier auf den 5-ten Teil, Olga und Sviatoslav, bezeugen — welche Neugier ich vorzüglich in diesem Teil zu verdienen hoffe,— nebenher mich auch das zum Eilen zwingt, weil ich meiner alten Augen wegen besorgt zu werden Ursach habe: so habe ich, mit einem Anfänger von Buchhändler einen gar seltsamen Contract schliessen müssen. Ich strecke ihm nämlich, alle Kosten des ganzen Verlags, one Zinsen vor: mags seyn, dass ich von meinem Vorschuss keinen Groschen wieder kriege. Dann debitirt er den Teil, u. gibt mir ein so elendes honorar *p.* Bogen dafür, dass ich mich schäme, es anzugeben; u. vielleicht bekomm ich wol gar nichts. Doch mag alles das seyn: ich bin ja von Nestors Vaterlande her dedommagirt!

Nur schliessen Sie, bester Herr — u. machen Sie es auch Hrn. Novosiltsov bemerklich daraus, dass kein Deutscher meinen Nestor verlegen will, ja nicht, als hätte ich keinen Credit mer beim deutschen Publico: jenes kommt einzig u. allein vom *Inhalt* her. Dem grossen Euler hätte niemand für seine unsterbliche Werke über Infinitesimal-Rechnung 2 R. *p.* Bogen geboten; für eine Comödie hätte er 5, 10, d^{o} haben können. Man drängt mich wegen der Fortsetzung meiner Statistik, Staatsrecht etc. Von meiner *Kinder*-Weltgeschichte (einer puren Posse) wurde kürzlich die 6-te Auflage gedruckt; für jede neue Auflage bezalte der Verleger 4 Ducaten *p.* Bogen u. s. w.

Hrn. Novosiltsovs gracieuse Offerte, die Fortsetzung auf Kosten der Academie in Petersburg drucken [zu] lassen, hat mich ausnemend charmirt: gewiss würde diess dem Buche ein hohes relief geben. Aber leider habe ich als Auctor den Feler, dass ich kein Buch vollendet fertigen kan, sondern Stückweise arbeite. Auch muss ich die Correctur notwendig selbst besorgen, wärend welcher mir noch oft erhebliche Verbesserungen aufstossen. Bezeugen Sie indess dem erhabnen Manne meinen respectueusesten Dank dafür.

Ihre Professor-Stelle freut mich unendlich. Was hat Ihnen dann der liebe Kaiser alle Schönes gesagt? Wenn Sie Ihn wieder sprechen, so empfelen Sie mich!!

Wie froh u. stolz bin ich, dass ich die mir zugedachte neue Ehre Ihnen, und nicht ventoso... zu verdanken habe. A propos, Mitglied der *Universität* Göttingen habe ich die Ehre zu seyn; aber von der *Societät* hab ich mich schon seit 34 Jaren totalement getrennt. Mir, mir, hätte keine Importunité mein votum abgetrotzt.

Meinem auch teuren Gönner Hrn. v. Roskampf bitte meine Verehrung zu versichern.

Ich sehe eben jezt den Begebenheiten zwischen dem Rhein u. der Weichsel gerade so zu, wie ich einst die Züge Batu-Chans von der Volga bis nach Liegnitz studirte. Nil novi sub sole.

Ist es möglich, dass ich, meine Familie u. ganze Nachkommenschaft, mein Wappen dem herrlichen Novosiltsov zu verdanken habe?

Totus Tuus A. L. v. Schlözer.

Der letzte Brief des Hrn. Commerz-Ministers Exc. an mich war bei der Medaille; mein Dankschreiben an denselben ist vom $\frac{1}{13}$ 8br.

An Krug schrieb ich 8 8br N. St.

Gr. Razumovski in Wien hat endlich nach 18 Monaten mein Paquet den Klauen der Wiener Censur entrissen, u. mir extra galant geschrieben.

Göttingen $\frac{18}{30}$ Jul. 1807.

Willkommen, teurer Freund, aus einer mir über 8 Monate lang verschlossenen Welt! Nun hungre u. durste ich nach Nachrichten von Ihnen: o schreiben Sie mir doch ja mit der allerersten Post.

Ihre Abschrift meines Diploms habe ich durch meinen Schwager Loder richtig erhalten. Nun haben Sie die Güte, die Übersendung des Diploms selbst zu beschleunigen: dann werden meine feierlichen Danksagungen folgen.

In einigen Wochen erhalten Sie *5 Bogen* von der heil. *Olga*.

Totus Tuus Schl..

На оборотѣ: retour 30 Apr. 1807. Seiner Hochwohlgebohrn Herrn Alexandre Ivanovicz Turgenev. Referendar-Gehülfen und Professor bei der Kaiserl.-neuen Gesetz-Commission. Fr. Duderstatt. St. Petersbourg. retour Göttingen an den Geheimen Russischen Rath Schloezer.

14.

Göttingen $\frac{11}{23}$ 9br. 1807.

Au nom de Dieu! antworten Sie mir, Teurer Freund, und belehren mich, ob Sie meinen Brief vom $\frac{8}{20}$ 9br. 1806, der aber nach Monaten an mich retour ging, den ich aber zum 2-tenmal mit einer Apostille, den $\frac{18}{30}$ Jul. an Sie abgeschickt habe, bekommen haben. Au nom de Dieu schreiben Sie mir! Aus Livland u. Moskwa kommen ja Briefe ordentlich nach Göttingen, warum nicht eben so von St. Petersburg? Manches hätte ich Ihnen zu melden, was Sie gewiss interessirte: aber wozu sollt' ich mir die Mühe geben, so lang ich nicht weiss, ob mein Brief an Sie kommt?

Wenn Sie mir schreiben, so melden Sie mir *genau* Ihre jetzige Adresse; dann schick ich Ihnen meine *Olga*, 8 Bogen gedruckt. Indess leben Sie wol, wie bisher.

Ihr Treuer Freund u. gehors. Diener
A. L. v. Schlözer.

Von einem seltsamen Stück von Hofmeister bei den Prinzen Dolgorukij, der hier ein Weib genommen, u. denen, die ihn zu dieser Stelle gewält, keine Ehre macht — auch künftig.

На оборотѣ: Въ Канцелярію Его Превосходительства Новосильцева. Г. Профессору Тургеневу. À Monsieur de Tourguenev. Professeur à la nouvelle Commission imperiale des Loix à la Chancellerie de S. Exc. Mr. de Novosiltzov, Président de l'Académie des Sciences, St-Pétersbourg.

15.

Göttingen, $\frac{14}{26}$ Aug. 1808.

Sie können gar nicht glauben, Edler Herr u. Teurer Freund, welche Freude Sie mir durch Ihr — lang ersehntes — Schreiben (one Dato, erhalten den $\frac{14}{26}$ Maj), u. durch die Geschenke von beigelegten wichtigen Druck-Sachen, gemacht haben!

Warum ich aber so spät antworte, wissen Sie vielleicht schon aus dem Correspondenten. Meine Frau, noch nicht 55 J. alt, ich 17 Jar älter wie sie, starb den $\frac{16}{28}$ April *plötzlich*: Montags morgens machte sie noch Visite ausser dem Hause, u. Donnerstag Abends, also in $3^1/_2$ Tagen war sie todt: noch 6 Stunden vorher bekümmerte sie sich um Haushalts-Sachen. Denken Sie um Gottes Willen, wie mich dieser schreckliche Schlag betrübte...

1. Sie kennen doch von meiner Kinder-W-Geschichte die 6-te, *ser veränderte* Ausgabe des 1-sten Teils? Hätt ich doch bald Gelegenheit, Ihnen beide Teile auf gut Papier zukommen zu lassen!

2. Da haben Sie meine *Olga*: ich erschrecke, wie viel porto Sie dafür werden zalen müssen: aber Sie haben mir das ja exprès befolen. Im Sviatoslav bin ich auch schon weit vorgerückt.

3. *Buhles* Rede habe ich von der Bibliothek; u. *Ewers* erwarte ich von daher nächstens.

4. Wie? Языковъ fragt, ob ich das Patent erhalten habe? Ja wol hab ich es längst erhalten, u. den Brief des Präsidenten Hrn. Joh. *Born* vom 20 Jan. 1806 wenige Wochen nach dem Einlaufe, mit schuldigem Danke beantwortet. Ich bitte, machen Sie mich von dem affreusen Verdachte des Undanks frei. Indess wäre diss, meines Wissens, das *allererste* Beispiel, dass nur ein Brief zwischen hier und Pburg verloren gegangen.

5. Was wird aus D. Cassius, dem ich vor langer Zeit Ihre Vocation als Professor mit 600 R. einhändigte? Natürlich dacht ich, er würde sogleich abreisen; mit Schrecken erfur ich $^1/_4$ Jar nachher, dass er noch hier wäre, — ist sogar noch *jezt* hier, lebt im Elend, tief in Schulden, fürt eine verächtliche Lebens-Art, u. kommt mir nie, aus Scham, über die Schwelle.

6. Michaelis vor 2 Jaren kamen hier 2 Prinzen Dolgorukij mit 2 andern russ. Edelleuten an. Ihr Hofmeister war, wie man mich versicherte, ein gelernter Knopfmacher aus Hanau. — Lieber Gott kommen die Zeiten wieder, wie sie in hoc puncto unter Elisabeth waren! Dieser Hr. Hofmeister brachte mir eine dringende Adresse von Berlin mit, u. verlangte sogleich mein Privat-Collegium über russ. Geschichte für seine Herrn: ich musste es meiner Augen wegen für den *Winter* verbitten, accordirte aber förmlich für den *Sommer*: indess preparirte ich mich, lies es auch in den Lect. Catalog setzen; aber nach Ostern meldete sich kein Hofmeister; so grob wurde ich von dem Menschen geprellt, der übrigens in Allem hier eine seltsame Rolle spielte, auch sich hier verheiratete. Schicken Sie, zur Ehre Ihrer Nation, keine solche Hofmeister wieder nach Göttingen.

7. Platons russ. Kirchen-Geschichte habe ich: ich mochte sie nicht anzeigen, sie ist gar zu elend. Karamsin hat die feine Bemerkung gemacht, man müsse den russ. Mönchen gut seyn, weil wir one sie keine russ. Geschichte haben würden; u. Platon nennt nicht einmal Nestorn!

8. Meine Jarle sind noch nicht gedruckt, die Jablonovsche Societät sollte sie drucken lassen. Diss war der 4-te Preis, den ich bei dieser Societé gewann.

9. Noch ist Ihr Hr. Bruder nicht da, soll aber schon unterwegs seyn: ich erwarte ihn mit offenen Armen.

10. Nun zum Schluss das mir wichtigste: leben Sie wol, mein teuerster Freund! und erfreuen Sie mich so oft als Ihnen möglich, mit Ihren Briefen.

Ihr gehorsamster verbundenster Diener
A. L. Schlözer.

Ser verlangt mich nach dem gedruckten Cod. *Suzdal*, den Krug oft citirt. Tausend Dank für Ihre Bücher-Geschenke.

Письма Шлецера къ Н. Н. Новосильцеву.

1.

Hochgeborner Herr
Hochgebietender Herr Präsident,
mein Gnädiger Herr und Chef!

Vielleicht kennen Ewr. Excellence, dem Namen nach, einen Schwärmer, der vor 43 Jaren, gerufen, nach Russland kam, sich in die Russischen Лѣтописи verliebte, und dieser Amour nicht nur andre Aussichten, die ihm eine brillantere fortune daselbst versprochen, aufopferte, sondern das Studium auch nachher noch, als er, wider seinen Willen, die Russischen Dienste verlassen hatte, 34 Jare lang con amore fortsetzte. — Dieser Schwärmer bin ich, der ganz gehorsamst Unterzeichnete!

Aber Alters halber kan ich nicht lange mer schwärmen, d. i. in kritischer Bearbeitung der *Quellen* Ihrer Reichs-Geschichte fortfaren. Aber continuirt *muss* werden, Gnädiger, Gelehrter, Herr! ich appellire an Ihre allgemein bekannte weit ausgebreitete Belesenheit. Wer englische, französische, deutsche Reichs-Geschichten gelesen hat: kan der Татищев's, Ломоносов's, Щербатов's u. andrer, bis auf Елагинъ herab, Historien verdauen? Und ist es denkbar, dass es hierinn anders werden könne, so lange niemand Willens oder fähig ist, *die Quellen zu reinigen*? Aber dieses Studium ist öde, trocken, erstaunlich mühsam: es war sogar undankbar und verachtet, ehe es Alexander I durch mein Ordens-Patent adelte, u. es für einen полезной подвигъ erklärte. Dennoch zweifle ich, ob sich unter den 40 Mill. Bürgern der grossen Nation noch zur Zeit viele finden werden, die dieses Studium mit der unerlässlichen Anstrengung, sowol bei der Vorbereitung, als bei der Arbeit selbst, treiben mögen. Ohne Enthusiasm, sagt ein französischer Schriftsteller, ist nie was Grosses in der Welt geschehen: Bearbeitung der Russischen Annalen ist was Grosses, weil ohne sie keine würdige Russische Geschichte möglich ist: aber gerade zu dieser Arbeit, deren hoher Werth sich nicht so gleich, sondern erst in einiger Ferne zeigt, wird sich ausnemend selten jemand verstehen, oder dazu fähig seyn.

Nun aber habe ich einen jungen Mann kennen gelernt, der, vielleicht einzig in seiner Art, gerade den Enthusiasm, der mich so lange beseelt, für seine *alte* Reichs-Geschichte hat, u. der die dazu nötigen Eigenschaften, um da fortzufaren, wo ich werde aufhören müssen, teils schon besitzt, teils sich solche in wenig Jaren, falls er in die gehörige Lage kömmt, erwerben kan.

Dies ist Hr. Alexandr Turgenev, Sohn des Hrn. Directors der Moskauer Universität. Er kam vor anderthalb Jahren zu uns, mit einer zalreichen Landsmannschaft, die durch ihr Betragen auf unsrer Georgia-Augusta, ihrer Nation Ehre macht. Zufälliger Weise wurde ich mit Hrn. Turgenev näher bekannt: er mochte aus meinen Vorlesungen einige für ihn ganz neue Ansichten über seine Vaterländische Geschichte aufgefasst haben; wir kamen darüber ser oft in vertrauliche Unterredungen, und bald entdeckte ich seinen Wunsch, sich ganz und gar dem unermesslich weitläufigen Studio, der alten und mittlern Russischen Geschichte zu ergeben. Latein konnte er noch nicht, überzeugte sich aber bald, dass ein Russischer Althistoriker one Latein ein Unding sei; also legte er sich seitdem mit Eifer u. Fortgang auf diese Sprache.

Mein junger Freund ist, wie ich höre, in so glücklichen Vermögens-Umständen, dass er unabhängig leben könnte: gleichwol wünscht er sich eine Lage, wo er seine Lebens-Zeit ex officio mit seinem Lieblings-Studio hinbringen müsste. Vorausgesetzt nun, dass, wie die Zeitungen melden, die *historische* Classe bei der Acad. der Wissensch. wieder hergestellt würde, und was alsdann natürlich das allererste seyn dürfte, Ewr. Excellence durch eine Kunstgerechte Ausgabe der Annalen, die schon unter Z. Ivan Vasiljevicz hätte besorgt werden sollen, schon den ersten Jaren du Siècle d'Alexandre I eine abermalige Auszeichnung weihen wollten: so würde Hr. Turgenev ein ausgezeichnet brauchbarer Mitarbeiter bei dem Glorreichen Geschäfte werden, falls Ewr. Excellence ihn jetzo schon bei der Academie zu engagiren, u. ihn namentlich zu seinem Lieblings-Studio durch Titel u. Gage zu verpflichten, nächstdem aber ihm zur weiteren Vorbereitung die nötige Frist zu verstatten hochgeneigt geruheten.

Er geht diese Ostern, auf Befehl seines Hrn. Vaters, über Wien nach Paris ab, u. wird durch diese Reise ganz gewiss den schon reichen fonds seiner litterarischen u. Welt-Kenntnisse ansehnlich vermehren: aber als künftiger Russischer kritischer Historiker wünscht er sich dann noch auf einige Jare nach Göttingen zurück, um sich zu obgedachtem unsterblichen Geschäfte noch weiter zu prépariren. Er muss noch ungeheuer Vieles lesen, wovon die Haupt-Werke zwar in Russland seyn mögen, aber die Tausende von Brochuren nicht, die sich ganz im Publico verloren haben, u. sich nur blos noch in unsren öffentlichen, oder auch in hiesigen Privat-Bibliotheken, beisammen finden. Auch muss er noch notwendig *Griechisch* lernen: vieler andrer Vorteile, die ihm sein hiesiger verlängerter Aufenthalt, zur *gründlichen Vorbereitung* gewären würde, nicht zu gedenken.

Sehen es Ewr. Excellence nicht als eine Respectwidrige Zudringlichkeit an, dass ich mir die Freiheit neme, Ihnen mit diesen détaillirten Nachrichten aufzuwarten: unverkennbar ist doch hiebei der litterarische und Russische Patriotism, der mich dazu dreiste macht. Was ja von meinem Privat-Interesse dabei ins Spiel kömmt, bestünde höchstens darin, dass ich gerne noch, je eher, je lieber, einen ächten Nestor erleben möchte: aber wäre das nicht auch wieder reiner Russischer Patriotism?

Und um diesen ächten Nestor zu erschaffen und zu erklären — könnten

Ewr. Excellence nicht auch *mich selbst* bei dem Geschäfte brauchen? Meine *Kenntnisse* hierinn, mögen hundert andern in reicherem Masse, wie mir, beiwonen; aber meine 43 Jare darüber gesammelte *Erfarungen* nicht! Diese letztere wünschte ich den Beneidungwürdigen Ausfürern des unsterblichen Werks zu Gute kommen zu lassen; durch Nützung derselben würde — ich setze meine Ehre zum Pfand — in fünf Jaren geschehen, womit sonst der gewönliche Canzlei-Gang 10 u. mehr Jare vertrödelte: und ich, ich erreichte noch am Ende meiner Laufbahn, das sehnlichst gewünschte Glück, im Angesichte der Welt zu beweisen, dass ich mich der ausgezeichneten, vervielfältigten Gnaden-Bezeugungen, mit denen mich der Grosse Kaiser überhäuft, mit möglichster Anstrengung, wenigstens würdig zu machen bestrebe.

Ich erbitte mir Ihre Befehle, Gnädiger Herr und Chef; und bitte meine deutsch-biedere Versicherung geneigt anzunemen, dass ich, bei genauer Kenntnis und wahrer Verehrung der notorischen Verdienste, die Ewr. Excellence Sich um das blühende Kaisertum in mereren branchen bereits erworben haben, in tiefem Respekt beharre

Ewr. Hochgebornen Excellence
ganz gehorsamster Diener
August Ludwig von Schlözer
Der Kaiserl. Acad. der Wissensch. in St. Petersburg
Mitglied seit dem J. 1765.

Göttingen $\frac{17}{29}$ *Febr. 1804.*

2.

Göttingen, $\frac{28\ 9br.}{10\ Xbr.}$ *1807.*

Hochwohlgebohrner Herr,
Höchstzuverehrender Herr Stats-Rath und Ritter!

Längst wusste ich schon, dass ich das Glück hätte, an Ewr. Hochwolgeborn einen warmen Gönner zu haben; und jedem meiner hiesigen jungen Freunde, wenn sie nach St. Petersburg zurückgingen, trug ich auf, Sie dafür meiner dankbaren Verehrung zu versichern.

Aber das Geschenk, womit Ewr. Hwgeb. bei Ihrem ausnemend gütigen Schreiben vom 16 Octbr. (eingelaufen den $\frac{15}{27}$ 9br) mich überraschen, übertraf doch alle meine Erwartung, und entzückte mich um so mer. Ich finde mich zum Correspondenten, zum pensionirten Correspondenten der erlauchten kaiserl. Russischen Gesetz-Commission erklärt; ich lese in dem von so grossen unsterblichen Namen unterzeichneten Diplom, Ausdrücke des Wolwollens, die mich bis zur Beschämung rühren: welch neue Ehre von Russland her, wird mir noch am Abende meines Lebens zu Teil! wird mir das Schicksal noch so lange Frist vergönnen, als ich brauche, um sie einigermassen zu verdienen?

Indess empfangen Sie, mein teurer Gönner, für Ihren grossen Anteil, den Sie an dieser mir zum 5-ten mal von Russland her erwiesenen Ehrenbezeugung — vorher Schreiben des Kaisers, Solitaire, Ritter-Orden, russ. Erb-Adel — haben, meinen innigsten Dank, und erlauben Sie mir zugleich die gehorsamste Bitte, auch dem Directorio der erlauchten Commission meinen Ehrfurchtsvollesten Dank dafür

zu hinterbringen, mit der aufrichtigen Versicherung, dass ich nur ängstlich bin, ob ich für Ihre hohe Absichten so viel werde leisten können, als ich guten Willen habe.

Mein Collega, Hr. HR. Hugo, dem ich auf Ewr. Hwgeb. ordre den Brief mitgeteilt habe, meldet mir, zum Teil in Collegialischer Vertraulichkeit, (wörtlich),

«Das Schreiben hat mir grossen Respect für seinen Verfasser, und eben so grosse Begierde, diese Fragen beantwortet zu sehen, eingeflösst... Der lezte Brief, den ich von Hrn. Stats-Rath von Rosenkampf erhalten habe, war vom 31-sten August 1805, u. dieser kündigte mir einen wissenschaftlichen Brief auf nächstens an. Diesen habe ich denn auch erwartet, um so mer, da in meinem Briefe ich gefragt hatte, ob auch Bemerkungen über das, was schon gedruckt sei, gewünscht würden, u. der Brief vom 31-sten August darauf keine Antwort erteilte. Dürfte ich Ewr. bitten, in Ihrer Antwort an den Hrn. Stats-Rath diss mit zu berühren? Eine so Ehrenvolle Correspondenz würde ich fürwahr nicht nachlässig betreiben».

Die ersten 9 Worte dieses Extracts unterschreibe ich nicht nur mit inniger Überzeugung, sondern füge noch folgendes hinzu. Ich füle in diesem vortrefflichen Schreiben — das eigentlich nach seinen Haupt-Ideen, publik gemacht werden müsste — die Resultate von vieljärigen tiefen recherchen über das grosse Thema; und um vorläufig Ewr. Hwgeb. nur anzudeuten, dass ich diese Winke und meine Pflichten kenne, erlauben Sie mir Folgendes nach der ersten, aber sorgfältigen Lecture des Briefs, hinzuwerfen.

Untersuchungen über russ. *Rechts*-Geschichte fangen erst mit der *Правда* an: so weit denke ich noch, volente Deo, zu gelangen: indess wird mein Collega, Hr. Turgenev, diese Правда, nach Strube, Tatiszev, u. Musin-Puszkin vollständiger bearbeiten, und ich werde dann seine Arbeit meinemNestor, vielleicht mit einigen Zusätzen aus der Skandi[navi]sch-Germanischen Legislation, einverleiben.

Mein Revier ist vom Anfang des Stats bis Jaroslavs Tode: also ist für mich leider! hier wenig zu tun. Weder die Normänner, noch die Slaven, hatten eine *Gesetzgebung*, sondern bloss *Herkommen*, wie die Germanen meist vor Carl dem Grossen, wie die Mongolen vor Dshinkis-Chan. Aber auch was das Herkommen zum Gesetz gemacht hatte: woher wissen wir etwas davon? Etwas in *Olegs* u. *Igors* Tractaten? aber möchte mir doch Hr. Krug, wenn er könnte, meine schwere Zweifel gegen die Ächtheit dieser Tractaten lösen! In der Geschichte der *Olga*, die ich eben jetzo drucken lasse, erwartete ich nichts von der Art, fand aber ein von ihr aufgehobnes Gesetz (warscheinlich eine Interpolation), bei dem Tatisczev von einem jure primae noctis träumt....

Das eigentliche Revier, wo der kritische Historiker einer Gesetz-Commission ware Dienste leisten kan, fängt also mit Jaroslav an: fast beneide ich Hrn. Karamsin, der in diese Ernte fallen muss. Hier, wie ich aus Gründen vermute, wird sich ser vieles *finden* lassen, wenn gehörig *gesucht* wird. Dieses *Suchen* wäre nun auch erste Pflicht der neuerrichteten Societät für russ. Altertümer: aber da diese seit Jaren nichts von sich hören lässt, also sich in die blâme gesezt hat, das sie nichts tut: so wird die hohe Commission dieses mühsame *Suchen* übernemen müssen, und Ewr. Hwgb. hochgeneigte Versicherung, dass ich von diesem nach u. nach aufzufindenden, Nachricht erhalten würde, hat mich innigst gefreut.

Bei Gelegenheit, dass Ewr. Hwgeb. der Byzantischen Legislation erwänen, bemerke ich, dass ich Spuren habe, dass sich, ausser den gedruckten russ. Übersetzungen, noch viel anders im Msct finden wird: ist doch das ganze Moskauer Hof-Cärimoniel, wie es noch vor 150 Jaren war, so zu sagen wörtlich, von dem

byzantischen abcopirt. Ich selbst habe einige (nun verlegte, nicht verlorne) Bogen solcher übersezten Gesetze, wo alle Strafen nach Byzantinen bestimmt sind. Mir, der ich so gern Bysantica und Russica parallelisire, felt es leider! hier zu ser an Subsidien: so hat unsre Bibliothek z. B. nicht einmal die Кормчая книга.

Noch gebe ich mir die Ehre, Ewr. Hwgeb. einen gehorsamsten Dank zu prenumeriren, da Sie gewogenst Sich selbst mit Übermachung der Pension bemühen wollen. Wozu ich solche anwende—zur pflichtmässigen Fortsetzung meines Nestors auf eigene Kosten, da kein Verleger mer bei jetzigen schrecklichen Zeiten ein ernsthaftes Buch zu verlegen wagt—hat Ihnen vielleicht schon Hr. Turgenev erzält.

Gestern illuminirte die Georgia-Augusta, im Zusammenhange mit Tilsit, für den neuen König.

Mit der ausgezeichnetsten Verehrung habe ich die Ehre zu beharren

Ewr. Hochwolgeborn
ganz gehorsamster dankbarer Diener

August Ludwig von Schlözer.

ПИСЬМА

КЪ

АНДРЕЮ СЕРГѢЕВИЧУ КАЙСАРОВУ

ВЪ

ГЕТТИНГЕНЪ.

1805—1806 гг.

1.

Москва! Москва! Москва! Москва! Москва! Москва! Москва!

Слава Богу, братъ, наконецъ, добрались въ шестнадцатыя сутки до Москвы. Я тебѣ стану писать по порядку. Изъ Ольмюца и Тешена послалъ я тебѣ 2 письма въ Вѣну; изъ Кременца, русскаго города — въ Лейбцигъ на Консула. Изъ Кіева не успѣлъ писать; осмотрѣлъ пещеры и церкви, видѣлъ Нестора и пещеру святаго на Куричьихъ Ножкахъ. Черезъ Орелъ и Тулу пріѣхалъ сюда въ четыре часа послѣ обѣда; я пошелъ къ К. Гагарину; онъ нашелъ за шесть недѣль уже умершую мать. Я послалъ предупредить къ намъ въ домъ; къ щастію моему и моего Батюшки у насъ сидѣла въ то время Матушка Наталья Васильевна; ей одной сказали; она послала къ П[етру] Володиміровичу и Тетушкѣ; пріѣхали, взяли меня отъ К. Гагарина, и я поѣхалъ къ себѣ съ П[етромъ] Волод[иміровичемъ]. Сцена была для всѣхъ горькая и радостная. Батюшка едва стоялъ на ногахъ и произнесъ нѣсколько словъ; я крѣпился; Николая не узналъ: выросъ чрезвычайно; лице и мина тѣ же; похожъ на пок. брата чрезвычайно. Сережа выросъ, но лице и все то же. Наталья Васильевна здоровѣе прежняго и лице полнѣе; говорю, какъ Богу, правду. Она облила меня слезами, и слезы наши смѣшались. Я увѣрилъ ее, что ты здоровъ; цѣловалъ и обливалъ слезами ея руки нѣсколько разъ и благодарилъ за тебя. Послѣ ужина мы разстались. Батюшку и бѣдныхъ, горькихъ дѣтей я не могу видѣть; они переносятъ все твердо, часто шутятъ и довольно веселы. Но я не могу смотрѣть на Николашу; онъ точный братъ, какъ онъ былъ со мной въ деревнѣ. Сережа точный я. Слава Богу, они очень дружны. Можетъ быть, горе ихъ сдружило болѣе. Ходятъ за Батюшкой и не ропщатъ на свое положеніе. Батюшка едва выговариваетъ три слова и то худо. Мнѣ не открывали того, что съ нимъ было: онъ былъ при смерти; никто не надѣялся въ жизни его. Всѣ оставили, кромѣ Лоп[ухина], Николая Лукьяновича и благодѣтеля Паисія Сергѣевича, которой, какъ сынъ, день и ночь не отходилъ отъ него. Я вѣчно буду ему благодаренъ; Богъ наградилъ меня за любовь мою къ тебѣ и твою

ко мнѣ. Онъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ въ Петербургъ за двѣ недѣли до моего пріѣзда сюда. Больно мнѣ, что я не могъ еще здѣсь отблагодарить его за такое рѣдкое участіе, которое я ожидалъ отъ его сердца, но не отъ его вѣтренности. Онъ ночи просиживалъ съ Батюшкой и въ самыя критическія минуты, когда всѣ уже отчаявались, не отходилъ отъ него. Пиши, братъ, ты къ нему и благодари за меня; я ужъ черезъ Дядюшку Семена Володиміровича, которой теперь въ Петербургѣ съ дѣтьми, благодарилъ его. Михайла Сергѣевичъ за три дни до моего пріѣзда былъ здѣсь на одинъ день только проѣздомъ изъ Саратова, гдѣ онъ хлопоталъ по дѣламъ, въ Петербургъ. Я еще не писалъ къ нимъ о твоемъ огорченіи отъ неполученія писемъ. Но и Матушка Нат[алія] Вас[ильевна] это знаетъ, и ей это очень непріятно, такъ какъ и на тебя она немного жалуется, что ты только разъ въ два мѣсяца пишешь; я обѣщалъ за тебя, что въ мѣсяцъ два раза хоть по нѣскольку строкъ черезъ меня отъ тебя она получать будетъ. Я былъ на другой же день у ней и пилъ кофе; она жила у К. Козловской. Но я нарочно сошелъ внизъ и особо и къ Княг[инѣ] пошелъ отъ тебя, чему Матушка очень обрадовалась, и Княг[иня] также благодарила Матушку за твою любовь. На сихъ дняхъ ѣду и къ Виктору Антоновичу отъ тебя же и Матушкѣ объ этомъ сказывалъ. Книги наши въ Петербургѣ всѣ, и я писалъ, чтобъ и твои сюда ко мнѣ же прислали. Здѣсь они цѣлѣе будутъ. Жуковскаго здѣсь не засталъ: онъ уѣхалъ въ деревню; но тотчасъ опять для меня будетъ. Мерзляковъ, иныя говорятъ, уже въ Вильно и посланъ на казенный щетъ путешествовать, для того чтобы быть учителемъ Вел. Князей. Иныя говорятъ, онъ еще въ Петербургѣ и будетъ скоро сюда. Университетъ всѣ называютъ вертепомъ разбойн.. Однакожь, всѣ профессора получили перстни. Антон[скій] обиженъ, сидитъ безъ креста, съ однимъ перстнемъ. Чеботаревъ — дуракъ и обидчикъ. Цвѣтаевъ—проф.-юр... и въ середу буду я у него на курсивной лекціи. Здѣсь я теперь въ кругу почти всѣхъ родныхъ своихъ, кромѣ Петра Петр[овича]. Сестрица Анна Семеновна меня очень любитъ. Мужъ Христины Никифоровны, вашей сосѣдки, сошелъ съ ума. Куда не оглянусь, вездѣ только нещастія и огорченія. Я стою, какъ нетвердый столпъ, и только что смотрю Батюшкѣ въ глаза, который такъ убитъ, что еще по сю пору не можетъ почти ничего говорить, и скрытно плачетъ иногда, что не можетъ говорить со мною и брать участія въ моихъ успѣхахъ; покуда я крѣплюсь и кажусь веселымъ; но боюсь, чтобъ не упасть и мнѣ духомъ; доктора ничего не даютъ ему; дожидаются весны. Домъ у насъ изрядной. Лѣтомъ поѣдемъ, можетъ быть, въ Липецкія воды и будемъ гостить въ деревнѣ у твоей Матушки. Поплачу въ саду твоемъ. Напрасно, братъ, мы разстались

другъ съ другомъ. Конечно, ты не найдешь здѣсь ничего, кромѣ печальныхъ; но мнѣ непремѣнно нуженъ старшій братъ, который бы ободрялъ меня и утиралъ слезы маленькихъ моихъ братьевъ вмѣстѣ со мною. Не медли, братъ, по окончаніи двухъ курсовъ; а то, право, меня найдешь въ худомъ положеніи. Я тебѣ говорю открыто: право, съ трудомъ могу выносить всѣ свои нещастія, и ты мнѣ непремѣнно нуженъ; я ожидаю съ твоимъ пріѣздомъ и новыхъ силъ и новаго спокойствія.

На другой день пріѣзда обѣдалъ у Бекле[ми]шева, на третій у Булгакова. Былъ съ Дмитріевымъ у Карамзина. Обѣимъ сказалъ, что ты имъ послалъ свою книжку съ надписью, но что они, видно, какъ и многія другія, не получили ее. Благодарятъ усердно оба. Дмитріевъ хотѣлъ по полученіи книжки отвѣчать самъ тебѣ. Карамзинъ, братъ, удивительныя свѣденія имѣетъ въ критической Русской Исторіи. Повѣришь ли ты, что онъ почти всѣ книги имѣетъ, кои мы съ трудомъ достали себѣ въ Гетингенѣ, потому что онъ пользуется Штритеровою и другими библіотеками. Пишетъ тихо, не вдругъ и работаетъ прилѣжно; хочетъ послать первыя листы къ Шлецеру; я говорилъ съ нимъ много и, право, удивился его знаніямъ и усердію. Правда ли, что Шлецеръ на него писалъ въ Петербургъ, называя его неспособнымъ писать Русскую Исторію? это—несправедливо; увѣдомь меня объ этомъ. Шлецеръ думаетъ, что только и свѣту, что у него подъ окошкомъ, а, право, и у Карамзина свѣтло. Естьли К[арамзинъ] все это обдумаетъ, что̀ онъ имѣетъ случай и средства узнать, то я отъ него ожидаю многова. Онъ также всего Шлецера имѣетъ и множество Русскихъ лѣтописей, кои гораздо важнѣе всѣхъ Шлец[еровыхъ] списковъ. — Какъ мнѣ досадно, что тебя здѣсь нѣтъ: мы бы начали издавать свой Журналъ; здѣсь всѣ издаютъ Журналы. Я еще ни одного не видалъ; буду тебѣ писать обо всемъ. Моя піеска понравилась, и уже на нее другія ссылаются и именно на то мѣсто, за которое я краснѣюсь въ своемъ невѣжествѣ: un sot trouve toujours... и пр.. Я не радъ теперь ей. Тебѣ, братъ, посланы деньги въ Гетингенъ Матушкой на адрессъ Шлецера. Напрасно не далъ я тебѣ больше изъ своихъ 500 fl., которыя я въ Вѣнѣ занялъ. У меня много осталось, а здѣсь не нужны. Ты бы мнѣ тѣ книги купилъ. Будь экономнѣе, братъ, — послушай меня. Я тебѣ перешлю и для Пав[ла] Петр[овича]. Братцы въ Петербургѣ много издерживаютъ; Матушка этимъ недовольна. Со мной неизвѣстно что будетъ. Новосильцовъ по пріѣздѣ захочетъ взять меня, разумѣется, съ большимъ жалованьемъ, а чинъ и прежде еще будетъ; только я не отойду отъ Батюшки, прежде нежели Бат. не выздоровѣетъ.

Лихачевъ здѣсь; онъ считается у Новосильцова. Мих[аилъ] Соковнинъ

женился на бѣдной. Павелъ въ Петербургѣ. Сережу Сок[овнина] Ант[онскій] балуетъ для матери въ обиду прочимъ, особливо Николаю; но теперь ужъ этого не будетъ. Un frère est un ami donné par la Nature. Пенсіонъ никуда не годится; а учениковъ много, все маленькія. Учатъ такъ называемыя университетскія кандидаты, между проч. и Анд[рей] Чеботаревъ. Вас[илій] Дмитровичъ тебѣ кланяется. Аѳан[асій] Мих[айловичъ] растолстѣлъ. Съ какими чувствами вошелъ я туда! Боже мой! — все прошло. Мало лицъ знакомыхъ. Горько, братъ, безъ тебя и въ Москвѣ. Мы бы съ тобой и радовались ей больше и больше бы имѣли что вспоминать. А я теперь никуда одинъ и итти не хочу. Все грустно; отъ Батюшки не отхожу. А ему больно, что нельзя говорить со мною. Въ Пансіонское собраніе ходитъ очень часто Дмитріевъ и твердитъ безпрестанно Хвостову и Кутузову, которыя выдаютъ вмѣстѣ Журналъ, чтобъ они шли учиться благоразумной критикѣ къ дѣтямъ въ Пансіонъ. Платонъ, у котораго я былъ, не отпустилъ цѣлыя пять часовъ меня отъ себя и говорилъ послѣ, что былъ на профессорской лекціи; зоветъ въ Виѳанію. Жаль, что не смыслитъ по-Нѣмецки: повезъ бы ему твою книжку. Теперь ничего не посылаю изъ Литтературы, потому что ни о чемъ не знаю; а на слѣдующей почтѣ заставлю тебя заплатить sechszehn gute Groschen porto. A propos. Николаша и Сережа не хуже меня говорятъ по-Нѣмецки. Спасибо доброму учителю.

Не надписывай, братъ, на Ключарева письма, а просто на меня — Покровка, домъ Тургеневыхъ, въ Собачьемъ переулкѣ; даромъ, братъ, что собачій, а видъ изъ дому славной: все Замоскворѣчье и Воробьевы горы видны. Пиши чаще. Вотъ тебѣ отъ Матушки. Давай новости о Шлецерѣ, обо всемъ, а больше о себѣ. Не жалѣй моихъ денегъ за письма, а всякую недѣлю толще этого письмо; всякую бездѣлицу о себѣ, о здоровьи, о учепьи. Знаешь, братъ! А не то вить око за око. Бат. хочетъ къ тебѣ подписать свое имя, больше не можетъ, теперь что-то хуже прежняго владѣетъ рукой. Матушка кланяется. Прости лiожа моя — твой...[1]). Прости, миленькой.

Тургеневъ.

На конвертѣ: Herrn Herrn Hofrath u. Professor v. Schloetzer, in Göttingen. mit der gehorsamsten Bitte den Brief an Herrn v. Kayssarow zu übergeben. Его Высокоблагородію Г-ну Профессору и Кавалеру Шлецеру въ *Гетингенѣ.*

---

1) Слово не разобрано.

2.

Москва. 1805, 5 февраля.

Вотъ, братъ, тебѣ Московской гостинецъ: чай отъ Матушки, икра отъ меня, книжки отъ Батюшки. Узналъ объ отъѣздѣ извощиковъ только наканунѣ; не умѣлъ собраться съ мыслями, чтобы послать къ тебѣ, о чемъ бы написать къ тебѣ въ такой скорости. Извощ. Яковъ былъ нещастливъ, и для того не ѣдетъ уже больше въ Лейпцигъ. Не могу вздумать теперь, о чемъ бы мнѣ написать къ тебѣ. Скажи Павлу Петровичу, чтобъ онъ послалъ ко мнѣ съ этими извощиками книги, которыя я тебѣ для меня купить назначилъ, и еще кой-какія для меня нужныя; напр., естьли вышла 5-я тетрадь Haquet's Slaven, четыре я имѣю; 5 или шесть книгъ Engels Geschichte der Bayrischen Nebenländer и прочія, о чемъ я писалъ къ тебѣ. Деньги за провозъ я заплачу здѣсь по уговорной цѣнѣ, о которой ты, братъ, напиши ко мнѣ. Естьли есть что въ Гетингенѣ для меня, такъ пришли, напр. Heeren-ово изданіе новое Ideen, его Compendium der alten Gesch., котораго у меня нѣтъ. Деньги за книги я переведу къ тебѣ въ концѣ Февраля же. Желалъ бы съ этими извощиками послать къ Павлу Петровичу червонцевъ, которыхъ у меня еще осталось, но боюсь—пропадутъ. Потоцкаго всѣ сочиненія, естьли можно, на Франц. пришли. Да естьли что забыли прислать изъ моихъ Гетингскихъ книгъ, такъ дошли. Шлецерову Статистику не забудь прислать и что есть изъ 3-й части Нестора. Не у тебя ли, братъ, въ Вѣнѣ остались мои Италіянскія и Гиспанскія талеры, что мнѣ размѣнялъ Пиллегрини? У меня ихъ нѣтъ. Здѣсь познакомился я уже съ братомъ Романа Гавр[иловича] Соколовича, которой учится на своемъ коштѣ въ Университетѣ, гдѣ уже ни гимназій, ничего не будетъ, и слѣд. его нельзя помѣстить на казенный щетъ. Здѣсь и братъ Павла Якимовича, съ коимъ не успѣлъ еще познакомиться. Найду и постараюсь исполнить его желаніе быть студентомъ въ Университетѣ, хоть глупецъ Чеботаревъ и дѣлаетъ грубости Батюшкѣ и всѣмъ, и отказалъ ему за то, что не знаетъ, а только еще учится по латыни, между тѣмъ какъ мои братья также студенты. Бумаги Митрополитскія переписываются, и я отдамъ ихъ хозяину извощиковъ, которой ѣдетъ послѣ, но будетъ въ одно время въ Лейпцигѣ и отдастъ все Павлу Петровичу. На прошедшей почтѣ писалъ я къ братцамъ въ Петербургъ, просилъ ихъ переслать книги и сохранить все, что осталось по братѣ, писать черезъ меня къ тебѣ и взять у Яценки твой образъ и переслать его черезъ Дядюшку ко мнѣ для сохраненія. Такъ теперь смѣшенъ, что не знаю о чемъ теперь писать

и что оставить для почты. Книги и рѣчи Шлецера здѣшняго ты, вѣрно, получишь отъ отца его для прочтенія; онъ здѣсь объявилъ лекцію за деньги по 100 р. съ человѣка, но никто нейдетъ къ нему и — дѣльно: будетъ и 2000 жалованья, или бы бралъ по 10 р., а не по 100. Онъ слишкомъ гордъ и сказалъ въ объявленіи: je porte un nom distingué dans la litterature, et j'espére de s'en rendre digne. Аржаная каша! Книги его все изъ отцевскихъ лекцій, кажется.—Любезному другу Тургеневу не стану писать особо, зная, что ты обо всемъ допесешь ему, что надобно. Вы, я чай, вмѣстѣ всегда и погуливаете вмѣстѣ. Цвѣтаевъ мнѣ здѣсь о немъ сказывалъ; онъ сдѣланъ Экст. Профессоромъ, и я слушалъ его курсивную лекцію о правилахъ законодательства; очень хорошо и учено, только всѣмъ обязанъ онъ Французамъ, а не Нѣмцамъ и не любитъ послѣднихъ. Твоя Древняя Рос[сійская] Виѳліоѳика у насъ цѣла, я стану на Площадкѣ доискивать къ ней продолженіе и дополню. Недавно М[аксимъ] И[вановичъ] Невзоровъ ее всю тамъ нашелъ. У насъ очень много книгъ, до Русской Исторіи относящихся. Пріѣжжай только. Батюшкѣ, братъ, нѣтъ лутче; теперь начали его мазать сильнымъ ректифированнымъ масломъ, и принимать также. Будетъ ли польза — не знаю. Авось!

Реэстръ того, что посылается:

Тебѣ: большой Китайской ящикъ чаю съ четырмя фунтами или и больше. Боченочикъ икры свѣжей, 4 фунта съ половиною. Актъ Университетской. Невзорова стихотворенія. Духовный рыцарь. Календарь 1805. Prospectes de journal des varietés, и реэстръ польскихъ книгъ, которыя тебѣ можно будетъ изъ Лемберга выписать.

Что, братъ, дѣлать, что такъ мало новостей посылаю! не успѣлъ осмотрѣться, не успѣлъ узнать, что есть любопытнаго, что вышло путнаго въ Литературѣ; вѣдь не Шаликова же стихотвореніями кормить тебя! ты брезгливъ на это. Ни Жуковскаго ни Мерзлякова еще нѣтъ, съ кѣмъ бы посовѣтываться. Пришли, братъ, мнѣ также книжекъ десять твоей Миѳологіи; мнѣ надобно дарить охотниковъ; естьли можно, и—больше; меня всѣ о тебѣ спрашиваютъ; а я—и книгу въ руки. Что ты отъ Консула взялъ, также пришли. Нельзя ли Шлецеровыхъ рецензій въ Гетингенскомъ Журналѣ и копій съ тѣхъ рецензій, кои вышли на твою книжку. Буле издаетъ Moskovische Litteraturzeitung, и въ первомъ № дѣло идетъ о Шлецеровомъ Несторѣ. Вы, я думаю, имѣете это отъ Шлецера. Нельзя ли, братъ, выписать изъ Griesbach's Neuen (sc) Testament рецензію Добровскаго на Ганленштейна и прислать. Doch kann ich nicht verschmerzen, что ни одной по твоей части интересной книжки не посылаю къ тебѣ. Грельманъ своей

рѣчью здѣсь не поправился, потому что говорилъ о свободѣ. Женѣ его дана 500-рублевая пенсія, сыну студентское 200-рублевое жалованье и 2000 р. единовременно. Она ѣдетъ къ вамъ. Жаль, что несносный грубіянъ Чеботаревъ и ей досаждаетъ въ теперешнемъ ея положеніи.

Я писалъ къ Павлу Петровичу особо, а книги двѣ къ Консулу приложилъ особо и отдать велѣлъ.

Прости, милый мой; теперь неловко къ тебѣ писать, потому что письмо это дойдетъ не скоро; лутче по почтѣ. Прости, милашъ. Теперь сижу одинъ съ Батюшкой. Ахъ, братъ, грустно, когда не съ кѣмъ раздѣлить горя. Вѣрно, и тебѣ не слишкомъ весело. Сегодня видѣлъ тебя во снѣ и Богъ бы знаетъ что далъ, естьли бъ ты очутился подлѣ меня на постели. Миленькій, естьли я скажу, что не засыпаю безъ того, чтобы твой образъ не былъ передъ моими глазами, то, право, не солгу. Я тебя люблю, какъ нѣжнѣйшаго брата, въ первый разъ говорю это тебѣ. Прости, милой мой. За то только, чтобы поцѣловать и обнять тебя, право бы отдалъ годъ безполезной жизни своей. Прости.

Твой Тургеневъ.

3.

Февр. 9. 1805.

Вчера, любезный другъ, къ радостному пріѣзду Булгакова получилъ письмо твое, но — еще только изъ Вѣны. Спасибо, братъ, за любовь твою. Братъ, повѣрь искренности друга, что моя къ тебѣ всякой день увеличивается, и что я безъ слезъ и безъ унынія вспомнить не могу, что мы съ тобой розно. Мнѣ трудно одному переносить свое положеніе. Я не на утѣшеніе, на горесть Батюшкѣ сюда пріѣхалъ; ему хотѣлось бы говорить со мною, вмѣшиваться въ разговоры, но — не можетъ. Лутче ему нѣтъ; можетъ быть, будетъ ему лутче, но совершеннаго выздоровленія я не ожидаю; да и онъ въ этомъ отчаявается; а это еще больше трогаетъ его. Одинъ разъ, безъ меня еще, хлопнулъ онъ руками, заплакалъ и сказалъ при дѣтяхъ: *на что я вамъ гожусь?* Вотъ какія мысли мучатъ его; а я чѣмъ могу разогнать ихъ? Полно, братъ. Тебѣ и безъ того, можетъ быть, невесело. — На прошедшей недѣлѣ послалъ я къ тебѣ съ извощикомъ Агапомъ Ивановымъ Мурашевымъ, у котораго мы прошлаго году купили чай, — книгъ кой-какихъ пакетъ, боченокъ икры — $4^1/_2$ и Китайской ящикъ чаю 4 фунта. Все это адресовалъ на имя Павла Петровича или на Консула, а ихъ просилъ отдать тебѣ. Съ Яковомъ же теперь посылаю тебѣ переписанныя

Митрополитскія бумаги и нѣкоторыя книги и объявленія. A propos. О твоей книжкѣ сдѣлалъ Буле въ издаваемыхъ имъ Моск[овскихъ] Литерат[урныхъ] Вѣдомостяхъ рецензію; я еще не получилъ ее; но приложу къ тебѣ вмѣстѣ съ другими и пошлю съ Яковомъ. Письмо твое къ Матушкѣ отошлю вмѣстѣ съ своимъ. Булгаковъ только вчера пріѣхалъ; сказывалъ мнѣ много о тебѣ; сегодня опять съ нимъ увижусь и наговорюсь о лîожѣ моей, которая много плакала, за что я на нее сердитъ. Какія это книги къ намъ въ Вѣну пришли, Карловицкія ли или Венеціанскія, и надѣется ли Иванъ Алексѣевичъ ихъ всѣ ко мнѣ отправить? Что ты не написалъ ко мнѣ? Я былъ у Соковн[иныхъ] еще только два раза, и то на минуту. Жалкое ихъ положеніе. Павелъ въ Петербургѣ. Михайла проигрался и женился на бѣдной и притомъ семейной дѣвушкѣ. Вѣроятно, я и по пріѣздѣ Жуковскаго рѣдко, очень рѣдко къ нимъ ѣздить буду. Все для меня умерло. По крайней мѣрѣ, я чувствую какую-то пустоту въ самомъ себѣ и уже никогда не буду и тѣмъ, что я былъ для себя и для другихъ. Горько мнѣ, что мои бѣдствія отдѣлили меня отъ всѣхъ почти. Ни съ кѣмъ уже мнѣ не радоваться, а горевать не всякой захочетъ со мною. Да и я ужъ что-то не тотъ сталъ, чѣмъ я прежде въ Москвѣ былъ. Да и ученость и путешествіе на умъ нейдутъ. Не знаю, за что приняться. Не вижу, чтобы мнѣ когда-нибудь возможно было оставить Москву. Я останусь здѣсь до совершеннаго выздоровленія Бат.. Естьли онъ слабъ будетъ, хотя и здоровъ, то и тогда мнѣ невозможно будетъ его оставить, ибо ударъ и разслабленіе нервъ отъ новой разлуки и съ отъѣздомъ моимъ тотчасъ возвратятся. И такъ, естьли страшнаго чего не воспослѣдуетъ, ты меня найдешь въ Москвѣ. Но я надѣюсь еще на Бога; авось пробуду съ Батюшкой и буду видѣть его хоть нѣсколько здоровымъ. И на что мнѣ оставлять его? Я и здѣсь могу учиться; а наслужиться успѣю. Лишь бы это только его не огорчало. Вѣдь ты знаешь, какъ онъ предпочитаетъ нашу своей пользѣ. Баузе, котораго я видѣлъ, обѣдая съ Нѣмец. Проф. у Рихтера, полюбилъ такъ меня, что позволилъ описать свой Кабинетъ русскихъ рѣдкостей всякаго роду и воспользоваться его знаніями въ русскихъ древностяхъ. А онъ человѣкъ для этого безцѣнной. Я буду ходить къ нему и работать. Естьлибъ было время, то мнѣ и Малиновскій хочетъ давать все изъ Архива. Карамзинъ написалъ первой томъ, но еще не печаталъ. Университетъ разтроенъ совершенно: гимназіи при немъ не будетъ, и ученики пойдутъ по міру. Напиши мнѣ, не знаешь ли ты чего-нибудь о Калкау. Гдѣ онъ и для чего не пишетъ къ Баузе? Мерзляковъ скоро сюда будетъ; Жуковскій пріѣдетъ въ концѣ этого мѣсяца. Присылай, братъ, мнѣ больше маленькихъ нужныхъ для меня книжекъ изъ тѣхъ,

кои мы замѣтили у Митрополита, напр. Slavisches Bücherdruk in Würtemberg v. Schnurrer 1799, и другія. Я тебѣ уже писалъ въ письмѣ, посланномъ съ книгами, что да что мнѣ прислать еще съ этими извощиками. Деньги перешлю въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Ты, мой милой, не безпокойся о Матушкиномъ здоровьѣ. Право, она лучше прежняго и подобрѣла. Только пиши къ ней чаще черезъ меня. Къ братцамъ я писалъ; ожидаю отвѣта. Къ Петру Серг[ѣевичу] долженъ ужъ съ просьбою приступить о благорасположеніи къ одному доктору... Это по части Гр. Строгонова, у котораго онъ силенъ. Видишь, братъ, какъ наши полѣзли въ гору. Ужъ я имъ нагопялъ за то, что они не писали къ тебѣ. У Виктора Антоновича былъ какъ бы отъ тебя присланный, а самъ отъ себя особо; этого и Матушкѣ хотѣлось. Говорили много о тебѣ. Просилъ на вечеръ. Вчера только пріѣхалъ Губаревъ изъ деревни; но еще не видался съ нимъ. На слѣдующей недѣлѣ, на масляницу, буду разъѣжжать съ Булг[аковымъ] по собраніямъ и маскерадамъ, уложивъ Батюшку въ постелю. Всѣ мои архивскія сверстники и меньшія меня пережалованы; всѣ перерасли; но наше съ тобой не уйдетъ, братъ. Черепочки, коли не другимъ, такъ намъ самимъ пригодятся. Жаль, что тебя здѣсь нѣтъ, а то бы мы, такъ какъ нынче въ модѣ издавать Журналы, начали бы свой, на что уговариваетъ меня Дмитріевъ и предлагаетъ мнѣ, Жуковс[кому], Мерзляк[ову] свой домъ для собранія и для работъ. Ему хочется этого непремѣнно. Заведемъ, братъ, мы съ тобой литературную переписку. Ты меня увѣдомляй о новостяхъ ученыхъ и литературныхъ въ Германіи, а я — о здѣшнихъ глупостяхъ и друзьяхъ просвѣщенія, которыя пишутся врагами его, т. е. Кутузовыми и Хвостовыми... Право, это прекрасно будетъ, и тогда мы все вмѣстѣ напечатаемъ здѣсь, только не въ Журналѣ. Эта мысль вылилась мнѣ теперь изъ-подъ пера моего. Критика здравая, строгая, безщадная и полезная — вотъ цѣль и планъ нашей переписки. Естьли мнѣ здѣсь не позволятъ этого напечатать, то мы прибѣгнемъ къ Лейпцигу, ибо ценсура теперь чрезвычайно строга, и Максимъ Ивановичъ (которой послалъ къ тебѣ свои стихотворенія) недавно вымаралъ много и въ Путешествіи Платона Митр[ополита], которое онъ написалъ, проѣхавшись по Россіи. Много можно писать объ испорченномъ вкусѣ въ театрахъ здѣшней публики, ибо, какъ скоро представляется Русалка (das Donauweibchen), то полонъ театръ и проѣзду нѣтъ. Жаль, что мы такъ близко граничимъ къ Вѣнской публикѣ. Естьли ты хочешь этого, то или ты начни, или я начну; естьли и не будемъ печатать, то это останется для насъ. А я буду ходить въ Англинской клобъ, гдѣ можно получать всѣ журналы.

Пора мнѣ, милой, спать. Завтра допишу къ тебѣ. А думать о тебѣ я

еще и сегодня буду. Ты у меня носишься въ воображеніи. Всякой вечеръ и чтобы заснуть сладкимъ, почти сладострастнымъ сномъ, надобно, чтобъ я вспомнилъ и думалъ о тебѣ, о щастливомъ, безцѣнномъ времени нашего житья. Святая любовь моя къ тебѣ, которая со всякимъ днемъ увеличивается, дѣлаетъ меня и въ разлукѣ съ тобою сколько-то щастливымъ. Милой, я не притворяюсь. Прости, миленькой мой. Пиши ко мнѣ каждую недѣлю. Прости, милой любезной другъ мой, лiожа добрая моя.

Тургеневу поклонъ; вели и ему писать ко мнѣ. Къ Сулимѣ въ Петербургъ еще не писалъ и брата его здѣсь не видалъ еще; а Соколовича видѣлъ. Кажется, братъ его оставилъ. Мнѣ надобно стараться выхлопотать ему студентство. Книги для меня прислать: 1) Von den Kaukasischen Völkern der Mythischen Zeit, ein abermaliger Beitrag etc. v. Ditmar, Berlin, Maurer 1789, in 8°; 2) Swatoplug, sonst Zwentibold oder der heilige Knabe, Prag u. Leibzig 97, bey Bühler; 3) Historische Untersuchung der Frage: ward Kirche eingesezt v. Schmidt, Leibz. 89, bey Kümmer; 4) Versuch einer Gesch. der abwechselnden Schiksale der protestantischen Religion in Bayern. Zürich, 97.

На конвертѣ: À Monsieur Monsieur *de Kayssarow.* Capitaine au service de S. M. I. de toutes les Russies. à Goettinge. *poste restante.* nach Göttingen. Его Благор. Кайсарову. *въ Гетингенъ.*

Штемпель: Moskou.

4.

7 марта. 1805.

Здравствуй, милой мой! Да и прощай вмѣстѣ, ибо я завтра ѣду въ Петербургъ. Новосильцовъ пріѣхалъ, и мнѣ надобно къ нему явиться. Что то со мной будетъ! А Бат. оставлять очень грустно. Опять скука для него настанетъ; и безъ того не весело было. Я ѣду вмѣстѣ съ Жуковскимъ, которой дня четыре какъ сюда пріѣхалъ. Онъ прогуляться только ѣдетъ, а я, бѣдной — на досаду и на поклоны. Что дѣлать? Хочется только, чтобъ хотя какъ-нибудь Бат. утѣшить. А больше всего ѣду я, чтобы выручить свои книги, изъ коихъ я и шестой части не получилъ. Не знаю, всѣ ли посланы изъ Гетингена; кромѣ Богемскихъ, у меня здѣсь шестой части, вѣрно, нѣтъ. Нѣкоторыя остались въ Петербургѣ, другія взяты ценсурою; а гдѣ остальная большая часть — не знаю. Петръ Серг[ѣевичъ] все выклалъ изъ ящиковъ, и вотъ — наши сборы и ссоры за книги! Больно, братъ, очень такая потеря. Лутче бы и этого, что теперь есть, не имѣлъ. А то только досаднѣе.

Увѣдомь, братъ, меня, не остались ли въ Гетингенѣ мои книги и нѣкоторыя тетради, да связки диссертацій. Въ Петербургѣ остановиться думаемъ мы у Блудова. Ты пиши все въ Москву, потому что мнѣ хочется къ Святой Недѣлѣ воротиться сюда, и я ни за что тамъ не останусь, хотя, кажется, мнѣ и нельзя безъ того дать назначеннаго мнѣ мѣста. Да что дѣлать? Жаль, что это Бат. огорчитъ. Жук[овскій] все тотъ же; тебя, право, любитъ, особливо послѣ моихъ разказовъ.

Посылаю тебѣ письмо отъ Матушки. Она здорова теперь, была нѣсколько больна, и я отъ нее получилъ письмо и сегодня же и ей отвѣчалъ. Ты, братъ, ужъ давно не писалъ ко мнѣ. Это нехорошо. Что ты не пишешь ничего, получилъ ли ты вексель Матушкинъ? Изъ братниныхъ бумагъ я почти ничего не получилъ, только письма наши, и то не всѣ. Желтой книги нѣтъ. Для тебя берегу тюфякъ; но только, чтобы вмѣстѣ спать на немъ. Пріѣжжай, мой милой, скорѣе; мнѣ больно даже безъ тебя жить и такъ рѣдко и слышать о тебѣ. И здѣсь можно хорошо заниматься. Пропасть матеріаловъ для Русской Исторіи въ Архивѣ. Я какъ буду членомъ Истор[ическаго] Общества, то буду пользоваться всѣми рукописями. Карамзину хотѣлось бы, чтобъ я былъ издателемъ вмѣсто Черепанова, но мнѣ нѣкогда. Мы часто бываемъ вмѣстѣ съ Карам[зинымъ] и Дмитріевымъ. Вчера я давалъ имъ и всѣмъ Нѣмецкимъ Профессорамъ славной обѣдъ. Я еще, братъ, не могу теперь послать тебѣ денегъ на книги, а пошлю черезъ мѣсяцъ; да это все равно: у тебя теперь есть деньги. Покуда прости, мой милой. Изъ Петербурга буду скоро и много писать, и о братцахъ, кои на меня, кажется, сердиты, за то что я такъ требую книги свои и твои. Я непремѣнно выхлопочу всѣ. А то разтеряютъ. Прости, мой миленькой. Пиши чаще. Жук[овскаго] теперь нѣтъ у насъ; а то онъ хотѣлъ писать къ тебѣ. Получилъ ли Шлецеръ письмо мое отъ меня, въ которомъ я приложилъ и къ тебѣ записочку? Тургеневу и всѣмъ кланяюсь. Увѣдомляй обо всемъ. Какъ радъ, что съ Сулимой увижусь! Его брата здѣсь еще не видалъ. Посѣщу прахъ нашего брата. К[атерина] М[ихайловна] черезъ Костогорова посадила тамъ два дерева, а то бы не зналъ, гдѣ онъ и покоится. Прости. Твой вѣчно Тургеневъ.

На конвертѣ: À Monsieur Monsieur *de Kayssarow*. Capitaine au service de S. M. I. de toutes les Russies, etudiant à *Goettingue*. *въ Гетингенъ*. Г-ну Кайсарову. nach Göttingen.

Штемпель: Moscou.

5.

Москва 12-го Мая. 1805.

Вчера, мой другъ, получилъ я послѣднее письмо твое изъ Вирцбурга и Бамберга, которое, при видѣ больнаго и снова огорченнаго Батюшки, привело меня въ такое уныніе, какого у меня съ самаго Офена не бывало. Милой мой, береги себя. Теперь больше, нежели когда-нибудь, чувствую я нужду въ тебѣ, въ дружбѣ твоей. Что со мною будетъ, естьли все валится около меня? И безъ того не понимаю я, откуда берется у меня столько духу, чтобъ переносить всѣ нещастія, случайныя и всегдашнія, которыя уже со времени моего пріѣзда сюда перебывали со мною. Милой мой, ты долженъ быть для меня ангеломъ утѣшителемъ во всю жизнь мою; ты долженъ беречь себя для меня, такъ какъ бы я самъ берегъ тебя. Я никакихъ дружескихъ связей не начинаю, зная, что ты у меня есть. Ты долженъ уважить этимъ. Старыя всѣ меня еще любятъ, но ни съ кѣмъ я такъ много и сильно не чувствовалъ, какъ съ тобою; никто меня лучше не знаетъ, какъ ты, и никто тебя лучше не знаетъ, какъ я; будемъ другъ для друга и для немногихъ еще друзей своихъ. А о твоемъ Александрѣ еще пожалѣй, милой: ему еще горе и всему[1]) его семейству. Мы лишились Петра Володиміровича Лопухина. Мой другъ! и Батюшка живъ еще, и я долженъ былъ, ничего не подозрѣвая, пріѣхать сюда и объявлять ему это; и цѣлыя сутки долженъ былъ носиться съ этимъ горемъ и казаться веселымъ отъ окончанія дѣла Петербургскаго, зная, что уже нѣтъ того съ нами, которой цѣлую жизнь свою посвятилъ друзьямъ своимъ, которой составлялъ послѣднее утѣшеніе въ жизни для Батюшки. Батюшкѣ весенняя погода сдѣлала было уже много добра; но разлука съ другомъ и худая снова погода снова погружаютъ его въ уныніе и въ сонливость. Щастіе и то, что уже онъ ничего теперь сильно чувствовать не можетъ. Но при всемъ томъ, мысль о Петрѣ Володиміровичѣ, кажется, не покидаетъ его, особливо по вечерамъ. Что будетъ съ Иваномъ Володиміровичемъ, которой, можетъ быть, теперь еще только въ Криму узналъ объ этомъ? Какъ мнѣ самому все опостыло! Хочется работать; Батюшкѣ хочется видѣть напечатанный журналъ мой, а у меня духу нѣтъ ни за что приняться. Новое мѣсто мое изрядно, я получаю изъ Канцеляріи Новосильцова 750 р. жалованья. Естьлибъ я остался въ Петербургѣ, то мнѣ бы было и другое мѣсто въ Комисіи о Сочиненіи Законовъ съ большимъ жалованьемъ, но я долженъ былъ уѣхать, и его отдали къ моей радости

1) Въ оригиналѣ «всего».

Мих[айлѣ] Сергѣевичу съ 2000 р. жалованья; это есть помощникъ референдаря; по крайней мѣрѣ, не другому, а ему досталось; и Фрейгангъ будетъ почти переводить то, что Мих[айла] Серг[ѣевичъ] сдѣлаетъ; ибо онъ въ той же экспедиціи, только помощникомъ переводчика съ 850 р. жалованья, хотя и Коллежской Ассессоръ. По возвращеніи моемъ мнѣ обѣщали непремѣнно взять меня въ Комисію, и для того далъ мнѣ Розенкамфъ все то и въ Москву, что онъ написалъ теоретическаго для Комиссіи. Теперь мнѣ нужно будетъ заняться юриспруденціею. У насъ, братъ, съ братцами твоими все по прежнему, и съ Михайлой я дружнѣе, нежели когда-нибудь, и будемъ переписываться о ученыхъ матеріяхъ. Это было минутное заблужденіе, и то по многимъ причинамъ, особливо же по вѣтрености, намъ всѣмъ свойственной. Спасибо, братъ, тебѣ за книги; ты, я думаю, уже поистощился въ денежныхъ обстоятельствахъ; но мнѣ, я думаю, можно будетъ прислать къ тебѣ рублей двѣсти черезъ мѣсяцъ; я бы давно уже прислалъ, да Петербургская поѣздка стала мнѣ больше 1000 р.!!!

Послѣ-завтра ѣдемъ мы къ Липецкимъ водамъ, и это письмо, я думаю, пошлется отсюда уже безъ меня. Больно мнѣ, что я такъ рѣдко къ тебѣ пишу; всякой вечеръ наберется у меня множество мыслей къ тебѣ написать, но все и забуду отъ разъѣздовъ и заботъ. Каждую почту долженъ я Богъ знаетъ къ кому писать, а для себя и время не достанетъ. Теперь стану тебѣ отвѣчать на твои письма, полученныя послѣ того, какъ я тебѣ писалъ длинное письмо изъ Питера. Спасибо Шлецеру за Нестора, но у меня его взялъ Карамз[инъ], и я только—что успѣлъ посмотрѣть о тебѣ и его предисловіе. Скажи, братъ, ему, что онъ и для чего не поставилъ Новосильцова вмѣстѣ съ прочими читающими его Нестора? Что за честь, что Козодавлевъ читаетъ его? А Заводовской, я думаю, и не знаетъ, что есть на свѣтѣ Шлецеръ и что былъ Несторъ. Новосильцовъ же, напротивъ, долго со мною говорилъ о немъ, и видно, что онъ Нѣмецкую литтературу такъ знаетъ, какъ Шлецеръ этого не ожидаетъ. Спасибо, братъ, за твои дѣльныя письма; я какъ будто бы вмѣстѣ съ тобой путешествую и слѣдую тебѣ вездѣ; только всего больше да больше. Ахъ, братъ! о Лизетѣ я самъ часто думаю; только прошу *сохранить ее въ цѣлости*. Но все я прежде спокоенъ не буду, какъ не получу отъ тебя изъ Гетингена или откуда-нибудь письма, отъ здороваго или, по крайней мѣрѣ, выздоровляющаго. Берегись, братъ: весна, а меня нѣтъ съ тобою. Спасибо много и товарищамъ за тебя и за приписку; я посылалъ сказать объ этомъ брату Гусятникова, Александру Михайловичу; и всегда это буду дѣлать. Посылаю тебѣ en répresailles также объявленіе о Лубяновскаго Путешествіи; первая книжка вышла; можетъ быть, пошлю я ее тебѣ съ Ѳедор[омъ]

Мих[айловичемъ] Золотаревымъ, который ѣдетъ въ Лейпцигъ, Пирмонтъ и далѣе. Въ ней содержаніе матеріи интереснѣе и обѣщаетъ больше, нежели Авторъ былъ въ силахъ исполнить. Напр. о торговлѣ въ Тріестѣ сказано, что тутъ установленъ портофранко для того, чтобъ облегчить и увеличить торговлю, какъ будто бы не всѣ вольныя пристани въ мірѣ дѣлаются по той же причинѣ вольными. Онъ мнѣ читалъ рукопись слѣдующихъ частей, объ Италіи; тутъ, кажется, лучше писано; впрочемъ, такъ какъ Лубяновскій играетъ теперь преважную ролю у Кочубея, то ему хотѣлось издать что-нибудь и воспользоваться случаемъ; и въ самомъ дѣлѣ, онъ уже, сказываютъ, получилъ за него по подпискѣ 25 тысячъ рублей; всѣ откупщики набрали по множеству; Злобинъ, кажется, 300 экз., а каждый экз. стоитъ 5 р., а съ пересылкою 6. Теперь долженъ я заниматься много также и по части теоретическаго законовѣденія. Поговори съ Шлецеромъ о томъ, что мнѣ хочется написать Исторію русскихъ законовъ, откуда они вначалѣ взяты и съ какими, намъ извѣстными, имѣютъ они ближайшее сродство. Что мнѣ должно для этого консюлтировать? Не нужны ли такъ называемыя Salische Gesetze и Sachsenspiegel, которое я и безъ того желалъ бы имѣть. — Ты уже теперь, я думаю, въ Гетингенѣ. Журналъ и о Сербахъ давай издавать вмѣстѣ: Voyage par deux Russes. Намъ все надобно вмѣстѣ; жаль, что Батюшка торопитъ меня. Пора бы тебѣ получить отъ меня то, что я послалъ къ тебѣ въ Лейпцигъ, хотя, кромѣ чаю и икры, не много интереснаго; да еще бумаги Митрополитскія. Я велѣлъ отдать, естьли не будетъ Соколовича, Консулу, которому также есть посылка.

Булгакова давно уже здѣсь нѣтъ. Я его еще изъ Петербурга проводилъ опять въ Вѣну. Жуковской, который тебя любитъ, хочетъ къ тебѣ приписывать. Статистику твою съ нетерпѣніемъ ожидаю. Перечитаю и буду печатать, разумѣется, за деньги.

Что наши Венеціанскія и Венгерскія. . .[1]) Увѣдомь.

Вотъ, братъ, книги, кои не худо бы здѣсь имѣть:

Meusel's Leitfaden zur Geschichte der Gelersamkeit, L. 799, 8, 3 Bände, можетъ быть, и больше; Bellermann's Allmanach der neuersten Fortschritte, Erfindung. u. Entdeckungen in der spec. u. positiv. Wissenschaften [2]) 1802 u. folg. Да у меня затерялась Шлецер. Neuver. Russland u. Beylagen, u. kleine Chronik v. Leipzig — его же, и Gesch. v. Russl. in 12.

15-го мая. Мы ѣдемъ въ Липецкъ завтра т. е. 16.

---

1) Одно слово залѣплено сургучомъ.

2) Одно слово не разобрано.

На оборотѣ: À Monsieur Monsieur *de Kayssarow*. Capitaine en second au service de S. M. I. de toutes les Russies. à Goettingue. Его Благородію Г. Кайсарову въ Гетингенѣ. nach Göttingen.

6.

Задонскъ. 50 верстъ отъ Липицъ, городъ съ монастыремъ, гдѣ прошлаго году была и Наталья Васильевна... Здравствуй, мой милой другъ! Грусть, которую и письмо твое изъ Кирхберга, полученное мною на этой недѣлѣ, не было въ состояніи разогнать, принуждаетъ меня искать моего единственнаго утѣшенія. Можетъ быть, мнѣ будетъ легче, когда я поговорю съ тобой. Не знаю, чему приписать тоску мою: тому ли, что я не вижу большаго успѣха въ Батюшкиномъ выздоровленіи, или моему положенію, той бездѣйственности, которая тѣмъ болѣе тревожитъ меня, что я узналъ всю сладость дѣятельной жизни, видѣлъ скороспѣлыя плоды ея надъ собою, и теперь чувствую, съ глубокою душевною горестію чувствую, что все во мнѣ вянетъ, что стремленіе мое къ какой-то цѣли слабѣетъ; я чувствую, что обстоятельства, безпрестанныя неудачи въ моихъ предпріятіяхъ, и что самыя сладкія надежды, кои веселили меня, взлетѣли на воздухъ, и что духъ мой, которой ежедневно томится, наконецъ, очень слабѣетъ. Даже изъ памяти моей пропали тѣ планы, которыя я дѣлалъ, и—что всего убивственнѣе — я чувствую, что уже нѣтъ во мнѣ того жару, съ которымъ надѣялся приводить ихъ въ исполненіе. Я становлюсь пустымъ человѣкомъ. Чѣмъ болѣе размышляю о судьбѣ братниной, тѣмъ болѣе нахожу я причины ему завидовать. Его не стало въ самую ту эпоху жизни нашей, въ которую мы перестаемъ восхищаться, наслаждаться жизнію и подходимъ ближе къ той пустотѣ, которая неминуемо должна наполнять вторую половину жизни нашей. Право, братъ, щастливъ онъ, щастливъ, а я нѣтъ. Но онъ заслужилъ свою участь. Мнѣ надобно долго дожидаться; кажется, повидимому, очень долго. Я бы желалъ грустить, но, право, не могу; чувствую свое положеніе, имѣю довольно духу, чтобы видѣть пустоту въ душѣ своей, и не могу грустить. Иначе я бы не былъ такъ жалокъ. Кто можетъ грустить и предаваться меланхоліи, такъ какъ и со мной до этого было, тотъ, право, еще не пещастливъ. Я бы желалъ грустить и плакать, но, право, не могу, и по наружности, кажется, не о чемъ. Братъ, братъ! какъ онъ щастливъ! Selig sind, die früh und sanft entschliefen! Умереть тѣломъ, право, легче, нежели духомъ, особливо для того, кто позналъ всю сладость душевнаго занятія и кто имѣетъ глаза видѣть, что такое человѣкъ, которой только вегетируетъ, а не живетъ, такъ какъ большая часть дворянъ нашихъ. Больно мнѣ, братъ, и

грустно, что я такъ скоро разстался съ чужими краями. Или бы не знать сладости, или бы насладиться ею вдоволь. А то, право, я теперь жалче всякаго. Я какъ свѣчка таю.

Ehe der Rasen mich begräbt,
Hat mich schon die Zeit begraben.

Опять Липицы. 25 іюня, 1805. Пріѣхавъ сюда, я къ радости и къ горести нашелъ еще письмо отъ тебя изъ Регенсбурга $\frac{14}{26}$ мая. Мнѣ такъ много надобно писать къ тебѣ и къ Тургеневу, что не знаю съ чего начать. Начну съ описанія жизни здѣшней. Я здѣсь волочусь за Петербургскими красавицами. Трое Тургеневыхъ—Николай и Ѳедоръ Михайловичи и Сергѣй Матвѣевичъ (все это покажи и Александру, къ коему я для того и ничего особо не пишу), мои закадышныя пріятели, и К. Козловскій и Меркуловъ (что былъ въ Пѐнсіонѣ большой фанфаронъ) и множество другихъ, съ коими я здѣсь только познакомился — всѣ волочутся за одной Іогельшой, сестрой Танцмейстера Іогеля, пріѣхавшей изъ Петербурга. Она задаетъ здѣсь тоны. Всякой день два раза мы видаемся на водахъ, всякое воскресенье у насъ въ Галереѣ балъ; Тургеневы — Михайловичи отличались вчера въ Мазуркѣ; Тургеневское мое сердце радуется. Предобрыя молодцы—не хуже, коли не лучше, Александра (Тургеневъ!—и это ты долженъ прочесть). Старой и малой всѣ съ ума сошли отъ одной, а я и К. Козловскій, кажется, въ большомъ фаворѣ. Я, братъ, съ дамами и дѣвушками, какъ съ своимъ братомъ: не только танцую, но и говорю. Андрей! Лiожа моя! Боюсь сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ ты никогда, кажется, не будешь. Отъ скуки и грусти я дѣлаюсь Селадономъ, дамскимъ угодникомъ, но не Сердечкинымъ, хотя здѣсь я уже за другой волочусь, и все безъ всякой надежды. Въ Петербургѣ увижусь съ той, которая здѣсь всѣмъ вскружила головы. Ты, братъ, напрасно обо мнѣ безпокоишься, что я уѣду съ Новосильцовымъ; онъ уѣхалъ уже къ Бонапарте, а меня не скоро оттащишь отъ Батюшки. Онъ же мнѣ чину еще не далъ. Спасибо, братъ, тебѣ за порядочныя описанія твоего вояжа; они меня утѣшаютъ въ моихъ немощахъ. Я получилъ и отъ Бароци и отъ Булгакова письма. Вещи наши, бусы и мозаики, закупленныя въ Римѣ, у Булгакова уже. Изъ Венеціи книги у него же; какія то бумаги и портреты (вѣрно,— Митрополита) изъ Карловца также у него; но не знаю, тамъ ли и книги. Слава Богу, что все дошло. И[ванъ] А[лексѣевичъ] Двигубской пришлетъ намъ ихъ; я ему послалъ денегъ за купленныя имъ книги. Бусы, пишетъ Булг[аковъ], пахнутъ воскомъ; вѣрно, измяты и негодныя. Но какъ бы то ни было, все я ихъ пошлю къ Нат[альѣ] Вас[ильевнѣ]. Я къ ней послалъ и

копію съ письма твоего, что нужно было, изъ Карлберга, для ее о тебѣ успокоенія. Можетъ быть, Матушка сюда будетъ. Мы будемъ жить въ домѣ твоей Тетушки Сербиной съ 1-го Іюля.

Братъ! У тебя осталась моя лучшая тетрать отъ Герена — Ethnographie, которую ты взялъ списывать. Нельзя ли ее прислать? Мнѣ хочется для дѣтей этимъ заняться. Это будетъ лучше и интереснѣе простой Географіи. Я теперь читаю имъ по Гатереру и Шлецеру всемірную Исторію, и самъ учусь вмѣстѣ. Скажи объ этомъ Шлецеру. Братъ! Не стыдно ли ему, что онъ позволилъ Гейне дѣлать Корреспондентомъ Гет[ингенскаго] Общ[ества] Фрейганга, которой и въ Петербургѣ извѣстенъ за—ex omnibus aliquid. Мнѣ и Сулимѣ это, какъ бывшимъ его сотоварищамъ, о чемъ многія въ Петербургѣ знаютъ, очень обидно. Скажи Шлецеру объ этомъ. Да вотъ тебѣ еще комисія: по предложенію Карамзина заданы въ Университетѣ М[осковскомъ] слѣдующія историческія вопросы и назначены медали отвѣтчику; отвѣты черезъ годъ. Я намѣренъ отвѣчать, естьли время позволитъ; но мнѣ нужны[1]) источники и мнѣнія Шлецера, Антона, Митрополита и Негедли. Ко всѣмъ буду писать и ожидать отвѣта, а тамъ примусь обработывать отвѣты. Добровскаго мнѣніе я à peu près знаю изъ его Gesch. der. Böhm. Sp. u. Litter.. Но мнѣ не достаетъ Добнера, которой также писалъ и выдалъ новую гипотезу о происхожденіи Слав[янскихъ] буквъ. Да еще Рюдигера: Grundriss der menschlichen Sprache nach allen bisher bekannten Mund- u. Schriftarten, Leipzig, 1782. Достань и постарайся доставить мнѣ все, что можно, и доставь мои письма къ Антону, Негедли и Шлецеру, коп я къ тебѣ пришлю. Шлецера попроси, чтобъ онъ, естьли у него есть что и естьли онъ самъ что-нибудь объ этомъ больше насъ знаетъ, прислалъ мнѣ свое мнѣніе, потому что мнѣ надобно на нихъ всѣхъ основываться. Я думаю, что Митрополитъ лучше всѣхъ мнѣ можетъ сказать объ этомъ; но какъ писать къ нему? Вотъ запросы: «Какія Славянскія буквы древнѣе — Кириловскія или такъ называемая буквица и глагольская азбука»? Также: «Кто и когда перевелъ первоначально на Славянскій языкъ священныя и церковныя книги и *какія были разныя эпохи ихъ исправленія до нашихъ временъ*»? Послѣднее, кажется, слишкомъ пространное для диссертаціи, и кто можетъ отвѣчать на это *вообще*? Надобно знать Богемскую Исторію Литтературы, чтобы сказать это о Богемскихъ книгахъ; Русскую Исторію Литтературы—чтобы сказать о Русскихъ. Видно, что кто задавалъ, не думалъ самъ отвѣчать на этотъ вопросъ или не можетъ себѣ представить всей трудности отвѣта. Поговори

1) Въ ориг. «нужныя».

о всемъ съ Шлецеромъ. Карамзинъ задалъ слѣдующія: «Несторъ, лѣтописецъ Рос. говоритъ, что Славяне, населившія Россію, пришли съ береговъ Дуная, изъ Болгаріи и земли Угорской, будучи вытѣснены оттуда *Волохами*. Когда по всѣмъ вѣроятностямъ могло случиться сіе переселеніе? и кого называетъ Несторъ Волохами: Римлянъ, Лонгобардовъ, Болгаръ или дѣйствительныхъ Волохъ»? Какъ этотъ вопросъ труденъ, ты самъ судить можешь; особливо первая часть его можетъ имѣть слишкомъ много неопредѣленнаго. Но 100 червонцевъ или медаль въ эту цѣну хочется мнѣ непремѣнно выиграть; разумѣется, не для денегъ, а для медали, и еще для того, чтобы возобновить въ памяти теряющіяся свѣденія и историческія загадки. Кажется, недавно было что-то и кѣмъ-то и, кажется, въ Венгріи написано о Волохахъ и рецензировано въ Енайскихъ газетахъ. Поищи, братъ, мно[го] меня этимъ обяжешь. Напиши самъ объ этомъ къ Митрополиту. Можетъ быть, письмо твое скорѣе дойдетъ.

Я здѣсь живу съ учителемъ К. Козловскаго; прекрасной человѣкъ, учился въ Гетингенѣ, и мы съ нимъ не наговоримся. Къ тому же онъ родомъ изъ Касселя и прошлой годъ туда ненадолго ѣздилъ. Шиллера не стало! А я было только лишь сталъ влюбляться въ его поэзію. Лучше бы половина Авторской саранчи померла въ Германіи, лишь бы онъ утѣшалъ насъ своимъ Геніемъ. Я это письмо не докончилъ и не имѣю времени отвѣчать тебѣ на твои письма, для того что посылаю съ оказіей въ Москву завтра рано, и Батюшка для этого не можетъ приписать. На слѣдующей почтѣ, черезъ недѣлю онъ припишетъ къ тебѣ, сколько можетъ. Братъ! Перестань немочь. Ей Богу, было время, когда я послѣ перваго письма твоего съ дороги, увѣдомляющаго меня о твоей болѣзни, не получая болѣе мѣсяца ничего, такъ было сгруснулъ, что и ночи деревенскія отъ безсонницы мнѣ длинны казались. Ей, ей, ничего не увеличиваю; а ты все не бережешь себя. Завтра Батюшка начинаетъ другой курсъ питья, которой продолжится недѣли двѣ, а недѣли черезъ три поѣдемъ мы въ Москву. Дай Богъ только хоть съ малымъ успѣхомъ, а то и его и меня броситъ это въ отчаяніе. И что мнѣ дѣлать въ Москвѣ? Къ концу Августа мой отпускъ кончится. Можетъ быть, и Новосильцовъ къ этому времени воротится. Но какъ мнѣ оставить Батюшку? вотъ мой всегдашній refrain. Твои всѣ здоровы. Можетъ быть, Матушка сюда скоро будетъ. Двигубскому данъ отъ Гос[ударя] бриліантовый перстень; чай, Воиновъ бѣсится! Что ты мнѣ не пришлешь новаго Гетингскаго каталога? Здѣсь бы мнѣ надобно было заняться юриспруденціей, а я и не думалъ о ней. Все еще не могу я переслать къ тебѣ денегъ. Изъ Москвы непремѣнно пошлю. Неужели ты

уже всѣ истратилъ? Съ прекрасными книгами поздравляю, а Остиндскія платки и шляпа—лишнее. Побереги, братъ. Помни, что вѣдь скоро надобно будетъ сбираться на Святую Русь. Что Соколовичъ? Гдѣ онъ? Гдѣ всѣ? Гдѣ ты и гдѣ я? Какое пространство — Липецкъ и Гетингенъ!

Вѣчно твой А. Тургеневъ.

К. І. Гагаринъ вмѣсто Вѣны будетъ уже находиться при Миссіи въ Царьградѣ, и отсюда, изъ Липецка, куда онъ недѣли черезъ три будетъ, поѣдетъ въ Одессу, а оттуда моремъ. Завидная и его участь! Прости, мой милой. Бат. пьетъ воду два раза въ день — по утру до шести стакановъ, послѣ обѣда — одинъ. Кланяйся Шлецеру, всѣмъ и присылай новостей больше. Пиши о себѣ больше.

Не забудь меня — посылается изъ Иваньковскаго цвѣтника.

На конвертѣ: *Его Благородію Кайсарову.* À Monsieur M-r *de Kayssarow.* Capitaine en second au service de S. M. I. de toutes les Russies, etudiant *à Goettingue.* Nach Göttingen. Въ Гетингенѣ.

Штемпель: Moscou.

7.

Москва. 1805. 7 Августа.

Я опять въ Москвѣ уже другую недѣлю; не знаю только, ты гдѣ, и отъ того въ мучительномъ безпокойствіи. Тургеневъ писалъ къ Дурасову, чтобы ему писать въ Лейпцигъ, потому что обстоятельства его принудили оставить Гетингенъ. Какія обстоятельства? Одного ли его или и всѣхъ русскихъ? Ты не пишешь больше пяти недѣль. А я только что безпокоюсь, что я не писалъ къ тебѣ больше мѣсяца. Этому причина родъ жизни, которой я веду, и мои похожденія. Въ Липецкѣ цѣлую недѣлю были всякой день два раза пожары; всѣ были въ смятеніи; я тушилъ пожары и ухаживалъ за красавицами; потомъ, наконецъ, оставили мы Липецкъ[1]), куда за нами пріѣхала Наталья Васильевна и взяла опять въ Иваньково, гдѣ я объѣдался три дни въ новомъ вашемъ домѣ. Потомъ въ Рязани и у Воейкова въ деревнѣ. Потомъ въ Москвѣ еще не опомнюсь отъ Липецка, и уже сбираюсь къ Троицѣ, а тамъ, можетъ быть, къ себѣ въ деревню; между тѣмъ какъ уже 25-го сего мѣсяца срокъ моего отпуска кончится. И я думаю, мнѣ надобно

1) Въ ориг. «Лейпцигъ».

будетъ проситься еще на 28 дней, хотя Новосильцовъ уже въ Петербургѣ. Богъ знаетъ, что со мной еще будетъ. Славный Камералистъ Артуръ Юнгъ выписанъ Новосильцовымъ изъ Лондона, ему дается 10 pf. ster. (80000 р.) за путешествіе по южной Россіи, съ нимъ посылается Михайла Кайсаровъ, коему также 10 р. на день (3600 на годъ), кромѣ прогонныхъ денегъ, кои обѣимъ дадутся. Они должны будутъ осматривать по части Экономической и Камералистической; но такъ какъ Англичанинъ ничего, кромѣ своего языка, не знаетъ, то рапорты будетъ писать Михайла. Вотъ тебѣ новость, естьли ты еще ее не знаешь. Славное и выгодное мѣсто. Сказываютъ, что путешествіе продолжится годъ. Начнется съ Московской, потомъ Рязанской губерніи. Отъ нихъ, т. е. отъ Кайсаровыхъ, что въ Петербургѣ, я ни слова не имѣю; писалъ къ нимъ отсюда на прошедшей почтѣ. Въ самый день нашего изъ Липецка пріѣзда сюда Паисій выѣхалъ отсюда въ Петербургъ; онъ ѣздилъ за чѣмъ-то въ Орелъ, не знаю, по казенному ли дѣлу или нѣтъ. Они, братъ, не пишутъ къ Матушкѣ, да и ты рѣдко. Послѣднее письмо твое я отдалъ въ Иваньковѣ. Пиши чаще черезъ меня хоть что-нибудь. Вотъ тебѣ письмо отъ Антонскаго. Я получилъ отъ Соколовича Павла Петровича изъ Лейпцига и изъ Гродно письмо; можетъ быть, онъ самъ сюда будетъ. Онъ послалъ мнѣ изъ Лейпцига пакетъ съ книгами, которой взялъ онъ у Консула. Не знаю, какой это. Не твой ли? Но все это хорошо; а у меня одинъ refrain: что съ тобой дѣлается? И неужели Андрюша мой пять недѣль не думалъ написать къ Александру, которой тогда и веселъ, когда получитъ что отъ тебя и вообще когда что-нибудь изъ чужихъ краевъ? Потому что, сравнивая настоящее, хочется жить въ будущемъ. Какъ тронутъ былъ я письмомъ отъ Митрополита, которой, между прочимъ, пишетъ ко мнѣ: «Совѣтую, аще смѣю рещи, *моему Алексашѣ*»! Я его никогда не забуду. Какъ радъ его портрету, которой посылается изъ Вѣны съ книгами Ивана Алексѣевича. Разумѣется, что онъ нашъ общій. И естьли ты слово скажешь, то онъ перелетитъ къ тебѣ, или будетъ дожидаться здѣсь. Но я самъ еще не имѣю его. Изъ Иванькова я взялъ себѣ изъ твоихъ изъ Лейпцига посланныхъ книгъ: Schiller's Gedichte I-й томъ, въ Лейпцигѣ у Крузіуса, 1800, изданныхъ; купи себѣ другой экз., а я оставлю этотъ для себя; и естьли вышла вторая часть, то и для меня купи. Это то изданіе, что съ одной картинкой. Я съ тѣхъ поръ, какъ Шиллера не стало, еще болѣе сталъ удивляться ему. Что Шлецеръ? Кончилъ ли III-ю часть? Я слышалъ, что она уже есть въ Университетѣ. Какъ мнѣ досадно, что онъ то же самое выписалъ изъ Добровскаго и другихъ, что я хотѣлъ помѣстить въ Диссертаціи, естьли буду писать ее, о томъ, какія буквы древнѣе и когда переведена наша Библія.

Мнѣ хочется писать къ Антону, и Негедли, и Митрополиту, но все еще не имѣю времяни. Здѣсь готовятся къ войнѣ. Что у васъ дѣлается? Останешься ли ты въ Гетингенѣ или перейдешь въ другой Университетъ? Куда, какъ и когда? Что Кассіусъ? Буду искать ему мѣста. Гдѣ онъ теперь? Что онъ хочетъ? Въ Петербургѣ естьли и дадутъ мѣсто съ большимъ жалованьемъ, напр. 1000 р., то все мало. Пиши къ Петру Сергѣевичу: онъ можетъ найти и сдѣлать, естьли хорошенько постарается. Какъ онъ раздѣлался съ Яншинымъ?

Что мой Андрюша дѣлаетъ? Чѣмъ онъ занимается? Съ кѣмъ онъ чаще бываетъ? Простительно ли ему, что я этого ничего не знаю! Чтобы не быть передъ тобой въ томъ же виноватымъ, скажу тебѣ, что я весь изволочился въ лучшемъ смыслѣ этого слова то за побочной дочерью К. Безбородка-Ефремова, то за другой, то за Iögel; наконецъ, кромѣ удовольствія, небольшая польза въ томъ, что я пріучаюсь обходиться съ дамами, учусь говорить по три часа и больше, не сказавъ ни слова, а это труднѣе, нежели въ одномъ словѣ сказать много. А гдѣ mein Lieblingsstudium? То то, то другое развлекаетъ меня. Вотъ уже скоро годъ, какъ я въ самой для меня страшной бездѣйственности. Все ѣжжу и все безъ всякой пользы. Хотѣлъ бы основаться въ Петербургѣ, но какъ оставить Московскихъ?

A propos. Недавно съ Сѣверномъ Вѣстникѣ написалъ кто-то рецензію на всѣхъ Русскихъ Авторовъ нынѣшнихъ, гдѣ по обыкновенію бранитъ Карамзина и Дмитріева даже, бранитъ и Richter'a за Russ. Miscellen. и пр. и пр.. Впрочемъ, одно только, что въ ней есть умнаго и справедливаго, это то, что онъ похвалилъ твою книжку, сказавъ, что ее никакъ нельзя сравнивать съ Славянской Миѳологіей Глинкиной. Карамзинъ пишетъ неутомимо. Много имѣетъ рукописей такихъ, о какихъ Шлецеръ и не знаетъ. Вѣрно, выдетъ что-нибудь дѣльное. А мнѣ пора кончить, потому что голова моя тяжелѣетъ. Вообрази, что у меня украли множество монетъ и медалей, между прочимъ все, что было серебрянаго. Кажется, изъ людей кто-то. Книгъ многихъ не нахожу. Какъ досадно: позабылъ оставить мѣсто для Батюшки! Прости, милой.

Ив. Тургеневъ [1]).

Вотъ тебѣ и Батюшкина рука. Плохо, братъ.

На конвертѣ: A Monsieur M. de Kayssarow. Capitaine en second au service de S. M. L'Empereur de toutes les Russies, etudiant a Göttingue. *Nach Göttingen.* Его Благородію Г-ну Кайсарову, въ Гетингенъ.

Штемпель: Moscou.

1) Написано И. П. Тургеневымъ въ началѣ письма, вправо отъ даты.

8.

6. 7. Дек. 1805. Москва.

Сегодня, послѣ двухмѣсячнаго ожиданія, получилъ, наконецъ, 17-ое письмо твое ($\frac{24}{16}$ Нояб. и $\frac{15}{27}$ Окт.). Пора бы, братъ, перестать въ молчанки играть. Естьли я рѣдко пишу, то это отъ того, что боюсь, что пропадаютъ письма, а еще болѣе отъ того, что у меня нѣтъ минуты, которая бы исключительно принадлежала мнѣ; одинъ поздній вечеръ остается, въ которой я стараюсь поскорѣе заснуть и позабыть дневное и вечернее свое поприще, которое воспоминаніемъ, особливо, когда я одинъ, болѣе еще отравляетъ мнѣ настоящую жизнь мою, нежели своею существенностію. Но тебѣ ужъ, я думаю, наскучилъ я своими ламентаціями на судьбу свою; это, братъ, отъ того, что я тебѣ одному повѣряю ихъ и предъ тобою однимъ говорю откровенно. Скоро и тебѣ перестану говорить о своемъ положеніи, потому что оно день отъ дня становится хуже, а я день отъ дня болѣе сжимаюсь. Напрасно, братъ, ты къ Батюшкѣ пишешь, что ты не получалъ отъ меня ни одного веселаго письма; я не прочелъ ему этого мѣста, потому что это бы огорчило его; я живу для него, а онъ живетъ мною. Онъ очень слабъ и часъ отъ часу болѣе скучаетъ своею жизнію.

Очень меня огорчило и мнѣ очень больно, что Шлецеръ такъ дурно принялъ письмо мое; кажется, что онъ ко мнѣ чрезвычайно охолодѣлъ и скоро будетъ думать обо мнѣ не много лучше, какъ объ Энгелѣ. Естьли что можетъ еще прибавить вѣсу къ моему горю и къ моимъ огорченіямъ, то это, конечно, лишеніе его добраго мнѣнія. Онъ напрасно думаетъ, что я отсталъ отъ Русской Исторіи; напротивъ того, естьли я теперь не занимаюсь ею такъ, какъ бы должно было, потому что мнѣ ничѣмъ нельзя заниматься порядочно, то она остается у меня въ резервѣ, и будущее только тѣмъ для меня и пріятно, что мнѣ, можетъ быть, можно будетъ посвятить его тихой Музѣ Исторіи. Скажи, братъ, ему отъ меня, что я теперь болѣе, нежели когда-нибудь, цѣню его доброе обо [мнѣ] мнѣніе. Естьлибъ энтузіасмъ и не могъ быть продолжителенъ, то я бы все остался однимъ изъ ревностнѣйшихъ его почитателей; ибо я не только что восхищенъ имъ, но и наставленъ и облагодѣтельствованъ имъ, и облагодѣтельствованъ не только по одной литературѣ, но и по семейственнымъ и по гражданскимъ связямъ своимъ; а я, можетъ быть, до всего могу унизиться, но только не до Энгеля. Естьлибъ я, какъ человѣкъ, не умѣлъ чтить въ немъ защитника правъ человѣчества, издателя Государственныхъ вѣдомостей (Staatsanzeigen), или бы, какъ Русской, не уважалъ бы

въ немъ Автора всего того, что онъ написалъ о Россіи, для Россіи и за Россію, то, какъ добрый сынъ, любилъ бы въ немъ утѣшившаго моихъ родителей, и, какъ благодарный ученикъ,—помнилъ бы его лекціи и его особенныя обо мнѣ старанія. Щастливецъ только забываетъ благодѣянія, а не я. Увѣрь, братъ, его, что я до тѣхъ поръ не буду внутренно спокоенъ, пока не получу отъ него хоть строчки, увѣряющей меня въ его прежнемъ ко мнѣ благорасположеніи, подъ которой бы стояло возгордившее меня — *tuus Schloetzer*... А я недавно еще, пересматривая и перечитывая всѣ его записки, хранящіяся у меня, какъ реликвіи, или еще больше, потому что отъ мощей получаю я ежедневно болѣе отвращенія, восхищался мыслію: L'amitié d'un grand homme est un bienfait des Dieux! Вотъ единственное благодѣяніе, думалъ я, которое досталось мнѣ отъ неба. Неужели я обманывался? И неужели могъ онъ почесть письмо мое грубымъ? И неужели я могъ помыслить огорчить его, когда сообщалъ ему мнѣніе здѣшней публики, которая огорчается тѣмъ, что Ломоносовъ былъ въ ссорѣ съ Шлецеромъ? Скажи, братъ, ему, какія частыя ссоры имѣлъ я за него въ Гетингенѣ, и какъ часто и здѣсь бываютъ у меня за него схватки. Естьли онъ мнѣ не вѣритъ, то пусть спроситъ у здѣшнихъ земляковъ своихъ—у Гетингцовъ. Со временемъ надѣюсь я доказать ему или памяти его, передъ лицемъ всѣхъ участвующихъ, что неблагодарность не мой порокъ.

Все это покажи ему, или лучше выпиши, чѣмъ ты меня много одолжишь. Пожалоста, сдѣлай это и напиши, что и какъ онъ скажетъ. Неужели онъ самъ пишетъ о Волохахъ? Это невѣроятно. У меня всѣ есть книги, нужныя для Исторіи Азбуки, кромѣ Duret Histoire des langues и Identia della lingua Illyrica. Но естьли уже ты пишешь, то я долженъ оставить. Жалѣть ли или радоваться тому, что мы все попадаемъ на однѣ мысли? Съ Михайлой Серг[ѣвичемъ] мы живемъ очень ладно; часто видимся; но оба безъ копейки, и сіе обстоятельство насъ еще болѣе сближаетъ. Матушка еще здѣсь не получила изъ Восп[итательнаго] дома денегъ, и для того не можетъ послать къ тебѣ. Она, братъ, очень жалуется на большія издержки; однако—не на тебя, ибо ты тратишь положенное. Съ чѣмъ и съ кѣмъ ты поѣдешь въ Англію? А мнѣ сказалъ Sanftleben, что ты въ Венгрію опять пускаешься.— Съ Мерзляковымъ мы только тогда и видимся, когда я ему назначу вечеръ быть вмѣстѣ у Дмитріева. Онъ очень занятъ и должностію и своими накопившимися упражненіями. Стихи на побѣды Русскихъ его прекрасны. Жуковской не живетъ въ Москвѣ. Ты знаешь наши политическія происшествія. Я думаю, что Паисій давно уже въ крестѣ ходитъ. Булгаковъ два раза былъ посланъ курьеромъ къ Гос[ударю], теперь—въ Ольмюцѣ, потому что непрія-

тель въ Вѣнѣ былъ, а Климъ его съ имуществомъ поплылъ внизъ по Дунаю къ Офену. Какія странствія! И какія чувства овладѣютъ мною, когда я подумаю о своихъ товарищахъ, о перемѣнахъ, въ одинъ годъ случившихся, и—о себѣ. Павелъ Петро[вичъ] еще въ Петербургѣ у братьевъ. Дожидаюсь его съ нетерпѣніемъ. Ты, братъ, все не пишешь еще, получилъ ли ты посланныя мною 200 р. на твое имя; а прежде этого извѣщенія опасно мнѣ посылать 2000 Матушкиныхъ. Богъ знаетъ, дойдутъ ли? Жаль, что ты не послалъ книгъ; отправляй и свои скорѣе моремъ на Ригу, т.-е. первымъ путемъ весною, ибо это всего вѣрнѣе. Сказываютъ, что вещи молодаго Шлецера были на одномъ изъ тѣхъ трехъ кораблей, которыхъ буря потопила на восточномъ морѣ. Посылай свои книги при первомъ вскрытіи моря на мое имя или на имя какого-нибудь Банкира въ Ригѣ; а оттуда уже мнѣ сухимъ путемъ доставятъ. Ценсура не тронитъ ихъ, естьли ты надпишешь ихъ на имя какого-нибудь Университетскаго, напр. Ивана Алексѣевича Двигубскаго. Не забудь приложить Каталога и копію съ него прислать ко мнѣ, чтобы я могъ знать, чего недоставать будетъ. Шлецеровъ портретъ и для меня спиши; я на это пришлю пекуніи, когда карманныя обстоятельства мои поправятся. Да пришли хоть въ письмѣ обыкновенной гравюръ его портрета, что прежде продавался въ Гетингенѣ. У меня[1]) ни одного изъ Гетингскихъ Профессоровъ не нашлось, которыя у меня были. Что дѣлаютъ снимки съ моихъ медалей и монетъ, оставленныя мною въ Гетингенѣ? Золотаревъ еще не пріѣхалъ. Я очень радъ твоему проэкту составить историческое-статистическое общество и радъ работать вдвоемъ, но надобно намъ наготовить матеріаловъ, что съ нашими соединенными библіотеками не трудно, и тогда—пуститься. Здѣсь уже столько обществъ, сколько Наукъ—Статист., Истор., Натур. Ист., Физико-медиц., — и что же въ нихъ дѣлаютъ? Ничего или почти ничего. Потому что о Русской Исторіи долженъ писать Проф. Физики и Снѣгиревъ, которой, кромѣ толкованія о семи таинствахъ, ничего не знаетъ, несмотря на то, что читаетъ Антропологію. A propos: передъ тѣмъ, какъ ему назначили читать Антропологическую лекцію, онъ пришелъ къ Мерзл[якову] и просилъ у него Антропологической книжки. Но у насъ еще не то есть. Гавриловъ объявилъ въ *печатномъ* Каталогѣ, что онъ будетъ учить Россійскому стилю *по Бате и Гердеру*!.. Современемъ скажемъ мы: Tanta molis erat Russicam condere gentem! Но прикроемъ наготу свою Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Мерзляковымъ — также всѣ сочлены Снѣгирева. Гедиковъ Журналъ здѣсь запрещенъ, и

1) Въ ориг. лишнее «нѣтъ».

естьлибъ не одна прекрасная дѣйствит. тайн. Совѣтница за него вступилась, то бы Оберъ-полицм. не удовольствовался однимъ строгимъ выговоромъ оклеветавшему здѣшнюю полицію и тому, кто, будучи облагодѣтельствованъ Русскими, не только платитъ имъ неблагодарностію, но еще смѣется надъ ихъ простодушіемъ. О Кассіусѣ Мих[айла] Серг[ѣевичъ] хотѣлъ постараться, и Петръ Серг[ѣевичъ] можетъ для него все сдѣлать, что только можно, и обѣщалъ уже стараться; а меня долго еще въ Петербургѣ, кажется, не будетъ. Скажи, братъ, скоро ли мнѣ ожидать тебя должно? И когда и гдѣ свидимся? О себѣ я не могу сказать ничего вѣрнаго, потому что рѣшился жертвовать всѣмъ для того, чтобъ быть съ Батюшкою, и, можетъ быть, уже столько пожертвовалъ, что ничѣмъ возвратиться для меня не можетъ, естьли только можно назвать жертвою то, что я безъ малѣйшаго ропота, но съ внутреннимъ удовольствіемъ дѣлаю для такого отца, каковъ мой. Прости, мой другъ. Радуйся успѣхамъ Русскихъ воиновъ и помни твоего вѣчнаго друга. А. Т.

9.

1 Генваря 1806 года. Новый годъ! Но для меня онъ, вѣроятно, будетъ похожъ на старый. Прошедшій 1805-й былъ для меня самый фатальный. Вотъ ужъ годъ, братъ, какъ мы съ тобой разстались. Сколько воды утекло въ это время! Что бы я заплатилъ, естьлибъ можно было воротить этотъ годъ, но только безъ тѣхъ происшествій, которыя для меня и вокругъ меня случились! Я радъ, что все это миновалось; жалѣю только объ одномъ времени. Что я сдѣлалъ? Забылъ пріобрѣтенное! Потерялъ жаръ души своей. Въ такое короткое время можетъ человѣкъ лишиться того, что онъ досталъ съ такими трудами. — Вчера ввечеру наканунѣ Новаго года написалъ я къ тебѣ эти строки, а потомъ поѣхалъ съ Мих[аилой] Серг[ѣевичемъ] къ Гурьеву встрѣчать Новой годъ и пробылъ тамъ до трехъ часовъ. Пили, шумѣли, играли. Ты вѣдь знаешь, что онъ женился на богатой Шкеданши и даетъ намъ ежемѣсячно балы; малой доброй! идетъ въ отставку. А сегодня, т. е. поутру въ самый Новый годъ я опять взбѣшенъ; желчь кипитъ въ сердцѣ моемъ, когда я пишу къ тебѣ. Новый годъ начался для меня страшнымъ образомъ. Повѣрь мнѣ, мой милой другъ, что я не увеличиваю, когда скажу тебѣ, что адъ теперь въ душѣ моей; и вотъ всякой день для меня каковъ! Худое предзнаменованіе и для будущаго года. Меня мучатъ за то, что я, какъ сынъ, исполняю долгъ свой. Естьлибъ я менѣе былъ совѣстенъ, естьлибъ я не жертвовалъ всѣмъ, что есть для меня драгоцѣннаго, я бы

меньше страдалъ и, можетъ быть, и окружающія меня, которыя всѣ почти меня любятъ, меньше отъ того страдали. Но какъ смѣю я перемѣнить участь свою, когда съ нею связана участь Батюшки? Я готовъ и имъ жертвовать для него же. Потеря моя невозвратима, страданія мои выше силъ человѣческихъ. Но когда я вспомню, что это все дѣлаю для своего отца, мнѣ легко. Но вотъ главное мое нещастіе, что я своими страданіями, униженіями, которыя я терплю для него, мало или почти ничего не облегчаю его муки. Онъ видитъ меня и самъ мучится. Что мнѣ дѣлать? Я рвусь съ досады и отчаянія. Конца своей горести не вижу. Мы съ Мих[айлой] Серг[ѣевичемъ] теперь очень дружны, и только лишь недавно какъ я узналъ его, и отъ того могу съ нимъ быть откровененъ. Онъ очень добръ и отъ того такъ часто страдаетъ. Но вотъ участь добрыхъ въ этомъ мірѣ! Мы съ нимъ ежедневно и вездѣ почти вмѣстѣ. Мнѣ бы безъ него иногда и пожаловаться на судьбу свою нѣкому было. Я очень нещастливъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ той, что меня здѣсь многія искренно и непритворно любятъ. Но любовь ихъ часто даетъ мнѣ чувствовать болѣе мое нещастіе. Есть люди, кои выискиваютъ средства утѣшать меня, а я не смѣю быть благодарну имъ. Признайся, что и это непріятно. Мой другъ! естьлибъ я предвидѣлъ всѣ нещастія, которыя со мной случатся, я бы, можетъ быть, не былъ нещастливъ. Но на насъ накладываютъ бремя понемножку, для того чтобъ заставить насъ терпѣть и отнять у насъ средства, которыя употребляетъ минутное отчаяніе для своего избавленія. Право, смотря на меня, а особенно на Батюшку, пора бы сжалиться надъ нами; но чѣмъ мы становимся нещастнѣе, тѣмъ ожесточеннѣе дѣлаются въ разсужденіи насъ виновники нашихъ бѣдствій. Прости, мой милой другъ.

Сейчасъ принесли мнѣ два векселя для тебя на двѣ тысячи рублей. Одинъ посылаю прямо къ тебѣ на Гетингенъ; а другой — на Шварца въ Лейпцигъ. Secund-ы удержу покуда у себя. Братъ, я думаю, что это послѣднія тысячи, которыя мы посылаемъ тебѣ. Пріѣзжай сюда, ты не будешь такъ нещастливъ; не бойся судьбы моей; у тебя ее быть не можетъ. Теперь стану отвѣчать на два письма твои. Напрасно, братъ, ты жалуешься на братьевъ теперь. Михайла пишетъ къ тебѣ, а тѣ въ большихъ хлопотахъ. Петръ Сер[гѣевичъ] или въ Константинополѣ, или въ Лондонѣ, или въ Неаполѣ; навѣрное не знаемъ гдѣ: его въ одно изъ сихъ мѣстъ послать хотѣли. Паисій возвратился изъ сраженія живъ и здоровъ; онъ писалъ къ намъ, что Государь сказалъ о немъ: «Кайсаровъ храброй офицеръ». Поздравляю тебя. О Сулимѣ не имѣю по сю пору никакого извѣстія. Знаю только, что онъ былъ съ Государемъ въ Ольмюцѣ, откуда онъ писалъ къ

Соколовичамъ. Не легла ли его буйная головушка? Онъ горячь и имѣлъ случай отличиться. Больно мнѣ очень, что Шлецеръ ушибся; я еще не сказывалъ этого сыну. Теперь бы насъ, братъ, надобно напустить на Австрійцевъ. Мы бы сперва православныхъ взбунтовали. Но о политическихъ новостяхъ я не буду писать. Какъ смѣшенъ Шлецеръ, что онъ сердится при теперешнихъ обстоятельствахъ на министровъ за то, что они не отвѣчаютъ ему на письма. У нихъ и безъ того голова кругомъ. Я думаю, они и не прочли ихъ. Надобно подождать. Да и что ему искать въ Министрахъ? Прежде была нужда, а теперь нѣтъ. Что касается до вопроса, кто у насъ ввелъ религію, Греческія ли или Нѣмецкія, то надобно различать, какъ я скажу въ одномъ мѣстѣ, двѣ эпохи при введеніи Христ. религіи въ Россію. Первая та, когда мы ее получили отъ частныхъ людей и когда она не была введена als Staatsreligion, напр., когда Ольга и нѣкоторыя придворныя ея сдѣлались христіянами; вторая же эпоха та, когда мы приняли торжественно религію и когда Греческая религія вошла въ систему или планъ нашей Государственной Конституціи, т. е. при Владимірѣ. И мнѣ кажется, что сначала мы и отъ Нѣмцовъ ее получили. Посламъ къ Отту I отъ Ольги я вѣрю; но и Греческія христіяне у насъ тогда уже могли быть, ибо сношенія наши съ Греціею были слишкомъ часты, чтобы не оставить послѣ себя никакихъ слѣдовъ и не разронять у насъ искръ просвѣщенія. Я давно собирался написать особую Abhandlung о Владиміровомъ крещеніи и о его слѣдствіяхъ для Россіи. Гельмондъ уже у меня есть, но не худо и другой экземпляръ. Гаттерера я всегда читаю и должно его непремѣнно читать; а Fischer Gesch. des Handels у меня была, но не знаю, куда дѣвалась. Прости, мой милой другъ.

Твой А. Т.

Увѣдомь о полученіи векселя тотчасъ.

На оборотѣ: À Monsieur Monsieur *de Kayssarow*, Capitaine en second au service de S. M. I. de toutes les Russies, etudiant a *Göttingue*. Со вложеніемъ векселя на тысячу рублей. *въ Гетингенъ.*

Штемпель: Moscou.

10.

С.-Петербургъ. Марта 29-го. Четвергъ страстной недѣли. Въ канцеляріи Н. Н. Новосильцова. 1806 года.

Здравствуй, мой милой и единственный другъ, Андрей Сергѣевичъ! Мы виноваты другъ передъ другомъ. Кто больше—рѣшить не умѣю. Со мной

встрѣтилось столько и непріятныхъ и пріятныхъ обстоятельствъ, что я только и думалъ, какъ бы мнѣ, разставшись съ Батюшкой, его обрадовать въ горестномъ и одинокомъ его положеніи, и третьяго дня, въ самый день моего рожденья, обрадовалъ его увѣдомленіемъ о своемъ Ассесорствѣ. Я пожалованъ по Именному указу. Но чтобъ сказать тебѣ какъ, надобно разсказать тебѣ о моемъ трехъ-недѣльномъ житьѣ въ Петербургѣ. Пріѣхавъ сюда, я представился Н[иколаю] Н[иколаевичу], своему Начальнику, и сначала политической горизонтъ мой былъ очень пасмуренъ; я ежедневно проспживалъ вмѣстѣ съ Н[иколаемъ] Н[иколаевичемъ] на приватныхъ Экзаменахъ въ Педагогическомъ Институтѣ, имъ учрежденномъ. Когда дѣло дошло до Политической Экономіи, я кой о чемъ спрашивалъ, ибо въ послѣднее время я этимъ занимался. Назначили публичныя Экзамены, и Н[иколай] Н[иколаевичъ] поручилъ мнѣ экзаминовать изъ Исторіи и Политической Экономіи, и я, собравшись съ духомъ, въ присудствіи всѣхъ Министровъ, трехъ Академій и множества посѣтителей, дѣлалъ вопросы и опроверженія и—довольно удачно, особливо изъ Русской Исторіи. Завелъ между двумя Министрами споръ о происхожденіи Варяго-Руссовъ. Представь себѣ, что Заводовскій съ старымъ Строгоновымъ спорили о томъ, кто были Варяги, и многія вмѣшались. Одинъ только Академикъ Львовъ и по сю пору бранитъ меня за то, что я произвожу первыхъ Русскихъ Князей отъ Нѣмцовъ. Но какъ бы то ни было, кончилось тѣмъ, что Н[иколай] Н[иколаевичъ] подводилъ меня ко всѣмъ Министрамъ, говоря имъ, что я самый тотъ, о которомъ славный Шлецеръ писалъ къ нему столько добраго. Слѣдовательно, доброю славою, распущенною обо мнѣ теперь въ Петербургѣ, обязанъ я Шлецеру же. Н[иколай] Н[иколаевичъ] съ чувствомъ благодарилъ меня, и два раза я обѣдалъ со всѣми Министрами и съ другими посѣтителями, такъ какъ и съ Петромъ Серг[ѣевичемъ], который все еще сбирается въ Лондонъ. Въ понедѣльникъ Н[иколай] Н[иколаевичъ] пошелъ съ докладомъ къ Гос[ударю] и сказалъ ему обо мнѣ; велѣно дать чинъ; а Н[иколай] Н[иколаевичъ] воспользовался этимъ случаемъ, чтобы представить меня Государю съ доброй стороны и сказать, что я тотъ самый, о которомъ писалъ Шлецеръ, и что оказалось по моимъ знаніямъ, что я въ самомъ дѣлѣ достоинъ такой рекомендаціи. Скажи, братъ, это Шлецеру и поблагодари его за меня, а я самъ буду писать къ нему. Теперь поручено мнѣ преважное дѣло. Дай Богъ хорошо исполнить. Между прочимъ, и то хорошо, что я за весь годъ, который я былъ въ отпуску, получилъ свое жалованье, которое я къ тебѣ бы тотчасъ послалъ, естьлибъ не зналъ, что уже къ тебѣ еще Матушка послала 2000 р., да Тургеневъ послалъ 450 р. Онъ опять сюда пріѣхалъ изъ Москвы, и мы съ

нимъ ежедневно вмѣстѣ. Я на прошлой только почтѣ получилъ письмо твое отъ $\frac{14}{26}$ Февраля, которое меня огорчило. Чѣмъ ты огорчаешься и зачѣмъ при такой дѣятельности ты еще унываешь? Чего ты боишься своей неразвязности? Нынче развязность не нужно, особливо въ Петербургѣ; вездѣ почти студентской тонъ, и Фрейгангъ съ своею развязностію долженъ былъ, возвратившись изъ похода, просить меня, чтобъ я напомнилъ объ немъ Н[иколаю] Н[иколаевичу] и чтобъ ему опять дали то жалованье, которымъ онъ прежде пользовался. Иди по своему—по прежнему, т. е. прямо, и всегда выиграешь подъ конецъ. Я не называю то проигрышемъ, что другія имъ почитаютъ. Поѣжжай въ Лондонъ, гуляй, пользуйся своей неограниченной свободой, которой я такъ мало наслаждался, и пріѣжжай сюда сожалѣть о прошедшемъ; а настоящее надобно, сколько можно, дѣлать сноснѣе, и радовать себя тѣмъ, что еще когда-нибудь удастся пожить, хотя уже не въ томъ Гетингенѣ и не съ тѣми людьми, но все таки въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были свидѣтелями живѣйшихъ удовольствій нашей молодости. Сулима здѣсь и все еще въ томъ же чинѣ. Больно мнѣ смотрѣть на него; но онъ не очень горюетъ. Пилецкаго еще не видалъ. Гусятникова и Воинова встрѣтилъ на дорогѣ. А Двигубскому отказали Профессора въ ординарномъ Профессорствѣ, хотя Кураторъ и предлагалъ его въ ординарные. Меня теперь еще хотятъ и въ Коммиссію о Сочиненіи Законовъ; но я еще не рѣшаюсь; меня прельщаетъ одно только большое жалованье: отсюда и изъ Коммиссіи получалъ бы я тогда болѣе двухъ тысячь или, по крайней мѣрѣ, двѣ, потому что уже теперь я получаю 750 р. Но все дѣло въ мѣстѣ и должности, которыя измѣряются жалованьемъ. Естьли я приму должность, то не иначе какъ помощника референдарія, что мнѣ и предлагали уже двое, для того что я не хочу быть сравнену съ Фрейгангомъ, который добивается теперь опять переводнической должности. A propos. Я недавно вотъ что вздумалъ. При Коммиссіи сдѣланъ Юнкерской Институтъ, въ которомъ должно учить Юриспруденціи по русски. Профессоровъ для этого нѣтъ; теперь тѣ же Карпато-Россы, которыя учатъ Химіи, Физикѣ etc., будутъ учить и правамъ въ Институтѣ. Не можетъ ли И. И. Кассіусъ взяться за Профессорскую каѳедру и учить какому-нибудь праву? Я бы сталъ стараться объ этомъ, и уже я разъ говорилъ объ немъ; ему нечево бояться русскаго языка, потому что и Карпатороссы еще хуже его знаютъ. Отвѣчай на это скорѣе. П[авелъ] П[етровичъ] Соколовичь здѣсь еще. Мы теперь хлопочемъ о его Профессорствѣ по Химіи и Технологіи. Онъ самъ о себѣ тебѣ напишетъ. Прости, мой милой другъ. Пиши чаще.

Твой. А. Т.

Прощеніе Шлецерово меня успокоило.

Приписка Николая Михайловича Тургенева.

Мнѣ, братъ, позволено написать къ тебѣ только три строки. И такъ будь здаровъ, помни твоего негодницу толстошею. Я послалъ къ тебѣ із Москвы деньги на другой день твоего письма.

Н. Тургеневъ.

Приписка Павла Сулимы.

Да-ка и мнѣ что-нибудь написать любезнѣйшему моему Андрею Сергѣевичу. — Здарова? Какъ поживешь? Ежели таково все твое житье, каково письмо твое послѣднее къ Александру Ивановичу, то плохо же. Я теперь лишь прочелъ его. Ежели ты на меня сердитъ, что такъ долго къ тебѣ не писалъ, то изволь наложить пеню какую тебѣ угодно. Я, слава Богу, здаровъ и поживаю что называется an den Tag hinein. Авось зима пройдетъ скоро, и весеннее солнушко согрѣетъ послѣ походовъ замерзшую кровь. Приѣзжай къ намъ, любезнѣйшій Андрей Сергѣевичъ, и утѣшь тѣмъ искренно тебя любящаго Павла Сулиму.

11.

Письмо твое, милый другъ Андрей Сергѣевичь, меня очень огорчило. Пора бы тебѣ перестать во мнѣ сомнѣваться. Съ чего ты взялъ, что я невыгодно думаю о Г. Сиверсѣ, котораго я люблю и уважаю отъ всего сердца, хотя всегда, шутя и въ глаза, называю его Нѣмцомъ? Пожалоста, выпиши изъ моего письма все то, что я писалъ о немъ. Я не помню, но увѣренъ, что нѣтъ въ томъ ничего оскорбительнаго. И безъ твоей прозьбы никогда обиднаго нащетъ его не скажу я, ибо онъ человѣкъ рѣдко добрый— я ежедневно это вижу, — а надъ добрыми людьми я смѣяться не могу; ибо берегу ихъ и для того, между прочимъ, чтобы отдохнуть съ ними послѣ бездѣльниковъ и эгоистовъ. Я ему ни слова объ этомъ не говорилъ и не скажу, прежде нежели не получу выписки изъ письма моего. Перестань, братъ, подозрѣвать друзей своихъ. И тебѣ и мнѣ и безъ того горя много. Надобно всю крѣпость духа, чтобы переносить и то, что съ нами случается отъ людей, которыя и имени этого не стоютъ. Полюби и Александру Булгакова.

Порученіе твое исполню такъ, какъ я никогда не исполняю дѣлъ, до меня самого касающихся. Довольно того, что онъ былъ свидѣтелемъ твоего дѣтства, чтобы внушить къ себѣ все участіе твоего друга.

Михайла самъ скоро къ Матушкѣ будетъ—и съ повинною т. е. покорною головою; такъ я ему совѣтую. Кротостью больше сдѣлаешь. Но какъ

дойдетъ дѣло до дѣлежа, то не надобно, чтобы онъ уступалъ, ибо онъ не свое уже уступать будетъ, а Андреяново.

Прости, милый другъ; одной части Робертсона мнѣ все еще не возвратили. Получилъ ли ты диссертаціи?

Цвѣтаевъ будетъ нашимъ Корреспондентомъ. О Кураторствѣ ничего еще неизвѣстно. Если Г. Пушкинъ будетъ, то я черезъ Булг[акова] буду хлопотать о Грузинов.....[1]). Весь твой А. Т.

5-го Апр. [*1806*][1]) *С.ПБургъ.*

На оборотѣ: Его Благородію Андрею Сергѣевичу Кайсарову.

---

1) Вырвано.

ПИСЬМА

КЪ

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ

ВЪ

ГЕТТИНГЕНЪ.

1808—1810 гг.

1.

С.П.Бургъ. 1808-го, Іюня 25-го дня.

Добрый путь, милый братъ и другъ Николаша! Здоровъ ли ты и щастливо ли вы добрались до Риги? Полюбилось ли тебѣ путешествіе, и безпрестанно новыя предметы, которыя ты предъ собою видишь, имѣютъ ли они на тебя всѣ тѣ живыя впечатлѣнія, которыхъ описаніе я надѣюсь современемъ читать въ твоемъ журналѣ? Ничего болѣе не желаю, какъ чтобъ бѣлая книга, которую ты взялъ отсюда, была къ пріѣзду твоему въ Гетингенъ вся исписана, такъ чтобы съ новымъ постояннымъ мѣстомъ твоего пребыванія тебѣ надобно было завестись и новою бѣлою книгою. Всѣ твои мысли, всѣ чувствованія и ощущенія, которыя ты будешь въ продолженіе твоего странствія ввѣрять ей, будутъ для тебя неисчерпаемымъ источникомъ пріятнѣйшихъ воспоминаній и слѣд. удовольствій, а для друзей и братьевъ твоихъ — чистымъ, нелицемѣрнымъ зеркаломъ души твоей. Читая се, они какъ будто бы снова сами съ тобой будутъ путешествовать по тѣмъ же мѣстамъ, которыя ты проѣхалъ, и, естьли когда-нибудь случится и имъ быть тамъ же, онѣ имъ будутъ уже знакомы и сдѣлаются для нихъ гораздо интереснѣе. Когда Судьба приведетъ мнѣ опять пошататься по бѣлу-свѣту, я буду уже исправнѣе въ запискахъ своего журнала, и естьли современемъ— post varios casus, per tot discrimina rerum — мы когда-нибудь, когда и Сережа уже отпутешествуетъ, возвратимся во-свояси и соберемся всѣ въ прародительское наше село Тургенево или въ Москву — нашу родину, то какое наслажденіе сравнится съ тѣмъ, которое мы будемъ имѣть при чтеніи нашихъ записокъ и къ которымъ присоединится и журналъ брата, друга и благодѣтеля нашего Андрея! Онъ, вѣрно, и тамъ наслаждается нашею взаимною братскою любовію и довѣренностію.

Хотя я и былъ два раза мимоѣздомъ въ Ригѣ, но я не знаю, что тебѣ сказать о ней, на что обратить твое вниманіе. Естьли услышишь, что тамъ есть что-нибудь примѣчательное или по исторіи или по торговлѣ, то, несмотря

на короткое твое пребываніе, постарайся увидѣть все. Старинныя церкви ея извѣстны мнѣ только по разнымъ возмущеніямъ и проказамъ, которыя затѣвали Іезуиты во время Польскаго владѣнія. Они хотѣли силою и хитростями ввести Католицизмъ подъ покровительствомъ Польскихъ Королей, между тѣмъ какъ большая часть жителей были уже Протестанты. Естьли ты успѣешь справиться, то тебѣ, вѣрно, представится множество Историческихъ воспоминаній, особливо по случаю безпрестанной войны нашей съ Шведами и Поляками. Нѣтъ ли Исторіи или Статистики этого города?

Іюня 28-го дня. Передъ отъѣздомъ твоимъ я забылъ сказать тебѣ, гдѣ ты долженъ справиться о моихъ письмахъ, и назначить тебѣ первый городъ, куда непремѣнно писать буду. Я думалъ, что мнѣ нужно будетъ послать тебѣ это письмо въ Ригу, но пропустилъ первую почту и теперь не рѣшился еще куда посылать это письмо: можетъ быть—въ Митаву, а можетъ быть—и въ Берлинъ уже на имя Круга. Между тѣмъ, спѣшу тебя увѣдомить, что сегодня поутру, т. е. въ воскресенье, ровно черезъ недѣлю послѣ того, какъ я проводилъ тебя, я получилъ письмо твое изъ Нарвы, писанное въ Ропшѣ и Нарвѣ. Не забудь, милой, *ставить номеровъ на письмахъ*, дабы я могъ знать, которое я письмо получаю и всѣ ли письма получаю. Я и съ своими къ тебѣ буду то же дѣлать. Письмо твое меня чрезвычайно обрадовало. Переписка наша будетъ для меня большимъ удовольствіемъ въ продолженіе нашей разлуки, и я буду ожидать письма твоего, какъ радостнаго вѣстника. Давно ужъ я не получалъ и не ожидалъ писемъ съ такимъ пріятнымъ нетерпѣніемъ. Все, что я получалъ отъ васъ изъ Москвы, соединено было съ какимъ-то внутреннимъ безпокойствомъ. Теперь же, поручивъ тебя Провидѣнію и твоему собственному благоразумію, я ожидаю отъ тебя только одного пріятнаго и любопытнаго.

2-го Іюля. Я еще получилъ отъ тебя письмо изъ Дерпта; а это все еще не дописано и не послано; но въ Берлинъ, куда пойдетъ оно во вторникъ, оно успѣетъ дойти до твоего пріѣзда. Спасибо, милой, за твою акуратность. Будь таковъ и въ чужихъ краяхъ. Сегодня я получилъ съ Ѳ. П. Воронченко, который нѣсколько разъ бывалъ у Матушки, письмо и 350 р. денегъ. Съ тѣми, которыя я получилъ за дрожки, которыя я продалъ Блудову за 450 р., мнѣ этого довольно на уплату долговъ и на вояжъ. Матушка, думая, что ты еще здѣсь, все еще пишетъ къ тебѣ. Мнѣ хочется 7-го или 8-го числа отсюда выѣхать въ Москву; Матушка позволила мнѣ и въ Тургенево съѣздить, чему я очень радъ, и, естьли время позволитъ, я непремѣнно тамъ побываю. Писать къ тебѣ отвсюду буду и ожидаю того же и отъ тебя. Твои письма доходить будутъ до меня исправно. Пиши все,

что съ тобою встрѣтится на дорогѣ, а журналъ ведп сверхъ этого; и замѣчай время, гдѣ, т. е. въ какомъ городѣ, пли мѣстечкѣ, или даже деревнѣ когда былъ. Куда пріятно черезъ годъ, два, три заглянуть въ такой журналъ! — въ этотъ день я тамъ былъ, то дѣлалъ, чувствовалъ, мыслилъ. Человѣкъ живетъ воспоминаніями—прошедшимъ блаженствомъ; ибо настоящаго нѣтъ для насъ; по крайней мѣрѣ, мало наслажденій въ настоящемъ. Можетъ быть, и я скоро опять буду дѣятельнѣе, слѣд. буду болѣе наслаждаться жизнью. Опять чаще буду въ кабинетѣ съ перомъ и книгой п — одинъ. По крайней мѣрѣ, эта мысль занимаетъ меня, и я отъ исполненія ея ожидаю удовольствій въ будущемъ. Буду давать тебѣ отчетъ въ своихъ занятіяхъ.

6-го Іюля. Въ послѣдній разъ пишу къ тебѣ изъ Петербурга, милый другъ и братъ, ибо завтра надѣюсь отправиться въ Москву и, кажется, вмѣстѣ съ М[атвѣемъ] Я[ковлевичемъ] Мудровымъ на перекладныхъ, по твоему. Посылаю вамъ seconda Wechsel и записку Кругу отъ брата его, который тебѣ и письмо далъ. Другая записка Александру Петровичу отъ его брата. Третьяго дня сказываютъ мнѣ, что его братецъ въ Ордонансъ-Гаузѣ отсталъ отъ полку по выздоровленіи отъ болѣзни и жалѣетъ, что не засталъ здѣсь А[лександра] П[етровича]. Я на другой же день пошелъ къ нему. Товарищи А[лександра] П[етровича], Владиславлевъ и пр. уже упросили, чтобы его выпускали на свободу. Я просилъ о немъ и Плац-адъютанта, далъ ему на первый случай денегъ, сколько нужно, и просилъ уже черезъ другихъ Паглиновскаго, нельзя ли какъ-нибудь оставить его здѣсь покуда и не посылать въ полкъ: онъ не видитъ послѣ болѣзни однимъ глазомъ. Это послужитъ въ его пользу. Авось удастся намъ что-нибудь для него сдѣлать. Жаль, что мнѣ должно ѣхать завтра, но во всякомъ случаѣ я поручу его участь Старынкевичу и другимъ, и они будутъ о немъ стараться. Старын[кевичъ] знакомъ съ Паглиновскимъ. Естьли ему нужно будетъ отправиться непремѣнно въ походъ, то я дамъ еще денегъ. Словомъ, сдѣлаю, что могу. Кланяйся отъ меня Александру П[етрови]чу и другимъ твоимъ товарищамъ. Описывай мнѣ Берлинъ и все, что увидишь любопытнаго. Обнимаю тебя душевно. Помни и люби твоего брата. Какъ скоро пріѣду въ Москву, писать буду въ Гетингенъ, poste restante, а можетъ быть,—и въ Лейпцигъ на имя Шварца. Пришлю тебѣ въ Гетингенъ письмо, которое я написалъ Г. Павлу А[лександровичу] Строганову о Россійской словесности при посылкѣ ему нѣкоторыхъ книгъ.

Еще разъ прости, любезный другъ, и помни твоего брата. Другія 500 р. пришлю по первому твоему увѣдомленію о пріѣздѣ въ Гетингенъ.

2.

Москва. 1808. Іюля 23-го.

Вотъ уже другая недѣля, любезнѣйшій другъ и братъ Николаша, какъ я въ Москвѣ, и сегодня въ ночь мы отправляемся съ Сережей черезъ Ахматово дней на шесть въ Симбирскъ и Тургенево. Я съ нетерпѣніемъ желаю видѣть прародительское наше достояніе и узнать обо всемъ на мѣстѣ. Сегодня пріѣхалъ оттуда Алипъ, и кажется, что онъ оставилъ все и всѣхъ въ хорошемъ состояніи. Дай Богъ, чтобы мы и никогда не были причиною нещастія тѣхъ, которые отъ насъ зависятъ. Лучше самимъ терпѣть недостатокъ и видѣть въ изобиліи добрыхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ своихъ, нежели себя въ изобиліи, а въ недостаткѣ другихъ. Трудно описать, съ какимъ ощущеніемъ всматривался я въ Москву, въ ея окрестности и въ тѣ мѣста, которыя были свидѣтелями юношескихъ моихъ горестей и радостей жизни. Многихъ не нашелъ; князя видалъ рѣдко; Жуковскій еще болѣе мнѣ полюбился, и я дружбу его почитаю лучшимъ даромъ Промысла. По талантамъ, по душѣ и по сердцу — рѣдкій человѣкъ и меня любитъ столько же, сколько я его. Мерзлякова не видалъ: онъ въ деревнѣ. Вчера былъ у Карамзина въ деревнѣ: восхищался его образомъ жизни, его семейственнымъ щастіемъ, наконецъ — его Исторіей. Я еще ни на русскомъ ни на другихъ языкахъ ничего подобнаго не читалъ тѣмъ отрывкамъ, которыя онъ прочелъ мнѣ изъ своей книги. Какая критика, какія изслѣдованія, какой историческій умъ и какой простой, но сильной и часто краснорѣчивый слогъ! Онъ превзошелъ себя. Скажи это Шлецеру. Открытія его въ Русской Исторіи, собраніе его рѣдкихъ и совсѣмъ неизвѣстныхъ рукописей удивитъ его и покажетъ ему, что, кромѣ его, никто бы не могъ написать такой полной Исторіи, ибо никто этого не собралъ. Какой порядокъ въ расположеніи и какъ онъ умѣлъ *воспользоваться лѣтописями!* Въ этомъ отношеніи его можно сравнить только съ Швейцаромъ Миллеромъ, который часто занимается мѣлочами; но сіи мѣлочи не важны — для иноземцовъ, но важны и дороги для Швейцаръ. Отъ того Карамзинъ не забываетъ ничего въ примѣчаніяхъ и помѣщаетъ въ нихъ цѣлыя тирады и примѣчательныя піесы, которыя безъ того могли бы потеряться для любителей Исторіи. Отъ сего самаго теченіе въ слогѣ и самое повѣствованіе ни мало не терпятъ. О древнихъ монетахъ русскихъ и объ опредѣленіи истинной цѣны гривнѣ, кунѣ, мордкамъ и пр. никто съ такою вѣрностію сказать не можетъ, какъ онъ, потому

что онъ отискалъ рукопись, въ которой означено, сколько въ какое время гривна имѣла другихъ монетъ русскихъ въ себѣ и т. д..

Это еще только второе письмо я пишу къ тебѣ. Изъ Петерб. я послалъ къ тебѣ письмо въ Берлинъ на имя Круга и въ немъ seconda Wechsel. Другія 500 р. пошлю я по первому твоему увѣдомленію въ Гетингенъ; какъ скоро возвращусь въ Петербургъ, справлюсь о курсѣ. Мнѣ къ 25-му Августа непремѣнно тамъ уже быть должно. По сю пору я только получилъ отъ тебя изъ Нарвы и Дерпта письма. Изъ Риги нѣтъ еще. Вѣроятно, получу въ Симбирскѣ или найду ихъ здѣсь по возвращеніи оттуда. По возвращеніи изъ Тургенева буду писать къ тебѣ. Описывай мнѣ все, что увидишь, и твой новый родъ жизни въ Гетингенѣ. Теперь у меня сидитъ Ганеманъ и велитъ тебѣ кланяться. Покуда прости и помни твоего друга и брата, который тебя помнитъ будетъ на Волгѣ, на Москвѣ и на Невѣ — всегда.

Приписка С. И. Тургенева.

Нынче къ величайше[му] моему удовольствію отправляемся мы въ Симбирскъ. Ты можешь представить, какъ мнѣ весело будетъ, особливо послѣ здѣшней скучной жизни.

Мы, конечно, оба думали сдѣлать доброе дѣло, одолживши Ганнеманну 280 руб., а теперь это много непріятностей стоитъ мнѣ и особливо ему. Офросимовъ его обманулъ, и по истеченіи тѣхъ двухъ мѣсяцевъ, за которыя онъ ему заплатилъ, взялъ сына назадъ, и слѣд. не заплатилъ за него тѣхъ денегъ, на которыя полагался нещастный Ганнеманнъ. На этихъ дняхъ были у него крестины, и я вмѣсто тебя долженствовалъ быть кумомъ. Церемонія самая простая и ничего почти не стоитъ. Ал[ександръ] Ив[ановичъ] также былъ, и онъ его записалъ свидѣтелемъ.

Поспѣловъ, Булатовъ, Масленіковъ тебѣ кланяются, также Василій Сергѣевичъ А. Мнѣ очень жаль, что я долго не стану писать къ тебѣ, я бы много могъ написать. Теперь же съ мыслями не соберусь. Прости. Твой братъ С. Т.

Фогель уже освѣдомлялся о деньгахъ, и какъ скоро получитъ все вточности, меня увѣдомитъ, а я брата А[лександра] Ив[ановича] и тебя.

На оборотѣ: An den Herrn Nikolay v. Turgenew. Russisch-Kayserlichen Translateur in Collegio der auswärtigen Geschäfte, Studierenden in *Göttingen*. Въ Гетингенъ. Poste restante.

3.

С.П.Бургъ. 1808. Августа 26-го.

Вотъ уже я и опять въ Петербургѣ и сегодня получилъ еще письмо отъ тебя изъ Берлина вмѣстѣ съ письмами въ Москву, которые завтра туда

мною отправлены будутъ. Спѣшу увѣдомить Александра Петр[овича] Кун[ицына], котораго благодарю за два письма, что братецъ его уже освобожденъ отъ военной службы и записанъ въ штатскую, а именно въ Канцелярію Графа Алексѣя Андрѣевича Аракчеева, на первый случай хотя безъ жалованья, но съ квартирой—и опредѣленъ къ Архиву. Послѣ и жалованье выхлопочемъ. Теперь мы рады, что онъ уже воевать не будетъ, а жить будетъ спокойно. Надобно, чтобы Александръ П[етровичъ] написалъ къ Графу отъ себя письмо, въ которомъ бы поблагодарилъ его за милость къ брату и просилъ бы его и впредь не оставлять его. Письмо написать покраснѣе: это ему понравится; но обо мнѣ не долженъ въ немъ ни слова говорить. Посылаю письмо братца А[лександра] П[етровича].

Теперь я тебѣ дамъ отчетъ въ своемъ путешествіи. Изъ Москвы, откуда я писалъ къ тебѣ (2-ое письмо), въ Гетингенъ 1-ое, я поѣхалъ въ Тургенево и заѣхалъ въ Ахматово, гдѣ нашелъ все въ изрядномъ порядкѣ и съ благоговѣйною грустью вспомнилъ, что тутъ отецъ нашъ часто проводилъ дни своего ребячества и своей молодости, что сюда пріѣзжалъ онъ съ Дѣд. и Баб. гостить къ дядѣ. Еще многія мужики его помнятъ и были товарищами его въ дѣтскихъ играхъ. Прежде я и не зналъ объ этомъ и не думалъ, что Ахматово для насъ должно быть такъ дорого. Оттуда проѣхалъ я въ Симбирскъ, гдѣ не нашелъ ни одного Дядюшки, въ тотъ же день проѣхалъ въ Коровино, а оттуда въ Тургенево и прожилъ тамъ, видаясь ежедневно съ Петр[омъ] Петр[овичемъ], почти шесть дней, въ продолженіе которыхъ съѣздилъ въ Семиключевку. Ты себѣ представить можешь, съ какими ощущеніями я подъѣжжалъ къ Тургеневу, входилъ въ старой домъ и увидѣлъ все прежнее, все, что было свидѣтелемъ пяти лѣтъ моего дѣтства. Я не могъ ни на что смотрѣть безъ какой-то тайной грусти, безъ душевнаго волненія; даже старыя мебели дѣлали на меня удивительное впечатлѣніе; но всего болѣе возбуждали во мнѣ воспоминанія о прошедшей жизни нашей виды изъ залы, гдѣ мы обыкновенно учились. Садъ, трава и вдали синѣющіяся Заволжскія горы — всѣ сіи предметы, tous ces objets dont l'immobilité est là pour attester le changement de tout le reste, — напомнили мнѣ множество случаевъ, ничего не значущихъ для другихъ, но важныхъ въ исторіи моей молодости. Въ которую сторону ни смотрѣлъ — всюду находилъ какой-нибудь предметъ, который былъ для меня почему-либо интересенъ. Сердце билось во мнѣ особливо тогда, когда я вспоминалъ то, чего оно лишилось въ эту полосу, которая отдѣляетъ Тургеневское мое житье отъ теперешняго Петербургскаго. Что со мною было? И что было съ другими, которыхъ потеря была для меня невозможною, невообразимою? Сидя ввечеру при солнечномъ

закатѣ въ большой залѣ подъ окномъ, что въ садъ, я читалъ Дядюшкѣ Петру П[етровичу] стихи, которыя Жуковскій написалъ для моего альбома. Почти каждой стихъ останавливалъ меня, ибо то, что въ немъ сказано было, происходило въ сіи самыя минуты на самомъ дѣлѣ — или передъ глазами моими или въ душѣ моей:

Какъ часто солнечный закатъ
Мы взоромъ въ полѣ провожали,
Прохладой вечера дышали,
Смотря на бѣгъ шумящихъ стадъ,
И тихія зари плѣнялися блистаньемъ.
Придешь ли ты назадъ
О время прежнее, о время незабвенно!
Иль, можетъ быть, навѣкъ веселье отцвѣло
И щастіе мое съ протекшимъ протекло!.

Я объѣжжалъ всѣ тѣ мѣста, на которыхъ прежде рѣзвился и былъ щастливъ, гдѣ съ братомъ и Васей — вы еще были тогда очень малы — мы проводили довольно весело и не безъ удовольствія скучное деревенское время и не подозрѣвали, что отецъ нашъ жилъ въ ссылкѣ подъ гнѣвомъ великой Государыни, слѣдовательно, будучи не по собственному желанію въ деревнѣ, не могъ наслаждаться пріятностями сельской жизни. Но сколько я помню, въ свободное отъ ученья время мы, кажется, были очень щастливы, особливо лѣтомъ въ саду. Зимой случались скучныя вечера, потому что занятій или забавъ у насъ почти уже никакихъ не было, и мы часто желали вырваться изъ деревни, видя къ тому же Батюшку въ грусти и часто нами недовольнымъ, особливо мною. Но что жаловаться на прошедшее? Вѣрно, я уже никогда такъ щастливъ не буду.

Какое щастіе мнѣ въ будущемъ извѣстно?
Грядущее для насъ протекшимъ лишь прелестно!

Наканунѣ нашего отъѣзда изъ Тургенева — не забудь, что и Сережа былъ со мною,—въ воскресенье, мы сдѣлали помочь, созвали всѣхъ мужиковъ, и они, сжавъ на нашемъ полѣ 19 десятинъ въ одно утро, пришли тотчасъ послѣ обѣда на Барскій дворъ. Мы выставили имъ нѣсколько бочекъ пива, поднесли по стакану зелена вина, и праздникъ деревенскій начался и кончился очень весело для мужиковъ и для насъ; вѣрно, я никогда на здѣшнихъ балахъ такъ щастливъ и доволенъ собою не былъ. Въ понедѣль-

никъ мы поѣхали къ Дяд. въ Коровино, распростившись съ стариками и съ дворовыми и со всѣми даже неодушевленными вещами въ Тургеневѣ. Я забылъ тебѣ сказать, что мы были у обѣдни два раза и одинъ разъ служили панехиду въ голубцѣ — надъ прахомъ нашихъ праотцевъ, по всѣмъ нашимъ родственникамъ. Въ этомъ же голубцѣ, что въ церковной оградѣ, поставлена будетъ та урна, что была [въ] Москвѣ и которую я привезъ въ Тургенево— въ память отца и брата нашего, которыхъ прахъ не вмѣстѣ съ прахомъ дѣда и прадѣда нашихъ тлѣетъ. Изъ Коровина поѣхали мы съ Дяд. и съ сестрицами въ Симбирскъ. Ни къ какой рѣкѣ я того не чувствую, что къ Волгѣ; когда я плыву на хребтѣ ея и любуюсь плодоносными берегами ея, развѣвающимися по ней парусами, которыя летятъ съ плодами и произведеніями, коими благословилъ Богъ Низовую землю, летятъ насыщать голодныя стороны прожорливыхъ столицъ нашихъ, —я чувствую себя Заволжскимъ Жителемъ и горжусь своей отчизной; для насъ Волга вѣчно будетъ: «рѣка священнѣйшая въ мірѣ»!

Въ Симбирскѣ пробыли мы полтора дни; я видѣлъ всѣхъ знакомыхъ, ходилъ въ старой домъ свой, жалѣлъ, что мы его лишились. Его назначаютъ къ продажѣ для военнаго училища. Былъ у Губерн. К. Долгорукаго и поручилъ покровительству его крестьянъ своихъ; онъ обѣщалъ дѣлать для нихъ все, что можно, и позволилъ имъ въ случаѣ нужды адресоваться къ себѣ. Изъ Симбирска въ ночь—любимый мой выѣздъ—поѣхалъ къ Дяд. Сем[ену] Вл[адимировичу] въ Ярыклу, который только лишь проводилъ Петра С[еменовича] съ его гусарами въ полкъ; тамъ пробыли мы долѣе, нежели думали — съ Дяд. трудно разстаться; почтенный человѣкъ, я его душевно люблю, и онъ принялъ насъ прямо, какъ родной Дядя; угостилъ такъ фруктами, что на третій день выѣхалъ я почти больной отъ него къ Вешкайму къ Родіоновымъ. Тутъ пробылъ я день и познакомился съ новыми для меня сестрицами, которыя очень милы и воспитаны хорошо, особливо для деревни. И отсюда поѣхалъ я, досадуя на судьбу, что она не позволяетъ мнѣ долѣе гостить у родныхъ своихъ, которыя всѣ намъ очень рады, и которыхъ я полюбилъ сердечно. Ѣхавъ изъ Ярыклы въ Вешкайму, были мы у Бекетовыхъ, которые также намъ родня, и гдѣ я видѣлъ портретъ Батюшки. Въ Москвѣ пробылъ я еще четыре дни и былъ еще разъ у Карамзина; восхищался умомъ и семейственнымъ щастіемъ этого достойнаго человѣка!

Едва не сладилъ я дѣла съ Оникмевымъ, и Матушка уже соглашалась брать 80 коп. за рубль; но врядъ ли это сбудется, ибо теперь снова надобно соглашать другихъ, и обѣ стороны не такъ уже горячо примутся за сдѣлку. Богъ знаетъ, какъ это дѣло кончится. И[ванъ] В[ладимировичъ] все тотъ же

добрый другъ людей, но нещастный своею безпечностію только въ отношеніи къ себѣ, ибо о другихъ онъ вѣчно заботливъ. Къ щастію Жук[овскій] еще не уѣжжалъ въ деревню, и я провелъ съ нимъ и съ Мерзл[яковымъ] время пріятно. Напрасно ты его не любишь; Мерзл[яковъ] все тотъ же; но къ тебѣ онъ былъ холоденъ потому, что онъ почиталъ тебя шалуномъ, и ему душевно больно было видѣть брата друга его часто въ кофейной и — съ Анд[реемъ] Чеботар[евымъ]. Милой другъ и братъ, будь осторожнѣе въ поведеніи. Я говорю только одно слово; но сердце мое иногда за тебя трепещетъ.

Изъ Москвы поспѣшилъ я для того, что Сперанскій опредѣленъ къ намъ III-мъ членомъ нашей Коммиссіи, и я опасался большихъ перемѣнъ въ ней. Грустно было мнѣ оставлять Сережу одного въ Москвѣ.

4.

С.П.Бургъ. 1808. Сентября 10-го дня.

Едва имѣю время написать тебѣ нѣсколько словъ, милый другъ и братъ Николаша. Д[митрій] Н[иколаевичъ] Блудовъ отправляется сегодня въ Голандію Курьеромъ и обѣщалъ переслать тебѣ изъ Берлина это письмо. Дай Богъ, чтобы оно нашло тебя здороваго. Я еще ни одного письма изъ Гетингена отъ тебя не получалъ, а только изъ Берлина. Для того и остальныя 500 р. къ тебѣ не посланы. Ожидаю перваго твоего письма изъ Гетингена. Сдѣлай одолженіе, пиши чаще и увѣдомляй меня о твоемъ новомъ образѣ жизни и о лекціяхъ, которыя ты слушать будешь. Совѣтую тебѣ болѣе всего учиться у Герена и выслушать полный курсъ его Исторіи и Техногафіи. Записывать его лекціи трудно, ибо онъ много говоритъ въ одинъ разъ, но его компендіумъ очень хорошъ и облегчаетъ записываніе. Теперь вышла его новая книга: Versuch einer Entwickelung der Folgen der Kreuszüge für Europa, въ Гетингенѣ. Должна быть прекрасная, ибо я знаю его по другимъ сочиненіямъ. Естьли Д[митрій] Н[иколаевичъ] Блудовъ мнѣ не успѣетъ прислать ее, то я напишу къ тебѣ; мнѣ хочется начать переводить ее; не худо, естьли бы ты выбралъ ее для себя. Рецензенты восхищаются ею.

Сдѣлай одолженіе, милый братъ, сдѣлай особую книгу для вписыванія или для вплетенія туда примѣчательныхъ бумагъ, напр. дипломатическихъ, политическихъ, или что изъ Вѣдомостей въ отношеніи къ Россіи. Это и тебѣ пригодится, да и для меня очень бы пріятно было получить отъ тебя что-

нибудь подобное при удобномъ и вѣрномъ случаѣ. Узнай отъ Шлецера, будетъ ли онъ печатать 5-ю часть Нестора, и естьли есть нѣсколько листовъ уже напечатанныхъ, то выпроси ихъ у него или купи въ Типографіи и пришли мнѣ по почтѣ.

Какъ бы мнѣ хотѣлось уѣхать съ Блудовымъ въ Голландію! Я бы заѣхалъ къ тебѣ, и, можетъ быть, вспомнивъ Петербургскій образъ жизни, убивственный для дарованій и для успѣховъ въ Наукѣ, остался бы съ тобою, естьлибъ участь Сережи меня не останавливала и участь Матушки. Они ѣздили къ Троицѣ; теперь возвратились въ Москву; прежде возвращенія Государя изъ вояжа, сюда Матушкѣ ѣхать не для чего. Дѣло все еще на Консультаціи.

Теперь у насъ въ Ком. Сост. Зак. новый начальникъ Сперанскій; но онъ уѣхалъ съ Государемъ. Не знаю, удержится ли Коммиссія; естьли нѣтъ, то я буду стараться войти въ Кол. Иност. дѣлъ. Этотъ родъ службы для меня имѣетъ много прелестей, ибо есть надежда видѣть Европу на казенный щетъ. Я бы не думалъ объ этомъ, естьлибъ были достаточные средства путешествовать на свой щетъ.

Прости, мой милый другъ и братъ. Люби меня самою чистою горячею братскою любовію — подобною той, которою я люблю васъ и вѣчно любить буду. Наслаждайся дѣятельною своею жизнію и будь щастливъ. Помни, милый, что нравственность, доброта душевная и дѣятельность ума — составляютъ истинное щастіе жизни. Я сужу по прежней своей жизни и по теперешней, и говорю правду. Читай Карамзина Вѣстника: слогъ твой будетъ чистъ, и ты узнаешь многія обороты и тонкости въ языкѣ нашемъ, которыя неизвѣстны были и Ломоносову и тѣмъ, которыя прежде и послѣ его писали.

Прости, помни меня. Кланяйся Александру Петровичу. Братъ его бываетъ у меня, и я готовъ быть ему во всемъ полезнымъ.

Т.

Б.

С.П.Бургъ. 1808. 30-го Сентября. 1-го Октября.

По сю пору, любезный другъ и братъ, не получалъ я отъ тебя писемъ изъ Гетингена и безпокоился уже на твой счетъ; но сегодня получилъ письмо отъ Матушки и Сережи, въ которомъ они пишутъ, что получили отъ тебя письмо изъ Гетингена. Не знаю, отъ чего я не получалъ еще. Вѣрно, ты

и ко мнѣ въ то же время писалъ. Ожидаю съ каждой почтой. Получилъ ли ты письмо мое съ Блудовымъ, который поѣхалъ Курьеромъ въ Голандію и обѣщалъ мнѣ переслать его къ тебѣ изъ Берлина? Онъ вѣтренъ, и я боюсь, чтобы онъ не забылъ объ томъ и не привезъ его мнѣ назадъ. Сережа пишетъ, что ты не скучаешь въ Гетингенѣ, и — не удивительно. Полюби только мирныя занятія Кабинета, полюби дѣятельность и посвяти себя какой-нибудь части исключительно (не пренебрегая, однакожь, и другими для службы), и тогда увидишь, какія наслажденія имѣетъ сидячая жизнь и ученыя занятія. Я бы полетѣлъ къ тебѣ въ Гетингенъ; да и здѣсь пріятнѣйшія минуты для меня тѣ, въ которыя я дома и въ шлафрокѣ бесѣдую съ Музой Исторіи. Теперь я очень свободенъ; одна только Коммиссія меня иногда занимаетъ не весьма пріятнымъ образомъ, ибо это нелюбимая часть моя.

Отъ Шлецера я получилъ письмо и половину 5-ой части его Нестора. Поблагодари его за меня и скажи, что я сообщилъ уже ее Кругу, Лербергу и Карамзину; осмѣлился сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія и поправки въ переводѣ, которыя теперь, не имѣя у себя книги, не могу сообщить ему; помню, однакожь, что онъ не зналъ, какъ перевесть *сани;* кажется, что это значитъ *Schlitten.* Также Kalbfleisch поставилъ вмѣсто Rindfleisch, кажется. Мнѣ очень удивительно, что Кассіусъ еще въ Гетингенѣ и живетъ in Elend, какъ говор. Шлецеръ. Для чего онъ тогда не пріѣхалъ въ Петерб., когда Розенкамфъ отъ имени Н[иколая] Н[иколаевича] Новосильцова звалъ его на 1900 р. жалованья? Теперь обстоятельства перемѣнились у насъ, и Сперанскій и я уже не могу обѣщать ему вѣрнаго мѣста; однакожь, все бы, я думаю, онъ могъ здѣсь найти уголокъ и кусокъ хлѣба и жить спокойнѣе, нежели въ Германіи. Онъ очень хорошій человѣкъ; но только часто прежде испивалъ, а это можетъ поселить худое о немъ мнѣніе. Узнай отъ него, что онъ намѣренъ съ собою дѣлать? Какъ бы я желалъ быть ему полезенъ и какъ мнѣ больно, что онъ тогда не пріѣхалъ сюда по нашему зову! Пришли мнѣ при случаѣ Heerens Uber die Folgen der Kreuzzüge für Europa и узнай, нельзя ли у васъ достать недавно вышедшую англин. книгу: Исторію дому Стуартовъ, соч. Фокса, бывшаго министра. Естьли можно, то при первой оказіи пришли; по почтѣ дорого; я на эти книги тебѣ пришлю рублей сто. Скажи Шлецеру, что я исполнилъ его порученіе и сказалъ Языкову о его отвѣтѣ. Неужели онъ не имѣетъ еще Эверсовой книги vom Ursprunge des Russischen Staats? А мы давно уже ожидаемъ его рецензіи. Я получилъ отъ Карамзина письмо; онъ пишетъ, что я буду членомъ Истор[ическаго] Общ[ества]. Дѣло наше, кажется, идетъ хорошо; Г. Орловъ даетъ въ пользу Матушки предложеніе, чтобы тѣмъ, кои подали прежде ко взысканію, т. е. намъ, Тетушкѣ и Неело-

вой уплатить прежде другихъ; не знаю, согласятся ли съ этимъ Сенаторы; иначе это пойдетъ на Депутацію, что можетъ очень долго продолжиться. На сихъ дняхъ пошелъ въ походъ съ двумя гвард. Баталіонами Г. Строг[ановъ]. Кажется, что мы бьемъ Шведовъ безъ милости. О Государѣ вы, я думаю, прежде нашего все знаете. Вѣрно, нѣмецкія газеты полны описаніями свиданія двухъ Императоровъ, нѣсколькихъ Королей и всѣхъ Принцовъ Нѣмецкихъ.

Нетерпѣливо желаю знать, началъ ли ты слушать лекціи, у кого и какія? И хорошо ли вслушиваешься и понимаешь ли Нѣмецкой языкъ свободно? Не забывай Англинскаго. Да займись Латин. и Франц., естьли есть хорошій лекторъ Франц. языка. Кто теперь замѣняетъ Мартенса? Скажи А[лександру] П[етровичу] Куницыну, чтобы онъ былъ спокоенъ нащетъ брата своего; онъ бываетъ иногда у меня и не терпитъ большой нужды. А[ндрей] С[ергѣевичъ] Кайсаровъ скоро сюда будетъ; теперь онъ долженъ быть въ Вѣнѣ. Пора ему на Святую Русь; пошатался по бѣлому свѣту и натерпѣлся нужды; испыталъ холодъ и голодъ. Пріятно будетъ отогрѣться на русской лежанкѣ или русскими щами.

3-го Октября. Наконецъ, мой милый другъ, я получилъ отъ тебя первое письмо изъ Гетингена по № 3-му отъ $\frac{10}{22}$ Сент. Не знаю, 3-е ли это изъ Гетингена или 1-ое. Кажется, что уже оно не первое, потому что ты ничего не пишешь, какъ ты доѣхалъ, отдалъ ли мои письма Шлецеру и другимъ и какъ тебя приняли. Можетъ быть, ты что-нибудь писалъ о политикѣ, и его не пропустили. Тутъ приложено письмо и къ Матушкѣ. Увѣдомь меня объ этомъ. Очень радъ, что тебѣ Геренъ полюбился; этого и ожидать должно было. Онъ прекрасный доцентъ. Читай его сочиненія. Но ты пишешь, что у него одного будешь слушать лекціи. А Философія? И Натуральныя Науки, напр. Нат. Ист. у Блуменбаха, когда ты намѣренъ слушать? Займись языками. Описывай мнѣ всѣ свои прогулки; очень радъ, что Кассіусъ тебя любитъ. Ты пишешь о предложеніи, которое ему сдѣлалъ Розенкамфъ; вѣдь это по моему желанію и по моему предложенію, такъ какъ и въ письмѣ Розенкамфа, которое я и писалъ, сказано. Тамъ же сказано было въ концѣ, чтобы онъ увѣдомилъ, естьли хочетъ; для чегожь онъ ни слова не отвѣчалъ и пропустилъ такой прекрасный случай? Меня Н[иколай] Н[иколаевичъ] Новосильцовъ нѣсколько разъ о немъ спрашивалъ, потому что я много говорилъ въ его пользу, и я не зналъ, что ему отвѣчать. Писалъ къ Андрею Серг[ѣевичу], чтобы его заставить отвѣчать Розенкамфу; досадовалъ на ихъ нерадѣніе, и все попустому. Теперь трудно это сдѣлать и трудно опредѣлить въ Коммиссію, потому что ее уменьшатъ, какъ слышно. Но пусть онъ

отвѣчаетъ Розенкамфу и напишетъ къ нему, что болѣзнь или какія другія обстоятельства помѣшали ему тогда отвѣчать на его письмо и принять предложеніе его; теперь же онъ готовъ и желаетъ быть употребленнымъ или въ высшемъ учил. правовѣдѣнія или въ самой Коммиссіи Составленія Законовъ; авось что-нибудь можно будетъ сдѣлать. Увѣдомь меня прежде.

Когда гдѣ бываешь, описывай мнѣ подробно мѣста; мнѣ это вдвойнѣ пріятно, — по воспоминанію прошедшаго и по удовольствію, которое я нахожу въ чтеніи твоихъ писемъ. Естьли что замѣчаешь въ лекціи особенно любопытнаго или нужнаго для меня, или что тебѣ больше всего понравится, пиши объ этомъ въ письмахъ, которыя могутъ быть мельче писаны. Ты не представляешь себѣ наслажденія моего! Будетъ ли что-нибудь читать Шлецеръ? И у кого ты будешь слушать права: Естественное и Государственное? Это надобно, я думаю, въ первые полгода. Впрочемъ, не забирайся много лекціями. Развѣ Геренъ читаетъ Статистику? Или только Этнографію? Что дѣлаетъ Сарторіусъ? На другія полгода тебѣ надобно будетъ слушать нѣкоторыя Юридическія лекціи, напр. Энциклопедію права и Римское право—это тѣсно соединено и съ Исторіей. Законодательство Римлянъ пережило ихъ владычество, или лучше сказать — законами своими управляютъ они и теперь большею частію Европы.

Переводи, милый, больше на русской, чтобы образовать слогъ свой, и читай для образца переводы Карамзина въ Вѣстникѣ. Тамъ научишься прекраснымъ оборотамъ и выраженіямъ такихъ понятій, которыя, казалось, невозможно было выразить на Русскомъ. Естьли Шлецеръ не будетъ печатать свою Диссертацію о *Ярлахъ*, то попроси у него для меня копію, естьли она не очень велика. Спроси у него объ этомъ и скажи ему, что я хочу имѣть ее. Онъ обѣщалъ мнѣ ее. Я теперь часто хожу въ театръ смотрѣть Georges. Сегодня видѣлъ les Horaces par Corneille. А Сережа любуется Филисой въ Москвѣ.

5-го Окт. Сегодня получилъ я еще письмо отъ тебя, которое было прежде писано, № 2. Можетъ быть, и № 1 получу. Поблагодари Шлецера за дружескій пріемъ и увѣрь его въ моемъ непремѣнномъ душевномъ почтеніи. Я радъ, что ты у Вундерлиха берешь уроки; онъ хорошо знаетъ Лат. и Греч. и достойный ученикъ Гейне. Спасибо за П[авла] П[етровича] Соколовича; естьли что узнаешь о немъ, увѣдомь меня, а его обо мнѣ, и скажи ему, что я его люблю и помню. Mein Compliment an Frau Bieler; sie wird sich doch meiner und Kayssarow erinnern. Какъ это мнѣ пріятно, что ты въ тѣхъ же комнатахъ живешь; но которыя—тѣ ли, что я занималъ, или что Двигубскій, или Воиновъ, или Калкау? Узнай объ этомъ и напиши. Прости. На слѣдующей

почтѣ посылаю тебѣ остальныя 500 р. Сегодня не успѣлъ. Помни и люби твоего брата. Иванъ С[еменовичъ] вступитъ въ Кадетскій корпусъ, а Борисъ въ Кол. Иност. Дѣлъ и потомъ въ Архивъ въ Москву; они тебѣ кланяются.

6.

13 Окт.

Здравствуй, любезнѣйшій другъ и братъ! Хотя я недавно еще писалъ къ тебѣ, но, посылая тебѣ prima-вексель на 900 р. по 15 съ полов. шилинговъ, я пользуюсь еще разъ случаемъ писать къ тебѣ. Послѣ двухъ твоихъ писемъ № 2, № 3 изъ Гетингена, я еще не получалъ ни одного; но ожидаю каждой почты съ нетерпѣніемъ. Пиши мѣльче и больше. Теперь, я думаю, уже начались лекціи, слѣд. ты можешь написать мнѣ подробно, что и у кого ты слушаешь. Гдѣ бываешь? Съ кѣмъ чаще видаешься и какъ проводишь остальное отъ лекцій и отъ домашнихъ занятій время? Всѣ эти дни я сидѣлъ дома и просматривалъ и перечитывалъ съ неизъяснимымъ удовольствіемъ всѣ тѣ письма, которыя я писалъ изъ Гетингена къ брату въ Вѣну и которыя я нашелъ въ его бумагахъ вмѣстѣ съ батюшкиными и другими письмами. Какъ все старое возобновилось въ моей памяти. Я многое вспомнилъ, что давно забылъ,—и какъ любопытно сравнивать самаго себя теперешняго съ самимъ собою въ 1802-мъ году. Естьли ты хочешь современемъ имѣть такое же наслажденіе и, естьли можно, — гораздо большее, то пиши аккуратно свой журналъ и пиши ко мнѣ и для себя, потому что я сберегу твои письма, и ты можешь послѣ перечитать ихъ всѣ вмѣстѣ. Дай Богъ только, чтобы мы свидѣлись, и дай Богъ, чтобы ты не имѣлъ моей участи, пріѣхавъ въ Россію, не найти брата!

Отъ Сережи я получилъ письмо, и онъ желалъ бы быть опредѣлену въ новооснованную Медико-Хирургическую Академію переводчикомъ съ жал. 600 р., въ Москвѣ. Я бы могъ ему доставить это мѣсто, но мнѣ кажется, что оно не для него. Какая цѣль? Жить въ Москвѣ и служить тамъ же? Ему надобно надѣяться также побывать въ Гетингенѣ. Этого же, кажется, нельзя соединить вмѣстѣ съ службою въ Иностр. Коллегіи. Я отсовѣтовалъ ему. Матушкѣ посылаю на сихъ дняхъ славной гостинецъ — чепчикъ и прекрасный шелковый капотъ, хотя она на меня и сердится, обыкновенно по пустому; но авось когда-нибудь кончатся наши дѣла, и я оправдаюсь въ глазахъ Матушки. Теперь послано отъ Г. Орл[ова] предложеніе въ Сенатъ.

Скажи Шлецеру, что я читалъ опроверженіе, которое сынъ его написалъ противъ Эверса, защищая своего отца; но кажется, въ немъ видна болѣе сыновняя нѣжность, нежели Историческая Критика. Это опроверженіе напечатано въ Митавскихъ Ученыхъ Листкахъ. Скоро ли самъ Шлецеръ защищаться будетъ? Мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ.

16-го Окт. Вчера получилъ я еще письмо отъ тебя, милый другъ и братъ, № 4 отъ $\frac{19}{27}$ Сентября, изъ котораго я вижу, что и тебя посѣтила грусть или тоска по отчизнѣ и по милымъ ближнимъ. Heimweh — это и со мной часто случалось, особливо въ свободное время; но дѣятельность разсѣетъ грусть твою, и спокойствіе твое, необходимое для дѣятельности ума и слѣд. для успѣховъ, возвратится вмѣстѣ съ лекціями, которыя чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будутъ занимать тебя. Это можетъ быть также отчасти и вліяніе дурной мрачной погоды, вліяніе осени. Я помню, что въ это самое время и я иногда бывалъ грустенъ, и что братъ одинъ разъ писалъ ко мнѣ объ этомъ, приводя одно мѣсто изъ Графа Донамара, Бутервекова романа, которое онъ всегда повторялъ при видѣ печальной Природы. Утѣшься, придетъ весна, Природа и вмѣстѣ съ нею душа твоя, открытая и для радостныхъ впечатлѣній, обновится. Ты будешь веселиться, смотря на тысячу ручьевъ, которыя потекутъ съ горы Гайнбергъ и со всѣхъ окрестныхъ горъ Геттингена. Хорошо, что ты теперь на Гарцъ не поѣхалъ, а остался дома и занялся языками; для путешествія по Гарцов[скимъ] горамъ надобно прежде приготовиться и получить нѣкоторыя свѣденія или въ Натур. Исторіи, или въ Германской Исторіи, въ которой онѣ извѣстны по городамъ и по замкамъ своимъ, которыя служили убѣжищемъ хищнымъ рыцарямъ и въ которыхъ живали Императоры изъ Саксонскаго дому. Надобно имѣть понятіе и о Минералогіи и о горномъ искусствѣ. Въ слѣдующую ваканцію ты можешь сходить на Гарцъ и взобраться на Брокенъ, только въ хорошую погоду. Видъ съ Брокена единственный!

Не знаю, отправилъ ли къ тебѣ мое письмо Блудовъ? Я получилъ отъ него письмо изъ Берлина, откуда онъ хотѣлъ его отправить; но онъ ничего объ этомъ не упоминаетъ. Напиши къ нему въ Голландію, въ Амстердамъ, надписавъ письмо: au secretaire de la légation Russe M-r le Conceille Struve, и прося его на кувертѣ доставить его Блудову, а въ случаѣ его отсутствія переслать къ нему. Блудовъ этому очень радъ будетъ. Мы ожидаемъ ежедневно Государя; Велик. Князь уже пріѣхалъ 4-го дня.

Получаешь ли ты ученыя журналы и газеты? Все это можно получать за весьма дешевую цѣну; я всегда читалъ это тотчасъ послѣ обѣда до начатія лекцій. Для другихъ занятій это время не годится, хотя желудокъ и не

бываетъ отягощенъ послѣ студентскаго обѣда. Что ты платишь за столъ? Гдѣ обѣдаешь? И каково? Увѣдомь объ этомъ. Хоть худо, да дешево бывало въ мое время.

Не пишетъ ли или не написалъ ли что-нибудь Миллеръ, что въ Касселѣ Министромъ просвѣщенія? Узнай и увѣдомь меня; вообще я желалъ бы черезъ тебя être au fait de la litterature Allemande, surtoût pour la partie des belles lettres et de l'Histoire, tant ancienne, que moderne. Tuus.

Увѣдомь о полученіи векселя, и что получишь за него, и что за первый получилъ?

7.

1808. Ноября. [1]) *дня.*

Здравствуй, любезнѣйшій другъ и братъ! Спасибо, милый другъ, тебѣ за твою акуратность въ письмахъ; я почти еженедѣльно отъ тебя получалъ. Вчера получилъ отъ 14/26 октября, вмѣстѣ съ письмомъ А[лександра] П[етровича] Куницына; но я тебѣ еще и на прежнія не отвѣчалъ, потому что все это время я былъ въ большихъ хлопотахъ по случаю возвращенія М[ихаила] М[ихайловича] Сперанскаго, который, какъ увѣряютъ, хочетъ дѣлать большія перемѣны въ Коммиссіи. Я не зналъ, на комъ все это обрушится, и ожидалъ и для себя непріятнаго. Однакожь, кажется, я твердо на своемъ мѣстѣ; два раза былъ у Спер[анскаго] по должности; получилъ отъ него порученіе, и, кажется, онъ хорошаго обо мнѣ мнѣнія, и я ничего не проиграю съ нимъ. Но за другихъ отвѣчать нельзя. Только теперь я съ утра до вечера занятъ Коммисскими работами и чувствую всю тягость быть законодателемъ! Дай Богъ, чтобы хоть одну часть обработать получше, чтобы не стыдно было передъ Франц. и Пруссаками.

Теперь буду отвѣчать тебѣ на письма. Я не ожидалъ, чтобы тебя столько огорчило письмо мое, писанное по возвращеніи изъ Москвы. Я весьма мало безпокоился нащетъ твоего поведенія въ Москвѣ; ибо знаю, какъ легко и часто несправедливо судятъ по наружности. Конечно, Чеботаревъ и Кофсйная не могли тебя испортить; но тотъ, кто, какъ Мерзл[яковъ], судитъ по тому только, что онъ видитъ, очень можетъ ошибиться. Впрочемъ, ты напрасно сердишься на него; онъ искренне принималъ въ тебѣ участіе, иначе онъ бы и не огорчался. Но забудемъ все это; я въ чистотѣ твоей нравственности болѣе увѣренъ, нежели въ своей собственной. Сережа и Жуковскій просятъ тебя, чтобы ты сдѣлалъ маленькое описаніе твоего

1) Число не поставлено.

путешествія въ Эрфуртъ. Жук[овскій] и я поправили бы это и напечатали въ его Журналѣ. Оно можетъ быть очень коротко; опиши, кого и что видѣлъ, самый городъ, гдѣ жили Императоры, гдѣ Король, гдѣ ихъ Министры, и кто былъ изъ Иностранцевъ, кто изъ пріѣхавшихъ съ Коронованными особами. Ты можешь почерпнуть все это изъ описаній, которыя вышли въ печать; тамъ все есть; присовокупи свои замѣчанія, и это не можетъ быть не интересно, особливо для насъ, потому что мы ничего не знаемъ, а это бы и тебѣ могло быть полезно. Здѣсь уже мы приготовимъ это къ печати; вѣрно, есть описаніе самаго города; загляни въ него и скажи о городѣ слова два—три, о театрѣ, объ увеселеніяхъ, о народѣ, а всего болѣе—о надписяхъ, которыя и въ газетахъ были напечатаны; ихъ можно оттуда всѣ выписать. Пожалоста, сдѣлай это; въ слогѣ мы поправимъ. Объ ожиданіяхъ публики и о послѣдствіяхъ сего свиданія.

Не мало ли одной лекціи у Герена? Не нужно ли взять Философію и еще Государст. и Ес[те]ствен. права? Heerens Kleine Schriften у меня есть, но только 3-й части нѣтъ. Франц. Исторія Гено и Гейнриха у меня также есть; не вышла ли 3-я част. Гейнриха Фр. Ист.? У меня только двѣ. Гено у меня на нѣмецкомъ. Для обозрѣнія онъ очень хорошъ. Переводи Герена для слогу; да, вѣрно, и книга прекрасная. Велика ли она? Замѣчанія твои о нѣкоторыхъ ученыхъ Нѣмецкихъ, которыя занимаются Науками, какъ ремесломъ, справедливы, и нѣтъ ничего хуже ремесленника въ учености; ein Brodtgelehrter, какъ говорятъ Нѣмцы; но чтожь дѣлать? этотъ классъ людей, т. е. ученыхъ, въ Герм[аніи] слишкомъ великъ, и это есть необходимое послѣдствіе. Шиллеръ въ рѣчи, которую онъ говорилъ при вступленіи своемъ въ должность Проф. Ист., Über die Art wie man Universalgeschichte studieren soll, прекрасно различаетъ einen Brodtgelehrter von einem philosophischen Kopfe; прочти ее; она коротка, но прекрасна. Вотъ истинная теорія Исторіи!

Порученіе твое давать по 25 рублей нашимъ рекрутамъ постараюсь исполнить; нынѣшній годъ даютъ одного со ста. Письмо Куницыну отдалъ; но еще не видалъ его; я и безъ того помогалъ ему. Что сдѣлаю, о томъ увѣдомлю. Между тѣмъ, буду просить ему жалованье. Дѣло наше изъ Консультаціи съ предложеніемъ Г. Орлова въ пашу пользу перешло опять въ Сенатъ; нѣкоторыя Сенаторы пристали; другія—нѣтъ; и потому, кажется, оно пойдетъ или на депутацію къ Государю или въ Совѣтъ. Матушка зимой, которая уже почти стала, должна сама сюда пріѣхать. Итакъ, учитель твой Росси и меня училъ; но онъ вѣчно пьянъ, и не много успѣешь у него; впрочемъ, языкъ легкой. Гереновы Ideen über den Politik у меня также есть; превосходная книга. За

недѣлю предъ симъ я совѣтовалъ одному перевесть ее, хоть 1-й томъ—Азію. Это интересно и для Россіи. Старое изданіе я давалъ читать Цвѣтаеву. Это та самая книга. Шлецерова Ольга еще у Карамзина; я послалъ ему прочесть его. Я беру теперь уроки въ Латинскомъ у прекраснаго учителя и надѣюсь успѣть. Желаю и тебѣ того же. Поклонись отъ меня Вундерлиху; онъ долженъ помнить меня. Получилъ ли ты другой вексель на 500 р.? Блудовъ сдѣланъ Гол[андскимъ] Королемъ Кавалеромъ *ордена союза* и получилъ бриліянтовый крестъ. Иванъ Сем[еновичъ] вошелъ сегодня въ Корпусъ волонтеромъ. Борисъ со мною. Благодарю А[лександра] П[етровича] Куницына за письмо и прошу не забывать меня. Увѣдомляй меня, какія ты книги покупать будешь, чтобы не было много у насъ вдвойнѣ. Не худо запастись лучшими изданіями классиковъ древнихъ. У меня одинъ Горацій.

8.

1808-го Декабря 21-го дня. С-ПБургъ.

Много виноватъ передъ тобой, любезный другъ и братъ, что такъ давно не писалъ къ тебѣ и не отвѣчалъ на три письма твои. Разныя хлопоты по случаю переобразованія нашей Коммиссіи и пріѣздъ сюда Матушки задержали меня. Теперь имѣю много интереснаго сообщить тебѣ. Начну съ пріѣзда Матушки. Вотъ уже другая недѣля, какъ она здѣсь съ Сережей, который живетъ у меня, а Мат. у Тетушки, въ тѣхъ комнатахъ внизу, которыя я послѣ занимать буду и которыя съ сего времени считаются уже за мною. Къ пріѣзду Мат. и дѣло наше въ пользу нашу и, кажется, согласно съ голосомъ Н[иколая] Н[иколаевича] кончилось въ Сенатѣ; 14 Сенаторовъ съ нашей стороны, а 5 съ противной, слѣд. такъ какъ съ нашей болѣе двухъ третей, то оно по законамъ и не пойдетъ на Депутацію. Насъ вмѣстѣ съ другими, подавшими *прежде* ко взысканію, должно удовлетворить прежде другихъ кредиторовъ. По новому преобразованію Ком. Сост. Законовъ сдѣланъ я помощникомъ Начальника *уголовнаго* отдѣленія Дружинина; а такъ какъ Розенкамфъ уже не Секретарь Присутствія, а только Начальникъ отдѣленія гражданскаго, то должность его, какъ Секретаря, раздѣлена между Вронченкой и мною; я сдѣланъ Секретаремъ новоучрежденной Конференціи, а Вронченко—Секретаремъ Присутствія. Чрезъ мои руки будутъ проходить всѣ бумаги Конференціи, въ которую входятъ и разсматриваются всѣ работы Коммиссіи по части законодательства. Въ ней присутствуютъ упра-

вляющій и начальники отдѣленія. Я совсѣмъ не ожидалъ этой должности, ибо едва, кажется, былъ извѣстенъ Сперанскому, который 3-го дня сдѣланъ и Товарищемъ Министра Юстиціи. Сверхъ того, я отъ Розенкамфа взятъ къ Держ[авину], и сплю и вижу одни казни и преступленія! Скажи объ этомъ Шлецеру и о паденіи Розенкамфа. Козодавлевъ сдѣланъ Товарищемъ Мин. Внутреннихъ дѣлъ. Ник[олай] Н[иколаевичъ] Новос[ильцовъ] возвратился и, можетъ быть, опять примется за дѣло. Онъ помнитъ своихъ студентовъ въ чужихъ краяхъ; пусть они пишутъ прямо къ нему, если будутъ имѣть нужду въ прибавкѣ жалованья. Такъ какъ Куницыну теперь казеннаго жалованья около 60-ти руб., то онъ беретъ у меня по 5 на мѣсяцъ, да еще взялъ 10 р. на шинель. Я ему буду давать, слѣдовательно, 60 р. въ годъ; а ты ихъ получи отъ брата и употреби для себя; а иногда и мнѣ книжку купишь. Герена Ideen über die Politik etc. der alten Welt у меня давно уже есть. Прекрасная книга! Спроси у него, когда выйдетъ III-я часть о Европѣ? Скажи Шлецеру, что я вмѣстѣ съ Кругомъ и Лербергомъ сдѣланъ членомъ Историческаго Московскаго общества и что буду понукать своихъ сочленовъ въ изданіи рукописей. Пусть онъ доставитъ намъ или мнѣ замѣчанія на первый Обществомъ напечатанный листъ съ варіантами. Я виноватъ передъ тобой и въ томъ, что удержалъ и два письма Матушкины къ тебѣ, еще изъ Москвы писанныя. Касательно пересылки къ тебѣ денегъ, то къ слѣдующему разу понавѣдаюсь, какъ выгоднѣе пересылать ихъ къ тебѣ, такъ и пришлю. Напиши, какъ у тебя кошелекъ начнетъ истощаться, чтобы намъ не опоздать пополнить его. Сережа учится здѣсь по Латыни и по Англински, и если долго пробудетъ, то послѣ Новаго года будетъ ходить и въ Педагогическій Институтъ. У него охота, кажется, есть; а была бы охота—и прочая вся приложатся вамъ. Борисъ подалъ прозьбу объ опредѣленіи въ Иностр. Кол., и я надѣюсь, что примутъ. Иванъ С[еменовичъ] въ Кадетскомъ волонтерномъ Корпусѣ. Свободнымъ временемъ воспользуйся и сходи на Рейнъ и въ Голландію, или на Гарцъ; а для этого путешествія можно будетъ прислать тебѣ рублей 200. Въ другой разъ не удастся за такую дешевую цѣну путешествовать. Одна весна въ году и въ жизни. Наслаждайся ею *морально*; одинъ разъ въ жизни бываютъ живыя впечатлѣнія, и это для тебя теперь. Въ Вѣстникѣ Европы напечатанъ мой отрывокъ изъ Путешествія по Гарцу. Не худо бы вамъ получать этотъ журналъ. Сложитесь и выпишите его вмѣстѣ. Заплатите только за пересылку; а я могу здѣсь заплатить за журналъ. Русскія газеты для васъ не интересны, но журналъ и для языка непремѣнно нужно имѣть. Сережа уже переталъ и думать о Секретарствѣ въ Медико-Хирург. Академіи. Политическія новости

такъ сухи и единообразны, что и писать не хочется о нихъ. — Наша деревенская библіотека, кажется, въ порядкѣ, и есть каталогъ; я при первой оказіи пошлю въ нее нѣсколько русскихъ книгъ, которыя я купилъ въ Академіи Наукъ пудами. Быть можетъ, что будетъ и для насъ въ жизни ссылка. Тогда и русскимъ книгамъ радъ будешь; а какое одолженіе можно сдѣлать и какую пользу оказать сосѣдямъ! Послѣднее письмо твое получилъ я сегодня отъ 26/8 Ноября. Сколько я знаю, то Липлянецъ, проѣжжавшій у васъ, есть служившій у насъ въ Коммиссіи Губернскій Секретарь Транзе, protégé Розенкамфа, и, вѣрно, онъ имѣлъ порученія отъ него къ Шлецеру и Гуго и наговорилъ или, лучше, нахвасталъ о Розенкамфѣ. Онъ путешествуетъ по своей волѣ и не имѣетъ никакихъ порученій. Что онъ сказывалъ о причинѣ своей посылки? Увѣдомь. Геренъ долженъ тебѣ нравиться и на кафедрѣ и въ книгахъ своихъ. Но для чего ты не взялъ ни у кого Логики и Метафизики? Съ этого, кажется, также начать надлежало. Успокой Тимковскаго въ разсужденіи Оливьери. Профессоромъ въ Москву сдѣлалъ его я черезъ Я[кова] И[вановича] Булгакова, который друженъ съ Г. Разум[овскимъ], для того что онъ здѣсь не годился быть учителемъ въ Гимназіи и былъ выключенъ, а кредиторы его хотѣли его посадить въ тюрьму. Но онъ къ пріѣзду Тимк[овскаго] или умретъ или надоѣстъ и въ Москвѣ, также какъ и здѣсь. Онъ шутъ и сводникъ, а не Профессоръ, и не способенъ учить, а только писать стихи на случай. Жаль Вейденгамера; но пора отбить охоту отъ студентскихъ дуэлей. Въ какомъ отношеніи находится Iohannes Müller, Министръ Просвѣщенія въ Вестфаліи, къ Университету Гетинг., и кто вашъ Генералъ-Секретарь? Увѣдомляй меня о новыхъ выходящихъ книгахъ Юридическихъ и Историческихъ и Стати[стп]ческихъ. У насъ зима самая строгая—русская. Дни черезъ три мы ожидаемъ Короля и Королеву Прусскихъ, и къ ихъ пріѣзду готовятся праздники и парады. — Покажи Шлецеру и постарайся сдѣлать извѣстною слѣдующую задачу, заданную на сихъ дняхъ здѣшней Академіей Наукъ по предложенію Экстраорд. Академика Круга:

«Welches grosse Verdienst sich unsern Akademie um die gelehrte Welt dadurch erworben, dass sie Strittern den Auftrag gab systematische Auszüge aus den Bysantischen Geschichtschreibern zu machen, ist zu bekannt, als dass es einer weiteren Auseinandersetzung bedürft. Offenbar hat die ganze Völkergeschichte, besonders aber die Geschichte der Völker vom Slavischen Stamme, sehr dabey gewonnen; denn nun erst konnten Historiker das mit leichter Mühe benützen, was früher in beynache vierzig theuren und seltenen Folianten begraben lag.—Indess fehlt es uns noch immer eine historische Chrono-

logie dieser Bysantiner, welche oft Begebenheiten ohne Angabe der Zeitfolge erzählen, oder wenn sie die Zeit bestimmen, sich nicht selten in ihren Angaben widersprechen. Pagi, Bayer u. besonders Ritter haben allerdings hierin schon viel geleistet, aber mehr noch bleibt zu thun übrig. Die Akademie würde also ihr Werk krönen, u. gewiss den Dank aller Geschichtforscher einerndten, wenn sie durch ihre Preisaufgabe veranlasste, dass diesem Mangel abgeholfen würde, und *wir eine durchaus verglichene, so viel als möglich berichtigte Chronologie der Bysantischen Schriftsteller erhielten.* Hindurch wäre viel für die Geschichte des Mittelalters, u. insbesondere viel für die Geschichte Russlands gewonnen.—Ein Unternehmen dieser Art ist von einem sehr bedeutenden Umfange u. erfordert daher besonderen Zeitaufwand u. anhaltenden Fleiss. Sollte also dieser Vorschlag genehmigt werden, so würde zu überlegen seyn: 1) ob man nicht den Termin zwey Jahre hinaussetzen und 2) ob man nicht den, in dem jetzigen Jahre nicht ertheilten Preis, mit dem für die beste einlaufende Preisschrift zu ertheilende, vereinigen könne?» Чтобы продолжить на два года, это принято, а двойное награжденіе отвержено. Иванъ Васильевичъ Волковъ отъ горячки недавно умеръ. Прости, помни и люби твоего друга и брата. А. Т.

Кланяйся отъ меня Понжерару и Росси; они оба были и мои учители и оба дурно учатъ. Съ Понж[ераромъ] хорошо водить знакомство. Преблагородный человѣкъ; но языкомъ занимается онъ мало. Не лучше ли у другаго брать уроки, а съ нимъ иногда проводить вечеръ или гулять? Росси вѣчно пьянъ и не много смыслитъ. Пожалоста, занимайся болѣе Французскимъ языкомъ и учись сочинять на немъ; но и Русскаго не забывай.

Не писалъ ли Эйхгорнъ чего-нибудь Историческаго въ послѣднія два года и не выдалъ ли Тиксенъ чего-нибудь о Дипломатикѣ? Шлецеръ мнѣ тогда прислалъ до 128 стр. 5-й части своего Нестора. Узнай, не вышло ли болѣе? И нельзя ли доставить мнѣ? Переводишь ли ты что-нибудь на Русской? Это, кажется, непремѣнно нужно; и что переведешь, прочитывай съ однимъ изъ товарищей, который получше знаетъ Русской языкъ. Александръ П[етровичъ] Куницынъ тоже, кажется, мало еще упражнялся въ Русскомъ. Это одинъ изъ недостатковъ Педагогическаго Института. Мартыновъ самъ не гораздъ и, будучи наставникомъ въ Наукѣ о вкусѣ, пишетъ самъ безъ вкуса.

22 Дек. Сережа учится по Латыни, а потомъ и я начну. Книгамъ моимъ дѣлается два каталога, и одинъ изъ нихъ будетъ систематически расположенъ по матеріямъ. Московскія мои книги также сюда будутъ, кромѣ тѣхъ, кои нужны Сережѣ. Я надѣюсь, что черезъ годъ онъ готовъ будетъ

ѣхать въ Гетингень; обстоятельства наши поправятся, и вы будете вмѣстѣ хоть съ полгода; а потомъ ты поѣдешь путешествовать, а онъ будетъ учиться еще; ты можешь возвратиться къ нему. Но до тѣхъ поръ еще много воды утечетъ. Kommt Zeit, kommt Rath. Прости, мой милый другъ и братъ.

9.

9-го Марта, 809. С.П.Бургъ.

Спѣшу послать тебѣ, любезный другъ и братъ, 400 р., которыя промѣняй осторожнѣе и спишись прежде съ Консуломъ. Вчера Матушка уѣхала въ Москву; больно мнѣ было съ ними разставаться; я было такъ привыкъ къ Сережѣ и Борису, а теперь со мною никого нѣтъ, я одинъ живу въ нижнемъ этажѣ у Тетушки и плачу 600 р. въ годъ, если не болѣе, ибо я хочу взять весь этажъ. Теперь работы много въ Коммиссіи. Спасибо тебѣ за письмо; только ты ничего не пишешь о своихъ занятіяхъ; лучше пиши два раза въ мѣсяцъ и побольше; деньги твои пропасть не могутъ, меня всѣ Банкиры въ этомъ увѣряютъ. 300 р. посылаетъ Матушка, а 100 мои. Если нужно, напиши; Матушка еще пришлетъ 200 тотчасъ же. Куницыну я даю всякой мѣсяцъ 5 или 10 р. Дѣло наше совсѣмъ кончилось, и насъ велѣно удовлетворить прежде; боюсь, чтобы еще прицѣпокъ не было. — При Коммиссіи сдѣланъ сверхъ Присутствія и Конференціи еще Совѣтъ, состоящій изъ прежнихъ членовъ и Сенаторовъ Алексѣева и Корнѣева и Г. Потоцкаго; Воронченко и я, кажется, будемъ при Совѣтѣ. Юнкеры наши выпущены всѣ съ чинами. Д. Г. Соколовичъ Губернскій Секретарь и остается въ Коммиссіи при мнѣ. — Пришли что есть новаго Герепа и Эйхгорна съ Болдыревымъ, но не много: на что деньги тратить? Поѣжжай во время Ферій или на Рейнъ, или на Гарцъ, или въ Голландію. Нѣтъ ли чего интереснаго Политическаго? чего нельзя прислать по почтѣ, то пришли съ попутчиками. М[ихайла] С[ергѣевичъ] Кайсаровъ опредѣленъ къ М. Внутр. дѣлъ съ 700 р. и квартирой. На первой случай изрядно. Андрей С[ергѣевичъ] ѣдетъ на этой недѣлѣ въ Москву. Сережа очень прилѣжно учится и сдѣлалъ большія успѣхи въ Англинскомъ и Латинскомъ въ три мѣсяца. Жаль, что въ Москвѣ нѣтъ такихъ учителей, какъ здѣсь у него были.

Сережа не успѣлъ написать къ тебѣ, а пришлетъ письмо изъ Новгорода, которое я пошлю съ К. Репнинымъ, если успѣю.

На этой же недѣлѣ буду писать къ тебѣ съ К. Репнинымъ, который ѣдетъ въ Кассель, и пришлю копію съ Указа по нашему дѣлу.

Аландскіе острова взяты нами безъ малѣйшаго сопротивленія. Это письмо посылаю черезъ Банкира для вѣрности вмѣстѣ съ векселемъ, Являйся иногда къ К. Репнину; онъ добрый человѣкъ и можетъ быть тебѣ и впередъ полезенъ. Не худо бы, естьлибъ онъ тебя причислилъ къ своей Канцеляріи съ жалованьемъ, оставя въ Геттингенѣ; я намекну ему объ этомъ. Княгиня, сказываютъ, предобрая.

Пиеьмо Екатерины Семеновны Тургеневой [1]).

27 Февра.

Милай мой Никалаша, очинь я давольна, што ты часто пишишь. Благодарю Бога, што ты здаровъ. Я ещо все в Питербурхе; дѣло мае и в сенате и в савете кончили в маю ползу. Таперъ должно и Гасударь потписать и я толка здесь етава и дожидаюсь и очинь грусно; боюсь штобы дарога не испортилась; а безъ канца ехать боюсь, штобы опять не испортили. Сколка мне горести и убытку ето дело зделало. Не пишишь получилъ ли ты отъ Шварца денги и не терпишь ли ты нужды. Ты нынече говеть не будишь, прошу тебя, не упущай малица Богу, меня ето сакрушаитъ. Я уверена, што Богъ тебя не оставитъ ва всемъ, ежели ты к нему станишь прибегать; желала бы штобы и ты такжа верилъ. Прасти, Христосъ с табоій, буди нат табой Божия милость и мае грешнея благаславения. К. Т.

Приписка Бориса Тургенева.

Спѣшу увѣдомить тебя, любезный другъ и братъ Николай Ивановичь, что я сей часъ ѣду въ Столицу. Сережа за часъ передъ мной поѣхалъ. Помни меня, любезный другъ.

Твой навсегда
Актуаріусъ Государственной Колегіи
Странныхъ дѣлъ
Б. Тургеневъ.

10.

1809-го года, Марта 10-го дня.

Вчера отправилъ я тебѣ, любезнѣйшій другъ и братъ, письмо и вексель на 400 Rbl. по почтѣ черезъ Банкира Венò, а сегодня пишу къ тебѣ черезъ Князя. И спѣшу тебя увѣдомить, что третьяго дня Высочайше подтвержденъ новый Штатъ нашей Коммиссіи, которая теперь будетъ состоять

1) Письмо Е. С. Тургеневой и приписка Б. Тургенева были написаны раньше письма самого Алекс. Иван.

изъ трехъ Инстанцій: изъ Конференціи, состоящей изъ одного Присутствующа[го] и Начальниковъ шести отдѣленій и изъ Секретаря Конференціи, т. е. изъ меня. Въ ней будутъ разсматриваться планы и проэкты законовъ, которыя послѣ того поступятъ въ Правленіе, гдѣ сидятъ К. Лопухинъ, Новосильцовъ и Сперанскій; а потомъ уже все поступаетъ въ Совѣтъ, состоящій изъ сихъ трехъ членовъ и Сенаторовъ: Алексѣева, Карнѣева и Гр. Потоцкаго; при Совѣтѣ писмоводителями — Вронченко, я и Нейманъ. Жалованье у меня то же, хотя трудовъ прибавилось, ибо М[ихаилъ] М[ихайловичъ] Сперанскій меня очень употребляетъ. Совѣтъ воспримета свое дѣйствіе въ Маѣ мѣсяцѣ. На этой недѣлѣ Государь ѣдетъ въ Финляндію, гдѣ провозгласитъ себя великимъ Герцогомъ Финляндіи и приметъ присягу вѣрности новыхъ подданныхъ. Острова Аланде покорены нами; но врядъ ли будутъ удержаны. Скажи Шлецеру, что я желалъ бы послать ему что-либо Статистическое или Историческое; но ничего еще не вышло, кромѣ очень хорошаго Минералогическаго описанія Россіи Академика Сѣвергина, въ которомъ Россія раздѣлена и описана въ отношеніи къ минеральнымъ ея произведеніямъ. Эта книга можетъ быть практически полезна. Не писалъ ли Шлецеръ рецензіи на Исторію Пруссіи Коцебу или не намѣренъ ли онъ писать объ этомъ? Что будетъ читать въ слѣдующія полгода Геренъ? Не будешь ли ты слушать его? Неужели ты не намѣренъ выслушать хоть одной лекціи Философической? Займись, пожалоста, Римскимъ правомъ и вообще Юриспруденціей. Это очень пригодится въ Россіи, гдѣ теперь эта Наука въ большой модѣ. Къ тому же она родная сестра Исторіи. Не замѣнилъ ли кто-нибудь Мартенса? Не издалъ ли онъ чего-нибудь новаго, кромѣ Geschichte der Friedenschlusse и послѣднихъ частей его собранія Трактатовъ? Теперь я получаю большую часть Литературныхъ Газетъ и читаю ихъ. Вотъ ужъ 4-й день, какъ Матушка и братья уѣхали изъ Петербурга. Жаль мнѣ было разставаться съ Сережей, тѣмъ болѣе, что я примѣтилъ, что и ему было грустно; онъ очень привыкъ ко мнѣ, хотя безпорядочное житье мое и не было для него спасительнымъ урокомъ. Онъ въ своихъ дѣлахъ гораздо порядочнѣе меня.

Едва имѣю время проститься съ тобою; хлопотъ по Коммиссіи множество, особливо по случаю новоучрежденнаго Совѣта Коммиссіи. Пожалоста, доставь мнѣ съ Болдыревымъ или съ кѣмъ другимъ, естьли есть копія, Историческія тетрадки, и не перевелъ ли ты чего-нибудь на Русской? Прости; на слѣдующей почтѣ пошлю тебѣ второй вексель. Увѣдомь, какъ скоро получишь, и пиши хоть не такъ часто, но больше. Твой вѣчно другъ и братъ.

Тургеневъ.

Посылаю тебѣ копію съ указа по нашему дѣлу. Долгъ Мат[ушкѣ] входитъ въ первый родъ долговъ. Крючокъ состоитъ въ томъ, что сказано: *приводить* въ исполненіе, а не привести. Прости.

Естьли тебѣ удастся съ кѣмъ-нибудь поскорѣе послать книги, то пришли мнѣ также: Zug der verbündeten Europäer und Asiaten nach Ostindien, mit einer Charte, Preis 16 Gr., Leipzig u. Gera. 1808. Спроси у Герена, хороша ли эта книжка и заслуживаетъ ли вниманія, и, вѣрно ли означенъ путь, которымъ Русскія могутъ пробраться въ Остиндію? Не худо, еслибъ ты прежде, нежели успѣешь послать ее, прислалъ бы мнѣ извлеченіе изъ того, что въ ней сказано von den Züge aus Moskau.

7 Апрѣля, 809. Князь еще не уѣхалъ, и я еще имѣю случай писать къ тебѣ и послать братнины и Матушкины письма и Указъ о Камеръ-Юнкерахъ и К.-Герахъ. Я получилъ отъ тебя письма. Получилъ ли ты деньги по секундѣ? Это письмо уже давно писано. Андрей Серг[ѣевичъ] уѣхалъ въ деревню.

11.

Такъ какъ К. Репнинъ поѣдетъ не прежде какъ еще недѣли черезъ двѣ, я спѣшу послать тебѣ другой вексель, тѣмъ болѣе, что я въ первомъ письмѣ вмѣсто primawechsel послалъ второй; а теперь посылаю первый; но я думаю, ты и по второму могъ получить деньги. Я уже давно не получалъ отъ тебя писемъ и не знаю еще, получилъ ли ты за первый вексель деньги. Боюсь, не терпишь ли ты нужды и не помѣшаетъ ли это тебѣ сдѣлать во время Ферій вояжъ по сосѣдству. Сегодня А[ндрей] С[ергѣевичъ] Кайсаровъ ѣдетъ въ Москву, и я отсылаю съ нимъ своего Гаврюшку за воровство и лѣность, а вмѣсто его мнѣ пришлютъ Василья повара, котораго очень хвалятъ. Ты, вѣрно, уже слышалъ, что случилось въ Швеціи. Вѣроятно, у насъ будетъ миръ съ новымъ Правительствомъ. На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ Дяд. Сем[ена] Вол[одиміровича], который увѣдомляетъ меня, что помолвилъ Анну Семеновну за Николая Ильича Татаринова, у котораго, сказываютъ, есть 200 душъ. Дай Богъ, чтобы она была щастлива. Я сегодня поздравлялъ ихъ и писалъ къ новому свояку. Я получилъ уже III-ю часть Исторіи Ганзы Сарторіуса; но еще не читалъ ее. Дѣло наше, кажется, совсѣмъ кончено въ нашу пользу, и Сенатъ послалъ уже опредѣленіе свое въ Москву; но я боюсь, чтобы Иванъ В[ладиміровичъ] не затянулъ его еще на годъ, ибо указъ написанъ не совсѣмъ ясно. — По новому преобразованію Коммиссіи я — Секретарь Конференціи и Письмоводитель Совѣта,

а уже не помощникъ въ Уголовномъ отдѣленіи. По новой должности я вошелъ уже въ сношенія съ новыми Сенаторами, членами нашего Совѣта. Захаръ Я[ковлевичъ] Карнѣевъ меня любитъ и Алексѣевъ принимаетъ, кажется, хорошо.—Мнѣ очень грустно было разставаться съ Сережей и я бы желалъ жить съ нимъ; но ему полезнѣе учиться въ Москвѣ, а потомъ въ Гетингенѣ, чѣмъ вдругъ заняться службой въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что онъ очень прилѣженъ и занимается съ успѣхомъ. Онъ оказалъ большія успѣхи въ Латинскомъ и Англинскомъ здѣсь въ Петербургѣ.

Здоровъ ли Шлецеръ? И скоро ли выдетъ продолженіе и конецъ его V-й части Нестора? Я надѣюсь, что онъ не забудетъ прислать тотчасъ по напечатаніи остальныя листы.

Что ты будешь слушать въ слѣдующія полгода? Неужели ты совсѣмъ не займешься Метафизикой или Логикой? Увѣдомь меня обстоятельнѣе о своихъ намѣреніяхъ. Прости, милый другъ и братъ, и люби твоего Александра.

19-го Марта, 809-го. С.ПБургъ.

Угодно ль, Господа, межь Русскими пѣвцами
Вамъ видѣть записныхъ Карамзина враговъ?
Вотъ комикъ Шаховской съ плачевными стихами
И вотъ блѣднѣюшій надъ святцами Шишковъ.
Они умомъ равны, обоихъ зависть мучитъ;
Но одного сушитъ она, другаго пучитъ.

Надобно знать, что К. Шаховской толстъ, какъ бочка, и написалъ 20 дурныхъ комедій, а Шишковъ все восхищается Четиминеей и Святцами. Эпиграмма Блудова.

12.

8-го Апрѣля, 809. СПБургъ.

Письма твои я всѣ получаю въ исправности. Спасибо, что ты увѣдомляешь меня о твоихъ занятіяхъ и о книгахъ. Я имѣю Мюллера Gesch[ichte] der Schw[eizerischen] Eidgenoss[enschaft], кромѣ 5-й части. Герена у меня не всѣ сочиненія; Heinrich's England у меня нѣтъ, и Франціи только 2 части; Бека у меня нѣтъ, но книга хорошая; Сарторіуса Hanseat..., три части у меня есть. Шпитлеръ есть у Андрея С[ергѣевича], Ремеръ также

у него. Эйхгорнъ у меня есть, но нѣтъ его Weltgeschichte u. Gesch. der Litteratur. Славный Авторъ! Давно ли Миллеръ хорошъ съ Гейне? Прежде, кажется, они не друзья были. Какія листы Шлецеровой Исторіи ты хочешь прислать мнѣ? Не продолженіе ли Нестора? Сережа уѣхалъ было въ Финляндію съ Министромъ Алопеусомъ. Но послѣ мы раздумали, потому что Блудовъ и Щербининъ, которыя туда же сбирались, не поѣхали. Сдѣлай одолженіе, узнай отъ Шлецера, гдѣ находится словарь Сибирскихъ языковъ, собранный Фишеромъ, о которомъ говоритъ Шлецеръ въ своей Біографіи на 187-й стр.. Шлецеръ привезъ этотъ словарь съ собой изъ Петербурга. Въ Библіотекѣ ли онъ или у него самаго хранится? Во всякомъ случаѣ вели списать съ него копію и напиши мнѣ, что это будетъ стоить. Меня объ этомъ просилъ здѣшній Аделунгъ, который современемъ издастъ всемірный Словарь. Ему недостаетъ только Фишеровой рукописи. Если не надобно, то ты не сказывай Шлецеру, что ты хочешь списать его. Увѣдомь меня объ этомъ по первой почтѣ и напиши, какъ великъ Словарь?

Погорюй вмѣстѣ со мной, любезный другъ: Катерины Михайловны Соковниной нѣтъ уже на свѣтѣ. Она была больна водяной бол. и скончалась въ четвергъ на страстной недѣлѣ. Я безъ слезъ не могу вспомнить о ней. Я ее любилъ и почиталъ отъ всего сердца. Рѣдкая, единственная женщина! Нашъ кругъ становится мало помалу рѣже. Что дѣлать? — Покоримся безъ ропота Провидѣнію!

Письмо Сергѣя Ивановича Тургенева[1]).

Москва. 25 Марта.

Здравствуй, любезный братъ! Я пишу къ тебѣ, пришедши прямо изъ церкви, гдѣ мы всѣ причащались, т. е. Матушка, братъ и я. Великій четвертокъ и благовѣщенье, — ты этаго ничего не чувствуешь — и щастливъ, потому что немного скучно, не отъ причастія, но отъ говѣнья и дурнаго времени. Вытти никуда нельзя; все таетъ и еще долго таять будетъ; даже и праздникъ можетъ таковъ быть. Можно ли гдѣ-нибудь около твоей резиденціи услышать порядочное *христосъ воскресе*, хоть не для тебя, а для другихъ? Ты, кажется, не богомоленъ; и я не могу этимъ похвастать; но по крайней мѣрѣ, если бы я услышалъ въ чужой землѣ что-нибудь похожее на свое — русское, хоть бы это была дурная проповѣдь монаха изъ Златоустенскаго мнстря, — я думаю, былъ

1) Письма Е. С. Тургеневой и С. И. Тургенева (на одномъ листѣ) писаны еще въ Москвѣ, въ концѣ марта и пересланы въ Петербургъ Александру Ивановичу, который сдѣлалъ къ нимъ свою приписку 8-го апрѣля.

бы и я радъ. Она возбудила бы во мнѣ воспоминаніе, которое не всегда бываетъ печально. Напримѣръ, ты вдругъ вспоминаешь, что нынѣ долженъ быть въ Россіи великой четвергъ, но ты не говѣешь, и доволенъ. Вмѣстѣ съ этимъ тебѣ нельзя не представить, какъ бы ты скучалъ, уставалъ бы въ церквѣ, во всю бы недѣлю не доѣлъ, не доспалъ и проч. и проч., что я теперь чувствую. Это воспоминаніе должно приносить тебѣ удовольствіе, потому что теперь ты покоенъ, и не принуждаемъ быть христіяниномъ по неволѣ.

И щастіе мило мнѣ прошедшей лишь бѣдой.

Что твой вексель? и что второй твой вексель? получилъ ли по которому-нибудь? Что, какъ идутъ твои занятія? Что до меня касается, то, пріѣхавши изъ Петербуга, я еще не начиналъ ихъ, но съ Ѳоминою недѣлею всѣ онѣ начнутся. Сверьхъ Ганнемана и Корда я возьму еще Пелуза или другаго франц. учителя, а зимою буду слушать лекціи Бересфорде и ѣздить въ его общество, устроенное на подобіе Мерзляковскаго — стараго. Въ немъ будутъ читать и толковать лучшихъ англ. писателей. Онъ беретъ по иностранному — очень дешево. Наприм. нынѣшнюю зиму должны слушатели платить 25 р.; но учатся здѣсь не по иностранному, и онъ за эту маловажную сумму не могъ собрать 25-ти человѣкъ. Я съ нимъ познакомился и скоро надѣюсь видѣть его у меня. Весною поѣду смотрѣть славныя Горенки Гр. Разумовскаго, а такъ какъ это очень скоро, то надѣюсь увѣдомить тебя о моей поѣздкѣ туда въ будущемъ мѣсяцѣ. Прости. Твой братъ С. Тургеневъ.

Письмо Екатерины Семеновны Тургеневой.

Христосъ васкресъ.

Вотъ, Никалаша, я в Маскву приехала. Дела кончили. Не знаю, какъ здесь будутъ исполнять. Я все не магу ...[1]) Ис Питербурха узнала, што ты 500 р. не палучалъ, которыя я еще в наебре атаслала Александре къ тебе переслать и ети денги могутъ прапасть. И то мне очинь жаль, патаму што я очинъ нуждаюсь в денгахъ; я 300 р. еще дала тебе переслать, да и то грусна, што ты нуждаиса. Уведомь, найдуца ли ети 500 р. Я думаю, ты не говелъ и никакой службы не слыхалъ, што очинь мне прискорбна. Прости, Христосъ съ табой; буди нат табой Божия миласть и мое грешнея благословения. К. Т.

Хоть дома не забывай малица богу и старайса убегать развратныхъ людей. После узнаите, што я вамъ правду гаварила и писала.

18.

1-го мая, 1809. СПБургъ.

Не знаю, когда дойдетъ до тебя письмо это, и для того пишу на удачу. Письмо твое отъ 1/13 апр. я получилъ. Теперь я очень безпокоюсь за тебя

1) Одно слово не разобрано.

по случаю военныхъ обстоятельствъ. Боюсь, чтобы они не помѣшали тихому вашему образу жизни. Богъ знаетъ, чѣмъ это все можетъ кончиться! Теперь вѣрно К. Репнинъ въ Касселѣ не будетъ; ибо онъ долженъ быть при Королѣ. Доставитъ ли онъ хотя по почтѣ мое письмо къ тебѣ? Онъ обѣщалъ мнѣ тотчасъ по пріѣздѣ послать за тобой и иногда употреблять тебя при себѣ. Проси его, чтобы онъ причислилъ тебя къ своей Миссіи. Онъ обѣщалъ мнѣ это. Но я предвижу большія перемѣны, и врядъ ли теперешній порядокъ вещей останется ненарушимъ. Спасибо, милый другъ, за книги, которыя ты мнѣ посылаешь; но для чего ты не написалъ мнѣ—какія? Эйхгорнова Gesch[ichte] der 3 lezt[en] Jahrh[underte], которую ты посылаешь къ Сережѣ, у меня давно есть, и я бы могъ отдать ему ее. Прекрасная книга. Поѣдетъ ли Тимк[овскій] черезъ Петербургъ или прямо на Москву? Райда готовъ принять наилучшимъ дружескимъ образомъ. Кто онъ таковъ? И зачѣмъ ѣдетъ въ Россію? Напрасно ты нигдѣ не побывалъ во время вакацій. Это бы оживило твои силы къ новымъ трудамъ. Надобно видѣть и учиться вмѣстѣ. Если будетъ случай, не пропускай дѣлать маленькія путешествія. Если теперешнія политическія обстоятельства продолжатся, то я думаю, что тебѣ послѣ двухъ-годичнаго пребыванія въ Гетингенѣ надобно будетъ прямо ѣхать въ Парижъ, поучиться тамъ языку и повѣрить на практикѣ ту теорію изящныхъ искусствъ, которую ты услышишь отъ Гейне и Фіорилло. Но болѣе всего займись тамъ языкомъ, по нещастію необходимымъ въ нашей общественной жизни и даже въ службѣ. Нѣмецкій языкъ ты самъ, безъ труда, узнаешь. Я бы дорого заплатилъ, естьлибъ могъ легко и хорошо писать по Французски. Я увѣренъ, что привыкшему къ Гетинг. образу жизни Парижъ скоро наскучитъ; но какъ можно такъ мало найти тамъ занятій? Утро посвящалъ я бы всегда чтенію и выпискамъ въ публичныхъ библіотекахъ, а послѣ обѣда осматривалъ бы музеи и посѣщалъ театры; но никогда не перемѣнилъ бы дѣятельнаго образа жизни. Уединеніе кабинета и безпрерывное занятіе должно непремѣнно обратиться въ привычку. Я часто досадую на самаго себя, что отвыкъ отъ прежняго образа жизни; теперь трудно опять къ нему привыкнуть.—Куницыну я давалъ иногда пять, а иногда 10 р. въ мѣсяцъ; а теперь буду всегда давать по 10 р., ибо это необходимо. По сю пору я выдалъ не болѣе 30 рублей; завтра, т. е. съ 1-го Мая дамъ ему еще 10 р. Дѣло наше съ И[ваномъ] В[ладиміровичемъ] кончилось. Велѣно описать и подвергнуть секвестру его имѣніе, и намъ съ Носиловой и Тет. выдать прежде; но онъ безпрестанно подаетъ Государю письма и жалуется на рѣшеніе; однакожь, Государь ничего не отвѣчаетъ на это. Теперь онъ подалъ, кажется, прозьбу и хочетъ,

чтобы насъ разобрали съ нимъ въ процентахъ. Я боюсь, чтобы это не навело намъ новыхъ хлопотъ и не продлило бы дѣло. Онъ хочетъ, чтобы ему позволили вольную продажу имѣнія; а теперь уже это поздо. И[ванъ] В[ладиміровичъ] написалъ въ двухъ частяхъ записки своей жизни, которыя Сережа уже читалъ. Тамъ упоминаетъ онъ и о дѣлѣ и приписываетъ несправедливость рѣшенія злобѣ Нов[осильцова] за его письма къ Государю о милиціи, въ чемъ, однакожь, И[ванъ] В[ладиміровичъ] ошибается. Я еще не читалъ записокъ, а слышалъ много о нихъ; если онъ пришлетъ мнѣ ихъ, то я пошлю ему на нихъ свои замѣчанія. Сперанскій сдѣланъ Канцлеромъ Абовскаго Университета. Множество дѣлъ, которыми его занимаютъ, отнимаетъ у него время заниматься нашей Коммиссіей. Мнѣ хочется послать къ тебѣ нѣкоторыя Русскія книги; не знаю, успѣю ли съ сей оказіей. Получаете ли вы Вѣстникъ Евр[опы] Жук[овскаго] или какія-нибудь Русскія газеты? Не худо, естьлибъ вы получали Сенатскія вѣдомости, потому что тамъ печатаются всѣ указы и Государственныя постановленія; а это непремѣнно знать надобно, не только для того, чтобы знать всѣ формы, но и самыя вещи; а между тѣмъ, это познакомило бы васъ съ нашимъ Канцелярскимъ слогомъ. Андрей Серг[ѣевичъ] совсѣмъ не знаетъ Россіи, и ему трудно будетъ учиться настоящей Статистикѣ Россіи, которой нѣтъ ни въ иностранныхъ ни въ Русскихъ книгахъ. — Наконецъ, бракосочетаніе В. К. Екатерины П[авловны] съ Принцомъ Ольденбургскимъ совершилось. Ему данъ лично титулъ Императорскаго Высочества, и онъ остается въ Россіи и сдѣланъ уже Генералъ-Губернаторомъ Новгородскимъ, Тверскимъ и Ярославскимъ и вмѣстѣ съ симъ главнымъ начальникомъ Департамента водяныхъ Комуникацій, которымъ до сихъ былъ Г. Румянцовъ. Это чрезвычайно важная часть, ибо отъ нее зависитъ продовольствіе Петербурга и сосѣдственныхъ Губерній. Лубяновскій, можетъ быть, будетъ у него Правителемъ дѣлъ.

Сегодня былъ я въ Екатерингофѣ на гуляньѣ въ первый разъ, ибо прежнія годы бывалъ я все въ отлучкѣ, или гулянья совсѣмъ не было. При всей страшной дороговизнѣ—роскошь не уменьшается. Здѣсь фракъ стоитъ 65 руб. и болѣе; панталоны 32; а по этому суди о кофе и сахарѣ и пр., рубль сереб. 225 к. Я живу въ Тет. домѣ и очень спокойно и порядочно. Вѣроятно, ты уже знаешь о кончинѣ Катерины М[ихайловны] Соковниной. Я часто горюю по ней, ибо она была мнѣ истиннымъ другомъ, и никто не умѣлъ лучше меня цѣнить ея прекрасной души.

Посылаю тебѣ манифестъ и копію съ указа о Принцѣ Ольд[енбургскомъ]. Также и басни Крылова, которыя здѣсь недавно вышли. Между ними есть очень хорошія и смѣшныя; но онъ не Дмитріевъ. Что дѣлаютъ

твои Петербургскія товарищи? Хорошо ли они занимаются? И каково живутъ? Съ кѣмъ ты болѣе въ связи? Между книгами, которыя ты послалъ ко мнѣ, есть ли и продолженіе V-й части Нестора? И скоро ли она выдетъ въ свѣтъ? Прости, любезнѣйшій братъ и другъ, и люби твоего А. *2-го Мая.*

Мнѣ очень хочется имѣть полное собраніе сочиненій Іоганна Мюллера, теперешняго Кассельскаго Министра Просвѣщенія. Главныя его творенія у меня уже есть, какъ напр. Gesch. Schweitz. Eidgenossenschaft и Bellum Cimbricum, и Darstellung des Fürstenbundes; недостаетъ однихъ мелкихъ, которыя, вѣроятно, довольно рѣдки, и потому я прошу тебя собрать ихъ для меня. Вотъ реестръ недостающихъ: Диссертація его: 1) Nihil esse rege Christo ecclesiae metuendum, Gotting. 1771, in 4; 2) Essays Historiques, à Berlin, 1781, in 8; 3) Antrittsrede bey dem Carolinum zu Cassel, 1781, in 4; 4) Briefe zweyer Domherre im April und May 1789, Leipz. 1789, in 8; 5) Anmerkungen über die an die allgemeine Reichsversammlung gerichtete Königliche Preussische Erklährung in Betreff des zu Basel den 5 April geschlossenen Friedens. 1795, 8; 6) Fernere Beleuchtung des zu Basel geschlossenen Friedens und der damit verbundenen Handlungen, 1795, 8. 7) Eine Ausbeute von Borgoforte. Wien 1896,8; 8) Reisen der Päbste, 1732; 9) Deutschlands Erwartungen vom Fürstenbunde. Естьли нѣкоторыхъ мѣлкихъ достать уже нельзя, напр. первой диссертаціи, и естьли она не велика, то я бы желалъ имѣть хотя копію съ нее; въ вашей библіотекѣ, вѣрно, все есть. Другія, какъ напр. Über die Geschichte Friedrichs II-ten, 805, Berlin (Превосходное сочиненіе) и въ Bildnisse jetzlebender Berliner Gelehrten von Lande, гдѣ въ первой книжкѣ Миллерова Біографія, имъ самимъ написанная, также Briefe eines jungen Gelehrten его же, можетъ быть, я и здѣсь достану, а о прочихъ ты постарайся и увѣдомь меня, что можно еще достать изъ нихъ и что нѣтъ. Не имѣетъ ли онъ теперь чего-нибудь?

4-го мая.

14.

С.П.Бургъ 809-го года, Мая 31-го.

Давно уже я не писалъ къ тебѣ, любезнѣйшій другъ и братъ, по почтѣ, отъ того что два раза писалъ съ попутчиками: съ К. Репнинымъ и съ Вел. Кн. Марьей Павл[овной]. Теперь, вѣроятно, ты уже получилъ и то

и другое. Съ Марьей П[авловной] послалъ я и книжку: Басни Крылова. Въ сихъ двухъ письмахъ отвѣчалъ я тебѣ на нѣкоторыя изъ твоихъ писемъ. Послѣднее письмо твое, мною полученное, кажется отъ $\frac{29\ \text{Апр.}}{11\ \text{Мая}}$ № 26. Не знаю, что тебѣ сказать о политическихъ обстоятельствахъ въ отношеніи къ тебѣ и ко всѣмъ Русскимъ въ Геттингенѣ. Кажется, вы будете спокойны, естьли сами не вмѣшаетесь въ политическій вихрь, который бушуетъ надъ головами вашими. Все зависитъ отъ происшествій, въ Австріи между арміями совершающихся. Вы, можетъ быть, также не скоро и невѣрно объ этомъ узнаёте, какъ и мы здѣсь; къ вамъ всѣ слухи должны доходить отъ одной стороны. Вы не можете сказать: audiatur et altera pars. Услышавъ о безпокойствахъ въ Касселѣ и о Маіорѣ Шильдѣ, я боялся за Геттингскихъ студентовъ, и слѣд. и за тебя. Но, кажется, все обошлось тихо.—Сію минуту получаю отъ тебя письмо и, къ удивленію моему, опять № 26 и опять отъ $\frac{29\ \text{Апр.}}{11\ \text{Мая.}}$ Вѣрно, ты ошибся въ числахъ и въ №, ибо это совсѣмъ другое, и ты увѣдомляешь меня о намѣреніи своемъ отправиться на Гарцъ. Добрый путь, и дай Богъ, чтобы ты также пріятно совершилъ это пѣшешествіе, какъ и я. Не забудь полюбоваться восхожденіемъ солнца на Брокенѣ и спуститься въ Доротею или въ Раммельбергъ; только будь остороженъ. Въ Вѣст[никѣ] Европы прошедшаго году Жуковскій напечаталъ отрывокъ изъ моего путешествія по Гарцу. Пожалоста, и ты напиши что-нибудь. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ вспоминать по Журналу о всѣхъ случаяхъ и удовольствіяхъ путешествія. — Сережа, кажется, здоровъ, и ты напрасно о немъ безпокоишься. Онъ ко мнѣ пишетъ всякую почту и, кажется, не очень скучно проводитъ время въ Москвѣ. Поздравь отъ меня Вундерлиха и поблагодари Бекмана и Штейдлина, которыя обо мнѣ вспомнили. Штедлинъ былъ тогда проректоромъ, когда я пріѣхалъ въ Гет[тингенъ]; онъ записывалъ меня въ граждане Университета; потомъ я былъ у него одинъ разъ на ужинѣ. Я все это помню, и даже съ кѣмъ былъ, потому что тогда велъ ежедневный обстоятельный журналъ. Бекмановы технологическія лекціи могутъ быть очень полезны, особливо практика. Что Шлецеръ? Не послалъ ли ты мнѣ Гереновой Gesch. der III lezten Jarh., или она только что вышла? Я могу имѣть случай читать Архенгольца; но я не люблю подобныхъ ему отступниковъ. Кто болѣе его былъ прежде англоманомъ? а теперь?—Геренова Handbuch должна быть прекрасна; жаль, что мы все такъ поздо получаемъ! Пожалоста, любезный другъ, переведи какую-нибудь историческую книжку. Это бы для тебя было весьма полезно, да и для насъ пріятно. Въ теперешнее бурное политическое время, безъ сомнѣнія, множество выходитъ маленькихъ сочиненій, любопытныхъ и примѣчатель-

ныхъ. Пожалоста, собирай ихъ. Да естьли К. Репнинъ еще не пріѣхалъ и ты не видалъ его, то постарайся войти съ нимъ въ связь и познакомь его съ землей и съ людьми, которыхъ, вѣроятно, ты уже узналъ отчасти. Авось тебѣ можно будетъ быть причислену къ его Миссіи. Я его просилъ объ этомъ; проси и ты съ своей стороны. Теперь я чрезвычайно занятъ по Коммиссіи, особливо по Совѣту. М[ихаилъ] М[ихайловичъ] Сперан[скій] бываетъ ежедневно и требуетъ дѣятельности. Совѣтъ собирается еженедѣльно; а у меня уголовная и коммерческая часть. — А[нна] С[еменовна] Аржевитинова вышла уже за Татаринова. Деревни И[вана] В[ладиміровича] описывать велѣно; но онъ все еще медлитъ и Богъ знаетъ, когда все это придетъ къ концу. Гдѣ теперь вашъ Король? — Не случалось ли тебѣ видѣть книги: Janus oder Russische Papiere von Probst Heidneke? Если можешь достать ее для прочтенія, то посмотри, какія піесы въ ней помѣщены и нѣтъ ли переводовъ съ русскаго и какія?

Теперь я прочелъ каталогъ преподаваемымъ у васъ въ эти полгода лекціямъ. Неужели Шлецеръ еще преподаетъ Русскую Исторію? И слушаете ли вы лекціи у Зальфельда, кот. препод. Русскую Ист. отъ Петра Вел. до нашихъ временъ? Чѣмъ онъ руководствуется въ этихъ лекціяхъ? И нѣтъ ли у него особой книги рукописной? Каковъ онъ? Я ничего не слыхалъ и не читалъ Зальфельда. Какъ бы я желалъ поскорѣе имѣть Геренову Исторію послѣднихъ столѣтій. Напиши мнѣ что-нибудь о ней; напр. чѣмъ онъ начинаетъ и что онъ говоритъ въ заключеніи, упоминаетъ о Императорѣ Франц. и о могуществѣ Франціи? Довольно-ли подробно написалъ онъ Исторію Россіи, и Петръ I и Екатер[ина] II обратили ли они его вниманіе? Не написалъ ли Бутервекъ чего-нибудь новаго, и слушаешь ли ты лекціи его о Нѣмецкой Литературѣ, или на будущій годъ будешь слушать? Не писалъ ли также чего-нибудь Зальфельдъ о Польшѣ и въ какомъ смыслѣ читаетъ онъ Исторію разрушенія Польск. Государства?

Прости. Твой А. Т. *Іюня 3-го.*

15.

С.П.Бургъ. 809. Авг. 4-го дня.

На сихъ дняхъ получилъ я письмо твое отъ $\frac{8}{20}$ Іюля. К. Репнинъ вамъ, вѣроятно, не полюбился отъ того, что не умѣлъ принять васъ; ибо онъ, кажется, добрый и ласковый человѣкъ, но никогда не занималъ такихъ мѣстъ,

гдѣ надобно умѣть обходиться съ людьми. Этотъ полу-нѣмецъ, вѣроятно — его секретарь Струве. Я совѣтую тебѣ чаще бывать у Князя и — на дружеской ногѣ; жена его, какъ сказываютъ, очень добрая женщина; я ее не знаю. Надобно гораздо свободнѣе съ ними обращаться, не выходя изъ границъ должнаго уваженія. Можетъ быть, еще ты ему и нуженъ будешь по своему знанію русскаго языка или по части дипломатической; ибо, кажется, секретари его не большія Дипломатики; впрочемъ, во всякомъ случаѣ, старайся съ нимъ сблизиться, естьли можно. Что касается до причисленія твоего къ Посольству, то, если это оттуда можно сдѣлать, не худо было бы; а я здѣсь стану помышлять объ этомъ. Это только для того, чтобы твое старшинство болѣе не терялось; а можетъ быть, и жалованье дадутъ.—3-ю часть Герена kleine Schriften (о Крест. поход.) я уже имѣю и теперь читаю ее; прекрасная книга; но Gesch. der Europ. Statensyst. у меня еще нѣтъ; а, судя по рецензіи Гетинг. вѣдомостей, она должна быть также прекрасна. Конечно, тебѣ теперь нельзя много терять времяни на переводы; но не худо бы хоть въ недѣлю страницъ пять или шесть перевести и выправить и для этого выбрать какую-нибудь маленькую Историческую книжку или отрывокъ, хоть на Англинскомъ. Ты представить себѣ не можешь, какъ узнаешь языкъ и какъ вникаешь въ смыслъ Автора при переводѣ; а безъ Русскаго языка, и не пріобретя легкости въ выраженіи своихъ мыслей, нельзя пользоваться познаніями столько, сколько бы можно было. Твои часы, особливо утреннія, точно такъ почти расположены, какъ были мои: и я въ 6-мъ час. ходилъ къ Герену въ Этнографію. Чѣмъ долѣе ты пробудешь въ Гетингенѣ и чѣмъ болѣе будешь заниматься и узнавать другія языки, тѣмъ болѣе Русской забывать будешь, потому что читать нечево; въ библіотекѣ, кажется, хорошаго немного; и для того надобно переводить, читать Вѣстникъ Европы, если онъ еще есть у васъ; дѣлать выписки на Русскомъ, что сперва очень трудно покажется, а послѣ легко пойдетъ. Франц. языка также покидать не должно; и говорить чаще и писать на немъ; нельзя ли тебѣ съ кѣмъ-нибудь завести переписку на Французскомъ? Нѣтъ ли у тебя теперь пріятеля въ Парижѣ? Ты бы могъ писать къ нему на Франц. и давать своему лектору письма для поправленія. Это лучшее средство. Сюда пріѣхалъ Милоновъ и часто у меня бываетъ; кажется, учился очень хорошо. Грамматинъ также здѣсь, онъ выдалъ 1-ую часть Англин. Лексикона. Что тебѣ сказать новаго о политикѣ? Говорятъ о мирѣ Австр. съ Франц.. Г. Румянцовъ ѣздилъ съ Алопеусомъ въ Фридрихсгамъ толковать, какъ сказываютъ, о мирѣ съ Бар. Штедингомъ, но возвратился, не видавъ его, и оставилъ тамъ Алопеуса; авось миръ будетъ? К. Гагаринъ, Ген.

Адьют. уже здѣсь; не онъ тебѣ привезъ письмо и книги отъ меня, а придворныя Вел. Кн. Марьи Павл[овны] изъ Веймара прислали. К. Гагаринъ передъ поѣздкой своей къ Наполеону былъ съ Государемъ въ Финляндіи и выдалъ теперь свое сентиментальное психологическое и статистическое путешествіе, которое онъ назвалъ: les treize journées ou la Finlande. Пустая книжка. Здѣсь также недавно появилась тетрадка, въ видѣ отвѣта на письмо къ Саратовскому помѣщику, въ которомъ ругаются надъ здѣшнею публикою за то, что она занимается политическими новостями; въ письмѣ этомъ пасквилянтъ не пощадилъ ни заслугъ, ни старости, ни прекраснаго пола, и при всемъ томъ написалъ скверно и съ непростительными ошибками грамматическими. Я написалъ отвѣтъ на этотъ отвѣтъ и если, первый выйдетъ въ свѣтъ, то и я напечатаю свой въ Вѣстникѣ Евр[опы]. Впрочемъ, все, что здѣсь ни печатается, не заслуживаетъ ни малѣйшаго уваженія. Естьли будетъ оказія, я пришлю тебѣ нѣкоторыя книжки. Ты, я думаю, уже знаешь, что Я[ковъ] И[ваповичъ] Булгаковъ скончался послѣ осьмидневной горячки. Вообрази себѣ, что сынъ его Константинъ Я[ковлевичъ] былъ здѣсь въ Петербургѣ; я получилъ извѣстіе о смерти его матери; однакожь, не объявилъ ему здѣсь; онъ поѣхалъ въ Москву, узналъ объ этомъ; а черезъ четыре дни по его пріѣздѣ занемогъ и отецъ его, и въ 9-й день послѣ болѣзни умеръ. Я душевно люблю Констант[ина] Як[овлевича] и мнѣ очень жаль его.

Грамматинъ написалъ Разсужденіе о древней Русской словесности, для полученія степени Магистра. Я бы желалъ прислать эту тетрадку для Шлецера, но не знаю — какъ. Хотя новаго для него ничего нѣтъ, но онъ увидитъ, что и мы обращаемъ вниманіе на старую Русь. Скажи своимъ товарищамъ, что я просилъ Ник[олая] Ник[олаевича] Новос[ильцова], чтобы онъ написалъ о пихъ письмо къ К. Репнину, что онъ и сдѣлаетъ; впрочемъ, и безъ того они должны обращаться къ нему въ своихъ нуждахъ. Для меня ничего не удивительно, что конференція ихъ дѣлаетъ глупыя предписанія и глупыя требованія. Я знаю, изъ кого она состоитъ, и знаю, что большая часть членовъ не стоютъ названія Профессора и никогда ничѣмъ не управляли. Впрочемъ, за двѣ тысячи верстъ можно учиться, чему хочешь. И на что они такъ акуратны въ своихъ донесеніяхъ? Достаетъ ли имъ положен[ныхъ] денегъ? Кастальскому, конечно, нельзя ѣхать въ Реген[сбургъ], ибо тамъ камня на камнѣ не осталось; онъ можетъ остат[ься] въ Геттингенѣ, или ѣхать, куда почтетъ за лучшее, и отнестись къ Конференціи, что Регенсбургъ разоренъ. Кланяйся отъ меня Куницыну и благодари его за письмо, которое я намѣренъ при случаѣ показать Н[иколаю] Н[иколаевичу] Нов[осильцову]. Брату его я продолжаю давать ежемѣсячно 10 рублей. Я ду-

маю, теперь уже ты получилъ 700 р., которыя Матушка давно уже къ тебѣ послала; между тѣмъ, я буду торопить, чтобы еще къ тебѣ послала; и естьли курсъ хотя нѣсколько поправится, то и отсюда пошлю я хоть маленькую сумму. Я бы желалъ знать, увеличились ли и во сколько цѣны на квартиру и на другія надобности въ Гетингенѣ противъ прежняго? У меня теперь есть бюстъ Батюшки и очень похожъ такъ, какъ Бат. былъ во время болѣзни. Съ него дѣлаютъ мнѣ еще три экземпляра, изъ которыхъ одинъ отправлю въ деревню, а другія два въ Москву для насъ. Можно послѣ еще сдѣлать, ибо маска навсегда у меня останется. Прощай, любезнѣйшій другъ и братъ. Пиши ко мнѣ о себѣ. Любящій тебя и преданный тебѣ братъ Т.
5-го Авг.

Въ Германіи вышла книжка: Jahrbücher der Baumannshöhle, oder Verzeichniss derer, welche solche befahren haben, mit einer Beschreib. derselben. 12 Grosch.. Нѣтъ ли тутъ русскихъ, и именно Петра Вел. и насъ?

На оборотѣ: À Monsieur Monsieur de *Tourguenew*, translateur de Collège des affaires étrangères au service de S. M. I. des toutes les Russies, etudiant a *Goettingue*. An H-n von Turgenew, nach *Göttingen*.

16.

29-го Авг.

Я бы желалъ, чтобы Сережа поучился еще нѣкоторое время въ Университетѣ и занялся Русскимъ языкомъ, т. е. переводами, а потомъ и его можно къ тебѣ отправить. Какъ ему оставаться одному въ Москвѣ? Хотя я не примѣтилъ въ немъ никакой худой склонности, но, несмотря на то, я боюсь худыхъ навыковъ; онъ все одинъ, не видитъ почти никого; это самое и досады домашнія, которыя всѣ теперь онъ одинъ переносить долженъ, могутъ имѣть худое дѣйствіе на его душу. Ему и заниматься спокойно нельзя. Я разставался съ нимъ съ горестію, и одна только надежда утѣшала меня, что я скоро съ нимъ вмѣстѣ жить буду. Но и это нехорошо. Здѣсь, въ Петербургѣ, нельзя заниматься науками такъ удобно, какъ въ Москвѣ: здѣсь тьма развлеченій и нѣтъ Университета, нѣтъ литературныхъ обществъ, которыя дѣлаютъ много добра въ отношеніи къ Русскому языку и принуждаютъ упражняться въ чемъ-нибудь. Я бы желалъ, чтобы Сережа пожилъ и поучился въ Москвѣ еще съ годъ, а тамъ отправился бы къ тебѣ и засталъ бы тебя еще въ Гетингенѣ, какъ чтобы первыя полгода и болѣе онъ

могъ съ тобою вмѣстѣ и подъ твоимъ руководствомъ начать тамъ учиться. Но боюсь его одинокой Московской жизни.—Въ мое отсутствіе Иванъ Сем[еновичъ] выхлопоталъ себѣ отъ Дяд. позволеніе войти въ Корпусъ, взялъ отставку и теперь я не знаю, что съ нимъ дѣлать, ибо этотъ корпусъ волонтеровъ, куда онъ войти хочетъ, есть гробъ для молодыхъ людей съ дарованіями. Тутъ учатъ одному ружью, худо кормятъ и худо содержатъ. Но, видно, нечево дѣлать будетъ. Мнѣ онъ не очень нравится по своему поведенію и по поступкамъ противъ отца. Il croit toujours avoir de l'esprit plus qu'il en a et il est extremement fat.

Еслибъ я зналъ, что Государь поѣдетъ, то я бы не поспѣшилъ уѣжжать изъ Москвы, ибо съ нимъ ѣдетъ и новый мой начальникъ, III-й членъ Коммиссіи составленія Законовъ, Сперанскій. Я единственно для него поторопился и только четыре дня пробылъ въ Москвѣ въ другой разъ. Спроси у Шлецера, для чего опъ мнѣ не отвѣчаетъ на мое длинное письмо съ Даниловскимъ. Я думалъ, что онъ все боленъ; но изъ Гетингскихъ вѣдомостей вижу, что онъ уже на Исторію Смоленска, которую я ему тогда послалъ, написалъ рецепзію; это меня обрадовало. Скажи ему, что Истор[ическое] общество въ Москвѣ начало печатать критически одну рукопись; напечатало одинъ листъ и опять остановилось. Скажи ему, что я читалъ Исторію Карамзина и восхищался ею; радовался, что, наконецъ, Русскія имѣютъ или, по крайней мѣрѣ, скоро будутъ имѣть Исторію, достойную Русскаго народа, такую, какую желалъ Шлецеръ Александру I, eine mit Mascous Gründlichkeit, Robertsons Geschmack, Giannonis Unbefangenheit u. Voltaires Anmuth geschriebene Geschichte. Такую исторію, какую написалъ Карамзинъ—онъ довелъ уже ее до И[вана] В[асильевича] Вел. Князя —, можно было написать только при матеріаллахъ и при источникахъ, которыя онъ собралъ. Но къ чести его еще сказать должно, что нѣкоторыя матеріаллы, которыми онъ пользовался, имѣли и другія, напр. Г. Пушкинъ, но не умѣли ими воспользоваться и не нашли въ нихъ того, что онъ нашелъ. Какая *полная* Русская Правда! Первый издатель ея (Шлецеръ) порадовался бы, увидя самый древній и полный, можетъ быть, списокъ Правды. Какія списки Нестора и какія акты Историческія, доселѣ намъ неизвѣстныя! Какія извѣстія о древнихъ Русскихъ монетахъ! Скажи Шлецеру, что всѣ споры о древнихъ нашихъ монетахъ кончатся, когда онъ издастъ свою Исторію и откроетъ источникъ, изъ котораго онъ почерпнулъ свои свѣденія. Я совсѣмъ не былъ пристрастенъ къ Карамзину; это и ты и Шлецеръ знаетъ; но должно принести жертву истинѣ; Карамзинъ одинъ изъ лучшихъ Историковъ этого столѣтія, считая въ этомъ столѣтіи и прошедшее, которое прославили Шле-

церы, Миллеры, Робертсоны и Гиббоны. Онъ смѣло можетъ быть наряду съ ними, и отъ того, кто знаетъ, какія трудности долженъ онъ былъ преодолѣть въ 1-мъ и 3-мъ періодахъ и въ обработываніи Исторіи на Русскомъ языкѣ, имѣя Татищева и Елагина своими предшественниками, онъ, можетъ быть, получилъ бы еще пальму предъ самымъ Робертсономъ, хотя ни съ кѣмъ лучше его сравнить нельзя, съ тою только разницею, что Робертсонъ писалъ о среднихъ столѣтіяхъ и о Карлѣ Великомъ и объ Америкѣ, гдѣ всѣ матеріаллы были на лицо,—Карамзинъ же, напротивъ, долженъ былъ собрать, изслѣдовать и оцѣнить (würdigen) и потомъ самъ же и воспользоваться сими матеріаллами.

Здѣсь вышли нѣкоторыя новыя книжки о Русской Исторіи, которыя я при случаѣ пришлю Шлецеру: *Разговоры о древностяхъ великаго Новгорода*. Въ нихъ много интересныхъ свѣденій о покореніи и о раздѣленіи Новгорода и много другихъ Историч. извѣстій, которыя нельзя было ожидать отъ семинаристовъ. Также и *Исторія Россійской Іерархіи*, писан. бывш. Новг[ородскимъ] Епископомъ. Скажи обо всемъ Шлецеру. (Мудровъ женится на Софьи Чеботаревой). Письмами твоими я доволенъ; но надѣюсь, что въ журналѣ твоемъ ты подробнѣе. Французы стояли на бивуакахъ, когда ты ихъ видѣлъ. Жаль, что ты не былъ въ Лейпцигѣ и не познакомился съ Шварцомъ; можешь писать, однакожь, къ нему, когда будешь имѣть въ немъ нужду.— О студентахъ, которыхъ обокрали, я скажу Мартынову, а когда пріѣдетъ, скажу и Ник[олаю] Ник[олаевичу]. Можетъ быть, какъ-нибудь имъ помогутъ; но надобно имѣть свидѣтельства отъ Консула, что ихъ точно обокрали. Надобно быть и осторожнѣе. Спроси у Шлецера, нѣтъ ли у него книги: Clem. Chodkiwisch Dissertationes criticae de Aepiscopatu Kijoviensi et Haliciensi, nec non de Aepiscopatu Leopoliensi и fol.- Я бы желалъ имѣть ее; нельзя ли ее купить? Рѣдкія книги по Исторіи, особливо Русской, которыхъ у меня еще нѣтъ, покупай: я пришлю денегъ; надобно запастись классическими древними и новыми Авторами, какъ прозаиками, такъ и стихотворцами; у меня ихъ нѣтъ, но надобно посовѣтоваться въ разсужденіи изданій. Впрочемъ, разоряться на книги не должно, а пользоваться только случаями и дешевизною. Прости, любезный другъ и братъ. Пятьсотъ рублей пришлю на слѣдующей недѣлѣ. Еще не справлялся о курсѣ. Тебѣ преданный и любящій тебя братъ А. Т.

На оборотѣ: À Monsieur Monsieur de Tourguenew, Translateur de Collège des Affaires étrangères au service de S. M. I. de Russie etudiant à Göttinguen. H. v. Turgenew. nach Göttingen. въ Гетингенъ.

17.

С.П.Бургъ 1809. Сентября 11-го дня.

Баронъ Шиллингъ, служащій при Баварской нашей Миссіи, взялъ на себя отправить къ тебѣ это письмо изъ Веймара, черезъ которой онъ ѣдетъ въ Мюнхенъ къ своему Министру К. Барятинскому. Я спѣшу отвѣчать тебѣ, милый братъ мой, на два письма твои № 30 и 31 отъ $\frac{22}{3}\frac{\text{Іюля}}{\text{Авг.}}$ и $\frac{12}{24}$ Августа. Происшествіе Гетингское и подпись твоя меня очень безпокоятъ, хотя, кажется, дальнѣйшихъ слѣдствій это имѣть и не можетъ. Пожалоста, старайся избѣгать подобныхъ случаевъ и въ крайней необходимости прибѣгай къ К. Репнину и требуй его совѣту. Подобныя случаи, естьли, паче чаянія, дойдутъ до свѣденія здѣшняго начальства, могутъ повредить тебѣ, хотя ты и совершенно невиненъ; но ты можешь сослаться на свое званіе и на свою службу въ Иностр. Коллегіи, которая не дозволяетъ тебѣ поступать такъ, какъ бы ты могъ поступить, будучи человѣкомъ независимымъ. Поспѣши увѣдомить меня, что далѣе будетъ. Жаль, что не съ кѣмъ послать тебѣ Шлецерова пакета ко мнѣ. Это, вѣрно, продолженіе его Нестора; если не великъ пакетъ, то можно бы и по почтѣ прислать; старайся не пропустить оказіи. Впрочемъ, можно и черезъ К. Репнина. Онъ, вѣрно, часто посылаетъ Курьеровъ. — Спасибо тебѣ за увѣдомленіе о Фишеровомъ Лексиконѣ. Естьли можно, постарайся списать его; если же это другія берутся сдѣлать, то ты уже не списывай. Стыдно Герену быть[1]) несвѣдущу въ Русской Статистикѣ. Скажи ему, что не только что позволено читать по Русски, но что уже съ 1803-го года это приказано и поставлено въ обязанность Профессорамъ, даже иностраннымъ, изъ которыхъ многія уже читаютъ по Русски; а въ здѣшнемъ Педагогическомъ Институтѣ иначе и не преподаютъ ни одной лекціи, какъ на Рус.. Даже и Политическая Экономія преподается теперь на Рус.. Для чего они не читаютъ Шторхова Russland unter Alexander I? Тамъ бы они увидѣли Россію и Русскихъ и судили бы о нихъ иначе.

Мы заключили славный миръ съ Швеціею; Шведы согласились на все, что мы отъ нихъ требовали. Финляндія и Аландскія острова наши. Границы наши съ Шведами составляетъ городъ Торнео и рѣка сего имени. Слѣдовательно, и мы, подобно Мопертюи, который былъ въ Торнео, можемъ сказать: мы остановились тамъ, гдѣ кончится вселенная. Три дни праздновали заключеніе мира; а когда привезутъ трактатъ ратификованный, то

1) Въ оригиналѣ: «быть на несвѣдущу».

будутъ здѣсь народныя торжества, и будутъ *быки*, о которыхъ ты, я думаю, слыхалъ. Съ Шведской стороны трактовалъ о мирѣ Баронъ Штедингъ, съ нашей—Г. Румянцовъ и Алопеусъ, въ Фридрихсгамѣ. Первый пожалованъ за это Канцлеромъ, вторый — Тайнымъ Совѣтникомъ; а Щупеловъ, который былъ съ ними, Дѣйств. Статск. Совѣтникомъ. — Что касается до меня, я все еще по прежнему служу въ Коммиссіи Сост. З. при Сперанскомъ и считаюсь при Нов[осильцовѣ]. Авось буду ободренъ чѣмъ-нибудь къ новому году! Впрочемъ, за другими не угоняешься. Теперь со мной живетъ Константинъ Я[ковлевичъ] Булгаковъ, и мы хлопочемъ вмѣстѣ по его дѣлу. Яковъ И[вановичъ] послѣ смерти не оставилъ въ пользу ихъ завѣщанія, а только одинъ собственноручный brouillon, который послѣ смерти къ щастію отискали. Родственница ихъ вступила въ споръ и хочетъ лишить ихъ всего имѣнія. Теперь дѣло въ Совѣтѣ; всѣ члены въ пользу Булг[акова], и Государь также думаетъ. На сихъ дняхъ судьба ихъ должна рѣшиться. Я надѣюсь всего хорошаго и щастливымъ себя почитаю, что имѣлъ случай доказать имъ мою дружбу. — Графъ Егоръ Сиверсъ, который путешествовалъ съ Анд[реемъ] Кайс[аровымъ] и учился также въ Гетингенѣ, мой пріятель, просилъ меня написать къ тебѣ, чтобы ты справился по его дѣлу, кот. состоитъ вотъ въ чемъ. Будучи въ Гетингенѣ, онъ имѣлъ нещастіе произвести на свѣтъ другаго, себѣ подобнаго. Оставилъ ему и матери его на содержаніе за нѣсколько мѣсяцовъ; теперь дитя это умерло. Увѣдомь, гдѣ мать его? И не долженъ ли онъ ей еще заплатить за содержаніе ребенка, хотя, кажется, онъ прежде умеръ, нежели истекъ срокъ, за который онъ взнесъ деньги. Если же нѣтъ, то онъ пришлетъ деньги. Не знаю, какъ звали мать. Но не говори объ этомъ никому безъ нужды.—Пожалоста, продолжай писать ко мнѣ по прежнему; я всегда съ величайшимъ удовольствіемъ читаю и получаю твои письма. Скажи Шлецеру, что у меня есть къ нему книжка, которую посылаетъ къ нему Авторъ: О первобытной Россіи и ея жителяхъ, соч. Николая Арцыбашева, 809. С.П.Бургъ. При случаѣ пришлю ему, хотя онъ не найдетъ въ ней ничего новаго, ибо все изъ него же и изъ другихъ выписано. Скажи ему также, что Карамзинъ нашелъ новую полную Волынскую лѣтопись, доведенную до 1297-го года, богатую подробностями, вовсе неизвѣстными. Списокъ прекрасный, XIV-го вѣка; слогъ для знатоковъ любопытный; однимъ словомъ — сокровище, какъ пишетъ ко мнѣ Карамзинъ. Онъ нѣсколько ночей не спалъ отъ радости; по этому Шлецеръ можетъ судить о его Энтузіасмѣ, und ohne Schwärmerey ist nichts grosses geschehen! Онъ описалъ уже государствованіе Донскаго, и долженъ былъ возвратиться въ XII и въ XIII вѣкъ, чтобы многое прибавить,

согласно съ сею найденною имъ Волынскою лѣтописью. Эта находка есть важнѣйшая, какъ онъ самъ говоритъ, изъ всѣхъ, которыми онъ былъ порадованъ въ теченіе шести лѣтъ. — Зачѣмъ Шлецеръ писалъ такое лестное письмо къ Коцебу о его Исторіи Пруссіи? Какъ ему не стыдно! На что онъ льститъ ему? И Мюллеръ покойникъ также! Хотя Шлецеръ и просилъ его сжечь письмо его, однакожь онъ прислалъ его вмѣстѣ съ Мюллеровымъ письмомъ въ нашу Академію Наукъ, желая быть членомъ ея. Но врядъ ли выберутъ его. Въ Исторіи Коцебу всего драгоцѣннѣе то, что онъ получилъ изъ Прусскихъ Архивовъ,—но этимъ обязанъ онъ Геннигу, а не себѣ самому.

Вотъ статья, которая въ С.П.Бург. вѣдомостяхъ отъ 31-го Августа 809 помѣщена была.

С.П.Бургъ 31 Авг.

«Въ предостереженіе легковѣрности признается нужнымъ объявить, что съ нѣкотораго времени прилѣжнымъ надзоромъ открыты и обнаружены здѣсь затѣи праздныхъ людей, старающихся для собственныхъ видовъ озаботить ложными слухами вниманіе публики. Отъ нихъ въ разные времена происходили разные нелѣпые толки, кои, покружась нѣкоторое время въ обществѣ, сами собою исчезли. Симъ изобретателямъ *былей и небылицъ* всѣ происшествія служатъ предлогомъ къ страшнымъ предвѣщаніямъ. Возстанетъ ли война въ предѣлахъ, отъ Россіи удаленныхъ? Они тутъ видятъ уже раздробленіе нашихъ Провинцій, бунты, возмущенія, и естьли имъ повѣрить, то, кажется, война уже въ Петербургѣ! Одержана ли войсками нашими побѣда?—По разсказамъ сихъ добрыхъ Патріотовъ, тутъ убитъ въ сраженіи Каменскій, а тамъ Багратіонъ. Появится ли непріятельскій флотъ въ Балтійскомъ морѣ? — Кронштатъ пылаетъ, по слову ихъ, а Ревель обращенъ уже въ пепелъ. Но внѣшнихъ происшествій для нихъ не довольно; дѣятельность политическаго ихъ злословія объемлетъ всѣ предметы и обращается ко внутреннимъ. Тутъ открывается пространное поле новостей! Сегодня выходитъ запрещеніе носить всѣмъ вообще фраки, завтра выдетъ другое учрежденіе, еще болѣе стѣснительное; а первое сентября сего года непремѣнно послѣдуетъ указъ, испровергающій всѣ отношенія помѣщиковъ къ поселянамъ».

18.

2-го Ноября 809. С.П.Бургъ.

Я много виноватъ передъ тобой, любезнѣйшій другъ и братъ; давно уже не писалъ я къ тебѣ по почтѣ; но я писалъ къ тебѣ черезъ Барона Шиллинга, находящагося при нашей Миссіи въ Минхенѣ при Министрѣ Кн. Барятинскомъ. Онъ, поѣхавъ отсюда, обѣщалъ мнѣ непремѣнно переслать къ тебѣ письмо мое. Ты представить себѣ не можешь, какъ меня огорчило

послѣднее письмо твое отъ $\frac{7}{19}$ Окт., изъ котораго я вижу, что недостатокъ въ деньгахъ лишилъ тебя удовольствія путешествовать. Неужели ни у кого нельзя было занять? Вотъ еще новая причина жалѣть о Шлецерѣ! На сихъ же дняхъ отправлю къ тебѣ отсюда 500 р., а Матушка, естьли не послала, то, конечно, скоро пришлетъ. Я къ ней сегодня же напишу объ этомъ; впрочемъ, я ее ожидаю сюда; хотя дѣло наше и совершенно кончилось, но Матушка хочетъ жаловаться на медленность въ исполненіи; и въ самомъ дѣлѣ, это идетъ не такъ то скоро. Но что дѣлать?

Естьли Гусятн[иковъ] и Данилев[скій] теперь въ Гетин[генѣ], то ты бы могъ у нихъ занять и съѣздить куда-нибудь; но совѣтъ мой придетъ уже поздо. Пожалоста, не пропускай случая въ слѣдующую ваканцію. Матушка хочетъ отправить и Сережу въ Гет[ингенъ]; и я думаю, онъ поѣдетъ весною. Надобно непремѣнно, чтобы онъ по крайней мѣрѣ полгода поучился тамъ съ тобою вмѣстѣ, а естьли можно, и болѣе; а тамъ можетъ и одинъ остаться и, покуда ты будешь путешествовать по Европѣ, онъ будетъ учиться, а послѣ самъ поѣдетъ и, естьли можно, съ тобою вмѣстѣ. Онъ, кажется, охотно и хорошо учится. Впрочемъ, ему нужно и освободиться на нѣкоторое время отъ домашнихъ заботъ и подышать свободно. Я не опасаюсь упадка Гетингена; этотъ Университетъ устоитъ во всѣхъ случаяхъ, ибо его почитаютъ корифеемъ и главою всѣхъ другихъ. Если онъ теперь удержался, то ничто его не разрушитъ; развѣ настанетъ варварство среднихъ вѣковъ. Я самъ теперь занимаюсь по ученой части по порученію моего начальника. Дѣла нашей Коммиссіи идутъ хорошо и довольно быстро; впрочемъ, медленность въ законодательствѣ не удивительна. Скороспѣлки могутъ произвести въ немъ опасныя слѣдствія. Такія плоды созрѣваютъ вѣками; довольно, что мы трудимся и идемъ впередъ. — Напрасно, милый другъ, ты такую большую сумму давалъ Сок[оловичу]; ему, я думаю, заплатить нечѣмъ. Чѣмъ и какъ онъ теперь живетъ? Неужели по сю пору не избралъ онъ себѣ постояннаго рода жизни? Неужели по сю пору негдѣ ему голову преклонить?—Вотъ ужъ третій курсъ проходишь ты въ Гет[ингенѣ]. Какъ меня радуетъ твоя польза, ты едва себѣ представить можешь! Учишься ли ты, или будешь ли учиться правамъ, а особливо Римскому? Это тебѣ здѣсь чрезвычайно нужно будетъ. Этого теперь требуютъ отъ всѣхъ. Пожалоста, займись переводомъ какой-нибудь хорошей книги. Я бы желалъ, чтобы Heerens Gesch. des Eur. Staatensystems была переведена тобою; но, кажется, эта книга очень трудно писана; я читалъ ее и долго думалъ объ этомъ. Впрочемъ, можно сдѣлать вольный переводъ и изъ тѣхъ книгъ, которыя приведены въ ней, пополнить и пояснить то, что не для

ученыхъ покажется темнымъ. Эта книга можетъ вмѣстѣ служить comme un cours de politique въ продолженіе трехъ столѣтій. Естьли ты будешь умѣть дать себѣ отчетъ и изъяснить все то, что о немъ въ ней авторъ часто только намекаетъ, то этого уже и довольно. Естьли жъ она тебѣ покажется слишкомъ обширною и трудною для перевода, то выбери другую и, естьли можно, англинскую. Къ тому же мы уже имѣемъ на Русскомъ много переведенныхъ Compendium, и очень хорошихъ, напр. Ремера, Мангельсдорфа, Шрека, и всѣ они напечатаны на казенный щетъ и введены въ классы. Правда, что все это не стоитъ Герена. Обработай по его руководству и съ помощію другихъ книгъ какой-нибудь любопытный періодъ Исторіи. Возьми что-нибудь изъ Исторіи среднихъ столѣтій, которая такъ мало извѣстна. Впрочемъ, ты самъ лучше знаешь и судить можешь, достанетъ ли для этого у тебя времяни, котораго всегда такъ мало для Гетингенскаго студента. Дѣлай, что тебѣ за полезнѣйшее покажется. Не забывай только Русскаго языка и старайся пріобрести нѣкоторую легкость въ выраженіи мыслей и въ составленіи какой-нибудь піесы по собственному плану. Переводы и записки о разныхъ предметахъ на одномъ и томъ же языкѣ много помогаютъ. У насъ заключенъ славный миръ со Швеціею. Все то, что Петръ I едва желать смѣлъ, приведено въ исполненіе. Вся Финляндія — предметъ и театръ вѣчныхъ раздоровъ между нами и Шведами — наша; Аландскія острова наши же. Но прочти трактатъ и увидишь, что мы не заключили, а предписали миръ. Вчера служили молебствіе и о мирѣ съ Австріею, отъ которой мы получаемъ нѣкоторую часть Люблинскаго, кажется, Палатинатства, которое, при завоеваніи Молд[авіи] и Валахіи, округлитъ очень хорошо предѣлы наши. Но всего лучше то, что Поляки не должны надѣяться на возстановленіе Польши и что, обманувшись въ своемъ ожиданіи, они увидятъ необходимость прилѣпиться къ намъ и составить съ нами одно семейство. — Въ Турціи К. Багратіонъ, сдѣланный Главнокомандующимъ послѣ смерти К. Прозоровскаго, побѣждаетъ и идетъ впередъ. Многія крѣпости сдались; естьли, какъ ожидать должно, мы заключимъ миръ, то и въ этомъ краю мы безъ барыша не останемся; и Молд[авія] и Валахія, которыя въ войнахъ нашихъ съ Турками были то же, что Финляндія въ войнѣ съ Шведами, не минуютъ насъ. Впрочемъ, давно пора также исполнить намѣренія Петра Великаго и въ семъ краю и загладить миръ при Прутѣ, за который такъ славно мстила и Екатерина II. Вотъ тебѣ отношенія наши Политическія; изъ этого ты увидишь, что мы не въ накладѣ и знаемъ свои пользы. Что касается до Университета Дерптскаго, то не слышно, чтобы онъ упадалъ, и я не знаю, почему Göde не хотѣлъ туда

ѣхать. Впрочемъ все по старому; но теперь, по указу объ экзаменахъ, многія обратятся къ Университетамъ и cela donnera du relief aux professeurs. — Пожалоста, пришли поскорѣе Шлец[ерову] V-ю часть Нестора и увѣдомь, что сдѣлается съ его библіотекой! Кому она достанется? И получатъ ли ее наслѣдники, или Гетин[гская] Библ., или Дерптскій Университетъ? Если что-нибудь продаваться будетъ, то постарайся не упустить нужнаго и интереснаго; а я пришлю, что будетъ стоить сія покупка. Умеръ ли Гайне? — Кланяйся Гусятникову и скажи ему, чтобы онъ написалъ ко мнѣ и привезъ бы мнѣ что-нибудь новаго по Истор. части. Онъ знаетъ мой вкусъ; а я здѣсь ему доставлю, что̀ можетъ быть для него интересно. Чѣмъ онъ болѣе занимается? Булгаковыхъ дѣло и слѣд. судьба все еще не рѣшена. Но авось! У меня теперь здѣсь пара лошадей! Андрей Кайс[аровъ] въ деревнѣ по сю пору и влюбленъ; боюсь, чтобы не женился. Мих[айла], Паисій и Петръ здѣсь. Жуковскій издаетъ Журналъ, любитъ меня и всѣхъ насъ и дѣлаетъ добро людямъ. Иванъ Сем[еновичъ] скоро выдетъ изъ Корпуса. Борисъ въ Москвѣ. У меня готова 1-ая часть и Систематическаго Каталога моей библіотеки. Анти-систематическій давно готовъ. Когда мы, наконецъ, всѣ собѣремся подъ одну кровлю, наши книги составятъ прекрасную и рѣдкую библіотеку. Моими книгами пользуется даже Императрица. На сихъ дняхъ удалось мнѣ доставить ей такую книгу, которой нигдѣ нельзя найти было. Впрочемъ, это мое единственное утѣшеніе, и книги мои приносятъ мнѣ даже пользу по службѣ. Я работаю по такимъ частямъ, для которыхъ матеріалы только у меня есть. — Карамзинъ пишетъ свою Исторію; я съ нимъ часто переписываюсь, и связь наша утверждается болѣе и болѣе. Здѣсь выходитъ много оригинальныхъ трагедій и переводовъ; но кромѣ Озерова, всѣ дурны. Державинъ написалъ Ирода и Маріамну, перевелъ съ Нѣм. Расинову Федру, все скверно, и пр. и пр.. Прости, милый другъ, до слѣдующаго раза. Теперь стану часто писать къ тебѣ. Посылаю тебѣ примувексель на 500 р. по $12\frac{5}{8}$. Курсъ очень дуренъ, хуже прежняго. Но что дѣлать? У насъ еще рѣка не стала; но очень морозитъ. Прости, помни меня и пиши чаще. Твой вѣчно Т-въ. — Секунду пришлю черезъ недѣлю.

19.

С.П.Бургъ. 1809. Ноября 25-го.

Здравствуй, любезнѣйшій другъ и братъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я послалъ къ тебѣ первый вексель на 500 р., я еще не писалъ къ тебѣ и отъ

тебя ничего не получалъ. На сихъ дняхъ и Матушка изъ Москвы послала къ тебѣ другія 500 р., которыя составятъ 350 Голанд. гульденовъ. Не велика сумма! Но что дѣлать? Курсъ безпрестанно становится хуже. Нашши, любезный другъ, надолго ли станетъ тебѣ эта тысяча, дабы заблаговременно можно было еще прислать. — Что сдѣлалось съ библіотекой и съ рукописями и со всѣми бумагами Шлецера? Какое сдѣлалъ онъ о нихъ завѣщаніе? И кто ихъ наслѣдуетъ? — На сихъ дняхъ пріѣхавшій изъ Москвы Александръ Я[ковлевичъ] Булгаковъ, который также со мною живетъ, привезъ мнѣ славную рукопись, состоящую изъ 72-хъ піесъ, выписанныхъ изъ Ватиканской библіотеки, по повелѣнію послѣдняго Короля Польскаго, тогдашнимъ Аббатомъ, а послѣ бывшимъ Епископомъ Албертранди. Это единственное сокровище въ Европѣ! Всѣ сіи выписки касаются только Русской Исторіи и сношеній нашихъ съ Папскимъ и Польскимъ дворомъ, начиная съ 1075-го по 1672-й годъ. Булгаковъ позволилъ мнѣ списать съ этого копію. Выписки писаны собств. рукою Албертранди на Латинскомъ, Итальянскомъ и Польскомъ языкахъ. Я все это время много занимался Исторіею и написалъ Исторію Молдавіи и нашихъ сношеній съ другими Госуд., особливо съ Турціею за Молдавію и Валахію. — Законодательство наше также подвигается. Булгаковыхъ дѣло еще не кончилось; но надобно надѣяться, что на сихъ дняхъ и въ ихъ пользу кончится. Не можешь ли ты выправиться объ Исторіи Молдавіи, изданной въ 2-хъ частяхъ Докторомъ Вольфомъ? Я бы желалъ имѣть ее; но здѣсь, кажется, нѣтъ. Впрочемъ, погоди покупать; я, можетъ быть, выпишу ее. Естли же она есть въ вашей библіотекѣ, то дай мнѣ о ней понятіе: нѣтъ ли какихъ либо актовъ, поясняющихъ наши отношенія къ сей Провинціи, и до котораго времени они простираются, или это только одна Статистика? Я руководствовался Энгелемъ и Гебарди и нѣкоторыми другими. — На сихъ дняхъ видѣлъ я К. Никиту Волконскаго, брата вашего К. Репнина, который меня спрашивалъ о тебѣ. Часто ли ты видаешь его? И бываешь ли въ Касселѣ? Посылаю тебѣ второй вексель, въ которомъ, вѣроятно, тебѣ никакой нужды не будетъ. Сережа все еще въ Москвѣ съ Матушкой и учится, кажется, изрядно; теперь съ Тимковскимъ занимается гораздо болѣе Латинскимъ, чему я очень радъ. Пожалоста, побывай гдѣ-нибудь въ продолженіе слѣдующей ваканціи и напиши, если нужны будутъ деньги, заранѣе. Сколько ты думаешь пробыть еще въ Гетингенѣ? Я бы желалъ, чтобы Сережа хоть съ полгода съ тобою тамъ побылъ; но дѣло наше все еще тянится; а безъ окончанія его трудно исправиться. Хотя и кончено, но Сенатъ дозволяетъ продать Ив[ану] Вл[адиміровичу] вольной продажей. Я боюсь, чтобы отъ этого не вышло

проволочки; это[1]) же и въ противность Указа. Не знаю, какъ это кончится. Когда-нибудь, вѣрно, получимъ. Прости, помни и люби твоего брата и друга. Кланяйся твоимъ товарищамъ. Кун[ицыну] продолжаю давать по 10 р. въ мѣсяцъ.

26-го Ноября. Сію минуту, любезный другъ, получилъ письмо твое № 34 отъ $\frac{4}{16}$ Ноября, которое успокоило меня нащетъ вашихъ студентскихъ похожденій. Спасибо тебѣ за увѣдомленіе по дѣлу Г. С[иверса]. Старайся узнать, точно ли это твореніе ему принадлежитъ. Я сейчасъ пошлю къ нему письмо твое, и что̀ скажетъ — увѣдомлю. Г. С[иверсъ] малой очень добрый и не оставитъ ее; но надобно въ этихъ случаяхъ быть увѣрену въ истиннѣ. Признаюсь тебѣ, я боюсь подлога. Спасибо за увѣдомленіе о посылкѣ съ Гусятниковымъ книгъ; я еще о немъ ничего не знаю. Буду писать въ Москву. Прямо ли туда онъ поѣхалъ? Я очень радъ, что ты занимаешься Полит. Экон.. Эта наука теперь и у насъ въ модѣ; но примѣненіе ея къ особенному Государству, напр. къ Россіи, весьма трудно; а иначе оно болѣе вреда, нежели пользы, сдѣлать можетъ. По Сарторіусовой книгѣ здѣсь въ Педагогическомъ Институтѣ преподаетъ Балудьянскій; но онъ не знаетъ хорошо по-Русски; не знаю, переведена ли эта книга; узнаю и увѣдомлю. Политковскаго переводъ Шмита очень дуренъ. Трудись, любезный другъ, переводи; слова и выраженія, для тебя затруднительныя, напиши ко мнѣ, назначивъ изданіе, стр. и строку, я здѣсь посмотрю и тебя увѣдомлю, и такимъ образомъ мы будемъ вести ученую переписку. Послѣ можно будетъ поднести Государю и напечатать, тѣмъ болѣе что теперь отъ всѣхъ требуютъ знанія Полит. Экономіи. Какой Русской Исторіи хочешь ты учиться у Зальфельда? Для древней читай Шлецера и Миллера и наши лѣтописи; новой еще хорошей нѣтъ. Онъ болѣе Шпитлера и Герена, вѣрно, не знаетъ. Жаль мнѣ Понжерара; былъ добрый и благородный человѣкъ; но горячь и упрямъ, или съ характеромъ. — Я сейчасъ видѣлъ Г. Сиверса; онъ очень радъ этому извѣстію и будетъ доставлять ей на содержаніе ребенка, а на слѣдующей почтѣ напишетъ. Здѣсь выходитъ теперь Сѣверная почта, которой главной издатель Козодавлевъ; въ ней помѣщается всякая всячина, которую мы должны почитать офиціальною. Прости, любезный другъ и пиши чаще.

Твой вѣчно Тур..

На оборотѣ: A Monsieur Monsieur de *Tourgueneff.* translateur du collège des affaires etrangeres au service de S. M. I. de toutes les Russies, etudiant à Goettingue. nach *Göttingen.* въ Гетингенъ.

1) Въ оригиналѣ «этого».

20.

С.П.Буръ. 809. Декабря 20-го дня.

Сію минуту получилъ я отъ Сережи письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что Гусятниковъ, вмѣсто того чтобы ѣхать въ Россію, уѣхалъ во Францію и прислалъ къ нему одно письмо безъ книгъ, и слѣд. безъ 5-й части Нестора. Это безбожно! Неужели онъ пожалѣлъ почтовыхъ денегъ! Напрасно ты не сказалъ ему, что для меня Шлецеровъ подарокъ, послѣдній и передъ кончиною его сдѣланный, дороже нѣсколькихъ рублей, которыя бы я заплатилъ за посылку. Можно ли достать эту часть Нестора и видѣлъ ли ты, что онъ мнѣ послалъ? Не было ли тутъ письма его? И не имѣешь ли ты извѣстія отъ Гусятникова? На долго ли и зачѣмъ и куда онъ поѣхалъ? Это, право, безбожно съ его стороны! Нельзя ли достать Heerens Entwurf zu Vorlesungen über der *mittlere* Geschichte, 1797 Göttingen? Über die neuere Gesch. у меня есть. Это должна быть небольшая тетрадка. Что сдѣлалось съ Шлецеровыми бумагами и книгами? — Государь, по случаю свиданія его съ Вел. Кн. Екатериной Павл[овной] въ Твери, былъ и въ Москвѣ и принятъ былъ дворянствомъ и народомъ съ восхищеніемъ. Всѣ сословія спорили въ изъявленіяхъ усердія. Государь уронилъ платокъ, и народъ разорвалъ его на мѣлкія кусочки и раздѣлилъ по себѣ; хотѣли вести на себѣ въ Москву. Государь былъ до слезъ тронутъ сею народною привязанностію и увѣрялъ, что нѣтъ вѣрнѣе и добрѣе народа Русскаго. Нѣсколько дней, Имъ тамъ проведенныхъ, продолжались безпрерывно торжества и праздники. Государь былъ вездѣ; вездѣ встрѣчало его усердіе, радость народа. Старые тузы, напр. Г. Остерманъ далъ ему обѣдъ. Балъ былъ у Главнокомандующаго Гр. Гудовича. Ежедневно обѣдъ у Государя. Иванъ Владиміровичь получилъ орденъ св. Александра Невскаго; а Спиридовъ и Овцынъ отставлены. Государь возвратился сюда изъ Москвы менѣе нежели въ двое сутокъ; кажется—въ 42 часа. Къ Новому году ожидаемъ мы большихъ перемѣнъ по гражданской части. — Дѣло наше, кажется, идетъ хорошо; не позволили продать по вольной цѣнѣ Ивану В[ладиміровичу], прежде нежели наша претензія удовлетворена не будетъ. Но все еще не знаю, когда мы получимъ сумму. Я получилъ Записки Ивана В[ладиміровича], имъ самимъ писанныя, и — признаюсь чистосердечно — не очень ими доволенъ. Много хвастовства или похвалъ самому себѣ. Надобно крѣпко вѣрить въ Ив[ана] В[ладиміровича], чтобы не принять это за панегирикъ, самому себѣ написанный. Во многомъ и во многихъ онъ очень ошибается. Впрочемъ, много

интереснаго, особливо для насъ. Но я бы желалъ видѣть въ его Запискахъ болѣе подробностей частной его жизни; а тутъ помѣщены всѣ его голоса по Сенату, донесенія Государю и пр.. Самолюбіе видно почти на каждой страницѣ. Homo est! Но благихъ дѣлъ много. Еслибы къ такой прекрасной жизни можно было и конецъ придѣлать прекрасный; но долги его помрачаютъ дѣла его — даже и въ глазахъ самыхъ почитателей. Чтобы быть добродѣтельнымъ, надо быть и добрымъ гражданиномъ! Я часто думаю и падаю на колѣна передъ бюстомъ Батюшки: Се человѣкъ! И въ какихъ положеніяхъ! При какихъ обстоятельствахъ!

Дѣло Булгаковыхъ все еще не кончилось, хотя мы ежедневно ожидаемъ рѣшенія ихъ судьбы. — Продолжаешь ли ты переводить Сарторіуса Извлеченіе изъ Смита и щастливо ли преодолѣваешь трудности въ переводѣ техническихъ терминовъ? Старайся вникать въ смыслъ, и тогда можешь по своему выражать мысли. Переводъ Смита Политковскаго очень дуренъ и не можетъ помочь тебѣ. Здѣсь уже начались экзамины для производства въ чины. Теперь экзаминуются Г. Сиверсъ и Михайла Кайсаровъ. Запасайся отъ каждаго Профессора и въ каждой лекціи аттестатами — пригодятся. Мнѣ Антонской прислалъ славный Аттестатъ, подписанный самимъ Ректоромъ Университета. Здѣсь теперь вышло много книгъ о Римскомъ правѣ. Лепкевичь перевелъ Гейнекція, Протасовъ подъ моимъ руководствомъ написалъ Исторію Римскаго права; Майеръ — руководство къ Рим. праву, etc.. Всѣ сіи творенія произвелъ указъ объ экзаменахъ; и слѣдовательно, изъ этого ты можешь судить о направленіи, данномъ умамъ и литтераторамъ нашимъ. Это хорошо. — Жуковскій пишетъ прекрасно объ игрѣ Жоржь, которая восхищаетъ теперь Москву своимъ трагическимъ талантомъ. Никогда еще на Русскомъ такой умной и тонкой критики не бывало, какъ критика Жуковскаго. Прекрасный талантъ! Всего больше теперь у насъ новыхъ трагедій, и оригинальныхъ и переводовъ. Но всѣ или посредственны или дурны. Федры три перевода. Державина — самый худшій.

24 Дек. Вчера получилъ я письмо твое отъ $\frac{29\ Ноября}{11\ Декабря}$ № 35 и снова подосадовалъ на худой курсъ. Между тѣмъ постараюсь, чтобы Матушка, которая послала тебѣ еще 500 р. (всего съ посланными отъ меня только 1000), въ Генварѣ послала тебѣ еще сколько можно, ибо 360 талерами, которыя ты за 1000 р. получилъ, не долго жить можно, особливо съ прежними долгами. Какъ быть, любезный другъ! Между тѣмъ, ты и съ малыми деньгами не теряешь, какъ я вижу, времени; и всего болѣе меня радуетъ твое желаніе подолѣе остаться въ Гетингенѣ. Постараюсь доставить къ тебѣ и Сережу. Можетъ быть, онъ будетъ сюда зимой съ Мат[ушкой], и я отправлю

его къ тебѣ весною. Я полагаю, что тебѣ во всякомъ случаѣ можно еще годъ, считая отъ 1-го Генв., пробыть въ Гет[ингенѣ]. Но если хочешь — и больше; только я думаю, что надобно оставить время и для путешествія. Парижъ нуженъ будетъ и для языка и для будущей твоей здѣшней жизни, да и для ученія. Швейцарія и Италія также не безполезны. Какъ я радъ, что твоя Латынь и Англ. языкъ идутъ съ успѣхомъ. По пріѣздѣ сюда ты и меня поучишь, ибо я Анг. очень забываю, да и въ Лат. не большія успѣхи сдѣлалъ. Такъ какъ здѣсь теперь право, особливо Римское, въ большой модѣ, то я, будучи человѣкомъ въ духѣ нынѣшняго вѣка, не могу довольно тебѣ совѣтовать учиться Юриспруденціи и вникать въ законы Наполеоновы, имѣющія и у васъ силу. Не худо, естьлибъ въ слѣдующія полгода занялся ты критическимъ разсмотрѣніемъ законодательной системы, введенной во Францію и почти во всю Германію. Вѣрно, у васъ есть на это особый Профессоръ! А это здѣсь тебѣ очень пригодится. — О дѣлѣ нашемъ я, право, не знаю что писать къ тебѣ! Кажется, это должно, наконецъ, хорошо для насъ кончиться; то есть, мы должны быть заплачены сполна; но когда? Не знаю, что сказать тебѣ. Я просилъ Ивана В[ладиміровича] черезъ Жуковскаго войти въ наше положеніе и не противудѣйствовать законному исполненію. — Объ указѣ о экзаменахъ я тебѣ писалъ. О вызовѣ Сарторіуса ничего не слыхалъ. Справлюсь. Герена книгу Handbuch der neueren Gesch. я здѣсь купилъ. Вообрази, что она стоитъ 12 р. одинъ томъ! О дороговизнѣ въ Пет. ты понятія не имѣешь! Пиши ко мнѣ почаще письма. Право, и я чаще писать буду. Къ Новому году выдетъ 1-я часть гражданскаго уложенія и представится Государю, а потомъ будетъ разсматриваться, вѣроятно, въ Совѣтѣ и разошлется по губерніямъ. Это только проэктъ. Если будетъ случай, я тебѣ пришлю ее. Я буду непремѣнно просить послать Сережу въ Гетингенъ; тѣмъ болѣе, что и Матушка иногда бываетъ на него сердита и, можетъ быть, безъ большаго затрудненія съ нимъ разстанется. Прости, любезный другъ. Пиши ко мнѣ и люби меня. Totus tuus T-w. *24 Декабря, наканунѣ Рождества. 809. СПБ.*

21.

1810-го. Генваря 12-го. С.П.Бургъ.

Въ первый день Новаго года, пріѣхавъ съ Нѣмецко-Англинскаго бала, получилъ я чрезъ М[ихаила] М[ихайловича] Сперанскаго слѣдующій рескриптъ отъ Государя:

Господину Надворному Совѣтнику Тургеневу.

Желая наградить отличное усердіе Ваше къ службѣ и особенныя труды, всемилостивѣйше пожаловалъ я васъ кавалеромъ ордена Св. Равноапостольнаго Князя Владимира четвертой степени, коего знаки при семъ препровождаются. Въ Санктпетербургѣ Генваря 1-го дня 1810. На подл. подп. Александръ.

Поздравляю тебя съ Кавалеромъ! Это награжденіе тѣмъ для меня пріятнѣе и лестнѣе, что я получилъ его при случаѣ представленія Государю проэкта 1-й части Гражданскаго Уложенія Россійской Имперіи, при открытіи новообразованнаго Государственнаго Совѣта въ 1-й день Новаго года.

Государь говорилъ новымъ членамъ Совѣта рѣчь; проч[тен]ъ[1]) Государственнымъ Секретаремъ Манифестъ и самое [обра]зованіе[1]) Совѣта, и наименованы члены онаго и Статсъ[Секр]етари[1]) и помощники ихъ, находящіяся подъ начальствомъ Государств. Секретаря. Объ этомъ узнаете вы, вѣроятно, по газетамъ, ибо нельзя, чтобы они умолчали о происшествіи, которое должно сдѣлать эпоху въ управленіи Рос. Государства. Коммиссія наша законовъ входитъ также въ составъ Совѣта; ибо онъ состоитъ изъ 4-хъ Департаментовъ: 1 законовъ, 2 дѣлъ военныхъ, 3 дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ и 4, Государственной Экономіи. Государь—предсѣдатель Совѣта. Ничто, никакое новое постановленіе, никакой законъ или Уставъ не проходитъ мимо Совѣта, и все докладывается Государю чрезъ одного Госуд. Секр. Сперанскаго. Министры новые: говорятъ, Дмитріевъ, который уже сдѣланъ членомъ Совѣта, будетъ Министромъ Юстиціи; Гурьевъ уже есть Министръ Финансовъ; на мѣсто Голубцова Государст. Казначей Кампенгаузенъ, что былъ нѣкогда въ Гетингенѣ. Н[иколай] Н[иколаевичъ] Новосильцовъ по прошенію уволенъ отъ дѣлъ впредь до выздоровленія и ѣдетъ къ водамъ въ чужія краи.

Сказываютъ, что въ бытность Государя въ Москвѣ наше дѣло получило другой оборотъ и не въ нашу пользу; но это еще не вѣрно, и я надѣюсь скорѣйшаго исполненія при Дмитріевѣ и съ помощію Спер[анскаго] Матушка, можетъ быть, будетъ сюда. О себѣ я еще не знаю что сказать; кажется, Спер[анскій] ко мнѣ благоволитъ, и, вѣроятно, я буду изъ тѣхъ немногихъ, которыя будутъ принадлежать къ Канцеляріи Совѣта. Магницкій—одинъ изъ Статсъ-Секретарей; Баккаревичъ — помощникъ Статсъ-Секретаря Энгеля по части гражд. и дух. дѣлъ. Членовъ Совѣта всего 36 и съ отсутствующими. Я бы прислалъ тебѣ, естьлибъ былъ случай, Манифестъ о образованіи Совѣта и отпечатанную 1-ю часть нашего Проэкта. Естьли

1) Залѣплено сургучомъ.

будетъ случай, я тебѣ пришлю ее и на Нѣмецкомъ для доставленія вашимъ Юрисконсультамъ. Какъ мнѣ жаль, что я не получилъ V-й части Нестора. Сюда прислано одно предисловіе объ Эверсѣ; какъ зло и нещадно онъ его ругаетъ. Вѣчное пятно и Шлецеру и Эверсу. На что печатать частную переписку? Вѣрно въ сл[ѣдую]щихъ частяхъ его Аутобіографіи Шлецеръ и обо мнѣ многое говоритъ. Какую ты книгу мою имѣть желаешь? О [Мол]давіи? Но она не напечатана. Впрочемъ, это компиляція. Вѣроятно,' *особенныя труды* въ рескриптѣ къ сему относятся. — Но пора къ дѣлу. Письмо твое № 36 отъ $\frac{18}{30}$ Декабря я получилъ и спѣшу совѣтовать тебѣ войти въ Миссію К. Репнина и подать ему письмо мое запечатанное. Это тебѣ никакъ повредить не можетъ и не остановить тебя; а, можетъ быть, тебя въ послѣдствіи произведутъ въ Ассесоры, а для будущей твоей службы это очень важно; впрочемъ, ты съ тѣмъ и войти можешь, чтобы онъ позволилъ тебѣ жить безвыѣздно въ Гетингенѣ и послѣ путешествовать. Я буду здѣсь хлопотать хотя о маленькомъ жалованьѣ. 500 р. недѣли черезъ двѣ къ тебѣ пошлю; а тамъ, можетъ, и еще 500. Жаль, что мы теперь не богаты. Хочется по первому лѣтнему пути прислать къ тебѣ Сережу. Если мнѣ прибавятъ что-нибудь, я буду жить однимъ казеннымъ жалованьемъ. Пожалоста, займись послѣ правами и особенно финансами и тѣми частями, которыя относятся или къ Полиціи или вообще къ внутреннему Управленію Государства. Это и въ модѣ да и нужно. Узнаешь послѣ Россію и будешь умѣть примѣнить теорію къ практикѣ. Теперь многое образуется здѣсь на Франц. манеръ и для того не худо познакомиться съ ихъ внутренней администраціей и узнать ея недостатки и выгоды. У нихъ теперь выходятъ объ этомъ хорошія книги, которыя ты всѣ здѣсь найдешь; слѣд., тебѣ не нужно тамъ этимъ добромъ запасаться, а только читать и вникать въ нихъ. Въ путешествіи увидишь на опытѣ и будешь справляться объ учрежденіяхъ Правительства. Напрасно ты въ неудовольствіи на К. Реп[нина] за неприглашеніе. Министры обыкновенно въ замѣшательствѣ и заботахъ, когда надобно угостить цѣлый дипломатическій корпусъ. — Куницынъ произведенъ въ какой-то военный чинъ, который равняется унтеръ-офицерскому; съ нимъ прибавится ему и нѣсколько рублей жалованья. Я продолжаю давать ему по 10 р. въ мѣсяцъ. Балудьянскій очень доволенъ письмами Г. Куницына. Онъ получилъ Анну на шею, перстень въ 4000 р. и 5000 р. единовременно. Много награжденъ; но не за ученыя подвиги, а за труды по части финансовъ. — Кажется, Людеръ хорошій Профессоръ. Чье мѣсто онъ занимаетъ и какія его лекціи? но всѣ они ничто передъ Гереномъ! — Неизвѣстно еще, кто будетъ вмѣсто Н[иколая] Н[иколаевича] Новосильцова

въ продолженіе его увольненія. Гр. Разумовскій, вѣроятно, будетъ Министромъ Просвѣщенія, а Г. Заводовскій—предсѣдателемъ Департамента законовъ въ Совѣтѣ. Дмитріевъ уже здѣсь и принялъ меня по прежнему дружески. Карамзинъ въ Твери читалъ свою Исторію Вел. Кн. Екатеринѣ Павловнѣ. Булгаковы все еще со мною. Дѣло должно скоро кончиться и, вѣроятно, въ ихъ пользу. Министръ военныхъ сухоп. силъ Барклай де Толли, а Г. Аракчеевъ—предсѣдатель военнаго Департамента въ Совѣтѣ.— Письмо къ К. Реп[нину] можешь запечатать и надписать «Его Сіят. М. Г. К. Н. Г. Ре[пнину]». Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы ты былъ причисленъ къ нему съ тѣмъ, чтобы это не мѣшало ни мало твоимъ занятіямъ. Чинъ и навыкъ въ службѣ очень нужны; en passant можешь узнать Канцелярскія формы, а это пригодится. — Не слышно ли чего-нибудь о Гусятниковѣ? Скоро ли онъ возвратится? Андрей Серг[ѣевичъ] все еще въ Саратовскихъ деревняхъ. Влюбленъ въ кого-то и врядъ ли не женится. Прости, любезный другъ и братъ. Если со мной послѣдуютъ какія-либо перемѣны, я тебя немедленно увѣдомлю.

Твой.....

На оборотѣ: À Monsieur Monsieur *de Tourguenew* Translateur au Collège des affaires étrangères au service de S. M. I. de toutes les Russies, etudiant a *Göttingue.* H-n v. Turgenew nach *Göttingen.* въ Гетингенъ.

22.

С.П.Бургъ 810, февраля 16-го.

Сію минуту получилъ черезъ Доктора Эйснера письмо твое, любезнѣйшій другъ и братъ, отъ $\frac{13}{25}$ января, а на прошедшей недѣлѣ получилъ также отъ $\frac{18}{30}$ января. Спѣшу на оба отвѣчать тебѣ и препроводить prima wechsel на 1000 р., полученныя мною для тебя отъ Матушки. Слава Богу, дѣло наше, хоть не совсѣмъ хорошо, закончилось. Мы капиталъ получили отъ Губернскаго Правленія, всего 96,700 р., но проценговъ намъ не выдали, сославшись на то, что въ Указѣ означена именно сумма, и предоставляя намъ дожидаться выдачи процентовъ вмѣстѣ съ другими кредиторами; однакожь, я надѣюсь, что и это передѣлается, и что мы все получимъ скоро, кромѣ 10000, что на Петрѣ Вол[одиміровичѣ]. Меня это очень успокоило. — Доктора Эйснера я еще не видалъ, ибо онъ былъ безъ меня; я могу ему быть полезенъ познакомиться съ Медицинскими чиновниками. — Андрей

Серг[ѣевичъ] пріѣхалъ по дѣламъ въ Москву и живетъ теперь у Матушки съ Сережей; онъ влюбился въ Саратовѣ и хочетъ жениться на довольно богатой. Братъ его Петръ С[ергѣевичъ] дѣлаетъ разныя мерзости Михайлѣ, который послѣ Андрея лучше всѣхъ, да и сравнимъ быть не можетъ съ извергомъ и глупцомъ Петромъ. Жуковскій на сихъ дняхъ писалъ ко мнѣ, что будетъ черезъ двѣ недѣли сюда и остановится у меня; я чрезвычайно радъ этому. Кажется, онъ надѣется ѣхать въ чужія краи; не знаю еще—на какомъ основаніи. Во всякомъ случаѣ, не пропуститъ Гетингена. Какъ бы я желалъ, чтобы Сережа вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ. Но я еще ничего не знаю о планахъ Жуковскаго. — Спасибо тебѣ за увѣдомленіе о Исторіи Молдавіи. Всѣ другія, о которыхъ ты пишешь, у меня были, когда я писалъ о Молд[авіи]. Пожалоста, справься еще разъ о Манускриптѣ бывшаго Петербург[скаго] Академика Фишера; кажется, лексиконъ разныхъ языковъ; онъ долженъ быть въ Гетингской библіотекѣ, ибо Шлецеръ давно подарилъ его; и если можно, спиши съ него копію для Аделунга, который здѣсь доставляетъ мнѣ иногда любопытныя вещи. Теперь я опять занимаюсь Историческою работою, только для Коммиссіи; а именно изъ актовъ, хранящихся въ Архивѣ Коммиссіи и Сената, пишу исторію законодательства со временъ учрежденія Петромъ 1-мъ Коммиссіи въ 700-мъ году до нашихъ временъ. Это, можетъ быть, пойдетъ въ дѣло. Для чего ты не послалъ мнѣ съ Докторомъ Шлец[ерова] Нестора 5-ю часть, которую здѣсь всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ? Извѣстіе твое о Кор[олѣ] меня тронуло. По характеру и по любви его къ справедливости онъ, конечно, заслуживалъ лучшую участь[1]); но онъ нѣсть отъ міра сего. О политическихъ извѣстіяхъ писать трудно, да и что пользы? — узнаешь послѣ; вмѣсто К. Багратіона сдѣланъ Главнокомандующимъ въ Турецкую Армію молодой Гр. Каменскій. Съ нимъ поѣхалъ на сихъ дняхъ по дипломатической части и Блудовъ. О Помераніи и проч. вамъ лучше нашего извѣстно; прочія слухи, вѣроятно, ложны. Сказываютъ, вашъ К. Репнинъ будетъ Посланникомъ въ Мадритѣ. Знаетъ ли онъ это? Жаль, что тебѣ не удастся отъ этого опредѣлиться къ его миссіи. Иванъ Сем[еновичъ] все еще здѣсь; но на дняхъ выпускается офицеромъ. Анна Сем[еновна] родила. Булгаковыхъ дѣло поступило въ новый Совѣтъ и, вѣроятно, скоро кончится. Они еще со мною. Куницынъ хотѣлъ писать къ брату. 10-рублевая пенсія ему продолжается всякой мѣсяцъ. Мой образъ жизни довольно странный. Утро и вечеръ работаю, большею частію въ Коммиссіи, откуда и это письмо пишу; ночь гдѣ-нибудь

1) Въ рукописи «участію».

на балѣ. Я здѣсь познакомился съ Камеръ-Юнкеромъ Уваровымъ, который весною отправляется въ Парижъ, вмѣсто К. Гагарина, Секретаремъ Посольства. Прекрасный малый и прекрасный поэтъ. Французскія стихи его часто не уступаютъ Делилевымъ, иногда превосходнѣе; сверхъ того онъ такъ знаетъ Нѣмецкую литтературу, что и меня пристыдилъ, даже въ Исторіи. Теперь задумалъ онъ объ одномъ сочиненіи, котораго предметъ состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать вліяніе, какое Востокъ или его системы религіи и философіи имѣли на Западъ, т. е. на Европу; я читалъ нѣкоторые отрывки о Нѣм. литературѣ и восхищался ими. Слогъ несравненно лучше Виллярсова, да и голова не хуже. Если случишься съ нимъ въ Парижѣ, ступай къ нему прямо отъ моего имяни. Дмитріевъ въ Министерскомъ званіи въ отношеніи ко мнѣ не перемѣнился. Ожидаютъ скоро изъ Москвы Гр. Разумовскаго. Боюсь, чтобы Кутузовъ не попалъ вмѣсто его въ Кураторы Моск. Унив. Что дѣлаетъ въ Лейпцигѣ Соколовичъ? Неужели все по прежнему? и какъ онъ надѣется проводить вѣкъ? Какую же книгу прислалъ тебѣ Шлецеръ, если не 5-ю часть Нестора? Мнѣ очень хочется видѣть твой переводъ Сарт[оріуса]; пришли хоть отрывокъ маленькій на полулистѣ, вмѣсто письма. Напечатать его надобно будетъ непремѣнно. Я попрошу объ этомъ Сперанскаго. Для испытаній сдѣланъ изъ Профессоровъ Комитетъ какъ здѣсь, такъ и въ Университетахъ. Экзаминуютъ строго. Бери аттестаты. На всякой случай годится.

Жаль, что твоя Латынь не съ успѣхомъ идетъ, какъ ты пишешь. Не худо читать Латинскихъ Авторовъ въ оригиналѣ. Что дѣлаютъ ваши студенты? Вѣрно, жалѣютъ о безсрочномъ увольненіи Н[иколая] Н[иколаевича]. Пожалоста, справься о Гусятниковѣ и увѣдомь, какія же ты книги послалъ съ нимъ. Въ состояніи ли ты будешь съ остатками отъ посылаемыхъ теперь 1000 побывать на Гарцѣ или гдѣ-нибудь во время ваканцій и къ которому времени надобно прислать слѣдующую 1000? Прости, любезный другъ и братъ. Спѣшу отправить письмо на почту. Твой Т.

На оборотѣ: À Monsieur Monsieur *Tourgueneiv* secretaire interprète du collège des affaires étrangères au service de S. M. I. de toutes les Russies, étudiant à *Goettinguc*. H-n Herrn v. Turgenew nach Göttingen. въ Гетингенъ.

23.

30-го Марта. 810. С.П.Бургъ.

Спѣшу отвѣчать тебѣ, милый другъ и братъ, на два письма твои, одно съ Д[окторомъ] Науманомъ, другое отъ $\frac{25\ \text{Фев.}}{9\ \text{Мар.}}$ полученныя, и благодарить

тебя за переводъ твой и за Герена о Миллерѣ. Не успѣлъ еще перечитать перевода; но кажется, онъ довольно хорошъ, и я примусь его пересматривать и, какъ скоро получу продолженіе, представлю его Сперанскому. Спасибо за трудолюбіе и за выборъ книги. Я теперь самъ много занимаюсь Полит. Экон. и особливо Финансами. Для твоихъ Докторовъ я сдѣлалъ, что могъ. Эйльснеръ ужъ и помѣщенъ въ уѣздъ съ 800 р. жал., а потомъ прибавятъ 200 р.. Наумана давно не видалъ. Я все былъ въ большихъ хлопотахъ. Не прежде могу писать къ тебѣ о себѣ, какъ когда состоятся нѣкоторыя надежды и проэкты мои по службѣ. Вообще я не долженъ и не могу жаловаться на свои обстоятельства. Теперь открываются мнѣ выгодныя мѣста. Если не перемѣнятся люди, я могу получить другое мѣсто къ занимаемому мною теперь, и тогда увѣдомлю. О тебѣ я справлялся въ Департ. Министра. Мнѣ сказали, что весьма легко и Яковлеву внушить о тебѣ доброе мнѣніе и склонить его отсюда на представленіе о тебѣ. Но я это предоставляю твоему благоусмотрѣнію. Побывай у него и поговори съ нимъ. И онъ, конечно, согласится, чтобы ты оставался въ Гетингенѣ, но я боюсь перемѣны въ Дипломатическихъ отношеніяхъ, и тогда ты долженъ будешь слѣдовать участи Миссіи. Впрочемъ, какъ тебѣ угодно. На слѣдующей почтѣ пришлю тебѣ твой послужной списокъ. Отъ чего Соколовичь разбогатѣлъ? Кланяйся ему отъ меня. Поблагодари К. Репнина за меня; но онъ, я думаю, уже уѣхалъ въ Мадритъ. О политическихъ новостяхъ писать нечево и нельзя. Нашъ Министръ внутр. дѣлъ К. Куракинъ ѣдетъ съ сыномъ и съ зятемъ своимъ поздравлять Франц. Императора съ бракосочетаніемъ. Письмо къ Вейденгамеру тогда же отослалъ въ Москву. Члены Совѣта и Министръ Финансовъ (Гурьевъ), вѣроятно, тебѣ уже извѣстны изъ газетъ. Теченіе дѣлъ ускорилось, и Государь всякой понедѣльникъ присутствуетъ въ общемъ Собраніи. Я бываю часто у Дмитріева и все по прежнему. Дѣло Булгаковыхъ еще не кончилось, и мы въ мучительной неизвѣстности. Но на сихъ дняхъ рѣшится ихъ участь. Цвѣтаевъ прислалъ сюда свою Теорію Законовъ, которая вся почерпнута изъ Франц. Уложенія и изъ Коментарій на оное, такъ какъ и изъ другихъ извѣстныхъ юридич. сочиненій. 5-я часть Нестора, Briefe eines jungen Gelehrten v. Müller у меня уже есть. Курсъ еще становится хуже, и теперь уже $10^2/_3$ на Гамбургъ. Получилъ ли ты послѣднюю 1000 р.? На всякой случай посылаю секунду.

Теперь Матушка хлопочетъ только о процентахъ, и я надѣюсь, что и это скоро кончится въ нашу пользу, потому что иначе невозможно. Я надѣюсь, что Матушка отпуститъ весною Сережу въ Гетингенъ; только не знаю, что дѣлать съ курсомъ! Увѣдомь, когда и не пора ли посылать къ

тебѣ денегъ. Посовѣтуйся съ Соколов[ичемъ], нѣтъ ли средства выгоднѣе переводить къ тебѣ деньги?

Я недавно купилъ Johannes Müller eine Rede v. Morgenstern, Leipz. и нашелъ въ ней множество мѣлкихъ сочиненій Миллера, о которыхъ я не зналъ и которыя мнѣ имѣть хотѣлось; вотъ они: 1) Arabien u. sein Prophet (in der Zeitschrift Eunomia, 805, April, S. 243—252). 2) De la gloire de Frederic, перевед. Гетемъ на нѣмецкой; хорошо бы имѣть и оригиналъ и переводъ; 3) Deutschlands Erwartungen vom Fürstenbunde, 1788, 8 (естьли это не то же, что Darstellung des Fürstenbundes, которое у меня есть); 4) Die Gefahren der Zeit, 1796; 5) Eine Ausbeute v. Borgoforte, 1796; (6 Briefe zweyer Domherrn, 1787 и 7) Fortsetzung daran, 1789); 8) Reise der Päbste, 1782; 9) Erklährungen Nahmen Sr. K. M. v. Preussen der allgemeinen Reichsversammlung mitgetheilt in Betreff des zu Basel geschlossenen Friedens, 1795; 10) Die Preussische Mitverwendung für den Reichsfrieden, Ulm, 1795; 11) Fernere Beleuchtung des zu Basel geschlossenen Friedens 1795; 12) Die Übereilungen, 1795. Естьли возможно тебѣ достать всѣ эти брошюры, то мнѣ бы хотѣлось получить ихъ. Впрочемъ, если скоро выдутъ всѣ его сочиненія, то это и не нужно. Но это не можетъ дорого стоить; трудно только отискать ихъ.

Это письмо посылаю съ отъѣжжающимъ отсюда въ Вѣну Курьеромъ Г. Фроманомъ, слѣдовательно, могу сказать тебѣ что-нибудь на твои запросы: Образованіе Госуд. Совѣта и всѣ новыя постановленія писалъ Сперанскій; и впередъ, если будутъ выходить переобразованія въ Государственномъ Управленіи, то, конечно, имъ писаны будутъ. Онъ болѣе всѣхъ пользуется теперь довѣренностію Государя и работаетъ съ неутомимостію почти по всѣмъ частямъ.

Булгаковыхъ дѣло еще не кончилось, и они оба еще со мною. На сихъ дняхъ я опасался, чтобы они не остались безъ куска хлѣба; теперь снова просіялъ лучь надежды, хотя слабый; слѣдующій понедѣльникъ долженъ рѣшить ихъ участь.

Увѣдомляй меня поскорѣе о своихъ намѣреніяхъ по службѣ. Большой необходимости опредѣляться къ Миссіи я не вижу; но если это безъ всякихъ хлопотъ для тебя можетъ сдѣлано быть, то я здѣсь объ томъ буду стараться. Прости, помни и люби твоего друга и брата. Булгаковы тебѣ кланяются.— *31 Марта 810. СПБ.*

24.

С.П.Бургъ. 4-го Мая, 810.

Пользуясь отъѣздомъ Александра Петровича Новосильцова, спѣшу написать къ тебѣ нѣсколько строкъ, любезный другъ и братъ. Въ послѣдній разъ писалъ къ тебѣ черезъ Г. Фромана, который обѣщалъ мнѣ послать тебѣ письмо изъ Вѣны. Матушка долго не получала отъ тебя писемъ и очень безпокоилась; я увѣдомлялъ ее о полученіи мною нѣсколькихъ писемъ твоихъ; недавно и она получила. Послѣднее твое письмо ко мнѣ было отъ $\frac{12}{24}$ Марта. Я не знаю, нуженъ ли тебѣ теперь послужный списокъ, потому что не знаю, рѣшишься ли ты вступить безъ К. Р[еппина] въ число принадлежащихъ къ Посольству; хотя это здѣсь очень легко будетъ сдѣлать, но надобно прежде узнать мнѣніе новаго вашего Министра. Когда это нужно будетъ, то отсюда могутъ написать къ нему. Ожидаю твоего отвѣта на мое письмо, въ кот. я писалъ къ тебѣ объ этомъ. Скоро, можетъ быть, и Сережа отправится къ тебѣ; хотя курсъ отмѣнно дуренъ. Мат. хочетъ проводить его до П.Бурга. Жаль, что ему нельзя ѣхать съ Шлецеромъ, кот. на сихъ дняхъ будетъ сюда, а отсюда поѣдетъ въ Гетингенъ. Теперь я живу опять одинъ. 1-го Мая проводилъ и Конст[антина] Булгакова. Дѣло ихъ пошло по судамъ, и участь ихъ въ страшной неизвѣстности. Алекс[андръ] уѣхалъ въ Москву къ женѣ и будетъ жить кое-какъ ея доходами; а Конст[антинъ]—въ Молдавію къ Главнокомандующему, получая 1000 р. съ курс. жалованья и 20 черв. столовыхъ на мѣсяцъ; вотъ ихъ положеніе! Они переносятъ его съ рѣдкою твердостію, которая тѣмъ больше трогаетъ тѣхъ, которыя любятъ ихъ и знали ихъ прежде. Мнѣ очень грустно было разставаться съ Константиномъ. Рѣдкой человѣкъ по душѣ!

Мое положеніе еще не перемѣнилось по службѣ. Но, вѣроятно, скоро должно перемѣниться и, кажется, къ лучшему; по крайней мѣрѣ, по жалованью. Между тѣмъ я сдѣланъ товарищемъ къ И. А. Вейдемееру въ попечительный Комитетъ, который есть то самое общество, о кот. упоминается въ образованіи Госуд. Совѣта. Туда присылаются отъ Статсъ-Секретаря всѣ прошенія бѣдныхъ людей, въ столицѣ живущихъ, на разсмотрѣніе, и мы обязаны [из]слѣдовать ихъ и представлять свое заключеніе Комитету, который, смотря по этому, дѣлаетъ помощь. Число бѣдныхъ чрезмѣрно, и Комитетъ, имѣя только 36 тыс. въ годъ на единовременныя выдачи, въ великомъ затрудненіи, ибо долженъ часто отказывать небогатымъ и бѣднымъ, потому что не станетъ денегъ для тѣхъ, которыя умираютъ съ голоду. Ра-

зумѣется, что это мѣсто только почетное, за добрыя дѣла не платятъ. A propos. Откуда получилъ П[авелъ] П[етровичъ] Соколовичь такія богатства? Писали въ газетахъ, что онъ учредилъ fonds для бѣдныхъ студентовъ въ Лейпцигѣ. Если онъ о другихъ думалъ, то, конечно, и себя и бѣднаго брата своего, что здѣсь въ Петерб., не забылъ, который все еще жив. на 150 р. жал.. А это тяжело, или лучше сказать — невозможно. Увѣдомь его, а потомъ и меня объ этомъ. Андрей Серг[ѣевичъ] все еще въ Москвѣ живетъ съ Сережей; скоро поѣдетъ въ деревню къ Матуш.. Онъ и Мих[айла] Сер[гѣевичъ] въ непріятномъ положеніи, а все по милости Криваго и Матери, которую я не могу не осудить за ея пристрастіе и за гоненіе на Михайлу все за женидьбу и по наущенію со стороны Петра. Дѣло о процентахъ нашихъ еще не кончилось; но, вѣроятно, скоро кончится и въ нашу пользу, ибо это иначе и быть не можетъ.

Былъ ли ты гдѣ-нибудь во время ферій, и не пора ли послать къ тебѣ денегъ? Пожалоста, пиши объ этомъ заранѣе и акуратнѣе. Скоро разстанусь я и съ Уваровымъ, котораго я очень полюбилъ за его таланты и за душу, прекрасно образованную. Онъ поѣдетъ въ Парижъ черезъ Веймаръ, гдѣ увидится съ Гете, о которомъ онъ писалъ кое-что на франц.. Я буду къ тебѣ писать съ нимъ. Въ Парижѣ это будетъ для тебя прекрасное и интересное знакомство. Онъ меня любитъ; и любитъ Нѣм. Литтературу и знаетъ ее. Ожидаю продолженія твоего перевода. Пришли его съ ѣздоками. Онъ хорошъ, но нужно многое поправить, особливо въ техническихъ терминахъ, которыя приняты уже здѣсь на Русскомъ, хотя многія у тебя лучше, нежели у нашихъ Профессоровъ-Карпатороссовъ. Когда все будетъ готово и переписано, я покажу это Сперан[скому]. Пожалоста, пришли мнѣ тотчасъ, что ты напишешь о финансахъ у Сарторіуса и все то, что другія хорошаго напишутъ объ этомъ. Мы только и бредимъ, что о финансахъ. Думай и пиши объ этомъ. Эта часть интересна, и тотъ можетъ принести Россіи великую пользу, кто будетъ умѣть употребить здѣсь, какъ должно, свою Теорію. Мой усердный поклонъ Г. Данилевскому и благодарность за поздравленіе.—Вотъ выписка изъ твоего послужнаго списка, которую я сдѣлалъ въ Коллегіи изъ 1809-го года:

1809. Ник[олай] Тург[еневъ] etc..

23-й годъ; уволенъ въ Маѣ 1808-го года въ чужія краи для окончанія Наукъ; обучался Нѣм. и Франц. языкамъ; Исторіи, Географіи и прочимъ Наукамъ; опредѣленъ въ Государственной Коллегіи Иностр. дѣлъ Моск. Архивъ Актуаріусомъ. 803 Октября 13-го. Въ настоящемъ чинѣ переводчика состоитъ съ 1807, Генв. 1-го. Способенъ и къ повышенію чиномъ достоинъ.

Кажется, этого для тебя довольно, или нужно за скрѣпой?—увѣдомь.

Прости, любезный другъ и братъ. Сейчасъ получилъ письмо отъ Сережи. Онъ занимается описаніемъ Кабинета изъ собранія рѣдкостей Баузе и пришлетъ мнѣ это; послѣ можно помѣстить это извѣстіе въ Нѣм. Журналѣ, сказавъ, кто сдѣлалъ описаніе. Онъ получилъ твое письмо, въ кот. ты пишешь, что хочешь ѣхать въ Голландію. Какъ мы сходны въ нашихъ проэктахъ! И я то же тогда хотѣлъ сдѣлать; но что-то мнѣ помѣшало. — Журналъ! Журналъ! Пожалоста, записывай все встрѣчающееся во время вояжа: мысли, чувства, предметы наружныя, все, все!

Tuus T.

25.

9-го Іюня. 1810. С.П.Бургъ.

Пользуясь отъѣздомъ Николая Васильевича Ханыкова, отправляющагося къ Миссіи брата своего въ Дрезденъ, спѣшу написать къ тебѣ, милый другъ и братъ. Мы давно уже не получали отъ тебя писемъ, и причиною тому полагаю твое отсутствіе изъ Гетингена. Съ нетерпѣніемъ ожидаю я отъ тебя описанія твоего вояжа и хочу знать, гдѣ и съ кѣмъ ты былъ? Что видѣлъ и слышалъ за горами? Сережу сюда скоро ожидаю. Онъ прислалъ прошеніе; но за отсутствіемъ Государя въ Тверь, откуда Онъ вчера возвратился, оно еще Ему не было представлено. Матушка не поѣдетъ въ П.Бургъ провожать его; а мнѣ хочется, проводя его, съѣздить въ Москву на 28 дней. Но не знаю, удастся ли. Можетъ быть, буду имѣть новое мѣсто и новое начальство, оставаясь и при старомъ, и въ такомъ случаѣ неловко будетъ отлучаться. Мы Капитанскую сумму получили; но въ немедленной выдачѣ процентовъ намъ сдѣлали затрудненіе по случаю поданнаго Карнѣевымъ голоса; это пойдетъ на Консультацію къ Министру Юст. и оттуда, можетъ быть, и въ Совѣтъ. Боюсь, чтобы для этого Матушка не пріѣхала въ П.Бургъ, хотя нужды никакой нѣтъ, ибо я увѣренъ, что И[ванъ] И[вановичъ] Дмитріевъ будетъ въ нашу пользу; только можетъ нѣсколько продлиться.

У насъ теперь занимаются преобразованіемъ Министерствъ и штатовъ ихъ. Мин. Коммерціи уничтожается, и таможни присоединяются къ Финансамъ. Образуются Министерства: Полиціи, куда отойдутъ главныя части изъ Министерства Внут. дѣлъ, духовное и водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній. Слѣд., всего будетъ 10. Внутренняя ихъ организація также перемѣнится. Сегодня представленъ въ Совѣтѣ проэктъ общаго Наказа Ми-

нистрамъ, гдѣ опредѣлятся ихъ должности и отношенія ихъ какъ къ другимъ верховнымъ мѣстамъ, такъ и между собою. Сегодня же получено извѣстіе о сдачѣ крѣпости Силистріи, которая и Г. Румянцеву не сдавалась. Слава Каменскому! Предъ симъ одержали мы также важную поверхность надъ Турками и взяли въ плѣнъ славнаго Пашу Пелигвантоглу, котораго называютъ Турецкимъ Суворовымъ.

Манифестъ о займѣ ты, я думаю, уже читалъ въ газетахъ или будешь читать. Николаю Васильевичу Ханыкову далъ я проэктъ нашей 1-й части Закон., съ тѣмъ чтобы онъ, по прочтеніи въ Дрезденѣ брату, доставилъ бы его тебѣ въ Гетингенъ. Читай его для языка, хотя, впрочемъ, онъ не вездѣ чистъ и ясенъ; впрочемъ, сдѣлано въ Совѣтѣ много перемѣнъ противу печатнаго. Посылаю тебѣ также посланіе Василья Львовича. Оно будетъ напечатано въ Вѣстн[икѣ] Евр[опы]. Изрядно написано. Оно теперь здѣсь ходитъ по городу, и Славянофилы сбираются отвѣчать на него.

На сихъ дняхъ отправляется отсюда Каверинъ въ Гетингенъ съ Шлецеромъ. Я съ нимъ буду писать и, если можно, пошлю чаю тебѣ. Каверинъ малой добрый, но вѣтренъ и слишкомъ склоненъ къ разсѣянной пустой жизни, и, я думаю, Гетингская тихая жизнь ему не понравится, если онъ не найдетъ пріятелей по своему вкусу. Постарайся пристрастить его къ ученью. Я бы послалъ тебѣ новое изданіе Дмитріева сочиненій; но оно еще не вышло. Сережа пишетъ ко мнѣ, что онъ разстался съ Борисомъ, а не пишетъ, куда онъ поѣхалъ. Въ Коровино ли? Андрей Сергѣевичъ еще въ Москвѣ, но на сихъ дняхъ ѣдетъ къ матери. Я надѣюсь, что онъ будетъ опредѣленъ Профессоромъ Россійской словесности въ Дерптскій Университетъ и прямо ординарнымъ съ 2500 р. Это мѣсто доставитъ ему непосредственно и чинъ Надворнаго Совѣтника. Я говорилъ уже съ Клингеромъ, и онъ очень радъ имѣть его. Геймъ, къ которому Дерпт. Унив. отзывался о пріисканіи такого Профессора, также предложилъ Андрея Серг[ѣевича]. Дѣло можетъ сладиться очень легко, но я боюсь, чтобы Наталья Василь[евна] не сдѣлала затрудненій. Она имѣетъ свои предразсудки и мучитъ Андрея и Михайлу закриваго Петра. Я бы ничего болѣе не желалъ Андрею Серг[ѣевичу], ибо это избавитъ его отъ хлопотъ по гражданской службѣ, особливо отъ непріятностей по Начальству. Послѣ можетъ оставить ученую службу и быть тотчасъ Надв. Сов. и болѣе.

Когда будешь въ Дрезденѣ, познакомься съ Ханыковымъ; онъ человѣкъ очень хорошій, и мы съ нимъ здѣсь часто видались. Получилъ ли ты мое письмо, съ Фроманомъ черезъ Вѣну посланное?

Прости, милый другъ и братъ. Чѣмъ кончились твои лекціи у Сар-

торіуса по Финансамъ и нѣтъ ли у тебя чего-нибудь своего о семъ предметѣ? Прости, помни и люби твоего Т-ва. *10-го Іюня.*

26.

14-го Іюня. 810. С.П.Бургъ.

Четвертаго дня писалъ я къ тебѣ черезъ Николая Васильевича Ханыкова, кот. отправился въ Дрезденъ къ Миссіи брата своего; а теперь пишу съ Петромъ Павловичемъ Каверинымъ, котораго прошу полюбить и познакомить съ Музами. Это величайшая услуга, которую ты можешь сдѣлать и ему и его Батюшкѣ. Я надѣюсь, что Гетингенъ ему понравится, если онъ любитъ Науки; а если понравится, то онъ не на шесть мѣс. туда поѣхалъ. Вчера получилъ я письмо твое отъ $\frac{11}{23}$ Мая и отъ 30 Мая, писанное по возвращеніи твоемъ изъ Голландіи. Съ величайшимъ удовольствіемъ читалъ я твои Историческія воспоминанія на пути въ Голландію. Жаль только, что всего одна страница наполнена ими. Иначе я бы напечаталъ это письмо въ Вѣстникѣ. Нельзя ли прислать что-нибудь изъ этого вояжа? Неужели ты не писалъ своего журнала? Это было бы не простительно. Увѣдомь. Въ самый тотъ день, какъ я получилъ письмо твое о Голландіи, здѣсь прошелъ слухъ, что Королевства Голландскаго уже не существуетъ, а что она составляетъ провинцію Франц. Имперіи. Этого ожидать должно было. Въ тотъ же день обѣдалъ я и съ Проф. Якобомъ, о которомъ ты спрашиваешь. Онъ опредѣленъ въ нашу Коммиссію съ 3000 р. жал. и будетъ заниматься по части Уголовной. Сверхъ того, будетъ употребленъ по Министерству Финансовъ съ 3000 р. жал. и, можетъ быть, получитъ еще что-нибудь. Онъ человѣкъ очень хорошій и можетъ быть существенно полезенъ при теперешнихъ финансовыхъ операціяхъ. Я съ нимъ очень коротко знакомъ и пріятель.

Г. Сиверсъ не только не оставитъ безъ помощи свое произведеніе, но давно уже самъ меня просилъ о немъ и о ней освѣдомиться, о чемъ я уже и писалъ къ тебѣ. Несмотря на то что онъ самъ очень, очень небогатый человѣкъ, онъ будетъ помогать ей, и я, можетъ быть, съ сею же оказіею отъ него что-нибудь пошлю ей. Увѣрь ее въ этомъ. Да точно ли это его ребенокъ? Не другой ли? И какимъ же образомъ она вышла замужъ? — О присылкѣ тебѣ денегъ я на сей же почтѣ писалъ уже къ Матушкѣ, кот. теперь снова нѣсколько безпокоится по дѣлу нашему о процентахъ. Сережа скоро отправится изъ Москвы; прозьба его уже здѣсь и на сихъ дняхъ

представлена будетъ Государю. Естьли Князь Репнинъ только 65,000 тал. долженъ, то это еще не слишкомъ много по его состоянію; онъ и здѣсь былъ долженъ. Я не думаю, чтобы согласились оставить его въ Касселѣ, хотя и желаю этого и для него и для тебя. — Наполеоновымъ Уложеніемъ заняться не худо, ибо это познакомитъ тебя и съ Теоріею Права; но особенныхъ причинъ для этого я никакихъ не вижу; а много времени на то терять не должно. Лекціи, тобою избранныя, всѣ хороши. Герену никто подрыва сдѣлать не можетъ. Другаго Герена нѣтъ въ Германіи и нигдѣ. Сарторіусу поклонись отъ меня и скажи ему, что и здѣсь занимаются теоріею и практикою Финансовъ, что Гасконецъ Буша читаетъ глупыя и смѣшныя лекціи и доказываетъ, что Государство, будучи *безъ кредита*, *безъ денегъ*, можетъ и *безъ торговли* обойтись и даже вести войну! Я послалъ къ тебѣ съ Ханыковымъ листочикъ, гдѣ напечатана его программа. Каверинъ слышалъ эту лекцію. Посылаю тебѣ переводъ отрывка изъ Якобовой книги, который сдѣланъ моимъ пріятелемъ Беттлеромъ, служащимъ Инспекторомъ въ Коммерческомъ училищѣ. Ты можешь прочесть его для языка и сравнить съ оригиналомъ. Довольно хорошо и ясно. Если успѣю, пошлю тебѣ и Манифестъ о займѣ на Русскомъ. Сей часъ былъ у меня Г. Сиверсъ и просилъ, чтобы ты увѣрилъ ее въ его акуратности. Онъ доставитъ деньги; возьми съ нее росписку въ тѣхъ, которыя онъ ей далъ при отъѣздѣ изъ Гетингена за годъ или за полтора впередъ, и въ тѣхъ, которыя онъ ей пришлетъ, также бери росписки. Сережа ѣздилъ съ Андр[еемъ] Серг[ѣевичемъ] къ Троицѣ, но не видалъ Платона. Былъ въ Римѣ, да Папы не видалъ. Вчера мнѣ сказывали, что Князь Репнинъ уже согласился ѣхать въ Мадритъ и непремѣнно поѣдетъ. Мы беремъ крѣпости въ Турціи. Каверинъ разскажетъ тебѣ о нашихъ побѣдахъ. — Въ полныхъ сочиненіяхъ Мюллера, о которыхъ ты пишешь, все ли будетъ издано? Старое и новое? Или только то, что еще напечатано не было? Когда выйдутъ его oeuvres posthumes? Не худо тебѣ сбирать понемногу и безъ большихъ издержекъ полныя изданія Нѣмецкихъ Классическихъ Авторовъ, напр. Гете, Виланда, Шиллера, Клопштока, Гердера и проч.. У меня полныхъ нѣтъ, а это нужно имѣть. Я думаю, у васъ можно имѣть все это за дешевую цѣну. Я къ тебѣ буду еще писать черезъ Уварова, который поѣдетъ въ Парижъ черезъ Веймаръ. Не знаю, скоро ли. Теперь я опять началъ разъѣжжать по дачамъ. Дѣла мнѣ теперь очень немного, потому что самъ Спер[анскій] давно не занимается Коммиссіей, имѣя множество нужнѣйшихъ дѣлъ по Финансамъ и проч.. Я надѣюсь получить мѣсто по другому еще Департаменту, и тогда, вѣроятно, прощусь съ своимъ досугомъ, который, впрочемъ,

не препятствуетъ мнѣ лѣниться и ничего не дѣлать. Когда я занятъ много по службѣ, тогда я и Литературой занимаюсь болѣе. Рахмановъ выдалъ 1-ую книжку своего военнаго Журнала. Есть довольно интересное, но дурно писано. Третьяго дня проводилъ я своего Николая Николаевича. Онъ поѣхалъ въ Вѣну; оттуда, можетъ быть, въ Тріестъ, Ливорно, для морскихъ бань, а назадъ въ Карлсбадъ. Уволенъ безъ жалованья, и никто и прости не сказалъ ему, кромѣ искренно ему преданныхъ *немногихъ*. Но онъ не унываетъ и съ чистою совѣстію вездѣ щастливъ будетъ. — Неужели Шульцъ въ состояніи сдѣлать подрывъ Бутервеку? Котораго изъ нихъ ты слушаешь съ большимъ удовольствіемъ? Жаль Мейнерса; но онъ былъ дурной Компиляторъ. При всемъ томъ, въ Исторіи его среднихъ столѣтій много интереснаго. Что дѣлаетъ Павелъ Петровичь Соколовичь? Какими средствами онъ обогатился и для чего онъ не поможетъ Дмитрію Петровичу, который теперь фельдъ-егеремъ и въ бѣдности? Посылаю тебѣ афишку Буше и Манифестъ по Франц. для Сарторіуса или Мартенса. Русскаго не досталъ. Манифестъ печатанъ въ Сенатской типографіи. Прости, любезный другъ и братъ. Скажи Зноско, что К. Чарторыйскій у меня о немъ часто спрашиваетъ. Онъ сегодня ѣдетъ въ Польшу въ отпускъ и, вѣроятно, надолго. О Шведскихъ происшествіяхъ ты прежде меня узнаешь.

19-го Іюня.

Tuus Turg..

27.

23-го Іюня. С. П. Бургъ. 810.

Пишу къ тебѣ, любезный другъ и братъ, въ домѣ Петра Павловича и въ день его отъѣзда. Еще разъ прошу полюбить его и жить въ дружбѣ и согласіи. Я бы желалъ, чтобы примѣръ твой укрѣпилъ его еще болѣе въ охотѣ учиться и заставилъ его пробыть долѣе въ Гетингенѣ, нежели онъ предполагаетъ. Это случилось и со мною. Сережу ожидаю я ежедневно изъ Москвы сюда. Онъ долженъ уже выѣхать. Андрей Серг[ѣевичъ] уѣхалъ въ деревню. Тетушка сегодня уѣхала въ деревню же. Я остаюсь одинъ въ домѣ; дожидаюсь Сережу и между тѣмъ разъѣжжаю по дачамъ. Въ воскресенье ѣздилъ съ Уваровымъ къ Оленину на дачу, и дорогою онъ сочинилъ слѣдующія стихи dans le genre de Goethe. Прочти ихъ Бутервеку и спроси, наблюдены ли правила Нѣмецкаго механизма въ стихахъ:

Sehnsucht.

Träume der Jugend,
Farben des Frühlings,
Töne der Lyra,
Seyd ihr verschwunden,
Auf immer verstummt?
Ernst ist das Leben,
Dunkel die Zukunft,
Der Mensch, er muss streiten,
Mit feindlichen Mächten,
Mit der ewigschaffenden,
Alles zerstörenden,
Mutter-Natur.
Er muss sie beherrschen,
Oder verschwinden
In schäumender Fluth.
Der Geist ist entflohen
Der Arm ist entnervt;
Ich muss unterliegen
Ich kann ihn nicht kämpfen
Den furchtbaren Kampf.
Ich war von den Göttern,
Zum Dichter bestimmt!...
Träume der Jugend,
Farben des Frühlings,
Töne der Lyra,
Blüthen des Lebens
O! kehret zurück!

Русской, Камеръ-юнкеръ — сочиняетъ Нѣмецкія стихи! Скажи это Бутервеку и скажи ему, что мы съ Уваровымъ читаемъ его Поэзіи, изданныя Рейнгардомъ, и восхищаемся Исторіей его Поэзіи и Краснорѣчія также. Онъ — и Поэтъ и Философъ! Это только въ Германіи, и тамъ рѣдко!

Естли есть ошибки въ стихахъ, пришли поправки и скажи, что скажетъ Бутервекъ или другіе.

Прощай, любезный другъ и братъ. Вчера получилъ я славный подарокъ въ книгахъ отъ одного гвардіи офицера: всѣ Acta Eruditorum Лейпцигскаго Университета, Церковную Исторію одного Англич. въ 10 томахъ и нѣкоторыхъ Латинскихъ классиковъ, да Исторію Тридентинскаго собора на Лат. же. Съ братомъ Сергѣемъ пришлю Ист. Рим. Права Протасова, которую по прочтеніи подари Библіотекѣ.

Твой Т—въ.

Приписка Каверина.

Пользуясь пріязнію братца вашего Александра Ивановича, беру смѣлость поручить неопытнаго моего юношу въ благоразумные ваши совѣты, за что я вѣчно пребуду вамъ, Милостивый Государь мой, совѣршенно благодарнымъ. Имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Павелъ Каверинъ.

28.

Вотъ тебѣ, милый другъ и братъ, живое письмо и другой я и другой ты. Сколько ни тяжело и ни горько мнѣ въ сію минуту разставаться съ Сережею и чувствовать, что я обѣихъ васъ еще долго не увижу, однакожь я, скрѣпя сердце, видя въ этомъ вашу и собственную свою пользу, что все одно и то же, — воздерживаюсь, сколько могу, отъ слезъ и только прошу васъ и умоляю братскою вѣчною нашею любовію жить братски, помнить меня и любить меня только за одну мою любовь къ вамъ, въ которой я нахожу все мое блаженство и которая должна всегда соединять насъ и быть для насъ священнѣе всего на свѣтѣ, послѣ любви къ Матери и вѣчнаго воспоминанія о тѣхъ единокровныхъ, которыя отошли отъ насъ съ миромъ.

Простите, милыя братья! Въ эту минуту вы вмѣстѣ, но я уже далеко отъ васъ. Когда настанетъ минута соединенія? Когда мы всѣ трое поставимъ въ одинъ уголъ посоха свои и безпечно, рука въ руку, пойдемъ предлежащею намъ тропинкою? Покуда еще разъ простите, простите, мои милые, незабвенные!

30-го Іюля, 1810-го года. С.П.Бургъ.

29.

31-го Іюля, 1810. С.П.Бургъ. На другой день послѣ Сережина отъѣзда, поутру.

Пишу къ вамъ, милыя братья, для того чтобы, сколько можно, разогнать грусть свою и еще болѣе заняться вами. Я ночевалъ у Щербинина, и теперь возвратился домой и еще живѣе почувствовалъ пустоту, которую Сережа мнѣ оставилъ. Мнѣ очень грустно и тяжело. Хоть я не предчувствую ничего мрачнаго, но разстаться съ вами такъ надолго и быть въ такомъ одиночествѣ, какъ я въ Петербургѣ, очень грустно. Утѣшаю себя

вашею пользою, вашимъ щастіемъ, ибо теперешняя дѣятельная студентская жизнь ваша есть лучшее, щастливѣйшее время въ вашей жизни; я это чувствую теперь болѣе, нежели когда-нибудь. Наслаждайтесь имъ; не забывайте прошедшаго: ибо воспоминанія и горестей утѣшительны и сладостны для сердца. Но не смотрите въ будущность: въ ней все разочаровывается. Думайте иногда обо мнѣ, и чѣмъ чаще, чѣмъ болѣе вы ко мнѣ писать будете, тѣмъ болѣе я буду имѣть щастливыхъ минутъ. Николаша получитъ это письмо, вѣроятно, еще до пріѣзда Сережи. Приготовься обнять его братски и заставь его забыть трудности и неудовольствія, неразлучныя съ первымъ вояжемъ, своею братскою къ нему нѣжностію. Давно уже Матушка и я къ тебѣ не писали; но я все надѣялся, что ты получишь письма съ Ханыковымъ; а теперь уже, вѣроятно, получилъ и съ Каверинымъ или Шлепероmъ, которымъ прошу отъ меня кланяться. Сережа скажетъ тебѣ о моемъ теперешнемъ положеніи и о моихъ надеждахъ. Но я думаю перемѣнить совершенно образъ жизни, потому что шестый уже мѣсяцъ какъ я въ совершенной бездѣятельности, которая для души и для ума убивственна. Теперь увидѣлъ я зеленый кафтанъ, который Сережа не взялъ отъ меня, и мнѣ еще грустнѣе стало. Напрасно ты его оставилъ. Я его буду беречь или подарю доброму но бѣдному человѣку. Къ Сережѣ хочу писать въ Берлинъ poste restante, такъ какъ мы условились. Буду отыскивать маленькій псалтырь, котораго Сережа здѣсь не нашелъ, и при случаѣ вамъ его доставлю. Мы давно не получали отъ тебя, милый Николаша, писемъ, и я ожидаю ихъ съ нетерпѣніемъ. Матушка послала тебѣ 1000 р., которую мы здѣсь размѣняли на червонцы, самыя лучшія и необрѣзныя, и Сережа везетъ ихъ къ тебѣ, потому что вексель еще бы менѣе тебѣ доставилъ. Червонецъ теперь здѣсь по 9 р. 70 к.. Сережа и свои деньги размѣнялъ на червонцы, и вмѣстѣ съ твоими у него теперь 210 черв. да 150 р. ассигнаціями. Дорогою издержитъ онъ ассигнаціи и, вѣроятно, еще черв. 30, а съ остальными пріѣдетъ въ Гетингенъ, и 180 черв. вамъ до Генваря довольно будетъ. Естьли жъ надобно, то можно будетъ и прежде прислать. Сережа поѣхалъ съ Капельмейстеромъ Муссини до Берлина; коляску купили они пополамъ, и всѣ издержки пополамъ. Въ Берлинѣ продадутъ коляску и раздѣлятъ деньги. Только, дай Боже, чтобы она дошла до Берлина. Кол. здѣсь заплатили 475 р.. Муссини человѣкъ очень хорошій, умный и веселый. Я очень радъ, что онъ съ нимъ поѣхалъ. Не знаю, доволенъ ли Сережа будетъ имъ. Вѣроятно. Какъ скоро обстоятельства позволятъ, поѣду къ Матушкѣ въ Москву. Право, намъ ее любить должно. Теперь она одна и досталась въ добычу Тетушкѣ, которая,

вѣрно, не перестанетъ мутить ее съ дворовыми людьми, потому что уже не съ кѣмъ болѣе. Когда то будемъ мы всѣ трое вмѣстѣ? Гдѣ бы мы ни были, но естьли всѣ вмѣстѣ будемъ, то вездѣ будетъ для насъ отечество. Пожалоста, милыя братья, ведите, хоть по очереди, журналъ вашего вояжа и вашего пребыванія въ Гетингенѣ. Въ замѣну этого, я желалъ бы вамъ писать о всемъ томъ, что со мною здѣсь ежедневно случается; но Сережа былъ свидѣтелемъ моего образа жизни и знаетъ, какъ теперешняя моя жизнь единообразна и не богата ни дѣлали, ни случаями, ни даже занятіями. Теперь и читать почти нечево. Самъ не умѣю дать себѣ отчета, почему я не занимаюсь теперь Латинскимъ и Англин. языками. Время довольно; любовь къ Литературѣ не простыла; вкусъ есть; а ничего не дѣлаю. Теперь здѣсь Александръ Ѳед[оровичъ] Воейковъ. Буду съ нимъ чаще видаться. и чаще стану писать къ Жуковскому, кот. обѣщалъ пріѣхать въ П. Бургъ; но я надѣюсь прежде увидѣться съ нимъ въ Москвѣ. Сережа привезетъ тебѣ и Манифестъ о преобразованіи и умноженіи Министерствъ. Я буду увѣдомлять васъ о всѣхъ перемѣнахъ по части правительственной; а вы увѣдомляйте меня о новостяхъ Литтературы; каждый изъ васъ пусть изберетъ особую часть. Переписка наша будетъ *любопытна* (это не по-русски), особливо по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Я постараюсь давать вамъ обстоятельный и вѣрный отчетъ во всемъ, хоть вкратцѣ. Сережа знаетъ нѣсколько здѣшнихъ людей, которымъ теперь фортуна благопріятствуетъ, и слѣд. можетъ судить вѣрнѣе о перемѣнахъ.

Теперь читаю снова твой переводъ Сарт[оріуса] съ карандашемъ въ рукахъ. Многое должно поправить; только такъ какъ я на нѣкоторыя перемѣны самъ еще не рѣшаюсь, то и хочу по листамъ отдавать переписывать и буду просматривать. Получу ли я остальное? Твоя посылка Гогарт[овыхъ] карикатуръ и еще что-то осталась у Шварца въ Лейпцигѣ. Нельзя ли черезъ Соколовича переслать ее или прямо сюда или въ Москву? Я теперь читаю съ большимъ любопытствомъ Колкгуново описаніе Лондонской Полиціи. Славная и полезная книга; но читать ее должно бы только Правительство, ибо наши мошенники найдутъ въ ней много новаго и множество средствъ мошенничать, имъ, можетъ быть, еще неизвѣстныхъ. Простите, милыя братья.

Вторникъ. Вотъ уже три ночи, какъ я ночую безъ Сережи. *2-го Августа.*

На оборотѣ: À Monsieur Monsieur de Tourgueneff, Translateur du collège des affaires étrangères au service de S. M. I. de toutes les Russies, etudiant, *Goettingue.* H-n v. Turgeneff. nach Göttingen, въ Гетингенъ.

30.

23-го Сентября 1810. С.П.Бургъ.

На сихъ дняхъ получилъ я письмо ваше, милыя братья, отъ[1])..., которое успокоило меня нащетъ Сережи. Я еще не писалъ къ вамъ послѣ перваго письма моего, тотчасъ послѣ отъѣзда Сережи писаннаго, дожидаясь увѣдомленія о его пріѣздѣ. Письма изъ Кенигсберга и Берлина я всѣ получилъ исправно и благодарю за акуратность. Письмо Николашино къ Андрею Сер[гѣевичу] и порадовало меня и подѣйствовало на меня. Къ удовольствію вашему, должнъ я сказать, что недѣли двѣ уже какъ я сталъ дѣятельнѣе, ибо получилъ новое мѣсто. К. А[лександръ Н[иколаевичъ] Голицынъ, который сдѣланъ Главно-Управляющимъ всѣхъ иностранныхъ исповѣданій, предложилъ мнѣ мѣсто по своему Министерству (NB. Главное управленіе наряду съ Министерствами по проэкту Министерскаго Устава). Я согласился, онъ доложилъ Государю, и я причисленъ къ нему по части Главнаго Управленія съ оставленіемъ при занимаемыхъ мною нынѣ должностяхъ. Какъ скоро кончится образованіе Министерствъ, которое послѣдуетъ въ теченіе двухъ мѣсяцовъ и менѣе, я буду Директоромъ Канцеляріи Главно-Управляющаго съ жалованьемъ по штату, которое, вѣроятно, до 3-хъ тысячь простираться будетъ. Мѣсто пріятное и важное, ибо въ другихъ Министерствахъ будутъ запимать его Дѣйств. Стат. Совѣтники. Теперь я занимаюсь образованіемъ нашей части и составленіемъ IV-й и V-й частей Устава, которое предоставлено каждому Министру особо. Всѣ исповѣданія, исключая Греко-Россійскаго, войдутъ въ составъ Глав. Управл. (Катол., Уніатское, Армянское, всѣ Протестантскія, Магометан., Жидов. и прочія языческія). При случаѣ доставлю я вамъ проэктъ Министерскаго Устава, котораго три первыя части уже напечатаны. Новая должность удержала меня отъ поѣздки въ Москву; но какъ скоро Штаты выдутъ, то я поѣду къ Матушкѣ, вѣроятно, по первому зимнему пути. И Матушка согласна, чтобы я подождалъ этого. Начальникомъ своимъ я очень доволенъ и, вѣроятно, онъ мною также. Теперь каждое утро буду проводить въ новомъ Департаментѣ и заниматься. Это пріучитъ меня опять къ дѣятельности. Мих[аилъ] Серг[ѣевичъ] Кайсаровъ получилъ Анны 2-й степени за Карантинный Уставъ, при составленіи коего онъ употребленъ былъ. Г. Сиверсъ по

1) Пропускъ въ оригиналѣ.

Иностр. коллегіи получилъ 750 р. жал. и, вѣроятно, будетъ опредѣленъ и въ нашу Ком. Зак. съ жал.. Андрей Сер[гѣевичъ] долженъ скоро сюда быть, а потомъ поѣдетъ въ Дерптъ къ своему Профессорству, на которое онъ, кажется, уже тамъ и избранъ. Ваше письмо послалъ я къ нему въ Иваньково. Теперь здѣсь Воиновъ, добрый малой. Мы живемъ по сосѣдству и часто видимся. Онъ теперь боленъ. Блудовъ пріѣхалъ изъ Молдавіи; на его мѣстѣ Конст[антинъ] Булг[аковъ]. Блуд[овъ] — Кавалеръ 4-ой степ. Влад[иміра]. Мы бьемъ Турокъ безъ милосердія. Булг[аковъ] былъ во всѣхъ сраженіяхъ и не отставалъ отъ Главнокомандующаго.

Гдѣ Каверинъ? A propos. Вчера получилъ я отъ Эверса (der Chasarendichter, Nestor, V Th.) маленькую тетрадку: Unangenehme Erinnerungen an A. L. Schloezer. Жаль, что покойный мой благодѣтельный такъ замаралъ себя бранью и клеветою на Эверса. Оправданіе сего послѣдняго служитъ совершеннымъ обвиненіемъ Шлецера. Этого пятна онъ не смоитъ съ своей памяти. Если вы знакомы съ Штедлиномъ, то скажите ему, что книги его теперь мнѣ очень помогаютъ. Жаль, что я не имѣю еще его Kirchenstatistik u. Geographie. Не худо, естьлибъ онъ могъ прислать къ намъ проэктъ образованія духовной части по всѣмъ иностраннымъ исповѣданіямъ, какъ и по внутреннему ихъ устройству, такъ и по отношеніямъ ихъ къ высшему Правительству, съ которымъ онѣ сносятся чрезъ Главное Управленіе, въ которое стекаются всѣ дѣла по симъ исповѣданіямъ, исключая судебныхъ, кои попрежнему чрезъ Юстиц.-Коллегіи и пр. входятъ въ Сенатъ. Еслибъ онъ доставилъ намъ что-нибудь подробное и удобоисполнительное по сему предмету, которое было бы сообразно и нашей теперешней администраціи Духовной, то мы бы ему спасибо сказали. На слѣдующей почтѣ напишу я къ Двѣгубскому, чтобы онъ велѣлъ Грузинову написать ко мнѣ обстоятельнѣе, чего ему хочется, и пельзя ли какъ улучшить его положеніе. По этому письму я черезъ Уварова, кот. женится на Гр. Разумовской, буду стараться о Грузиновѣ и самъ буду отвѣчать ему.

Андрея Сергѣевича избрали уже въ Профессоры и послали къ нему вокацію.

Простите, милые братья, пишите ко мнѣ чаще и подробнѣе. Когда будете въ Дрезденѣ, сходите къ Николаю Васильевичу Ханыкову и кланяйтесь ему отъ меня. Мы съ нимъ пріятели. Осмотрите порядочно Галлерею и оружейную Палату, а Николаша опишетъ Корреджіеву Ночь и другія рѣдкости этой Галлереи, какъ Фіариллову ученику надлежитъ. Но не забудьте и окрестностей Дрезденскихъ. Еще разъ простите, спѣшу въ свой новый

Департаментъ. Васъ душевно любящій и вамъ совер[шенно предан][1])ный Т—въ. *24-го Сентября 810. С.[П.Бургъ][1]).*

На оборотѣ: À Monsieur Monsieur *de Tourgueneff*, Translateur du collège des affaires étrangères au service de S. M. I. de toutes les Russies, etudiant, à *Göttingue.* an H-n v. Turgenew. nach Göttingen. въ Гетингенъ.

31.

Октября, 15-го дня, 1810. С.П.Бургъ.

Я давно уже къ вамъ не писалъ, милые друзья и братья, за разными хлопотами по новой моей должности по Главному Управленію иностранныхъ исповѣданій. Какъ бы вы порадовались, увидя меня перемѣнившаго совершенно свой образъ жизни и изъ разсѣяннаго городскаго верхогляда, badeau, превратившагося въ дѣятельнаго Канцелярскаго чиновника, который цѣлое утро проводитъ въ Департаментѣ, въ 7 час. встаетъ, въ 9 работаетъ съ Министромъ и даетъ примѣръ дѣятельности и исправности своимъ Канцелярскимъ чиновникамъ. Всѣ эти дни и теперь еще занятъ я образованіемъ Главнаго Управленія и сочиненіемъ Наказа по нашей части и въ одно время долженъ былъ заниматься духовною частію Католиковъ и Протестантовъ, Жидовъ, Армянъ, Магометанъ, Квакеровъ и Далай-Ламистовъ. Но сказавши одинъ разъ: да будетъ свѣтъ и порядокъ! — и бысть и то и другое какъ въ головѣ моей, такъ и въ Кагалахъ Евреевъ и въ Консисторіяхъ Протестантскихъ и Католическихъ! Когда устройство нашего Управленія конфирмуется и напечатается, я вамъ съ оказіей доставлю экз. для Штедлина, который, хотя и много писалъ объ управленіи церковныхъ дѣлъ различныхъ исповѣданій, но не много помогъ мнѣ. Статистики религій его еще не видалъ, но не надѣюсь и тамъ много полезнаго найти. Какъ бы мнѣ хотѣлось прочесть напечатанное въ какомъ-то Нѣм. Журналѣ сочиненіе Герена: Uber die Mittel die Nationalität besiegter Völker zu erhalten. Велико ли это сочиненіе? и нельзя ли вамъ, прочитавъ его, сообщить мнѣ о немъ ваше мнѣніе и лучшія мѣста. Не выдалъ ли онъ чего-нибудь еще новаго? Теперь, при всемъ множествѣ дѣлъ, у меня больше свободнаго времяни заниматься и посторонними вещами, потому что все утро, а часто и вечеръ посвящены работѣ. Я еще отъ васъ вмѣстѣ только одно письмо получилъ и

1) Въ оригиналѣ вырвано.

уже отвѣчалъ на него. Пишите почаще. Я бы желалъ знать обстоятельно проэктъ Николаши о будущемъ вояжѣ въ Италію, — когда, съ кѣмъ, или какъ и чрезъ какія мѣста, долго ли въ каждомъ городѣ намѣренъ пробыть и тому подобное? Кажется, что во всякомъ случаѣ прежде будущаго лѣта ты въ путь не пустишься. Какую часть художествъ ты болѣе будешь имѣть въ виду при обозрѣніи Италіи и какія свѣдѣнія пріобрелъ ты для пріуготовленія себя къ сему путешествію? Что, кромѣ изящныхъ художествъ, будетъ цѣлію твоего путешествія и предметомъ описанія въ твоемъ вояжѣ? Я сбирался къ Матушкѣ лѣтомъ, но теперь отложилъ, съ ея дозволенія, до зимы, которая у насъ скоро начнется, ибо снѣгъ уже выпадалъ нѣсколько разъ. Прежде невозможно, ибо Устройства Министерствъ еще не вышли, а это будетъ важная эпоха въ моей службѣ. Вчера по случаю Тезоименитства вдовст. Императрицы былъ здѣсь на Невѣ, противу дворца, славный фейерверкъ и иллюминація. Андрей Серг[ѣевичъ] избранъ уже въ Профессоры и долженъ будетъ скоро туда отправиться. Отъ Кон[стантина] Булг[акова] получаю иногда письма изъ Арміи и знаю, что его Главно-Ком. очень любитъ и употребляетъ. Писалъ ли я къ вамъ, что Эверсъ (der Chasarendichter въ 5-й ч. Нестора) издалъ brochure въ свое оправданіе: Unangenehme Erinnerungen an A. L. Schlözer, которая, къ сожалѣнію, не служитъ къ чести покойнаго Шлецера. Сынъ, вѣрно, сберется отвѣчать на это; но нечево сказать будетъ. Гдѣ онъ и гдѣ Каверинъ? Здѣсь ни Сѣверинъ, никто отъ него ни строки не получалъ, и не знаютъ, гдѣ онъ. Естьли съ вами, то кланяйтесь ему отъ меня. A propos. Довольно ли ты знаешь Итальянскій языкъ для удобнаго пут. по Италіи и не отсталъ ли отъ Лат[инскаго]? На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда К. Борисъ Вол[одиміровичъ] Голицынъ, кот. очень хвалитъ твоего Тимковскаго, милый Сережа. Я буду часто видаться съ К. Гол[ицынымъ], потому что въ немъ много ума и знаній, хотя часто и ошибается нащетъ Русской Словесности, принадлежа къ числу старообрядцевъ. Съ Жуковскимъ мы теперь довольно часто переписываемся, и я хочу обратить ему и себѣ въ привычку писать другъ къ другу и давать отчетъ въ своихъ упражненіяхъ, проэктахъ etc.. Онъ теперь занимается Русской Ист., и я снабжаю его книгами отсюда по сей части. Если онъ при своихъ талантахъ будетъ соединять глубокія познанія, то современемъ онъ перещеголяетъ всѣхъ нашихъ Литтераторовъ, ибо и теперь уже во многомъ перещеголялъ. Лат[инскій] и Греч[ескій] языки лишаютъ его средствъ къ усовершенствованію и къ возведенію себя на степень Классическихъ Авторовъ; но за Лат., кажется, онъ принимается и съ помощію хорошаго учителя можетъ еще успѣть въ немъ. Неужели Судьба никогда въ этой жизни

не сведетъ насъ всѣхъ вмѣстѣ? Насъ немногихъ? Нѣтъ, мы непремѣнно должны опредѣлить мѣсто и время всеобщаго свиданія и ожидать этой минуты съ твердымъ увѣреніемъ, несмотря ни на какія препятствія, — увидѣть другъ-друга и пожить вмѣстѣ, хотя бы то стоило нѣкоторыхъ пожертвованій. Мѣстомъ соединенія должна быть деревня, напр. Тургенево, общая колыбель наша, которая по сему самому любезна и Жук[овскому] и Анд[рею] Кайс[арову] и еще немногимъ, напр. Ал[ександру] Воейкову. Ожиданіе этой минуты соединенія въ сей жизни должно быть для насъ, разсѣянныхъ по бѣлому свѣту, то же, что для разсѣянныхъ Евреевъ — ожиданіе Мессіи. Здѣсь теперь въ большой модѣ Масонство, и люди чиновные и знатные вмѣстѣ съ Французскими актерами занимаются строеніемъ Соломонова храма. Ложь нѣсколько и всѣ съ позволенія Правительства. Я не принадлежу и не буду принадлежать ни къ одной.

Сдѣлайте одолженіе, справьтесь о Лексиконѣ Сибирскихъ языковъ, соч. Фишера, который чрезъ старика Шлецера попалъ въ Гетин[генскую] библіотеку. Я уже писалъ объ этомъ прежде къ Николашѣ. Меня просилъ о немъ Аделунгъ. Можете сказать объ этомъ Гейне.

Октября 26. Слишкомъ десять дней не могъ собраться отправить написанное письмо. Простите, милые братья. Я еще отъ васъ только одно письмо получилъ. Хлопотъ множество. Вашъ вѣчно Т.

Г. Башиловъ, который сейчасъ посѣтилъ меня, вамъ кланяется и проситъ помнить его.

32.

Генваря 10-го, 1811.

Вотъ ужъ, кажется, третья недѣля, милые друзья и братья, какъ отправился отсюда Экстраордин. Академикъ [Клап]ротъ[1]) въ Берлинъ, который повезъ для васъ 150 черв. и обѣщалъ мнѣ тотчасъ по пріѣздѣ въ Берлинъ послать ихъ оттуда на ваше имя въ Гетингенъ. Пожалоста, увѣдомьте немедленно по полученіи оныхъ. Еслижъ вы [по] полученіи сего письма ихъ еще не получите, то, подождавъ дней восемь, можете написать къ нему въ Берлинъ и просить отъ моего имяни о скорѣйшей присылкѣ. Онъ сынъ славнаго химика Клапрота, котораго Блуменбахъ и многія другія должны знать въ Гетингенѣ. Въ случаѣ нужды вы можете попросить и

1) Въ оригиналѣ вырвано.

въ Гетин. кого надобно; но я думаю, Клапр[отъ] не замедлитъ прислать. Если же будете писать къ нему, то увѣдомьте его, что Уваровъ сдѣланъ Дѣйств. Статскимъ Совѣтн. и попечителемъ С. П. Бургскаго ученаго округа на мѣсто Н[иколая[Н[иколаевича] Новосильцова. 31-го Дек. прош. года состоялся указъ. Теперь здѣсь и Андрей Серг[ѣевичъ] и на сихъ дняхъ вмѣстѣ съ Борисомъ, который живетъ со мною, отправляется въ Дерптъ Профессоромъ Р[усской] Литер[атуры]. Они оба сбираются къ вамъ писать оттуда, а Анд[рей] Серг[ѣевичъ] обѣщаетъ и часто писать къ вамъ. Я все еще не сберусь въ Москву, ибо, пока не выдутъ образованія Министерствъ, никакъ не могу отлучиться отсюда, будучи одинъ при Князѣ. Матушка сама согласна на это, хотя она была очень нездорова, и мнѣ бы весьма хотѣлось зимой побывать въ Москвѣ. Теперь же туда пріѣхалъ и Жуковскій и надѣялся меня видѣть. Не случалось ли вамъ говорить съ Штедлиномъ или Эйхгорномъ или съ кѣмъ другимъ о Феслерѣ, который писалъ Ansichten der Religion u. Christenthum, Alonso и множество другихъ Историческихъ книгъ, былъ прежде Капуциномъ, потомъ, оставивъ монашество и Рим.-Кат. религію, преслѣдуемый мщеніемъ монаховъ, основался въ Пруссіи, былъ употребленъ тамошнимъ Правительствомъ по управленію духовныхъ дѣлъ; былъ главою Франмасоновъ и потомъ выписанъ сюда для занятія каѳедры Профессора Философіи въ здѣшней Духовной Академіи; но лишился сего мѣста и теперь у насъ въ Комм. Сост. Законовъ. Человѣкъ съ рѣдкими познаніями, особливо въ Церковной И[сторіи][1]). Недавно написалъ Ист. И[спаніи][1]). Что у васъ о немъ думаютъ? Прежде о его правилахъ много кричали. Теперь здѣсь о немъ много кричатъ; особливо по случаю франмасонства, въ которомъ онъ здѣсь не принимаетъ никакого участія. Какъ ты думаешь, Николаша, о твоемъ отъѣздѣ? Когда, куда и какъ? Надобно мнѣ знать объ этомъ заранѣе для заготовленія суммы и для доставленія тебѣ рекомендательныхъ писемъ. Что Шлецеръ? Что Каверинъ? Будетъ ли сюда скоро первый? Пишу къ вамъ это письмо изъ Департамента, не имѣя передъ глазами вашего послѣдняго письма ко мнѣ. Скоро еще буду писать. Теперь нѣтъ минуты свободной. Простите, любите и помните вашего друга и брата, васъ душевно и братски любящаго Т.

11 Генваря. Ich gratuliere sie neue Jahre. Въ Москвѣ, въ Благородномъ собраніи, въ маскерадѣ разбросали шалуны пакеты, на которыя естьли наступить, то послѣдуетъ выстрѣлъ, подобный пистолѣтному, что произвело

1) Въ оригиналѣ вырвано.

великое смятеніе и страхъ. Виновные еще не отысканы. Здѣсь въ 1-мъ часу, на Новый годъ, сгорѣлъ каменный театръ. Однѣ стѣны остались.

Нѣтъ ли чего новаго изъ сочиненій Герена?

33.

28-го Февраля. 1811. С.П.Бургъ.

Я все еще въ П.Бургѣ, милые друзья и братья, хотя и сбираюсь въ Москву; но не надѣюсь быть тамъ прежде весны, ибо Министерства еще не образованы по новому проэкту. Матушка по пустымъ слухамъ, въ Москвѣ по обыкновенію распространившимся, опасается на щетъ твоей поѣздки, милый Николаша, въ Парижъ, хотя и приготовила для этого 3000 рублей. Но я ее на сей почтѣ старался успокоить и писалъ, что я могу переслать тебѣ деньги сіи черезъ Графа Нессельрода. Князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ берется послать тебѣ на имя Графа Нессельрода, нашего Совѣтника Посольства въ Парижѣ, 3000 р. червонцами, по 13 р. 20 к. червонецъ. Графъ Нессельродъ, получа сіи деньги, можетъ или удержать всѣ до твоего пріѣзда въ Парижъ, или послать тебѣ всѣ или часть въ Гетингенъ, получа отъ тебя на то или другое разрѣшеніе. Князь Гагаринъ будетъ просить его на сей же почтѣ, а они очень дружны; да Графъ и меня знаетъ. Онъ—Камергеръ, и слѣд. ему должно писать или Excellence или ваше Превосхо—во. Спишись съ нимъ и увѣдомь меня, что ты сдѣлаешь. Если ты намѣренъ ѣхать въ Парижъ а не въ Италію, то, кажется, медлить не должно. Довольно ли на первый случай 3000 р., что составитъ около 230 или 225 червонцевъ? Послѣ еще можно прислать. Получили ли вы 150 черв., посланные съ Клапротомъ? Дорогой онъ женился въ Мемелѣ на прежней своей полюбовницѣ, какъ слышно. Но это не могло ему помѣшать послать къ вамъ изъ Берлина червонцы и исполнить долгъ честнаго человѣка. Онъ непремѣнно долженъ сюда возвратиться, и деньги пропасть не могутъ. Напишите къ нему въ Берлинъ, хоть на имя отца его, извѣстнаго химика, котораго Блуменбахъ знаетъ. Андрей Серг[ѣевичъ] уже профессорствуетъ въ Дерптѣ. Гр. Сив[ерсъ] проситъ милаго Сережу сказать Вагеману и извѣстной ему женщинѣ, что онъ только одно письмо получилъ отъ Вагемана, на которое онъ не отвѣчалъ по причинамъ довольно яснымъ, по коимъ нельзя объ этомъ писать по почтѣ; но что онъ всегда думаетъ объ этомъ, то доказат. сему служитъ и то, что я уже получилъ 200 р. для пересылки къ тебѣ на извѣстное употребленіе. Онъ проситъ съ первою

почтою увѣдомить его, *до котораго* году имъ за все заплачено было и сколько нужно ему еще платить. Также увѣдомь, можно ли и какъ бы лучше устроить доставленіе произведенія Гр. С[иверса] въ Россію и какія мѣры для сего принять должно; увѣдомь обо всемъ обстоятельно и увѣрь всѣхъ, что Г. С[иверсъ] не въ состояніи оставить безъ помощи, хотя и не увѣренъ, что это его плодъ. Я перешлю 200 р. при первой оказіи, какъ къ тебѣ посылать буду. — Жуковскій выдалъ уже двѣ части собранія лучшихъ стихотвореній. Простите, спѣшу. Вамъ душевно и навсегда преданный

другъ и братъ Т.

1-го Марта.

На оборотѣ: A Monsieur Monsieur *de Tourgueneff.* Translateur au collège des affaires étrangères au service de S. M. I. de toutes les Russies, étudiant à *Goettingue.* H-n v. Turgenew nach *Göttingen.* въ Геттингенъ.

34.

7 Марта.

Очень радъ, что вы получили 150 р. Три тысячи рублей въ Парижъ къ Графу Нессельроду отправлены будутъ. Когда назначенъ твой отъѣздъ, милый Николаша? Для чего не послалъ ты мнѣ съ Шлец[еромъ] твою Диссертацію! Не помнишь ли, какія книги отправилъ ты или еще Андрей Серг[ѣевичъ] съ Гусятниковымъ или съ Золотаревымъ, которыя остались въ Лейпцигѣ? Нельзя ли ихъ интересовать долѣе? Антонскій пожалованъ въ кавалеры Св. Владиміра 3-й степени. Грузиновъ дѣланъ Профессоромъ *ординарнымъ.* Сегодня я ихъ о семъ увѣдомляю. Сіе письмо пишу съ какимъ-то курьеромъ. Увѣдомьте о полученіи. Получилъ ли Гейне мой пакетъ, съ симъ же курьеромъ посылаемый? Пакетъ—отъ Чекаловскаго. Простите. Спѣшу. Весь вашъ Т-въ. Посылаю вамъ соч. Кн. Бориса Вол[одиміровича] Голицына, брата Г. Строганова.

Здравствуйте еще разъ, милые друзья и братья! Письмо ваше отъ 20 Февраля вчера получилъ, а вмѣстѣ съ симъ Андрей Андр[еевичъ] Жерве, который писалъ о васъ къ Яковлеву, получилъ и отъ него письмо слѣдующаго содержанія.

Cassel $\frac{16}{28}$ *fevr. 1811.*

M[r]!

C'est avec un plaisir particulier, que j'ai reçu la lettre, que votre Excellence m'a fait l'hon. de m'écrire en date du 18/30 Janvier pour me recommander les deux

Messrs de Tourgueneff, qui font leurs études à Goettingue. Je vous prie d' être assuré que je serai charmé de profiter de toute ocasion ou pourrai leur être utile et leur prouver tout le cas, que je fais M-r de votre recommandation. Leur bonne conduite et leur bonne volonté de profiter de leur sejour dans cette Université, me les a déjà fait remarquer avantegeusement parmi leurs collègues et je me suis empressé de leur procurer du Cons. d'Etat Directeur Général des Universités du Royaume des adresses et recommandations pour les professeurs les plus distingués des Goettinge; etc.

Спасибо вамъ и ему.

35.

2 и 3 Мая 811. С.П.Бургъ.

Два письма ваши, любезные друзья и братья, одно отъ 4 Апрѣля по почтѣ, другое отъ 31 Марта, посланное съ Г. Бутырскимъ, я получилъ и спѣшу вамъ отвѣчать, въ надеждѣ, что это письмо еще и Николашу застанетъ въ Гетингенѣ. Бутырскій у меня былъ, и я долго говорилъ съ нимъ о васъ и распрашивалъ о вашемъ житьѣ — бытьѣ. Любо слушать, только болѣзнь Сережина меня теперь чрезвычайно безпокоитъ, особливо слабость твоей груди. Я думаю, сидѣть много не должно, а больше и чаще освѣжаться гуляньями. Онъ порадовалъ меня и твоими успѣхами въ Латинской словесности. Для чего, милый Николаша, не прислалъ ты мнѣ своего сочиненія о податяхъ или о налогахъ? Я думаю, что тебѣ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше отправиться въ Парижъ, ибо курсъ не улучшается и время проходитъ. Не знаю, долго ли тебѣ можно будетъ прожить съ 225 черв. въ Парижѣ и куда ты возвратишься? Я постараюсь прислать денегъ, куда нужно будетъ. Но въ Гетингенъ уже возвращаться не для чего. Не лучше ли, объѣхавъ Швейц[арію] и Италію, пробраться въ Вѣну и оттуда на святую Русь. Можно сколотить еще сотняги двѣ черв. для этого путешествія. Въ Гетин. потому, думаю я, нельзя уже возвратиться, что Матушка желаетъ твоего возвращенія въ Россію и часто въ письмахъ ко мнѣ объ этомъ напоминаетъ. Въ Парижъ уже писано къ Г. Нессельроду, чтобы онъ всю сумму переслалъ къ тебѣ черезъ Кассель или какъ ему угодно будетъ. Напрасно, я думаю, жалуются на него ваши педагоги; впрочемъ, неудивительно, естьли не всѣ изъ нихъ хорошо приняты были. Амстердамскіе русскіе могли быть добрые люди; но кажется, не орлы. Кассельскій Министръ справлялся о васъ, вѣроятно, по поводу письма, писаннаго къ нему отсюда по моей прозьбѣ, на которое онъ уже и отвѣчалъ. Я вамъ доставилъ копію съ его отвѣта Жерве. Это не нужно горячо принимать, ибо никакихъ слѣдствій имѣть не можетъ; а атте-

статы на всякой случай отъ Профессоровъ вамъ имѣть надобно; хотя по службѣ чужестранные аттестаты и не принимаются во уваженіе.

Увѣдомлять ли мнѣ Каверина отца о шалостяхъ его сына? Или погодить? Я думаю, не худо, естьли бы отецъ велѣлъ ему возвратиться во свояси; ибо нѣтъ надежды къ исправленію, если уже онъ попалъ въ худыя руки. Ожидаю вашего на сіе отзыва. Андрей Серг[ѣевичъ] профессорствуетъ въ Дерптѣ и лѣтомъ обѣщалъ пріѣхать сюда; страсть его, вѣроятно, проходитъ, ибо время все излѣчаетъ; я это знаю по опыту. Онъ обѣщалъ къ вамъ часто писать. Борисъ также. Дяд[юшка], кажется, охотно соизволилъ на его Akademische Laufbahn. Не знаю только, заохотитъ ли его Дерпт[скій] Унив[ерситетъ] къ ученью, и боюсь, чтобы Дерптъ не далъ ему такого направленія, которое въ практической жизни и въ службѣ не такъ нужно. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ онъ воспользуется своимъ тамошнимъ пребываніемъ, и ему здѣсь мѣсто всегда будетъ готово. По крайней мѣрѣ, въ теперешнемъ моемъ положеніи мнѣ весьма легко доставить ему порядочное жалованье. Деревенскія дѣла наши при теперешнемъ управителѣ и при присмотрѣ Дяд[юшки] Сем[ена] Вол[одиміровича], кажется, довольно хорошо идутъ, и Матушка Дяд[юшко]й очень довольна. Что будетъ впередъ, не знаю. О процентахъ Ив[анъ] Ив[ановичъ] велѣлъ приготовить дѣло къ слушанію на консультацію, и я надѣюсь, что оно скоро кончится. Отъ Ив[ана] Волод[іміровича] я часто получаю письма и книги его соч[иненія]. Много себя хвалитъ. Надобно коротко знать его, чтобы не удивляться этому. Я сбираюсь по сю пору въ Москву и все еще не попаду, потому что образованіе Министерствъ еще не вышло. Обѣщаютъ безпрестанно, а не знаю, какъ удастся вырваться изъ П.Бурга на 28 дней. Впрочемъ, я надѣюсь получить жалованье со дня моего опредѣленія къ К. Голицыну, т. е. съ сентября прошл. году. Князю уже положили Министерское жалованье. На второе письмо Николашино, съ Бутыр[скимъ] посланное, отвѣчать можно съ оказіей, а не по почтѣ. На щетъ Якоби вы ошибаетесь. Онъ теперь употребленъ въ Ком. Закон. по части уголовнаго уложенія и работаетъ прилѣжно и хорошо. По финансамъ его прежде употребляли, по теперь ужъ нѣтъ; впрочемъ, многіе изъ его предположеній были весьма дѣльные, и онъ весьма въ этомъ остороженъ. По части Народнаго Просвѣщенія онъ много предлагалъ полезнаго, но въ дѣло не пошло. Многое надобно перемѣнить въ самомъ основаніи, особливо въ отношеніи къ Народнымъ т. е. къ Уѣзднымъ и Губерн. Училищамъ. О пользѣ или вредѣ нѣкоторыхъ Государственныхъ постановленій трудно судить издалека и не зная во всей подробности мѣстныхъ обстоятельствъ. Лица перемѣняются, а вмѣстѣ съ ними и образъ

мыслей, много дѣйствующій на систему въ администраціи. Это чрезвычайно вредно; но какъ пособить этому? Все еще въ броженіи, и нѣтъ твердыхъ правилъ, ибо нѣтъ единства, бывшаго прежде въ управленіи. Узнавайте теоріи и недостатки каждой изъ нихъ и пріѣжжайте сюда примѣнять ихъ на пользу Государства; но не думайте, чтобы такъ легко было угадать и выбрать лучшее, а выбравъ—твердо сему слѣдовать и удалять встрѣчающіяся безпрестанно препятствія въ исполненіи.

Уваровъ сегодня сказывалъ мнѣ, что онъ намѣренъ сдѣлать тѣхъ студентовъ, кои пріѣхали изъ чужихъ краевъ, адъюнктами въ новопреобразующемся здѣсь Педагогическомъ Институтѣ, но прежде будетъ имъ строгій экзаменъ здѣшними Академиками производиться. Увѣдомьте, которые изъ нихъ лучше учились и отъ которыхъ можно ожидать проку. На этой почтѣ пишу я къ Жуковскому и предлагаю ему, по порученію Уварова, мѣсто на первый случай Экстраординарнаго Проф. Россійской словесности въ Пед[агогическомъ] Инст[итутѣ] съ 2000 р. жал.. Потомъ онъ будетъ скоро ордин[арнымъ], и это доставитъ ему чинъ Надв[орнаго] Сов[ѣтника], а вмѣстѣ съ симъ онъ будетъ помѣщёнъ и у меня въ Департаментѣ, также съ хорошимъ жал. и, конечно, не менѣе 1500, а можетъ быть — и больше. Книги его уже вышло три части съ дурными портретами Ломоносова, Держав[ина] и Дмитріева. По сему случаю имѣлъ я преколкую переписку съ Держ[авинымъ], который вздумалъ на него сердиться за то, что онъ много піесъ его помѣстилъ и безъ всякихъ коментарій, разумѣя, вѣроятно, подъ коммент. похвалы. Я ему отвѣчалъ пространнымъ письмомъ и напо мнилъ ему его позволеніе, мнѣ объявленное, и вмѣстѣ съ симъ объяснилъ ему, почему Жук[овскій] не дѣлалъ никакихъ коментарій. Если случай будетъ, я пришлю вамъ его книгу. Здѣсь учреждено теперь новое общество словесности, подъ названіемъ: Бесѣда любителей Россійскаго слова; оно состоитъ изъ четырехъ разрядовъ, изъ коихъ въ 1-мъ предсѣдательствуетъ Шишковъ, во 2-мъ Державинъ, въ 3-мъ Хвостовъ (Александръ Семеновичъ), въ 4-мъ Захаровъ. Два публичныя собранія оной уже были. Множество съѣжжается изъ знатной публики; но мало проку; ибо члены большею частію и въ сторожа на Парнасъ не годятся, или безграмотные законодатели въ словесности. Я постараюсь доставить вамъ Зябловскаго книгу и карту при первомъ случаѣ. Жаль, что отсюда не ѣздятъ, такъ какъ изъ Москвы, извощики въ Лейпцигъ. Ко мнѣ вчера явился мальчикъ Донцовъ изъ Москвы, кот. Сережа долженъ знать, безъ платья и безъ денегъ, но съ желаніемъ служить. Я слышалъ, что въ Университетѣ онъ былъ замѣченъ въ шалостяхъ. Правда ли это?

Сейчасъ К. Гагаринъ сказалъ мнѣ, что, можетъ быть, Гр. Нессельродъ не останется въ Парижѣ; не знаю, успѣетъ ли онъ переслать къ тебѣ всѣ деньги. Во всякомъ случаѣ онъ сдѣлаетъ нужныя для сего распоряженія и поручитъ это другому. Лучше ѣхать скорѣе и воспользоваться лѣтнимъ временемъ. Неужели Геренъ и 2-е изданіе Gesch[ichte] des Europ[eischen] Staatensystems выдалъ? Стало, 1-е раскуплено. Не мудрено. Прекрасная книга. Есть ли во 2-мъ изд. существенныя перемѣны и прибавленія? И до котораго времяни доведена Исторія? Напр. наша Финляндская война?

Нашъ Попечительный Комитетъ получилъ на дняхъ новое образованіе, и я уже членъ Ученаго Сословія, такъ называемаго Импер. Человѣколюбиваго Общества, въ которое входитъ и Попеч. Ком., какъ одно изъ сословій. Отъ Ученаго Сословія зависятъ всѣ распоряженія, проэкты и редакція журнала, до человѣколюбивыхъ заведеній относящаяся. Намъ и денегъ прибавили. Графъ Суворовъ, переправляясь, утонулъ въ Рымникѣ, въ той самой рѣкѣ, которая дала имя отцу его, и на той же рѣкѣ прошлаго году переломилъ онъ себѣ руку. Судьба! Войско, особливо его дивизія, обожали его. — Увѣдомь меня, милый Сережа, обстоятельнѣе о своей болѣзни, а Николаша — о своемъ путешествіи. Для чего не получаю я тѣхъ книгъ, которыя ты когда-то послалъ черезъ Лейпцигъ?

Простите, любите и помните вашего друга и брата.

Т — въ.

3 Мая.

Дни черезъ три Михайла Петр[овичъ] и Александръ Петр[овичъ] отправляются въ Вѣну и Карлсбадъ мѣсяцовъ на шесть.

36.

7 Іюня 1811. С.П.Бургъ.

Не помню, отвѣчалъ ли я вамъ, милые друзья и братья, на тѣ письма, которыя я получилъ съ студентомъ, и благодарилъ ли я Николашу за четыре книжки, посланныя съ Куницынымъ. Третьяго дня получилъ я письмо ваше отъ 6 Мая, читалъ его съ удовольствіемъ, но досадовалъ на Николашу, что онъ вмѣсто того, чтобы писать болѣе о себѣ, о своихъ занятіяхъ, напр. о содержаніи и планѣ своей Диссертаціи, наполнилъ его состязаніями своими съ Яковл[евымъ] о неподчиненности ему. Я просилъ Жерве написать къ Яков[леву] единственно для того, чтобы онъ зналъ, что въ васъ здѣсь на-

чальство его принимаетъ участіе и чтобы былъ всегда акуратенъ въ доставленіи вамъ писемъ и денегъ, когда случится пересылать послѣднія; ибо я сначала думалъ, что другаго средства не будетъ посылать ихъ, какъ черезъ Посольство. А мнѣ совсѣмъ не приходило и въ умъ освѣдомляться о вашемъ поведеніи офиціяльнымъ порядкомъ; слѣд. и оскорбляться этимъ не надобно было, а еще менѣе наполнять три письма, которыхъ я ожидаю всегда съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Червонцы были посланы черезъ Парижъ, потому что здѣсь на вексель совсѣмъ не принимали. Я бы и теперь послалъ Сережѣ 1000 р., кот. Матушка мнѣ для него прислала, прямо въ Гетингенъ и взялъ бы вексель; но боюсь, чтобы не потерять много противу червонцевъ и богъ знаетъ, примется ли вексель. Естьли бы случай былъ послать червонцами, то, конечно, всего бы лучше. Но теперь нѣтъ. Я удивляюсь, милый Николаша, какимъ образомъ не получилъ ты по сю пору писемъ моихъ, въ которыхъ я совѣтовалъ тебѣ отправляться поскорѣе съ этими деньгами въ Парижъ, ибо Матушка желаетъ твоего возвращенія зимою. Недолго проживешь [съ] 200 черв. въ Парижѣ. Я постараюсь прислать туда еще тысячи двѣ, дабы ты могъ съ ними проѣхать Швейцарію, Италію и черезъ Вѣну домой. Но я думаю, что съ этою суммою трудно будетъ совершить такой вояжъ. Увѣдомишь изъ Парижа, а я постараюсь доставить болѣе денегъ. Поѣжжай, милый Николаша, въ Парижъ скорѣе; долго тамъ заживаться не для чего, да и невозможно при теперешней дороговизнѣ. Да и служить пора; а у меня мѣсто для тебя готово. Знаете ли вы, что теперь уже Переводчиковъ велѣно жаловать сперва въ Титулярные Совѣт[ники], а пе въ Ассесоры? Мнѣ это за васъ очень досадно. Впрочемъ, все воротимъ. Естьлибы курсъ какой-нибудь устоялъ, то можно бы тебѣ и подолѣе пошататься по бѣлу свѣту; но теперь очень трудно. Наши штаты все еще не вышли; но мнѣ обѣщано выдать жалованье по мѣсту со дня моего опредѣленія т. е. съ Сентября прошедшаго года. Отъ того я не успѣлъ еще побывать и у Матушки. Но скоро надѣюсь отправиться въ Москву. Неужели вся Шлецерова библіотека продается съ публичнаго торгу или только однѣ русскія книги? Увѣдомьте меня, что вы изъ нее купите. Жаль, что у васъ денегъ не много, а надлежало бы воспользоваться симъ случаемъ. Уѣхалъ ли сынъ его въ Москву и взялъ ли онъ рукописи? Не послали ли вы чего съ нимъ? Куда ѣдетъ Данилевскій? Не въ Петерб. ли? Пишите съ нимъ больше и пришлите какія-нибудь брошюры. Педагоги ваши здѣсь; но, кажется, еще не всѣ. Куницынъ и Бутырскій у меня бываютъ. Куницынъ далъ мнѣ читать Флассона, котораго здѣсь купить уже невозможно, такъ какъ и въ Парижѣ, по словамъ его. Педагоговъ будутъ экзаменовать и, смотря по успѣхамъ, дадутъ имъ

ученыя званія и мѣста. Нѣкоторыхъ назначаютъ въ Сарско-сельскій Лицей. Я не разобралъ въ письмѣ Сережиномъ имени, котораго ты желаешь сдѣлать членомъ Моск[овскаго] Общ[ества] Нат[уральной] Ист[оріи], такъ какъ я и многова не разбираю въ твоихъ письмахъ. Это очень возможно. Напиши мнѣ подробно его имя и Vornahmen и какой онъ Принцъ и пр., а я напишу или къ Гофману или къ Двѣгубскому. Андрей Серг[ѣевичъ] сбирается лѣтомъ пріѣхать сюда изъ Дерпта во время Ферій. Я началъ опять разъѣжжать по дачамъ, но по утрамъ занимаюсь должностію и чтеніемъ. Жуковскому Уваровъ предлагалъ мѣсто профессора Русской словесности въ Педагогическомъ Институтѣ, а я другое, также съ двумя тысячами, по крайней мѣрѣ, что всего составило бы болѣе 4000 и квартиру; но онъ по какимъ-то обстоятельствамъ теперь не хочетъ принять этого предложенія, а приметъ современемъ; но что изъ насъ будетъ современемъ — богъ знаетъ! Да и каѳедра Проф. ждать не можетъ. Это бы доставило ему вдругъ и чинъ Надв[орнаго] Сов[ѣтника]. Я было заранѣе радовался мыслію жить съ нимъ вмѣстѣ. Наше дѣло о процентахъ скоро будетъ слушаться на Консультаціи. Въ Правительственной и Судной части въ Россіи будутъ большія перемѣны. Novus ab integro nascitur ordo! Новыя формы, новый порядокъ: Жаль, что люди тѣ же. Простите, милые друзья. Пишите чаще; я скоро еще писать буду и увѣдомлю о посылкѣ денегъ для Сережи. Вотъ тебѣ рецептъ твоего лѣкарства, который Матушка прислала для доставленія тебѣ. Увѣдомь меня о своей болѣзни. Гуляй больше въ хорошую погоду и уравнивай сидѣнье хожденьемъ.

Васъ душевно любящій другъ и братъ Т — въ.

На оборотѣ: A Monsieur Monsieur de Tourgueneff, Translateur du collège des affaires étrangères au service de S. M. I. de toutes les Russies, étudiant *Goettingue*. H-n v. Turgeneff. nach Göttingen, въ Гетингенъ.

37.

15 Іюня 811. С.П.Бургъ.

На сихъ дняхъ получилъ я отъ Матушки твое сочиненіе, милый Николаша, и письмо отъ Шлецера, который привезъ его. Ты не можешь вообразить себѣ, какую живую радость почувствовалъ я въ сердцѣ, увидѣвъ съ перваго взора твое трудолюбіе, твои познанія и любовь къ предмету—столь важному. Началъ читать съ жадностію; но вчера и третьяго дня оставилъ для того, чтобы избрать два свободныя дни сряду и прочесть со вниманіемъ

и отъ доски до доски. Матушкѣ также доставило это сочиненіе большое удовольствіе. Я намѣренъ, прочитавъ и просмотрѣвъ его, переписать его набѣло и, сочинивъ отъ твоего имени письмо, посвятить Государю, который долженъ знать, что и Тургеневы не по пустому проживаются въ чужихъ краяхъ. Въ самый тотъ день, какъ я получилъ твою книгу, Государь опредѣлилъ мнѣ жалованье наровнѣ съ Управляющимъ по 3000 р. и по столько же столовыхъ, всего 6000 р. въ годъ, повелѣвъ производить и то и другое со дня вступленія моего въ должность по Главному Управленію, т. е. съ 12-го Сентяб. прошлаго году; слѣдовательно, я теперь же вдругъ за девять мѣсяцовъ получаю 4500 р.; остальныя два оклада по Коммисіи и по Канцеляріи при мнѣ же остались; слѣд. всего я буду получать годоваго жалованья 8250 р., а тамъ новыя штаты и общія оклады, вѣроятно, не менѣе, а болѣе. Скоро получу и казенную квартиру. Спасибо Государю и Князю Голицыну. Первымъ моимъ движеніемъ было послать вамъ по 1000 р. изъ заслуженной суммы. Посылаю тысячу Сережѣ вмѣстѣ съ 1000 отъ Матушки. Напиши, куда мнѣ прислать тебѣ. Я и теперь въ восхищеніи отъ этой мысли. Вторымъ движеніемъ было увѣдомить и обрадовать Матушку и сказать ей, что уже мнѣ не нужна ея материнская помощь и что я могу очень хорошо жить жалованьемъ, а чтобы мои двѣ тысячи обратить вамъ. Послалъ за всѣми кредиторами и хочу расплатиться. Какъ пріятно не быть должну. Заранѣе радуюсь симъ положеніемъ. Братцы! не дѣлайте и маленькихъ долговъ, когда возвратитесь въ Россію.—Многіе смотрятъ на меня не безъ зависти, но богъ съ ними; а у меня полный кошелекъ и средства дѣлать добро людямъ. Чиновникамъ, находящимся при мнѣ, также дано награжденіе денежное и большое, по моему благоусмотрѣнію, т. е. по трудамъ и способностямъ каждаго. Получили ли вы письмо мое, за недѣлю предъ симъ къ вамъ посланное, въ отвѣтъ на ваше? Въ немъ послалъ я и рецептъ Сережѣ.

Матушка проситъ увѣдомить о Каверинѣ, о которомъ спрашиваетъ отецъ. Напишите всю правду, и не лучше ли ему возвратиться во свояси, по добру—поздорову? Живу я довольно весело; таскаюсь ежедневно по дачамъ и островамъ, а иногда, ноги вздернувъ, за бутылкою холоднаго меду и за хорошей книгой лежу на своемъ измятомъ старомъ канапе и *надъ рецензіей Славянской засыпаю.* Послѣдній стихъ — изъ довольно дурной сатиры Вас[илія] Льв[овича] Пушкина, въ родѣ Грессетовыхъ матерныхъ піесъ.

ПИСЬМА

КЪ

СЕРГѢЮ ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ

ВЪ

ГЕТТИНГЕНЪ.

1810—1811 гг.

1.

2-го Августа. Утро. Вторникъ. 810. С.П.Бургъ.

Вотъ уже третью ночь провелъ я безъ тебя, милый другъ и братъ Сережа. Проводя тебя, я не въ силахъ былъ воротиться домой и ночевалъ у Щербинина и на другой уже день пришелъ въ свои комнаты. Пустота, которую ты мнѣ по себѣ оставилъ, навела на меня такую грусть, что я принялся писать къ тебѣ и къ брату Николашѣ въ Гетпнгенъ, и посылаю сегодня же это письмо въ Гет[ингенъ]. Съ нетерпѣніемъ ожидаю перваго отъ тебя извѣстія. Здоровъ ли ты? Доѣхала ли ваша коляска до Берлина? И за сколько вы ее продали? Между тѣмъ какъ я тебѣ всѣ эти вопросы дѣлаю, ты еще врядъ ли и до Дерпта доѣхалъ, и, можетъ быть, съ сильнымъ біеніемъ сердца повторяешь стихъ Уварова: J'ai quitté pour longtems les foyers de mes pères. Вспомнишь о Матушкѣ, обо мнѣ, о своихъ пріятеляхъ и— затужишь; иногда раскаиваешься, можетъ быть, и въ самой поѣздкѣ; ибо видишь пользу и удовольствіе вдали, а непріятности вслѣдъ за собою. Но все слюбится, милый Сережа, и минута свиданія съ друзьями и отечествомъ, и первый шагъ, который ты ступишь на родимую землю, вознаградятъ всѣ неудовольствія и хлопоты путешествія. Я получилъ вчера отъ Матушки письмо; она меня ожидаетъ къ себѣ. Василій Степ[ановичъ] пишетъ къ тебѣ и увѣдомляетъ, что не пашелъ въ нашихъ книгахъ той франц. книги, о которой мы къ нему писали. Я и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, соберусь къ Матушкѣ еще лѣтомъ, хотя мнѣ и не хотѣлось уѣжжать, прежде нежели узнаю здѣсь о своей участи.

Кланяйся отъ меня Мусини и, если ты имъ доволенъ былъ въ продолженіе дороги, то поблагодари его отъ меня. Теперь я чаще и долѣе бываю дома и уже начинаю привыкать безъ милаго Сережи сидѣть и работать, по его примѣру, дома. Но и дачь не оставляю. Прости, милый другъ и братъ.

Другое письмо мое дожидается тебя въ Гетингенѣ вмѣстѣ съ объятіями брата Николая.

А. Т.

3-го Августа. Прости, милый братъ. Обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ.

На оборотѣ: À Monsieur Monsieur *de Tourgueneff*. Translateur du collège des affaires étrangères au service de S. M. I. de toutes les Russies, à *Berlin*. nach Berlin. *poste restante*.

2.

7 Іюля 811. С.П.Бургъ.

Посылаю тебѣ, милый другъ и братъ, 150 червонныхъ, т. е. 1000 р. Матушкиныхъ и 1000 р. изъ моего заслуженнаго жалованья. Письмо твое, по разлукѣ съ Николашею писанное, и обрадовало и огорчило меня. Я повѣрилъ свои собственныя чувства твоими. Скоро мы всѣ вмѣстѣ будемъ. Къ Николашѣ съ симъ же Курьеромъ Каблуковымъ послалъ я въ Парижъ 100 червон. изъ моего жалованья. Я постараюсь, чтобы Матушка еще приготовила тебѣ 1000 р.; ибо я уже не буду брать отъ нея жалованья. Болѣзнь твоя грудная меня сокрушаетъ. Sie mussen eine Rheinreise machen. Es wird Ihnen wohl thun. Денегъ, если нужно, я еще доставлю. Увѣдомь. О Каверинѣ я писалъ къ Матушкѣ съ тѣмъ, чтобы она дала знать отцу его. Кланяйся ему отъ меня. Книгу Сарторіуса я получилъ. Очень спасибо. Буду часто писать къ тебѣ по почтѣ. Андрей Сергѣевичъ здѣсь въ отпуску. Къ тебѣ писать будетъ. Борисъ въ Дерптѣ. Мы разбили Турокъ славно. Кутузовъ времена древнія вспомянулъ. Пиши ко мнѣ ты, а не вы. Я давно хотѣлъ писать къ тебѣ объ этомъ. Прости. Обнимаю тебя отъ всего сердца.

Твой Т.

Я позабылъ купить еще на двѣсти рублей червонцевъ, которые графъ Сив[ерсъ] посылаетъ своей любезной. Пожалоста, вручи посылаемые при семъ 16 черв. сей женщинѣ и возьми отъ нее расписку и доставь ее мнѣ при случаѣ или по почтѣ. Остальные 150 твои. Я берегу на всякой случай тебѣ 1000 р. Можетъ быть, нужно будетъ поѣхать на Рейнъ, а деньги уже могутъ выйти. Напиши заблаговременно. Да и Матушка пришлетъ.

Твой Т.

Если что въ Германіи будетъ выходить о соборѣ, во Франціи собранномъ, или къ нему относящееся, то старайся немедленно доставлять мнѣ, хотя черезъ Посланника на имя князя Гол[ицына].

8 Іюля.

Между тѣмъ какъ Анд[рей] Сер[гѣевичъ] укладываетъ тебѣ червонцы, я еще разъ хочу сказать тебѣ прости[1]).

Приписка А. С. Кайсарова.

Здравствуй, милой Сережа! не пѣняй мнѣ, что я такъ долго не писалъ къ тебѣ, потому что мнѣ и безъ того совѣстно. Будь увѣренъ, что рѣдкой день проходитъ, чтобъ я не думалъ о тебѣ. Теперь я на феріяхъ здѣсь въ Петербургѣ и пробуду еще недѣли три, т. е. до перваго Августа, а тамъ маршъ на каѳедру учить нѣмцовъ русской грамотѣ. Другимъ молодцамъ, которые залетаютъ за море, обыкновенно совѣтуютъ, чтобъ они не теряли времени и были прилѣжны; тебѣ совсѣмъ противнаго совѣтовать надобно. Пропадай ученость, естьли нѣтъ здоровья! Твое здоровье такъ слабо, что напряженіе излишнее не можетъ не быть для тебя вреднымъ. Пользуйся этимъ временемъ не только въ отношеніи къ наукамъ, но старайся, милой Сережа, укрѣпить и тѣло. Какая радость будетъ всѣмъ, которые тебя любятъ, естьли ты возвратишься премудрымъ, но изсохшимъ и увядшимъ нѣмецкимъ профессоромъ? Пожалуста, любезный, не слишкомъ фантазируй: при твоемъ слабомъ сложеніи это вредно. Да и что за радость въ 18 уже лѣтъ быть прекисленною кислотою! Ахъ, братъ! много еще на это останется времени! Теперь пускай безпечность и душевный миръ не покидаютъ тебя ни на минуту. Естьли иногда нѣмецкія карбонады и въ душу нейдутъ, то пусть предстанетъ твоему воображенію мой почтенный ликъ; пусть представишь ты себѣ 25 лѣтняго молодца въ роскошнѣйшей столицѣ Европы, окруженнаго богатствами всего свѣта—и питающагося цѣлыхъ пять мѣсяцовъ однимъ хлѣбомъ и лукомъ. Все прошло! но пришли времена худшія: теперь бы охотно возвратился я къ своему луку и хлѣбу. Умѣть цѣнить настоящее—вотъ истинная мудрость. — Мы съ Борисомъ поживаемъ! Богъ знаетъ, будетъ ли для него какая-нибудь польза. Я согласенъ съ тобою, что онъ не имѣетъ твердаго характера, и это-то меня безпокоитъ. Онъ больше привязанъ къ наружности, нежели къ настоящему. Но это недостатокъ всѣхъ почти нашихъ соотечественниковъ. Больше гораздо не нравится мнѣ грубость въ его нравѣ. Это происходитъ оттого, что онъ думаетъ этимъ замѣнить ту твердость, которой ему недостаетъ. Ты, братъ, этого не имѣешь; но ненадобно быть и *слишкомъ* чувствительнымъ и готовымъ ко всѣмъ впечатлѣніямъ. Смотри, милой, Бога ради не влюбляйся! особливо не влюбляйся безъ надежды быть щастливымъ: иначе ты на вѣкъ пропалъ. Это я тебѣ не relata refero, но изъ собственнаго опыта. — Мои дѣла нимало не поправились, но стоятъ на той же степени, на

1) Послѣднія двѣ строки написаны послѣ приписки А. С. Кайсарова.

которой и при тебѣ были. Я часто очень получаю извѣстія; но они служатъ только къ моему безпокойствію. Ну да какъ быть! Пожалуста, Сережа, пиши ко мнѣ. Ты самъ знаешь, какъ я тебя люблю, и потому повѣришь, какъ мнѣ пріятно читать твои письма. Кланяйся Геде и Мичерлиху, также Бутервеку. Нѣтъ ли чего новенькаго по исторіи? Съ кѣмъ ты изъ Профессоровъ болѣе знакомъ? кого больше уважаешь? у кого слушаешь лекціи? куда отправишься на феріи? Покорно прошу отвѣчать на эти пункты. Между тѣмъ обнимаю тебя душевно и желаю тебѣ всѣхъ благъ. Прости.

Твой А. К.

3.

С.П.-Бургъ. 17 Іюля 811.

На прошедшей недѣлѣ писалъ я къ тебѣ, милый другъ и братъ, съ полковникомъ Каблуковымъ, который отправленъ Курьеромъ въ Парижъ. Я послалъ тебѣ 150 черв. черезъ Берлинъ и Кассель, откуда ты ихъ получить долженъ. Если еще не получилъ, то справься въ Касселѣ. Николашѣ послалъ я 100 черв.. Послѣ того они стали дешевле. Я сберегаю для васъ еще по 1000 р. Напиши мнѣ, теперь ли мнѣ прислать тебѣ ее; лучше теперь. Послѣ Матушка еще пришлетъ. Съ первымъ Курьеромъ я пошлю ее къ тебѣ. Письма твои я всѣ получилъ. Послѣднее отъ $\frac{30\text{ Іюня}}{11\text{ Іюля}}$. Данилевскій привезъ отъ тебя письмо къ А[ндрею] Серг[ѣевичу], кот. теперь здѣсь, и твой силуэтъ, а мнѣ ты не прислалъ его, что меня очень огорчило. Въ первомъ письмѣ пришли непремѣнно. Данил[евскій], кажется, рѣдко ученый и знающій мол[одой] челов[вѣкъ]. Я съ нимъ видаюсь почти ежедневно. Въ воскресенье возилъ его къ Г. Строг[анову]. Вѣроятно, онъ и служить со мною будетъ. Онъ мнѣ привезъ Никол[ашину] Диссерт[ацію] и его записки, кот. я читалъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Онъ много и хорошо и хорошее читалъ и замѣчалъ лучшее. Старайся, милый Сережа, и ты записывать такъ, чтобы я послѣ разобратъ могъ. Ты не повѣришь, какъ пріятно читать ваши письма и записки. Отъ Николаши я получилъ письмо изъ Дрездена и потомъ съ Данил[евскимъ] изъ Лейпцига. Онъ писалъ и къ тебѣ отвсюду, и письма его ко мнѣ наполнены грустью, которую онъ чувствовалъ отъ разлуки съ тобою. Ты не поберегъ себя, милый Сережа, при разстаньи, а грудь твоя и такъ слаба. Во время ферій сдѣлай путешествіе; деньги будутъ. Впередъ я буду всегда присылать заранѣе, дабы ты нимало не нуждался. Сегодня пишу я къ Двѣгубскому о Нейвидскомъ Принцѣ Максимиліянѣ и надѣюсь, что его сдѣлаютъ членомъ нашихъ обществъ; объ актахъ также напишу, и что скажутъ — тебя увѣдомлю. Андрей Серг[ѣевичъ] самъ писать къ тебѣ

сбирается. Сюда пріѣхалъ Паисій Сер[гѣевичъ] съ подробными извѣстіями объ одержанной нами надъ Турками побѣдѣ и получилъ Георг[іевскій] крестъ; а Константинъ Булгаковъ получилъ св. Анны 2-го класса, по *неоднократнымъ* засвидѣтельствованіямъ начальства. О Каверинѣ я еще сегодня писалъ къ Матушкѣ и просилъ ее увѣдомить о его положеніи отца его. Мнѣ очень жаль его, тѣмъ болѣе, что и всѣ вы не весьма богато живете. Назначенію жалованья обрадовался я для того, что могъ расплатиться съ долгами и что буду независимъ и жить своими доходами и удѣлять вамъ. Николашѣ, кажется, можно еще годъ пробыть въ чужихъ краяхъ, только лучше, кажется, болѣе времени посвятить Италіи и остаться въ Парижѣ мѣсяца на два или на три. — У насъ безпрестанно выходятъ разныя части преобразованій по управленію и судебной части. Теперь вышли проэкты Правительствующаго и Судебнаго Сенатовъ, Общее учрежденіе Министерствъ; Учрежденіе Мини[стерствъ] Полиціи и Финансовъ; скоро выдетъ и наше. Съ Новаго году все пойдетъ по новому порядку. При случаѣ постараюсь тебѣ доставить всѣ сіи книги и 4-ю. Жуковскій потерялъ мать и благодѣтельницу свою почти на одной недѣлѣ. Я звалъ его опять сюда, но, кажется, онъ рѣшился оставаться въ скромномъ Бѣлевскомъ углу своемъ, и я не смѣю нарушать его мирнаго образа жизни. Тамъ, вѣрно, онъ останется довольнымъ и собою и другими. Здѣсь не найдетъ онъ щастія, а волненіе, въ нашемъ быту безпрерывное, ему не можетъ нравиться и должно быть несносно. Воейковъ издалъ уже двѣ части лучшихъ сочиненій въ прозѣ по примѣру Жуковскаго. Выборъ хорошъ, но не совсѣмъ. Впрочемъ, выбирать почти не изъ чего. Естьлибъ случай былъ, я бы все прислалъ къ тебѣ для Гетин[генской] библіотеки. Андрей Серг[ѣевичъ] если не на этой, то на слѣдующей почтѣ будетъ писать къ тебѣ. Червонцы становятся дешевле и курсъ лучше. При первомъ случаѣ пошлю тебѣ 1000 р., а если не будетъ, то перешлю вексель. Прости, мой милый другъ и братъ. Пиши ко мнѣ также часто. Я постараюсь, если не каждую недѣлю, то по крайней мѣрѣ каждыя . . . .[1]) недѣли разъ писать къ тебѣ. Увѣдомляй о Николашѣ. Твой Т.

Каверину усердный поклонъ.

19 Іюля.

21. Не успѣлъ послать письма третьяго дня. Посылаю теперь вмѣстѣ съ письмомъ отъ Матушки. Дѣло наше на сихъ дняхъ будетъ слушано на Консультаціи. Еще разъ прости. Твой Т.

1) Одно слово вырвано.

На оборотѣ: À Monsieur Monsieur Turgueneff translateur du collège des affaires étrangères au service de S. M. I. de toutes les Russies, étudiant à Guettingue. H. v. Turgeneff nach Göttingen. въ Геттингенъ.

4.

St. Petersburg. 22 Aout.

Пришедши къ Сер[гѣю] Сем[еновичу] Уварову, узналъ я, что завтра отправляется Курьеръ Вестфальскій въ Кассель. Не хочется пропустить этого случая, милый другъ и братъ Сережа. Я получилъ два письма твои, но со мною одно только отъ 29 Авгу[ста]. Теперь, конечно, получилъ уже ты письма мои съ Каблук[овымъ], ибо онъ уже и въ Парижъ пріѣхалъ. На сихъ дняхъ получилъ я изъ Парижа 1-е письмо отъ Николаши, писанное въ самый день его туда пріѣзда. Онъ описалъ мнѣ свое путешествіе по Германіи и Франціи въ нѣсколькихъ строкахъ и весьма любопытно: Въ Парижѣ онъ остановился Rue Richelieu, hôtel de Malte. Но, вѣрно, онъ и къ тебѣ давно уже писалъ. На сихъ дняхъ посылаю я ему еще 100 черв., а къ тебѣ пошлю недѣли черезъ три черв. 50 своихъ, да 1000 отъ Матушки, которую она, вѣроятно, скоро ко мнѣ доставитъ. Я совѣтовалъ Николашѣ проѣхать черезъ Италію и Вѣну и возвратиться сюда весною, не позже. Не знаю, достаточно ли ему для сего будетъ 200 черв., которые я ему всего послалъ. Изъ тѣхъ осталось у него только 70 луидоровъ, изъ котор. онъ долженъ сдѣлать платье. Въ Вѣну можно ему еще прислать на дорогу. Пожалоста, милый другъ, не жалѣй слишкомъ денегъ и путешествуй по Рейну и куда хочешь, особливо, если здоровье этого требуетъ; послѣ новаго году у меня опять много денегъ будетъ. Я получилъ отъ И[вана] А[лексѣевича] Двѣгубскаго письмо, увѣдомляющее меня, что онъ готовъ предложить Нейвидскаго Принца въ члены обществъ Моск[овскихъ]; для одного, наход. въ Горенкахъ, Д-ръ Ренанъ въ самую сію минуту совѣтуетъ, чтобы Принцъ написалъ къ Президенту или къ Гр. Разумовскому, что онъ желаетъ быть въ сношеніи съ симъ общ[ествомъ] для преднамѣреваемаго путешествія на Сѣверѣ Россіи und dass er wünscht eine litterarische Unterstützung zu haben. Но, впрочемъ, и безъ этого дѣло обойдется; если можешь это предложить ему; если же трудно, то и ненужно. Данилевскій опредѣленъ уже къ Мин. Финансовъ, я просилъ о немъ Дружинина. Онъ писалъ въ Лейпцигъ о твоемъ путешествіи на Гарцъ. Я непремѣнно хочу имѣть его, и оно должно отискаться. Пиши и ты. A propos. Купи брошюрку Russische Gesandtschaft nach China,

недавно вышла; кажется, Авторъ — мой пріятель Клапротъ, хотя имени и не выставлено. Можешь купить два экз. . Анд[рей] Серг[ѣевичъ] отправился назадъ въ Дерптъ. Прощай, мой милый другъ. Люби меня и пиши ко мнѣ чаще и больше. Каверину кланяйся. Я еще буду писать о немъ къ отцу. Твой вѣчно Т.

На оборотѣ. A Monsieur Monsieur de Tourgueneff, translateur au Collège des affaires étrangères, étudiant a Goettingen. H. v. Turgeneff nach Göttingen.

5.

С.П.Бургъ 26 Сентября 811.

Письма твои, милый другъ и братъ Сережа, я, кажется, всѣ получилъ исправно, и на прошедшей недѣлѣ Профессоръ Якобъ писалъ къ своимъ родственникамъ въ Ену, чтобы переслали къ тебѣ за 1000 р., кажется, 48 или 46 луидоровъ. Не помню, сколько именно, но курсъ былъ довольно выгодный, и мы выигрываемъ то, что бы Банкиры себѣ взяли. Увѣдомь меня, какъ скоро и сколько ты получишь, ибо я заплатилъ уже Якобу 1000 р., которую я для тебя получилъ отъ Матушки. Вотъ тебѣ и письмо отъ нее; напрасно ты писалъ къ ней о 150 черв.. Я не сказывалъ Мат. о томъ, что послалъ къ вамъ денегъ. Теперь увѣдомилъ о твоихъ. Она будетъ посылать тебѣ въ два срока четыре тысячи руб.. Наше дѣло, по предложенію Дмитріева, и о процентахъ кончилось въ нашу пользу, и сегодня я увѣдомлялъ ее объ этомъ. Вчера пилъ за твое здоровье, въ день твоего Ангела, у Уварова. Графъ Алек[сандръ] Сер[гѣевичъ] Строгановъ на третій день освященія Казанскаго новаго собора занемогъ такъ, что никакой надежды не было къ выздоровленію, и всѣ Доктора осудили его на смерть. Его рвало кровью и экзкрементами нѣсколько дней, и духовникъ ожидалъ послѣдней минуты; вчера ему стало легче, и 77 лѣтній старикъ выздоровѣетъ послѣ болѣзни, отъ которой молодые не вылѣчиваются. Онъ пожалованъ въ Д[ѣйствительные] Т[айные] С[овѣтники] I Класса. Третьяго дня данъ ему рескриптъ, въ кот. Государь благодаритъ его за успѣхи Академіи Художествъ и за участіе ея въ сооруженіи Каз[анскаго] храма. Рескриптъ писанъ мною, по докладу Князя. Я почти дневалъ и ночевалъ у него во всю болѣзнь. По представленію Графа и Вице-Презид[ентъ] Акад[еміи] Чекалевскій получилъ Анну I-го класса и другіе чиновники награждены.—Письмо твое съ Чижовымъ я по-

лучилъ; онъ же привезъ мнѣ изъ Лейпцига и Путешествіе твое по Гарцу отъ Шварца и письмо отъ него. Я читалъ его съ удовольствіемъ. Пожалоста, пиши больше и чаще по русски, и старайся всегда, даже и въ письмахъ ко мнѣ, писать правильнѣе. Это пріучитъ къ хорошему слогу. Я очень раскаиваюсь, что въ письмахъ къ короткимъ пріятелямъ, къ Мат[ушкѣ] и къ вамъ не думалъ о сохраненіи чистоты въ слогѣ. Это очень нужно, ибо имѣетъ вліяніе и на самый ходъ мыслей.

О своемъ будущемъ назначеніи не безпокойся, милый Сережа; къ тому времени я все устрою и приготовлю. Можешь избрать мѣсто по своему выбору. Я служу для васъ и берегу свой кредитъ для васъ же. Мысль, что я долженъ пещись объ облегченіи вамъ первыхъ минутъ въ службѣ, подкрѣпляетъ меня во всѣхъ непріятностяхъ здѣшней жизни, хотя, впрочемъ, я по сю пору служу очень щастливо.

30 Сентября. Я не успѣлъ дописать къ тебѣ письма, по случаю горестныхъ хлопотъ отъ кончины почтеннаго нашего Нестора Г. Строганова, 27-го числа во 2-мъ часу дня послѣдовавшей къ общему огорченію нашему. Я не отходилъ отъ него почти во все время болѣзни. За день до кончины ему было гораздо лучше, и мы надѣялись въ выздоровленіи; но тщетно. Я лишился въ немъ, такъ какъ и многіе, милаго и добраго собесѣдника и ласковаго Боярина. Всѣ чувствуютъ великую потерю. Семейство, а особливо Графъ и Графиня безутѣшны. Онъ умиралъ, какъ праведникъ, и заснулъ тихимъ вѣчнымъ сномъ такъ, что, когда его уже не было на свѣтѣ, мы все еще думали, что онъ живъ, и не смѣли перенести его. Онъ умеръ сидя.

3-го Октября. Сегодня похоронили мы Г. Ст[роганова]. Стеченіе народа было чрезмѣрное, или лучше—единственное. Вся публика и всѣ классы оной принимали живѣйшее участіе. Государь былъ на выносѣ тѣла. Отпѣвали его въ Казанскомъ соборѣ. Нашъ возникающій Массиліонъ, Архиманд. Филаретъ говорилъ прекрасное надгробное слово. Онъ же говорилъ рѣчь и при освященіи храма. Я думаю, что всѣ похороны стоили болѣе шестидесяти тысячь р. «Не тратьте иждивенія на покровъ земли землею», сказалъ бы Иванъ Вол[одиміровичъ]. Но когда дѣти воздаютъ послѣднія почести отцу, тогда и самая роскошь почтенна.

Твой Нейвидскій Принцъ будетъ принятъ во всѣ Общества, и дипломы ему доставятся. Я уже и отблагодарилъ за это Двѣгуб[скаго], выхлопотавъ ему прежде другихъ крестъ Влад[иміра]. Слухи о войнѣ только внѣ Россіи, здѣсь ничего неизвѣстно. Желалъ бы, чтобы васъ оставили въ покоѣ, и надѣюсь. Увѣдомь немедленно о полученіи денегъ отъ Якоба и сколько? Куницынъ написалъ прекрасную рѣчь на открытіе Сарскосельскаго Лицея, гдѣ

онъ Адъюнктъ-Профессоромъ. Я получилъ съ Чижовымъ отъ Шварца письмо. Онъ желаетъ имѣть какія-то русскія книги и проситъ, чтобы позволено ему было прислать мнѣ реэстръ онымъ. Напиши къ нему, что я съ удовольствіемъ куплю ему все, что нужно. Пусть онъ доставитъ реэстръ, но какъ переслать? Нѣтъ ли у него средствъ? Я помню его одолженія и мнѣ и брату Николаю и желаю сдѣлать ему пріятное. Спроси у него, нѣтъ ли у него какого-нибудь Anliegen къ Министру Финансовъ? Пусть онъ употребитъ меня своимъ ходатаемъ. Посылаю тебѣ письмо Матушки.

Прости, любезный другъ и братъ. Пиши ко мнѣ чаще и больше. Въ день освященія Казанск[аго] С[обора] меня обокрали, бѣлье почти все и немного платья; разломали дверь и унесли все, что ни было въ двухъ первыхъ комнатахъ. До книжныхъ комнатъ не добрались. Отъ Николаши я давно не получалъ писемъ. Не знаю, въ Парижѣ ли онъ или уѣхалъ, и получилъ ли вторые 100 черв. съ Лабинскимъ посланные?

Приписка Штромма.

Въ Петербургѣ, въ квартирѣ А[лександра] И[вановича]. Весма радуюсь, что вы проводите въ вашемъ путешествіи время пріятно и съ ползою. Желаю, что вы ваши намѣренія исполнили благополучно и прибыли въ свое отечество. Я изъ Москвы выѣжжая виделся съ Матушкою вашею, оставилъ въ добромъ здоровьи, и она очень объ васъ помнитъ и желаитъ къ вамъ денегъ послать. Въ домѣ вашемъ все помнютъ и любятъ. О себѣ скажу—изъ Крыму прибылъ въ Москву и потомъ пріехалъ въ Петербургъ. Не знаю, долго ль пробуду. Пожелавъ вамъ добраго здоровья и удовольствія въ препровожденіи времени, искрено пребываю покорнымъ слугою.

Алексей Штромъ.

М. И. Брунау вамъ кланяется.

На оборотѣ: À Monsieur Monsieur de Tourgueneff, translateur du collège des affaires étrangères au service de S. M. I. de toutes les Russies à Goettingue. H. v. Turgeneff nach Göttingen. въ Геттингенъ.

6.

Декабря 7. 1811. С.П.Б.

Письмо твое, милый другъ и братъ, отъ 1-го Ноября изъ Гетингена я получилъ, и съ великимъ удовольствіемъ читалъ я быстрое описаніе твоего путешествія и замѣчалъ предметы, на кои обращалъ ты особенное вниманіе; въ самое это время и я занимался теоріею благотворительности, когда ты обозрѣвалъ домы призрѣнія и больницы въ Голландіи. Посылаю тебѣ 1000 р., кот. Матушка прислала мнѣ для доставленія Николашѣ; но я, мо-

жетъ быть, успѣю послать ему другую въ Вѣну. Не знаю, получилъ ли онъ тѣ 100 черв., которые я въ Парижъ послалъ ему. Я отъ него получилъ письмо изъ Цириха и съ тѣхъ поръ еще ниоткуда не получалъ. Ожидаю его въ Генварѣ или въ Февралѣ. Теперь курсъ становится гораздо лучше. Матушка будетъ посылать тебѣ 4000 въ годъ и въ два срока. Она хотѣла еще писать къ отцу Каверина о Петрѣ Павл[овичѣ] и просить его о присылкѣ ему денегъ. Скажи ему мой усердный поклонъ. Сѣверинъ уже не при Ив[анѣ] Ив[ановичѣ], а перешелъ въ Коллегію Иностр. дѣлъ и будетъ, вѣроятно, при новомъ Статсъ-Секретарѣ Гр. Нессельроде. Князь Григ[орій] Ив[ановичъ] Гагаринъ въ одинъ день сдѣланъ также Статсъ-Секретаремъ. Я въ началѣ Генваря непремѣнно поѣду въ Москву. Матушка давно уже зоветъ меня; но мнѣ нельзя было оставить Князя. Къ тому же онъ около мѣсяца былъ боленъ, и я весьма пріятно проводилъ съ нимъ почти цѣлый день и вечеръ.

Ты избралъ самое лучшее время для путешествія; видѣлъ и людей, нынѣ славныхъ, и города, нѣкогда славные. Я надѣюсь, что подробное описаніе твоего вояжа сохранится и для меня въ твоемъ журналѣ. Эти минуты останутся для тебя пріятнѣйшими въ жизни и даже въ воспоминаніи. Независимость, любопытные предметы, живое чувство бытія, и отъ того и живыя наслажденія. Передай намъ всѣ твои живыя ощущенія и впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ. И для тебя перечитывать пріятно будетъ. Le plaisir dure encore, quand la peine est passée.

Нейвидскій Принцъ будетъ принятъ во всѣ Московскія Общества и въ Общ. Естествоиспытателей точно уже принятъ. Гр. Разум[овскій] долженъ подписать дипломъ. Къ принятію въ одно Общество встрѣтилось затрудненіе: надобно за дипломъ и еще за что-то взнести нѣкоторую сумму денегъ. Двѣгубскій пишетъ объ этомъ ко мнѣ и спрашиваетъ на сіе моего разрѣшенія. Если хочешь, я это заплачу; а ты можешь получить равносильную сумму съ Принца; увѣдомь, и все будетъ по твоему изволенію.

13 Декабря. Посылаю тебѣ 1000 р. Курсъ поправился по 22 шил. Естьли миръ заключенъ будетъ, то можно ожидать еще лучшаго курса. Въ началѣ Генваря я непремѣнно поѣду въ Москву. Не знаю, къ которому мѣсяцу пріѣдетъ Николаша, но въ Февралѣ ожидаю. Сюда пріѣхалъ вашъ студентъ Папстъ и желаетъ опредѣлиться. Каковъ онъ? Это тотъ, что посвятилъ Гр. Разум[овскому] книжку? Прости, писать болѣе нѣкогда. Увѣдомь о полученіи векселя.

Твой другъ и братъ Т.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Письма Александра Ивановича къ родителямъ сохраняются въ архивѣ въ пяти тетрадяхъ, каждая съ бумажной обложкой. Первыя четыре тетради содержатъ письма изъ Геттингена, послѣдняя — письма изъ славянскихъ земель и одно письмо изъ Геттингена — послѣднее (№ 81). Иванъ Петровичъ Тургеневъ, получая отъ сына письма, ставилъ на нихъ №№ въ порядкѣ полученія, отмѣчалъ на каждомъ время полученія и потомъ сшивалъ ихъ по нѣскольку въ одну тетрадку, пришивая обвертку. Первая тетрадь содержитъ письма 1 — 22, и на внутренней обложкѣ рукою Ивана Петровича написано: «Александровы письмы. 1802. съ дороги въ Гетингенъ»; надписаніе, однако, не точное. Письма приходили не всегда аккуратно, поэтому хронологическое ихъ помѣщеніе въ тетрадкахъ по мѣрѣ поступленія не всегда соотвѣтствовало порядку ихъ отправленія. Письма первой тетради идутъ въ такомъ порядкѣ (въ помѣткахъ Ивана Петровича):

	1,1	№ 2
	1,2	» 1
	1,3	» 3
№	2, пол. 4 авг.	» 4
»	3 » 18 »	» 5
»	4 » 30 »	» 6
»	5 » 8 сент.	» 7
	5,2	» 9
»	6 » 9-го октября	» 8
»	7 » 19 »	» 11
»	8	» 12
»	9	» 13
	Получ. № 10	» 14
»	11 » 14 дня	» 15
»	12 » 24 ноября	» 10
»	13 » 27 »	» 16
»	14 » 12 декабр.	» 17
»	15 » 23 »	» 18
»	16 » 23 »	» 19
»	17 » 31 »	» 20
»	18	» 22

Письма 1, 2, 16, 22 и письмо Кайсарова отъ 30 іюля написаны на почтовой бумагѣ малаго формата, остальныя письма — на такой же бумагѣ большого формата.

Вторая тетрадь имѣетъ на оборотной сторонѣ обложки надпись Ивана Петровича — «Александровы отъ 1 генваря 1803 по 1 іюля». — Письма идутъ въ такомъ порядкѣ:

№ 1	№ 21
» 2	» 23
» 3	» 24
» 4	» 26
» 5	» 27
» 6	» 25
» 7	» 28
Послѣ 7 номера	» 29
» 8	» 30
» 9	» 32
» 9,2	» 31
» 10 при семъ аттестаты	» 33
» 11	» 34
» 12	» 36
» 12,2	» 35
» 13	» 37
» 14	» 38
» 15	» 39
» 16	» 41
» 17	» 43

Письма 23, 27, 31, 34, 36 писаны на бумагѣ малаго формата. Аттестаты приложены въ копіяхъ.

Третья тетрадь имѣетъ помѣтку Ивана Петровича: «Писмы изъ Гетингена отъ Александра 1803 съ іюля по генварь 1804-го». Первые три №№ занимаютъ письма Александра Ивановича къ брату Андрею Ивановичу изъ Геттингена. Очевидно, Андрей Ивановичъ прислалъ эти письма къ Ивану Петровичу, и они попали, поэтому, въ настоящую тетрадь. Письма идутъ въ такомъ порядкѣ:

№ 1	№ 40
» 2	» 44
» 3	» 42
» 4	» 46
» 5	» 45
» 6	» 47
» 7	» 48
» 8	» 49
» 9	» 50
» 10	» 51
» 11	» 52

На письмѣ Шлецера помѣтка: «Къ № 11, получ. 17 сент.».

№ 12 получ. 2 окт.	№ 53
» 13	» 54
» 14	» 55

№ 15 получилъ 26 О-бря.....	№ 56
» 16 » 3 ноябр.....	» 57
» 17 » 7 »	» 58
» 18 » 20 »	» 59
» 19 ноября дня.....	» 60
» 20 получ. 11 Д-бря	» 61
» 21 » 18 »	» 62
» 22	» 63

Между письмами 19 (60) и 20 (61) вставлены копіи: 1) съ письма митроп. Платона къ Александру Ивановичу съ русскимъ переводомъ, съ надписью Ивана Петровича «Отъ Платона» и 2) съ письма Александра Ивановича къ Платону съ русскимъ переводомъ, съ помѣткой Ив. Петр. — «Къ Платону отъ Александра». На латинской копіи письма Ал. Ив. еще помѣтка Ив. Петр.: «Подлинное получено 20 ноября 1803».

Письма 45, 47, 48, 55, 61 писаны на бумагѣ малаго формата.

Четвертая тетрадь имѣетъ на обратной сторонѣ обложки помѣтку Ивана Петровича: «1804. Писмы Алексашины съ 1 генваря по іюль. Изъ Гетингена, изъ Лейпцига, Дрездена, Праги и изъ Вѣны по пріѣздѣ въ сію столицу». Письма идутъ въ такомъ порядкѣ:

№ 1 получ. 8 генваря 1804.....	№ 64
» 2 полученъ вмѣстѣ съ первымъ. 14 дек..	» 65
» 3 получ. 21 генвар.....	» 67
» 4 полученъ 28 генв. а отправленъ прежде послѣдне полученнаго за 8 дней	№ 66
№ 5	» 68
» 6 получ. 4 февр. въ свое время отъ написанія	№ 69
№ 7 получ. 11 февр.....	» 70
» 8 » 23 »	» 71
» 9 » 26 »	» 72
» 10 » 3 Марта	» 73
» 11 » 10 »	» 74
» 12 » 16 »	» 75
» 13 » 4-го Апрѣля.....	» 76
» 14 » 12 »	» 77
» 15 » 16 »	» 78
» 16 » 26 »	» 79
» 17 » 23 »	» 80

Съ № 18 начинаются письма изъ Лейпцига и другихъ городовъ. Письма 66, 74, 77, 79, 80 — на листахъ малаго формата.

Англійское письмо къ матери (5 = 68) съ переводомъ имѣется въ двухъ экземплярахъ — въ подлинникѣ и въ копіи. На письмѣ 6 (69) на послѣдней страницѣ рукою Ивана Петровича сдѣланъ такой расчетъ:

«Съ 22 Марта считая:

Въ Вѣнѣ .....недѣли 4
Въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ ..... 2 недѣли

На самую дорогу довольно .... 4 недѣли или 1 мѣсяцъ
На Италію..... 8 недѣль или 2 мѣсяца
Въ Парижѣ.....18 недѣль или $4^1/_2$ мѣсяца

Копія съ письма Шлецера къ Новосильцеву написана на особомъ листѣ и помѣчена Иваномъ Петр. «къ № 13». — «Критическія примѣчанія...» составляютъ особую тетрадку въ 10 листовъ.

Аттестаты приложены въ подлинникахъ.

Пятая тетрадь содержитъ письма изъ славянскихъ земель и послѣднее письмо изъ Геттингена. На внутреннемъ листѣ обложки рукою Александра Ивановича помѣчено: «Послѣднія письма мои изъ чужихъ краевъ отъ 1804 21/9 Ноября до 1805 Генв. 16/4. Послѣднія два письма уже не были посланы, а привезены мною 25 Генв. 1805».

Письма къ родителямъ писаны Александромъ Ивановичемъ очень старательно, яснымъ и разборчивымъ почеркомъ, въ противоположность обычному его способу писанія.

Стр. 3. Съ Тургеневымъ за-границу выѣхали — Кайсаровъ, Двигубскій, Воиновъ, Успенскій.

Стр. 4. *Николай Лукъяновичъ Яковлевъ*, штабъ-лѣкарь въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, былъ домашнимъ врачемъ Тургеневыхъ и близкимъ другомъ Ивана Петровича. Его почитали и молодые Тургеневы. Въ 1801 г. Н. Л. добивался штабъ-лѣкарскаго званія, и Андрей Ивановичъ Тургеневъ, бывшій тогда въ Петербургѣ, принялся за него хлопотать. 1-го дек. онъ писалъ Ивану Петровичу: «Одинъ изъ служащихъ при графѣ [Васильевѣ] сказалъ мнѣ о нашемъ Николаѣ Лукъяновичѣ, что старшинство ему возвращено, но что для полученія Штабъ-лекарскаго званія нужно ему что-нибудь сочинить и представить въ коллегію». 12-го дек. въ отвѣтъ на извѣщеніе Ивана Петровича о своемъ выздоровленіи онъ пишетъ: «При мысли о вашемъ выздоровленіи тотчасъ прійдетъ мнѣ мысль о Нико[лаѣ] Лук[ъяновичѣ]. Я еще интересовалъ объ немъ очень близкаго и любимаго графомъ [Васильевымъ] человѣка, Озерова, добродушнаго рѣдко и готоваго дѣлать всякое добро. Онъ другъ съ Кайсаровымъ и знакомъ и со мной. Мы наиубѣдительнѣйше его просили. Я бы, право, болѣе обрадовался успѣху, нежели самъ Ник[олай] Лукьяновичъ». Наконецъ, чрезъ три дня (15 дек.) онъ опять пишетъ: «О Ник[олаѣ] Лук[ьяновичѣ] мы просили Озерова. Онъ тоже сказалъ, что ему нужно прислать диссертацію какую-нибудь, хоть самую неважную; только бы было къ чему придраться; когда онъ пошлетъ ее, то чтобы далъ знать и мнѣ; Озеровъ насъ навѣрное обнадежилъ». — Очевидно, и было сдѣлано, какъ совѣтовалъ Андрей Ивановичъ: Ник. Лук. съ 1804 г. былъ штабъ-лѣкаремъ (*Змѣевъ*, Русскіе врачи-писатели, вып. II (1886), стр. 176).

— *Митенька* — повидимому, одинъ изъ родственниковъ Тургеневыхъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ нѣтъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ (безъ даты, но приблизительно отъ 1799 — 800 г.) А. С. Кайсаровъ спрашивалъ Андрея Тургенева: «Что ты подѣлываешь? Дразнишь ли Сергѣя? сѣчешь ли Митиньку? бранишь ли Александру?»

— *Захаръ Яковлевичъ Карнѣевъ*, старый масонъ; въ 1784 г., будучи Орловскимъ вице-губернаторомъ, Карнѣевъ учредилъ въ Орлѣ масонскую ложу. Когда Павелъ I по восшествіи на престолъ вызвалъ И. В. Лопухина, то послѣдній по приказанію государя вызвалъ Карнѣева изъ Орла, думая опредѣлить его се-

кретаремъ или докладчикомъ при Государѣ. Но Павелъ назначилъ его Губернаторомъ въ Минскъ (*Лонгиновъ*, Новиковъ и Москов. Мартинисты, 215, 363; Записки И. В. Лопухина, (Лондонъ, 1860 г.), стр. 80 — 81).

Стр. 6. *Иванъ Алексѣевичъ Двигубскій* 14-го іюня 1801 г. «защищалъ свое латинское сочиненіе *Опытъ Московской Фауны*, въ которомъ онъ исчислилъ и описалъ животныхъ, находящихся въ окрестностяхъ Москвы», (Шевыревъ, Ист. Моск. унив., 325); *М. Успенскій* 28 іюня того же года защищалъ свою диссертацію *О коровьей оспѣ* (ibid.).

Съ Двигубскимъ Тургеневъ еще разъ вошелъ въ сношенія черезъ 30 лѣтъ послѣ совмѣстной жизни въ Геттингенѣ, въ 1832 году, когда онъ задумалъ продать Московскому университету свою библіотеку Въ это время Двигубскій былъ ректоромъ университета. Тургеневъ временно былъ въ это время въ Россіи и приводилъ въ порядокъ свои денежныя дѣла, какъ видно изъ писемъ А. Я. Булгакова — къ своему брату 1831 года (Русскій Архивъ 1902 года, № 1) и изъ писемъ къ Жуковскому; лѣто и осень этого года и весну слѣдующаго онъ провелъ въ Москвѣ, гдѣ и началъ хлопоты по продажѣ своей библіотеки. 21-го августа 1831 года Тургеневъ писалъ изъ Москвы Жуковскому:.... «На досугѣ я занимаюсь переборкой многочисленной библіотеки, которую намѣревался отдать въ пользу учебнаго заведенія; но теперь уже не могу быть щедрымъ. Желаю хотя недорогою цѣною продать ее. Она вся учебная, по многимъ частямъ, и классическая на разныхъ языкахъ; особливо примѣчательна книгами по части Исторіи, преимущественно русской и сѣверной вообще, законодательства, юриспруденціи и литературъ древнихъ и новыхъ». Двигубскій воспользовался этимъ случаемъ и обратился къ Александру Ивановичу по дѣлу, касавшемуся его, Двигубскаго, и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ Московскаго университета. Еще въ 1829 г. профессора Прокоповичъ-Антонскій, Двигубскій, Цвѣтаевъ, Мухинъ и Сандуновъ были представлены вмѣстѣ съ другими къ знаку отличія безпорочной службы, но не получили его. Причиной была слѣдующая отмѣтка въ послужномъ ихъ спискѣ подъ статьей IX: «Не былъ ли подъ судомъ и въ числѣ прощенныхъ Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ и именно какимъ. — Подъ судомъ не былъ; въ числѣ прощенныхъ самъ по себѣ не былъ, но по случаю растраты 1710 рублей казенныхъ денегъ бывшимъ бухгалтеромъ Университета и Помощникомъ кассира, титулярнымъ совѣтникомъ Попелахинымъ, пополненіе оныхъ денегъ предполагалось Правительствующимъ Сенатомъ, по неимуществу его, Попелахина, возложить на Присутствующихъ Университетскаго Правленія [въ числѣ коихъ Прокоповичъ-Антонскій былъ Ректоромъ, а Двигубскій, Цвѣтаевъ, Мухинъ и Сандуновъ — Деканами], но, на основаніи V-ой статьи Всемилостивѣйшаго Манифеста 1826 года марта 22-го дня, отъ онаго избавленъ Указомъ Правительствующаго Сената, даннымъ Московской Палатѣ Уголовнаго Суда I-ому Департаменту 1828 года 12-го дня». Въ 1832 году Двигубскій обратился черезъ князя Сергѣя Михайловича Голицына съ ходатайствомъ къ Государю. Въ то же время онъ воспользовался случаемъ обратиться за содѣйствіемъ къ Тургеневу. Въ мартѣ того года, 12-го числа, была осмотрѣна библіотека Тургенева профессорами — Цвѣтаевымъ, Каченовскимъ, Снѣгиревымъ и Двигубскимъ (Письмо Двигубскаго къ Тургеневу отъ 11-го марта 1832 года; Тургеневскій Архивъ № 1135, б, II). Въ это время Двигубскій и далъ для памяти Александру Ивановичу слѣдующую записку: 1) «Узнать отъ Василія Андреевича, какимъ образомъ можно поднесть изданныя книги Госу-

дарынѣ Императрицѣ и Цесаревичу, т. е., къ кому обратиться съ просьбою о томъ и къ кому ихъ переслать — попросить его покорнѣйше о содѣйствіи. 2) Узнать въ Экспедиціи о знакѣ отличія безпорочной службы, почему отказали въ оном нѣкоторымъ профессорамъ Московскаго Университета, а именно: Антонскому, Двигубскому, Мухину, Сандунову и Цвѣтаеву? Можно ли послѣ отказу опять взойти [съ] спискомъ въ оную Экспедицію, или надобно гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ о томъ похлопотать? Можно-ли объ этомъ просить и кого? — Однимъ словомъ, по возможности постараться узнать у кого бы то ни было, можно ли это дѣло поправить и какимъ образомъ; вѣроятно, у Князя Александра Николаевича и въ его Канцеляріи это извѣстно. При семъ прилагается копія съ записки, поданной къ Князю Сергію Михайловичу и отъ него представленной къ Министру Народнаго Просвѣщенія. 3) Провѣдать, что дѣлается съ представленіемъ Профессора Двигубскаго въ Д[ѣйствительные] Ст[атскіе] Совѣтники — у Министра Народнаго Просвѣщенія или въ Комитетѣ Министровъ. 4) Провѣдать о представленіи того же Профессора къ ордену Св. Владиміра 4-ой степени — у Александра Федоровича Голицына».

Получивъ эту записку, Александръ Ивановичъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, повидимому, началъ собирать свѣдѣнія и хлопотать. 28-го апрѣля Двигубскій посылаетъ Тургеневу письмо, въ которомъ извѣщаетъ его, что въ Совѣтѣ унив. рѣшено купить его библіотеку за 27 тысячъ рублей, и, благодаря его за хлопоты по его дѣлу, проситъ поговорить о томъ съ княземъ С. М. Голицынымъ. Письмо слѣдующее: «Милостивый Государь Александръ Ивановичъ! Письмо я ваше изъ Санктпетербурга получилъ, но до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ потому, что нѣчего было отвѣчать. Теперь же честь имѣю увѣдомить васъ, что о покупкѣ вашей библіотеки дѣло въ Университетѣ уже кончено, рѣшено ее купить, и сіе рѣшеніе представлено на утвержденіе Начальству. Рѣшеніе окончательное зависитъ отъ Министра. Когда утвердится Министромъ покупка библіотеки, то вамъ надобно дать кому-либо довѣренность, законнымъ образомъ засвидѣтельствованную, на полученіе за оную денегъ 13.500 рублей въ семъ году и 13.500 рублей въ слѣдующемъ. Князь Сергій Михайловичъ Голицынъ ѣдетъ въ Санктпетербургъ сегодня и дѣла свои по Университету сдалъ Голохвастову, отъ котораго и представленіе поступитъ къ Министру о покупкѣ библіотеки. Покорнѣйше васъ благодарю за хлопоты по справкамъ о моихъ дѣлахъ. Князь С. М. обѣщали просить лично Государя о знакѣ отличія. Если вы съ княземъ увидитесь, то я просилъ бы васъ указать только ему на примѣры бывшихъ подобныхъ отъ Государя разрѣшеній. Для меня это дѣло чрезвычайной важности. Москва, 1832, апрѣля 28 дня. Пожелавъ вамъ благополучнаго успѣха въ вашихъ предпріятіяхъ, съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностью честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Двигубскій».

Но отъ 2-го мая Двигубскій получилъ еще письмо отъ Тургенева, на которое отвѣчалъ то же, что и въ предыдущемъ письмѣ: «Милостивый Государь Александръ Ивановичъ! Сейчасъ получилъ я ваше письмо отъ 2-го мая, и сейчасъ спѣшу васъ поблагодарить за ваше ходатайство о пряжкѣ. Князю Сергію Михайловичу дана записка и онъ обѣщалъ представить Государю, но все лучше, если и вы со своей стороны скажете ему, какъ это сдѣлать и что были уже тому примѣры. Это для меня будетъ величайшее одолженіе. Касательно посвя-

щенія моихъ книгъ Высочайшимъ лицамъ я поступлю такъ, какъ вы пишете; онѣ еще не скоро будутъ изготовлены, мнѣ только нужно было знать дорогу. Голохвастова я попрошу, чтобы скорѣе было отправлено въ Питеръ о вашей библіотекѣ, о которой ему представлено только вчерашній день. Жаль, что теперь у нихъ дворянскіе выборы, и Голохвастовъ каждой день тамъ часовъ до трехъ и долѣе; однакожъ я все похлопочу, вы только изготовьте довѣренность, если бы представленіе Голохвастова и не застало васъ въ Питерѣ. Получивши утвержденіе Министра, тотчасъ и приступимъ къ принятію библіотеки; а вы еще распорядитесь о присылкѣ книгъ, въ Петербургѣ находящихся. Я думаю, что все улажено будетъ, какъ слѣдуетъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностью честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою Иванъ Двигубскій. Москва. 7-го мая 1832».

8-го мая Тургеневъ сообщалъ, что князь С. М. Голицынъ что-то отнѣкивается, и Двигубскій жалуется на это, говоря, что такова его всегда участь: «Милостивый Государь Александръ Ивановичъ! Вчерашній день имѣлъ я честь получить ваше письмо отъ 8-го мая. Усерднѣйше и покорнѣйше благодарю васъ за всѣ хлопоты по моей пряжкѣ и еще убѣдительнѣйше прошу сдѣлать по сему дѣлу, что только вамъ можно будетъ; это все почту за величайшее мнѣ одолженіе. Знакъ сей теперь мнѣ нужнѣе и чиновъ и крестовъ. Князь С. М. въ Москвѣ обѣщалъ похлопотать о пряжкѣ, и странно, что въ Питерѣ отнѣкивается. Но такова участь моя. Министръ по многимъ его представленіямъ какъ о другихъ такъ и обо мнѣ отказываетъ ему, что, вѣроятно, ему наскучило. Въ сей часъ получилъ еще отказъ Министра на представленіе князя С. М. о продолженіи изданія изображеній растеній... Что у васъ слышно о его Министерствѣ? О библіотекѣ вашей пошло уже представленіе къ Министру, какъ мнѣ объявилъ Голохвастовъ, и вы теперь сами имѣете способъ настоять у Министра о покупкѣ оной. Не забудьте о каталогѣ и книгахъ, находящихся въ Петербургѣ, и о довѣренности касательно полученія денегъ. Пожелавъ вамъ всего добраго, съ душевнымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Двигубскій. Москва. 1832. 14-го мая».

Послѣднее письмо Двигубскаго помѣчено іюнемъ (число оторвано, осталась только цифра 3, повидимому 23), но оно касается только библіотеки:

«Милостивый Государь Александръ Ивановичъ! Я писалъ уже къ вамъ въ отвѣтъ на первое ваше письмо отъ 2-го іюня, чтобы вы похлопотали о скорѣйшемъ возвращеніи въ Москву каталоговъ вашей библіотеки, и теперь на второе письмо отъ 6-го іюня то же повторяю. Какъ только получены будутъ каталоги, то тотчасъ послѣдуетъ пріемъ книгъ и выдача первой половины денегъ. Будьте увѣрены, что съ моей стороны будетъ сдѣлано все возможное къ скорѣйшей выдачѣ денегъ. Пожелавъ вамъ благополучнаго вояжа, съ чувствомъ истиннаго почтенія и душевной преданности честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Двигубскій. Москва, — 3 іюня 1832.»

Стр. 7. Стихи взяты изъ L'homme des champs ou les géorgiques françaises par Jacques *Delille*, по изданію à St. Pétersbourg, 1801, стр. 34. Несомнѣнно, что это именно изданіе (Академіи Наукъ) и было въ рукахъ Тургенева. — Орфографія стиховъ удержана подлинника.

Стр. 8. *Гуфеландъ* (Christoph-Wilhelm Hufeland) — знаменитый нѣмецкій врачъ (1762—1836). Въ данное время былъ профессоромъ въ Берлинскомъ

универс. Его сочиненіе Die Kunst. . . вышло въ 1796 г. и получило всеобщее распространеніе.

Стр. 8, 18, 20. *Успенскій Максимъ*, медикъ, 1801 г. 28 іюня, будучи адъюнктомъ, защитилъ диссертацію *О коровьей оспѣ* (Шевыревъ, Ист. Моск. унив., 325). Иванъ Петровичъ былъ недоволенъ «разстройкой». Андрей Тургеневъ за него ходатайствовалъ. 3-го марта 1803 г. изъ Петербурга онъ писалъ Ивану Петровичу: «Братецъ пишетъ, что вамъ непріятно, что Успенской просится назадъ въ Россію; но вѣдь онъ, бѣдной, очень былъ боленъ и, вѣрно, противъ воли своей возвращается. Не съ его силами такъ учиться, какъ учатся въ нѣм. универ., да и не въ его лѣтахъ даже, какъ кажется. Я думаю, гораздо полезнѣе будетъ послать на его мѣсто другова».

Стр. 13. Въ началѣ 1802 г. И. В. Лопухинъ получилъ новое назначеніе—предсѣдательствовать въ комиссіи, учрежденной «для разбора споровъ и опредѣленія повинностей въ Крыму», и въ концѣ лѣта уѣхалъ въ Крымъ, гдѣ пробылъ до марта 1803 г. (Суровцевъ, И. В. Лопухинъ, СПб. 1901, стр. 83). Государь принялъ его съ «отмѣнною милостью» и сказалъ, что «Онъ съ особливымъ удовольствіемъ всегда дѣлаетъ [ему] порученія», и пожаловалъ ему за его труды «хорошую аренду» (Записки И. В. Лопухина, Лондонъ, 1860 г., стр. 148 и 153). Въ то же время въ Петербургѣ распространились слухи, что онъ назначается Генералъ-Прокуроромъ, о чемъ сообщалъ Ивану Петровичу Андрей Ивановичъ. Такъ въ письмѣ отъ 23 іюня онъ писалъ: «Все еще продолжаютъ здѣсь говорить, что онъ [т. е. И. В.] будетъ Генералъ-прокуроромъ; меня увѣряли даже, что и самъ Министръ Юстиціи такъ думаетъ и съ нѣкоторымъ страхомъ будто бы смотритъ на него, какъ на своего преемника». — Но слухи не исполнились.

— *Григорій Прохоровичъ Крупениковъ* — главный надзиратель и экономъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ (Сушковъ, 5).

Стр. 14. *Борисъ Тургеневъ*, сынъ Петра Петровича Тургенева, брата Ивана Петровича. Петръ Петровичъ жилъ въ своемъ имѣніи Симбирской губ., а Борисъ, ровесникъ Сергѣя Ивановича Тургенева, воспитывался въ домѣ Ивана Петровича и впослѣдствіи учился въ Универс. Благородн. Пансіонѣ (Тарасовъ, Архивъ Тург. I, 420), затѣмъ учился въ Дерптѣ во время профессорства тамъ А. С. Кайсарова; впослѣдствіи служилъ въ военной службѣ и изъ Кролевца писалъ 11-го янв. 1817 г. Сергѣю Ивановичу Тургеневу, что «стараніемъ братца Александра Ивановича и по его рекомендаціи Дежурный Генералъ при Государѣ Закревскій хочетъ взять [его] къ себѣ въ адъютанты и для того въ апрѣлѣ или маіѣ долженъ ѣхать въ Петербургъ». Служба его продолжалась до 1827 г., когда онъ вышелъ въ отставку и вмѣстѣ съ женой и пятью сыновьями и съ отцомъ поселился въ Заволжской глуши, какъ сообщалъ онъ Жуковскому, которому онъ, между прочимъ, писалъ: «Бы насъ чрезвычайно обрадовали позволеніемъ писать чрезъ васъ къ брату Александру. Вотъ уже два года, какъ мы не знали, гдѣ онъ, что онъ и куда можно писать къ нему. Вмѣстѣ съ неизвѣстностью о немъ мы лишены были и малѣйшихъ свѣденій о братѣ Николаѣ. Прискорбна, грустна сія невольная разлука, но благодарю Бога, что не содѣлалась еще жесточе». Въ 1831 г. Александръ Ивановичъ, вернувшись на время въ Москву, разссорился на почвѣ денежныхъ отношеній съ старымъ пріятелемъ, С. Е. Жихаревымъ, который завѣдывалъ имущественными дѣлами Тургенева во время отсутствія послѣдняго, и обратился къ Борису Петровичу съ просьбой взять Симбирскія деревни въ свое управле-

ніе. «Пожалоста войди въ дѣла мои сердцемъ братскимъ и умомъ просвѣщеннаго хозяина; насъ очень разграбили» — писалъ А. И. ему изъ Москвы 23 дек. 1831 г.. Нѣсколько позднѣе въ руки Бориса Тургенева перешло и Тургенево.

Отецъ Бориса, Петръ Петровичъ, находился въ дружескихъ отношеніяхъ и съ Жуковскимъ, и въ припискѣ къ приведенному выше письму Бориса Петровича (послѣ 1827 г.) просилъ Жуковскаго о помѣщеніи на мѣсто своего внука Александра Татаринова, о которомъ шла переписка въ 1831—35 г. между Александромъ Ивановичемъ и Жуковскимъ (Письма Жуковскаго, 283—4, 291). Упоминаемое Жуковскимъ въ письмѣ къ Александру Ивановичу отъ 15 сент. 1809 г. (Письма Жуковск., 53) письмо Петра Петровича съ припискою «Что говорю и пишу, отъ того не отрекусь: Александръ мой влияйся волнамъ житейскимъ» — сохранилось въ бумагахъ Жуковскаго.

— Кайсаровъ говоритъ о проэктѣ университетскаго устава, для выработки котораго Иванъ Петровичъ ѣздилъ въ Петербургъ весной 1802 г. Подъ «очищеніемъ въ денежномъ смыслѣ» разумѣется вопросъ о штатахъ, который интересовалъ всѣхъ университетскихъ служащихъ. Кайсаровъ, ѣздившій тогда въ Петербургъ вмѣстѣ съ Тургеневыми, по возвращеніи въ Москву, писалъ къ Андрею Ивановичу Тургеневу: «Мы пріѣхали вчера сюда; навстрѣчу къ намъ выбѣжала большая толпа народа—учениковъ, учителей, профессоровъ, адъюнктовъ, старыхъ и малыхъ, и я пожалѣлъ, для чего тебя не было въ эту минуту. Ты бы посмотрѣлъ, какъ его встрѣтили какъ спасителя;... всякому хотѣлось, чтобъ онъ началъ что-нибудь о штатахъ» (Письмо отъ 29 апр.).

Стр. 17. *Иванъ Ивановичъ Шварцъ*, русскій консулъ въ Лейпцигѣ, родственникъ Шварца, друга Ивана Петровича, и самъ масонъ. Александръ Ивановичъ сдружился съ нимъ и, находясь въ Геттингенѣ, пользовался его услугами. Андрей Ив. Тургеневъ писалъ Ивану Петровичу 3-го февр. 1803 г. изъ Петербурга: «Братъ не нахвалится Шварцемъ и говоритъ, что одинъ только членъ масонства можетъ быть въ добрѣ такъ дѣятеленъ». Переписка Ал. Ив. съ Шварцемъ продолжалась и по возвращеніи Ал. Ив. въ Москву. Сохранилось слѣдующее письмо Шварца къ Ал. Ив-чу:

Лейпцигъ. $\frac{\text{генв. } 27}{\text{февр. } 8}$ *д. 1806 г.*

Милой мой другъ Александръ Ивановичь,

Имѣлъ я удовольствіе получить исправно ваши два письма о[тъ] 20-го Ноября и 19-го Декабря прошедшаго года. Сердечно радуюсь, что Вы не забыли человѣка, васъ любящаго, но столь далеко отъ васъ живущаго. Крайне сожалѣю о состояніи батюшки, искренно желая, чтобы оно къ лутчему перемѣнилось, чего, однако, въ его лѣтахъ ожидать не можно.

Письмо отправилъ я въ свое время къ Андрею Сергеевичу и вексель отправляю къ нему съ первою почтою, т. есть въ будущій вторникъ $\frac{\text{генв. } 30}{\text{фев. } 11}$ дня. Я отъ него никакихъ извѣстій не имѣю.

А. М. Тургеневъ и А. М. Гусятниковъ отправились въ прошломъ декабрѣ мѣсцѣ въ Москву, что Вамъ уже извѣстно должно быть. Покорно прошу вручить вложенное письмо Александру Михайловичу.

Очень васъ благодарю, любезный мой другъ, за обещаніе переслать мнѣ русскихъ книгъ. Прошу меня извѣстить черезъ почту о имени извощика, которому они врученны будутъ, дабы я его могъ отъискать, если онъ самъ не явится, что не рѣдко случается.

Писалъ я въ прошломъ годѣ къ Н. Н Новосильцову о преполезномъ дѣлѣ для нашего Государства, но отвѣта не получилъ. Обстоятельства войны и его отсутствіе, вѣроятно, тому причины, и письмо мое, можетъ быть, и до него не дошло или забыто. Дѣло касалось до переселенія типографіи и словолитной Г-на Брейткопфа въ Академію Наукъ. Еслибъ вы могли

провѣдать о семъ дѣлѣ, то вы бы меня очень одолжили; письмо мое писано Августа $\frac{5}{19}$ дня 1805-го года.

Новаго вамъ сказать нечего; я слава Богу здоровъ — зима у насъ съ излишкомъ умѣренна и для здоровья не выгодна. Война прошла — миръ заключенъ — Корсиканецъ щастливъ — французы врутъ по обыкновенію — кому же и врать коли не имъ? — но никто болѣе не вѣритъ ихъ вранію — правда уже открыта. Прощайте, любезный другъ! Будьте здоровы, щастливы и любите меня. Всѣмъ сердцемъ и душою я, покуда живъ, вашъ всегда преданный другъ И. Шварцъ.

Стр. 17. *Иванъ Андреевичъ Геймъ* — профессоръ нѣмецкой словесности въ Москов. универс. и преподаватель нѣмецкаго языка въ Универс. Благородномъ Пансіонѣ. Былъ впослѣдствіи профессоромъ Статистики. Учился въ Геттингенскомъ университетѣ.

— *Платнеръ* — «Эклектическій философъ», какъ его называлъ Карамзинъ въ Письмахъ (изд. Смирдина, стр. 119). По словамъ К-на «*Афоризмы* его весьма уважаются, и человѣку, хотящему пуститься въ лабиринтъ философскихъ системъ, могутъ онѣ служить Аріадниною нитью» (ibid.). Изъ бумагъ Андрея Тургенева видно, что «Афоризмы» Платнера читались въ молодомъ Тургеневскомъ кружкѣ; ср. стр. 263.

— О «тетушкахъ» Александра Ивановича см. прим. къ стр. 187.

Стр. 18. *Ѳедоръ Петровичъ Ключаревъ*—Московскій Почтъ-директоръ, пріятель Ивана Петровича. На его имя обыкновенно посылались Тургеневыми и ихъ друзьями письма для передачи Ивану Петровичу.

— *Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ* — профессоръ русской исторіи въ Московскомъ университетѣ и съ 1803 г. первый ректоръ университета. (Утвержденъ 20-го мая).

— *Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ*, масонъ, участникъ «Типографической Компаніи» и членъ «Дружескаго Ученаго Общества», былъ посланъ въ 1787 г. Московскими Розенкрейцерами въ Берлинъ на средства Типографической Компаніи, но въ 1789 г. «Розенкрейцеры должны были, за скудостію средствъ, отказаться отъ выдачи Кутузову содержанія. Съ этого времени стали высылать ему пособія кн. Н. Н. Трубецкой и Лопухинъ, но уже лично отъ себя» (*Лонгиновъ*, Новиковъ и Москов. Мартинисты, 293). Кутузовъ умеръ въ Берлинѣ въ 1790 г., по словамъ Карамзина (Сочин. Карамзина, изд. Смирдина, т. I, стр. 55) «бывъ жертвою нещастныхъ обстоятельствъ». О Кутузовѣ см.—*Е. Тарасовъ*, Къ исторіи масонства въ Россіи, СПб., 1910.

Стр. 22. *Le génie du Christianisme* — сочиненіе Шатобріана, ср. стр. 264.

— О Шиллеровой Jungfrau von Orlean и Шекспировой die Quälgeister см. письмо А. И. изъ Лейпцига, стр. 263.

— *Коцебу* въ 1800 г. вздумалъ пріѣхать въ Петербургъ, но на русской границѣ былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь, откуда скоро импер. Павломъ былъ возвращенъ и поставленъ во главѣ нѣмецкаго театра, а по смерти Павла переселился въ Берлинъ. Свою ссылку онъ описалъ въ книжкѣ—Das merkwürdigste Jahr meines Lebens, вышедшей въ Берлинѣ 1801 г. Вѣроятно, А. И. эту книгу и разумѣетъ подъ именемъ Kotzebu in Sibirien.—Въ это время Коцебу въ Берлинѣ издавалъ журналъ, гдѣ вступилъ въ полемику съ романтической школой, только что нарождавшейся. Позднѣе, въ 1805 г. Александръ Ивановичъ писалъ Жуковскому изъ Липецка (30 мая), куда онъ поѣхалъ съ больнымъ Иваномъ Петровичемъ, слѣдующее: «Въ Рязани я познакомился auf dem berüchtigten

Щекотихинъ, которой тутъ Полицеймейстеромъ, и еще болѣе возненавидѣлъ Коцебу, которой оклеветалъ добраго и кроткаго человѣка, назвалъ пьяницей того, кто, кромѣ квасу, ничего не пьетъ, кѣмъ цѣлой городъ доволенъ и кто сдѣлалъ ему величайшія одолженія, такія какія бы и ты, съ своимъ сердобольнымъ сердцемъ, врядъ ли бы сдѣлалъ для Коцебу, для автора Kleinestädter-овъ, да и врядъ ли кто-нибудь изъ его обожателей въ состояніи былъ положиться на его слово тогда, когда онъ же былъ способенъ обмануть своего благодѣтеля и избавленіе свое основать на его погибели. А Щекотихинъ (почтенной фельдъегерь!) это сдѣлалъ не для Автора Коцебу, но для человѣка. Я бы на его мѣстѣ увезъ его еще подальше, только для того, что онъ написалъ глупое путешествіе, и помирился бы съ нимъ развѣ только на тѣхъ условіяхъ, чтобы онъ ничего другого не писалъ, какъ Gebet um Dumheit и Die Deutschen Kleinestädter. Теперь-то я вѣрю всѣмъ тѣмъ невѣроятнымъ канальствамъ, которыя пускаютъ о немъ журналисты Шлегелевой партіи. Какъ онъ поступилъ съ своимъ благодѣтелемъ—и сколько анекдотовъ (достовѣрныхъ, ибо Щекотихинъ такъ безстыдно лгать, какъ Нѣмецкій драматургъ, не умѣетъ) разсказываетъ онъ о немъ! Я хочу все это описать и послать во всѣ Нѣмецкія Журналы; то-то будетъ праздникъ для его непріятелей!»—Послѣднее, однако, не было приведено въ исполненіе. Объ одномъ «канальствѣ» Коцебу разсказалъ Андрей Ивановичъ Тургеневъ въ письмѣ изъ Праги; см. стр. 487—8. Щекотихинъ въ качествѣ фельдъегеря везъ Коцебу отъ границы до Тобольска, и въ своей книгѣ Коцебу описалъ его въ самыхъ непривлекательныхъ чертахъ. Подъ обманомъ Коцебу здѣсь разумѣется неудавшееся бѣгство Коцебу ночью отъ Щекотихина въ одномъ мѣстечкѣ на границѣ Лифляндіи и Витебской губ.

— О *Мамѣ*, которой Александръ Ивановичъ посылалъ подарки и поклоны, онъ позднѣе въ 1817 г. въ письмѣ Жуковскому отъ 9 дек. вспоминаетъ: «Объ Асмусѣ я не только просилъ Март[ынова], но и далъ ему записку. «Не торопись, моя радость, все будетъ Богомъ справлено», говарпвала наша Мамушка, а братнина Кормилица».—Объ Асмусѣ см. Письма Жуковскаго (подъ ред. Бычкова), стр. 173—174.

— *Фрейгангъ Василій* (*Вильгельмъ*) *Ивановичъ*, сынъ извѣстнаго въ свое время лейбъ-медика Павла I. Получивъ первоначальное образованіе въ СПб. училищѣ при лютеранской церкви св. Петра, онъ докончилъ образованіе въ Геттингенскомъ университетѣ со степенью доктора философіи. По возвращеніи въ Россію, посвятилъ себя государственной службѣ по дипломатической части и состоялъ при посольствѣ въ Китаѣ, въ 1814 г. былъ назначенъ старшимъ секретаремъ посольства при Нидерландскомъ дворѣ. Побывъ нѣкоторое время на службѣ въ Саксоніи, онъ съ 1834 по 1849 (годъ его смерти) былъ генеральнымъ консуломъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства. (*О. Миллеръ*, Андрей Васильевичъ Фрейгангъ—Русская Старина 1880 г., іюль, стр. 593). Будучи студентомъ, *Фрейгангъ* публиковалъ небольшую статью—Notice sur l'université de Goettingue (*Wischnitzer*, Die Universität Göttingen, 1907, стр. 26); см. ниже примѣч. къ стр. 124.

— Андрей Ивановичъ Тургеневъ второй разъ уѣхалъ въ Вѣну въ концѣ мая 1802, ѣздилъ оттуда въ Прагу и въ началѣ августа вернулся въ Вѣну. Кн. Гагаринъ (Григорій Ивановичъ) и Константинъ Булгаковъ, впослѣдствіи пріятель Александра Ивановича, служили при Русской Вѣнской Миссіи. Еще въ половинѣ іюля Булгаковъ приписалъ въ письмѣ Андрея къ Ивану Петровичу, между прочимъ: «Мы съ Андреемъ Ивановичемъ вмѣстѣ горе мыка-

емъ и сколько можно утѣшаемся, что не въ Москвѣ». А Андрей Ивановичъ отъ 23 авг. писалъ къ Ивану Петровичу: «На сихъ дняхъ возвратился изъ Неаполя нашъ Булгаковъ. Онъ и князь Гагаринъ свидѣтельствуютъ вамъ свое усерднѣйшее почтеніе. Они меня любятъ и я ихъ очень. А что мы, старые знакомые, соученики и сослуживцы, должны были сойтиться въ Вѣнѣ, это еще больше насъ другъ къ другу привязываетъ.»—Въ Вѣнскомъ дневникѣ Андрея Тургенева имена Булгакова и Гагарина встрѣчаются часто. О Булгаковѣ см. прим. В. И. Саитова къ Остафьевскому Архиву, I, 433; о Гагаринѣ (Григоріи Ивановичѣ) тамъ же, стр. 425.

— Стр. 23. Подъ Шлецеровымъ подаркомъ разумѣется 1-я часть его «Нестора», вышедшая въ 1802 г. (посвященіе Александру I подписано маемъ 1802); ср. стр. 32.

Стр. 24. *Гусятниковъ Алексѣй Михайловичъ.* Въ «Запискахъ» Муравьева сказано: «Своекоштный Студентъ изъ купцовъ, Гусятниковъ, въ Литературѣ учился въ Геттингѣ» (Шевыревъ, Истор. Москов. унив., стр. 345).

— *Геренъ*, см. у Тарасова, Арх. Тург., I, стр. 445.

— [и 60]. А. И. слушалъ въ первомъ полугодіи у Мартенса Исторію мирныхъ трактатовъ (Geschichte der Verträge und Friedensschlusse). Лекціи эти сохранились, содержатъ 210 страницъ, въ листъ; писаны первыя 132 страницы рукою самого Александра Ивановича. Въ началѣ указаны рекомендованныя пособія, и при одномъ изъ нихъ, при книгѣ Büsch's Grundriss einer Geschichte der merkwürdigsten Welthändel unserer Zeiten, послѣ краткой характеристики, добавлено по русски Тургеневымъ: «но полезна для тѣхъ, кои учились уже исторіи, чтобы вспомнить всѣ происшествія». Исторія раздѣлена на 8 эпохъ, первая 1499 — 1598 и послѣдняя — 1783 — 1802. Послѣднія страницы (л. 87 и слѣд.) посвящены Франціи съ заглавіемъ Einleitung in den französischen Revolutions-Krieg. — Лекціи закончены перепиской 28 марта 1803 г. [1]).

Стр. 25. *Poncherat* (Понжераръ) — см. у Тарасова, стр. 445.

— Министерства были учреждены 1802 г. сентября 8, и первымъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія былъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій. Объ отношеніи Завадовскаго къ И. П. Тургеневу см. ниже, стр. 478...

Стр. 26. *Плесса* — «окрестное мѣсто съ живописными развалинами, находящееся километрахъ въ 6 — 7 отъ Геттингена» (Тарасовъ).

— *Анахарсисъ* — сочиненіе французскаго археолога Barthélemy — Voyage du jeune Anacharsis en Grèce (Парижъ, 1788). Импер. Александръ I, дѣйствительно, отпустилъ проф. Москов. универс. (по кафедрѣ физики) Петру Ивановичу Страхову 6.000 р. на переводъ, который вышелъ въ 1803 — 19 гг. въ 9 частяхъ.

Стр. 28. *Баронъ Швенфельденъ*, помощникъ директора Универс. Благородн. Пансіона (Антонскаго).

Стр. 29. Андрей Ивановичъ Тургеневъ въ письмѣ къ Ивану Петровичу изъ Вѣны отъ $^{15}/_{27}$ окт. 1802 сообщалъ слѣдующее: «Честь имѣю донести вамъ, что нѣсколько дней тому назадъ какъ мы имѣли щастіе увидѣть здѣсь Его Высочество Великаго Князя Константина Павловича. Онъ прибылъ сюда $^{10}/_{22}$ октября часу въ шестомъ вечера. Вся Миссія наша ожидала его во дворцѣ;

1) Геттингенскія лекціи Алекс. Иван., а также лекціи Ник. Иван. и Сергѣя Иван. сохраняются въ библіотекѣ Московскаго университета, куда онѣ попали, вѣроятно, вмѣстѣ съ библіотекой Александра Ивановича; см. выше.

онъ, пріѣхавши, тотчасъ пошелъ къ Императору, мимоходомъ поклонился намъ; черезъ нѣсколько времени Императоръ отдалъ ему визитъ; они вмѣстѣ пошли въ театръ. Ввечеру ужиналъ онъ у Посла, гдѣ всѣ мы были представлены ему поимянно».

Стр. 29. *Блуменбахъ* — знаменитый профессоръ естественной исторіи въ Геттингенскомъ университетѣ. Александръ Ивановичъ издавна имѣлъ наклонность къ ботаникѣ и, еще будучи въ Москвѣ, напечаталъ «Нѣкоторыя разсужденія, почерпнутыя изъ натуральной исторіи, соч. г. Блуменбаха», М. 1801 (Рѣзановъ, стр. 230).

— Сочиненія *Бюффона*, знаменитаго французскаго естествоиспытателя XVIII в., подъ заглавіемъ Histoire naturelle générale et particulière были изданы въ Парижѣ въ 1749 — 88 гг., въ 36 томахъ. На русскій языкъ переводилась въ 1789—1808 «Всеобщая и частная исторія естественная графа де Бюффона», 10 ч. СПб. Французское или русское изданіе разумѣетъ здѣсь А. И. — неизвѣстно.

Стр. 30. Въ письмѣ изъ Вѣны къ Ивану Петровичу отъ 1-го окт. 1802 г. Андрей Ивановичъ писалъ: «Я получилъ также письмо и Оду Максима Ивановича... Ода очень хороша, есть куплеты особливо, которые мнѣ отмѣнно понравились». М. И. Невзоровъ написалъ двѣ оды на коронацію Александра I — 1801 и 1802 г. Здѣсь разумѣется вторая ода, впослѣдствіи перепечатанная имъ въ «Другѣ юношества» 1811 г., сентябрь, стр. 20 — 27 и начинающаяся:

«Взнесися, какъ орелъ пернатый,
Превыше молній и громовъ
Мой духъ!...

Стр. 31. Карамзинъ описалъ свое посѣщеніе *Вейсе* въ письмѣ отъ 17 іюля. (Сочин. Карамзина, изд. Смирдина, т. II, стр. 129 — 131).

Стр. 34. Землетрясеніе въ Москвѣ было 14 октября (1802 г.) въ исходѣ 2-го часа по полудни; оно описано, между прочимъ, въ Вѣстникѣ Европы 1802 г., ч. VI, ноябрь, № 21, стр. 69 — 73.

Стр. 39. Максимъ Ивановичъ Невзоровъ въ 1800 г. сопровождалъ И. В. Лопухина во время ревизіи губерній Казанской, Вятской и Оренбургской и съ дороги писалъ письма къ Ивану Петровичу. Въ 1803 г. онъ выпустилъ ихъ въ видѣ книги — «Путешествіе въ Казань, Вятку и Оренбургъ въ 1800 году», ч. I, Москва. Она оканчивается описаніемъ Казани. (Безсоновъ, Максимъ Ивановичъ Невзоровъ — Русская Бесѣда, 1856 г., кн. III).

— *Яковъ Ивановичъ Булгаковъ*, знаменитый дипломатъ (1743—1809), отецъ Константина Булгакова, служившаго въ Вѣнѣ вмѣстѣ съ Андреемъ Ивановичемъ Тургеневымъ. Въ письмахъ послѣдняго къ Ивану Петровичу подробно передается несостоявшееся опредѣленіе его къ Вѣнской Миссіи.

— *Гр. Кочубей Викторъ Павловичъ*, извѣстный дипломатъ Екатерининскаго времени, въ царствованіе Александра I — сенаторъ и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.

Стр. 40. *Василій Степановичъ* (фамилія неизвѣстна) былъ близкимъ человѣкомъ къ дому Тургеневыхъ и жилъ у нихъ. Въ семейной перепискѣ его имя часто встрѣчается. Между прочимъ, Андрей Сергѣевичъ Кайсаровъ писалъ о немъ Андрею Ивановичу Тургеневу въ Петербургъ 18 ноября 1801-го года, сообщая о репетиціи спектакля: «Прошлую пятницу была у насъ проба, на ко-

торой былъ Ник. Сандуновъ, которой насъ училъ, на которой былъ вашъ Кн. Барат., за котораго Анто[нскій] сердился на Алекса[ндра], на которой Жуко[вскій], Алекс[андръ] и я были немного поразвязнѣе оттого, что выпили по рюмкѣ малаги. Вас[илій] Ст[епановичъ] пришелъ къ концу и зѣло, зѣло на... Батюшка очень на него разсердился. Напиши, братъ, къ нему, чтобъ онъ берегся; тебя онъ авось послушаетъ. Батюшка добръ, такъ не надобно бы такъ огорчать его. Ты, вѣрно, не скажешь ему, что это писалъ къ тебѣ я? Мнѣ, право, его жаль! погубитъ онъ себя».

— Романъ *Бутервека* (Bouterweck) Graf Donamar. Briefe geschrieben zur Zeit des siebenjährigen Krieges in Deutschland, Göttingen 1791; ср. стр. 273.

— *Михаэлисъ* (Michaelis, 1668—1738) извѣстный оріенталистъ, авторъ обширнаго труда Biblia Hebraica, гдѣ текстъ библіи сличенъ по 24 рукописямъ.

Стр. 41. *Томашевичъ* — домашній учитель новыхъ языковъ Николая и Сергѣя Тургеневыхъ. Андрей Ивановичъ писалъ къ Батюшкѣ изъ Вѣны 1 окт. 1802 г.: «Братья маленькія немного огорчаютъ васъ своими частыми ссорами, но повѣрьте, что сто совсѣмъ не важно, кромѣ только минутнаго безпокойства, которое они вамъ черезъ то наносятъ... Я надѣялся, что они будутъ успѣвать болѣе подъ надзираніемъ Томашевскаго, который, кажется, имѣетъ познанія, нужныя, по крайней мѣрѣ, для надзиранія и для успѣховъ дѣтей». Но успѣховъ, повидимому, не было, и 27 авг. 1803 г. Иванъ Петровичъ извѣщалъ Александра Ивановича, что онъ «Томашевича отпустилъ, а взялъ не хуже его нѣмца»; см. стр. 476.

Стр. 42. *Коваленскій Михаилъ Ивановичъ* былъ назначенъ Куратором Москов. универс. въ 1801 г. Вмѣстѣ съ *Голенищевымъ-Кутузовымъ* (Павломъ Ивановичемъ) былъ уволенъ отъ должности Куратора 21-го ноября 1803 г.

— Стр. 44. *Разумовскій Андрей Кирилловичъ*, (1752 — 1836) дипломатъ, въ 1801 г. былъ назначенъ Посломъ въ Вѣну. Александръ Ивановичъ, возвращаясь въ Россію въ 1804 г. и заѣхавъ въ Вѣну, нѣсколько разъ ему представлялся и въ одномъ письмѣ сообщалъ Ивану Петровичу слѣдующее: «На прошедшей недѣлѣ говорилъ со мной Посолъ очень, очень ласково... Послѣ обѣдни подошелъ онъ ко мнѣ и сталъ выспрашивать меня, чему я больше посвящалъ свое время въ Геттингенѣ, у кого я учился—и я отвѣчалъ, что у того самаго, который имѣлъ нѣкогда щастіе быть и вашимъ учителемъ, т.-е. у Шлецера, который въ Петербургѣ былъ у г. Разумовскихъ домовымъ учителемъ. Онъ порадовался, что старикъ живъ еще и здоровъ, спросилъ, есть ли у него состояніе, чѣмъ онъ теперь болѣе занимается, продолжаетъ ли выдавать журналъ свой, и желалъ знать, откуда узналъ я, что онъ жилъ у нихъ. Я отвѣчалъ, что все это напечатано въ жизни Шлецеровой, имъ самимъ написанной. Посолъ хотѣлъ просить ее, но у меня здѣсь со мной ее нѣтъ, для того что я боялся взять ее сюда съ собою» (Письмо отъ 18 іюня 1804 г.). Шлецеръ былъ учителемъ дѣтей гр. Разумовскаго, президента Академіи, въ 1762—5 гг. См. описаніе этого обученія въ его автобіографіи — Сборникъ Отд. рус. яз. и слов., т. XIII, стр. 109—112.

— Стр. 46. *Александръ Яковлевичъ Булгаковъ*, братъ Константина Яковлевича, будущій Московскій Почтъ-директоръ, въ настоящее время состоялъ при Неаполитанской Миссіи. См. о немъ статью В. И. Саитова въ Остафьевскомъ Архивѣ, т. I, стр. 394—6.

— *Николай Николаевичъ*—см. прим. къ стр. 130.

Стр. 46. *Шлецеръ Христіанъ*, сынъ Августа Шлецера, былъ вызванъ въ Московскій университетъ изъ Геттингена въ 1800 г.

Стр. 47. «Въ 1802 году, февраля 12, Государь пожаловалъ Университету Натуральный Кабинетъ, купленный послѣ бывшаго Воеводы Брацлавскаго, Князя Яблоновскаго, у его наслѣдниковъ, за 50,000 Голландскихъ червонцевъ» (Шевыревъ, Истор. Москов. универс. 315). Александръ Ивановичъ еще изъ Петербурга 17 февр. 1802 г. писалъ Жуковскому: «Естьли увидишь Двѣгубскаго, то скажи ему отъ меня, что Государь подарилъ Университету Натуральной Кабинетъ и заплатилъ за него 50 тысячъ *червонныхъ!* и онъ по запискамъ стоитъ, какъ говорятъ, 125 тыс. червонныхъ, и что туда уже поѣхалъ Проф. нат. ист. Сѣвергинъ съ своимъ адъюнктомъ для принятія и для привезенія сего Кабинета въ Москву. Пространное поле его трудолюбію! Славно! И къ намъ въ университетъ есть зачѣмъ будетъ пріѣхать иностранцамъ. Слава кроткому и просвѣщенному Государю нашему, который убавляетъ и уменьшаетъ дворъ свой—а покупаетъ и даритъ въ 50 тыс. черв. Кабинеты!»

Стран. 47—48. *И. А. Двигубскій* поступилъ въ Москов. унив. въ 1793 г.; въ 1796 г. за рѣшеніе задачи о рожденіи животныхъ получилъ золотую медаль; въ 1797 г. сочинилъ разсужденіе о земноводныхъ животныхъ, водящихся вокругъ Москвы, и получилъ степень Адъюнкта; черезъ полтора года послѣ пробной лекціи о строеніи цвѣтовъ получилъ классъ Натуральной Исторіи, которую преподавалъ до отъѣзда въ 1802 г. заграницу, получивъ предварительно Докторскую степень, по защитѣ 1801 г. 14 іюня диссертаціи «Опытъ Московской Фауны»; будучи за границей, въ 1805 г. получилъ званіе Экстраординарнаго профессора (Письмо Двигубскаго къ Муравьеву — Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1861 г. кн. 3-я; *Шевыревъ*, Ист. Москов. универ., 325).

Стр. 49. Здѣсь, вѣроятно, разумѣется сочиненіе И. В. Лопухина «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви», вышедшее въ 1801 г. вторымъ изданіемъ.

Стр. 50. *Владиміра Измайлова* — Путешествіе въ полуденную Россію. Москва, 1802, 4 части.

— Графъ *Аркадій Ивановичъ Марковъ* былъ Посломъ въ Парижѣ въ 1801—3 гг.

— *Буринскій Захаръ Алексѣевичъ* (1780 — 1808), тогда студентъ Москов. универс., издалъ въ 1802 г. стихи подъ заглавіемъ: «Поэзія или стихи, произнесенные въ торжественномъ собраніи университета» (Москва); см. у Тарасова, 421.

Стр. 51. Рѣчь *Христіана Шлецера* была произнесена на университ. актѣ 31 августа 1802 г.. Шлецеръ говорилъ о томъ, «что справедливый и мудрый Государь самъ никогда не судитъ дѣлъ своихъ подданныхъ, но всегда препоручаетъ сужденіе ихъ учрежденнымъ на то присутственнымъ мѣстамъ». (Шевыревъ, Истор. Москов. универс., стр. 324 и 385].

— Приводимыя Тургеневымъ слова находятся въ статьѣ Карамзина — «Историческія воспоминанія, вмѣстѣ съ другими замѣчаніями, на пути къ Троицѣ и въ семъ монастырѣ,» по поводу Бориса Годунова.

Стр. 54. *К[утузов]ъ Павелъ Ивановичъ*, кураторъ Москов. универс., личный врагъ Ивана Петровича Тургенева.

Стр. 56. *Максима Ивановича Невзорова* журналъ, т.-е. Описаніе его

Путешествія въ Казань, Вятку и Оренбургъ въ 1800 г., Москва, 1803; см. выше.

— Стр. 57. *Воиновъ-Иванъ Павловичъ*, медикъ, впослѣдствіи профессоръ Московскаго университета.

Стр. 59. Александръ Ивановичъ пожертвовалъ нѣсколько книгъ въ Геттингенскую библіотеку, за что передъ отъѣздомъ получилъ слѣдующее благодарственное письмо отъ проф. Герена:

Jch habe das Vergnügen gehabt durch Herrn Hofrath Reuss unterrichtet zu werden, dass Ew. Hochwohlgebohren Ihr Andenken durch einige auf die Bibliothek verehrte Russische Bücher uns werth und geschätzt gemacht haben. Erhalten Sie in meinem und der Bibliothek Nahmen den verbindlichsten Dank dafür, und erhalten Sie uns diess Wohlwollen auch für die Zukunft. Sie wissen nun besser als jemand, welche Bücher unsre Bibliothek auch im Russischen Fache noch hat. Mit ausgezeichneter Hochachtung beharre Ewr. Hochwohlgebohrn

Göttingen
16 April 1804.

gehors. Diener
Heeren.

По сообщенію Е. И. Тарасова, въ особой книгѣ Геттингенской библіотеки, въ книгѣ пріобрѣтеній и покупокъ, подъ 1804 годомъ имѣется слѣдующая запись (въ переводѣ съ нѣмецкаго):

«Подарокъ здѣшняго студента Александра Тургенева, изъ Москвы:

1. Нѣкоторыя черты о внутренней церкви (Соч. Лопухина. СПб. 1801).

2. Вѣстникъ Европы, изд. Карамз. Ч. 1—6.

3. Путешествіе въ полуденную Россію, изд. Измайловымъ. Ч. I—II. М. 1800.

4. Эрмитажный театръ. Ч. I. М. 1802.

5. Изліяніе сердца (Лопухина 1794). М. 1800.

6. Торжество правосудія и добродѣтели, или доброй судья. Драма въ 5 д. (Лопухина. Москва 1798).

7. Путешествіе въ Казань, Вятку и Оренбургъ въ 1800 году. Максима Невзорова. Ч. I. М. 1803.

8. Рѣчь и стихи, говоренные въ собраніи благор. университ. пансіона въ Москвѣ въ 1802 г. М. 1802».

Стр. 60. О лекціяхъ Мартенса см. примѣч. къ стр. 24.

Стр. 61. *Дюрокъ* (Gérard Christophe Duroc), герцогъ Фріульскій, (1772—1813), великій маршалъ двора Наполеона I.

Стр. 63. Отрывокъ взятъ изъ Allgemeine Litteratur-Zeitung № 243, отъ 24 августа 1801 г., какъ указано въ записной книгѣ Кайсарова, гдѣ приведено и продолженіе. Статья имѣла заглавіе: Briefe eines reisenden Russen von Karamsin, 5 Bändchen.

Стр. 65—67. Иванъ Петровичъ переслалъ аттестаты Александра Ивановича въ Петербургъ къ Андрею Ивановичу, и послѣдній 5-го мая писалъ Ивану Петровичу: «Поздравляю васъ съ сими аттестатами, которые дали мнѣ почувствовать живѣйшую радость какъ въ разсужденіи васъ такъ и въ разсужденіи брата. Иванъ Владимір[овичъ] также прочелъ ихъ не равнодушно. Право, ето прекрасно, что братецъ, выбравъ ето провожденіе времени, такъ умѣетъ имъ во всей силѣ пользоваться; и что можетъ быть лучше и полезнѣе сего выбора?»

— Доказательствомъ прилежанія Александра Ивановича у проф. Boule служатъ собственноручно записанныя А-мъ Ив-мъ лекціи по логикѣ и метафизикѣ. Лекціи содержатъ 202 страницы, in folio.

Стр. 68. Андрей Ивановичъ Тургеневъ писалъ изъ Петербурга въ Геттингенъ 19 марта 1803 г.: «Мы съ Жуковскимъ пополамъ будемъ, можетъ быть, переводить L'esprit de l'histoire par Gerraud, въ 4-хъ томахъ, новая книга. Батюшкѣ сего очень хочется, да и я радъ чѣмъ-нибудь подобнымъ заняться». А Ивану Петровичу 17 марта писалъ: Esprit de l'histoire здѣсь купить нельзя, но онъ есть у Козловскаго и я взялъ у него прочесть. Его чрезвычайно хвалили въ Spectateur du Nord, но въ Вѣнѣ я тоже достать не могъ». Въ то же время и Жуковскій предлагалъ Андрею Ивановичу переводить эту книгу, и 19 марта онъ пишетъ Ивану Петровичу: «Я готовъ приняться за переводъ Esprit de l'histoire пополамъ съ Жуковскимъ; онъ мнѣ это предлагаетъ въ письмѣ своемъ».

— Проповѣдь А. С. Кайсарова напечатана на стр. 282 — 3.

Стр. 69. Лекціи Бутервека по Naturphilosophie представляютъ книгу въ 69 листовъ.

— Лекціи Гейне Über die Achäologie представляютъ большую книгу въ 143 листа.

— Лекціи Мартенса Droit de gens представляютъ тетрадь въ 53 листа.

— Лекціи Буле о Правѣ народномъ, Naturrecht, сохранились въ бумагахъ Александра Ивановича, писанныя его рукой, 97 листовъ.

— Въ бумагахъ Александра Ивановича сохранился записанный имъ курсъ Статистики Шлецера, безъ особаго заглавія, начинающійся прямо—Vor 60 Jahren war die Statistik ganz unbekannt, selbst auf Universitäten. Aus England und Frankreich kam sie her. Statistik, dieser Nahme ist barbarisch, weder lateinisch, noch deutsch, noch französisch..., что̀ читается на стр. 2 печатнаго изданія (Theorie der Statistik, 1804). Рукописныя лекціи нѣсколько отличаются отъ печатнаго изданія. Такъ въ лекціяхъ подробнѣе говорится о Россіи. Заканчиваются краткимъ обозрѣніемъ Jus publicum Russicum. Послѣ упоминанія объ учрежденіи 8 министерствъ, лекціи заканчиваются такими словами: Jetzt würde es interessant diese 8 Männer zu beschreiben. Der wichtigste ist Rumjанцовъ u Заводовскій. Ein Rath den Russen v. Schlöetzer! Въ лекціи о народностяхъ Россіи есть замѣтка по русски: «Сравнительный Словарь Екатерины, въ сочиненіи котораго помогалъ Ей Палласъ, присланъ по Ея повелѣнію и къ Шлецеру». Печатное изданіе Статистики есть извлеченіе изъ этихъ лекцій. Ал. Ив. назвалъ прослушанный имъ курсъ «Необходимое приготовленіе къ тому, какъ самому учиться Статистикѣ» (стр. 118). Другое его замѣчаніе — «Онъ [т. е. Шлецеръ] успѣлъ пройти съ нами только одну статистику Россіи» (ibid)—вполнѣ также соотвѣтствуетъ содержанію лекцій.

Стр. 70. Вся исторія съ посылкой Шлецерова Нестора Императору Александру представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1802 году въ Геттингенѣ вышли первыя двѣ части Шлецерова Нестора (Несторъ. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt, und erklärt von August Ludwig Schlözer) съ посвященіемъ Императору Александру I. Шлецеръ послалъ тогда же экземпляръ Государю съ письмомъ, подписаннымъ 1-го мая 1802 года. Прося принять благосклонно приносимую книгу, Шлецеръ говорилъ, что принятіе ея будетъ имѣть значеніе для всей ученой публики и побудитъ къ

серьезному изученію русской исторіи, до сихъ поръ обработываемой несоотвѣтственно важному ея значенію. Онъ высказывалъ надежду, что Государь возстановитъ при Академіи Наукъ Историческій Классъ и должность Исторіографа Русской Имперіи, изъ которыхъ первый былъ уничтоженъ съ 1770 года, а вторая — съ 1783 года (стр. 303). Вмѣстѣ съ этимъ онъ послалъ для поднесенія Императрицѣ картину, вышитую его женой, славившейся своимъ искусствомъ вышивать шелкомъ. Посылка была отправлена черезъ Берлинскаго Министра Криднера къ Энгелю, служащему въ Петербургѣ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Но посылка затерялась. Въ началѣ февраля 1803 г. въ Петербургъ прибылъ изъ Вѣны Андрей Ивановичъ Тургеневъ, и Александръ Ивановичъ просилъ его навести справки о посылкѣ. Оказалось, что книга была доставлена Энгелю, но затерялась у него, благодаря небрежности служителей. 19-го марта Андрей Ивановичъ писалъ Батюшкѣ: «Братецъ писалъ, что Шлецеръ послалъ къ Государю своего Нестора, но не получаетъ отвѣта. Я справился и узналъ, что онъ затерялся; его отыскивали и не нашли, а Государь очень имъ интересуется. Энгель сказалъ мнѣ черезъ Данилова, которой мнѣ знакомъ и съ которымъ я о семъ говорилъ, чтобы я написалъ къ брату скорѣе о присылкѣ другаго экземпляра». Андрей написалъ о положеніи дѣла брату, который 10-го апрѣля сообщилъ Шлецеру о пропажѣ (стр. 210), и Шлецеръ былъ очень огорченъ, особенно пропажей картины. Александръ Ивановичъ написалъ брату, чтобы тотъ приложилъ старанія къ отысканію посылки (стр. 70). Но 17-го апрѣля онъ получилъ отъ Андрея Ивановича второе письмо съ увѣдомленіемъ, что вышитая картина нашлась, но Несторъ затерялся (стр. 212). Шлецеръ рѣшилъ послать второй экземпляръ, но письмо пожелалъ приложить на русскомъ языкѣ и прислалъ Александру Ивановичу копію прежняго своего письма, прося его и Гусятникова перевести на русскій языкъ (стр. 303). Тургеневъ перевелъ, и Шлецеръ, повидимому, послалъ. Въ Петербургѣ поиски, между прочимъ, продолжались, но безуспѣшно. 18-го мая Андрей Ивановичъ писалъ въ Москву къ Ивану Петровичу: «Шлецеру данъ подарокъ и женѣ его за шитье тоже. Здѣсь, какъ изволите знать, затерялся его Несторъ, а я, къ сожалѣнію, не зналъ, что можно подать бы и другой экземпляръ. Энгель же не зналъ, что онъ здѣсь уже продается, и оттого такъ долго это и оставалось такъ. Теперь же для поднесенія Государю взяли экземп. у гр. Румянцова. Я послалъ къ брату копію съ рескрипта, писаннаго къ Алопеусу въ Берлинъ о сихъ подаркахъ, и обо всемъ его увѣдомилъ; между тѣмъ для отправленія подарковъ и рескрипта нужно будетъ ожидать оттуда курьера; и такъ не худо, что Шлецеръ напередъ будетъ объ этомъ знать, увидитъ братцово стараніе и проч.». 5-го іюня Александръ Ивановичъ получилъ письмо брата и тотчасъ же извѣстилъ Шлецера, который выразилъ желаніе самъ написать Андрею Ивановичу. — Въ біографіи Шлецера, написанной его сыномъ, т. II (August Ludwig von Schlözers öffentliches und Privatleben von Christian von Schlözer) издано письмо Александра I къ Шлецеру, помѣченное 2-мъ мая, которое, повидимому, и есть тотъ рескриптъ, о которомъ упоминаетъ Андрей Тургеневъ и въ которомъ говорится о посылкѣ бриллiантоваго перстня. Извѣстивъ Шлецера о дѣлаемыхъ ему подаркахъ, Александръ Ивановичъ написалъ брату благодарственное письмо отъ себя и передалъ ему благодарность отъ Шлецера (стр. 87). Въ то же время о письмѣ Андрея и объ удовольствіи Шлецера Александръ Ивановичъ сообщилъ и батюшкѣ въ письмѣ отъ 9-го іюня. Іюля 4-го Але-

ксандръ Ивановичъ видѣлъ уже у Шлецера подарки его и жены его (стр. 238). Подарки были отправлены 2-го іюня, какъ сообщалъ о томъ Андрей Ивановичъ Ивану Петровичу въ этотъ день: Шлецеру, пишетъ онъ, данъ «перстень, солитеръ, кажется, въ 1.500 рублей», женѣ—«медальонъ слишкомъ въ полторы тысячи». Вмѣстѣ съ подарками пришелъ и рескриптъ, о которомъ сообщаетъ Александръ Ивановичъ въ письмѣ къ Ивану Петровичу отъ 7-го іюля, говоря, что Шлецеру всего пріятнѣе то, что «въ немъ Государь даетъ знать, что Ему извѣстны и первые труды Шлецеровы для Россіи и что это только слабый знакъ благоволенія за его новые труды для русской исторіи». Дѣйствительно, рескриптъ этотъ таковъ: «Monsieur le Conseiller et Professeur Schlötzer. L'intéressante édition des annales de Nestor vient de vous acquérir de nouveaux droits à la reconnoissance du public Russe. La satisfaction que cette conviction vous doit faire, peut seule servir de récompense digne de vos travaux, et ce n'est que pour vous donner un foible marque de mon éstime que je vous prie d'accepter la bague ci — jointe et de me croire pour toujours». Шлецеръ написалъ новое письмо къ Александру I съ нѣкоторыми противъ прежняго добавленіями (стр. 241), а Тургеневу прислалъ благодарственное письмо за хлопоты Андрея Ивановича. Въ сентябрѣ того же 1803 года Шлецеру былъ пожалованъ орденъ Владиміра 4-ой степени, о чемъ рескриптъ (въ переводѣ на нѣмецкій языкъ) напечатанъ въ упомянутой книгѣ Христіана Шлецера. Но Шлецеръ получилъ орденъ и рескриптъ только въ январѣ слѣдующаго 1804 года, и въ половинѣ января студенты ходили его поздравлять (стр. 142 — 3). Въ то же время, на основаніи полученія ордена Владиміра, повелѣно было Шлецера причислить къ дворянскому достоинству, и дарованъ былъ ему гербъ; то и другое стало извѣстно въ Геттингенѣ въ мартѣ 1804 года, а рескриптъ съ письмомъ графа Румянцева былъ присланъ нѣсколько позже. То и другое напечатано (рескриптъ— въ переводѣ на нѣмецкій языкъ) въ той же книгѣ Христіана Шлецера.

Стр. 73. Шлецеръ въ 1782—93 издавалъ Staatsanzeigen, гдѣ «вооружаясь противъ злоупотребленій дарованными правами, противъ произвола, крѣпостничества, онъ наводилъ страхъ на нѣмецкихъ деспотовъ». О значеніи ихъ см. A. L. von Schlözers öffentliches und Privatleben... von Christian v. Schlözer, Leipzig 1828, т. I, стр. 326 и слѣд.

— Русская Правда впервые была издана Шлецеромъ въ 1767 г. подъ заглавіемъ «Правда Русская, данная въ XI в. отъ великихъ князей Ярослава Владиміровича и сына его Изяслава Ярославича».

— Ссора Арнемана и Каппеля въ Гсттингенскомъ университетѣ изъ-за «*возбудительной* теоріи Шотландскаго доктора» описана была въ Вѣстникѣ Европы 1802 г., ч. III, іюнь, № 12, стр. 331—3 (Смѣсь).

— Стр. 74. Медицинскіе товарищи Тургенева — Калкау, Воиновъ и д. б. Двигубскій, хотя послѣдній былъ естественникомъ; къ нимъ должно присоединить и Мудрова; новый Кураторъ — Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, Попечитель реформированнаго Московскаго университета. Отношенія Мудрова къ Муравьеву достаточно характеризуютъ письма его къ послѣднему изъ-за границы 1805 — 6 гг., изданныя Тихонравовымъ въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. Рос., 1861 г., кн. 3-я.

— Стр. 75—77. Письмо напечатано въ Вѣстникѣ Европы 1803 г., ч. IX, стр. 302—306, подъ заглавіемъ «Письмо изъ Геттингена, отъ 23 Мая 1803 г.» за подписью—*Ал. Тургеневъ*. По письму прошла рука редактора: кое-какія выра-

женія были измѣнены, кое-что выпущено, а нѣмецкія надписи снабжены переводами.

— Стр. 79. Не разумѣетъ ли Ал. Ив. статью, напечатанную въ Вѣстникѣ Европы 1802 г., ч. II, мартъ, № 5, стр. 45—52, подъ заглавіемъ: «О достоинствѣ Древнихъ и Новыхъ (переводъ съ нѣмецкаго)», гдѣ, дѣйствительно, идетъ рѣчь о Грекахъ и новыхъ народахъ? Въ «Хронологич. спискѣ сочиненій и переводовъ Карамзина» Пономарева (Сборникъ Отд. рус. яз. и сл. Ак. Н., т. 32) эта статья, впрочемъ, не помѣщена.

— Стр. 80. Публичный Cursus politicus Шлецера сохранился записаннымъ Алек. Иван. въ книгу на 80 листахъ; первая страница и посвящена опредѣленію «политики»: Politik ist eine Wiss[enschaft], die *gelernt* werden muss; der blosse bonsens reicht nicht zu. Dieser Satz ist noch nicht allgemein; weil man glaubt, dass auch in Caffé politisirt wird! und dass Politik braucht nicht gelernt werden!

— Стр. 83. Въ Февральской книжкѣ № 4 Вѣстника Европы, издаваемаго Карамзинымъ, стр. 277, напечатаны извѣстные стихи Андрея Тургенева «Къ отечеству», начинающіеся:

Сыны отечества клянутся
И небо слышитъ клятву ихъ!...

Въ Мартовскихъ книжкахъ №№ 5 и 6 напечатана повѣсть Владиміра Измайлова «Молодой Философъ» съ такимъ замѣчаніемъ редактора: «Издатель съ удовольствіемъ печатаетъ эту повѣсть молодаго, любезнаго Автора, извѣстнаго Публикѣ по его пріятнымъ стихотвореніямъ и письмамъ о Крымѣ и Кавказской Линіи».

— Повѣсть Карамзина «Марѳа посадница или покореніе Новгорода» была напечатана въ №№ 1 и 2 (январь) и 3 (февраль) за 1803 г. Вѣстника Европы.

— Стр. 84. Тургеневъ вспоминаетъ переводъ поэмы Галлера (Albrecht Haller) Ursprung des Übels, сдѣланный Карамзинымъ въ 1786 г. подъ заглавіемъ «О происхожденіи зла, поэма великаго Галлера». Галлеръ былъ профессоромъ въ Геттингенѣ въ половинѣ XVIII стол.

— Стр. 86. Проф. Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ былъ назначенъ Ректоромъ Московскаго университета 20 мая 1803 г.

— Стр. 88. Андрей Ивановичъ Тургеневъ 17 февр. 1803 г. изъ Петербурга писалъ къ Ивану Петровичу: «Съ несказанною радостію читалъ я письма братьевъ и не могъ вѣрить, что все ето написалъ Сергѣй. Читая журналъ его, я только могъ чувствовать радость, и на этотъ часъ забылъ все непріятное. Буду къ нимъ отвѣчать пространнѣе и письма ихъ отправлю къ брату. Для него ето будетъ праздникомъ». А въ слѣдующемъ письмѣ (24 февр.) онъ пишетъ матушкѣ: «Смотрите, какъ Сергѣй пописываетъ; когда я читаю его политическія и моральныя разсужденія, то забываю на эти минуты всѣ непріятности». А Александру Ивановичу онъ писалъ уже 27 февр.: «Пришлю тебѣ скоро журналъ Сергѣевъ. Онъ ѣздилъ съ Батюшкой и Матушкой въ Ростовъ и все записывалъ, подъ всѣмъ дѣлалъ свои замѣчанія».—Журналъ этотъ не сохранился.

— Стр. 90. *Денисъ* (Іоаннъ — Михаилъ — Космусъ Denis, 1729 — 1800), нѣмецкій библіографъ и поэтъ, переводилъ гекзаметромъ Оссіана и въ 1784—5 г. издалъ вмѣстѣ съ переводомъ Ossians und Sined's Lieder.

— Стр. 91. *Озерецковскій Николай Яковлевичъ*, академикъ, ученый путешественникъ (1750—1827). Тургеневъ, вѣроятно, говоритъ объ его Путешествіяхъ, которыя онъ совершалъ неоднократно и описывалъ ихъ, въ родѣ напр. «Извѣстіе о достопамятныхъ народахъ, въ прежнія времена жившихъ на сѣв. сторонѣ Дуная и морей Азовскаго, Чернаго и Каспійскаго» и т. п.

— *Политковскій Ѳедоръ Герасимовичъ* (1753—1809)—профессоръ медицины въ Москов. университетѣ.

— Стр. 92. По поводу Парижской комедіи писалъ Ивану Петровичу изъ Петербурга и Андрей Ивановичъ (17 февр. 1803 г.): «Сюда пріѣхала и новая актриса для трагедій Mad. Xavier, которую очень хвалятъ. Въ Парижѣ сочинена піеса: Le départ pour la Russie, на случай множества отправляющихся къ намъ артистовъ. Французскіе журналисты очень забавляются на щетъ нашей публики».

Стр. 99. Подъ «Листочками» разумѣются Göttingische Gelehrte Nachrichten.

— *Баронъ Егоръ Ѳедоровичъ Аш*, (1727—1807), докторъ медицины, обучался въ Геттингенскомъ универс. и въ 1750 г. былъ принятъ на русскую службу.

— Стр. 101. Карамзинъ осенью 1803 г. былъ сдѣланъ членомъ Московскаго университета, по предложенію ректора Чеботарева (*Погодинъ*, Н. М. Карамзинъ, II, стр. 19).

Въ Вѣстникѣ Европы 1803, ч. IX напечатано письмо Александра Ивановича № 38 (стр. 75—77); см. выше.

— О домѣ Тургенева см. стр. 328.

— Послѣ смерти Андрея Ивановича И. В. Лопухинъ, бывшій тогда въ Петербургѣ и отправившій къ Ивану Петровичу извѣстіе о его смерти (съ П. С. Кайсаровымъ), писалъ къ своему брату Петру Влад-чу: «Графъ Кочубей, у котораго я просилъ отпуску Кайсарову, очень пожалѣлъ, хваля его, и сказывалъ мнѣ, какое Новосильцовъ хорошее мѣсто ему давалъ» (іюль, 1803 г.). Изъ писемъ Андрея Ивановича къ Ивану Петровичу не видно, однако, какое именно мѣсто ему предназначалось.

— Стр. 103. Объ обстоятельствахъ смерти Андрея Ивановича Тургенева см. въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1910 г., № 3-й — Истринъ, «Изъ Архива братьевъ Тургеневыхъ».

— Стр. 106. Андрей Ивановичъ умеръ на рукахъ Ивана Владиміровича Лопухина; см. стр. 288. Лопухинъ послалъ съ Петромъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ слѣдующее извѣщеніе Ивану Петровичу о смерти Андрея.

9 іюля.

Въ сердечной горести, которую можешь себѣ представить, дражайшій другъ, и въ слезахъ бросаясь къ тебѣ на шею—совѣтую и прошу: покорись безропотно Судьбамъ Вышняго. Возьми крестъ этотъ, тяжкій, конечно, но возьми его и иди за Спасителемъ. Послѣдуй Его преданности волѣ Отчей. Его милосердіе подкрѣпитъ тебя и утѣшитъ. Тоже — и любезнѣйшей Катеринѣ Семеновнѣ. Больше говорить нечего. Молиться, только—молиться. — Вручителя сего, любезнаго и предостойнаго Петра Сергѣевича, сколько присутствіе можетъ огорчать васъ, но больше еще, кажется, услаждать можетъ въ семъ случаѣ. Никакія братья не могли бы имѣть больше попеченія, какъ они съ братцомъ своимъ — и вы имъ

обязаны всегдашнею признательностью. Все возможное было дѣлано. Но, другъ мой — еще скажу: надо покориться волѣ Вышняго и въ преданности взять на себя сей крестъ, Богъ же дастъ силы нести. Ему себя и все предадимъ».

— Стр. 113. Письмо Ивана Петровича слѣдующее (единственное, сохранившееся изъ всѣхъ):

27 авг. № 15.

Здравствуй, мой единственный здѣсь утѣшитель Алексаша! Предъидущіе два писма мои были безъ №омеровъ, а теперь посылаю 15 и прилагаю писмо отъ Мерзлякова. Отъ тебя, сердечный мой другъ, ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣстія, каковъ ты и другъ твой Андрей Сергѣичъ. Бога ради берегите себя, и насъ тутже. Пишите чаще. Оставайтесь учиться, всево удобнѣе васъ ето занять можетъ. Пожалуй, голубчикъ мой Алексаша, не сразу насъ, молись и сноси терпѣливо твою потерю. У насъ есть предъ глазами вѣчность, для коей мы созданы, есть Богъ утѣшитель и праведный Судія! Предадимся ево милосердію, коему тебя поручаю. — Берегись воспалять и разтрогивать воображеніе. Ето врагъ нашъ и рѣдко очень благодѣтель.

Ив[анъ] Влад[іміровичъ] все еще въ Петербургѣ. Я въ университетѣ и ничево не дѣлаю, только вижу глупости. П[етръ] Влад[іміровичъ] каждый день со мною видится. Тебя любитъ. Мать здорова, братья тебѣ кланяются. Я Томашевича отпустилъ, а взялъ не хуже ево нѣмца. Пенсіону не будетъ съ Новаго года. Все рушится, а будетъ ли что лучше? Не знаю. Увидимъ. Дай Богъ!

На конвертѣ: A Monsieur, Monsieur de Tourguenew, étudiant en droit à Göttingue. In der Buchstrasse beym Schuster Bieler.

— Письмо Алексѣя Ѳедоровича Мерзлякова напечатано выше, стр. 284—5.

— Небольшой отрывокъ изъ журнала напечатанъ былъ Тургеневымъ въ Вѣстникѣ Европы 1808 г. т. 4, (ноябрь), стр. 77—93 подъ заглавіемъ: «Путешествіе Русскаго на Брокенъ въ 1803 г.» съ подписью «А. Т....въ», и въ 1824 г. перепечатано въ «Собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ», ч. 6-я (изд. Общества Любителей Отечественной Словесности).

— Университетскій Благородный Пансіонъ, однако, не былъ уничтоженъ.

— Стр. 118. Въ бумагахъ Алекс. Иван. сохранилась книга лекцій по статистикѣ, безъ особаго заглавія, начинающаяся главой Nutzen der Statistik. Изложена статистика Австріи, Пруссіи, Испаніи, Португаліи, Англіи и Франціи. Очевидно, это и есть *Статистика Европы Грельмана.*

— Лекціи *Натуральной Исторіи* (Naturgeschichte) проф. Блуменбаха сохранились, переписанныя самимъ Тургеневымъ. Лекціи начинаются изреченіемъ Bonnet'a: L'histoire naturelle est un logique reduite en axiomes. Въ эту же книгу лекцій вписаны и лекціи по *Минералогіи*—только на 19 листахъ.

— *Государственное право*, читанное Шлецеромъ, сохранилось въ бумагахъ Ал. Ив.-ча; книга въ 60 листовъ съ заглавіемъ—Staatsrecht. Начало лекцій таково: *Non scholae sed vitae discimus.* 3 Wissenschaften machen dies Collegium aus: 1. Metapolitik, 2 Staatsrecht (insbesondere), 3 Constitutionslehre.

— Лекціи *Бекмана о Handlungswissenschaft*, переписанныя Ал. Ив., представляютъ книгу въ 55 листовъ.

— Стр. 119. Курсъ Мартенса переписанъ Ал. Ив. на 39 листахъ; на заглавномъ листкѣ — Cours Diplomatique — chez Mr. le conseiller et Professeur del' Université de Martens, 27 d'Octobre 1803. Goettingue.

— Стр. 123. Баварскій Наслѣдникъ — *Карлъ Максимиліанъ.* Александръ

Ивановичъ не сообщилъ батюшкѣ подробностей первой своей встрѣчи съ Принцемъ, но послѣдній былъ встрѣченъ русскими студентами гордо, какъ видно изъ слѣдующаго письма Андрея Ивановича Тургенева въ Геттингенъ: «Поздравляю васъ съ пріѣздомъ Королевскаго сынка. Я и самъ директорской сынокъ; долго ли имъ пробуду только, не знаю. Удивляюсь силѣ вашего духа, которая остановила руку вашу, тщащуюся, можетъ быть, по старой привычкѣ протянуться махинально къ шляпѣ и обнажить голову, учености полную. Но сыны природы кричали передъ нимъ *гугу*; только вы не пишите, похвальное ли оно было или ироническое». *Курпринцъ Баварскій Карлъ* былъ женихомъ В. К. Екатерины Павловны. Бракъ не состоялся, и Екатерина Павловна въ 1809 г. была выдана за принца Георга Ольденбургскаго. Съ этимъ принцемъ Карломъ Александръ Ивановичъ встрѣтился въ Венеціи въ декабрѣ 1804 г. и такъ сообщалъ о своей встрѣчѣ Ивану Петровичу: «Здѣсь нашли мы и нашего camarade d'etude, Наслѣднаго Принца Баварскаго, съ которымъ цѣлыя полгода прожили мы такъ пріятно въ Гетингенѣ. Онъ, кажется, намъ не менѣе нашего обрадовался и удивился, что черезъ такое короткое время видитъ насъ въ Италіи. По сю пору мы всякой день съ нимъ; свита при немъ та же, что и въ Гетингенѣ. Но всего болѣе понравилось мнѣ въ немъ то, что онъ не сты-дится называть себя при всѣхъ студентомъ и почитаетъ время, проведенное имъ въ Геттингенѣ, пріятнѣйшимъ въ его жизни». (Письмо отъ $^{7}/_{19}$ дек. 1804).

— Стр. 128. *Никифоръ Евтропіевичъ Черепановъ* (1763 — 1823) — профессоръ исторіи и географіи въ Москов. университетѣ.

— Стр. 128, 133, 331. Профессоръ Статистики *Грельманъ* профессорствовалъ въ Москов. универс. только одинъ мѣсяцъ: 31 августа (1804 г.) началъ свои лекціи, а 1-го окт. скончался отъ «нервической горячки». «Послѣднимъ его чувствомъ за нѣсколько дней до кончины было, что прекращеніе жизни отъемлетъ у него способъ оказать услуги свои и благодарность новому Отечеству и столь благотворному къ наукамъ Государю» (*Шевыревъ*, Исторія Импер. Москов. универс., 343). Александръ Ивановичъ узналъ объ его смерти въ Венеціи отъ встрѣтившагося съ нимъ Баварскаго принца Карла, съ которымъ обучался въ Геттингенѣ. «По сю пору не вѣрю я самъ себѣ, что добраго, почтеннаго проф. Грельмана нѣтъ уже болѣе съ нами»—писалъ онъ Ивану Петровичу изъ Венеціи $^{7}/_{19}$ дек. 1804 г.: «Кто бы могъ себѣ это представить, видя, съ какою охотою, съ какимъ патріотическимъ для Россіи усердіемъ оставлялъ онъ свое отечество и отъѣжжалъ въ Москву. Я такъ радовался, что увижусь тамъ съ нимъ и буду еще разъ имъ пользоваться. Въ моихъ надеждахъ все я обманутъ. Съ чѣмъ останется бѣдное его семейство? Естьли бъ всѣ его такъ знали, какъ я, такъ бы вѣрно его не оставили. Одно пожертвованіе его стоитъ полной пенсіи. Я никому такъ не радъ былъ, какъ ему, изъ всѣхъ отъѣзжавшихъ въ Россію. Намъ однимъ только извѣстно, сколько университетъ потерялъ въ немъ». Пенсія была дана въ 500 руб.; см. стр. 331.

— Стр. 130. *Николай Николаевичъ Каменскій* т. е. Бантышъ — Каменскій, извѣстный второй управляющій Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ служилъ, будучи въ Москвѣ, Александръ Ивановичъ. Его же, вѣроятно, имѣетъ въ виду А. С. Кайсаровъ въ письмѣ къ Ивану Петровичу—стр. 46.

— Стр. 132. О Харьковской Комиссіи о Духоборахъ и о докладѣ Сенату

и Государю о ревизіи въ Казанскую и др. губерніи разсказано Иваномъ Владиміровичемъ въ его Запискахъ.

— Стр. 133. О встрѣчѣ Новаго 1803 г. см. стр. 177.

— Стр. 134. Годы 1802—3 были тревожны для Ивана Петровича и его домашнихъ. Съ кураторами университета у него были не совсѣмъ хорошія отношенія: они писали на него доносы, и по поводу ихъ ему пришлось весной 1802 года даже ѣхать въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ это время подготовлялось преобразованіе университетовъ, и въ тотъ же пріѣздъ свой въ Петербургъ Иванъ Петровичъ принималъ участіе въ совѣщаніяхъ и подавалъ свой проектъ. Въ 1802 году, сентября 8-го было учреждено въ числѣ другихъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ вѣдѣніе котораго перешли университеты, и первымъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія былъ назначенъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, а въ январѣ 1803 года были учреждены и Правила народнаго просвѣщенія, по которымъ Россія раздѣлена на Округа; въ каждомъ Округѣ предположено было учредить по университету; учреждена должность Попечителя, непосредственное управленіе университетомъ ввѣрялось Правленію, предсѣдателемъ котораго назначался Ректоръ, избираемый изъ состава ординарныхъ профессоровъ. Должность директора, такимъ образомъ, уничтожалась. Геттингенскіе студенты сначала этому радовались. Александръ Ивановичъ былъ въ восторгѣ и желалъ только «нетерпѣливо знать судьбу» стараго Московскаго Университета [1]). Радовался этому и Кайсаровъ. Но въ то же время они и затревожились. «Вы насъ изволили привести въ сомнѣніе своимъ письмомъ» — писалъ Ивану Петровичу Кайсаровъ: — «Мы не знаемъ, что подумать о перемѣнѣ вашего мѣста. Избави Богъ отъ того, что мы думаемъ. Неужели Университетъ долженъ будетъ лишиться васъ! Мы не хотимъ и огорчать себя заранѣе этою мыслью» [2]). Основаніе этимъ опасеніямъ онъ находилъ въ письмѣ Мерзлякова въ Геттингенъ отъ 17-го сентября 1802 года, которое, надо полагать, и было уже получено ко времени письма Кайсарова (23 ноября). Мерзляковъ мрачно смотрѣлъ на предстоящее преобразованіе университета: «Какая мнѣ польза въ кураторѣ Университета, когда не буду я подъ покровительствомъ того, который одинъ только и хочетъ и можетъ защитить меня? Университетъ для меня всегда былъ чужимъ мѣстомъ; одинъ Иванъ Петровичъ могъ породнить меня съ нимъ... чтожъ безъ Ивана Петровича?» [3]) Понятно, что въ это время для Ивана Петровича вопросъ о его судьбѣ былъ вопросомъ важнымъ. Къ этому присоединялись мелкія непріятности, которыя исходили изъ личныхъ отношеній. Ректоромъ университета намѣчался уже профессоръ Чеботаревъ, относившійся непріязненно къ Ивану Петровичу, какъ видно изъ писемъ Александра Ивановича къ Кайсарову по возвращеніи его изъ за границы. Уже сынъ Чеботарева «съ печальнымъ видомъ жаловался», что покои, занимаемые Иваномъ Петровичемъ, «будутъ для тятеньки его тѣсны, и что они будутъ принуждены занять больше, нежели сколько теперь занимаетъ Директоръ» [4]). Такія слова доходили, конечно, и до Ивана Петровича и заставляли его тревожиться. Къ этому присоединились еще непріятности отъ куратора Коваленскаго, о которомъ можно судить по письму Кайсарова: «Я было

1) Стр. 32.
2) Стр. 35.
3) Извѣстія Отдѣленія русскаго языка, т. II, стр. 27.
2) Ibid., стр. 28.

испугался, увидѣвъ въ Гамбургскихъ газетахъ, что вмѣсто Михаила Матвѣевича [Хераскова] сдѣланъ Кутузовъ; но теперь еще въ большемъ ужасѣ, узнавъ, что это мѣсто занимаетъ Коваленской. Николай Николаевичъ говоритъ правду, что и то дурно, когда они спятъ, а еще хуже,—когда во снѣ брыкаютъ»[1]). Дѣйствительно, первая половина 1803 года была для Ивана Петровича очень тяжелою. Съ одной стороны, ему грозила опасность остаться просто за штатомъ, такъ какъ всего его службы въ университетѣ было около девяти лѣтъ (съ 1796 года), а съ другой — надо было еще оправдываться отъ доносовъ на него со стороны кураторовъ. Всѣ эти подробности выясняются изъ писемъ къ нему Ивана Владиміровича Лопухина и сына Андрея, бывшихъ въ то время въ Петербургѣ. Тотчасъ послѣ указа 24-го января Тургеневъ, обезпокоенный своею участью, обратился съ просьбой къ Новосильцеву защитить его въ случаѣ нападокъ на него со стороны кураторовъ передъ новымъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія и посодѣйствовать если не назначенію его въ Сенатъ, то, по крайней мѣрѣ, оставленію за нимъ жалованья въ пенсію. Письмо Тургенева, написанное 2-го февраля, слѣдующее:

«Милостивый Государь

Николай Николаевичъ.

«Я ласкаю себя пріятнѣйшею надеждою, что знакомство ваше, прошедшаго года мною пріобрѣтенное, заслужило ваше ко мнѣ вниманіе, а потому простите мнѣ, Ваше Превосходительство, что я обременяю васъ моею просьбою.

«Изъ Указа Правительствующему Сенату, 24-го января даннаго, видно назначеніе Господъ Попечителей въ разные университеты; а изъ сего заключить можно, что и предполагаемое новое устроеніе университетовъ уже очень скоро послѣдовать можетъ, по которому, какъ слышно, и въ Московскомъ университетѣ директора не будетъ, а будетъ ректоръ, избираемый изъ профессоровъ. Таковая отмѣна заставляетъ меня опасаться лишиться моего мѣста, можетъ быть, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, могущимъ перетолкованнымъ быть къ моему безчестію. Таковая же огорчительная во мнѣ мысль, простите мнѣ мою откровенность, родилась во мнѣ оттого, что я за вѣрное знаю, что Господа кураторы не только не переставали оглашать меня самымъ грубыми отзывами, но и старались очернить меня и въ мысляхъ Министра Просвѣщенія, который меня никакъ не знаетъ. Вашему Превосходительству должна быть извѣстна прошлогодняя о мнѣ исторія, изобрѣтеніе коей совсѣмъ не приноситъ чести авторамъ и приводитъ можетъ въ ужасъ слухъ прямодушнаго человѣка. Почему же и нынѣшній годъ для меня долженъ быть лучшимъ, когда я за вѣрное знаю, что и оставшіе кураторы обо мнѣ къ Министру писали все то, что заставить можетъ неудовлетворенная злоба, востающая всегда на правду, являющаяся безъ хитростнаго, а иногда и безъ необходимаго покрова?

«Всепокорнѣйше Ваше Превосходительство прошу взять на себя почтенный трудъ и, гдѣ можно и сколько можно, постараться отвратить отъ меня незаслуженное неудовольствіе быть выброшену отъ мѣста, изъ коего предмѣстникъ мой П. Ив. Фонвизинъ, не болѣе меня университету пользы принесшій, посаженъ былъ въ Сенатъ. Ежели бы сей чести я не удостоился, то по крайней мѣрѣ поступлено было бы со мною такъ, какъ съ Оберпрокуроромъ Синод-

1) Стр. 46.

скимъ Хвостовымъ, который при увольненіи его отъ должности оставленъ съ жалованьемъ, имъ получаемымъ.

«Изъ того, что я адресуюсь къ Вашему Превосходительству, вы ясное заключеніе вывести можете, что я питаю въ душѣ моей искреннѣйшее къ вамъ почтеніе и надежду на ваше доброе душевное расположеніе.

«Съ сими то чувствованіями имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Тургеневъ.

2-го февраля 1803 года, въ Москвѣ».

Вернувшись въ началѣ февраля изъ Вѣны въ Петербургъ, Андрей Ивановичъ тотчасъ же сталъ сообщать Батюшкѣ все, что ему приходилось узнавать. 17-го февраля онъ сообщаетъ ему: «Сейчасъ пріѣхалъ я отъ графа Петра Александровича Толстова и слышалъ отъ него, что онъ говорилъ о васъ, батюшка, съ Завадовскимъ въ присутствіи Трощинскаго. Онъ сказалъ, что вы не должны о себѣ безпокоиться, и что вы еще долго должны будете остаться на вашемъ мѣстѣ. Видно, все не такъ скоро кончится. Въ разсужденіи письма вашего Завад[овскій] ничего не говорилъ». А черезъ мѣсяцъ (13-го марта) онъ сообщаетъ ему такія свѣдѣнія: «На сихъ дняхъ былъ я у княгини Урусовой и никакъ не могъ замѣтить, Батюшка, чтобы она имѣла на васъ какое-нибудь неудовольствіе. Она сказывала мнѣ, что у нихъ былъ однажды Министръ Просвѣщенія и кн. Петръ Васильевичъ, который своимъ шутливымъ тономъ, но очень вступался за васъ, прося его, чтобы васъ сдѣлать Сенаторомъ. «Помилуйте, что это, сдѣлайте Т[ургене]ва Сенаторомъ». — Гр. Зав[адовскій]: «Ихъ очень много.» — «Но кудажъ ему дѣться? За что онъ потеряетъ свое мѣсто?» и проч. Но Министръ Просвѣщенія сказалъ и ему и княгинѣ, что жаловаться ни вы ни кураторы не будете. Новосильцевъ говоритъ то же навѣрное и почитаетъ это невозможнымъ, и съ своей стороны не допуститъ до сего, если бы и захотѣли вамъ сдѣлать такую непріятность, чего и ожидать нельзя. Съ этой стороны вамъ безпокоиться не о чемъ». Въ это же время Ивану Петровичу стало извѣстно, что кураторы подали на него какія-то бумаги, и онъ поручилъ Андрею Ивановичу достать съ нихъ копіи. Андрей Ивановичъ чрезъ посредство какого-то С-ва копіи съ доносовъ получилъ и 21-го апрѣля писалъ Ивану Петровичу: «Препровождаю къ вамъ всѣ почти бумаги, которыя я досталъ отъ С.; осталось еще бумаги двѣ, которыя доставить не замедлю. Видно изъ нихъ, что Ковал[енскій] просился въ Петербургъ, но, кажется, не получилъ тогда отвѣта. Я имѣлъ случай слышать, что графъ [Завадовскій] смотритъ на сіи бумаги съ презрѣніемъ. И въ самомъ дѣлѣ злоба слишкомъ явна и слишкомъ ядовита. Каждая черточка отдѣляетъ у меня особое письмо отъ другого: всѣ они писаны рукою Коваленскаго. Нѣтъ ни на одномъ обыкновенныхъ формулъ, ни одно не подписано.... и безъ чиселъ. Я даже не хотѣлъ и посылать ихъ къ вамъ, зная, что они возмутятъ вашу душу, хотя это и остается для васъ безъ всякаго дѣйствія. И теперь даже не хотѣлъ-бы посылать, но исполняю вашу волю и знаю, что самое сильное чувство къ нимъ ваше будетъ презрѣніе».

Направилъ свои хлопоты въ пользу Ивана Петровича и его другъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ. Онъ обратился къ Министру Завадовскому и вотъ что сообщалъ онъ своему другу 3-го апрѣля: «Въ третій разъ, заставъ Гр. Петра Васильевича [Завадовскаго], былъ очень благосклонно имъ принятъ. Онъ желалъ, чтобы я чаще съ нимъ видѣлся и подружески. Долго или почти все говорили о тебѣ. Я былъ искрененъ, и онъ со мною, кажется, также. Онъ, сколько

можетъ конечно, тебѣ добро сдѣлаетъ. Думаетъ о тебѣ хорошо, и неописанно лучше, нежели о всей вашей Кураторіи, въ которой онъ, право, вовсе не ослѣпленъ. Извѣты ихъ онъ въ одно ухо принимаетъ, а въ другое выпускаетъ. Это его слова. Только, пожалуйста, все про себя. Онъ мнѣ сказалъ, что вы еще долго пробудете въ настоящемъ положеніи и что, несмотря на утвержденіе штатовъ, не можетъ быть скоро исполненія, и все де должно остаться долго въ нынѣшнемъ состояніи; надобно де набрать людей, а можетъ быть и выписать и проч.. Увѣрилъ меня, что ты ни въ какомъ случаѣ не лишишься жалованья. Мѣсто доставки теперь, думаю, не отъ него зависитъ; а мимо его идти неловко.... Не скрою еще отъ тебя, что онъ, хорошо о тебѣ думая par relationes болѣе имъ уважаемыя, недоволенъ нѣсколько тобою въ разсужденіи Кабинета Польскаго. Сколько я ему ни выхвалялъ твое усердіе и исправность, но Кабинетомъ онъ меня замѣшалъ. Отъ перекоровъ де съ Кураторами вещи испортились. Дожидались, чтобы всѣ шкафы были готовы, которыхъ де всѣхъ можно было и не дождаться, и очень де долго они дѣлались; чтобъ де тутъ не было нераденія, того нельзя доказать. Но только это все не можетъ имѣть никакихъ слѣдствій; и я отвѣчаю тебѣ за этого Министра, что онъ все, что можетъ, въ пользу твою сдѣлаетъ».

Обращался Иванъ Петровичъ и къ Державину, съ которымъ онъ еще въ старые годы изрѣдка переписывался. Онъ описалъ Державину свое положеніе и просилъ, повидимому, сенаторства. Державинъ отвѣчалъ на это письмо. Переписка, однако, не сохранилась, и мы знаемъ о ней изъ письма Лопухина, который такъ описалъ свой визитъ къ Державину (то же письмо, что и выше): «Поутру сидѣлъ я также долго наединѣ съ Гавріломъ Романовичемъ, заставъ его въ первый разъ сегодня дома. Онъ чрезвычайно ко мнѣ ласкается. Даже о подвигахъ его по Сенату говорилъ откровенно мои мысли, и онъ, спасибо, не сердится...[1]). Много говорилъ я съ Державинымъ о тебѣ. Правда, онъ забылъ про то, что ты къ нему писалъ и онъ отвѣчалъ. Говоритъ: «Пусть онъ ко мнѣ напишетъ». Я ему напомнилъ, что ужъ было дѣло: писано и отвѣтъ полученъ. Онъ также говорилъ со мною откровенно. Государь имѣетъ твердое намѣреніе не прибавлять Сенаторовъ. Просились Лукинъ Алекс[андръ] Мих[айловичъ] и Неплюевъ Семенъ Александровичъ, (которымъ Министръ и доброхотствуетъ). Онъ докладывалъ; но Государь отказалъ[2])... Наконецъ, говоритъ: «Пусть Ив[анъ] Петровичъ напишетъ ко мнѣ такое письмо, которое бы я могъ показать Государю и въ которомъ только сказать, *что, надѣясь на милость, ты просишь, при уничтоженіи твоего мѣста, опредѣленія по чину и щед-*

1) Здѣсь разумѣется нашумѣвшее въ свое время столкновеніе Державина съ сенаторами по поводу одного предложенія поляка Потоцкаго просить Государя о пересмотрѣ утвержденнаго доклада военнаго министра о дворянахъ, не выслужившихъ офицерскаго чина; (см. Сочиненія Державина, ред. Грота, т. VIII, стр. 807). Объ этомъ столкновеніи писалъ въ Москву и Андрей Ивановичъ: «Противъ Державина написанъ Алексѣевымъ мастерской, какъ говорятъ, голосъ, гдѣ онъ, говоря о законѣ, сказалъ, между прочимъ, что его никакой глаголъ уничтожить не можетъ, дѣлая иллюзію на грамматическій разборъ въ мнѣніи Державина; но между тѣмъ и скаламбурилъ очень удачно. Этого голоса еще нѣтъ въ публикѣ. Собраніе, говорятъ, было очень шумное. Сказываютъ, что Державинъ, какъ генералъ-прокуроръ, ударилъ даже въ молотокъ для усмиренія. Сенаторы посмотрѣли на него и закричали еще громче». (Письмо отъ 13-го марта 1803 г.).

2) Ср. письмо Державина къ А. М. Лукину отъ 24 марта 1803 года — Сочиненія Державина (ред. Грота), т. VI, стр. 141.

раго и проч. Но мой совѣтъ—это дѣлать подумавши, поговоря всегда съ братцомъ [1]) и меня употребя въ должность Прокурорскую, т. е. коли что посылать, такъ черезъ меня, чтобъ я могъ, смотря по обстоятельствамъ, остановить производство. А то какъ упекутъ — да и въ Сенаторы сюда, такъ потужится. А онъ ужъ и говоритъ: — я говорю въ Москву — «Да для чегожъ, говоритъ, не сюда?» Итакъ подумайте».

Неудовольствія у Ивана Петровича съ Кураторами были постоянно, особенно врагомъ его былъ Кутузовъ, постоянно ему вредившій. Неудовольствіе противъ Кутузова раздѣлялось всей семьей Тургенева и близкими ея, какъ напр. Андреемъ Кайсаровымъ, который изъ за-границы не упускалъ случая высказаться противъ него. При настоящихъ обстоятельствахъ всѣ такого рода распри и несогласія могли Тургеневу принести вредъ, и Иванъ Владиміровичъ даетъ, поэтому, благоразумный совѣтъ — не ссориться съ Кураторами:... «Дружески совѣтую и прошу — продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ — *до возможности къ надежной самой перемѣнѣ на лучшее мѣсто*, сколько можно стараться спокойнѣе и смирнѣе оставаться на этомъ, убѣгая, какъ только можно, новыхъ распрей и вооружаясь терпѣніемъ противъ своей Куратори, которою, право кажется, обижаться не можно. Но и ее обижать не надо, когда можно обойтись. Желаю, чтобъ благоразумно содѣйствовала этому и кума» [2]).

Черезъ недѣлю послѣ этого Лопухинъ предлагаетъ Ивану Петровичу, если тотъ уже очень тяготится пребываніемъ въ университетѣ, прислать къ нему письмо къ Державину: «Авось либо!» Иванъ Петровичъ прислалъ требуемое письмо, но Иванъ Владиміровичъ въ ходъ его не пустилъ. 1-го мая Андрей Ивановичъ писалъ Батюшкѣ: «Донесу вамъ, что Иванъ Влад[иміровичъ] приказалъ написать вамъ, что нашелъ за нужное не отдавать Державину письма вашего, батюшка, какъ для того, чтобы не произвести коллизіи между двумя министрами, такъ и потому, что онъ думаетъ лучше вамъ сперва получить отставку съ жалованьемъ, обращеннымъ въ пенсію, и съ опредѣленіемъ къ мѣсту; и что Державинъ говорилъ о сенаторствѣ не навѣрное и приводилъ примѣры нѣкоторыхъ бывшихъ въ томъ отказовъ. Главная причина и та еще, что можетъ быть и вѣроятно, что директорское мѣсто не такъ скоро уничтожится и не такъ скоро, по словамъ Завадов[скаго], приступлено будетъ къ исполненію новаго плана. Бумаги, вами присланныя, онъ ему хочетъ показать; между прочимъ, онъ разсказалъ ему и Муравьеву исторію о шкапахъ, и Завадов[скій] сказалъ: «Повѣрьте, что я ихъ знаю (т. е. Курат.); это все мошенничество. Я ничего не принимаю на Ив[ана] Петровича». Ив[анъ] Владим[ировичъ] говорилъ о васъ и съ Новосильцевымъ».... Дѣйствительно, еще 21-го апрѣля Лопухинъ извѣщалъ Ивана Петровича о своей бесѣдѣ съ Новосильцевымъ: «Говорилъ постараться, чтобы тебѣ жалованье было въ награжденіе обращено въ пансіонъ, а послѣ бы въ Сенаторы. Онъ очень обѣщалъ стараться—и самъ тебѣ добра хочетъ и хорошаго о тебѣ заключенія».

Вся эта неопредѣленность положенія Ивана Петровича очень тревожила Геттингенскихъ студентовъ, и они постоянно справлялись о немъ и выражали свои опасенія (стр. 62, 84). Имъ было извѣстно, что отставка Ивана Петровича на нѣкоторое время отсрочивается, по крайней мѣрѣ, до января 1804 года, и

1) т. е. съ Петромъ Владиміровичемъ Лопухинымъ.
2) т. е. Катерина Семеновна Тургенева.

Кайсаровъ пишетъ»: «Для чего не долѣе? для чего не навсегда? Этого бы желали не только тѣ, которые пользовались вашими милостями подъ вашимъ начальствомъ, но и всѣ тѣ, которые привязаны къ наукамъ» [1]). Дѣло кончилось тѣмъ, что Иванъ Петровичъ къ концу года, при отставкѣ, получилъ жалованье въ пенсію и кромѣ того — орденъ. Когда извѣстіе о томъ пришло въ Геттингенъ, въ первый день Рождества, къ Александру Ивановичу собрались всѣ русскіе съ поздравленіемъ и пировали всю ночь [2]). Одно обстоятельство было только для близкихъ къ Ивану Петровичу непріятно — что его врагъ, кураторъ Кутузовъ также получилъ награжденіе. Андрей Кайсаровъ, особенно не любившій Кутузова (см. стр. 54), сначала даже не хотѣлъ поздравлять Ивана Петровича «съ полученіемъ Государевой милости» [3]).

Стр. 148. Уже весной 1803 года Иванъ Петровичъ началъ приторговывать себѣ домъ для жительства. По этому поводу была у него переписка съ Иваномъ Владиміровичемъ. Въ январѣ 1804 года Тургеневы изъ казенной квартиры переселились въ свой домъ, на Маросейку.

Стр. 135. Письмо Алексѣя Ѳедоровича Мерзлякова напечатано выше, стр. 284—5; письма Жуковскаго къ Александру Ивановичу не сохранились, но можетъ быть, здѣсь имѣются въ виду письма Жуковскаго къ Ивану Петровичу, изъ которыхъ одно напечатано выше, стр. 286, а другое И. А. Бычковымъ въ «Письмахъ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу», стр. 8—10.—Стихи Воейкова напечатаны выше, введ. гл. III.

— Русскій Исторіографъ, конечно,—Карамзинъ, пожалованный въ Исторіографы 31 окт. 1803 г., а Тайный Совѣтникъ—Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, покровитель Карамзина. Однако, Карамзинъ къ Шлецеру не обратился; см. Погодинъ, Н. М. Карамзинъ, ч. II, стр. 20—22.

— Письмо митроп. Платона слѣдующее:

Nobilissime, atque φιλόμουσε
Domine Alexander Turgenew.

Litterae tuae, quas accepi gratissimo animo, non in amorem tantum tui, imo in admirationem me excitarunt. Exaratae enim sunt, stilo erudito, culto atque Romanam eloquentiam ad amussim exprimente! Verum haec non tanti sunt, ut iis solis movear. Spirant illae pietatem etiam, integritatem morum, et mentem spiritu divino illustratam. Gratulor tibi de his, quae desuper tibi collatae sunt, dotibus; gratulor etiam parentibus — talem prolem, quae eorum et consolationi et subsidio quondum futura sit. Quid mihi restat optare? quam, ut continuo altius progrediaris, atque redeas ad nos, civis pro patria meritissimus, Eclesiae Graeco-Russicae filius piissimus, et parentum cura atque voto dignissimus. Id quod ex animo precor et divinam tibi impertio benedictionem.

Tibi addictissimus
Plato Metropolita Mosquensis.

Ex Bethania
1803 an.
Novembri 23 die.

1) Стр. 100.
2) Стр. 134.
3) Стр. 136.

Любезный питомецъ Музъ Александръ Ивановичъ!

Письмо ваше, которое получилъ я съ величайшимъ удовольствіемъ, не только возбудило во мнѣ любовь къ вамъ, но и заставило вамъ удивляться. — Ибо оно писано слогомъ ученымъ, чистымъ, и точно выражающимъ краснорѣчіе Римское. Но сіе не одно еще меня трогаетъ. Ваше письмо одушевлено также благочестіемъ, непорочностію нравовъ и умомъ, который просвѣщенъ духомъ Божіимъ. Поздравляю васъ съ сими талантами, свыше вамъ дарованными; поздравляю также родителей—съ такою отраслью, которая нѣкогда будетъ ихъ утѣшеніемъ и подпорою. Чего мнѣ остается желать? какъ не того, чтобъ вы безпрестанно болѣе преуспѣвали и возвратились къ намъ гражданиномъ, способнымъ оказать великія услуги отечеству, сыномъ Греко-Россійской Церкви благоговѣйнымъ, попеченія и надежды своихъ родителей достойнымъ. О семъ искренне молю, и посылаю вамъ Божеское благословеніе.

Вамъ преданный
Платонъ Митрополитъ Московскій.

23 Ноября
1803.

(Переводъ сдѣланъ, очевидно, самимъ А. И. Тургеневымъ).

Стр. 139. *Гогартъ* (Hogarth),—знаменитый англійскій рисовальщикъ, граверъ и живописецъ, 1697—1764.

Стр. 142. Подъ «15-ю щастливыми днями» Карамзина Тургеневъ разумѣетъ первые 15 дней его второго брака съ Вяземской, каковой былъ совершенъ 8 января 1804 г. Письмо писано Тургеневымъ 10 янв. и приблизительно черезъ двѣ недѣли должно было придти въ Москву.

Стр. 143. *Горюшкинъ Захарій Аникіевичъ* (1748—1821)—профессоръ россійскаго практическаго законоискусства въ Московскомъ универс. и преподаватель съ 1790 г. практической юриспруденціи въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ.

Стр. 144 — 5. *Екатерина Владиміровна Апраксина*, урожденная кн. Голицына, жена Степана Степановича Апраксина. Апраксины жили въ Москвѣ, ведя очень открытый образъ жизни. Когда Андрей Ивановичъ Тургеневъ былъ въ Петербургѣ, Е. В. Апраксина была тамъ и оказывала ему покровительство. Въ письмахъ его къ родителямъ часто упоминаются его посѣщенія дома Апраксиной. Въ письмѣ отъ 17 февр. 1803 г. онъ пишетъ: «Третьяго дни былъ я у Кн. Нат[альи] Петр[овны]. Она не могла меня видѣть, но Катерина Волод[иміровна] ко мнѣ вышла и велѣла пріѣхать мнѣ къ себѣ вчера, чтобы взять письмо обо мнѣ къ Ник[олаю] Николаев[ичу] Новосильцеву».... И въ другомъ письмѣ отъ того же числа онъ пишетъ: «Сегодни поутру заѣжжалъ я къ Катеринѣ Володиміровнѣ. Она послѣ завтра ѣдетъ въ Москву. Я сказалъ ей, что былъ у Новосильцова и что онъ обѣщалъ просить обо мнѣ Воронцова. Вы сами изволите, можетъ быть, прежде сего письма увидѣть ее. Я никогда не перестану быть ей признательнымъ за все участіе, которое она во мнѣ принимаетъ». Возможно, что Апраксина и Александра Ивановича рекомендовала тому же Новосильцеву. — Тургеневъ два раза гр. Апраксину ошибочно назвалъ Натальей Володиміровной (стр. 141 и 142).

— П. И. Кутузовъ вмѣстѣ съ Д. И. Хвостовымъ и нѣкоторыми другими въ 1804—6 гг. издавали журналъ «Другъ Просвѣщенія».

Андрей Харитоновичъ Чеботаревъ, сынъ Харитона Андреевича, перваго ректора Москов. универс., съ 1807 г. былъ адъюнктомъ и затѣмъ профессоромъ химіи и технологіи въ Москов. универс.. П. И. Кутузовъ, врагъ Ивана Петровича, былъ, очевидно, въ дружбѣ съ Чеботаревымъ, который причинялъ много непріятностей Ивану Петровичу; см. стр. 329.

Стр. 147. *Иванъ Александровичъ Петинъ*, поэтъ, былъ товарищемъ Александра Ивановича по Университетскому Благородному Пансіону и помѣстилъ нѣсколько стихотвореній въ «Утренней Зарѣ». Былъ впослѣдствіи близкимъ другомъ Батюшкова.

Стр. 156. Въ Вѣстникѣ Европы 1803 г., ч. XII (№ 23 и 24, декабрь), стр. 166 — 207 было напечатано настоящее описаніе Геттингена подъ заглавіемъ «О Геттингенскомъ Университетѣ (сочиненіе одного изъ молодыхъ Россіянъ, которые нынѣ тамъ учатся», и подписанное — «*Вильгельмъ Фрейгангъ*, Переводчикъ Импер. Росс. Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Членъ Академіи Дрейсиганерской, Фотографическаго Общества въ Геттингенѣ и Минералогическаго въ Енѣ» (см. стр. 124). Карамзинъ присоединилъ такое примѣчаніе: «Молодой авторъ сего сочиненія прислалъ его ко мнѣ изъ Геттингена, желая, чтобы оно сдѣлалось извѣстно Читателямъ *Вѣстника* и всѣмъ, которые хотятъ имѣть понятіе объ одномъ изъ славнѣйшихъ Университетовъ въ Свѣтѣ. — Издатель осмѣливается сказать при семъ случаѣ, что молодые Россіяне, которые нынѣ тамъ учатся, дѣлаютъ честь нашему отечеству, какъ своимъ поведеніемъ, такъ и прилежаніемъ. Поименую здѣсь Г.Г. Тургенева, Гусятникова и Сочинителя сей пьесы». Послѣднимъ замѣчаніемъ Карамзина Тургеневъ и остался недоволенъ. — Это описаніе Фрейганга, очевидно, есть то же, что и вышедшее въ 1804 г. въ Геттингенѣ на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Notice sur l'université de Göettingue. — Въ статьѣ Фрейганга даны краткія свѣдѣнія о всѣхъ профессорахъ Геттингенскаго универс., о которыхъ говоритъ Тургеневъ въ своихъ письмахъ.

Стр. 156—8. Письмо напечатано по копіи, сдѣланной Александромъ Ивановичемъ и нѣсколько видоизмѣненной сравнительно съ оригиналомъ; послѣдній изданъ на стр. 317—319.

Стр. 158 — 167. Статья была напечатана въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, ч. II, стр. 267 — 293. «Піеса» Вѣстника Европы, вызвавшая Статью А. И., принадлежала Карамзину; см. Остафьевскій Архивъ, т. III, стр. 438.

Стр. 167. Рѣчь митроп. Платона во время коронаціи Александра біографами считается классической и должна остаться, по ихъ выраженію, «назиданіемъ для государей.»—Въ ней Платонъ напоминалъ о священныхъ обязанностяхъ повелителя народа; она не имѣетъ въ себѣ ничего панегирическаго; см. *Надеждинъ*, Митр. Моск. Платонъ Левшинъ какъ проповѣдникъ — Правосл. Собесѣдникъ, 1883 г., май, стр. 39—40.

Стр. 175. Дневникъ Александра Ивановича составляетъ одну тетрадь изъ почтовой бумаги большого формата, въ бумажной обложкѣ, всего 85 листовъ. Онъ былъ уже въ пользованіи акад. А. Н. Веселовскаго, сдѣлавшаго изъ него нѣсколько выписокъ въ своемъ изслѣдованіи о Жуковскомъ. Въ текстѣ встрѣчаются иногда поправки, сдѣланныя самимъ же А. И.; въ изданіи зачеркнутыя слова не воспроизводились; воспроизведены только даты въ срединѣ Дневника, которыя переправлены другими чернилами на единицу менѣе; см. стр. 232 и слѣд. Дневникъ писанъ уже обычнымъ почеркомъ Александра Ивановича даннаго

періода, довольно крупнымъ и разборчивымъ, хотя и безъ изящества писемъ къ родителямъ.

Стр. 177. *Бекманъ* (1739 — 1804) былъ преподавателемъ физики и естественной исторіи при евангелической гимназіи въ Петербургѣ въ 1763 — 5 гг., впослѣдствіи былъ профессоромъ въ Геттингенѣ; см. о немъ у Фрейганга въ его статьѣ о Геттингенскомъ универс. въ Вѣстникѣ Европы 1803 г., ч. XII.

— *Вундерлихъ* (Wunderlich Ernst Friedrich Carl), профессоръ латинской словесности, образованіе получилъ въ Геттингенѣ 1801—1803 г.; докторомъ сдѣланъ въ 1806 г., ассесоромъ философ. факультета и экстраординарнымъ проф. въ 1808 г.. Умеръ въ 1816 г. (Тарасовъ, 443).

— Разумѣется Анна Михайловна Соковнина.

Стр. 178. *Probe Russischer Annalen*—одна изъ раннихъ работъ Шлецера надъ русскими Лѣтописями.

— *Пилецкій* — одинъ изъ русскихъ студентовъ въ Геттингенѣ; изучалъ въ Геттингенѣ humaniora. Его выводитъ подъ именемъ Пилецкаго-Урбановича Писемскій въ своемъ романѣ «Масоны».

— *Ланшитетъ* — учитель Александра Ивановича англійскому языку.

— *Кохъ* (Koch, 1737 — 1813) — французскій историкъ. Коха читалъ въ Вѣнѣ также Андрей Ивановичъ Тургеневъ: «Читаю превосходнаго Коха Histoire des traités» (Письмо отъ 12 ноябр. 1802 г.), т. е. Abrégé de l'histoire des traités de paix depuis la paix de Westphalie (1797). Эта же книга Коха помѣщена въ числѣ рекомендованныхъ проф. Мартенсомъ при его курсѣ Geschichte der Verträge und Friedensschlusse, читанномъ въ осеннемъ полугодіи и сохранившемся въ бумагахъ Александра Ивановича вмѣстѣ съ другими лекціями.

Стр. 179. *Блудовъ Дмитрій Николаевичъ*, впослѣдствіи графъ, былъ товарищемъ Александра Ивановича по Университетскому Благородному Пансіону.

Стр. 180. Между Андреемъ Ивановичемъ Тургеневымъ, жившимъ въ Вѣнѣ съ мая 1802 по февраль 1803 г., и нашими Геттингенскими студентами шла дѣятельная переписка; послѣдніе сообщали ему свои университетскія новости; см. стр. 273 — 7. Андрей Ивановичъ приходилъ неоднократно въ восхищеніе отъ ихъ писемъ. Напр. въ письмѣ отъ 10 дек. 1802 г. онъ восклицаетъ: «Какъ, братъ! И Мартенсъ — твой учитель, человѣкъ, котораго имя попадается мнѣ раза по два всякой день на каждой страницѣ, и Коха! Прекрасно, братъ, право прекрасно!» А нѣсколько позднѣе онъ пишетъ: «Но столько, братъ, однимъ словомъ, сердце мое волнуется и бьется сильнѣе, когда я читаю въ письмахъ вашихъ, что вы видите, слышите Бутервековъ, Мартенсовъ, Шлецеровъ, Булевъ; щастливые, щастливые люди!» Или напр. еще въ одномъ письмѣ къ Кайсарову: «О великій Бутервекъ, авторъ Донамара! Поклонись, братъ, ему за меня пониже. Онъ мнѣ доставилъ много щастливыхъ часовъ».

Стр. 181. А. Н. Веселовскій указалъ, что стихи взяты (съ передѣлкой) изъ Дмитріева, Стансы къ Н. М. Карамзину (Жуковскій, 88, прим. 1). О Симбирской жизни см. выше, введ., стр. 20.

Стр. 182. Рѣчь идетъ о первой встрѣчѣ Александра Ивановича съ Анной Михайловной Соковнпной.

— Андрей Ивановичъ Тургеневъ въ письмѣ къ Андрею Сергѣевичу Кайсарову отъ 15/27 дек. 1802 г. сообщалъ: «Вчера, братъ, слышалъ я здѣсь *Твореніе*, которое Гейденъ самъ дирижировалъ. Я съ величайшимъ удовольствіемъ слушалъ, чувствовалъ и понималъ все, что выражала музыка».

Стр. 183. *Вася* — повидимому, *Василій Степановичъ*, которому Александръ Ивановичъ посылаетъ поклоны.

Стр. 184. *Марья Николаевна Свѣчина*, дочь Натальи Аѳанасьевны Буниной, замужемъ Вельяминовой, и слѣдов. родная племянница Жуковскаго, была предметомъ его первой любви; см. у Веселовскаго (Жуковскій), стр. 69 и слѣд..

Стр. 185. Ср. письмо Александра Ивановича къ батюшкѣ отъ $\frac{22\text{ янв.}}{3\text{ февр.}}$ № 26 стр. 50.

— Стихи Шиллера «На отъѣздъ Веймарскаго Принца въ Парижъ» написаны въ 1801 г. по приглашенію Гете.

Стр. 186. Андрей Ивановичъ Тургеневъ выѣхалъ изъ Вѣны въ Карлсбадъ 1-го іюля 1802 г., побывалъ въ Прагѣ и въ началѣ августа возвратился опять въ Вѣну. Въ Карлсбадѣ онъ началъ писать журналъ въ видѣ писемъ къ Жуковскому и Мерзлякову. Онъ начинался такъ: «Любезнѣйшіе друзья, Василій Андреевичъ и Алексѣй Ѳедоровичъ! Ни съ кѣмъ мнѣ такъ не пріятно говорить о себѣ и о васъ и о чемъ бы то ни было, какъ съ вами, и я самъ удивляюсь, отъ чего я такъ рѣдко пользуюсь этимъ удовольствіемъ. Я же увѣренъ, что и вамъ пріятно читать мои письма». Письма писаны были въ Карлсбадѣ, Прагѣ. Онъ предполагалъ съѣздить въ Теплицъ: «Представьте, что я имѣлъ уже позволеніе съѣздить оттуда дней на 6 въ Дрезденъ, а оттуда хотѣлъ безъ позволенія заглянуть въ Веймаръ и узрѣть лицемъ къ лицу Шиллера, Гете, Гердера, Коцебу и др.» — однако, это не осуществилось. Въ Прагѣ онъ познакомился съ Мейснеромъ, изъ котораго воспитанники Университетскаго Благороднаго Пансіона, въ томъ числѣ и Александръ Ивановичъ, дѣлали переводы и печатали ихъ въ «Утренней Зарѣ» (напр. переводъ Тургенева «Опрокинутый дубъ», кн. I, 1800 г., стр. 82). На его журналѣ сказалось, несомнѣнно, вліяніе Писемъ русскаго путешественника. Онъ описывалъ и природу, и свое времяпрепровожденіе, и анекдоты о знаменитостяхъ. Такъ Мейснеръ сообщилъ ему нѣсколько свѣдѣній о Клопштокѣ, которыя онъ тутъ же записалъ, а о Коцебу онъ записалъ со словъ Мейснера слѣдующее: «О Коцебу онъ мнѣ разсказалъ много забавнаго и больше нежели забавныхъ штукъ; но онъ старается извинить его и защищаетъ сколько можно. Я узналъ тутъ исторію піесы его Bahrdth mit der eisernen Stirne. Коцебу, будучи очень боленъ, выздоровѣлъ стараніями Циммермана и почиталъ себя обязаннымъ ему своею жизнію. Онъ пріѣхалъ въ Пирмонтъ. Тутъ нашелъ онъ ученика и энтузіаста Циммермановa, которому удалось склонить его написать эту ругательную піесу на враговъ Циммермана, т. е. противъ Бистера, Николая и пр. Онъ выдалъ ее подъ именемъ извѣстнаго Knigge, котораго всѣ знали за непріятеля Циммермана; она распространилась противъ его чаянія; одинъ изъ обруганныхъ (я забылъ имя), человѣкъ тщеславный и гордой, отъ нее помѣшался. Между тѣмъ Коцебу, будучи на нашей службѣ, отпирался и, наконецъ, заставилъ какого-то Шлегеля подъ присягою утвердить, что онъ т. е. Шлегель написалъ ее. Но ничто не помогло ему; онъ долженъ былъ признаться и, чтобы не сдѣлать лишняго путешествія въ своей жизни, въ скорости написалъ Книгу о дворянствѣ и перевелъ нѣсколько піесъ Державина; ето, вѣроятно, спасло его. Но вотъ что всего хуже. За нѣсколько времени передъ тѣмъ онъ написалъ преубѣдительное письмо къ своей матери (которая и теперь жива еще въ Веймарѣ) и клялся ей всѣмъ,

что есть священнаго для сына, что не онъ авторъ піесы. Мать увѣрилась и послала письмо въ Allgemeine Litteratur-Zeitung. Между тѣмъ получено было въ то же время и его признаніе. Издатели Litteratur-Zeitung остановили на время письмо его къ матери и напечатали его черезъ недѣлю послѣ того, какъ признаніе его вышло въ Гамбургскихъ Вѣдомостяхъ. Теперь жена его совершенно имъ управляетъ, и онъ боится ее какъ ребенокъ. Впрочемъ, Мейснеръ говоритъ, что онъ не такъ дуренъ, какъ о немъ думаютъ вообще. Онъ называетъ все это Muthwille». (Объ этой піесѣ вспоминаетъ Христіанъ Шлецеръ въ біографіи своего отца по поводу отношенія Августа Шлецера и Кестнера — A. L. von Schlözers öffentliches und Privatleben, I, 161). — Послѣдняя запись въ Журналѣ — 28 октября. Но по назначенію журналъ посланъ не былъ. Тургеневъ разсердился на своихъ друзей за то, что они ему ничего не писали, и въ укорительномъ письмѣ къ нимъ отъ 26 ноября говоритъ: «Я было написалъ для васъ родъ Журнала листахъ на десяти, но теперь вы его не получите». Вмѣсто нихъ, онъ послалъ свой журналъ въ Геттингенъ къ Александру Ивановичу, приложивъ къ нему такую записку: «Посылаю тебѣ, любезнѣйшій братъ, мой Журналъ, каковъ онъ есть. Пусть онъ будетъ только для васъ двоихъ. Много въ немъ есть такого, что и мнѣ самому не нравится; но вы увидите нѣкоторыя мысли и чувства, прошедшія мимо головы и души моей. Извините, что въ немъ есть дурнаго: онъ писанъ, какъ вы видите, безъ малѣйшихъ приготовленій»... Журналъ заключаетъ 54 страницы въ 4°.

Стр. 187. У Александра Ивановича были двѣ тетки: 1) по отцу — Харитина Петровна Аржевитинова, Симбирская помѣщица и 2) по матери — Марья Семеновна, рожденная Качалова, по мужу Нефедьева. Послѣдняя жила въ Москвѣ, отличалась, подобно Катеринѣ Семеновнѣ, вздорнымъ характеромъ (см. стр. 433) и скупостью (см. дневникъ Н. И. Тургенева, I, стр. 20); Ан. Серг. Кайсаровъ въ одномъ письмѣ къ Андрею Ивановичу назвалъ ее «Фуріей». Постоянные поклоны Александра Ивановича «тетушкѣ» и «сестрицѣ» относятся именно къ ней съ ея дочерью, его двоюродной сестрой, у которой впослѣдствіи въ 30—40-хъ годахъ онъ останавливался. Подъ упоминаемой въ дневникѣ Марьей Семеновной Аржевитиновой разумѣется неизвѣстная изъ другихъ документовъ дочь Семена Владиміровича и Харитины Петровны Аржевитиновыхъ.

— Александръ Ивановичъ вспоминаетъ объ Аннѣ Михайловнѣ Соковниной. О пребываніи его въ Петербургѣ см. введеніе.

Стр. 188. Ода Карамзина «На торжественное коронованіе Е. И. В. Александра I» оканчивается стихами:

«Я въ храмъ Исторіи иду,
И тамъ... дѣла Твои найду»

и къ нимъ сдѣлано примѣчаніе: «Авторъ занимается Россійской Исторіею». (Сочин. Карамзина, изд. Смирдина, I, стр. 210).

Стр. 189. *Боергавъ* (Boehraave) одинъ изъ знаменитѣйшихъ врачей XVIII ст., профессоръ Лейденскаго университета съ 1701 г.

— *Мушенброкъ* (Muschenbroek, 1692 — 1761) профессоръ физики и математики въ Лейденѣ.

— *Кестнеръ* — врагъ и антагонистъ Шлецера. Объ отношеніяхъ его къ Шлецеру много говоритъ Христіанъ Шлецеръ въ своей книгѣ — A. L. von

Schlözers öffentliches und Privatleben, I, стр. 159 и слѣд., выставляя его въ очень непривлекательномъ видѣ. Кестнеръ прославился, между прочимъ, своими эпиграммами.

Стр. 191. О лекціяхъ Ейхгорна о французской революціи см. стр. 60.

Стр. 194. Шиллеровскіе стихи, по смыслу, размѣру и числу строкъ подходятъ къ послѣдней (11-й) сценѣ «Лагеря Валленштейна», но въ теперешнихъ изданіяхъ ихъ нѣтъ. Получается интересный фактъ вліянія нѣмецкой цензуры на редакцію текста одного изъ нѣмецкихъ классиковъ (сообщено Е. А. Леве).

Стр. 195. У Жуковскаго есть два стихотворенія «Къ Нинѣ», относимыя издателями (Ефремовымъ и проф. Архангельскимъ) къ 1808 году. Къ первому стихотворенію обыкновенно прибавляется: «съ англійскаго». Изъ записи Александра Ивановича слѣдуетъ, что или у Жуковскаго было еще, намъ неизвѣстное, стихотвореніе «Къ Нинѣ», написанное во всякомъ случаѣ до 1802 г., или его слова относятся къ одному изъ извѣстныхъ стихотвореній Жуковскаго «Къ Нинѣ», неправильно относимыхъ къ 1808 г. Послѣднее имѣетъ за собой наибольшую вѣроятность. Тургеневъ соединяетъ« Пѣсню къ Нинѣ» съ тѣми предметами, которые ему напоминали Анну Михайловну Соковнину, а первое стихотвореніе «Къ Нинѣ» можетъ вполнѣ относиться къ Варварѣ Михайловнѣ Соковниной, ушедшей изъ родительскаго дома съ намѣреніемъ поселиться въ крестьянской избѣ и поступившей затѣмъ въ монастырь. Таковъ напр. 1-й куплетъ:

«О, Нина, о мой другъ! ужель безъ сожалѣнья
Покинешь для меня и свѣтъ и пышный градъ?
И въ бѣдномъ шалашѣ, обители смиренья,
На сельскій промѣнявъ блестящій свой нарядъ,
Неукрашенная ни златомъ, ни парчею,
Сіяя для пустынь невидимой красою,
Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ городѣ цвѣла
И *несравненною* въ кругу Прелестъ слыла?»

Такого же содержанія и остальные куплеты. Уходъ Варвары Михайловны поразилъ и Андрея Тургенева, написавшаго по этому поводу стихи. Неудивительно, что и Жуковскій написалъ на ту же тему стихи; (см. *Истринъ*, Къ біографіи Жуковскаго—Журн. Мин. Нар. Просв., 1911 г., апрѣль).

Стр. 196. *Гендель* (Haendel, 1684—1759) знаменитый германскій композиторъ, прожившій всю жизнь въ Англіи; прославился, между прочимъ, ораторіями. Карамзинъ слушалъ въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ его ораторію «Мессія» (Письма рус. пут., изд. Смирдина, 675).

— Въ I книжкѣ Утренней Зари (1800) Степанъ Порошинъ, воспитанникъ Универс. Благород. Пансіона, напечаталъ въ переводѣ съ французскаго «Письмо де ла Гарпа къ Лакомбу о Ломоносовѣ» (стр. 73—81), начинающееся такъ: «Долгомъ поставляю себѣ, Государь мой, увѣдомить васъ, для чести Россійской Поэзіи, что піеса Meditation du matin sur la grandeur de Dieu, которая напечатана была въ Календарѣ Музъ 1776 года подъ именемъ Г. Мьера, есть подражаніе, и что подлинный ея Авторъ—покойный *Г. Ломоносовъ*, о которомъ здѣсь не сказано ни слова.» — Тутъ же приводятся — краткая біографія Ломоносова, «Литтеральный переводъ Оды Г. Ломоносова», сдѣланный однимъ чиновникомъ

Россійскаго Двора, переложеніе г. Мьера, и латинская и русская эпитафіи на памятникѣ Ломоносова.

Стр. 197. А. И. посѣтилъ Тургенево въ 1808 и описалъ свое посѣщеніе въ письмѣ къ Николаю Ивановичу въ Геттингенъ отъ 26 авг., см. стр. 364—7.

— Въ бытность свою въ Вѣнѣ Александръ Ивановичъ познакомился съ самимъ Галемъ и писалъ Ивану Петровичу: «Вчера былъ я у славнаго Галя, которой изобрелъ новую систему, называемую Кранеологіею. Я еще въ Гетингенѣ учился у ученика его и слышалъ объ этомъ цѣлую лекцію, но Галь говоритъ, что онъ ни однимъ ученикомъ своимъ недоволенъ, что ни одинъ не вникнулъ еще порядочно въ его ученіе, и отъ того публика ничего еще вѣрнаго не знаетъ» (Письмо отъ 9 іюля 1804 г.). Галь предлагалъ Александру Ивановичу и его товарищамъ «прочесть нѣсколько лекцій о своей наукѣ», но у тѣхъ не оказалось для того свободнаго времени.—Ал. Ив. спросилъ Галя, «не сходится ли его система съ Лафатеровой Физіономикой, но онъ отвѣчалъ, что ни мало, что въ Лафатеровой нѣтъ никакихъ основательныхъ правилъ»; ср. стр. 233.

Стр. 200. О лекціи Эйхгорна см. стр. 60.

— Подъ братниной элегіей разумѣется элегія Андрея Тургенева «Осень».

Стр. 203. *Корбъ* (Johann-Georg-Korb) былъ секретаремъ посольства, отправленнаго импер. Леопольдомъ I въ Москву къ Петру I въ 1698 г. Посольство прибыло во время кроваваго стрѣлецкаго розыска, который и описанъ Корбомъ подъ заглавіемъ—Diarium itineris in Moscoviam. Въ русскомъ переводѣ Дневникъ Корба напечатанъ въ Чтеніяхъ Общества Истор. и Древн. Россійск. при Москов. универ. 1866 г., кн. IV, 1867, кн. 1, 3, съ приложеніемъ и картины, изображающей казнь стрѣльцовъ.

Стр. 205. Эти же стихи на памятникѣ Тургеневъ сообщилъ въ письмѣ къ Жуковскому изъ Петербурга отъ 24 февр. 1802 г.

— *Денонъ* (Баронъ Доминикъ Denon, 1747 — 1825) французскій граверъ, рисовальщикъ, писатель и дипломатъ. Сопровождалъ Наполеона въ Египетскомъ походѣ и, по его порученію, издалъ замѣчательное по гравюрамъ сочиненіе Voyage dans la Basse et dans la Haute Egypte, 1802.

Стр. 209. Описаніе встрѣчи Пасхи см. на стр. 68 и 269.

Стр. 213. Письмо Шлецера къ импер. Александру издано выше, стр. 303—304.

Стр. 214. *Пюттеръ* (Iohann Stephan Pütter)— знаменитѣйшій профессоръ юридическаго факультета въ Геттингенскомъ университетѣ, гдѣ занималъ профессуру съ 1747 г., будучи тогда только 22 лѣтъ; см. Göttinger Professoren, Gotha, 1872, стр. 101—130 и упомянутую выше статью Фрейганга о Геттин. универс.— Вѣстникъ Европы 1803 г., декабрь, № 23—24, стр. 175.

Стр. 219. Подъ *рецензіей Вольфа* Тургеневъ разумѣетъ, конечно, Briefe an Heyne, eine Beilage zu den neuesten Untersuchungen über Homer (1797), написанныя Вольфомъ, какъ приложеніе къ Prolegomena in Homerum (1795). Вольфъ и Гейне расходились въ пониманіи классической литературы. Гейне издалъ, между прочимъ, Гомера съ комментаріями.

Стр. 225. О Журналѣ Шлецера см. примѣч. къ стр. 73.

Стр. 227. Письмо къ Андрею Ивановичу издано на стр. 81—84.

Стр. 229. Въ первомъ томѣ своего «Нестора», вышедшемъ въ 1802 г. (стр. 22), Шлецеръ, ссылаясь на Татищева, сказалъ, что царь Алексѣй Михайловичъ отбилъ у всѣхъ охоту къ лѣтописанію учрежденіемъ «Тайной Канце-

ляріи», этой политической инквизиціи. Въ Вѣстникѣ Европы 1803 г., ч. VIII (мартъ, № 6) появилась статья Карамзина, подписанная буквами У. О., по вопросу о Тайной Канцеляріи, гдѣ было выражено изумленіе, что «Г. Шлецеръ, бывшій нѣсколько лѣтъ профессоромъ русской исторіи въ нашей академіи (иностранный профессоръ русской исторіи), шутя надъ Левекомъ и называя его не «Историкомъ», а «Граверомъ» — Левекомъ, также приписываетъ учрежденіе Тайной Канцеляріи Алексѣю Михайловичу». Указавъ на то, что, по словамъ Шлецера, учрежденіе ея и было причиной прекращенія лѣтописанія, авторъ прибавляетъ: «Это, напримѣръ, очень любопытно, если справедливо; но могъ ли Г. Шлецеръ, ученый критикъ и страстный любитель нашей исторіи, не усумниться въ истинѣ такого случая (fait)? Если и словесная критика важна въ исторіи, то философическая еще важнѣе».—Въ бумагахъ Тургенева сохранился отрывокъ его статьи—«Нѣсколько словъ о Тайной», начатой имъ послѣ смерти Шлецера. Стараясь защитить Шлецера отъ нападокъ со стороны автора упомянутой статьи Вѣстника Европы, Ал. Иван. пишетъ, между прочимъ: «Шлецеръ, который былъ не только искусный критикъ и страстный любитель нашей Исторіи, но который между всѣми до сихъ поръ существовавшими писателями о русской исторіи можетъ назваться законодателемъ, который не только славенъ своею словесною критикою, но коего философическая критика видна во всѣхъ его произведеніяхъ и сдѣлала эпоху въ ученомъ свѣтѣ — Шлецеръ, говорю взялъ это обстоятельство не съ вѣтра, но утверждаетъ, основываясь на Татищева»; (см. *Истринъ*, Русскіе студенты въ Геттингенѣ—Ж. М. Н. Пр. 1910 г., № 7, стр. 135—6).

Стр. 230. О письмахъ Николая и Сергѣя Тургеневыхъ см. выше, прим. къ стр. 88.

Стр. 230. *Князь Петръ Борисовичъ Козловскій* (о немъ см. Сочиненія Вяземскаго, т. VII, стр. 231 — 257 и Остафьевскій Архивъ, т. III, стр. 551—554, примѣчаніе В. И. Саитова), товарищъ Тургеневыхъ по службѣ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, «архивный юноша», въ 1801 г. былъ отправленъ отцомъ своимъ въ Петербургъ, гдѣ его нашелъ Андрей Тургеневъ больнымъ и въ ужасной обстановкѣ и 25-го декабря писалъ по поводу его Ивану Петровичу слѣдующее: «... Позвольте попросить васъ о нашемъ князѣ Козловскомъ, который теперь въ несчастнѣйшемъ положеніи. Сперва я опишу вамъ, что онъ и гдѣ онъ. Онъ живетъ, по приказанію своего отца, у одного Гвардейскаго Полковника Запольскаго, въ казармахъ, который теперь въ Москвѣ. Теперь онъ боленъ желчной горячкой и былъ близокъ къ смерти. Вообразите же, что въ это самое время и всегда окруженъ онъ день и ночь гвардейскими офицерами, le rebut du genre humain. День и ночь они играютъ, пьютъ и кричатъ подлѣ него и у него въ комнатѣ; приходятъ къ нему и стараются какъ-нибудь разсердить его, когда онъ въ жару желчной горячки. Одинъ ругаетъ Б..., другой на зло ему только называетъ его безбожникомъ и лицемѣромъ; третій говоритъ то, отъ чего бы самый распутный человѣкъ краснѣлъ, и онъ въ жару споритъ съ нимъ. Я самъ бывалъ тому на нѣсколько часовъ свидѣтелемъ, бывши у него, и душа моя, такъ сказать, занемогала всякій разъ. Но это все маловажно въ сравненіи съ прочимъ. Первое величайшее несчастіе его состоитъ въ томъ, что онъ въ отцѣ своемъ имѣетъ перваго своего злодѣя; если бы самый злой человѣкъ имѣлъ злѣйшаго врага, и тогда развѣ могъ бы онъ быть такъ адски изобрѣтателенъ на средства его

мучить. По его приказанію онъ тутъ живетъ и никуда не смѣетъ переѣхать. Письма его къ нему исполнены черною злобою, а вы сами знаете, можно ли кому-нибудь ненавидѣть Козловскаго. Часто въ жару болѣзни получаетъ онъ его письма. Теперь онъ подъ властію у семнадцатилѣтняго офицера гвардіи, брата Запольскаго, который всякій день пьянъ, и у слуги, нанятаго отцомъ, который также всякій день пьянъ. Ко всему этому, онъ не имѣетъ ни полушки. Теперь мы упросили лекаря лечить его, а то онъ лежалъ безъ помощи. Чтобы все это уяснить для васъ, скажу однакожъ, что характеръ его спокойный и равнодушный, и религія многое для него облегчаетъ. Все сіе описываю я для того, чтобы вы поговорили о немъ съ Кн. Николаемъ Мих[айловичемъ] Козл[овскимъ], его дядей; все это вы можете ему разсказать; право, нѣтъ ни одной лишней черты, а главное то, чтобы отецъ его былъ упрошенъ и позволилъ ему къ намъ переѣхать, что можно подкрѣпить тѣмъ, что К[айсаро]вы мои ему братья. На все это, какъ вы сами чувствуете, нужна величайшая осторожность, чтобы больше не раздражить его... О Козловскомъ пишутъ Кайсаровы и къ Натальѣ Васильевнѣ. Поговорите, сдѣлайте милость, съ ней и убѣдите ее стараться о позволеніи. Она имѣетъ средства; но мы и насильно перевеземъ его, потому что онъ самъ не имѣетъ». — Андрей Тургеневъ былъ друженъ съ Козловскимъ, и объ этой дружбѣ вспомнилъ Александръ Ивановичъ въ своемъ словѣ по умершемъ Козловскомъ въ Баденъ-Баденѣ въ 1840 году. Въ бумагахъ Александра Ивановича сохранилось слѣдующее коротенькое воспоминаніе о Козловскомъ:

«И *внѣ Отечества* насъ можетъ утѣшать
Воспоминаніе минувшихъ дней *Архивскихъ*».

Такъ пародировали мы, когда-то на чужбинѣ съ незабвеннымъ Козловскимъ стихи старѣйшаго друга его и товарища по Московскому Архиву, Андрея Т[ургенева]:

«И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать
Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ!!».

Теперь друзья опять *вмѣстѣ*, и мы, оставшіеся, скажемъ о нихъ словами друга, ихъ пережившаго:

«Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!
Но съ благодарностію: *были*...»

Я любилъ Козловскаго съ моего дѣтства, встрѣчался съ нимъ и *мыслилъ вслухъ* вездѣ: въ Лондонѣ, въ Эмсѣ, на берегахъ хладной и гранитной Невы— въ виду мрачной крѣпости: — вездѣ встрѣчались и мысли наши и сердца бились однимъ чувствомъ къ человѣчеству, къ Россіи.

Не смѣю, потому что не вправѣ — оцѣнить въ Козловскомъ его Генія въ Математикѣ, въ Языкознаніи, въ какомъ-то врожденномъ ему *Европеизмѣ;* но радуюсь тѣмъ, что сердце мое всегда поминало его и угадывало, что мы часто вторили другъ-другу въ *чувствахъ* нашихъ — *вслухъ*, въ нашемъ соучастіи къ людямъ, въ нашемъ состраданіи къ ихъ слабостямъ, въ нашемъ негодованіи къ ихъ гнуснымъ утѣснителямъ... «Tremblez! Vous étez immortels!».

Миръ праху твоему, добрый Козловскій! Да прикроются твои слабости, во грѣхахъ рожденному человѣчеству свойственныя, твоими добрыми дѣлами,

въ послѣдніе дни твоего земного поприща совершенными, постояннымъ порывомъ твоего сердца ко благу твоихъ ближнихъ. Есть мѣсто на землѣ, гдѣ не забудутъ твоего сердца спасенные твоими заступленіями: мы напомнимъ тебя первыми и едва-ли не единственными стихами твоей ранней молодости, въ первые дни вѣка и Александра:

«Какъ часто въ горести, въ напасти
Нещастный, — слабый человѣкъ,
Въ минуты мрачной, буйной страсти
Проступкомъ омрачаетъ вѣкъ!...
Судьи холодно разсуждаютъ,
Разсудкомъ сердце обвиняютъ: —
Но Ты на тронѣ: — «Онъ прощенъ!».

Сей голосъ Поэзіи сердца отозвался и въ послѣднемъ твоемъ вздохѣ — Прости.

$\frac{11 \text{ апрѣля}}{30 \text{ марта}}$ 1842, въ Парижѣ. Александръ Тургеневъ.

Эти воспоминанія вполнѣ сходятся съ воспоминаніями кн. Вяземскаго (Сочин. т. VII). И тамъ и тутъ выдвигается особенно одна черта Козловскаго— его стремленіе оказывать помощь обижаемымъ и угнетаемымъ. Это свойство Козловскаго сближало его съ Тургеневымъ. — Два стиха, приведенныхъ въ началѣ письма, взяты изъ Элегіи Андрея Тургенева «Угрюмой осени мертвящая рука»...

Стр. 230. Намѣреніе Шлецера издать Нестора въ одномъ томикѣ не было приведено имъ въ исполненіе.

Стр. 233. О Лафатерѣ и Галѣ см. прим. къ стр. 197.

Стр. 234. Статистика Шлецера подъ заглавіемъ Theorie der Statistik вышла въ апрѣлѣ 1804 г.: предисловіе подписано 20 апр. 1804, и Тургеневъ, уѣхавшій изъ Геттингена 23 апр. (по новому стилю) 1804, очевидно, не успѣлъ получить ее. Изданная Статистика и есть тотъ курсъ (но сокращенный) Статистики, который Шлецеръ читалъ въ лѣтній семестръ 1803 г.

Стр. 234 — 5. Тургеневъ передаетъ здѣсь содержаніе одной лекціи изъ читаемой тогда Шлецеромъ Статистики. Въ печатной Статистикѣ, вышедшей въ 1804 г., эта лекція занимаетъ послѣдній § 37 (стр. 141 — 150). Шлецеръ дѣлаетъ краткое обозрѣніе исторіи просвѣщенія въ Россіи: Peter I fand sein damals schon grosses Volk, in Ansehung der Cultur, beinahe noch in eben dem Sustande vor, in welchem sich das übrige Europa im 14-ten Säc. beband. Nicht Eine Schule im ganzen weiten Reiche, nicht Eine Universität (142). Про Елизавету онъ выразился такъ: Elisabet hasste bekanntlich die Deutschen, und zog, wo ja Ausländer unentberlich waren, Franzosen vor. Der National-Cultur versetzte sie einen tödtlichen Streich durch ihren Ukas, dass kein Bürgerlicher in irgend einem Reichs — Collegio höher als bis zum Secretär aufrücken solle. — Для объясненія послѣднихъ словъ Шлецера, приводимыхъ Тургеневымъ въ дневникѣ, имѣетъ значеніе заключеніе курса Статистики: Noch reiseten Russische Edle, Hundertweise, nach Paris und anderwohin, auf die alte bejammerte Weise: da fing plötzlich Alexanders I Geist über seiner Nation zu wehen an. Im herbst 1802 hatte unsre Georgia — Augusta die Freude, eine ganze Colonie von jungen Russen aus adlichen oder sonst angeschenen Familien zu erhalten, von

denen Viele in Krons Diensten angestellt waren. Sie waren nicht zum Reisen à la mode bestimmt; sondern sie wollten namentlich les sciences exactes studiren, d. i an Orten, wo sie Gelegenheit dazu erwarteten (vorzüglich in Göttingen und Paris), verweilen, und Unterricht nemen. Sie brachten ungewönlich viele Vorkenntnisse auch in andern Wissenschaften mit, mit denen sie sich bereits etwas beschäftigt hatten: gleichwol namen sie auch diese hier wieder vor, gewannen sonderlich die Leichtigkeit lieb, die unser Universitäts Unterricht, zur Uebersicht ganzer Wissenschaften, gewäret; und mit Sokratischer naïveté sagte mir Einer am Ende des 1-sten Semesters: jetzt wisse er erst, dass er nichts wisse. Alle seine Landsleute waren gleicher Meinung; und die Folge war, dass sie statt Eines halben Jares, welches ihr erster Plan war, bis ins 3-te Semester hier verweilten» [1]).

Стр. 235. Греева Элегія «Сельское кладбище» во второмъ переводѣ была напечатана одновременно въ «Утренней Зарѣ», кн. II (1803 г.), и въ Вѣстникѣ Европы 1802 г., ч. VI, дек., № 24, въ послѣднемъ—съ посвященіемъ А[ндрею] И[вановичу] Т[ургенев]у. Андрей Ивановичъ интересовался переводомъ и еще 31 дек. 1802 изъ Вѣны писалъ Жуковскому: «Очень бы мнѣ хотѣлось видѣть твою елегію и имѣть понятіе о томъ, какова она теперь!» А 7-го янв. 1803 г. онъ уже пишетъ: «Я въ первомъ письмѣ и за то не поблагодарилъ тебя сердечно, что ты посвятилъ мнѣ твою елегію, что меня, право, много, много обрадовало; я не стану въ этомъ скрывать своего чувства; тутъ не одно пустое самолюбіе, но что-то большее: я это чувствую».

Стр. 237. *Костогоровъ Михаилъ Дмитріевичъ*, товарищъ Александра Ивановича по Университетскому Благородному Пансіону. Въ «Утренней Зарѣ» I кн. (1800) имъ напечатанъ переводъ изъ Мейснера «Сцилла и Миносъ».

Стр. 249. *Рубанова* надпись къ памятнику Петра I (изъ 8 строкъ) «Колосъ Родосскій свой смири прегордый видъ» (1770 г.) доставила автору большую извѣстность. Тургеневымъ приведены 4 послѣдніе стиха надписи. У Новикова (Опытъ словаря о русскихъ писателяхъ) они читаются нѣсколько иначе:

Не рукотворенная здѣсь Росская гора,
Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,
Пришла во градъ Петровъ чрезъ Невскія пучины
И пала подъ стопы Великаго Петра. (*Венгеровъ*, Русская поэзія, вып. VI, стр. 338).

— Въ № 12 Вѣстника Европы 1803 г. помѣщено описаніе коронаціи Курфюрста Кассельскаго; см. прим. къ стр. 75.

Стр. 252. Стихи взяты изъ Элегіи Андрея Тургенева «Осень». Philosoph für die Welt — Заглавіе сборника (1775 — 7 г.) статей, разсказовъ и разговоровъ писателя Johann Jakob Engel (1741 — 1802).

Стр. 253. О посѣщеніи *Матвѣемъ Мудровымъ* Геттингена см. его письма, стр. 278 — 9.

Стр. 254. О *Журавлевѣ* см. введ., стр. 36—9.

Стр. 256. Разумѣется письмо отъ $\frac{28}{16}$ ноября; стр. 125 — 6.

---

1) Въ своей статьѣ о Русскихъ студентахъ въ Геттингенѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., № 7) я ошибочно приписалъ Кайсарову (стр. 92) «наивныя» слова, сказанныя Шлецеру. Этимъ наивнымъ юношей былъ Александръ Ивановичъ, который въ письмѣ къ Ивану Петровичу изъ Лейпцига отъ 2/14 мая 1804 г., говоря о только-что вышедшей Статистикѣ Шлецера, прибавляетъ: «гдѣ и на мой щетъ въ концѣ слова два сказано».

Стр. 263. Платнера Эрнеста *Philosophische Aphorismen* вышли въ 1776 — 82 г., а въ новой переработкѣ были изданы въ 1800 г. (*Бычковъ*, Письма Жуковскаго къ А. И. Т., стр. 32, прим. 2).

Стр. 280. Именемъ «Андрюхана» звалъ обыкновенно Иванъ Петровичъ Андрея Кайсарова. Послѣдній въ письмѣ Андрею Ивановичу Тургеневу (изъ Москвы въ Петербургъ) отъ 9 дек. 1801 г. пишетъ: «Батюшка (т. е. Иванъ Петровичъ) вчера мнѣ сказалъ: «ну братъ, Андрюханъ! vous avez surpassé mes attents».

Стр. 289. Въ дополненіе къ тому, что сказано на стр. 289 — 290 относительно Путешествія по Гарцу, можно добавить слѣдующее. Обработывать свое Путешествіе Александръ Ивановичъ сталъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Его побуждалъ къ тому Иванъ Петровичъ. Въ началѣ января 1806 года изъ Москвы пишетъ Александръ Ивановичъ Жуковскому, проживавшему тогда въ Бѣлевѣ, приглашая его пріѣхать въ Москву: «Пріѣзжай, братъ, къ намъ! Прочелъ бы мое двѣнадцатидневное Путешествіе по Гарцу, котораго бо́льшую часть не пропуститъ цензура; другая половина не понравится публикѣ. Батюшкѣ хочется непремѣнно, чтобы я напечаталъ что-нибудь изъ своего вояжа, а мнѣ хочется дѣлать ему угодное. Если бы я вмѣстѣ это печаталъ съ другимъ Путешествіемъ, то пускай бы строгій Невзоровъ вымарывалъ большую часть, а теперь и безъ того книжка очень мала будетъ [1]). Только я самъ чувствую, что противъ слога множество ошибокъ, даже грамматическихъ [2]). Жуковскій на это отвѣчалъ только: «Пришли мнѣ свое Путешествіе.... Неужели искреннее сужденіе дружбы не будетъ для тебя пріятно [3])? Лѣтомъ 1807 года Жуковскій сообщалъ Тургеневу о своемъ намѣреніи «выдавать на будущій годъ Вѣстникъ Европы» и просилъ у Тургенева сотрудничества. Между прочимъ говорилъ и о его Путешествіи: «Твое Путешествіе по Европѣ не напечатано и, можетъ быть, не приведено въ порядокъ. Если есть въ тебѣ довольно духу и твердости, то постарайся его обработать и приготовить къ будущему году» [4]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ опять ему напоминаетъ о томъ же: «Ты, безстрастный стоикъ Тургеневъ, котораго Путешествіе, не рожденное и не сотворенное, занимаетъ цѣлую стопу бумаги, ужели не вздумаешь разстаться съ этою ненужною для тебя кипою и дать ее своему пріятелю, который, приведши этотъ хаосъ въ порядокъ, украсилъ бы имъ свой Журналъ?» [5]) Тургеневъ все медлилъ присылкой, и Жуковскій еще два раза съ обидой напоминалъ ему о присылкѣ. Тургеневъ обнадеживалъ его: «Для журнала твоего мы [т. е. онъ и Блудовъ] трудиться непремѣнно будемъ. Мое Путешествіе и моя Исторія Іезуитовъ должны увидѣть свѣтъ въ твоемъ Вѣстникѣ; можно помѣщать хоть отрывки» [6]). Дальнѣйшая переписка о Путешествіи неизвѣстна, но въ ноябрьской книжкѣ 1808 года (№ 22) Вѣстника Европы Жуковскій напечаталъ отрывокъ изъ Путешествія подъ заглавіемъ: «Путешествіе Русскаго на Брокенъ въ

1) Еще 9-го февраля 1805 года Александръ Ивановичъ сообщалъ Андрею Кайсарову о строгости цензуры: «Цензура теперь чрезвычайна строга, и Максимъ Ивановичъ [Невзоровъ] недавно вымаралъ много и въ Путешествіи Платона Митр[ополита], которое онъ написалъ, проѣхавшись по Россіи» (стр. 333).

2) Письмо 5-го января 1806 года.

3) Письма Жуковскаго, стр. 35.

4) ibid., стр. 35.

5) ibid., стр. 37.

6) Письмо къ Жуковскому отъ 5-го декабря 1807 года.

1803 году» за подписью «А. Т.....въ» (стр. 77 — 93), и Тургеневъ по сему поводу писалъ ему 4-го декабря 1808 года: «Какъ удивился я, милый другъ Василій Андреевичъ, когда мнѣ сказали, что піеса моя напечатана въ твоемъ Вѣстникѣ. Одинъ изъ моихъ пріятелей угадалъ, что это писано мною по ненависти къ католицизму. Я тебѣ чрезвычайно благодаренъ за многія выброшенныя мѣста, которыя отзывались Нѣмецкою ученостью. Есть нѣкоторыя ошибки въ Нѣмецкихъ названіяхъ горъ и городовъ; но это ничего не значитъ; ибо кто здѣсь знаетъ топографію Гарца и будетъ судить меня? Цензура ваша гораздо смѣлѣе здѣшней, которая бы никакъ не пропустила ни Далай-Ламы, ни окровавленнаго креста».

Въ бумагахъ Александра Ивановича черновая обработка его Путешествія занимаетъ довольно большую папку, на обложкѣ которой его же рукой написано: «Собственноручныя Записки Александра Ивановича Тургенева во время путешествія его по Германіи и Венгріи». Трудъ былъ предпринятъ большой; множество выписокъ, разсужденій, всевозможныхъ помарокъ и исправленій. Въ наиболѣе обработанномъ и хорошо переписанномъ (возможно — для печати) сохранилось изданное Описаніе путешествія на Гарцъ; здѣсь же находятся черновые листы и напечатаннаго Жуковскимъ «Восхожденія на Брокенъ». Сравненіе указываетъ, что Жуковскій многое выпустилъ, если, впрочемъ, это не было сдѣлано самимъ Тургеневымъ, который, какъ показываютъ сохранившіеся листы, нѣсколько разъ передѣлывалъ свою «піесу».

Стр. 325. Писемъ А. И. Тургенева къ Андрею Сергѣевичу Кайсарову сохранилось 11. Они обнимаютъ время съ начала 1805 г., когда Александръ Ивановичъ вернулся въ Москву, и кончая 5 апр. 1806 г., когда онъ поступилъ уже на службу къ Новосильцеву въ Петербургѣ. Переписка началась тотчасъ послѣ ихъ разлуки; съ дороги А. И. послалъ Кайсарову три письма, не сохранившіяся. Кайсаровъ полученнымъ письмамъ велъ счетъ и отмѣчалъ время полученія. Помѣтки эти слѣдующія:

Письмо 1-е	—	№ 3-й; получено $\frac{\text{24 февр.}}{\text{8 марта}}$ 805. Геттингенъ.
» 2-е	—	№ 9-й; получено въ іюнѣ 805. Геттин.
» 3-е	—	№ 4-й; получено въ Геттингенѣ $^{3}/_{15}$ Марта 1805.
» 4-е	—	№ 6-й; получено въ іюнѣ въ Гетт.
» 5-е	—	№ 10, получено въ Геттин. $\frac{14}{26}$ іюня 805.
Письмо 6-е	—	№ 12.
» 7-е	—	№ 13, $\frac{\text{30 августа}}{\text{12 сент.}}$ 1805, Геттингенъ.

Остальныя 4 письма не помѣчены.

Стр. 353. И. А. Двигубскій въ письмѣ къ Попечителю Моск. Учебн. Округа М. Н. Муравьеву отъ 20 янв. 1806 г., соглашаясь преподавать Минералогію и временно Технологію, писалъ: «Между тѣмъ осмѣливаюсь нижайше просить В. П., съ препорученіемъ мнѣ сихъ классовъ, перемѣнить и мое Экстраординарное званіе въ Ординарное, съ выгодами, съ нимъ соединенными, чтобы мнѣ, безъ всякой моей вины, не быть унижену противъ моихъ товарищей» (Письмо проф. Моск. ун. къ Муравьеву — Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. при Моск. унив., 1859 г., кн. 3-я, стр. 23).

Стр. 387. Александру Ивановичу не легко было примириться съ мыслью

что имъ приходится вести процессъ съ Иваномъ Владиміровичемъ, который къ тому же проявлялъ въ данномъ случаѣ непонятное упорство и обвинялъ другихъ, ставшихъ на сторону Тургеневыхъ. Различныя чувства по отношенію къ Ивану Владиміровичу столкнулись тутъ въ Александрѣ Ивановичѣ: съ одной стороны сознаніе своей правоты и съ другой—старое, отъ дѣтства идущее представленіе объ Иванѣ Владиміровичѣ, какъ о человѣкѣ безукоризненно честномъ и правдивомъ. Къ этому времени, т. е. въ 1809 году стали извѣстны «Записки» Ивана Владиміровича, впослѣдствіи изданныя, и Александръ Ивановичъ, прочитавъ ихъ, впалъ въ раздвоеніе, оставшись, съ одной стороны — неудовлетвореннымъ ими, а съ другой — не имѣя силъ разстаться съ тѣмъ представленіемъ объ Иванѣ Владиміровичѣ, которое всегда было непоколебимымъ въ семьѣ Тургеневыхъ. Свою раздвоенность онъ и выразилъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Жуковскому отъ 13-го декабря 1809 года:

«Я ожидалъ отъ тебя писемъ на прошедшей почтѣ, любезнѣйшій другъ Василій Андреевичъ, но не получилъ ничего.—Всѣ эти дни читалъ я Записки И[вана] В[ладиміровича]. Жаль, что у меня мало досуга, чтобы на многія мѣста въ этой біографіи, на многія черты въ жизни его и на многія изъ мнѣній И[вана] В[ладиміровича] написать нѣкоторыя примѣчанія съ чистосердечіемъ, мнѣ свойственнымъ, когда я говорю съ тобою. Вообще желалъ бы я, чтобы сіи Записки не были пущены въ публику при жизни его, но тогда уже, когда зависть и злоба умолкнутъ, и одни дѣла останутся; — чтобы сіи Записки были читаны только искренними друзьями его и безпристрастными его почитателями. Иначе они представятъ И[вана] В[ладиміровича] совсѣмъ въ ложномъ свѣтѣ. Они могутъ подумать, что И[ванъ] В[ладиміровичъ], будучи такъ часто собственнымъ своимъ Панегиристомъ, уже ничего не упустилъ сказать въ свою пользу—и ошибутся. Жизнь И[вана] В[ладиміровича] въ частныхъ дѣлахъ его наставительнѣе и драгоцѣннѣе для друзей его, нежели его жизнь общественная. Сенаторскія поѣздки, милиція и голоса въ Сенатѣ, конечно, памятны для патріотовъ и для тѣхъ, коихъ облегчилъ онъ участь; но друзья его ищутъ еще чего то другого. Если бы я по однимъ Запискамъ судилъ объ И[ванѣ] В[ладиміровичѣ], какъ бы я въ немъ ошибся;—можетъ быть также, какъ онъ во многомъ и во многихъ ошибается. Съ прискорбіемъ читалъ я нѣкоторыя мѣста въ сихъ Запискахъ. Дорого бы заплатилъ я, чтобы И[ванъ] В[ладиміровичъ] вышелъ изъ заблужденія. И я увѣренъ, что стоитъ ему только сблизиться и увидѣть людей, о которыхъ онъ судитъ, дѣйствующихъ, а неговорящихъ и непишущихъ, и дѣйствующихъ въ критическихъ обстоятельствахъ, — то онъ немедленно перемѣнитъ свое о нихъ мнѣніе. Я говорю о двоихъ, которыхъ теперь не назову; одного онъ, безъ сомнѣнія, отгадаетъ; а другого нѣтъ. Неужели голосъ Н[иколая] Н[иколаевича] И[ванъ] В[ладиміровичъ] въ самомъ дѣлѣ почитаетъ несправедливымъ? Почему же? Я потерялъ много и готовъ, право, безъ ропота, потерять остальное; но желалъ бы, чтобы И[ванъ] В[ладиміровичъ] доказалъ мнѣ, что *по законамъ* не слѣдовало удовлетворять Матушки. Изъ безпредѣльной моей привязанности къ нему, изъ энтузіазма, надъ которымъ, можетъ быть, уже и И[ванъ] В[ладиміровичъ] смѣется, я дѣйствовалъ противъ своихъ выгодъ; но никогда не былъ увѣренъ, что И[вана] В[ладиміровича] принуждаютъ къ платежу суммы противозаконными средствами, и увѣренъ въ томъ еще, что Н[иколай] Н[иколаевичъ] Нов[осильцевъ] думалъ

поступать, защищая права Матушки, точно такъ, какъ И[ванъ] В[ладиміровичъ] нѣсколько разъ самъ поступалъ въ Сенатѣ.

«Сколько я пострадалъ по этому дѣлу и какимъ непріятностямъ какъ въ домашней жизни, такъ и по службѣ, я себя подвергать былъ долженъ, въ томъ свидѣтель тотъ, кто лучше самого И[вана] В[ладиміровича] видитъ тайныя побужденія людей; сколько я и теперь страдаю — это И[вану] В[ладиміровичу] неизвѣстно также. Неужели я сталъ бы равнодушно сносить теперешнее мое положеніе, если бы была для меня возможность или избавиться отъ службы и жить безбѣдно, въ ожиданіи лучшихъ временъ или заставить улучшить мое положеніе? Мысль о братьяхъ, изъ которыхъ одинъ часто терпитъ нужду въ чужихъ краяхъ, другой переноситъ безпрестанныя неудовольствія, и мысль, что я нахожусь въ зависимости отъ службы и не обезпеченъ по своему состоянію,— меня тревожатъ очень часто. Что далѣе будетъ, не знаю, а судя по теперешнимъ обстоятельствамъ и по людямъ, которые всплываютъ, въ будущемъ не предвижу ничего успокаивающаго. Пожалуйста, любезный другъ, не говори объ этомъ письмѣ никому, развѣ самому И[вану] В[ладиміровичу], передъ которымъ не хочу и не могу я скрывать, что наше положеніе весьма дурно, и что я не ожидалъ такой развязки. Чѣмъ все это кончится, если не будетъ чего-нибудь чрезвычайнаго, которое перемѣнитъ натуральный ходъ дѣлъ? И какъ думаетъ И[ванъ] В[ладиміровичъ] чистосердечно? — Пожалуйста, для самаго естественнаго спокойствія не говори другимъ ничего. Я бы желалъ, чтобы для пользы человѣчества было больше вѣрующихъ въ И[вана] В[ладиміровича]. Но число ихъ не умножится отъ чтенія сихъ Записокъ, ибо надобно знать И[вана] В[ладиміровича], такъ какъ очень немногіе его знаютъ, чтобы не толковать криво этихъ Записокъ. Вотъ почему желалъ бы я, чтобы онѣ, *покуда* менѣе извѣстны, были и находились бы только въ рукахъ *истинныхъ* почитателей его. Я поступилъ бы противъ совѣсти, если бы не признался, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже мнѣ казалось, что И[ванъ] В[ладиміровичъ] позволяетъ себѣ иногда быть самолюбиву. Говоря правду Государю и говоря ее часто очень чистосердечно и съ Долгоруковскою твердостью, (я не хочу разстаться съ этимъ Героемъ добродѣтели) И[ванъ] В[ладиміровичъ] часто безъ нужды и слишкомъ много золотитъ пилюлю. Это могло возродить несправедливое, впрочемъ, сомнѣніе въ томъ, кто ее глотать долженъ. Впрочемъ, это можно почесть скорѣе недостаткомъ въ слогѣ, въ чемъ И[ванъ] В[ладиміровичъ] и щеголять не хочетъ, да и не долженъ.

УКАЗАТЕЛИ.

Указатель къ введенію.

Абрантесъ (d'Abrantes), герц-ня — 11, 15.
Abufar, піеса — 108.
Австрія — 133.
Агатонъ — см. Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона.
Аграмъ — 133.
Адамъ — 89.
Академія Наукъ (С.-Петерб.) — 10, 129.
Академическій гражданинъ — 128.
Александра Павловна, В. К. — 132.
Александръ I — 6, 13, 88, 121, 123, 125, 129.
Allmanach für das Jahr 1797 — 79.
Альпы — 61.
Амалія, героиня др. Разбойники — 80, 81, 84.
Англія — 59, 88.
Англійская литература — 77, 87.
An die Freude, стих. Шиллера — 72.
St. Andrä, городъ — 132.
Анекдотъ, перев. ст. Ал. И. Тургенева — 66.
Анна Михайловна — см. Соковнина А. М.
Анна Петровна, книг. — 44.
Антонскій Антонъ Антоновичъ — 22, 39, 45, 47, 49, 64, 65, 67.
Апрѣлевъ, товар. Ал. Ив. — 49, 95.
Аржевитинова Марья Семеновна — 19.
Арзамасъ, общество — 9, 10, 40, 102.
Арндтъ Іоаннъ, авторъ — 20.
Архангельскій А. С., изд. Жуковскаго — 99.
Архивъ Государств. Коллегіи Иностр. Дѣлъ — 98.
Ахматово, дер. — 27.

Баварскій Наслѣдный Принцъ — 134.
Байронъ — 13.
Бакаревичъ, препод. въ У. Б. П. — 77, 78, 80, 95.
Баландинъ — 124.
Балдингеръ, Геттинг. проф. — 129.
Батюшка — см. Тургеневъ Иванъ Петровичъ.
Батюшковъ К. Н. — 10, 40.
Баузе — 52.
Баузенъ — 131.
Беверлей — 82.
Берлинъ — 96, 130.
Бесѣда (любит. Росс. слова) — 53.
Бесѣды съ Богомъ, книга — 65.
Библія — 86, 89.
Біографія Ал. Ив. Тургенева — 6.
Блудовъ Дмитрій Никол. — 9, 10, 43, 94, 102, 118.
Блуменбахъ, Геттинг. проф. — 128, 131.
Бобровъ, авт. — 39.
Богемская литература — 132.
Бон(н)етъ — 92.
Братовщина, село — 50.
Будапештъ — 132.
Булгаковъ Конст. Яковл. — 36.
Булгаковы — 36.
Буле, проф. Геттинг. — 45, 89, 128.
Бунина Авдотья Николаевна — 125.
Бутервекъ, проф. Геттинг. — 45, 65, 128, 130, 131.
Бычковъ Ив. Ав., изд. Писемъ Жуковскаго — 36, 42, 49, 119.
Бѣдная Лиза, пов. Карамзина — 71, 78.
Бѣлградъ — 133.
Бѣлевъ — 42, 52, 100.

Валтеръ, герой драмы Ковар. и любовь — 126.
Вальтеръ-Скоттъ — 13.
Варяги — 129.
Вася, товар. Андрея Ив. Тург. — 21.
Ватиканская Библіотека — 12.
Веймаръ — 78.
Венгрія — 132.
Венды — 131.
Веневитиновъ — 3.
Венеція — 134.
Вертеръ — 44, 73, 78, 81, 82, 85, 86, 105.
Веселовскій А. Н., акад. — 3, 51, 54, 58, 77, 85, 87, 88, 91, 92, 100, 104, 119, 122, 125.
Видѣніе на берегахъ Леты, Батюшкова — 40.
Виландъ — 78, 83, 84, 130.
Вильна — 36, 37, 39, 77, 95.
Виргилій — 41.
Владиміръ, гор. — 59.
Воейкова Александра Андреевна — 6, 121.
Воейковъ Александръ Ѳедоровичъ — 9, 10, 35, 36, 41, 46, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 78, 86, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 113.
Воиновъ Иванъ Павловичъ — 128, 129.
Волга — 23, 93.

Волга, стих. Дмитріева — 97.
Воробьевы горы — 8, 95.
Вольтеръ — 83, 84.
Воспоминанія Лубяновскаго — 50.
Вѣна — 19, 20, 26, 32, 49, 50, 56, 59, 88, 98, 111, 125, 127, 132, 134.
Вѣрная собака, перев. ст. Ал. И. Т—ва — 66.
Вѣстникъ Европы — 52, 53, 68, 92.
Вышеславцовъ — 91.
Вяземскій П. А., кн.—7, 8, 11, 12, 102, 119, 121.
Вюрцбургъ — 130.

Гайне — см. Гейне.
Галаховъ — 76, 77.
Галинковскій — 99.
Галлеръ — 85.
Гамалея — 33.
Ганау — 58.
Ганеманъ, пасторъ — 8.
Гарцъ — 61.
Геймъ Иванъ Андреевичъ — 65.
Гейне, проф. Геттинг. — 65, 128, 131;
Гердеръ — 78, 84.
Геренъ, проф. Геттинг. — 128, 131.
Германія — 37, 39, 84, 96, 121.
Герценъ — 5.
Гесснеръ — 21, 59, 60, 61, 71, 85.
Gessner — сынъ — 59.
Гете — 10, 13, 44, 75, 77, 78, 79, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 96, 97, 130.
Геттингенъ — 10, 17, 19, 21, 25, 26, 27, 28, 32, 33, 36, 39, 40, 42, 45, 48, 49, 55, 58, 61, 62, 63, 64, 65, 67, 69, 76, 78, 86, 87, 89, 93, 95, 104, 105, 106, 111, 113, 115, 119, 125, 128, 129, 130, 131, 132, 134.
Геттингенскій Университетъ — 4.
Die geheilte Schwärmerin (Коцебу) — 39, 77.
Гиббонова исторія — 76.
Гизо — 14.
Глинка, изд. Русскаго Вѣстника — 41.
Глостеръ, герой Короля Лира — 88.
Голдоній, писат. — 21, 61.
Голицынъ Александръ Николаевичъ, кн. — 34.
Гомеръ — 41.
Горнъ, книгопрод. — 96.
Грей — 87.
Греки — 132, 133.
Греческая словесность — 53.
Гриммъ Яковъ — 131.
Губаревъ, товар. Ал. Ив. — 41, 48, 49, 94, 95, 104.
Гумбольдъ — 13.
Гусятниковъ Александръ Михайлов. — 128.

Дале — 133.
Дашковъ — 10.
Двигубскій Иванъ Алексѣевичъ — 27, 122, 123, 128, 129.
Двѣ огромныя руки, Арзам. прозв. Ал. Ив. Тургенева — 10.
Державинъ — 9, 10, 40, 41, 57, 68, 93.
Дерптъ — 119.
Дмитріевъ Иванъ Ивановичъ — 10, 23, 29, 42, 53, 68, 70, 72, 93, 95, 96, 97, 103.
Дмитрій Николаевичъ — 50.
Добрыя Дѣти, перевод. драма — 66.
Домъ Сумашедшихъ, Воейкова — 54.
Донъ Карлосъ, Шиллера — 76, 82, 85.
Дрезденъ — 110, 131.
Дружеское Литературное Общество — 23, 35, 43, 46, 50, 51, 56, 62, 68, 74, 77, 97, 98, 100, 101, 102, 130.
Дружеское Ученое Общество — 20, 23, 29, 67, 89, 101.
Друзья нынѣшняго вѣка, перев. драма — 66.
Дурново Алексѣй — 52.
Дѣвичье поле — 52.
Дѣтское Чтеніе, Карамзина — 59, 61, 70, 71, 73, 90.

Европа — 4, 10, 11, 12, 130.
Екатерина Афанасіевна (Протасова) — 119.
Екатерина II — 12, 68, 88.
Ермакъ, стих. Дмитріева — 97.
Есиповъ, товар. Ал. Ив. — 49, 95.

Жихаревъ — 19, 52.
Жуковскій — 5 и слѣд.
Журавлевъ Иванъ Ѳедоровичъ — 36, 37, 38, 39, 63, 77, 94, 95.

Заиконоспасскій монастырь — 44, 72, 97.
Западники — 10.
Записки Дмитріева — 97.
» Жихарева — 52.
» И. В. Лопухина — 31, 34.
» Д. Н. Свербѣева — 23.
Землинъ — 133.
Зноско, проф. — 39.
Зонтагъ Анна Петровна — 122.

Иванъ Царевичъ — 88.
Игнатій — 60.
Измайловъ — 10, 52, 61, 90, 91, 92, 93, 97.
И мои бездѣлки, Дмитріева — 53.
Иностранная коллегія — 97, 123.
Ипокрена — 66.

Исправленіе, Карамзина — 72.
Историческій классъ Ак. Н. — 10, 129.
Историческое Похвальное слово Екатеринѣ, Карамзина — 68, 75.
Истринъ В. М. — 46, 51, 56, 68, 98, 100, 105, 128, 131.
Итальянская литература 130.

Іена — 78, 130.
Іоаннъ Масонъ — 20, 24, 27.

Калкау — 128.
Калуга — 113.
Каменевъ — 39.
Кантъ — 36, 45.
Карловецъ — 132, 133.
Карлъ, Эрцгерцогъ — 132.
Карлъ Моръ, герой др. Разбойники — 79, 80, 83, 84.
Кашинъ, композиторъ — 41, 126.
Качановскій — 52, 53.
Кайсарова Наталья Васильевна — 123.
Кайсаровъ Андрей Сергѣевичъ — 18 и слѣд.
Кайсаровъ Михаилъ Сергѣевичъ — 35, 36, 48, 77, 94, 100, 126.
Кайсаровъ Паисій Сергѣевичъ — 77, 104.
Кайсаровъ Петръ Сергѣевичъ — 35, 36, 48, 77, 84.
Кайсаровы — 99, 124, 126.
Карамзинизмъ — 91.
Карамзинско-сентиментальная школа — 9.
Карамзинъ — 5, 6, 7, 10, 12, 23, 33, 37, 44, 60, 61, 63, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 78, 79, 81, 85, 87, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 103, 121.
Катерина Михайловна — см. Соковнина К. М.
Катерина Семеновна — см. Тургенева К. С.
Кіевъ — 134.
Klage der Cerer, Шиллера — 79.
Клара, жена Ник. Ив. Тургенева — 5.
Клеветники, др. Коцебу — 38, 39, 94.
Книга премудрости и добродѣтели — 65.
Коварство и любовь (Kabale und Liebe), Шиллера — 56, 79, 82, 83, 84, 85, 86, 126, 127.
Козловъ — 12.
Корнель — 86.
Король Лиръ, траг. Шекспира — 88.
Костогоровъ — 106, 118.
Коцебу — 37, 39, 73, 77, 78, 82, 84, 86, 94.
Кочубей — 125.
Кременецъ — 134.
Кромы — 22.
Кульпинъ — 133.
Курилецъ — 66.
Кутузовъ Павелъ Ивановичъ, Кураторъ М. Ун. — 28, 33, 71, 101, 124.
Къ дому Воейкова, стих. Андр. Ив. Тургенева — 51.
Къ Милости, стих. Карамзина — 72, 73, 90.
Къ Младенцу, стих. Дмитріева — 97.
Къ Невѣрной, стих. Карамзина — 90.
Къ Эмиліи, стих. Карамзина — 90.
Кювье — 13.

Лангштетъ — 115.
Ла-Мартинъ — 13.
Латинская словесность — 53.
Лафатеръ — 59.
Die Leiden der Ortenbergischen Familie, др. Коцебу — 37, 77, 94.
Лейпцигъ — 17, 67, 78, 86, 131.
Ленцъ — 37.
Лессингъ — 82.
Ломоносовъ — 9, 10, 41, 68, 69, 75, 93.
Лондонъ — 12.
Лопухинъ Иванъ Владиміровичъ — 20, 21, 24, 29, 30, 31, 32, 34, 39, 49, 50, 85, 88, 92.
Лопухинъ Петръ Владиміровичъ — 21, 29, 31, 32, 33.
Лопухины — 30, 33, 70, 71, 93.
Лубяновскій Ѳедоръ Петровичъ — 50, 71.
Луиза, гер. др. Коварство и любовь — 56, 79, 83.
Любовь, соч. Невзорова — 31.
Людвигъ XIV — 39.
Людмила, балл. Жуковскаго — 41.

Магницкій — 77.
Мальчикъ, луна и солнце, пер. ст. Ал. Ив. Тургенева — 66.
Марини — 12.
Макбетъ — 88.
Максимъ Ивановичъ — см. Невзоровъ М. И.
Мартенсъ, проф. Геттинг. — 128.
Мартыновъ — 52.
Марья Андреевна Протасова — 119.
Марія Ѳедоровна, императр. — 27.
Марѳа Посадница, пов. Карамзина — 76.
Матушка — см. Тургенева Катерина Семеновна.
Мейснеръ — 66.
Menschenhass und Reue, др. Коцебу — 39.
Мерзляковъ Алексѣй Ѳедоровичъ — 9, 10, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 51, 52, 53, 54, 55, 63, 65, 68, 69, 73, 74, 75, 78, 79, 80, 84, 85, 86, 90, 91, 93, 94, 95, 96, 98, 99, 100, 101, 102, 126, 129.

Метафизика — 65.
Минина — 8.
Мнѣніе безпристрастнаго..., ст. Воейкова — 53.
Модная жена, басн. Дмитріева — 97.
Москва — 8 и слѣд.
Московскій Журналъ, Карамзина — 43, 60, 61.
Musenalmanach, Шиллера — 81.
Мудровъ Матвѣй Яковлевичъ — 95.
Муравьевъ Михаилъ Никитичъ — 123.

Наполеона сестра — 13.
Наталья Васильевна, княг. — 18.
Нарѣжный — 79, 80.
Невзоровъ Максимъ Ивановичъ — 29, 31, 33, 50, 70, 71, 76, 85, 89.
Невское кладбище — 112.
Негры въ неволѣ, др. Коцебу — 39.
Нелединскій-Мелецкій — 10, 31.
Несторъ, Шлецера — 129, 133.
Несчастные, др. Коцебу — 78.
Нефедьева — 19.
Никонъ — 76.
Николаи — 96.
Новая Элоиза, Руссо — 86, 87, 95.
Новгородъ — 103.
Новиковъ Николай Ивановичъ — 5, 6, 20, 21, 24, 29, 33, 101.
Новосильцевъ Николай Николаевичъ — 18, 26, 100, 127, 129.
Новости Русской литературы — 127, 128.
Нѣмцы — 132.
Нѣмецкая литература — 9, 10, 53, 54, 77, 78, 82, 84, 85, 86, 96.

Оберонъ, Виланда — 83, 84, 96.
Объ истинномъ христіанствѣ, Арндта — 20.
Объ освобожденіи крестьянъ, Кайсарова—130.
О возрастахъ человѣческихъ, перев. ст. Ал. Ив. Тургенева — 66.
Олегъ, кн. — 74.
Ольмюцъ — 134.
Опрокинутый дубъ, перев. ст. Ал. Ив. Тургенева — 66.
Опытъ теоріи налоговъ, Ник. Ив. Тургенева—4.
Орелъ — 122, 134.
Орлеанская дѣва, Шиллера — 78, 86.
Ортенбергъ — см. Die Leiden d'Ortenb. Fam..
Остерманъ Иванъ Андреевичъ — 123.
Островъ Борнгольмъ, ст. Карамзина — 77.
Острожская Библія — 132.
Офросимовъ — 46, 100.

Павелъ I — 20, 22, 71, 93.
Павицынъ — 37.
Палицынъ — 52.
Пантеонъ, Карамзина — 76.
Парижъ — 11, 12, 13, 22, 23, 36, 40, 96, 121, 123.
Перелоговъ — 37.
Пестуши, монастырь — 20.
Петербургъ — 8 и слѣд.
Петрарка — 130.
Петръ Великій — 12, 41.
Петръ III — 51.
Пилецкій — 128.
Письма русскаго путешественника, Карамзина — 71, 76, 85, 90, 92.
Письма Филалета къ Мелодору, Карамзина—92.
Платонъ, митрополитъ — 49, 50.
Платнеръ, проф. Лейпц. — 86.
Плещеевъ — 27, 28, 30.
Плюммике — 79.
Погодинъ — 77.
Подъ-Дѣвичье — 97, 98, 100.
Поддѣвиченскій(іе) — 51, 98, 102.
Поддѣвиченскій Арзамасъ — 102.
» домъ — 9.
» періодъ — 97.
Поддѣвиченское собраніе — 53, 54.
Поздѣевъ — 50.
Политковскій — 124.
Путешествіе въ полуденную Россію, Измайлова — 91, 92.
Посланіе къ Ал. Ив. Тургеневу, Жуковскаго—51, 99.
Посланіе Пушкина къ Ал. Ив. Тургеневу — 9.
Посланіе Пушкина къ Арзамасцамъ — 9.
Посланіе къ Сперанскому, Воейкова — 54.
Посольство Константинопольское — 17.
Поцѣлуевъ мостъ — 124.
Прага — 131, 132.
Провидѣнія на каждый день года — 65.
Прокоповичъ Антонскій — см. Антонскій А. А.
Протасова Елизавета Ивановна, первая жена Карамзина — 76.
Протасова, Марья Андреевна — 119.
Пріятное и полезное препровожденіе времени—66, 95.
Псковъ — 13.
Пушкинъ Александръ Сергѣевичъ — 6, 8, 9, 10, 13, 23, 40, 41, 75, 88.
Пушкинъ Василій Львовичъ — 9, 97.
Пушкины — 8, 91.
Пѣснь Божеству, Карамзина — 72, 73, 90.
Пѣснь на случай открытія синагоги, перев. ст. Ал. Ив. Тургенева — 66.

Пюттеръ, проф. Геттинг. — 128.

Разбойники, Шиллера — 39, 61, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86.
Размышленія въ царствѣ Натуры — 65.
Расинъ — 39, 74, 83, 86.
Рахмановъ — 118.
Рекамье — 13.
Римъ — 11, 12, 13, 76.
Ричардсонъ — 87.
Родзянка Семенъ Емельяновичъ — 35, 36, 45, 46, 48, 67, 94, 95, 96, 98, 100, 102.
Россія — 4, 9, 22, 41, 52, 53, 68, 92, 107, 110, 113, 121, 129, 133, 134.
Россіяда, Хераскова — 75.
Русь — 13.
La Russie et les Russes, Н. И. Тургенева — 9.
Русская исторія — 10, 76, 129 130.
Русская литература — 10, 29, 52, 68, 69, 73, 74, 75, 76, 83.
Русскій Вѣстникъ (Глинки) — 41.
Русскіе цари — 133.
Руссо — 48, 86, 87, 94, 124.
Рѣзановъ Вл. Ив. — 25, 35, 39, 43, 45, 54, 64, 65, 66, 67, 70, 77, 78.
Рѣчь Ал. Ив. Тургенева о томъ, что просвѣщеніе... — 66.
Рѣчь, разговоръ и стихи... — 66.
Рязанская деревня Воейкова — 52, 53.

Сантовъ Вл. И. — 53.
Саксонцы — 131.
Самборскій — 132.
Сандунова, актриса — 56, 79, 105, 126.
Сандуновъ, актеръ — 80, 83.
Свадьба Карамзина, опис. — 76, 77.
Свербѣевъ Д. Н. — 23.
Свѣчина Марья Николаевна — 120, 124, 125.
Свѣчины — 114.
Святополкъ — 74.
Святыя горы — 9.
Сербы — 132, 133.
Сибирь — 8.
Симбирская губ. — 59.
Симбирскъ—22, 23, 35, 45, 49, 70, 84, 93, 94, 95.
Сиповскій В. В. — 70, 78, 90.
Слава, стих. Мерзлякова — 39.
Славяне — 132.
Славянофилы — 10.
Славянская исторія — 133.
Славянская литература — 54.
Смерть, перев. Ал. Ив. Тургенева — 66.
Смирдинъ, изд. — 76, 77.
Смирнова Алекс. Осип. — 4.
Соковнина Анна Михайловна — 49, 104, 105, 106, 109, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 122.
Соковнина Анна Ѳедоровна — 18, 104, 115.
Соковнина Варвара Михайловна — 86, 104, 105.
Соковнина Катерина Михайловна — 56, 87, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 116, 118, 119.
Соковнинъ Михаилъ — 104.
Соковнинъ Николай — 104.
Соковнинъ Павелъ — 104.
Соковнинъ Сергѣй — 104, 112.
Соковнины — 44, 95, 104, 105, 106, 113, 114, 116, 117, 120, 127.
Сокольскій — 95.
Соляная контора — 98, 102.
Сохацкій, преп. У. Б. П. — 47, 127.
Spectateur du Nord — 37.
Станевичъ — 52, 53.
Старынкевичъ — 118.
Стернъ — 87, 92.
Стратиміровичъ, Сербскій митр. — 132, 133.
Страховъ, проф. М. Ун. — 89, 97.
Sturm-und-Drang-Periode—9, 37, 79, 82, 85, 98.
Сулима — 69.
Сумароковъ — 52, 74.
Сухомлиновъ — 51.
Сухотинъ Андрей Ѳедоровичъ — 118.
Сушковъ — 65.
Сынъ Отечества — 99.

Театръ Судоведенія — 61.
Тепельсгаузенъ — 69.
Тешенъ — 134.
Тиманъ — 27, 50.
Тихонравовъ Н. С. — 65, 70.
Тоблѐръ, воспит. Т — хъ — 3, 17, 21, 37, 59, 60.
Толстой, Л. Н. — 56.
Томсонъ — 61, 87.
Тургенева Катерина Семеновна — 6, 17, 18, 19, 20, 27, 28, 60, 104, 118, 124.
Тургеневъ Александръ Ивановичъ — сочиненія — 66.
Тургеневъ Андрей Ивановичъ — 3 и слѣд.
Тургеневъ Борисъ, пращуръ Тур — хъ — 5.
Тургеневъ Борисъ Петровичъ — 23.
Тургеневъ Иванъ Петровичъ — 3, 4, 5, 6, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 40, 49, 50, 54, 55, 56, 57, 59, 62, 63, 70, 71, 73, 76, 77, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 96, 97, 98, 100, 102, 103, 104, 111, 112, 115, 122, 123, 124, 125, 129, 131, 132.

Тургеневъ Николай Ивановичъ — 4, 5, 17, 19, 20, 21, 27, 28, 34, 39, 42, 75, 104, 120.
Тургеневъ Петръ Николаевичъ — 5, 6.
Тургеневъ Петръ Петровичъ — 23.
Тургеневъ Сергѣй Ивановичъ — 5, 6, 17, 18, 19, 20, 28, 118.
Тургеневы — 8, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 28, 29, 30, 31, 111.
Тургенево, село — 16, 20, 21, 22, 23, 59, 93.
Тургеневскій младшій кружокъ — 9, 33, 37, 38, 43, 45, 48, 51, 54, 56, 57, 63, 69, 76, 77, 78, 81, 83, 85, 86, 88, 95, 101, 102, 130.
Тургеневскій старшій кружокъ — 9, 20, 29, 33, 34, 62, 67, 68, 85, 87, 88, 89.
Тріестъ — 134.
Троице-Сергіева Лавра — 49, 50.
Тула — 134.
Турція — 133.
Тьеръ — 14.

Уваровъ Семенъ Сергѣевичъ — 10.
Университетъ Вѣнскій — 132.
» Геттингенскій — 56, 130, 131.
» Дерптскій — 56.
» Московскій — 18, 22, 24, 27, 28, 35, 37, 38, 39, 40, 44, 62, 65, 68, 94, 97, 122, 123, 124, 128, 130, 131.
» Пражскій — 132.
Университетскій Благородный Пансіонъ — 9, 22, 23, 29, 35, 36, 37, 38, 45, 48, 51, 56, 57, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 76, 78, 84, 85, 94, 95, 96, 98, 100, 102, 104, 105, 130.
Успенскій Максимъ — 128.
Утренняя Заря — 66, 67, 78.

Фанни, дочь Ник. Ив. Тургенева — 5.
Фердинандъ, герой др. Коварство и любовь — 83.
Фіеско, др. Шиллера — 85.
Фіуме — 134.
Фонтанка — 114, 124.
Франклинова жизнь — 85.
Французская литература — 39, 54, 78, 82, 86.
Фрейгангъ Василій Ивановичъ — 128.
Фружская гора — 133.

Хвостова Александра Петровна — 41.
Херасковъ — 23, 29, 74.

Царицыно — 49, 95.
Царско-сельскій Лицей — 8.
Der Zaubertrommel, піеса — 126.
Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона, Карамзина — 71, 73, 91, 92.

Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ, гр. — 16, 133.
Честность, перев. ст. Ал. Ив. Тургенева — 66.
Чехи — 132.
Чувство при наступленіи зимы, ст. — 61.
Чужой толкъ, Дмитріева — 97.

Шаликовъ — 10, 61, 69, 91, 93.
Шатобріанъ — 13, 67.
Шварцъ, старшій масонъ — 20, 33, 37, 65.
Шварцъ Иванъ Ивановичъ, Лейпц. консулъ — 89.
Шведскіе берега — 13.
Швейцарія (Suisse) — 59, 61.
Швейцеръ, герой др. Разбойники — 79, 80.
Шевыревъ — 123.
Шекспиръ — 75, 77, 87, 88.
Шеллингъ — 128, 130.
Шиллеръ — 10, 39, 44, 56, 61, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 96, 126, 127, 130.
Шишковъ — 52, 53, 54, 101.
Шлегели — 130.
Шлецера жена — 78.
Шлецеръ Августъ — 10, 65, 68, 128, 129, 131, 132.
Das stolze Bewustseyn — 39.
Эгмонтъ, др. Гете — 79 8,2, 85.
Энгель — 39.
Эолова Арфа, Арзам. прозв. Ал. Ив. Тургенева — 10.
Эсхилъ — 41.
Эшенбургъ — 41.

Юзефовичъ — 99.
Юлія, пов. Карамзина — 71, 87.
Юнгъ — 61, 87.

Языковъ Титъ Андресвичъ — 59.
Яншинъ — 128.

Ѳоминъ Ал. Ал. — 5.

Указатель къ письмамъ и дневнику.

При пользованіи Указателемъ должно имѣть въ виду слѣдующее:

1) Въ Указатель не вошли имена: а) Алк. Ив. Тургеневъ, Геттингенъ, б) Ник. Ив. и Серг. Ив. Тургеневы въ письмахъ Александра Ивановича къ родителямъ.

2) Названія книгъ приводятся подъ именами авторовъ.

3) Изъ Примѣчаній вошли въ Указатель только имена лицъ.

4) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ одной фамиліей могутъ быть указаны разныя лица, если они не могли быть точно опредѣлены по тексту.

А.

Або — 313.
Августъ, импер. — 160.
Авраамъ — 282.
Австрія — 390, 392, 401.
Австрійскій императоръ — 467.
Австрійцы — 351.
Автобіографія Шлецера см. Шлецеръ А.
Алсуфьевъ Алексѣй Адамовичъ — 20.
Адамъ — 230.
Аделунгъ — 385, 411, 430.
Азія — 99, 240, 246, 265, 276, 376.
Академическій гражданинъ — 23, 25, 55, 56, 220, 390.
Академія Духовная — 431.
Академія Наукъ (С.-Петерб.) — 129, 155, 157, 258, 303, 310, 314, 378, 379, 399.
Академія Художествъ — 43, 449.
Acta Лейпцигскаго универ. — 422.
Акты — 166.
Аландскіе острова — 381, 382, 397, 401.
Александръ I — 12, 25, 26, 35, 47, 51, 53, 71, 82, 92, 95, 101, 102, 123, 132, 134, 135, 140, 142, 143, 146, 147, 152, 157, 158, 164, 166, 167, 183, 188, 189, 210, 213, 216, 221, 227, 235, 236, 241, 244, 265, 270, 303, 307, 308, 309, 310, 311, 314, 317, 319, 342, 347, 350, 352, 368, 370, 373, 375, 381, 382, 387, 388, 393, 395, 398, 404, 405, 406, 407, 408, 413, 414, 417, 420, 426, 440, 449, 450, 459, 460, 462, 466, 467, 468, 471, 472, 473, 478, 481, 482, 485, 490, 493, 494, 498.
Александръ Карловичъ — 269, 272.
Александръ Македонскій — 184, 187.
Александръ Невскій — 193.
Александръ Тверской — 193.
Алексѣевъ, сенаторъ — 380, 382, 384, 481.
Алексѣй — 259.
Алексѣй Михайловичъ, царь — 201, 491.
Алексѣй Ѳедоровичъ см. Мерзляковъ А. Ѳ.
Albergata Capacelli — 275.
Албертранди — 403.
Алипъ — 362.
Аллеманія — 162.
Allgem. Litter.-Zeitung — 470, 488.
Алопеусъ — 121, 309, 311, 385, 392, 398, 472.
Альпійскія горы — 296.
Америка — 161, 162, 246, 265, 396.
Американская война — 209, 210.
Американцы — 127.
Аміенскій трактатъ — 228.
Амстердамъ — 373, 434.
Анатомія — 280.
Анахарсисъ — 26, 466.
Андрюханъ (А. С. Кайсаровъ) — 280, 495.
Англія — 88, 152, 161, 162, 180, 200, 250, 274, 347.
Англійскій король — 81, 85, 89, 99, 152, 227, 228, 230, 274, 300.
Англичане — 41, 152, 196, 206, 209, 214, 216, 344.
Анна Михайловна — см. Соковнина А. М.
Анна Семеновна — см. Аржевитинова А. С.
Анна Ѳедоровна — см. Соковнина А. Ѳ.

Анна, Ярославова дочь — 160, 179, 193, 242.
Антонскій Антонъ Антоновичъ — 9, 21, 28, 31, 45, 56, 70, 120, 128, 146, 170, 267, 268, 326, 328, 341, 344, 345, 433, 459, 460, 466, 468.
Антонскій Викторъ Антоновичъ—267, 326, 333.
Антонскій Михаилъ Антоновичъ — 267.
Антропологія — 348.
Аппенинскія горы — 299.
Апраксина Катерина Владиміровна — 142, 144, 485.
Апраксина Наталья Владиміровна — 141, 142.
Апраксинъ Степанъ Степановичъ — 485.
Арабы — 161.
Аракчеевъ Алексѣй Андреевичъ, гр.—364, 410.
Аржевитинова Анна Семеновна — 326, 383, 391, 411.
Аржевитинова Марья Семеновна — 187, 488.
Аржевитинова Харитина Петровна — 488.
Аржевитиновъ Иванъ Семеновичъ — 372, 376, 377, 395, 402, 411.
Аржевитиновъ Семенъ Владиміровичъ — 59, 97, 206, 326, 366, 383, 435, 488.
Аристидъ — 283.
Аристотель — 187, 277.
Арій — 276.
Арнеманъ — 73, 94, 473.
Архангельскій А. С., проф. — 489.
Архангельскъ — 161, 292.
Архенгольцъ — 390.
Археологія — 69, 115, 116, 209.
Архивъ Вѣнскаго Посольства — 44.
Архивъ (Московскій) Минист. Иностр. Дѣлъ — 130, 142, 178, 225, 244, 332, 335, 368, 372.
Арцыбашевъ Н. — 398.
Асмусъ — 465.
Атласъ — 240.
D'Aubenton — 213.
Аустралія — 99.
Африка — 265.
Афанасьевъ — 269.
Ахматово — 362, 364.
Ашъ, баронъ — 47, 99, 246, 475.
Аѳанасій Михайловичъ — 267, 328.

Б.

Баварскій курпринцъ — см. Карлъ-Максим.
Баварскій курфирстъ — см. Максимиліанъ.
Баварское курфирство — 123.
Багратіонъ, кн. — 399, 401, 411.
Байеръ (Bayer) — 165, 240, 379.
Баккаревичъ — 408.
Балбекъ — 231.
Балдингеръ — 52, 54, 282.
Балтійское море — 399.
Балудьянскій — 404, 409.
Бамбергъ — 336.
Барклай де-Толли — 410.
Бароци — 340.
Барятинскій, кн. — 397, 399, 468.
Бате — 348.
Батый — 240, 314.
Батюшка — см. Тургеневъ Иванъ Петровичъ.
Батюшковъ К. Н. — 485.
Баузе — 332, 417.
Башиловъ — 430.
Безбородко-Ефремова князя дочь — 345.
Безсоновъ — 467.
Бекетовы — 366.
Беклешевъ — 327.
Бекманъ (Beckmann) — 118, 177, 181, 215, 216, 217, 242, 248, 253, 390, 476, 486.
— сочиненія — 476.
Бекъ — 263, 384.
Бенксъ — 99, 246.
Бересфорде — 386.
Берлинъ — 18, 50, 52, 56, 59, 71, 77, 87, 95, 121, 279, 309, 311, 316, 360, 361, 363, 367, 369, 373, 424, 426, 430, 432, 443, 446.
Бернардинцы — 13.
Бертье — 82.
Бесѣда любителей Россійскаго слова — 436.
Беттлеръ — 420.
Бецкій — 226.
Библіотека Ватиканская — 403.
» Вѣнская — 205.
» Геттингенская — 24, 27, 47, 56, 59, 64, 68, 158, 178, 183, 194, 233, 243, 267, 402, 411, 422, 430, 447.
» Женевская — 236.
» Моск. Унив. — 47.
Библія — 209, 344.
Bieler, Frau — 371.
Бистеръ — 488.
Блудовъ Дмитрій Никол. — 179, 264, 266, 268, 335, 360, 367, 368, 369, 373, 376, 385, 411, 427, 486, 496.
Блудова эпиграмма — 384.
Блуменбахъ (Blumenbach) — 24, 26, 29, 34, 59, 72, 82, 180, 197, 228, 230, 246, 253, 255, 294, 370, 430, 432, 467.
— сочиненія — 24, 246, 253, 370, 476.
Бовденъ — 291.
Богемцы — 306.
Боергавъ — 189, 489.
Болгарія — 342.

Болгары — 342.
Болдыревъ — 380, 382.
Болингброкъ (Bolingbroke) — 37, 265.
Болтинъ — 164.
Бонапарте — 62, 81, 82, 84, 87, 89, 90, 97, 186, 239, 340.
Боннетъ — 195, 196, 242.
Борисъ — см. Тургеневъ Борисъ Петровичъ.
Born — 316.
Ботаника — 48, 226, 227, 241.
Бошнякъ — 178, 180, 182, 187.
Брандъ — 201.
Братъ — см. Тургеневъ Андрей Ивановичъ.
Брауншвейгскій герцогъ — 109, 295, 300.
Брейткопфъ — 464.
Бретань — 161.
Бритты — 161.
Брокенъ — 299, 373, 390.
Брунау — 451.
Булатовъ — 363.
Булгаковъ Александръ Яковлевичъ — 46, 354, 403, 415, 459, 468.
Булгаковъ Константинъ Яковлевичъ — 22, 24, 135, 150, 151, 331, 332, 333, 338, 340, 347, 393, 398, 415, 427, 429, 447, 465, 466, 467.
Булгаковъ Яковъ Ивановичъ — 39, 58, 189, 327, 378, 393, 398, 467.
Булгаковъ — 355.
Булгаковы — 402, 403, 406, 410, 411, 413, 414.
Буле (Buhle, Boule), проф. — 23, 27, 38, 40, 59, 60, 61, 65, 67, 69, 73, 77, 128, 172, 177, 180, 186, 192, 193, 200, 201, 204, 207, 209, 210, 214, 216, 217, 232, 233, 247, 248, 265, 274, 276, 277, 307, 316, 330, 332, 471, 486.
— сочиненія — 45, 277.
Бунина-Вельяминова Наталья Афан. — 487.
Буринскій — 50, 469.
Бутацъ — 61.
Бутервекъ (Bouterwek), проф. — 25, 27, 40, 65, 66, 69, 77, 114, 120, 178, 180, 184, 191, 200, 203, 204, 206, 211, 212, 217, 232, 233, 234, 237, 247, 265, 267, 273, 274, 276, 277, 391, 421, 446, 471, 486, 487.
— сочиненія — 40, 183, 267, 268 273, 277, 373, 422, 468, 487.
Бутырскій — 434, 435, 438.
Буше — 420, 421.
Бычковъ И. А., изд. Писемъ Жуковскаго — 465, 484, 495.
Бѣлевъ — 447.
Бѣлоруссія — 9.
Bühler — 334.
Бюффонъ — 29, 467.
Büsch — 446.

В.

Вагеманъ — 432.
Вадимъ Новгородскій — 159.
Валахія — 401, 403.
Валь — 207.
Вальдекъ, гр. — 108.
Варвара Алексѣевна 267.
Warneburg — 247.
Варро — 166.
Варшава — 15, 16, 51.
Варяги — 164, 166, 352.
Васильевъ, гр. — 458, 480.
Василій Васильевичъ — 53.
Василій Дмитріевичъ — 267, 328.
Василій Ивановичъ — см. Фрейгангъ.
Василій Сергѣевичъ — 363.
Василій Степановичъ — 40, 43, 45, 95, 112, 173, 183, 270, 272, 365, 443, 467, 468, 487.
Василій, поваръ — 383.
Везеръ, рѣка — 109.
Вейдемееръ — 415.
Вейденгамеръ — 378, 413.
Вензлеръ — 263.
Веймаръ — 177, 263, 269, 393, 397, 416, 420.
Веймарскій герцогъ — 263.
Вейсе — 31, 101, 467.
Weichsel, рѣка — 314.
Венгеровъ — 494.
Венгрія — 290, 342, 347.
Венгерцы — 153, 180, 255, 301.
Венеція — 340.
Вено — 381.
Верденфельсъ гр. — 127.
Веселовскій А. Н. — 486, 487.
Вестминстерское аббатство — 196, 200.
Вестфалія — 378.
Вешкайма, дерев. — 366.
Византія — 166, 202, 203.
Византійцы — 321.
Византійскіе лѣтописцы — 163, 164.
Викторъ Антоновичъ — см. Антонскій. В. А.
Виландъ — 263, 420.
Виллarсъ — 412.
Villers — 187.
Wilhelm, курфюрстъ Кассельскій — 77.
Вильгельмъ Завоеватель — 161.
Вильгельмова высота (Wilhelmshöhe) — 76, 79 80, 218, 223.
Вильно — 326.
Виндзорскій лугъ — 195.

Виртембергъ — 83, 109.
Вирцбургъ — 121, 124, 171, 278, 279, 280, 281, 336.
Wischnitzer — 465.
Виѳанія — 328.
(La) vie de Fred. II roi de Prusse — 239.
(Les) vies de saint pères du desert — 77.
Владиміръ Святой — 100, 162, 163, 165, 166, 201, 202, 203, 235, 351.
Владиміръ, поэма — 164.
Владиміръ, гор. — 34.
Владиславлевъ — 361.
Волга — 6, 181, 294, 305, 314, 363, 366.
Воейковъ Александръ Ѳедоровичъ — 135, 266, 276, 343, 425, 430, 447.
Военный Журналъ — 421.
Воиновъ Иванъ Павловичъ — 43, 94, 101, 153, 172, 178, 181, 192, 215, 273, 279, 281, 289, 305, 342, 353, 371, 427, 458, 470, 473.
Волковъ — 4.
Волковъ Иванъ Васильевичъ — 379.
Волконскій Никита — 403.
Вологда — 279.
Волохи — 342, 347.
Волынская лѣтопись — 398, 399.
Вольтеръ — 127, 236, 265, 294.
Вольфъ — 219, 403, 491.
Воробьевы горы — 203, 245, 273, 328.
Воронцовъ — 184, 485.
Врисбергъ — 227.
Вронченко — 360, 376, 380, 382.
Вундерлихъ (Wunderlich) — 177, 371, 376, 390, 486.
Вышній Волочекъ — 6.
Вѣна — 22, 24, 25, 29, 40, 41, 44, 46, 49, 51, 88, 111, 123, 135, 141, 150, 151, 153, 155, 168, 169, 170, 171, 172, 179, 188, 189, 191, 194, 198, 206, 230, 234, 268, 281, 318, 325, 327, 329, 331, 332, 338, 343, 344, 348, 370, 372, 414, 415, 418, 421, 434, 437, 438, 448, 452.
Вѣстникъ Европы — 50, 51, 73, 83, 86, 89, 92, 94, 98, 101, 124, 156, 158, 159, 227, 229, 249, 302, 304, 368, 371, 375, 377, 388, 390, 392, 393, 402, 418, 419, 467, 470, 473, 474, 475, 476, 483, 486, 490, 491, 494, 495, 496.
Вяземская кн. — 485.
Вяземскій кн. — 491, 493.
Вяземы, село — 5.
Вязьма — 6.
Вятская коммиссія — 132.

Г.

Гавриловъ — 348.
Гаврюшка — 383.
Гагаринъ Григорій Ивановичъ, кн. — 22, 24, 55, 90, 135, 150, 189, 190, 191, 194, 230, 237, 325, 343, 392, 393, 412, 432, 437, 452, 465, 466.
Гайденъ — 182, 183, 201, 266, 268, 269, 487.
Гайнбергъ, гора — 290, 373.
Гайне — см. Гейне.
Haquet's Slaven — 329.
Галберштатъ — 113.
Галлеръ — 84, 227, 474.
Галлъ — 193.
Галь — 197, 198, 233, 490, 493.
Гамбергерова книга — 230.
Гамбургъ — 73, 93, 413.
Гамбургскія газеты — 34, 42, 43, 46, 138, 488.
Гаммель — 108, 109.
Hanau — 316.
Ганзейскіе города — 290.
Hanka — 306.
Ганнибалъ — 191.
Ганкенштейнъ — 307, 330.
Ганнеманъ — 363, 386.
Ганштейнъ — 252, 290.
Hanchen — 275, 276.
Ганноверъ — 82, 85, 109, 120, 127, 152, 228, 295.
Ганноверская армія — 85, 151.
Ганноверскіе граждане — 83.
Ганноверскіе солдаты — 96, 239.
Ганноверскій домъ — 227.
Ганноверскій курфирстъ — 152, 295.
Ганноверскія владѣнія — 62, 82, 84, 120, 151, 199, 219, 227.
Ганноверское правительство — 58, 61, 73, 82, 85, 220.
Ганноверцы — 85, 120, 152, 180, 220.
Гаральдъ Храбрый — 160, 242.
Гарстигъ — 293.
Гартвигъ — 263.
Гарцъ — 111, 112, 113, 119, 212, 266, 289, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 298, 299, 301, 373, 377, 380, 390, 412, 448, 450.
Гаттереръ — 248, 341, 351.
Гебарди — 403.
Геде (Göde) — 401, 446.
Гедиковъ Журналъ — 348.
Геймъ Иванъ Андреевичъ — 17, 22, 25, 34, 90, 106, 120, 128, 205, 207, 265, 418, 463.
Heidneke — 391.

Гейне (Heyne), проф. — 26, 41, 69, 77, 89, 90, 115, 209, 214, 219, 221, 224, 228, 248, 265, 266, 269, 341, 371, 385, 387, 402, 430, 433, 491.
— сочиненія — 471.
Гейнскцій — 406.
Heinrich d. Kind. — 223.
Гейнрихъ, историкъ — 375.
Геллертъ — 263.
Гельмолдъ — 165, 351.
Гендель — 196, 489.
Геннигъ — 399.
Гено, историкъ — 375.
Географія — 341.
Георгъ III — 89, 246.
Георгъ Ярославовичъ, рус. кн. — 163, 164.
Геренъ (Heeren) — 24, 25, 26, 27, 29, 38, 60, 65, 67, 69, 84, 99, 115, 116, 178, 191, 198, 204, 205, 209, 216, 217, 219, 231, 233, 246, 341, 367, 370, 371, 375, 377, 378, 380, 382, 383, 384, 392, 397, 401, 404, 409, 413, 420, 432, 437, 466, 470.
— сочиненія — 329, 341, 367, 369, 375, 377, 384, 390, 391, 392, 400, 405, 407, 413, 428, 437.
Гердеръ — 263, 276, 348, 420, 487.
Геркулесъ — 76, 79, 80, 218, 222, 223, 228.
Германія — 16, 20, 29, 47, 48, 52, 55, 80, 82, 83, 84, 88, 92, 117, 138, 156, 160, 162, 165, 166, 170, 190, 219, 228, 269, 280, 290, 292, 295, 300, 333, 342, 369, 375, 394, 407, 420, 422, 445, 448.
Германская имперія — 140.
Германская нація — 82.
Германскіе народы — 290.
Германцы — 83, 166, 291, 320.
Германрикъ — 83.
Гернеръ — 84.
Gerraud — 471.
Гершель — 112.
Гессенскій домъ — 77, 223.
Гессенъ-Дармштадскій принцъ — 75.
Гесснеръ — 240.
Гезусъ (Hesus) — 77, 219, 222, 391.
Гёте — 185, 205, 263, 416, 420, 421, 487.
Геттингенскія Вѣдомости (Gött. gel. Anzeigen) — 41, 83, 306, 330, 392, 395, 475.
Гжатскъ — 7.
Гжать — 6.
Гиббонъ — 83, 396.
Гиммель — 226.
Гиперборейцы — 165.
Глинка — 345.
Гмелинъ — 183.
Гоббесъ — 217.
Гогартъ — 139, 425, 485.
Голицынъ — 435, 440, 445.
Голицынъ Александръ Николаевичъ, кн. — 426, 460.
Голицынъ Александръ Федоровичъ, кн. — 460.
Голицынъ Борисъ Владиміровичъ, кн. — 429, 433.
Голицынъ Сергѣй Михайловичъ, кн. — 459, 460, 461.
Голландія — 41, 161, 180, 192, 194, 200, 367, 368, 369, 373, 377, 380, 417, 419, 451.
Голландскій король — 376.
Голохвастовъ — 460, 461.
Голубцовъ — 408.
Гомеръ — 491.
Горацій — 77, 376.
Горенки — 386, 448.
Горислава (Рогнѣда) — 163.
Горихвостовъ — 41, 177.
Горюшкинъ Захаръ Аникіевичъ — 143, 485.
Госларъ — 299, 300, 301.
Государь — см. Александръ I.
Готье — 29.
Готфридъ Датскій — 160.
Гофманъ, проф. — 24, 31, 60, 73, 94, 95, 97, 172, 174, 195, 196, 201, 226, 227, 241, 242, 439.
Грамматинъ — 392, 393.
Грей — 197.
Греева элегія — 235, 494.
Гренъ — 299.
Греція — 122, 351.
Греки — 71, 79, 127, 165, 166, 226, 266.
Грельманъ — 59, 61, 73, 92, 118, 128, 133, 142, 168, 172, 201, 253, 330, 477.
— сочиненія — 476.
Грессетовы піесы — 440.
Григорій Ивановичъ, казн. М. ун. — 279.
Griesbach — 330.
Гродно — 11, 12, 14, 344.
Гротъ, изд. Державина — 481.
Гроцій — 216.
Грузиновъ — 355, 427, 433.
Губаревъ Воинъ Ивановичъ — 84, 88, 190, 264, 266, 268, 333.
Гуго (Hugo) проф. — 320, 378.
Гудовичъ — 405.
Гунны — 166.
Гурьевъ — 349, 408, 413.
Гусятниковъ Александръ Михайловичъ — 337.
Гусятниковъ Алексѣй Михайловичъ — 24, 156,

177, 186, 200, 303, 353, 400, 402, 404, 405, 410, 412, 433, 464, 466, 472, 483.
Гуфеландъ — 8, 461, 462.

Д.

Давидъ — 42.
Далинъ — 160, 162.
Данилевскій А. И. — 395, 400, 416, 438, 446, 448.
Даниловъ — 87, 90, 472.
Дарій — 184.
Дарья Никифоровна — 129, 131, 133.
Двигубскій Иванъ Алексѣевичъ — 8, 13, 52, 54, 94, 101, 104, 119, 153, 182, 183, 192, 279, 282, 332, 340, 342, 344, 348, 353, 371, 427, 439, 446, 448, 450, 452, 458, 459, 460, 461, 469, 473, 497.
— сочиненія — 6, 459, 469.
Делиль (Jacques Delile) — 7, 8, 412, 461.
Денисъ, староста — 279.
Денисъ (Denis) — 90, 474.
Денонъ — 205, 490.
(Le) départ (des acteurs) pour la Russie — 92, 475.
Державинъ Гавр. Роман. — 196, 270, 377, 402, 406, 436, 481, 488.
— сочиненія — 402, 482.
Дерптъ — 360, 363, 427, 432, 435, 439, 443, 444, 449.
Дерптскій университетъ — 402, 418, 435.
Дефонтенъ (Desfontaines) — 250.
Дипломатика — 25, 58, 65, 67, 94, 119, 129, 178, 276, 379.
Дитмаръ — 230, 334.
Дмитріевъ Иванъ Ивановичъ — 327, 328, 333, 335, 345, 347, 348, 388, 408, 410, 412, 413, 417, 435, 436, 449, 452.
— сочиненія — 418, 487.
Дмитрій, арх. Смоленскій — 9.
Дмитрій Донской — 398.
Дмитрій Самозванецъ, траг. — 159.
Днѣпръ — 8.
Добнеръ (Dobner) — 306, 341.
Добровскій (Dobrowsky) — 306, 330, 341, 344.
Добрыня Никитичъ — 74.
Долгорукій князь — 315, 366.
Долгорукіе князья — 316.
Донцовъ — 436.
Донъ Ранудо — 307.
Доротея, пещера — 289, 296, 298, 299, 301, 390.
Дрезденъ — 6, 17, 135, 141, 152, 153, 171, 278, 279, 417, 418, 419, 427, 446.
Другъ Просвѣщенія — 485.
Другъ Юношества — 467.
Дружининъ — 376, 448.
Dryden — 196.
Дунай — 342, 348.
Дурасовъ — 343.
Duret — 347.
Дюрокъ, герцогъ Фріульскій — 61, 470.

Е.

Евреи — 430.
Европа (l'Europe) — 21, 29, 41, 73, 73, 83, 88, 92, 132, 141, 160, 161, 162, 203, 218, 219, 220, 231, 232, 234, 235, 237, 238, 240, 248, 266, 276, 289, 292, 368, 371, 377, 400, 403, 412, 445.
Европеецъ(-ы) — 112, 166, 167, 205, 241, 295.
Европейская нація — 228.
Египетъ — 38.
Египетская пирамида — 215, 231.
Египетскіе жрецы — 14.
Египтяне — 231.
Езопова басня — 85.
Екатерина Великая — 177, 186, 211, 226, 236, 248, 249, 312, 391, 401, 472, 494.
Екатерины Сравнительный Словарь — 471.
Екатерина Павловна В. Кн. — 135, 388, 405, 410, 477.
Екатерингофъ — 388.
Елагинъ — 157, 396.
Елисавета Петровна — 189, 201, 235, 316, 494.
Елизавета Алексѣевна (импер.) — 70, 71, 210, 303, 402.
Ена — 20, 449.
Енайскія газеты — 342.
D'Eok — 250.
(L')esprit de l'histoire — 68.
Euler — 310.
Ефратъ — 166.
Ефремовъ — 489.

Ж.

Жерве — 433, 434, 437.
Жиды — 11, 12, 15, 150, 296.
Жихаревъ — 462.
Жоржъ (Georges) артистка — 371, 406.
Жуковскій Василій Андреевичъ — 22, 78, 99, 107, 113, 114, 135, 154, 170, 179, 180, 181, 182, 184, 195, 211, 235,

236, 251, 253, 254, 263, 265, 266, 268, 269, 270, 271, 272, 284, 326, 330, 332, 333, 334, 335, 338, 347, 362, 365, 367, 374, 375, 388, 390, 402, 406, 407, 411, 425, 429, 430, 431, 433, 436, 439, 447, 459, 462, 463, 464, 465, 468, 469, 471, 484, 487, 490, 494, 495, 496.
Жуковскаго сочиненія — 195, 270, 489.
Журавлевъ — 254, 495.

З.

Завадовскій гр. — 25, 59, 60, 200, 337, 352, 410, 466, 471, 478, 479, 480, 481, 482.
Задонскъ — 339.
Зайцовъ — 222.
Закревскій — 462.
Зальфельдъ — 391, 404.
Замоскворѣчье — 328.
Sanftleben — 347.
Записки Лопухина — см. Лопухинъ И. В.
Запольскій — 491, 492.
Захаровъ — 436.
Зебургъ — 97, 241.
Зейзе — 292.
Зейферъ — 61, 95, 252.
Зибольдъ — 280, 281, 282.
Златоустенскій монастырь — 385.
Злобинъ — 338.
Злобины — 291.
Змѣевъ — 458.
Зноско — 421.
Золотаревъ Ѳедоръ Михайл. — 337, 338, 348, 433.
Золотая Орда — 163, 193.
Зябловскій — 436.

И.

Иванъ Васильевичъ вел. кн. — 166, 395.
Иванъ Васильевичъ Грозный — 157, 166, 318.
Иванъ VI — 201.
Иванъ Калита — 193.
Иванъ Ивановичъ — 14, 101.
Иваньково, дерев. — 139, 343, 344, 427.
Игорь, IV часть Нестора — см. Шлецеръ А.
Иде — 41, 92, 93, 215.
Измайловъ Влад. — 98, 155.
— сочиненія—50, 83, 98, 469, 470, 474.
Измаилъ гор. — 99, 213, 246.
Изяславъ — 163.
Ильинъ — 268.
Илья Муромецъ — 74.
Индія — 187, 246.
Иностранная Коллегія — 22, 119, 124, 141, 148, 155, 377, 397, 427, 452.
Ирландія — 161.
Ирокезцы — 166.
Исландія — 180.
Исландцы — 160.
Исландскія саги — 160, 162.
Исландскія лѣтописи — 160.
Испанія — 161, 188.
Испанцы — 162, 188.
Испанская поэзія — 160.
Исторія — 27, 28, 29, 68, 88, 178, 229, 265, 266, 352, 360, 367, 369, 371, 375, 382, 401, 403, 446.
» важнѣйшихъ переворотовъ въ Европѣ — 24.
» важнѣйшихъ Европ. переговоровъ и трактатовъ — 94.
» всемірная — 115, 116, 206, 210.
» Германская — 300, 373.
» древняя — 25, 27, 29, 65, 67, 183, 206, 273.
» Европейская — 24, 65, 67, 73, 178.
» литературы — 205.
» литературы Богемской — 341.
» мирныхъ трактатовъ — 65, 66, 114, 116.
» Молдавіи — 403, 411.
» монетовѣденія — 119.
» Натуральная — 91, 97, 118, 174, 373.
» Нидерландская — 198.
» новая — 25, 29, 60, 273.
» Польская — 222.
» Пруссіи — 399.
» Римская — 86.
» Русская (Россійская, отечественная) — 21, 28, 32, 38, 39, 44, 66, 73, 83, 86, 91, 95, 100, 129, 132, 133, 135, 143, 155, 156, 158, 159, 163, 164, 166, 169, 172, 188, 199, 201, 203, 211, 225, 229, 230, 236, 242, 249, 253, 265, 273, 278, 303, 306, 316, 327, 330, 335, 346, 348, 352, 362, 391, 396, 403, 404, 429.
» Россійской іерархіи — 396.
» Смоленска — 395.
» сѣв. государствъ — 24.
» Тридентскаго Собора — 422.
» Церковная — 422, 431.
l'histoire secrète de Cath. II — 239.
Историческій классъ Акад. Н. — 129, 157, 303, 318.

Истринъ В. М. — 475, 489, 491.
Италія — 77, 118, 123, 126, 135, 141, 166, 191, 249, 281, 338, 407, 429, 432, 434, 438, 447, 448.
Итальянская поэзія — 160.
Ифландъ — 270.
Jahrbücher der Baumannshöhle.... — 394.
Identia della lingua jllirica — 347.
Іезуиты — 360.
Іезуитскій монастырь — 13.
Іоаннъ, кор. Англійскій — 195.
Iohanna (Орлеанская дѣва) — 263.
Іоаннъ, епископъ — 165.
Іогель — 340.
Іогель m-elle — 340, 345.
Іорданъ, истор. — 165.

К.

Каблуковъ — 444, 446, 448.
Каверинъ Павелъ Петровичъ — 435.
Каверинъ Петръ Павловичъ — 418, 419, 420, 421, 423, 424, 427, 429, 431, 435, 440, 444, 447, 449, 452.
Кавказъ — 240.
Казанская Коммиссія — 132.
Кайсарова Наталья Васильевна — 35, 46, 54, 59, 62, 94, 114, 123, 126, 127, 259, 266, 267, 277, 325, 326, 327, 332, 333, 339, 340, 343, 344, 347, 352, 355, 416, 418, 492.
Кайсаровъ Андрей Сергѣевичъ — 15, 19, 28, 31, 59, 68, 70, 90, 91, 94, 103, 104, 114, 123, 146, 169, 170, 171, 172, 182, 185, 187, 189, 200, 206, 207, 211, 251, 254, 259, 266, 267, 279, 280, 289, 308, 312, 370, 371, 380, 383, 384, 388, 398, 402, 410, 411, 416, 418, 420, 421, 426, 427, 429, 430, 431, 432, 433, 435, 439, 444, 445, 446, 447, 449, 455, 458, 462, 463, 467, 470, 471, 476, 478, 482, 483, 487, 488, 494, 496.
— сочиненія — 330, 345.
Кайсаровъ Михаилъ Сергѣевичъ — 59, 84, 90, 200, 274, 277, 326, 337, 344, 347, 349, 350, 354, 380, 402, 406, 411, 416, 418, 426.
Кайсаровъ Паисій Сергѣевичъ — 3, 325, 344, 347, 350, 402, 447.
Кайсаровъ Петръ Сергѣевичъ — 84, 90, 190, 268, 274, 288, 333, 334, 345, 349, 350, 352, 366, 402, 411, 416, 418, 475.
Кайсаровы — 16, 31, 35, 46, 59, 208, 266, 277, 327, 329, 344, 492.
Какерлаки — 294.
Calanus — 187.
Календарь Музъ — 490.
Калка — 184.
Калкау — 48, 49, 50, 52, 56, 59, 95, 98, 101, 184, 185, 189, 191, 193, 201, 236, 332, 371, 473.
Калигула — 54.
Каменскій, главнокоманд. — 399, 411, 418.
Каменскій Николай Николаевичъ, начальн. А. М. И. Д. — 130, 468, 477, 479.
Каммереръ — 241.
Кампенгаузенъ — 408.
Канибалы — 219.
Кантъ — 17, 183, 186, 217, 224, 267, 268.
Канутъ Великій — 162.
Каппель — 73, 94, 133, 172, 473.
Карамзинизмъ — 14.
Карамзинъ Николай Михайловичъ — 31, 34, 63, 74, 79, 83, 86, 101, 102, 135, 142, 145, 147, 156, 188, 243, 288, 305, 307, 320, 327, 332, 335, 337, 341, 342, 345, 348, 362, 366, 368, 369, 371, 376, 384, 396, 398, 402, 410, 464, 467, 474, 475, 483, 484, 485, 489, 491.
— сочиненія—63, 83, 86, 101, 145, 159, 362, 395, 402, 410, 463, 469, 474, 488, 489.
Карамзинисты — 227.
Карлбергъ — 341.
Карловецъ — 340.
Карлсбадъ — 40, 421, 437.
Карлъ Великій — 80, 160, 161, 222, 320, 396.
Карлъ II — 201.
Карлъ XII — 184.
Карлъ-Максимиліанъ, Баварск. наслѣдн.—123, 124, 126, 127, 128, 133, 135, 138, 140, 253, 255, 278, 477.
Карлъ Простой — 161.
Карнѣевъ Захаръ Яковлевичъ — 4, 6, 10, 11, 12, 13, 380, 382, 384, 417, 458.
Каролина, пещера — 298.
Карпато-россы — 353, 416.
Кассель — 56, 62, 75, 77, 79, 80, 167, 192, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 228, 260, 270, 278, 342, 374, 380, 387, 390, 403, 420, 434, 446, 448.
Кассельскій Курфирстъ — 75, 77, 80, 82, 85, 109, 219, 222.
Кассельскій ландграфъ — 62, 127, 209, 210, 218, 223, 270.
Кассіусъ — 178, 281, 308, 316, 345, 349, 353, 369, 370.

Кастальскій — 393.
Катерина Семеновна — см. Тургенева К. С.
Катеринушки — 191.
Катонъ — 283.
Качановскій — 459.
Quintilian — 199.
Кенигсбергъ — 186, 187, 426.
Кестнеръ — 189, 204, 248, 488, 489.
Keppler — 237.
Кириллъ и Меѳодій — 306.
Кириловъ, студ. — 8.
Китайскій императоръ — 99.
Кирхбергъ — 339.
Кирхгеснеръ — 248.
Киршбаумъ — 127.
Кіевъ — 34, 325.
Кіевскіе граждане — 166.
Клапротъ — 430, 431, 432, 449.
Клаусталь — 295, 299, 301.
Климъ — 348.
Клингеръ — 418.
Клопштокъ — 420, 487.
Ключаревъ Ѳедоръ Петровичъ — 18, 32, 48, 89, 328, 464.
Knigge — 488.
Коваленскій Михаилъ Ивановичъ — 42, 46, 53, 468, 479, 480.
Кодръ — 199.
Козловская кн. — 336.
Козловскій Николай Михайловичъ кн. — 492.
Козловскій Петръ Борисовичъ кн. — 88, 90, 230, 340, 342, 471, 491, 492, 493.
Козодавлевъ — 152, 306, 337, 377, 404.
Колкгуновъ — 425.
Коллегія Иностр. дѣлъ — см. Архивъ Мин. Ин. д.
Kohler — 200.
Колумбъ — 161.
Комиссія Составленія Законовъ — 319, 336, 337, 353, 367, 368, 369, 370, 371, 374, 376, 380, 381, 382, 383, 388, 391, 395, 398, 400, 408, 411, 419, 420, 427, 431, 435, 440.
Коммерція — 173.
Кондильякъ — 274.
Константинополь — 35, 202, 203, 204, 350.
Константинъ Великій — 163, 164, 202.
Константинъ Павловичъ В. К. — 466.
Корбъ (Korb) — 203, 490.
Кордъ — 386.
Кормчая книга — 321.
Korneile — 371.
Коровино, село — 364, 366, 418.
Костогоровъ Михаилъ Дмитріевичъ — 180, 237, 242, 248, 254, 265, 270, 335, 494.
Кохъ — 132, 178, 179, 181, 486.
Коцебу — 92, 185, 210, 263, 270, 382, 399, 464, 465, 487, 488.
— сочиненія — 17, 22, 83, 210, 263, 382, 464, 465, 487.
Кочубей гр. — 39, 338, 467, 475.
Краковъ — 55, 190, 191.
Кранеологія — 233.
Кременецъ — 325.
Кремль — 200.
Криденеръ — 70, 472.
Кроатъ — 224.
Кронштадтъ — 399.
Кроссенъ — 16.
Кругъ — 309, 310, 313, 314, 317, 320, 360, 361, 363, 369, 377, 378.
Крузіусъ — 344.
Крупенниковъ Григорій Прохоровичъ — 13, 21, 31, 34, 43, 45, 56, 81, 128, 147, 462.
Крыловъ — 388, 390.
Крымъ — 13, 142, 336, 451.
Xavier — 475.
Кукъ — 99, 246.
Куницынъ Александръ Петровичъ — 361, 364, 368, 370, 374, 375, 376, 379, 393, 437, 438, 450.
Куницынъ Михаилъ Петровичъ — 370, 377, 380, 387, 393, 404, 409, 411, 437.
Кунцово — 3.
Куракинъ Александръ Борисовичъ кн. — 13, 24.
Куракинъ кн. — 211, 413.
Курляндцы — 243.
Кутузовъ Алексѣй Михайловичъ — 18, 464.
Кутузовъ Михаилъ Илларіоновичъ — 444.
Кутузовъ Павелъ Ивановичъ — 42, 46, 54, 58, 101, 102, 136, 145, 146, 328, 333, 412, 469, 479, 482, 483, 485.
Кусково — 80, 222.

Л.

Лабинскій — 451.
Lalande — 310.
Лангебекъ — 197, 198, 233.
Лангобарды — 342.
Лангштетъ — 22, 27, 178, 191, 199, 486.
Латынь — 7, 157, 274, 275, 318, 407, 412.
Лауенбургское — 85.
Лаура — 184.
Лаутенталь — 295.
Лаухштетъ — 293.

Лафатеръ — 205, 215, 233, 490, 493.
Леве Евг. Август. — 489.
Левенбургъ — 223.
Левекъ — 491.
Ледовитое море — 299.
Лейпцигъ — 10, 15, 16, 18, 20, 28, 31, 42, 45, 48, 49, 56, 71, 77, 111, 135, 141, 151, 152, 153, 168, 171, 172, 174, 192, 194, 206, 208, 220, 224, 252, 263, 267, 268, 269, 270, 273, 277, 278, 305, 325, 329, 333, 338, 343, 344, 350, 361, 396, 412, 416, 425, 433, 436, 437, 446, 448, 450.
Лейпцигская ярмарка — 99.
Лейпцигскіе извощики — 61.
Лейпцигскій банкиръ — 30.
Лейпцигскій театръ — 263, 264.
Лейденъ — 188.
Леклеркъ (Левекъ) — 229.
Лембергъ — 330.
Ленкевичъ — 406.
Леопольдъ I — 490.
Лербергъ — 369, 377.
Лербахъ — 294.
Лербахцы — 295.
Лещинскій Станиславъ — 222.
Ливорно — 421.
Лизета — 337.
Линней — 139, 227.
Липецкъ — 326, 337, 338, 343, 344.
Липицы — 339, 340.
Литература Богемская — 306.
» нѣмецкая — 337, 374, 391, 412, 416.
» русская — 74, 132, 196, 341, 361, 429.
Лифляндія — 315.
Лифляндецъ — 71, 243.
Лихачевъ — 187, 190, 327.
Лихтенбергъ — 243.
Liegnitz — 314.
Ліонъ — 3.
Löwenburg — 76.
Ловсъ — 96, 236.
Логика — 23, 65, 67, 77, 114, 116, 217, 273, 274, 378, 384.
Loder, зять Шлецера — 315.
Лодойска — 222.
Ломоносовъ — 163, 196, 243, 317, 347, 368, 436, 490.
Лонгиновъ — 459, 464.
Лондонъ — 39, 41, 142, 195, 201, 221, 234, 250, 265, 344, 350, 352, 353.
Лондонскій театръ — 74.
Лопухинъ Иванъ Владиміровичъ — 4, 7, 8, 13, 30, 49, 55, 72, 87, 101, 102, 106, 129, 132, 136, 137, 142, 167, 171, 248, 277, 288, 325, 336, 366, 383, 387, 388, 391, 403, 405, 407, 435, 450, 458, 462, 464, 467, 470, 475, 476, 478, 479, 481, 482, 483, 497, 498.
— сочиненія — 59, 132, 405, 459, 462, 469, 470, 478, 497, 498.
Лопухинъ Петръ Владиміровичъ — 4, 7, 8, 11, 13, 15, 17, 21, 24, 26, 30, 33, 37, 41, 44, 49, 53, 60, 64, 68, 74, 78, 79, 85, 92, 96, 97, 106, 113, 120, 126, 132, 136, 142, 147, 149, 150, 168, 190, 224, 245, 325, 336, 410, 475, 476, 482.
Лопухинъ, князь — 382.
Лопухины — 36, 254.
Лубяновскій, Ѳедоръ Петровичъ — 337, 338, 388.
Лувръ — 307.
Лукинъ Александръ Мих. — 482.
Львовъ, акад. — 352.
Любекъ — 126, 131, 168, 172, 266, 309.
Люблинское Палатинатство — 401.
Людовикъ XVIII-й — 186, 194, 198.
Людеръ, проф. — 198, 409.
Лютеръ — 109.
Лютеція — 161.

М.

Магдональдъ — 191.
Магницкій — 274, 408.
Мадридъ — 221, 411, 413, 420.
Мадинова, деревня — 3, 4, 5.
Майеръ — 69, 116, 205, 209, 217, 223, 224, 406.
Македонія — 187.
Максиміліанъ, Баварскій курфюрстъ — 124, 140, 253.
Максиміліанъ, принцъ Нейвидскій — 439, 446, 448, 450, 452.
Максиміліанъ I, импер. — 290.
Малебраншъ — 191.
Малевинскій — 4.
Малиновскій Алексѣй Ѳедоровичъ — 141, 332.
Малороссія — 13.
Малуша — 163.
Мангельсдорфъ — 401.
Маратъ — 194.
Марбургъ — 278, 282.
Марія Ѳеодоровна, импер. — 429.
Марія Павловна, В. Кн. — 389, 390, 393.
Марья Семеновна — см. Нефедьева М. С.

Марковъ Арк. Иван. гр. — 50, 469.
Марсово поле — 279.
Мартенсъ, проф. — 24, 26, 27, 58, 60, 65, 66, 69, 70, 82, 94, 117, 118, 119, 129, 178, 180, 203, 207, 209, 210, 211, 214, 216, 228, 233, 246, 250, 255, 276, 370, 382, 421, 466, 470, 476, 486.
— сочиненія — 382, 466, 471.
Martin A. — 22, 132.
Мартыновъ — 379, 396, 465.
Марѳа Посадница — 83, 86, 159.
Масленниковъ — 363.
Массена — 151.
Массиліонъ русскій — 450.
Математика — 41, 55, 69, 70, 92, 93, 247, 268, 269.
Матушка — см. Тургенева Катерина Семеновна.
Мачинская Баталія — 283.
Мама — 465.
Медико-Хирургическая Академія — 372, 377.
Мейнерсъ — 296, 298, 421.
Мейснеръ — 487, 488, 494.
Mellet — 242.
Мемель — 432.
Менандръ — 165.
Мерзляковъ Алексѣй Ѳедоровичъ — 4, 22, 29, 99, 107, 111, 113, 114, 134, 144, 154, 170, 180, 181, 192, 211, 225, 235, 236, 254, 263, 265, 266, 268, 269, 270, 271, 285, 288, 326, 330, 332, 333, 347, 348, 362, 367, 374, 386, 476, 478, 484, 487.
Меркуловъ — 340.
Метафизика — 17, 23, 65, 67, 77, 114, 116, 217, 250, 274, 378, 384.
Миллеръ, акад. — 303, 310, 399, 404.
— сочиненія — 91, 194.
Миллеръ (Johannes Müller) — 362, 374, 378, 385, 389.
— сочиненія — 384, 389, 413, 420.
Миллеръ О. — 465.
Милоновъ — 392.
Мильтонъ — 301.
Минденъ — 217, 219, 221, 222, 223, 292.
Минералогія — 118, 174, 373.
Минея — Четія — 267.
Минскъ — 4, 6, 10, 12.
Минская губернія — 13.
Минхенъ — 397, 399.
Миссія Баварская — 397.
» Вѣнская — 25, 34, 39, 40, 178, 265, 465.
» Дрезденская — 417, 419.
» Кассельская — 387, 391, 392, 409, 413, 414, 415, 438.
Миссія Китайская — 448.
» Мюнхенская — 399.
» Парижская — 432.
» въ Царьградѣ — 343.
Miscellen der Russ. u. Mongol. Litteratur — 196.
Митава — 360.
Митавскіе Ученые Листки — 373.
Митенька — 4, 7, 14, 17, 21, 24, 26, 28, 33, 50, 54, 56, 59, 60, 64, 207, 458.
Митшерлихъ — 77, 94, 212, 213, 214, 215, 233, 243, 446.
Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ — 225, 244.
Михаилъ Ярославовичъ, князь — 163.
Михаэлисъ — 40, 143, 240, 316, 468.
Можайскъ — 3, 5, 6.
Молдавія — 401, 409, 411, 415, 427.
Монголы — 164, 184, 193, 196, 320.
Монгольское иго — 163, 166.
Montesquieu — 239.
Montfaucon — 306.
Montgolfier — 84, 88.
Montmorin — 239.
Мопертюи — 397.
Мортье — 82, 87, 88, 109, 127, 151, 228, 298.
Москва — 3, 4, 5, 6, 8, 10, 12, 13, 14, 17, 18, 21, 28, 32, 35, 36, 39, 44, 45, 51, 61, 76, 77, 86, 92, 94, 95, 96, 101, 124, 126, 128, 133, 139, 142, 153, 156, 159, 168, 169, 170, 172, 179, 181, 182, 183, 185, 187, 189, 194, 198, 200, 201, 208, 211, 214, 216, 217, 218, 220, 221, 224, 225, 228, 230, 234, 235, 236, 239, 244, 245, 247, 250, 253, 254, 256, 260, 263, 264, 265, 266, 268, 271, 273, 279, 280, 294, 309, 315, 325, 328, 332, 335, 337, 342, 343, 347, 352, 354, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 366, 367, 368, 371, 372, 374, 377, 378, 380, 383, 384, 386, 387, 390, 393, 394, 395, 402, 403, 404, 405, 406, 408, 411, 412, 413, 415, 416, 417, 418, 419, 421, 424, 425, 426, 431, 432, 435, 436, 438, 451, 452.
Московская губернія — 344.
Московскіе купцы — 167.
Московскіе священники — 10.
Московскія Вѣдомости — 164, 330, 332.
Мудровъ Матвѣй Яковлевичъ — 71, 94, 121, 124, 125, 126, 171, 189, 253, 280, 361, 396, 473, 495.
Муравьевъ Михаилъ Никитичъ — 58, 60, 81, 86, 195, 200, 281, 466, 469, 473, 482, 484.
Муррай — 143.
Мурашевъ, извощикъ — 331.
Мусинъ-Пушкинъ, гр. — 211, 313, 320.
Муссини — 424, 443.

Мусульмане — 299.
Мухинъ — 459, 460.
Мушенброкъ — 189, 489.
Мьеръ — 490.

Н.

Надеждинъ — 485.
Наполеонъ — 393, 490.
Наполеоново Уложеніе — 420.
Наполеоновы Законы — 407.
Нарва — 360, 363.
Наталья Васильевна — см. Кайсарова Н. В.
Наталья Петровна, княг. — 485.
Науманъ — 412, 413.
Находкинъ — 19, 77.
Неаполь — 350.
Невзоровъ Максимъ Ивановичъ — 4, 5, 9, 13, 15, 19, 21, 28, 30, 31, 35, 39, 43, 45, 47, 52, 56, 63, 68, 81, 95, 101, 102, 111, 113, 126, 147, 149, 156, 170, 206, 330, 333, 467, 495.
— сочиненія — 30, 39, 111, 126, 302, 330, 467, 469, 470.
Нева — 363, 429.
Невскій монастырь — 205, 288.
Негедли — 341, 345.
Негры — 294, 295.
Нееловы — 369.
Нейвидскій принцъ—см. Максимиліанъ.
Нейманъ — 382.
Неплюевъ Семенъ Александровичъ — 482.
Нептунова пещера — 79, 223.
Нерденъ — 291.
Нессельродъ (-де) — 432, 433, 434, 437, 452.
Несторъ — см. Шлецеръ А.
Нефедьева (Качалова) Марья Семеновна — 4, 99, 131, 269, 272, 488.
Ніагарскій водопадъ — 215.
Никифоръ, дьяконъ — 9, 10, 50, 211.
Николай Лукьяновичъ — см. Яковлевъ Н. Л.
Николаша — см. Тургеневъ Николай Ивановичъ.
Нилъ — 166.
Новгородъ — 159, 162, 380.
Новгородскій князь — 163.
» посланникъ — 162.
Новгородцы — 162.
Новиковъ — 91, 330, 494.
Новосильцевъ Александръ Петровичъ — 415.
Новосильцевъ Николай Николаевичъ — 101, 129, 134, 141, 154, 155, 307, 309, 310, 314, 327, 334, 336, 337, 340, 342, 344, 352, 353, 469, 370, 376, 377, 382, 388, 393, 396, 398, 408, 409, 412, 421, 431, 458, 464, 475, 479, 480, 482, 483, 485, 496, 498.
Номады — 204.
Норвегія — 138, 160.
Нордгеймъ — 291.
Нормандія — 160, 161.
Норманскіе рыцари — 161, 162.
Норманцы — 160, 161, 162, 320.
Носилова — 387.
Нѣманъ — 13.
Нѣмцы — 16, 29, 35, 40, 41, 44, 68, 72, 78, 79, 82, 83, 84, 85, 96, 117, 124, 128, 132, 181, 186, 196, 206, 219, 220, 224, 239, 246, 263, 265, 274, 291, 306, 330, 351, 352, 354, 375, 445.
Нѣмецкая конституція — 82, 85.
Нѣмецкіе графы — 29, 180.
» князья — 73, 82, 83, 85, 124, 228, 253.
Нѣмецкій императоръ — 203.

О.

Общество Дружеское Ученое — 132.
» Естествоиспытателей (Моск.) — 452.
» Историческое русское — 309, 335, 348, 369, 377, 395.
» Натуральной исторіи (Моск.) — 348, 439.
» Повивальное (Геттинг.) — 127.
» Статистическое (Русск.) — 312, 348.
» Физико-медицинское (Моск.) — 348.
» Человѣколюбивое — 437.
» Яблоновское — 317.
» Ученое (Геттингенское) — 40.
Овидій — 161.
Овцынъ — 405.
Одесса — 343.
Озеровъ — 402, 458.
Озерецковскій Н. Я., проф. — 91, 475.
Озіандеръ — 73, 124, 126, 260, 278.
Олегъ, кн. — 163, 221.
Олегъ, 4-я часть Нестора — см. Шлецеръ А.
Оленинъ — 421.
Олеша Поповичъ — 74.
Оливьери — 378.
Ольга, княгиня — 187, 351.
Ольга, 5-я часть Нестора — см. Шлецеръ А.
Ольденбургскій принцъ — 388, 477.
Ольмюцъ — 325, 347, 350.
Оникмевъ — 366.
Опицъ — 264, 270.
Орелъ — 325, 344.

Орловъ — 369, 372, 375.
Оссіанъ — 90, 475.
Остерманъ Иванъ Андреевичъ — 405.
Остерманъ Ѳедоръ Андреевичъ — 50, 141.
Остероде — 112, 291, 292, 293.
Остиндія — 383.
Отагайти — 242.
Отто I — 351.
Офенъ — 336, 348.
Офросимовъ — 363.
Очаковъ — 213.

П.

Павелъ I — 218, 222, 270, 458, 459, 464.
Павелъ Якимовичъ — 329.
Pagi — 379.
Паглиновскій — 361.
Палласъ — 471.
Пальмира — 231.
Пансіонъ — см. Университетскій Благор. Пансіонъ.
Папанекъ Георгій — 164.
Папскій дворъ — 403.
Папстъ — 452.
Парижъ — 3, 39, 41, 50, 53, 63, 92, 94, 118, 123, 125, 128, 129, 132, 133, 135, 141, 150, 155, 157, 169, 171, 192, 221, 233, 234, 235, 250, 265, 281, 305, 307, 318, 387, 392, 407, 412, 416, 420, 432, 433, 434, 437, 438, 444, 446, 447, 448, 451, 452.
Парижская Академія — 132.
Патріотъ (журналъ) — 155.
Педагогическій Институтъ — 352, 377, 379, 397, 404, 436, 439.
Пелигвантоглу-паша — 418.
Пелузъ — 386.
Переплетчиковъ Иванушка — 59.
Періодич. Сочиненіе объ успѣхахъ Нар. Просв.— 155.
Перунъ — 164.
Петербургъ — 21, 31, 48, 55, 56, 57, 59, 63, 72, 80, 92, 99, 101, 111, 129, 133, 135, 148, 168, 171, 172, 184, 187, 188, 190, 191, 194, 200, 201, 205, 206, 208, 211, 214, 221, 222, 230, 234, 236, 241, 247, 248, 250, 256, 266, 268, 271, 272, 275, 277, 279, 280, 288, 309, 311, 312, 315, 316, 319, 326, 327, 328, 329, 332, 334, 335, 336, 337, 338, 340, 341, 344, 345, 348, 349, 352, 353, 361, 363, 369, 381, 382, 384, 385, 386, 387, 388, 393, 394, 399, 407, 415, 416, 417, 423, 425, 432, 435, 438, 445, 451.
Петербургскія Вѣдомости — 399.
Петинъ Иванъ Александр. — 147, 485.
Петрарка — 184.
Петровъ, купецъ — 260.
Петровъ — 284.
Петруша — 147.
Петръ Великій — 7, 109, 133, 160, 166, 183, 184, 198, 200, 201, 203, 204, 221, 234, 236, 243, 248, 249, 303, 391, 394, 401, 411, 490, 493, 494.
Петръ, слуга — 20.
Pictel — 198.
Пилецкій — 178, 191, 353, 486.
Пиллегрини — 329.
Пирмонтъ — 96, 108, 109, 238, 293, 338.
Пирмонтецъ — 139.
Пирмонтскій графъ — 139.
Писемскій (Масоны) — 486.
Погодинъ (Карамзинъ) — 475, 484.
Познань — 16.
Полибій — 164, 165.
Политика — 65, 67, 69, 70, 80, 83, 94, 115, 118, 173, 209, 217, 224, 247.
Политическая Экономія — 352, 397, 404, 413.
Политковскій — 91, 404, 406, 475.
Полоцкъ — 163.
Полтавскій день — 241.
Померанія — 411.
Понжераръ (Ponscherat, Pongerard) — 25, 27, 220, 250, 379, 404, 466.
Польша — 16, 82, 391, 401, 421.
Польскій король — 13, 360, 403.
Поляки — 200, 360, 401.
Пономаревъ — 474.
Попелахинъ — 459.
Порошинъ — 490.
Посольство — см. Миссія.
Поспѣловъ — 363.
Потемкинъ кн. — 8.
Потоцкій, истор. — 239, 329.
Потоцкій, сенат. — 380, 382, 481.
Пламидъ, жрецъ — 164.
Платнеръ проф.—17, 20, 193, 217, 263, 264, 267.
— сочиненія — 263, 463, 495.
Платонъ, митр. Моск. — 101, 121, 122, 135, 316, 328, 333, 420, 457, 484, 485.
— сочиненія — 167, 316, 333, 495.
Плессы, замокъ — 26, 205, 207, 247, 290, 466.
Плутонова пещера — 76.
Право Государственное — 118, 123, 174, 240, 371, 375.
» Народное — 69, 70, 94, 114, 116, 173, 209, 216, 471.

Право Натуральное (естеств.) — 70, 173, 209, 216, 371, 375.
» Римское — 71, 371, 382, 400, 406, 407
» Русское — 313.
Права теорія — 420.
Прага (предмѣстье Варшавы) — 15.
Прага — 135, 141, 151, 153, 200.
Прозерпина — 76.
Прозоровскій кн. — 401.
Прокопій — 165, 166.
Прологъ — 31.
Протасовъ — 406, 422.
Прокоповичъ-Антонскій — см. Антонскій А. А.
Прокоповичъ, студентъ — 13.
Пруссія — 48, 399, 431.
Прусская королева — 210.
Прусскій король — 17, 62, 186, 187, 296, 300, 378.
» курфюрстъ — 160.
Прусаки — 62, 374.
Прутъ — 401.
Пуффендорфъ — 217.
Пушкинъ гр. — 355.
Пушкинъ гр. — 395.
Пушкинъ Вас. Львовичъ — 418, 440.
Пюттеръ проф. — 26, 214, 490.

Р.

Радамантъ — 283.
Радегатъ — 165.
Разговоры о древностяхъ Новгорода — 396.
Разумовская гр. — 427.
Разумовскій Андрей Кирил., гр. — 34, 40, 44, 312, 315, 468.
Разумовскій гр. — 378, 386, 410, 412, 448, 452.
Раммельсбергъ, гора — 300, 301, 390.
Рандъ — 387.
Расинъ — 402.
Рахмановъ Петръ Александровичъ — 169, 260, 269, 305, 306, 421.
Ревель — 399.
Регенсбургъ — 85, 340, 393.
Рейнгардъ — 422.
Рейнъ — 314, 377, 380, 444, 448.
Рейнскій водопадъ — 215.
Reise Collegium — 118, 279.
Ремеръ — 384, 401.
Ренанъ — 448.
Репнинъ Николай Васильевичъ кн. — 8, 12, 58, 189, 283.
Репнинъ кн. — 380, 381, 383, 387, 389, 391, 393, 397, 403, 409, 410, 411, 413, 415, 420.
Ретрскій храмъ — 165.
Reuss — 470.
Рига — 126, 168, 309, 348, 359, 360, 363.
Гимляне — 82, 166, 227, 291, 342, 371.
Римскій императоръ — 31.
Римъ — 83, 161, 204, 340, 420.
Римникъ — 437.
Ritter — 379.
Рихтеръ, проф. Моск.— 74, 332, 345.
Richter, проф. Геттинг. — 182.
Робеспьеръ — 194, 198.
Робертсонъ — 355, 396.
Родзянка Семенъ Емельяновичъ — 84, 87, 227, 265, 267, 268, 274, 277.
Родіоновы — 366.
Розенкампфъ — 310, 314, 320, 337, 369, 370, 371, 376, 377, 378.
Рольфъ (Роллъ) — 161.
Ропша — 360.
Росси — 375, 379.
Россія — 4, 9, 13, 14, 21, 22, 29, 32, 44, 55, 56, 59, 64, 65, 69, 71, 73, 85, 91, 92, 95, 96, 99, 102, 109, 111, 117, 119, 121, 123, 128, 129, 132, 133, 143, 146, 150, 152, 155, 156, 157, 160, 164, 166, 167, 168, 169, 170, 188, 191, 193, 199, 201, 203, 225, 227, 228, 229, 234, 238, 243, 244, 246, 247, 249, 265, 273, 292, 306, 308, 310, 312, 313, 317, 318, 333, 342, 344, 347, 351, 367, 372, 376, 382, 386, 387, 388, 397, 399, 404, 405, 409, 416, 433, 439, 440, 448, 450.
Россійская имперія — 24.
Рослагенъ — 162.
Рубанова надпись — 249, 494.
Румянцевъ графъ, Министръ — 248, 304, 308, 309, 311, 314, 388, 392, 398, 418, 471, 472, 473.
Русалка (Donau weibchen), опера — 333.
Русь — 35, 54, 127, 136, 179, 181, 184, 234, 267, 277, 343, 370, 393, 434.
Русская Правда — 73, 310, 313, 395, 473.
Русскіе государи — 226.
Русскіе князья — 352.
Русскіе студенты — 180, 289.
Русскія лѣтописи (R. Annalen) — 157, 158, 317, 327.
Русское государство — 38, 65, 160, 161, 162, 203.
Руссо — 226, 236, 250, 299.
Рюдигеръ — 341.
Рюмины — 291.
Rühs, адъюнктъ — 313.
Рюрикъ — 159, 161, 162, 190, 239.

Рязань — 343.
Рязанская губ. — 344.
Рёрекръ — 162.

С.

(De) Sade m-me — 184.
Саитовъ Вл. Ив. — 466, 468, 491.
Saint Preux — 236.
Саксонскіе императоры — 300, 373.
Саксонскія войска — 17.
Саксонцы — 160.
Сандуновъ, проф. — 459, 460.
Сандуновъ, артистъ — 468.
Саратовъ — 326, 411.
Сарматы — 165.
Сарторіусъ — 167, 371, 383, 406, 407, 412, 416, 419, 420, 421, 425, 444.
— сочиненія — 383, 384, 404.
Свѣчина Марья Николаевна — 184, 487.
Святополкъ I — 100, 163.
Святославъ, 5-я часть Нестора — см. Шлецеръ А.
Семенъ Владимировичъ — см. Аржевитиновъ С. В.
Семиключевка, дер. — 364.
Семилѣтняя война — 296.
Сенатскія Вѣдомости — 388.
Сербина — 341.
Сербы — 338.
Сережа — см. Тургеневъ Сергѣй Ивановичъ.
Сибирь — 246, 294.
Сиверсъ, гр. — 308, 354, 398, 404, 406, 419, 420, 426, 432, 433, 444.
Сиггейръ — 162.
Силистрія — 418.
Симбирскъ — 8, 181, 198, 362, 363, 364, 366.
Синеусъ — 162.
Синопсисы — 91.
Скандинавскіе народы — 160.
Скиѳы — 165.
Skiadan — 279.
Сковорода — 13.
Славяне — 164, 165, 202, 306, 320, 342.
Славянофилы — 418.
Смирдинъ, издатель — 463, 464, 467.
Смирновъ, помѣщ. — 4, 5.
Смитъ — 91, 406.
Смоленскъ — 6, 7, 8, 9, 10.
Снѣгиревъ — 348, 459.
Соковнина Анна Михайловна — 190, 486, 487, 488, 489.
Соковнина Анна Ѳедоровна — 13, 39, 187, 190, 228, 264, 272.
Соковнина Варвара Михайловна — 489.
Соковнина Катерина Михайловна — 335, 385, 388.
Соковнинъ Михаилъ Михайловичъ — 327, 332.
Соковнинъ Павелъ Михайловичъ — 328, 332.
Соковнинъ Сергѣй Михайловичъ — 128, 328.
Соковнины — 254, 265, 332.
Соколовичъ Дмитрій Петровичъ — 416, 421.
Соколовичъ Павелъ Петровичъ — 305, 327, 329, 331, 334, 338, 343, 344, 348, 353, 371, 380, 400, 412, 413, 414, 416, 421, 425.
Соколовичъ Романъ Гавриловичъ — 329.
Соколовичи — 351.
Сократъ — 283.
Соломонъ — 231.
Софья Ивановна — 86.
Spectateur du Nord — 471.
Сперанскій Михаилъ Михайловичъ — 367, 368, 369, 374, 377, 382, 388, 391, 395, 398, 407, 408, 412, 413, 414, 416, 420.
Спиноза — 276.
Спиридовъ — 405.
Staatsanzeigen — 473.
Старынкевичъ — 361.
Статистика — 60, 69, 70, 73, 111, 115, 118, 167, 168, 201, 209, 210, 216, 221, 234, 247, 338, 360, 371, 388, 403, 476.
Стейнъ — 282.
Степанъ Андреевичъ — 119, 230.
Стернъ — 274, 291.
Stojkowicz — 305.
Стокгольмъ — 313.
Стратимировичъ, Митроп. Сербскій — 341, 342, 344, 345.
Страховъ Петръ Ивановичъ, проф. — 26, 34, 153, 466.
Строгановъ Александръ Сергѣевичъ гр. — 352, 446, 449, 450.
Строгановъ Павелъ Александровичъ — 361.
Строгановъ, гр. — 333, 433.
Строгановъ, гвард. офиц. — 370.
Струве (Struve) — 373, 392.
Суворовъ — 99, 166, 200, 213, 246, 247, 279, 418.
Суворовъ — сынъ — 437.
Суздальскій кодексъ — 317.
Сулима Павелъ — 44, 88, 103, 156, 177, 197, 206, 289, 293, 305, 334, 335, 341, 350, 353, 354.
Сулима, отецъ — 44.

Сумароковъ — 196.
Суровцевъ — 462.
Сухотины — 264.
Сушковъ — 462.
Сѣвергинъ, проф. — 382, 469.
Сѣверинъ — 429, 452.
Сѣверная Почта — 404.
Сѣверный Вѣстникъ — 308, 345, 485.

Т.

Tableau général de la Russie moderne — 21.
Тайная канцелярія — 227, 229.
Тарасовъ Еф. Ив. — 462, 464, 466, 470.
Татариновъ Николай Ильичъ — 383, 391.
Татариновъ Александръ — 463.
Татарское нашествіе — 292.
Татищевъ — 157, 211, 229, 308, 317, 320, 396, 491.
Тауге — 16.
Тверь — 6, 405, 410, 417.
Тверца — 6.
Теденъ — 282.
Tekely, венг. гр. — 256.
Тепельсгаузенъ (Töpilz-Hausen) — 177, 205, 206, 207, 247, 275, 276.
Технологія — 215, 353.
Техніографія — 367.
Тешенъ — 325.
Тиверій — 165, 191.
Тизенгаузенъ, Ревельскій коменд. — 96, 238.
Тиксенъ — 379.
Тильзитъ — 321.
Тимковскій — 378, 387, 403, 429.
Титово милосердіе, драма — 159.
Титъ Ливій — 204.
Тихонравовъ — 473.
Тмутараканское кн. — 211.
Толстой Петръ Александровичъ, гр. — 480.
Томасъ — 189.
Томашевичъ — 41, 50, 468, 476.
Томсонъ — 266.
Торнео — 397.
Торопецъ — 18, 153.
Торфей, анналистъ — 160.
Транзе — 378.
Трансфельденъ — 219, 222.
Тріестъ — 338, 421.
Троице-С. Лавра — 420.
Трощинскій — 480.
Троя — 159.
Трубадуры — 160.
Труворъ — 162.
Трубецкая, кн. — 4.
Трубецкой Н. Н. — 464.
Туарегъ — 162.
Тукидидъ — 204.
Тукъ — 21.
Тула — 325.
Тургенева Катерина Семеновна — 5, 10, 12, 15, 35, 47, 52, 54, 63, 74, 100, 102, 104, 107, 108, 127, 146, 270, 272, 279, 281, 328, 342, 360, 366, 368, 370, 372, 375, 376, 380, 382, 383, 385, 394, 400, 403, 406, 407, 408, 410, 411, 413, 415, 417, 419, 424, 426, 431, 432, 434, 435, 438, 439, 440, 443, 447, 449, 451, 452, 474, 476, 482, 488, 498.
Тургенева Александра Ивановича сочиненія — 377, 467, 476, 496.
Тургеневъ Александръ Михайловичъ — 330, 334, 335, 340, 343, 352, 464.
Тургеневъ Андрей Ивановичъ — 8, 22, 24, 25, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 53, 55, 59, 70, 71, 72, 86, 87, 88, 89, 101, 103, 105, 106, 113, 117, 135, 144, 145, 154, 170, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 192, 205, 206, 207, 208, 210, 211, 212, 224, 227, 228, 230, 234, 236, 237, 242, 248, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 264, 265, 268, 270, 271, 272, 284, 285, 287, 325, 329, 335, 339, 359, 365, 366, 372, 373, 456, 458, 462, 463, 465, 466, 467, 468, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 477, 479, 480, 481, 482, 485, 486, 487, 489, 491, 492, 494, 495.
— сочиненія — 200, 490, 493, 495.
Тургеневъ Борисъ Петровичъ — 14, 17, 21, 24, 26, 28, 33, 50, 54, 56, 59, 60, 64, 68, 71, 78, 81, 99, 101, 128, 149, 372, 376, 377, 380, 381, 402, 418, 435, 444, 445, 462, 463.
Тургеневъ Иванъ Петровичъ — 137, 157, 265, 268, 269, 270, 271, 272, 277, 280, 284, 285, 289, 305, 307, 313, 318, 325, 328, 329, 331, 332, 335, 336, 340, 342, 345, 346, 349, 350, 352, 364, 365, 366, 455, 456, 457, 458, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 487, 490, 491, 494, 495.
Тургеневъ Николай Ивановичъ — 15, 47, 52, 63, 102, 104, 107, 127, 230, 271, 278, 317, 325, 328, 443, 444, 446, 447, 448, 451, 452, 462, 468, 488, 490, 491.
Тургенева Николая Ивановича сочиненія — 433, 434, 437, 446.
Тургеневъ Николай Михайловичъ — 340, 354.

Тургеневъ Петръ Петровичъ — 18, 198, 326, 364, 365, 462, 463.
Тургеневъ Сергѣй Ивановичъ — 15, 35, 47, 52, 63, 102, 104, 107, 127, 230, 271, 278, 325, 328, 362, 365, 367, 368, 369, 371, 372, 374, 377, 379, 380, 381, 382, 384, 385, 387, 388, 390, 394, 400, 403, 405, 406, 407, 409, 411, 413, 415, 416, 417, 419, 420, 421, 423, 424, 425, 426, 432, 434, 436, 437, 438, 439, 440, 458, 462, 468, 474, 491.
Тургеневъ Сергѣй Матвѣевичъ — 340.
Тургеневъ Ѳедоръ Михайловичъ — 340.
Тургеневы — 141, 181, 340, 434, 440, 458.
Тургенево, деревня — 234, 279, 359, 360, 362, 363, 364, 365, 366, 430.
Турція — 205, 401, 403, 420.
Турецкая армія — 411.
Турецкая война — 189.
Турки — 205, 283, 299, 401, 418, 427, 444, 447.

У.

Уваровъ Семенъ Сергѣевичъ — 412, 416, 420, 421, 422, 427, 431, 436, 439, 443, 448, 449.
Угорская земля — 342.
Университетъ Абовскій — 388.
» Вирцбургскій — 281.
» Геттингенскій — 60, 87, 88, 180, 219, 228, 400, 434.
» Дерптскій — 401.
» Лейденскій — 188, 189.
» Лейпцигскій — 422.
» Московскій — 14, 23, 26, 32, 34, 35, 42, 43, 46, 47, 52, 54, 58, 59, 60, 61, 62, 95, 100, 101, 102, 128, 134, 135, 142, 149, 153, 168, 170, 189, 195, 200, 201, 265, 278, 281, 282, 326, 329, 332, 341, 344, 394.
Университетскій Благородный Пансіонъ—113, 128, 142, 182, 187, 196, 225, 253, 269, 328, 340, 470.
Упландія — 161, 162.
Успенскій Максимъ — 6, 8, 18, 19, 20, 28, 42, 45, 59, 71, 77, 111, 153, 179, 189, 219, 458, 459, 462.
Утренняя Заря — 196, 485, 487, 490, 494.

Ф.

Фалконетъ — 248.
Федеръ — 217.
Федра — 406.
Фенелонъ — 284.
Ферней — 127.
Феслеръ — 431.
Физика — 10, 24, 69, 114, 116, 209, 217, 348, 353.
Филаретъ, арх. — 450.
Филиса — 371.
Философія — 24, 38, 60, 65, 67, 69, 114, 116, 173, 200, 211, 217, 234, 247, 276, 370, 375, 382.
Финансы — 413, 419, 420.
Vynkt — 198.
Финляндія — 382, 385, 397, 401.
Финляндская война — 437.
Финны — 162.
Фишеръ — 165, 385, 397, 411, 430.
Fischer — 351.
Фіарилло — 53, 387, 427.
Флассонъ — 438.
Флорида — 162.
Форстеръ — 220, 246.
Фогель — 363.
Фоксъ — 369.
Фонвизинъ П. Ив. — 480.
Франклинъ — 97, 195.
Франція — 69, 75, 97, 161, 167, 179, 180, 186, 193, 194, 226, 237, 238, 239, 242, 391, 392, 405, 407, 445, 448.
Французская имперія — 419.
» поэзія — 160.
» революція — 60, 191, 198.
» республика — 81, 84, 97, 200.
Французскій императоръ — 391, 413.
» король — 193, 242.
Французскія владѣнія — 227.
Французское правительство — 89, 151.
Французъ(ы) — 3, 42, 81, 82, 84, 85, 88, 89, 99, 109, 120, 127, 132, 152, 162, 191, 196, 219, 227, 228, 238, 245, 256, 260, 274, 330, 374, 396.
Франки — 160, 161.
Франкская имперія — 160.
Франкфуртъ — 77, 248, 278.
Фридрихсгамъ — 392, 398.
Фридрихъ Великій — 198, 267, 296.
Фридерикъ — 219.
Фрейгангъ Василій Ивановичъ — 22, 23, 124, 151, 177, 199, 201, 210, 211, 212, 247, 310, 337, 341, 353, 465, 490.
— сочиненія — 465, 483, 486.
Фроманъ — 414, 415, 418.
Фульда — 217.

Х.

Ханыковъ Николай Васильевичъ — 417, 418, 419, 420, 424, 427.
Харитонъ Андреевичъ — см. Чеботаревъ Х. А.
Харьковъ — 305, 310.
Харьковская коммиссія — 132, 378.
Хвостовъ Александръ Семеновичъ — 436.
Хвостовъ Дмитрій Ивановичъ — 328, 333, 485.
Хвостовъ, оберъ-прокур. Синода — 480.
Херасковъ Михаилъ Матвѣевичъ — 42, 43, 46, 196, 479.
Херубини — 222.
Химія — 47, 145, 273, 353.
Хирургія — 280.
Chladni — 225.
Chodkiwisch — 396.
Христина Никифоровна — 326.

Ц.

Царско-сельскій Лицей — 439, 450.
Царственный Лѣтописецъ — 34.
Царьградъ — 343.
Цвѣтаевъ, проф. — 326, 330, 355, 376, 413, 459, 460.
Целлерсфельдъ — 295, 299.
Ценслеръ — 161.
Циммерманъ — 487, 488.
Цирихъ — 452.
Цицеронъ — 135, 212.
Zug... nach Ostindien — 383.

Ч.

Чарторыйскій — 421.
Чеботарева С. — 396.
Чеботаревъ Андрей Харитоновичъ — 145, 328, 367, 374, 478, 485.
Чеботаревъ Харитонъ Андреевичъ — 18, 39, 54, 86, 326, 329, 331, 464, 474, 475, 478, 485.
Чекаловскій — 433, 449.
Челищевъ — 86.
Черепановъ Никифоръ Евтропіевичъ — 128, 270, 335, 477.
Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ гр. — 44, 88.
Чети-минея — 384.
Чесма — 213.
Чижовъ — 449, 451.
Чингисханъ — 240.
Чортовъ мостъ — 80, 223.
Чудь — 162.

Ш.

Шаликовъ — 206, 330.
Шатобріанъ — 18, 22, 264, 464.
Шафонскій — 44.
Шаховской — 384.
Шварцъ Иванъ Ивановичъ, консулъ — 17, 18, 19, 20, 21, 22, 28, 30, 42, 43, 45, 48, 56, 59, 77, 99, 151, 152, 182, 183, 189, 192, 206, 325, 331, 338, 344, 350, 361, 380, 381, 396, 425, 450, 451, 463, 464.
Швенфельдъ, бар. — 466.
Швейцарія — 180, 281, 294, 296, 407, 434, 438.
Швейцарскія горы — 215.
Швейцарцы — 75, 84, 180, 362.
Швеція — 162, 247, 383, 397, 401.
Шведы — 360, 370, 397, 401.
Шведскій король — 143.
Шведская провинція — 161.
Шевыревъ, авт. — 459, 462, 466, 469, 477.
Шекспиръ — 200, 263, 464.
Шеллингъ — 280, 281, 282.
Шиллеръ — 20, 185, 193, 263, 267, 269, 342, 344, 420, 487.
— сочиненія — 22, 185, 193, 198, 263, 344, 375, 464, 487, 489.
Шиллингъ, бар. — 397, 399.
Шильдъ, маіоръ — 390.
Шицгаузенъ — 212, 238, 239.
Шишковъ — 384, 436.
Шкловъ — 13.
Шлегель — 465, 488.
Шлецера дочь — 181, 305.
Шлецера жена — 70, 71, 87, 105, 189, 210, 305, 307, 309, 316, 473.
Шлецеръ Августъ (August Ludwig von Schlözer) — 22, 23, 24, 26, 27, 28, 29, 32, 35, 38, 44, 49, 53, 59, 61, 64, 66, 68, 69, 71, 72, 80, 82, 83, 84, 86, 87, 89, 90, 92, 93, 95, 97, 99, 103, 106, 107, 111, 115, 117, 118, 120, 121, 123, 124, 126, 129, 131, 132, 135, 142, 143, 152, 154, 155, 164, 165, 168, 170, 174, 177, 178, 180, 181, 184, 185, 186, 189, 191, 193, 194, 196, 197, 198, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 209, 210, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 221, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 247, 248, 249, 250, 253, 255, 258, 265, 269, 273, 275, 278, 279, 280, 327, 328, 330, 335, 337, 338, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 351, 352, 353, 362, 368, 369, 370, 371, 373, 377, 378, 379, 382, 384, 385, 390, 391, 393, 395, 396, 398, 399,

400, 403, 404, 405, 409, 411, 412, 415, 427, 429, 430, 433, 438, 439, 456, 458, 468, 471, 472, 473, 484, 486, 488, 489, 493, 494.
Шлецера сочиненія — 28, 32, 39, 68, 70, 71, 73, 83, 95, 132, 159, 160, 162, 163, 164, 165, 168, 178, 184, 190, 202, 203, 204, 210, 212, 213, 225, 230, 236, 239, 241, 265, 302, 303, 306, 307, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 320, 325, 327, 329, 330, 337, 342, 368, 369, 371, 376, 379, 384, 385, 389, 395, 397, 402, 405, 409, 411, 412, 413, 466, 471, 472, 474, 476, 486, 491, 493, 494.
Шлецеръ Карлъ — 309, 311, 312.
Шлецеръ Христіанъ — 39, 44, 46, 50, 51, 59, 105, 108, 120, 168, 309, 311, 348, 373, 418, 424, 429, 431, 469, 488, 489.
— сочиненія — 50, 51, 472, 473, 488, 489.
Шмитъ — 404.
Schnurrer — 333.
Шпитлеръ — 384, 404.
Шредеръ — 192, 210.
Шрекъ — 401.
Штединтъ, бар. — 392, 398.
Штедлинъ — 390, 427, 428, 431.
Шторхъ — 397.
Штритеръ — 327.
Штроммъ — 451.
Шуваловъ — 189.
Шуйскій Вас. Ивановичъ, кн. — 244.
Шульцъ — 421.

Щ.

Щекотихинъ — 465.
Щербатовъ — 211, 317.
Щербининъ — 385, 423, 443.
Щупеловъ — 398.

Э.

Эверсъ (Ewers) — 316, 373, 409, 427, 429.
— сочиненія — 369, 427, 429.
Эйлерсгаузенъ — 201, 203, 217.
Эй(ль)снеръ — 410, 413.
Эйхгорнъ (Eichhorn) — 60, 191, 194, 198, 200, 205, 279, 380, 385, 431, 489.
— сочиненія — 385, 387, 490.
Экартсгаузенъ — 21, 22.
Эминъ — 159.
Энгель (Engel) — 70, 87, 303, 346, 403, 408, 472.
Engel Iohann — 252, 495.
Engel, историкъ — 329.
Эрфуртъ — 375.
Эстетика — 25, 65, 66, 114, 116, 265, 267, 273.
Эстляндія — 162.
Этнографія — 99, 209, 246, 371, 392.
Этрурія — 138.

Ю.

Юнгъ — 129, 344.
Юнкерскій институтъ — 353.
Юриспруденція — 250, 337, 342, 353, 382, 407.
Юрій Долгорукій — 221.

Я.

Яблоновскій кн. — 469.
Языковъ — 316, 369.
Якобъ(и), проф. — 419, 420, 435, 449, 450.
Яковлевъ Николай Лукьяновичъ — 4, 19, 30, 31, 46, 81, 149, 183, 325, 458.
Яковлевъ, Кассельскій посл. — 413, 433, 434, 437.
Яковъ — 331, 329, 332.
Яншинъ — 177, 178, 180, 185, 197, 206, 208, 209, 210, 211, 222, 305, 345.
Январій св. — 247.
Ярославъ Владиміровичъ — 193, 242, 320.
Ярыкла, дерев. — 366.
Яуза — 201.
Яценко — 329.

Ѳ.

Ѳракія — 165.
Ѳукидидъ — см. Тукидидъ.

Указатель приписокъ въ письмахъ.

1. Приписки А. С. Кайсарова къ И. П. Тургеневу: стр. 4—5, 9—10, 11—12, 14—15, 15—16, 20, 24—25, 35, 46—47, 52, 54, 62—63, 74, 100, 102, 103—104, 107, 112, 126—7, 136—7, 138—140, 145—6.

2. Письмо И. А. Двигубскаго къ И. П. Тургеневу: стр. 47—48.

3. Приписки И. П. Воинова къ И. П. Тургеневу: стр. 51—2, 57—58.

4. Письма Ал. Ив. Тургенева къ Андрею Ивановичу Тургеневу: стр. 81—84, 87, 90—91.

5. Письма Шлецера къ Ив. П. Тургеневу: стр. 104—5, 107—8.

6. Приписка П. Сулимы къ А. С. Кайсарову: стр. 354.

7. Приписки С. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу: стр. 363, 385—6.

8. Приписки К. С. Тургеневой къ Н. И. Тургеневу: стр. 381, 386.

9. Приписка Каверина къ Н. И. Тургеневу: стр. 423.

10. Приписка А. С. Кайсарова къ С. И. Тургеневу: стр. 445—6.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

		Напечатано:	*Должно читать:*
Стр. 7	стрк. 11	fort	port
„ 41	„ 3	Göttingishen	Göttingischen
„ 60	„ 17	Es leben	Es lebe
„ 73	„ 35	Каннелемъ	Каппелемъ
„ 91	„ 30	Muller	Müller
„ 94	„ 38	напечатанныи	напечáтанной
„ 102	„ 18	членонъ	членомъ
„ 143	„ 25	obbenannten	obgenannten
„ 156	„ 9	серiiозно	серiозно
„ 172	„ 18	Калель	Капель
„ 173	„ 30	adnuc	adhuc
„ 202	„ 16	an pied	au pied
„ 202	„ 28	weisst	weiss
„ 327	„ 8	Бекле[ми]шева	Беклешева
„ 330	„ 36	Ганленштейна	Ганкенштейна
„ 366	„ 26	къ Вешкайму	въ Вешкайму
„ 378	„ 37	beynache	beinahe
„ 387	„ 13	Райда	Ранда
„ 394	„ 38	какъ	такъ
„ 405	„ 13	über der	uber die

Во введеніи: 1) стр. 19, стрк. 11 (сверху) вмѣсто напечат. „Андрей *Ивановичъ* Кайсаровъ“ слѣдуетъ читать: „Анд. *Сергѣевичъ* Кайс.“; 2) стр. 63, стрк. 1, вм. „тѣсно“ слѣд. чит. „точно“.

АРХИВЪ БРАТЬЕВЪ ТУРГЕНЕВЫХЪ.

ИЗДАНІЕ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Выпускъ 1-й. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1808—1811 годы (томъ I). Подъ редакціей и съ примѣчаніями Е. И. Тарасова. СПБ. 1911. Цѣна 3 рубля.

Печатаются:

1) Письма Ал. Ив. Тургенева къ князю П. А. Вяземскому. Подъ редакціей Н. К. Кульмана;

2) Дневники Ник. Ив. Тургенева за 1812—1816 гг. Подъ редакціей Е. И. Тарасова.

Готовятся къ печати:

Письма, дневники и стихотворенія Андрея Ивановича Тургенева.

Цѣна: 3 руб.—Prix: 6 Mrk. 75 Pf.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
И. И. Глазунова и К. Л. Рикмера въ С.-Петербургѣ, Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ, Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ, Н. Киммеля въ Ригѣ, Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ, Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences:
J. Glasounof et Ricker à St.-Pétersbourg, N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna, N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief, N. Kymmel à Riga, Voss' Sortiment (G. W. Sorgenfrey) à Leipsic, Luzac & Cie à Londres.